

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

ISSN 2306-9015

**ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ – XIX**

Материалы чтений, посвященных памяти
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

**INDO-EUROPEAN LINGUISTICS
AND CLASSICAL PHILOLOGY – XIX**

Proceedings of the 19th Conference
in Memory of Professor Joseph M. Tronsky

22–24 июня 2015 г. – June 22–24, 2015

Санкт-Петербург
Наука
2015

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ-XIX (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 22–24 июня 2015 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2015. – 980 с.

INDO-EUROPEAN LINGUISTICS AND CLASSICAL PHILOLOGY-XIX (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Perersburg, 22–24 June, 2015 / edited by Nikolai N. Kazansky. St. Perersburg: Nauka, 2015. – 980 p.

ISSN 2306-9015 Indoevropskoe âzykoznanie i klassičeskaâ filologiâ
ISBN

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

ISSN 2306-9015
ISBN

© Коллектив авторов, 2015
© ИЛИ РАН, 2015
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2015

Д. Е. Афиногенов

ТАК ЗА ЧЕМ ОНА, РУССКАЯ ЗЕМЛЯ?

В «Слове о полку Игореве» дважды встречается слово «шеломя», которое, однако, нужно восстанавливать как «шоломя». Сопоставление с контекстами Ипатьевской летописи и славянского перевода Жития Евфимия Великого, где оно передает греч. κοιλιάς («юдоль», долина = вади) показывает, что точное значение этого слова «высокий, обрывистый берег реки или озера» (возможно «склон оврага»). Перевод Жития несомненно домонгольский и, весьма вероятно, был сделан на Руси в XI–XII в., причем у его автора можно заподозрить визуальное знакомство с Лаврой преп. Евфимия.

Ключевые слова: Слово о Полку Игореве, древнерусские переводы византийской агиографии, Житие Евфимия Великого, шеломя, шоломя.

Пожалуй, каждому школьнику в России знакомо восклицание князя Игоря Святославича Новгород-Северского из Слова о Полку Игореве (далее СПИ): «О руская земле, уже за шеломянемъ еси» (повторяется дважды – с. 10 и 12 Первого издания). К настоящему времени ученые как будто бы пришли к консенсусу относительно того, что эти слова означают: «О, Русская земля, ты уже за холмом (за горизонтом)!». В Энциклопедии СПИ слову «шеломя» посвящена довольно большая статья О. В. Творогова, в которой приводятся и различные другие интерпретации, предложенные за два столетия¹. Наиболее интересной из них выглядит точка зрения А. В. Соловьева, который считал исходной формой «соломя» («соломен»), означающую «пограничный вал» и имеющую соответствие в южнославянском «слѣмя» («гряда невысоких холмов», Соловьев 1968). Между тем, как мне представляется, еще не все данные были должным образом учтены при обсуждении данного вопроса.

Начнем с текстологии. В Первом издании СПИ 1800 г. оба раза употреблена форма «шеломянемъ». Однако в Екатерининской копии в первом случае читается «шоломянемъ». Это мож-

---

¹ Полную библиографию можно найти в этой статье. Здесь приводятся лишь избранные работы.

но было бы счастье опиской, если бы не следующие обстоятельства. Во-первых, в соответствующем месте Задонщины несколько списков упоминают царя Соломона, а это указывает на то, что автор в своем экземпляре с большей вероятностью читал именно «шоломя», которое либо не понял, либо переосмыслил. Во-вторых, Ипатьевская летопись, в которой это слово употребляется трижды в двух контекстах, при всех вариантах неизменно дает в качестве первого гласного «о». Наконец, в самом тексте СПИ в непосредственной близости от «шеломяни» встречается слово «шелом» (возможно, намеренный авторский прием), что очень легко могло спровоцировать правописание по аналогии, тем более что переписчику эти слова, вероятно, представлялись однокоренными. В первом контексте предшествующий и последующий «шеломы» отделены от «шоломяни» ббльшим массивом текста, что и объясняет сохранение исходной формы в Екатерининском списке. Таким образом, «шоломянемъ» по всем критериям представляет собой *lectio difficilior*, из которого и нужно исходить при установлении этимологии рассматриваемой лексемы. Это, в частности, означает, что родство между «шеломъ» и «шоломя» нельзя считать само собой разумеющимся.

Обратимся теперь к Ипатьевской летописи, которая, в отличие от СПИ, казалось бы, предоставляет ситуационно-пространственный контекст. Вот соответствующие пассажи:

(стб. 435)

И тако поиде Гюрги за шолома (Х. П. солома) с полкы своими. Вачьславъ же, Изаславъ и Ростиславъ поидоша по немъ на верхъ ѿзера, хотаче са бити с ни^м. Гюргии же перед нимъ (Х. П. ними) заиде полкы своими за Малгыи Роутецъ и, переида грази, ту же и ста на ночь.

Хлебниковский и Погодинский списки дают чтение «соломя», причем в Ипатьевском списке вначале было написано так же, а потом первая буква переправлена в «ш».

(стб. 635–636)

Наворопници же, перешедше Хороль, взиидоша на шолома, гладающе, кдѣ оузрать ѣ. Коньчакъ же стоялъ оу лоузѣ, его же ѣдоуще по шоломени (Х. П. посольмине) ѿминоуша.

В Хлебниковском и Погодинском списках в первом случае стоит «шомя», причем недостающий слог «ло» приписан другой рукой лишь в Хлебниковском, а во втором вместо «по шоло-

мени» – «посольмине», причем, ввиду окончания «е» вместо «ятя», конструкция с предлогом «по» не восстанавливается.

Из сопоставления двух этих мест можно сделать следующие наблюдения:

1. Речь идет о какой-то детали рельефа, связанной с речным или озерным берегом.

2. На «шоломя» нужно «восходить».

3. «Шоломя» противопоставлено лугу таким образом, что едущие «по шоломени» не видят расположившихся на лугу.

Уже отсюда видно, что простое значение «холм, высота» не вполне применимо. Гораздо более вероятна семантика «высокого обрывистого берега». Переписчику Хлебниковского списка (конец 50-х – нач. 60-х гг. XVI в.), не говоря уже о Погодинском (конец 10-х – начало 20-х гг. XVII в.) интересующее нас слово было непонятно. Более того, судя по первоначальному написанию «соломя» в Ипатьевском списке (около 1425 г.), похоже, что и этот писец бессознательно заменил неясное «шоломя» на более знакомо звучащее слово. Однако при сверке выяснилось, что в протографе все-таки стоит «ш», и в текст внесли соответствующее исправление. Из этого вытекает, что для Ипатьевской летописи написание с «ш» также является *lectio difficilior*, что делает проблематичной аргументацию Соловьева.

В этой заметке мне хотелось бы привлечь внимание еще к одному контексту употребления слова «шоломя», приведенному И. И. Срезневским. Он ссылается (Срезневский 1893. S. v. Шоломя=Шоломя) на рукопись Кирилло-Белозерского собрания XV в., однако тот же самый памятник содержится и в Троицком списке конца XIV в. (РГБ, Троицкий 745 (фонд 304.I), л. 1^{об} – 59)². Это славянский перевод Жития Евфимия Великого, написанного Кириллом Скифопольским (ВНГ 647). Рукопись уникальна тем, что текст в ней подвергся редактированию, но таким образом, что исходный вариант написан обычным полууставом в строке, а поправки – тоже полууставными, но мелкими буквами над строкой (другими, более бледными чернилами). Например, на л. 3^{об} над «тѣшитася и оутѣшитася» надписано: «радуйтася и възвеселитася». Если что-либо вычеркивается, то так, чтобы не повредить читаемости текста. Например, на том же листе: «~~тѣ~~именита», надписано: «много». Хотя редактор

² Высококачественные фотографии рукописи в настоящее время доступны в сети: <http://old.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=1&manuscript=745>.

во многих случаях вносит необходимую правку, к примеру, восполняет пропущенные слоги, из некоторых пассажей ясно, что с греческим текстом он не сверялся (ср. л. 35: подавъ емов + многы дары, греч. ἐφοδιάσας – Schwarz 1939: 53, 1; л. 35^{об}: егда ~~хощеть~~ и якоже хощеть, греч. ὅταν θέλῃ καὶ ὡς θέλει – Schwarz 1939: 53, 25–26). Подобная редактура позволяет понять, какие именно языковые явления воспринимались справщиком как неправильности. В целом создается такое впечатление, что изменения тяготеют к церковнославянской норме. Так, в трех случаях вычеркнуто конечное «л-», чтобы превратить перфект без вспомогательного глагола в аорист (л. 15^{об}: прослыѣ; л. 18об: исповѣдаѣ; л. 37^{об}: съповѣдаѣ), в одном случае к «кр(е)стилься» добавлено «ес(ть) ч(е)л(о)в(ѣ)къ ть» (л. 51^{об}).

Приблизительно перевод можно датировать по передаче греческого звука [i]. Так до XI, а то и до XII в. произносилась буква ѵ и диграф οι (см. Афиногенов 2003; 2010). В нашем тексте мы, в частности, наблюдаем такие написания: мартоурии (л. 37^{об}, 40^{об}, 41^{об}, 43^{об}, 44, 44^{об}, 47), мартурии (л. 41^{об}, 45), мантоурьева (л. 48^{об}). «Мартирий» не встречается ни разу. То же самое с именем Χρῦστος: хровсип(п)ъ (л. 22, 22^{об}, 37, 40^{об}, 46), хрусип(п)ъ (л. 32^{об}, 40), кровсипъ (л. 12). Ср. л. 37^{об}: ωλουμπῖου. Но абсолютно неопровержимый аргумент предоставляют заимствованные существительные с диграфом омикрон-иота: «куновия» (κοινὸβιον, л. 41^{об}) и «ковмитирь / коумитирь» (κοιμητήριον, л. 41, 42, 43, 53, 56^{об}) при одном «в кимитирѣ» (л. 48^{об}). Итак, переводчик произносил οι и ѵ как лабиальную гласную, а стало быть, перевод мог быть только домонгольским. По всей вероятности, это тот самый перевод, которым пользовался Нестор при написании Жития преп. Феодосия Печерского (см. Шахматов 1896; Абрамович 1898).

Однако текст имеет и некоторые признаки русского извода. Выше уже приводились случаи употребления перфекта без вспомогательного глагола, подвергшиеся правке со стороны редактора. Много таких форм, однако, осталось без исправления: «заповѣдалъ» (л. 15^{об}) «покориль» (л. 16^{об}), «поослабилъ» (л. 24), «испросиль» (л. 31^{об}), «посѣтилъ» (л. 32), «сподобиль» (л. 36), «изволилъ» (л. 39), «сотвориль» (л. 40), «заповѣдалъ» (л. 42об), «помиловаль» (л. 54–54^{об}). Здесь наблюдается крайне интересная закономерность: во всех перечисленных случаях, кроме двух, субъектом действия выступает Бог (еще один раз – дьявол, и один раз Евфимий). В женском роде: «не покоила»

(л. 24), причем это говорит Бог о душе грешника. Во втором лице перфектные причастия неизменно сопровождаются формой вспомогательного глагола «еси» (дв. и мн. ч. не зафиксированы).

Далее, встречаются такие конструкции: «отрочищемъ бяше» (л. 10, предикативный инструментальный падеж); «часто идяхов» (л. 8^{об}, фреквентативный имперфект); «отрокъ же, помяновъши ѿцю» (л. 11, смешение родов причастий). Имеется супин: «идохъ лечь» (л. 49, на полях исправлено: «спати»); «пришедшима напоить вельблюдь» (л. 51^{об}).

Вот примеры на закон Вакернагеля:

Л. 19: не ищеть бо ся мѣсто

Л. 23об: велми же ся кождо храни

Л. 35об: почто ся печеши ѿ мнозѣ

Л. 36: скончавшему ꙗз ся на мнѣ пррочьствоу

Л. 50: ѿбаче аще ми ся поровчаеши

Л. 50об: се бо ти ся приловчи (τοῦτο γάρ σοι συνέβη)

Л. 52об: ѿгда же ся бы поновдиль

Л. 54: се ти ся събыѣ

Л. 55: оуже бо ѿко кляль ми ся еси

Итак, представляется, что вопрос о древнерусском происхождении перевода по меньшей мере заслуживает обсуждения. Мне уже приходилось писать о том, что на Русь, а точнее, в Киево-Печерскую лавру, по всей видимости, попал греческий сборник произведений Кирилла Скифопольского, включавший помимо Житий преп. Саввы Освященного и Евфимия Великого, еще и общую похвалу им, ныне утраченную в оригинале (см. Афиногенов 2014). Житие Саввы (ВНГ 1608), несомненно, переведено болгаринном и, возможно, славянская версия прибыла вместе с греческим корпусом (хотя нельзя исключать и того, что перевод выполнил какой-либо книжник болгарского происхождения уже в Киеве), а вот Похвала и Житие Евфимия вполне могли быть переведены печерскими иноками, знавшими греческий язык.

Теперь обратимся к месту, содержащему интересующее нас слово. Параллельно привожу греческий оригинал.

Троицкий 745, л. 43

Сказати же хоцю мѣсто
ѿбщаго монастыря сего.
холмѣ^{мъ} ѿ вѣстока и
запада шоломеньма

Vita Euthymii (Schwarz 1939: 64, 21–28)

Τὴν δὲ τοῦ κοινοβίου τοποθεσίαν...
διαγράψαι τῷ λόγῳ πειράσομαι. λόφος
τοίνυν ἐστὶ μικρότατος ἐξ ἀνατολῆς τε
καὶ δύσεως περιεχόμενος ὑπὸ δύο

сдержимъ ^{ες} , совоковпяща- мася на оужноую странов. Ѡ сѣверьскыя же страны поле красно три поприщъ.	κοιλιάδων σεμνοτάτων συνερχομένων κατὰ τὸ νότιον μέρος καὶ ἀλλήλαις ἐνοουμένων. ἐπὶ μέντοι τὸ βόρειον μέρος πεδιάς ἐστὶ λίαν τερπνοτάτη ἐπὶ τρισὶ περὶ τοῦ ἠπλωμένη σταδίοις.
---	---

Первоначально было написано «холмомъ», затем «мъ» весьма уверенно зачеркнули и переделали «о» в «ъ». После «сдержимъ» добавили «ес(ть)». Теми же чернилами слово «шоломеньма» (инстр. п. дв. ч.) поместили белегами U U U, а на верхнем поле написали: «высотойо сѣло». Стало быть, справщику это выражение было непонятно, но мысль его работала в том же направлении, что и у большинства исследователей СПИ, начиная с А. Х. Востокова (Востоков 1810): «шоломя» – это высота. Между тем, как видим, у переводчика оно соответствует греческому κοιλιάς – «долина». Ошибка здесь исключена, поскольку слово κοιλιάς многократно встречается в Священном Писании (TLG – Thesaurus Linguae Graecae дает 55 случаев), и церковнославянский его эквивалент продолжает жить в русском литературном языке в выражениях вроде «юдоль скорби» или «юдоль плача» (ср. Пс. 83: 7). Кроме того, сравнение с греческим оригиналом подтверждает очень высокую квалификацию переводчика.

Если принять толкование, предложенное выше на основании контекстов Ипатьевской летописи, то противоречие между «горой» и «долиной» снимается очень легко. Действительно, если «шоломя» – это высокий обрывистый берег, то смотрящему снизу он представляется высотой, а смотрящему сверху, какова и есть позиция наблюдателя, находящегося в Лавре преп. Евфимия³, – долиной. В данном случае κοιλιάς – это, естественно, сухое русло вади, которыми изобилует Палестина. Возникает, однако, вопрос: почему переводчик вместо прекрасно известного ему соответствия «оудоль» или «юдоль» поставил в этом месте достаточно экзотическое (хотя бы уже в силу полногласия) «шоломя»?

Ответ, возможно, кроется в некоторых деталях, обращающих на себя внимание в славянском тексте. Говоря о дарах, которые архиепископ Иерусалимский Анастасий прислал на могилу Евфимия, Кирилл упоминает об ограде вокруг места

³ Ныне Хан аль-Хатрун — гостиница «Добрый самаритянин» на израильском шоссе 1, соединяющем Иерусалим с шоссе 90.

погребения (*tà kukloŭnta kákykella* – букв. «столбики», Schwarz 1939: 62, 24), что по-славянски передается так: «окрѣтнаѧ веретена» (л. 41), при том, что несколько выше то же слово переведено как «преградов олтаря» (л. 29об–30; Schwarz 1939: 45, 11 и 25). Кроме того, слову *πλάξ* (доска или плита из любого материала) по-славянски соответствует дважды в вин. п. «досков мороморянов» и «дѣсков мороморяновю» (л. 41, Schwarz 1939: 61, 23 и 27). Откуда переводчик мог знать, из какого камня была плита? Возникает впечатление, что славянский книжник сам видел и эту мраморную плиту, и балясины ограды, похожие на веретена. В таком случае было бы неудивительно, если бы он использовал для виденного им воочию рельефа именно то слово, которым тот обозначался в его родной стране, то есть в данном случае в Юго-Восточной Руси. Очевидным кандидатом на авторство перевода представляется, конечно, сам преп. Антоний Печерский, но это уже из области чистых догадок.

Таким образом, сопоставляя данные Ипатьевской летописи с переводом Жития Евфимия, можно предположить, что в XI–XII вв. в говоре Юго-Восточной Руси присутствовало слово «шоломя», которым обозначался высокий и крутой берег озера или реки (а может быть, и склон оврага). Ввиду локального, как в смысле места, так и времени, бытования этой лексемы, для позднейших переписчиков она далеко не всегда была вполне понятной, что породило различные искажения при копировании, к которым, на мой взгляд, следует отнести и написание с «е» в СПИ под влиянием похожего по звучанию и отчасти по семантике слова «шелом».

Литература

- Абрамович 1898 – Абрамович Д. И. К вопросу об источниках Несторова Жития преп. Феодосия Печерского // ИОРЯС. 1898. Т. 3. Кн. 1. С. 243–246.
- Афиногенов 2003 – Афиногенов Д. Е. К проблеме исчезновения лабиализованного гласного переднего ряда в среднегреческом языке: свидетельства славянских переводов // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Вып. 7. 2003. С. 7–9.
- Афиногенов 2010 – Афиногенов Д. Е. Фита да ижица – розга к телу ближится. О произношении буквы «ижица» в Древней Руси // Дар и Крест. Памяти Н. Л. Трауберг. СПб, 2010. С. 191–200.

- Афиногенов 2014 – Афиногенов Д. Е. Похвала преп. Евфимию Великому и преп. Савве Освященному Кирилла Скифопольского // ВДИ. 2014. 1–2. С. 231–21; 218–234.
- Востоков 1810 – Востоков А. Х. Грамматическое замечание на одно место в песни о походе Игоря // Цветник. 1810. Ч. 6. № 6. С. 319–320.
- Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998.
- Соловьев 1968 – Соловьев А. В. Шоломя или соломя // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1968. Vol. 11. P. 100–109.
- Срезневский 1893 – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб, 1893.
- Шахматов 1896 – Шахматов А. А. Несколько слов о Несторовом Житии Феодосия // ИОРЯС. 1896. Т. 1. Кн. 1. С. 46–65.
- Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / Ред. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, С. А. Семячко, О. В. Творогов. Т. 5. СПб, 1995.
- Schwartz 1939 – Schwartz E. Kyrillos von Skythopolis. Leipzig, 1939 (= Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Bd. 49. 2).
- ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности РАН
- BHG – Bibliotheca Hagiographica Graeca / ed. F. Halkin. Bruxelles, 1957, 3 vol. (Subsidia hagiographica, 8a); Novum auctarium Bibliothecae Hagiographicae Graecae / ed. F. Halkin. Bruxelles, 1984 (= Subsidia hagiographica, 65).

D. E. Afinogenov. What is the Russian Land actually «beyond»?

The word *шеломя* that occurs twice in the Lay of Igor's Host should be spelled *шоломя* as *lectio difficilior*. Its actual meaning reveals itself from the analysis of the contexts provided by the Ipatiev Chronicle and the Slavonic translation of the Life of Euthymius the Great by Cyril of Scythopolis (BHG 647), where it renders the Greek *κοιλᾶς*, meaning dry riverbed or *wadi*. Therefore it appears to designate a high steep bank of a river or lake, possibly the slope of a ravine. The Slavonic version in question is certainly pre-Mongol and displays some features of the South-Eastern dialect of the Old Russian. Therefore it should be dated to the 11th or 12th c. Some details may point at the eye-witness experience of the Laura of St Euthymius, which would explain the exotic *шоломя* for *κοιλᾶς*, usually rendered as *юдоль* or *оудоль*. The translator thus seems to have been a native of South-East Rus. The word *шоломя* apparently went out of use in the 13th c., so late copyists had difficulties with understanding and spelling it. In particular, the spelling *шеломя* may have been influenced by the word *шелом* (helmet) which occurs several times in the same part of the text.

Keywords: *The Lay of Igor's Host, the Life of Euthymius the Great, шеломя, шоломя.*

**АЛЛЕГОРИЧЕСКИЕ ТОЛКОВАНИЯ
В ЭКЗЕГЕТИЧЕСКИХ ТВОРЕНИЯХ
ИОАННА ЗЛАТОУСТА И ФЕОДОРИТА КИРСКОГО**

Экзегеты антиохийской богословской школы, в противоположность Оригену и его последователям-александрийцам, были решительными противниками аллегорического толкования Священного Писания. Тем не менее, такие антиохийские экзегеты, как Иоанн Златоуст и Феодорит Кирский допускали возможность аллегорического толкования Библии. Однако Иоанн Златоуст и Феодорит Кирский полагали, что аллегорической интерпретации подлежат только те библейские книги и фрагменты, которые интенционально являются иносказательными. Аллегорическая интерпретация таких текстов Священного Писания обусловлена их внутренней логикой и не является уступкой александрийскому аллегоризму, а сводится к выявлению подлинного смысла библейского слова и не входит в противоречие с принципами антиохийской экзегезы.

Ключевые слова: Священное Писание, экзегеза, аллегория, историко-грамматический метод, типология, прообраз, метафорический язык.

Экзегеты антиохийской богословской школы, в противоположность Оригену и его последователям-александрийцам, были решительными противниками аллегорического толкования Священного Писания. Например, Евстафий Антиохийский в трактате «О чревоуцательнице» резко критикует Оригена за его аллегорический подход к интерпретации Библии (Migne: vol. 18. Col. 656–660). Диодор Тарсский был автором не дошедшего до нас сочинения «В чем разница между созерцанием и аллегорией» – «Τὴ διαφορά θεωρίας καὶ ἀλληγορίας» (Фетисов 1915: 310–311), в котором отвергал аллегорический метод толкования Священного Писания, противопоставляя ему метод θεωρία, заключавшийся в выявлении пророческого смысла ветхозаветных библейских текстов (Nassif 1993; 2002).

Тем не менее, такие антиохийские экзегеты как Иоанн Златоуст и Феодорит Кирский допускали возможность аллегорического толкования Библии. Можно ли расценивать эти толкования как их уступку александрийской экзегезе, или же иносказательная интерпретация Священного Писания у Иоанна Злато-

уста и Феодорита Кирского все же не противоречила принципам, выработанным экзегетами-антиохийцами?

В антиохийской экзегезе первостепенное значение имело историко-грамматическое изучение библейского текста, что помогало выявить подлинное значение библейского слова, а выявление этого значения, в свою очередь, служило фундаментом для дальнейшего постижения заключенного в словах Священного Писания прообразовательного новозаветного смысла. Ветхозаветные события, персонажи и установления рассматривались антиохийскими экзегетами как прообразы событий новозаветных. Например, переход евреями Чермного моря является прообразом (τύπος) крещения, падение Иерихона – прообразом конца мира, ниспослание Богом манны еврейскому народу – прообразом Евхаристии. Сами антиохийцы называли свой метод θεωρία (созерцание), в научной литературе он получил наименование типологического (Guinot 1989).

Первостепенное внимание к выявлению подлинного смысла библейского слова у антиохийских экзегетов обусловило особенности подхода Иоанна Златоуста и Феодорита Кирского к аллегорической интерпретации Священного Писания, возможность которой теоретически обосновывали оба экзегета.

В беседе на 9 псалом Иоанн Златоуст говорит о том, что, вникая в Священное Писание, в одних случаях написанное нужно понимать буквально, а в других следует искать иносказательный смысл: «...τὰ δὲ οὕτω δεῖ νοεῖν, ὡς εἴρηται μόνον, ὡς τὸ, *Ἐν ἀρχῇ ἐποίησεν ὁ Θεὸς τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν*: τὰ δὲ ἀπεναντίας ταῖς λέξεσιν ὡς τὸ, *Ἐλαφὸς φιλίας καὶ πᾶλος σῶν χαρίτων, ὁμιλεῖτω σοί. Καὶ πάλιν Ἔστω σοι μόνῳ ὑπάρχοντα, καὶ μηδεὶς ἀλλότριος μετασχετῶ σοί. Ἡ πηγὴ σουτοῦ ὕδατός σοι ἔστω μόνῳ*» ‘...одни слова нужно понимать только так, как они сказаны, например: *Вначале сотворил Бог небо и землю*, а другие иначе, нежели они сказаны, например: *Лань любви и жеребенок твоих милостей да беседует с тобой*; еще: *Да будут для тебя одного имения, и два никто другой не будет иметь части с тобой: источник твоей воды да будет только твой*’ (Migne: vol. 55. Col. 126).

И далее он объясняет, что буквальная интерпретация подобных выражений ведет к их искаженному пониманию: «... ἂν τὸ κείμενον νοήσης, καὶ μὴ φύγης μὲν τὸ ῥῆμα, διώκης δὲ τὸ νόημα, καὶ πολλῆς ἀπανθρωπίας ἐστὶ, τὸ μηδὲ ὕδατός τινι μεταδοῦναι ἄλλ’ ἐνταῦθα περὶ γυναικὸς ὁ λόγος, ὥστε αὐτῆς ἀπολαβεῖν μετὰ σωφροσύνης...» ‘...если ты будешь обдумывать сказанное и

следовать мысли, не избегая буквальных выражений, [увидишь], что очень бесчеловечно вообще не давать никому воды, но здесь речь идет о жене, что с ней нужно обращаться целомудренно...» (Migne: vol. 55. Col. 126).

Феодорит Кирский в предисловии к *Комментарию на Песнь песней* (Migne: vol. 81. Col. 28–48) высказывает похожие мысли. Здесь он вступает в полемику с теми экзегетами, например, с Феодором Мопсуестийским, которые отрицали богодухновенность Песни Песней и видели в этой библейской книге лишь изображение любви между царем и его возлюбленной.

Причина такого взгляда, с точки зрения Феодорита Кирского, коренится в слепом стремлении следовать букве Священного Писания, игнорируя его более глубокий смысл: «... τῆς θείας Γραφῆς ἀγνοῦντες τὰ ἰδιώματα, οὐκ ἐθέλησαν διαδύναи, καὶ τοῦ γράμματος ὑπερβῆναι τὸ κάλυμμα, καὶ ἐντὸς γενέσθαι τῷ πνεύματι, καὶ ἀνακεκαλυμμένῳ προσώπῳ τὴν δόξαν Κυρίου κατοπτρισθῆναι· ἀλλὰ σαρκικῶς νενοηκότες τὰ εἰρημένα, εἰς ἐκείνην τὴν βλασφημίαν ἐξώκειλαν» ‘...не зная своеобразия Божественного Писания, они не хотели углубиться и снять покров буквы, чтобы в духе погрузиться внутрь и с непокрытым лицом видеть, как в зеркале, славу Господа, но, воспринимая сказанное плотским образом, они сбились в это злословие’ (Migne: vol. 81. Col. 32 D–33 A).

Подобно Иоанну Златоусту, Феодорит указывает, что многие тексты Писания написаны образным языком и поэтому не могут быть поняты буквально: «...ἐν τῇ Παλαιᾷ πολλὰ τροπικῶς ἢ θεία λέγει Γραφή· καὶ ἑτέροις ὀνόμασι κεχρημένη, ἕτερα δὲ διὰ τούτων σημαίνει» ‘...в Ветхом Завете божественное Писание о многом говорит образно и, используя одни выражения, с их помощью обозначает другое’ (Migne: vol. 81. Col. 33 A).

Таким образом, оба экзегета сходятся в том, что те книги Священного Писания, которые написаны образным языком и содержат метафорические выражения, требуют аллегорической интерпретации. Примеры такой интерпретации образных текстов неоднократно встречаются в творениях, как Иоанна Златоуста, так и Феодорита Кирского.

Например, Иоанн Златоуст в толковании на Притч. 27: 25: ἐσθίειν μέλι πολλοῦ καλὸν τιμᾶν δὲ χρὴ λόγους ἐνδόξους ‘есть много меду нехорошо, следует же почитать славные слова’, замечает, что это выражение следует понимать аллегорически и сравнивает с вкушением меда размышление о божественном слове,

предостерегая от чрезмерного мудрствования: «*Ἐσθίειν μέλι πολὺ, οὐ καλόν. Καὶ ἀνωτέρω μέλι, ἢ ἀλληγορία εἴρηται. Πολὺ οὖν εἶναι περὶ τούτων ὄντων θεωρίαν ἀσύμφορον. Μὴ σοφίζου γὰρ πολλὰ, μήποτε ἐκπλαγῆς ἀλλαχοῦ, ἢ γνώσις φυσιοῖ. Συμμέτρως δεῖ τοίνυν τούτοις προσιέναι, καὶ τιμᾶν τοὺς ἐνδόξους λόγους τοῦ Κυρίου, οἱ εἰσὶν ἀργύριον καὶ χρυσίον, καὶ γλυκύτεροι ὑπὲρ μέλι καὶ κηρίον» *Ἔсть много меду нехорошо. Выше о меде говорится аллегорически. Много заниматься размышлением обо всем этом не件зно. Не мудрствуй много, и никогда не будешь смущен; в другом месте: Знание надмевает (1 Кор. 8:1). Поэтому следует надлежащим образом приближаться к ним и почитать славные слова Господа, которые являются серебром и золотом и слаще меда и сот'* (Migne: vol. 64. Col. 733 B).*

В толковании Иоанна Златоуста на Иов 14:7: *ἔστιν γὰρ δένδρω ἐλπίς ἐὰν γὰρ ἐκκοπῆ ἔτι ἐπανθήσει καὶ ὁ ῥάδαμνος αὐτοῦ οὐ μὴ ἐκλίπῃ* 'есть надежда у дерева, ибо если оно будет срублено, то еще расцветет, и побег его не исчезнет' говорится об аллегорическом понимании образа срубленного дерева, указывающего на согрешившего и покаявшегося человека: «*Ἔστι δὲ, κατ' ἀλληγορίαν, δένδρω ἐλπίς, ἀντὶ τοῦ ἀνθρώπου. Ἐὰν γὰρ ἐν παραπτώματι γενῆται, μετανοήσῃ δὲ, καὶ γενῆται ἐν τῇ γῆ τῆς εὐσεβείας, καὶ ἐν τῇ πέτρᾳ, ἡγουν τῇ εὐσεβεῖ πίστει, ἐκ τοῦ ὕδατος τῆς παλιγγενεσίας, ἢ ἐκ τοῦ δακρύου τῆς μετανοίας, ἀναβλαστήσει· ὁ δὲ τῇ παρατροπῇ καὶ τῇ ἀμαρτίᾳ ἐναποθανών, οὐδεμίαν ἔχει χρηστὴν ἐλπίδα» *Ἔсть надежда у дерева вместо у человека употребляется аллегорически. Ибо если он совершит грех, но покается, он окажется на земле благочестия и на скале, то есть вновь расцветет в благочестивой вере от воды возрождения или от слез покаяния; умерший же в заблуждении или во грехе не имеет никакой доброй надежды'* (Migne: vol. 64. Col. 616 B–C).*

Феодорит Кирский в толковании на Иез. 23: 18, где пророк говорит об отпадении в идолослужение Самарии и Иерусалима, аллегорически интерпретирует антропоморфизм *ἀπέστη ἡ ψυχὴ μου ἀπ' αὐτῆς, ὃν τρόπον ἀπέστη ἡ ψυχὴ μου ἀπὸ τῆς ἀδελφῆς αὐτῆς* 'душа Моя отворотилась от нее, таким же образом отворотилась душа Моя от сестры ее'. Антропоморфизм представляет собой образное выражение часто встречающееся в Библии, в котором Бог или уподобляется человеку, или описывается в словах, ограничивающих божественные беспредельность и всемогущество. Библейские антропоморфизмы являются своего рода метафорами, при помощи которых божественные истины выра-

жаются на языке доступном ограниченному человеческому пониманию.

Феодорит пишет: «*Καὶ ἀπεκάλυψε τὴν πορνείαν αὐτῆς, καὶ ἀπεκάλυψε τὴν ἀσχημοσύνην αὐτῆς, καὶ ἀπέστη ἡ ψυχὴ μου ἀπ' αὐτῆς, ὃν τρόπον ἀπέστη ἡ ψυχὴ μου ἀπὸ τῆς ἀδελφῆς αὐτῆς. Θεασάμενος, φησί, τὴν τῆς ἀσεβείας αὐτῆς ὑπερβολήν, τῆς ἐμῆς αὐτὴν προνοίας ἐγύμνωσα· πάλιν γὰρ κατὰ τὸ τῆς ἀλληγορίας εἶδος τὴν ψυχὴν τέθεικεν· οὐκ ἐπειδὴ εἰς ψυχὴν καὶ σῶμα τὸ Θεῖον διήρηται· ἀσώματον γὰρ καὶ ἀσύνθετον· ἀνθρωπίνως δὲ καὶ ἀνθρωπίνως συνήθως ποιεῖται τὴν διάλεξιν, τῇ τῶν ἀνθρώπων ἀσθενείᾳ συγκαταβαίνων»* 'И открыл блудодержание ее, и открыл непристойное поведение ее, и душа Моя отворотилась от нее, таким же образом отворотилась душа Моя от сестры ее. Увидев, говорит он, высшую степень ее нечестия, Я лишил ее Своего попечения; ибо вновь он представил душу в образе аллегории, поскольку не разделяется Божество на душу и тело, ибо является бестелесным и несложным, но, как обычно, Он рассуждает по-человечески и для человеческого понимания, снисходя к немощи людей' (Migne: vol. 81. Col. 1040 B).

Комментируя Иез. 23: 19, Феодорит привлекает внимание к использованию пророком образных и иносказательных выражений при обличении греха идолопоклонства: «*Εἶτα πάλιν ἀλληγορικῶς καὶ τροπικῶς τὴν τῆς εἰδωλολατρίας ποιεῖται κατηγορίαν*» 'Затем он вновь аллегорически и образно обвиняет в идолослужении' (Migne: vol. 81. Col. 1040 C).

В комментарии на Иез. 29: 4–6, экзегет истолковывает содержащийся в этом фрагменте образ реки. Он говорит, что, подобно тому, как в Иез. 28: 2 использован образ моря, который указывает на властителя Тира, здесь пророк обращается к образу реки, ассоциирующемуся с египетским фараоном. «*Καὶ ὡς περ ἐπὶ τῆς Τύρου τὰς τῆς ἀλληγορίας ἀφορμὰς ἀπὸ τῆς θαλάττης ἔλαβε (παράλια γὰρ ἡ πόλις), οὕτως ἐνταῦθα ἀπὸ ποταμοῦ κέχρηται τῇ τρόπῃ*» 'И как относительно Тира он взял исходную точку для аллегории от моря – ибо город находится на морском побережье – так здесь он пользуется образом реки' (Migne: vol. 81. Col. 1105 A).

Наконец, в истолковании образа гибели могучего кедра, с которым по красоте не могло сравниться ни одно дерево в саду Божиим (Иез. 31: 10–11), Феодорит выделяет две реальности: историческую и аллегорическую. По его мнению, исторически в пророчестве о кедре говорится о вавилонском царе Навуходо-

носоре, чье царство было сокрушено персидским царем Киром (Migne: vol. 81. Col. 1121 D–1124 A), а аллегорически оно указывает на диавола: «Εἰ δέ τις ἀκριβῶς συνιδεῖν ἐθελήσειεν, εὕρησει καὶ τὸν κοινὸν τῶν ἀνθρώπων ἀλάστορα, τὸν τοῦ Θεοῦ δυσμενῆ καὶ πολέμιον διάβολον διὰ τούτων παραδηλούμενον, ὃς καλῶς καὶ ἀγαθῶς δημιουργηθεὶς, καὶ ταῖς μὲν ἀρχικαῖς δυνάμεσιν ἐξισούμενος, τῶν δὲ ὑποδεεστέρων ὑπάρχων περιφανέστερος (παράδεισον γάρτυρησ, καὶ τὰ ἐν τούτῳ ξύλα κατὰ τοὺς τῆς ἀλληγορίας νόμους, τὰς ἀσωμάτων φύσεις ἐκάκεσε)». ‘Если же кто-то захотел бы понять точно, он нашел бы, что в этом содержится намек на общего губителя людей, врага и противника Бога диавола, который, будучи создан прекрасным и благом, равным с высшими силами и более славным, чем низшие – ведь по закону аллегории он назвал бесплотные силы раем сладости и деревьями в нем ...’ (Migne: vol. 81. Col. 1124 A–B).

Однако, если Иоанн Златоуст и Феодорит Кирский говорили о необходимости аллегорической интерпретации символично-поэтических текстов Библии, то это вовсе не значит, что принцип аллегорического толкования они распространяли на все Священное Писание без исключения. Выше уже было упомянуто, что наряду с символично-поэтическими текстами, Иоанн Златоуст выделял в Библии тексты историко-повествовательные, которые требуют буквального толкования.

Феодорит Кирский, в свою очередь, отрицал аллегоризм, свойственный александрийским экзегетам (Kannengiesser 2002: 898), о чем говорит в Предисловии к толкованию на книгу Псалмов: «Διαφόροις γὰρ ἐντυχῶν ὑλομνήμασι, καὶ τοὺς μὲν εἰς ἀλληγορίαν μετὰ πολλῆς χωρήσαντας ἀπληστίας εὐρών...» ‘Натолкнувшись на разные комментарии и найдя, что одни с большой ненасытностью отступают в аллегорию...’ (Migne: vol. 80. Col. 860 C).

Примером ложного аллегорического толкования является, с точки зрения Феодорита, понимание библейского выражения «кожаные ризы» (Быт. 3: 21) как «омертвление плоти», которое имеет место, в частности, у Оригена, по мнению которого, безрассудно считать, что Бог, подобно кожевнику, сшил ризы из шкур убитых животных (Migne: vol. 12. Col. 101 A–C).

Феодорит же отрицает подобный взгляд и предлагает не исследовать вопроса, откуда Бога взял кожу, доверяясь сказанному в Священном Писании. «Οἱ μὲν ἀλληγοροῦνται τὴν θνητὴν σάρκα φασὶ τὰ δέρματα ... Τῆς γὰρ θείας Γραφῆς καὶ πρὸ τῆς ψυχῆς

τὸ σῶμα διαπεπλᾶσθαι φησάσης, πῶς μυθῶδες τὸ λέγειν μετὰ τὴν παράβασιν τῆς ἐντολῆς σάρκα αὐτοῦς εἰληφέναι θνητὴν; Τὸ δὲ γε πολυπραγμονεῖν, πόθεν τῷ Θεῷ δέρματα ...περίττον εἶναι μοι δοκεῖ. Χρὴ τοίνυν στέργειν τὰ γεγραμμένα, καὶ εἰδέναί, ὡς οὐδὲν ἄπορον τῷ τῶν ὄλων Δημιουργῷ καὶ θαυμάζειν αὐτοῦ ἄπειρον καὶ ἀγαθότητα...» ‘Ведь аллегористы называют кожами смертную плоть ... Ибо если божественное Писание говорит, что тело было создано прежде души, почему не является баснословным говорить, что после преступления заповеди они получили смертную плоть? Выведывать же, откуда у Бога кожи, мне представляется излишним. Итак, следует любить написанное и знать, что ничто не является трудным для Творца всего, и удивляться Его беспредельности и благости’ (Migne: vol. 80. Col. 137D–140 A).

Итак, и Иоанн Златоуст, и Феодорит Кирский полагали, что аллегорической интерпретации подлежат только те библейские книги и фрагменты, которые интенционально являются индизонимическими (Нестерова 2006: 21–22), и поэтому задача экзегета заключается в том, чтобы выявить тот смысл, который вложен в содержащиеся в них образы самим библейским автором. Следовательно, аллегорическая интерпретация образных фрагментов Священного Писания обусловлена не произвольным желанием толкователя, а внутренней логикой самого библейского текста.

Об этом писал Иоанн Златоуст в толковании на Ис. 5: 1–7, отмечая, что указания на значение того или иного выражения содержатся в самом Писании: «Καὶ πανταχοῦ τῆς Γραφῆς οὗτος ὁ νόμος, ἐπειδὴν ἀλληγορῆ, λέγειν καὶ τῆς ἀλληγορίας τὴν ἐρμηνείαν, ὥστε μὴ ἀπλῶς, μηδὲ ὡς ἔτυχε τὴν ἀκόλαστον ἐπιθυμίαν τῶν ἀλληγορεῖν βουλομένων πλανᾶσθαι καὶ πανταχοῦ φέρεσθαι». ‘И везде в Священном Писании существует этот закон: всякий раз, когда оно содержит аллегорический смысл, давать и толкование аллегории, чтобы не просто и не как случится заблуждалось и повсюду носилось своевольное стремление желающих выразиться аллегорически’ (Migne: vol. 56. Col. 60)

Таким образом, аллегорическое толкование библейских книг, которым присущ метафорический образный язык (Bullinger 1968: 735–772) не является уступкой александрийскому аллегоризму, заключающемся в произвольной подмене одного смысла другим, но, напротив, сводится к выявлению подлинного смысла библейского слова и не входит в противоречие с методом антиохийской экзегезы. Иоанн Златоуст и

Феодорит Кирский, в отличие от Феодора Мопсуестийского, который стремился искоренить из своих толкований все, что хоть отдаленно напоминало аллегория, видели библейский текст в целом и в тех случаях, когда это было необходимо, давали ему аллегорическую интерпретацию.

Литература

- Нестерова 2006 – Нестерова О. Е. *Allegoria pro typologia*. Ориген и судьба иносказательных методов интерпретации Священного Писания в раннепатристическую эпоху. М., 2006.
- Фетисов 1915 – Фетисов Н., свящ. Диодор Тарский. Опыт церковно-исторического исследования его жизни и деятельности. Киев, 1915.
- Bullinger 1968 – Bullinger E. W. *Figures of Speech Used in the Bible, explained and illustrated*. Grand Rapids, Michigan, 1968.
- Guinot 1989 – Guinot J.-N. *La typologie comme technique herméneutique // Figures de l’Ancien Testament chez les Pères (Cahiers de Biblica Patristica 2)*. Strasbourg, 1989. P. 1–34.
- Kannengiesser 2006 – Kannengiesser Ch. *Handbook of Patristic Exegesis. The Bible in Ancient Christianity*. Brill, 2006.
- Migne 1857–1866 – Migne J.-P. *Patrologiae Graecae Cursus Completus*. Paris, 1857–1866.
- Nassif 2002 – Nassif N. *Antiochene θεωρία in John Chrysostom’s Exegesis // “Ancient & Postmodern Christianity” Paleo-Orthodoxy in 21-st Century*. Illinois, 2002. P. 49–57.
- Nassif 1993 – Nassif B. *The ‘Spiritual Exegesis’ of Scripture: The School of Antioch Revisited // Anglican Theological Review*. Vol. 75, 1993. P. 437–470.

A. S. Balakhovskaya. Allegorical interpretations in the exegetic works of John Chrysostom and Theodoret of Cyrus

Exegetes of Antiochian theological tradition contrary to Origen and his Alexandrian followers were resolute opponents of allegorical interpretation of Scripture. However in the works of such Antiochian exegetes as John Chrysostom and Theodoret of Cyrus one can find allegorical interpretations of some biblical books and passages. Was this fact an approval of Alexandrian practice of exegesis or St. John and Theodoret were true followers of the Antiochian tradition? Antiochian exegetes saw their main task in the historical and grammatical study of scriptural text. This study helped them to understand true meaning of scriptural word, which in turn became the basis for further comprehension of prefigurative sense included in Scripture. The interest of Antiochian exegetes to true meaning of scriptural word determined distinctive approach of John Chrysostom and Theodoret of Cyrus to allegorical interpretation of Scripture. Such possibility theoretically justified both exegetes. John Chrysostom and Theodoret of Cyrus thought that allegorical interpretation needed only for intentional parabolic scriptural books and passages, and the real task of the

exegete was to make clear that their sense, which was meant by biblical author. Therefore, allegorical interpretation of figurative passages of Scripture is determined not by arbitrary wish of an exegete, but by inner logic of the scriptural text. So, allegorical interpretation of biblical books written with parabolic language is not an approval of Alexandrian allegorism, which arbitrary changes one sense to another, but contrary makes clear true meaning of scriptural word and doesn't have contradictions with Antiochian exegesis.

Keywords: Scripture, exegesis, allegory, historical and grammatical method, typology, prototype, allegorical language.

А. В. Банников, О. В. Пржигодзкая

ОСОБЕННОСТИ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Исторический труд Аммиана Марцеллина, традиционно считается самым ценным источником по истории Римской империи второй половины IV в.. Однако детальное рассмотрение сообщений Аммиана, затрагивающих военные сюжеты, заставляет усомниться в том, что автор «Деяний» описывал действительное положение вещей. Произвольное употребление традиционных для римской военной системы терминов, большое количество анахронизмов и сбивчивое описание боевых машин приводят к мысли о том, что Аммиан далеко не всегда корректно отражал то, чему он стал свидетелем во время военной службы, или узнал из своих источников. Подробный историко-филологический анализ каждого спорного эпизода позволяет выявить причины, повлиявшие на методы работы Аммиана, который как представляется, ориентировался на сочинения классических римских историков. Поэтому, несмотря на то, что к IV в. многие из использовавшихся ранее терминов либо вышли из употребления, либо изменили свое значение, Аммиан часто вводит их в свой текст для того, чтобы приблизить его по форме к произведениям Саллюстия, Цезаря, Ливия и Тацита. Именно по той причине, что Аммиану важно не значение термина (которое он мог и не знать), а само его присутствие в создаваемом им тексте, в «Деяниях» постоянно встречаются упоминания о реалиях чуждых IV в., а понятия, имевшие некогда четкое значение, употребляются произвольно.

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин, кунеи, skutаты, арматы, Нотиция дигнитатум.

При описании военных действий позднеантичные авторы стараются пользоваться той же самой лексикой, которая была в ходу еще в эпоху ранней Империи. Вместе с тем многие из употребляемых ими терминов и выражений, были в IV–V вв. уже архаизмами и встречались только в литературной речи (Le Bohec 2006: 67). Наиболее наглядным примером нарочитой архаизации языка служит самое крупное историческое сочинение периода поздней Империи – «Деяния» Аммиана Марцеллина. Показательным служит уже тот факт, что Аммиан нигде практически не использует названия современных ему видов вооружения. Он ничего не сообщает о *плюмбатах* или *манубаллистах*, о которых хорошо знают его современники –

анонимный автор трактата «О военных делах» и Вегеций. Аммиан ни разу не употребил термина *spatha* – современного ему названия меча, предпочитая использовать традиционное и уже утратившее свое специфическое значение слово *gladius*. Совершенно неуместным в тексте «Деяний» выглядят повторяющиеся упоминания о *lutu* (*lituus*) небольшом сигнальном горне, загнутом кверху в виде буквы «J» (Герцман 1995: 245; Cascarino 2008: 189). *Lituus* исчез уже в период поздней Республики (I в. до н. э.). Тем не менее, сам термин продолжал оставаться ходу и в императорскую эпоху, но использовался, только в поэтических текстах (Cascarino 2008: 190). Однако у Аммиана термин *lituus* встречается довольно часто (Amm., XIV, 7, 21; XVI, 10, 9; XIX, 2, 12; XIX, 11, 15; 6, 10; XXII, 2, 3; XXIII, 5, 15; 4, 1; XXVI, 10, 10; XXVIII, 1, 14; XXIX, 1, 14; XXXI, 7, 10; 13, 1). Выражение *signo per lituos dato* («когда затрубили рожки»), которое не единожды повторяется в «Деяниях», – обычное клише, означающее начало или прекращение военных действий (Meucci 1989: 88). Поэтому Аммиан может использовать его не только, когда ведет рассказ о римской армии, но также и, когда речь идет о противниках римлян (Amm., XXXI, 7, 10).

Склонность Аммиана к устаревшей терминологии и интерполяциям из трудов знаменитых предшественников заставляет его утверждать, что современная ему метательная машина *onager* называлась прежде *скорпионом* (Amm., XXIII, 4, 4–7)¹. Хорошо известно, что термин *scorpio*, использовавшийся для обозначения катапульты небольших размеров (Cascarino 2008: 279). Этот факт подтверждается Вегецием, который, в отличие от Аммиана, вполне точно знает, к какому классу машин относились *скорпионы* и правомерно сопоставляет их с современными ему *манубаллистами*².

Слово *onager*, имеющее греческое происхождение, вошло латинский язык в своем первоначальном значении «дикий осел» (Mart., Epigr., XIII, 97). В латинских текстах оно обозначает боевую машину только у Аммиана и Вегеция, что служит наглядным доказательством того, что к IV в. греческое слово стало частью латинского военного лексикона. Но Аммиан,

---

¹ «Scorpionis autem, quem appellant nunc onagrum» ‘Скорпион, который в настоящее время называют онагром’.

² «Scorpiones dicebant, quas nunc manuballistas vocant» ‘Скорпионами называли те машины, которые теперь зовутся манубаллистами’ (Veg., IV, 22).

ориентировавшийся на использование классической военной лексики, не мог найти у своих предшественников (Цезаря, Тацита, Ливия и Саллюстия) упоминания о машинах, называвшихся «онаграми». В их трудах упоминаются лишь *катапульты*, *баллисты* и *скорпионы*. В отличие от первых двух терминов, по-прежнему использовавшихся на практике, *scorpio* уже давно вышел из употребления. Поэтому Аммиан, желая как можно полнее внедрить традиционную терминологию в ткань своего труда, придумывает вполне логичное, с его точки зрения, объяснение, которое давало, прежде всего, ему самому, уверенность в том, что древний *скорпион* ничем не отличался от современного онагра: «Эта машина, – пишет Аммиан, – называется... скорпионом, потому что она имеет торчащее вверх жало; новейшее время дало ей еще название онагра, ибо дикие ослы, будучи преследуемы на охоте, брыкаясь назад, мечут такие камни, что пробивают ими грудь своих преследователей или, пробив кости черепа, размозжают голову» (Амм., XXIII, 4, 7; пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни).

Позднеантичную военную терминологию отличает не только стремление авторов исторических сочинений к архаизации, то есть к сознательной замене современной им лексики давно уже вышедшими из употребления названиями. Многие классические термины, по-прежнему оставались в ходу и в IV–V вв. Однако не малая часть из них изменила свое первоначальное значение. Примером могут служить названия воинских подразделений. Аммиан постоянно прибегает к традиционной для римской армии военной терминологии и часто упоминает о легионах, вспомогательных отрядах (*auxilia*)³, когортах, центуриях,

---

³ *Auxilia* – вспомогательные подразделения (алы и когорты), образованные из перегринов, то есть лиц, не имевших римского гражданства. В I в. н. э. *auxilia* всегда придавались в помощь легионам. В период поздней Империи *auxilia* начинают играть намного более важную роль, чем во времена принципата, и из вспомогательных войск превращаются в самостоятельные воинские формирования, решавшие на поле боя те же тактические задачи, что и легионы. Предполагается, что позднеримские ауксиллии были подразделениями нового типа, генетически не связанными со старыми отрядами принципата. Согласно распространенному мнению, с правления Константина I (306–337 гг.) *auxilia* стали составлять основу римских вооруженных сил (Холмогоров В. И. Римская стратегия в IV в. н. э. у Аммиана Марцеллина // Вестник древней истории. 1939. № 3. С. 88). Некоторые исследователи считают, что они вербовались исключительно из зарейнских германцев. «То войско, – пишет Г. Дельбрюк, – с которым

манипулах и турмах. Однако при самом общем анализе выясняется, что значения этих слов в его время были уже далеко не те, что во времена принципата. Чтобы продемонстрировать это, достаточно будет остановиться только на термине *legio*. Аммиан использует его очень широко и может называть легионами формирования, которые в *Notitia dignitatum* не имеют этого статуса. Так, он неоднократно именуется легионами *Иовиев* и *Викторов* (Amm., XXV, 6, 3; XXVI, 7, 13; XXVII, 8, 7), упоминает даже об их орлах (Amm., XXVI, 7, 17), служивших штандартами исключительно легионов; тем не менее, *Notitia* определяет эти подразделения как *auxilia palatina*⁴. *Praeventores* у Аммиана тоже легион, а по данным *Notitia*, это подразделение имело статус *milites* (ND, Ос., XL, 19). Более того, однажды Аммиан называет легионом даже кавалерийский отряд: рассказывая о побеге в 374 г. армянского царя Папа, он сообщает, что римляне тут же бросили в погоню за беглецами «легион», который быстро настиг армянских всадников (Amm., XXX, 1, 7). Можно предположить, конечно же, что во всех этих случаях мы имеем дело с простыми неточностями или ошибками Аммиана, но более вероятным представляется другое объяснение: «легион» не имел для историка какого-то специального значения; Аммиан обозначал этим термином, как правило, любое подразделение пехоты римской армии. В подтверждение этого приведем два примера. В битве при Аргенторате, когда римская конница стала отступать, она, по словам Аммиана, была прикрыта «легионами» (Amm., XVI, 12, 37)⁵. Однако римский боевой строй в этом сражении образовывали по большей части отряды *auxilia*: Аммиан называет *Корнутов* и *Бракхиатов*, которые сначала приняли удар наступающих аламаннов, а затем на помощь им подошли *Батавы* и *Регии*. Из всех этих подразделений только *Регии* были легионом (ND, Ос., V, 80 = 229 = 32). После гибели Юлиана во время персидского похода для выбора нового императора, согласно Аммиану, были приглашены начальники

Константин выступил на завоевание Италии, при помощи которого он победил Максенция у Мульвиного моста и захватил Рим, состояло главным образом из варваров» (Дельбрюк 1994: 183).

⁴ Iovii: ND, Ор., XXXIX, 21; Ос., V, 23 = 168 = VII, 16; V, 36 = 184 = VII, 42; Ос., V, 64 = 212 = VII, 76; Victores: ND, Ор., XXXIX, 21; Ос., V, 22 = 63; 18; Ос., VII, 17, V, 37 = 185 = VII, 126).

⁵ «...Gremio legionum protecti fixerunt integrato proelio gradum» 'Защищенные строем легионов, вернувшись в битву, они возобновили бой'.

легионов и турм (Amm., XXV, 5, 1)⁶. Если в этом случае «легионы» – это только легионы, то тогда возникает вопрос, куда же девались *auxilia*? Ведь нам хорошо известно, что в восточном походе участвовало большое количество подразделений этого типа и, прежде всего, это касается галльских отрядов, провозгласивших Юлиана августом. Очевидно, что без командиров западных подразделений никакого избрания нового императора произойти не могло. Естественно предположить, что Аммиан говорит не о трибунах легионов и турм, но о трибунах пехотных и кавалерийских подразделений.

Мы можем даже допустить, что использование термина «легион» в отношении кавалерийского формирования не было некорректным в глазах Аммиана. Как известно, греческими историками для обозначения подразделений римской армии употреблялись различные греческие термины: *στρατόπεδον*, *ἴλη*, *τάγμα*, *σπεῖρα*. Значение трех первых на протяжении I–II вв. н. э. практически не менялось. Слово *στρατόπεδον* значило «легион», *ἴλη* – «эскадрон», *σπεῖρα* – «когорта». Последний же термин, *τάγμα*, имел в греческом языке весьма расплывчатое значение, претерпевшее с течением времени существенные изменения. Применительно к римским воинским частям *τάγμα* – это манипул, когорта, легион и даже кавалерийский отряд.

Рассказывая об организации легиона, Полибий называет тагмами манипулы (Polyb., VI, 24, 7). Дионисий Галикарнасский употребляет это слово в отношении легионов (Dionys., VI, 42, 1; IX, 5, 1). Аналогичный смысл имеет слово *τάγμα* и у некоторых других греческих авторов. В частности, Страбон называет тагмами три легиона, которые император Тиберий послал нести службу в недавно покоренных землях кантабров (Strab., III, 3, 8). В том же значении *τάγμα* часто встречается у Плутарха (Plut., Brut., XL, 6). У Иосифа Флавия прослеживается вполне определенная закономерность использования греческих терминов для обозначения римских подразделений: легион – *τάγμα* (Flav., VJ, II, 66; 67), когорта – *σπεῖρα* (Flav., VJ, I, 301, 323; II, 500; III, 67), кавалерийское подразделение – *ἴλη* (Flav., VJ, II, 544; III, 97; VII, 225).

Принципиально важное уточнение, касающееся значения слова *τάγμα*, мы находим у Диона Кассия. Историк говорит, что

⁶«...Advocatisque legionum principiis et turmarum» ‘Были приглашены начальники легионов и турм’.

у Марка Аврелия была *тагма*, все бойцы которой происходили из Мелитены и были христианами. При этом он поясняет, что римляне называют тагмы легионами (Dio, LXXII, 9, 3).

Зосим, использовавший для написания своего труда различные источники IV в. (Болгов, Литовченко 2007: 527), делит всю римскую пехоту на *тагматата*, состоящие из римлян, и такие же отряды, состоящие из варваров (Zos., IV, 7, 1). Однако в середине IV в. подобное значение воспринималось, вероятно, уже как устаревшее. Об этом прямо говорит Созомен, утверждая, что римские легионы (*тагматата*), в современную ему эпоху стали называться «числами» (*ἀριθμοί*) (Soz., I, 8, 35).

В IV столетии термин «тагма» все чаще применяется для обозначения кавалерийского подразделения. Возможно, это было непосредственно связано с возрастанием в позднеримской армии роли кавалерии. Уже у Юлиана *тагма* это как отряд пехоты, так и кавалерии. В действительности, в этом нет ничего парадоксального: например, уже Полибий использует это слово в значении кавалерийского формирования (Polyb., III, 111, 11).

Тенденция обозначать римский кавалерийский отряд словом *тагма* сохраняется и в дальнейшем. В конечном итоге термин приобретает вполне определенное значение и в конце VI в. *тагма* – это византийское кавалерийское подразделение численностью 200–400 всадников (Maug., I, 4; II, 20).

Не исключено, что рассказывая о победе Папа, Аммиан воспользовался каким-то греческим текстом, где было использовано словотып *тагма*, в значении кавалерийский отряд. Однако по той причине, что оно находилось достаточно далеко от упоминания об армянских всадниках, смысл его мог быть неясен; поэтому Аммиан, при переводе на латынь сохранил за ним старое, традиционное значение – *legio*.

Изменение значения старых терминов касается не только названий подразделений. В эпоху Республики и ранней Империи термин *armatus* означал того, у кого есть оружие, в противовес тем, кто оружия не имеет или чье оружие не носит специфически военного характера. Вместе с прилагательными термин также мог означать различные типы военных отрядов (Janniard 2004: 390, n. 8), однако он не содержал в себе указания на качество вооружения, которым располагал солдат. В позднюю эпоху *armatus* – это уже не просто слово для обозначения солдата, но и вполне конкретный термин, указывающий на категорию войск. Аммиан сообщает, что *арматы* образовывали

императорский эскорт – *cohortes armatae* (Amm., XX, 5, 1; XXIV, 4, 18; XXV, 1, 16) (Janniard 2004: 391, n. 10). Историк использует в данном случае слово *armatae* в качестве прилагательного, однако он делает это исключительно для того, чтобы указать на особое вооружение войск, иначе было бы трудно понять, для чего потребовалось таким образом классифицировать когорты, которые изначально были военными подразделениями, особо выделяя их среди остальных отрядов армии (Janniard 2004: 391, n. 11). *Арматы* участвовали в триумфальном въезде Констанция II в Рим (357 г.). Их вооружение было достаточно точно описано Аммианом: «С той и другой стороны шли две шеренги арматов, вооруженных щитами и в шлемах с султанами..., облаченных в сверкавшие кирасы» (Amm., XVI, 10, 8)⁷.

Арматы были главной ударной силой армии. Они первыми шли на штурм вражеских укреплений (Amm., XXIII, 4, 8; XXIV, 2, 9; 4, 13; 18; 24; XXVI, 1, 8). При штурме Аквилеи (361 г.), например, *арматы* стояли на верхних ярусах подвижных башен, сражаясь с защитниками города, в то время как легковооруженные находились на нижних, откуда они пытались перебраться через стену (Amm., XXI, 12, 9). Во время столкновения с лентиензами (378 г.) Грациан приказал отобрать из каждого легиона по 500 *armati*, чтобы штурмовать высоты. (Amm., XXXI, 10, 13). Возможно, перемена значения слова *armatus* произошла под влиянием греческого ὀπλίτης, широко использовавшегося в позднюю эпоху для обозначения тяжеловооруженных пехотинцев (Janniard 2004: 392, n. 19).

Armatus – не единственный термин, поменявший свое значение в позднеримский период. То же самое произошло со словом *scutatus*. В источниках Республики и принципата так называли тяжеловооруженных пехотинцев (Janniard 2004: 392, n. 22). Вегетий знает об этом значении слова в прежние времена (Veg., I, 20)⁸. В позднюю эпоху термин приобретает новое значение. Тот же Вегетий помещает *скутатов* в третьем и четвертом ряду боевого порядка, причисляя их к легкой пехоте (Veg., II, 15).

⁷ «...Et incedebat hinc inde ordo geminus armatorum clipeatus atque cristatus corusco lumine radians, nitidis loriceis indutus...».

⁸ «[Apud veteres] Pedites autem scutati praeter catafractas et galeas etiam ferras ocreas in dextris scuribus cogere accipere» ([У древних] Пехотинцы же щитоносцы кроме панцирей и шлемов должны были носить на правых голених железные поножи»).

В IV столетии ношение или отсутствие панциря стало, очевидно, определяющим для различных категорий солдат. Тяжеловооруженный пехотинец (*armatus, loricatedus*) стал противопоставляться легковооруженному, у которого был только щит (*scutum*). Поэтому легковооруженные и были названы *скутатами* (Janniard 2004: 393, n. 25).

Не совсем ясна ситуация с термином *cuneus*, который мы понимаем как «клин». Вегеций называет этим словом построение в виде треугольника или, скорее трапеции (Veg., I, 26)⁹. «Клином, – пишет Вегеций, – называются отряды пехоты, соединенной с боевым строем, в котором первые ряды короткие, а дальнейшие становятся все шире; он прорывает строй врагов, потому что копья многих направлены в одно место. Этот строй воины называют “свиное рыло”» (Veg., III, 19; пер. С. П. Кондратьева)¹⁰.

Существует мнение, что при описании данного боевого порядка Вегеций отождествил *cuneus*, упоминание о котором можно найти в республиканских сочинениях по тактике с *caput porcinum* («свиным рылом») – построением, использовавшимся в современную ему эпоху как римлянами, так и германцами (Wheeler 2004: 346). В действительности это были разные построения, что, возможно, и послужило причиной того, что Аммиан, рассказывая об образовании римлянами «свиной головы» (*caput porci*), не называет такой боевой порядок *cuneus* (Amm., XVII, 13, 9), хотя среди военных терминов, употребляемых им, последний один из наиболее распространенных и многозначных. Он может использовать его для обозначения группы невооруженных гражданских лиц (Amm., XV, 7, 4); банд разбойников-исавров (Amm., XIX, 13, 1; XXVII, 9, 6); отрядов римской кавалерии (Amm., XVI, 11, 5; XXVIII, 5, 6); отрядов римской пехоты (Amm., XXV, 1, 17); отрядов римской армии вообще (Amm., XVII, 12, 9; XX, 11, 6; XXIV, 1, 3); отрядов пехоты германцев (Amm., XVI, 12, 20); отрядов варваров вообще (Amm., XVII, 12, 1; XXVII, 2, 4); отрядов персидской кавалерии (Amm., XVIII, 8, 9; XXIV, 5, 5). Другими словами, *cuneus* у Аммиана – синоним слов *globus* или *manus* в смысле

⁹ «...In trigonum, quem cuneum vocant...» («Треугольником, который называют клином»).

¹⁰ «Cuneus dicitur multitudo peditum, quae iuncta cum acie primo angustior deinde latior procedit at adversariorum ordines rumpit, quia a pluribus in unum locum tela mittuntur. Quam rem milites nominant caput porcinum».

«толпа», «отряд» и не имеет никакого специального военного значения.

В латинской военной литературе и историографии термин *cuneus* (мн. ч. *cunei*) появляется, по крайней мере, с Катона Старшего. При этом, необходимо отметить, что у Цезаря, Ливия, Фронтин, Арриана, Аппиана и Диона Кассия отсутствуют примеры использования такого характерного словосочетания, как *caput porcinum* (Wheeler 2004: 346). Это не может быть случайностью, особенно на фоне того, что данное выражение встречается в источниках IV, V и VI вв. Классические авторы (Цезарь, Ливий, Тацит, Фронтин) могли использовать термин *cuneus* для обозначения любого глубокого и плотного боевого порядка, в частности, македонской фаланги (Caes., BG, I, 51; Tac., Hist., IV, 16; V, 16), Например, Фронтин утверждает, что Эмилий Павел в битве при Пидне поставил свои войска в три линии *кунеями*, между которыми разместил велитов (Frontin., II, 3, 20)¹¹. Ливий ставит знак равенства между терминами *cuneus* и *phalanx* (фаланга), утверждая, что тот строй, который македоняне называют «фалангой» римляне называют *cuneus* (Liv., XXXII, 17, 11)¹². Понятно, что форма клина не имеет к этим боевым порядкам никакого отношения¹³.

Анонимный автор панегирика утверждает, что в 313 г. в сражении у Турина (*Augusta Taurinorum*) армия Константина образовала *cuneus*. Можно предположить, что в данном случае имеется ввиду клин. Однако тогда будет непонятно, зачем панегиристу потребовалось уточнять, что боковые стороны этого «клина» были отведены назад? И как боковые стороны клина, назначение которого было прорывать вражеский строй, могли во время сражения двинуться вперед, чтобы окружить неприятеля (Pan. Lat., XII (9), 6, 3–4)? Однако если предположить, что выражение *in cunei modum* означает «в форме фаланги», тогда все станет ясно: армия Константина стояла плотным строем, центр которого выдавался вперед, а фланги были отведены назад.

¹¹ «Triplisem aciem cuneis» («Тройной строй кунеями»).

¹² «...Cuneum Macedonum – phalangem ipsi vocant» («Клин македонян, который сами они называют фалангой»).

¹³ Об особенностях различных типов боевых порядков см. Lammert, Lammert 1921: 436–481; Lammert 1939: 1625–1646; Küsters 1939: 5–9; Дельбрюк 1994: 198–211; 287–291.

Вполне вероятно, что пехотный клин изначально имел германское происхождение. Тацит передает, что главная сила германцев была в пехоте, а строились они, образуя *cunei* (Tac., Germ., 6)¹⁴. Можно, конечно же, представить, что вся германская пехота образовывала на поле боя линию из отдельно стоящих клиньев, но это выглядело бы странным. Цезарь утверждает, что обычное построение германцев представляло собой фалангу (Caes., BG, I, 52)¹⁵, и именно так построились воины Ариовиста в столкновении с римскими легионами. Допустимо предположить, что термин *cuneus* в позднюю эпоху стал употребляться в ряде случаев в значении «построения клином» оттого, что германские боевые порядки, упоминаемые римскими авторами, представляли собой отдельные отряды, состав которых определялся родственной или племенной близостью. Костяк такого формирования образовывали, стоявшие в его «голове», знатные либо просто опытные воины. Остальная часть отряда выстраивалась этой «профессиональной» группой, что и придавало всему строю некое подобие треугольника (Rance 2004 292).

Таким образом *cuneus* определялся не столько формой или размерами, сколько плотностью и глубиной. Понятно, что когда Аммиан утверждает, что римская армия совершает переход «тесными кунеями» (*cuneis confertis*) (Amm., XX, 11, 6), или свободными кунеями *laxatis cuneis* (Amm., XXIV, 1, 3), то речь идет не о клиньях, а о походных колоннах.

Если мы примем во внимание, что первоначальное и основное значение термина *cuneus* было «плотное глубокое построение», то станет ясно, что это именно те характеристики, которые были типичны для фаланги. Ничто не мешает нам предположить, что *cunei*, упоминания о которых постоянно встречаются в тексте Аммиана, могли на поле боя разворачиваться бок о бок с минимальными интервалами, являя позднеримскую концепцию фаланги (Wheeler 2004: 349). Они могли так же образовывать достаточно протяженную боевую линию, состоящую из отдельных боевых единиц. Даже объединенная фаланга союзных греческих городов в классическую эпоху не была непрерывной линией без интервалов между контингентами разных полисов (Wheeler 2004: 350).

¹⁴ «Acies per cuneos componitur» («Боевой строй образуется кунеями»).

¹⁵ «At Germani celeriter ex consuetudine sua phalange facta impetus gladiatorum exciperunt» («А германцы, по обычаю, быстро образовав фалангу, отразили натиск мечей»).

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что неясность, а порой даже противоречивость военной терминологии – важная особенность позднеантичных источников, не учитывая которую мы легко можем встать на путь совершенно произвольных обобщений и прийти к заведомо неправильным выводам.

Литература

- Болгов, Литовченко 2007 – Болгов Н. Н., Литовченко Е. В. Зосим – «последний эллин» // Проблемы филологии, истории, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск. 2007. Т. XVII. С. 527–536.
- Герцман 1995 – Герцман Е. В. Музыка древней Греции и Рима. СПб.: Алетейя, 1995.
- Дельбрюк 1994 – Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. В 4 т. Т. I. Античный мир / пер. Л. Грин-круга, В. Авдиева. СПб.: Наука-Ювента, 1994.
- Холмогоров 1939 – Холмогоров В. И. Римская стратегия в IV в. н. э. у Аммиана Марцеллина // Вестник древней истории. 1939. № 3. С. 87–97.
- Cascarino 2008 – Cascarino G. L'esercito Romano. Armamento e organizzazione. Vol. II: Da Augusto ai Severi. Rimini: Il Cerchio Iniziative Editoriale, 2008.
- Janniard 2004 – Janniard S. Armati, scutati et la categorisation des troupes dans l'Antiquité tardive // L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I. Actes du Congrès de Lyon (12–14 septembre 2002), rassemblées et éditées par Y. Le Bohec et C. Wolf. Lyon, 2004. P. 389–395.
- Küstners 1939 – Küstners A. Cuneus, Phalanx und Legio: Untersuchungen zur Wehrverfassung, Kampfweise und Kriegführung der Germanen, Griechen und Römer. Würzburg-Aumühle: Konrad Triltsch, 1939.
- Lammert, Lammert 1921 – Lammert E., Lammert F. Schlachordnung // RE. 2R. Hbbd. 3. 1921. Sp. 436–481.
- Lammert 1939 – Lammert F. Phalanx // RE. Bd. XIX. 1939. Sp. 1625–1646.
- Le Bohec 2006 – Le Bohec Y. L'armée Romaine sous le Bas-Empire. Paris: Picard, 2006.
- Meucci 1989 – Meucci R. Roman military Instruments and the Lituus // The Galpin Society Journal. 1989. № 42. P. 85–97.
- Rance 2004 – Rance Ph. The Fulcum, the Late Roman and Byzantine Testudo: the Germanization of Roman Infantry Tactics? // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2004. Vol. 44. №3. 265–326.
- Wheeler 2004 – Wheeler E. L. The Legion as Phalanx in the Late Empire, Part I // L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I. Actes du Congrès de Lyon (12–14 septembre 2002), rassemblées et éditées par Y. Le Bohec et C. Wolf. Lyon, 2004. P. 309–358.

Список сокращений

Амм. – Аммиан Марцеллин, «Деяния».
 Caes., BG – Гай Юлий Цезарь, «Записки о галльской войне».

Dio – Дион Кассий, «Римская история».
Dionys. – Дионисий Галикарнасский, «Римские древности».
Flav., BJ – Иосиф Флавий, «Иудейская война».
Frontin. – Фронтин, «Военные хитрости».
Mart., Epigr. – Марциал, «Эпиграммы».
Maur. – Маврикий, «Стратегикон».
ND, Oc. – ND in partibus Occidentis – «Расписание должностей в западных провинциях».
ND, Or. – ND in partibus Orientis – «Расписание должностей в восточных провинциях».
Plut., Brut. – Плутарх, «Брут».
Polyb. – Полибий, «Всеобщая история».
Soz. – Созомен, «Церковная история».
Strab. – Страбон, «География».
Tac., Germ. – Тацит, «Описание Германии».
Tac., Hist. – Тацит, «История».
Veg. – Вегеций, «Краткое изложение военного дела».
Zos. – Зосим, «Новая история».

A. V. Bannikov, O. V. Przhigodzkaya. Some features of Latin military terminology in late IV century

The historical work of Ammianus Marcellinus is considered to be the most important source for the history of late IV century. The scrupulous analysis of its information on warfare makes the researchers doubt about Ammianus' accuracy: Ammianus was inaccurate in usage of military terminology, incoherent in description of machines. One can suppose thereupon that Res Gestae isn't such a reliable source as it considered to be. Nevertheless the careful examination of each questionable episode reveals that Ammianus has tried to use military terminology of Caesar, Tacitus and Livius. The use of word was much more important for Ammianus than its meaning. The historian tended to write about the reality contemporary with him using the termini which had been employed by his great predecessors.

Keywords: Ammianus Marcellinus, cuneus, scutatus, armatus, Notitia dignitatum.

**СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКОГО
ЗАПАСА РИМСКОГО ЭПОСА I В. Н. Э. В
СОПОСТАВЛЕНИИ С КОРПУСОМ САЛЛЮСТИЯ**

В статье рассматривается лексический запас Вергилия, Лукана, Валерия Флакка, Стация и Силия Италика. В результате статистического анализа были выявлены закономерности, свидетельствующие о единстве языка эпической поэзии. Для проверки данных массив лексики был сопоставлен с корпусом Саллюстия, что позволило подтвердить ранее высказанные предположения. Сопоставление с последним помогло выявить пласт незаменимой общей лексики и отделить его от специфически эпического словарного запаса.

Ключевые слова: поэтическая лексика, римский эпос, Саллюстий.

В своем цикле статей (Беликов 2011, 2012, 2014) я неоднократно обращался к теме единства языка римского эпоса, сложившегося к I веку н. э., как это постулирует Ману Лейманн (Leumann 1947: 118). Хотя исследованием языка римской поэзии на протяжении прошедшего века занимались многие (Weise 1909; Kroll 1924; Janssen 1988: 67–130; Adams, Meyer 1999), идея Артура Лесли Вилера (Wheeler 1919: 179–192, 188–192) о составлении своего рода словаря поэтических слов, зеркально отраженная в «Непоэтических словах» Бертиля Аксельсона (Axelson 1945), не была реализована до конца.

Основываясь на этих предпосылках, я попробовал статистически проанализировать лексический запас пяти римских эпиков, для чего мне пришлось создать Сводный частотный указатель лексики Вергилия, Лукана, Валерия Флакка, Стация и Силия Италика¹, в который в сумме вошла 6501 лексическая единица². Степень общеупотребительности лексики от одного

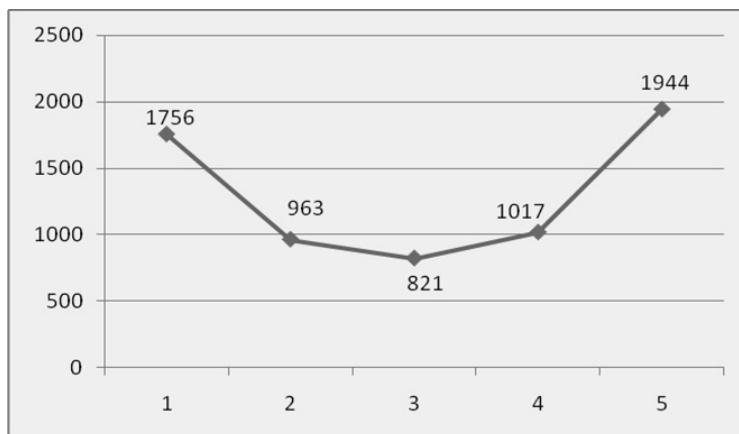
---

¹ В основу работы положены конкордансы к перечисленным авторам; выходные данные приведены в библиографии. Выбор авторов, помимо жанровых и хронологических соображений, обусловлен наличием для них частотных указателей лексики.

² Из общего объема в целях настоящего исследования были исключены имена собственные (этот класс лексики наиболее сильно зависит от конкретного произведения, хотя и в нем можно выделить некий

до пяти авторов наиболее удобно представить в виде графика (по горизонтали: количество авторов – из пяти – у которых зафиксировано слово; по вертикали: количество таких слов):

Можно видеть, что график образует своеобразную «чашу» – что похоже на нормальное распределение – с незначительным перекосом в сторону общеупотребительной лексики (правая часть графика). В ходе дискуссий после представления³ этих результатов было высказано возражение, что, возможно, эта картина не является доказательством единства поэтического языка, но является результатом случайности – и какое бы произвольное количество авторов мы ни взяли, график будет примерно таким же.

Это побудило меня предпринять *experimentum crucis*: стало очевидно, что необходимо добавить к сравнению прозаического автора. Выбор прозаических авторов, для которых был бы доступен частотный указатель и которые бы хронологически не слишком отстояли от рассматриваемого периода, оказался весьма невелик – заданным критериям соответствовал только

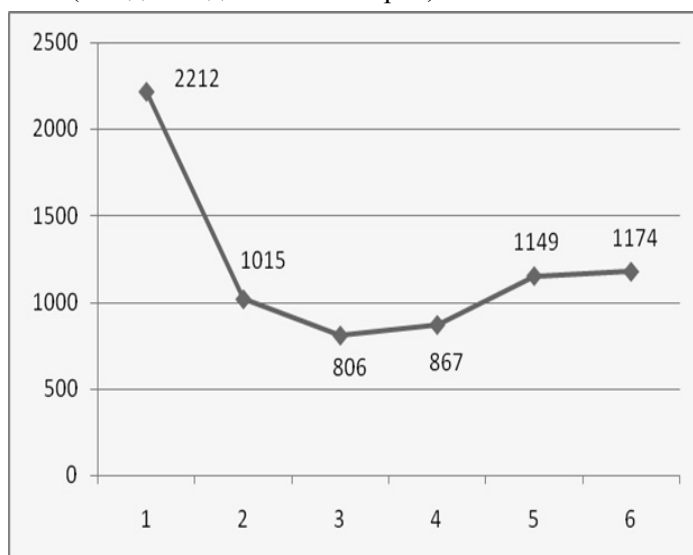

общий для эпической поэзии арсенал), местоимения и служебные части речи.

³ Результаты были представлены при обсуждении диссертации – Беликов А. Е. Поэтическая лексика «Аргонавтики» Валерия Флакка в контексте римской эпической поэзии I века н. э. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. н. М., 2013 (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова).

Саллюстий⁴. Его сложно назвать идеальным прозаическим кандидатом для сравнения с эпиками – многие исследователи говорят о «поэтичности» его стиля (Syme 1964: 240–274; обзор истории вопроса – фон Альбрехт 2002: 492–494). Тем более можно было ожидать, что он «впишется» в нормальное распределение лексики.

Для статистического анализа данные по Саллюстию были объединены с данными эпических поэтов – был получен указатель из 7223 лексических единиц, которые затем были, как и в предыдущем случае, сгруппированы по степени общеупотребительности (от одного до шести авторов):

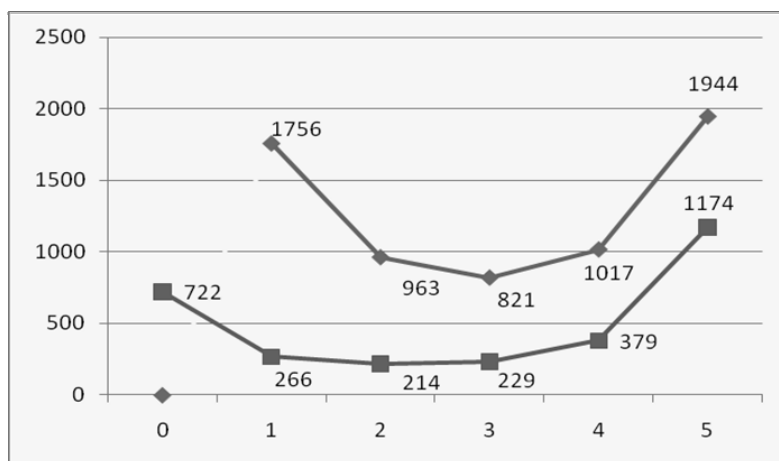

Можно видеть, что получившийся график резко отличается от предыдущего: правая часть сильно «упала» (что говорит о меньшей доле общей лексики), левая часть обозначилась

⁴ Указанный в библиографии конкорданс основан на следующих изданиях корпуса Саллюстия: C. Sallusti Crispi Catilina, Iugurtha, Fragmenta ampliora / Ed. A. Kurfess. Leipzig, 1968; Appendix Sallustiana, Fasc. 1, Epistulae ad Caesarem / Ed. A. Kurfess. Leipzig, 1970; Appendix Sallustiana, Fasc. 2, Invectivae / Ed. A. Kurfess. Leipzig, 1970; C. Sallusti Crispi Historiarum reliquiae, Fasc. 2, Fragmenta / Ed. B. Maurenbrecher. Leipzig, 1893. Тот факт, что в конкорданс включены спорные в своей подлинности письма к Цезарю и инвективы, делает его еще более ценным в качестве прозаического корпуса в противопоставлении корпусу эпиков.

«острее» (что говорит о большей доле непересекающейся лексики). Столь сильные изменения случились от добавления лишь одного прозаического автора – это убедительно доказывает, что природа поэтической и прозаической лексики различна и различима не только на единичном (никто не оспаривает общеизвестное выделение прозаизмов и поэтизмов), но и на статистическом уровне.

Теперь же представим данные по соотношению лексики Саллюстия и поэтов в другом виде – на первый график с распределением лексики у пяти эпиков наложим график пересечения с ними словаря Саллюстия (по горизонтальной шкале: 0 – слова только у Саллюстия и не встречаются у пяти эпиков; далее по числу пересечений от 1 до 5):

В отличие от предыдущего, служившего лишь целям проверки теории, этот график более информативен. В правой части можно видеть значительное количество пересечений лексики у прозаика и поэтов – видимо, это та часть языка, без которой латинский автор просто не может обойтись вне зависимости от жанра (например, глаголы *esse*, *ire*, *venire* и т. п.). Однако остается еще большой объем слов, общераспространенных у эпиков, но отсутствующих у Саллюстия: таким образом, можно говорить о том, что графически поэтическая лексика может быть представлена как площадь, ограниченная верхним и нижним графиками, с той оговоркой, что из-за склонности Саллюстия к употреблению отдельных поэтизмов нижняя

граница должна быть еще ниже, но подобное уточнение требует уже штучной проверки. В левой части графика (пересечения от 1 до 3 поэтов) можно видеть значительное снижение количества лексики, общей для Саллюстия и эпиков. Вероятно, сюда относится нейтральная или скорее прозаическая по своему характеру лексика, которая могла быть использована кем-то одним из поэтов, но была избегаема остальными.

Особенно показательны для исследования две точки – 1 (пересечение Саллюстия только с одним автором из пяти) и 4 (пересечение Саллюстия с четырьмя авторами из пяти). В первом случае результаты следующие: пересечение Саллюстия только с Вергилием – 74 слова; с Луканом – 42; с Валерием Флакком – 6; со Стацием – 82; с Силием Италиком – 62. Как можно видеть, наиболее сильно от Саллюстия отстоит Валерий Флакк (разница с остальными эпиками на порядок) – наиболее приверженный чистоте поэтической речи, как я пытался продемонстрировать в своих работах. Остальные результаты требуют дополнительной проработки, чтобы объяснить присутствие тех или иных слов у поэтов их стилистическими установками. В случае же с пересечением Саллюстия с четырьмя авторами особенно показательно становится отсутствие одного из поэтов: встречается у всех, кроме Вергилия, 27 слов; кроме Лукана – 135; кроме Валерия – 172; кроме Стация – 19; кроме Силия – 26. Эти данные несколько сложнее интерпретировать: означает ли отсутствие слова только у одного из поэтов простую случайность или нечто большее? Если результаты Вергилия, Стация и Силия довольно близки и могут быть списаны на стечение обстоятельств, то резко выделяющиеся на их фоне данные по Лукану и Валерию Флакку нуждаются в объяснении; и если для Валерия Флакка это можно объяснить повышенной строгостью при отборе лексики и сознательным ограничением словаря, то Лукан требует отдельного исследования.

Таким образом, я считаю продемонстрированным единство языка римского эпоса и отличие его от языка прозаика, пусть и не чуждого использованию поэтической лексики. Сопоставление с последним также помогло выявить пласт незаменимой общей лексики и отделить его от специфически эпического словарного запаса. Результаты по отдельным авторам могут послужить стартовой точкой для дальнейших исследований (а для Валерия Флакка подтверждают ранее сделанные выводы).

Надеюсь, что предложенная методика статистического анализа будет полезна и в будущем.

Литература

- Альбрехт 2002 – Альбрехт М. фон История римской литературы от Андроника до Боэция и ее влияния на позднейшие эпохи / Пер. А. И. Любжина. Т. 1. М., 2002.
- Беликов 2011 – Беликов А. Е. *Denominibus substantivis apud Valerium Flaccum* // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV. Часть I. СПб., 2011. С. 33–38.
- Беликов 2012 – Беликов А. Е. Поэтическая лексика в «Аргонавтике» Валерия Флакка: прилагательные // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVI. СПб., 2012. С. 53–58.
- Беликов 2014 – Беликов А. Е. Материалы для сравнительного исследования словарного запаса Вергилия и Силия Италика // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII. СПб., 2014. С. 22–31.
- Adams, Mayer 1999 – Adams J. N., Mayer R. G. *Introduction // Aspects of the Language of Latin Poetry*. Oxford; New York, 1999.
- Axelsson 1945 – Axelsson B. *Unpoetische Wörter*. Lund, 1945.
- Concordantia in *Corpus Sallustianum* / Cur. J. Rapsch, D. Najock, A. Nowosad. 2 Bd. Hildesheim-Zürich-New York, 1991.
- Concordantia in *Lucanum* / Curav. M. Wacht. Hildesheim-Zürich-New York, 1992.
- Concordantia in *Silii Italici Punica* / Curav. M. Wacht. Hildesheim-Zürich-New York, 1989.
- Concordantia in *Statium* / Curav. M. Wacht. 3 Bd. Hildesheim-Zürich-New York, 2000.
- Concordantia *Vergiliana* / Curav. M. Wacht. 2 Bd. Hildesheim-Zürich-New York, 1996.
- Gaii Valerii Flacci Argonauticon Concordantia* / Curav. M. Wacht. Hildesheim-Zürich-New York, 2005.
- Janssen 1988 – Janssen H. H. *Le caratteristiche della lingua poetica romana // La lingua poetica latina / A cura di A. Lunelli, trad. G. Nordio, L. Toffolon*. Bologna, 1988. P. 67–130.
- Kroll 1924 – Kroll W. *Studien zum Verständnis der Römischen Literatur*. Stuttgart, 1924.
- Leumann 1947 – Leumann M. *Die lateinische Dichtersprache // Museum Helveticum*. Vol. 4. Basel, 1947. S. 116–139.
- Syme 1964 – Syme R. *Sallust*. Berkeley, 1964.
- Weise 1909 – Weise O. *Charakteristik der Lateinischen Sprache*. Leipzig-Berlin, 1909.
- Wheeler 1919 – Wheeler A. L. *Remarks on Roman Poetic Diction // Classical Weekly*, vol. 12 № 23–24, whole № 337–338. 1919. P. 179–182, 188–192.

A. E. Belikov. Statistical analysis of the I century AD epic poets' vocabulary in comparison with the Sallustian corpus

The paper is dedicated to the structure of the I century AD epic poets' vocabulary. Word frequency lists (based on the concordances to Virgil, Lucan, Valerius Flaccus, Statius and Silius Italicus) being statistically analyzed show great overlap and unity, which was theoretically postulated by Manu Leumann and which is now proved empirically. As an *experimentum crucis* prosaic author was to be included in comparison. The Sallustian corpus was chosen because the word frequency list was available and the chronological distance between authors was short. And even though Sallust is said to be a "poetical" writer and stylist (fact that should have made him closer to epic vocabulary) the results obtained show a great gap between him and poetry. There is some part of necessary words, that are common in any kind of text (e.g. *esse, ire, venire*), but it is limited; and there is a mass of words common in epic language, that do not interfere with the prosaic author. More detailed analysis shows that the most strict principles of choosing words are applied by Valerius Flaccus (which confirms the results of previously made investigations). Also there are some peculiar results for Lucanus, which provoke a special research.

Keywords: poets' vocabulary, Roman epos, Sallust.

А. В. Белоусов

К НОВОМУ ИЗДАНИЮ ДВУХ ГРЕЧЕСКИХ ЗАКЛЯТИЙ С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ¹

В статье представлено новое издание двух заклятий на свинцовых пластинках, вероятно, происходящих из Ольвии, которые находятся в настоящее время во Франции и Бельгии.

Ключевые слова: греческая эпиграфика, заклятия на свинце, *defixionum tabellae*, Северное Причерноморье, Ольвия, греческая магия.

Представляемые в данном сообщении *defixionum tabellae*, как указано в заголовке, ныне находятся на Западе: первая (если она не была утеряна окончательно на протяжении бурного XX века), вероятно, хранится где-то во Франции, а вторая – в Брюсселе, в одной из коллекций Королевских музеев. Оба памятника подвергнуты мной новой ревизии и переиздаются заново в соответствии с современной практикой.

№ 1

ОПИСАНИЕ: Четырехугольная свинцовая пластинка, свернутая прежде шесть раз (верхний край был еще раз загнут), с греческой надписью: высота 6 см, длина 15 см. Размер букв первым издателем не указан. «Elle est déchirée à droite et à gauche».

МЕСТО НАХОДКИ: Ольвия (?)

МЕСТО ХРАНЕНИЯ: Неизвестно.

ДАТИРОВКА: IV в. до н. э.

ИЗДАНИЕ: Héron de Villefosse 1905: 312–313.

БИБЛИОГРАФИЯ: SGD 175; Avram, Chiriac, Matei 2007: 386, № 14.

---

¹ Работа выполнена при поддержке LabeX TransferS и École normale supérieure (AOROC-CNRS, Paris).

Τекст:

	[Διον]ύσιος		ΥΣΙΟΣ
	[Εὔμ]ηλος		ΗΛΟΣ
	[- - -]ΜΙΛΛΡΟΣ		ΜΙΛΛΡΟΣ
	[- - -]ανδρος		ΑΝΔΡΟΣ (ΑΝΔ <i>liés</i>)
5	[- - -]Μ ...ΟΣ	5	Μ. ...ΟΣ
	[- - -]ΙΣΙΟΣ		■ ΣΙΟΣ
	[Ἀρ]ιστομέμης		ΙΣΤΟΜΕΝΗΣ
	[Π]ολ[υκ]ράτης		ΟΛ■ΡΑΤΗΣ
	[- - - - -]Ἡροσ[ῶ]ν		... . ΗΡΟΣ Ν
10	[Εὐσ]έβης Μνησίθεος	10	ΕΒΗΣ ΜΝΗΣΙΘΕΟΣ
	[Πολυ]κράτης Μάσας		ΚΡΑΤΗΣ ΜΑΣΑΣ
	[- - -]ΕΜΛΗΛΑΚ[- -]ΡΑΤΟ		ΕΜΛΗΛΑΚ■ΡΑΤΟ
	[Ἀρτ]ίμας ΚΕΡΚΕΔ		ΙΜΑΣ ΚΕΡΚΕΔ
	[Μν]ησίθεος ΣΙΡΟΣ		ΗΣΙΘΕΟΣΣΙΡΟΣ
15	[- -]ΟΡΟΣ ΝΟΓΕΝ	15	ΟΡΟΣ ΝΟΓΕΝ
	[- - - - -]Ν[- - - -]		Ν
	[Ε]ὔβδολος		ΥΒΟΛΟΣ
	[Πολυ]κράτης		ΚΡΑΤΗΣ
	[- -]ώνυμος		ΛΝΥΜΟΣ

1: [Διον]ύσιος *de Villefosse*; **2:** [Εὔμ]ηλος *proposui*; **4:** [Κλέ]ανδρος *aut* [Λύσ]ανδρος *de Villefosse*; **6:** [Διον]ύσιος ? *coniecii*; **7:** [Ἀρ]ιστομέμης *de Villefosse*; **8:** [Π]ολ[υκ]ράτης *de Villefosse*; **9:** ΗΡΟΣ Ν *de Villefosse*, Ἡροσ[ῶ]ν *proposui*; **10:** [Εὐσ]έβης Μνησίθεος *de Villefosse*; **11:** [Πολυ]κράτης *de Villefosse*; Μάσας *proposui*; **13:** [Ἀρτ]ίμας *coniecii*; **14:** Μνησίθεος *de Villefosse*, [Τμ]ησίθεος *proposui*; **17:** [Ε]ὔβδολος *de Villefosse*; **18:** [Πολυ]κράτης *de Villefosse*; **19:** ΛΝΥΜΟΣ *de Villefosse*, [- -]ώνυμος *coniecii* ([Ἡρ]ώνυμος ?).

Комментарий

Издатель памятника, Эрон де Вильфосс, сообщает, что скопировал эту надпись в начале ноября 1905 г. в Париже² со свинцовой пластинки, «найденной в Ольвии». О *paleoγραφии* текста он сообщает немного, только что надпись «tracée très légèrement à la ponte» (Héron de Villefosse 1905: 312) и что «les ☉ sont pointés et non barrés» (там же: 313). По дипломатической записи текста, данной издателем, можно предполагать колебание фор-

² К сожалению, мои попытки разыскать памятник в Париже в 2014–2015 гг. несмотря на все усилия оказались безуспешными.

мы эпсилона: везде прямая, а в строке 10 (в имени Μνησίθεος) вертикаль округлая. Кроме того, судя по всему, в строке 4 буквы ΑΝΔ составляют лигатуру.

Формула заклѣтия типична для Ольвии: имена в номинативе и без патронимов. Все восстановления, за отсутствием какой-либо прориси и фото, носят весьма гипотетический характер.

Каких-либо выдающихся особенностей *языка* в данном документе не наолюдается, за исключением разве что ионизма в имени [Ε]ῦββλος, если данное чтение может хоть в какой-то мере претендовать на правдоподобие. Имеющиеся данные о письме и языке надписи, вкпе с личными именами, вписанными в заклѣтие, позволяют предполагать датировку в пределах IV в. до н. э.

Личные имена:

[Διον]ύσιος – очень распространенное в Ольвии (начиная с V в. до н. э.) имя, встречающееся здесь множество раз (LGPN IV: 104). Присутствует также на нескольких ольвийских заклѣтиях³. Предложенное мной exempli gratia имя [Εῦμ]ηλος в Ольвии не зафиксировано, хотя является нередким в Северном Причерноморье (LGPN IV: 133). [- - -]ανδρος может заключать довольно большое количество имен, заканчивающихся на -ανδρος. Предлагающиеся первым издателем документа варианты [Κλέ]ανδρος или [Λύσ]ανδρος в Ольвии не засвидетельствованы, но вообще в Северном Причерноморье встречаются (LGPN IV: 192, 214–215). За [- - -]ΙΣΙΟΣ возможно следует видеть опять [Διον]ύσιος или предполагать что-то вроде [Χαρ]ίσιος (LGPN IV, 355), которое впрочем также в Ольвии не зафиксировано. [Ἀρ]ιστομένης встречается в Ольвии трижды (LGPN IV, 45), в том числе в заклѣтиях⁴. Имя [Π]ολ[υκ]ράτης (стк. 8)

³ 1) Дложевський 1930: 53–57; Kocevalov 1948: 263; IGDOP № 104. См. о также: Яйленко 1980: 87, прим. 26; SGD: 174; Vinogradov 1994: 108, п. 11; Тохтасев 2002: 85, прим. 75. 2) Тохтасев 2000: 311–315. Рис. 2.2; SEG 50: 702. См. также: NGCT 121. 3) Шкорпил 1908: 70–71; IGDOP № 110. См. также: SGD: 172; Тохтасев 1999: 192. В последнем памятнике это имя присутствует дважды.

⁴ 1) Шкорпил 1908: 70–71; IGDOP № 110. См. также: SGD: 172; Тохтасев 1999: 192. 2) В форме Ἀριστομένηος. Surutschan, Latyshev 1894: 15, № 28. Tab. V (фотография); Придик 1899: 119–120; Wunsch 1900: 235–236. № 3; DT: 142. № 89; Диль 1915: 51–52. № 2. Рис. 8–9 (прорись); IGDOP: 107. NB! Ни один издатель, включая В. В. Латышева, не изучал этот памятник de visu. См. также: Avram, Chiriac, Matei 2007: 386, № 11.

([Πολυ]κράτης (стк.11), [Πολυ]κράτης (стк. 18)) в Ольвии засвидетельствовано дважды (V–IV вв. до н. э.), кроме нашей надписи (LGPN IV: 284). Восстанавливаемое мною имя Ἦρος[ῶ]ν является в Ольвии (IV–III вв. до н. э.) весьма популярным (LGPN IV: 158) и встречается в виде патронима в одном *defixio*⁵ № 13. [Εὐς]έβης в Ольвии не зафиксировано, но встречается, например, в Каллатисе (LGPN IV: 136). Μνησίθεος (10) (Μν]ησίθεος (14)) в Понтийском регионе не встречается вообще, если верить LGPN IV, однако довольно часто встречается среди жителей ионийских полисов (LGPN V. A, 319). Предлагаемое мной восстановленное имя Μῦσας в Ольвии не встречается ни разу, хотя засвидетельствовано на Боспоре римского времени (LGPN IV: 223). [Ἀρτ]ίμας также не зафиксировано в Ольвии, но встречается, к примеру, в Каллатисе (LGPN IV: 51). ΚΕΡΚΕΔ – личное имя Κερκίδαας (LGPN IV, 190)? Имя [Ε]ῦβδολος засвидетельствовано в заклитии № 12 (Εῦβδολος Μοιραγόρεω), а также в Нимфее (LGPN IV: 129), в виде Εῦβουλος встречается в Северном Причерноморье (в Ольвии ни разу) довольно часто (LGPN IV: 129–130). В последней строке надписи де Вильфосс дает следующую запись текста: ΛΝΥΜΟΣ, я предполагаю, что первая буква – это не лямбда, а угловатое полукружие омеги и, соответственно перед нами окончание личного имени на -ώνυμος, например, имени [Ἦρ]ώνυμος, которое встречается в Западном Причерноморье, начиная с IV в. до н. э. (LGPN IV: 159).

№ 2

ОПИСАНИЕ: Продолговатая овальная свинцовая пластинка, ныне состоящая из трёх обломков, с греческой надписью: высота 3,7 см, длина 7,4 см.

МЕСТО НАХОДКИ: Ольвия (?).

МЕСТО ХРАНЕНИЯ: Collections des Antiquités étrusques et romaines, Musées royaux d'Art et d'Histoire (Bruxelles), № A 1858⁶.

ДАТИРОВКА: Конец IV – начало III вв. до н. э.

ИЗДАНИЯ: Jordan 1987: 162–166; Ottone 1992: 50–51; SEG 37: 681; 42: 728.

⁵ Vinogradov 1994: 103–108. № 1; SEG: 669; IGDOP № 106. См. также: EGBR 1996: 270; NGCT № 116; Avram, Chiriac, Matei 2007: 386, № 6.

⁶ Выражаю искреннюю благодарность сотрудникам музея за любезно присланную мне 3D фотографию памятника.

БИБЛИОГРАФИЯ: Verhoogen 1935: 17–18; SGD: 176; EGBR 1991: 50; 1996: 44; 2000: 290; Bull. 1993: 104; 1993: 375; Chaniotis 1992: 67–73; Тохтасьев 2000: 308, прим. 49; Avram, Chiriac, Matei 2007: 388–389, № 20.

Текст:

ΜΕΓΕΣΣΤΡΑΤΟΣΚΑΛΛΙΠΟΣ
 ΗΡΑΚΛΕΙΔΗΣΛΕΩΔΑΜΑΣ
 ΗΡΟΔΟΤΟΣΚΑΙΟΣΟΙΣΥΝΗΓ'ΟΡΟΥΣΙ^{AY}
 ΚΑΙΠΑΡΑΤΗΡΟΥΣΙ

Μεγέσ{σ}τρατος Κάλλιπος
 Ἡρακλείδης Λεωδάμας
 Ἡρόδοτος καὶ ὅσοι συνηγ'οροῦσι^{αὐ'}
 καὶ παρατηροῦσι

3: συνηγ'οροῦσι^{αὐ(τοῖς)/?}

Менестрат, Каллипп, Гераклид, Леодамант, Геродот и все, кто защищает (их) и наблюдает (за тяжбой).

Комментарий:

Палеография текста надписи позволяет отнести ее ко второй половине IV в. до н. э.⁷ Дукт в целом соответствует этому периоду, из особенностей следует отметить следующее: лунарная (местами угловатая) *сигма* и курсивная *омега*.

Языковые особенности ограничиваются рядом описок и исправлений (стк. 1: Μεγέσ{σ}τρατος⁸; стк. 3: συνηγ'οροῦσι, и здесь же над последними буквами слова написано **AY**, что, скорее всего следует читать как запоздалую сокращенную дописку αὐ(τοῖς)).

Формула заклятия со списком имен в номинативе и прибавленной к нему заключительной формулой καὶ ὅσοι не является чем-то необычным ни для Ольвии, ни для вообще эллинской ойкумены классической эпохи. Ср. встречающиеся в ольвийских памятниках выражения: καὶ τῶς αὐτῶι συνίδ/ντας

⁷ Д. Р. Джордан, исключительно из сопоставлений с афинским шрифтом, относит надпись к концу IV – нач. III вв. до н. э. (Jordan 1987: 162.

⁸ Экспрессивная геминация?

πάντας⁹; καὶ ἄλλοι οἱ ἐναντίοι ἐ^{μοι}/10; καὶ τοὺς ἄλλους τοὺς μετ' {αοτα} αὐτοῦ πάντας¹¹ и, возможно, № 15: καὶ οἱ (?) Δ (.. AN / πάντ[ω]ν¹². Особенностью является упоминание в тексте παρατηροῦντες (т. е. παρατηρηταί), 'наблюдающих (со стороны)', 'следящих (за тяжбой)', которые не только не засвидетельствованы в магической эпитафике, но также неизвестны в знакомой нам юридической эллинской практике. Тем не менее, по иным данным, например, по тем, которые нам предоставляют ораторская проза и другие эпитафические тексты, мы в праве предположить, что на судебных процессах собиралось множество людей так или иначе заинтересованных в ходе конкретной тяжбы. Достаточно свидетельств об этой практике среди древних эллинов собрал Ангелос Ханиотис, к работе которого я и отсылаю читателя (Chaniotis 1992). Этот же исследователь повысил вероятность происхождения данного памятника из этого города на том основании, что все пять имен, упомянутых в данном defixio, встречаются только в Ольвии (Chaniotis 1992: 72–73).

⁹ Шкорпил 1908: 69–70; Яйленко 1980: 86–87. таб. VIII. 1 (прорись). рис. 2 (фотография); SEG 30: 930; IGDOP № 101. См. также: Bull 1982: 236; SGD: 171; Avram, Chiriac, Matei 2007: 385. № 1.

¹⁰ Vinogradov 1994: 103–108. № 1; SEG: 669; IGDOP № 106. См. также: EGBR 1996: 270; NGCT № 116; Avram, Chiriac, Matei 2007: 386. № 6.

¹¹ Диль 1915: 40–56; Толстой 1953: 45–46. № 63; IGDOP № 105. См. также: Jordan 1987: 166; Jordan 1997: 217; Avram, Chiriac, Matei 2007: 386, № 5.

¹² Surutschan. Latyshev 1894: 15, № 28, Tab. V (фотография); Придик 1899: 119–120; Wunsch 1900: 235–236. № 3; DT. P. 142. № 89; Диль 1915: 51–52, № 2, рис. 8–9 (прорись); IGDOP 107. См. также: Avram, Chiriac, Matei 2007: 386, № 11. Параллели из других регионов древнего эллинского мира суть следующие (вместе с прибавленными к списку Д.Р. Джордана (Op. cit., p. 165, n. 8) свидетельствами): (Аттика) SGD 9: καὶ ἕ τις ἄλλος μετ' ἐκεῶν / ζύνδικός ἐστι ἔ μάρτυς; SGD 6: ὅποσοι ἴσιν / ἀντίδικοι / Εὐόπηι / μετὰ Πυθέο; SGD 19: καὶ τὸς ἄλλῶς τὸς μετ' ἐκἑνὸ [ἀ]ντ[ιδ]ικῶς [ἄπαν]τας; NGCT 1: καὶ τὸς ἄ[λλ]ῶς τὸς συνδ[ικ]ῶς τὸς Εὐκράτος; NGCT 12: καὶ οἱ ἄλλοι ἀντίδικοι; NGCT 15: καὶ πάντας τοὺς συνηγόρους τοὺς Μενεκράτους; DTA 38: καὶ το(ὺ)ς ἄλλο(υ)ς πάντας / ἢ ὅσοι συν/ροὶ αὐτο; DTA 39: καὶ τοὺς τούτων / συνδίκῶς πάντας / καὶ φίλους; DT 61: τοὺς μετὰ Πλαθά/νης πάντας καὶ ἄνδρας καὶ γυναῖκας; DT 62: καὶ τ[ο(ὺ)ς] συνδίκῶς; (Лесбос) NGCT 48: καὶ ὅσοι μελλ' εἰσὶ περὶ αὐτῶν ἔρην ἢ πό[λη]ν; NGCT 49: καὶ ἄλλος ἢ τις μετ' α[ῦ]των; NGCT 50: κάλλος ἢ ἐστι μετ' αὐτῶν; (Локры Эпизефирские) NGCT 83: οἱ ἄλλοι ἀντανταθ[ε]ντες, / καὶ εἴ τις ἀντα[ντ]ῆ ἀμῖν.

Личные имена:

Имя Μευξισ{σ}τρατος засвидетельствовано в Ольвии, не считая данного памятника дважды (LGPN IV: 230). Κάλλιπλος встречается в Ольвии также два раза в IV–III вв. до н. э. (LGPN IV: 183). Ἡρακλείδης – одно из самых популярных в Ольвии имен, зафиксированное эпиграфикой свыше тридцати раз в период с VI в. до н. э. вплоть до III в. н. э. (LGPN IV: 154–155). Личное имя Λεωδάμας в период с IV по III вв. до н. э. засвидетельствовано в ольвийских надписях пять раз (LGPN IV: 209). Ἡρόδοτος, вместе с упоминанием в этом документе, встречается в Ольвии также пять раз (LGPN IV: 157 – все упоминания относятся к IV–III вв. до н. э.). Встречается на двух других ольвийских заклетьях¹³.

Литература

- Беловцов 2012 – Беловцов А. В. Epigraphica Pontica: Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2011 г. // Аристей. Вестник классич. филолог. и антич. истории. VI. 2012. С. 206–225.
- Диль 1915 – Диль Э. В. Ольвийская чашка с наговором // ИАК 58. 1915. С. 40–56.
- Дложевський 1930 – Дложевський С. С. Епіграфічні дрібниці (3 нових матеріалів Північного побережжя Чорного моря) // Вісник Одеської комісії краєзнавства. Ч. 4–5. Одеса. 4–5. 1930. С. 53–57.
- Придик 1899 – Придик Е. М. Греческие заклетья и амулеты из Южной России // ЖМНП. 1899. Декабрь. С. 115–124.
- Толстой 1953 – Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.: Л., 1953.
- Тохтасьев 1999 – Тохтасьев С. Р. [Рец.:] Laurent Dubois. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont (École pratique des hautes études. Sciences historiques et philologiques III / Hautes études du monde gréco-romain 22) Genève 1996. 208 pp. // Hyperboreus. Studia classica. Vol. 5. 1999. Fasc. 1. С. 164–192.
- Тохтасьев 2000 – Тохтасьев С. Р. Новые tabellae defixionum из Ольвии // Hyperboreus. Studia classica. Vol. 6. 2000. Fasc. 2. С. 296–316.
- Тохтасьев 2002 – Тохтасьев С. Р. Остракон с поселения Козырка XII ольвийской хоры // Hyperboreus. Studia classica. 8. 1. С. 72–98.
- Шкорпил 1908 – Шкорпил В. В. Три свинцовые пластинки с надписями из Ольвии // ИАК. 27. 1908. С. 68–74.
- Яйленко 1980 – Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ 1980. 3. С. 75–116.

¹³ 1) Тохтасьев 2000: 308–311, рис. 2.1; SEG 50: 702; Caloru O. Old and New Magical Inscriptions // ZPE. 176. 2011. S. 135–136. Pl. 1; Беловцов 2012: 217–218. № 20. См. также: NGCT № 120; Avram, Chiriac, Matei 2007: 386. 2) Тохтасьев 2000: 311–315, рис. 2.2; SEG 50: 702. См. также: NGCT 121.

- Avram, Chiriac, Matei 2007 – Avram A., Chiriac C., Matei I. Defixiones d'Istros // BCH. 131.1.2007. P. 383–420.
- Caloru 2011 – Caloru O. Old and New Magical Inscriptions // ZPE. 176. 2011. S. 135–138.
- Chaniotis 1992 – Chaniotis A. Watching a Lawsuit. A New Curse Tablet from Southern Russia // GRBS. 33. 1992. P. 67–73.
- DT – Audollent A. Defixionum tabellae quotquot innotuerunt tam in Graecis Orientis quam in totius Occidentis partibus praeter Atticas in Corpore inscriptionum Atticarum editas. Luteciae Parisiorum, 1904.
- Héron de Villefosse 1905 – Héron de Villefosse A. Compte-rendu de la séance du 15 novembre // Bulletin de la Société nationale des antiquaires de France. 1905. P. 312–313.
- IGDOP – Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève, 1996.
- Jordan 1987 – Jordan D. R. A Greek Defixio at Brussels // Mnemosyne. 40. 1–2. 1987. P. 162–166.
- Jordan 1997 – Jordan D. R. An Address to a Ghost at Olbia // Mnemosyne. 4th Series. 50. 2. 1997. P. 212–219.
- Kocevalov 1948 – Kocevalov A. Die antike Epigraphik der euxeinischen Kolonien in den letzten Jahren // Würzburger Jahrbuch für die Altertumswissenschaft. 3 Jhg. 1948. S. 263–270.
- LGPN IV – Fraser P. M., Matthews E. A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. IV. Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea. Oxford: Clarendon Press, 2005.
- NGCT – Jordan D. R. New Greek Curse Tablets (1985–2000) // GRBS. 41. 2000. P. 5–46.
- Ottone 1992 – Ottone G. Tre note sulle 'defixiones iudiciariae' greche di età arcaica e classica // Sandalon. 15. 1992. P. 39–51.
- SEG – Supplementum epigraphicum Graecum.
- SGD – Jordan D. R. A Survey of Greek Defixiones Not Included in the Special Corpora // GRBS. 26. 1985. P. 151–197.
- Surutschan, Latyshev 1894 – Surutschan I., Latyshev B. Inscriptiones Graecae et Latinae, novissimis annis (1889 – 1894) museo Surutschaniano, quod est Kischinevi, inlatae. Petropoli, 1894.
- Verhoogen 1935 – Verhoogen V. À propos d'une conférence // Bulletin des Musées Royaux d'art et d'histoire. III. 7. 1935. P. 17–18.
- Vinogradov 1994 – Vinogradov Yu. G. New inscriptions on lead from Olbia // ACSS. Vol. 1. № 1. 1994. P. 103–111.
- Wünsch 1900 – Wünsch R. Neue Fluchtafeln. II // RhM. 55. 1900. S. 232–271.

A. V. Belousov. Two Greek *defixiones* revisited

The author of the paper gives a new edition of two Greek curses, which are situated now in France and Belgium. There are some new suggestions and corrections proposed.

Keywords: Greek epigraphy, Greek curses, Greek Magic, defixionum tabellae, Northern Black Sea Region, Olbia.

кон Турнейзена действует (в эпоху разноместного латинского ударения) при условии нахождения *-Cn-* после безударного гласного корневого слога (т.е. в начале корня всегда *Nn-*); при этом *-NCn-* всегда даёт *-ND-*.

1. Приводится только материал, критичный для диагностики ударения или реконструкции консонантизма, с сохранением его группировки по (vDH).

*-tn- > -nd-

[*mand*̄o, -ere (Pf. -ī; Sup. *māns-um* < *mand-t-um) 'жевать, кусать' – вопреки (vDH: 8, [§] 2.2.1.1 (2.2)) и (dV: 361–362), этот глагол следует рассматривать отдельно от скр. *mánthati* и *mathnāi* 'размешивать', лит. *męsti* 'смешивать', стсл. мат-ж, мас-ти и т.п. (ввиду крайней натянутости семантики) и, наоборот, сравнивать с лит. *mandyti* (= *bandyti*), *maĩdlo* (= *baĩdlo*), -ė (LKŽ) 'пробовать, испытывать', лтш. (куронизм) *mandēĩ* (ME II: 560r) 'id.'; т.о., корень, очевидно, не имеет отношения к закону Турнейзена]

[?] (*pass*̄o, -ere (Pf. -ī; Sup. (*pass*-um [*pass-um* < [Д] *(*pass*-um < *(*pad*-t-um < [L] *(*pad*-t-um) ~ (*pāns*-um < *(*pañd*-t-um) (тж.: ᾰ.λ. (2pl. Irv. Praes. Act.) *dispennite* (Plaut. Mil. V, 14 [1407]) ~ [codd.] *dispendite* ~ [codd.] *dispendite*, но здесь, очевидно, игра слов(ами): см. (Fontaine 2010: 115–119); *dispessus** (1°: !Plaut. Mil. II, iv, 7 [360]: Abl. pl. *dispessis*) [NB: (ALDH I: Sp. 2211 sub v. «dis-pando») – «dispessum», (ib., Sp. 2215, v. «dispessus (sic!)» – ?)]?) 'распускать' [град. к *pat̄eō* (-ēre, Pf. -uī, без Sup.) 'быть открытым', *πίτυμι**, атт. *πετάωνυμι* 'id.'; тогда *-nd-* < [Th] **-tn-*, а *pass-* прямо из **pat-t-* (-: (*pass*-um [: (*pass*̄o) ↔ *pass-um* / *perpass-um* [: *patior* / *perpetior*], и это объясняет *dispassus* = *dispassus*, *dispānsus*, *i*+ контаминация с *dispendō* [: *pendō* 'висеть'], откуда и *dispēnsus* = *dispānsus*?) || vDH: 8–10, [§] 2.2.1.1 (2.3); dV: 442]

[*tend*̄o, -ere (Pf. *tetendī*; Sup. *tēns-um* < *tend-t-um) ~ *ten-t-um* [заимствован у *ten̄eō*, -ēre (Pf. *tetini* ~ -uī) 'держат'] 'тянуть'; вопреки самому Турнейзену (1883: 302), глагол не имеет отношения к его закону, см. (vDH: 10–11, [§] 2.2.1.1 (2.4)) и (dV: 612); не исключено, что **-d^h* – не чисто презентный (*-«d^h»-), а общекорневой расширитель (*-*d-*), cf. лит. *tindėti*, *tinda*, -jo (LKŽ) 'дрожать, трепетать']

К (небесспорным) примерам Турнейзена и ван ден Хёвеля хочется добавить ещё и «свои пять копёек»:

frūns (~ *frūs*), *frund*l*is*, Gpl -*ium* (*frund*(i)- < *frūndi- < [Д] **frūn-*
dī- < [Th₂] *frūd-ni- < [L] *frud-ni- < [Th₁] *frut-ni-) [-*frōns*, *fron-*
*d*l*is*, Gpl -*ium*] ‘листва’ ↔ *frut*l*ex*, -*icis* ‘куст’ [чисто теорети-
 чески *frūs* может отражать напрямую **frū(t)ns* с эффектами
 конца слова; cf. лит. *grūtė* (2) f., *grūtis*, -*čio* (2) m. ‘пара’, *gru-*
*t*l*ūs*, -*ì* (4) ‘парный’ [для значения ср.: др.-в.-н. (*zwyg* ~) *zwyg* ~
zwyic mn. ~ *zwyī* | (-*es*) n., ср.-в.-н. *zwyīc* (-*g-es*) m. ~ *zwyī* | (-*es*) n.
 (совр. *Zweige* m., устар. *Zweige*), идиш *צװײַג* [*tsvayg*] m. ([H];
 282r) / f. (РЕИС: 64л sub v. **ветвь** [но ‘отрасль’ тж. *צװײַג* *צװײַג*
 [óptsvayg] m.], 565л sub v. **сук** [тж. *צװײַג* *צװײַג* [*záitsvayg*] f.]),
 ср.-н.-н. *twīch* n. (совр. *twīig* (*twīg*) f. ~ *twīeg* ~ *twīg*; вестфал.
twīck m. ~ *twīak* f.), др.-ндл. *twīg*, ср.-ндл. *twīch* (*twījgh*) mn.
 (совр. *twījg* с.), афр. *twīyg*, вст.-фриз. [«ôstfrêsk plat-dütsk»
 (WofS)] *twīg*, вст.-фриз. [зтл.] *twīiech* m., з.-фриз. *twīiich*, *twīi-*
ge (сев.-фриз. *twīich*), др.-а. *twīg* (*twīg*, *twīgga*) ~ *twīg* (*twīg*,
twīg, *twīg*) ~ *twīh* (*twīh*) [Gsg *twīges* ~ *twīges* (*twīges*), Dsg *twī-*
ge, NApl *twīgu* ~ *twīggu*, Dpl *twīgum*] n. ~ *twīga* m. ~ *twīgge* [pl
twīggo] f., ср.-а. *twīg* (*twīg* [Dpl *twīge* (*twīge*)], *twīg* (*twīg*)
 [Gpl *twīgga*] ~ *twīgge* [NApl *twīggo*] ~ (NApl) *twīgges* ~ *twī-*
i (*twī*) (совр. *twīg*), дат. диал. *twēge* (раннее тж. *twīge*) ~ *twēge*
 f. – ‘ветка’] || dV: 244 sub v. «**frōns, frondis**», 245 sub v. «**fru-**
tex, -icis»; Kroonen 2011: 256–258 sub v. «***twīgō, *twikkaz**
 ‘**twig**?»»; WofS III: 455r sub v. **twīg**, Z. 40; совершенно неприем-
 лемо в (LEW I: 174ℓ sub v. «**grūtė** etc.»): «s. s. v. *grētas* ‘смеж-
 ный’ (*ib.*, 167ℓ)»]

***-tn-** > **-nn-**

*ann*os (-*us*) ‘год’ < **át-n-o-* [cf. гот. *apnam* (Dpl) ‘сезон’ (накорен-
 ное ударение удостоверяется не-действием закона Клуге)] ||
 vdH: 11–12, [§] 2.2.1.2 (2.5); dV: 43–44]

*cunn*os (-*us*) < **kūt-no-* [cf. *κῦσθος*, -*εος* n. (если из *κῦτ-θ-ο σ-
 ‘*id.*’, вероятно, *κῦτος* n. ‘полость; выпуклость’, ‘тело’; др.-в.-н.
hōdo, др.-фриз. *hōtha* ‘testicula’ (накоренное ударение удосто-
 веряется не-действием закона Вернера); ср. *κῦός* (если из
 *κῦτιός) [*κῦοο-* (в сложениях), *κῦσι(ά)ῶ* ‘*πασχητι(ά)ῶ* (быть обу-
 реваемым противоестественными влечениями)’] ‘*cunpus*’; лит.
kučys (4) ‘кошелёк’; || vdH: 12, [§] 2.2.1.2 (2.6); dV: 154–155;
 WH 309; EM 158; LSJ 1014r; DELG: 603g sub v. «1 *κῦσθος*»;
 GEW II: 56 sub v. «*κῦσθος*»; IEW: 951–953]

*pen*na (и *pin*na) < *pēt-n-ā ‘перó’ [cf. *πέτρον* ‘*id.*’; скр. *pátra* ‘кры-
 ло’; др.-в.-н. *fedara*, др.-скнд. *fjōðr* ‘перó’ (накоренное ударе-

ние удостоверяется не-действием закона Вернера); слав. *pero*' (а.п. **b**) < *ptero' || vdH: 12–14, [§] 2.2.1.2 (2.7); dV: 154
 [?] *vann*]os (-us) [Abl ГЖ. -ū] f. 'веялка', (*ē*)*vann*]ō, -ere (без Pf. и Sup.) 'веять, про-, от|веивать (зерно)' (если из **vāt-n-*); *vall*]os (-us), -ī, и -us, -ūs f. <в (Дворецкий 1976 [1986]: 1056л [805л]) ошибочно «m»), -om (-um), -ī n. (демин. [?] к *vannos*)?; *vatillum* (~ *batillum*) 'угольная лопаточка; курильница'? [трад.: cf. гот. *diswinþjan** 'לקמֶאן [веять...], здесь: раздавливать' [ά.λ. (3sg. Praes.) *diswinþeiþ* [ina] Лк 20:18 «לקמֶיֶסע [אֲדוֹנָן], [того] раздавить»], *winþi*=*skaúró* f. 'πτύον, веяльная лопата, веялка'; др.-а. *windwian* (*vindvjan*, *pindpian*) 'веять...', *winnung*] , -e (*vin-nung*; < *vindvung* >) ~ *windung* f. 'веяние'; ср.-а. *windwen* (*pindpen*) [Praes. *windweþ* (*windweð*, *pindpeð*), Praet. *windwede* (*pindpede*)] ~ *windwe* ~ *pindpin* ~ *windewe[n]* ~ *winewe[n]* ~ *winden* (*pinden*) ~ *windin* ~ *winwin* 'веять...', (Dsg) *windwunge* (*pindpunge*) f. 'веяние', *windwere* [pl *windeweris* ~ *wineweres*] 'веятель', *windel* (*pindel*, ms. *winndell*) ~ *windil* 'веялка' (совр. *winnow*] , -ing, -er, —); др.-в.-н. *wintōn* 'дуть'; далее, cf. лит. *vánta* (1) '(банный) веник <т.е. *вѣтѣникъ* ← √²*vĕ₁- 'вѣять (зерно)' ≠ √¹*vĕ₁- 'дуть' [*вѣтѣ-тер-ѣ*] ≠ √*vĕ₂-/√*i*- 'вить' [*вѣтѣ-тв-ѣ*, *вѣтѣ-н-ѣ*ок-ѣ, *ѣц-ѣ* = *vai-ni-k-as*]', *vantóti*, -ja, -jo 'пáрить, хлестать (веником)', лтш. *viētēt* '≈ id.' [тж. (куронизмы) *veñtēt* и *vāñtēt* (LVPPV: 838k) / *vāntēt* (LVV: 837k) 'бить']; можно предположить, что лат. форма восходит к **vantv-*, что существенно облегчило бы сближение с герм., «реабилитировало» (*ē*)*vann*]ō, -ere как неотыменной глагол и увело от прямой зависимости от *ventus* 'ветер', и тогда *vall-* можно возводить к *vantl-* || vdH: 15, [§] 2.2.1.2 (2.8); dV: 653; WH II: 731; EM 713; LEW: 1196l sub v. **vánta**; ME IV: 473l–r sub v. «**I vantēt**», 473l–r sub v. «**ventēt**», 674l sub v. «**III vietēt**»; LEV II: 527 sub v. **vietēt**; EWSS: 389]

*-dn- > -nd-

bland]os (-us) 3 < **mlānd-ó-* < [Д] **mlānd-ó-* < [Th₂] **mlād_n-ó-* < **m[_nd_n-ó-* < [L] **m[_nd_n-ó-* 'вкрадчивый; заманчивый' [↔ *moll-is* 2 < **m[_nd_n-i-* < [М] < **m[_nd_n-i-* 'мягкий'; cf. *βλαδός** (и *βλαδός**); скр. *mrd_n-i-* || vdH: 8, [§] 2.2.1.1 (2.1); dV: 73; WH I: 108; IEW: (716–) 718 sub v. «**г. mel-**»]
grand]ō, -inis < **grānd-ō-* < [Д] **grānd-ō-* < [Th₂] **grād_n-ō-* < [L] **grad_n-ō-* 'град' [cf. скр. *hrād_n-i-* 'id.'; ср. слав. *grādъ (а.п. **a**); по (LEW: 173l–r) и вопреки (vdH: 15–16, [§] 2.2.2.1 (2.9)), лит. *grúodas* (3) [~ (LKŽ)](1) ~ *grúodis* (1; 'мокрец (мокрый ли-

шай у лошади)];] ‘замёрзшая грязь’; ‘мокрец’ с *grandō* никак не связаны || dV: 270–271; ЭССЯ 7: 101]

[*mund*]os (-us) 3 < **mūnt-[i]n-o-* (герундив от не сохранившегося V-корневого глагола *mū-* ‘мыть’, как *fa-nd-us* от *for* ‘чистый’; иначе: (vdH: 16, [§] 2.2.2.1 (2.10)); (dV: 394)]

unda < **ūnd-ā-* < [Д] **ūnd-ā-* < [Th₂] **ūd-n-ā-* < [L] **ud-n-ā-* ‘волна’ [cf. скр. *udán-*; лит. *vandūō*, *-eñs* (3^a) [и др.]; лтш. *ūdēn]s*, -s; слав. *voda*’ (а.п. с); греч. *ῥῶν*, *-ατος* (< **-υτος*) и герм. (гот. *wato*, Dpl *watnam*, др.-скнд. *vati*, др.-скс. *watar*, др.-в.-н. *waz-zar*) отражают инициальное удар. || vdH: 16–17, [§] 2.2.2.1 (2.11); dV: 641]

*-dn- > -nn-

[*con-cinn*]os (-us) 3 ‘слаженный’ < [М] < *com-cinn-os; *cinn-os* (-us): ⚔ ‘коктейль’: «**cinnus**, i, m. [kindr. with *κωκεών*, *κόυχος*], a mixed drink of spelt-grain and wine, Arn. 5, 174; cf. Non. p. 59, 30.» (LSh: 333c) ↔ ‘гримаса’: «**cinnus** ~ī, m. [unkn.] (app.) A kind of facial distortion or grimace. feminae ~o *crispat* MAEC. in Sen. Ep. 114. 5.» (OLD: 316c)? При словопроизводстве просто сохраняется *-nn-*, по происхождению которого больше вопросов, чем ответов; см. (vdH: 17–18, [§] 2.2.2.2 (2.13)); (dV: 129–130) – ?]

[*mercē(n)nāri*]os (-us) 3 < [М] < **mercēd(;i?)=dīnāri-os* ‘наёмный’; сама сокращаемость долгого согласного *после* долгого гласного, а не долгого гласного *перед* долгим согласным, говорит о довольно позднем характере сочетания; см. (vdH: 18, [§] 2.2.2.2 (2.14)); (dV: 129–130 sub v. «**merx, -cis**»)]

*-«d^h»n- > -nd-

fund]os (-us) < **fūnd-ó-* < [Д] **fūnd-ó-* < [Th₂] **fūd-n-ó-* < [L] **fud-n-ó-* ‘дно’ [cf. скр. *budhná-* ‘id.’; если далее из **fud-mn-ó-*, то cf. *πυθμῆν*, *-έυος* ‘id.’ (но ср. *πύδα|ξ*, *-κος* ‘id.’); германские формы в совокупности (др.-скнд. *botn*, др.-в.-н. *bodan*, ср.-в.-н. *bodem* ~ *boden* (совр. *Boden*), др.-скс. [Dsg] *bothme* ~ *bodme*, др.-а. *botem* ~ *bodan*, ср.-а. *bothme* ~ *botme* ~ *bodme* ~ *bo(t)tem* (совр. *bottom*), др.-фриз. *bodem*, ср.- и совр. ндл. *bodem*) ‘id.’ сами по себе требуют интерпретации || vdH: 18–19, [§] 2.2.2.2 (2.15); dV: 250; ?; Kroonen 2011: 65–66 sub v. «***budmēn**, ***but-taz** ‘bottom’»]

2. В языках без развитого института отложительных глаголов логически ожидаются герундивы на базе страдательных причастий. Так устроен, напр., литовский – к прич. прош. вр.

прибавляется адъективизатор *-in-as, -in-a*:

nēs-ti ‘нести’ ↔ *nēs-t-as, nēs-t-à* (4) —[M]→ *nēs-t-in-as, nēs-t-in-à* (3^b)

Значительные остатки таких герундивов в точности с тем же суффиксом *-in-* (*-ьп-*) есть и в русском языке (часто с отрицанием):

зāнятый [*зāнлātъѣъ*] (кр.ф. *зāнять*) —[M]→

занятый [*зāнлātъьнъѣъ*] (кр.ф. *занятець*),

но не только с *t-*, а и с (*e*)*n*-причастием, что и служит доказательством в пользу отпричастного, а не «отабстрактноимённого» [*contra* (Jasanoff 2006)] и тем более не от-инфинитивного их образования:

(не)сказанный [*сѣкдзāнъѣъ*] (кр.ф. *(не)сказанъ*) —[M]→

[не]сказанный [*[не]сѣкдзāнъьнъѣъ*] (кр.ф. *[не]сказанець*)

аналогично: *[не]оцѣненный* (*[не]оцѣнень*) [*≠ (не)оцѣненный* (*(не)оцѣнень*)], *[не-, без]прѣстанный* (*[не, без]прѣстанень*), *совершённый* (*совершень*) [*≠ совершённый* (*совершень*)], *проникновенный* (*проникновень*), *разливанный* (*разливанень*), *священный* (*священень*) [*≠ -священный* (*-священень*)], *[не]сомненный* (*[не]сомнень*), *[не]убѣденный* (*[не]убѣдень*) [*≠ убѣденный* (*убѣдень*)] и десятки других примеров.

В латыни же, в силу развитости депонентных глаголов, действительные причастия оказываются залогово поливалентными и тем самым ожидаемо пригодными в качестве базиса для образования герундивов [cf. (Sihler [§] 567, 625)] – что, с очевидностью, и имеет место [см. (Jasanoff 2006), *pacè* (Sihler 626–628, [§] 568)]:

sapiēns [*sap̄[il]j̄ēn(t)īs*] —[M]→ *sapiendus* [*sap̄[il]j̄ent̄in̄os* >

sap̄[il]j̄ent̄nos [Th₁] > *sap̄[il]j̄end̄nos* [Th₂] > *sap̄[il]j̄en̄ⁿd̄os* >

sap̄[il]j̄end̄os]

И подобно тому, как в Part. Praes. Āct. гласный *-o-* перед носовым попадает лишь в виде остатков (*[il]j̄ēn(t)-s, ēunt-is*), так и в герундивах этот гласный характеризует уходящую натуру: *ēund-us*.

Прилагательные на *-und-us*:

i) *dīc̄und-us* (≡ *dīc̄end-us*) [*dīc̄-ō, -ēre, tr.* ‘говорить’];

(h)erc̄isc̄und-us (≡ *(h)erc̄isc̄end-us*) [*(h)erc̄isc̄-ō, -ēre, tr.* ‘делить [наследство]’];

in̄crēd̄und-us (≡ *in̄crēd̄end-us*) [*crēd̄-ō, -ēre, tr.* ‘вверять, верить &c.’] ‘невероятный’;

- ii) *lāb=und-us* ($\approx$ *lāb=ēn(t)-s*) [*lāb-ōr, -ī* itr.] ‘скользящий’;
or=i=und-us ($\approx$ *or=i=ēn(t)-s*) [*ori-ōr, -īrī* itr.] ‘восходить; возникать &c.’] ‘происходящий’;
- iii^a) *sec=und-us* ($\approx$ *sequ=ēn(t)-s*) ‘следующий’ –NB: залогово антонимично *sequ=end-us* [*sequ-ōr, -ī* (v.l. *sec-*) и *-ō, -ere* tr.];
- iii^b) все на *b=und-us* квази-синонимичны (усиливают) *n(t)-s* и (при образовании от переходных глаголов) залогово антонимичны герундивам на чистое *nd-us* (*(dē=)plōr=ā=b=und-us* $\approx$ *(dē=)plōr=ān(t)-s* ‘оплакивающий’ $\Leftrightarrow$ *(dē=)plōr=ānd-us*);
- iii^c) все на *c=und-us* (залогово аналогичны предыдущим):
fā=c=und-us ($\Leftrightarrow$ *fā=n(t)-s* $\Leftrightarrow$ *fa=nd-us*) [*f-ōr, -ārī*, tr. ‘говорить’] ‘красноречивый’;
fē=c=und-us ‘плодородный’ (?);
īr=ā=c=und-us ($\Leftrightarrow$ *īr=ā=sc=ēn(t)-s*) [*īr=ā=sc-ōr, -ī* itr. ‘гневаться’] ‘вспыльчивый’;
jū=c=und-us ~ *jō=c=und-us* ($\Leftrightarrow$ *juv=ā=n(t)-s* $\Leftrightarrow$ *juv=a=nd-us*) [*juv-ō, -āre* tr. ‘радовать’] ‘привлекательный’;
rubī=c=und-us ($\Leftrightarrow$ *rub=ēn(t)-s*) [*rub=|e-ō, -ēre* и *rub=ē=sc-ō, -ere* itr. ‘краснеть’] ‘(ярко-) красный’;
ver=ē=c=und-us ($\Leftrightarrow$ *ver=ē=n(t)-s* $\Leftrightarrow$ *ver=e=nd-us*) [*ver=|e-ōr, -ērī* tr. ‘робеть’] ‘робкий’;
- iv) *rot=und-us* ‘круглый’ (i/ii/iii^a – ?);

Буквально единичны (и поздние) такие образования в слав.:

на=су=щ=н-ый (‘*ἐπι=ου=σι=ος*’; cf. °«*над=су=щ=ный*» ‘*super=substanti=āl-is*’), др. слав. примеры см. (Jasanoff 2006: 7–8),

и совсем редки в балт., ср. лит. (LKŽ):

liepīantīnis, -ē adj. → 1 liepti.

◇ *dēsmē liepīantinē* (neol.) lingv. *liepīamoji nuosaka* (повелительное наклонение): *Dēsmē liepīantinē* (modus imperativus) *reiška įsakymą* S.Dauk.

pašalantīnis, -ē smob. (2) žr. 1 pašalaitis 1 (посторонний): *Niekas čia nevaikšto pašalantiniai* Rd.

Продолжение следует.

Сокращения

а.п. – акцентная парадигма; -а. – английский; атт. – аттический (греч.); афр. – африкаанс; в. – верхне-; вст. – восточно-; герм. – германский; диал. – диалект, диалектный; др. – древне-; з. – западно-; згл. – затерландский; и.-е. – индоевропейский; лат. – латынь, латинский; лит. – литовский; лтш. – латышский; н. – нижне-; -н., нем. – немецкий; ндл. – нидерландский; -скс., сакс. – саксонский; сев. – северно-; скнд. – скандинавский; скр. – санскрит; слав. – славяно-, славянский; ср. – сред-

не-; ст. – старо-; стсл. – старославянский; trad. – традиционн|ый, -о; ю. – южно-.

[Д] – сокращение безударных долгот по В. А. Дыбо (1961b); [з] – заимствование; [м] – морфологическое производство или/и преобразование; [L] – удлинение гласного по закону Лахмана; [Th] – озвончение (Th₁) и метатеза с носовым (Th₂) по [П^М] закону Турнейзена (1883).

Литература

- Дворецкий 1976 (1986) – Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: «Русский язык».
- Дыбо 1961b – Дыбо В. А. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии // Вопросы славянского языкознания. М.: Изд-во АН СССР. Вып. 5. С. 9–34.
- РЕИС – Русско-еврейский (идиш) словарь / Под ред. М. А. Шапиро, И. Г. Спивака и М. Я. Шульмана. М.: «Русский язык», 1984 (1989).
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков.. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1–39. М., 1974–2014.
- ALDH – Georges K. E. Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch. Bd. 1: A–H (1913); Bd. 2: I–Z (1918). Hannover: Hahnsche Buchhandlung.
- [B] – Bennett Ch. E. The Latin Language: A Historical Outline of Its Sounds, Inflections, and Syntax. Boston: Allyn and Bacon, 1907.
- DÉLG – Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots. T. I: A–Δ (1960); T. II: E–K (1970); T. III: Λ–Π (1974); T. IV–1: P–Y (1977); T. IV–2: Φ–Ω et Index (1980), term. par. O. Masson, J.-L. Perpillou, J. Taillardat, avec le concours de F. Bader, J. Irigoin, D. Lecco, P. Monteil, sous la dir. de M. Lejeune. Paris: Éd. Klincksieck.
- dV – de Vaan M. Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages / Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Vol. 7 // Ed. by A. Lubotsky. Leiden; Boston: Brill, 2008.
- EH – Endzelīns J., Hauzenberga E. Papildinājumi un labojumi K. Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīcai (Endzelin J., Hausenberg E. Ergänzungen und Berichtigungen zu K. Mühlenbachs Lettisch-deutschem Wörterbuch). Sēj. (Bd.) I: A–M; Sēj. II: N–Ž. Rīga, 1934–1946.
- EM – Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine: Histoire des mots. Retir. de la 4e éd. augm. d'add. et de corr. par Jacques André. Paris: Éd. Klincksieck, 2001.
- EWSS – Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slawischen Sprachen. Wien, 1886.
- Fontaine 2010 – Fontaine M. Funny Words in Plautine Comedy. Oxford: University Press, 2010 .
- GEW – Frisk HJ. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I: A– Ko (1960); Bd. II (1970): Kρ– Ω; Bd. III: Nachträge. Wortregister. Corrigenda. Nachwort (1972). Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- [H] – Harkavy A. Yiddish-English Dictionary. With a Treatise on Yiddish Reading, Orthography, and Dialectal Variations. 6th Ed., Impr. and Enl. N.Y.: Hebrew Publ. Comp., 1910.

- Jasanoff 2006 – Jasanoff J. H. The origin of the Latin gerund and gerundive: a new proposal / Harvard Ukrainian Studies. 2006. P. 195–208.
- Kroonen 2011 – Kroonen G. The Proto-Germanic n-stems. A study in diachronic morphophonology. Amsterdam: Rodopi, 2011 (= Leiden Studies in Indo-European, 18).
- [L] – Lewis Ch. T. An Elementary Latin Dictionary. New York: Harper & Brothers, 1891 [1894].
- [Ĺ] – Lewis Ch. T. A Latin Dictionary for Schools. New York: Harper & Brothers, 1888; Oxford: at the Clarendon Press, 1889 [1900, 1914, 1926, 1937, 1951, 1962]; New York; Cincinnati; Chicago: American Book Company, 1916.
- LEV – Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. S. I: A–O; S. II: P–Ž. Rīga: «Avots», 1992.
- LEW – Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I: A – priveikiūti (1962); Bd. II: Privykėti – žvolgai. Nachträge. Wortregister. Berichtigungen. Nachwort (1965). Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- LKŽ – Lietuvių kalbos žodynas 1941–2002.
- LKŽe – On-line-версия (LKŽ): <http://www.lkz.lt/startas.htm>
- LSJ – Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon // Rev. and augm. by Sir Henry Stuart Jones with the ass. of Roderick McKenzie. Oxford: at the Clarendon Press, 1996.
- LSh – A Latin Dictionary. Founded on Andrews' Edition of Freund's Latin Dictionary. Rev., Enl., and in Great Part Rewr. by Ch. T. Lewis, Ph.D. Oxford: at the Clarendon Press, 1789 [2002].
- LVPPV – Ceplītis L., Miķelsone A., Porīte T., Raģe S. Latviešu Valodas Pareizrakstības un Pareizrūnas Vārdnīca. Rīga: «Avots», 1995 [на обл.: 1996]; (перп.: 2005).
- LVV₉₃ – Latviešu Valodas Vārdnīca: Vārdu pareizrakstība. Vārdu izruna. Vārdu formas. Vārdu nozīme / Valerija Bērziņa-Baltiņa, Jānis Bičolis / Latviešu valodas komisija. Amerikas Latviešu apvienība, 1993.
- ME – Mühlenbachs K. Latviešu valodas vārdnīca / Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns, K. Mühlenbach. Lettisch-deutsches Wörterbuch / Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin). Sēj. (Bd.) I: A–Ī; Sēj. II: Ķe–O; Sēj. III: P–S; Sēj. IV: Š–Ž. Rīgā, 1923–1932.
- OLD – Oxford Latin Dictionary. Oxford: at the Clarendon Press, 1968 [1982].
- Sihler 1995 – Sihler A. L. New Comparative Grammar of Greek and Latin. N.Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 1995.
- Thurneysen 1883 – Thurneysen R. Urspr. dn, tn, cn im Lateinischen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1883. Bd. 26. S. 301–314.
- vdH – Van den Heuvel J. H. F. PIE *Dn: a case study in Latin and Balto-Slavic. Unpublished MA thesis, Leiden University, 2013.
- WH – Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch / 3., neubearb. Aufl. von J. B. Hoffmann. [1.] Bd.: A–L (1938); [2.] Bd.: M–Z (1954); Registerband: zusammengest. von Elsbeth Berger (1956). Heidelberg: Carl Winter's Universitätsverlag.
- WofS – Wörterbuch der ostfriesischen Sprache. Etymologisch bearbeitet von J. ten Doornkaat Koolman. I. Bd.: A – gütjen (1879). II. Bd.: H – püt-water (1882). III. Bd.: Q – Z. Nebst Nachtrag und Indices (1884). Norden: Verl. von Herm. Braams.

**S. G. Bolotov. English title. English title. English title. English title.
English title. English title. English title. English title. English title.
English title. English title. English title. English title. English title.**

English summary... English summary... English summary...
English summary... English summary... English summary... English
summary... English summary... English summary... English summary...
English summary... English summary... English summary... English
summary... English summary... English summary... English summary...
English summary... English summary... English summary... English summary...

English keywords.. English keywords.. English keywords.. English
keywords.. English keywords.. English keywords.. English keywords...

НАВВАН/НÆFDON+ПРИЧАСТИЕ II В «ЖИТИЯХ СВЯТЫХ» АББАТА ЭЛЬФРИКА: ПЕРФЕКТ?

Статья посвящена анализу употребления конструкции *habban/hæfdon* + причастие II в тексте аббата Эльфрика «Жития святых». Особое внимание уделяется распределению претеритов и анализируемой конструкции, а также особенностей их передачи в тексте перевода В. Скита. В статье подвергается критическому анализу мнение некоторых исследователей, полагающих, что уже в конце древнеанглийского периода (XI в.) данная конструкция трансформировалась в аналитическую конструкцию с грамматикализированным посессивным глаголом и обладала всеми значениями присущими перфекту в современном английском языке. Детальное рассмотрение контекстов призваны показать, что в «Житиях святых» посессивный глагол еще сохранял свое лексическое значение, и сама конструкция, еще не была аналитической, а, следовательно, и нецелесообразно искать в ней черты современного английского перфекта.

Ключевые слова: перфект, претерит, конструкция *habban/hæfdon*+причастие II, грамматикализация, аналитическая конструкция.

В своей «Грамматике», написанной для изучения латинского языка, аббат Эльфрик не говорит ни единого слова ни о древнеанглийской конструкции *habban/hæfdon* +причастие II, ни о ее латинском эквиваленте. При этом в других произведениях, в частности в «Житиях святых» – гомилиях, посвященных описанию жизни христианских святых, – автор довольно часто использует данную конструкцию в разнообразных контекстах и формах. Кроме досадного отсутствия описания данного грамматического явления носителем языка, дело усложняется еще и тем, что среди лингвистов до сих пор отсутствует единый взгляд на сущность данной конструкции, которая впоследствии трансформируется в современный английский перфект. Длительное время считалось, что на ранних этапах ее развития она обладала стальной результативной семантикой, являлась результатом (Bybee 1994: 68); сочетания посессивного глагола «иметь» и второго причастия «означали, что субъект владеет предметом, которому присущ определенный признак, приобретенный в результате действия, произведенного над ним»

(Ильиш 1968: 133). Исходя из такой интерпретации, *habban*+причастие II является конструкцией, в которой посессивный глагол сохраняет свое лексическое значение обладания и управляет сочетанием дополнения, выраженного существительным или местоимением и второй формой глагольного причастия, выступающего в адъективной функции по отношению к именной группе. Иными словами перед нами не аналитическая конструкция с грамматикализованным посессивным глаголом, но сочетание лексем, придающих конструкции результативную статальную семантику, в которой главный акцент не на действии и его важности для момента речи, но на состоянии объекта, в котором он находится в результате совершенного над ним действия. В последнее время, однако, появилась тенденция анализировать древнеанглийское *habban/hæfdon* +причастие II как аналитическое образование с полностью грамматикализованным посессивным глаголом, обладающим всеми семантическими значениями (результативным, универсальным и экспериенциальным) присущими современному английскому перфекту (ср., например, Jeong-Hoon Lee 2004). Свидетельством того, насколько серьезным является данный вопрос, может служить название одной из статей А. Лецки «Насколько “перфектной” была древнеанглийская перифрастическая конструкция *HABBAN* + прошедшее причастие» (Łecki 2008). Спорным остается и вопрос относительно хронологизации процесса грамматикализации данной конструкции: Ф. Т. Виссер полагает, что данный процесс интенсивно происходил в конце древнеанглийского периода, и уже в среднеанглийский период можно говорить о достижении конструкцией уровня продуктивности сравнимой с продуктивностью в современном английском (Visser 1963–73); Б. Митчелл отрицает любое предположение о диахронических тенденциях в изменении конструкции в пределах древнеанглийского периода, приводя примеры, в которых уже на ранних этапах развития были черты сходные по своим морфосинтаксическим и семантическим характеристикам с современным английским перфектом и указывает на определенную стабильность в функционировании анализируемой конструкции (Mitchell 1985); Д. Денисон основываясь на фактах употребления данной конструкции в аналогичных контекстах, в которых встречается претерит, делает предположение, что *habban* + причастие II не обладало перфектной семантикой, а ее «употребление в среднеанглийском с определенными обсто-

ятельствами прошедшего времени указывает, что семантические поля перфекта и претерита были полностью коэкстенсивными, что позволяет предположить, что вплоть до ранненовоанглийского периода перифрастический перфект был “чистым эквивалентом грамматического времени” (pure tense equivalent)» (Denison 1993: 352).

В данной статье мы рассмотрим функциональные особенности анализируемой конструкции, ее контекстуальное распределение по отношению к претериту, а также проанализируем особенности передачи древнеанглийских глагольных форм, связанных с употреблением данной конструкции, на современный английский. В качестве основы мы возьмем перевод, сделанный В. Скитом в 1881 году. Несомненно, в определенном смысле данный перевод будет своего рода интерпретацией древнеанглийского текста носителем современного английского языка, в какой-то степени автор намеренно будет архаизировать лексику и грамматику своего языка с целью максимально точно донести особенности древнеанглийского текста, тем не менее, мы полагаем, что такого рода сопоставление может быть полезным для выяснения семантических и функциональных особенностей анализируемой конструкции. В итоге, мы попытаемся ответить на уже поставленный лингвистами вопрос: насколько перфектным был древнеанглийское habban/hæfdon+причастие II, в какой степени мы вообще можем говорить о существовании перфекта в позднедревнеанглийском периоде.

Как отмечает В. Скит «существует только одна хорошая рукопись, которую можно было бы взять в качестве основы для текста, и на которую я соответствующим образом опирался на протяжении всего текста» – это рукопись Cotton Julius E. VII., в которой текст гомилий «Жития святых» датируется началом XI века. В тексте присутствует значительное количество употреблений конструкции habban/hæfdon+причастие II, которые В. Скит достаточно последовательно передает настоящим и прошедшим перфектом (have/had+причастие II). Исключением является один пример, обнаруженный нами в тексте перевода, где прошедшая форма анализируемой древнеанглийской конструкции переводится простым прошедшим временем:

- (1) Gelæhte þa of ðam ente his agen swurd, and his ormæte heafod mid þam of asloh, and **hæfde** ða **gewunnen** sige his leode.
 ‘Then he took from the giant his own sword, and struck off his huge head therewith, and so **won** the victory for his people’.

‘Вытащил тогда свой меч и отрубил им его громадную голову и таким образом добыл победу своему народу’.

При этом, такая последовательность в передаче конструкции, казалось бы, могла служить еще одним косвенным доказательством того, что уже в XI веке мы имеем дело с аналитическим перфектом, функционально и семантически совпадающим с современным английским перфектом. Однако, в тех случаях, когда в переводном тексте используется настоящий или прошедший перфект, в оригинале употребляется претерит, зачастую с перфективирующей приставкой *ge-* или же другие грамматические конструкции, например, глагол в пассивной форме. Примеры с глаголами движения мы не рассматриваем, поскольку в древнеанглийском они употреблялись в претерите, либо с глаголом *wesan/beon* и, естественно, в современном английском передаются либо прошедшим, либо перфектом *have/had+* причастие II.

Прежде чем перейти к анализу примеров из текста, следует рассмотреть, что же собственно собой представляет современный перфект. Работ, как и теорий относительно сущности перфекта и его семантики огромное количество. Так, что касается семантики перфекта, общеизвестными являются три основные теории, интерпретирующих семантические характеристики перфекта: теория расширенного или продленного настоящего (*extended now theory*), полагающей, что перфект вводит временной интервал, который растягивается от референтного времени, при этом вневременная пропозиция, которая включается в его сферу действия, является верной в рамках данного отрезка/интервала; теория предшествования (*anteriority theory*), согласно которой перфект размещает время события (E) – время, когда происходит событие – до референтного времени (R) – отрезка, который выражается грамматическим временем; и, наконец, теория результативного состояния (*result state theory*), по которой перфект привносит значение, которое результативное состояние сопутствующего события приобретает к моменту референтного времени (см., например, Jeong-Noon Lee 2004). Не вдаваясь в общетеоретические проблемы определения единого универсального значения перфекта, который мог бы объединить, например, английский и испанский перфект (см., например, Горбова 2013), мы будем опираться на классическую формулировку перфекта, данную Б. Комри в его работе «Аспект»: «...перфект указывает на продолжающуюся

текущую релевантность (present relevance) прошедшего события... прошедший перфект (плюперфект), например, John had eaten the fish, выражает отношение между прошедшим событием и более ранней ситуацией» (Comrie 1976: 52–53). Относительно значений современного английского перфекта также существуют различные точки зрения. В принципе, можно выделить ряд исследователей, которые придерживаются трех различных точек зрения: 1. Наличие у перфекта одного значения – экзистенциального, все остальные значения являются прагматически обусловленными и выводятся из контекста (Klein 1992, Smith 1991); 2. два значения – экзистенциальное и универсальное (Mittwoch 1988, Declerck 1991); 3. три значения – наряду с универсальным и экзистенциальным отдельным значением выделяется результативное (Michaelis 1994, Comrie 1976). Большинство ученых признают наличие в современном английском перфекте три независимых вышеперечисленных значения, хотя ряд исследователей выделяют и такие значения, как итеративное, неопределенное, иммедиадное или перфект свежих новостей (hot news perfect). Однако, все эти подвиды значений перфекта многими учеными не признаются как отдельные подкатегории и включаются в основные три значения (см. Jeong-Hoon Lee 2004: 208). Таким образом, мы будем исходить из того, что в современном английском перфект обладает тремя значениями и указывает на прошедшее действие, результат которого важен для момента речи; в прошедшем перфекте выражается действие, предшествующее основному (так называемое двойное прошедшее, double past). Именно включенность, прагматическая важность для момента говорения исключает в английском возможность употребления маркеров прошедшего времени, разграничивая тем самым перфект и прошедшее время.

Начнем с анализа употребления конструкции с прошедшим посессивным глаголом в «Житиях святых», а также особенностей использования прошедшего перфекта в переводном тексте. Как уже отмечалось, hæfdon+причастие II последовательно передается современным had+причастие II. Но при этом в переводном тексте в большом количестве используется прошедший перфект, который не соответствует древнеанглийской конструкции с посессивным глаголом, но отражает древнеанглийский претерит. Рассмотрим данные случаи. Необходимо отметить, что в таких контекстах современный перфект используется в разного рода придаточных предложениях,

указывая на предшествование одного действию другому, т.е. выполняет таксисную функцию. Что касается типов придаточных предложений, наиболее распространенными из них являются: придаточные предложения определения, дополнения, обстоятельства и времени:

Определения: þam **alyfde** se casere heora cristendom... – whom the emperor **had permitted** to keep their Christianity...(которым император **позволил** сохранить христианство...); þe hine **spearu** mid wordum... – who **had spurned** him with words...(которая **презрела** его словами).

Дополнения: þæt hi mid drycraefte þa anlicnyssa **towurpon**... – that they by the aid of sorcery **had overthrown** the images...(что с помощью колдовства они **разрушили** образы...); and sæde his ceastergewarum hwæt he **geseah** þe him... – and told his citizens what he **had seen** concerning them...(и рассказал своим горожанам, что он в них **увидел**...).

Обстоятельства места: Hierusalem, þær se hælend **ðrowade**... – Jerusalem, where the Saviour had suffered... (Иерусалим, где Спаситель **страдал**...).

Времени: Ða mid þam þe hi **coman** to Cappadoniscre scyre and **eodon**... – Then when they **had come** into the Cappadocian province, and **gone** into the city... (Затем, когда они **направились** в Каппадокийскую провинцию и **зашли** в город...).

Все вышеприведенные примеры характеризуются тем, что в них современный перфект используется исключительно для передачи предшествования одного события другому, в некоторых случаях с указанием на результативность действия, а именно наличия результата к моменту в прошлом (точки отсчета) и важности данного действия или состояния, достигнутого к тому моменту для последующего действия. В переводном тексте данная функция, которая является неотъемлемой характеристикой современного перфекта, используется последовательно в каждом контексте, который предполагает наличие двух событий, одно из которых предшествует другому.

- (2) Ða swaþ se dema þæt hi mid drycraefte þa anlicnyssa **towurpon**...
 ‘Then said the judge that they by the aid of sorcery **had overthrown**
 the images...’.
 ‘Тогда сказал судья, что с помощью колдовства они **разрушили**
 образы...’.

Именно данная функция отсутствует у анализируемой древнеанглийской конструкции. Вышеприведенные примеры

показывают, что в подобных случаях в древнеанглийском (по крайней мере, в анализируемом произведении) автор прибегает к помощи претерита. Кроме того, в современном английском выбор между перфектом и претеритом зависит от того, следуют ли два события непосредственно друг за другом или отдалены друг от друга. В частности, это проявляется в сложноподчиненных предложениях времени с союзом *after, before*. Например, *By the time I got to the station, the train had left* (прошедший перфект) и *The train left five minutes before I got to the station* (претерит в главном и придаточном предложениях). Иногда перфектное время опускается в предложениях с союзами *after* и *before*, поскольку они сами по себе эксплицируют предшествование действия и, следовательно, перфект становится излишним. В анализируемых древнеанглийских примерах в большинстве случаев после союзов, указывающих на действие, совершенное до момента говорения безотносительно наличия или отсутствия соответствующих наречий, определяемого вторым действием, в независимости от их удаленности друг от друга, используется претерит. На предшествование в таких случаях указывают *ær, ær ðam lange, gefyrn, gear, æt fruman*. Например:

- (3) Hwæt ða Florus gemunde hwæt he **gemynte æt fruman**, and hwæt he Gode behet þa ða he began þæt mynster...
 ‘Then Florus remembered what he **had at first intended**, and what he had vowed to God when he began the monastery...’.
 ‘Затем Флор вспомнил, что он **ранее замыслил** и что обещал Богу, когда основывал монастырь...’.
- (4) Hwæt ða Martianus se manfulla cwellere hæfde langsum gewinn wið þone æðelan Iulianum, and cwæð þæt he **gear wiste** his æðelborennysse...’.
 ‘Well, then, Martianus, the evil tormentor, had a long contest with the noble Julianus, and said that he **had formerly known** his high rank...
 ‘И вот тогда Марциан, этот злой мучитель, долго состязался с благородным Юлианом и сказал, что он и **прежде знал** о его высоком происхождении...’.
- (5) Neora fæderas **wæron** gefyrn cristene;
 ‘Their parents **had been** Christians long before’.
 ‘Их прародители задолго до этого **были** христианами’.
- (6) Þa wearð gefullod se foresæda Nicostratus, mid his wife Zoe and þrym and ðrittigum mannum þe him **ær folgodon**, and mid him gefullode wæron.

‘There were baptized the aforesaid Nicostratus, with his wife Zoe, and three and thirty men, who **had followed** them **before**, and were baptized with them’.

‘Тогда крестился упоминаемый до этого Никострат вместе со своей женой Зоей, а также три и тридцать человек, которые **ранее** за ними **последовали** и вместе с ними крестились’.

В подобных контекстах в «Житиях святых» в основном используется претерит, который при переводе передается прошедшим перфектом. Причем в современном английском существует ряд наречий, которые ассоциируются исключительно с употреблением перфектных времен: *already, yet, since, ever, never*. Конечно же, в тех контекстах, где встречаются такие наречия, в переводе используется прошедший перфект, но в оригинале наличие подобных наречий никоим образом не влияет на выбор формы глагола: в большинстве случаев используется претерит.

- (7) Ða swæð Chromatius, se Cristena þegn, þæt he eallum gemiltsode þe him **æfre abulgon**...

‘Then said Chromatius, the Christian thane, that he pardoned all who **had ever angered** him...’.

‘Тогда сказал Хроматий, священник-христианин, что он простил всех тех, кто его **когда-либо приводил в гнев**...’.

- (8) Ða suwodon þa Iudeiscan **syððan** hi þis **gehyrdon**, and wuldron God, þæt he wolde forgifan þam hæþenan dædbote to þam heofonlican life.

‘Then the Jews were silent **after** they **had heard** this, and glorified God, in that He willed to grant to the heathen repentance unto the heavenly life’.

‘Тогда иудеи замолчали **после того, как** они **услышали** это и восхваляли Бога, чтобы он привел язычников к покаянию для небесной жизни’.

В контекстах, в которых упоминается общее время, в течение которого происходило какое-либо событие, в современном английском языке используется перфект в противовес контекстам с определенным прошедшим временем. В «Житиях святых», однако, мы обнаруживаем в подобных контекстах претерит, но не конструкцию с посессивным глаголом:

- (9) Eft þæs on mærgen rad Maurus to þam lande þe se cyning him geaf, and his cepte sum beddryda, se **læg seofon gear** toslopenum limum...

‘After this, in the morning, rode Maurus to the estate, which the king had given him, and a bed-ridden man sought him, who **had lain seven year** with relaxed limbs...’.

‘После этого по утру отправился Маур к той земле, которую король даровал ему, а прикованный к постели человек, который **лежал там седьмой год** с парализованными конечностями, искал его ...’.

Наконец, в древнеанглийском существовал глагол *ge-weorfan*, который обозначал изменение состояния и, тем самым, зачастую использовался в тех контекстах, в которых в современном английском мы будем сталкиваться с перфектом в его результативном значении. Несомненно, в таких контекстах анализируемая нами конструкция не употреблялась. Например:

(10) Eft ða þa se halga Benedictus ham to mynstre com, and þæt wif **wearð gewittig** þe he fram wodnysse ahredde...

‘Then, after Saint Benedict had come home to the monastery, (and the woman **had become sane**, whom he had delivered from madness)...’.

‘Затем, после того, как святой Бенедикт возвратился в монастырь, и женщина, которую он освободил от безумия, **обрела разум**...’.

Кроме того, немаловажным с нашей точки зрения является тот факт, что во многих случаях, когда в переводном тексте мы имеем перфект, в древнеанглийском ему соответствует претерит с приставкой *ge-*. Данная приставка использовалась со многими глаголами в древнеанглийских текстах. Установить однозначно, какую точно функцию выполняла данная приставка не представляется возможным в виду наличия различных зачастую противоречивых контекстов. Вполне вероятно, что к концу древнеанглийского периода приставка *ge-* уже находилась в процессе утраты своей определенной функциональной нагрузки. Несмотря на то, что существовала тенденция употреблять ряд глаголов, например, *huran*, *seon* с приставкой *ge-* безотносительно к контекстам, что, следовательно, усложняет определение точной функциональной нагрузки приставки, есть основания полагать, что *ge-* вполне могла выполнять перфективирующую функцию. Так, в McFadden 2011 на примере обширного материала из древнеанглийских текстов автор приходит к выводу, что данная приставка в значительном количестве примеров маркировала переходность глагола и указывала на завершенность или важность совершаемого события (McFadden 2011: 3–5).

- (11) Ða wearð se biscoep mycclum ablicged, and genam þæt husel þe se hælend **gebletsode**, tobræc on þreo and onbyrgeðe anes dæles.
Then the bishop was greatly astonished, and took the housel which the Saviour **had blessed**, brake [it] in three, and consumed one portion.
Тогда епископ сильно изумился, взял хлеб для евхаристии, который **благословил** Господь, разломил его на три части и съел одну часть.
- (12) Ða aras se snara and up rihte eode, and mid bliðre stemne **bletsode** his drihten, þe hine gehælde þurh ðone halgan wer.
'Then arose the boy, and walked upright, and with blithe voice **blessed** his Lord, who had healed him through the holy man'.
'Тогда поднялся отрок и, держась прямо, пошел и веселым голосом **славил** своего Господа, который его вылечил через того святого человека'.

В вышеприведенных примерах глагол *bletsian* передается перфектом или претеритом в зависимости от наличия или отсутствия перфективирующей приставки *ge-*. Подобного рода соотношение не всегда является последовательным. Например, глагол *sohte(n)* и *gesoht(e)a(n)* в анализируемом нами тексте передается в переводе исключительно претеритом, что определяется особенностями функционирования перфекта и претерита в современном английском и разграничениями в функциях перфекта и перфективирующей приставки: совпадения будут прослеживаться там, где результирующая функция перфекта будет пересекаться с перфективной функцией, означающей совершенность действия и выражаемой приставкой *ge-*.

Таким образом, отсутствие анализируемой конструкции в тех контекстах, в которых в современном английском языке используется перфект, употребление претерита в тех случаях, когда есть определенные наречия, ассоциирующиеся с употреблением перфекта, наличие перфективирующей приставки, которая употребляется в ряде тех контекстов, в которых в современном английском используется перфект, свидетельствуют о том, что мы едва ли можем приравнивать современный английский перфект и древнеанглийское *hæfdon*+причастие II.

Рассмотрим теперь, в каких контекстах употребляется анализируемая конструкция с прошедшим посессивным глаголом. Прежде всего, бросается в глаза тот факт, что большинство примеров из текста приходится на придаточные предложения, из которых доминируют определительные предложения. Например:

- (13) þe he **gecoren hæfde** - such as he **had chosen** (которую он таким образом **выбрал**); þe **hæfde geinnod** ealle þas halgan – ‘who had hospitably **entertained** all these saints’ (‘который гостеприимно **принимал** всех святых’).

Существуют также примеры, в которых конструкция используется в придаточных предложениях времени, где, как мы уже отмечали, как правило, употребляется претерит. Например:

- (14) Martianus **hæfde** his sunu **ær befæst** – ‘Martianus **had, ere** this, **committed** his son’ (‘Марциан **ранее** своего сына **препоручил**’); **siððan** he **agylt hæfde** ongean Godes bebod – ‘**after** he **had sinned** against God’s command’ (‘**после того, как** он **согрешил** против Божьего наказа’).

Рассмотрим подробнее примеры с придаточными предложениями времени.

- (15) swa swa se selmihtiga god to adame cwaed **siððan** he **agylt hæfde** ongean Godes bebod.
‘even as the Almighty God spake to Adam, **after** he **had sinned** against God’s command’.
‘так как всемогущий Бог говорил Адаму, **после того, как** тот **согрешил** против Божьего наказа’.
- (16) Maximianus ða se godes halga and his six geferan gode ða gecorenan **syððan** hi fyrstos **onfengcon** and ænigne timan hæfdon...
‘Then Maximianus, the Saint of God, and his six companions, God’s chosen ones, **after** they **had received** the respite and had some leisure...’.
‘Затем Максимиан, святой Господа и его шесть спутников, избранные Богом **после того, как** они **получили** передышку и могли немного отдохнуть...’.

В примерах (15) и (16) мы видим идентичное грамматическое окружение, а именно придаточные предложения времени, вводимые союзом *syððan* (*siððan*), но в первом случае используется конструкция с посессивным глаголом (*agylt hæfde*), а во втором случае претерит (*onfengcon*). В переводе в обоих случаях употребляется прошедший перфект. С одной стороны, древнеанглийский пример можно интерпретировать как перфект, тем более что в данном случае после анализируемой конструкции нет прямого дополнения. Однако отсутствие грамматизованных случаев употребления данной конструкции, а именно наличие аналогичных контекстов с претеритом, отсутствие данной конструкции после ряда наречий требующих употребления в

современном английском перфекта говорит о том, что скорее данная конструкция функционировала совершенно по-иному, и что здесь мы имеем дело с совпадением контекстов, но не функций. Так, рассмотрим нижеследующий пример.

- (17) Se man wearð þa gebroht to his bedde eft sona, and awoc of slæpe, and sæde his wife ealle ða gesihðe þe he **gesewen hæfde**. Þa cwæð þæt wif him to þæt hit wære Swyðun se ðe hine lærde mid þære halgan lare and þone ðe he **geseah** on ðære cyrcan swa fægerne.
 ‘Then immediately the man was brought again to his bed, and awoke from sleep, and told his wife all the vision that he **had seen**. Then said the woman to him, that it was Swithhun who had instructed him in this holy lore, and whom he **had seen** so glorious in the church’.
 ‘Затем тот час же мужчину принесли в его постель, и проснулся он ото сна и рассказал своей жене о видении, которое он **увидел**. Тогда сказала жена ему, что это был Свитун, который дал ему наставления через святое учение и которого он **видел** таким чудесным в церкви’.

Как видно в одном контексте употребляется как конструкция *gesewen hæfde*, так и претерит *geseah*, причем обе формы находятся в аналогичных контекстах и довольно сложно предположить, что форма с посессивным глаголом означает нечто более, чем претерит: и в том и в другом случае речь идет о том, что говорящий увидел до момента говорения, т.е. о завершённом событии, о событии, произошедшем до начала другого события, обозначенного глаголами в претерите «awoc of slæpe, and sæde» и «Þa cwæð þæt wif». Различие в функционировании появляется только в том случае, если мы предположим, что конструкция с посессивным глаголом по-прежнему является сочетанием посессивного глагола, сохранившего свое лексическое значение и сложного дополнения, состоящего из номинального или прономинального дополнения и глагольного причастия во второй форме, выступающей в адъективной функции. Тогда в вышеприведенном примере употребление конструкции *gesewen hæfde* вполне оправдано, так как оно несет в себе смысл удержания и сохранения состояния того, что рассказывающий увидел, т.е. свой сон, видение. В таком случае второй пример с глаголом «видеть» следует интерпретировать как простое событие, как завершённое глагольное действие с фокусом на совершении действия как такового.

В этой связи следует по-иному интерпретировать нижеследующий пример.

- (18) Chromatius **hæfde behydd** on his digolnysse an wurðlic weorc on mechanisc geweorc, of glæse and of golde and of glitiniendum cristallan.
 ‘Chromatius **had hidden** in his secret chamber an excellent work of mechanical contrivance, of glass, and of gold, and of glistening crystal’.
 ‘Хроматий **спрятал (имел, держал спрятанным)** в своем тайнике чудесное творение, механическое приспособление из стекла, из золота и из сверкающего хрусталя’.

В более широком контексте до данного предложения и после него используются исключительно претериты: *begyrdon*, *gebsedon*, *tobrsecon*, *com*, *gemetton*. В таком окружении довольно странно выглядит перфект, который указывает на то, что Хроматий спрятал определенный предмет. Более логичным выглядит ситуация, в которой в повествовании рассказывается о том, что у данного святого был предмет, который он хранил, т. е. дословно «имел его спрятанным, хранимым в определенном секретном месте». Такая интерпретация становится возможной, если мы будем рассматривать *hæfde behydd* не как аналитическую конструкцию с грамматикализованным посессивным глаголом, но как сочетание причастной формы с еще сохранившим свое лексическое значение глаголом «иметь».

Аналогичным образом обстоит дело и с конструкцией с глаголом «иметь» в настоящем времени: *habban*+причастие II. В большинстве примеров, в которых перфект употребляется в переводе, в «Житиях святых» используется претерит. Так, в контексте с современным перфектом в его результативно-экспериенциальной функции в «Житиях святых» используется претерит:

- (19) His sunu Tiburtius, se snotera cniht cwæð, Ic **awende** minne willan fram eallum woruldþingum to gastlicum weorcum, nu ic Godes mann eom, an of þam getele, þe þæt ece lif underfoð.
 ‘His son Tiburtius, the prudent youth, said, «I **have turned** my will from all worldly things to ghostly works, now that I am God's man, one of the tale that shall receive the everlasting life»’.
 ‘Его сын Тибуртий, рассудительный юноша, сказал: «Я **направил** свою волю от всяческих мирских вещей к духовным творениям, теперь я Божий человек, один из тех, которым будет дарована вечная жизнь»’.

В «Житиях святых» *habban*+причастие II используется, как правило, в прямой речи и поддается той же интерпретации, что

и аналогичная конструкция с прошедшим посессивным глаголом. Например:

- (20) *Min modor Claudia, me **hæfð gebroht** min hælend Crist to his halgena blysse, and minne fæder **gelogode** on þære heahfædera getele, and þu cymst to US nu on sunnandæg.*
 ‘My mother Claudia, me **hath** my Saviour Christ **brought** to the bliss of His saints, and **hath placed** my father among the number of the patriarchs, and thou shalt come to us, now on Sunday’.
 ‘Моя мать Клаудиа, меня мой Спаситель Христос **привел** к блаженству своих святых и **поместил** моего отца среди патриархов, и ты присоединишься к нам сейчас в воскресенье’.

В данном примере важным является и тот факт, что конструкция *habban* + причастие II используется в одном ряду с претеритом *gelogode* как однородные сказуемые и указывает в первом случае на состояние произведенного над объектом действия, а не на его релевантность в момент говорения и во втором случае на завершенность второго действия с акцентированием завершения действия. В переводе в обоих случаях последовательно используется перфект настоящего времени.

И наконец, еще один факт, который, как мы полагаем также указывает на то, что анализируемая конструкция еще не была аналитическим перфектом с грамматикализованными *habban/hæfðon*. В нижеприведенном переводе латинского предложения автор применяет прием передачи латинского слова *possidebitis* с помощью конструкции с посессивным глаголом и причастия II, функционирующего как определение к существительному *eowre sawla*.

- (21) *In patientia uestra **possidebitis** animas uestras; þæt is on Engliscre spræce, On eowrum geðylde ge **habbað eowre sawla** soðlice **gehealdene**.*
 ‘that is in the English speech, In your patience ye shall verily **have** your souls **in keeping**’.
 ‘что значит по-английски, В своем терпении вы поистине будете **иметь (держать, хранить)** свои души’.

Данное сочетание, очевидно, никоим образом не может быть перфектом. И что примечательно, мы имеем дело с интерпретацией и передачей иноязычного текста с помощью посессивного глагола и глагола в причастной форме. В таком случае, возникает вопрос: существуют ли примеры, в которых равным образом переосмысливается перифрастическая конструкция и вместо посессивного глагола используется другой аналогичный

по семантике глагол? Так, что касается древнеисландской конструкции *hafa*+причастие II, то, как полагает О.А. Смирницкая, ее нельзя считать парадигматизованной, поскольку глагол *hafa* вполне можно заменить другими глаголами, а именно *geta*, *fá* (Смирницкая 1972: 79-80). Этот аргумент выдвигается в пользу того, что мы не можем говорить об аналитичности данной конструкции и грамматикализации посессивного глагола. Этот аргумент, как мы полагаем, можно применить и к древнеанглийскому. Так, в анализируемом нами тексте мы встречаем следующие примеры, в которых вместо посессивного глагола используется аналогичный по семантике глагол *healdan* с глаголом во второй форме:

- (22) *Sume þing heo wyle, sume ðing heo nele; and ealle lichamlicra þinga hiw heo mæg on hyre sylfre gehiwian, and swa gehiwode on hyre mode gehealden.*
 ‘Some things it willeth, some things it willeth not; and every form of corporeal things it can shape within itself, and so shaped retain them in its mind’.
 ‘Некоторые вещи она желает, некоторых вещей она не хочет; и всем телесным вещам она может придать своей образ и таким образом созданными в своем уме удерживать’.
- (23) *Hwæt þa Iulianus ungewæmmede heold his bryde, and hi wæron geðeodde mid soðre clænnysse gastlice þeonde on godes gewytnysse.*
 ‘Thus Julian kept his bride unpolluted, and they were associated in true chastity, increasing in the spirit, in testimony to God’.
 ‘Так Юлиан хранил (держал) свою невесту незапятнанной, и слились они в истинном целомудрии, духовно служили и Бог тому свидетель’.

И все же мы не можем полностью отрицать процесс грамматикализации, который, по всей видимости, уже в конце древнеанглийского периода имел место. На это указывает следующий пример из текста «Жития святых»:

- (24) *Ðone oðerne dæl he dyde gehealden mid him to bebyrgenne æfter his forðside.*
 ‘the second portion he caused to be kept to be buried with him after his departure’.
 ‘Вторую часть он сохранил с собой, чтобы ее похоронили вместе с ним после его ухода’.

Так, в данном предложении глагол *dyde* (делать) выступает не в своем первом значении, но в значении ‘заставить’, «сделать

так, чтобы', что указывает на частичную потерю глаголом в данной конструкции своего непосредственного значения.

Таким образом, проанализированные контексты с *habban/hæfdon*+причастие II указывают на то, что данная конструкция в тексте «Жития святых» не могла функционировать в качестве перфекта в его современном английском варианте, но, скорее всего, выступала в качестве эмфатического эквивалента претеритных форм глагола (простого претерита или претерита с перфективирующей приставкой *ge-*). Несмотря на идущие процессы грамматикализации, которые вполне могли затрагивать и данную конструкцию, она, тем не менее, к концу древнеанглийского периода еще не достигла той степени, когда семантика контекста (наличие наречий, актуальность высказывания, предшествования одного действия другому) автоматически требуют употребление данной конструкции, что прослеживается в современном английском перфекте и тем самым не представляла собой отдельного грамматического явления. Вероятно, с этим и связан тот факт, что аббат Эльфрик, автор довольно обширно использовавший конструкцию в «Житиях святых», не упоминает о ней в своей «Грамматике».

Литература

- Горбова – Горбова Е. В. Проблемы испанского перфекта // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики. СПб., 2013. С. 58–63.
- Ильиш 1968 – Ильиш Б.А. История английского языка. М., 1968.
- Смирницкая 1972 – Смирницкая О. А. Морфологизация аналитических глагольных конструкций в германских языках // Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков // М., 1972, С. 70–90.
- Bybee 1994 – Bybee, J., Perkins R., and Pagliuca W. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. Chicago: University of Chicago, 1994.
- Comrie 1976 – Comrie, B. Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976.
- Declerck 1991 – Declerck, R. Tense in English: its structure and use in discourse. Routledge, 1991.
- Denison 1993 – Denison D. English historical syntax : verbal constructions. London, 1993.
- Klein 1992 – Klein, W. “The Present Perfect Puzzle.” Language. 1992. Vol. 68. P. 525–52.
- Łęcki 2008 – Łęcki A. How “perfect” was the Old English HABBAN + past participle periphrasis? // New reflections on Grammaticalization 4. University of Leuven, 2008.

- Lee 2004 – Lee J.-H. Periphrastic Perfect Tense in English: A Historical Perspective. Dissertation. The University of Texas at Austin, 2004.
- McFadden 2011 – McFadden Th. The Old English distribution and subsequent loss of preverbal ge-. // 13th Diachronic Generative Syntax Conference University of Pennsylvania. Philadelphia, 2011.
- Michaelis 1994 – Michaelis L. The ambiguity of the English present perfect // *Journal of Linguistics*. 1994. Vol. 30. P. 111–157.
- Mitchell 1985 – Mitchell B. *Old English Syntax*. 2 vols. Oxford: Clarendon, 1985.
- Mittwoch 1988 – Mittwoch A. Aspects of English aspect: on the interaction of perfect, progressive and durational phrases // *Linguistics and Philosophy*. 1988. Vol. 11. P. 203–54.
- Smith 1991 – Smith C. S. *The Parameter of Aspect*. Kluwer Academic Publishers. Dordrecht, 1991.
- Visser 1963–73 – Visser F. Th. *An Historical Syntax of the English Language*. 4 vols. Leiden: E. J. Brill, 1963–73.

Источник

Ælfric's Lives of Saints, ed. W. W. Skeat, London 1881, published for the Early English Text Society, by N. Trubner & Co., 57 and 59 Ludgate hill.

Словари

- Bosworth-Toller – Bosworth-Toller. *Anglo-Saxon Dictionary* – <http://bosworth.ff.cuni.cz>
- The Dictionary of Old English (University of Toronto Corpus) – <http://www.doe.utoronto.ca>

V. A. Bondar. Habban/hæfdon+participle II in “Lives of Saints” by abbot Ælfric: perfect?

The article deals with the analysis of the use of habban/hæfdon + participle II in the Old English text of “Lives of Saints” by abbot Ælfric with special reference to distribution of preterits and periphrastic constructions under consideration. A special emphasis is put on the way preterits and habban/hæfdon+participle II are conveyed in the translation executed by W. Skeat. The article criticizes the current tendency to view the construction as a grammaticalised analytical construction which is thought to have the same meanings as the modern English perfect does. A detailed analysis of the contexts are provided to disprove this tendency, arguing that at that time (end of the Old English period, XI c.) the possessive verb still retained its lexical meaning of possession.

Keywords: perfect, preterit, habban/hæfdon+participle II, grammaticalisation, analytical construction.

МЕТОДЫ ИСПРАВЛЕНИЯ ЛЕКСИКИ В *LEX SALICA KAROLINA*

В статье речь идет об изменениях лексики и структуры, сделанных в последней редакции Салического закона – *Lex Salica Karolina*, записанной по распоряжению Карла Великого около 802 г. Этот источник является самым распространенным законодательным памятником раннего средневековья (около 70 рукописей IX–X вв.) и наименее изученным. В статье исследуется рукопись, не использованная в критическом издании К. А. Экхардта 1962 г. – кодекс, хранящийся в Российской Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге Lat. O.v.II № 11.

Ключевые слова: Карл Великий, Салический закон, юридические формулы, *Lex Salica Karolina*, *Leges*-реформы

Последняя каролингская редакция Салического закона, получившая позднее название *Lex Salica Karolina*, считается одним из самых распространенных правовых текстов раннего Средневековья. Ее рукописная традиция насчитывает более 60 манускриптов IX–X вв., но изучена меньше других редакций. Создание *Lex Salica Karolina* относится к 798–802 гг., ко времени т. н. законодательных реформ Карла Великого, подразумевавших исправление (*correctio*) языка, а также упорядочивание законов германских племен, подчиненных Карлу. Закон Салических франков (в отечественной историографии принят термин Салическая правда) претерпел наибольшее число редакций – более пяти. Редакции были выделены в середине XX в. немецким ученым К. А. Экхардтом, однако он использовал лишь около половины существующих манускриптов. В частности, им не была учтена рукопись Lat. Q.v. II. № 11, хранящаяся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Изучение *Lex Salica Karolina* на материале этой рукописи и издания Экхардта легло в основу данной статьи.

Согласно классификации, проведенной немецким исследователем, рукописи Салического закона разделяются на редакции по числу глав. Редакция А, представленная 4 рукописями и, согласно Экхардту, древнейшая, состоит из 65 глав и наиболее точно отражает вариант закона, бытовавший в меровингской Галлии. Составленная позднее редакция С также состоит из 65

глав и представлена 2 манускриптами. 8 рукописей содержащих пространные редакциями D и E из 99–100 глав были изданы Экхардтом отдельно (*Lex Salica* 1969). В рукописях редакции K насчитывается 70 (иногда с добавлением 71 и 72) глав. В отдельную группу были выделены рукопись класса B (сохранилось только упоминание о ней с первыми строками в каталоге монастырской библиотеки Фульды) и копия с нее, сделанная И. Герольдом для издания 1557 г. Схема соотношения редакций, выдвинутая Экхардтом, имеет явные недостатки, однако до настоящего времени почти не оспаривалась в силу слабого изучения рукописной традиции *leges*.

В кодексе *Lat. Q.v. II. № 11* помимо текста *Lex Salica Karolina* (неполного – утеряны листы с первыми 17 главами и частью глав 64–68) находятся несколько капитуляриев Карла Великого, составленных около 806 г. (Mordek 1995: 702–705) Состав кодекса, а также частое использование писцами особой формы буквы *a*, похожей на греческую альфу (Mazhuga 2005: 1–11), позволяет датировать рукопись 806–820 гг. Таким образом, она принадлежит к наиболее ранним манускриптам в редакции K, чем подчеркивается необходимость введения ее в научный оборот и сравнения с другими рукописями *Lex Salica Karolina*.

Исправлению латинского языка в эпоху Карла Великого посвящена обширная литература (Banniard 1992: 305–422; Aurenheimer 2003). Наиболее значительной остается проблема образовательной реформы при Карле, ставшей основой для улучшения преподавания латыни и исправления текстов Священного Писания, житий и записей обычного права (Aurenheimer 2003: 103–127). Основным объектом изучения остаются жития меровингских святых, которые подвергались в это время переработке (Verdo 2010). Большое внимание уделяется каролингским капитуляриям и памятникам эпистолярного жанра (Banniard 1992: 369–422; Patzold 2005: 63–99). В то же время исправление языка законов в этих работах почти не затрагивается: редакция *Lex Salica Karolina* в целом остается очень малоизученной (McKitterick 1989: 40–60; Ubl 2014: 77–78). Язык других раннесредневековых законов также не часто становился объектом анализа. Монография шведского филолога Б. Лёфстедта о языке лангобардских законов стала первым исследованием, в котором в центре внимания находятся фонетические, лексические, синтаксические особенности раннесредневековой записи обычного права (Löfstedt 1961), и до настоящего времени

остаётся единственной работой такого рода. Таким образом, в изучении латинского языка раннесредневековых законодательных памятников ещё достаточно много лакун. Предметом моего исследования стали изменения, сделанные при составлении редакции К кодификаторами Карла Великого, в области латинской лексики: терминов, выражений и юридических формул. В силу малоизученности изменений, внесенных в редакцию К в целом, также были затронуты проблемы изменения структуры Салического закона и удаления из его текста древнегерманских слов и выражений.

Одним из важнейших отличий редакции К от предшествовавших ей версий Салического закона, является именно отсутствие мальбергской глоссы – фраз на древневерхненемецком диалекте, которые считаются юридическими формулами, применявшимися в судебной практике, и это позволяет с большой долей уверенности считать этот вариант текста последним. По данной проблеме существует значительная литература (Schmidt-Wiegand 1979: 56sq), и я ограничусь лишь несколькими примерами, которые показывают методы, использовавшиеся кодификаторами. Чаще всего выражения с мальбергской глоссой просто удалялись (*Pactus legis Salicae* 1962: 22–23)¹, в редких случаях они могли быть переформулированы (*Pactus legis Salicae* 1962) или объяснены на латыни, но такие методы кодификаторами почти не применялись. И если удаление мальбергской глоссы уверенно можно считать работой кодификаторов редакции К (хотя в других редакциях она также встречается не всегда), то дальнейшее исследование невозможно без ответа на вопрос, какие редакции легли в основу текста при создании *Lex Salica Karolina*.

Составители редакции ориентировались на предыдущие редакции *Lex Salica* – об этом свидетельствует последовательность глав, оставшаяся почти неизменной по сравнению с редакцией А. Сопоставление с древнейшим вариантом показывает, что четыре новые главы были добавлены после текста (главы LXIX–LXXII), и только три в сам текст Салического закона. Главы VIII и XVI в редакции К (*Pactus legis Salicae* 1962: 42–43; 66–67) были выделены в отдельные из предшествовавших им

---

¹ Например статья 2.4 в редакции А: *Si quis porcum anniculum furaverit et ei fuerit adprobatum malb. drache hoc est CXX qui f. soll. III culp. iud.* И в редакции К (статья 2.8): *Si quis porcellum anniculum furaverit CXX denariis qui faciunt solidos III culpabilis iudicetur.*

статей: первая касалась наказания за кражу деревьев (статьи находились в главе с наказаниями за кражу птиц), вторая, определяющая наказание за нападение на чужую виллу, из общей главы о нападениях и грабежах. LVIII глава, посвященная наказанию за нападение на церковь и клириков, была добавлена позднее. В рукописях редакции А этих наказаний нет совсем, в рукописях редакции С две статьи об убийстве церковных лиц были добавлены в главу «Об ограблении трупов». Сравнение с текстом *Lex Salica Karolina* показывает, что в редакции К эти главы не только были структурно выделены в отдельную главу, но и значительно расширены до четырех больших статей, последовательно рассматривающих случаи разрушения или ограбления церкви, убийства дьякона, священника и епископа (*Actus legis Salicae* 1962: 208–209). В то же время, наказание за убийство епископа могло быть внесено позднее: оно есть не во всех рукописях, а именно в кодексе из РНБ (Санкт-Петербург, Lat. Q.v. II. № 11, f. 29v).

Редакции D и E, представляющие собой варианты Салического закона, возникшие в 760–790-х гг. (Ubl 2014: 79–80), подверглись значительно большим изменениям и отличаются увеличившимся числом глав – 100 и 99 соответственно. Сравнение их структуры со структурой редакции К показывает несколько особенностей процесса кодификации. Так, в редакции E глава XIV слита с главой XV, вставлены новые главы (после глав XVII, XIX, XXI etc) и целые блоки глав (XXXI–XXXIV, XXXVIII–XLV etc). Несколько глав были перенесены в другие части текста: глава XXIX редакции К «О различных кражах» стала в редакциях D и E главой XXXVII (*Lex Salica*: 76–77), сменили свое местоположение главы LVII–LVIII и LXV–LXVI. Схожее количество глав и структура их расположения позволяют считать, что кодификаторы ориентировались в большей степени на редакции А и С. Однако редакции D и E также могли быть ими использованы. Наибольший интерес вызывает уже упомянутая глава, содержащая наказание за разрушение христианского храма и убийство клириков: в этих редакциях она разделена на три главы – LXXV, LXXVI, LXXVII (*Lex Salica*: 124–127). Редакции D и E оказываются не только ближе к редакции К по своему языку, но и по составу: в редакциях А и С нет статей, предусматривающих наказания за убийство церковных людей совсем. В версиях D и E они уже предусмотрены для

случаев со священниками и диаконами², а в редакции К иерархия клириков полностью выстроена: за убийство диакона полагается штраф в 300 солидов, за убийство священника в 600 солидов, жизнь епископа оценивается в 900 солидов. Таким образом, при составлении редакции К кодификаторы взяли за основу текст редакций А и С, их структура повторяется в редакции К наиболее последовательно, однако пространные версии Салического закона могли быть также им известны: из них составители черпали не только более проработанные правовые ситуации, но и новые, отсутствовавшие в А и С установления.

В редакции К, по сравнению с предшествующими вариантами Салического закона, были изменены не только количество и порядок следования глав, но и их названия. Заголовки в Салическом законе представляют собой один из самых непостоянных элементов текста: в редакциях А и С они лишены какого-либо единообразия, а в редакции Е для заголовков как правило используются первые строчки соответствующих глав. Сравнение *Lex Salica Karolina* с редакциями А и С показывает, что редакции К в той или иной степени подверглись изменениям 21 заглавие, то есть почти треть. Один раз оно было дополнено (глава LX)³, 4 раза исправлено (главы XXV, XXX, XLVIII, LIV), еще 4 раза переформулировано (главы XL, XLV, XLIX, LI). Но наибольший интерес представляет группа заглавий, переформулированных в описательном стиле. Это относится к таким главам, как XV, XVI, XVII, XX, XXII, XXIII, XXVI, XXXIV, XLI, XLII, XLVII, LII, LIII, LVI, LIX, LXIII, LXVII. Наиболее показательным изменением в главе XLVII: название старой статьи, в которой речь шла о праве переселения в другую общину «*De migrantibus*» было изменено на «*De eo qui villam alienam occupaverit vel si duodecim mensibus eam tenuerit*». В исправлении этих названий и замене их описательными конструкциями видится не только более сложное правовое мышление (*de eo qui* вместо старого *si quis*), вызванное новыми правовыми реалиями каролингской империи и большей мобильностью населения в ее границах, но и стремление к улучшению языка названия и его точности. Такие заглавия, как *Si servus in furtu fuerit inculpatus*

² Глава LXXVII (редакция D): *Si quis presbiterum interfecerit mal. teorzine sol. DC cul. iud. Si quis diaconum interfecerit mal. teorgiae sol. CCC cul. iud.*

³ В редакциях А, С, D и E: *De rachinburgiis*; в редакции К: *De rachinburgiis qui secundum legem non iudicant.*

заменялись на более правильные с точки зрения латинского языка *De servo qui de furtu fuerit interpellatus* (Глава XLII, *Pactus legis Salicae* 1962: 145; Санкт-Петербург, Lat. Q.v. II. № 11, f. 15r). В случае с главой LXVII «*De hereburgium*» («О прислужнике при колдовстве», Салическая правда 1950: 58), определяющей наказание за клевету о колдовстве, название было исправлено на «*De eo qui alterum hereburgium clamaverit*» (*Pactus legis Salicae* 1962: 231). Таким образом, исправляя заглавия, кодификаторы редакции К стремились более точно отразить смысл правовых статей, сделать последние более единообразными и правильными с точки зрения античной традиции.

Наиболее значительные изменения в тексте редакции К наблюдаются в области исправления и упорядочивания лексики и структуры отдельных глав. Каждая глава, а иногда и правовая статья в *Lex Salica Karolina*, стали начинаться с одного и того же выражения *Si quis* (в других редакциях подобной унификации не было), а завершались либо юридической формулой *culpabilis iudicetur*⁴, либо такой же формулой и дополнением к ней *culpabilis iudicetur excepto capitale et delatura*, то есть «не считая стоимости похищенного и возмещении убытков». Вторая формула встречается значительно реже, так как использовалась только там, где подразумевалось наказание за кражу или возмещение ущерба (Главы I–XIII, XVIII, XXIII–XXIV, XXIX, XXXV, XL–XLI, LVII–LVIII, LXXII). История этих формул прослеживается плохо: в рукописях редакции А они обе встречаются эпизодически, в более поздних редакциях С, D и E их употребление уже более или менее регулярно. Первое употребление юридической формулы *culpabilis iudicetur excepto capitale et delatura* относится к редакции А (*Pactus legis Salicae* 1962: 22 etc.) и, таким образом, либо является изобретением канцелярии поздних меровингов – ранних каролингов, либо было взято из какого-то позднеантичного источника. Такое предположение подтверждает история первой формулы *culpabilis iudicetur*. Впервые она употребляется в сочинении Оригена «О началах» в латинском переводе Руфина, и уже в середине VIII века была отличительной чертой юридических текстов (Origenes 1836: 3,1.3). Это подтверждает пародия на Салический закон, созданная ок. 770 г. и считающаяся одним из наиболее ранних памятников романских языков (Beckmann 1963: 305–334; Banniard

---

⁴ Точнее всего будет перевести эту формулу как «повинен заплатить»

1992: 299–301, 551–552), в которой и встречается данное выражение. Однако регулярное использование этой формулы становится заметно только в каролингских редакциях законов салических и рипуарских франков. Юридическая формула *culpabilis iudicetur* в редакции К стала постоянным окончанием почти каждой правовой статьи, благодаря чему текст редакции при Карле Великом легко отличается от других, менее систематизированных и отредактированных, текстов *leges*.

Еще одной особенностью на пути формализации текста глав последней каролингской редакции стала формула *solidos...qui faciunt...denarios*, повсеместно использовавшаяся для указания размера штрафа. Повсеместно указывавшийся перевод солидов в денарии был необходим для бытования денежно-весовых систем и, вероятно, был связан с желанием закрепить реформу мер и весов, осуществленную в конце VIII в. В ранних версиях использование этой формулы нерегулярно и поэтому ее нельзя назвать изобретением каролингских кодификаторов. Но ее роль была важна для формализации законодательного текста. Интересно, что важность этих формул прослеживается не только по структуре глав, но и в рукописной традиции. В рукописи из ОР РНБ сокращения встречаются редко и только эти формулы сокращаются писцами регулярно по единой выработанной форме (Санкт-Петербург, Lat. Q.v. II. № 11, f. 1r, 1v etc).

Приведенные выше юридические формулы играют важную роль в структуре статьи, однако только одна из них *culpabilis iudicetur*, да и то вероятно опосредовано, относится к высокой латинской культуре античности. Но в тексте *Lex Salica Karolina* появляются другие юридические формулы и выражения, заменяющие неправильные обороты и выражения меровингской латыни. К ним относится в первую очередь формула *cogatur exsolvere* (Статьи XXVII, 5; XXXVIII; XLIV, 3 (дважды), *Pactus legis Salicae* 1962: 163, 165; Санкт-Петербург, Lat. Q.v. II. № 11, f. 5r, 12v, 18v, 19r). В редакции А С, D и E случаи ее употребления единичны и вполне могут объясняться поздним происхождением рукописей. Свое происхождение эта формула ведет из Кодекса Феодосия, основного для Западной Европы в эпоху каролингов источника римского права, где встречается довольно часто (Cod. Theod. 1905: 2.9.3, 2.23.1, 4.18.1, 4.20.1, 5.17.1 etc.), из которого попала в Варии Кассиодора (Cassiodorus 1973: 1,19; 4,27; 5,5). В тексте Салического закона есть и другие формулы, прослеживающиеся во всех редакциях и также

отсылающие к культуре поздней античности. Формула *convenit observare* (*Pactus legis Salicae* 1962: 45; 167; Санкт-Петербург, Lat. Q.v. II. № 11, f. 19r) встречается в трудах Иоанна Кассиана, а после часто употреблялась в решениях галльских соборов (Ioh. Cassianus 2,13.1; *Concilia Galliae* 511–695 1963: 193, 307). Исследование этой темы еще не завершено, но уже сейчас полученные результаты позволяют говорить о большой образованности кодификаторов и сознательном исправлении текста *Lex Salica Karolina* с помощью юридических формул, наследованных из текстов поздней античности. Проследить точное время их появления удастся не всегда, вероятно многие из них бытовали в первоначальной редакции закона, были утеряны в ходе его порчи и восстановлены в эпоху Карла Великого. Другие, наоборот, были внесены в текст каролингскими кодификаторами. Методом их работы было не внесение принципиально нового, а улучшение старого, его исправление. При этом образование кодификаторов позволяло им редактировать законы, опираясь на образцы античной латыни.

Анализ лексики, не входящей в состав юридических формул, подтверждает гипотезу, что кодификаторы только исправляли текст закона, но почти его не изменяли. Замена подлежали неудачные обороты, как например *fuerit adprobatum* в значении «будет доказано» изменялся на более правильный *fuerit convictus* (Главы II,1; X,8; XIII,1; XVI,1; XLI,1; LXVIII,2), а неграмотно составленное выражение *extra consilium domini* в значении «без согласия владельца, господина» переписано как *sine consensu domini (possessoris)* (Главы XXIX, 36; LXVIII,1). В главе о переселенцах сохранившийся в ранних редакциях глагол *adsedere* (не существующий в классической латыни) был заменен на классический и более правильный *consedere* (XLVII,2). Однако такие примеры редки: в основном кодификаторы исправляли неправильные управления глаголов, употребление предлогов и постановку падежей. В редких случаях в текст вставлялись определения, уточнявшие то или иное понятие как, например, в случае с *anserem domesticam* (VII,5). В статье о краже пчел была исправлена ошибка в словоупотреблении: вместо *unum vas* (в значении улей) в редакциях А и С было поставлено *unam artem*, хотя это слово в классическом языке к улью не применяется (IX,1). Широкое распространение в редакции К, как и в других каролингских текстах, получил глагол *componere* в значении «возмещать ущерб». Его употребление

бесспорно было связано с существительным *compositio* «возмещение, размер штрафа за убийство человека определенного статуса» (Ducpape 1954: 469c). В тексте оно встречается довольно часто (XLI,3; XLII,14; LIII,2; LXV; LXVI). Однако, как было уже сказано ранее, число исправлений лексики относительно объема самого текста закона невелико.

Рассмотренные примеры показывают, что под редакцией Салического закона в период законодательных реформ Карла Великого следует понимать в большей степени исправление языка, а не смысла правовых постановлений. Это согласуется с общей теорией о значении письменного права в раннее средневековье: кодификатор не улучшал «старый добрый» закон, а исправлял в нем допущенные со временем неточности (Patzold 2005: 63–64). Изучение рукописи *Lat. Q.v. II. № 11* показало, что находящийся в ней текст Салического закона почти идентичен опубликованному Экхардтом. Найденные разночтения объясняются ошибками слуха и памяти писцов, но никак не сознательным изменением лексики, что подтверждает текстуальное единство редакции К. Новые статьи в текст закона также почти не добавлялись, в целом он сохранял свою структуру. Из текста было удалено большинство древнегерманских слов, добавлены и расширены статьи посвященные наказанию за преступления против клириков и повреждение церковных строений. Корректировке подверглись названия глав: составители исправили неточные названия и придали более корректную форму неясным. Текст глав был упорядочен с помощью юридических формул, типичных для каролингской канцелярии. Многие вставленные формулы происходили из правовых и нарративных источников поздней античности, что также улучшило текст закона. В основном составители исправляли грамматические ошибки: улучшение лексических неточностей встречается нечасто.

Источники

- Санкт-Петербург, ОР РНБ, *Lat. Q.v. II. № 11*.
Салическая правда. Пер. проф. Н. П. Грацианского / Под ред. В.Ф. Семенова. М., 1950.
Pactus legis Salicae T. IV. P. 1. / Hrsg. von K. A. Eckhardt (MGH, LL nat. Germ., 4). München, 1962.
Cassiodorus Variarum libri duodecim / Ed. A. Fridh (Corpus Christianorum Series Latina, 96). Turnhout, 1973.

- Concilia Galliae 511–695 / Ed. C. de Clercq (Corpus Christianorum Series Latina, 148A). Turnhout, 1963.
- Iohannes Cassianus De institutis coenobiorum et de octo principalium uitiorum remediis / Patrologia Latina, T. 49. Turnhout, 1967.
- Origenes. De principiis interprete Rufino / Ed. E. P. Redepenning. Lipsiae, 1836.
- Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes / Ed. T. Mommsen, P. Meyer. Berlin, 1905.

Литература

- Aurenheimer 2003 – Aurenheimer B. Die Sprachplanung der Karolingischen Bildungsreform im Spiegel von Heiligenviten. München u. a. 2003.
- Banniard 1992 – Banniard M. Viva voce. Communication écrite et communication orale du IVe au IXe siècle en Occident latin. Paris, 1992.
- Beckmann 1963 – Beckmann G. A. Aus den letzten Jahrzehnten des Vulgärlateins in Frankreich. Ein parodistischer Zusatz zur Lex Salica und eine Schreiberklage // Zeitschrift für Romanische Philologie des Mittelalters. Bd. 79, H. 3. 1963. S. 305–334.
- Ducange 1954 – Ducange Glossarium mediae et infimae latinitatis, Unveränderter Nachdruck der Ausgabe von 1883–1887. Graz, 1954. T. 2.
- Gaul 1886 – Gaul K.W. Romanische Elemente in dem Latein der Lex Salica. Giessen, 1886.
- Kern 1919 – Kern F. Recht und Verfassung im Mittelalter // Historische Zeitschrift. 120. 1919. S. 1–79.
- Löfstedt 1961 – Löfstedt B. Studien über die Sprache der langobardischen Gesetze. Beiträge zur frühmittelalterlichen Latinität (Studia latina Upsaliensia, 1). Stockholm-Göteborg-Uppsala. 1961. S. 10–276.
- McKitterick 1989 – McKitterick R. The Carolingians and the Written Word. Cambridge, 1989.
- Mazhuga 2005 – Mazhuga V. Über die Herkunft und die Verbreitung der dem griechischen Alpha gleichen Form von a. Urkundenschrift und Buchschrift im frühmittelalterlichen Europa (vom 7. bis zum Anfang des 9. Jahrhunderts) / éd. par Otto Kresten et Franz Lackner // Régionalisme et internationalisme. Wien, 2005. S. 1–11.
- Mordek 1995 – Mordek H. Bibliotheca capitularium regum Francorum manuscripta. Überlieferung und Traditionszusammenhang der fränkischen Herrschererlasse. München, 1995 (MGH, Hilfsmittel, 15). S. 702–705.
- Patzold 2005 – Patzold S. Die Veränderung frühmittelalterlichen Rechts im Spiegel der ‚Leges‘-Reformen Karls des Großen und Ludwigs des Frommen // Rechtsveränderung im politischen und sozialen Kontext mittelalterlicher Rechtsvielfalt / Hrsg. von S. Esders, C. Reinle (Neue Aspekte der europäischen Mittelalterforschung, 5). Münster, 2005. S. 63–99.
- Schmidt-Wiegand 1979 – Schmidt-Wiegand R. Die volkssprachigen Wörter der leges barbarorum als Ausdruck sprachlicher Interferenz // Frühmittelalterliche Studien, Bd. 13. Berlin; N.Y., 1979. S. 56–87.

- Ubl 2014 – Ubl K. Die erste Leges-Reform Karls des Großen // Das Gesetz – The Law – La Loi / Hrsg. von G. Guldentops, A. Speer (Miscellanea Mediaevalia 38). Berlin ; New York, 2014. S. 75–92;
- Verdo 2010 – Verdo R. La Reconfiguration du latin mérovingien sous les carolingiens. Étude sociolinguistique des diplômes royaux et des réécritures hagiographiques (VIIe-IXe siècle). Thèse pour le diplôme d'archiviste paléographe. Paris, 2010.

G. I. Borisov. Lexical changes in Lex Salica Karolina

This paper will discuss the changing of the vocabulary and text structure in Lex Salica Karolina, made in its last edition, which was written by the order of Charlemagne, approximately in 802 AD.

This source, which is the most well-known and wide-spread legal text of Early Middle Ages (contains in approximately 60 manuscripts from 9th-10th centuries) remain at the same time least developed in historiography. There is an edition by K. A. Eckhardt in Monumenta Germaniae Historica, but it includes just about a half of all the mentioned manuscripts. However, his study allows me to compare the text structure and the arrangement of chapters, as well as the vocabulary of the recension I use with the earlier and better developed “A”, “C”, “D”, “E”. This paper deal with the poorly known manuscript, which Eckhardt didn't include in his edition – the codex Lat. O.v.II № 11 from the National library of Russia in Saint-Petersburg.

Compared with the earlier editions, this text (which is also known under the title “K”edition) is remarkable for its good Latin. The most important feature of Lex Salica Karolina is the lack of so called “Malberg glosses” – the phrases in Old High German, describing different legal cases. Study of the “K” recension (consisting of 70 chapters) shows that it was based mainly on the recensions “A” and “C” (consisting of 65 chapters), while the longer and younger “D” and “E” recensions (consisting of 99 and 100 chapters) were used as additional ones. Approximately a third part of all the chapters was improved by codifiers: they reformulated phrases and titles, described the meaning of the chapters more particularly, added legal formulas, which were known from the late antic texts (“Codex Theodosianus”, the acts of the Synods and the Church Fathers' works).

As for the vocabulary changes, there were only few ones. The codifiers corrected grammatically wrong phrases and other errors of Merovingian Latin without changing the essence of the law. Thus, the corrections and additions regarding the vocabulary and the structure of the text influenced mostly the language but not the contents of the law.

Keywords: Charlemagne, Salic law, legal formulas, Lex Salica Karolina, Leges-reforms

Н. В. Брагинская, Р. Р. Накипов

ДАФНИС И ЭНКИДУ

В романе «Дафнис и Хлоя» содержится эпизод, основанный на мифе, уникальном для дошедшей до нас античной литературы, однако широко распространенный в других культурах и представляющий собой сюжет мирового фольклора: миф о диком, не знающем тайны пола и брака человеке, и его окультуривании и «поумнении» благодаря женщине. Ликэнион всему научает невинного Дафниса, посвящает его в мистерии Эроса. Сцена эротической инициации Дафниса сравнивается с древнейшей письменной фиксацией мифа – встречей Энкиду, не умеющего говорить и живущего со зверьми, с храмовой блудницей Шамхат и некоторыми другими примерами из мировой мифологии. Миф, вытесненный из классической греческой литературы, оказался востребован Лонгом в софистическом контексте отношения природы и искусства, города и деревни, аристократов и простолюдинов и т. д. Автор демонстрирует как дистанцию между природой и человеческой культурой, так и утопический, основанный на воскрешении мифа путь сближения, медиации, противоположностей композиционными и образными средствами литературы.

Ключевые слова: Дафнис и Хлоя, Грэхэм Андерсон, миф об Энкиду, сексуальная инициация, сравнительная мифология.

Еще в 1984 году Грэхэм Андерсон сопоставил некоторые сцены из Лонга с фрагментами шумерской поэзии и шумеро-аккадского эпоса (Anderson 1984: 5–15), несмотря на то, что тексты шумерских табличек, к которым обращался исследователь, в массе своей приходятся на третье тысячелетие до нашей эры и, соответственно, отстоят от античного романа на срок, сопоставимый с тем, что отделяет нас от Лонга. Напрашивались закономерные для филологии вопросы: древнегреческие авторы знали клинопись? в романах есть явные аллюзии на эти тексты? да и как можно было читать таблички, большая часть которых к тому моменту уже была погребена под толстым слоем земли?

Сегодня, когда уже не в первый раз в классической филологии произошла «ориентализирующая» революция, сопоставление персонажа греческой мифологии и/или литературы с героем эпоса Древнего Востока никого уже не удивит. Но сравнение в данном случае будет не с Востоком. Энкиду – только эмблема широко распространенного и очень архаичного мифа, засвиде-

тельствующего повсюду, кроме, пожалуй, классической мифологии и литературы. О диком, лесном юноше-животном или звере, который умнеет и приобретает человеческий облик благодаря общению с женщиной. Эпос о Гильгамеше – самая ранняя хронологически его фиксация, но не самая архаичная его форма.

Поэтому видение, которое предлагает Андерсон, требует скорее оптики фольклориста, нежели оптики филолога. Нужно иметь в виду устную традицию, которая циркулировала в древние времена на территории всего Средиземноморья. Несмотря на то, что у нас нет возможности отслеживать её распространение и применять богатый арсенал классической филологии, выработанный для определения филиаций и заимствований из одного текста в другой, достаточно лишь предположения о существовании подобной устной традиции, чтобы не истолковывать выводы исследователя превратно. Он утверждает также, например, что «Сатирикон» Петрония может быть отнесён к обширному циклу индийских авантюрных повествований, а «Золотой осёл» Апулея, похоже, принадлежит к другой ветви той же традиции (Anderson 1984: 1–2). Эти отношения, в свою очередь, лишь фрагменты намного большей мозаики, которая изображает развитие ближневосточного рассказа, его организацию и диффузию в большие циклы романа. Таким образом, в последних мы имеем дело скорее с ловкими переработками и модернизациями старинных историй, чем со случайным изобретением писателей-одиночек. Резюмируя, можно сказать, что шумерская поэзия и античные романы – это те небольшие участки, где обширные подводные токи устной традиции выходят на поверхность и позволяют себя разглядеть.

При своем появлении эти идеи вызвали резкое неприятие коллег автора, так же как идея восхождения сюжетов греческих романов к восточной мифологии, высказанная О. М. Фрейденберг на 60 лет ранее в диссертации «Происхождение греческого романа». Однако спустя четверть века после Андерсона и почти век после О. М. Фрейденберг и К. Кереньи (Kerényi 1927), многие ведущие филологи, занимающиеся романом, говорят о восточной родине его сюжетов¹.

Итак, определив новую с точки зрения западной науки генеалогию романа, Андерсон переходит к параллелям, которые

---

¹ Whitmarsh 2013. Стоит упомянуть и первооткрывателя данной проблематики в зарубежной науке в XX веке: Braun 1934.

представляются ему наиболее убедительными. При этом большая часть первой главы его книги посвящена «Дафнису и Хлое». К этому роману он находит десяток параллелей из шумерской и аккадской поэзии, сравнивает мотивы романа и египетскую лирику, разные средиземноморские сказки (Anderson 1984: 5–15).

Долгое время учёные, искавшие источники пастушеского романа в античной литературе, считали, что Лонг изобретает свою историю практически с нуля. Андерсон попытался это представление поколебать, но не все его «находки» одинаково удачны, и потому могут даже работать против идеи Андерсона.

Например, Андерсон рассматривает эпизод, где похищенную метимнейцами Хлою спасает Пан. Пан не дает кораблю метимнейцев плыть и пугает моряков таинственными видениями и фантомами до тех пор, пока полководец Бриаксис, которому Пан является во сне, не понимает, что Хлою придется вернуть. Его имя напоминает культовое имя Пана, а он сам – слугителя божества (Morgan 2004: 193).

Эти события напоминают упрощенную версию шумерского эпического «Сказания об Энмеркаре и Энсукхешданне» («Стены вздымаются в лазурном сиянии...»). Энсукхешданна хочет, чтобы богиня Инанна была перевезена из Эреха в Аратту; местный жрец-машмаш берётся подчинить Эрах и вернуться с лодками, тяжело нагруженными всяким добром; после опустошения овчарен Эреха и осквернения сельской богини Нидабы (ср. осквернение статуй нимф метимнейцами) он остановлен в странном противостоянии с двумя её пастухами и их союзниками; Энсукхешданна узнаёт о неудаче машмаша и отказывается от своего замысла. Андерсон обращает внимание на некоторые детали, например, во время нападения пастух отсутствует, а потом следует сцена отчаяния, когда пастух возвращается и видит, что произошло.

Дафнис и Хлоя

А Дафнис, когда кругом стало тихо, пришёл на равнину, где пасли они с Хлоей; ни коз он не увидел, ни на овец не набрёл, ни Хлои не нашёл – а нашёл молчание и тишь повсюду <...>
С громкими и жалобными воплями метался он. (II.XXI)

Сказание об Энмеркаре и Энсукхешданне

Пуста священная маслобойка...
<...>

В те дни загон и хлев домом молчания и тишины он сделал,
опустошение там произвёл.

<...>

Пастух козопас жезл пастуший закинул, плачет горькими
слезами (ст. 205, 206, 208).

Это не худший пример.

В романе и в шумерских текстах о Священном Браке² содержится соперничество за невесту. Соперники хвастают тем, что могут предложить невесте. Инанна готова выйти замуж за Энкиду, а Думузи оспаривает притязания этого жениха, и характер этого спора заставляет вспомнить о соперничестве другой пары земледельца и скотовода, Каина и Авеля. Этому эпизоду Андерсон находит «двойника» в «Дафнисе и Хлое» – сцена соревнования Дафниса и Доркона, в котором, правда, пастухами являются оба, а отличаются как волопас и козопас:

Дафнис: Хватает мне сыра с поджаренным хлебом и сладкого
вина, все это – достаток богатых крестьян. (I.XVI.4)

Думузи: Чем это лучше меня, землепашец?

<...>

Если он даст мне хлебов своих сладких,

Я ему, землепашцу, дам сыров медовых.

<...>

...больше чем сможет он выпить,

Сливки я дам ему в избытке! (ст. 98, 111–12, 116–17).

Сравнение с эпосом о Гильгамеше тоже есть, но оно ограничивается сопоставлением Дафниса – с Гильгамешем, а Ликэнион – со злой волшебницей Лилит³.

Мы полагаем, однако, что Андерсон не заметил самую яркую и наглядную параллель между эпосом и Гильгамеше и романом Лонга, причем такую, какая для Лонга является не побочным мотивом, а мотивом, связанным с центральной темой

² В переводе В. К. Афанасьевой: «Спор между скотоводством и земледелием» («Разговор. Он сестре говорит ласково...»). В дальнейшем шумерская поэзия будет представлена в переводах В. К. Афанасьевой по изданию: Афанасьева 1997. Далее будут приводиться только номера стихотворных строк в переводе.

³ Ликэнион метафорически занимает брачное ложе Хлои, тогда как Лилит в буквальном смысле живет в стволе дерева, которое Инанна просит добыть Гильгамеша для изготовления своего брачного ложа (Anderson 1984: 12).

романа – посвящением в таинство человеческой любви. Речь идёт о сопоставлении эпизода храмовой проститутки Шамхат и Энкиду с историей Ликэнион и Дафниса.

Но прежде мы приведем параллель, которую Андерсон заметил, и которая тоже связана с темой непосвященности «в таинство любви» и переходом от дикости и неправильного брака к правильному и человеческому.

Думузи пытается соблазнить свою сестру Гештинанну, показав ей инцестуозные совокупления. Эта история изложена на табличке, известной под номером СТ. 15.28–29: Думузи прощается со своей супругой Инанной, объявляя, что отправляется на пустынную равнину, где пасутся его стада. Там его ждала сестра Гештинанна, которая думала, что приглашена на увеселительную прогулку. Они «ели чистую пищу, окропленную мёдом и маслом, пили ароматное божественное пиво», пребывая в весёлом расположении духа. Но Думузи твёрдо решил осуществить задуманное. Чтобы подготовить сестру, он случил барашка с его матерью, а козлёнка с его сестрой. Наблюдая за инцестом животных, Думузи начал гладить Гештинанну, но она по-прежнему «ничего не понимала». Когда же до Гештинанны дошёл смысл действий Думузи, она закричала, но «он возлёг на неё... и излил своё семя в её лоно»⁴.

В романе присутствует сцена наблюдения за весенними играми животных: «Начиналась весна <...> стала трава пробиваться; <...> даже старых людей случись им это увидеть, к делам любви побудило бы такое зрелище (спаривающиеся животные) <...>

(Герой уже готов взять на себя инициативу)

...рвался он к поцелуям, и жаждал объятий, и во всем стал гораздо смелей и решительней.

⁴ Русского перевода данного отрывка *Dumuzi-Text* не существует, мы приводим его здесь в английском переводе В. Alster'a, который даёт Андерсон: «It was indeed a day of abundance, it was indeed a night of exuberance, it was indeed a month of delight, it was indeed a year of joy,... On that day... this is how he, the shepherd Dumuzi, took the solemn decision to make his sister spend the time in a happy mood. (The shepherd Dumuzi) ... bound four animals and brought them into the stall... the kid copulated with its sister. The shepherd spoke to his sister: 'Look, my sister, how the kid plucks (?) (his) sister!' His sister, who didn't understand, answered: After the kid touched his sister on her back, she screamed ... 'His seed is flowing into her vulva. Halt, my brother!' (Alster 1975: 217–1)

(Хлоя спрашивает, что он задумал)

«То же, что бараны с овцами и козлы с козами»

(Но героиня сомневается)

«Но разве не видишь ты, Дафнис, что и козлы с козами, и бараны с овцами все это делают стоя, и козы и овцы, тоже стоя, их принимают» (III.XII–XIV).

Конечно, параллель здесь тоже неточная. В древневосточном тексте на первом плане тема инцеста, а не невинности, в романе же на первом плане то, что Дафнис и Хлоя безуспешно пытаются подражать животным, не зная человеческой нормы. Однако неведение сестры Думузи, как нам кажется, составляет параллель к невинности Хлои, един и пастушеский фон той и другой сцены.

Ни в одном мифе и ни в одном античном произведении литературы нам не встретились герои, которые находились бы в неведении о чувственной стороне любви, а в романе с этим мотивом связан эпизод в 15–20 главах III книги. Ликэнион, молодая горожанка, которую привёз женою в деревню молодой крестьянин Хромис. Очарованная красотой Дафниса, она решила заполучить его себе в любовники. Спрятавшись и понаблюдав за ним и Хлоей, Ликэнион поняла, что они не посвящены в то, в чем состоит общение полов. Тогда она решила, что ей «представился случай достичь двойной цели: им дать от мук спасенье и свое исполнить желанье» (καίρὸν ἤκειν διττόν, τὸν μὲν εἰς τὴν ἐκεῖνων σωτηρίαν, τὸν δὲ εἰς τὴν ἑαυτῆς ἐπιθυμίαν). Придумав историю об орле, похитившем гуся, она выманивает Дафниса в «густую чащу близ источника» (κατὰ τὸ πυκνότατον, πληγῆς πλησίον). Тут она она рассказывает Дафнису, что видела во сне нимф и они поручили ей «спасти» его и научить любовным делам или делам Эроса (διδασκόμενῃ τὰ ἔρωτος ἔργα). При этом она уточняет, что эти дела Эроса не сводятся к тому, что Дафнис знает из своего опыта пастуха.

Потрясенный Дафнис падает к ногам Ликэнион и молит ее (причем используется глагол с ритуальными коннотациями: ἰκέτευεν) научить его, как можно скорее. Предложенный ему урок он воспринимает как нечто «великое и посланное ему богами» (ὥσπερ τι μέγα καὶ θεόπλεμτον ἀληθῶς μέλλων διδάσκεισθαι) и обещает отблагодарить наставницу различными пастушьими дарами: упитанным козленком, нежным сливочным сыром и даже козой. Это форменное жертвоприношение, да и вся сцена имеет отчетливый привкус сакрального, хотя и не без

комизма. Слово *ἰκετεύειν*, разумеется, может быть нейтральным: ‘просить’, ‘умолять’, причем, вовсе не богов. Мольба, обращенная к богу предполагает некий «перформанс»: позу, движения, специальные предметы: например падение на колени или ниц, прикосновение к подбородку, наличие ветвей, обмотанных шерстью, предложение даров/жертв. И вот Дафнис, прося об эротической педагогии, падает Ликэнион в ноги, предлагает дары и молит ее научить его, словно речь идет «о чем-то воистину великом и посланном богами»: ὄσπερ τι μέγα καὶ θεόπλεκτον ἀληθῶς μέλλον διδάσκεισθαι. Комический эффект возникает здесь потому, что мольба здесь не бытовая, значение слова *ἰκετεύειν* не стертое, а напротив возвращенное к своему религиозному значению. Комическое впечатление создается именно благодаря контрасту молитвенного и серьезного отношения Дафниса к интрижке Ликэнион.

Получение этого важнейшего знания, которое является содержанием инициаций у множества древних и примитивных народов, знания о продолжении рода, называется далее также не без лексики, которая используется для мистерий: *Τελεσθείσης δὲ τῆς ἐρωτικῆς παιδαγωγίας* ‘по завершении эротического урока’. Однако, глагол *τελεσθῆναι*, помимо расхожих значений ‘осуществлять’, ‘совершать’, ‘завершать’, имеет и особое значение – ‘вводить в таинства’, ‘посвящать’. Пассивные формы – ‘быть посвященным в мистерии’. Урок, или «педагогия», конечно, не может быть посвящен в мистерии, был доведен до конца эротический курс обучения, но использован глагол для описания посвящения. Позволительно думать, что глагол этот выбран не случайно и не просто так, а чтобы создать некоторый мистериальный флёр. Ведь соседство слов *παιδαγωγία* с Эротом, одновременно намекает на мистагогию, на введения в мистирию и на Эрота как бога и мистагога (см. известный рельеф, где Эрот выступает мистагогом в мистериях Митры – Merkelbach 1994: 286).

Таким образом, перед нами не гривуазный эпизод соблазнения невинного юноши, а облеченная в бытовые одежды сцена инициации, на что намекает и особая лексика.

Итак, в романном антураже перед нами повсеместно распространенный миф о диком человеке⁵. Он есть у бушменов, у наиболее примитивных народов и у народов древнейших

⁵ См. мотив «дикий человек в лесу»: AaTh, F 567, T 93.1, T 24.3.

цивилизаций и у народов средневековой Европы, но нет в Элладе, за исключением «Дафниса и Хлоя».

Сравним теперь сюжет из Лонга с Эпосом о Гильгамеше, чтобы увидеть значимость имени и роли Ликэнион, мифологический смысл густой чащи и источника в ней, и указания на отличие человеческих ласк от спаривания животных.

В эпосе о Гильгамеше Энкиду покрыт шерстью и живёт со зверьми и среди зверей, вдали от людей и их жилищ. Чтобы вывести его из дикого состояния к нему подсылают блудницу Шамхат, с которой он сочетается у водоёма. После потери невинности от него отворачиваются все звери, зато он начинает носить одежду, есть человеческую пищу, начинает говорить и т. д. Это преображение происходит с ним после того, как он познал женщину. Дикость, нечеловеческое докультурное состояние и девственность идут в мифе рядом. Мы видим его и в Ипполите, отвергающем Афродиту и проводящем все время в лесу, охотясь на диких зверей. Хельга и Хроар из «Саги о Хрольфе Жердинке» прикидываются прямо-таки зверьми. Они изображают собак, чтобы в лесу обмануть своих преследователей, к ним обращаются как к собакам, они, так или иначе, уподобляются волкам или собакам (Sadowski 1984: 46). Герой обретает или возвращает разум и человеческий облик через эротический контакт с женщиной⁶. Мотив волшебной сказки «заколдованный в зверя герой или героиня возвращают себе человеческий облик благодаря любви» может быть также рассмотрен как еще одна модификация такого способа поумнения.

Конечно, версия Лонга наполнена реалистическими, обыденными (не-мифологическими, антимифологическими) деталями (староватый муж, городская молоденькая женщина, скучающая при таком муже в деревне). Да и сама инициация подана как обман и хитрость. Однако антураж мифа – дикая природа, чаща, водоём поблизости – сохранён. Центральное событие и его смысл – совпадают. А значит перед нами две вариации типологически одинаковых сцен. Мы не станем приводить многочисленные примеры свиданий у источника или у пруда в чаще. Пожалуй, самая разительная сцена – это сцена в истории Амлета у Саксона Грамматика. Амлет уводит в непроходимую чащу девицу, молочную сестру (рудимент инцеста), которую подослали к нему, чтобы проверить по его способности иметь дело с

---

⁶ Ср. для ирландской традиции: Михайлова 2001: 144–273; 351–438.

женщиной, подлинно ли он безумен или притворяется. Он располагается с ней на болоте и возлежит на болотных растениях, названия которых впоследствии обыгрываются. Цветы на брачном ложе – это образ, который мы знаем от знаменитого описания священного брака Зевса и Геры, брата и сестры, вокруг которых в XIV песни Илиады Гея взрастила цветы и травы, до бытовых обычаев современности. В саге об Амлете противопоставлены здравый ум и способность к соитию и глупость/безумие и неспособность⁷. А также присутствует антураж чащи и болото. Ф. Р. Шредер анализирует мифы различных традиций о священном браке божественных брата и сестры в роли богов плодородия, происходящем в воде (Schröder 1938). Самый древний снова зафиксирован в Шумере. Это миф-гимн об Энки (Владыка земли, то есть подпочвенных пресных вод) и Нинхурсаг (Владычица лесистой горы, растений) под названием «Средь градов пресветлых». Он повествует о времени перехода от первоначального «недоделанного» мира, находящегося «за тактом», в котором еще не появилась ни жизнь, ни разделение растительной и животной жизни, к правильно устроенному существованию богов и людей. Этот переход описывается как серия «неправильных» зачатий и рождений, как постепенное научение браку и половому размножению, как переход от абсолютного незнания и хаотического поведения, включая инцест, к основному знанию о продолжении жизни. Все происходит на «болоте», несущем семантику самопроизвольной и неупорядоченной производительности, которая должна уступить место трудовому и постоянному браку пахаря с землей.

Шамхат вывела Энкиду непосредственно из дикого состояния, а в случае с Дафнисом правильнее будет сказать, что Ликэнион выводит его из «чисто-природного», «неокультуренного» состояния. И там, и там мы видим соитие как инициацию – приобщение к культуре, цивилизованному миру. Только миф об Энкиду – пространство явных и открытых мифологических образов, тогда как у Лонга, наоборот, всё сокрыто и завуалировано. Автор, однако, оставил нам и подсказки на сюжетном уровне.

В романе есть персонаж, который исполняет роль, во многом симметричную роли Ликэнион – Доркон. Тому, что эти персонажи составляют пару, в романе имеется масса подтверждений.

---

⁷ См. этот и другие примеры в статье: Брагинская 2011: 544–565.

Для начала это их место в композиции романа: эпизод с участием Ликэнион приходится на 15–20 главы III книги, тогда как сюжетная линия с участием Доркона – на 15–21 главы I книги⁸. Таким образом, два эпизода находятся в отношении почти строгой структурной симметрии. Во-вторых, появление персонажа Ликэнион предвосхищено ещё в сцене пастушеского агона Дафниса с Дорконом, где первый сравнивает второго с белокожей горожанкой (*λευκὸς ὡς ἐξ ἄστεος γυνή*). В-третьих, параллель маркирована лексически: встречающийся в романе всего дважды, да ещё и в одной и той же форме глагол *ἐπιτεχῶνται* («хитро, с изобретательностью задумать») применяется поочередно сначала к Доркону, потом к Ликэнион. Он замечательным образом характеризует героев и их стратегию поведения. Наконец, что самое важное, у этих персонажей одна и та же сюжетная роль – представлять угрозу целомудрию одного из протагонистов.

Проанализируем подробно одну из сцен с участием Доркона, которая поможет нам лучше понять эпизод с Ликэнион и подтвердит высказанные выше предположения.

Перепробовав все средства для того, чтобы заполучить Хлою (подарки⁹, соревнование в красноречии с Дафнисом, сватовство), Доркон решает прибегнуть к последнему: овладеть Хлоей насильно. Для этого он облачается в волчью шкуру с головы до пят, надеясь напугать Хлою¹⁰. Заранее подсмотрев (Ликэнион тоже подсматривает за героями), что герои по очереди гоняют стада на водопой, находящийся в глубоком овраге (*ἐν κοίλῃ δὲ πάνυ γῆ*), он прячется в «месте, поросшем аканфом, ежевикой, стелящимся по земле можжевельником и черто-

⁸ Можно было бы возразить, что Доркон появляется как действующее лицо уже в 12 главе I книги, когда по зову Хлои приходит на помощь упавшему в яму Дафнису. Однако в тот момент он лишь безымянный прохожий, фоновый персонаж. В 15й же главе мы узнаем его имя, а в системе действующих лиц он перемещается с периферии в центр, становясь на протяжении шести глав третьим по важности героем в романе. Про Ликэнион мы тоже могли бы предположить, что она была в числе девушек, которые во время сбора осеннего урожая в начале второй книги «на Дафниса поглядывали и похваливали его красоту, говоря, будто подобен он Дионису». Однако представлена она лишь в 15 главе третьей книге.

⁹ Ликэнион тоже начинает с подарков.

¹⁰ Семантика имени Доркон (*δορκίς* ‘газель’, ‘антилопа’) предполагает шутку в связи с неудавшейся ролью персонажа как волка. Он оказывается «газелью в волчьей шкуре».

полохом» (ὁ τόπος ἀκάνθαις καὶ βάτοις καὶ ἀρκεύθηταλεῖνῃ καὶ σκολύμοις ἠγυρίωτο). Однако весь план губят собаки, сопровождавшие Хлою, и горе-«волк» вынужден уже сам спастись, но «не из волчьей пасти, а из собачьей».

По сути, мы имеем дело с той же ситуацией, происходящей в той же обстановке, только в случае с Дорконом эротический урок Хлое преподан не был. Помимо слова *τοτός* применительно к водопою (в мифе об Энкиду был именно водопой!) употреблено еще и слово *πηγή* 'источник', то же, что и в эпизоде с Ликэнион. Кроме того, ряженный волк (а Ликэнион носить волчье имя) прячется среди обилия растений, в чаще. Можно подумать, что и нападение Доркона и сцена с Ликэнион, происходят в одном и том же месте, и поэтому во второй раз Лонг вместо подробного описания ограничивается несколькими словами.. Но даже если это два разных места, мы всё равно видим повсюду одно и то же древнее мифологическое сочетание вода – дикая природа – невинность – сексуальная агрессия/угроза. Перечисление растений в сцене с Дорконом – ещё один элемент этого древнего мифа. Такие же перечисления мы видим в пьесе Шекспира о Гамлете и в одном из её источников – саге Саксона Грамматика, в древнейшем по фиксации шумерском мифе об Энки (Брагинская 2011: 549–550, 552–553, 561). Несмотря на то, что набор растений разный (в мифе об Амлете это исключительно болотная флора), на фоне общей панорамы это уже не выглядит как случайное совпадение.

Если же мы теперь обратимся к этимологии имени Ликэнион, то сможем сделать два вывода:

1. Если переводить дословно, то Ликэнион – это «маленькая волчица». С помощью этой «животной» детали в романе происходит медиация дикого брака, брака со зверем; ровно та же ситуация и в эпизоде с Дорконом в волчьей шкуре (только нереализованная). Медиация, потому что греческий любовный роман это не сказка и не миф, где у героя может быть супругой(ом) лягушка или ещё какое-нибудь животное. Доркон и Ликэнион – не звери в прямом смысле слова, но снабжены говорящим именем-эпитетом. При этом супруг-зверь для древнейшей стадии – знак животной дикости самого героя, который живёт со зверьми и среди зверей: как Энкиду и пара наших героев.

2. Если принять гипотезу о римском происхождении Лонга (или, по крайней мере, о его знакомстве с римским языком и культурой – Morgan 2004: 1–2), то мы можем увидеть в имени

Ликэнион кальку с латинского слово *lupula*, у которого в оксфордском словаре выведено одно значение – ‘a prostitute’ (Apul. *Met.* 3.22, 5.11). Что напоминает о культовой культовой блуднице из древнейшего мифа.

Это место – кульминация любовного конфликта романа и его разрешение. Теперь герой знает обо всех ликах Эроса. Теперь его «эротическое» образование завершено. Как и все антагонисты, выполнившие свои мифообразующие функции, Ликэнион в сюжете становится положительным персонажем. Она просит – подобно Доркону – сохранить добрую память о себе и тем самым переходит в миф. В финале она наряду со всеми будет присутствовать на свадьбе.

После этого эпизода, наконец, между протагонистами становится возможен настоящий брак. Оставшиеся испытания героев на пути к нему лежат уже в социальной плоскости, чему соответствует интертекстуальный сдвиг романа в сторону Новой аттической комедии и её сюжетобразующих моделей (Morgan 2004: 223).

Итак, рассказ о незамысловатой жизни пастуха и пастушки, опирается на фундаментальный для человеческой культуры миф, по-видимому, вытесненный из классической греческой литературы. Ипполит, с которым можно сопоставить Дафниса, сторонится Афродиты, Дафнис – нисколько: он ее не знает.

Однако дело не только в том эпизоде, о котором была речь. Бытовая поверхность романа пропитана мифом, соприкасается с ним, боги, люди и животные существуют в одном пространстве, взаимодействуют в нем и не только во сне.

Дафнис и Хлоя, Лавр и Зелень рожают в браке Филопемена-Любопастыря и Агелу-Стадо. Дафнис и Хлоя остаются вечными пастухами, не только не соблазняясь городской жизнью у обретенных ими знатных родителей, но и не переходя с возрастом к занятию земледелием. Они вечные пастухи. Своих детей они отдают вскармливать овце и козе, цикл повторяется. На место преступления знатных и богатых родителей, подкинувших Дафниса и Хлою, приходит лишенное драматического содержания повторение, это уже ритуал, вечное возвращение, золотая неподвижность. Знатные пастухи, любимые, а не брошенные, дети, вскормленные животными. Автор не только демонстрирует осознание дистанции между природой и культурой, но и проявляет явную симпатию к первому члену оппозиции, чего нет и не может быть в древнем мифе о диком

человеке. Тем самым он и создает медиацию противоречий, характерную для мифа, а на основе вторичного мифа – литературный архетип пасторали.

Литература

- Афанасьева 1997 – От начала начал: Антология шумерской поэзии (Вступ. ст., пер., коммент., словарь В. К. Афанасьевой). СПб., 1997.
- Брагинская 2011 – Брагинская Н. В. Священный брак и смерть Офелии. Миф – сага – пьеса // *Образы прошлого: Сборник памяти А. Я. Гуревича*. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 544–565.
- Михайлова 2001 – Михайлова Т. А. Суибне – гелът, зверь или демон, безумец или изгой. М.: АГРАФ, 2001.
- Alster 1975 – *Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum*, XV. xxviiiif, 1ff, 35f, 37, 48–52, 54f / tr. B. Alster. 'Paradoxical Proverbs' // *Journal of Cuneiform Studies*. 1975. Vol. 27. P. 217–19.
- Anderson 1984 – Anderson G. *Ancient Fiction. The Novel in the Graeco-Roman World*. Barnes & Noble Books, 1984.
- Braun 1934 – Braun M. *Griechischer Roman und hellenistische Geschichtsschreibung*. Frankfurt, 1934.
- Kerényi 1927 – Kerényi, K. *Die griecgische-orientalische Romanliteratur in religionsgeschichtlicher Beleuchtung. Ein Versuch*. Tübingen: Mohr, 1927.
- Merkelbach 1994: Merkelbach R. *Mithras: ein persisch-romischer Mysterienkult*. 2 ed. Weiheim: Beltz, 1994.
- Morgan 2004 – Morgan J. R. *Longus: Daphnis and Chloe*. Aris and Phillips Classical Texts. Oxford: Oxbow Books, 2004.
- Sadowski 1984 – Sadowski P. Hamlet as a Mythical Hero. A Multivariate Analysis of the Associations between "Hamletic" Figures and their Attributes // *Rivista Canaria de Estudios Ingleses*. 1984. Vol. 9. P. 41–54.
- Schröder 1938 – Schröder F.R. *Der Ursprung der Hamletsage // Germanisch-Romanische Monatsschrift (Heidelberg)*. 1938. Bd. 26. S. 83 ff.
- Whitmarsh 2013 – *The Romance between Greece and the East* / ed. Tim Whitmarsh. Cambridge, 2013.

N. V. Braginskaya, R. R. Nakipov. *Daphnis and Enkidu*

Longus' novel "Daphnis and Chloe" contains an episode based on a myth unique to the extant classical literature although well known in other cultures – the myth of a wild man who is unfamiliar with the mystery of sex and marriage and who gets acculturated under a woman's guidance. Lycaenion instructs innocent Daphnis initiating him into the mysteries of Eros. The scene of Daphnis' erotic initiation is compared to the earliest written record of this myth, i.e., the meeting of Enkidu, who lives among

animals and does not know how to speak, with the temple prostitute Shamhat; other examples from world mythology are also presented. This myth, forced out of the Classical Greek literature, was claimed by Longus in the sophistic context about the relations between nature and art, village and city, peasants and noblemen

Mundane on the surface, the story about a shepherd and a shepherdess is grounded on a fundamental for the mankind's culture myth, presumably forced out of the Classical Greek literature. By means of literary structure and imagery the author not only demonstrates the distance between nature and human culture but shows an apparent sympathy toward the first member of this opposition, something which the ancient myth does not have and cannot have. Thereby it creates the mediation between the opposites characteristic for the myth whereas on the basis of a secondary myth appears a literary archetype of a pastoral.

Keywords: Daphnis and Chloe, Graham Anderson, Enkidu, sexual initiation, comparative mythology.

О БОГОБОЯЗНЕННОСТИ НИЛЬСКИХ КРОКОДИЛОВ (Plut., *De Iside* 358a)

Рукописная традиция «Моралий» Плутарха в *De Iside* 358a уверенно дает ὑπὸ τῶν κροκοδείλων ἢ φοβουμένων ἢ σεβομένων διὰ τὴν θεόν, тем не менее, в двух изданиях текста мы находим конъектуры, заменяющие διὰ и меняющие смысл текста. F.C. Бэббитт (Babbitt 1936) заменил этот предлог на ἰδίᾳ («по-своему»), а Г. Бернардакис (Bernardakis 1889) последовал предложению М. Г. Фэзе (Faehsius 1825) заменить этот же предлог на νῆ Δία («клянусь Зевсом»). В таком виде ремарка о «боящихся и почитающих богиню крокодилах» становится параллелью к словоупотреблению Деяний апостолов, где «боящимися Бога» названы квазипрозелиты. В статье восстанавливается логика, стоящая за обеими конъектурами и доказывається, что для Фэзе и Бернардакиса можно предполагать желание сблизить это место Плутарха с двумя эллинистическими иудейскими текстами – *Or. Sib.* 3.29 и *Jos. As.* 2.36, к которым Бэббитт мог добавить опубликованный позднее папирус P. Tebt. 59. (99 г. до н. э.). Эти конъектуры, следовательно, не лишены внутренней логики и убедительности, однако они опровергаются параллелью из Платона (*Leg.* 798ab). Тем не менее, отказавшись от возможности использовать *De Iside* 358a как параллель к Деяниям, следует тем не менее отметить, что ближайшие параллели к словоупотреблению этого памятника обнаруживаются в египетских источниках. Это может поставить вопрос о связи Деяний с Египтом, который традиционно считается исключенным из географии Деяний.

Ключевые слова: Плутарх, Платон, папирология, Деяния апостолов, Новый завет, раннее христианство, Египет, текстология.

1. В стандартном современном издании трактата «Об Исиде и Осирисе» (ed. Georg Wilhelm Sieveking), в разделе, где пересказывается содержание египетского мифа, мы читаем: (358a)

Τυφῶνα κυνηγετοῦντα νύκτωρ πρὸς τὴν σελήνην ἐν-
τυχεῖν αὐτῷ καὶ τὸ σῶμα γνωρίσαντα διελεῖν εἰς τεσσαρεσ-
καίδεκα μέρη καὶ διαρρίψαι, τὴν δ' Ἰσιν πυθομένην ἀναζητεῖν ἐν
βάριδι παπυρίνη τὰ (δ') ἔλη διεκπλέουσας· ὅθεν οὐκ ἀδικεῖσθαι
τοὺς ἐν παπυρίνοῖς σκάφεσι πλέοντας ὑπὸ τῶν κροκοδείλων ἢ
φοβουμένων ἢ σεβομένων διὰ τὴν θεόν (Nachstädt-Sieveking-
Titchener 1971: 3.17).

‘[Говорят, что] Тифон, охотясь ночью при лунном свете, наткнулся на него [саркофаг Осириса] и, опознав тело, растерзал его на четырнадцать частей и раскидал их. А когда Исида узнала об этом, она отправилась на поиски, переплывая болота на папирусной лодке. По этой-то причине плавающих в папирусных челноках не трогают крокодилы, которые или опасаются, или благоговеют из-за богини’.

Понимание этого отрывка кажется нетрудным до тех пор, пока мы не начинаем проверять выделенную строку в различных изданиях. Зифекинг сохраняет здесь рукописное чтение, причем традиция в данном случае настолько единодушна, что обследованные им *de visu* кодексы (Nachstädt-Sieveking-Titchener 1971: xxv–xxviii) не дают разночтений, достойных внесения в критический аппарат. Столь же уверенно следует рукописной традиции и большинство изданий со времен этенновского *editio princeps* (1572), как докритических, так и современных¹. Лишь два издателя меняют рукописное чтение, предлагая собственные конъектуры:

а) Григорий Бернардакис: ὑπὸ τῶν κροκοδείλων ἢ φοβουμένων ἢ σεβομένων νῆ Δία τὴν θεόν (Bernardakes 1889: 2.488)

б) Фрэнк Бэббитт: ὑπὸ τῶν κροκοδείλων ἢ φοβουμένων ἢ σεβομένων ἰδίᾳ τὴν θεόν (Babbitt 1936: 5.44)

По иронии судьбы, именно эти два исправленных чтения известны наиболее широко, поскольку они стали частью, соответственно, стандартного английского² и стандартного русского переводов трактата. Издание Бэббитта, вышедшее в серии Loeb Classical Library с параллельным английским текстом, дает следующий перевод: «...since these creatures *in their own way* show either their fear or their reverence for the goddess» (Babbitt 1936: 5.45). Н. Н. Трухина же, опираясь на текст Бернардакиса, переводит: «По этой причине будто бы крокодилы не трогают плавающих в папирусных челноках, испытывая или страх или, *клянусь Зевсом*, почтение перед богиней» (Трухина 1977).

Каким образом издатели обосновывают предлагаемые конъектуры? Бэббитт не мотивирует свое предложение никак; по видимому, исправление текста одним из прежних издателей *ipso*

¹ Wyttenbach 1796: 2.467; Dübner 1841: 3.437; Griffiths 1970: 144; Froidefond 2003: 192 и др.

² Более старый английский перевод, восходящий к XVII веку, основан на рукописном чтении (Goodwin 1878: 80)

facto подразумевало испорченное место, а предложенное им исправление – ἰδίᾳ – было экономнее и с палеографической точки зрения вероятнее, нежели предложенное чтение. Бернардакис, в свою очередь, просто принимает конъектуру, которая была предложена Готтфридом Фэзе (Fähse) – однако попытка выяснить, как именно тот ее обосновал, приведет к неприятному открытию: немецкий классик доказал ее необходимость самым лаконичным образом – «Malim vñ Δίᾳ», написал он (Faehsius 1825: 15).

Столь подробное и проработанное обоснование может навести на мысль о том, что вся цепочка конъектур – это своего рода текстологический курьез, живая окаменелость, памятник тем временам, когда филологи без стеснений и нужды правили ради самой правки. Но есть одно обстоятельство, которое мешает нам отмахнуться от этой конъектуры и заставляет нас рассмотреть ее со всем вниманием. Ведь стоит принять любое из исправлений текста, или даже просто согласиться с тем, что διᾳ представляет собой ошибочное чтение, требующее правки, как в результате перед нами появится прямая и полная параллель к новозаветному тексту Деяний апостолов, автор которых пользуется сочетанием φοβούμενοι τὸν θεόν и σεβόμενοι τὸν θεόν как (квази)технического термина для «боящихся Бога» или «почитающих Бога» (God-fearers, Gottesfürchtige) – язычников, в той или иной мере вовлеченных в орбиту иудаизма и еврейский культ³. Если разбираемый фрагмент Плутарха говорит о крокодилах, φοβούμενοι и σεβόμενοι τὴν θεόν, то перед нами могло бы оказаться свидетельство того, что подобное обозначение использовалось для участников не только иудейского, но и греко-римского языческого культа – или, по крайней мере, для поклонников Изиды, – и следовательно, полемика о «боящихся Бога» должна была бы быть скорректирована с учетом данной, никем ранее не замеченной⁴, параллели. В этом случае и принять конъектуру, и отвергнуть ее можно лишь взвесив доводы за и против, то есть, для начала – попытаться, насколько это возможно, восстановить ход мысли Фэзе, Бернардакиса и Бэббитта.

³ Литература вопроса безбрежна. См. например Cohen 1999: 140–174.

⁴ Данный отрывок не отмечают ни Алмквист (Almqvist 1946), ни наиболее свежий комментарий, аккумулирующий всю прежнюю работу над Деяниями (Keener 2014)

2. Но прежде наш вопрос следует переформулировать: какого рода конструкцию мы видим у Плутарха? Есть два варианта ее понимания:

(i) τὴν θεόν является грамматическим объектом при причастиях φοβουμένων и σεβομένων (и следовательно, διὰ – ошибка переписчика, которую необходимо тем или иным способом исправить);

(ii) оба причастия не имеют прямого объекта, а τὴν θεόν в данном контексте зависит от предлога διὰ, который оказывается авторским чтением.

Скептически настроенный оппонент может, пожалуй, предположить, что Фэзе, Бернардakis и Бэббитт осознанно или неосознанно вдохновлялись словоупотреблением Деяний, сделав Исиду объектом боязни и почтения так же, как им оказывается в Деяниях Бог Израиля, и вопрос о возможной параллели новозаветному тексту тем самым будет закрыт. Но в корпусе греческой литературы, за вычетом позднейших христианских свидетельств, о которых можно предположить, что они воспроизводят фразеологию Деяний⁵, есть три случая употребления конструкции, предполагаемой вариантом (i), которая обозначает божество или культ:

(i.1) *Oracula Sibyllina*, 3.29 sqq. (Geffken 1902: 48):

οὐ σέβετε, οὐδὲ φοβεῖσθε θεόν, ματαίως δὲ πλανᾶσθε
προσκυνέοντες ὄφεις τε καὶ αἰλούροισι θύοντες
εἰδώλοις τ' ἀλάλοις λιθίνοις θ' ἰδρύμασι φωτῶν·
καὶ ναοῖς ἀθέοισι καθεζόμενοι πρὸ θυρᾶων κτλ.

‘Вы не почитаете и не боитесь Бога, но напрасно блуждаете, простираясь перед змеями, и котам принося жертвы, и бессловесным идолам, и каменным изображениям людей, и сидя у безбожных храмов пред их дверьми...’

(i.2) *Ioseph et Aseneth* 2.3 (Fink 2003: 77–78)

καὶ ἦσαν ἐντὸς τοῦ θαλάμου ἐκείνου εἰς τοὺς τοίχους
πεπηγμένοι <πάντες> οἱ θεοὶ τῶν Αἰγυπτίων, ὧν οὐκ ἦν
ἀριθμὸς, χρυσοῖ καὶ ἀργυροῖ. καὶ πάντας ἐκείνους
ἐσέβετο Ἀσενεθ καὶ ἐφοβεῖτο αὐτοὺς καὶ θυσίας αὐτοῖς
ἐπέτελει καθ' ἡμέραν

⁵ См., например, *Acta Thomae* 104, 7 (Bonnet 217), *Martyrium Apollonii* 2 (Musurillo 1972: 90) и целый ряд текстов позднее IV в.

‘И в самом чертоге том по стенам расставлены были боги египетские, золотые и серебряные, без счета. И Асенет почитала их всех и боялась и всякий день приносила им жертвы’
(рус. пер.: Брагинская и др. 2010: 93)

Фэзе и Бернардакис, вполне вероятно, знали эти тексты, или, во всяком случае, *могли* знать. Третий был опубликован лишь в 1902 году:

(i.3) *P. Tebt.* 59 (99 г. до н. э.)

Ποσειδώνιος τοῖς ἐν Τεπτύνῃ ἱερεῦσι χαίρειν καὶ ἐρρῶσθαι, ὑγίαινον δὲ καὶ αὐτός· καταντήσαντος γὰρ εἰς τὴν πόλιν Σοκονώφεως καὶ Ἠλιπεως τῶν ἐξ ὑμῶν καὶ ὑποδεικνυόντων, ἣν ἔχετε πρὸς ἡμᾶς ἄνωθεν πατρικὴν φιλίαν, ἐν οἷς ἂν προσδέησθέ μου, ἐπιτάσσοντές μοι προθυμότερον διὰ τὸ ἄνωθεν φοβεῖσθαι καὶ σέβεσθαι τὸ ἱερόν

‘Посидоний жрецам в Тевтюниси радоваться и здравствовать. В добром здравии и я. Поскольку пришли в город Соконофей и Опей, из вашего числа, и сообщили мне, какую вы имеете к нам издавна отеческую любовь, – о чем если только ни попросите у меня, сообщите мне с готовностью, ибо издавна (я) боялся и почитал (Ваш) храм’.

Перед нами, таким образом, оказывается серия из трех свидетельств, датируемых временем от II или I в. до н. э. до II или III в. н. э., одинаково происходящих из Египта и относящихся к культовой сфере – в Сивиллиных оракулах объектом почитания выступает истинный на взгляд автора, то есть иудейский, Бог, в романе об Иосифе и Асенет иудейский романист говорит о почитании ею египетских божеств, в третьем, документальном тексте, греко-египетский автор из Александрии использует то же самое выражение для обозначения собственной приверженности к храму (sic!) Сокнебтуниса. Географическая локализация всех трех свидетельств делает очень заманчивым вывод о том, что здесь мы видим некую местную, то есть александрийскую, или египетскую, идиому, которая через предполагаемые египетские источники Плутарха попала в его текст. Во всяком случае, вполне вероятно, что и Фэзе, и Бернардакис, не зная еще о *P. Tebt.* 59, вдохновлялись именно этими двумя литературными примерами, и остается лишь поразиться тому, что их догадка об идиоматичности сочетания «φοβεῖν + σέβεσθαι + прямой объект» была затем подтверждена птолемеевским папирусом из Тевтюниса.

Этой серии свидетельств при прочих равных было бы, пожалуй, достаточно, чтобы подтвердив догадку Фэзе, Бернардакиса и Бэббитта, счесть нильских крокодилов «боящимися Исиды» по аналогии с «боящимися Бога» Деяний – благочестивыми поклонниками богини и своеобразными литературными собратьями сотника Корнилия и других квазипрозелитов, если бы в нашем распоряжении не имелось параллели для варианта (ii).

Plato, Leges 798ab

οἷς γὰρ ἂν ἐντραφῶσιν νόμοις καὶ κατὰ τινα θεῖαν εὐτυχίαν ἀκίνητοι γένωνται μακρῶν καὶ πολλῶν χρόνων, ὡς μηδένα ἔχειν μνεῖαν μηδὲ ἀκοήν τοῦ ποτε ἄλλως αὐτὰ σχεῖν ἢ καθάπερ νῦν ἔχει, σέβεται καὶ φοβεῖται πᾶσα ἡ ψυχὴ τὸ τι κινεῖν τῶν τότε καθεστῶτων

‘Законы, на которых они были вскормлены, стали по прошествии долгого времени неколебимыми благодаря некоей божественной судьбе, так что никто не помнит да и не слышал, чтобы с законами дело обстояло когда-то иначе, чем теперь. Любая душа благоговейно боится поколебать что-либо из установленных раньше законов’ (рус. пер. А. Н. Егунова Платон 1994: 4.249).

Это свидетельство, как мне думается, полностью решает вопрос в пользу второго варианта. Прежде всего, следует отметить, что платоновский отрывок отличается от процитированной выше серии (i. 1–3) не только синтаксическим построением фразы, но и по смыслу. Афинянин у Платона рассуждает о том, как заставить граждан идеального государства впредь хранить законодательство от изменения и искажения. Неизменность законов здесь, конечно, подразумевает некоторую религиозную санкцию (κατὰ τινα θεῖαν εὐτυχίαν ἀκίνητοι), однако речь идет не о почтении к богам как таковым, и тем более не об участии в культе, но о наличии у граждан внутреннего почтения к существующему правовому положению и страха перед его нарушением. Именно так ведут себя и плутарховы крокодилы – они не столько поклоняются Исиде, сколько опасаются нарушить установленное ею правило. Кроме того, для Плутарха, чей платонизм общеизвестен, предположение о прямой цитате или косвенной аллюзии к Платону будет наиболее экономным выводом, сохраняющим рукописный текст и избавляющим от необходимости его исправления.

4. Таким образом, следует заключить, что дошедший до нас в рукописях текст Плутарха – ὑπὸ τῶν κροκοδείλων ἢ φοβου–

μένων ἢ σεβομένων διὰ τὴν θεόν – вполне удовлетворительно интерпретируется в свете платоновской цитаты (Leges 798ab) и не требует конъектуры. Практическим выводом из этого станет необходимость исправления существующих переводов трактата. С другой стороны, нельзя не признать, что конъектуры Фэзе, Бернардакиса и Бэббитта отнюдь не являются произвольными улучшениями текста и натянутыми исправлениями ad hoc – за ними стоит знание текста, филологическая интуиция и остроумная догадка, подтвержденная открытым впоследствии новым источником. Отвергнуть эти конъектуры понуждает нас не их внутренняя несостоятельность, а наличие прямого и более весомого свидетельства, которое их опровергает.

Но если сюжет о богобоязненности крокодилов теперь закрыт, то для «боящихся Бога» из Деяний он только открывается. Все три ближайших параллели для идиоматики/терминологии автора Деяний происходят из Египта. Что более важно, Посидоний, автор письма *P.Tebt.* 59 называет свое покровительство храму и жрецам τὸ ἄνωθεν φοβεῖσθαι καὶ σεβεσθαι τὸ ἱερόν, что предвосхищает описание двух классических квазипрозелитов в Лк – Деян: центуриона Корнелия, «боящегося Бога» и спонсирующего еврейскую общину Кесарии (εὐσεβῆς καὶ φοβούμενος τὸν θεόν συν παντὶ τῷ οἴκῳ αὐτοῦ, ποιῶν ἐλεημοσύνας πολλὰς τῷ λαῷ καὶ δεόμενος τοῦ θεοῦ διὰ παντός Деян 10:2) и безымянного «капернаумского сотника», которого автор Лк, хотя и не называет «боящимся Бога», однако при помощи редакторских добавлений явно рисует образ язычника-мецената, покровительствующего еврейской общине Капернаума (Лк 7:2-5 слл.: Ἄξιός ἐστιν ὃ παρέξη τοῦτο, ἀγαπᾷ γὰρ τὸ ἔθνος ἡμῶν καὶ τὴν συναγωγὴν αὐτὸς ὠκοδόμησεν ἡμῖν. ст. 4-5). Повидимому, следует признать отчасти поспешным мнение ученых, которые полагают, что Египет находится вне горизонта Деяний – три рассмотренных свидетельства (Oracula Sibyllina, 3.29; Ioseph et Aseneth 2.3; *P.Tebt.* 59) вкуче с указанием «Западного» текста Деяний о том, что александриец Аполлос познакомился с христианством «на своей родине» (18:25 cod. D) заставляют по-новому взглянуть на взаимоотношение Деяний и Египта – впрочем, это находится уже за границами данного этюда.

Литература

- Брагинская и др. 2010 – Иосиф и Асенет / Пер. с древнегреч. Н. В. Брагинской, М. С. Касьян, В. В. Пислякова, А. И. Шмаиной-Великановой // *Arbor mundi: Международный журнал по теории и истории мировой культуры*. 2010. Вып. 17. С. 92–131.
- Платон 1994 – Платон. Собрание сочинений в 4 томах. Том 4. М.: Мысль.
- Трухина 1977 – Трухина Н. Н. Об Исиде и Осирисе // *Вестник древней истории*. 1977, № 3. С. 248–268.
- Almqvist 1946 – Almqvist H. *Plutarch und das Neue Testament: ein Beitrag zum Corpus Hellenisticum Novi Testamenti*. Uppsala: Appelbergs boktryckeri, 1946.
- Babbitt 1936 – Plutarch. *Moralia*. Vol. 5. With an English Translation by Frank Cole Babbitt. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1936.
- Bernardakes 1889 – Plutarchi Chaeronensis *Moralia recognovit Gregorius N. Bernardakes*. Vol. 2. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1889.
- Bonnet 1903 – Bonnet M. *Acta apostolorum apocrypha*. Vol. 2.2. Leipzig: Mendelssohn, 1903.
- Cohen 1999 – Cohen Shaye J. D. *The Beginnings of Jewishness: Boundaries, Varieties, Uncertainties*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1999.
- Dübner 1841 – Plutarchi *Scripta moralia e codicibus ... emendavit Fredericus Dübner*. Parisiis: Editore Ambrosio Firmin Didot, 1841.
- Fink 2003 – Fink, Uta Barbara et al. *Joseph und Aseneth*. Leiden: Brill, 2003.
- Geffcken 1902 – Geffcken, J. *Die Oracula Sibyllina. Die griechischen christlichen Schriftsteller 8*. Leipzig: Hinrichs, 1902.
- Goodwin 1878 – *Plutarch's Morals*. Translated from the Greek by several hands, corrected and revised by William W. Goodwin. Boston: Little, Brown, and Company, 1878.
- Griffiths 1970 – Plutarch's *De Iside et Osiride*. Edited with an introduction, translation and commentary by J. Gwyn Griffiths. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
- Faehsius 1825 – *Animadversiones in Plutarchi opera*, edidit M. Godofredus Faehse. Lipsiae: symptibus et typis Caroli Tauchnitii, 1825.
- Froidefond 2003 – Plutarque. *Oeuvres morales*. Tome V, 2e partie: *Traité 23. – Isis et Osiris*. Texte établi et traduit par C. Froidefond. Paris : Les Belles Lettres, 2003.
- Keener 2014 – Keener, Craig S. *Acts. An Exegetical Commentary*. Vol. 3. 15:1-23:35. Grand Rapids, Mich.: Baker, 2014.
- Musurillo 1972 – *The Acts of Christian Martyrs*. Introduction, text and translations by Herbert Musurillo. Oxford: Clarendon Press, 1972.
- Nachstädt-Sieveling-Titchener 1971 – Plutarchi *Moralia*. Vol. 2. *Recensuerunt et emendaverunt W. Nachstädt, W. Sieveling, J. B. Titchener*. Leipzig: Teubner, 1971.
- P. Tebt. – *The Tebtunis papyri vol. I*, edited with translations and notes by Bernard P. Grenfell, Arthur S. Hunt and J. Gilbert Smyly, 1902.

Wytttenbach 1796 – Plutarchi Chaeronensis Moralia, id est opera, exceptis vitis, reliqua Graeca emendavit ... Daniel Wytttenbach. Vol. 2. Oxonii: E typographeo Clarendoniano, 1796.

D. A. Bratkin. On God-Fearing Nile Crocodiles (Plut., De Iside 358a)

Manuscript tradition in Plutarch's *De Iside* 358a safely reads ὑπὸ τῶν κροκοδείλων ἢ φοβουμένων ἢ σεβομένων διὰ τὴν θεόν, however, two notable editions are emending that. F.C. Babbitt (1936) introduced ἰδίᾳ instead of διὰ whereas Bernardakis (1889) had followed the suggestion of M. G. Faehsius (1825) to change this into νῆ Δίᾳ. The article deals with two issues. First, what the reasoning of the emendators might have been. If emended, this passage would have provide an example of parallel Gentile usage of the expression used in the Acts of the Apostles to describe the 'God-fearers' of Acts. It is shown that both Faehsius and Bernardakis might have had in mind Sibylline Oracles 3.29 and Joseph and Aseneth 2.36 while Babbitt could add to this P. Tebt. 59. Therefore the conjecture would have been intrinsically reasoned unless there was decisive evidence against it. Second, it is demonstrated that there is no need to emend διὰ away, for Plutarch's passage in question is in fact an allusion to Plato (*Laws* 798ab). Still, so far as the expected parallel to Acts in this passage of Plutarch was shown irrelevant, one should note that the terminological usage of (Luke-) Acts is here mirrored by Egyptian evidence only⁶ which is to be acknowledged in the study of Acts.

Keywords: Plutarch, Plato, papyrology, the Acts of the Apostles, New Testament, early Christianity, Egypt, textual criticism.

А. Ю. Братухин

Η ΑΛΗΘΗΣ ΦΙΛΟΣΟΦΙΑ ΚΛΙΜΕΝΤΑ ΑΛΕΞΑΝΔΡΕΥΣ

Климент Александрийский, в отличие от апологетов, называвших защищаемое ими учение «варварской философией», не всегда обозначал ортодоксальное христианство этим термином (к «варварской философии» он иногда относил еретические школы). Однако, говоря в других местах о ней как об идеальном основанном на Библии учении, он не отличал ее от «*истинной философии*». Введя в употребление этот термин, использованный еще Платоном, Климент пытался превратить новое учение в законного наследника греческой философии.

Ключевые слова: Раннее христианство, апология, александрийская школа, Климент Александрийский, философский трактат.

Обращение христиан, говоривших «о себе как о новом народе, “третьем” после эллинов и иудеев (Aristides. Apol. 16, 4–5; Tertul. Ad nat. I, 8; Clem. Alex. Str. VI, 5–6)» (Большаков 2001: 138), к классическим образцам в некотором отношении сопоставимо с использованием в эллинистическую эпоху творений греческих авторов римлянами. Подобный подход Отцов Церкви к классическому наследию отнюдь не вступал в противоречие с предшествующей церковной традицией. Преобразование чужих терминов и обычаев было достаточно распространенным в то время: «Целый ряд внешних форм школьной авторитативности был перенят христианской церковью: кафедра главы школы – кафедра епископа; <...> термин “гомилия” в приложении к беседе философа и к проповеди священника; даже обязательная борода философа и столь же обязательная борода православного духовного лица <...>» (Аверинцев 1991: 13). Преемственность можно обнаружить и в жанровом отношении: «В какой-то мере “Апологию Сократа” несомненно можно считать как формально-литературной, так и идейно-содержательной предшественницей апологий Христа» (Большаков 2002: 156). Мы рассмотрим один из симптомов превращения христианской апологии в богословский трактат, а именно замену определяющего нового учение термина *варварская философия*, встречающегося у Татиана, термином *истинная философия*, используемого Климентом Александрийским. Ведь «основная цель Татиана

заключается не в том, чтобы привлечь своих оппонентов к христианству, обратить их, но лишь в том, чтобы добиться терпимости и определенного уважения к новой вере. Здесь и пролегает рубеж, отделяющий «Слово к эллинам» Татиана от, например, соответствующего произведения Климента Александрийского, озаглавленного уже «Увещание к эллинам» («Протрептик»)» (Афиногенов 2000: 80–81). Рубеж этот образуется, в том числе, и отношением церковных авторов к своему творчеству: рассматривают ли они его как нечто чуждое античной литературе, не пересекающееся с классической традицией, или – как некое ее продолжение.

А. В. Вдовиченко, подразделяя апологии на «юридические» и «ученые» и относя к последним «Строматы» Климента Александрийского, «Против Кельса» Оригена и труды богословов, писавших преимущественно в IV–V вв., замечает: «Эти сочинения, как правило, принадлежат позднему периоду, когда ситуация потеряла прежнюю остроту и вопросы правовых оснований были сняты» (Вдовиченко 2000: 24, прим. 10; Вдовиченко 2002: 65, прим. 6). «Против Кельса» и «Строматы», три последние книги которых были написаны после бегства их автора из Александрии во время гонений (Itter 2009: 10), являются очевидными исключениями из этого правила. А. П. Большаков сомневается в оправданности деления апологий на «юридические» и «ученые» (Большаков 2002: 161). Однако даже при беглом сопоставлении апологий Иустина, Татиана, Афинагора и Феофила с «Увещанием» Климента становится очевидным главное отличие между ними: в последнем совершенно отсутствует защита христианства от языческих обвинений. Это красноречивое отсутствие собственно апологии помещает «Увещание» в разряд философских трактатов, где автор спорит на равных со своими «коллегами» или учит последователей.

Свмч. Иустин Философ, которого Евсевий Кесарийский нарек подлинным ревнителем истинной философии (γνήσιος τῆς ἀληθοῦς φιλοσοφίας ἐραστής) (*Eus.* Н. Е. IV, 8, 3), никогда не называет так христианство. Иустин, с одной стороны, противопоставляет философов у эллинов и мудрых (т.е. христиан) у варваров (1 *Apol.* 7, 3; ср.: 20, 4; 26, 6) и говорит, что учение (διδάγματα) христиан выше всякой человеческой философии (2 *Apol.* 15, 3), с другой стороны, он признается, как после разговора со старцем-христианином он, размышляя о его

словах, нашел, что это единственная надежная и полезная (ἀσφαλῆ τε καὶ σύμφρον) философия (Dial. 8, 1).

Ученик Иустина Татиан называет христианство «нашей варварской философией» (τῆς καθ' ἡμᾶς βαρβάρου φιλοσοφίας) (Orat. 35, 1; ср. заявление свт. Мелитона Сардийского в обращении к императору апологии: «Наша философия (ἡ γὰρ καθ' ἡμᾶς φιλοσοφία) сначала процвела у варваров» (Eus. H.E. IV, 26, 7)). Под «варварами» Татиана подразумеваются христиане: «синонимом определению “варварский” выступает у Татиана характеристика “наш”, при этом особенный интерес вызывают соотносимые с данным понятием категории – “наши учения” (Adv. gr. 12), “наша философия” (Adv. gr. 31), “наша ученость” (Adv. gr. 35), противопоставляемые “эллинской”, “вашей” учености, философии <...>» (Большаков 2001: 131). Афинагор и Феофил, говоря о христианстве, вообще не используют слово «философия».

Тит Флавий Климент Климент (род. ок. 150 г., ум. ок. 215 г.), преемник Пантена на посту главы катехетического училища в Александрии, первый христианский представитель Александрийской школы, творения которого сохранились, не только усвоил популярную у язычников философскую прозу, приспособив ее к своим нуждам, но первым стал соперничать с греческими философами на литературном поприще, как равный с равными. Он предстает не только как новатор, вышедший за рамки используемых в церковной среде того времени жанров и гораздо подробнее и глубже раскрывший христианское учение, но и как человек, почувствовавший «властное призвание <...> сделать философию служащей Откровению (d'établir la philosophie servante de la révélation)» (Prunet, 1966, 11). Осуществляя переход от апологии, где христианское учение излагалось поверхностно, к философской прозе, он использует больше библейских цитат, чем любой из живших ранее Отцов Церкви, а классических цитат в три раза больше, чем Иустин, Татиан, Афинагор, Феофил, Ириней, Ипполит Римский, Ориген, Минуций Феликс и Тертуллиан вместе взятые (Krause 1958: 126). По мнению Баттерворфа, Климент создавал свои проникнутые греческим духом тексты, не отдавая себе в этом отчета, живя «в греческом мире среди людей, которые, будучи по рождению и религии греками, иудеями или христианами, не могли не дышать греческими идеями, как не могли не дышать общим воздухом» (Butterworth, 1916, 166). По нашему мнению, однако,

Климент сознательно обращался к своим читателям как «философ к философам» (Lattey, 1916, 257). Он не только «разбавлял» библейские цитаты классическими вкраплениями, но и классические тексты сближал с библейскими. Так, например, цитируя *Plat. Leg. VII*, 808bc, он платоновские субстантивированные инфинитивы во фразе о защитнике жизни и разума (ὅστις τοῦ ζῆν ἡμῶν καὶ τοῦ φρονεῖν μάλιστα ἐστὶ κηδεμῶν) снабжает определениями: τοῦ ζῆν τοῦ ἀληθινοῦ и τοῦ φρονεῖν γνησίως. Употребление глагола φρονεῖν (или форм от него) с наречием γνησίως в предшествующих творениях нам удалось найти только в 2 *Мак.* 14:8, где сказано: «<...> добросовестно размышляя (γνησίως φρονῶν) о надлежащем царю».

Климент Александрийский не только декларирует, подобно названным выше апологетам, возникновение принципиально нового направления в философии, но, изображая христианство как ее вершину, пытается при помощи художественной отделки своих трактатов, прежде всего «Стромат», сделать это утверждение не голословным. Это сочинение он называет «гностическими памятными записями согласно истинной философии (κατὰ τὴν ἀληθῆ φιλοσοφίαν γνωστικὰ ὑπομνήματα)» (ср.: *Strom. I*, 29, 182, 3; *III*, 18, 110, 3; *V*, 14, 141, 4; *VI*, 1, 1, 1). Термин «истинная философия» Климент использует вслед за Платоном, цитируя в *Strom. V*, 14, 133, 5 его фразу с этим словосочетанием (*Plat. Resp. VII*, 521c). Александрийский автор утверждает, что «приготовление к отдохновению во Христе тренирует ум и будит понимание, рождая пытлившую проницательность посредством истинной философии (διὰ φιλοσοφίας ἀληθοῦς)» (*Strom. I*, 5, 32, 4). Эта философия передана Сыном и имеет небесное происхождение (*Strom. I*, 18, 90, 1; *VI*, 7, 58, 2). Ее истина принципиально отличается от «истин» остальных философов (*Strom. VI*, 17, 150, 5). До ее познания «доходят посредством учения Господа те, которые были наставлены <обычной> философией» (*Strom. VI*, 7, 59, 3). Истинная философия, надежное убежище души (*Strom. VI*, 11, 89, 3), направляет душу к родственному ей горнему миру (*Strom. IV*, 3, 9, 5), а обращающийся к вещам чистым умом следует ей (*Strom. V*, 11, 67, 2). На занимающихся ею нападают кажущиеся философами (*Strom. VII*, 16, 98, 2). Платон ставит целью то, чего достигают люди, усваивающие добродетель и истинную философию (*Strom. II*, 22, 131, 2). Образцом «истинной философии» явился для евреев ходящий босиком Господь (*Paed. II*, 11, 117, 4).

Подлинная философия (ὄντως φιλοσοφία) противопоставляется александрийским автором образу жизни в соответствии с каждой отдельной школой (τὴν κατὰ ἐκάστην αἵρεσιν ἀγωγὴν) (Strom. VI, 7, 54, 1). Он пишет: «великая опасность – раскрывать поистине не подлежащее огласке слово подлинной философии (τῆς ὄντως φιλοσοφίας) тем, которые желают дерзко все опровергать» (Strom. I, 2, 21, 2). Упоминается также «правильная (ὀρθή) философия», в которой должна присутствовать «эллинская истина», как в геометрии – истина геометрии, а в музыке – истина музыки (Strom. I, 20, 97, 4), а также «божественная и варварская философия», подвигнутые которой христиане получили учение о Боге (Strom. I, 20, 99, 1).

Климент не отождествлял полностью, как это делал Татиан, ортодоксальное христианство с «варварской философией», неоднократно противопоставляя «школы, <возникшие> в соответствии с варварской философией» (τὰς κατὰ τὴν βάρβαρον φιλοσοφίαν αἵρέσεις) «самой истине» (Strom. I, 9, 44, 2; ср.: I, 13, 57, 1 и 6; VI, 15, 123, 3). И в варварской, и в эллинской философии есть плевелы (Strom. VI, 8, 67, 2). Похожая мысль о существовании различия среди «варваров», высказывалась еще Иустином: «Вообще мы признаём и то, что как среди эллинов утверждавшие то, что им хочется, все скопом обозначаются одним словом<, указывающим на их принадлежность к> философии, хотя <их> учения противоречат друг другу, так среди варваров у являющихся и у кажущихся (γενομένων καὶ δοξάντων) мудрыми данное им название является общим: ведь они все именуются христианами» (Iust. 1 Apol. 7, 3; ср. 26, 6).

Тем не менее, писания варварской философии могут дать тем, кто от них не отстает, приобщение к подлинной философии и истинному богословию (Strom. V, 9, 56, 2–3). Упоминается «еврейская философия» (Paed. II, 1, 18, 1; Strom. I, 14, 64, 5; I, 15, 72, 4; I, 21, 101, 1) и философия согласно Моисею (Strom. I, 15, 73, 6), «таинственная философия у египтян» (Strom. I, 14, 66, 2, ср.: VI, 4, 35, 2; VI, 4, 37, 3), «<выражаемая> посредством символов» (Strom. I, 23, 153, 2; ср.: V, 8, 44, 1). О «философии индийцев» Климент говорит в Strom. VI, 4, 38, 1. «Варварская философия», которую сложно отнести к тому или иному народу, упоминается в Strom. I, 16, 77, 4 (где говорится об Анахарсисе) и в Strom. V, 9, 58, 6. В некоторых случаях «варварская философия» (Paed. II, 10, 100, 4; Strom. II, 1, 1, 2), «ворами» которой объявляются эллины (Strom. II, 1, 1, 1; ср.: V,

14, 89, 1; V, 14, 95, 2; V, 14, 140, 2), и которой следуют христиане, провозглашается «совершенной и истинной» (Strom. II, 2, 5, 1). Ворами оказываются также подражающие (οἱ ἀπομιμούμενοι) истинной философии (Strom. VI, 16, 147, 3). В таких случаях «варварская философия» выступает как синоним ортодоксальной (ср.: Strom. I, 18, 89, 2; IV, 1, 1, 2; V, 1, 9, 4; V, 5, 27, 1; V, 8, 51, 1; V, 9, 57, 4; V, 12, 79, 2; V, 14, 90, 4; V, 14, 92, 5; V, 14, 93, 4; V, 14, 96, 5; V, 14, 134, 1; VI, 15, 130, 1; VII, 2, 11, 1).

Восьмая книга «Стромат» начинается словами: «<...> но древнейшие из философов не стремились к спорам и апориям. Разумеется, <не стремимся и> мы, придерживающиеся подлинно истинной философии (οἱ τῆς ὄντως ἀληθοῦς ἀντεχόμενοι φιλοσοφίας), которым Писание прямо предписывает ради обнаружения <истины> тщательное исследование и поиск. Ведь более поздних из эллинских философов пустое и бесплодное честолюбие при опровержениях и словопрениях направляет к бесполезной болтовне. Варварская же философия, отбросив всякие споры, глаголет: *ищите и обряцете, стучите, и отворят, просите и дано будет вам*» (Strom. VIII, 1, 1, 1–2). Здесь «варварская философия» также оказывается тождественной «истинной», под которой подразумевается ортодоксальное христианство. При этом Климент признает Бога подателем (δοτήρ) эллинской философии (Strom. VI, 5, 42, 1; ср.: VI, 6, 44, 1). В словах «Познал я все, и сокровенное, и явное, ибо научила меня Премудрость, художница всего» (Прем. 7:21) Климент видит кратко сформулированным то, что обещает дать «наша философия (ἡ καθ' ἡμᾶς φιλοσοφία)» (Strom. II, 2, 5, 2; ср.: II, 20, 110, 1). Ниже Климент снова противопоставляет делающее гордым знание мнимых мудрецов – представителей варварских ересей и греческих философов – опирающемуся на веру знанию, которое представляет собой научное доказательство того, что передано сообразно с истинной философией (Strom. II, 11, 48, 1).

Рассмотрим подробнее упомянутый выше фрагмент Strom. I, 13, 57. Климент пишет: «В то время как истина одна (ведь множество ответвлений есть у лжи), школы (αἱρέσεις) варварской и эллинской философии, как вакханки, растерзавшие члены Пенфея, <растерзали единую истину>, каждая тем, что получила в удел, хвалится, словно всей истиной; но, полагаю, утренней зарею (φωτὸς ἀνατολῆς) освещается всё. Итак, пусть все – и эллины, и варвары – которые устремились к истинному, одни, обладающие немалой долей слова истины, другие, обладающие

им лишь отчасти, предстанут для выяснения того, так ли это» (Strom. I, 13, 57, 1–2). «Итак, варварская и эллинская философия неким образом разодрали вечную истину (τὴν αἰδίων ἀλήθειαν *σπαραγμὸν τινα... πτελοῖται*) не мифологии Диониса, но теологии вечно сущего Логоса. Будь же уверен, что вновь собравший разделенное и соединивший его будет в безопасности созерцать совершенный Логос, Истину» (Strom. I, 13, 57, 6). Осборн замечает по этому поводу: «Возможно, наиболее интересная вещь – примирительный тон всего отрывка. <...> Единство истины, подобно единству Церкви, было единственным и отделенным от всего остального. Теперь единство истины дает ей возможность сделать все единым. Климент говорит об истине философии как частичной» (Osborn 1957: 124–125). Иттер так интерпретирует приведенный фрагмент: «с “появлением света” во Христе все “отклонения” лжи искоренены, но всё, что каждая секта сохранила от истины, будет собрано в одну истину Слова. Это задача гностика, который синтезирует различные элементы истины, находящиеся в еврейской и греческой философии и гармонизирует их под властью Слова Божиего» (Itter 2009: 137). Главная заслуга Климента, на наш взгляд, заключается в том, что ему удалось не только заявить о синтезе «различных элементов истины», но и превратить получившееся в результате учение, названное им «истинной философией», в легитимного наследника греческой философии. При этом необходимо отметить, учитывая все приведенные отрывки, что Климент, когда пишет о «варварской» или «еврейской философии» не как о современном ему христианстве, включающем в себя и еретические ответвления, а как об идеальном основанном на Библии учении, не отличает ее от «истинной философии». Поэтому говорить о равенстве «еврейского» и «греческого» элементов в осуществляемом Климентом синтезе затруднительно. Можно вести речь лишь об использовании им на базе «варварской философии» «еретических» и «эллинических» элементов.

Если «“варвары” у Татиана» были «неспособны противопоставить “эллинизму” что-либо, кроме исторического христианства, а “язычники” у других Отцов Церкви в своем сопротивлении благовестию» опирались «а идеальные и материальные достижения эллинистической культуры» (Большаков 2001: 131), то у Климента Александрийского те и другие стали рассматриваться причастными в большей или меньшей степени одной истинной философии. Показательны слова Климента в Strom. I, 28, 176, 1–3, где он разделяет философию Моисея на две этичес-

кие (τῆς ἠθικῆς πραγματείας ἴδια) части – историческую и законодательную, на священнодейственную и на богословскую, называемую Аристотелем метафизикой, а Платоном – диалектикой. Ниже (Strom. I, 28, 177, 1) говорится о соединении истинной диалектики с истинной философией. Так Климент помещает Моисея в контекст древнегреческой философской мысли. Он не противопоставляет полностью «варварскую» (как он называет христианскую философию) эллинской, а, показывая некую связь между ними, поднимает первую на иной онтологический уровень. Такой подход делает для Климента возможным представлять христианство как высшую стадию любой прежней философии, либо данной людям Богом посредством низших ангелов (διὰ τῶν ὑποεεστέρων ἀγγέλων) (Strom. VII, 2, 6, 4), либо украденной греческими философами у еврейских пророков (Strom. I, 17, 87, 2). В любом случае, кажущаяся случайность (περίπτωσης), благодаря которой эллины изрекли нечто, принадлежащее истинной философии, обусловлена божественным домостроительством (Strom. I, 19, 94, 1). Эти обстоятельства, очевидно, приводят александрийского автора к мысли о необходимости излагать «истинную философию» в сочинениях, кто не уступали бы по своим литературным качествам сочинениям эллинских философов. В пользу того, что он такую цель перед собой ставил, говорят многие черты знаменитой «трилогии» александрийского богослова, «эллинизация» христианства у которого носила весьма поверхностный, терминологический характер и осуществлялась в миссионерских целях.

Литература

- Аверинцев 1991 – Аверинцев С. С. Античная риторика и судьбы античного рационализма // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика. М.: Наука, 1991. С. 3–26.
- Афиногенов 2000 – Афиногенов Д. Е. Татиан и его “Слово к эллинам” в историческом контексте // Раннехристианские апологеты II–IV вв. Переводы и исследования. М.: Ладомир, 2000. С. 80–92.
- Большаков 2001 – Большаков А. П. «Эллины» и «эллинская мудрость» в произведениях раннехристианских апологетов // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории Древнего мира Исторического факультета МГУ. № IV. М.: МГУ, 2001. С. 125–139.
- Большаков 2002 – Большаков А. П. Раннехристианские апологии: происхождение и содержание // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории Древнего мира Исторического факультета МГУ. № V. М.: ЭкоПресс-2000, 2002. С. 151–165.
- Вдовиченко 2000 – Вдовиченко А. В. Христианская апология. Краткий обзор традиции // Раннехристианские апологеты II–IV вв. Переводы и исследования. М.: Ладомир, 2000. С. 5–38.

- Вдовиченко 2002 – Вдовиченко А. В. Дискурс–текст–слово. Статьи по истории, библеистике, лингвистике, философии языка. М.: Изд-во Правосл. Свято-Тихоновского Богословского института, 2002.
- Itter 2009 – Itter A. C. Esoteric teaching in the Stromateis of Clement of Alexandria. Leiden, Boston, 2009. XVIII.
- Krause 1958 – Krause W. Die Stellung der frühchristlichen Autoren zur heidnischen Literatur. Wien: Herder, 1958.
- Lathey 1916 – Lathey C. The deification of man in Clement of Alexandria: some further notes. The Journal of Theological Studies. 1916. Vol. 17. № 67. 257–262.
- Osborn 1997 – Osborn E. Tertullian, first theologian of the West. Cambridge: Univ. Press, 1997.
- Osborn 1957 – Osborn E. F. The philosophy of Clement of Alexandria. Cambridge: Univ. Press, 1957.
- Prunet 1966 – Prunet O. La morale de Clément d'Alexandrie et le Nouveau Testament. Paris: Presses Universitaires de France, 1966.

A. Ju. Bratukhin. *Ἡ ἀληθὴς φιλοσοφία* of Clement of Alexandria

The early Christian literature during the hundred years has passed the way from the unsophisticated works, which were written by the Apostolic Fathers exclusively for their coreligionists, until the exquisite philosophical treatises of Clement of Alexandria. However the main Christian genre of the Second Century is apologetic. Such apologists as Aristides, Justin Martyr, Tatian, Athenagoras, Theophilus and others defended the new religion in front of pagans. These authors opposed the Christianity to the Greek philosophy. They considered it as strange and alien from the classical tradition, even if they called their doctrine “our barbarian philosophy (ἡ καθ’ ἡμᾶς βάρβαρος φιλοσοφία)” (*Tatian. Orat.* 35, 1) or simply “our philosophy (ἡ γὰρ καθ’ ἡμᾶς φιλοσοφία)” (*Melito apud Eus. H. E.* IV, 26, 7). Clement of Alexandria unlike them no always identified the orthodox Christianity with “barbarian philosophy” (sometimes he marked heretical schools by this notion too). Except “barbarian philosophy” he mentioned the Hebrew philosophy and the philosophy of Egyptians and Indians. Clement uses, as Plato did, words “the true philosophy” (ἡ ἀληθὴς φιλοσοφία). It becomes for him a summit of all previous doctrines. Synonyms of this notion are for him “genuine philosophy (ἡ ὄντως φιλοσοφία)” and “right (ὀρθή) philosophy”. This method allows Clement to speak with his readers as philosopher with philosophers. He not only writes about the synthesis of “the various elements of truth found in both Hebrew and Greek philosophy”, as A. C. Itterer says, but makes the new doctrine (“the true philosophy”) the legitimate heir of the Greek philosophy. The Hebrew and Greek elements in his synthesis are not equal: Clement as usual doesn’t distinguish between “barbarian / Hebrew philosophy” as the pure Biblical doctrine and “the true philosophy”. Last term has meaning “orthodox Christian doctrine” and contrasts both Greek schools and Christian sects.

Keywords: Early Christianity, apology, the Alexandrian school, Clement of Alexandria, philosophical treatise.

Л. В. Братухина

ПАН В «КРЫМУ»: ОБРАЗ ГРЕЧЕСКОГО БОГА В ПОЭМЕ В. НАБОВОКА

Статья посвящена исследованию образа греческого бога Пана в тексте поэмы В. Набокова «Крым». Среди иных произведений этого автора, также содержащих упоминания имени данного мифологического персонажа, поэма выделяется мотивом «поэтической инициации», ассоциированным с образом Пана. Анализируя возможные источники набоковского обращения к пастушескому богу, автор статьи выделяет как наиболее значимые буколические произведения Феокрита и Вергилия, лирику А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, С. Малларме.

Ключевые слова: Пан, Сиринга, Набоков, буколическая поэзия, русская поэзия, «поэтическая инициация», мифология, Античность.

В статье «Античность Пушкина и Набокова» Н. К. Телетова называет последнего представителем третьей волны (после первой и второй, пришедшихся на пушкинскую эпоху и Серебряный век) «антиквизации» в русской литературе. Особенность подхода этого автора к наследию классической древности исследовательница охарактеризовала как менее частотное по сравнению с Пушкиным насыщение текстов «античными метафорами, аллюзиями, параллелями», отличающееся, однако, тем, что «глубже, философичнее использует Набоков античный миф и олимпийскую религию» (Телетова 1999: 32).

Античное наследие проявляется в творчестве В. В. Набокова символическими перекличками с сюжетами и персонажами античной мифологии, поэтическими стилизациями («Гексаметры», «Подражание древним»), использованием «схемы гностического мифа» («Приглашение на казнь», согласно С. Давыдову).

В целом ряде произведений В. Набокова упоминается греческий бог Пан, с именем которого оказывается связан целый комплекс тем и мотивов. В поэме «Крым» (1921) герой, вспоминая о времени, проведенном на полуострове в преддверии эмиграции, восклицает: «О, рощи буковые, где я // подслушал, Пан, свирель твою!» (Набоков 2002: 142). В стихотворении «Лилит» (1928) посмертное шествие в потусторонней реальности, приводящее героя к юной искусительнице, описывается так: «Я шел, // и фавны шли, и в каждом фавне // я мнил, что

Пана узнаю» (Набоков 2002: 221). Герой «Дара» (1937) Годунов-Чердынцев, погруженный в атмосферу «сильвийских встреч» и «мифических умыканий» (Набоков 1990: 300) в своих прогулках по Груневальду, сравнивается с Паном и Симплициссимусом. В романе «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» (1941) фамилию Пан носит эпизодический персонаж, поэт-футурист, увлекший главного героя в путешествие «на Восток». У Гумберта-повествователя в «Лолите» (1955) вырывается восклицание: «...нимфетка, клянусь Паном!» (Набоков 1992: 73). В поэме Джона Шейда, героя «Бледного пламени» (1962), в его размышлениях о причинах гибели дочери появляется фраза: «Но с каждого пригорка // Кивал нам Пан, и жалость ныла горько» (Набоков 2000: 320). В романе «Ада» (1969) имя Пана появляется в сочетании «Пановы напевы», обозначающем определенные звуки, призывающие некую горничную Розу к ее воздыхателю, постояльцу гостиницы, для плотских утех.

В большинстве приведенных примеров упоминание имени Пана ассоциируется с представлением о любвеобильной чувственной природе этого божества и акцентированием плотской стороны любовных отношений. О справедливости подобных ассоциаций свидетельствует мифологическая «история» его походов¹. Р. Грейвс перечисляет следующие сюжеты: сочетание с многочисленными менадами из свиты Диониса, соблазнение Эхо, Эвфемы, Селены, попытки овладеть Питис и Сирингой (Грейвс 2001: 117).

Образ Пана как «олицетворение чувственной любви» (Обнорский² 1897: 714) очевиден в тексте «Лилит», «Дара», «Лолиты», «Бледного пламени», «Ады». Однако В. Набоков, убежденный, что «искусство в высших своих проявлениях фантастически сложно и обманчиво» (Набоков 2000: 575), ориентирует своего читателя на поиск иных возможных интерпретаций. Так, по мнению Д. Шапиро, появление имени Пана в «Даре» связано

¹ Одна из версий этимологии имени Пана также соответствует подобному пониманию его характеристик: от индоевропейского корня *pus-*, *paus-* 'делать плодородным' (Лосев 1991: 424). Однако В. Шульце, на которого ссылаются Я. Фриск (Frisk 1970: 470) и П. Шантрэн (Chantraine 1974: 855), сближает Пāv с санскритским *Pūṣan-*, божеством, которое защищает стада.

² Статья Н. П. Обнорского в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, в издании, упоминаемом в автобиографическом произведении «Другие берега», – один из возможных источников Набокова.

с приемом «автокодирования»: «Упоминание греческого бога пастухов – пример многоуровневого авторского присутствия... Пан благодаря паронимической аттракции *syrix* – Сирин (*syrix*, или *Pan-pipe* – свирель) вызывает в памяти псевдоним Набокова» (Шапиро 1999: 31).

История о преследовании нимфы Сиринги (*Syringa*) представляет собой известный мифологический сюжет, отразившийся в «Метаморфозах» Овидия (*Оv. Met. I, 688–712*). Набокова могло привлечь здесь не только созвучие имен, но и сам факт преобразования нимфы в символический «одушевленный» атрибут Пана. Свирель, таким образом, вполне может подразумевать иные метаморфозы: превращение Сирина в Набокова и наоборот. Свирель также соотносит образ Пана с миром искусства, что важно в свете проблемы «мифологической самоидентификации» писателя с последующим воплощением в приеме «автокодирования».

Таким образом, свирель Пана имеет для В. Набокова важное значение в образе этого мифологического персонажа.

В настоящей статье мы предполагаем более подробно рассмотреть обращение В. Набокова к образу Пана, выделяющееся, на наш взгляд, семантикой «поэтической инициации», связанной с античной мифологической и литературной традицией. Речь идет об упомянутой выше поэме «Крым». Здесь Пан появляется в несколько неожиданном контексте: один из эпизодов воспоминаний о крымских прогулках героя предстает некоей буколической миниатюрой, в которой герой обращается к античному божеству. Неожиданным здесь оказывается появление персонажа древнегреческой мифологии среди крымских пейзажей, не менее интригующе выглядит изображение лирического героя подслушивающим игру Пана на свирели. Используя термин Д. Шапиро, можно отметить, что в этом случае В. Набоков также прибегает к приему «автокодирования», причем упоминание свирели-Сиринги очевидно соотносится псевдонимом Сирин.

Следует вспомнить интересное литературное воплощение свирели Пана – фигурное стихотворение «Сиринга», приписываемое Феокриту, «которое по своей внешней форме (10 постепенно сокращающихся двустиший) напоминает этот музыкальный инструмент и в мудреном слого прославляет его изобретателя Пана» (Зелинский³ 1904: 922–923). Текстуальных соот-

---

³ В. Набоков, вполне возможно, был знаком с данной характеристикой

ветствий между произведениями Псевдо-Феокрита и Набокова нет, но последнего могли привлечь как необычная визуальная форма стихотворения, так и построение его по принципу разгадывания загадок и шарад. Так, например, о Пана в «Сиринге» называется «быстроногим предводителем кормилицы замененного камнем (μαίας ἀντιλέτροιο θεός ἰθύντηρ)» (*Theocr. Syrinx*. 2).

Е. К. Беспалова в статье «Пушкинский миф как часть Крымского текста Набокова» со ссылкой на работу М. А. Новиковой интерпретирует упоминание Пана в поэме как своеобразное мифологическое изображение Пушкина: «У Набокова фигура Пушкина, по оригинальной гипотезе М. А. Новиковой принимает отчетливо мифологический облик, а именно облик Пана. <...> Есть все основания считать подобную трактовку справедливой, поскольку именно у Пушкина <...> Набоков учился высокому мастерству поэзии, в чем он косвенно признался в одной из строк поэмы “Крым”» (Беспалова 2007: 45).

Е. К. Беспалова сопоставляет строки набоковского «Крыма» со «Старинными октавами» Д. С. Мережковского, также посвященными воспоминаниям о полуострове: «Во всей природе южной – благодать // Великого языческого Пана. // О, древний бог, под сенью роц твоих // Сложил я первый неумелый стих» (Мережковский 1990: 652). Далее исследовательница заключает, что «переключки» между произведениями двух авторов, «независимо друг от друга» описывающих «почти одно и то же», являются одним из примеров проявления особого феномена русской литературы – «крымского текста» (Беспалова 2007: 46). Признавая справедливость данной интерпретации, попытаемся выявить иные аспекты интерпретации образа античного божества в произведении В. Набокова.

Так, выделяя в составе «крымского текста» такие компоненты, как «зарождение поэтического дара, первые попытки стихосложения, робкое подражание Пушкину» (Беспалова 2007: 46–47), исследовательница не связывает, однако, мотивы этой «поэтической инициации» напрямую с Паном вне соотнесения его с Пушкиным. Между тем основание для подобной связи⁴

этого произведения, данной Ф. Ф. Зелинским в упоминавшемся выше Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. По крайней мере, в «Комментарии к роману А. С. Пушкина “Евгений Онегин”» Набоков в оценке II и XV идиллий Феокрита близок к оценкам Зелинского. В целом, следует отметить, что в «Комментарии...» демонстрируется глубокое знание буколической поэзии и дается высокая оценка ее роли в европейской и русской литературе.

⁴ Понимание образа Пана как наставника начинающего поэта находит

можно усмотреть в нарочитом желании Набокова «повторить жест гения» (Набоков 2001: 416), соотнеся себя, а не Пана с Пушкиным, вернее, с его лирическим героем.

Изображая греческого бога в современном герою Крыму Набоков всецело следует своему кумиру, последовательно изображавшему полуостров как область «исторически» связанную с античной культурой: (Ср. «Нереида» (1820), «Чаадаеву» (1826)). В свой «крымский» период Набоков также познакомился с М. Волошиным, для которого Восточный Крым ассоциировался «с античным образом мрачной Киммерии» (Скржинская 2001: 61).

Пан в крымском окружении выглядит у Набокова вполне органично. Более того, обращение к божеству звучит закономерно, если учесть следование именно пушкинской традиции. Так, в стихотворении «Батюшкову» (1815) среди многих упоминаемых персонажей древнегреческой мифологии Пану отводится особая роль: он осуществляет своеобразную «поэтическую инициацию»: «Веселый сын Эрмия // Ребенка полюбил, // В дни резвости златые // Мне дудку подарил. // Знакомясь с нею рано, // Дудил я непрестанно; // Нескладно хоть играл, // Но музам не скучал» (Пушкин 1937: 114).

В набоковской поэме изображается нечто подобное: лирический герой «подслушивает» игру Пана на свирели и, таким образом, приобщается миру поэзии, с одной стороны, аллюзивно связав это приобщение с именем Пушкина, с другой стороны, метафорически указывая на собственный псевдоним и таким образом воплощаясь в реальности этой поэтической Аркадии. Далее в тексте поэмы мир поэтический и обыденный сближаются в сравнении: «О, греза, – где мы не бродили! // Дни чередились, как стихи...» (Набоков 2002: 143).

Следует также отметить, что Набоков в тексте поэмы актуализирует и собственно античные источники образа Пана. В

основание непосредственно в античных источниках. Бог пастухов и пастбищ, конечно, не являет столь бесспорным покровителем искусств, как Аполлон; однако в некоторых текстах Пан предстает не только «искусным игроком на свирели, веселящим уже почти ложноклассических наяд и дриад и утешающим своей мелодичной игрой путника, уставшего от дальней дороги» (Позднев 1997), но и божеством, чье искусство отражает «гармонию космоса» (Ярхо 1988: 189). Примерами первого случая можно назвать одну из «буколических» эпиграмм, приписываемых Платону (*Plato. Epigram. IX, 823*); гомеровский «Гимн Пану» (Нумн. XIX). Примером второго – Орфический гимн (*Orphica (Нумн. XI)*).

указании места встречи с древнегреческим божеством – «рощи буковые» – обыгрывается название «буколической» поэзии, одним из устойчивых мотивов которой является упоминание и изображение Пана, обращение к нему (Theoc. Idyll. 1, 123; 4, 47; 5, 14; Verg. Ecl. 2, 31–33; 4, 58–59; 5, 59; 8, 24; 10, 26 etc).

Используя метафору самого В. Набокова, можно сказать, что его «рощи буковые» берут начало в «Вергилиевской Аркадии», где буки (fagi) являются частью «литературного ландшафта» (Verg. Ecl. 1, 1; 2, 3; 3, 12; 5, 13; 9, 9).

В стихотворении М. Ю. Лермонтова «Пан» (1829) греческий бог также оказывается наставником и вдохновителем начинающего поэта: «Люблю, друзья, когда за речкой гаснет день, // Укрывшись лесов в таинственную сень // Или под ветвями пустынных рябины, // Смотреть на синие, туманные равнины. // Тогда приходит Пан с толпою пастухов; // И пляшут вокруг меня на бархате лугов. // Но чаще бог овец ко мне в уединенье // Является, ведя святое вдохновенье: // Главу рогатую ласкает легкий хмель, // В одной руке его стакан, в другой свирель! // Он учит петь меня; и я в тиши дубравы // Играю и пою, не зная жажды славы» (Лермонтов 1954: 48). Как известно, образы лермонтовского стихотворения восходят в гомеровскому «Гимну Пану» в переводе А. Ф. Мерзлякова (1826): видение веселящегося бога пастбищ, местá – лесá и лугá – и время его появления – на склоне дня (в переводе Мерзлякова – после охоты; в переводе В. В. Вересаева – «Как только же вечер наступит, // Кончив охоту, берет он свирель, одиноко садится // И начинает так сладко играть...»), акцентирование деталей внешнего облика – рогов, а также покровительство Пана искусству создания песен.

Поэму «Крым» сближает с лермонтовским «Паном» мотив соприкосновения с миром высокого божественного искусства и результат восприятия игры Пана на свирели – осуществление «поэтической инициации»: у Лермонтова об этом говорится прямо, у Набокова же представлено символическим указанием, вызывающим ассоциации с образами античной поэтической традицией и ее преломлением в русской.

Следует, однако, обратить внимание на то, что у Набокова время появления Пана – полдень («полдневный трепет над травой»), а не вечер. Герой поэмы не страшится нарушить покой божества, что, согласно мифам, чревато «паническим ужасом».

Время «свидания» с Паном – полдненная пора – соотносит «Крым» с «Послеполуденным отдыхом Фавна» (1876), названным В. Набоковым одним из «трех или четырех бессмертных

багателей» С. Малларме (Набоков 1993: 491). В тексте этой эклоги излагается история нимфы Сиринги и встречается обращение к ней, имеющее особое значение для Набокова: «Как резанный тростник был укрощен победой // Уменья моего... <...> Сиринга, оборви свирельный свой побег!» (Малларме 2012: 68). Цитата из этого произведения – «le sanglot dont j'étais encore ivre» (Малларме 2012: 70) – встречается в романе В. Набокова «Bend Sinister». В предисловии к третьему американскому изданию книги ее автор комментирует эту строку из «чувственной эклоги», акцентируя античный мотив соблазнения нимф Паном. В контексте романа, кроме того, актуализируется мотив перехода сна в явь, связанный с данным произведением Малларме: «Полдень душный // Растаял в чаще сна...<...> // Так неужели я влюбился в сон?» (Малларме 2012: 65). В романе «Bend Sinister» главный герой Адам Круг видит во сне картины, навеянные воспоминаниями, в том числе о покойной жене, и в момент апофеоза чувств и эмоций он неожиданно просыпается. Отметим, что в поэме «Крым» также подчеркивается, что все изображаемое – это особая реальность за гранью обыденного мира, созданная авторским воображением: «О, заколдованный, о, дальний // воспоминаний уголок!» (Набоков 2002: 144).

В заключение следует указать, что среди античных источников наиболее актуальный для «Крыма» контекст обнаруживается в буколической поэзии Феокрита и Вергилия, произведения которых составляют основу словесно-образного «литературного ландшафта» набоковской теофании. Кроме того, отметим литературные воплощения мифологического сюжета о нимфе Сиринге в «Метаморфозах» Овидия и «Сиринге» Псевдо-Феокрита. Этот сюжет имеет «этимологическое» значение для набоковского псевдонима и является ключом к игровому приему «автокodирования», не единожды применяемому автором.

Не менее значимо в художественном пространстве поэмы В. Набокова следование традиции интерпретации образа Пана/Фавна в поэзии А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, С. Малларме. В произведениях русских поэтов основным для Набокова предстает мотив «поэтической инициации»; в эклоге С. Малларме – мотив осознания особого сновидческого характера буколической реальности. Кроме того, актуальным для Набокова здесь становится возможность несколько изменить мифологическую основу, соединяя образ Пана, играющего на свирели, с образом отдыхающего в жаркий полдень божества.

Таким образом, в интерпретации образа Пана В. Набоков ориентируется на различные источники: как на классические

античные, сложившиеся в традиционный комплекс черт, атрибутов и функций божества, так и на преломления этого облика в европейской и русской поэтических традициях.

Литература

- Беспалова 2007 – Беспалова Е. К. Пушкинский миф как часть Крымского текста Набокова // Вопросы русской литературы: Межвузовский научный сборник. Симферополь, 2007. Вып. 14 (71). С. 44–52.
- Грейвс 2001 – Грейвс Р. Мифы Древней Греции. Книга 1. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Давыдов 2004 – Давыдов С. «Тексты-матрешки» В. Набокова. СПб.: Кирдцидели, 2004.
- Зелинский 1904 – Зелинский Ф. Ф. Феокрит // Энциклопедический словарь / под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, Т. ХLI, 1904. С. 921–923.
- Лермонтов 1954 – Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
- Лосев 1991 – Лосев А. Ф. Пан // Мифологический словарь / под ред. Е. М. Мелетинского. М.: Сов. Энциклопедия, 1991. С. 424.
- Малларме 2012 – Малларме С. Стихотворения. Игитур. М., 2012.
- Мережковский 1990 – Мережковский Д. С. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. М.: Правда, Огонек, 1990.
- Набоков 1990 – Набоков В. В. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. М.: Издательство «Правда», 1990.
- Набоков 1992 – Набоков В. В. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 5 дополнительный. М.: ЭКОПРОС, 1992.
- Набоков 1993 – Набоков В. В. Bend Sinister: Романы. СПб.: Северо-Запад, 1993.
- Набоков 2000 – Набоков В. В. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 3. СПб.: «Симпозиум», 2000.
- Набоков 2001 – Набоков В. В. Пушкин, или Правда и правдоподобие // Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М.: «Независимая газета», 2001. С. 411–423.
- Набоков 2002 – Набоков В. В. Стихотворения. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002.
- Обнорский 1897 – Обнорский Н. П. Пан // Энциклопедический словарь / под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, Т. XXII, 1897. С. 713–714.
- Позднев 1997 – Позднев М. М. К вопросу об авторстве платоновских эпиграмм // Альманах «АКАДНМЕІА» / Материалы и исследования по истории платонизма. СПб., 1997. Вып. 1.
- Пушкин 1937 – Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
- Скржинская 2001 – Скржинская М. В. Скифия глазами эллинов. СПб.: Алетейя, 2001.
- Телетова 1999 – Телетова Н. К. Античность Пушкина и Набокова // А. С. Пушкин и В. В. Набоков: Сборник докладов международной конференции. 15–18 апреля 1999 г. СПб.: Дорн, 1999. С. 32–49.

- Шапиро 1999 – Шапиро Г. «Поместив в своем тексте мириады собственных лиц...». К вопросу об авторском присутствии в произведениях Набокова // Литературное обозрение. 1999. №2. С. 30–38.
- Ярхо 1988 – Ярхо В. Н. Эллинистическая мелика как фактор античной культуры // Античность как тип культуры. М.: Наука, 1988.
- Chantraine 1974 – Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. 3. Paris: Éd. Klincksieck, 1974.
- Frisk 1970 – Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1970.

L. V. Bratukhina. Pan in Crimea: the image of the Greek god in Nabokov's poem

The article is devoted to an analysis of the image of Pan in the Nabokov's poem *Crimea*. An appearance of the Greek god in this context can be explained by the tendency of the Russian literature to relate the peninsula's cultural history with the Antiquity. For example, works of Pushkin and Mandelstam could influence on the author of *Crimea*. Among other Nabokov's works (for example, *Lilit*, *The Gift*, *Lolita*), in which this mythological personage is mentioned, *Crimea* stands out because of a "poetic initiation" associated with image of Pan. The main Pan's attribute (pipe or syrinx) is of particular importance for the author of *Crimea* by the association with the myth about Syrinx, whose name resembles Nabokov's pseudonym Sirin. The metamorphosis plot, in addition to the symbolic name assonance, can be considered as an analogy of transformation from Nabokov to Sirin and in reverse. In his interpretation of the image of Pan V. Nabokov is guided by different sources, both the classical, where we can see traditional features of this shepherd god, and the modern (from Russian and European poetry). The most significant of classical authors, whose works influence to the images of *Crimea*, are Theocritus and Vergilius, one of which is the creator of bucolic poetry, while the other, in Nabokov's view, had an influence to the bucolic images in European tradition. Literary reflections of the myth about Syrinx – the figured poem of the same name by Pseudo-Theocritus and *Metamorphoses* by Ovid – also play an important part in the perception of Nabokov's poem. The Russian poetic tradition is presented by names of Pushkin and Lermontov, whose verses devoted to Pan are the main source of motif of a "poetic initiation" for *Crimea*. The other work analysed in the article as related with Nabokov's poem is *L'Après-midi d'un faune* by Mallarme. This eclogue can explain the some change of a mythological plot, when Nabokov combines the images of Pan playing the pipe/syrinx and Pan resting at noon.

Keywords: Pan, Syrinx, Nabokov, the bucolic poetry, the Russian poetry, "poetic initiation", mythology, the Antiquity.

**CAN LATIN *TEMPUS* FALL IN? SOME REMARKS ON THE
CIUS INSCRIPTION (CIL III 7494 = ILS 770)
AND USES OF THE VERB *INGRUO****

Надпись из Киуса относится ко времени первой готской войны имп. Валента (367–369 гг. н. э.). Во второй половине XIX века она была предметом оживленной дискуссии, не прекратившейся до конца и в наши дни. Поскольку надпись сохранилась примерно наполовину, относительно содержания утраченной части выдвигались различные гипотезы. Реконструкция, предложенная Т. Моммзенем в 1882 г., стала практически общепринятой, хотя отдельные ее положения подвергались критике. В статье обсуждается реконструированная Моммзенем третья строка надписи – *ingruente in victorias illa]s tempore feliciter quinquennialiorum*. Анализируются более 100 употреблений глагола *ingruo* в латинских текстах. На основании полученных данных реконструкция ставится под сомнение: (а) у *ingruo* нет значения ‘приходиться на’; (б) во всех случаях, когда при *ingruo* употребляется предлог *in* с аккузативом, подлежащее означает то или иное бедствие, а дополнение – его жертв (напр.: *pestilentia, quae priore anno in boues ingruerat*).

Ключевые слова: Надпись из Киуса, римская эпиграфика, император Валент, *quinquennalia*, *ingruo*, Моммзен.

1) The inscription from Cius (not far from modern Hirsova, Romania) has provoked a long-term discussion among scholars. As only half of the text survived, a number of hypotheses were put forward to reconstruct the lost part. Proper study of the Cius inscription began in 1882 with the correct edition of the record¹ (Točilescu 1882: 47–51) and the interpretation proposed by Theodor Mommsen.

Before 1882 there were two major obstacles to a suitable interpretation of the Cius inscription. Firstly, the scholars interpreted the emperor’s name as an *-us* form, thus reconstructing the name as Gallienus, Constantinus or Constantius II². The correct edition by

---

* The paper is supported by RFBR grant № 13-06-00086.

¹ Unfortunately, the first edition (Desjardins 1868: 102–104) turned out to be of unsatisfactory quality, though this was not the editor’s fault.

² (Desjardins 1868: 104), (Mommsen 1868) and (Gardthausen 1882: 264) respectively.

Toăilescu helped overcome this difficulty – now there was no doubt that the emperor whom the inscription refers to was Valens. Secondly, the scholars believed that the inscription mentions the 15th anniversary of the emperor’s reign (literally “happy time of thrice 5th anniversary”). An idea suggested by Mommsen solved this difficulty: he combined *felici* and *ter* (these words were read as isolated verbs in previous interpretations) in *feliciter*. Thus, the interval between accession to the throne and the Gothic war was reduced thrice (Mommsen 1882: 524).

d.n. invictissimus princeps fl. u	alens maximus triumfator
in fidem recepto rege Athan	arico victis superatisque gothis
ingruente item in victorias illa	s tempore feliciter quinquennialiorum
[. . . . . hunc burgum]	ob defensionem rei publicae extruxit
[labore . . . . . devotissi]	morum militum suorum Primanorum
[et . . . . . comissor]	um cure Marciani trib. et Ursicini p(æ)p(ositi) semper vestri
ordinante fl.]	Stercorio viro clarissimo duce

Cius inscription (ILS I, 770)

On the right side – the extant part of inscription, on the left – the Mommsen’s 1882 reconstruction

2) It became clear that Cius inscription dealt with the events of Valens’ first Gothic war (367–9). In the mid-360s the relations between the Goths and the Romans deteriorated. The support Goths provided to Procopius’ unsuccessful usurpation (365–6) exhausted Valens’ patience. In 367 and 369, he conducted two trans-Danubian campaigns on the territory controlled by the Goths (the excessive flooding of the Danube stopped the Romans from war in 368). In 367, the Roman army achieved modest success: the Goths preferred to seek refuge in the Carpathian foothills. In 369, there were more significant battles around the Dniester. Though the Goths were not defeated, they were exhausted by the war. They implored the emperor for granting them the peace. Some voices in favor of reconciliation were heard at the Roman side, too. Finally, though reluctantly, Valens agreed to negotiations.

The talks between him and the Gothic chief Athanarich proceeded in the middle of the Danube on shipboards, and resulted in a compromise treaty. The Goths retained their territory but their right to trade on the Roman lands was restricted. It seems plausible that they were released from some military duties to the Empire (Lanski 2002: 137). For some years, peace was established on the Danubian

borders until the second Gothic war and the Adrianople catastrophe (378). In these circumstances, the Romans founded and built a small fortress, and its “inaugural label” is the topic of this paper.

3) Let us turn to Mommsen’s reconstruction (we are concerned with only three lines at the beginning of the inscription). It can be said that Mommsen has shown a way to overcome a deadlock. His version, however, is far from being irreproachable. The inscription as reconstructed by Mommsen seems to contain some kind of anachronism: war was ended after the summer campaign of 369, whereas *quinquennalia* fall upon the interval from the March of 368 till the March of 369 (and the celebration occurred at the beginning of the period). Mommsen was aware of this temporal mismatch. According to him, as the condition of the inscription is far from integrity, it’s hard to judge about the interconnection between *quinquennalia* and the victory over the Goths; the fortress was built in 369 at the time of victory or right after it; both events are mentioned *post factum*³.

The alternative approach to dating the Cius inscription has shaped gradually throughout the 20th century. Followers of this view (and I am inclined to share their opinion) believe that the Cius fortress was built during *quinquennalia* in 368 or shortly before it, and therefore, the mentioning of “defeated and beaten Goths” refers to the campaign of 367 (Chastagnol 1987: 261). Chastagnol rejects the second line of Mommsen’s reconstruction (*in fidem recepto rege Athan[arico]*) because this could happen only upon end of the war⁴.

Two more considerations may be added here. Firstly, Athanaric never possessed royal dignity – and the sources express it

³ «wird in der Inschrift rückblickend sowohl der kriegerischen Erfolge wie der Quinquennalien gedacht» (Mommsen 1882: 526)

⁴ The second line has been subject to criticism for a long time. As Scholze reports, «ac mihi de Domaszewski interroganti “in solo barb[arico]” scribendum esse respondit» (Scholze 1911: 35). Hermann Dessau in *Corrigenda* had to admit that “mentio regis Athanarici sine urgente causa, in hunc titulum inlata (ILS III: CLXXII)” (with reference to Scholze). Unfortunately, the motives of change remain hidden. Conjecture made by von Domaszewski was accepted by many scholars (for bibliography see (Popescu 1976: 241–244), (Chastagnol 1987: 258–261)). Only Chastagnol advanced rather vague reasons against «rege Athanarico» and made his own conjecture: *secundum pollicitationes facta]s tempore feliciter quinquennialiorum* (Chastagnol 1987: 260).

unambiguously⁵. It is difficult to explain such an ascension in the inscription from a second-rate fortress. Secondly, the expression “in fidem recipi” means ‘surrender’⁶. Nothing of that kind happened in 369. According to a modern historian of Valens’ epoch, the peace concluded on the Danube “was in fact an uncomfortable agreement for both sides” (Lenski 2002: 134). The treaty conclusion ceremony also accentuated a “symbolic diplomatic equality” of the parties (Heather, Matthews 2004: 23). These facts disprove the version of the Goths surrendering at Valens’ mercy⁷.

4) It seems that the third line in Mommsen’s reconstruction has never been called into question. This task is undertaken here, as long as the usage of *ingruo* provokes some doubts. As many occurrences of this verb as possible are surveyed. In my investigation, I used free database prepared by The Packard Humanities Institute⁸. Unfortunately, this resource contains nearly all monuments of the Golden and Silver ages but lacks many texts of the 3rd and the 4th centuries. So, looking for later texts in digital format I resorted to other resources, in first place, to Bibliotheca Augustana⁹.

⁵ Athanaricum ea tempestate iudicem potentissimum ... coegit in fugam (sc. Valens). Amm. 27, 5,6;

οὕτω γοῶν τὴν μὲν τοῦ βασιλέως ἐπωνυμίαν ἀπαξιῶν,
τὴν τοῦ δικαστοῦ δὲ ἀγαπᾶ... Them.10 134 c 10 – d 1.

⁶ The following example is an illustration of what *in fidem recipere* means:
omnis enim multitudo oppidanorum armis proiectis munitionibusque suis relictis, veste ea sumpta qua supplices dominantes deprecari consuerunt, sacrisque omnibus prolatis quorum religione precari offensos iratosque animos regum erant soliti, advenienti Caesari occurrerunt seque ei dediderunt. Caesar in fidem receptos consolatus ... etc. Bell. Alex. 32, 3, 2 – 4,2

⁷ A review of various appraisals given to the peace treaty concluded between Valens and Athanarich see in a recent work on the events of 367–369 (Ермолова 2013: 44–46).

⁸ Classical Latin Texts. A Resource Prepared by The Packard Humanities Institute (<http://latin.packhum.org/index>).

⁹ www.hs-augsburg.de. In addition to that, I made use of a number of other websites that represent late Latin texts (<http://khazarzar.skeptik.net/>, <http://www.attalus.org/>, <http://penelope.uchicago.edu/> (Lacus Curtius), and <http://www.augustinus.it/>). Thesaurus linguae Latinae (TLL) is an important source. Some Latin works mentioned here (Bd. VII. 1, pp. 1579–80) are not taken into consideration in this article. On the other hand, I have taken into account several works that are not mentioned in TLL.

5) I have to make some emphases in advance: (a) *tempus* doesn't collocate as subject with *ingruo* as predicate; (b) sometimes *ingruo* can be translated by verbs derived from 'to fall' (e.g. 'fall on' or 'befall'¹⁰; such phrases as *The disaster befell the human race* or *He fell suddenly on them with four legions* can be correctly rendered into Latin with *ingruo*.) At the same time, *ingruo* doesn't mean 'concede', so while translating *New Year's Day falls on Wednesday* into Latin, we should omit *ingruo*. For the Cius inscription this seems to be of particular importance, because the reconstruction offered in 1882 is based on this nonexistent meaning of *ingruo*. Can we interpret *ingruente item in victorias illa]s tempore feliciter quinquennialiorum* in another sense than *moreover time of quinquennialia happily falls on those victories?*¹¹

6) Let us examine all uses of the verb *ingruo*. Any objects, people, concepts, or phenomena can be used as its subject. The uses of *ingruo* are distributed in groups in accordance with the literal meaning of the subject. For instance, "the steel rain" is referred to the group of weather and atmospheric phenomena, while "the attack of temptation" is referred to the military sphere.

(a) Precipitation, light and shade, frost and heat.

venti ingruunt inanes (Plin. NH, 2, 103, 7); *magis magisque ingruunt nimbi* (Sen. iun. Nat. Quaest. 3, 27, 3); *propter incursione (sic) ingruentium procellarum* (ILS II, 1 5895); (Apes) *Ingruentis pluviae et ventorum adventum praesentiunt. Quod si ventus eis praeter opinionem ingruerit...* (Aelian. NA 5, 13); *tempestas telorum ac ferreus ingruit imber* (Verg. Aen. 12, 284); *interitus quasi tempestas* (Vulg. Proverb. 1, 27); *tunc saxeus imber ingruit* (Sil. Pun. 13, 181–2); *si bellica nubes ingrueret* (Claudianus, Carm. min. 30, 197) – NB, combination *imber* (*nubes*) + *ingruo* occurs solely metaphorically.

luna ingruentium solis radiorum haut dubie differentias sentit (Plin. NH, 2, 80, 5–6); *bis uitibus ingruit umbra* (Verg. Georg. 2, 410); earth shade: *neque aliud esse noctem quam terrae umbram, figuram autem umbrae similem metae ac turbini inverso, quando*

¹⁰ Oxford Latin dictionary vs. *ingruo*:

1. (of armies, etc.) To advance threateningly, make an onslaught (upon).
2. (of things) To descend violently or threateningly, bear down (on).
3. (of unwelcome circumstances) To attack, fall (on). **b** to threaten, impend.

¹¹ Chastagnol understands identically: "le temps heureux des quinquennales tombant précisément au moment de ces victoires" (Chastagnol 1987: 260).

mucrone tantum ingruat neque lunae excedat altitudinem (Plin. NH, 2, 47, 5–8); *tenebrae ingruentes* (Hieronym. Comm. in Matth. IV, two occasions);

cum autumnno aut etiam ingruente hieme frumenta iacimus (Columela RR, 2, 9, 2, 6); *si hiemps ingruerit, habeam quo me recipiam* (Dig. 8, 3, 6, 1, 6); several similar occurrences with *frigus* (Columela RR, 4, 24, 2, 6; Columela RR, 4, 29, 4, 5) and *aestas* (Columela RR, 7, 4, 7, 2–3; 11, 3, 18, 3).

(b) Decease attacks.

Ingruentibus deinde morbis, quos odor cadaverum ... vulgaverat (Ruf. 5. 1. 11); again *morbi* (Plin. NH, 7, 107, 7; Liv. AUC, 4, 30, 8; Liv. AUC, 37, 23, 2; Hieronym. ep. CXLIII; Augustin. ep. 202); *prima species lvis pandemus adpellatur ... secunda epidemus, quae tempore ingruens acies hebetat luminum* (Amm. 19, 4, 7); *lues* in metaphorical sense (Sil. Pun. 5, 108).

(c) Violence (mainly military) and disasters.

missiles: *ingruentibus hostium telis saxisque* (Flor. Epitomae 2, 13, 225–226); *ingruentia tela* (Tac. Ann. 1, 65, 20–21);

enemies: Verg. Aen. 11, 899; Tac. Ann. 12, 12, 5; Veget. 3, 8;

enemy called by the name: *ingruente Vologese* (Tac. Ann. 15, 3, 6); other names, including ethnonyma: Tac. Ann. 12, 30, 2–3; Tac. Hist., 3, 34, 3; Sil. Pun. 12, 208; Sil. Pun. 17, 584; Verg. Aen. 12, 628; Oros. Hist. 6, 13; also *barbaris ingruentibus*, Eutr. Brev. 9, 23; *ingruente barbarie*, Eugip. Vita Severini XXVII, 3;

enemies, whose names were omitted: Amm. 16, 2, 7; Tac. Ann. 1, 27, 9–10; Veget. 3, 6; 4, 3; Dictys, III; also *saevi proximis ingruunt* Tac. Hist. 4, 74, 9 (sc. saevi principes); *nostris contra ingruont* (Plaut. Amph. 236);

animal rushing: Plin. NH, 8, 54, 3–4; Plin. NH, 8, 150, 5; Solin. 30, 29;

human masses more or less formed: *exercitus*, Sil. Pun. 14, 140; *uulgusque tremendum*, Sil. Pun. 5, 108; *catervae*, Tac. Ann. 2, 11, 11–12; *multitudo*, Tac. Ann. 16, 5, 9–10; Amm. 18, 9, 3; *ne externa moles utrimque ingrueret*, Tac. Hist. 3, 46, 11; *globus Barbarorum ingruens*, Dictys, XL.

zealous accusers: Tac. Ann. 3, 56, 1–2; Tac. Ann. 6, 38, 6; *repente ingruunt et instant vehementius* – lenders who lay a claim to debt redemption (Ambros. De Tobia, VI, 24);

punishment: Tac. Ann. 4, 35, 10; persecution: Augustin. De Baptismo contra Donat., 1, 9;

war: *ubi bellum ingruat*, Tac. Ann. 1, 48, 8–9; see also Tac. Ann. 1, 60, 4; Tac. Hist. 3, 58, 3; Tac. Hist. 2, 100, 10; Sen. iun. Med. 525; Verg. Aen. 8, 535; Vulg. Exod. 1, 10; Vulg. Qoh. (Ecclesiastes), 8, 8;

weapon: *Romanaque insuper arma ingruere*, Liv. AUC, 26, 25, 10;

attack (metaphorically): *Si autem ingruerit tentationis impugnatio*, Apophthegmata Macarii Aeg. XIX;

vis (various spheres): *externa vis* (Liv. AUC, 7, 25, 9; Ruf. 5, 1, 27, 5); *tanta vis ingruerat mali* (Liv. AUC, 25, 26, 15); *uim, quae de fato extrinsecus ingruit* (Aul. Gell. NA, 7, 2, 8); *fortuna, ubi uim suam ingruentem refringi non uolt* (Liv. AUC, 5, 37, 1); *eadem vis mali*, Liv. AUC, 29, 10, 1–2 (sc. morbus); *vis subita* (Sen. iun. Herc. Fur. 637); *improvisa*, Tac. Hist. 3, 71, 14; *vulgi acrior vis*, Tac. Ann. 14, 61, 9; unnamed (Tac. Ann. 15, 13, 7); *vis eloquentiae* (Quint. Inst. 11, 3, 56; similar case: 3, 8, 22); *tanta vis valetudinis* (Fronto. Ad Antoninum Pium, 8, 2);

fortune, fate: *ingruente fato* (Liv. AUC, 5, 32, 7); *fors ... inferior* (Amm. 30, 8, 14); *fortuna sequior* (Amm. 18, 6, 5); *eadem in illos ingruit fortuna* (Liv. AUC, 26, 41, 21);

various disasters: *iniquorum temporum uices* (Sen. iun. Dialogi, 6, 22, 8); *ingruentia mala* (Tac. Hist. 4, 84, 10–11; Boet. Cons. 2, 3, 8); in speech: *graves casus adlevare possis si non ingruant ac semel veniant* (Quint. Decl. minores 337, 8); *interitus* (Vulg. Proverb. 1, 27); various military disasters, *belli clades*, see quotation infra (Liv. AUC, 28, 44, 15);

danger (Liv. AUC, 5, 21, 5; Tac. Ann. 16, 10, 11);

something ill: *quid bellici terroris* (Liv. AUC, 6, 6, 7); *si quid hostile ingruat* (Tac. Ann. 2, 77, 4); *quid subitum* (Tac. Ann. 4, 2, 5); *nisi quid amplius ingruerit* (Fronto. Ad M. Caesarem et invicem 5, 21); *quid aduersum* (Amm. 20, 5, 6);

(d) Mental sphere

fear: *metus* (Plin. NH, 9, 95, 6); *armorumque ingruit horror* (Verg. Aen. 2, 301); *terror ingens* (Liv. AUC, 6, 3, 1);

hatred: Tac. Ann. 4, 41, 2–3; meditation: *consultatio ingruerat* (Apul. De deo Soc. 18, 22–23)

(e) Subjects defying classification

creatura: si universa simul creatura ei ingruat, creature which can't rebel against Lord (Hieronym. ad Algaiam. De Quaestionibus XI, cap. IX); *debita fiscalia* (CTh. 3. 32. 2); *diversitas: offendit igitur aures ingruens diversitas* (Fronto. De eloquentia 5, 3, 4–5);

dominatio: *ingruentiumque dominationum provisor*, one who forecasts growing influence (Tac. Ann. 12, 4, 2); *humanitas* (CTh. 9. 19. 4. 2); *latratus* (Apul. Met. 2, 4, 13); *necessitas* (Tac. Ann. 6, 10, 13); *Oceanus ... torrentibus ingruit undis* (Sil. Pun. 3, 52); *peccata* (Zeno Veron. 1, 3, 24; Grig. Tur. HF 5, 48); *susurrus* (Zeno Veron. 2, 10, 1); level of health: *ingruente tristissima valetudine* (SHA, 24, 1);

(f) Temporal intervals (year, day and their parts).

In some cases it is difficult to attribute the subject to a proper category: *hiems* means ‘winter weather’ as much as ‘winter’ itself, just as *aestas* denotes both ‘summer’ and ‘heat’. I have referred abovementioned examples of *hiems* and *aestas* (taken from an agricultural context) to the weather phenomena section (a). The following example seems to be more temporal:

(Blaesilla) ... *ingruente jam hieme, Jerosolymam navigavit* (Hieronym. ep. XXXIX, 4).

Some instances are included in the temporal section for formal reasons only:

et ingruerat nox nimbo atrox, Tac. Ann., 4, 50, 16 (= (prima) nocte nimbus atrox ingruerat), and so on:

nullae ideo pestes nec luctifer ingruat annus, Val. Flacc. 3, 454;

et dies nobis mortis ingruerit, Hieronym. ep. CXL, 14

Very few instances seem to be undoubtedly temporal:

hinc pari numero dierum senio ingruente, Plin. NH, 7, 175, 5–6;

ingruente iam uespera cum requiescerent partes, Amm. 19, 7, 5

(however, it is quite possible that what is meant in this particular case is a sudden or abrupt onset of darkness, as in the example mentioned above: *ingruentibus tenebris*).

7) Let us return to the Cius inscription. Two circumstances shown above should be noted.

a) In some cases, the nouns denoting temporal intervals are used as the subjects of *ingruo*. However, in none of these cases there is preposition *in* with a complement in accusative case, nor some event coincides with another one.

By the way, in the majority of cases *ingruo* is used with no complement or preposition at all¹².

¹² The total number of cases considered is 130. In seven instances the verb *ingruo* has a complement in the dative. In eight cases preposition *in* + accusative form depends on *ingruo* (Liv. AUC, 37, 23, 2–3). In two examples the verb is used with preposition *per* (Tac. Hist. 3, 58, 3;

b) Accusative form used in combination with *ingruo* + *in* designates somebody who has fallen victim to various disasters. There is no exception to this rule.

uolgateque in homines morbi. et primo in agrestes ingruerant seruitiaque (Liv. AUC, 4, 30, 8)

aliam in partem terror ingens ingruerat (Liv. AUC, 6, 3,1)

eadem in illos ingruit fortuna quae nuper nos adflixit (Liv. AUC, 26, 41, 21)

illuc terror fugaque, populatio agrorum, defectio sociorum, ceterae belli clades, quae in nos per quattuordecim annos ingruerunt, uertantur (Liv. AUC, 28, 44, 15)

se exercitumque suum graui morbo adflicti, nec sisti potuisse ni eadem vis mali aut grauior etiam in hostes ingrisset (Liv. AUC, 29, 10,2)

ad hoc insolito odore ingruere morbi uulgo, maxime in remiges, coeperunt (Liv. AUC, 37, 23, 2–3).

pestilentia, quae priore anno in boues ingruerat, eo uerterat in hominum morbos (Liv. AUC, 41, 21, 5)

ingruente in Italiam Annibale (Tac. Hist. 3, 34, 3)

In the light of these facts we should consider the third line of Mommsen's reconstruction impossible *sub specie linguae*. Victories by no means can be victims of time. So, *ingruente in victorias illas tempore* likewise *in fidem recepto rege Athanarico* should be written off from active academic service to the honorary repose. That will incur no more harm to Mommsen's reputation than the notorious "eight legs of insects" phrase impairs the authority of Stagirites¹³.

Bibliography

- Ермолова 2013 – Ермолова И. Е. Война императора Валента с тервингами // Вестник РГГУ. № 13 (114). Сер. «Исторические науки. Всеобщая история». С. 38–50.
 Chastagnol 1987 – Les quinquennalia de Valentinien Ier et Valens // Mélanges de numismatique : offerts à Pierre Bastien à l'occasion de son 75e anniversaire / édités par H. Huvelin, M. Christol, G. Gautier. Wetteren, 1987. P. 255–266.

3, 71, 14), and there is at least one instance with preposition *contra* (Vulg. Exod. 1, 10).

It seems that the use of *ingruo* in combination with *in* + accusative was invented by Titus Livius but no later author employed this construction.

¹³ I want to express my deep gratitude to Victoria Smirnova, Dmitry Torshilov and Alexander Kalinin for invaluable assistance.

- Desjardins 1868 – Desjardins E. Lettre à M. Henzen sur quelques inscriptions inédites de Valachie et de Bulgarie, provinces de Dacie, de Mésie et de Scythie // Annales de l'Institut de correspondance archéologique de Rome. 1868. Vol. 40. P. 5–107.
- Gardthausen 1882 – Gardthausen V. Ursicinus und die Inschrift von Dojan // Hermes. 1882. Bd. 17. S. 251–267.
- Heather, Matthews 2004 – Heather P. Matthews J. The Goths in the Fourth Century. Liverpool University press, (1991) 2004.
- ILS – Inscriptiones latinae selectae. Edidit Hermannus Dessau. Vol. I–III. Berolini, 1892–1916.
- Lenski 2002 – Lenski N. Failure of empire. Valens and the Roman state in the Fourth century A.D. Univ. of California press, 2002.
- Mommsen 1868 – Mommsen Th. Iscrizione di Dojan // Annales de l'Institut de correspondance archéologique de Rome. 1868. Vol. 40. P. 432–435.
- Mommsen 1882 – Mommsen Th. Die Inschrift von Hissarlik und die Römische Sammherrschaft in Ihrem Titularen Ausdruck // Hermes. 1882. Bd.17. S. 523–544.
- OLD – Oxford Latin Dictionary / Ed. P. G. W. Glare. Oxford, 1968–1982.
- Popescu 1976 – Popescu E. Inscriptiile grecești și latine din secolele IV–XIII descoperite în România. București, 1976.
- Scholze 1911 – Scholze H. De temporibus librorum Themistii. Gottingae.
- TLL – Thesaurus linguae Latinae. Leipzig 1900–.
- Točilescu 1882 – Točilescu Gr. Inschriften aus der Dobrudscha // Archäologisch-epigraphische Mitteilungen aus Österreich-Ungarn. 1882. Bd. 6. S. 1–52.

A. S. Vanyukov. Can Latin *tempus* fall in? Some remarks on the Cius inscription (CIL III 7494 = ILS 770) and uses of the verb *ingruo*

The inscription from Cius deals with events of Valens' first Gothic war (367–9). In the second half of the 19th century, it became the topic of a serious discussion among scholars. The discussion is not over yet. As only half of the text survived, a number of hypotheses were put forward to reconstruct the lost part. The reconstruction of the lost part proposed by Theodor Mommsen in 1882 was generally accepted, though some details of Mommsen's reconstruction were criticized and corrected. The paper deals with the third line of Mommsen's reconstruction: *ingruente in victorias illa]s tempore feliciter quinquennialiorum*. More than 100 instances of the use of the verb *ingruo* in Latin texts have been analyzed. On the evidence of our data Mommsen's reconstruction should be called into question: (a) *ingruo* does not mean 'fall on' ('occur at a specified time'); (b) if *ingruo* is followed by preposition *in* with the accusative, the word used as the subject designates some kind of a disaster, and when used as an object it means somebody or something who has fallen victim to something. (e.g. *pestilentia, quae priore anno in boues ingruerat*).

Keywords: Athanarichus; Cius; Goths; limes; Scythia Minor; quinquennialia; Valens; verbal government; *ingruo*; epigraphy; Chastagnol; Mommsen.

СУДЬБА ДРЕВНЕИНДИЙСКОГО *DHĀTU* В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Статья посвящена анализу некоторых понятий и терминов древнеиндийской грамматики Панини и определению их влияния на европейскую лингвистику. В работе предпринимается попытка показать, что понятие морфемы обогатило европейскую лингвистику и легло в основу формирования нового направления в лингвистике – структурализма. А разные типы морфем (корень и аффиксальные морфемы) подверглись переосмыслению и интерпретации в трудах европейских лингвистов.

Ключевые слова: морфема, корень, древнеиндийская грамматика Панини, европейская лингвистика.

Знакомство европейцев с санскритом, как известно оказало значительное влияние на развитие европейской лингвистики. Можно говорить, по крайней мере о двух направлениях науки о языке в Европе, которые сформировались на материале санскрита – это сравнительно историческое индоевропейское языкознание и типология¹. Исследователи неоднократно указывали на идеи индийских грамматиков, которые были заимствованы европейским языкознанием, чрезвычайно его обогатив. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что знакомство европейцев с индийской грамматической традицией во многом способствовало формированию структурализма в европейской

---

¹ Основоположник сравнительно-исторического языкознания – Франц Бопп (1791–1867) эталоном древних индоевропейских языков считал санскрит и именно с ним сравнивал все индоевропейские языки («санскритоцентризм» его грамматики виден даже из названий его основных работ: *Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprachen. Frankfurtam Main (1816). Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Littauischen, Gothischen und Deutschen. Berlin (1833)*). Автор первой типологической классификации языков – вождь немецких романтиков Фридрих Шлегель (1772–1829) – выделяет языковые классы, взяв за эталон строение древнеиндийского языка. Сочинение Шлегеля, в котором он впервые предлагает типологическую классификацию языков, посвящено санскриту и индийской культуре – *Über die Sprache und Weisheit der Indier, Heidelberg (1808)*.

лингвистике XX века. При таком подходе особенно значимым представляется включение в лингвистический дискурс заимствованного из индийских грамматических трактатов понятия морфемы². Европейские лингвисты сразу оценили важность понятия морфемы для грамматического описания, представленного в древнеиндийских трактатах, сделав отныне именно морфему (а не слово или звук) основой новой лингвистической теории.

Задачей данной работы является показать значение понятия морфемы (и корня – dhātu – в частности), разработанное в индийских лингвистических трактатах, для развития европейской лингвистики.

В контексте данной работы особенно важно подчеркнуть, что морфема является одним из центральных понятий индийской лингвистики и краеугольным камнем построения знаменитой грамматики Панини.

Aṣṭhādhyāyī Панини – вершина лингвистической мысли Древней Индии – была построена на методе анализа языка, разработанном древнеиндийскими грамматистами, и совершенно чуждом европейским ученым. Соответственно, понятия и термины, используемые Панини, не имели аналогов в европейских лингвистических трактатах. В частности, грамматика Панини представляет перечень правил-сутр, которые описывают принцип синтеза словоформ (глагольных или именных) из морфем. Главной морфемой в слова считался корень dhātu («слои, металл, руда, первичный элемент в индийской философии», лингв. «глагольный корень» (I.3.1)), к которому по определенным правилам присоединяются различные аффиксы (словообразовательные и словоизменяющие). Слово (словоформа) определяется в грамматике Панини как последовательность (цепочка) морфем: словом является то, что оканчивается на глагольные или именные флексии, то есть слово понимается как грамматически оформленная единица (I.4.14).

---

² То, что понятие «морфема» было заимствовано европейцами (в первую очередь немцами) из индийских грамматик и оказало огромное влияние на становление европейского языкознания, видно хотя бы из того, что во всех грамматических описаниях европейских лингвистов, начиная с Ф. Боппа, первая глава грамматики «Корни» посвящена описанию типов корней (деление корней на два класса – глагольных (знаменательных) и местоименных (служебных) полностью заимствовано из индийских лингвистических сочинений). В последующем лингвистическая теория строится с учетом этой классификации корней.

«Исходя из того, что морфология обеспечивает построение словоформы, а основой морфологии является способность словоформы члениться на меньшие значимые единицы языка – морфемы, можно утверждать, что грамматика Панини посвящена именно описанию **морфологии** санскрита, а основным лингвистическим понятием является **морфема**» (Волошина 2010: 164).

Важно заметить, что другие составные части грамматики, тоже работают на описание морфологии санскрита. Например, классы звуков, объединенные в Шива-сутрах. «Шива-сутры, помимо фонетических характеристик звуков, содержат еще информацию о поведении звуков в составе морфем при образовании словоформ, то есть представляют собой инструмент для описания **морфонологии** санскрита» (Волошина 2010: 169).

Анализ лингвистических терминов, используемых в Aṣṭhādhyāyī и представляющих понятийную основу индийской лингвистики, показывает, что индусы оперировали терминами, обозначающими корневые и аффиксальные морфемы – корень (dhātu) и аффикс (pratyaya) (I.2.45). Причем разновидности аффиксальных морфем, участвующих при образовании именных или глагольных словоформ) назывались специальными терминами. Например, термин *kr̥t* обозначает первичные именные суффиксы (присоединяемые к корню), а *tāddhitā* – вторичные именные суффиксы. Или термин *tiN* используется для обозначения глагольных флексий (система спряжения), а термин *suP* – именных флексий (система склонения).

Причем в грамматике Панини нет терминов, обозначающих словообразование и словоизменение, об процесса трактуются как изменение слова – ādeṣa лингв. «замена одного слова другим при словоизменении или словообразовании» (I.1.52).

Важно заметить, что в грамматике Панини нет термина, который бы употреблялся для обозначения всего класса морфем – и корневых, и аффиксальных, то есть индусы не оперировали термином морфема. В европейской лингвистике также не было общего термина для обозначения разных типов морфем – и корня, и аффиксов. Еще в конце XIX века И. А. Бодуэну де Куртенэ приходилось настаивать на необходимости введения в лингвистический обиход термина *морфема* – он писал о том, что считать этот термин лишним, поскольку есть термины, обозначающие разные виды морфем – *корень, суффикс, флексия*

(окончание) – все равно что отказываться от слова *дерево*, поскольку есть слова *береза, клен, липа* и т. п.

Европейская лингвистика не только начинает использовать в лингвистическом исследовании термин морфема, но и делает понятие морфема краеугольным камнем нового подхода в науке о языке – структурной лингвистике. Почему новое понятие оказалось столь значимым для построения новой лингвистической теории? Что такое морфема для европейских ученых – единица, основанная на формальном или семантическом единстве?

Происхождение термина «морфология» (от греч. «*учение о форме*»)³, указывает на то, что морфема – это единица, характеризующаяся формальным единством. Действительно, гнездо однокоренных слов объединяет слова с одинаковым корневым элементом. Но сложность и противоречивость понятия морфемы заключается как раз в том, что морфема – единица, характеризующаяся не только планом выражения, но и планом содержания. Причем область значений – семантика – пронизывает все уровни и единицы языка, определяет и устройство, и функционирование. И. А. Бодуэн де Куртенэ утверждал: «Во всех частях и частицах языка, как бы много физического мы в нем ни находили, пульсирует и может пульсировать лишь чисто психическая жизнь» (Бодуэн де Куртенэ 1963: 260).

Морфема как абстрактная единица, имеющая определенное значение, может выступать в виде формальных вариантов – морфов, которые могут иметь разный фонемный состав⁴. Например, А. Ф. Лосев так пишет об общем корне в словах *мнение, мнить, упоминать, вспоминать, мания* и т. п. (причем

---

³ Таким образом, первоначально морфология – это учение о форме слова (ядром этого учения являлись системы словоизменения – склонения существительных и спряжения глаголов).

⁴ А. Ф. Лосев пишет о том, что корень – это морфема, тождество которой не основывается на форме, эту морфему нельзя произнести. «Корень слова есть такая взвучиваемая и внеслоговая общность, которую потому-то и нельзя произнести, что она присутствует в каждом отдельном корне невидимо и неслышимо. Она есть вполне специфическая, именно этимологическая сигнификация. Или вы признаете, что во всех этих вариациях корня со многими огласовками выражается один и тот же корень, и тогда для этого корня необходима соответствующая, уже не видимая и не слышимая, а только мыслимая или только смысловая сигнификация, или эту смысловую сигнификацию вы отрицаете, но тогда вы будете принуждены находить во всех этих фонетических вариациях корня совершенно разные, а отнюдь не один и тот же корень» (Лосев 1983: 167).

слова с таким же корнем в разных огласовках он находит в древнегреческом и в латинском языках): «Можно сказать, что корень *ми* существует в разных языках с весьма различными огласовками и, можно сказать, со всеми гласными, которые только существуют... И корень здесь один потому, что все эти звуковые комплексы имеют одно и то же невзвукое значение, а именно, все они указывают на *мышление, думание, мнение*» (Лосев 1983: 166). Семантическая и формальная составляющая характеризует и корневые, и аффиксальные морфемы. Именно поэтому морфема является узлом, связывающим семантическую и формальную структуру слова. Морфема – основа структурного описания языка.

С точки зрения функции в системе языка морфемы делятся на разные классы. Еще И. А. Бодуэн де Куртенэ выделял разные типы морфем, которые являются темой изучения отдельных разделов морфологии: «а) наука о корнях – этимология; б) наука о темообразовании, о словообразовательных суффиксах, с одной, и о темах или основах, с другой стороны; в) наука о флексии, или об окончаниях...» (Бодуэн де Куртенэ 1963: 66).

Эти морфемы, очевидно, имеют разный статус в языковой системе, разный вес в семантических и формальных структурах, но определить, чем отличаются друг от друга корневые морфемы, словообразовательные и словоизменяющие, оказывается не просто и для современной лингвистики.

Представляется важным отсутствие общего термина морфема в индийской лингвистической традиции, т. к. корень и аффиксы – морфемы разной природы. В современной лингвистике вопрос об отличии корневых морфем от аффиксальных, остается открытым. «Различие между корневыми и аффиксальными морфемами представляется интуитивно очевидным, но в действительности оно с трудом поддается формализации. Нам не известно ни одного эффективного определения корня и аффикса...» (Плунгян 2000: 81). Отличие словообразовательных и словоизменяющих морфем – также сложный и до конца нерешенный вопрос для современной лингвистической теории. И. А. Мельчук, например, важным отличительным свойством суффиксов от флексий называет их положение относительно корня (то есть место в цепочке морфем), ограниченную сочетаемость и нерегулярность выражения словообразовательных морфем. Что касается флексий, то для них характерна неограниченная сочетаемость в пределах грамматического класса

(части речи) и стандартность выражения (Мельчук 1997: 286). Такое понимание словообразовательных и словоизменительных морфем характерно и для древнеиндийских грамматик, в которых глагольные и именные флексии выражаются термином, который обозначает всю парадигму флексий – их список в определенной последовательности. Словообразовательные морфемы и корни (dhātu) представлены списками, причем перечень корней объемён и традиционно сопровождает текст грамматики в виде dhātu-patha. Важно заметить, что в индийской лингвистической традиции корни считались исходной единицей при образовании слов определенной семантики (как глаголов, так и имен). Поэтому при анализе различных словоформ важной операцией являлось возведение конкретного слова к исходному корню, то есть собственно этимологический анализ⁵.

В индийских грамматиках термины, обозначающие разные типы морфем, не сопровождаются дефиницией, а, как представляется, указывают на разную функцию этих морфем в процессе синтеза словоформы. Таким образом, с точки зрения индийской грамматики морфемы разного типа (и корневые, а аффиксальные) обладают разным статусом в составе словоформы и играют разную роль в процессе синтеза словоформ, то есть выполняют разные функции.

Знакомство европейцев с индийскими грамматиками, как представляется, способствовало созданию новой лингвистической дисциплины – **морфологии** и поставило в центр лингвистических описаний ранее неизвестную европейцам единицу языка – **морфему**.

Литература

- Бодуэн де Куртенэ 1963 – Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М. 1963.
Бодуэн де Куртенэ 1963 – Бодуэн де Куртенэ И. А. Человечение языка // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М. 1963.

---

⁵ Корень воспринимался при этом как исходная единица слова, как клетка живого организма, структура которой определяет строение всего организма в целом. Именно понимание корня как важнейшей структурной части цельной системы – организма – породило новое направление в лингвистике середины XIX века – натурализм.

- Волошина 2010 – Волошина О. А. О структуре и лингвистической терминологии грамматики Панини и ее влиянии на европейскую лингвистику // Вестник РГГУ № 9 (52) /10. Серия «Филологические науки. Языкознание». Московский лингвистический журнал. Т. 12. М. 2010.
- Лосев 1983 – Лосев А.Ф. О первичных типах языковой сигнификации // Лосев А. Ф. Языковая структура. М. 1983.
- Мельчук 1997 – Мельчук И. А. Курс общей морфологии т. 1. Вена. Языки русской культуры. Венский славистический альманах. Прогресс. 1997.
- Плунгян 2000 – Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М. УРСС. 2000.
- Vasu 1891 – Vasu S. Ch. The Aṣṭhādhyāyī of Pāṇini. Delhi, Motilal Banarsidass, 1997 (1891).

O. A. Voloshina. The Old Indian concept of *dhātu* in European linguistics

The article analyzed the main concepts and terms of the Indian grammar – root and affixes and studied their influence on the European linguistics of 19 and 20 centuries. European structuralism developed under the influence of the Indian linguistic tradition, the grammar of Panini and the main principles of the linguistic description in ancient India.

Keywords: morpheme, root, the grammar of Panini, the European linguistics.

НЕОЛОГИЗМЫ ФЕОДОРА ГАЗЫ ИЗ ЕГО ЛАТИНСКОГО ПЕРЕВОДА «DE ANIMALIBUS» АРИСТОТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЗООЛОГИЧЕСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЕ

В статье рассматриваются слова, которые византийский гуманист Феодор Газа использовал для передачи зоонимов в латинском переводе «De animalibus» Аристотеля (3-я четверть XV в.). 582 обнаруженных зоонима распределены на следующие группы: транслитерации; заимствования из древних авторов; заимствования из древних авторов, которым Газа придает новое значение; неологизмы; перифразирующие словосочетания; смешанные случаи. Автор анализирует 47 зоонимов, составляющих группу неологизмов, и выявляет те из них, которые входят в современную зоологическую номенклатуру.

Ключевые слова: Феодор Газа, «De animalibus» Аристотеля, гуманистический перевод, неологизмы, греческие и латинские зоонимы, формирование зоологической номенклатуры

Сочинения Аристотеля «История животных», «О частях животных» и «О возникновении животных», традиционно объединяемые под названием «De animalibus», служили основным источником научного знания о животном мире от античности вплоть до XVIII в. и несколько раз переводились на латынь.

В XIII в. появились два латинских перевода «De animalibus», Михаила Скота и Вильгельма из Мербеке. В начале 1450-х гг. греческий гуманист Георгий Трапезундский выполнил по заказу папы Николая V новый перевод, однако он был сочтен неудачным и не получил широкой известности (Monfasani 1999: 214). Новую версию было поручено сделать жившему в Риме византийскому гуманисту, Феодору Газе (1400/1410–1475/1476): он взялся за работу в 1454 г. и завершил перевод в начале 1470-х гг. (Beullens, Gotthelf 2007: 483–488; Monfasani 1999: 211). Если история создания и стиль перевода были исследованы (Perfetti 1995; Monfasani 1999; Beullens, Gotthelf 2007), то его лексика, включающая большое количество специальных терминов, не была до сих пор проанализирована. Перевод Газы оказал влияние в том числе на *constitutio textus* греческих изданий Аристотеля (Monfasani 1999: 214–217; ср. Beullens, Gotthelf 2007: 503–505, Perfetti 1995: 253–254) и послужил важным источником не

только для комментариев к тексту Аристотеля (Perfetti 2000), но и для новых исследований о животном мире, положивших начало современной зоологии, – трактатов Конрада Геснера, Улиссе Альдрованди, Ипполито Сальвиани, Пьера Белона и других ученых XVI в. Рецепция перевода Газы в их сочинениях до сих пор не была специально изучена, хотя представляется, что подобный анализ помог бы уточнить историю становления современной естественнонаучной терминологии, в первую очередь зоологической номенклатуры (нам известна лишь одна работа подобного рода, она посвящена роли латинских переводов Аристотеля в развитии ихтиологической номенклатуры и, рассматривая лишь несколько примеров, носит обзорный характер: Veullens 2008: 112–115, 121)¹.

Любопытно проследить рецепцию самой разной естественнонаучной терминологии, встречающейся в переводе Газы, но в данной заметке мы ограничимся рассмотрением именно зоонимов, причем из них будут проанализированы только введенные Газой неологизмы: они яснее прочего демонстрируют вклад византийского ученого в состав современной зоологической номенклатуры.

Взяв за основу указатели зоонимов и общие алфавитные указатели, составленные Лириан Бодсон для трех зоологических трактатов Аристотеля (Bodson 1990: 1–265; Bodson 2004: Т. 1, 1–466, Т. 2, 135–139; Bodson 2014: 3–286; 331–332; 401–402), мы рассмотрели 582 греческих зоонима и выявили их латинские переводы в версии Михаила Скота, Вильгельма из Мербеке, Георгия Трапезундского и Феодора Газы. Из составленного Бодсон перечня аристотелевских зоонимов мы исключили те немногие, которые не являются названием вида или рода (например, некоторые уменьшительно-ласкательные формы, не обозначающие отдельного вида животного, а отсылающие к малому размеру, вроде *ἐλμίνθιον* или *δελφίνισκος*), при этом размер нашего словника возрос по сравнению с перечнем Бодсон, в первую очередь за счет случаев, когда Газа переводит одно и то же греческое слово в разных местах по-разному. В связи с наличием такой вариативности во всех приведенных ниже примерах даны отсылки к строке текста Аристотеля в беккеровской нумерации. При работе с греческим текстом мы использовали

---

¹ Попытка частичного анализа рецепции перевода Газы в «Истории животных» Конрада Геснера предпринята в: Воробьев 2015.

editio maior «Истории животных» Дэвида М. Балма, подготовленное к печати Аланом Готтхелфом (Aristotle 2002)².

В соответствии с гуманистическим методом перевода Газа стремился избегать транслитераций и калек греческих слов, неологизмов и других средств средневековой переводческой практики, пытаясь заимствовать как можно больше лексики из сочинений древних авторов. О таком подходе Газа сообщает в предисловии к переводу, упоминая в качестве использованных источников Плиния, Цельса, Колумеллу, Варрона, Катона, Цицерона, Апулея, Авла Геллия, Сенеку и «complures alios linguae Latinae autores (sic)» (Aristoteles 1476: 3; ср. Beullens 2008: 113). Действительно, из 582 рассмотренных нами зоонимов 322 являются заимствованиями из античных авторов. Впрочем, Газе не всегда удавалось найти казавшийся подходящим³ эквивалент в авторитетных источниках, и тогда он прибегал к другим переводческим стратегиям. Так, 66 слов из 582 засвидетельствованы у древних, но не в том значении, какое придает им Газа (большинство этих случаев представляют собой кальки); в 80 случаях Газа транслитерирует греческое слово (случаи, когда транслитерированное слово засвидетельствовано уже у кого-то из древних, мы относили к типу заимствований)⁴;

² Все неологизмы обнаружены именно в «Истории животных», за исключением №37 (δρροκόλος), это слово встречается только в трактате «О частях животных».

³ Многие выполненные Газой отождествления аристотелевских зоонимов с названиями животных, засвидетельствованными у римских авторов, были опровергнуты учеными XVI–XVIII вв. Этот вопрос будет разработан в дальнейшем исследовании.

⁴ Характер транслитераций в переводе Газы еще предстоит уточнить. Далеко не везде транслитерации использованы в качестве самостоятельных зоонимов, фигурирующих в тексте регулярно: нередко транслитерации выполняют функцию пояснений. Поскольку Феодор стремится создать совершенно прозрачный для читателя текст, перевод часто уходит от оригинала и изобилует интерполяциями. Так, в некоторых случаях Газа сопровождает неологизм транслитерацией исходного греческого слова и/или коротким пояснением. Например, для ζυλοφθόρον, № 39: «vermiculus cui nomen a corrumpendis lignis xylophthoro ac si ligniperdi appelles»; ἀείσκωψ, № 29: «asiones <...> ob eam rem perennes et semperasiones vocabulo composito appellantur»; οἰνάνθη, № 30: «enantha, ac si vitifloram dixeris»; κυνοκέφαλος: «caniceps, sic enim cynocephalos appello», № 34; νηρίτης, № 2: «...neritem quem naticem interpretamur»; πελειάς, № 3: «livia dicta a livore»; χαραδριός, № 24: «...quem <...> charadrium appellamus quasi hiaticolam dixeris»; ἀκανθία, № 17: «spinaces... sic a spina quam habent nuncupati»;

для 46 зоонимов Газа придумывает новые латинские обозначения, то есть вводит неологизмы; в 10 случаях передает греческое слово перифразирующим словосочетанием; еще 47 случаев можно считать смешанными. Остальные 11 из 582 зоонимов в переводе Газы опущены. Данное разделение на типы было осуществлено при помощи электронных версий Тезауруса латинского языка и словаря Э. Форчеллини, а также баз данных LLT⁵. Приведенные цифры не следует считать окончательными, поскольку в целом ряде случаев решение об отнесении слова к той или иной группе связано с трудными местами в традиции греческого текста Аристотеля, латинских источников Газы⁶ или самого перевода.

Кроме рукописи Vat. lat. 2094, созданной, вероятно, под надзором Газы и преподнесенной им папе Сиксту IV, известно только две рукописи его перевода, обе они являются списками с *editio princeps* (Beullens, Gotthelf 2007: 488). Таким образом, отправной точкой массовой рецепции перевода Газы можно считать именно первое печатное издание (Aristoteles 1476), подготовленное Лодовико Подокатаро, другом переводчика, по рукописи Газы («ex archetypo ipsius Theodori», как гласит колофон; ср. Beullens, Gotthelf 2007: 481–482). При работе с текстом перевода мы использовали *editio princeps* и в некоторых случаях микрофильм рукописи Vat. lat. 2094.

Итак, рассмотрим 46 греческих зоонимов, для передачи которых Газа вводит неологизмы, а также относящиеся к неологизмам 4 из 47 смешанных случаев (№ 19, 29, 45, 49 в таблице), т. е. в общей сложности 50 греческих слов: они представлены в таблице ниже. Пятидесяти греческим словам

«quod nomen aphlysias inde accepit, quia nunquam lavetur, quasi illotariam voces»; χυτός, № 9: «ii, quos fusaneos ex argumento cognominant, quod fusim retibus cariantur» (в оригинале нет слова, соответствующего *fusim* Газы: καλοῦνται δὲ χυτοὶ οἱ τῷ δικτῶ περιεχόμενοι); αἴγιθος, № 50: «egithus, quem salum voco».

⁵ www.degruyter.com/db/tll; linguax.com/lexica/forc.php; clt.brepolis.net/llta; clt.brepolis.net/lltb. Безусловно, нельзя исключать, что какие-то из слов, которых нам не удалось отыскать в текстах, предшествующих появлению перевода Газы, были им заимствованы из источников, ныне утраченных или не зарегистрированных в указанных словарях и базах данных. Например, весьма вероятно, что Газа использовал какие-то двуязычные глоссарии, но они не отождествимы с теми, которые изданы на сегодняшний день.

⁶ О рукописях, с которыми он работал, известно крайне мало (Berger 2005: 144).

соответствуют только 47 неологизмов, поскольку в трех случаях Газа переводит два разных греческих слова одним латинским: φαβοτύπος, φασσοφόνος (№ 41–42 в таблице) – *palumbarius*; σχοινίων, σχοινίκλος (№ 21–22) – *iunco*; σκολόπαξ, ἀσκαλώπας (№ 47–48) – *gallinago*⁷.

№ строка	Аристотель	Феодор Газа	рецепция перевода ⁸
А. Кальки: простые			
1	508b19 ἥπατος	iecorinus	–
2	530a7 νηρίτης	natex ⁹	род <i>Natica</i> (<i>Scopoli, 1777</i>)
3	544b2 πελειάς	livia	<i>Columba livia</i> (<i>Gmelin, 1789</i>)
4	551b6 ὑπερον	supera	–
5	591a23 περαιάς	translittoranus	–
6	610b6 μηκόνη ¹⁰	papavera	–
7	620a19 ὑποτριόρχης	sumbuteo	<i>Falco subbuteo</i> (<i>Linnaeus, 1758</i>)
8	549a4 ἀλλοσία	illotaria	–
9	543a1 χυτός	fusaneus	–
10	487b25 ἄπους	apes	–
11	543b14 ῥυάς	spargus	<i>Spargus ovis</i> (<i>Mitchill, 1814</i>)
12	523b30 τεῦθος	lol(l)ius ¹¹	– ¹²

⁷ В этом случае в основе перевода Газы, очевидно, лежит одна из многочисленных конъектур греческого текста, которые он имплицитно предлагал чтениями самого перевода.

⁸ Рецепция перевода Газы авторами, использовавшими бинарную номенклатуру. В скобках даны общепринятые ссылки на имена авторов названий таксона. В таблице и ниже курсивом выделены названия таксонов, принятые в современной номенклатуре. При поиске названий таксонов мы пользовались следующими базами данных по систематике: taxonomicon.taxonomy.nl, www.biodiversitylibrary.org, www.animalbase.uni-goettingen.de.

⁹ Очевидно, Газа производит это существительное от *natare*, предполагая происхождение *νηρίτης* от *νεῖν* (*Martens 1860: 224*).

¹⁰ В данном случае Газа использует чтение одной из рукописей, отвергнутое современными издателями Аристотеля.

¹¹ Неологизм производится от известного с древности слова *lolligo* (так Газа переводит греч. *τευθίς*) путем десуффиксации: паре *τεῦθος* – *τευθίς* у Газы соответствует пара *lollius* – *lolligo*, первый элемент которой является неологизмом. Геминаты в латинских словах передаются Газой непоследовательно, одно и то же слово может в разных местах текста иметь разное написание. В данном случае *editio princeps* дает написание через две буквы *l*, а рукопись *Vat. lat. 2094* – через одну.

13	544b6	οινάς	vinago	род Vinago (Cuvier, 1817)
14	592b18	σπιζίτης	fringillago	Parus fringillago (Pallas, 1811)
15	569b23	κωβίτις / κωβίτης	gobionaria	–
16	592b2	σπιζίας	fringillarius	Fringillaria capensis (Linnaeus, 1766)
17	565a29	ἀκανθίας	spinax	Squalus spinax (Linnaeus, 1758)
18	592b22	ἐρίθακος	rubecula	<i>Erithacus rubecula</i> (Linnaeus, 1758)
19	592b22	πυρρούλας	rubicilla, silvia ¹³	Loxia rubicilla (Gueldenstaedt, 1775)
20	632b28	φοινίκουρος	ruticilla	Motacilla ruticilla (Linnaeus, 1758), Muscicapa ruticilla (Linnaeus, 1758)
21	593b4	σχοινίκλος	iunco	род <i>Junco</i> (Wagler, 1831)
22	610a8	σχοινίων	iunco	“
23	532b17	τεττιγόνιον	cicadastra	–
24	615a1	χαραδριός	hiaticola	<i>Charadrius hiaticola</i> (Linnaeus, 1758)
25	538a21	χάννη	hiatula ¹⁴	рыба <i>Labrus hiatula</i> (Linnaeus, 1766); моллюск <i>Agaronia hiatula</i> (Gmelin, 1791)

¹² Существует род насекомых семейства Issidae, называемый Lollus (Stål, 1870), но, вероятно, он не имеет отношения к неологизму Газы, обозначающему головоногого моллюска.

¹³ Неологизмом является только rubicilla. Перевод данного слова представляет интересный пример работы Феодора с греческим текстом. Известные рукописи дают здесь следующие чтения: а) πυρρούλας; б) πυρούλας; в) πυρρουράς; г) πυρρός ὕλας. Газа, по-видимому, совместил чтение (а) или (б), откуда его перевод с уменьшительно-ласкательным суффиксом, с чтением (г), и получил два отдельных слова: rubicilla и silvia. Использование суффикса -ill- можно объяснить тем, что более продуктивный суффикс -ul- уже используется в другом неологизме rubecula, которым он передает греческое ἐρίθακος, № 18.

¹⁴ Среди 11 примеров названий рыб, которые приводит Бейлленс (Beullens 2008), говоря о переводе Газы, упомянут лишь один настоящий неологизм, hiatula, тогда как остальные десять – заимствования из древних авторов, которые Газа использовал в новом значении.

В. Кальки: композиты, переданные кальками-композитами¹⁵

26	506b9	λειόβατος	laeviraia	–
27	592b25	ὄροσπιζος	montifringilla	<i>Fringilla montifringilla</i> (Linnaeus, 1758)
28	592b30	χρυσομήτρις ¹⁶	aurivittis	<i>Camaria aurivittis</i> (Germar, 1824) ¹⁷
29	617b32	ἀείσκωψ	asio perennis ¹⁸	– et semperasio
30	633a15	οἰνάνθη	vitiflora	<i>Motacilla vitiflora</i> (Pallas, 1811)
31	566a28	ρίνόβατος	squatiraia ¹⁹	
32	593b2	λευκερφεδιός	albardeola	–
33	593b22	χηναλώπηξ	vulpanser	<i>Tadorna vulpanser</i> (Fleming, 1828)
34	502a18	κυνοκέφαλος	caniceps	–
35	506a17	αἰγοκέφαλος	capriceps	–
36	617a32	μαλακοκρανεύς	molliceps	– ²⁰
37	662b7	δροκόπος	roborisecus	–
38	593a12	κνιπολόγος	culicilega	–
39	557b13	ξυλοφθόρον	ligniperdis	<i>Camponotus ligniperda</i> (Latreille, 1802); <i>Camponotus ligniperdus</i> (Latreille, 1802).

¹⁵ Не все композиты Аристотеля Газа переводит составными латинскими словами, ср. группу С ниже. Примером композита, не являющегося калькой, служит слово *galleruca*, которым Газа передает греческое μηλολόνη, № 46.

¹⁶ Судя по переводу Газы, он счел это место испорченным и предложил конъектуру χρυσομίτρις.

¹⁷ У Аристотеля речь идет о названии птицы, так что это название насекомого может быть неологизмом, придуманным независимо от перевода Газы.

¹⁸ В Vat. lat. 2094 peremnis. В качестве неологизма можно рассматривать только semperasio.

¹⁹ Так в Vat. lat. 2094; squatraia в editio princeps.

²⁰ В названии растения *Selaginella molliceps* (Spring) и гриба *Pocillaria molliceps* (Kuntze, 1891) присутствует слово *molliceps*, однако оно появилось, очевидно, независимо от неологизма Газы, относящегося к названию птицы.

С. Кальки: композиты, переданные латинскими словами с одним корнем ²¹				
40	620a21	φρυνολόγος	rubetarius	–
41	592b2	φαβοτύπος	palumbarius	Falco palumbarius (Linnaeus, 1758)
42	620a18	φασσοφόνος	palumbarius	“
43	618b20	νεβροφόνος	hinularia	Falco hinnularius (Latham, 1790)
44	617a18	ἰξοβόρος	viscinus ²²	– ²³
D. Неологизмы, не являющиеся кальками				
45	552a17	κάνθαρος	scarabeus pilularius ²⁴	Scarabaeus pilularius (Linnaeus, 1758)
46	531b25	μηλόλονθη	galleruca ²⁵	род <i>Galeruca</i> (Geoffroy, 1762),

²¹ Все они, кроме слова ἰξοβόρος, представляют собой зоонимы, обозначающие хищных птиц по названию предпочитаемой жертвы (на -φόνος, -τύπος, -λόγος; у Газы суффикс -agius/-aria). К этой семантической группе относятся также слова *fringillarius* (от σφιζίας), № 16, и *leporaria* (от λαγωφόνος); это последнее слово не включено в таблицу, т. к. не является неологизмом. Стоит отметить, что слова с данным суффиксом Газа использует не только для обозначения хищников по жертве: *gobio* > *gobionaria* (№ 15, κωβίτις ‘икра или молодь рыбы κωβίος, gobio’); *pilula* > *pilularius* (№ 45, κάνθαρος ‘жук-навозник’).

²² А. В. Грошева упоминает аристотелевский зооним ἰξοβόρος в числе производных от слова ἰξός (Грошева 2008: 226; Грошева 2009: 375), но в перечислении производных латинского *viscum* не сообщает о латинских переводах ἰξοβόρος (вероятно, потому что эти слова – *viscinus* у Газы и *viscedula* у Георгия Трапезундского – возникли уже в XV в.). Примечательно, что Грошева упоминает зафиксированное в глоссах слово *viscinus* в значении ‘птицелов’ (Грошева 2008: 224; Грошева 2009: 374).

²³ В современную номенклатуру входит вид *Turdus viscivorus* (Linnaeus, 1758): слово *viscivorus*, по-видимому, введено Конрадом Геснером (Gesner 1555: 720).

²⁴ Вероятно, предлагая неологизм *pilularius*, Газа имел в виду описанную в данном месте аристотелевского текста особенность этих жуков скатывать шарики из навоза: слово *pilula* засвидетельствовано в таком значении у нескольких античных авторов.

²⁵ Слово происходит, очевидно, от *galla* ‘галл, цецидия’ и *eruca* ‘гусеница’, то есть Газа имел в виду особенность личинок этих насекомых создавать на растениях галлы. Считается, что греческое слово происходит от μῆλον ‘овца, коза’ и ὄλονθος ‘дикая смоква’ (Frisk 1970: 225–226), однако Газа мог возводить первый компонент греческого слова к μῆλον ‘плод’ и по общей семантике округлой формы и возникновения на деревьях сблизить его с лат. *galla*.

			Galleruca (Fabricius, 1792)
47	614a33	σκολόπαξ	gallinago <i>Gallinago gallinago</i> (Linnaeus, 1758)
48	617b23	ἄσκαλώπας	gallinago
49	592b30	ἄκανθίς	spinus sive ligurinus ²⁶
50	610a7	ἄγιθος	rod Ligurinus (Koch, 1816)
			salus ²⁷
			–

Как видно, в современной зоологической номенклатуре существует целый ряд таксонов, названия которых восходят к переводу Газы. Больше половины рассмотренных неологизмов (25 из 47), пройдя сквозь «фильтр» критики перевода Газы в сочинениях XVI–XVIII вв. от Геснера до Бюффона, были использованы учеными XVIII–XX вв. при введении новых таксонов в линнеевской бинарной системе (только № 2, 7, 39, 43 и 46 заимствованы в немного измененном виде). В ходе развития зоологической систематики 15 из этих 25 таксонов были исключены из научной номенклатуры или переименованы. Таким образом, в современной номенклатуре осталось 11 неологизмов Газы (названия соответствующих таксонов выделены в таблице курсивом).

Говоря о роли латинских переводов Аристотеля в становлении ихтиологической номенклатуры, П. Бейлленс пишет, что влияние версии Газы на зоологические сочинения раннего Нового времени было очень велико, но к XVIII в. уменьшилось. Исследователь указывает, что ихтиологическая номенклатура Линнея, в том виде, в каком она оформилась к каноническому десятому изданию его «Системы природы», во многом основывалась на материале трактата о рыбах Петера Артеди 1738 г., который невысоко ставил переводческие решения Газы. Бейлленс сообщает, что, возможно, единственным неологизмом Газы, вошедшим в современную номенклатуру рыб, является слово *cernia* (Beullens 2008: 115, 120–121)²⁸, ср. *Gymnocephalus*

²⁶ Неологизмом является только второй из двух приводимых Газой вариантов перевода. В порядке предварительной гипотезы можно предположить, что слово *ligurinus* восходит к итальянскому *lucherino*, засвидетельствованному, например, в «Морганте» Луиджи Пульчи. О возможном заимствовании Газой из итальянского вольгаре см. ниже примечание 28).

²⁷ Ср. 616b10 (salus, Nom.), 609a31 (salo, Dat.).

²⁸ Бейлленс предполагает заимствование Газой этого слова из итальянского *cernia*. Ср. выше примечания 14, 26.

cernua (Linnaeus, 1758). Зооним *cernua* мы относим не к группе собственно неологизмов Газы, а к группе слов, заимствованных из древних авторов с изменением значения (66 слов из 582, см. выше), которые будут нами рассмотрены отдельно.

Теперь, когда проведен анализ введенных Газой зоонимов-неологизмов, можно утверждать, что многие из них действительно использовались учеными XVIII–XIX вв. для номинации новых таксонов, а некоторые даже входят в состав принятой ныне зоологической номенклатуры.

Литература

- Воробьев 2015 – (в печати) Воробьев Г. М. Критика латинских переводов Феодора Газы в «Истории животных» Конрада Геснера // Вестник РХГА. Том 16, №2.
- Грошева 2008 – Грошева А. В. Лат. *viscum* ‘омела’ (к проблеме формы и значения) // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Том IV, часть 1 / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука. С. 221–233.
- Грошева 2009 – Грошева А. В. Латинская земледельческая лексика на индоевропейском фоне. СПб.: Наука.
- Aristoteles 1476 – Aristoteles. De animalibus / interpr. Theodoro Gaza. Venetiis, Iohannes de Colonia et Iohannes Manthen (GW 2350).
- Aristotle 2002 – Aristotle. *Historia animalium*. Vol. I: Books I–X: Text / ed. by Balme D. M., prepared for publication by Gotthelf A. Cambridge: Cambridge University Press.
- Berger 2005 – Berger F. Die Textgeschichte der *Historia animalium* des Aristoteles. Wiesbaden: Ludwig Reichert.
- Beullens 2008 – Beullens P. Aristotle, his translators, and the formation of ichthyologic nomenclature // Science translated. Latin and vernacular translations of scientific treatises in Medieval Europe / Goyens M., De Leemans P., Smets A. (eds.). Leuven: Leuven University Press. P. 105–122.
- Beullens, Gotthelf 2007 – Beullens P., Gotthelf A. Theodore Gaza's translation of Aristotle's *De animalibus*: content, influence and date // Greek, Roman and Byzantine studies. № 47. P. 469–513.
- Bodson 1990 – Bodson L. Aristote. *De partibus animalium*: Index verborum. Listes de fréquence. Liège: Centre informatique de philosophie et lettres.
- Bodson 2004 – Bodson L. Index verborum in Aristotelis *Historiam animalium*. T. 1–2. Hildesheim, Zürich, New York: Olms-Weidmann.
- Bodson 2014 – Bodson L. Aristotelis *De generatione animalium*: Index verborum avec listes de fréquence et listes complémentaires. – Aristotelis *De generatione animalium*, *De historia animalium*, *De partibus animalium*: Tableaux synoptiques de sept catégories lexicales. – Index verborum in Aristotelis *Partes animalium* (1990): Addenda. – Index verborum in Aristotelis *Historiam animalium* (2004), *Partes*

- animalium* (1990): Corrigenda grammaticaux, Corrigenda lexicaux. Hildesheim, Zürich, New York: Olms-Weidmann.
- Frisk 1970 – Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. Heidelberg: Karl Winter.
- Gesner 1555 – Gesner K. Historia animalium. Liber III. De avium natura. Tiguri: apud Christophorum Froshoverum.
- Martens 1860 – von Martens E. Die classischen Conchylien-Namen // Jahreshefte des Vereins für vaterländische Naturkunde in Württemberg. Jg. 16. S. 175–284.
- Monfasani 1999 – Monfasani J. The Pseudo-Aristotelian *Problemata* and Aristotle's *De Animalibus* in the Renaissance // Natural particulars. Nature and the disciplines in Renaissance Europe / Grafton A., Siraisi N. (eds.). Cambridge [Mass.]-London: MIT Press. P. 205–247.
- Perfetti 1995 – Perfetti S. 'Cultius atque integrius'. Teodoro Gaza, traduttore umanistico del *De partibus animalium* // Rinascimento. Ser. II. Vol. 35. P. 253–286.
- Perfetti 2000 – Perfetti S. Aristotle's zoology and its Renaissance commentators (1521–1601). Leuven: Leuven University Press.

**G. M. Vorobyov. Theodore Gaza's neologisms
in his translation of Aristotle's *De animalibus***

Aristotle's *De animalibus* had been the main source of scientific knowledge about animals till the 18th century, and Latin translations served as an important vehicle for its transmission. The first two Latin versions appeared in the 13th century. In the early 1450s another one, by the Greek scholar George of Trebizond, was made in Rome for Nicholas V, but it was considered of poor quality and soon fell into oblivion. It was another Byzantine, Theodore Gaza, who was commissioned to replace it with a new translation. Meeting the humanists' taste, Gaza's version that appeared in print in 1476 became soon extremely popular. As John Monfasani has shown, this Latin text exercised a virtual monopoly in the field of Aristotelian zoology for more than two centuries and influenced both the *constitutio textus* of the Greek editions of Aristotle and the new scientific writings in Latin. Gaza's translation has been studied from the historical and stylistic points of view, but its vocabulary has not been object of a thorough analysis yet. Taken into consideration the influence of Gaza's version, we presumed the possibility of discovering traces of its vocabulary in the modern zoological taxonomy. To check this hypothesis, we attempted a classification of Gaza's renderings of Aristotle's animal names and suggested a list of neologisms of Gaza's coinage that could be used as handy material to test the reception of his translation on. Indeed, 25 out of the 47 neologisms introduced by Gaza turned out to have been used by the biologists of the 18th–19th centuries for the new taxonomic names in the binomial nomenclature; 11 out of these 25 remain valid in the nomenclature accepted nowadays.

Keywords: Theodore Gaza, Aristotle's *De animalibus*, humanist translation, word coinage, Greek and Latin zoonyms, formation of zoological nomenclature

**DIE MOSKAUER BARBARALEGENDE
AUS DEM STRAßBURGER REUERINNENKLOSTER
(RSB, F. 68, № 446)**

Статья посвящена исследованию уникальной версии жития св. Варвары в пергаментной части рукописного сборника XV в. из страсбургского монастыря св. Марии Магдалины (РГБ, ф. 68, № 446, olim ф. 183, № 1310, до 1929 г. Библиотека Генерального штаба, Санкт-Петербург).

Ключевые слова: средневековые немецкие рукописи, Страсбург, XV век, монастырь св. Марии Магдалины, житие св. Варвары

Die Moskauer Sammelhandschrift aus dem Straßburger Reuerinnenkloster St. Maria Magdalena (Mo) besteht aus zwei Faszikeln auf Pergament und Papier und enthält die Heiligenlegenden (Pergamentteil, Bl. 1–74) und mystische Traktate des elsässischen Predigers Johannes Kreuzers (Vgl.: Ganina, in Vorbereitung). Der Pergamentteil wurde von der Nonne Katharina Ingolt 1477 geschrieben (Palmer 2009, Ganina 2014) und wurde ursprünglich als ein selbständiges Buch gestaltet (Zum materiellen Befund vgl. Ganina 2014; Ganina 2015). Der Pergamentteil der Moskauer Sammelhandschrift enthält die Katharinen- und die Barbaralegende, die mit vergoldeten Zierinitialen ausgestattet wurden. Die beiden Legenden erscheinen in Prosafassungen und sind mit Mirakelanhängen versehen, während die Barbaralegende noch einen abgesonderten Anhang *‘Ein geistliches ingrün schöpplin’* hat (71^r–73^r) (Ganina 2014: 181). Das Büchlein trägt den von der Schreiberin ausgeführten Besitzvermerk *Dis büch gehort in daz closter zûn ruwerin in Stroßburg* (Bl. 2^f). Es handelt sich um eine Legendenhandschrift, die am ehesten als Tischlektüre zu den Festen der hll. Katharina und Barbara diente. Die Moskauer Katharinenlegende wird in der sogenannten *‘Hodie’*-Fassung überliefert (Ganina 2014: 181–182). Die Barbaralegende kommt aber in einer bisher unbekanntem Fassung vor und bedarf näherer Untersuchung.

Die hl. Barbara von Nikomedien wird sowohl in der östlichen als auch in der abendländischen Kirche hoch verehrt und gilt als Helferin gegen den unhervorgesehenen Tod, insbesondere gegen den Tod ohne Sterbesakramente, auch gegen Seuchen, Blitz und Brand.

Im Westen wurde sie seit dem 14. Jahrhundert zu 14 Nothelfern gerechnet. Aber im Gegensatz zur „reichen Katharinenliteratur“ (Assion 1983: 1055) gab es im christlichen Abendland keine vergleichbare Barbara-Tradition. Die ursprüngliche Vita der hl. Barbara war im Osten entstanden und wurde da durch eine entwickelte Überlieferung gekennzeichnet. Als altertümlichste gilt die syrische Fassung, deren älteste zurzeit bekannte Abschrift ins 8. Jahrhundert datiert und Johannes dem Säulenheiliger zugeschrieben wird. Am reichsten ist die griechische Tradition, in der eine Reihe von anonymen Legenden, die Symeon Metaphrastes zugeschriebene Barbara-Vita und viele Homilien zum Fest der hl. Barbara von Johannes von Damaskus, Arsenios von Kerkyra und Georgios Chiroboskos vorhanden sind. Insbesondere die Homilien waren für die nachfolgende spätere Tradition wichtig (Tvorogov 1987, Fedotova 2003). Im Westen ist die lateinische Barbaralegende bei Jacobus de Voragine dargestellt (vgl. Graesse 1850), und diese Version dient als Vorlage für volkssprachliche Fassungen.

Die deutsche Barbaralegende ist in zahlreichen Vers- und Prosafassungen überliefert: so sind bei Werner Williams-Krapp 21 Fassungen mit entsprechender Überlieferung (noch ohne Kenntnis der Moskauer Handschrift) aufgelistet¹

Die Moskauer Barbaralegende aus dem Straßburger Reuerinnenkloster (59^r–73^r) hat folgende Initien: *Hv̄t ist vns nun aller liebsten ein fürclores hochzit lúchten die iungfroweliche gezierde die vnser gedechtnis ernuert* (Vorrede, 59^r, 5–17) und *By den ziten des keisers Maxencius waz ein heidenlicher fürste, rich vnd mehtig von gewalt, Dyostorus genant* (59^v, 28–29, 60^r, 1) und ist mit einer Reihe von Anhängen versehen, nämlich mit einem umfangreichen Schlussgebet zu der heiligen Barbara (68^r,12–68^v, 6), 4 Mirakeln (68^v,9–71^r,28) und einem Schlussanhang *‘Ein geistliches ingrün schöpplin’* (71^r, 28–29 – 73^r9). Diese Fassung der Barbaralegende wurde von Nigel Palmer² und von Werner Williams³ als Unikat eingeschätzt.

¹ Vgl. Williams-Krapp 1986: 394–395, auch Reuter 1978, durch das Buch von Williams überholt

² Untersuchungen der Moskauer Handschrift von Nigel Palmer (Oxford) im März 2013, schriftliche und mündliche Konsultationen und Besprechungen seit 2013, für die ich Nigel Palmer sehr zu Danke verbunden bin.

³ Schriftliche Auskunft nach der Einsicht der Transkription (Mai 2013). Mein besonderer Dank gilt Werner Williams für die Konsultation und freundliche Hinweise auf die Literatur.

Die Vorrede soll auf eine lateinische Sequenz des Festes der hl. Barbara zurückgehen, deren Quelle noch nicht nachgewiesen werden konnte. Die Untersuchung zeigt, dass die Moskauer Barbaralegende aus dem Straßburger Reuerinnenkloster sowohl auf die lateinische 'Legenda aurea' als auch auf die Fassung der Elsässischen 'Legenda aurea' (I im Normalcorpus) zurückgeht. Dabei steht die Moskauer Fassung nach ihren Satzstrukturen der lateinischen Vorlage näher als alle drei Prosafassungen der Barbaralegende in der Elsässischen 'LA' (I im Normalcorpus und Kurzfassungen II und III im Sondergut), indem es aber keine Neuübersetzung ist, sondern eine in der elsässischen Tradition entstandene Überarbeitung mit Auslassungen und Verbreitungen. Vgl.:

'LA': *Erat tempore Maximiani imperatoris vir quidam gentilis in Nicomedia nobilitate generis praeclarus ac temporalium rerum abundantia summus, nomine Dioscorus, cui erat filia speciosissima nomine Barbara. Ipsa autem quia erat corpore pulcherrissima, eam pater plurimum diligebat; quapropter reclusit eam in turri altissima, quam eidem aedificare fecerat, ne ab aliquo homine videretur. Erat autem beata Barbara ingeniosa et a tenera aetate vanas cogitationes relinquens coepit divina cogitare* (Zitiert nach Graesse 1850: 898).

Mo: *By den ziten des keisers Maxencius waz ein heidenlicher fürste, rich vnd mehtig von gewalt, Dyostorus genant. Dirre het ein junge tochter, waz geheissen Barbara. Die waz so schone von libe, daz in vnbillichen duhte, daz sú die menschen solten ansehen. Er het sú öch zú mol liep vnd het ir grosse sorge. Do von beslos er sú in einen hohen turn, wenn es waz hie vor gewonheit der heiden, daz si mit dem aller grösten flis behüten die junpfrowelicheit an iren döhtren. Vnd wenn sú solten in den tempel der apgötter gon, so verdeckten sú in ir antlit mit einem gar kostbaren düch, daz si die lúte nit möhten angesehen, vff daz nieman von iren wegen viel in löse begirde.*

Es beschach, daz die besten edelsten herren des landes vmb sant Barbara wurbent vnd boten iren vatter, daz er in sin dohter gebe zú einer gemahelen. Do rúfte Dyostorus siner dohter vnd sprach: „Barbara, min allerliebste dohter, nim war, es sint hohe fürsten vnd herren kummen zú mir vnd bitten mich, daz ich dich ynnen gebe zú einer gemahelen.“ Do antwurt sant Barbara vnd sprach: „Lieber vatter, ich bitte dich, daz du mich nit twingest, daz ich in der zit von dir var. Vnd tugest reht also, ob du mir nit gnedig sist vnd mich nit liep habest. Wann hestu mich liep also din einiges kint, so lossestu

mich nit also.“ Do der vatter dis gehort, do meinte er, daz er sú wolte fürbaz keinem manne geben über iren willen. (59^v–60^r)

‘ELA’ – Barbara (I, Leithandschrift München, BSB, cgm 6):⁴

Uder deme keyser Maximianus was ein mechtiger heiden von gewalt vnd richdûm, Dyoscorus genant; dirre hette eine dochter, Barbara genant. Dise was so schone von libe, das den vatter vnbillich duhte daz su von den menschen gesehen solte werden. Do von schlus er su in einen turn.

Es beschach daz die edelsten herren des landes umb su wurbent. Do von ging ir vatter zû ir fur den turn vnd leite er dis für wie die gewaltigisten des landes ir begerende worent. Do sprach su: ‘Vatter des darf du mit nût gedencken’. Also ging ir vatter von ir ab vnd richtete vil wercklûte an, die soltent ime einen turn buwen vnd ordente den die wise wie sú ime den solten búwen.⁵

‘ELA’ (Sondergut) – Barbara (II, München, BSB, Cgm. 343)⁶

Sant Barbel was ein edele maget Vnd ir vatter hies Coiostorus. Der hies machen einen turn vnd dar in zwey venster (Zitiert nach Kunze 1983: 90).

‘ELA’ (Sondergut) – Barbara (III, Karlsruhe, BLB, Cod. Lichtental 66)⁷

In den zyten des keyzers maximiani da was ein man was geheissen dyostorus zu male riche. / derselbe bette an die apgotte vnd hatt ein einige tochter Barbara genant; vnd jr vatter liesz machen einen hohen thûrn vnd beslosz die maget darjnn, vff das sie nit wurde gesehen von den luten vmb jr grosze schönheit./ (Zitiert nach Kunze 1983: 91)

Die Moskauer Fassung legt die Barbaralegende am ausführlichsten dar und überholt in diesem Sinne sowohl die lateinische Vorlage als auch die in der 1. Hälfte des 14. Jahrhunderts entstandene Elsässische ‘Legenda aurea’. Es handelt sich um inhaltliche Erläuterungen (z. B. wie die Heiden ihre Töchter hüten) und Erweiterungen der Stellen, die in der früheren volkssprachlicher Tradition mit Einschüben versehen worden waren. So hat z. B. eine

⁴ Siehe Eintrag im ‘Handschriftencensus’: <http://handschriftencensus.de/5099>.

⁵ Zitiert nach Williams/Williams-Krapp 1980: 814. Auf das lange ‘s’ wird beim Zitieren verzichtet.

⁶ Eintrag im ‘Handschriftencensus’: <http://handschriftencensus.de/6036> (Stand 2015)

⁷ Eintrag im ‘Handschriftencensus’: <http://handschriftencensus.de/5068> (Stand 2015).

Episode von der Werbung um Barbara am Anfang der Moskauer Barbaralegende schon keine Entsprechung in der lateinischen Vorlage, aber eine fast wörtliche Parallele in der Fassung I der Barbalegende in der Elsässischen 'Legenda aurea'. Die Moskauer Fassung bietet aber einen weiteren Dialog zwischen dem Vater und der Tochter dar, der in der lateinischen Vorlage auch fehlt, aber mit ihren rhetorischen Prinzipien und Intentionen (polemische Repliken und Dialoge) übereinstimmt. Durch den oben angeführten Dialog wird die Geschichte belebt und mittlerweile auch die asketische Neigung von Barbara, Jungfrau zu bleiben, ausdrücklich unterstrichen. Aber auf diese Weise nähert sich die Moskauer Fassung der Barbaralegende der großen, bereits an ihren lateinischen Quellen literarisch hochwertigen 'Hodie'-Version der Katharinenlegende an. Dies lässt vermuten, dass auch unsere Fassung der Barbaralegende, wie die oben erwähnte Version der Katharinenlegende, im dominikanischen Umkreis erarbeitet wurde. Die Elsässische 'Legenda aurea' als „älteste deutsche Prosaversion des lateinischen Gesamtwerks“ (Williams/Williams-Krapp 1980: XIV) trug zur Textgestalt der Moskauer Barbaralegende aus dem Straßburger Reuerinnenkloster offenbar bei. Aber die Moskauer Fassung konnte sich auch in den 70er Jahren des 15. Jahrhundert von der lateinischen Vorlage nicht trennen. Dies sei an einem Beispiel zu erklären. Die Episode, wo die hl. Barbara sich zum ersten Mal Gedanken über heidnische Götter macht und ihre Eltern danach fragt, ist nur in der lateinischen Vorlage und in der Moskauer Fassung vorhanden. In der Handschrift wird die Episode als Kapitel erfasst, was die Überschrift *Wie sant Barbara ist bekert worden beweist:*

Mo: Wie die heilige jungfrowe Barbara bekert sie, wurt gelesen, daz sie zû einer zît ging in den tempel der apgôtte. Vnd do si irer bilde angesichtig wart, do sprach si zû iren eltren: „Waz betûten die glichnis der mōnschen?“ Do antwurent ir eltren vnd sprochent: „Swig, es sint nit glichnis der menschen, sunder glichnis der gôtter, die do wellent angebetten werden von den menschen.“ Do sprach sant Barbara: „Sint sù nit etwen menschen gewesen, die wir also eren?“ Antwuren ir eltren vnd sprochent: „Jo“. Do swieg Barbara, aber sù gedoht tag vnd naht in irme hertzen, vnd mit grosser klügheit vnd wißheit disputierte si in ir selbes vnd sprach in irme gemûte: „Sint dise nûn menschen gewesen, so sint si öch geboren also menschen, des glich sint si öch gestorben also menschen. Werent si nûn gôtter, so werent si nit geboren noch gestorben, wann die gotheit, als mich beduncket, het keinen anfang, so mag si ouch kein

ende haben. öch so het der mensche sinen vrsprung von dem ertrich, vnd daz ertrich ist ein materie. Ist nû der mensche von ertrich vnd sol ein mensch got sin, so müß etwaz vor im gewesen sin, do von er kummen ist. Vnd also wer billicher, daz wir daz ertrich got heissent. Aber nûn ist daz ertrich ouch nit von im selbes, also öch der himel, der luft, daz wasser vnd daz fûr, vs wellichen.iiij.elementen der mensche gemaht ist, öch nit von in selber sint, me si sint creaturen oder schöpfunge. Dar vmb ist not, das die ding alle öch einen schöpfer haben.“ In wellichen dissen vernünftigen betrachtungen gros erschinet die wißheit in einer so jungen jungfrowen. (60^V)

‘LA’: *Erat autem beata Barbara ingeniosa et a tenera aetate vanas cogitationes relinquens coepit divina cogitare. Cum enim semel templum intraret, videns simulacra parentibus suis ait: quid sibi volunt hae similitudines hominum? Respondent parentes: taceas, non hominum, sed deorum sunt et volunt adorari per illud, quod nescitur et quod non videtur. Barbara dixit: fuerunt quondam homines, quos nunc colimus? Respondent: ita. Ex hoc beata Barbara die noctuque replicabat tacita dicens: si homines fuerunt dii nostri, ergo nati sunt ut homines, mortui sunt ut homines; si dii essent, nec nati fuissent nec mortui, quia deitas, ut mihi videtur, nec coepit nec desinit esse. Homo etiam habet originem terrae, quia terra est materia ejus, si ergo homo de terra est et homo deus ist, ergo aliquid praecessit eum, quod ejus origo dicitur; sic aptius dicerem terram deum. Sed quia nec terra a se est nec coelum a se nec aer a se nec aqua a se, ex quibus quatuor elementis constat homo, sed creaturae sunt, necesse est his esse creatorem. Ecce quanta sapientia in tam juvenili puella* (Zitiert nach: Graesse 1850: 898).

Die Frage, ob der Stoff der Moskauer Fassung auch unmittelbar auf den lateinischen Text zurückgeht, wird schon durch diesen Abschnitt gelöst, denn es handelt sich hier, wie an vielen anderen Textstellen, um eine genaue Übersetzung. Es sei aber geklärt, wie es funktioniert.

Der lateinische Satz *Erat autem beata Barbara ingeniosa et a tenera aetate vanas cogitationes relinquens coepit divina cogitare* wird in der Moskauer Fassung zweierlei benutzt: einerseits wird er zur indirekten konzeptuellen Stütze des oben erörterten Dialogs in der volkssprachlichen Episode von der Werbung, wo Barbara als weise Jungfrau erscheint, andererseits dient er, wie in der lateinischen Vorlage, als einleitender Satz zum Thema der Überlegungen Barbaras zum Wesen heidnischer Götter. Im deutschen Text wird diese Episode als Bekehrung der hl. Barbara bezeichnet,

was im Unterschied zum ganzen 'dialektischen' Textabschnitt keine Entsprechung in der lateinischen 'Legenda aurea' hat:

Mo: *Wie die heilige jungfrowe Barbara bekert sie, wurt gelesen, daz sie zû einer zit ging in den tempel der apgôtte.*

'LA': *Cum enim semel templum intraret...*

Der in den deutschen Text eingeführte Begriff 'Bekehrung', dessen Bedeutsamkeit auch in der Überschrift hervorgehoben wird, entspricht genau dem Schema der Katharinenlegende mit ihrer 'Conversio'.

Im deutschen Text erscheinen auch einige Abweichungen, die zur Bildlichkeit und Innigkeit der Erzählung beitragen:

'LA': *Ex hoc beata Barbara die noctuque replicabat tacita dicens...*

Mo: *aber sù gedoht tag vnd naht in irme hertzen, vnd mit grosser klügheit vnd wißheit disputierte si in ir selbes vnd sprach in irme gemúte...*

Die Triebkraft des lateinischen Textes war offenbar die gelehrte Rhetorik. Wo auch der deutsche Text sie braucht, da wird sie akribisch beibehalten. Wo aber die Rhetorik eher zum Sprachstil der mittelalterlichen lateinischen Prosa an sich gehört, kann sie im deutschen Text in den Hintergrund gerückt werden. So wird z. B. der rhetorische Ausruf: *Ecce quanta sapientia in tam juvenili puella* 'Siehe, so eine Weisheit bei einem so jungen Mädchen!' im deutschen Text zum erbaulichen Schlusssatz der Episode umgestaltet: *In wellichen dissen vernúnftigen betrachtungen gros erschet die wißheit in einer so jungen jungfrowen.*

Die Wechselbeziehungen der lateinischen Vorlage und der deutschen Prosalegenden sind von Konrad Kunze in Bezug auf die Kurzfassungen ganz treffend beschrieben: „Man ist oft versucht, den Autoren volkssprachlicher Kurzfassungen von Legenden..., eine gewisse Eigenständigkeit bei der Übernahme oder Abbreviation einer lateinischen Quelle zuzugestehen. Doch sind gerade die folgenden Fälle eine Bestätigung der Regel, dass bei volkssprachlicher Hagiographie dieses Typs in dieser Zeit bis zum Erweis des Gegenteils eine exakt deckungsgleiche lateinische Vorlage zu postulieren ist“ (Kunze 1980: XXXIX). Die Schlussfolgerung ist aber auch 'in Gegenrichtung' aktuell, d. h. in Bezug auf die Langfassung der Barbaralegende. Der lateinische Text existiert in der Tradition als Vorbild, das in verschiedenen volkssprachigen Fassung gekürzt oder ausgedehnt wiederspiegelt werden kann, aber er wird

dadurch als solcher nicht widerlegt, und es gibt in diesem Sinne keine Eigenständigkeit.

Es ist für die Moskauer Barbaralegende von Bedeutung, dass dem Kompilator auch die Fassung von 'Der Heiligen Leben' bekannt war. Sie wird als *etliche ir legende* bezeichnet und als Zusatzquelle da benutzt, wo von der Taufe der hl. Barbara erzählt wird. Laut der Version von 'Der Heiligen Leben' wurde die hl. Barbara durch Johannes den Täufer getauft. In der Moskauer Barbaralegende wird die entsprechende 'HL'-Textstelle folgenderweise herangezogen: *Vnd noch etlicher irer legende beschreibung so ging si in daz selbe wasser vnd rüfte vnsren herren: „Jhesu Criste, min got, min schöppfer, hilff mir, daz ich in disem wasser getöffft wird durch alle dine güte“. Do erhorte sie vnsere herre vnd sante ir sant Johannes Baptista von himel herab, der touffte sú vnd ließ ir den namen Barbara, als sú vor hies.* (64^V)

Vgl. die Entsprechung in 'Der Heiligen Leben':

'HL': *Vnd ging da in das wasser. Vnd ruft vndern herrn mit grossem ernst an vnd sprach: 'Herr Ihesu Criste, mein got vnd mein schepffer, hilff mir, das ich in diesem wasser getauft werde durch all dein gut!' Do erhört sy vnder herr vnd sant irr sand Johans den taufer von himel her ab. Der tauft sy vnd hieß sy Barbara, als sie vor hieß* (Zitiert nach: Brand, Jung, Williams-Krapp 2004: 275).

Auch der weitere dazu gehörende Abschnitt wird von 'Der Heiligen Leben' entlehnt, vgl.:

Mo: *Do danckete sie got siner gnoden, die er ir geton het, vnd ging do vs dem wasser zû des tempels steinen wende vnd trucket mit irme finger.iiij.krütz dorin. Do weich der herte stein also ein wahß, vnd gestunden die krütz in der steinen wende. Vnd ir ersten füßstapffen blibent ouch stonde in dem ertrich des ersten fûstrites, so sú dar in det, also daz man sú noch in dem wasser siht, vnd glichsent her vs also daz silber.* (64^V)

'HL': *Do ward sy gar fro vnd danckt got mit grossem ernst seiner genoden, dy er ir gethun het. Vnd ging do auß dem wasser zu des tempels stain went vnd truckt mit irem vinger vier crewcz darein. Do waich der hert stain als ein waichs wachs, vnd bestunden dy crewcz in der went. Vnd bestunden auch ir fuß tritt in dem wasser, das man sy noch dar jnnen sicht, vnd geleissen her auß als das silber* (Zitiert nach: Brand, Jung, Williams-Krapp 2004: 275).

Auch im Anhang der Moskauer Barbaralegende 'Ein geistliches ingrün schöpplin' wird gesagt: *Der ander glantz dis sternes ist, daz sú ist getöffet worden also etliche ir legende sagent, von dem töiffer*

Christi Johannes Baptista, der ir von himmel gesant wart, do ir der menschen gebrast. (71^r). Diese Deutung des ‘zweiten Glanzes’ des Sterns, d. h. einer sternförmigen Spange im geistlichen Kranz der hl. Barbara, geht auch auf das Motiv aus ‘Der Heiligen Leben’ zurück, wird aber hier im mystisch-erbaulichen Sinne gebraucht: *der ir von himmel gesant wart, do ir der menschen gebrast.*

Ein umfangreiches Gebet an die hl. Barbara mit dem Initium *Gegrüsset sygestu, heilige Barbara, lieb vnd wolgeuellichen Jhesu Cristo, dinem brútgòm, wenn du bist schön* (68^r) kommt auch als Unikat vor.

Die Moskauer Barbaralegende erscheint als ein generalisierender Text, der alle Hauptfassungen der Vita verallgemeinert: die lateinische ‘Legenda aurea’, die Elsässische ‘Legenda aurea’ und ‘Der Heiligen Leben’. Sie spiegelt die Etappe der Tradition wider, auf der ‘Der Heiligen Leben’ schon in den Verbreitungsraum der Elsässischen ‘Legenda aurea’ hereinrückt (Kunze 1983: XXVI). In völliger Übereinstimmung mit der von Kunze beschriebenen Situation wird ‘Der Heiligen Leben’ auch hier sporadisch und als Zusatzquelle herangezogen. Dadurch wird auch die These bestätigt, dass es fast ausschließlich innerhalb der reformierten Dominkanerinnenkonvente geschieht.

Literatur

- Assion 1983 – Assion P. Katharina von Alexandrien // Verfasserlexikon. Hg. von K. Ruh u. a. Bd. 4. Berlin 1983. Sp. 1055–1073.
- Brand, Jung, Williams-Krapp 2004 – Der Heiligen Leben, Bd. II: Der Winterteil. Hg. von M. Brand, B. Jung und W. Williams-Krapp. Tübingen 2004 (Texte und Textgeschichte 51).
- Fedotova 2003 – Fedotova M. A. Житие святой Варвары в Древней Руси [Vita der hl. Barbara im Altrussland] // Труды Отдела древнерусской литературы / Российская Академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). [Abhandlungen der Abteilung der altrussischen Literatur. / Russische Akademie der Wissenschaften. Institut für russische Literatur (Pushkinskij dom)]. Bd. 53. Sankt Petersburg 2003. S. 76–89.
- Ganina, in Vorbereitung – Ganina N. ‘Die Bräute Christi’. Legenden und Traktate aus dem Straburger Magdalenenkloster. Edition und Untersuchungen (Kulturtopographie des alemannischen Raumes, hg. von Jeffrey Hamburger, Nigel F. Palmer, Hans-Jochen Schiewer). Berlin/New York: De Gruyter (in Vorbereitung).
- Ganina 2014 – Ganina N. Dis bûch gehort in daz closter zûn ruwerin in Stroßburg: Die Straßburger Sammelhandschrift (Moskau, RSB, f. 68, № 446) // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XVIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 23–26 июня 2014 г. [Indo-

- europäische Sprachwissenschaft und klassische Philologie – XVIII. Arbeitsmaterialien gewidmet dem Gedenken an Professor Iossif M. Tronskij. 23.-26. Juni 2014], hg. von Nikolay Kazansky. Sankt Petersburg, 2014. S. 175–185.
- Ganina 2015 – Ganina N. Straßburg in Moskau: Zum Schicksal der Sammelhandschrift aus dem Reuerinnenkloster St. Magdalena (Russische Staatsbibliothek, F. 68, № 446) // Deutsch-russische Forschungen zur Buchgeschichte. Bd 3. Hg. von Natalija Ganina, Klaus Klein, Catherine Squires und Jürgen Wolf. (Akademie der gemeinnützigen Wissenschaften zu Erfurt. Sonderschriften Bd 46, hg. von R. Bentzinger). Erfurt und Stuttgart, 2015 (im Druck).
- Kunze 1983 – Die Elsässische ‘Legenda aurea’, Bd. II: Das Sondergut. Hg. von K. Kunze. Tübingen, 1983.
- Palmer 2007 – Palmer N. F. Literaturbetrieb im Straßburger Reuerinnenkloster im Zeitalter Geilers von Kaysersberg (1470-1500). Ringvorlesung ‘Freiburger Büchergeschichten’ 17.07.2007, Albert-Ludwigs-Universität Freiburg // <http://www.yovisto.com/video/15087>.
- Palmer 2009 – Palmer N. F. Die Münchener Perikopenhandschrift Cgm 157 und die Handschriftenproduktion des Straßburger Reuerinnenklosters im späten 15. Jahrhundert // Kulturtopographie des deutschsprachigen Südwestens im späten Mittelalter. Studien und Texte. Hg. von B. Fleith und R. Wetzl. Berlin/New York, 2009. S. 263–300.
- Reuter 1978 – Reuter E. Barbara // Verfasserlexikon. Hg. von K. Ruh u.a. Bd. 1. Berlin, 1978. Sp. 601-603.
- Tvorogov O. V. Житие Варвары [Barbaralegende] // Словарь книжников и книжности Древней Руси [Lexikon der Buchgelehrten und der Buchkultur des Altrusslands]. Lfg. 1 (11. – 1. Hälfte des 14. Jahrhunderts), Leningrad 1987. S. 259-260.
- Williams-Krapp 1986 – Williams-Krapp W. Die deutschen und niederländischen Legendare des Mittelalters. Studien zu ihrer Überlieferungs-, Text- und Wirkungsgeschichte. Tübingen 1986 (Texte und Textgeschichte 20).
- Williams/Williams-Krapp 1980 – Die Elsässische ‘Legenda aurea’. Bd. I: Das Normalcorpus. Hg. von U. Williams und W. Williams-Krapp. Tübingen 1980. S. 814–817 (Nr. 188 [CCII]).

**Natalija Ganina. Die Moskauer Barbaralegende aus dem
Straßburger Reuerinnenkloster (RSB, F. 68, № 446)**

The article studies an unique version of the legend of St. Barbara which survived in the parchment part of the 15th-century collected manuscript from the convent of St. Mary Magdalene in Strasbourg (Moscow, the Russian State Library, F. 68, № 446, olim F. 183, № 1310, before 1929 in the Library of the General Staff, Saint Petersburg).

Key words: medieval German manuscripts, Straßburg, 15th century, convent of St. Mary Magdalene, life of St. Barbara.

DER ARMENISCHE TEXT DES ARISTOTELES IN DER AUSLEGUNG DER ANALYTIKEN DAVIDS

Армянские переводы Аристотеля и неоплатоника Давида (Непобедимого) были выполнены переводчиками т. н. грекофильской школы в VI–VII вв. н. э. Будучи значительно старше сохранившихся рукописей Аристотеля и максимально точно следуя греческому оригиналу, они представляют собой важное текстологическое свидетельство для текста Аристотеля. В статье рассматриваются цитаты из сочинений Аристотеля (Аналитики, Об истолковании и др.) в армянском переводе «Толкования Аналитики» Давида и на конкретных примерах анализируется техника перевода.

Ключевые слова: техника перевода, Давид Анахт, грекофильская школа, Аристотель, древнеармянский, древнегреческий, Аналитики.

Aristoteles, David und die hellenophile Schule

Die Tätigkeit der hellenophilen Übersetzungsschule¹ in der armenischen Literatur wird traditionell in drei Perioden unterteilt. Während der zweiten Periode (480–510/20) wurden Werke von Aristoteles (Kategorien, De interpretatione), die Isagoge des Porphyrios sowie weitere anonyme Kommentare zum Organon übersetzt. Die dritte Periode (510–8) ist mit der Verbreitung des Neuplatonismus in Armenien verbunden; in dieser Zeit wurden die Werke Platons und einige Traktate des Pseudo-Aristoteles ins Armenische übersetzt. Zu dieser Periode gehören laut Arevshatyan auch die aus dem Griechischen übersetzten armenischen Werke Davids².

Im Prozess des Übersetzens wurde nicht existierender philosophischer Wortschatz auf Armenisch neu erfunden und unter großem Einfluss des Altgriechischen neu gebildet und ausgearbeitet. Viele philosophische Termini wurden zum ersten Mal ins Armenische übersetzt. Die Genauigkeit der Übersetzung war von der Autorität des Werkes und seiner Funktion in der Philosophie abhängig. So wurden die Werke der großen Philosophen (Platon,

---

¹ Zur hellenophilen Schule s. Manandean 1928, Muradyan 1971, Mercier 1978–1979, Terian 1982, Calzolari 1989, Calzolari 2009b: 20–26, Muradyan 2014. Zu den Übersetzungen aus dem Griechischen ins Armenische s. auch Mahé 1998, Calzolari 2012.

² Muradyan 2015: 3, mit weiteren Literaturangaben.

Aristoteles) sehr genau und in einer Weise wörtlich übersetzt, dass man sie teilweise ohne Kenntnisse des griechischen Originals nicht mehr verstehen kann³. Die Forscher sprechen häufig von der „sklavischen Nachahmung“ des griechischen Originals, die man darin sehen kann, dass der armenische Text dem Griechischen so genau folgt, wie es die armenische Grammatik nur zulässt. Dadurch entstehen im armenischen Text zwar verständliche, jedoch für das Altarmenische vor den Arbeiten der hellenophilen Schule unübliche grammatische Formen und Konstruktionen (Calzolari 2009c: 59–60).

Die armenischen neuplatonischen Kommentare zu Aristoteles weichen dagegen von den griechischen Originalen ab. Die Unterschiede in der Genauigkeit der Übersetzungen hängen von der Stellung des Werkes in der neuplatonischen Lektüre ab: die Werke, die einführenden Charakter haben (Prolegomena philosophiae, Isagoge des Porphyrios), wurden für den armenischen Leser adaptiert und in einigen Aspekten vereinfacht (z.B. griechische Realien und Namen). Die Kommentare zu den Texten des Aristoteles dagegen (Kategorien, Analytik), die den Einführungen folgten, wurden für die schon fortgeschrittenen Studenten wesentlich genauer wiedergegeben (siehe dazu Calzolari 2007, 2009c).

Es gab keine armenische Übersetzung der Analytiken (im Unterschied zu De interpretatione, den Kategorien, und der Isagoge des Porphyrios). Die Aristoteles-Zitate sind daher das einzige Zeugnis für die Analytik des Aristoteles auf Armenisch.

Allgemeine Beobachtungen zu der Übersetzung der ‚Auslegung der Analytik‘

1. Gebrauch der Synonyme: Das Wort συλλογισμός wird mit հաւարումն, հաւարաբանումն, հաւարաբանութիւն, բաղհաւարումն übersetzt, die synonym verwendet werden, wobei in der Einführung der Auslegung das Wort հաւարումն, im darauffolgenden Text հաւարաբանութիւն und բաղհաւարումն häufiger vorkommen⁴, während in anderen armenischen Übersetz-

³ Adontz 1915: CLXXXVI–CLXXXVII.

⁴ An einigen Stellen kann ein von zwei Wörtern eine armenische Erklärung eines griechischen Lehnwortes, eine Ergänzung des Übersetzers sein (z.B. 56,4–5: ն կիտակս, այս ինքն է կանոնս wo ein Wort mit der Bedeutung „Regel“ mit einem anderen Wort gleicher Bedeutung erklärt wird, vgl. Topchyan 2010, 57 Anm. 70; 66,7–8: սահմանէ զնախադասութիւն, այս ինքն՝ գառաջարկութիւն (wörtlich: „er

ungen Davids dafür das Lehnwort շարքաւորիւն benutzt wird (Topchyan 2010: 6). Das Wort ἔμψυχος wird sowohl mit շխաւոր (58,9; 96,20) als auch ներաւձնաւոր (58,3; 96,21; 102,7 und passim) wiedergegeben.

2. Die Substantivierung der Wörter und der Wortgruppen im Armenischen folgt dem griechischen Vorbild⁵.

3. Eine gewisse Vereinfachung des Textes: Verschiedene griechische Wörter werden mit einem armenischen übersetzt (z.B. alle Wörter in der Bedeutung „sagen“, „fragen“, „antworten“ mit dem Wort ասեմ, „reden“).

4. Gebrauch der Wortformen: die Verbalformen im Armenischen folgen dem griechischen Original: wenn im Originaltext ein substantivierter Infinitiv verwendet wird, wird ein Infinitiv auch in der Übersetzung verwendet, ein Partizip wird mit einem Partizip wiedergegeben⁶.

5. Die Namen der Philosophen bzw. Philosophenschulen in der Übersetzung: die Platoniker werden genauso wie in griechischen Analytik-Kommentaren Platoniker genannt. Die Ephektiker werden als „ephektische Philosophen“ bezeichnet⁷. Die Nachfolger des Aristoteles werden dagegen sowohl Aristoteliker (արիստոտէլաւանք)⁸ als auch als Peripatetiker (ճեմաւանք – 88,11) genannt.

6. Hendiadyoin kommt im Armenischen dort vor, wo im Griechischen ein einzelnes Wort steht: հարկաւոր և կարևոր für ἀναγκαῖος (100,1, vgl. Topchyan 2010: 101 Anm. 204), նախ և առաջին für πρῶτον⁹, միւ և այլը für ἐκ τούτου (104,8, vgl. Topchyan 2010: 105 Anm. 18).

definiert Prämisse, d.h. Prämisse“), beide Wörter bedeuten „Prämisse“, das zweite ist eine Erklärung des ersten).

⁵ Ջէն für τὸ ἔστιν, զներ ի բոլորումս für τὸ ἐν ὅλῳ, passim; vgl. Topchyan 2010: 179–181; vgl. für die Auslegung der Isagoge Muradyan 2015: 40–42.

⁶ 84,6–16: in dieser Passage werden substantivierte Infinitive (գոյն/նշ գոյն) bzw. finite Formen (զէն) verwendet, was dem Gebrauch von Philop. auf Griechisch entspricht (in APr. 26,12–32: τὸ ἔστιν bzw. τὸ εἶναι/τὸ μὴ εἶναι).

⁷ Genauso bei Ammon., in Cat. 2.9. Bei Philop. dagegen heißen sie einfach ἐφεκτικοί (in APr. 30,29).

⁸ Dazu auch eine Parallele bei Elias in APr. 134,8–13; Philop. In APr. 6,19–24.

⁹ 46,2; 46,12. Dabei wird πρῶτον im Analytik-Zitat mit einfachem նախ übersetzt (24a10–11: Πρῶτον εἰπεῖν περὶ τί καὶ τίνος ἔστιν ἢ σκέψις, ὅτι περὶ ἀπόδειξιν καὶ ἐπιστήμης ἀποδεικτικῆς. Vgl. Arm. 30,6–8: Նախ ասել

7. Eine gewisse Vereinfachung kann man auch in der allgemeinen Form der armenischen Übersetzung vermuten: während im griechischen Text der Prolegomena philosophiae und der Einführung in die Isagoge¹⁰ jedes Kapitel mit einer Formel beendet wird, die jeweils „genug darüber“ bedeutet, jedes Mal jedoch unterschiedlich ausgedrückt wird¹¹, enden im Armenischen alle Kapitel mit derselben Formel (Ընդ այսուիկ հանդերձ սստուծով և սքազիկայ պրակթ), mit der auch jedes Kapitel der Auslegung der Analytik endet¹².

8. An den Stellen, an denen die Form des griechischen Wortes nicht genau wiedergegeben werden kann, benutzt der Übersetzer passende armenische Wörter, wobei der Text ohne Vergleich mit entsprechenden Passagen in anderen Kommentaren zur Analytik nicht verstanden werden kann¹³.

9. Der Übersetzer scheint an einigen Stellen den griechischen Text (einzelne Wörter oder Ausdrücke) nicht richtig zu verstehen (Beispiele bei Topchyan 2010: 7–8).

Aristoteles in der Auslegung der Analytik

Der Aristoteles-Text kommt in der Auslegung der Analytik auf folgenden Niveaus vor:

արժան է՝ յաղագս զհ՛նչ և որոյ խոհմունս. և եթէ սակս ալագուցի և մակագութեան ալագուցականի).

¹⁰ Davidis Prolegomena et in Porphyrii Isagogen commentarium / ed. A. Busse, Commentaria in Aristotelem Graeca 18.2, Berlin, 1904.

¹¹ Z.B. Proll. 4,34–35 und 14,30: καὶ τὰτα μὲν ἐν τούτοις; Proll. 5,17: τὰτα μὲν ἐν τούτοις; Proll. 7,10: τὰτα μὲν οὗτοι; Proll. 8,19–20 und 11,14: ἐν οἷς καὶ ἡ παροῦσα πράξις; Proll. 15,9: ἐν οἷς σὺν θεῶ ἡ πράξις; Porph. 83,6: ἐν οἷς σὺν θεῶ καὶ ἡ πράξις; Porph. 86,30: ἐν οἷς καὶ ἡ δευτέρα πράξις; Porph. 91,20: ἐν οἷς ἡ πράξις; Porph. 99,28: τὰτα ἔχει καὶ ἡ παροῦσα πράξις usw.

¹² Diese Formel fehlt in frühen Handschriften der Auslegung, kommt in einigen in der verkürzten Form vor, nur in späten Handschriften wird sie in dieser Form verwendet (Topchyan 2010: 19). In den Handschriften der Auslegung der Isagoge des Porphyrios werden solche Formeln mit roter Tinte geschrieben, da sie als Titel der darauffolgenden Kapitel verstanden wurden (Muradyan 2015: 3–4).

¹³ 90,21–22: David erklärt die Bedeutung des Wortes συλλογισμός (բաղիալարուժս), indem er andere Wörter mit dem Präfix συν- (arm. բաղ-) auflistet. Da es aber auf Armenisch keine Äquivalente zu diesen Wörtern gibt, verwendet er մարտակից für σύμμαχος (96,16) und որդեկից für σύντεκνος (96,17). Vgl. Alex. Aphr. In APr. 17,15–18; Ammon. in APr. 26,2–8.

1. Hinweise auf bestimmte Gedanken/Ideen des Aristoteles bzw. auf einzelne Stellen in der Analytik und anderen Schriften.
2. Resümee/Nacherzählen einzelner Passagen.
3. Direkte Zitate: Lemmata, die von David erklärt werden (passim).

Titel der Werke des Aristoteles bei David

Die *Analytik* wird sowohl im Singular (30,4) als auch im Plural¹⁴ genannt. Die Erste Analytik kommt nur in der Pluralform vor (30,5; 32,5; 42,22; 44,1). Die zweite Analytik wird einmal im Singular (42,4–5) und einmal im Plural (42,23 als „die Letztere bzw. Zweite Analytik“) erwähnt.

De interpretatione wird überall gleich genannt, und zwar Յաղազս մեկնութեան, was dem griechischen *Περὶ ἑρμηνείας* genau entspricht.

Die *Kategorien* werden mit dem Wort *Սυνηρησութիւն* übersetzt, das sowohl im Singular (84,24) als auch im Plural (40,17; 42,12; 60,26; 62,1; 86,1; 112,4; 114,10) vorkommt.

Die *Topik* wird genauso wie im Griechischen bei Philoponos genannt (42,5: *Տեղիք*¹⁵ = *Τόποι*).

Drei weitere Titel werden jeweils mit der Präposition յաղազս mit Genitiv konstruiert, was dem Griechischen *περὶ* mit Genitiv entspricht:¹⁶

Rhetorik – Յաղազս ճարտասանականութեանց (42,6),
wörtlich *Περὶ τῶν ῥητορικῶν*;

Sophistische Widerlegungen – Յաղազս
իմաստականութեանց յանդիմանութեանց (42,7–8), wörtlich
Περὶ τῶν Σοφιστικῶν ἐλέγχων;¹⁷

Poetik – Յաղազս քերթողականութեանց (42,8–9), wörtlich
Περὶ τῶν ποιητικῶν.

¹⁴ 42,14; 42,18; 44,25; 46,1; 46,16; 52,21; 86,1; 86,3.

¹⁵ Philop. in APr. 4,15: *ἐν δὲ τοῖς Τόποις*; Alexander v. Aphr. hat dagegen *ἐν τοῖς Τοπικοῖς* (14,6; 14,20), indem er Aristoteles folgt (24b12: *καθάπερ ἐν τοῖς Τοπικοῖς εἴρηται*). Vgl. auch Elias in APr. 138,14: *□ν τῆ Τοπικῆ αὐτοῦ πραγματεία*.

¹⁶ Vgl. die Parallelen bei Alex. Aphr. in APr. 14,18–22; Philop. in APr. 4,14–16.

¹⁷ In griechischen Quellen werden sie aber *οἱ Σοφιστικοὶ ἐλέγχοι* genannt.

1. Analytik

Πρῶτον εἰπεῖν περὶ τί καὶ τίνος ἐστὶν ἡ σκέψις, ὅτι περὶ ἀπόδειξιν καὶ ἐπιστήμης ἀποδεικτικῆς:

Նախ ստել արժան է յաղագր զի նչ և որն յ խոհմունս. և եթէ սալս սպացոյցի և մակագործեան սպագոյցանի (Topchyan 30,6–8; 58,16–17).

Das Zitat kommt zweimal vor und ist identisch.¹⁸ Արժան (= χρή, πρέπει) ist ergänzt, um den Satz verständlicher zu machen, περί wird sowohl mit յաղագր als auch mit սալս wiedergegeben, was auch im darauffolgenden Text vorkommt. Im 5. Kapitel aber, wo dieser Satz Wort für Wort kommentiert wird, gibt es kleine Änderungen in einzelnen Teilen des Satzes: περί ἀπόδειξιν wird mit յաղագր զապացոյցն wiedergegeben, statt Genitiv steht das Wort սպացոյցն im Akkusativ, was genau der griechischen Konstruktion entspricht. Statt սպագոյցանի wird սպացոյցալանի gesagt.

24a11–12: εἶτα διορίσαι τί ἐστὶ πρότασις καὶ τί ὄρος καὶ τί συλλογισμός,

64,14: զի նչ առաջարկութիւն և սահման, և զի նչ հաւարարանութիւն.

Der griechische Text wird hier wörtlich wiedergegeben.

24a12–13: καὶ ποῖος τέλειος καὶ ποῖος ἀτελής

44,21: և ը ը է աւարտումն և ոչ աւարտումն

64,16: ը ը աւարտումն և ը ը անաւարտն

An der ersten Stelle wird Verneinung in ἀτελής mit einer Partikel ausgedrückt, an der zweiten Stelle dagegen mit dem verneinenden Präfix ան-. Im ersten Zitat wird auch das Verb hinzugefügt. Das erste Zitat ist indirekt, es findet sich in der Einführung, es geht hier um die Struktur der Analytiken und um die Ursachen für den Titel. Das zweite dagegen ist ein Zitat im Textkommentar, das dem griechischen Text genau entspricht.

24a13–14: μετὰ δὲ ταῦτα τί τὸ ἐν ὄλῳ εἶναι ἢ μὴ εἶναι τόδε τῷδε

64,18: Եւ զի նչ «ներ ի բոլորումն» և «ըստ ամենայնումն» և «ոչ ըստ ումերումն»

¹⁸ An der zweiten Stelle steht թէ statt եթէ.

μετὰ δὲ ταῦτα wird ausgelassen, ansonsten wird das Griechische ganz wörtlich übersetzt, wobei die Redewendungen mithilfe der Artikel substantiviert werden, genauso wie im Griechischen.

24a16–17: Πρότασις μὲν οὖν ἐστὶ λόγος καταφατικός ἢ ἀποφατικός τινος κατὰ τινος·

66,6: Է նախադասութիւն բան յայտնող ինչ ըստ ուսերում

66,8–9: Նախադասութիւն է բան յայտնող ինչ ըստ ուսերում

Zwei Zitate die sich voneinander nur durch die Reihenfolge der Wörter unterscheiden, entsprechen dem griechischen Text nicht genau: erstens fehlt καταφατικός ἢ ἀποφατικός, zweitens wird der Verbaladjektiv յայտնող hinzugefügt, was dem griechischen Partizip δηλῶν genau entspricht,¹⁹ im Aristoteles-Text aber nicht steht (Topchyan 2010: 67 Anm. 95).

70,3–4: զԱռաջարկութիւն բան գոյ յայտնողական ինչ ըստ ուսերում

In diesem Fall wird ein anderes Wort für die Prämisse benutzt, das sonst nicht in den Zitaten aus Aristoteles sondern in den Erklärungen Davids verwendet wird.²⁰ Außerdem wird hier der ganze Satz vom Verb աւել abhängig, daher wird der Satz zu einem AcI. Schließlich wird eine neue Form des Verbaladjektivs յայտնողական verwendet.

78,5: Նախադասութիւն է բան ուրումն ըստ ուսերում...

78,6–7: բան ստորասական կամ բացասական

78,9: ուսեր ուրումն ըստ ուսերում

Hier wird die Definition der Prämisse ohne Ergänzungen zitiert, das überall ausgelassene καταφατικός ἢ ἀποφατικός wird hinzugefügt.

24a17: οὗτος δὲ ἢ καθόλου ἢ ἐν μέρει ἢ ἀδιόριστος.

70,6–7: Բայց սա կամ ընդհանուր է և կամ մասնական և կամ արանսահմանելի

¹⁹ Vgl. De int. 17a15–16: ἔστι δὲ εἷς λόγος ἀποφαντικός ἢ ὁ ἐν δηλῶν ἢ ὁ συνδέσμων εἷς.

²⁰ Vgl. auch das gekürzte Zitat 70,1–2, in dem auch առ աջ ար կ ու թ ի ու ն verwendet wird.

Hier ist die Übersetzung ganz wörtlich, nur wird statt ἐν μέρει das Adjektiv մասնակաւ (= μερικός) verwendet.

24a18–20: λέγω δὲ καθόλου μὲν τὸ παντὶ ἢ μηδενὶ ὑπάρχειν, ἐν μέρει δὲ τὸ τινὶ ἢ μὴ τινὶ ἢ μὴ παντὶ ὑπάρχειν,

78,13: Բայց սսեւ ընդհանուր՝ սսեւայնում կսւմ ոչ ումերում

78,15: Իսկ ներմասնում՝ ումերում կսւմ ոչ ումերում և ոչ սսեւայնում

Das Griechische wird hier ganz wörtlich wiedergegeben, wobei ἐν μέρει mit ներմասնում übersetzt wird.

24a24–25: ἡ δὲ διαλεκτικὴ ἐρώτησις ἀντιφάσεώς ἐστιν.

72,16–17: Տրամաբանական հակասութիւն հարցանէ

Hier wird nicht genau übersetzt, wörtlich steht im Armenischen: „die dialektische fragt nach dem Gegensatz“.

24a25–26: οὐδὲν δὲ διοίσει πρὸς τὸ γενέσθαι τὸν ἑκατέρου συλλογισμόν·

80,1–2: Բայց ոչ ինչ տարբերեցէ՛ առ ի լինել զերկարանչիրոցն հաւարարանութեան

Die Stelle ist ganz wörtlich wiedergegeben, nur der Kasus in der Infinitivkonstruktion entspricht den Regeln des Armenischen.

24b11–13: διαλεκτικὴ δὲ πυνθανομένῳ μὲν ἐρώτησις ἀντιφάσεως, συλλογιζομένῳ δὲ λήψις τοῦ φαινομένου καὶ ἐνδόξου

72,18–20: Տրամաբանական նախադասութիւն է ուսողում՝ հարցում հակասութեան, իսկ հաւարարանողում՝ տրամաութիւն երկեցելոյ և ներկարծաւորին.

Im Armenischen wird das Wort նախադասութիւն (πρότασις) hinzugefügt, außerdem wird das Wort λήψις mit dem տրամաութիւն wiedergegeben, was dem griechischen διατομή entspricht (Topchyan 2010: 73 Anm. 109).

24b16: Ὅρον δὲ καλῶ εἰς ὃν διαλύεται ἡ πρότασις

60,15–15: Սահման կոչեւ՝ յոր լուծանի առաջարկութիւն

60,20: սահման է՝ յոր առաջարկութիւն վերլուծանի

80,12: Բայց սահման կոչեւ, յոր վերլուծանի նախադասութիւն

Das letzte Zitat, das das Lemma dieses Kapitels ist, ist das genaueste: Nur hier wird das Partikel δέ wiedergegeben. Das Wort πρότασις wird mit նախադասութիւն übersetzt, wie in der Übersetzung des Aristoteles. Das Verb hat das Präfix վեր-, das dem griechischen ἀνα- entspricht.

24b16–17: Ὅρον δὲ καλῶ εἰς ὃν διαλύεται ἡ πρότασις, οἷον τὸ τε κατηγορούμενον καὶ τὸ καθ' οὗ κατηγορεῖται
80,13–14: Մահման կոչել, յոր վերլուծանի նախադասութիւն. ի ստորագիւլն և յենթակայն.

Das Partikel δέ wird nicht wiedergegeben; auch οἷον wurde ausgelassen.

24b17–18: προστιθεμένου [ἢ διαιρουμένου]
82,2: «առադրեցելոյ» ումեր «կամ տրամատեցելոյ»

Im griechischen Text der Analytik, den David kommentiert hat, stand ἢ διαιρουμένου, das von den Editoren heute aus dem Text des Aristoteles herausgenommen wird. ἢ διαιρουμένου war für die Argumentation Davids wichtig, denn er behandelt im zweiten Abschnitt des 8. Kapitels zwei Antithesen, die jeweils aus zwei Gliedern bestehen: πρόσθεσις – ἀφαίρεσις und διαίρεσις – σύνθεσις (Topchyan 2010: 83 Anm. 140–143).

24b18–19: συλλογισμὸς δὲ ἐστὶ λόγος ἐν ᾧ τεθέντων τινῶν ἕτερον τι τῶν κειμένων ἐξ ἀνάγκης συμβαίνει τῷ ταῦτα εἶναι.

Der Satz kommt in der Auslegung zweimal vor, zuerst am Anfang des Kapitels:

84,19–20: Հաւարարանութիւն է բան,յորում դրիցելոց ոմանց՝այլ ինչ առկացելեօքն ի հարկէ հանդիպի զնոյնս այսպէս ունելով,

dann noch einmal, nachdem er einzelne Fragen, die mit dem Syllogismus verbunden sind, behandelt hat:

90,21–22: Հաւարարանութս է բան,յորում դրիցելոց ոմանց՝այլ ինչ առկացելեօքն ի հարկէ հանդիպի զնոյնս գոլ

Zwei Übersetzungen unterscheiden sich leicht voneinander (Topchyan 2010: 91 Anm. 175): Das Wort συλλογισμὸς wird mit zwei verschiedenen Wörtern übersetzt, auch τῷ ταῦτα εἶναι wird mal mit զնոյնս այսպէս ունելով und mal mit զնոյնս գոլ wiedergegeben.

24b22–24: τέλειον μὲν οὖν καλῶ συλλογισμὸν τὸν μηδενὸς ἄλλου προσδεόμενον παρὰ τὰ εἰλημμένα πρὸς τὸ φανῆναι τὸ ἀναγκαῖον

106,2–3: Բայց աւարտուն կոչեմ բարհաւարուն՝ գոչիչ արտարուստ սահմանունիս առկարուացելն առ ի լինել բարեգերունիս

Hier wird der Text des Aristoteles nicht ganz genau wiedergegeben: erstens wird գոչիչ արտարուստ սահմանունիս aus dem vorher stehenden Satz übernommen (24b21–22: τὸ μηδενὸς ἔξωθεν ὄρου);²¹ μὲν οὖν wird mit բայց („aber“) übersetzt; mit բարեգերունիս wird normalerweise συμπέρασμα übersetzt, hier aber das πρὸς τὸ φανῆναι τὸ ἀναγκαῖον mit առ ի լինել բարեգերունիս (damit der Schluss/die Schlussfolgerung entsteht).

25a1–2: πᾶσα πρότασις ἐστὶν ἢ τοῦ ὑπάρχειν ἢ τοῦ ἐξ ἀνάγκης ὑπάρχειν ἢ τοῦ ἐνδέχεσθαι ὑπάρχειν

120,23–24: Ամենայն նախադասութիւն կամ գոլ է, կամ մարթ, կամ հարկաւոր

Andere Reihenfolge im Zitat: im Armenischen steht մարթ vor հարկաւոր.

2. De interpretatione

De interpretatione wird von David in den Kapiteln 5–8 erwähnt, resümiert oder zitiert, in denen der Beweis, die Prämissen samt ihren Klassen und der Terminus behandelt werden. Er nennt das Hauptthema von De interpretatione in dem Abschnitt II,2–3, in dem die Themen einzelner Werke des Organons aufgelistet werden.²²

Տրամբանական է հայցունս պատասխանունյն միոյ նախադասութեան կամ միոյ մասնկան հալկասութեան 74,1–2, vgl. 20b22–23: ἡ ἐρώτησις ἢ διαλεκτικὴ ἀποκρίσεώς

²¹ Topchyan 2010: 107 Anm. 219.

²² 62,1–2: Իսկ ի «Յաղագս մեկնութեան» որպէս ստութիւնս խնդրէ զանունն և զբայ (In De interpretatione aber untersucht er den Namen und das Verb als Aussagen; Griechisch wäre es ἐν δὲ τῷ Περὶ ἐρμηνείας ὡς φάσεις ἐξηγεῖται τὸ ὄνομα καὶ τὸ ῥῆμα), vgl. De int. 17a17–18: τὸ μὲν οὖν ὄνομα καὶ τὸ ῥῆμα φάσις 17a 18 ἔστω μόνον, Armenisch, David 1932: 375: Արդ անուն կամ բայ՝ ստութիւն էրիցի միայն (Topchyan 2010: 63 Anm. 81).

ἔστιν αἴτησις, ἢ τῆς προτάσεως ἢ θατέρου μορίου τῆς ἀντιφάσεως (Topchyan 2010: 75 Anm. 111).

In der armenischen Übersetzung von De interpretatione steht: Արդ էթէ հարցումն տրամաբանական ըն պատասխանատուութեան է իննդիր, կամ առարկէլոյն, և կամ միւրոյն մասին հակասութեան (David 1932: 386).

Die Stelle in der Auslegung scheint also ein leicht geändertes Zitat aus der armenischen Übersetzung zu sein.

Dazu kommt ein direktes Zitat in der Einführung (II.8), wo über die Echtheit des Werkes gesprochen wird. Այստեղի, որպէս ի «Վերլուծականս» գնն աւացեալ, նոյնպէս դասեցին (46,16–17), was kein genaues Zitat aus De interpretatione ist (19b30–31: ταῦτα μὲν οὖν, ὥσπερ ἐν τοῖς Ἀναλυτικοῖς λέγεται, οὕτω τέτακται). Hier wird λέγεται mit einer Partizipialkonstruktion (գնն աւացեալ) wiedergegeben, während in der armenischen Übersetzung von De interpretatione hier eine finite Form steht, τέτακται wird dagegen als Partizipialkonstruktion wiedergegeben (Արդ այստեղի, որպէս ի «Վերլուծականս» ասի, այսպէս դասեալ է – David 1932: 384). Dies kann man mit dem Zitieren aus dem Gedächtnis erklären. Ferner werden vom Übersetzer Davids Partikel die μὲν οὖν nicht übersetzt, während der Übersetzer des Aristoteles sie mit ադը wiedergibt.

Zwei weitere Stellen sind keine genauen Zitate aus De interpretatione, die David wahrscheinlich aus dem Gedächtnis zitiert (Topchyan 2010: 69 Anm. 101):

68,7–8: Լախադասութիւն է բան՝ ընդունակ ճշմարտութեան և ստութեան.

16b33–17a4: ἔστι δὲ λόγος ἅπας μὲν σημαντικός, οὐχ ὡς ὄργανον δέ, ἀλλ' ὥσπερ εἴρηται κατὰ συνθήκην· ἀποφαντικός δὲ οὐ πᾶς, ἀλλ' ἐν ᾧ τὸ ἀληθεύειν ἢ ψεύδεσθαι ὑπάρχει· οὐκ ἐν ἅπασιν δὲ ὑπάρχει, οἷον ἢ εὐχὴ λόγος μὲν, ἀλλ' οὐτ' ἀληθὴς οὔτε ψευδής.

Hier wird De interpretatione verkürzt zitiert (Topchyan 2010: 69 Anm. 100).

68,10: բան յայտնոյն ինչ ըստ ումերումս և ինչ՝ բաց ումերումս

ինչ ըստ ումերումս և ինչ՝ բաց ումերումս scheint eine ad hoc-Übersetzung aus De interpretatione zu sein, in der armenischen Übersetzung werden beide Passagen anders wiedergegeben:

17a20–21: τούτων δ' ἢ μὲν ἀπλῆ ἐστὶν ἀπόφανσις, οἷον τι κατὰ τινός ἢ τὶ ἀπὸ τινός – և սայց պարզ է բացերեւութիւն . նրպակ իմն զուեմնէ, կան սպ ումէքէ (David 1932: 375)
 17a25–26: κατάφασις δέ ἐστὶν ἀπόφανσις τινός κατὰ τινός, ἀπόφασις δέ ἐστὶν ἀπόφανσις τινός ἀπὸ τινός – և ստրասութիւն է բացերեւութիւն ուրումն զուեմնէ . իսկ բացասութիւն բացերեւութիւն ուրումն սպ ումէքէ (David 1932: 376).

Hier werden verschiedene Präpositionen verwendet: während der Übersetzer von De interpretatione κατὰ mit q und ἀπὸ mit սպ wiedergibt, werden in der armenischen ‚Auslegung der Analytik‘ diese Präpositionen mit ըստ und բաց übersetzt.

3. Kategorien

Die Kategorien werden einmal zitiert, wobei das Zitat einerseits ganz wörtlich ist und andererseits mit der entsprechenden Stelle in der armenischen Übersetzung der Kategorien übereinstimmt.²³ Die Stelle konnte vom armenischen Übersetzer aus der Übersetzung der Kategorien des Aristoteles übernommen werden.

Fazit

In der Arbeit wurden alle Passagen aus der Analytik und aus De interpretatione in der Auslegung der Analytik betrachtet. Es hat sich gezeigt, dass der armenische Übersetzer versucht hat, den griechischen Text so wörtlich und genau wie möglich wiederzugeben. Die griechische Syntax und die griechische Grammatik ahmt er im Allgemeinen nach. Die Abweichungen in der Wortwahl und -stellung können dadurch erklärt werden, dass David bestimmte Passagen aus dem Gedächtnis zitiert hat. Der Gebrauch verschiedener Wörter für einen philosophischen Begriff lässt sich wahrscheinlich damit erklären, dass der philosophische Wortschatz im Armenischen zur Zeit der Übersetzung noch im Entstehungsprozess war und einzelne Wörter synonym gebraucht werden konnten, was das Verstehen des Textes nicht beeinträchtigt. Daher ist die Auslegung Davids ein wichtiges und zuverlässiges Testimonium für den Text des Aristoteles. In den Lemmata wird der Text so wörtlich wie möglich zitiert, an anderen Stellen im Kommentar gibt es dagegen Varianten.

²³ 6b28: τὰ πρὸς τι ἀντιστρέφοντα λέγεται 114,10–11: աղիւյքն առ ի հալպաղաւնսլն սալի. Vgl. David 1932: 287.

Bibliographie

Ausgaben

- David 1932 – Դավիթի Անյաղթ Ֆիլիսոֆայի Մատենագրութիւնք և թուղթ Գիւնայ կաթողիկոսի առ Դավիթ, Venedig, 1932.
- Muradyan 2015 – Muradyan, G. David the Invincible, *Commentary on Porphyry's Isagoge*. Old Armenian Text with the Greek Original, an English Translation, Introduction and notes by Gohar Muradyan, *Philosophia antiqua* 137, Commentaria in Aristotelem Armeniaca Davidis Opera 3, Leiden, 2015.
- Topchyan 2010 – David the Invincible, *Commentary on Aristotle's Prior Analytics*, Old Armenian Text with an English Translation, Introduction and Notes by Aram Topchyan, *Philosophia antiqua* 122, Commentaria in Aristotelem Armeniaca Davidis Opera 2, Leiden, 2010.

Sekundärliteratur

- Adontz 1915 – Adontz N. *Ars Dionysii Grammatici et Armeniaca in eam scholia Davidis Philosophi, Recognovit et disputavit N. Adontz*, Bibliotheca Armeno-Georgica 4, Petrograd, 1915.
- Calzolari 1989 – Calzolari V. *L'école hellénisante // Nichanian M. Age et usage de la langue arménienne*, Paris, 1989. P. 110–130.
- Calzolari 2007 – Calzolari V. *Aux origines de la formation du corpus philosophique en Arménie: quelques remarques sur les versions arméniennes des commentaires grecs de David // D'Ancona 2007*. P. 259–278.
- Calzolari 2009a – Calzolari V., Barnes J. (ed.). *L'oeuvre de David l'Invincible et la transmission de la pensée grecque dans la tradition arménienne et syriaque*. *Philosophia antiqua* 116, Commentaria in Aristotelem Armeniaca Davidis Opera 1, Leiden, 2009.
- Calzolari 2009b – Calzolari V. *David et la tradition arménienne // Calzolari 2009a*. P. 20–48.
- Calzolari 2009c – Calzolari V. *La version arménienne des Prolegomena philosophiae de David et son rapport avec le texte grec // Calzolari 2009a*. P. 50–89.
- Calzolari 2012 – Calzolari V. *The Ancient Armenian Translations of Greek Philosophical Texts: the Works of David the Invincible // Scripta & e-Scripta*. 2012. Issue 10–11. P. 131–147.
- D'Ancona 2007 – D'Ancona C. (éd.). *The Libraries of the Neoplatonists (Proceedings of the Meeting of the European Science Foundation Network 'Late Antiquity and Arabic Thought. Patterns in the Constitution of European Culture', Strasbourg, March 12–14, 2004)*, *Philosophia Antiqua* 107, Leyde – Boston, 2007.
- Garsoian 1982 – Garsoian, N.G. (ed.). *East of Byzantium: Syria and Armenia in the formative period; (Dumbarton Oaks Symposium 1980)*, Washington, 1982.
- Mahé 1998 – Mahé J.-P. *Du grec à l'arménien // Encyclopédie philosophique universelle*. Vol. 4: *Le discours philosophique*, Paris; 1998 (notice portant le n°64).

- Manandean 1928 – Մանանդեան Ջ. Յունարան դպրոցը և նրա զարգացման շրջանները. *Azgayin matenadaran* 119. Wien, 1928.
- Mercier 1978–1979 – Mercier Ch. L'École hellénistique dans la littérature arménienne // *REArm* 13 (1978–1979). P. 59–75.
- Muradyan 1971 – Muradyan A. N. L'École hellénisante et son rôle dans l'oeuvre de création de la terminologie grammaticale de l'arménien, Eriwan, 1971.
- Muradyan 1994–1995 – Muradyan G. The Reflexion of Foreign Proper Names. Theonyms and Mythological Creatures in the Ancient Armenian Translations from the Greek // *REArm* 25 (1994–1995). P. 63–76.
- Muradyan 1999 – Muradyan G. Notes on some Linguistic Characteristics of the Hellenizing Translations // *Le Muséon* 112 (1999). P. 65–71.
- Muradyan 2009 – Muradyan G. David the Invincible's Commentary on Porphyry's Isagoge. A Collation of the Greek and Armenian Versions // *Calzolari* 2009a. P. 91–117.
- Muradyan 2012 – Muradyan G. Grecisms in Ancient Armenian, Hebrew University Armenian Studies 13, Louvain, 2012.
- Muradyan 2014 – Muradyan G. The Hellenizing School // *Armenian Philology in the Modern Era. From Manuscript to Digital Text*, ed. by Valentina Calzolari with the Collaboration of Michael E. Stone, Leiden, 2014. P. 321–348.
- Terian 1982 – Terian A. The Hellenizing School. Its Time, Place and Scope of Activities Reconsidered // *Garsoian* 1982. P. 175–186.

E. V. Grigoryeva. Armenian Translations of Aristotle in the Commentary on the Analytics by David the Invincible

Philosophical writings by Aristotle and by David the Invincible were translated by scholars of the so-called Hellenizing school in the 6th–7th centuries. Since these translations are older than extant Aristotelian manuscripts and follow as accurate as possible the Greek originals, they provide important information about text of Aristotelian writings.

In the paper were considered all quotations from the *Analytics* and from *De interpretatione* which occur in the *Commentary on the Analytics* by David the Invincible. It has been found that the Armenian translator tried to reproduce the Greek text as literally as possible, imitating the Greek syntax and the Greek grammar in general. The differences in the vocabulary and word order can be explained by the fact that David quoted certain passages from memory. The use of different words for some philosophical terms can probably be explained by the fact that the philosophical vocabulary in Armenian at the time of translation was still in the process of creation and certain words could be used interchangeably. Therefore, the translated quotations in David's works are an important and reliable source for the text of Aristotle.

Keywords: Greek philosophy, Armenian, Greek, David the Invincible, Neoplatonism, Logic, *De interpretatione*, *Analytics*.

**НЕКОТОРЫЕ ИНДОАРИЙСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ
ЭЛЕМЕНТЫ НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ
в контексте локализации регионов их первоначального
и последующего распространения**

На основе анализа лексических сходств (авар. *ħansa* (< *ħamsa) 'улар' ~ др.-инд. *hamsá-* 'дикий гусь', 'лебедь'; авар. *ross* 'муж' ~ др.-инд. (пракрит.) *r̥sa(bha)* 'бык, самец'; чеч. *majr* 'муж ~ мит.-индоар. *marjanni* – название касты колесничих как свидетельство пребывания носителей будущих восточнокавказских языков в государстве *Митанни*) и иных материалов высказывается предположение о миграции носителей будущих нахско-дагестанских языков из Передней Азии в нынешнюю Восточную Грузию к началу I тыс. до н. э. и после второй половины I тыс. н. э. – на Северо-Восточный Кавказ.

Ключевые слова: древнеиндийский, нахско-дагестанские, индоарийские языки, заимствованные лексические элементы, регионы первоначального и последующего проживания.

Еще в 1902 г. известный славист-филолог А. Погодин (1902: 53), на основе материалов одного из кавказских языков – аварского, поставил вопрос о возможном наличии в кавказских языках (лексических) элементов из «арийских говоров, переходных от индийских к иранским». Он выделил по словарю П. К. Услара 1889 г. 15 аварских слов, которые, по его мнению, могли иметь индоарийское или индоевропейское происхождение, в т. ч. 9 аварско-древнеарийских сопоставлений.

Объектом рассмотрения в настоящем исследовании являются те из них, которые были квалифицированы известным адыговедом А. К. Шагировым (1989: 154) как «более или менее правдоподобные».

1. Авар. *çoko* 'козлиная кожа'¹ ~ санскр. *chāga-* 'козел', семантически соотносимое с лак. *çiku* 'коза' (Шагиров 1989: 154). Сюда же относится чеч.-инг. слово *çoka* 'кожа', практически

---

¹Точнее, *ççoko*, Р. п. *ççak-il*, мн.ч. *ççak-âl* 'шкура, шкурка (мелкого животного, кроме овцы)' (Авар.-рус. сл. 1967: 563) < *ççak-o (регрессивно-дистанционная ассимиляция – см. Алексеев 1988: 15), представленное также в каратинском и ахвахском языках в значении 'шкура' и 'кожа' (см. Климов, Халилов 2003: 79, 251)

единообразно представленное в вайнахских языках и диалектах (см. Алироев 1975: 149), которое могло быть усвоено либо из авар. *с̣сoko* с редукцией гласного второго безударного слога (см. Имнайшвили 1977: 17, 19), либо из **с̣сako* с последующей лабиализацией гласного первого слога (см. Имнайшвили 1977: 91–92)².

Что касается лак. *с̣iki*, которое рассматривается на уровне дагестано(восточнокавказско)-индоевропейских отношений (Джаукян 1967: 138) или вместе с другими дагестанскими наименованиями козы возводится к прадаг. **с̣Vn//с̣сVn* (Климов, Халилов 2003: 230), то оно также интерпретируется в контексте индоевропейско-северо(восточно)-кавказских отношений (см. Старостин 1988: 119), но не включается в предмет анализа данной статьи.

Санскритское слово *chāga-* встречается уже в Ригведе (1, 162, 3), но не имеет надежной индоевропейской этимологии (EWA I: 558–559). Т. Барроу высказывает предположение, что

² Другое название шкуры, точнее, кожи, представленное в нахских языках двумя группами форм – бацб. *čar*, чеч. итум. *č̣uor*, кист. *č̣uār*, акк. *č̣or*, инг. *č̣or* и чеч. лит. *č̣quor*, чеч. чеб. *č̣quōr*, инг. *č̣quork*, где *č̣q-* последней группы – фарингализованный дещессивный комплекс, отражающий прошлую фарингализованность согласного *č̣* (см. Климов, Халилов 2003: 79; Алироев 1975: 145; Имнайшвили 1977: 209, 216), является болгаризмом. Обе они, за исключением бацб. *čar*, результат лабиализации и сужения корневого гласного *a* под влиянием ауслатного *-i* в вайнахских языках (см. Имнайшвили 1977: 91, 93), что указывает на первичное **č̣aru*, при усвоении которого в бацбийский ауслатный *-i* редуцировался (см. Имнайшвили 1977: 17, 19). Эта форма могла развиться в древнебулгарском (до IX в. – времени прихода болгар в Поволжье с Северного Кавказа) из пратюрк. **č̣aruq* ‘чарыки (обувь из кожи)’ (см: Ср.-ист. гр. ТЯ 2001: 480, 796; Ср.-ист. гр. ТЯ 2002: 680, 693). (Ср. однако санскр. слово *č̣arman-* ‘кожа’, неоднократно встречающееся уже в Ригведе и предположительно имеющее индоевропейскую этимологию – EWA I: 537). Аналогичный семантический перенос с названия предмета на материал, из которого он сделан, наблюдается и в дагестанских языках, ср.: авар., лак. *taχ*, дарг. *teχ*, *meχ* ‘железо’ (Климов, Халилов 2003: 140) < кум., азерб. *tuχ* ‘гвоздь’. О достаточно давнем пребывании в пределах Северо-Восточного Кавказа и Дагестана болгар, из языков которых вышеупомянутое наименование было усвоено в нахские языки, свидетельствуют данные сирийца Мар Абаса Катины, относящиеся к III в. н. э. Он сообщает о том, что «булгары, обитавшие к северу от Кавказских гор, в 149–127 гг. до Р. Х. вторглись в Армению» (Голубовский 1888: 25). Установлены и собственно языковые свидетельства древнего пребывания болгар в данном регионе (см. Гусейнов 2010: 17–54).

оно может быть заимствованием из финно-угорских языков, сопоставляя его при этом с мордовскими *šava*, *šeja* ‘козел’ (Барроу 1976: 29). Некоторые другие исследователи наоборот считают, что мордовские обозначения козы являются иранскими заимствованиями (см. Осн. фин.-угор. яз. 1975: 340), при этом в качестве параллели приводится все то же санскр. *chāga*³. По мнению Г. А. Климова, «основной состав древнейших уральских индоевропеизмов имеет не столько индоиранский, сколько собственно иранский характер» (Климов 1994: 216)⁴.

2. Авар. *nus* – ~ санскр. *snusā* ‘невестка’. Неадекватность этого сопоставления теперь уже может считаться установленной (см. Климов 1997).

3. Авар. *ссука* ‘свинья’, (точнее, изолированное авар. *ссука* ‘самка свиньи’ – см. Хайдаков 1973: 154) или ‘сука’ (Авар.-рус. сл. 1967: 566) сопоставляется с санскр. *sūkará-* ‘дикий вепрь; боров’ (подробнее об индоевропейской этимологии этого слова см.: ЕВА II: 738–739, а о его связях в иранских языках – ЭСИЯ 3: 444–445). Системность взаимоотношений анлаута авар. *сс-* ~ санскр. *s-* остается немотивированной, что значительно снижает надежность древнеиндийской этимологии авар. *ссука*, предложенной А. Погодиным. Ср. возможный цокающий вариант тюркских обозначений свиньи – узб. *чи́сқа*, уйг. *чи́сқа*, каз., калп, ног. *ши́сқа*, кирг. *чо́сқа* (Мусаев 1975:164), кум. *чо́сқа*, не возводящихся к праязыковому уровню.

4. Авар. *hansa* ‘горная индейка, улар’ (точнее, *hansa* – с фарингальным звонким спирантом [h]) ~ др.-инд. *hanṣa* ‘гусь, лебедь’. Древнеиндийское слово имеет хорошие соответствия в других индоевропейских языках и зафиксировано уже в Ригведе

³ Что касается его этимона, то, возможно, нуждается в специальном рассмотрении, не входящем в числе непосредственных задач данной работы, отношение данного слова к кум. *čaqa-lar* ‘стадо дойных овец’ (Ольмесов 2003: 159), ‘овцематки’, ‘стадо овец без ягнят’. Слово представлено в центральных и южных говорах кумыкского языка и обнаруживает аналоги (парному *bala-čaqa* ‘дети’) в других кыпчакских, включая ног. *bala-šaqa* собир. ‘дети, детвора’, языках (см. Севортян 1978: 49), дальнейшие с связи которого могут иметь отношение к кум., к.-балк. *чагъар* ‘крепостной крестьянин’, восходящим к названию булгарского рода *čaqar*, название которого имеет персидское (*čākar* ‘слуга’) происхождение (Гусейнов 2010: 66).

⁴ Следует заметить, что для иранских языков реконструированы другие исконные названия козла/козы: праиран. **buza-/buzā-* < и.-е. **bhūgo-* и праиран. **aza-lazā-* < и.-е. **āg-* (Эдельман 2009: 47).

(EWA II: 799). При этом инлаутный назальный предполагаемого этимона аварского слова мог быть передан в северных аварских (литературных) диалектах через *-n-* (см. Микаилов 1959: 496) и отразиться в ареально смежных им андийских формах – чам. *nussija/mussija*, тинд. *nuseji* ‘улар, горная индейка’ (см. Кибрик, Кодзасов 1990: 84).

Улар распространён в высокогорных (альпийских) районах от Турции на западе до Монголии и Китая на востоке. Сюда входят Алтайские горы, Саяны, Копетдаг и Большой Кавказ. Первые три региона, а также частично последний до сих пор населены тюркскими народами⁵.

В соответствии с данными глоттохронологии, анализируемое слово могло быть заимствовано в прааваро-андийский язык с XV в. до н. э., еще до выделения из него в V в. до н. э. аварского языка (см. Коряков 2006: 21). Эта датировка примерно соответствует времени существования в верховьях р. Евфрат и

⁵ Иная основа представлена в ареально смежном с южными аварскими диалектами арч. *mussal* и в восточнолезгинских языках – агул. *ulussum/ulusum/ulusun*, таб. *ulisum/ulusum* (см. Кибрик, Кодзасов 1990: 84). Те же, но с инлаутным *-l-* метатезные формы наличествуют в других южных – цах. *sole*, лезг., рут. *s'al*, крыз. *sel* (делабиализация) и центральных дагестанских – лак. *ssuli*, дарг. *ssulint* – языках (см. Кибрик, Кодзасов 1990: 84). Все они, возможно, восходят к потенциальным болгарским анлаутным *s(s)*-репрезентатам, известным булгаризмам лакского и кумыкского языков (см. Гусейнов 2010: 37–38), пратюрк. **ulHar* ‘рябчик, горная индейка’ алтайского характера (см. Ср.-ист. гр. ТЯ 2001: 173). В них могла иметь место обусловленная вышеупомянутой метатезой редукция аусллаутного *-r*, присущая, в частности, некоторым лезгинским языкам, особенно цахурскому (см. Талибов 1980: 265). При этом в уйг. *ulaj* наблюдается его ослабление до *-j* в условиях, когда в том же восточнотюркском, наряду с казахским, киргизским, тувинским и якутским языками, ареале известны древнейшие письменные (древне-, караханидско- и средневековоуйгурская) фиксации этого слова, относящиеся к IX–XIV вв. (см. Ср.-ист. гр. ТЯ 2001: 173). Соответствующий анлаутный согласный мог быть в этих формах утрачен в результате элизии, которой объясняется действие в тюркских языках закона Рамстедта-Пельо, как, например, в азербайджанском, в котором имеет место выпадение начального протетического *j-* перед узкими гласными в некоторых словах литературного языка, а также в диалектах и говорах (см. Ср.-ист. гр. ТЯ 1984: 381, 261). Подобная, включая иные репрезентаты, элизия в позиции перед *[u]* наблюдается, что характерно, и в одной из лексем тюркских языков, преимущественно прикаспийского, ареально смежного Кавказу ареала, включая азербайджанский, кумыкский, а также другие куманские языки (см. Севортян 1974: 579, 580).

на севере Месопотамии хуррито-семитского государства *Митанни* (XVI–XIII вв. до н. э.), в письменной традиции которого зафиксирован особый индоарийский диалект (см. Гамкрелидзе, Иванов 1984: 545–548), представлявший собой либо ветвь еще не разделившегося индоиранского, либо особую ветвь арийских языков (см. Кулланда 2014: 553).

Хурритский (урартский) язык, согласно достаточно широко распространенному мнению, считается родственным нахско-дагестанским языкам, и после II тыс. до н.э. был известен и в некоторых южных районах Армянского нагорья (см. БЭС 1998: 574). Отсюда, на наш взгляд, носители нахско-дагестанских языков в дальнейшем мигрировали на север, в Закавказье, и индоарийское название гуся могло получить у них в условиях нового уже высокогорного ландшафта значение ‘горная индейка’, ‘улар’. Заимствование в другие дагестанские языки иног, болгарского наименования этой птицы говорит о его субстратном в них происхождении. При этом следует принять во внимание, с одной стороны, вышеупомянутые сведения о пребывании болгар в этом регионе еще во II в до н. э. С другой – то, что носители нахско-дагестанских языков только в раннем средневековье, в период до арабского нашествия, по крайней мере, в VII–VIII вв., достигли пределов, территориально смежных с исторической Арменией, нынешней Шеки-Закатальской зоны Азербайджана (см. Гусейнов 2012: 61).

Теоретическая возможность усвоения рассматриваемого слова из митаннийского индоарийского поддерживается нахской лексемой аналогичного происхождения – чеч. *majra*, инг. *mar*, бацб. *mar*, чеб. *mār*, итум. *mar* (*mara-* – основа мн.ч.), акк. *mār* (*māra-* – основа мн.ч.) ‘муж’ (Алироев 1975: 121) при чеч. *majra* ‘храбрый, мужественный, отважный’ и также изолированном сван. *māre* ‘человек’ (см.: Климов 1964: 106; Климов, Халилов 2003: 52). Все эти формы могут восходить к представленному в митаннийском арийском слову *marjannu*, обозначающему особый социальный слой (касту) колесничих; к нему же возводят и хурр. *mairjanardi* ‘высший социальный ранг’ (связанный по происхождению с лошадьми и колесными повозками), и др.-инд. *mārya-* ‘молодой человек, молодой герой’, ‘мужчина, входящий в культовое объединение’ (см. Гамкрелидзе, Иванов 1984: 548 прим. 1; 727). Наибольшую близость к последней форме обнаруживает чеч. *majra* ‘храбрый, мужественный, отважный’.

5. Сюда же из рассматриваемых соответствий представляется возможным присовокупить сходство изолированного авар. *ros* ‘муж’, точнее, *ross* (Климов, Халилов 2003: 59) ~ санскр. (др.-инд.) *r̥ṣa-* в *r̥ṣabhá-* ‘бык, самец’, где *-bhá* – тематический суффикс, известный в других и.-е. языках. Ср.: *r̥ṣa-lvr̥ṣa-bhá-* ‘бык’ (Барроу 1976: 187–188) (мифологический), ‘самец вообще’ (Бенвенист 1995: 36), ‘мужчина, самец’ (*r̥* – плавный лабиализованный сонант) < и.-е. диал. **uers-*, **urs-* при отсутствии более близких соответствий в других и.-е. языках (см. Гамкрелидзе, Иванов 1984: 566, 930).

Здесь обращает на себя внимание наличие в санскрите специфического церебрального звука *-s-*, (появившегося под дравидийским влиянием – см. Барроу 1976: 92–93), который, по всей видимости, и был передан в аварском посредством напряженного (усиленного) спираанта *-ss-*, в то время, как инлаутное *-o-* могло возникнуть вследствие девокализации плавного *r̥*. Однако распад индоарийской языковой общности в северной части Иранского плоскогорья относится к первой половине III тыс. до н. э., когда, по глоттохронологическим данным, начинает распадаться пра-восточно-кавказский язык, а проникновение древнеиндийских племен на северо-запад Индии датируется второй половиной II тыс. до н. э. Тогда же, по вышеупомянутым глоттохронологическим данным, выделяется, а затем распадается аваро-индийская группа (см.: Гамкрелидзе, Иванов 1984: 914–915; Коряков 2006: 21).

Понятно, что локализация аваро-индийской группы или только аварского языка в регионе, соседнем Северо-Западной Индии, а затем распад и дальнейшая миграция их носителей на Кавказ представляются чрезвычайно маловероятными, что позволяет предполагать гораздо более поздний контакт, обусловивший усвоение предшествующего и рассматриваемого слов. Он мог иметь место в эпоху, когда правители Сасанидского государства, существовавшего в 224–651 гг. и включавшего в числе прочих в свой состав Восточный Кавказ и части нынешних Индии и Пакистана, создали цепь горных укреплений, именовавшихся Великой Кавказской стеной, в Дербентском и других кавказских проходах.

По данным средневековых арабских авторов, сасанидские цари «придавали этому краю большое значение... и внимательно следили за всеми его делами [из-за страха перед вторжением северных племен]. Поэтому для [обороны] этого места

были назначены стражи из переселенцев из разных стран и из людей, пользующихся у них доверием» (см. Гаджаев).

Среди этих переселенцев могли находиться и носители одного из среднеиндийских диалектов с характерным для них широким развитием церебрализации. Как известно, в северо-западной части Индии с середины I тыс. до н. э. и до середины I тыс. н. э. были распространены разговорные формы языка, нашедшие отражение в литературном пракрыте *шаурасени* (см.: Вертоградова 2002).

После того, как Кавказ был завоеван арабами, с гарнизонами горных крепостей, находившихся в Закавказье (таких, например, как, средневековый город Сугдабил/Согдебиль на восточном берегу Куры, напротив Тифлиса, заселенный выходцами из соседней северо-западной Индии Согдианы) могло произойти то же, что и с персидским населением города Дербента, которое «по разорении... переселились в окрестные деревни». Так писал А. К. Бакиханов «о появившихся впоследствии, татских деревнях» в его окрестностях (см. Гаджаев).

Возможность пребывания носителей аварского языка в регионе, ареально смежном с областью пребывания носителей древнеиндийского языка в составе сасанидских гарнизонов в нынешней Восточной Грузии поддерживается точкой зрения Г. А. Климова, согласно которой носители дагестанских языков частично занимали на рубеже новой эры Кахетию. Она только в V в. н. э. входит в состав Иберийского (Картлийского) царства. В ее юго-восточной части возникло в середине VIII века (в период господства арабов) княжество Эрети (груз. Hereti)⁶ со столицей в уже упоминавшемся Шеки (Климов 1986: 183).

Тем самым представляется возможным предполагать миграцию носителей будущих нахско-дагестанских языков из Передней Азии в нынешнюю Восточную Грузию к началу I тыс. до н. э., затем – на Северо-Восточный Кавказ после второй

⁶ Здесь могли быть представлены носители не только дагестанских, в т. ч. аварского, но и болгарских языков. В грузинской форме основы данного хоронима Heret-i идентифицируется пратюрк. *her 'муж', имеющее параллели в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках (см. Ср. ист. гр. ТЯ 2001: 302), праалтайского характера (см. Дыбо 2007: 48), что, наряду с праалтайским показателем мн. ч. *-t' (см. Ср.-ист. гр. ТЯ 2006: 228) может говорить о его более древнем субстратном характере.

половины I тыс. н. э.⁷ Высказанное положение – рабочий тезис, дальнейшая проработка которого составит цель последующего анализа.

Литература

- Авар.-рус. сл. 1967 – Аварско-русский словарь. М., 1967.
Алексеев 1988 – Алексеев М. Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М., 1988.
Алироев 1975 – Алироев И. Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1975.
Барроу 1976 – Барроу Т. Санскрит. М., 1976.
Бенвенист 1995 – Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
БЭС 1998 – Большой энциклопедический словарь: Языкознание. – М., 1998.
Вертоградова 2002 – Вертоградова В. В. Пракриты. 2-е изд. М.: Вост. лит., 2002.
Гаджаев Альберт. Великая Кавказская стена и проникновение иранской культуры на Кавказ / Проект Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН // <http://central-eurasia.com/?uid=1517>.
Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Книга вторая. Тбилиси, 1984.
Голубовский П. В. Болгары и хазары // Киевская старина. 1888. Т. 22. №7.
Гусейнов 2010 – Гусейнов Г.-Р.А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. Махачкала, 2010.
Гусейнов 2012 – Гусейнов Г.-Р.А.-К. Арменизмы восточнокавказских языков: историко-этимологический анализ и ареальный контекст // IX Международная конференция по армянскому языкознанию. Сборник тезисов. СПб., 2012. С. 60–61.
Гусейнов 2014 – Гусейнов Г.-Р. А.-К. Об одной из вероятных областей первоначального распространения нахско-дагестанских и осетинского языков, или еще раз о северокавказских аланизмах // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований.* / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2014. Т. 10. Ч. 1. С. 515–534.
Джаукян 1967 – Джаукян Г. Б. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967.
Дыбо 2007 – Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М., 2007.
Имнайшвили 1977 – Имнайшвили Д. С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси, 1977.

---

⁷ О миграции из Закавказья в центральную часть Северного Кавказа будущих носителей осетинского языка см. Гусейнов 2014.

- Кибрик, Кодзасов 1990 – Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: Изд. МГУ, 1990.
- Климов 1964 – Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
- Климов 1986 – Климов Г. А. Введение в кавказское языкознание. М., 1986.
- Климов 1994 – Климов Г. А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1994.
- Климов 1997 – Климов Г. А. О кавказских названиях невестки // *Этимология 1994–1996*. М.: Наука, 1997. С. 181–186.
- Климов, Халилов 2003 – Климов Г.А., Халилов М.Ш. *Словарь кавказских языков*. М., 2003.
- Коряков 2006 – Коряков Ю. Б. *Атлас кавказских языков*. М., 2006.
- Кулланда 2014 – Кулланда С. В. Переднезиатский арийский. К проблеме генеалогической классификации // *«Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII»* (Чтения, посвященные памяти И. М. Тронского). СПб., 2014. С. 553–556.
- Микаилов 1959 – Микаилов Ш. И. *Очерки аварской диалектологии*. М.; Л., 1959.
- Мусаев 1975 – Мусаев К. М. *Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. Западнокыпчакская группа*. М., 1975.
- Ольмесов 2003 – Ольмесов Р. Н. *Сравнительно-историческое исследование хозяйственной лексики кумыкского языка*. Махачкала, 2003.
- Осн. фин.-угор.яз.1975 – *Основы финно-угорского языкознания*. М., 1975.
- Погодин 1902 – Погодин А. К вопросу о влиянии индо-европейских языков на кавказские // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Тифлис, 1902. Вып. 31, отд. IV.
- Севортян 1974 – Севортян Э. В. *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные*. М., 1974.
- Севортян 1978 – Севортян Э. В. *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б»*. М., 1978.
- Ср.-ист. гр. ТЯ 1984 – *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика*. М., 1984.
- Ср.-ист. гр. ТЯ 2001 – *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика*. 2-е изд., доп. М., 2001.
- Ср.-ист. гр. ТЯ 2002 – *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции*. М., 2001.
- Ср.-ист. гр. ТЯ 2006 – *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира*. М., 2001.
- Старостин 1988 – Старостин С. А. *Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Древний Восток. Этнокультурные связи*. М., 1988. С. 112–164.
- Талибов 1980 – Талибов Б. Б. *Сравнительная фонетика лезгинских языков*. – М.: Наука, 1980.

- Хайдаков 1973 – Хайдаков С. М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973.
- Черных 1994 – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. I.
- Шагиров 1989 – Шагиров А. К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. М., 1989.
- Эдельман 2009 – Эдельман Д. И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика. М.: «Восточная литература», 2009.
- ЭСИЯ – Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 3 (f–h). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2007.
- EWA – Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd. I–III. Heidelberg: C. Winter, 1986–2001.

G.-R. A.-K. Guseinov. Probable Indo-Arian loanwords in the Nakh-Daghestanian languages and the problem of the original localization and the subsequent distribution of these languages

This paper discusses five most reliable Avarian – Old Indian lexical correspondences out of those 15 ones which were suggested by A. Pogodin as long ago as 1902. The analysis has shown that one of them – Avar. *nus* ~ Old Ind. *smuṣā* ‘daughter-in-law’ – is absolutely inadequate, two others – Avar. *çcuka* ‘female pig’ ~ Old Ind. *sūkara-*, ‘pig’, and Avar. *ççoko* ‘skin’ ~ Old Ind. *chagā-* ‘goat’ are etymologically doubtful. The more reliable ones are as follows: Avar. *ħansa* (< *ħamsa) ‘mountain turkey’ ~ Old Ind. *ħamsā-* ‘wild goose, swan’, and Avar. *ross* ‘husband’ ~ Old Ind. *rṣa-* in *rṣabha* ‘bull, male’. The former is supposed to be borrowed from Mitanni Indo-Aryan, and the latter may be borrowed to the Avarian (and Andian) language from the spoken Prakrit of the Northwestern India, that was at that time a part of the Sasanid Empire. The Mitanni State (XVI–XIII centuries BC) is supposed to be the region of the original localization of the Nakh-Daghestanian languages (including Avarian), as it was there they could contact with the Mitanni Indo-Aryans.

Key words: Old Indian, Nakh-Dagestanian, Indo-Aryan, loanwords, regions of initial and subsequent accommodation.

Т. Н. Джаксон

**СКИФИЯ В «ИСТОРИИ О ДРЕВНИХ
НОРВЕЖСКИХ КОРОЛЯХ» ТЕОДОРИКА МОНАХА***

Речь в статье идет об одном топониме в сочинении норвежского хрониста второй половины XII в. Теодорика Монаха, автора «Истории о древних норвежских королях». Теодорик был первым из известных нам древнескандинавских авторов, кто «соединил» Скифию и Свитьод. Основанием для их отождествления послужила распространенная в XII в. эвгемеристическая легенда о заселении Скандинавии (Свитьод, Швеции) выходцами из Великой Свитьод. В древнеисландских сагах, географических сочинениях, древненорвежском переводе/переложении Библии отождествление Скифии с Великой Свитьод заняло прочное место.

Ключевые слова: Скифия, Верхняя Скифия, Нижняя Скифия, Теодорик, Азия, Швеция, Великая Свитьод, легенда о происхождении, памятники древнескандинавской письменности

«История о древних норвежских королях» Теодорика Монаха – это латиноязычный краткий обзор истории норвежских конунгов от Харальда Прекрасноволосого (с 858 г.) до смерти Сигурда Крестоносца (в 1130 г.), написанный между 1177 и 1188 гг. Сведений о Теодорике немного. Скорее всего, он был норвежцем. Его, как правило, считают либо монахом-бенедиктинцем Нидархольмского монастыря около Тронхейма в Норвегии (ставшего с середины XII в. резиденцией архиепископа и важнейшим культурным центром страны), либо каноником-августинцем (Джаксон 2012: 554–560; Бусыгин 2001: 86–92). Образованность Теодорика не вызывает сомнений (Johnsen 1939; Mortensen 2000). Исследователями установлено, что, помимо Священного писания, Теодорик упоминает и цитирует в своем труде целый ряд античных и раннесредневековых писателей: Платона, Горация, Овидия, Плиния Старшего, Лукана, Евсевия Кесарийского, блаженного Августина, блаженного Иеронима, Боэция, Иордана, Исидора Севильского, Беду Достопочтенного, Павла Диакона, Сигеберта из Жамблу и др. Кроме того, имеется вероятность, что им был использован еще ряд

---

* Работа выполнена по гранту РФФИ № 14-18-02121.

текстов, авторы которых не названы в его сочинении (Johnsen 1939). Теодорик ориентирован на французское историописание, и в частности на труды историков, вышедших из сен-викторской школы (Ibid.; Bagge 2001: 220–221): он приводит цитаты из Гуго Сен-Викторского и других авторов, цитирует или пересказывает работы, указывающие на то, что он пользовался библиотекой Сен-Виктор. Он опирался и на ряд скандинавских источников, в том числе на скальдическую поэзию, но не только на устные источники (и не только на исландские), как полагал ряд исследователей, а также на письменные. Теодорик вполне мог знать труды первых исландских историков Сэмунда Мудрого и Ари Мудрого, а единственная ссылка, которую он приводит, – на не дошедший до нас «*Catalogus regum Norwagiensium» (видимо, норвежского происхождения) (Bagge 2011).

Определив в Прологе к своему труду свою задачу как краткое изложение «древней истории норвежских королей» и намереваясь «вверить памяти потомства то, пусть немного, [что относится] к нашим предкам», Теодорик отмечает, что в Норвегии «не существовало никакой установленной преемственности в королевском родословии до времен Харальда Прекрасноволого», и потому он вынужден «привести надежных свидетелей» (Theodrici monachi Historia 1880: 4; здесь и далее все цитаты из труда Теодорика – в переводе А. В. Бусыгина, которому я очень признательна за предоставленный мне не опубликованный еще перевод этого памятника). Испытывая недостаток в аутентичных норвежских источниках и не будучи знаком с трудом Адама Бременского (Mortensen 2003: 20–21), Теодорик обращается к известиям двух хронистов, повествующих о набегах норманнов (как в Западной Европе именовали скандинавов) на территорию франков. Сигеберт из Жамблу (1030–1112 гг.) свидетельствует об одном из нападений викингов на город Тур, каковые имели место в 853 и 903 гг. Другой пересказанный Теодориком фрагмент принадлежит не Гуго Сен-Викторскому (ок. 1096–1141 гг.), как утверждает сам Теодорик, а его ученику, Ришару Сен-Викторскому (ок. 1123–1173 гг.), французскому мистика и толкователю священного писания, настоятелю монастыря Сен-Виктор в Париже (Theodoricus Monachus 1998: 56, прим. 9). В нем говорится о том, как в 911 г. датский викинг по имени Хрольв (Роллон) получил в лен по договору с Карлом Простоватым земли в нижнем течении Сены, что привело к основанию

герцогства Нормандия. В этом тексте фигурирует *Скифия*, которую Ришар называет *Нижней*, а Теодорик *Верхней*.

* * *

Своим появлением на страницах раннесредневековой литературы *Нижняя Скифия* обязана труду выдающегося латинского христианского писателя, испанского епископа Исидора Севильского (ок. 560–636 гг.). Его двадцатитомный труд «Этимологии», или «Начала», является энциклопедией знаний того времени, почерпнутых главным образом из античных научных сочинений таких авторов, как Варрон, Цицерон, Саллюстий, Фест, Плиний Старший, Сервий, Лактанций и др. Книга Исидора пользовалась чрезвычайной популярностью в средние века (только до нашего времени дошло более тысячи ее рукописей). В восьми томах его труда мы находим упоминания, а местами и развернутую информацию о Скифии. Скифия, как сообщает Исидор, когда-то была огромной, простираясь от Индии на востоке и от Меотийских болот (т. е. Азовского моря) на севере, между Дунаем и Океаном, вплоть до Германии. Позже она уменьшилась в размерах и стала занимать пространство от Серского океана на востоке до Каспийского моря на западе (XIV, 3, 31). В Европе, по его утверждению, первой областью (на востоке) является *Нижняя Скифия*, которая начинается от Меотийских болот, простираясь между Дунаем и Северным океаном вплоть до Германии (XIV, 4, 3). Итак, можно понять, что, в представлении Исидора, бескрайняя единая Скифия распалась на две – азиатскую и европейскую. Именно последнюю он и называет *Нижней Скифией*.

Что могло стоять за этим названием у Исидора? И как оно могло возникнуть?

Как показал в целом ряде работ А. В. Подосинов, для греков и римлян «направление “выше” на практически плоской поверхности означало, как правило, движение от побережья в глубь материка или от побережья в открытое море, а “ниже” – из центральных районов к побережью (особенно вдоль течения рек). На этой основе возникали многочисленные топонимы, разделяющие территорию земли или страны на “Нижнюю” (т. е. лежащую у побережья моря) и “Верхнюю” (в глубине материка)» (Подосинов 1978: 31; Подосинов 1979: 153.). Та же ситуация прослеживается и у древних исландцев, и «на русской почве», сходные топонимы зафиксированы во многих языках (Подо-

синов 1999: 601), но в данном случае эта схема явно не работает: вряд ли прилегания Скифии к Черному морю было достаточно для того, чтобы назвать ее *Нижней*, противопоставляя ее азиатской Скифии как *Верхней*. В еще не опубликованной своей работе Подосинов предлагает и другой – картографический – взгляд на расположение Скифии. Благодарю автора за любезное разрешение использовать этот материал и привожу его толкование: «Как известно, средневековые карты были ориентированы на восток и, соответственно, некоторые области могли обозначаться “выше” по карте, т. е. восточнее, а некоторые – “ниже”, т. е. западнее. Тогда “Нижняя Скифия” могла быть “Западной” (Европейской) с (в данном случае молчаливым) признанием существования Азиатской (в духе Птолемея) Скифии, которая могла называться “Верхней”» (Подосинов, Джаксон, Коновалова: в печати).

Авторитет Исидора был настолько велик, что влияние его труда обнаруживается в большом числе разнообразных средневековых источников. Приведу лишь ряд примеров. Так, на Ватиканской псевдо-исидоровской карте начала IX в., где большинство легенд почерпнуто «у Орозия и/или у Исидора», в Азии помещена *Scithia* (“Скифия”), а в Европе *Scithia inferior* (“Нижняя Скифия”) (Чекин 1999: 115–118; см. еще ряд средневековых карт мира, на которых есть “Нижняя Скифия”, там же: 57, 123, 132, 164–165). Две Скифии присутствуют в «Орозии короля Альфреда» конца IX в., где Скифия, лежащая в Азии к востоку от Каспийского моря, называется “Старой Скиффией” (*ealda Scippia*), а к западу от него – просто “Скиффией” (*Scippia*) (Матузова 1979: 19/23). Но и в середине XIII в. у Бартоломея Английского можно прочесть о Нижней и Верхней Скифии: «Сифия – огромная область. Ее верхняя часть расположена в Азии, а нижняя – в Европе. И эта нижняя [Скифия], начинаясь между Меотийскими озерами и Северным океаном, тянется до самой Германии, как говорит Исидор в книге XIV» (Там же: 79/86–87).

* * *

Обратимся снова к Теодорику. В его текст *Нижняя Скифия* попадает не непосредственно из Исидора, которого он знал, а, как уже сказано, из труда Ришара Сен-Викторского, которого Теодорик ошибочно интерпретирует как Гуго Сен-Викторского. Сравним пересказ Теодорика с оригиналом:

«Гуго» (Ришар) Сен-Викторский

Во время правления Карла Простоватого *норманны, по происхождению даны*, под водительством некоего Роллона, выйдя из *Нижней Скифии* и переплыв океан, хотя и раньше частенько как пираты тревожили по тем же берегам океана Германию с Галлией, вторглись в Галлию в той ее части, которая обращена к Британии (Richard de Saint-Victor 1958: 212; пер. А. В. Подосинова).

Теодорик

Гуго, блаженной памяти каноник [из аббатства] Святого Виктора в Париже, ученейший во всех отношениях муж, так упоминает о нашем народе в своей хронике: *Норманны*, говорит, отплыли из *Нижней Скифии (под которой он, без сомнения, имеет в виду Верхнюю [Скифию], которую мы называем Светией)*, подошли на кораблях к Галлиям и, проходя по реке Сене, все разорили огнем и мечом (Theodrici monachi Historia 1880: 3–4; перевод А. В. Бусыгина)

Как можно видеть, Теодорик внес в свой источник весьма примечательные изменения. Во-первых, повторив за Ришаром, что норманны пришли из *Нижней Скифии*, Теодорик тут же поправляет свой источник, а точнее – высказывает уверенность, что Ришар, говоря о *Нижней Скифии*, имел в виду *Верхнюю*. Во-вторых, Теодорик опускает присутствующую в его источнике расширительную характеристику тех *норманнов*, которые совершили нападение на Галлию из Скифии: он не уточняет, что их предводителем был некий Роллон, а главное – он не пишет, что эти *норманны* были *по происхождению даны*. В-третьих, в его сознании *Скифия* соединяется со *Светией*, и тем самым он по сути меняет этнос *норманнов*, которые в результате оказываются не *данами*, а *свеями (шведами)*.

Э. Фолкс трактует рассматриваемый нами фрагмент из текста Теодорика (наряду с примерами из Саксона Грамматика и Адама Бременского) как «стремление средневековых латинских авторов использовать слово *Scythia* так, чтобы оно означало или по крайней мере включало в себя Швецию» (Faulkes 1983: 24–25). Мы можем только догадываться, что подсказало Теодорику возможность соположения *Scythia* и *Suethia*. Но трудно согласиться, что за отождествлением стоит стремление немецких (Адам), норвежских (Теодорик) и датских (Саксон) хронистов «растянуть» Скифию античных и раннесредневековых писа-

телей так, чтобы она включила в себя Швецию. Как кажется, к ответу подталкивает нас сам Теодорик, пишущий о *Верхней Скифии* так: «которую мы (т. е. норвежцы. – Т. Д.) называем *Светией*». Надо думать, что не у всех норвежцев в последней трети XII в. возникала такая ассоциация, но в ученой среде, к которой принадлежал Теодорик, вполне могла бытовать какая-то легенда, соединяющая *Скифию* и *Светию (Швецию)*. Как кажется, указать на интересующую нас легенду совсем не сложно.

* * *

На мой взгляд, это – отразившаяся в целом ряде памятников древнескандинавской письменности легенда о заселении Скандинавии (*Свитьод*) выходцами из лежащей в Азии *Великой Свитьод* во главе с предводителем асов, верховным скандинавским богом Одином (Джаксон 2012: 63–92).

Создателем переселенческой легенды А. Хойслер (Heusler 1908: 39) по праву считает основоположника исландской историографии Ари Мудрого (1067/68–1148 гг.), в чьей «Книге об исландцах» (1123–1133 гг.) «конунг свеев» Ньёрд называется вторым – вслед за «конунгом тюрков» Ингви – в весьма любопытном генеалогическом перечне, начинающемся с легендарных правителей Инглингов и завершающемся именем самого автора «Книги об исландцах»:

Вот имена предков Инглингов и людей из Брейдафьорда:
1. Ингви, конунг тюрков. 2. Ньёрд, конунг свеев. 3. Фрейр.
4. Фьельнир [...] 36. Геллир, отец Торкеля, отца Бранда и Торгильса, моего отца, а я называюсь Ари

(Íslendingabók 1968: 27–28).

При таком порядке перечисления имен и таких характеристиках легендарных конунгов свеи (одно из двух основных племен древней Швеции) «приобретают» азиатскую прародину. Согласно Хойслеру, Ари был знаком с хроникой Фредегара Схоластика «О деяниях франков» (VII в.), где выходцы из Трои, прежде чем попасть на Дунай, пересекают Азию. Ари, по мнению Хойслера, мог отождествить слова *Áss* (имя скандинавских богов) и *Asia* (Азия) и сделать из этого соответствующие выводы. Справедливо наблюдение Ф. Б. Успенского, что «генеалогический “автограф” Ари является одним из самых ранних, если не первым свидетельством того, что уже в

начале XII в. эвгемеристическое предание, трактующее языческих богов как исторических персонажей, в том или ином виде было известно исландцам» (Успенский 2003: 257).

Самый ранний источник, в котором *Свитьод Великая, или Холодная*, упоминается в контексте эвгемеристической легенды о заселении Скандинавии, это «Сага о Скъёльдунгах», записанная не позднее 1220 г. неизвестным исландским автором. Она сохранилась в небольшом исландском фрагменте и в латинском переложении Арнгрима Йонссона в «*Regum Danicarum fragmenta*» (XVI в.), где рассказывается, что Один, придя из Азии, дал своим сыновьям, Скъёльду и Ингони, большие области в Европе, а именно Данию и Швецию соответственно. «Самой же Швеции (именно так она называется) имя дано от имени тех областей, откуда Один со своими впервые вышел. Тех, что лежат к северу от Меотийского болота и которые древние скандинавы называли Свитьод Великой, или Холодной...» (Skjöldunga saga 1982: 4; перевод А. В. Подосинова). Действительно, античные и раннесредневековые авторы помещали к северу от Меотийского болота *Скифию*, и именно эти области, по утверждению саги, древние скандинавы называли *Свитьод Великой, или Холодной*, и именно от этих областей, по саге, получила свое имя *Свеция* (которая в древнеисландском оригинале, естественно, должна была обозначаться как *Svíþjóð*). «Сага о Скъёльдунгах» тем самым дает дополнительное подтверждение того, что в Норвегии к последней трети XII в., видимо в ученой среде, была в обращении переселенческая легенда, соединившая в своей ткани античность и средневековье, реальную географию и географию ученую, *Свитьод* (Швецию) и *Свитьод Великую*.

* * *

Подведем итоги.

Использование Рикаром применительно к Дании топонима *Нижняя Скифия* вполне вписывается в средневековую традицию, по которой хронисты, вслед за Исидором Севильским, различали *Нижнюю* (европейскую) *Скифию* и *Верхнюю* (азиатскую) *Скифию*. К XII в. в том или ином виде в исландско-норвежской просвещенной среде в устной традиции, на которую он опирался, существовала легенда о происхождении скандинавов, согласно которой предки шведских и норвежских конунгов мигрировали в *Свитьод* (Швецию) из *Асгарда*, столицы *Аса-*

ланда в *Великой Свитьод*. Эта *Великая Свитьод*, лежащая в Азии, была (при известной абстрактности того и другого понятия) географически сходна с подразумеваемой Исидором *Верхней Скифией*, лежащей в Азии. На письме первым из известных нам древнескандинавских авторов *Скифию* и *Свитьод* соединил Теодорик Монах, отличавшийся европейской ученостью в целом, и знакомством с трудом Исидора в частности (Джаксон 2014б). Можно предположить, что в отождествлении двух топонимов (*Svíþjóð* и *Scythia*) свою роль сыграла также их определенная фонетическая и/или графическая близость. На замену Теодориком *Scythia inferior* на *Scythia superior* могло к тому же повлиять значение прилагательного *superior*: ведь *Scythia superior* прочитывается не только как *Верхняя Скифия* (*superior* – вверху расположенный, выше находящийся), но и – в контексте переселенческой легенды – как *Прежняя Скифия* (*superior* – предшествующий, предыдущий, прежний, истекший) (Дворецкий 1976: 982). Ср. со *Старой Скиффией* в «Орозии короля Альфреда».

Отождествление *Скифии* и *Великой Свитьод* прочно вошло в древнескандинавскую литературу. Произошло это после Теодорика, но вряд ли исключительно под его влиянием. В древнеисландском переложении Библии (нач. XIV в.), в ряде саг и в географических сочинениях (XII–XIV вв.) встречается топоним *Скифия* (*Scythia*), который синонимичен, по утверждению авторов этих сочинений, топониму *Великая Свитьод* (*Svíþjóð in mikla*). Здесь *Великая Свитьод* не соединяется более с легендой о заселении Скандинавии: она перестает быть жилищем богов и становится вполне реальной страной. *Великая Свитьод* и *Свитьод* (Свеаланд) соседствуют в текстах географических сочинений на равных основаниях и без каких-либо комментариев. В географических трактатах появляется и прямое отождествление *Великой Свитьод* со *Скиффией*: «Скифия, то есть ныне – Великая Свитьод», или «Скифия, которую мы называем Великой Свитьод» (Джаксон 2014а).

Источники и литература

- Бусыгин 2001 – Бусыгин А. В. Монах Теодорик и его «История о древних норвежских королях» (Проблемы источниковедения) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 год. М., 2001. С. 86–92.
- Дворецкий 1976 – Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е перераб. и доп. М., 1976.

- Джаксон 2012 – Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. Издание второе исправленное и дополненное. М., 2012.
- Джаксон 2014а – Джаксон Т. Н. Образ Скифии в памятниках древнескандинавской письменности // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. Сборник статей памяти Дмитрия Алексеевича Мачинского. СПб., 2014 (а). С. 190–198.
- Джаксон 2014б – Джаксон Т. Н. Скифия древнескандинавских источников: к истории сложения образа // ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти Аркадия Анатольевича Молчанова (1947–2010). М., 2014 (б). С. 205–213.
- Матузова 1979 – Матузова В. И. Английские средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979.
- Подосинов 1978 – Подосинов А. В. Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 22–45.
- Подосинов 1979 – Подосинов А. В. Из истории античных географических представлений // Вестник древней истории. 1979: 1. С. 147–166.
- Подосинов 1999 – Подосинов А. В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.
- Подосинов, Джаксон, Коновалова в печати – Подосинов А. В., Джаксон Т. Н., Коновалова И. Г. Скифия: история географического образа (в печати).
- Успенский 2003 – Успенский Ф. Б. Манифестация авторства в «Книге об исландцах» священника Ари Торгильссона // Восточная Европа в древности и средневековье. XV Чтения памяти В. Т. Пашуто: Автор и его текст. М., 2003. С. 254–258.
- Чекин 1999 – Чекин Л. С. Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999.
- Bagge 2001 – Bagge S. Da boken kom til Norge. Oslo, 2001.
- Bagge 2011 – Bagge S. Theodoricus Monachus: The Kingdom of Norway and the History of Salvation // Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200). Turnhout, 2011. P. 71–90.
- Faulkes 1983 – Faulkes A. Descent from the gods // Mediaeval Scandinavia. 11. 1978–79. P. 92–125; [1983] corrected, with many additional references, at URL: <<http://www.vsnrweb-publications.org.uk/Descent-from-the-gods.pdf>> (visited on 08.03.15).
- Heusler 1908 – Heusler A. Die gelehrte Urgeschichte im altisländischen Schrifttum. Berlin, 1908.
- Íslendingabók 1968 – Íslendingabók / Jakob Benediktsson. Reykjavík, 1968 (Íslenzk fornrit 1).
- Johnsen 1939 – Johnsen A. O. Om Theodoricus og hans Historia de antiquitate regum Norwagiensium. Oslo, 1939.
- Mortensen 2000 – Mortensen L. B. The Nordic Archbishoprics as Literary Centres around 1200 / Archbishop Absalon of Lund and His World / K. Friis-Jensen, I. Skovgaard-Petersen. Roskilde, 2000. P. 133–157.

- Mortensen 2003 – Mortensen L. B. Introduction // *Historia Norwegie* / Ed. by I. Ekrem and L. B. Mortensen, transl. by P. Fisher. Copenhagen, 2003. P. 8–47.
- Richard de Saint-Victor 1958 – Richard de Saint-Victor. *Liber exceptionum. Texte critique / Avec introduction, notes et tables publiés par J. Châtillon*. Paris, 1958.
- Skjöldunga saga 1982 – Skjöldunga saga // *Danakonunga sögur / Bjarni Guðnason*. Reykjavík, 1982 (Íslensk fornrit 35).
- Theodoricus Monachus 1998 – Theodoricus Monachus. *Historia de antiquitate regum Norwagiensium. An Account of the Ancient History of the Norwegian Kings / Transl. and annotated by D. and I. McDougall, with an introduction by P. Foote. L., 1998*.
- Theodrici monachi Historia 1880 – Theodrici monachi *Historia de antiquitate regum Norwagiensium // Monumenta historica Norvegiæ. Latinske kildekrifter til Norges historie i middelalderen / G. Storm*. Kristiania, 1880.

T. N. Jackson. Scythia in Historia de antiquitate regum Norwagiensium by Theodoricus Monachus

The paper deals with one place name in *Historia de antiquitate regum Norwagiensium* by Theodoricus Monachus (between 1177 and 1188). The narrow at first glance problem ceases to be such as soon as we take into account the fact that Theodoricus was the first of those known to us Old Norse authors who “connected” *Scythia* with *Svíþjóð*. In ancient and medieval geographical works the term *Scythia* served as a designation of a vast region in the north-eastern part of the oecumene, approximately corresponding to what we call today “the steppe zone of Eurasia”. Following Isidore of Seville, medieval geographers distinguished between *inferior Scythia* (the European one) and *superior Scythia* (the Asian one). Old Norse writers translated *Scythia* as *Svíþjóð hin mikla*, and the latter was in some texts presented as a fore-fatherland of Scandinavian peoples (while *Svíþjóð* was the main designation of Sweden). The paper discusses the source for Theodoricus’ borrowing, the way he reworked his source, and his reasons behind this transformation: the author believes that Theodoricus was influenced by a Scandinavian narrative of origin that had existed by the end of the twelfth century and told about the migration of the Æsir (Scandinavian gods) from Asia to Sweden.

Keywords: Scythia, Scythia inferior, Scythia superior, Theodoricus, Asia, Sweden, *Svíþjóð hin mikla*, narrative of origin, Old Norse sources

**КЛАССИФИКАЦИЯ ТАЛМУДИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА
ХРИСТИАНСКИМ АВТОРОМ XIII ВЕКА
В «ИЗВЛЕЧЕНИЯХ ИЗ ТАЛМУДА»
(MS BNF 16558): ERRORES, STULTITIAE, FABULAE**

В данной работе автор попытался проанализировать три категории талмудических высказываний: заблуждения (*errores*), глупости (*stultitiae*) и побасенки (*fabulae*), которые в своем сочинении «Извлечения из Талмуда» выделяет Теобальд из Сезанны (сер. XIII века). Призванные дискредитировать современных автору «Извлечений» иудеев, эти категории серьезно отличаются по своим функциям и характеру. При написании данной работы учитывались те существенные изменения, которые происходят в отношении к иудеям в ту эпоху.

Ключевые слова: *errores, stultitiae, fabulae*, Теобальд из Сезанны, «Извлечения из Талмуда», Парижский диспут 1240 года, иудейская экзегеза, антииудейская полемика.

Данная работа посвящена сочинению «Извлечения из Талмуда» (MS BNF ff. 1–238), написанному в 1248–1255 гг. (Merchavia 1966: 176) парижским приором доминиканцем Теобальдом из Сезанны (Klepper 2007: 16). Этот текст представляет собой выдержки из различных талмудических трактатов, переведенные на латынь и снабженные прологом и послесловием автора. «Извлечения» делятся на следующие части:

1) Выдержки из постбиблейской литературы, разделенные на 13 глав: 1. об авторитете Талмуда (3r–8v); 2. о его мудрецах и учителях (9r–12r); 3. о проклятиях в адрес Христа-человека (12v–14v); 4. в адрес Бога (15r–18r), 5. в адрес христиан (18v–24ra); 6. о заблуждениях (24rb–33va); 7. о прорицаниях (33vb–38r); 8. о снах (38v–41r); 9. о будущем веке и состоянии после смерти (41v–44r); 10. о Мессии (44v–46r); 11. о глупостях (46v–65v); 12. о непристойностях и грязи (66r–70va); 13. о побасенках (70vb–96ra). Главы делятся на разделы. Каждый раздел – это цитата из того или иного талмудического трактата.

2) После вновь повторяющегося пролога Теобальд дает выдержки из разных постбиблейских сочинений. На полях рукописи он указывает, к какому из разделов первой части относится

тот или иной пассаж. Таким образом, он связывает две части своего сочинения в единое целое.

Для этой работы мы выбрали три категории талмудических высказываний, которым Теобальд посвящает отдельные разделы: заблуждения (*errores*), глупости (*stultitiae*) и побасенки (*fabulae*). Как кажется, эти категории близки друг к другу: эти характеристики содержат некоторую негативную коннотацию, не столь явную, как в случае проклятий или непристойностей. В то же время эти термины обозначают некоторое сомнительное суждение или историю, которая должна возмутить разум христианина.

Все три категории отдельно упоминаются в прологе к «Извлечениям», что говорит об их важности для автора. Кроме того, эти термины мы встречаем и в антииудейских трактатах. Они использовались христианами с зарождения традиции критики Талмуда в IX веке. Предшественники Теобальда, впрочем, не создали четкой классификации для ошибочных, по их мнению, суждений иудеев. Полемисты выделяли *fabulae* – фантастические рассказы, отсутствовавшие в Библии (PL); с XII века они получают эпитет *aniles* – «бабьи» (1 Тим 4, 7). Слово *stultitiae* использовалось в полемических трактатах как синоним к *fabulae*. Термин *error* употреблялся в совершенно ином смысле. Он обозначал ложное, по мнению христиан, учение иудаизма в целом.

Надо признать, что такие авторы, как Петр Альфонси (1062–1140) или Петр Достопочтенный (1094–1156) работали с несоизмеримо меньшим объемом информации, чем Теобальд. Таким образом, они не нуждались в сколько-нибудь четкой классификации заблуждений. Такая потребность возникает, когда литературное наследие постбиблейского иудаизма становится не просто набором занимательных историй или оригинальных трактовок, каковым оно было для экзегетов XII века (Timmer 1989: 320), а начинает мыслиться как опасный источник, подрывающий основы христианского общества. Иудей, который в глазах христиан руководствуется не Библией, а Талмудом, теперь не воспринимается как носитель свидетельства Ветхого завета (Cohen 1986: 603), в котором сокрыты тайны Нового – ключевой довод в пользу того, что иудеи должны быть сохранены в христианском обществе.

Проявлением ухудшения отношений между представителями двух конфессий стал Парижский диспут 1240 года (Rosen-

thal 1956: 58–76), на котором прозвучала некоторая часть обвинений, фигурирующих в сочинении Теобальда. «Извлечения» адресованы одному из участников этого процесса, кардиналу-легату Эд из Шатору (MsBNF 1ra; Charansonnet 2000: 5–37). Во время написания трактата прелат находился в Святой земле и не принимал участия в его составлении. В нашем исследовании было бы интересно сопоставить материалы процесса, сохранившиеся в христианской и иудейской версиях, с самим текстом «Извлечений». При этом важно отметить, что основными обвинениями стали скорее проклятия в адрес Христа, чем доктринальные заблуждения иудеев или их выдумки.

В прологе Теобальд объясняет, как в иудейской традиции появился сам Талмуд. Иудеи традиционно воспринимаются как носители традиции буквальной библейской экзегезы. Закреплению этого образа иудея способствовали в том числе изыскания школы рабби Соломона бен Исаака из Труа (Раши). Его комментарии, *glossae*, также фигурируют в «Извлечениях». Расцвет герменевтики в духе пешата в северной Франции пришелся на начало XIII века (Golb 1985: 243–265). Теобальд утверждает, что раввины, комментируя к тому времени уже полные ошибок книги Писания, отошли и от буквального, и от духовного толкования, обратив священные тексты в «басни и выдумки»¹ (Ms Bnf 98va). Позже указывается и дата создания ключевого для «Извлечений» текста – трактата Берахот. Во времена императора Антонина, отмечает Теобальд, рабби Ассе, будто бы насмехаясь над Библией (*ridiculose*) собрал в этой книге глупости и заблуждения иудеев (Ms BNF 99ra)². В этом фрагменте «Извлечений» отчетливо видно стремление доказать несостоятельность не только воззрений иудеев, которые вызывали традиционное отторжение христиан, но и показать нерелевантность Талмуда в целом. Сейчас мы попытаемся выделить основные принципы, по которым Теобальд классифицирует тот или иной пассаж как заблуждение, глупость или выдумку.

---

¹ Libri Dei erroribus pleni et velamen positum supra cordes ipsorum in tantum ut non solum ab intellectu spirituali udeos avectant immo etiam a literali et ad fabulas et quedam ficticia convertant

² Igitur rab Asse singulas Iudeorum stultitias et errores tempore Antoninot imperatoris ... ridiculose composuit et compegit.

Принципы классификации

Для определения разных категорий ошибочных суждений будет важен следующий пассаж Теобальда. Цитируя Талмуд, он указывает, что его составители сами признавали, что талмудические мудрецы могли говорить невозможные вещи (31vb). Эта фраза звучит как признание иудеями собственной неправоты. Автор «Извлечений» как будто намеренно умалчивает о том, что такие пассажи нужно понимать иносказательно, о чем, в частности, напоминал рабби Иехиель Парижский на диспуте 1240 года (Vikuah: 154). Трактую тот или иной фрагмент буквально, Теобальд отрицает наличие в нем тайного смысла.

Для нас особенно важна такая категория, как *errores* – именно эти суждения чаще всего фигурировали как обвинения против иудеев на Парижском диспуте. Сам автор никак не определяет, что он вкладывает в тот или иной термин, что несколько осложняет работу исследователя.

Сами по себе заблуждения касаются главных аспектов иудейского вероучения – заповедей, сотворения мира и в целом тематики Пятикнижия. Трактровка заповедей (в том числе самых главных) занимает немаловажную часть этого раздела. Внимание составителя «Извлечений» привлекают прежде всего модификации десяти заповедей. Например, по Талмуду, тот, кто оскорбляет мать или отца, грешит, только если называет их по имени (Ms BNF 28ra). Тот, кто вступил в связь с чужой женой, если это не жена его ближнего, не грешит. (Ms BNF 32r). Сознательно или нет, составитель «Извлечений» намекал на то, что согласно иудейскому вероучению, любой израильтянин спасется (Ms BNF 28ra), а свойства души не сыграют никакой роли после конца света (Ms BNF 31vb).

Кроме того, заповедь можно нарушить во славу учителя (Ms BNF 24vb), а нарушение его предписаний карается смертью (Ms BNF 24rb). По Талмуду, роль учителей предельно высока. Их праведность тесно сопряжена с силой творить чудеса – если бы они не согрешили, они были бы как боги, способные создать новый мир (Ms BNF 27vb).

Ложность, в трактовке Теобальда, этих фрагментов Талмуда призвана дискредитировать иудеев. Еще одно талмудическое предписание Теобальд причисляет к заблуждениям. Речь идет о призыве не приучать детей к Библии, поскольку это приведет их к безверию (Ms BNF 24vb). Приведение Теобальдом этой цитаты должно было убедить его читателей в необходимости

уничтожить Талмуд. Составитель «Извлечений» намеренно пытается создать образ иудея, который пренебрегает Библией, а значит своей первоначальной функцией – нести в себе образ Ветхого завета. Указание на то, что иудеи не могут понять без талмудических сочинений «Библию и другие установления закона», вызывает понятный скепсис со стороны как участников Парижского диспута (Vikuah: 156), так и составителя «Извлечений» (Ms BNF 99ra).

Религиозные предписания фигурируют еще в одной категории иудейского нарратива – *stultitiae*. Эти нормы касаются более частных случаев, чем *errores*. Отличается и характер этих предписаний – они часто носят рекомендательный характер. Так, в разделе *errores* учителя призывают мыть руки перед употреблением хлеба (Ms BNF 30rb); нарушение этой заповеди сопоставимо с прелюбодеянием. В перечне глупостей употребление хлеба утром рассматривается как рецепт счастливой жизни (Ms BNF 52ra). Заблуждение (*error*) иудеев просто предписывает молиться трижды в день (Ms BNF 24rb); аналогичный раздел в главе *stultitiae* предельно детализирует обстоятельства каждой молитвы (MsBNF47ra). Отдельный акцент сделан на выделении голосом тех или иных слов молитвы, подтверждающих единство или величие Бога (Ibid.). В случае соблюдения этих инструкций, молящемуся сулят всяческие блага. *Errores*, в свою очередь, призваны удержать верующего от излишнего суеверия – тот, кто слишком громко произносит слово «аминь», будет жить в Раю отдельно от праведников (Ms BNF 31vb). Теобальд, как нам кажется, считает это предписание ошибочным не из-за неправильности посылки, но из-за ложного следствия – наказание за нарушение этого предписания выдучено мудрецами Талмуда.

Нормы такого рода могут относиться к обоим разделам: одновременно и заблуждением и глупостью будет следующая мысль: кто носит филактерии на голове, шее и одежде, тот в безопасности. Чистой глупостью будет другое предписание: ношение филактерий продлевает жизнь (203rb). Нужно отметить, что если в первом случае талмудист ссылается на библейский авторитет, то второе подается как мнение рабби Симеона бен Лакиша, впрочем, также подкрепленное словами Писания. В целом различие между обрядами, которые включены в разделы о заблуждениях и глупостях, сопоставимо с делением заповедей на предписания первого и второго порядка, принятого у

Маймонида (Stern1998: 15). Если провести связь между этими делениями нельзя, то выявить определенную аналогию между ходом мысли великого иудейского философа и Теобальда все-таки можно.

Глупости и заблуждения нередко соседствуют и при толковании более высоких материй, вместе формируя почву для обвинений иудеев в антропоморфизме. Указание на то, что «в ночи есть три убежища и в каждой из них сидит Бог и рычит как лев, осел, пес, или ребенок» (Ms BNF 46va), считается глупостью. В то же время заблуждением, ложной трактовкой, станет талмудическое объяснение того, что авва Бенъямин печалился, поскольку его кровать находилась между севером и югом. Раши объясняет это тем, что Бог находится либо на востоке, либо на западе (24va). Глупостью станет и ассоциация грома с гневом Божиим (Ms BNF 49ra), и суеверный страх одного из раввинов, закрывавшего окна во время грозы (MsBNF51va).

Причины тех или иных природных явлений, которые раввины трактуют как естественные, также попадают в категорию глупостей. При этом здесь также видна четкая грань между глупостью и заблуждением. Слова рабби Ханины о том, что причиной смерти может являться только холод или тепло, первопричина которых – Бог, трактуются как *stultitia* (Ms BNF 51va); статус заблуждения получает обратное утверждение – все в руках Господа, кроме холода и страха (Ms BNF 24vb). Основанная на словах Писания, такая трактовка звучит гораздо опаснее, чем глупое утверждение раввина, приведенное среди однотипных мнений, постулирующих какую-то одну причину смерти.

Нарративный характер повествования, присущий *fabulae*, в равной степени свойственен всем трем изучаемым нами категориям. К группе *errores* относятся и вполне фантастические рассказы о размерах Адама (он был длиной от одного края мира до другого – Ms BNF 27vb) или утверждения, что он был еретик. Известен и пассаж о том, как первый человек совокуплялся с животными до создания Евы (Ms BNF 32ra). Между тем, далеко не всякая деталь повествования может быть расценена как заблуждение. В частности, еггог называется рассказ о том, что до начала мира были созданы семь (десять в другой версии) вещей, в том числе скрижали. Но то же самое утверждение попадает в раздел глупости, когда талмудист добавляет деталь, что

скрижали весили 40 секстариев (Ms BNF 208va). Цифра, взятая из как минимум неавторитетного источника, делает такое априори ложное утверждение еще и глупым, поскольку оно никак не может быть проверено.

Рассказами из категории *stultitiae* станет, например, сообщение о том, что цезарь привел в некий город 70 тысяч человек. Чтобы такая история стала побасенкой, необходимо добавить еще одну деталь – один из израильских воинов подпрыгнул на одну лигу, что убил всех вокруг (Ms BNF 199va). Гипербола, неотъемлемое свойство вымышленного повествования, может фигурировать и в заблуждениях. В этом разделе описаны гигантские размеры ангелов, статус которых зависит от их размера (Ms BNF 24va); или же указывается, что во время дарования заповедей глас божий разносился по всему миру (Ms BNF 30rb). Указание на такую низкую характеристику, как размер ангела при определении его статуса, и позволяет отнести это утверждение к *error*. В то же время, преувеличение, касающееся некоей божественной характеристики, связано с антропоморфизмом. Сознательно или нет, Теобальд не видит здесь потенциала для духовного толкования вполне в духе христианской экзегезы; или же намеренно хочет навязать этому пассажи буквальную, десакрализованную характеристику.

*Fabulae*в свою очередь повествуют о гигантских рыбах, увиденных раввинами во время путешествий, чудесных зверях и птицах и чудесах в целом, однако, они по большей части повествуют о событиях постбиблейской эпохи и могут претендовать на некоторую учительную роль, лишь будучи аллегориями (о которых говорит Иехиель на Парижском диспуте). Их аллегоричность составитель «Извлечений» отрицает. Нередко речь все же идет о неких апокрифических событиях, произошедших в библейскую эпоху (престарелая Сара кормит на пиру грудью всех младенцев, а Исаак становится похож лицом на Авраама (Ms BNF 75v); амулет Авраама, исцеляющий от всех болезней, который после его смерти Бог вправил в солнечный диск (Ms BNF 76a). Все они должны восприниматься как рассказы о профанных, лишенных сакральности чудесах. Истории, относимые Теобальдом к категории *fabulae*, теоретически смогут носить учительный характер; так например, доминиканец цитирует пример чудесного исцеления после молитвы с головой между ног (Ms BNF 70vb). В этом случае *fabulae* в его трактовке становятся близки к категории *stultitiae*. Однако прежде всего

речь здесь идет именно о нарративном материале. Такие рассказы, подчас однотипные, вызывали скорее не критику, а насмешку со стороны христианских читателей, о чем в частности, упоминает Альберт Великий (Dahan 1999: 385). В полемической литературе, в частности у Петра Достопочтенного встречается сопоставление такого рода историй с греческими мифами; последние, в частности, у Оттона Фрайзингского, получают эпитет *fictae* (Megier 2002: 16), что будет означать их более высокий статус по сравнению с иудейскими выдумками; они также подлежат тропологическому толкованию, т. е. могут служить примерами добродетели.

Авторы антииудейских сочинений, как и Теобальд, подчеркивают, что иудеям в принципе чуждо иносказательное толкование. Не может ли идти речь о некоем сознательном отрицании иносказательности постбиблейской литературы? Нам достоверно известно, что доминиканец пользовался услугами консультантов-иудеев (Merchavia 1966: 177). В иудейской традиции, не без влияния христианства, также возникли три уровня небуквальной интерпретации – ремез, драш и сод. Не могли ли три изученные нами категории стать своеобразной пародией на эти способы толкования? Однако факты скорее говорят об обратном. Христианские экзегеты на севере Франции, действительно интересовавшиеся иными трактовками библейских пассажей, с удивлением признают, что их иудейские собеседники практически не различают пешат (т. е. буквальную интерпретацию) и драш (метафорическую экзегезу, основанную на определенных логических построениях) (Dahan 1999: 183). В целом сами христианские гебраисты чаще всего проявляют должное любопытство (Timmer 1989: 309–321) к иным способам интерпретации и предпочитают заимствовать детали иудейской интерпретации, призванные дополнить тот же буквальный смысл. Сожжение талмуда, последовавшее за Парижским диспутом, вовсе не изолировало христиан от проникновения альтернативной экзегезы; напротив, оно пробудило интерес к этой литературе, реализовавшийся как в полемических, так и сугубо экзегетических сочинениях, таких как, например, «Постилла» Николая Лирского (Klepper 2007: 32). Однако пласт иносказательного толкования так и остался не востребовавшимся у христианских авторов.

В заключение этой работы постараемся резюмировать основные черты трех изученных нами категорий. Заблуждение понимается Теобальдом как ложное суждение, трактуемое

нечто возвышенное. В основу такого толкования может быть положена неправильная трактовка священного текста или неверный вывод. Они же обеспечивают легитимность раввинов и самого Талмуда. В отличие от заблуждения глупость может не быть основана на тексте Библии; они по преимуществу регулируют более приземленные вещи и нередко ассоциируются с суевериями. Побасенки содержат в себе некий рассказ, который чаще всего в глазах христианского автора не имеют никакого учительного значения. Эти понятия могут быть тесно связаны друг с другом, между ними не всегда удастся провести четкую границу. Как бы то ни было, христиан мало интересует подлинный смысл такого текста; внимание к такого рода предписаниям и высказываниям обусловлено необходимостью борьбы с неортодоксальными воззрениями внутри христианского общества, стремящегося обрести свое единство.

Библиография

Источники

- Extractiones de Talmut // Mslat. Bibliothèque Nationale française 16889. ff. 1ra-238vb. Stable URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b52504712p>
 Vikuah of rabbi Iehiel of Paris // Judaism on trial: Jewish-Christian disputations in the Middle Ages. Ed. Maccoby H. London, 1982. P. 154–167.

Литература

- Charansonnet 2000 – Charansonnet A. Du Berry en Curie: la carrière du cardinal Eudes de Châteauroux (1190?–1273) et son rôle dans sa prédication // Revue d'histoire de l'Eglise de France. 2000. Vol. 86. P. 5–37.
 Cohen 1986 – Cohen J. Scholarship and Intolerance in the Medieval Academy: The Study and Evaluation of Judaism in European Christendom // The American Historical Review. 1986. Vol. 91. № 3. P. 592–613.
 Dahan 1999 – Dahan G. L'exégèse chrétienne de la Bible en Occident médiéval: XIIe–XIVe siècle. Paris, 1999.
 Golb 1985 – Golb N. Les écoles rabbiniques en France au Moyen Age // Revue de l'histoire des religions. 1985. Vol. 202. №3. P. 243–265.
 Klepper 2007 – Klepper D. C. The Insight of Unbelievers. Nicholas of Lyra and Christian Reading of Jewish Text in the Later Middle Ages. Philadelphia, 2007.
 Megier 2002 – Megier E. Fabulae ou historiae? Mithologie grecque et exegese typologique dans la chronique d'Otton de Freising // Mediaevistik. 2002. Vol. 15. P. 15–30.
 Merchavia 1966 – Merchavia Ch. Talmudic terms and idioms in the Latin manuscript Paris BN 16658 // Journal of Semitic Studies. 1966. P. 175–201.

- Rosenthal 1956 – Rosenthal J. M. The Talmud on Trial: The Disputation at Paris in the Year 1240 //The Jewish Quarterly Review. 1956. Vol. 47. № 1. P. 58–76.
- Stern 1998 – Stern J. Problems and parables of Law: Maimonides and Nahmanides on reasons for the commandments. N.-Y, 1998.
- Timmer 1989 – Timmer D. E. Biblical Exegesis and the Jewish-Christian Controversy in the Early Twelfth Century // Church History. 1989. Vol. 58. №3. P. 309–321.

**V. G. Dolgoplov. The classification of Talmudical statements
by a Medieval Christian writer in his «Extracts from the Talmud»
(Ms BNF 16558): errores, stultitiae, fabulae**

The paper deals with the treatise of a Medieval Christian author Theobald of Cezanne (mid. XIIIth century) «Extractiones de Talmud» («Extracts from the Talmud») conceived to expose Judaism and Talmud to the Christians at the time of Jewish-Christian disputations in Paris. The selected Talmudic excerpts illustrating the falsity of the Jewish doctrine were translated into Latin and classified into 13 categories (chapters) according to their context and function and character. The present paper offers a detailed analysis of three categories of the cited Talmudic sayings: fallacies (*errores*), foolishness (*stultitiae*) and fables (*fabulae*). *Errores* are the false judgments relevant to the most fundamental matters, such as The Ten Commandments, the Creation and so on. *Stultitiae* treat predominantly secular failures, mainly relating to superstitions. *Fabulae* are the fantastic stories that were of no didactic significance for Christians.

Keywords: Theobald of Cezanne, Extractiones de Talmud, errores, stultitiae, fabulae, the disputation at Paris, antijewish polemics, jewish exegesis.

ПРИАМЕЛЛА ГОРАЦИАНСКОГО ТИПА

В статье предлагается ввести в русскоязычный научный словарь термин *приамелла* (нем., англ. Priamel, новолат. priamella), обозначающий композиционный прием, который встречается в античной поэзии и состоит в перечислении однородных объектов, предшествующем переходу к тому объекту, к которому склоняется сам поэт. В отличие от двух сходных приемов – мотива *recusatio* и каталога – приамелла призвана как «создать фон» для главного объекта или высказывания, так и передать многообразие действительности.

Ключевые слова: Гораций, заимствование термина, Казимеж Куманецкий, оды Горация, приамелла, Эдуард Фрэнкель.

Задача художника – стремиться к простоте и ясности, избегая примитивизма, и высказывать свои чувства, зачастую те же, что и у других людей, не впадая в банальность. В литературе этой цели служат фигуры речи и мысли, а в распоряжении поэтов – еще и целый набор поэтических приемов, иногда свойственных только одной эпохе, иногда универсальных.

Нам бы хотелось привлечь внимание к существованию такого композиционного приема как *приамелла*, представляющего собой перечисление разнообразных явлений, предшествующее высказыванию основной идеи стихотворения, которая без этого искусно подобранного окружения могла бы показаться невыразительной.

Для начала обратимся к истории этого термина. Немецкое слово *die Priamel*¹ (первоначально *Präambel*) восходит к латинскому *praambulium*, ‘вступление’, причем последний термин встречался как в поэзии и праве, так и в музыке. Уже в значении литературного термина слово *die Priamel* стало использоваться прежде всего немецкоязычными учеными, а затем было заимствовано в другие европейские языки – англ. *priamel*, фр. *la priamèle*, и отражено в новолатинском *priamella*, введенном Казимежем Куманецким (Kumaniecki 1947: 5). Кажется возможным

---

¹ Первоначально среднего рода, однако с конца 18 в. – женского рода (Gärtner 2001: 304; Race 1982: 1). Этим термином обозначался отдельный жанр средневековой немецкой литературы, расцвет которого приходится на 15 в.

взять это слово за основу для русского заимствования – на наш взгляд существительное «приамелла» легко вписывается в модели русского языка².

Хотя приамелле как композиционному приему посвящено довольно много статей, существует лишь одно монографическое исследование этого явления – это книга Уильяма Рейса «The Classical Priamel from Homer to Boethius», в начале которой приводится история использования термина применительно к античной литературе, причем речь идет о временах сравнительно недавних – еще в 1905 г. Крузиус не применяет слова Priamel в строгом смысле, называя стихотворение Тиртея (9 West) «priamelartig». Однако уже в 20–30 гг. Ф. Дорнзайф и В. Крелинг находят этот поэтический прием как в греческой (прежде всего у Пиндара), так и римской литературе. В 60–70 гг. У. Шмидтом и Т. Кришером предпринимались попытки тематической и логической классификации приамелл. Решающая роль в распространения этого термина принадлежала Эдуарду Фрэнкелю, как литературоведу, получившему образование в Германии, но написавшему самые известные работы по-английски. Рейс называет важной вехой в истории изучения приамеллы работы Фрэнкеля, посвященные Эсхилу и Горацию³, так же как и наличие этого термина в популярнейшем комментарии к Первой книге од Горация Р. Нисбета и М. Хаббард (Race 1982: 3).

Работа самого Рейса подводит итог наблюдениям ученых 20 в. – он не только разбирает приамеллы у более чем 30 античных авторов, но и вносит существенный вклад в ее теоретическое описание, формулируя отличие приамеллы от других поэтических и риторических приемов, наиболее близкими из которых являются *recusatio* и каталог.

В качестве примера приамеллы мы предлагаем два «хрестоматийных» случая – оды Горация 1.1 и 1.7⁴. Прежде

---

² Аналогичные заимствования именно в области литературных терминов найти нелегко – большинство терминов восходит к греческим словам или к латинским существительным на -tio (например, претерития, амплификация); в качестве полного соответствия можно привести существительное клаузула (лат. clausula) (Дуров 2004: 80).

³ Фрэнкель (Fraenkel 1957: 230–231) разбирает приамеллу в оде Горация 1.7, см. ниже.

⁴ Кратко о приамелле у Горация см. статью Джанотти (Gianotti 1997: 726–727); Рейс подробно разбирает несколько случаев (Race 1982: 122–126), отмечая и другие примеры у Горация: например, в оде 2.6 (Septimi, Gades aditure mecum et) «географическая» приамелла служит

всего здесь мы можем наблюдать некоторые формальные признаки приамеллы:

- расположение в начале стихотворения;
- введение взглядов других людей: 1.1.3 *sunt quos*; 1.1 19 *est qui*; 1.7.1 *laudabunt alii*; 1.7.5 *sunt quibus*;
- переход к взгляду самого поэта, выраженный при помощи эмфатического *me*: 1.1.20 и 30; 1.7.10.

Кроме того, именно в этих стихотворениях хорошо видна сама цель использования этого приема: в 1й оде, открывающей первую книгу и весь сборник од, основная идея не так уж и затейлива – из всех увлечений Гораций выбирают поэзию. Будь она высказана в начале стихотворения, вряд ли она выглядела бы выразительно. Однако будучи помещена в конце – после сменяющих друг друга картин – она производит должное впечатление:

Есть те, кто избирает Олимпийские состязания; политику;
земледелие; торговлю; проведение жизни в пирах; военные
подвиги; охоту,
я же посвящаю себя поэзии.

Необходимо отметить, насколько ярки те картины, которые создает Гораций для этой цели: перед взором читателя поочередно появляются пыль олимпийских ристалищ, движущаяся толпа Форума, пиры в прекрасных садах, наполненный звуком боевых труб лагерь, забывшийся в азарте охотник.

Сходный характер имеет и начало оды 1.7 (в целом имеющей более сложную структуру):

Другие хвалят Родос, Митилену, Эфес, Коринф, Фивы, Дельфы,
Фессалию, Афины, Аргос, Микены, Спарту, Ларису,
Меня же прельщает пригород Рима Тибур.

Однако заметно отличие в переходе от чужих предпочтений к собственному выбору (стт. 10–13):

вступлением, но получает неожиданное развитие. Что касается од 2.9 (*Non semper imbres nubibus hispidos*) и 2.18 (*Non ebur neque aureum*), то здесь мы не согласны с Рейсом: в начале обоих стихотворений элемент противопоставления выражен более явно, чем это свойственно приамелле.

me **nec tam** patiens Lacedaemon
 nec tam Larisae **percussit** campus opimae
quam domus Albunae resonantis
 et praeceps Anio ac Tiburni lucus <...>

Признавая, что красоты Греции все же произвели на него впечатления⁵, Гораций все же останавливает свой выбор на милом его сердцу пригороде⁶.

Именно эта особенность использования приамеллы Горацием была отмечена исследователями: опираясь на эти случаи, Т. Кришер⁷ в своей классификации выделяет *relativierende Priamel* (в отличие от *verabsolutierende Priamel*, когда выбор автора исключает другие): в этом случае приамелла не подразумевает полного контраста или отрицания, а создает «подобие баланса» – так в оде 1.7 Тибур занимает место среди известных мест.

Дж. Фр. Джанотти видит в горацанской приамелле сознательное отображение разнообразия жизни⁸.

С. Коммеджер идет дальше и видит за этим высказыванием Горация особенность его характера – широту взглядов (англ. *tolerance*), благодаря которой он не отрицает возможность взглядов, даже если они расходятся с его собственными⁹.

Мы же, предлагая ввести русский термин «приамелла», хотим еще раз показать эффект, возникающий при перечислении разнообразных и (часто) красочных элементов перед тем, как будет озвучена мысль, ради которой написано стихотворение – на сей раз на примере из русской поэзии¹⁰:

⁵ Учитывая, что переход следует не после главных «достопримечательностей», а после мест, которые могли и разочаровать путешественника, на наш взгляд здесь можно видеть иронию.

⁶ «He does not say that Tibur is better than the others ...but that he prefers it» (Race 1982: 124).

⁷ Его статья «Die logischen Formen der Priamel» вышла в *Grazer Beiträge* в 1974 г., цит. по монографии Рейса.

⁸ Итал. «diversità dei generi di vita» (Gianotti 1997: 727).

⁹ См. Commager 1962: 105. Подтверждение этой черты Коммеджер видит в 14м Послании, хотя мы бы скорее указали на *Serm. 1.9. 50–52: nil mi officit, inquam, Ditiior hic aut est quia doctior; est locus uni Cuique suus.*

¹⁰ Здесь сходство формы не означает заимствования приема и является типологическим (даже при знакомстве Анны Ахматовой с античной литературой и при «классической» композиции стихотворения, в

Привольем пахнет дикий мёд,
 Пыль – солнечным лучом,
 Фиалкою – девичий рот,
 А золото – ничем.
 Водю пахнет резеда,
 И яблоком – любовь.
 Но мы узнали навсегда,
 Что кровью пахнет только кровь...

И напрасно наместник Рима
 Мыл руки пред всем народом,
 Под зловещие крики черни;
 И шотландская королева
 Напрасно с узких ладоней
 Стирала красные брызги
 В душном мраке царского дома...
 (Анна Ахматова, «Тростник»)

Гномическое «кровью пахнет только кровь» совершенно немыслимо без должного введения, по контрасту наполненного образами безмятежности. В этом случае мы снова видим, как приамелла *создает картину, на фоне которой* поэт высказывает свое суждение.

Литература

- Дуров 2004 – Дуров В. С. Основы стилистики латинского языка. М., СПб.: Изд. центр Академия, 2004.
 Commager 1962 – Commager S. The Odes of Horace. New Haven: Yale University Press, 1962.
 Fraenkel 1957 – Fraenkel Ed. Horace. Oxford: Clarendon Press, 1957.
 Gärtner 2001 – Gärtner H. A. G. Priamel // Der Neue Pauly. Bd. 10. Stuttgart-Weimar: Metzler Verlag, 2001. Sp. 304–305.
 Gianotti 1997 – Gianotti G. Fr. Priamel // Enciclopedia Oraziana. Ed. S. Mariotti. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana, 1997. Vol. II. P. 726–727.
 Kumaniecki 1947 – Kumaniecki C. F. “De Horatii carmine ad Plancum (Carm. 1,7)” // Eos. 1947. Vol. 42. P. 5–23.
 Race 1982 – Race W. H. The Classical Priamel from Homer to Boethius. Leiden: Brill, 1982.

котором Понтий Пилат и Леди Макбет занимают место мифологического *exemplum*).

S. K. Egorova. The Horatian Priamel

The author suggests to use the term «priamel» in Russian as *приамелла* (cf. neo-lat. *priamella*), with the same definition as it has in modern textual criticism: a series of examples supporting the “main” subject. This technique is to be found in Ancient poetry, being significant for the composition of several odes by Horace (Carm. 1.1; 1.7), where the poet does not oppose his own view to another ones, thus using the priamel (unlike a *recusatio* or a catalogue) as a foil to his idea and, at the same time, displaying the variety of life.

Keywords: adopted term, Eduard Fraenkel, Horace, Kazimierz Kumaniecki, odes of Horace, priamel.

CULTURE HERO AS A FORMER INTRIGUER

But there was one Elephant [...] who was full of 'satiabie curtiosity [sic] and that means he asked ever so many questions. And he lived in Africa, and he filled all Africa with his 'satiabie curtiosities. [...] He asked questions about everything that he saw, or heard, or felt, or smelt, or touched, and his uncles and his aunts spanked him.

Rudyard Kipling

No method requires more erudition than the comparative, and yet none is less fruitful. Nevertheless, the comparative method continues to dominate research on individual myths.

M. I. Steblin-Kamenskij

Культурный герой как бывший трикстер. Предметом рассмотрения является вопрос о возможном параллелизме ряда мифологических персонажей – Прометея (древнегреческая мифология), Сырдона (осетинский эпос), Локи (скандинавская традиция) Исследование этой проблемы имеет длительную историю, однако прежде эти герои исследовались «по парам» – Прометей versus Локи, Локи versus Сырдон, причем за основу исследования брался синхронный срез. В данной работе сопоставляются все три персонажа, при этом они исследуются в диахронии. В статье выявляются некоторые новые черты схождения Локи и Сырдона. Предположительно восстанавливается следующая линия семантической эволюции персонажей – хтонический герой, трикстер, культурный герой

Ключевые слова: Трикстер, культурный герой, хтонический герой, Сырдон, Локи, Прометей, миф, метафора, семантическая эволюция

Introduction

Opening our paper with the quotation from Mikhail I. Steblin-Kamenskij's book *The Myth* (Steblin-Kamenskij 1982: 28; 2003: 230) we pay once again homage to the great scholar whose legacy continues to be held in high regard in the academic world. Besides, comparative mythology is a fascinating pursuit that mesmerized humanity for centuries. We too cannot resist the temptation. Having said that, we believe that Steblin-Kamenskij's statement is rather debatable. Comparative mythology offers approaches and models

through which the human mind perceives and analyses the world. For this reason one can hardly call it useless. This paper deals with the question that has been extensively discussed in the Indo-European comparative mythology. It is the question of the parallels and affinities which can be observed between certain epic and mythological characters – Ancient Greek Prometheus, Syrdon of the Narts' epos and Scandinavian Loki. Previously the three characters have been examined in pairs – Prometheus versus Loki¹, Loki versus Syrdon (Dumezil 1959; Kerenyi 2010; Михайлов 2011). Researchers studied them mostly on the synchronic level, statically, attempting in this way to reconstruct the proto-stage. We, however, aim to examine their development diachronically, in evolution². The idea is to compare Loki of Scandinavian and Syrdon of Caucasian material (Narts epic tradition) with the evolution of the character of Prometheus as described in early texts (“Theogonia” and “Works and Days of Hesiod”) and with his later transformation as described in “Prometheus bound” by Aeschylus. We believe that this comparison will help us to demonstrate the general pattern of evolution which can be described as (chthonian) deity > trickster > cultural hero.

The comparison of these three characters allows us to suggest that, at least partly, they all belong to the model of the so called trickster which can be found in the Coyote spirit in some Native American mythologies, who stole fire from the gods (or stars, or

---

¹Apparently, the first scholar to compare Loki and Prometheus was George Dumezil, in his early work of 1924 (Dumezil 1924); Jan de Vries called Loki in his fundamental research on the history of Old Germanic religion the “Germanic Prometheus” (De Vries 1967: 272). The resemblance of the two characters two different mytho-poetic traditions has been noted regularly by various researchers (see, for example, Rooth 1961; Simek 1995: 233–234, 236–244; Мелетинский 1988: 67–68).

²An exception in this trend for the synchronic approach to Loki's character is found in the analysis offered by Anatoly Liberman in his book *The Word Heath* and especially in the brilliant etymological retrospective given in the Postscript, which characteristically bears the title “How Loki Laufeyjar Son Lived Up to His Name.” Liberman states that the Loki myths were determined by the “punning possibilities inherent in his name” He goes on to say that the development of the hero starts from a kind of chthonic divinity (initially the name Loki meant “somebody who locks, delimitates”) later transforming into the Ruler of the Down World, God of Fire (versus Lucifere), trickster etc. Liberman demonstrates convincingly, how in accordance with pre-Saussourian logic, the initial name Loki shapes and determines the subsequent modifications and functions of the hero. See Liberman 1994.

sun). Similar motive is attested in the stories about the Rabbit in the South Eastern United States or the Raven which stole fire from his uncle beaver and eventually gave it to people.

There is nothing new in this assertion – it has long been accepted by comparative mythology. Here we are dealing with a kind of mythological universal. In this essay we will attempt to prove that the trickster and intriguer – a character who transgresses the rules because of his “satiableness of curiosity,” as Kipling put it – constitutes the first stage in the transformation from a character into a culture hero (Long 2005: 203).

In this we agree with E. Meletinskij’s statement, according to which the culture hero – demiurge – is the most ancient character in the world folklore, while the trickster is a subsequent transformation of the image of the culture hero (Meletinskij 1958: 114–132). Employing the Greek model (Hesiod’s “Theogonia”) as our starting point, we will argue that an intriguer /a trickster is the most ancient mythological character,¹ while culture hero emerges as a result of later developments (Aeschylus, *Προμηθεύς Δεσμώτης*, *Prometheus bound*). One can suggest that the moment the culture hero emerges, myth disappears and gives way to fiction.

In this paper we will focus on the question of whether the semantic development attributed to these characters – chthonian deity → trickster → culture hero – correlates with the transformation and changing value of the idea of progress within different cultures. Our inferences are based on the belief that while reconstructing possible transformations of a character, one should make use of Greek material, where Prometheus of Hesiod acts according to the behavior model of a trickster thus presenting an early stage of the development of myth, while Prometheus of Aeschylus belongs to the world of fiction.

One can suggest that here we deal with the transformations myth > allegory, metaphor > symbol. In traditional cultures the idea of any change is viewed negatively. Yet, there is no doubt that even conservative societies fall under the charm of the ambivalent figure of a trickster. Aesir cannot help enjoying the tricks and inventions of Loki while and Narts admire «their misfortunate», treacherous Syrdon. It is evident that Prometheus belongs to the same category of characters. Aeschylus’s fantasy transforms a trickster into a hero and in the process creates a new myth – the idea of Indefinite Progress.

**Prometheus – Loki – Syrdon. Common features.
Ambivalence and complexity of the initial character**

Apparently tricksters do not change their mischievous behaviour even after they became the object of investigation, and cause the scholars problems similar to those they used to cause gods. It is an accepted fact that any review of scholarly discourse involving the interpretation of Loki, Syrdon or Prometheus comes against the extremely complex, confusing and ambivalent nature of these characters.

Adopting the concept of myth as a way of explaining and describing the world, we refer to the aforementioned statement by Diakonov (Дьяконов 2004) in which he claims that “a system of abstract notions is intrinsically alien to the primitive mind.” Using this assertion as a starting point, we aim to reconstruct the ambivalent, complex character of the Ur-trickster, which has been analysed, interpreted and simplified by humanity while it developed its capacity for abstract speculation.

Similar approach is proposed by Nikolaj Mikhajlov (Mikhajlov 2011). Concentrating on the character of Prometheus he proposes to reconstruct a kind of a Proto-trickster valid on the Indo-European level. His ambivalence and dualist nature should not be regarded as a result of later development but as a set of initial features of his character. Analyzing the character of Prometheus, depicted in the Hesiod works, Mikhajlov proposes to reconstruct an ambivalent proto-hero who would combine qualities of culture hero and trickster, forming the unique image of Prometheus-Epimetheus. (Mikhajlov 2011: 82) He is referring to Kerényi who advanced the hypothesis claiming the existence of an Ur-hero Prometheus/Epimetheus in the pre-Hesiod mythology (Kerényi 1979: 120).

Let us consider some of the examples illustrating the ambivalence of the characters discussed. One of the most important texts providing us with the most complete description of Loki is the *Lokasenna* of the *Poetic Edda*. *Lokasenna* ('Loki's Quarrel' in Old Norse) of the *Poetic Edda* (Bellows 1936) focuses on Loki arguing with other gods.

In this passage the contradictory character of Loki in all its ambivalence, paradoxality, strange compelling charm, mixture of spontaneity and malice can be clearly seen.

The same ambivalence and tendency to initiate some misfortune and then to restore the *status quo*, or even to ameliorate the situation at the last moment, is characteristic of Syrdon – the hero of the Narts

epic tradition. (The only exception seems to be the parallel stories of the tragic fate of the solar heroes of Scandinavian and Caucasian traditions, Baldr and Soslan, whose deaths had been provoked by Loki and Syrdon respectively. Here our personages go too far and the catastrophe cannot be reversed.)

Practically in all narratives where Syrdon features, he acts in the same impulsive manner, driven by his curiosity and his malicious and inventive mind, changing rapidly his tactics and strategy, intermittently acting as a positive and as a negative hero. For example, in his travels with Narts he decides to take revenge after being humiliated by them and brings them to the brink of disaster – but later, in accordance with his usual model of behavior, he saves the lives of the Nart heroes who are stuck to the benches of giants by some magic glue. In his usual way he doesn't miss the opportunity to humiliate his companions while saving their lives.

Prometheus and Loki. Theft during sacrifice

It is evident that in the case of Prometheus we deal with the transformation of a trickster (as seen in Hesiod) to a character who becomes the gods' adversary (as seen in Aeschylus). The heroic opposition of Prometheus to Zeus and his subsequent punishment are very similar to the permanent feud between Æsir and Loki which is caused the corresponding revenge of gods (the Æsir). Syrdon in his turn very often provokes the Narts to oppose and fight the gods. In the case of Syrdon we can see the opposition Gods – Narts. On the one hand, Syrdon opposes Gods, on the other, he is in permanent conflict with Narts. The opposition of Loki to the Æsir is somewhat different because the Æsir are actually gods. There are two plots in Hesiod *Theogony*, featuring Prometheus. They are brought together in fragment 507–616 – the trick played by Prometheus on Zeus during the “first sacrifice” and the theft of the fire with the subsequent myth of Pandora (561–616).

Mikhajlov proposes to compare on typological level two fragments of myths belonging to Greek and Scandinavian traditions – the narrative about the first sacrifice (Hes. *Theog.* 535–564) and the confrontation of Loki and Þjasi (*Skáldskaparmál*, 1)

In both cases we are dealing with the sacrifice of an ox to deity – in the case of Prometheus to Zeus, in the case of Loki – to Þjasi. The bull is meant for the Æsir (the classical sacrifice) but also for Þjasi (peace offering). Then there is a certain condition attached – one part for you, one part for me (Zeus and mortals; Þjasi and the Æsir). In

both situations Prometheus and Loki act like transgressors and they are punished for their crime.

Pairs of heroes and twins

It is interesting to note that quite often this Ur-Trickster has a positive counterpart. This dualistic nature of the First Trickster is crucial. Dualistic myths featuring two culture heroes arranging the world in a complementary fashion can be found in different cultures: Romulus and Remus, Ashvins – Dioscures, Prometheus – Epimetheus etc. In Germanic mythology and the Nart epic tradition of the Northern Caucasus these pairs are strangely attracted to each other: Baldr–Loki, Syrdon–Soslan. The two characters are intimately connected and one of them eventually causes the other's death.

According to Meletinsky, “the two heroes may compete or collaborate; they may be conceived as neutral or opposed to each other, as good versus evil; they can be of the same stature or differ as powerful versus weak; they can be brothers (even twins) or not related at all“ (Мелетинский 1982: 25).

It seems that there is an obvious link between Loki and Baldr, Syrdon and Soslan. Loki's hate for Baldr matches that of Syrdon for Soslan. There is a kind of secret to be discovered in order to harm their adversaries and Soslan/Baldr and Loki/Syrdon find it. They do not kill themselves but provide counselling to someone else how to carry out the killing.

Soslan's young ally is prevented by Syrdon from reviving him, just as Baldr is prevented from being revived by Loki. What is striking here, is not so much the correspondence in the details of the stories, as the profound connection between Syrdon's and Loki's psychological make up. Both are mean characters which for a long time keep their meanness in check by causing relatively little harm, even being useful sometimes, until their mischief making reaches the point where they cross the line of acceptability. After this they perform the appalling crime of killing the solar hero. This similarity of their common journey from nastiness to crime is absolutely striking.

Chthonic origin. Belonging to the Other World

Tricksters are usually of mixed (chthonic-divine) origins – Prometheus is the son of Titan Iapetus and the goddess Themis (Aeschylus) or Oceanid Clymene (Hesiodes); Syrdon is the son of

the river deity Gatag and Dzerassa – the daughter of the god of the sea Donbetyr; Loki is the son of Jotunn Fárbauti and Laufey whose origins are unclear.

Insatiable Curiosity

In most cultures (one can refer here to examples from Greek, Norse, Native American, Southwestern America, Pacific Northwest, Alaskan and Russian Far Eastern traditions) the trickster deity transgresses the rules set by gods or nature, sometimes maliciously, sometimes with positive outcomes (his initial intention being to amuse himself).

There is a well-known theory that the origins of the so-called Ancient Greek miracle lie in the phenomenon that the Greeks called *σπουδή* 'leisure' and the Romans 'otium', which meant 'free time'. So there is something deeply touching about the fact that the first shoots of Progress were due to leisure and entertainment and not to strict protestant values. The logic of the evolution of myth appears to support this idea.

Gender and form variability

More often than not the Trickster figure exhibits gender and form variability and swops gender roles. Traditionally this feature has been interpreted as a shamanistic one. Such figures appear in Native American and First Nations mythologies, where they are said to possess a double-spirit nature. Loki, the Norse trickster, also displays gender variability; on one occasion even becoming pregnant. He shares the ability to change genders with Óðinn, the chief Norse deity, who also possesses many features of the Trickster. Loki's pregnancy came about when he was forced by the Gods to prevent a giant from erecting a wall in seven days. He solved the problem by transforming himself into a mare and drawing the giant's magic horse away from its work. Some time later he returned with a child he had given birth to — the eight-legged horse Sleipnir, who served as Odin's steed. Syrdon, too, often changes his gender. He transforms into an elderly lady and even into a whole array of objects.

Loki – Syrdon similarities.

George Dumézil was the first to observe the strong resemblance between Syrdon and Loki (Dumézil 1948). However, in Dumézil's opinion, of greatest importance was the similarity of the general

atmosphere, temperaments, modality and not the coincidence of separate details. Both characters are cunning, curious, possess outstanding mental abilities, are strongly connected to the Other World, perform magic, possess shamanistic features. Syrdon even has some Pythagorean skills – “numbers are not mystery to him”. Discussing the issue, Dumézil remarks that the only “material coincidence” between the two characters are present in two narratives that appear to be parallel:

1. While crossing the river, bound to the tail of a horse of Soslan Syrdon is nearly drowned – in this way Soslan shows his contempt to his eternal adversary. Exactly the same thing happens to Loki who is bound to Þór’s belt while crossing the river.

2. Syrdon steals pieces of iron when Barsag’s will is forged by the Heaven’s smith Kurdalagon. As a result, the power of Barsag’s will weakens. Loki spoils Þór’s hammer while it is being forged by a dwarf (Dumézil 1976: 121). Remarkable as they are, Dumézil, considers these obvious coincidences to be insignificant.

3. Both Loki and Syrdon have some potential for developing into culture heroes – Loki invents the net, while Syrdon invents the first lyre of the Narts (fandyr). The story of these “inventions” (if they can be considered as such) is very typical for the evolution of culture heroes. Their cultural endeavors are rarely systematically and methodically planned. Quite often an important landscape or culture feature is a consequence of some kind of chance or of their light-minded behavior rather than a result of their creative activity).

Loki’s relation with gods varies. Loki sometimes assists them and sometimes causes problems for them. Loki and Syrdon are experienced shape and gender shifters. Loki assumes the form of a salmon, a mare, a fly, an old woman. Syrdon too changes his form easily and often turns into an old woman, a dog etc.

Loki and Syrdon both dwell in strange secret houses. Syrdon lives either in a labyrinth under the earth or next to the river (this detail underlines his chthonic nature). Loki has a strange house in the mountains where the Æsir try to get hold of him, but he escapes turning into a salmon and later comes close to creating the net. Prometheus (depicted by Aeschylus), Loki and Syrdon share features of prophets. Often they help their companions by giving them useful advices. On the other hand when they foresee the misfortunes, which will befall their community, Loki and Syrdon display real joy. Both Loki and Syrdon cause the death of solar heroes.

The motive of the punishment for the committed crime is not so evident in Syrdon's case, in spite of the fact that he is called Narty *fydbylyzh* 'the misfortune of the Narts'. In his turn, Loki is known as the evil of the Æsir. The Narts repeatedly try to find the way of punishing and torturing Syrdon, but he invariably manages to find some kind of solution for his predicament. Frequently Narts and Asses show their despise for Loki and Syrdon.

Loki and Syrdon. Some new parallels

We have noted that the coincidence in general atmosphere is observed more easily than the coincidence in the concrete features making up the characters of our heroes. And still there are some details, which seem strikingly similar and have apparently escaped the researchers' attention. There is a certain affinity between the plots of Baldr's death caused by Loki and Syrdon's son's death caused by Soslan. Syrdon, wanting to get an ox from every Nart family, proposes to use his son as a target and to shoot at him using their bows. "If you kill him I need no compensation, but if you miss you give me an ox". Syrdon, who like Prometheus and Loki possesses some prophetic qualities, is aware of the fact that for some unknown reason, no Nart except for Soslan can cause harm to his son. Syrdon knows that Soslan is absent and hence cannot participate in the dangerous game. But Soslan returns, meets a witch who tells him that he is the only person who can hit the target and kill the boy (interestingly, in the Narts epos we usually meet Syrdon himself in the role of the old witch, who, like Loki, can perform this kind of transformations). Syrdon recognizes Soslan's arrow because it produces a peculiar sound while in flight. After this incident Syrdon becomes Soslan's worst enemy. This story is strangely reminiscent of the well-known narrative of the killing of Baldr by Loki (which in its turn presents a certain parallel to the story of the peril of Soslan caused by Syrdon)

One of the most striking aspects in the resemblance between Prometheus and Loki is the fact that the two heroes are punished in the same way – being bound to a rock. Their punishment gave rise to the motive of torture, suffering and subsequent liberation.

Loki is eventually bound by the gods **with one of his sons' entrail**, while Syrdon creates the first musical instrument of Narts – *fandyr* – **using his son's veins** (Нарты 1990: 224–238) who was killed by Hamyts and boiled in a cauldron in revenge for Syrdon's

stealing of his cow³. So here we are dealing with a remarkable coincidence that so far appears to have passed unnoticed.

The stories go like this: After Baldr's death the Aesir capture Loki. They bring him into a cave, take three flat stones and drill a hole in each of them. Then they take Loki's sons, Váli and Nari (or Narfi). Váli is transformed by Aesir into a wolf and tears / Narfi into pieces. After that Aesir takes Narfi's entrails and binds Loki to the stones (*Gylfaginning*, Snorri Sturluson's *Prose Edda*, chapter 50).

As for Syrdon, he seems to be deeply attached to his sons. According to some versions, his wife died after having given birth to his three sons; in other versions he had a wife and twelve sons. Syrdon's sons became victims of Soslan and Hamyts.

At some point Syrdon stole the cow belonging to Hamyts. He took it to his secret house, boiled the cow in a cauldron and prepared a meal for his wife and twelve sons. Hamyts on discovering the crime, found Syrdon's secret house, came there in his absence, killed Syrdon's wife and children, cut them to pieces and threw parts of their bodies into the boiling cauldron taking with him the cooked meat of his cow. Having discovered what happened to his family, Syrdon plunged into despair. In the cauldron he finds his son's hand and pulls over it his twelve veins. This is how Syrdon creates the Nart lyre – fandyr. Narts admire this wonderful musical instrument and allow Syrdon back into their community.

Conclusion

In this article we have focused our attention on the question of whether the semantic development attributed to certain characters – chthonian deity, trickster, culture hero – correlates with the transformation and the changing value of the idea of progress within different cultures. Our inferences were based on the idea that while reconstructing the possible transformation of this character one should use the Greek material, where Hesiod's Prometheus acts according to the model of a behavior of a trickster and undoubtedly presents an earlier stage of the development of the myth, while Aeschylus's Prometheus belongs to the world of fiction.

We tend to regard myth as a tool for expressing man's cognition of the world in the period of his development where he has not yet

---

³ This fact seems to have been missed by Dumezil. Three volumes of the Narts Epos have been published in Ossetia and an electronic corpus of Ossetian language is being prepared. Hence we can hope for the introduction of a new valuable material.

created an apparatus of abstract notions required for arriving at logical conclusions. We believe that myth can be regarded as an extended metaphor. The idea of any change has been regarded negatively in traditional cultures (the present society, surely, preserves many features of this addiction to stability and repetition). Yet, there is no doubt that even conservative societies felt the irresistible charm of the ambivalent figure of trickster. Aesir cannot help enjoying Loki's tricks and inventions, and Narts admire «their misfortune» – the treacherous Syrdon. It is evident that Prometheus belongs to the same category of characters. Aeschylus's fantasy transformed the trickster into a hero and in the process created a new myth – the idea of the Indefinite Progress.

When discussing a culture hero it seems fitting to refer to the Greek material (Hesiod) because it was the Greek written tradition that recorded the earlier stages of myth. Already in Aeschylus one can trace the future transformation of metaphor into symbol and allegory and observe how myth becomes literature. Presumably, using the Greek model, one can reconstruct a plausible itinerary of the hero's transformation. Scandinavian and Ossetian material does not offer this possibility, so to analyze it, we can resort to analogy.

“My end is my beginning” – and we somehow wistfully return to the quotation from Steblin-Kamenskij, of this article. As a matter of fact, it is extremely difficult to verify any hypothesis in the field of comparative mythology – the subject matter is too delicate. We can only reiterate our initial idea – myth comes to an end when fiction starts, and Snorri Sturluson in the 13 century was much closer to the phenomenon of mythological thinking than Aeschylus was in the 5 century BC.

Bibliography

- Аверинцев 2004 – Аверинцев С. С. Неоплатонизм перед лицом платоновской критики // *Образ античности*. СПб., 2004.
- Воейкова, Чистович 1994 – Воейкова М. Д., Чистович И. А. Первые слова русского ребенка // *Бюллетень фонетического фонда русского языка* / Ed. by K. Saprok. Vochum, 1994. № 5. С 108–115.
- Дьяконов 2004 – Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. СПб.: Наука, 2004.
- Зайцев 2005 – Зайцев А. И. Греческая религия и мифология. М.: Академия, 2005.
- Иванов 1987 – Иванов Вяч. Вс. Антропогонические мифы // *Мифы народов мира*. Т. 1. М.: Наука, 1987.
- Кейпер 1986 – Кейпер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии / Отв. ред. Т. Я. Елизаренкова. М.: «Наука», 1986.

- Ковалева 2007 – Ковалева И. И. «Погребение Сарпедона»: к вопросу об иконографии // Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти В. Н. Топорова. М.: Индрик, 2007. С. 78–82.
- Мелетинский 1958 – Мелетинский Е. М. Предки Прометея (Культурный герой в мифе и эпосе) // Вестник истории мировой культуры. 1958 № 3 (9). С. 114–132.
- Мелетинский 1982 – Мелетинский Е. М. Культурный герой // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М.: Сов. энци., 1982. С. 25–28.
- Мусбахова 2010 – Мусбахова. В. Т. Сравнительно-историческое изучение текста и проблемы авторства (на материале трагедии «Прометей Прикованный»). АҚД. СПб., 2010.
- Нарты 1990 – Нарты. Осетинский героический эпос. М.: «Наука», 1990.
- Нарты Кадджита 2003, 2004, 2005 – Нарты Кадджита: Ирон адамы эпос.. Джауджыхъæу: Ирыстон, 2003, 2004, 2005.
- Стеблин-Каменский 2003 – Стеблин-Каменский М. И. Миф // Труды по филологии. СПб: Изд-во СПбГУ, 2003.
- Alfonseca 1998 – Alfonseca M. The myth of progress in the evolution of Science, end-of-year lecture, forwarded by the author. Madrid, 1998 (<http://arantxa.ii.uam.es/~alfonsec/docs/end.htm>).
- Athanassakis 1983 – Athanassakis / Hesiod; introduction, translation, and notes. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1983.
- Bell 1936 – Bell H. The Poetic Edda: Translated from the Icelandic with an Introduction and Notes. Princeton Univeristy Press. American Scandinavian Foundation, 1936.
- De Vries 1967 – Altnordische Literaturgeschichte. Vol. 1. Berlin; Leipzig: de Gruyter, 1967 (= Grundriß der germanischen Philologie 15).
- Dumezil 1924 – Le festin d'immortalite. Paris: P. Geuthner, 1924.
- Dumezil 1959 – Dumezil J. Loki. Darmstadt: Darmstadt Wissenschaftliche Gesellschaft, 1959.
- Dumezil 1976 – Dumezil G. Локи // Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976.
- Frazer 1993 – Frazer J. G. Miti sull' origine del' fuoco Milano: Xenia, 1993.
- Hesiod 1914 – Hesiod with an English translation by Hugh G. Evelyn-White, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1914 (1970).
- Johnson, Lakoff 1980 – Johnson M., Lakoff G. Metaphors we live by, London: University of Chikago Press, 1980.
- Kerenyi 1979 – Kerenyi K. Prometeo: il mitologema greca dell'esistenza umana // Kerényi K. Miti e misteri, trad. Brelich A. Torino: Bollati Borighieri, 1979 (2010).
- Kipling 2013 – Kipling R., The Crab that played with the Sea, The Elephant's Child, // Just so Stories. London: Fantastica, 2013.
- Liberman 1994 – Liberman A. Word Heath. Rome: Il Calamo, 1994.
- Long 2005 – Long J. H. Culture Heroe // Lindsay Jones et al. Encyclopedia of Religion 3. 2-nd ed. Macmillan Reference USA: Thomas Gale, 2005.
- Mikhajlov 2011 – Mikhajlov N. Этимология и мифология. Studia mythosemeiotica II, Madrid: Ediciones del Hebreo Errante, 2011.

- Rassel 1967 – Rassel B. A History of Western Philosophy And Its Connection with Political and Social, Circumstances from the Earliest Times to the Present Day., New York: Simon & Schuster, 1967.
- Rooth 1961 – Rooth A. B. Loki in Scandinavian Mythology, 1961, Lund: C. W. K. Gleerups Forlag, 1961.
- Séchan 1851 – Séchan L. Le mythe de Prométhée. Paris : Presses Universitaires de France, 1951.
- Simek 1995 – Simek R. Lexicon der germanischen Mythologie, Stuttgart: Kröner, 1995.
- Steblin-Kamenski 1982 – Steblin-Kamenskij, M. I. Myth. The Icelandic Sagas & Eddas. Translated by Mary P. Coote with the assistance of Frederic Amory. Ann Arbor: Karoma, 1982.
- Tolskaya 2011 – Tolskaya M. Ideophones as positive polarity items. MA Thesis. Harvard University, 2011.
- Vernant 2003 – Vernant J. P Mito e religione in Grecia antica (Mythe et religion en Grèce ancienne) / tr. it. di Riccardo Di Donato. Roma: Donzelli, 1990.
- Wierzbick 1990 – Wierzbicka A. Сравнение, градация, метафора // Теория метафоры. М.: Наука, 1990.

F. Eloeva, E. Sausverde. Culture Hero As a Former Intriguer

This paper deals with the question that has been extensively discussed in the Indo-European comparative mythology. It is the question of the parallels and affinities which can be observed between certain epic and mythological characters – Ancient Greek Prometheus, Syrdon of the Narts' epos and Scandinavian Loki. Previously the three characters have been examined in pairs – Prometheus versus Loki, Loki versus Syrdon. Researchers studied them mostly on the synchronic level, statically, attempting in this way to reconstruct the proto-stage. The aim of the paper was to examine their development diachronically, in evolution. It seems that this comparison will help us to demonstrate the general pattern of evolution which can be described as (chthonian) deity > trickster > cultural hero.

Attention is focused on the question of whether the semantic development attributed to certain characters – chthonian deity, trickster, culture hero – correlates with the transformation and the changing value of the idea of progress within different cultures. When discussing a culture hero it seems fitting to refer to the Greek material (Hesiod) because it was the Greek written tradition that recorded the earlier stages of myth. Already in Aeschylus one can trace the future transformation of metaphor into symbol and allegory and observe how myth becomes literature. Presumably, using the Greek model, one can reconstruct a plausible itinerary of the hero's transformation. Scandinavian and Ossetian material does not offer this possibility, so to analyze it, we can resort to analogy. It should be stressed that comparing Scandinavian and Ossetian material some new affinities and parallels between the characters of Syrdon and Loki were found.

Keywords: trickster, cultural hero, chthonian deity, Syrdon of the Narts' epos, Scandinavian Loki, Prometheus.

**ПАССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ТРЕХМЕСТНЫМИ
ГЛАГОЛАМИ ПЕРЕДАЧИ И ЛИШЕНИЯ
(в древнеанглийских произведениях духовной прозы)**

Резюме. Анализ пассивных конструкций, образованных от трехместных глаголов со значениями передачи и лишения, проводится на материале различных произведений древнеанглийской духовной прозы. Рассматриваются вспомогательные глаголы пассивной конструкции и вопрос о соотношении их функций в древнеанглийском языке, проводится сопоставительный анализ параллельных примеров с использованием разных вспомогательных глаголов. Приводятся данные о количественном соотношении вспомогательных глаголов *beon/wesan* и *weorðan*, а также о распространенности пассива трехместных конструкций в исследуемых текстах. В статье обсуждаются вопросы установления исходного диалекта и авторства древнеанглийских текстов.

Ключевые слова: пассив, трехместные глаголы, древнеанглийский язык, вспомогательный глагол, переводческие трансформации.

1. Материал исследования

Данная работа посвящена анализу конструкций, образованных трехместными глаголами древнеанглийского языка, обладающими семантически противоположными значениями передачи и лишения, которые объединяет общая грамматическая характеристика – пассивный залог. Материалом для исследования послужили тексты духовной прозы, созданные на диалектах англо-саксонских королевств (преимущественно Мерсии и Уэссекса) в IX–XI веках. В IX веке, в ходе реализации просветительской программы короля Альфреда, выполнены переводы «Наставления Пастыря» Григория Великого, «Утешения Философией» Бозция, «Всемирной истории» Орозия. Среди материалов данной статьи представлены также тексты двух различных рукописей перевода Книги 1 «Диалогов» Григория Великого. Одна из рукописей близка оригинальному переводу епископа Верферта с латыни, выполненному в конце IX века; другая версия достаточно поздняя, составлена в XI веке со значительными изменениями. Для нас представляет интерес сопоставление рукописей в отношении образования в них пассивных конструкций с трехместными глаголами, поиск

сходств и различий. Многие тексты дошли до нас в сравнительно поздних копиях. Вследствие этого для них характерны черты диалекта Уэссекса, который утвердился в качестве общезыковой нормы к X–XI векам. Таким образом, тексты, созданные исходно на англских диалектах, дошли до нас в варианте, исправленном переписчиком в соответствии с поздне-уэссекской нормой. Иногда переписчики допускали ошибки, либо были не очень последовательны в исправлении текста. Именно благодаря этому при скрупулезном исследовании и сопоставлении сохранившихся рукописей диалектологам удается установить диалект утраченного оригинала произведения. Ср., например, рассуждения Т. Миллера во введении к изданию перевода «Церковной истории английского народа» Беды Достопочтенного на древнеанглийский язык, в котором он описывает, как при сопоставлении сохранившихся рукописей постепенно стало очевидно, что перевод «Церковной истории» был изначально выполнен на мерсийском диалекте (Miller 1898). Две книги «Церковной истории» (1 и 4) также являются источником материала для данной работы. X веком датируется перевод Устава Св. Бенедикта, выполненный епископом Этельвольдом в ходе английской Бенедиктинской реформы. К произведениям XI века, поздне-уэссекского периода относятся работы аббата Эльфрика: Проповеди и Жития Святых, а также перевод Книги Бытия на древнеанглийский язык. Далее в статье рассматриваются некоторые особенности пассивных трехместных конструкций на материале 148 примеров.

2. Вспомогательный глагол пассивной конструкции

Парадигма вспомогательного глагола в пассивном залоге древнеанглийского языка состоит из форм глагола 'быть', восходящих к четырем различным корням: *es/os/s (eom, is, sind(on)), *er/or (eart, earon), *bheu/ bhū (beo, bist, bið, beoð) и *wes/wos (все формы прошедшего времени). Также в качестве вспомогательного глагола для образования пассива используется глагол *weorðan* 'становиться' (Бруннер 1956: 264, 274). В исследуемых текстах в пассивных трехместных конструкциях в разном количестве представлены все вспомогательные глаголы, см. Табл. 1.

Табл. 1. Вспомогательный глагол в пассивной 3-местной конструкции

<i>Вспомогательный глагол</i>	Глаголы передачи (88)	Глаголы лишения (60)	ВСЕГО (148 примеров)
1. BEON/WESAN	82	50	132
а) Формы <i>beon</i>	27	16	43
б) Формы <i>*es/os/s</i> и <i>*er/or</i>	30	12	42
с) Формы <i>wesan</i>	25	22	47
2. WEORDAN	6	10	16

На основании данных Табл. 1 можно сделать следующие выводы:

1. Формы, происходящие от корней **es/os/s* и **er/or*, присутствуют в исследуемых текстах в приблизительно равных количествах с формами *beon* и *wesan*. В. Н. Ярцева пишет, что в древнеанглийском встречается очень мало форм пассива настоящего времени и очень много форм – в прошедшем. В связи с этим глагол *wesan* и его формы преобладают в текстах в значительном количестве (Ярцева 1961: 103). На материале нашего исследования, наоборот, формы вспомогательных глаголов настоящего времени представлены в наибольшем количестве: в 85 (43+42) пассивных конструкциях из 148.

2. Глагол *weorðan* ‘становиться’ реже употребляется в качестве вспомогательного, чем формы глагола ‘быть’.

Рассмотрим примеры пассивных конструкций с разными вспомогательными глаголами:

- (1) & þam þeo **wæs agifen** seo ærre hælo (GD Н 10.82.24) – ‘и тому бедру было даровано скорейшее исцеление’;
- (2) Syllað. and eow **bið geseald** (ÆCHom II, 7 (61.39)) – ‘Давайте. И вам дано будет’;
- (3) ðæt ierfe ðæt ge ærest æfter hiegiað, æt siðesðan hit **bið bedaeld** ælcra bledsunge (CP 44.331.21) – ‘то имущество, которое ты сперва обретишь, в конце концов будет лишено всякого благословения’;
- (4) Sy fultum **geseald** þam wasmodum and þam unstrangum (BenR 35.58.17) – ‘Дается помощь тем слабым духом и тем немощным’;
- (5) Æðeldryð **wearð** þa **forgifen** anum ealdormenn to wife (AELS 8) – ‘Этельтрюд была отдана одному элдормену в жены’.

Исследователи пассива в древнеанглийском языке обращали внимание на вариативность его форм и стремились объяснить эту вариативность, приписывая функциональные различия пассивным конструкциям, образованным с помощью различных вспомогательных глаголов. Так, отмечалось, что противопоставление статального и акционального пассива реализуется посредством употребления в качестве вспомогательного глаголов *beon/wesan* и *weorðan*, соответственно.

Б. Митчелл считает необоснованным для древнеанглийского четкое разграничение функций *beon/wesan* и *weorðan*, поскольку оба глагола многофункциональны, могут передавать как статичность, так и динамичность (Mitchell 1985: §§ 786–91). Э. К. Трауготт отмечает, что тенденция к некоторым семантическим различиям между *beon/wesan* и *weorðan* становится все менее явной на протяжении древнеанглийского периода (Traugott 1992: 200). М. Фрид также полагает, что к концу древнеанглийского периода, глаголы *wesan* и *weorðan* стали взаимозаменяемы, что и привело к утрате последнего в качестве вспомогательного глагола для образования пассива в среднеанглийский период. Для сопоставления М. Фрид приводит в пример соответствующие древнеанглийскому *weorðan* глаголы *werden* в немецком и *worden* в голландском языках, которым их функциональные различия с глаголом ‘быть’ при образовании пассива позволили сохраниться в этих языках (Fryd 2009).

Для некоторых древнеанглийских произведений характерно крайне редкое употребление глагола *weorðan*. В частности, в переводе «Церковной истории» на древнеанглийский почти исключительно преобладает пассив, образованный от *beon/wesan*. В нашем материале представлено 22 трехместные пассивные конструкции с глаголами передачи и лишения из книг 1 и 4 «Церковной истории», и всего одна из них образована при помощи глагола *weorðan*:

- (6) *Wæd hine ða, þæt he him þæt weorð his alesnesse gesealde* (Bede 4 (23.330.5)) – ‘Просил его тот, чтобы ему была дана сумма его выкупа’.

Некоторое время считалось, что преобладание пассива с *wesan* в «Церковной истории» объясняется калькированием латинской пассивной конструкции со вспомогательным глаголом *esse*. Но также возможно, что основной причиной было не латинское влияние, а синтаксические особенности мерсийского диалекта, на котором был создан перевод (Kilpiö 1989: 98–101).

К сожалению, полноценное изучение синтаксиса мерсийского диалекта на основании сохранившихся рукописей невозможно.

3. Лексико-синтаксическое варьирование

В нашем материале представляют интерес два параллельных примера из англосаксонских рукописей «Диалогов» Григория Великого. Под номером (7) приведена фраза из латинского оригинала¹, затем более ранний вариант ее переводческого соответствия из рук. С (8) и более поздний вариант из рук. Н (9):

- (7) Ego namque hunc virum, qui dum quasi hospitalitatem exhiberet **orbatus est**, non pietatis opere delectatum aestimo, sed episcopi derogatione (Gregorius Magnus, Dialogi, Liber 1, Caput X) – ‘Я думаю, этот человек, который показан нам лишившимся сына за свое мнимое гостеприимство, желал не благочестивого дела, а унижения епископа’;
- (8) forþon ne wene ic na, þæt þes wer wære mid arfæstnysse mode gelustfullod, ac mid tælnysse þæs biscopes. se þe **his suna bereafod wæs**, se ongan swilce he for Godes lufan gestliþnysse gegearwode (GD С (10.76.17)) – ‘Потому думаю я сейчас, что тот человек не благого дела желал, но унижения епископа, и потому был лишен своего сына, что стремился из мнимой любви к Господу гостеприимство оказать’;
- (9) soðlice ne wene ic na, þæt þes wer wære gelustfullod on arfæstnysse weorke, ac on þæs biscopes tælinge, þa þa he ongann swylce he cumliðnysse gegearwode & **wearð þa æt his suna bereafod** (GD Н (10.76.14)) – ‘Истинно думаю я сейчас, что тот человек желал не благочестивого дела, но в укор тому епископу он стремился гостеприимство оказать, и был сына лишен’.

Первое, на что хочется обратить внимание, – это отсутствие лексемы со значением ‘сын’ в латинском тексте. Лат. глагол *orbo* имеет значения ‘лишать, отнимать, делать сиротой’, а также ‘отнимать детей’. Поскольку семантика глагола *bereafian* ‘лишать’ не настолько широка, Верферт и последующие

¹ Эта фраза является нравоучительным выводом Григория из истории о Фортунате, епископе Тудертском, которую он рассказывает в гл. 10 Книги 1: один демон, изгнанный епископом Фортунатом, однажды вечером бродил по городу, притворившись странником, и громко жаловался, что епископ выгнал его, и ему негде переночевать. Один горожанин, услышав рассказ демона-странника, согласился впустить его в свой дом. Демон накинулся на его маленького сына и бросил в огонь.

переписчики и редакторы его перевода вынуждены были использовать трансформацию добавления. Как отмечает Н. А. Бондарко, «смена семантико-синтаксической схемы предложения, во многих случаях вызванная использованием ядерных глагольных лексем с иной валентностной структурой, практически неизбежно влечет за собой изменение логико-синтаксических связей в предложении и, следовательно, трансформацию исходного смысла» (Бондарко 2014: 30).

Рассмотрим, какие именно трансформации, помимо добавления, происходят в переводных текстах, и с чем они могут быть связаны. Изначально параллельные варианты (8) и (9) привлекли наше внимание по причине замены вспомогательного глагола пассивной трехместной конструкции *wesan* в рук. С (8) на *weorðan* в рук. Н (9). Факт такой замены не только иллюстрирует приведенные выше рассуждения об эквивалентности и варьировании *beon/wesan* и *weorðan* в позднедревнеанглийский период, но и позволяет предположить тенденцию к «укреплению позиций» глагола *weorðan* в языке, поскольку именно в пользу этого глагола осуществляется замена.

Кроме замены вспомогательного глагола, пассивная конструкция (9) отличается от (8) наличием предлога *æt*. Глагол *bereafian* ‘лишать’ допускает вариативное беспредложное и предложное управление, без изменения семантики. Таким образом, добавление предлога *æt* можно объяснить стремлением выделить именную группу “his suna”. Следовательно, именная группа, которая отсутствует в латинском тексте, получает большую значимость в последующих редакциях англосаксонского перевода.

4. Пассив как характеристика текста и / или авторского стиля

Пассив трехместных конструкций отмечен в исследуемых текстах в объеме 5–28% для изучаемых глаголов относительно общего числа трехместных конструкций. Ср. данные Табл. 2:

Табл. 2. Пассив как характеристика текста и / или авторского стиля

Наименование текста (усл. сокр.)	Кол-во констр.	Из них в пассиве	% пасс. констр.
Устав Св. Бенедикта (BenR)	53	15	28 %
«Церковная история английского народа» Беды Достопочтенного, книги 1 и 4 (Bede1, Bede 4)	105	22	21 %
«Наставление Пастыря» Григория Великого (CP)	101	20	20 %
«Утешение Философией» Бозция (Bo)	73	13	18 %
«Диалоги» Григория Великого, Книга 1, рук. С (GD MS C)	52	8	15 %
«Диалоги» Григория Великого, Книга 1, рук. Н (GD MS H)	53	8	15 %
«Жития Святых» Эльфрика (AELS)	179	26	15 %
Проповеди Эльфрика, ч. II (AECHom II)	233	27	12 %
Книга Бытия в переводе Эльфрика (Gen)	115	6	5 %
«Всемирная история» Орозия (Or)	107	5	5 %

На основании данных Табл. 2 можно сделать следующие выводы:

1. Пассивный залог – достаточно хорошо развитая грамматическая характеристика древнеанглийского языка в период его расцвета (IX–X вв.), а также в поздний период развития (XI в. и далее).

2. В ряде значимых произведений древнеанглийской литературы отмечено большое количество пассивных конструкций, образованных от глаголов со значениями передачи и лишения.

3. Процент распределения пассивных трехместных конструкций неравномерен и достигает 28 % в «Уставе Св. Бенедикта» (т.е. более четверти всех трехместных конструкций являются пассивными), в то время как во «Всемирной истории» (IX в.) и «Книге Бытия» (XI в.) пассив представлен всего в 5 % примеров.

4. Количество пассивных трехместных конструкций определяется жанром произведения и авторскими предпочтениями, а не временем создания произведения. Так, например, перевод «Всемирной истории» был выполнен на два столетия раньше перевода Эльфриком Ветхого Завета в XI в. При этом процент

пассива трехместных конструкций в этих произведениях совпадает. Наибольший процент пассива, отмеченный в древнеанглийском переводе «Устава Св. Бенедикта», вероятно, связан с жанром произведения – монашеского правила. Сравнительно низкий процент пассива в работах Эльфрика можно объяснить, скорее, авторскими предпочтениями, поскольку в работах других авторов («Церковная история», «Наставление пастыря») пассив представлен больше.

Интересно, что два текста, объединенные общим жанром исторического повествования – «Церковная история» и «Всемирная история», значительно отличаются по частоте пассивных трехместных конструкций (21% и 5% соответственно). Поэтому различия следует, вероятно, приписать авторскому стилю. Вопрос об авторстве перевода «Церковной истории» на древнеанглийский язык привлекал внимание многих исследователей. Традиционно со времен Эльфрика оно приписывалось королю Альфреду, но подробное исследование лингвистических данных показало, что текст демонстрирует черты не уэссекского, а мерсийского диалекта. М. Кильпио пишет о принадлежности перевода «Церковной истории» к «ранней Мерсийской школе перевода» (Kilpiö 1989: 7). Возможно, король Альфред все же имел отношение к этому переводу, поощряя его создание (Whitelock 1962). Авторство Альфреда как переводчика «Всемирной истории» Орозия с латинского на древнеанглийский язык обычно признается исследователями. Поэтому различия в области пассивных трехместных конструкций можно считать еще одним аргументом в пользу того, что перевод «Церковной истории» был выполнен не королем Альфредом, а другим переводчиком.

Источники

- AECHom II – Ælfric's Catholic Homilies: The Second Series / ed. M. Godden. EETS s.s. 5. London, 1979.
- AELS – Ælfric's Lives of Saints / ed. W.W. Skeat, EETS o. s. 76, 82, 94, 114. London, 1881–1900.
- Bede 1, 4 – The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People / ed. Th. Miller, EETS o.s. 95, 96, 110, 111.
- BenR – Die angelsächsischen Prosabearbeitungen der Benediktinerregel / ed. A. Schröder, Bib. ags. Prosa 2, Kassel, 1885–8.
- Bo – King Alfred's Old English Version of Boethius' De consolatione philosophiae / ed. W. J. Sedgefield, Oxford, 1899.
- CP – King Alfred's West-Saxon version of Gregory's Pastoral care / ed. H. Sweet. P. 1. EETS o. s. 45, 1871.

- GD MS C, MS H – Bischof Waerferths von Worcester Uebersetzung der Dialoge Gregors des Grossen / ed. H. Hecht, Bib. ags. Prosa 5, Leipzig; Hamburg, 1900–1907.
- Gen – The Old English Version of the Heptateuch / ed. S. J. Crawford, EETS o. s. 160. London, 1922.
- Gregorius Magnus, Dialogi, Liber 1, [http://www.documentacatholicaomnia.eu/01_01_0590-0604-Gregorius I_Magnus_Sanctus.html](http://www.documentacatholicaomnia.eu/01_01_0590-0604-Gregorius_I_Magnus_Sanctus.html)
- Or – The Old English Orosius, ed. J. Batley. EETS s. s. 6, 1980.
- Dictionary of Old English Web Corpus. Ed. by A. Cameron, A. C. Amos and A. diPaolo Healey, <http://doe.utoronto.ca>

Литература

- Бондарко 2014 – Бондарко Н. А. Варьирование стереотипных языковых структур в немецкой религиозной прозе XIII–XV веков (в сопоставлении с латинской традицией). Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. СПб., 2014.
- Бруннер 1956 – Бруннер К. История английского языка, т. II. Пер. с нем. С. Х. Васильевой. М.: Изд-во иностранной литературы.
- Ярцева 1961 – Ярцева В. Н. Исторический синтаксис английского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
- Fryd 2009 – Fryd M. Change and Continuity in the English Passive: From *weorþan* to *get* / Groninger Arbeiten zur Germanistischen Linguistik. Bd. 49. Groningen, 2009. P. 274–300.
- Kilpiö 1989 – Kilpiö M. Passive Constructions in Old English Translations from Latin .... Helsinki, 1989.
- Miller 1898 – Miller Th. Introduction / The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People. London: publ. for the Early English Text Society by Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., Ltd.
- Mitchell 1985 – Mitchell B. Old English Syntax. Vols. I, II. Oxford: Clarendon Press, 1985.
- Traugott 1992 – Traugott E. C. Syntax / The Cambridge History of the English Language, Vol. I / Ed. by Richard M. Hogg. Cambridge: Cambridge University Press. P.168–289.
- Whitelock 1962 – Whitelock D. The OE Bede // Proceedings of the British Academy. Vol. 48. P. 57–90.

A. Eseleva. Passive Constructions with Three-Place Verbs of Giving and Deprivation in OE Prose

The paper analyzes some aspects of passive constructions formed with three-place verbs of giving and deprivation. The material comes from Anglo-Saxon translations of several renowned Latin texts, namely 'The Church History of the English People' by Bede (*Bede*, unknown translator), 'The World History' by Orosius (*Or*, translated by King Alfred), 'The Consolation of Philosophy' by Boethius (*Bo*, translated by King Alfred), 'Dialogues' (*GD*, translated by Werferth) and 'The Pastoral Care' (*CP*, translated by King Alfred) by Pope Gregory the Great, the Rule of St. Benedict (*BenR*, translated by St. Æthelwold), Lives of Saints (*ELS*)

and Homilies (*ÆCHom*), along with the Book of Genesis (*Gen*), retold by Ælfric. The Anglo-Saxon manuscripts date back to IX–XI cent.

Our study has shown that passive as a well-established grammatical category of the time is attested with the three-place verbs of giving and deprivation in all the texts mentioned above. The percentage of passive constructions, however, varies from 5 % in *Or* and *Gen* to 28 % in *BenR*. The dramatic difference in the usage of passive between the two works of the same genre of a history, *Or* and *Bede*, is presumably due to dialectal distinctions: while *Or* belongs to the Alfredian translations, *Bede* is attributed to an early Mercian school of translating (Kilpiö 1989). Consequently, these differences can also be a result of two distinct translation strategies.

Translation strategies are further analyzed concerning two manuscripts of *GD*. For the following Lat. example (1) an earlier MS *GD C* and a later MS *GD H* provide two different versions of a passive construction:

(1) Ego namque hunc virum. qui dum quasi hospitalitatem exhiberet *orbatus est*. non pietatis opere delectatum aestimo, sed episcopi derogatione (Gregorius Magnus, Dialogi. Liber 1. Caput X).

While *GD C* has **his suna bereafod wæs** for *orbatus est*, in *GD H* we find **weorð þa æt his suna bereafod**. Here we should note the following changes:

a) addition of an NP *his suna* which has no correspondence in the Latin text;

b) differences in verbal rection: the verb *bereafian* can be used both with and without a preposition. Prepositional use seems to stress the newly-added NP *his suna*;

c) the passive constructions in question are formed with different auxiliary verbs – *wesan* (to be) in *GD C* and *weorðan* (to become) in *GD H*.

The similarities and differences of the verbs *beon/wesan* and *weorðan* as passive auxiliaries have been extensively discussed in the literature. The verb *weorðan* may have been used in order to express a certain degree of actionality, though some scholars refute the statal / actional distinction for OE passive (Mitchell 1985). Some scholars argue that *beon/wesan* and *weorðan* shared the same functions, at least at the end of the OE period (Traugott 1992; Fryd 2009). The texts studied here provide 85 constructions with the present-tense forms the OE verb ‘to be’, 47 constructions with preterite forms (*wesan*), and only 16 constructions with *weorðan*, thus proving that *weorðan* was not obviously a competitor to *beon/wesan* in OE.

Key words: Old English, three-place verbs, translation strategies, passive auxiliary.

О ЯЗЫКОВОМ ЭГОЦЕНТРИЗМЕ И АНОМАЛЬНЫХ ПАРАДИГМАХ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье предпринимается попытка объяснить, почему латинский язык выделяет при помощи особых суффиксов первое лицо ед. числа в парадигмах Futurum I (-*a*- вместо -*e*- для III–IV спряжений) и Futurum II (-*er*- вместо -*eri*-). Автор объясняет эти явления, прибегая к понятию эгоцентрии: анализируемые формы являются эгоцентрическими элементами, которые служат для выражения субъективности в языке и придания особого статуса говорящему. Анализ употребления форм *dicam* (Fut. I / Praes. con.), *dixero* (Fut. II) и *dixerim* (Perf. con.) у Цицерона, а также многочисленные параллели из других языков служат для обоснования данной гипотезы.

Ключевые слова: латинский язык, дейксис, эгоцентрические элементы языка, субъективность, синкретизм форм, будущее время, конъюнктив, модальность.

Способы образования первого будущего времени в латинском языке могут вызвать недоумение из-за того, что такой логичный и экономный язык, как латынь, обнаруживает нелогичность и расточительность, прибегая к разным суффиксам внутри одной парадигмы. Так, Futurum I ind. (глаголов III и IV спряжения) использует во всех лицах и числах суффикс -*e*-, а в 1 л. ед. ч. – -*a*-. Например: *dicam, dices, dicet, dicemus, dicetis, dicent*.

Недоумение возрастает оттого, что те же суффиксы -*e*- / -*a*- участвуют в образовании и Praesens coniunctivi, где их дистрибуция не связана с обозначением лица. Единственная форма, допускающая тождество Fut. I и Praes. Con., это 1 л. ед. ч. (например, *dicam*). Казалось бы, нет никаких преград для унификации парадигмы Fut. I и устранения грамматической омонимии, и такие попытки, действительно, порождали различные новообразования, так что в архаической латыни встречаются и формы на -*ebo* по образцу глаголов 1-го и 2-го спряжений (*dicebo, vivebo*), и образования на -*em* (*sinem*) (Тронский 2001: 255; Эрнэ 2004: 102), однако в классическую эпоху все равно закрепились формы на -*am*.

Не лучше обстоят дела и со вторым будущим, для образования которого применяется во всех лицах и числах суф-

фикс *-eri-* < **-is-*, а в 1 л. ед. ч. – *-er-*. Например: *dixero, dixeris, dixerit, dixerimus, dixeritis, dixerint*.

Futurum II не является единственным временем, для образования форм которого используется суффикс *-eri-*: он необходим также для образования Perfectum coniunctivi activi (далее – Perf. con.), причем во всех лицах и числах. При сопоставлении этих двух времен в особом положении опять оказывается 1 л. ед. ч., выделяясь на этот раз не тождеством, а различием форм (ср. *dixero* (Fut. I) и *dixerim* (Perf. con.)).

Возникает вопрос: почему в некоторых случаях язык допускает омонимичность одной-единственной формы в парадигме (1 л. ед. ч. Fut. I), а в другом – наоборот, всех форм, кроме одной (Perf. con. act.), но всякий раз этой исключительной формой оказывается 1 л. ед. числа?

Любопытно, что для каждой из указанных стратегий существуют параллели в других языках: для первой – в древнегреческом, где формы Fut. ind. act. и Aorist. con. act. совпадают в 1 л. ед. числа¹, для второй – в английском, где для 1 лица Future Simple применяется маркер, отличающий его от остальных лиц и чисел (*shall* вместо *will*, хотя нужно признать, что эта дихотомия стремительно устаревает).

Едва ли все эти явления, регулярно встречающиеся в разных языках, имеют случайный характер. Попробуем выяснить, что за ними стоит.

С точки зрения истории языка, Fut. I тесно связан с Praes. con., поскольку заимствует у последнего суффиксы *-e-* / *-a-* (Линдсей 1948: 95; Тронский 2001: 250, 255; Эрну 2004: 191; Handford 1946: 39). Эти два суффикса восходят к двум древним формам сослагательного наклонения: 1) на *-a-*, 2) на долгий тематический гласный *-e-* / *-o-* (как в древнегреческом). В дальнейшем за одной из этих форм сохранилось значение сослагательного наклонения (*legas*), а за другой – будущего времени (*leges*). Однако поскольку 1 л. ед. ч. этого древнего сослагательного наклонения, послужившего основой для форм будущего времени, совпало с 1 л. настоящего времени индикатива (*lego*), оно было заменено 1 л. сослагательного наклонения на *-a-*. Так А.Эрну и другие исследователи (Линдсей 1948: 95; Эрну 2004: 192) объясняют неоднородность парадигмы Futurum I. Нам это

¹ Линдсей прямо говорит, что $\tau\mu\acute{\eta}\sigma\tilde{\omega}$ – это Coniunctivus aoristi от $\epsilon\tau\acute{\iota}\mu\eta\sigma\alpha$ Линдсей, 1948: 94).

объяснение представляется недостаточным: во-первых, тождество форм 1 л. ед. ч. Praes. ind. и Praes. con. имело место и в древнегреческом и не потребовало замены ни одной из них. Во-вторых, даже при условии такой замены язык мог бы унифицировать Futurum I на *-e-* (и такие попытки, как мы видели выше, засвидетельствованы у архаических авторов), если бы ему это было необходимо. Так что причину данного явления следует искать в другом.

Что касается суффиксов Futurum II и Perfectum coniunctivi, то между ними такой прямой связи нет. В суффиксе *-eri-*, который стал в классическую эпоху общим для обоих времен, конечный гласный *-i-* имел различное происхождение: он является формой тематического гласного *-i-* < *-e-/-o-* для Fut. II, но суффиксом древнего опатива *-ī-* для Perf. con. (Боровский, Болдырев 1975: 93; Эрну 2004: 255), а элемент *-er-* < *-is-* представляет собой суффикс основы перфекта (Тронский 2001: 287). В классической латыни, однако, нормой для обоих глагольных времен стал формант *-eri-* во всех лицах и числах, за исключением 1 л. ед. ч. (Тронский 2001: 291).

Морфологическое родство форм первого будущего времени и сослагательного наклонения проявляет себя и на семантическом уровне: будущее время в латыни часто используется с модальным оттенком (Pinkster 1990: 226). Иными словами, высказывание отсылает к будущему, но отношение к нему говорящего таково, что слушающий интерпретирует его далеко не только с временной точки зрения: в первом лице часто обнаруживается оттенок намерения или волеизъявления (1), во втором – побуждения или приказа (2), а в третьем – возможности (3)².

1) *Fatebor enim, Cato, me quoque in adolescentia ... quaesisse adiumenta doctrinae* (Cic. Mur. 63) 'Ибо я готов признать, Катон, что и я в юности искал поддержки в философии'.

2) *Si igitur tu illum conveneris, scribes ad me, si quid videbitur* (Cic. Att. 12.28.1) 'Так что если ты его встретишь, напиши мне, если что покажется тебе достойным'.

3) *Haec erit bono genere nata* (Pl. Per. 645) 'Она, должно быть, благородного происхождения'.

Стоит отметить, что те же модальные оттенки имеет и конъюнктив, когда он употребляется в независимом предложении или в некоторых видах придаточных.

² Примеры из: Pinkster 1990: 226.

4) *Domi opperiamur potius, quam hic ante ostium!* (Ter. Eun. 895) 'Лучше подождем дома, чем здесь, перед входом!'

5) *Neminem cito laudaveris, neminem cito accusaveris!* (Sen. De mor. 76) 'Никого скоро не хвали, никого скоро не обвиняй!'

6) *Sit nox com somno; sit sine lite dies!* (Mart. 2, 90, 10) 'Да будет ночью сон, да будет день без ссоры!'

Подобная формальная и семантическая связь будущего времени и конъюнктива существует во многих языках: формы футурума могут выражать волеизъявление, побуждение к действию, долженствование, возможность и иные модальные оттенки, поскольку зачастую представляют собой грамматикализованные показатели намерения. Именно таково происхождение форм будущего времени в английском и балканских языках (Плунгян 2011: 434).

В английском глаголы *shall* и *will* служат для образования форм будущего времени и одновременно выполняют функцию модальных, причем модальная – первична: *shall* выражает долженствование, *will* – желание. Сравним:

7) *He will come tomorrow* (будущее время) 'Он придет завтра'.

8) *I will direct my critical remarks to the author of the article* (модальное значение) 'Я хочу высказать свои критические замечания автору этой статьи'.

9) *I shall ring you up as soon as arrive* – Я позвоню вам, как только приеду (будущее время).

10) *The following points shall be mentioned* (модальное значение) 'Следующие вопросы должны быть упомянуты'.

В русском языке будущее время часто имеет побудительное значение, соответствующее латинскому *Coniunctivus hortativus*, как в начальной строке известного стихотворения Катулла (ср. 5) и 6):

11) *Будем жить и любить, моя подруга!* (Пер. А. Пиотровского)

12) *Vivamus, mea Lesbia, atque amemus!* (Cat. 5, 1)

Во французском языке *Future immédiat* (как и *Future simple*) может использоваться во втором лице для выражения побуждения или приказа:

13) *Vous allez lui expliquer que c'est très important* 'Объясните ему, что это очень важно'³.

³ franco-manie.ru/publ/grammaire/futur/futur_immediat.../33-1-0-169

Итак, семантические поля будущего времени и конъюнктива накладываются друг на друга, будущее активно узурпирует функции сослагательного наклонения, однако его экспансия никогда не доходит до того, чтобы полностью вытеснить последнее из языка. Объяснение, вероятно, кроется в том, что сослагательное наклонение выполняет еще множество других функций, не подвластных будущему, – семантических либо согласовательных – в составе сложных предложений. Держать паритет этим двум глагольным категориям позволяет, как мы видели, относительно разумная дистрибуция средств выражения, которая нарушается лишь в 1 л. ед. ч., а значит, язык выделяет таким способом именно *говорящего*, а не какого-либо другого участника коммуникации и не третье лицо.

Попробуем понять, почему так происходит.

Язык, как средство общения людей друг с другом, обладает определенным набором элементов – грамматических категорий, слов, конструкций, – которые называются эгоцентрическими элементами, или эгоцентриками (в английской терминологии *indexicals*). Семантика эгоцентрического элемента предполагает присутствие в ситуации некоего субъекта – говорящего или его аналога (Падучева, 2011: 4). Эгоцентрики служат для выражения субъективности в языке, а последняя, по мнению Э. Бенвениста, является его фундаментальным и имманентным свойством, более того, *conditio sine qua non* его существования (Бенвенист 1974: 295): «язык настолько глубоко отмечен выражением субъективности, что возникает вопрос, мог ли бы он, будучи устроенным иначе, вообще функционировать и называться языком». Тот факт, что язык «позволяет каждому говорящему, когда он обозначает себя как говорящий, как бы присваивать себе язык целиком» (Бенвенист 1974: 296), обусловлен наличием в нем эгоцентрического инструментария.

Теория эгоцентрики, в том числе на материала русского языка, детально разработана в трудах Ю. Д. Апресяна, Е. В. Падучевой, Н. К. Онипенко, Е. Г. Хомяковой и других лингвистов (Апресян 1995; Падучева 2011; Онипенко 2013; Хомякова). Не вдаваясь во все детали этой теории, мы остановимся лишь на той ее части, которая представляется наиболее значимой для предмета нашего исследования: взаимоотношение дейксиса и эгоцентричности. В этом вопросе мы опираемся на понимание дейксиса как одного из проявлений эгоцентрики: дейктические компоненты языка наряду со средствами выражения модаль-

ности и маркерами субъективной оценки как раз и формируют то, что можно обобщенно назвать эгоцентрией (Апресян 1995: 631; Падучева 2011: 4).

К дейктическим категориям языка принадлежат, наряду с прочими, лицо, время и наклонение, поскольку именно с их помощью говорящий соотносит высказывание с моментом речи и выражает свое – субъективное – отношение к содержанию высказывания. В самом деле, категория лица соотносится с личными местоимениями, т. е. дейктическими словами в их чистом виде, а категория времени так или иначе относится к речевому акту, поскольку действие, выраженное личной формой глагола, всегда каким-то образом соотносится с моментом речи (совпадает с ним по времени, предшествует либо следует за ним), а значит, представляет собой дейктическое слово (Успенский 2007: 13). Что касается наклонения, то оно является, по сути, «грамматикализованной модальностью» (Плунгян 2011: 423), а модальность, как уже говорилось, – это один из основных «эгоцентрических» механизмов естественных языков, позволяющих не просто описывать мир, «как он есть», но представлять субъективный образ мира – т. е. мир, пропущенный через призму сознания и восприятия говорящего (Плунгян 2011: 424).

Из всех лиц наибольшей субъективностью обладает первое, именно им и под его углом зрения порождается речевой акт, именно ему язык обязан тем, что мы называем ЭГОцентрией. Особый статус говорящего имеет многообразные проявления в языке. Э. Бенвенист обратил внимание на то, что некоторые группы глаголов обладают различной семантикой в 1 лице и в остальных: это глаголы, обозначающие мыслительные операции (*полагать, заключать, предполагать и др.*) и некоторые глаголы говорения (*клясться, обещать, гарантировать, удостоверять*) (Бенвенист 1974: 297–299). Например, при употреблении последних в 1 л. ед. ч. высказывание становится тождественным самому акту говорения (*Я клянусь. Я обещаю*), что не заложено в значении глагола, а достигается именно за счет «субъективности» речи (Бенвенист 1974: 299). Легко заметить, что совсем иное значение такие глаголы принимают в 3 лице: в то время как *я клянусь* является обязательством, *он клянется* – всего лишь описание того же рода, что и *он бежит, он курит*» (Бенвенист 1974: 299). Исследование русских глаголов в заданном Э. Бенвенистом направлении привело Е.В.Падучеву к очень интересным результатам (Падучева 2008: 136–142). Она разде-

лила контексты, в которых 1 лицо проявляет свою исключительность, на три группы.

Первая группа – это перформативное употребление глаголов, которое только и становится возможным благодаря 1 лицу, например:

14) *Я поздравляю тебя, я хочу заметить, я советовал бы вам, я восхищаюсь Вашим поступком и т.д.* Эта группа совпадает с одной из выделенных Э. Бенвенистом групп глаголов, с той разницей, что он не употребляет термин «перформативный».

Вторая группа – это контексты, реагирующие на нарушение условий успешности речевого акта, касающихся говорящего. Сравним:

15) а. *Она умна, но Джон так не считает.* в. **Она умна, но я так не считаю* (здесь вторая часть высказывания вступает в противоречие с первой, образуя т.н. парадокс Мура, (Падучева 2008: 139)).

Третья группа – контексты слов со «стереоскопической» семантикой, предполагающих взгляд на предмет с различных точек зрения.

В эту группу входят некоторые виды неопределенных местоимений, ср.:

16) а. *Иван хочет спеть какую-то песню.* в. **Я хочу спеть какую-то песню.*

Сюда же относятся выражения мнения, у которых в значение глагола входит контрфактическая презумпция – компонент, утверждающий расхождение чьего-либо мнения с мнением говорящего, ср.:

17) а. *Иван воображает (ошибочно считает), что он умен.* в. **Я воображаю (ошибочно считаю), что я умен.*

Особый класс слов, не сочетающихся с 1 лицом, образуют глаголы с отрицательной оценкой субъекта действия или состояния, ср.:

18) **Я повадился, я много о себе воображаю, не мое собачье дело.*

Кроме того, контексты, чувствительные к противопоставлению 1 и не 1 лица, создают предикаты, описывающие ситуацию глазами внешнего наблюдателя:

19) **Я маячил в проеме дверей, *я торчал из окна*⁴.

---

⁴ Примеры взяты из: Падучева 2008.

Полагаем, что сказанного достаточно для доказательства того, что 1 лицо имеет особый статус, как один из важнейших эгоцентрических компонентов языка, и это его свойство находит самые разнообразные проявления. Одно из них – особая маркировка форм 1 л. ед. ч. Futurum I и II в латыни, которая и привлекла наше внимание.

Особое маркирование 1 л. ед. ч. Fut. I, как мы знаем, приводит к тождеству форм Fut. I и Praes. cop., или к их нейтрализации по признакам времени и наклонения. Нейтрализации, снимая противопоставления по одним признакам, тем самым могут создавать другие⁵. В формах 1 л. ед. ч. нейтрализация рождает общий признак «ирреальности»⁶ пропозиции, т.е. переводит ее в семантическую зону воображаемого (желательного, возможного, приближающегося, ожидаемого и т. д.), но (пока) не существующего в действительности. В целом, это позволяет разнообразить коннотации и сделать неоднозначным, т.е. более богатым, объемным высказывание главного участника речевого акта.

Наше предположение подкрепляется обращением к текстам латинских авторов, в частности, анализом контекстов, в которых Цицерон использовал форму *dicam*. Мы анализировали употребления этой формы только в независимых предложениях, т.е. там, где ее появление не обусловлено требованием использования конъюнктива в определенных типах придаточных.

20) *Aspendum vetus oppidum et nobile in Pamphylia scitis esse, plenissimum signorum optimorum. Non dicam illinc hoc signum ablatum esse et illud: hoc dico, nullum te Aspendi signum, Verres, reliquisse* (In Verr. 2, 1, 53) ‘Вы знаете, что в Памфилии есть старый и знаменитый город Аспенд. Я не скажу/ не могу сказать, что та или эта статуя была увезена оттуда: я говорю то, что ты, Веррес, ни одной статуи в Аспенде не оставил!’

Контекст употребления формы *non dicam*, как нам кажется, выражает *нежелание* Цицерона сделать соответствующее

⁵ Например, в английском языке согласование с глаголом *to be* в настоящем времени сохраняет признак «только говорящий» (*I am*) и нейтрализует оппозицию по полу для 3 л. ед. ч. (*he / she / it is*), создавая новый признак «неокутор». Подробнее об этой и других нейтрализациях см. (Желтов 2008: 127 слл.).

⁶ Если понимать под ирреальностью «все те ситуации, которые не существуют в настоящем и не существовали в прошлом» (Плунгян 2011: 446).

утверждение, а не просто отказ говорить в будущем. Присутствие в том же предложении формы *dico* позволяет лучше понять семантику *dicam*: формы *dicam* (Fut. I / Praes. con.) и *dico* (Praes. ind.) противопоставлены друг другу не на временной оси, а на модальной, как антитеза невозможного /нежелательного высказывания и категорического утверждения.

21) *Sed de Lucullo dicam alio loco, et ita dicam, Quirites, ut neque vera laus ei detracta oratione mea neque falsa adficta esse videatur* (Pro Leg. Manil. 11) ‘Но о Лукулле я, **пожалуй**, в другом месте **скажу**, и так **скажу**, чтобы не казалось, будто истинная слава у него отнята моей речью или ложная – приписана’.

В этом примере две омонимичные формы *dicam* обладают разными грамматическими и модальными значениями: первая – Praes. con. со значением Con. potentialis, а вторая – Fut. I. с чисто временным значением.

22) *At in ipsum Habitum animadverterunt. Nullam quidem ob turpitudinem, nullum ob totius vitae non dicam vitium sed erratum. Neque enim hoc homine sanctior neque probior neque in omnibus officiis retinendis diligentior esse quisquam potest* (Pro Cluent. 133) ‘Но они обратились против самого Габита. Впрочем, не из-за какого-либо позорного поступка, не из-за какого-нибудь, **я бы сказал** – не порока всей жизни, но промаха’.

Цицерон использует здесь форму (*non*) *dicam* в функции вежливого, смягченного утверждения, классифицируемого скорее как Con. potentialis, чем как Fut. I.

23) *Qua de re tota si unum factum ex omni antiquitate protulero, plura non dicam* (Pro Cluent. 134) ‘Обо всем этом деле, если один пример из старых времен я и приведу, больше говорить не буду’.

В этом пассаже *non dicam* употреблено в паре с *protulero* (Fut. II), что позволяет интерпретировать эту форму как Fut. I. Данный пример позволяет сделать осторожный вывод, что формы на *-am* могут однозначно интерпретироваться как Fut. I только в паре с Fut. II или в других контекстах противопоставления временных планов, как в следующем примере:

24) *Maxima voce ut omnes exaudire possint dico semperque dicam* (Pro Sulla 33) ‘Сколь возможно громко, чтобы все могли услышать, я **говорю и всегда буду говорить**’.

Итак, синкретизм форм на *-am* является одним из маркеров эгоцентричности, т. е. придания особого статуса говорящему.

Похожую функцию, хотя и диаметрально противоположным образом, выполняет маркирование 1-го л. ед. ч. разными суффиксами в парадигмах Fut. II и Perf. cop., имеющих для всех остальных лиц и чисел тождественные формы.

Мы проанализировали контексты употребления форм *dixero* и *dixerim* во всем Цицероновском корпусе, используя базу данных РНБ 5. Форма *dixero* встретилась 28 раз, а *dixerim* – 59. Само по себе сравнение этих чисел представляется нам бессмысленным, поскольку демонстрирует гораздо большую востребованность в языке перфекта конъюнктива по сравнению с перфектным будущим. Futurum II выполняет по преимуществу таксисные функции в составе придаточных предложений⁷ и не имеет модальной нагрузки, в то время как Perf. cop. употребляется как в главных, так и в придаточных и, помимо согласовательных функций, обладает также модальными.

Сфера проявления модальности Perf. cop. – это, в основном, независимые предложения либо придаточные, в которых по правилам латинского языка конъюнктив не требуется, а значит, его наличие сигнализирует о модальном оттенке. Из 59 употреблений *dixerim* у Цицерона 34 (более половины) оказались в функции Cop. potentialis, как в следующих примерах:

25) *Citius dixerim iactasse se aliquos ut fuisse in ea societate viderentur ...* (Philipp. 1, 25) ‘Я скорее **сказал бы**, что некоторые хвастались, чтобы казалось, будто они были в этом сообществе...’

26) *Ibi est ex aere simulacrum ipsius Herculis, quo non facile dixerim quicquam me vidisse pulchrius* (In Verr. 2, 4, 94) ‘Там находится изображение самого Геркулеса, и мне **было бы нелегко сказать**, что я видел что-нибудь прекраснее его’.

27) *Omnibus fere in rebus sed maxime in physicis quid non sit citius quam quid sit dixerim* (De nat. deor. 1, 60) ‘Во всех почти вещах, но более всего в естественных, я **бы скорее мог сказать**, чего не существует, чем что существует’.

Эти и множество других примеров позволяют предположить, что именно модальная нагруженность Perf. cop. и необходимость ее эксплицирования в 1 л. ед. ч. препятствовала пол-

⁷ Fut. II очень редко употребляется в главных предложениях для обозначения состояния, современного упоминаемому или подразумеваемому будущему факту и являющегося следствием другого действия в будущем (Соболевский 1998: 214). Примеры см. в (Ходорковская 2009: 83–84).

ному отождествлению парадигм Fut. II и Perf. cop. и сохранению за каждым из этих времен особой формы в «эгоцентрических» контекстах.

В заключение, присоединяясь к словам Ю.Д.Апресяна о том, что «язык не только антропоцентричен, но и эгоцентричен в гораздо большей степени, чем признается в настоящее время» (Апресян 1995: 648), мы хотим выразить надежду, что и за пределами «аномальных» форм *первого и второго будущего* (апологии которых посвящена наша статья) эту область исследования ожидает большое будущее.

Литература

- Апресян 1995 – Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира //Избранные труды. Т. 2. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 629–650.
- Бенвенист 1974 – Бенвенист Э. Общая лингвистика. Под ред. Ю. С.Степанова. М.: Изд-во «Прогресс», 1974.
- Боровский, Болдырев 1975 – Боровский Я. М., Болдырев А. В. Учебник латинского языка. Изд. 4-е. М.: «Высшая школа», 1975.
- Желтов 2008 – Желтов А. Ю. Языки нигер-конго: структурно-динамическая типология. СПб: Изд-во СПбГУ, 2008.
- Линдсей 1948 – Линдсей В. М. Краткая историческая грамматика латинского языка. М., 1948.
- Онипенко 2013 – Онипенко Н. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 92–121.
- Падучева 2008 – Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. Изд. 5-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Падучева 2011 – Падучева Е. В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3–18.
- Плунгян 2011 – Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Соболевский 1998 – Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. СПб.: Изд-во «Алетейя», 1998.
- Тронский 2001 – Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. Изд. 2-е. Под общ. ред. Н.Н.Казанского. М.: Изд-во «Индрик», 2001.
- Успенский 2007 – Успенский Б. А. Ego Loquens. Язык и коммуникационное пространство. М., 2007.
- Ходорковская 2009 – Ходорковская Б. Б. Синтаксис и семантика классического латинского языка. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2009.

- Хомякова – Хомякова Е. Г. Языковой эгоцентризм. Уровни актуализации. http://www.phil.pu.ru/depts/02/anglistikaXXI_01/68.htm
- Эрну 2004 – Эрну А. Историческая морфология латинского языка. Пер. с фр. М.А.Бородиной. Под ред. проф. И. М.Тронского. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Handford 1946 – Handford S.A. The Latin Subjunctive. Its Usage and Development from Plautus to Tacitus. London, Methuen & Co. Ltd., 1946.
- Pinkster 1990 – Pinkster H. Latin Syntax and Semantics. London ; New York : Routledge, 1990.

E. V. Zheltova. On the language egocentrism and anomalous paradigms in Latin

The author makes an attempt to explain why the first person singular forms in Latin are marked with special suffixes comparing to the other forms in the paradigms of the Future (-a- instead of -e-) and the Future Perfect (-er- instead of -eri-). The suffix -a- is also used for the Pres. Subj., and its first person singular is homonymous with the Future first person singular that creates the ambiguity in some contexts, but is not the reason to unify the paradigm of the Future. As for the -eri- suffix it is also used for the Perf. Subj. and creates the homonymous forms for all the persons in its paradigm but one – the first person singular. In both cases it is the first person singular that is specifically singled out in Latin.

From the typological point of view the singling out of the speaker is not a rare phenomenon and can be expressed by different means in the languages (i.e. morphologically, pragmatically etc.).

The author of the paper explains this phenomenon as a manifestation of language egocentrism. The first person singular is one of the egocentric elements (or indexicals) that serve to express the subjectivity of the language and to give a special status to the speaker. The analysis of many occurrences of the forms *dicam* (Future / Pres. Subj.), *dixero* (Future Perf.) and *dixerim* (Perf. Subj.) in the Cicero's corpus, as well as numerous parallels from the other languages help the author to substantiate this hypothesis.

Keywords: the Latin language, deixis, indexicals, subjectivity, modality, Future tense, Subjunctive mood.

ЭРИУ И КОДАЛ: ВОСПИТАНИЕ БОГИНИ И ОСТРОВА*

В статье рассматривается этимология и географическая привязка древнеирландского топонима Бенн Кодал, упоминаемого в текстах жанра диннхенхас («старина мест»), и связанные с ним мифологические мотивы. Обычно Бенн Кодал отождествляется с островом Глаз Ирландии (Ireland's Eye), расположенным у восточного побережья Ирландии. Многие тексты связывают Кодал с королевской властью, прежде всего с потомками легендарного Конна Ста Битв (короли Коннахта и Уи Нейллы). Кодал, возможно, был расположен на севере Ирландии и обладание им служило необходимым атрибутом королевской власти; в то же время он мог быть условным обозначением и символом Ирландии в целом.

Ключевые слова: старина мест, диннхенхас, средневековая ирландская литература, древнеирландский язык, кельтология, этимология, Ирландия в Средние века

Среди средневековых ирландских текстов, условно именуемых «Старина мест», есть объяснения различных географических названий, но среди них практически полностью отсутствуют названия островов. Так, поэма «Тара, Тальтиу, земля собраний» (Temaír, Tailtiu, tír n-benaig) (Gwynn 1903: 38–45) перечисляет *dindgnai* – ‘достопримечательности’, или ‘памятники’ Ирландии, но среди них нет ни одного острова. Наряду с долинами и местами собраний текст включает названия рек, бродов и озёр. Многие озёра и реки, прежде всего течение реки Шэннон (широкие разливы на ней, например, Лох-Ри, традиционно считались озёрами) имели на себе острова, но о них практически не упоминается.

Единственный остров, происхождение которого косвенно освещает «Старина мест» – это сама Ирландия, но и этот сюжет не посвящён Ирландии, как таковой, а содержится в тексте под названием «Бенн Кодал» (Benn Codoil), то есть «Вершина Кодала». Текст рассказывает об Эриу и её воспитателе Кодале, который кормил девушку своей едой (tuara Codail), в результате чего гора, на которой она росла, стала подниматься вверх и если

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 13-04-00024: «Образ острова в языке и культуре кельтов и германцев».

бы Эриу не остановила этот процесс, то гора могла бы заполнить всю Ирландию (Stokes 1895: 60–61). Приведем этот отрывок полностью в переводе С. В. Шкунаева:

«Почему так назван Бенн Кодайл?

А вот почему. Кодал Коркихех¹ был приемным отцом Эриу, чьим именем назван Инис Эрин. На том холме кормил он свою приёмную дочь, и всякая пища, что давал он ей, поднимала под ними холм. И сказала тогда Эриу своему приёмному отцу:

– Поднялась я так высоко, что солнце обжигает меня и ветер копьями пронзает наши уши. Не скажи она так, рос бы и дальше тот холм, покуда не ушла бы в него вся Ирландия. Когда же кто из наследников Эриу (*comorba Erenn*) ест пищу Кодала (*tuara Codail*), [будь то мясо, рыба или птица], прибывает его сила и мужество. Оттого и Бенн Кодайл» (Шкунаев 1991: 233).

Отметим, что пассаж *ní d'enlaith nó d'fiaduch nó di iasc* (буквально – «будь то птица, мясо (диких животных) или рыба» не содержится в тексте рукописи «Реннской старины мест»: он был дополнен Стоуксом по другим рукописям, в том числе Эдинбургской (Stokes 1893: 490). В издании «Эдинбургской старины мест» Стоукс также приводит стихотворение, которым заканчивается пассаж про Бенн Кодайл, но не переводит его; предположительно мы можем перевести его так:

Codhal Coirrchicheach go n-aibh
topghais Erind abradchain
manbadh Eriu caemh monur
cia cia bad leiriú caemhchodhul

‘Кодал Коркихех с поэтическим вдохновением
Избрал (?) Эриу с тонкими ресницами,
Если бы не труды (?) прекрасной Эриу,
Что бы было заметнее прекрасной шкуры²’.

¹ Прозвище *Corrcichech* обозначает ‘с округлой грудью’, причём *cich* – это, как правило, женская грудь. Скорее всего идёт речь о том, что Кодал выкормил свою воспитанницу физически, грудью (мотив выкармливания младенцев мужчинами неоднократно встречается в средневековой ирландской литературе).

² Мы понимаем *aibh* как дательный падеж мн.ч. от *aí* ‘поэтическое вдохновение, поэма’, а *topghais* предположительно трактуем как форму от *do-goa* ‘выбирать’. Повторение *cia* должно быть опиской.

Стихотворный вариант «Старины мест» добавляет, что Кодал был похоронен в прославившем его холме; кроме того, поясняется, кто, собственно, является «наследником Эриу»: «пищу Кодала» должен есть верховный король, и тогда «воспитанница Кодала» (*mess Codail*), то есть Эриу, будет проявлять заботу о нём (Gwynn 1924: 184–187)³.

Ряд исследователей полагает, что упомянутый в тексте «Остров Ирландия» (буквально – «остров Ирландии», *Inis Érend*) не обозначает всю Ирландию, а лишь какой-то небольшой остров. Наиболее вероятный кандидат – остров, именовавшийся в Новое время *Ireland's Eye* (Глаз Ирландии) и расположенный близ Дублина. Такое отождествление было предложено ещё О'Донованом в комментариях к «Анналам четырёх мастеров» за 911 год (O'Donovan 1856 (2): 582). О'Донован был неправ хотя бы потому, что в комментарии он отождествляет *Inis Érenn* и *Codail*, в то время, как, как мы увидим дальше, *Codal* как географическое название не обязательно идентичен *Inis Érenn*.

Имя воспитателя Эриу – Кодал (*Codal*) означает 'шкура, кожа'. Следует отметить, что в ирландском языке также существует слово *cotal, codal* 'сон', которое является поздним отглагольным существительным от глагола *con-tuili* 'спать' и в древне- и среднеирландских текстах, насколько нам известно, ещё не встречается (древнеирландское отглагольное существительное от *con-tuili* – *collud*). *Codal* обозначает шкуру, чаще всего уже снятую с животного и часто употребляется, как обозначение шкуры, используемой для выделки лодок-курахов.

Слово *codal* – женского рода, однако персонаж «Старины мест» явно мужского пола. В этом нет противоречия, так как слова с основной на *-ā* могли в древнеирландском служить именами лиц мужского пола и мужских профессий (*cerd* 'ремесло, ремесленник', *techt* 'хождение, посланник'). Ряд таких примеров приводит М. О'Брайен: *Bres* (G. Breisse), *Ercc* (G. Eircce), *Dúnlaing* (G. Dúnlainge), личное имя *Cerd*, множество производных от слова ж. р. *gal* 'ярость, бешенство' (*Artgal, Dúngal* и т. п.), которые позднее начинают склоняться как существительные мужского рода с основой на *-o* (Ó Brien 1973: 224).

Ю. Покорный возводил *codal* к индоевропейскому корню *keud^h- 'прятать' (IEW 952), что нашло поддержку Д. К. Адамса

³ Краткий стихотворный вариант этого сюжета содержится также в стихотворной «Старине мест» из «Книги Уи Майне» (Gwynn 1926/1928: 80).

(Adams 1994). Ряд исследователей считают *Codal* заимствованием из средневекового латинского *cutilia* от *cutis* из и.-е. *kuH-t-i- 'кожа' (de Vaan 2008: 160) через посредство бриттского. Такую этимологию предлагает средневековый ирландский глоссарий О'Малхрона: *Codal a cutilia .i. a pelle, quia cutis cutilia cuticula sit* (EIGD). Её поддерживают Вандриес и Матасович (Matasović 2009: 230)⁴. Более правдоподобной представляется точка зрения Г. Кроонена, который постулирует и.-е. корень *kuH- с суффиксом *-ti*, откуда происходят латинское *cutis* и прагерманское *hūdi- (отсюда др.-англ. *hūd*, д.-в.-н. *hūd* и другие); ср.-ирл. *codal* же, по мнению Кроонена, является производным с другим суффиксом: *kuH-d^hléh²- (Kroonen 2013: 251–252).

«Кодал» как географическое название встречается в нескольких памятниках средневековой ирландской литературы. Его локализация не ясна, но есть основания полагать, что Кодал не являлся островом. В приложениях к «Стихотворной старине мест» Э. Гвинн опубликовал текст, посвящённый Кодалу (Gwynn 1924: 268–271), содержащийся в рукописи Stowe D.2.2. Согласно этой истории, Кодал был воином при дворе бога Дагды, короля Племян богини Дану. Сын Дагды Аэд поставил Кодала управлять областью Маг Флиухросс (местоположение неизвестно); затем Аэд попытался силой отнять у Кодала его жену Эхрад, дочь Гаранна. Кодал отбил её у Аэда; произошло примирение, и Кодал получил в дар землю, на которой ему было нанесено оскорбление. Поэтому в честь Кодала называется некий холм, а соседний в честь его сына – Кодлин (Codhlín) – уменьшительное от «Кодал»; здесь Кодал, очевидно, не остров, а холм на некоей равнине (mag). Э. Гвинн указывает на стихотворный отрывок из «Книги Лейнстера», который подтверждает, что Кодал являлся королевской резиденцией, вероятно, связанной с потомками Конна Ста Битв (коннахтами и Уи Нейллами)⁵, но конкретное его местоположение неясно (Gwynn 1924: 447).

⁴ Прилагательное *cutilis* не засвидетельствовано (ср. Meyer-Lübke 1972; Niermeyer 1976; OED 1968; Du Cange 1883–1887). Дюканж отмечает варианты *cutica* и *cutila* со значением 'кожа', но не приводит примеров употребления второго. *Cutilia* фиксируется лишь как географическое название в Италии; известно также германское имя *Cutila* и франкское *Cutilas*.

⁵ *Cond dan ceóladart Codal*: 'Конн, приятное жилище которому Кодал'; *ceóladart* буквально 'музыкальная подушка' или 'опора'.

Предсказывая будущее величие Ниалла Девяти заложников как короля Ирландии, друид Торна перечисляет различные почитаемые места Ирландии, называя мальчика «длинный бок Тары, обладатель (военных) лагерей долины Фемен, хранитель Моэнмага, чтимый в Алмайне, старец Лиффи, белое колено Кодала» (Stokes 1903: 192). Торна называет Тару – резиденцию Верховного короля, долину Фемен в Мунстере (современное графство Типперери), Моэнмаг (долина Мой в графстве Голуэй в Коннахте), Алмайн – историческое место, связанное с королями Лейнстера, долину Лиффи на восточном берегу Ирландии (окрестности Дублина – историческая область Брега). Ещё одна нить, связывающая потомков Конна с Кодалом – это стихотворение XII в. о королях Коннахта, где говорится, что Тадг, сын Катала (ум. 1030), «объезжал Кодал» (*rochuir cúaird Codail*), а Арт (ум. 1046) был «красавцем области Кодал» (*críchi Codail*) (Liddell 1913: 466–469). «Внуком короля Кодала» (*ба рíг Codail*) назван также происходивший из рода Уи Нейллов святой Колумба (Gwynn 1924: 100). В поэмах, приписываемых поэту XI в. Гилла Коэману, Муїредах Тирех, дед Ниалла Девяти заложников, также именуется «потомком Конна Кодала»; в то же время королём Кодала именуется и совершенно мифический Ниа Сегомон, вероятно, являвшийся божеством (Smith 2007: 138–139, 154–155).

Можно предположить, что Кодал мог локализоваться где-то на севере Ирландии, в Ульстере, поскольку ульстерские топонимы в перечне друида Торны отсутствуют. Косвенным доказательством этого может служить то, что в одной из рукописей «Войны гойделов с чужеземцами» (*Cogadh Gaedhel re Gallaibh*) «король Куальнге» (*rí Cuailgne*), местности в Ульстере, где происходит действие «Похищения быка из Куальнге», назван «королём Кодлаха» (*rí Codlaigi*) (Todd, 1867: 44)⁶; *codlach* ‘кожаный’ – прилагательное от *codal* ‘кожа’. Не исключено, что «Кодлах» – это синоним названия «Куальнге», если в рукописи нет описки. С севером также связывает Кодал поэма XII в.

---

⁶ «Война гойделов с чужеземцами» упоминает о гибели короля Кодлаха Фергуса Фиала; согласно анналам, это произошло в 970 году. Фергус был убит вместе с Кинаэдом, королем племени Конойлле Муїртеме, населявшего сопредельную Куальнге область (территория современного графства Лаут); как минимум ещё один источник упоминает отдельно «короля Муїртеме» и «короля Куальнге». Подробнее (Thornton 2003: 181–182).

«Дети Оллама, знать Эмайн», где перечисляются короли Ульстера, в том числе герой уладского эпоса король Конхобар: поэма сравнивает его с гомеровским Приамом (Byrne 1964: 61), причём он именуется «Конхобаром Кодала» (Conchobair Codail).

Менее определённая локализация в случае с упоминанием о Кодале в применении к Энгусу (ум. 915)⁷, наследнику короля Тары Фланна Синны (ум. 916) в стихотворении, процитированном в «Анналах четырёх мастеров»: «не было среди ирландцев юноши такого, как Энгус Кодала» (Aonghus Codhail) (O'Donovan 1856 (2): 582). Неясно, что имел в виду автор: возможно, Кодал вставлен сюда всего лишь для рифмы: в следующей строке говорится о другом королевском сыне, «Домналле Добала» (Dobhail). Но может быть, это и указание на его королевское происхождение: в другом стихотворении на его смерть, помещённом в «Анналах Ульстера», он назван «Энгус Фала» (Mac Airt and Mac Niocall 1983: 362); Фал (Инис Фаль) – синоним Ирландии.

Противоречит предположению о прямой связи Кодала с севером и / или династией Уи Нейллов именование доисторического короля Мунстера Эохайда «королём Клэра и Кодала» (rí Cláire is Chodail) в одной из «старин мест» (Gwynn 1913: 342)⁸.

Есть свидетельства и о других связанных с Кодалом топонимах: Лох-Кодайл («Озеро Кодала») и Сид Кодайл («волшебный холм Кодала»). Рассказ о Сид Кодайл содержится в любопытном тексте, который К. Мейер назвал «Эльфийское погребение» (Meuer 1912; ирландский перевод в Gwynn 1914). Поэт Урард Мак Койссе на берегу озера Лох-Лейн (графство Уэстмит в центре Ирландии) встречает красавицу огромного роста, которая оплакивает своего возлюбленного, убитого в Сид Кодайл и

⁷ Энгус умер 7 февраля 915 года в результате ранений, полученных двумя месяцами раньше в битве при Греллах Эльте (очевидно, Герли близ Келлса в современном графстве Мит) (Hudson 1996: 149–150).

⁸ Следует отметить, что Эохайд, сын Лухты – персонаж дохристианский и явно мифический: разные тексты называют местом его правления юг Коннахта и Керри в Мунстере. Больше всего он был известен битвой при Финдхоре (частично сохранилась соответствующая сага); Финдхора предположительно находилась в графстве Клэр и в 1157 году там якобы был найден череп Эохайда, глаза которого были «величиной с большой котёл» и через каждую глазницу «мог бы пройти самый большой гусь» (O'Donovan 1856 (2): 1126–1129; Gwynn 1913: 589). Возможно, именно поэтому Эохайд был назван «королём Клэра».

говорит, что он погребён в Клонмакнойсе. Поэт рассказывает об этом королю Ирландии Конгалаху (ум. 956). Король и поэт отправляются в Клонмакнойс⁹, но там ничего не слышали ни о каком погребении. На следующий день умирает один из монахов, и когда начинают копать для него могилу, находят кровь и берёзовые листья. Под листьями лежит тело: это прекрасный мужчина с золотыми волосами ростом двадцать пять футов. Могилу временно закрывают, а на следующей день тело исчезает. Неясно, был ли убитый самим Кодалом и вообще принадлежал ли он к жителям Сид Кодайл или был убит при нападении на него.

Наши выводы носят предварительный характер; многие мотивы, фигурирующие в тексте «Старины мест» («пища Кодала», образ «шкуры», сама фигура Кодала в средневековой ирландской литературе, Эриу как воспитанница Кодала) требуют дополнительного исследования. Кодал вряд ли можно отождествить с небольшим островком, «Глазом Ирландии» и «Инис Эрин» в нашем тексте, скорее, обозначает Ирландию в целом. Возможно, Кодал – это древняя крепость или мегалитическая гробница на севере Ирландии, точное местоположение которой неизвестно; обладание Кодалом, как и Тарой, Алмайном и другими историческими местами, должно было являться атрибутом королевской власти (возможно, прежде всего власти потомков легендарного Конна Ста Битв). Можно думать и что попытки поздних комментаторов увязать Кодал с реальными географическими объектами обусловлены непониманием древней идиомы, и *Codal* ‘кожа, шкура’ является образным обозначением всей Ирландии; эта трактовка не исключает существования реального Кодала.

Литература

- Шкунаев 1991 – Шкунаев С. В. Предания и мифы средневековой Ирландии. М.: Из-во МГУ, 1991.
- Adams 1994 – Adams D. Q. ‘A Tocharo-Germanic Correspondence: Toch B tuk- ‘be hidden’ and OE *dēog* ‘She concealed himself’’, *Historische Sprachforschung // Historical Linguistics*. 1994. Vol. 107 (2). P. 310–312.
- Byrne 1964 – Byrne F. J. *Clann Ollaman Uaisle Emna* // *Studia Hibernica*. 1964. Vol. 4. P. 54–94.

---

⁹ Лох-Лейн и Клонмакнойс расположены довольно далеко друг от друга, но не слишком: между ними около 74 километров. Это расстояние можно преодолеть верхом менее чем за день.

- de Vaan 2008 – de Vaan M. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages* / ed. A. Lubotsky. Leiden, Boston: Brill, 2008 (= *Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series*, 7).
- Du Cange 1883–1887 – Du Cange C. *Glossarium mediae et infimae latinitatis*. Niort: L. Favre, 1883–87.
- Gwynn 1926/1928 – Gwynn E. J. *The Dindsenchas in the Book of Uí Maine* // *Ériu*. 1926/1928. Vol. 10. P. 68–91.
- Gwynn 1903 – Gwynn E. (ed.). *The Metrical Dindsenchas. Part I. Text, translation and commentary*. Dublin: Hodges, Figgis, 1903 (= *Todd Lecture Series*).
- Gwynn 1913 – Gwynn E. (ed.). *The Metrical Dindsenchas. Part III. Text, translation and commentary*. Dublin: Hodges, Figgis, 1913 (*Todd Lecture Series*, 10).
- Gwynn 1924 – Gwynn E. (ed.). *The Metrical Dindsenchas. Part IV*. Dublin: Hodges, Figgis, 1924 (*Todd Lecture Series*).
- Gwynn 1914 – Gwynn L. *An Old Gaelic Giant Tale* // *The Irish Monthly*, 42 (№ 497, Nov. 1914). P. 640–645.
- Hudson 1996 – Hudson B. T. *Prophecy of Berchán: Irish and Scottish High-kings of the Early Middle Ages*. Westwood, CT: Greenwood Publishing Group, 1996.
- Kroonen, Guus (2013), *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*, ed. Alexander Lubotsky (*Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series*; Leiden, Boston: Brill).
- Liddell 1913 – Liddell M. F. *A poem on the Kings of Connaught* // *Zeitschrift für celtische Philologie*. 1913 Bd. 9. S. 461–69.
- Mac Airt and Mac Niocall 1983 – Mac Airt S., Mac Niocall G. (eds.). *The Annals of Ulster (to A.D. 1131). Part I: Text and translation*. Dublin: School of Celtic Studies, Dublin Institute for Advanced Studies, 1983, (repr. 2004). P. 579.
- Matasović 2009 – Matasović R. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden: Brill, 2009.
- Meyer 1912 – Meyer K. *Mitteilungen aus irischen Handschriften: Elfenbegräbnis. Aus dem Liber Flavus Fergusiorum, fo. 92b 1* // *Zeitschrift für celtische Philologie*. 1912. Vol. 8. S. 559–560.
- Meyer-Lübke 1972 – Meyer-Lübke W. *Romanisches etymologisches Wörterbuch. Fünfte Auflage*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1972.
- Niermeyer 1976 – Niermeyer J. F. *Mediae Latinitatis Lexicon Minus*. Leiden: E. J. Brill, 1976.
- Ó Brien 1973 – Ó Brien M. A. *Old Irish Personal names: M. A. O'Brien's 'Rhôs Lecture'-Notes, 1957* / ed. R. Baumgarten // *Celtica*. 1973. Vol. 10. P. 211–236.
- O'Donovan 1856 – O'Donovan J. (ed.). *Annala Rioghachta Éireann: Annals of the Kingdom of Ireland by the Four Masters from the earliest period to the year 1616*. Vols. 1–7; Dublin: Hodges, Smith, and Co, 1856.
- OED 1968 – *The Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Clarendon Press, 1968.
- Smith 2007 – Smith P. J. *Three Historical Poems Ascribed to Gilla Cóemáin: A Critical Edition of the Work of an Eleventh-Century Irish Scholar*. Münster: Nodus Publikationen, 2007.

- Stokes 1893 – Stokes W. The Edinburgh Dinnshenchas // Folklore. 1893. Vol. 4. P. 471–497.
- Stokes 1895 – Stokes W. The Prose Tales in the Rennes Dindshenchas // Revue Celtique. 1895. Vol. 16. P. 31–83.
- Stokes 1903 – Stokes W. The death of Crimthann son of Fidach, and the adventures of the sons of Eochaid Muigmedón // Revue Celtique. 1903. Vol. 24. P. 172–207.
- Thornton 2003 – Thornton D. E. Kings, chronologies, and genealogies: studies in the political history of early medieval Ireland and Wales. Oxford: Unit for prosopographical research, Linacre College, 2003.
- Todd 1867 – Todd J. H. (ed.). Cogadh Gaedhel re Gallaibh. The war of the Gaedhil with the Gaill: or, The invasions of Ireland by the Danes and other Norsemen; London: Longmans, Green, Reader and Dyer, 1867. (Rerum britannicarum mediævi scriptores; or, Chronicles and memorials of Great Britain and Ireland during the middle ages, 48).

Электронные базы данных

- eDIL – The electronic Dictionary of the Irish Language
(<http://edil.qub.ac.uk/dictionary/search.php>)
- EIGD – Early Irish Glossaries Database
(<http://www.asnc.cam.ac.uk/irishglossaries/>)

N. J. Zhivlova. Ériu and Codal: raising up a goddess and an island

This contribution deals with the dinnshenchas of Benn Codail. This text tell the story of the goddess Ériu raised and fed by Codal *Corrcichech* (Round-breasted). Benn Codail is sometimes equated with Ireland's Eye, an island near Dublin. However, a number of medieval Irish texts describe Codal as a hill on a plain and an abode of kings in the North of Ireland. Possession of Codal was a prerequisite of kingship: Conn of the Hundred Battles and Níall of Nine Hostages are described as being “of Codail”, and Saint Columba as “the grandson of the King of Codal”. Some texts also mention Loch Codail and Síð Codail, seemingly in Meath, but it is hard to tell how (and if) they are connected to the Codal of kings. At the same time, Codal (“the hide”) could be a symbol for Ireland as a whole (even if it existed as a real place).

Keywords: dinnshenchas, Benn Codail, medieval Irish texts, Old Irish, Celtic studies, etymology, Ireland in Middle Ages.

ТИПОЛОГИЯ ТРАГИЧЕСКОЙ ИПОТЕЗЫ

В работе предлагается типология ипотез трагедии (ипотеза аналитическая, формальная, сокращенная, фрагментированная, историко-критическая), рассматриваются предпосылки к развитию жанра (теоретические обобщения Аристотеля, прологи трагедии, риторические упражнения) и основные задачи (мифографический и литературоведческий комментарий, краткий пересказ; с развитием жанра ипотеза не только выступает в функции предваряющего комментария, но и заменяет собой текст). Сохраняя черты критического и теоретического подхода (в принципах организации нарратива и в критическом характере некоторых замечаний), ипотеза становится примером своего рода научной рецепции трагического жанра.

К л ю ч е в ы е   с л о в а: и п о т е з а
(а р г у м е н т), т р а г е д и я, к о м м е н т а р и й,
к р и т и к а, ж а н р, т и п о л о г и я.

Ипотеза (*argumentum*, краткое введение к драматическому произведению) традиционно упоминается при изучении александрийской учености (Фрейберг 1975: 182), античной мифографии (Торшилов 1999: 300–305), аспектов трагического жанра (Wilamowitz 1959: 147; Zuntz 1963: 129–152; Easterling, 1997: 202; Gregory 2005: 271–272, 384–385); объектом специального изучения она становится не так часто (Schneidewin 1852; Trendelenburg 1867; Moore 1901; Luppe 2002; Mossman 2010). В аспекте проблемы комментария как литературного жанра ипотеза обычно находилась в стороне, но теперь и она рассматривается как специфический тип комментария (Luppe 2002), ядром которого является краткий пересказ сюжета.

Сведения, имеющиеся у нас о происхождении и авторстве ипотез, фрагментарны. Ипотеза как термин появляется у Дикеарха, автора труда под названием *Ἑποθέσεις τῶν Εὐριπίδου καὶ Σοφοκλέους μύθων* (Sext. Adv. Math. III 3.). Судя по трактовке Секста Эмпирика, ипотеза у Дикеарха – *δραματικὴ περιέτεια* и *διάταξις*, трактовка автором материала, лежащего в основе драматической фабулы, следование предшественникам или удаление от них; таким образом, труд Дикеарха – это не эксцерпты драм Еврипида и Софокла, а изучение их мифологической основы, своего рода критическое изучение источников, схожее с

Περὶ Αἰσχύλου μύθων Главка из Регия (процитированного, заметим, в гипотезе к Эсхилу «Агамемнону») (Raddatz 1914: 424). Согласно другому предположению (Wilamowitz 1885: 183–184; Zuntz 1963: 135), Дикеарховы гипотезы представляли собой именно краткий пересказ мифа в его драматической интерпретации.

Первым автором гипотез классического образца считается Аристофан Византийский. Именно с определения его авторства начинается (и примерно на том же, с расширением списка до Дикеарха и Саллюстия, заканчивается) изучение гипотез трагедии. Иногда гипотезы содержат прямое указание на авторство Аристофана и Дикеарха, впрочем, возможно, речь здесь идет скорее об авторитете, нежели о непосредственном авторстве (Торшилов 1999: 132). Работа по определению авторства началась в изданиях Наука, Кирхгоффа и Диндорфа, потом появились специальные работы на ту же тему. Опираясь на указания рукописей, Шнейдевин выделил в гипотезах, сохранивших имя Аристофана («Антигона», «Медея», «Вакханки», «Эвмениды», «Троянки»), несколько пунктов, наличие которых в гипотезах безымянных также свидетельствовало об авторстве Аристофана:

1. Краткий пересказ
2. Упоминание, обращался ли к мифу кто-либо еще (формулы κείται ἢ μυθολοία / παρ' οὐδέτερόν κείται ἢ μυθολοία)
3. Место действия, хор, пролог (формулы ἢ σκηνῇ ὑλοκεῖται / ὁ δὲ χορός συνέστηκεν / проλογίζει)
4. Дидаскалии – год, архонт, победа ἐδιδάχθη τὸ δράμα ἐπὶ ἄρχοντος / ἐχορήγει / πρῶτος
5. Номер в списке

Уточняя анализ Шнейдевина, Тренделенбург (Trendelenburg 1867: 5, 6) добавил еще два пункта

6. эстетическое суждение
7. κεφάλαιον – основные части

Имя Дикеарха появляется в сохранившихся гипотезах гораздо реже. Дикеарх упоминается в аргументах «Эдипа Царя» и «Аякса» в связи с названиями и в аргументе «Реса» как составитель другой гипотезы, откуда заимствуется характеристика стиля, λέξις. Его имя появляется в 1 гипотезе к «Медее». Наконец, в сравнительно недавней работе Вольфганг Люппе пред-

ложил считать труд Дикеарха основным источником ипотез (Luppe 2002: 55–77).

В числе авторов ипотез называются также имена Саллюстия Пифагорейца (Schneidewin 1852: 4–7; Wilamowitz 1959: 199) и Дидима (Moore 1901: 296; Raddatz 1914: 418) а также – для византийской эпохи – Фомы Магистра, и вопрос об авторстве как таковом сменяется на проблемы атрибуции отдельных частей. В данной работе предполагается рассмотреть весь корпус сохранившихся ипотез, как отмеченных именем Аристофана, так и приписанных ему по формальным признакам, а также приписанных Дикеарху или не имеющих надежной атрибуции. Раскладываемые на отдельные авторские единицы ипотезы тем не менее представляют собой некое целое, особый тип комментария, пусть даже и соединяющий авторство и компиляцию из других источников. Поэтому мы рассматриваем их, несколько отвлекшись от проблем атрибуции и композиции и обратив внимание на литературно-критический подход к жанру трагедии, который – местами – проявляется авторами ипотез.

Сохранившиеся ипотезы можно (конечно же, условно) разделить на несколько типов. В единственной обнаруженной попытке типологизации ипотезы (Zuntz 1963: 129–152) виды ипотез (Aristophanic, Byzantine, intermediate) определяются, по традиции, с опорой на аспект авторства и рукописную традицию, мы же возьмем за основу аспект содержательный.

1) **«Аналитическая» ипотеза.** Самые объемные в абсолютном значении и содержащие при этом наиболее подробный пересказ и своего рода интерпретацию сюжета – это ипотезы «Агамемнона», «Эдипа в Колоне», «Алкесты» I, «Гекубы», «Елены», «Гераклидов», «Ипполита» I, «Ореста» I, «Реса» I, «Вакханок» I, чуть меньше по объему ипотезы «Троянок», «Иона», «Ифигении в Тавриде».

В ипотезе к «Агамемнону» фабульная часть представляет собой пересказ мифологического сюжета с обращением особого внимания на его драматургическую интерпретацию: обещание Агамемнона сообщить о взятии Трои *в тот же день* (важная для трагедии иллюзия единства времени) объясняет появление стража в начале, внутрь пересказа включается указание на состав хора и дается отсутствующее в рукописях имя вестника (Талфибий); также с подчеркиванием быстрого течения времени (*μετ' οὐ πολὺ*) дается сценографическое описание (повозка Агамемнона, затем – Кассандры), пересказывается пророчество

Кассандры (сюжет следующей части трилогии – мечь Ореста матери), сопровождаемое эстетической оценкой (τοῦτο τὸ μέρος τοῦ δράματος θαυμάζεται ὡς ἔκκληξιν ἔχον καὶ οἶκτον ἰκανόν), подчеркиваются обстоятельства (точнее, средства изображения) гибели Агамемнона и Кассандры (смерть Агамемнона не показана на сцене, но крики слышны, а смерть Кассандры автором умалчивается), и как обосновывают свои действия Эгисф и Клитемнестра, чем и заканчивается пересказ).

Первая половина гипотезы к «Елене» содержит краткий анализ источников необычной интерпретации мифа, в то время как вторая половина – пересказ сценического действия: Елена у могилы Протея, появление Менелая, интрига-механема (в тексте гипотезы это выражено через причастие *μηχανοραφήσαντες*), побег. В гипотезе «Алкесты» I специально подчеркивается эффектная мелодраматичная сцена узнавания Адметом спасенной Гераклом Алкесты в финале. В подробном пересказе гипотезы «Гекубы» I упоминается в том числе и агон Гекубы и Полиместора – аспект действия, важный не столько с точки зрения фабулы, сколько с точки зрения драматургии. Гипотеза к «Ресу» I, помимо подробного пересказа, целиком подчиненного действию, содержит еще и сомнения в авторстве Еврипида с отсылкой к дидаскалиям и характеристикой пролога.

Гипотеза «Эдипа в Колоне» начинается не с пересказа, а с указания на то, что сюжетно эта драма следует за «Эдипом царем». В пересказ вплетается характеристика хора, перечисляются действующие лица (Антигона, Исмена, Креонт, Тезей). Оценочная часть *τὸ δὲ δράμα τῶν θαυμαστῶν* и т. д. по объему почти равна пересказу; подчеркивается значение выбранного локального сюжета. Технические элементы тоже присутствуют – место действия и повторное указание на хор (заметим, что характеристики разнятся: *γέροντες ἐυχόριοι* и *ἐξ Ἀθηναίων ἀνδρῶν* – это различие, с учетом «формульности» стиля гипотезы, заставляет предположить, что «техническая часть» была добавлена позже не очень внимательным читателем части «фабульной»).

К этому же типу можно отнести две гипотезы, сохранившие имя Аристофана – гипотезы к «Ресу» II и «Антигоне». Здесь уже наблюдается некоторая сжатость в пересказе, однако сохраняются и следование драматургической интерпретации мифа, и комментарии литературоведческого свойства (отсылка к Гомеру в «Ресе»).

Пересказ «Антигоны» содержит толкование Αἴμων διασπάσας διὰ τὸν εἰς αὐτὴν ἔρωτα ξίφει ἑαυτὸν («Гемон пронзает себя мечом из-за любви» – в тексте слово *любовь* присутствует лишь в песне хора, а в диалогах отношения Антигоны и Гемона в любовном ключе не трактуются – Ярхо 1990: 530), сравнение с тем же сюжетом у Еврипида (где Антигона осталась жива и вышла за Гемона замуж), «технические» указания на место действия, хор и пролог (пролог интерпретируется как монологический, имя Исмены отсутствует – интерпретатор очевидно глянул только на первые строчки). Появляется то, что может быть названо анализом композиции – указание на основные сюжетные «фокусы», κεφάλαιον – захоронение Полиника, захват Антигоны, смерть Гемона, судьба Евридики. Имеется и указание на исторический контекст, которое возводят к Дикеарху (о получении Софоклом должности стратега после постановки «Антигоны») и загадочная нумерация λέλεκται δὲ τὸ δράμα τοῦτο τριακοστὸν δεῦτερον, которую возводят к «Таблицам» Каллимаха (Raddatz 1914: 416) или к нумерации в Ликурговом экземпляре (Фрейберг 1975: 197).

К тому же типу можно отнести поэтическую ипотезу к «Царю Эдипу» (II) – первые 8 строк занимает пересказ мифа об Эдипе, еще 8 строк – пересказ собственно драмы, хотя нельзя не признать, что анализ, в силу поэтической формы, здесь не занимает много места.

2) **«Структурированная», или «формальная» ипотеза.** Следующий тип можно назвать Аристофановы ипотезы, или, во избежание имени собственного, ипотезы *par excellence* – но, за исключением «Прометея» и «Алкесты», все они сохраняют имя Аристофана, хотя дело тут не в имени, а в типовой структуре. Прежде всего это касается пересказа, как правило, ипотезу открывающего: он состоит из одного предложения, избыточное причастными и инфинитивными оборотами, и передает в этой предельно сжатой форме скорее именно мифологическую фабулу, чем ее конкретную драматургическую интерпретацию. Это ипотезы «Эвменид», «Медеи», «Ореста», «Вакханок» II, а также «Алкесты» II и «Прометея Прикованного». В «Эвменидах» и «Вакханках», помимо пересказа сюжета, указывается еще и на наличие предшествующей интерпретации – для «Вакханок» это «Пенфей» Эсхила, а у «Эвменид» аналогов нет; остальные ипотезы более детально воспроизводят структуру, очерченную выше: «Медея» содержит указание на уникальность сюжета

(*παρ' οὐδέτερόφ κεῖται ἡ μυθολογία*), место действия, хор и пролог, время постановки. В ипотезе к «Прометею» дается описание сценографии в финале (указание на сложное сценическое решение, удар молнии и исчезновение Прометея, содержится в прологе – и ипотезе), наличие того же сюжета в «Колхах» Софокла, место действия и хор и опять-таки κεφάλαιον – приковывание (δέσις) Прометея. В «Алкесте» и «Оресте», помимо традиционных указаний на оригинальность сюжета, место действия, хор и пролог (в «Алкесте» еще и указание на дату и четвертую позицию в списке трагедий, место сатирической драмы), появляется и характеристика, одинаковая для обеих трагедий – комментарий жанрового свойства, для Ореста расширенный: развитие действия имеет комический характер (κομικωτέραν ἔχει τῆν καταστροφὴν), но в отношении характеров драма нехороша (χειρίστον δὲ τοῖς ἦθεσι). Если рассмотреть это указание с точки зрения Аристотелевой концепции трагических характеров, то оно приобретет черты критическо-эстетической оценки.

3) Следующий тип – **«сокращенная» ипотеза**, в которой пересказ трудно отделить от других структурных единиц. Так, ипотезы «Финикиянок» и «Филоктета» начинаются сразу с κεφάλαιον, перечня основных сюжетных пунктов, который одновременно представляет собой пересказ. За ним следуют указания на сходство сюжета (в обоих случаях это Эсхил), место действия и хор (с ошибкой для «Филоктета», где хор не старцев, а мирмидонских моряков), свидетельства из дидаскалий. Ипотеза к «Семерым против Фив» начинается с указания на место действия и хор, а дальше идет классический κεφάλαιον, набор пунктов, а не связный текст: «войско аргивян, осаждающее фиванцев, но не победившее, смерть Этеокла и Полиника», затем – информация из дидаскалий. Ипотеза «Эдипа Царя» начинается с краткого комментария о заглавии (τίτλιον для различения с «Эдипом в Колоне» – это указание, возможно, сохраняет часть Дикеарховой работы с текстом), а потом κεφάλαιον, целиком относящийся к финалу пьесы: открытие (γνώσις) Эдипом правды, ослепление, смерть Иокасты.

К тому же типу можно отнести поэтическую ипотезу к «Гекубе» III (перечисляются смерть Полидора, жертвоприношение Поликсены, мечь Полиместору).

4) Еще один, довольно многочисленный тип, который условно можно назвать **«фрагментированные» ипотезы**. В соотношении с традиционным типом Аристофановой ипотезы

они явно представляют собой сокращенные варианты, так как содержат только указание на место действия и хор («Электра» Еврипида, «Гекуба» II), в «Просительницах» добавляется комментарий τὸ δὲ δράμα ἐγκώμιον Ἀθηναίων. В гипотезе к «Электре» Софокла есть и краткий пересказ, но не действия, а предшествовавших ему событий – спасения Ореста в Фокиде. В «Андромахе» и «Ипполите» II к тем же традиционным «обрывкам» добавлены комментарий историко-литературоведческий (сведения о переделывании Еврипидом первого «Ипполита», указание на перипетию – спасение Пелеем Андромахи) и стилистический (пролог «Андромахи» σαφῶς καὶ εὐλόγως εἰρημένως, во второй части манера речи Гермियोны «царственна», а вот речь к Андромахе нехороша).

5) Наконец, особый (и, заметим, редкий) тип **ипотезы историко-критической**. Это гипотеза к «Персам», начинающаяся с обращения к тексту Главка из Регия, указывающего на сходство с «Финикиянками» Фриниха – это вроде бы традиционный пункт о предшественниках, но вместо краткой формулы он содержит и пересказ Главка, и цитату из Фриниха, и краткое сравнение прологов. За этим следует «обрывочная» гипотеза, где пересказ представляет собой κεφάλαιον, вот только выборка основных пунктов относится исключительно к походу Ксеркса (начало похода, битва при Платеях и Саламине, побег, возвращение в Азию) и, стало быть, к внесценическому действию или же самому финалу драмы, то есть описание действия как такового отсутствует.

Сюда же относится и гипотеза «Антигоны», которую Шнейдевин, опираясь на codex Laurentianus, отнес авторству Саллюстия. Здесь есть и оценка (τὸ μὲν δράμα τῶν καλλίστων Σοφοκλέους, «одна из лучших драм Софокла»), и отсылки к другим источникам (дифирамбам Иона и Мимнерму).

Самая пространная из сохранившихся (в рукописях она приписана Аристофану, но всеми исследователями его авторство отвергнуто) гипотеза к «Финикиянкам» содержит отсылки к Эсхилу и Асклепиаду, указания на состав хора и оценку (как системы персонажей ἔστι δὲ τὸ δράμα καὶ πολυπρόσωπον, так и стиля γυναικῶν μεστὸν πολλῶν τε καὶ καλῶν). Пространность достигается за счет расширенного мифологического контекста (похищение Европы, пророчество, полученное Лаем, загадка Сфинкса (в гексаметрах), ответ Эдипа в элегических дистихах).

По форме это уже не гипотеза, а комментарий в духе поздней мифографии.

И, наконец, Дикеархова гипотеза к «Медее» – сначала пространный пересказ, в котором приводится, в том числе, и имя дочери Креонта Главки, отсутствующее в самом тексте (впрочем, оно есть еще у Диодора Сицилийского, Аполлодора и Гигина). В этой гипотезе мы увидим не только сжатый пересказ, но и указания на его драматическое оформление (указание на «один только день», важная драматургическая характеристика именно этой драмы; упоминание колесницы с драконами, отсутствующее в тексте и известное нам благодаря вазам и именно этому упоминанию) и литературный контекст (отсылки к Ферекиду, Симониду и «Возвращениям», цитата из Гомера). Особенно важно указание на источник – драму Неофрона, так как другая гипотеза, приведенная выше, утверждает, что этот сюжет прежде не разрабатывался – то ли имеется в виду измененный Еврипидом аспект сюжета, то ли «Аристофанов» тип гипотезы предполагает изучение текстов исключительно трех афинских трагиков.

Деление гипотез на рассмотренные пять типов довольно отчетливо – «технический» и «аналитический» пересказ обладают достаточно отчетливыми характеристиками, позволяющими ограничить перечень. Заметно, что в содержательном плане гипотезы весьма разнятся – что, наверное, и объясняет столь пристальное внимание к проблеме авторства. Данные сценографии иногда оказываются интересны именно с точки зрения критики и истории жанра (случай «Прометея» и «Медей»). Многие сведения по истории постановок (история «Ипполита», четвертое место «Алкесты», названия несохранившихся драм и трилогий, например «Ликургии» Полифрадмона), мы черпаем именно из гипотез.

Гипотез с отчетливыми «литературоведческими» характеристиками немного, и по происхождению они, видимо, самые ранние. Поскольку гипотеза складывается в недрах школы перипатетиков, то легко предположить в числе исходных посылок к возникновению жанра влияние работ Аристотеля, «Поэтики», «Дидаскалий» и «Гипомнемат»¹. Последние два источника особенно удобны, так как отсутствие текстов дает большую

---

¹ Этот труд Аристотеля упоминается в гипотезе к «Медее», которую К. Мур возводит к Дидиму (Moore 1901: 296).

свободу для предположений. Что касается «Поэтики», то фрагментов, соотносимых с рассматриваемой темой, в ней немного. Это рассуждения, касающиеся сосредоточения действия вокруг одного лица (1451 а 15) – так строятся ипотезы второго типа, о характерах (54 а 16–33), но замечания такого рода очень редки, хотя, как это видно на примере «Ореста», именно аристотелевский контекст превращает субъективно-эстетическую оценку («все характеры, кроме Пилада, нехороши») в литературно-критическую (соответствие драмы требованиям трагического жанра). Такой важный элемент теории Аристотеля, как перипетия (52 а 22), а также завязка и развязка (55 и 24, 56 а 7) в пересказах ипотез подчеркивается редко – разве что в «Андромахе» положительно оценивается изображение спасения героини Пелеем. По-настоящему близок форме ипотезы разве что теоретизированный пересказ Ифигении Таврической (55 в 3–12, в переводе М. Л. Гаспарова «некую девушку приносили в жертву, но незаметно для жертвоприносителей она исчезла, была поселена в другом краю... спустя какое-то время случилось туда явиться брату этой жрицы и т. д.»). Однако, надо признать, что такого рода влияние далеко от обязательного (Торшилов 1999: 134), и непосредственное влияние «Поэтики» на формирование ипотезы в перипатетической школе возможно, но не обязательно.

Возможно и рассмотрение иных предпосылок. Самый распространенный тип – «Аристофанова ипотеза» – сохраняет только отдельные элементы того, что принято называть литературной критикой или же попыткой анализа текста (то же можно сказать и про «обрывочные» ипотезы). Характер пересказа в этом типе ипотез строится по довольно жесткой схеме, не имеющей ничего общего с аналитикой, но очень похожей на литературную форму «родного» ипотезе жанра – трагедии, а точнее, ее пролога (Забудская 2015: 41). И действительно, классический пролог трагедии содержал (вот только не в одном, и даже не в двух и не в трех предложениях) пересказ основных линий сюжета (относящихся к предшествующим мифологическим событиям, но и к непосредственно действию тоже), строился этот пересказ по принципу, схожему с «техническим» пересказом ипотезы и мог повлиять на оформление ее лапидарного стиля.

Еще одна предпосылка, если не возникновению жанра, то к его оформлению – риторика, с которой ипотезу роднит принцип

подробной рубрикации. Некоторые ипотезы (имеющие ярко выраженный мифографический характер) очевидно несут в себе черты сходства с риторическими упражнениями на *tractatio* (изложение предмета в логической последовательности) и *paratio* (повествование во временной последовательности). Такое упражнение станет и настоящим литературным фактом в ипотезе к *Ὀκύνους* Лукиана, пародии-имитации (и в форме, и в содержании) ипотезы.

Наконец, существенный вопрос – для чего нужны тексты такого рода? Тот процесс становления жанра, который представляется возможным проследить, показывает значительные отличия в задачах. Первые ипотезы, видимо, были ближе всего по форме и содержанию как к мифографическому, так и литературоведческому комментарию. Эту функцию – изучение драматургического мастерства – предполагает гораздо позже Фома Магистр (*Vita Euripidea* I 12: ὅσπερ χειραγωγεῖν εἰς τὸ ἔμπροσθεν Εὐριπίδου τέχνημα). Разумеется, назвать ипотезу филологическим исследованием – это, мягко говоря, преувеличение. Но отдельные черты критического и теоретического подхода (принципы организации нарратива, «технические» и эстетические замечания), как кажется, вполне в ней заметны. Конечно, они были не целью, а скорее средством – средством классификации довольно объемного классического материала.

Очевидно, что для ряда ипотез основной задачей стало введение, предварение свитка с собственно текстом для быстрого различения одноименных трагедий (хор, пролог и трактовка сюжета и были такими маркерами различий – заметим, указания эти в ряде случаев не совсем точны и свидетельствуют о не очень хорошем знакомстве автора ипотезы с текстом). Показательно, что постепенно ипотеза от текста отделяется – папирусные фрагменты указывают на существование сборников ипотез (Coles 1965: 52), задача которых, безусловно, меняется – ипотеза становится версией для чтения, противопоставленной самому тексту и заменяющей его. Эта функция замещения делает ипотезу своего рода формой рецепции (то есть усвоения и переосмысления) материала классической трагедии (в новых условиях и формах экзегетического либо риторического характера).

Литература

- Coles 1965 – Coles R. A., Barns J. W. B. Fragments of dramatic hypotheses from Oxyrhynchus. *The Classical Quarterly*, vol. 15, № 1 (may 1965). P. 52–57.
- Easterling 1997 – Easterling P. E., ed. *The Cambridge Companion to Greek Tragedy*. Cambridge: Cambridge UP, 1997.
- Gregory 2005 – Gregory Justina, ed. *A Companion to Greek Tragedy*. Blackwell Companions to the Ancient World ser. Malden, MA and Oxford: Blackwell, 2005.
- Luppe 2002 – Luppe W. Σχόλια, ὑπομνήματα und ὑποθέσεις zu griechischen Dramen auf Papyri / Wilhelm Geerlings, Christian Schulze (eds.), *Der Kommentar in Antike und Mittelalter*. Beiträge zu seiner Erforschung, Leiden-Boston-Köln, 2002. S. 55–77.
- Moore 1901 – Moore C. H. Notes on the Tragic Hypotheses. *Harvard Studies in Classical Philology*. Vol. 12, Goodwin Volume (1901). P. 287–298.
- Mossman 2010 – Mossman J. Reading the Euripidean hypothesis / Marietta Horster, Christiane Reitz (ed.), *Condensing texts – condensed texts*. Palingenesia, Bd. 98. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2010. S. 247–268.
- Raddatz 1914 – Raddatz G. Hypotheseis. *Paulys Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung. Begonnen von Georg Wissowa. Band IX, Halbband 17, 1914. S. 414–423.
- Schneidewin 1852 – Schneidewin F. G. De hypothesis tragoediarum Graecarum Aristophani Byzantio vindicandis commentatio. Gottingae, sumptibus Dieterichianis, 1852.
- Trendelenburg 1867 – Trendelenburg A. *Grammaticorum graecorum de arte tragica iudiciorum reliquiae*. Bonn, 1867.
- Wilamowitz 1865 – Wilamowitz-Moellendorff U. von. *Analecta Euripidea*. Berlin, 1865
- Wilamowitz 1959 – Wilamowitz-Moellendorff U. von. *Einleitung in die Griechische Tragödie*. (Euripides Herakles, Bd. 1). Berlin: Akademie-Verlag, 1959.
- Zuntz 1963 – Zuntz G. *The political plays of Euripides*. Manchester: Manchester University Press, 1963.
- Забудская 2015 – Забудская Я. Л. Начало повествования в трагическом жанре: прологи в древнегреческой трагедии // *Балканский тезаурус: Начало*. Балканские чтения 13. Тезисы и материалы. М.: Принт Про, 2015. С. 37–42.
- Торшилов 1999 – Торшилов Д. О. *Античная мифография: миф и единство действия*. СПб.: Алетейя, 1999.
- Фрейберг 1975 – Фрейберг Л. А. Литературная критика в перипатетической школе / *Древнегреческая литературная критика*. Под ред. Л. А. Фрейберг. М.: Наука, 1975. С. 157–184.
- Ярхо 1990 – Ярхо В. Н. Ф. Ф. Зелинский – переводчик Софокла. / *Софокл. Драмы*. М.: Наука, 1990. С. 509–541.

Ya. L. Zabudskaya. Typology of Tragic Hypothesis

The brief mention of *hypothesis* (argumentum, a brief introduction to dramatic works) we can traditionally met in the study of Alexandrian

scholars, ancient myth, or some aspects of the tragic genre; but as the object of special study it appears not so often. The main problem in the study of hypothesis became the highlighting in later compilations fragments belonging to Aristophanes of Byzantium and Dicaearchus. In this paper we propose a typology of hypothesis as a special type of commentary (analytical, formal, condensed, fragmented, historical-critical hypothesis). As possible prerequisites for the development of the genre are examined the theoretical generalizations of Aristotle, the prologue of the tragedy, rhetorical exercise. In the development of the genre hypothesis performs not only the function of the preliminary commentary to the text, but sometimes replaces the text itself. The main task of hypothesis became brief retelling; however, it retains some features of the critical and theoretical approaches (principles of the organization of the narrative, aesthetic and critical nature of some observations), which makes hypothesis an example of a kind of scientific reception of the tragic genre.

Keywords: Hypothesis (argumentum), commentary, tragic genre, typology.

НЕСКОЛЬКО ИНТЕРПРЕТАЦИЙ СНА СОКРАТА В *КРИТОНЕ*: ОТ АРИСТОТЕЛЯ К МЕГАРИКАМ

Статья посвящена интерпретации сна из диалога Платоновского корпуса *Критон*. Вызывает недоумение краткость этого эпизода и отсутствие его объяснения в дальнейшем ходе беседы. Приводится параллель с *Евдемом* Аристотеля, где присутствует очень похожее на *Критона* описание сна, причем есть объяснение, что сон символизирует смерть. Также предлагается интерпретация в свете т. н. логического фатализма мегарской школы, с которым полемизировал Аристотель еще в его академический период.

Ключевые слова: Критон, Аристотель, сон, предсказание, Академия, Цицерон, логический фатализм, мегарики, Диодор Крон.

В начале диалога *Критон* речь идет о предсказании смерти Сократа, которое он получает во сне (44a-b). Описание сна очень кратко и почти не вызывает никакой реакции в последующей беседе: Сократ буквально в одном предложении описывает, как ему явилась прекрасная женщина в белых одеждах и произнесла пророческую фразу из *Илиады* (IX 363), свидетельствующую о том, что Сократ должен умереть на третий день. Критон считает (возможно, иронично) сон странным, Сократу же, напротив, он кажется очевидным, с чем Критон поспешно соглашается и, не особенно прислушиваясь к собеседнику, приступает к своей аргументации в пользу бегства из тюрьмы. Эпизод со сном фактически провисает, хотя известно, что в других диалогах снам придается большое значение¹. Тем более важной представляется его интерпретация.

Классические интерпретации в комментариях и специальных исследованиях по большей части исходят из самого текста, оперируя в основном анализом гомеровской цитаты². Значение

---

¹ *Ap.* 33c, *Phd.* 60e, *Tht.* 210d.

² Ср. напр. специально посвященные этому статьи Kramer 1988, Moser 1945 об анализе гомеровской цитаты, который строится на параллели между Сократом и Ахиллом. Значение сна получается следующим: Сократ действительно может достичь Фтии, т. е., Фессалии, на третий день. Фессалию можно понимать, таким образом, и как метафору смерти, и буквально.

самого предсказания, кажется, не вызывает сомнений ни у автора текста, ни у персонажей диалога. Эта уверенность заставляет задуматься о возможных контекстах появления такого предсказания, и в данной статье предлагаются два таких контекста, встраивающих этот пассаж из *Критона* в определенную хронологическую и философско-литературную ситуацию.

Прежде всего, довольно соблазнительно рассматривать это предсказание в свете одного из способов античной дивинации: гадания по «священным книгам» (по большей части, по Гомеру и Вергилию). Известный нам сборник гаданий по Гомеру – *Homermanteion* – включал в себя собрание стихов из *Илиады* и *Одиссеи*, специальным образом пронумерованных. Однако, вероятно, эта традиция все же появилась значительно позже платоновского времени: сам сборник датируется IV–V вв. н. э., а упоминания магического использования Гомера до н. э. крайне редки и относятся, скорее, к Пифагору, чем Платону и его времени (см. Collins 2008).

Интересным оказывается другое: Цицерон в *De Divinatione* I 52–53 пересказывает сон Сократа из *Критона* и считает нужным прокомментировать слова пророчества «ты вернешься во Фтию» (цитируя стих следующим образом: *Tertia te Phthiae tempestas laeta locabit*). Как мы привыкли, Цицерон также считает, что «вернешься» означает «умрешь» – в отличие от многих современных комментаторов, отрицающих такую трактовку якобы как «слишком современную» (Kramer 1988, Moser 1945 *passim*). В доказательство он приводит далее, среди прочего, рассказанный Аристотелем вещий сон своего знакомого Евдема Кипрского, которому посвящен одноименный диалог Аристотеля (*Евдем или О душе*): этот сон удивительно напоминает сон из *Критона*. Попав в плен в г. Феры, Фессалия, Евдем тяжело заболел, так что все думали о его смерти. Однако во сне ему явился прекрасный юноша и сказал, что он очень скоро выздоровеет, тиран Александр, заточивший его, будет убит, и через пять лет сам он вернется домой. Что, действительно, и произошло: но только вместо того, чтобы вернуться на Кипр, через пять лет Евдем был убит в сражении при Сиракузах. Как видим, ситуация абсолютно аналогична *Критону*, за исключением пола пророчествующего (юноша – женщина): оба сновидца находятся в тюрьме на пороге смерти, в обоих случаях идет речь о возвращении и – еще одна деталь – в обеих историях так или иначе фигурирует Фессалия, правда, Сократу предлагается ее достичь,

а Евдем, напротив, должен ее покинуть. Эпизоды близки и композиционно: в обоих диалогах они располагаются в начале, как бы задавая тон последующему изложению³. D. Wardle, автор современного комментария к *De Divinatione*, со ссылкой на Д. Гэллопа⁴ предполагает, что здесь Аристотель еще находится под платоническим влиянием, интерпретируя сон как пророчество (Wardle 2006: 240). Очевидна связь с *Федоном*: в обоих снах речь идет о возвращении домой (в *Критоне* Фтия – дом Ахилла, который и произносит цитируемые в диалоге слова) и в обоих возвращение означает смерть, то есть, возвращение в истинное обиталище души.

Имплицитно эту идею мы находим повсюду в *Федоне* и, в чуть измененном виде, в *Теэтете* (e. g. *Th.* 176b1 ff.). *Евдем* Аристотеля явно был инспирирован *Федоном*, не напрасно он имеет подtitул *О душе* (DL⁵ V, 22, 13; Walzer 1934: Fr. 1 etc). В этой связи гораздо более логичной представляется и временная последовательность *Федон* – *Критон*, иначе образ возвращения души из временного изгнания (человеческая жизнь), заключенный в цитате из Гомера, непонятен.

Время создания *Евдема* более или менее известно. Александр из Фер был убит в 358 г., соответственно, Евдем умер в 353 г.⁶ Таким образом, логично определить *terminus post quem* создания диалога *Евдем* 353-м г.: то же мы находим и в хронологии Дюринга: он относит диалог к последнему периоду пребывания Аристотеля в Академии при Платоне: с середины 350-х гг. до смерти Платона (Düring 1966: 50).

Тесная сюжетная связь снов в *Критоне* и *Евдеме* вплоть до незначительных деталей (напр., упоминание Фессалии), уже была показана. Разница между ними заключается в том, что, если верить Цицерону, Аристотель поясняет значение сна: *ex quo ita illud somnium esse interpretatum, ut, cum animus Eudemi e corpore excesserit, tum domum revertisse videatur* (*De Div.* I 53)⁷. Как известно, сон Сократа в *Критоне* никак не комментируется:

³ Подробнее о *Евдеме*: Gigon 1960: 20 со ссылкой на Plut. *Mor.* 115b.

⁴ D. Gallop. Aristotle. On Sleep and Dreams. Warminster, 1996.

⁵ Зд. и далее DL = Diogenes Laertius.

⁶ Но, возможно, и в 354 г. – см. Wardle 2006: 241–242.

⁷ То, что это, скорее, пояснение Аристотеля, а не Цицерона, можно заключить из формы *esse interpretatum* – в случае собственной интерпретации Цицерона мы бы ожидали герундив или что-либо в этом роде вместо обычной формы индикатива перфекта. Или же речь может идти о предшествующих комментаторах.

Сократ ограничивается лишь его характеристикой «ἐναργής» – «очевидный». Значит ли это, что метафора возвращения домой как смерти должна была быть уже понятной на основании упомянутых выше текстов? Это, по крайней мере, представляется весьма правдоподобным.

На основании этого сходства едва ли можно установить непосредственную хронологическую последовательность, но можно говорить об общей зависимости от *Федона* и концептуальной связи двух текстов. Не настаивая чрезмерно на последовательности *Евдем – Критон* (наиболее логичной, если верить пересказу Цицерона), время их создания можно было бы определить самым концом 350-х гг.

С другой стороны, к этому времени существования Академии относится любопытная полемика, которая, вероятно, также может пролить свет на интерпретацию предсказания в *Критоне*. Я имею в виду полемику Аристотеля с представителями мегарской школы относительно т. н. логического фатализма.

Судя по античным свидетельствам, в ранний и зрелый период Академии при Платоне Евклид Мегарский и его школа были скорее симпатичны Платону, чем наоборот⁸. Вероятна даже некоторая общность тем исследования (Kahn 1996: 13), а, если верить Диогену и Суде, Евклид также написал диалог *Критон* (DL II, 108, Suda, s. v. *Eucleides*).

О представителях следующего поколения мегариков никакой подобной традиции не сохранилось: их область занятий определяется как диалектика в духе элеатов и эристик⁹, а также существует традиция полемики с Аристотелем: ученик Евклида Евбулид прямо называется противником Аристотеля (Döring 1972 fr. 51A, 59 = DL II, 108, 109). Как мы увидим далее, основным пунктом полемики было мегарское логическое учение, которое сильно повлияло на стоическое¹⁰, вторую значительную

⁸ Об этом подробнее см. в *Dictionnaire des philosophes antiques* (далее *DPhA*), 2000: 275, а также традицию путешествия Платона в Мегару (DL III, 6 и Döring 1972 fr. 4A) и положительный образ Евклида в *Тезтете* и *Федоне*.

⁹ Подробнее см. библиографию в конце статьи.

¹⁰ Muller 1985: 11–18, Kneale III *passim*. Собственно, прямая связь между школами такова: учителем Зенона Китийского, основателя стоической школы, был, по одним сведениям, Стильпон (DL II 114), по другим, Диодор Крон (von Fritz 1978: 87; DL VII, 25), принадлежащие, соответственно, к третьему и четвертому поколениям мегариков.

логическую систему античности наряду с аристотелевой. Интересующий нас – и Аристотеля – аспект этого учения наиболее ярко сформулирован у Диодора Крона, принадлежащего к четвертому поколению мегариков (кон. IV в.¹¹).

Речь идет об определении, данном им возможному: «возможное – это то, что либо является истинным, либо будет истинным¹²» (Döring 1972 fr. 131 = Epict., diss. II 19, 1–5; 132A = Cic., *De fato* 12–13, 17; 133 = Cic. *Ad fam.* IX, 4; 134 = Plut. *Sto. rep.* 46, 1055d-e; 135 = Alex. Aphr. *In Anal. pr.* I, 183, 34–184; 136 = Philop. *in Anal. pr.* 169, 17–21; 137 = Simpl. *In Cat.*, 195, 21–196; 138 = Boeth. *De interpr.* II 234, 412). Или по-другому: только то возможно, что истинно или будет истинным, а то, чего не будет, невозможно. Цицерон (*De fato* 17) делает из этого следующие выводы: 1) ничто не случается, что не было необходимым; 2) все, что возможно, либо уже есть, либо будет; 3) нельзя сделать из истинного ложным то, что будет, в большей степени, чем то, что было; но неизменность прошлого очевидна, а в будущих вещах она не так заметна (хоть и есть). Александр Афродисийский иллюстрирует это следующими примерами: для меня возможно быть в Коринфе, если я там уже нахожусь или если я в любом случае там точно буду; ребенок может научиться грамоте, если он точно ей научится.

В истории логики эта позиция определяется как крайний логический фатализм¹³: может случиться только то, что необходимо случится. Но ясно, что уже в античности она воспринималась именно в таком ключе, как это видно из упомянутого выше фрагмента Цицерона из *De Fato*, где и сама тематика сочинения определяет выбор фаталистических авторов, и приведенные выше выводы Цицерона из теории Диодора подтверждают это. Собственно, рассуждение о Хрисиппе и Диодоре начинается с определения искусства дивинации, «теоретиком» которого и выступает Диодор. Вывод Цицерона: все, что ложно говорится о будущем, не может быть (“omne ergo, quod falsum

¹¹ Анекдот, рассказанный Диогеном Лаэртием (DL II, 111–112) о самоубийстве Диодора при Птолемею Сотере, позволяет сделать определенные выводы о времени его жизни: Птолемею завоевал Мегару в 307 г. См. тж. *DPhA* 1994: 779.

¹² Греческий текст определения см, напр., у Плутарха: ...ἔστι δυνατόν ἢ ἔστιν ἀληθές ἢ ἔσται κατὰ Διόδωρον (Döring 1972: fr. 134; *Sto. rep.* 1055d-e).

¹³ Например, так логику Диодора называет К. Прантль в своей истории западной логики, Prantl 1955: 39.

dicitur in futuro, id fieri non potest” – *De fato* 12) – что, соответственно, вызывает следующее заключение: все, что должно состояться в будущем, непременно состоится (*quicquid futurum sit, id dicit fieri necesse esse* – *ibid.* 13).

Если суммировать общее представление о логике Диодора на настоящий момент, получится примерно следующая картина. Диодор фактически отождествляет возможное и необходимое по отношению ко всем событиям: прошлым, настоящим и будущим. В контексте *De fato* Цицерона это означает, что всё, что предсказано, должно произойти¹⁴. М. Уайт в статье о мегарском фатализме удачно описывает позицию Диодора с помощью временной прямой: у Диодора она не имеет никаких отклонений ни в прошлом, ни в будущем; тогда как Аристотель, напротив, позволяет будущему разветвляться, то есть, отрицает детерминированность будущего (White 1980: 196).

Наиболее эксплицитно позиция Аристотеля по отношению к логическому фатализму изложена в *Об истолковании*, 9, где разбираются высказывания о будущем. Аристотель прямо указывает на нелепость (*ἄτολα*) такой позиции, обосновывая наличие случайности и независимость будущего от того или иного истинного или ложного высказывания (18b 25–30). Хотя ни сам Диодор, ни вообще мегарики Аристотелем прямо не называются, адресатами полемики в последних исследованиях уверенно считаются именно они. Не имея возможности подробно разбирать здесь эту проблематику, сошлюсь на исчерпывающую работу Р. Гаскина 1995 г. «The Sea Battle and the Master Argument. Aristotle and Diodorus Cronous on the Metaphysics of the Future». Для данного исследования важен сам факт полемики Аристотеля с Диодором по этому вопросу, а также хронологические рамки этой полемики, о чем чуть ниже. Итак, в *Об истолковании* 9 Аристотель критикует строго детерминированный подход к будущему, а также «принцип полноты», т. е., исполнение всех возможностей.

В пассаже из *Метафизики*, 9 Аристотель приписывает современному ему мегарикам – прямо их называя – отсутствие различия потенциального и актуального (на примере человека, который по мегарикам может строить дом, только если действительно его строит – *Met.* 1046b 29 ff.). Это позволяет

---

¹⁴ R. Gaskin называет этот принцип Диодора ‘Principle of Plenitude’ – см. напр. 1995: 222–223, 320.

делать разные предположения относительно атрибуции данной полемики (против Евбулида, Диодора и др.¹⁵). Ясно, что в любом случае концептуально приведенное Аристотелем мнение мегариков тесно связано с Диодором: возможность совпадает с действительностью, из чего прямо вытекает рассмотренное выше высказывание Диодора о возможном и необходимом. С другой стороны, мы не знаем, кто еще из мегариков занимался – и занимался ли – теорией возможного до Диодора, но в данном случае важен сам факт наличия этой темы у мегарской школы. Таким образом, хотя свидетельства собственно логического фатализма мы находим лишь относительно Диодора Крона, тем не менее, можно предполагать, что подобная логическая тенденция была вообще присуща мегарикам того времени.

Что касается хронологии этой полемики, то, например, по Гаскину последовательность такова: *Met. IX – DI IX – Диодор*, т. е., Диодор отвечает на критику своих предшественников Аристотелем (Gaskin 1995: 327)¹⁶. Однако, как это свойственно философским работам, Гаскин выстраивает свою хронологию исключительно на логических принципах. Если говорить об исторической хронологии, то образцовое ее изложение¹⁷ дает И. Дюринг в классической работе *Aristoteles, Darstellung und Interpretation seines Denkens*: хронологическая атрибуция *Метафизики* сложна, но, по крайней мере, интересующая нас книга относится к позднему периоду жизни Аристотеля (Düring 1966: 52). Напротив, *Органон* (в том числе и *Об истолковании*) традиционно – одно из самых ранних сочинений, создававшееся во время пребывания Аристотеля в Академии, а именно, в нач. 350-х гг. (*ibid.*: 49).

Хотя бы на этом основании можно предположить, что вопросы логического фатализма занимали тех или иных представителей мегарской школы и Аристотеля во времена поздней Академии при Платоне (т. е. примерно в 350-е гг.).

¹⁵ Пассаж из *Метафизики* Düring относит к Диодору Крону, но Giannantoni – к Евбулиду как главному оппоненту Аристотеля (1983: 53). Gaskin считает, что пассаж из *Метафизики* направлен против предшественников Диодора, а более связанным тематически с теорией Диодора о возможном является пассаж из *Об истолковании*, где Аристотель как раз описывает фатализм и критикует его.

¹⁶ В других работах, анализирующих отношения Аристотеля и мегариков, хронологические вопросы не затрагиваются.

¹⁷ В частности, на него опирается в своем изложении хронологии Аристотеля *DPhA*: напр., об *Органоне* см. *DPhA* 1989: 487–488.

Вернемся к сновидению, описанному в *Критоне*. Оно представляет собой предсказание о некоем событии в будущем, которое непременно сбудется. Рассмотрим, применима ли к его пониманию логика мегариков.

Для этого вспомним логическую временную прямую Диодора: будущее неизменно, и то, что будет, непременно будет¹⁸. Детерминизм по отношению к настоящему не вызывает никаких недоумений даже у Аристотеля. Но возможен ли детерминизм в будущем? По Диодору возможен, но Аристотель выступает против этого, замечая, что в таком случае не будет необходимости ничего решать и сомневаться, как поступить (ὄστε οὔτε βουλευέσθαι δεοί ἄν οὔτε πράγματεῦσθαι, ὡς ἂν μὲν τοδί ποιήσωμεν, ἔσται τοδί, ἂν δὲ μὴ τοδί, οὐκ ἔσται – *DI IX*, 18b31–33).

Если рассматривать с этой точки зрения *Критона*, то в нем мы сталкиваемся как раз с детерминированностью будущего, которое ни при каких условиях нельзя изменить. Разумеется, здесь мы оставляем в стороне всю этическую аргументацию Сократа в заключительной части диалога и сосредотачиваемся только на пророческом сне. Сократ абсолютно уверен в истинном пророческом характере своего сна, именно на его основании он заключает, что умрет не в тот же день, но на третий (44аb). То есть, некое будущее событие, о котором существует категорическое высказывание, представляется ему необходимым в будущем.

Согласно Диодору, как мы помним, возможным является лишь то, что либо уже является истинным, либо непременно будет истинным¹⁹. Этот логический фатализм распространяется и на теорию истинности высказываний Диодора: только то высказывание истинно, которое никогда не начинается истинным утверждением и заканчивается ложным. Вторая часть периода должна быть всегда истинна, то есть, либо отражать существующее положение вещей, либо то, что точно случится (по сути, речь идет об условных потенциальных периодах) (Prantl 1955: 40). В *Критоне* цитата из *Илиады* является как раз

---

¹⁸ Между прочим, Уайт иллюстрирует ее не чем иным, как примером «Сократ умирает в 399 г.»: White 1980: 196.

¹⁹ См. приведенные выше наглядные примеры Александра Афродисийского; см. тж. подробное рассуждение на этот счет в Gaskin 1995: 306 (подобный нашему пример из Цицерона: «если Фабий может умереть в море, он или умирает в данный момент, или обязательно умрет в море»).

второй частью потенциального периода: εἰ δὲ κεν εὐπλοίην δόη κλυτὸς ἐννοσίγαιος, ἤματι κε τριτάτῳ Φθίην ἐρίβωλον ἰκοίμην (II. IX 362–363). То есть, в оригинале речь идет о возможности. В тексте *Критона* сохраняется оптатив (при этом, по понятным причинам, 1-е лицо меняется на 2-е) ἴκοιο, т. е., все высказывание имеет потенциальное значение: «ты можешь достичь плодородной Фтии на третий день» (значит, *достигнешь*).

Сократ, безусловно, считает, что высказывание из его сна сбудется, то есть, будет истинным. Интерпретируя сон Сократа в свете этой логики, мы можем предположить, что автору *Критона* была знакома вся проблематика логического фатализма, изложенная выше – это еще одна причина появления сна-предсказания в диалоге без каких-либо объяснений.

Кроме того, это позволяет сделать некие хронологические выводы. Как уже упоминалось, полемика по вопросу логического фатализма и детерминированности будущего относится ко времени не ранее конца 360-х гг. (а вероятнее, начала 350-х гг.). Таким образом, *Критон* и здесь оказывается вовлечен в ситуацию дискуссии (вероятно, академической), затрудняющей его раннюю датировку.

Литература

- Collins 2008 – Collins D. The magic of Homeric verses. *Classical Philology*, Vol. 103, No. 3 (July 2008). P. 211–236.
- Dictionnaire des philosophes antiques, I, II, III. Paris, 1989, 1994, 2000.
- Döring 1972 – Döring K. Die Megariker, Kommentierte Sammlung der Testimonien. Amsterdam, 1972.
- Düring 1966 – Düring I. Aristoteles, Darstellung und Interpretation seines Denkens. Heidelberg, 1966.
- Gaskin 1995 – Gaskin R. The Sea Battle and the Master Argument. Aristotle and Diodorus Cronus on the Metaphysics of the Future. Berlin; New York, 1995.
- Giannantoni 1983 – Giannantoni G. (coll.). Socratis et Socraticorum reliquiae, Vol. 1. Bibliopolis, 1983.
- Gigon 1960 – Gigon O. Prolegomena to an edition of the Eudemus // Aristotle and Plato in the Mid-Fourth Century, Papers of the Symposium Aristotelicum held at Oxford in 1957 / ed. by I. Düring and G. E. L. Owen. Göteborg, 1960. P. 19–33.
- Kahn 1996 – Kahn Ch. H. Plato and the Socratic dialogue. The philosophical use of a literary form. Cambridge, 1996.
- Kramer 1988 – Kramer S. Socrates' Dream: Crito 44a-b. *The Classical Journal*, Vol. 83, No. 3, 1988. P. 193–197.
- Kneale, Kneale 1962 – Kneale W., Kneale M. The Development of Logic. Oxford, 1962¹.

- Moser 1945 – Moser A. H. The Dream of Socrates, *The Classical Weekly*, Vol. 39, No. 6, 1945. P. 45.
- Muller 1985 – Muller R. (tr. et comm. par). *Les Megariques, Fragments et temoignages*. Paris, 1985.
- Prantl 1955 – Prantl C. *Geschichte der Logik im Abendlande*, I. Graz, 1955.
- von Fritz 1931 – von Fritz K. *Megariker // REPW, Suppl.*, vol. 5. Stuttgart, 1931. Col. 707–724.
- von Fritz 1978 – von Fritz K. *Schriften zur griechischen Logik*. Band 2. Stuttgart, 1978.
- Walzer 1934 – Walzer R. *Aristotelis dialogorum fragmenta*. Firenze, 1934.
- Wardle 2006 – Wardle D. (transl. with intr. and comm. by). *Cicero, On Divination*, book 1. Oxford, 2006.
- White 1980 – White Michael J. *Facets of Megarian Fatalism: Aristotelian Criticisms and the Stoic Doctrine of Eternal Recurrence*. *Canadian Journal of Philosophy*. Vol. 10. No. 2 (Jun., 1980). P. 189–206.

A. I. Zolotukhina. Several interpretations of the Socrates' Dream in *Crito*: from Aristotle to the Megarians

The paper is dedicated to *Crito* 44 a-b, a prophetic dream told by Socrates, but left without explanation as if its meaning was clear. The author suggests two interpretations. 1) Cicero (*De div.* I 52–53) gives a description of a prophetic dream in Aristotle's *Eudemus* which is very similar to *Crito*, but provides an explanation that a return in this dream means death. In both dialogues this meaning is not evident without *Phaedo*, that makes both posterior to it, and *Crito* maybe even posterior to *Eudemus*. 2) The author of *Crito* may have been familiar with so-called 'logical fatalism' of the Megarian school. The principle is formulated by Diodorus Cronus: "the possible is that which either is or will be", i.e. everything that is possible will take place in future (as. e.g., Cicero puts it in *De fato* 17). The Homeric verse in *Crito* is a part of a potential conditional clause: a true statement in Diodorus' logical system. It may be one of the arguments why Socrates in *Crito* is so certain about the veracity of his dream. On the other hand, this interpretation is chronologically interesting, as in late Academy there was a polemic between megarians and Aristotle about logical determinism: Aristotle refuted it in *De interpretatione* 9 – a part of *Organon* that is put by I. Düring in early 350s. These debates may have been a philosophical context of *Crito* as well.

Keywords. *Crito*, Аристотель, dream, предсказание, Academy, Cicero, logical fatalism, the Megarian school, Diodorus Cronus.

**УЛИТКА И СНЕГ:
ТРАНСФОРМАЦИИ ПЕРЕВОДА КАК ИНСТРУМЕНТ
КРИТИКИ ТЕКСТА И СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА
(на примере русского «Луцидариуса»)**

Рассматривается отрывок из русского «Луцидариуса», содержащий интерпретацию исходного текста, на основе которой создается самостоятельный сюжет. Подобные расхождения с предполагаемым оригиналом имеют особое значение как для исследования истории переводного текста, так и для сравнения с различными версиями источника. Для сопоставления привлекаются печатные варианты немецкого «Луцидариуса», а также другие славянские (чешский, хорватский и украинский) обработки. Исследуемый отрывок подтверждает гипотезу, согласно которой русский пра-перевод «Луцидариуса» был осуществлен с нижненемецкого издания Lübeck 1485.

Ключевые слова: «Луцидариус», переводная литература, текстология, переводы с немецкого в древнерусской литературе

«Луцидариус» представляет собой текст, написанный в форме диалога между учителем и учеником, в котором собраны и обобщены сведения, относящиеся к разным областям знания. Поскольку «Луцидариус» имел огромную популярность, а содержащаяся в нем информация столь разнообразна, принято называть его средневековой «народной энциклопедией»¹.

«Луцидариус» (Lucidarius) следует отличать от «Элусидария» (Elucidarium) Гонория Августодунского, созданного в конце XI – начале XII в. Несмотря на сходство названий, собственно «Луцидариус» основывается не столько на «Элусидарии», сколько на другом произведении того же автора «Imago mundi».

«Луцидариус» был составлен во второй половине XII в. на ср.-в.-нем. языке и приобрел широчайшее распространение в немецкоязычном ареале и прилегающих областях, находившихся в сфере немецкого культурного влияния. До наших дней до-

---

¹ О русском «Луцидариусе» см. статью с библиографией, обобщившую результаты предшествующих исследований (Буланина 1989).

шло более 80 немецких рукописей текста и более шестидесяти печатных изданий только периода между 1479 и 1620 гг.²

Русский «Луцидариус» известен по многочисленным рукописям XVII–XIX вв., однако упоминание его в одном из посланий Максима Грека дает основания полагать, что он был известен уже в XVI в.

Основная проблема изучения русского «Луцидариуса» заключается в том, что, несмотря на такую разветвленную и богатую рукописную традицию³, до сих пор полностью издано лишь два текста, один Н. С. Тихонравовым по списку ГИМ, Синодальное собрание № 785⁴, другой И. Я. Порфирьевым по списку РНБ, Соловецкое собрание № 350 (261)⁵, третий фрагментарно издан А. С. Архангельским по списку РГБ, собр. Ундольского, № 548⁶. Не существует на сегодняшний день и выполненного на современном уровне текстологического исследования. Работа А. С. Архангельского (1899), несмотря на обобщенный материал, во многом устарела. Тем не менее, в общих чертах в ней намечены основные редакции «Луцидариуса»: 1) более краткая, представленная списком Тихонравова (далее – редакция А), 2) более обширная, представленная списком Порфирьева (далее – редакция В), и 3) редакция списка Ундольского (далее – редакция С). При этом редакцию В исследователь считает наиболее ранней, см. Архангельский 1899: 245–247.

То, что русский «Луцидариус» является переводом с немецкого, предполагалось уже первым издателем текста Н. С. Тихонравовым, который указал на ряд германизмов (Тихонравов 1859: 37–38). Это предположение было подтверждено работой Архангельского (1899). Недавно Э. Виммер (Wimmer 2005: 161–162) соотнесла появление перевода с деятельностью новгородского кружка переводчиков при архиепископе Геннадии (конец

---

² См. Steer 1985, DL1: 11–24, в деталях о рукописной традиции см. DL4.

³ В единственном на данный момент исследовании, предпринявшем попытку анализа рукописной традиции, А. С. Архангельский привлекает к рассмотрению 57 списков (Архангельский 1899: 1–10), однако этим количество списков далеко не исчерпывается.

⁴ Тихонравов 1859. Датируется XVII в. О рукописи см. Протасьева 1970: 160–161 (№ 772).

⁵ Порфирьев 1890: 417–471. Датируется XVII в. О рукописи см. Порфирьев 1881: 550–553.

⁶ Архангельский 1899: 48–68. Рукопись датируется 1700 г., см. Ундольский 1870: ст. 405.

XV в.). Г. Рааб (Raab 1958: 333) предположил наличие связи с нижненемецким любекским изданием 1485 г., однако, к сожалению, весьма лаконично⁷.

Главная практическая и методологическая трудность в сопоставлении немецких и русских текстов «Луцидариуса» заключается в богатстве рукописной и печатной традиции, с одной стороны, и ее недостаточной изученности, с другой. Сравнение с предполагаемым оригиналом отдельных списков перевода может привести лишь к самым предварительным выводам, поскольку, не зная истории текста, мы не в состоянии отделить особенности, присущие данному списку или данной редакции, от тех, которые следует восстанавливать для пра-перевода. При всей условности и степени приближенности, единственным надежным основанием для внешнего сравнения является текст пра-перевода, реконструируемый методом критического анализа на максимально возможном массиве списков.

Немного меньшие сложности приходится учитывать и при анализе немецкого материала. Исследователи XIX века, а с тех пор, к сожалению, изучение текстологии русского «Луцидариуса» почти не продвинулось, по необходимости пользовались для сопоставления единственным имевшимся в то время научным изданием Зимрока, в основу которого был положен текст инкунабулы Augsburg 1491 (Simrock 1867: 373–442). Вслед за этим появилось издание текста по списку конца XIII в. Берлин, Staatsbibliothek germ. oct. 26 (Heidlauf 1915). В 1936 году вышло издание «Нового Луцидариуса» – позднейшей переработки немецкого «Луцидариуса» Якобом Каммерландером (Straßburg 1535), см. Podleiszek 1936. В 1975 г. было выпущено факсимильное издание одной из первых инкунабул с текстом «Луцидариуса», отпечатанной Иоганном Бемлером (Augsburg, 1479), см. Melzer, Kreuder 1975. Наконец, теперь мы располагаем критическим изданием текста «Луцидариуса», учитывающем все известные рукописные списки (DL1). Значение этого события сложно переоценить, однако по понятным причинам за его рамками остались печатные тексты, которые обладают наибольшей важностью для сопоставления с русским переводом,

---

⁷ “Interessanterweise sind gerade diese beiden Werke [«Луцидариус» и «Повесть о Трое» – С. И.] auch unter den ältesten Lübecker Drucken zu finden: Historie van der Verstoringe der Stat Troye (gedruckt um 1478 von Lucas Brandis) und Lucidarius (gedruckt 1485 von Matthäus Brandis)”. См. также Miller 1978: 401.

поскольку маловероятно, что он был осуществлен с какой-либо рукописи, и есть все основания полагать, что, подобно многим другим переводным памятникам, создание которых относится к концу XV–XVI вв., он был переведен с печатного издания⁸. В этом смысле первое издание Зимрока более надежно для сравнительного анализа, чем издание Штеера. С другой стороны, несмотря на огромное количество печатных изданий (39 с 1479 по 1536 гг., см. DL1: 19–21), положение облегчается тем, что многие из них на данный момент оцифрованы и находятся в открытом доступе.

Хотя, как уже отмечалось, из-за отсутствия критического издания русского «Луцидариуса» любые предположения, основанные на анализе отдельных списков, следует считать предварительными, накопленный материал (особенно со стороны немецкой традиции) позволяет применить инструменты, способные прояснить взаимоотношения между изданными текстами русского «Луцидариуса» и связь русского перевода с немецкими печатными изданиями.

Для иллюстрации мы сосредоточим внимание на одном пассаже, содержащемся в разделе, который повествует о чудесах Индии. В частности, здесь речь идет об удивительных зверях (раздел I.56 по изданию DL1). В основе этого раздела лежит текст «Imago mundi» (см. DL3: 141–145), из которого мы приведем соответствующий пассаж (здесь и далее мы даем обсуждаемый отрывок с непосредственным контекстом) по изданию Flint 1982: 55, раздел I.12:

In Gange quoque sunt anguille tricenorum pedum longe (...) Indicum quoque mare gignit testudines de quarum testis capacia hospicia sibi faciunt homines. India quoque magnetem lapidem gignit qui ferrum rapit, adamantem etiam qui non nisi hircino sanguine frangi potest.

‘В Ганге также есть угри тридцати стоп в длину (...) Также Индийское море рождает черепах, из панцирей которых люди делают себе просторные дома. Также Индия рождает камень магнит, который притягивает железо, а также адамант, который ничто не может расколоть, кроме козлиной крови’.

---

⁸ В рамках проекта, посвященного немецкому «Луцидариусу», на данный момент выпущено три тома – DL1, DL3 и DL4. Том DL2, посвященный истории текста в печатных изданиях, до сих пор не вышел.

Этот текст приобрел в рукописной традиции немецкого «Луцидариуса» следующий вид (DL1: 28–29, раздел I.56):

In dem wasser, daz da durch daz lant rinnet, da sint innen ale, die sint drizic füze lanc. (...) Bi dem selbin wasser sint snecken, die sint so michel, daz die lúte gût herberge machint uz den muscheln. Von dem lande comet der stein, der daz isen uf hebet. Der stein heizet magnes. Vnde der stein adamas cumet ouch uon deme lande.

‘В воде, которая течет через эту страну, есть угри, длиной в тридцать стоп. (...) У той же воды есть улитки, которые так велики, что люди делают из их раковин хорошие жилища. Из этой страны происходит камень, который поднимает железо. Этот камень зовется магнит. И камень адамант происходит также из этой страны’.

Отметим, что черепахи (*testudines*) оригинала здесь превратились уже в улиток (*snecken*)⁹, и отсутствует указание на козлиную кровь как средство раздробить алмаз.

В печатных верхненемецких изданиях этот текст не претерпел существенных изменений; для сравнения было привлечено 11 таких изданий¹⁰, которые показали настолько небольшое количество разночтений, что можно привести текст любого

⁹ В издании DL1 *snecke* глоссируется как *Schildkröte* ‘черепаха’ со ссылкой на текст *Imago mundi*. Однако имеются многочисленные свидетельства того, что слово *testudo* понималось преимущественно как ‘улитка’ уже в XII в.; в том числе об этом говорят данные английских и французских глоссариев, см. подробно (Rigg 2008). И хотя оно могло сохранять первоначальное значение у некоторых авторов, по тексту Гонория невозможно определить, какое именно значение имеется в виду. Тем не менее, даже если в оригинале *testudo* имело значение ‘черепаха’, для автора немецкого перевода оно уже явно обозначало ‘улитку’, судя по параллелям из сходных по жанру текстов других традиций. Наглядное подтверждение обнаруживается, с другой стороны, и в иллюстрированных бестиариях и описаниях чудесных стран, таких как французское сочинение «*Les merveilles du monde*», также трактующее этот сюжет: здесь на иллюстрациях изображены совершенно определенно раковины улиток, а не панцири черепах, см. Beaugendre 1996.

¹⁰ Strassburg, Martin Schott, ca. 1481 (DL1 Nr. 5) fol. 20r; Augsburg 1479.03.02, Anton Sorg (DL1 Nr. 1), Bl. 8r; Augsburg 1481.06.27, Herman Kästlin (DL1 Nr. 4); Augsburg 1482.05.04, Anton Sorg (DL1 Nr. 6), Bl. 9v; Augsburg 1488.05.21, Hans Schobsser (DL1 Nr. 16); Augsburg 1491.11.09, Hans Schönsperger (DL1 Nr. 19), Bl. 6v-7r; Augsburg 1507, Hans Froschauer (DL1 Nr. 32); Augsburg 1519, Hans Froschauer (DL1, Nr. 38); Straßburg, ca. 1483, Martin Schott (DL1 Nr. 11); Straßburg, ca. 1536, Jacob Cammerlander (DL1 Nr. 39); Ulm 1496.03.29, Hans Zainer (DL1 Nr. 24).

издания. Здесь за основу взят текст инкунабулы *Straßburg, Martin Schott*, ca. 1481 (DL1 Nr. 5), fol. 20r:

in dem wasser daß durch das selbe land lauffet do seind ele innen¹¹
die seind dreyszig schüch lang. bey dem selbigen¹² land seind grosse
schnecken daß die lewt groß herbergen auß den selben¹³ schalen
machend. auß dem selben land kompt der stein Magnes¹⁴ der daß
eysen auffhebt. vnd der stein Adamas

‘в реке, которая течет через эту страну, есть угри длиной в тридцать стоп; у той же страны есть [настолько] большие улитки, что люди делают из их ракушек большие дома; из той же страны происходит камень магнит, который поднимает железо, и камень адамант’

Этому отрывку в русском «Луцидариусе» соответствуют следующие, по редакциям:

1) редакция А (Тихонравов 1859: 49):

В той же водѣ есть земля плавает, в нейже суть елени .л.ти ступеней длиною, и люди тамо велики, и снѣги велицы. Отгудуж идет камень магнить, иже желѣзо к себѣ привлекаит, и камень алмаз.

2) редакция В (Порфирьев 1890: 434), цитируется по исправленному изданию (Архангельский 1899: 37 и 101):

Въ той же земли, близъ къ мерзлomu морю, снегъ никогда не таетъ и толь толсть, дебелъ и крѣпокъ, еже ту сущие люди сотворяють изъ нихъ себѣ великия храмины и живутъ в нихъ. Исъ той земли вывозять камень магнить, которы желѣзо къ себѣ привлекаитъ, отнеже и камень честны адамантъ, или просто рещи адамасть.¹⁵

3) редакция С (Архангельский 1899: 59):

В той же водѣ есть земля плавает, в нейже суть елени тридесятихъ ступенем длиною, и люди тамо велики, а снѣги толь велицы, иже никогда не таетъ, и таковъ толсть и дебелъ и крѣпокъ, иже ту сущии людие сотворяють изъ нихъ себѣ

¹¹ inn DL1 Nr. 1, DL1 Nr. 39.

¹² selben DL1 Nr. 1, DL1 Nr. 4, DL1 Nr. 6, DL1 Nr. 16, DL1 Nr. 19, DL1 Nr. 32, DL1 Nr. 38, DL1 Nr. 39, DL1 Nr. 24.

¹³ selbigen DL1 Nr. 19, DL1 Nr. 24.

¹⁴ Magnes DL1 Nr. 4, DL1 Nr. 6.

¹⁵ А.С. Архангельский приводит соответствующее место по изданию (Simrock 1867: 391): Da sind auch so grossen Schnecken, dass sich die Leute Häuser aus ihren Schalen machen.

храмины великия и живут в нихъ. Оттуду же идетъ камень магнитъ, иже и желъзо къ себѣ привлачить, и камень алмазь.

При интерпретации текста редакций русского перевода имеет смысл отвлечься от редакции С, так как она явным образом сочетает тексты редакций А и В, являясь, скорее всего, контаминированным вариантом. Как бы то ни было, в данном случае она ничего не добавляет к АВ. Что касается вариантов А и В, то здесь обращают на себя внимание следующие соответствия:

1) В редакции А *елени* = *ele innen*, то есть 'угри там' (совр. нем. *Aal*), возможно, прочитано слитно как *eleinnen*, откуда, видимо, было транскрибировано в какой-то сходной форме, которая далее была воспринята по сходству звучания как соответствующая рус. *елень*, в результате чего в позднейшей рукописной традиции на месте угрей оказались олени. В редакции В эта фраза отсутствует.

2) В обеих редакциях наблюдается соответствие *schnecken* 'улитки' = *снѣги*, но если в редакции А фраза «и люди тамо велики, и снѣги велицы» допускает прямое возведение к немецкому тексту «(seind) grosse schnecken (daß) die lewt groß (herbergen auß den selben schalen machend)», то в редакции В это неверное соответствие ложится в основу целого небольшого рассказа: «Въ той же земли, близъ къ мерзлomu морю, снегъ никогда не таетъ и толь толстъ, дебелъ и крѣпокъ, еже ту сущие люди сотворяють изъ нихъ себѣ великия храмины и живутъ в нихъ». Этот отрывок естественным образом основывается на толковании слова *schnecke* 'улитка' как *снѣгъ* 'schnee', но представляет собой уже вольную вариацию на тему реалий, известных, скорее всего, русскому редактору, но не имеющих отношения к тексту оригинала.

В редакции А отсутствует информация о домах, которые делают себе люди из раковин. Эта информация могла быть опущена редактором или исчезнуть в ходе рукописной трансмиссии, но нельзя исключать и того, что она отсутствовала уже в пра-переводе. В таком случае ее наличие в редакции В может объясняться, например, тем, что редактор В правил пра-перевод, обращаясь к какому-то варианту текста оригинала. В любом случае, трансформация, которую претерпело это место в редакции В, не может восходить к пра-переводу и показывает, что редакция В удалена от пра-перевода в той же степени, если

не больше, что и редакция А. Поэтому считать ее более ранней, чем редакция А, представляется неоправданным.

Обращаясь к самой трансформации *улитки* в *снег*, следует отметить, что по формальным признакам она вовсе не очевидна. Во всех верхненемецких печатных изданиях мы видим единообразное написание *schnecken*, которое переводчик вряд ли мог прочитать иначе как ‘шнекен’, и даже если допустить, что он пользовался каким-то неизвестным нам оригиналом, где фигурировала форма *snecken*, трудно объяснить передачу *ck* как *z*. При этом, конечно же, переводчику было прекрасно известно слово *schnee* ‘снег’, которое появляется в том же тексте и переводится соответствующим образом, ср.:

Augsburg 1479.03.02 (DL1 Nr. 1):
wir sehen wol daz der *schnee* auff den hohen bergen lang ligt;

Редакция А (Тихонравов 1859: 53):
Зримъ внятно, еже *снѣзь* (...) на горахъ высокихъ долго лежит.

Эту странность может прояснить чтение списка РНБ, Соловецкое собр. 1046, по изданию (Архангельский 1899: 102):

Въ той же водѣ и земля плаваетъ, въ ней же суть елень, иже тридесать степеней ножныхъ длиною. Въ той же земли снѣзи велицы изнигень, еже люди велицы. И ис тое земли идетъ камень магнить, привлекаеть къ себѣ желѣзо, и камень алмазь, адамась.

Это место соотносится с редакцией А, однако имеет по сравнению с ней следующие особенности: форма *елень* единственного числа, хотя сочетается с мн. ч. *суть*; нем. *schnecke* здесь соответствует фраза «снѣзи велицы изнигень»;¹⁶ нем. *adamas* передается дублирующими вариантами *алмазь*, *адамась*. Естественно предположить, что *снѣзи* и *изнигень* также являются дублирующими вариантами, но они явно не могут быть выведены из верхненемецких изданий.

Они находят объяснение в нижненемецком издании Lübeck 1485, Mathäus Brandis (DL1 Nr. 13) на которое указал Рааб (Raab 1958: 333), но текстологическое сопоставление с ним русского перевода до сих пор не проводилось. Данный отрывок в этом издании выглядит так (Bl. 10r):¹⁷

¹⁶ На это соответствие обратил внимание А.С. Архангельский, поставив в скобках *Schnecken*?

¹⁷ Для транскрипции и сличения привлекались два экземпляра РНБ 9.2.2.51 и 9.4.2.40.

In deme watere dat dor dat sulue lant vlud dar sint ylen inne de sint xxx vote lang. In deme suluen lande sint so grote sniggen dat de lude grote woningen uth den suluen schalen maken. vnde uth deme suluen lande kumpt de stein magnes de dat yser to sik thud: vnde ok de stein adamas.

Нижненемецкий текст в содержательном плане практически идентичен верхненемецкому, однако обращают на себя внимание специфически нижненемецкие языковые формы, которым полностью соответствуют формы перевода:

1) Мн.ч. *ylen* (ср. в.-нем. *ele*) = *елень* (Сол. 1046). Эта форма позволяет без лишних звеньев объяснить форму *елень*, не прибегая к трансформации *ele innen* → *eleinnen* → *елень*, предложенной выше. Помимо этого, несогласование с глагольной формой в списке Сол. 1046 указывает на то, что в пра-переводе это была транскрипция, не соотносящаяся с рус. *елень* 'олень', вероятно, читавшаяся с ударением на первом слоге *элень* (или *элень*, *илень*). В ходе дальнейшей трансмиссии она слилась с формой *елень*, о чем говорит мн. ч. *елени* в редакции А.

2) Неправдоподобность ситуации, в которой по смыслу оригинала олени должны были бы оказаться водоплавающими, разрешается благодаря другой особенности перевода: фраза «в той же водѣ есть земля плавает, в нейже суть елени» предполагает, что олени водятся в земле, которая плавает в воде. Это искаженная передача фразы оригинала *in deme watere dat dor dat sulue lant vlud dar sint ylen inne*. Стоит подчеркнуть, что основой для перевода «есть земля плавает» мог послужить только нижненемецкий оригинал (*dat dor*) *dat sulue lant vlud*. Верхненемецкая версия (*daß durch*) *das selbe land lauffet* вряд ли могла привести к подобной передаче.

3) Нижненемецкая форма *sniggen*, в отличие от верхненем. *schnecken*, является естественным исходным пунктом для перетолкования *снѣги*. Более того, ее транскрипция *изниггенъ* практически буквально воспроизводится в списке Сол. 1046. Вероятно, для пра-перевода следует восстанавливать дублирующий перевод *снѣзи и зниггенъ*. Из этих двух вариантов второй как непонятный был впоследствии опущен переписчиками, а первый лег в основу новой расширенной интерпретации редакции В.

В связи с данным отрывком имеет смысл рассмотреть другие славянские версии «Луцидариуса», предоставляющие дополнительный материал для сравнения. Кроме того, рассматриваемый отрывок может прояснить отношения как между этими вер-

сиями, так и между русским и другими славянскими переводами «Луцидариуса».

Первым, по всей видимости, появился чешский перевод, который известен как в рукописных памятниках (правда, в единственном списке), так и в печатных изданиях. Текст по списку рукописи из библиотеки князей Фюрстенбергских (позднее в библиотеке Кршивоклата) середины XV в., а также текст первого издания 1498 г. (Plzeň, Mikula Bakalář) был издан Ч. Зибртом (Zíbrt 1903)¹⁸. Пассаж об улитке выглядит в этих текстах следующим образом:

Рукопись (Zíbrt 1903: 52):

Ztezemye przichody geden kamen, ten przitrhuge ksobie zelezo.
Take gsu wte zemy hlemyzdiowe, ty gsu tak weliczi, ze zgich
sskorzepyń czinye sobie lide domy.

Издание 1498 (Zíbrt 1903: 53):

Zte zemie przichodi geden kamen, ten slowe Adamas, ten železo k
sobie przitahuge. Take wte zemi su welicy hrmieždy, tak že z gegich
sskorzipek lidee sobie domy dielagi.

В чешских текстах по сравнению с немецкими печатными изданиями переставлен порядок фраз, отсутствует информация об угрях, вместо двух камней (магнита и адаманта) упоминается лишь один (который в инкунабуле называется адамантом, хотя приписаны ему свойства магнита). По сравнению с русским переводом здесь нет отклонений в передаче пассажа про улитку. Нем. *schnecken* здесь соответствуют *hlemyzdiowe / hrmieždy* (совр. чеш. *hlemýžď* 'улитка').

Чешский перевод характеризуется рядом дополнений, но также и обширными сокращениями оригинального материала (см. Архангельский 1897, Zíbrt 1903, Uhrová 1966). Его отношение к различным редакциям немецкого «Луцидариуса» не вполне исследовано. Если справедливо суждение, согласно которому языковые особенности фюрстенбергского списка позволяют датировать перевод временем до XV в. (Hujer 1903), и учитывать очевидное сходство печатной версии 1498 г. с рукописным текстом, перевод должен основываться на какой-либо из редакций рукописного немецкого «Луцидариуса». То, что

¹⁸ Мнение А. С. Архангельского (1897: 49) о том, что это издание утеряно, неверно, см. Zíbrt 1903: 21. Интересно, что в авторитетном немецком *Verfasserlexikon* утверждается, будто издания чешского перевода не существует, см. Steer 1985.

русский и чешский переводы совершенно независимы друг от друга, было показано А. С. Архангельским (1899: 248–251).

К чешскому переводу, как показывает, в частности, наличие богемизмов (Milčetić 1897: 562), восходит хорватская обработка, дошедшая в нескольких глаголических списках. Текст одного из них по списку XVI в. был издан Мильчетичем (Milčetić 1902), недавно вышло издание старейшего списка 1468 г. (Karpetanović 2010). В любом случае, в этих списках отсутствует перевод рассматриваемого отрывка, несмотря на то, что в целом часть, повествующая о чудесах Индии, представлена хорошо.

Наконец, имеется также украинская версия «Луцидариуса». На данный момент издано несколько ее списков (Архангельский 1899: 69–72, Карский 1962, Франко 1906: 25–42), старейшие из которых относятся к XVII в. Интересующий нас пассаж выглядит в них следующим образом:

Список Вильнюсской публичной библиотеки, № 107 (98), издание Архангельский 1899: 70:

В той же земли камень магнесъ есть, тамъ и вода называемая Гагнесъ, тамъ то и адамантъ камень, котораго твердость кровию козлею роздѣляютъ. Тамъ черепахи на сто локоть вширки и вдовжъ, люде домы собѣ зъ ихъ будують скорупъ.

Рукопись РНБ Q.I.391, лл. 70–89, издание Карский 1962: 534:

с той землѣ приходит един камен магнесъ, тотъ къ себѣ желѣзо тягнетъ, в той землѣ есть вода гагнушь в той водѣ есть черепахи, такъ великие ижъ на сто локоть вшир и вдовжъ, а з нихъ скаралупъ тии люде доми собѣ ставлять, тамъ камен адамантъ, а есть такъ тверди же его нѣчим не роздѣлить. тико кровию козловую

Список, изданный Франко 1906: 32:

С тоеи земли приходит один камень магнесъ, тож тыгнет к собѣ желѣзо. тамже есть и вода на имя Гагнесъ, в той водѣ суть черепахи такъ великие, на сто локоть в ширь и вдовжъ, а тые люде в шкорупахъ ихъ домы будують. и тамъ ест камень адамантъ, а такъ твердь, ижъ его не розбиеть ничимъ, толко козлию кровию.

Считается, что украинская обработка «Луцидариуса» восходит к чешскому переводу, чему приводятся убедительные доказательства (ср. Архангельский 1899: 72; Карский 1962: 519–522; Буланина 1989). Впрочем, отмечаются и отклонения от старейших чешских текстов. По мнению Карского, эти искажения и отступления могут объясняться тем, что «малорусский перевод

мог быть сделан с такого чешского оригинала, который, хотя и был очень близок к тексту рукописи XV в., однако не совсем совпадал с ним» (Карский 1962: 522), или же тем, «что и сам переводчик мог несколько отступать от чешского оригинала, распространяя, например, некоторые места на основании Св. писания и известных ему апокрифов, а, быть может, и текстов русского Луцидария» (Карский 1962: 521).

Примером такого отступления от предполагаемого оригинала служит и рассматриваемый отрывок. Прежде всего, следует обратить внимание на единообразие текста во всех трех приведенных малорусских списках. Несмотря на перестановки отдельных фраз, нет никаких сомнений в том, что все три списка передают отрывок, восходящий к общему протографу.

Тем интереснее тот факт, что в данном случае украинский текст кардинально расходится с чешским – но не только с чешским, а и со всеми прочими представителями традиции немецкого «Луцидариуса». Характерными особенностями украинской версии является отсутствие пассажа про угрей (*еленей* в русском «Луцидариусе»); впрочем, та же особенность наблюдается и в чешском переводе. Однако от чешского текста украинский отличаются замена улиток на черепах и дополнение про козлиную кровь, способную расколоть алмаз. Эти детали не обнаруживаются также ни в одном из рассмотренных нами немецких печатных изданий, ни в русском, ни в хорватском «Луцидариусах», однако парадоксальным образом находят полное соответствие в оригинальном тексте «*Imago mundi*», обработка которого дала начало всей обсуждаемой традиции. Напомним, что в тексте Гонория, вероятнее всего, речь идет как раз о черепахах (*testudines*), которые уже на стадии создания немецкого «Луцидариуса» превратились в улиток (*schnecken*), и там же содержится упоминание о чудесных свойствах козлиной крови (*adamantem etiam qui non nisi hircino sanguine frangi potest*). Остается предположить, что автор украинского пра-перевода (или же редактор той редакции, к которой принадлежат все три указанных списка) наряду с чешским переводом «Луцидариуса» пользовался каким-то источником, сохранившим особенности оригинального латинского текста.

Таким образом, подводя итоги:

1) Русский перевод был осуществлен, скорее всего, с нижне-немецкого любекского издания 1485 г., как предполагал Генрих Рааб.

2) Как показывает сравнение приведенных отрывков, из главных редакций русского перевода, выделяемых на данный момент – А и В – ни одна не передает в полной мере текста предполагаемого оригинала; в связи с этим до полного текстуального сличения максимального количества списков обеих редакций с любекским изданием преждевременно делать выводы о их взаимном соотношении и относительной близости к пра-переводу.

3) Русская и чешская версия являются независимыми переводами с разных немецких источников, однако украинская обработка, восходящая к чешскому переводу, пользуется какими-то дополнительными источниками,

4) Основой для дальнейшего перетолкования в русском переводе (и развития в редакции В в отдельный сюжет) послужила транскрипция нижненем. *sniggen*, понятого на определенном этапе рукописной трансмиссии как *снѣзь*. В связи с этим следует обратить особое внимание на список Соловецкое собр. 1046, отражающий транскрипцию в виде, вероятно, наиболее близком к пра-переводу.

Литература

- Архангельский 1897 – Архангельский А. С. К истории немецкого и чешского Луцидариусов. Казань, 1897.
- Архангельский 1899 – Архангельский А. С. К истории древне-русского Луцидариуса. Сличение славяно-русских и древне-немецких текстов. Казань, 1899.
- Буланина 1989 – Буланина Т. В. Луцидариус / Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 72–76.
- Карский 1962 – Карский Е. Ф. Малорусский Луцидарий по рукописи XVII в. / Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962. С. 518–557.
- Порфирьев 1881 – [Порфирьев И. Я.] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Часть I. Казань, 1881.
- Порфирьев 1890 – Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ново-заветных лицах и событиях, по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб, 1890 (Сборник ОРЯС, ЛП, № 4).
- Протасьева 1970 – Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невостреева). Часть I, № 577–819. М., 1970.
- Тихонравов 1859 – Тихонравов Н. С. Луцидариус / Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т. 1. М., 1859. С. 33–68.

- Ундольский 1870 – Ундольский В. М. Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания, с № 1-го до 579-й, с приложением очерка собрания рукописей В. М. Ундольского в полном составе. М., 1870.
- Франко 1906 – Франко И. Апокріфі і легенди з українських рукописів. Т. 4. Апокріфи есхатологічні. Львов, 1906 (Памятки українсько-руської мови і літератури, 4).
- Beaugendre 1996 – Beaugendre A.-C. Les merveilles du monde ou les secrets de l'histoire naturelle. Paris, 1996.
- DL1 – Gottschall D. und Georg Steer G. Der deutsche 'Lucidarius'. Bd. 1: Kritischer Text nach den Handschriften. Tübingen, 1994. (Texte und Textgeschichte 35).
- DL3 – Hamm M. Der deutsche 'Lucidarius'. Bd. 1: Kommentar. Tübingen, 2002 (Texte und Textgeschichte 37).
- DL4 – Ulmschneider H., Der deutsche 'Lucidarius'. Bd. 4: Die mittelalterliche Überlieferungsgeschichte. Berlin; New York, 2011 (Texte und Textgeschichte 38).
- Flint 1982 – Flint V. I. J. Honorius Augustodunensis Imago mundi // Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge 49, 1982. P. 48–151.
- Heidlauf 1915 – Heidlauf F. Lucidarius. Aus der Berliner Handschrift. Berlin, 1915 (Deutsche Texte des Mittelalters 28).
- Hujer 1903 – Hujer O. Starocesky Lucidář // Listy filologicke, 1903. S. 309–312.
- Kapetanović 2010 – Kapetanović A. Lucidarij iz Petrisova zbornika // Grada za povijest književnosti hrvatske 37, 2010. S. 3–33.
- Melzer, Kreuder 1975 – Apollonius von Tyrus. Griseldis. Lucidarius. Hildesheim, New York, 1975 (Dt. Volksbücher in Faksimiledrucken A 2).
- Milčetić 1897 – Milčetić I. Ueber den kroatischen und böhmischen Lucidarius // Archiv für slavische Philologie, 19, 1897. S. 556–563.
- Milčetić 1902 – Milčetić I. Prilozi za literaturu hrvatskih glagoljskih spomenika, III: Hrvatski lucidar // Starine 30, 1902. Str. 257–334.
- Miller 1978 – Miller D. B. The Lübeckers Bartholomäus Ghotan and Nicolaus Bülow in Novgorod and Moscow and the Problem of Early Western Influences on Russian Culture // Viator, 9, 1978. P. 396–412.
- Podleiszek 1936 – Volksbücher von Weltweite und Abenteuerlust, bearb. v. F. Podleiszek. Leipzig, 1936 (DLE, Reihe Volks- und Schwankbücher, 2). S. 99–149.
- Raab 1958 – Raab H. Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums // Zeitschrift für Slawistik, 3, 1958. S. 323–335.
- Rigg 2008 – Rigg A. G. The tortoise and the snail: A lexical shellgame // Medium Aevum 77, 2008. P. 191–201.
- Simrock 1867 – Die deutschen Volksbücher, gesammelt und in ihrer ursprünglichen Echtheit wiederhergestellt von Karl Simrock. Bd. 13. Frankfurt-am-Main, 1867.
- Steer 1985 – Steer G. Lucidarius / Verfasserlexikon. Die deutsche Literatur des Mittelalters. Bd. 5, 1985. Sp. 939–947.
- Uhrová 1966 – Uhrová E. Bemerkungen zum deutschen und alttschechischen Lucidarius // Sborník prací Filozofické Fakulty Brněnské Univerzity 13, 1966. S. 57–68.

- Wimmer 2005 – Wimmer E. Novgorod – ein Tor zum Westen? Die Übersetzungstätigkeit am Hofe des Novgoroder Erzbischofs Gennadij in ihrem historischen Kontext (um 1500). Hamburg, 2005 (Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa 13).
- Zíbrt 1903 – Zíbrt Č. Staročeský Lucidář. Text rukopisu Fürstenberského a prvotisku z roku 1498. Praha, 1903 (Sbírka pramenův ku poznání literárního života v Čechách, na Moravě a v Slezsku, Skupina 1, Památky řeči a literatury české, Řada II, 5).

S. V. Ivanov. The snail and the snow: transformations in translation as an instrument of textual criticism and comparative analysis (on the basis of the Russian Lucidarius)

The paper examines a fragment of the Russian Lucidarius which contains a curious interpretation of the source text. Such cases are of high importance because they shed some light on the history of this translation and provide interesting material for comparison. The Russian fragment is compared to the printed versions of the German Lucidarius as well as to other Slavic (Czech, Croatian, Ukrainian) versions. The fragment in question corroborates the hypothesis that the Russian translation was based on the early Low German print Lübeck 1485, tracing the transformation *schnecken* 'snails' → *снѣгу* 'snows' back to the Low German form *sniggen* faithfully reproduced in one of the copies as *изниггенъ*.

Keywords: Lucidarius, Russian translations from German.

**БОСИКОМ ПО СНЕГУ
(Вергилий, «Буколики» 10.49 и Проперций 1. 8. 7)**

Мотив хождения босиком по снегу появляется в двух похожих контекстах у Вергилия («Буколики» 10.49) и у Проперция (1.8.7). Думается, он отсылает к пассажу в «Пире» Платона, где рассказывается, как Сократ зимой ходил босиком по обледеневшей земле (220b). Привычка Сократа ходить босиком уподобляет его Эроту (203d). Точно так же готовность – или неготовность – идти босиком по снегу говорит о степени соответствия Ликориды и Цинтии идеалу служения Эроту.

Ключевые слова: Вергилий, Проперций, Галл, Платон, Сократ, Эрот.

Два известных контекста в латинской поэзии изображают – точнее, воображают – девушек идущими босиком по жесткому снегу¹. Первый – в десятой эклоге Вергилия: Ликорида предпочла Галлу другого и последовала за ним в Трансальпинскую Галлию (10.22–23 *tua cura Lycoris | perque niues alium perque horrida castra secuta est*), и Галл переживает, как бы она не замерзла (10.48–49 *a, te ne frigora laedant! | a, tibi ne teneras glacies secet aspera plantas!*). Второй – в восьмой элегии первой книги Проперция: Цинтия нашла себе кого-то вместо Проперция и отправляется вслед за ним в Иллирию, и Проперций предупреждает ее о тамошних холодах (1.8.7–8 *tu pedibus teneris positas calcare² pruinas, | tu potes insolitas, Cynthia, ferre niues?*). Заманчиво предположение, что данный мотив – хождение босиком по снегу – восходит к стихам самого Галла³, однако

---

¹ Следует оговорить, что «снег» – не вполне точная передача латинских *glacies* и *pruina*, равно как и греческих *πάγος* и *κρύσταλλος*, и в разбираемых контекстах речь идет скорее о ледяной корке.

² Neuwirth (2007: 31–32), кажется, прав, отказываясь принять *fulcire* рукописной традиции.

³ Кажется, Skutsch (1901: 12–13) был одним из первых, кто, отмечая сходство между пассажами Вергилия и Проперция, предположил, что оба обыгрывают не сохранившийся контекст в стихах Галла; с тех пор эта правдоподобная догадка стала общим местом.

выяснить, как именно Галл мог его использовать, не представляется возможным. Тем не менее, стоит попробовать прояснить его значение в сохранившихся контекстах.

Смысл второго контекста на первый взгляд ясен: Проперций пытается отговорить Цинтию от задуманной поездки, запугав ее тяготами пути и походного быта. Действительно, подобный ход мысли встречается в текстах, относимых к жанру «напутствия» (προεμπτικόν)⁴. Кроме того, примечательна параллель в «Метаморфозах» Овидия: Аполлон уговаривает Дафну бежать помедленнее, чтобы та не поранила ноги (1.508–509 *ne prona cadas indignauae laedi | crura notent sentes*)⁵. Такое прочтение, однако, не учитывает существенного обстоятельства: Цинтия едет в Иллирию не *от* Проперция, а *за* его соперником; она готова к лишениям (как окажется, не вполне: 1.8.27), не чтобы избавиться от Проперция, а чтобы заполучить кого-то другого.

Именно такую ситуацию можно видеть и в первом контексте: Вергилий изображает Ликориду не бегущей от Галла, а следующей за его соперником (10.22–23, см. выше)⁶. Эту же картину рисует и ключевой подтекст в стихах Феокрита: девушка блуждает в поисках Дафниса, а не скрываясь от него (1.82–85 ἄ δέ τυ κόρα | πάσας ἀνὰ κρίνας, πάντ' ἄλσεα ποσσὶ φορεῖται <...> ζᾷταισ<α>). Наконец, Бион – развивая феокритовский контекст⁷ – повествует, как Афродита ищет раненного Адониса, босиком продираясь сквозь шипастые кусты (19–23):

ἄ δ' Ἀφροδίτα
 λυσαμένα πλοκαμίδα ἀνὰ δρυῶς ἀλάληται
 πενθαλέα νήπλεκτος ἀσάνδαλος, αἱ δὲ βᾶτοι νιν
 ἐρχομέναν κείροντι καὶ ἱερὸν αἶμα δρέπονται·
 ὄξυ δὲ κοκκύοισα δι' ἄγχεα μακρὰ φορεῖται.

⁴ См. Wachsmuth 1977: 297–331.

⁵ Кнох (1990: 201–202), отмечая параллели у Нонна (Дионис уговаривает Нику: 16.92–93 σῶν ἐρατῶν μελέων περιφεῖδεο, μηδ' ἐπὶ πέτρας | ἀστορέες σέο νῶτα κατατρίψωσι χαμεῦναι) и в тибулловском корпусе (Сульпиция обращается к Керинфу: [Tib.] 3.9.9–10 *quidue iuuat furtim latebras intrare ferarum | candidaque hamatis crura notare rubis?*), предполагает, что у этих контекстов должен был быть общий эллинистический источник, который также послужил образцом Вергилию и, возможно, Галлу. Ср. Clausen 1994: 306 и Cucchiarelli 2012: 502.

⁶ Ср. также готовность Федры следовать за Ипполитом (Сенека, «Федра» 613–614): *non me per altis ire si iubeas niues | pigeat gelatis ingredi Pindi iugis*.

⁷ Ср. Reed 1997: 205.

По-видимому, описывая погоню Аполлона за Дафной, Овидий обыгрывает приведенный отрывок (*sentēs ~ βάτοι*), а это косвенно свидетельствует о том, что его имел в виду и Вергилий (а до него Галл?). Таким образом, Ликорида и Цинтия, идущие босиком по снегу (пусть только в воображении), уподобляются идущей босиком сквозь колючие заросли Афродите.

Почему Вергилий и Проперций заменяют колючки снегом? Ответ кажется очевидным: обледеневшая почва усиливает *couleur locale* северных стран, куда направляются Ликорида и Цинтия. Однако, вероятно, он не исчерпывающий. Занимающий нас мотив появляется еще в одном контексте – в «Пире» Платона Алкивиад приписывает способность ходить босиком по обледеневшему снегу Сократу (220a–b)⁸:

πρὸς δὲ αὐτὰς τὰς τοῦ χειμῶνος καρτερήσεις (δεινοὶ γὰρ αὐτόθι χειμῶνες) θαυμάσια ἠργάζετο τὰ τε ἄλλα, καὶ ποτε ὄντος πάγου οἴου δεινοτάτου, καὶ πάντων ἢ οὐκ ἐξιόντων ἔνδοθεν, ἢ εἴ τις ἐξίσι, ἠμφιεσμένων τε θαυμαστὰ δὴ ὅσα καὶ ὑποδεδεμένων καὶ ἐνεπιλεγμένων τοὺς πόδας εἰς πῖλους καὶ ἀρνακίδας, οὗτος δ' ἐν τούτοις ἐξῆει ἔχων ἱμάτιον μὲν τοιοῦτον οἴονπερ καὶ πρότερον εἶσθει φορεῖν, ἀνυπόδητος δὲ διὰ τοῦ κρυστάλλου ῥᾶον ἐπορεύετο ἢ οἱ ἄλλοι ὑποδεδεμένοι.

Стоит подчеркнуть, что обстоятельства, при которых Сократу довелось ходить босиком по снегу, похожи на те, о которых пишут Вергилий и Проперций: все три эпизода связаны с полевой жизнью во время военных экспедиций. Алкивиад рассказывает об участии Сократа в походе против Потидеи в 432–430 годах. Путешествие Ликориды можно приурочить к военным действиям (ср. 10.23 *horrida castra*) в Трансальпинской Галлии в 38 году (тогда был форсирован Рейн, ср. 10.47 *frigora Rheni*)⁹. Несостоявшаяся поездка Цинтии в Иллирию, по-видимому, приходится на кампанию 35–33 годов¹⁰.

Если эти сходства неслучайны, каков смысл в уподоблении Ликориды и Цинтии Сократу? Как неоднократно отмечалось

⁸ Интерес римских поэтов к Платону – недостаточно исследованная тема, но он несомненно существовал, см. в особенности De Lacy (1983), Brown (1987: 128–132), Van Sickle (2000), Dué (2001), Peraki-Kyriakidou (2003: 164–166) и Wardy (2007).

⁹ Ср. Cucchiarelli (2012: 494).

¹⁰ Первая книга Проперция традиционно датируется временем после битвы при Акции, однако Heslin (2010) приводит убедительные доводы в пользу публикации уже в 33 году.

начиная с античности, образ Сократа в речи Алкивиада множеством деталей напоминает портрет Эрота, написанный Диотимой¹¹. Одна такая общая деталь – хождение босиком (203d ἀνυπόδητος), причем она оказывается важным лейтмотивом в диалоге: босым появляется не только Сократ как последователь Эрота, но и Аристодем как последователь Сократа (173b ἀνυπόδητος ἀεὶ <...> Σωκράτους ἐραστής)¹². Таким образом, Ликорида и Цинтия, ходя босиком по снегу, будут подражать не только Сократу, но и Эроту – беда в том, что они на это решаются не ради Галла и Проперция, а ради их соперников¹³.

Литература

- Brown 1987 – Brown R.D. *Lucretius on Love and Sex: A Commentary on De Rerum Natura IV, 1030–1287*. Leiden, 1987.
- Clausen 1994 – Clausen W. *A Commentary on Virgil, Eclogues*. Oxford, 1994.
- Cucchiarelli 2012 – Cucchiarelli A. *Publio Virgilio Marone: Le Bucoliche*. Roma, 2012.
- De Lacy 1983 – De Lacy P.H. *Lucretius and Plato // Συζήτησις: Studi sull'epicureismo greco e romano offerti a Marcello Gigante*. Napoli, 1983. P. 291–307.
- Dué 2001 – Dué C. *Sunt Aliquid Manes: Homer, Plato, and Alexandrian Allusion in Propertius IV 7 // CJ*. 2001. Vol. 96. P. 401–413.
- Heslin 2010 – Heslin P. *Virgil's Georgics and the Dating of Propertius' First Book // JRS*. 2010. Vol. 100. P. 54–68.
- Heyworth 2007 – Heyworth S. J. *Cynthia: A Companion to the Text of Propertius*. Oxford, 2007.
- Knox 1990 – Knox P. E. *In Pursuit of Daphne // TAPhA*. 1990. Vol. 120. P. 183–202.
- Osborne 1994 – Osborne C. *Eros Unveiled: Plato and the God of Love*. Oxford, 1994.
- Peraki-Kyriakidou 2003 – Peraki-Kyriakidou H. *The Bull and the Bees // LEC*. 2003. Vol. 71. P. 151–174.
- Reed 1997 – Reed J. D. *Bion of Smyrna: The Fragments and the Adonis*. Cambridge, 1997.
- Sheffield 2006 – Sheffield F. C. C. *Plato's Symposium: The Ethics of Desire*. Oxford, 2006.

¹¹ См. в особенности Sheffield 2006: 185–206.

¹² См. более подробно Osborne 1994: 93–101.

¹³ Не исключено, что мотив хождения босиком по снегу у Вергилия и Проперция отсылает еще и к эпиграмме Каллимаха, в которой тот примером охотника, предпочитающего труднодостижимую добычу (AP 12.102.3 στίβη καὶ νιφετῶ κεχρημένος), иллюстрирует свой подход к мальчикам (5–6 χούμος ἔρωσ τοιόσδε· τὰ μὲν φεύγοντα διώκειν | οἶδε, τὰ δ' ἐν μέσσω κείμενα παρλέταται).

- Skutsch 1901 – Skutsch F. *Aus Vergils Frühzeit*. Leipzig, 1901.
- Van Sickle 2000 – Van Sickle J.B. *Virgil vs. Cicero, Lucretius, Theocritus, Plato, and Homer: Two Programmatic Plots in the First Bucolic // Vergilius*. 2000. Vol. 46. P. 21–58.
- Wachsmuth 1977 – Wachsmuth D. *Das antike Propemptikon: Untersuchungen zur Geschichte der antiken Liedart des Abschiedsgedichts mit besonderer Berücksichtigung der Propemptika des Horaz. I: Prolegomena*. Berlin, 1977.
- Wardy 2007 – Wardy R. *Virgil's Sacred Duo: Phaedrus' Symposium Speech and Aeneid IX // Maieusis: Essays on Ancient Philosophy in Honour of Myles Burnyeat / Ed. D. Scott*. Oxford, 2007. P. 154–175.

**B. A. Kayachev. Walking barefoot on hoarfrost
(Virgil, *Eclogues* 10.49 and Propertius 1.8.7)**

At Virgil, *Eclogues* 10.49 and Propertius 1.8.7, Lycoris and Cynthia appear (if only in imagination) walking barefoot on hoarfrost, a motif that may have been introduced by Gallus. While Gallus' and Propertius' concern for their girlfriends' tender feet is usually seen as merely a means to stop them from going away, an intertext in Bion points in a different direction. Lycoris and Cynthia are prepared to risk hurting their delicate feet, not because they want to leave Gallus and Propertius (like Daphne fleeing Apollo at Ovid, *Metamorphoses* 1.508–509), but because they want to follow the poets' rivals (like Aphrodite searching for Adonis at Bion, *Adonis* 21–22). Yet this does not explain why the girls are imagined to be treading barefoot specifically on frosted ground. A relevant literary precedent is found in Alcibiades' account of Socrates' endurance in the Potidaea campaign, when he ἀνυπόδητος διὰ τοῦ κρυστάλλου ὄχλου ἐπορεύετο ἢ οἱ ἄλλοι ὑποδεδεμένοι (Plato, *Symposium* 220b). As has been shown by others, barefooting is one of the many details that assimilate Socrates to Eros (203d), thus emphasising his role as the ideal ἐραστής. Insofar as they are willing to put their unshod feet on hoarfrost, Lycoris and Cynthia too are revealed to be followers of Eros.

Keywords: Virgil, Propertius, Gallus, Plato, Socrates, Eros.

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ» ИЛИ ЧТО ИМЕЮТ В ВИДУ ЦАКОНЦЫ?

Одним из наиболее распространенных приветствий среди носителей цаконского диалекта новогреческого языка является выражение *καίγ εκάпate* ‘добро пожаловать’. В настоящей статье предпринимается попытка выяснить, что же обозначает элемент *καίγ* и верно ли его традиционное отождествление с новогреческим наречием *καλώς*. При рассмотрении этого вопроса были использованы полевые материалы, собранные автором во время многочисленных экспедиций в места компактного проживания носителей цаконского диалекта на Пелопонесе.

Ключевые слова: новогреческие диалекты, цаконский диалект, фонетические особенности цаконского диалекта, цаконская лексика.

На территории муниципалитета Южная Кинурия (ном Аркадия, Пелопоннес, Греция) и особенно в его столице, городе Леонидионе, можно увидеть таблички с надписями на местном **цаконском** диалекте (подробнее о нем см.: Кисилиер 2014b). В самом Леонидионе по-цаконски почти не говорят и, по-видимому, никогда и не говорили (Кисилиер 2014а: 290–291). Популярными в последние годы¹ надписи на цаконском весьма условно отражают особенности диалектной фонетики и за это подвергаются беспощадной критике со стороны отдельных представителей местной интеллигенции. Впрочем, они рассчитаны не на носителей диалекта, а на гостей региона, и их основная цель – подчеркнуть местную экзотику. На въезде в город написанное по-цаконски приветствие извещает, что в городе говорят на диалекте, на выезде – по-цаконски желают счастливого пути; можно встретить диалектные надписи и в разных местах внутри города.

Наиболее распространенная надпись – *καίγ εκάпate* ‘добро пожаловать’ – отражает реально существующее приветствие, и поэтому его уместно привести в фонематической транскрипции.

---

¹ Появление надписей на диалекте, с одной стороны, отражает общеевропейский интерес к местной этнографии, вызванной, в частности, развитием туризма, а с другой стороны – следствие интереса к диалекту со стороны научного сообщества.

Согласно пояснению носителей цаконского, так приветствуют посетителей деревни или города, тогда как при входе в дом гостям говорят *καίγ екоκ¹áte*. Состав обоих выражений, на первый взгляд, очевиден. На втором месте стоит глагол в аористе: форма *εκάпate* является супплетивным аористом от *παγú*² ‘приезжать’ и восходит к др.-греч. *ικάνω* ‘прибывать, приходить’ (ср.: Кисилиер, Федченко 2010: 49); происхождение и точное значение формы *εκοκ¹áte* пока однозначно определить не удалось.

Оба выражения настолько похожи на новогреческое приветствие

- (1) *καλ-ώς*   *ήρθ-ate*
хороший-ADV   идти.PFV-PST.2PL
‘добро пожаловать’,

что тождество *καίγ* и *καλώς* представляется само собой разумеющимся, тем более что все фонетические изменения легко объяснимы. В южном варианте цаконского диалекта³ регулярно выпадает /л/ перед гласным или в интервокальной позиции: *ska* ‘лестница’ (ср. н.-греч. *σκάλα*), *καβυεγί* ‘старцы, монахи’ (ср. н.-греч. *καλύεροι*), *θού* ‘мутить, затуманивать’ (ср. н.-греч. *θολώνω*).

Переход /б/ > /ú/ также можно считать одной из черт цаконского диалекта. Наиболее регулярно он встречается в окончаниях причастий, происходящих от древнегреческих слитных глаголов, например: *αú* ‘говорить’ < др.-греч. *λαλέω* (*λαλέω*), однако изредка в составе глагольной или именной основы: *σαγúk^xu* ‘мести’ (ср. н.-греч. *σαρώνω*), *úga* ‘час’ (ср. н.-греч. *ώρα*). Как свидетельствуют приведенные примеры, в /ú/ переходит /б/, произошедший из [ɔ:]. Эта закономерность дополнительно подтверждает связь между *καίγ* и *καλώς*.

² В цаконском диалекте глагольные формы презенса и имперфекта являются аналитическими. Они образуются с помощью глагола ‘быть’ в настоящем или прошедшем времени и причастия смыслового глагола в соответствующем роде и числе (ср.: Кисилиер 2014b: 336–337). В качестве словарной формы уместно приводить причастие смыслового глагола в муж. р. ед. ч.

³ Села Васкина, Мелана, Прагматевтис, Сапунакейка и города Тирос, Агиос Андреас/Прастос.

Наконец, ротацизм, наблюдаемый в **kaír**, принято считать одной из дорийских черт, сохранившихся в цаконском, например, в артикле:

(2) **taṛ**   aḡák-i
DEF.F.SG.GEN   любовь-SG
'любви' (vs. н.-греч. τῆς ἀγάπης)

(3) **tur**   aθḡír-i
DEF.M.PL.ACC   человек-PL
'людей' (vs. н.-греч. τοῦς ἀνθρώπους)

Несмотря на все перечисленные выше факты, есть основания усомниться в том, что **kaír** тождественно новогреческому наречию **καλῶς**. Помимо выражений со значением «добро пожаловать», **kaír** употребляется также и в формульном ответе на это приветствие:

(4) **kaír**   **n**ⁱum=erék-ame
      ???   2PL.ACC=находить.PFV-PST.1PL

Слово, стоящее после **kaír**, начинается с согласного; несмотря на это ротацизм все равно наблюдается. Другие данные из цаконского диалекта свидетельствуют о том, что перед согласным на стыке слов /-s/ должен вообще исчезать:

(5) **taṛ**   aḡák-e
DEF.F.PL.ACC   любовь-PL
(vs. н.-греч. τὰς ἀγάπες), но

(6) **ta**   **dz**él-e
DEF.F.PL.ACC   дом-PL.ACC
или

(7) **ta**   **n**iíθ-e
DEF.F.PL.ACC   невеста-PL

Как видно из примера (7), перед начальным носовым /-s/ ведет себя так же, как и перед любым другим согласным, то есть исчезает

Еще более запутанным выглядит другое цаконское приветствие:

(8) **ka-ós**   t-a   kabzí-a
хороший-ADV   DEF-N.PL   ребенок-PL
'здравствуйте, ребята'

Нет сомнений, что *kaós* тождественно новогреческому *καλός*, но непонятно, как вариант *kaós* соотносится с *kaúg*: почему в первом не происходит сужение /б/ и сохраняется /-s/, вообще нехарактерный для цаконского.⁴ Едва ли есть основания считать, что вариант *kaós* попал в цаконский позже, чем *kaúg*, поскольку в ином случае сохранился бы /-l-/. По-видимому, уместно предположить, что *kaós* и *kaúg* никак не связаны друг с другом. Таким образом, *kaúg* не стоит возводить к новогреческому наречию, а следует искать какую-то другую интерпретацию.

Одним из самых употребительных выражений, используемых при прощании, является

- (9) *úg-a*   *ka*
 час-SG   хороший.F.SG⁵
 ‘счастливо’

В качестве гипотезы можно высказать предположение, что приветствие *kaúg* представляет собой нечто иное, как *ka úg*, превращающееся в потоке речи в *ka úg^ə* или даже *ka ug*. Подобная интерпретация, с одной стороны, объясняет сохранение /-r/ перед носовым в примере (4), поскольку не заставляет говорить о ротацизме, а с другой стороны, неплохо подкрепляется семантически – выражение *ka ug ekárate* из нейтрального ‘добро пожаловать’ приобретает буквальный смысл ‘[Вы] прибыли в добрый час’, как и ответ *ka ug n^hum=erékame* ‘[мы] нашли Вас в добрый час’. Более того, можно говорить об определенном параллелизме между формулами приветствия (*ka ug*) и прощания (*úg ka*).

Рассмотренный в данной статье случай можно считать наглядной иллюстрацией того, как опасно интерпретировать диалектный материал, слепо доверяясь его внешнему сходству с литературной и общезыковой нормой. Несомненно, каждый случай требует индивидуального подхода и специальной проверки.

⁴ Ср., напр.: н.-греч. *καλός* ‘хороший’ и цак. *kalé*, н.-греч. *ἀγριός* ‘дикий’ и цак. *áγiē*, н.-греч. *ὄνος* ‘осел’ и цак. *óne*.

⁵ Форма *ka* возникла благодаря выпадению /-l-/ < *kal-á <хороший-F.SG> (ср.: муж. р. *kal-é* <хороший-M.SG>) и из-за этого плохо поддается морфологическому членению.

Сокращения и условные обозначения

др.-греч. – древнегреческий язык; ед. ч. – единственное число; муж. р. – мужской род; н.-греч. – новогреческий язык; цак. – цаконский диалект новогреческого языка; ACC – аккузатив; ADV – показатель адвербиальности; DEF – показатель определенности; F – женский род; GEN – генитив; M – мужской род; N – средний род; PFV – перфектив; PST – прошедшее время; PL – множественное число; SG – единственное число; 1 – первое лицо; 2 – второе лицо; $\emptyset$ – нулевой показатель; = – показатель клитики.

Литература

- Кисилиер 2014a – Кисилиер М. Л. О Цаконии и цаконцах: на стыке истории и филологии // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2014. Т. X. Ч. 1. С. 283–306.
- Кисилиер 2014b – Кисилиер М. Л. Цаконский диалект: новый взгляд // Выдрин В. Ф., Кузнецова Н. В. (ред.). От Бикина до Бамбаломы, из варяг в греки. Экспедиционные этюды в честь Елены Всеволодовны Перехвальской. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 330–348.
- Кисилиер, Федченко 2010 – Кисилиер М. Л., Федченко В. В. «Евангелие Любви» (Иоанн 20: 19–25): цаконский вариант // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2010. Т. XIV. Ч. 2. С. 47–57.

M. L. Kisilier. “You are welcome” or what do Tsakonians mean as they say it?

One of the most popular greetings in Tsakonian – *kaúr ekánate* ‘you are welcome’ – is often compared with Modern Greek *καλώς ήρθατε* with the same meaning. The element *kaúr* is generally treated as a dialectal version of *καλώς* ‘well’. The goal of this article is to demonstrate that another hypothesis is at least also possible if even not more preferable. On my opinion *kaúr* is actually *ka úra* ‘good time/hour’ and has nothing to do with the adverb *καλώς*. The analysis is based on dialectal evidence collected in Tsakonian-speaking villages of the Peloponnese.

Keywords: Modern Greek dialects, Tsakonian dialect, Tsakonian dialectal features, Tsakonian vocabulary.

М. Л. Кисилиер, В. В. Федченко

**НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ АРХАИЗМАХ
В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ ГРЕЧЕСКИХ
ДИАЛЕКТОВ***

В статье разбираются примеры архаичных явлений в системе греческих диалектов. Особое внимание уделяется диалектам диаспоры, развивавшимся в изоляции от литературного греческого языка, а также цаконскому диалекту. Предлагается двойная интерпретация процесса архаизации как результата внутриязыкового развития или сознательного употребления в речи архаизмов, вызванного стилистическими или идеологическими соображениями. Приводятся примеры из греческого диалектного материала на оба вида архаизации, разбираются смешанные случаи.

Ключевые слова: греческие диалекты, архаизмы, фонетика, тяжелое приращение, инфинитивная конструкция, колебания языковой нормы.

Изучение процесса архаизации в греческом языке осложняется двойной природой архаичных явлений в системе диалектов. Все архаичные явления в греческом языке могут быть разделены на два типа, по своему происхождению:

1. К архаичным элементам могут быть причислены отдельные лексемы, грамматические или фонетические явления, не подвергшиеся инновации по каким-либо причинам внутреннего языкового развития. Подобные явления особенно характерны для идиомов, которые на протяжении своего развития оказывались в изоляции от центральных диалектов и совсем не подвергались интерференции с литературным греческим языком. В первую очередь, к таким относятся диалекты диаспоры: понтийский, каппадокийский, мариупольский, южно-италийские говоры. Из материковых диалектов наиболее архаичным, несомненно, является не прошедший через эллинистическое койне цаконский. В результате частого перераспределения территорий Восточного Средиземноморья в Средние века и Новое время

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект №15-18-00062.

основные крупные островные диалекты (кипрский, критский, ионийские) также консервируют архаичные черты.

2. С другой стороны, архаичные явления в греческом языке могут являться результатом сознательной архаизации языкового стиля в эпоху так называемых языковых споров и национального становления в XIX в. Данное явление можно охарактеризовать как «вторичную архаизацию».

При рассмотрении диалектной системы греческого языка необходимо учитывать обе возможности интерпретации архаичных тенденций. При этом для некоторых из языковых явлений приходится допускать двойное толкование и предполагать взаимодействие внутреннего и внешнего процессов, при котором влияние престижного архаичного варианта сопутствует консервации архаизма и препятствует его утрате в более поздний период развития диалекта. В пример подобных явлений можно привести следующие фонетические и морфологические особенности греческих диалектов:

1. Использование конечного /n/ может быть проинтерпретировано как признак внешней архаизации: систематическое использование конечного /n/ характерно для «полународного» стиля, которым писали люди, принадлежащие к высшим классам константинопольского общества, к примеру, Александрос Маврокордатос. С другой стороны, сохранение конечного /n/ у имен существительных и прилагательных в Acc. Sing. мужского и женского рода и Nom. и Acc. Sing. среднего рода можно отнести к явлениям внутренней архаизации в таких случаях как, например: кипр. *mjaf forán* ‘один раз’ (с регрессивной ассимиляцией) срав. с др.-гр. *μίαv φοράv* и н.-гр. *μία φορά*. Подобное фонетическое явление характерно для ряда других греческих диалектов, в частности для общей диалектной зоны Додеканнеса: додек. *mian volán*. В некоторых диалектах оно распространяется по аналогии на имена существительные среднего рода, например: понт. *trapézin* ‘стол’, *xóman* ‘земля’.

2. Колебания в глагольных окончаниях 3 л. мн. ч. в настоящем времени, аористе и имперфекте действительного залога: *un ~ usi(n)*, *an ~ asi(n)*, *un ~ usan*: конст. *θορίv ~ θορίsin* ‘смотреть’, капп. *sélun ~ sélusi* ‘хотеть’, додек. *klépsane ~ klépsasi* ‘красть’, карп. *ἔέλουν ~ ἔελοῦσαν* (Dawkins 1903/1904: 100).¹

¹ Ср. с искусственной формой 3Р.IMP, изобретенной греческим поэтом А. Кальвосом (Kalvos 1995: 15):

3. Сохранение в ряде глаголов тяжелого приращения и древнегреческой формы сильного аориста вместо новой формы, образованной с помощью перфектного суффикса *-ka*. Эта особенность характерна для городского языка Константинополя: конст. *ίνγα* 'находить' вм. н.-гр. βρήκα, конст. *ίνγα* 'выходить' вм. н.-гр. βγήκα. Данная форма встречается также в диалектах Додеканнеса и фиксируется, например, в диалекте о. Карпатос, в песнях о. Касос и о. Кос: *ίνγε i nifi sto choró* 'пошла невеста танцевать' (песня из музыкального архива Центра малоазийских исследований Мельпо Мелье).

Следует отметить, что первых двух перечисленных явлениях наблюдаются колебания также в норме греческого языка, например: 1) τον φοιτητή ~ το φοιτητή (Р.АСС) 'студент'; 2) έρχονταν ~ ερχόντουσαν (ЗР.ΙΡRV) 'приходить'.

Нельзя исключать, что взаимовлияние диалектов и высокого стиля греческого языка способствовало сохранению в них перечисленных языковых явлений. Последний из указанных архаизмов – сохранение тяжелого приращения – наблюдается также в нескольких глаголах современного литературного греческого языка: ср. АОР πλήρα от παίρνω 'брать' < др.-гр. έπαιρω, АОР εφήυρα от εφευρίσκω 'изобретать'.

Диалектные архаизмы могут восходить к древнему периоду развития диалекта или к периоду общегреческого койне. При этом необходимо учитывать, что в эллинистическую эпоху в греческом языке существовало несколько региональных вариантов койне.

Наиболее архаичные диалекты греческого языка (цаконский, понтийский, кипрский, критский, староафинский) сохраняют в себе определенные архаичные черты, которые соотносятся с особенностями их более ранних вариантов, не прошедших через койне, – диалектов древнегреческого языка. Так, в ряде диалектов сохраняются яркие черты **дорийского** диалекта, такие как:

1. дорийское /a/ вместо аттического /e/: цак. *améra* 'день' вм. н.-гр. ημέρα, карп. *axísa* 'звучащая (топоним)' вм. н.-гр. ηχούσα (Рылик 2012: 735).

Χαίρε Αυσονία, χαίρε /και συ Αλβιών, χαίρέτωσαν /τα ένδοξα Παρίσια 'Здравствуй, Италия, здравствуй и ты, Альбион, пусть здравствует /славный Париж'. Форма образована от др.-гр. 3S.IMP. χαίρέτω с помощью частотного диалектного окончания ЗР. *-san* вм. др.-гр. 3P.IMP. χαιρόντων.

2. дорийским влиянием обусловлена также деспирантизация /v/, /γ/, /δ/, /θ/, наблюдаемая в цаконском и малоазийских диалектах греческого языка: цак. *seríndu* соотносится с лаконским *σερίδδω* и н.-гр. *θερίζω* ‘жать’, *sélusi* ‘хотеть-3P’ с н.-гр. *θέλουv*.

3. в цаконском диалекте, сохранившем большее количество лаконских черт, сохраняются также следы дорийской акцентуации: цак. *αθίρί* ‘люди’ срав. с дор. *ἀνθρῶτοι*.

В малоазийских идиомах сохраняются черты **ионийского** диалекта: переход долгого /e/ в краткий /e/ в. н.-гр. /i/, напр. понт. *étop* ‘быть-3S’ в. н.-гр. *ήταν*, каппад. *peγád* ‘источник’ в. н.-гр. *πηγάδι*, капп. *pseíb* ‘высокий’ в. н.-гр. *ψηλός* (см. дополнительные примеры из малоазийских диалектов в Kretschmer 1900: 9).

Отдельные фонетические архаизмы принято считать наиболее важными изоглоссами системы греческих диалектов (Newton 1972; Trudgill 2003; Kontosopoulos 2001): переход древнегреческого /y/ в /u/: цак. *γυνέka*² ‘женщина’ от др.-гр. *γυναικα* староаф. *γυνέka* ‘женщина’ от др.-гр. *γυναικα*, цак. *víturo* ‘масло’ срав. н.-гр. *βούτυρο*, кипр. *γrusós* (Papangellou 2001: 228) ‘золотой’ от др.-гр. *χρυσούς*, мегар. *fusáo* (Dimela 2012: 3) ‘дуть’ от др.-гр. *φυσάω*. Отдельные лексемы, содержащие /u/, которое восходит к древнегреческому /y/, встречаются также в понтийском, южно-итальянских говорах и диалектах Додеканнеса. Данное фонетическое явление фиксирует следы более древнего инновационного процесса, который охватил лишь ограниченное число лексем или был нейтрализован последующей интерференцией с новогреческим языком или соседними диалектами, поэтому универсальность данной изоглоссы на общедиалектном фоне можно поставить под сомнение.

Архаичные явления в морфологии греческих диалектов являются более редкими. В качестве примера архаизма в морфологии можно привести сохранение конструкций с инфинитивом, образованных от аористой основы глагола в диалектах Южной Италии и понтийском, например: юж.-ит. *afiston dzísi* ‘оставьте его в покое (букв. оставьте его жить)’ срав. с н.-гр. *ἀφεσέ τον να ζήσει* (форма с конъюнктивом и частицей *να*). Сохранение

² Все примеры из цаконского диалекта взяты из экспедиционного архива 2010–2015 гг. (Диалектный архив).

инфинитивной конструкции связано с отсутствием влияния общих тенденций Балканского языкового союза в южно-италийских говорах. В понтийском диалекте сохраняется древний тип отрицания: понт. *и* < др.-гр. οὐκ.

В лексике отдельные диалекты (цаконский, малоазийские, кипрский, критский, южно-итальянские говоры) сохраняют пласт архаизмов. К ним относятся, в первую очередь, названия частей тела, сельскохозяйственная терминология, широкоупотребительные глаголы со значениями «делать», «нести», «говорить» и т. п.

В греческих диалектах архаичные явления на фонетическом уровне оказываются более частотными. Поэтому соображение, высказанное для цаконского диалекта греческого языка в (Кисилиер 2012: 267f) о том, что именно фонетические несоответствия делают идиом непонятным для носителей других диалектов греческого языка, можно распространить, в целом, на систему греческих диалектов.

Литература

- Диалектный архив – Диалектный архив в Греческого института филологического факультета СПбГУ: Цакония. СПб, 2008–2015.
- Кисилиер 2012 – Кисилиер М. Л. Цаконские стереотипы // Гирфанова А. Х., Иванов С. В., Казанский Н. Н., Крючкова Е. Р., Фалилеев А. И. (ред.). *Varietas delectans*. Сборник статей к 70-летию Николая Леонидовича Сухачева. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 262–271.
- Рылик 2012 – Рылик П. А. К вопросу о связи новогреческих говоров острова Карпатос с дорийским диалектом // *Индоевропейское языкознание и классическая филология XVI*. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 18-20 июня 2012. С. 730–741.
- Dawkins 1903/1904 – Dawkins R. M. Notes from Karpathos // *The Annual of the British School at Athens*, Vol. 10. 1903/1904. P. 83–102.
- Dimela 2011 – Dimela E. Φωνολογικά φαινόμενα της Μεγαρικής διαλέκτου // *Patras Working Papers in Linguistics*. Vol. 2. Patras, 2011. Σ. 1–13.
- Kalvos 1995 – Κάβρος Α. Ωδαί. Επιμ. Β. Αθανασόπουλος. Αθήνα, 1995.
- Kontosopoulos 2001 – Κοντοσόπουλος Ν. Γ. Διάλεκτοι και ιδιώματα της νέας ελληνικής. Αθήνα, 2001.
- Kretschmer 1900 – Kretschmer P. Die Entstehung der Koine. *Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien*. Philosophisch-historische Classe. B. CXLIII. Wien, 1900.
- Newton 1972 – Newton B. *The Generative Interpretation of the Dialect. A Study of Modern Greek Phonology*. Cambridge, 1972.

Trudgill 2003 – Trudgill P. Modern Greek Dialects. A Preliminary Classification // Journal of Greek Linguistics. N 4. 2003. P. 45–64.

M. L. Kisilier, V. V. Fedchenko. Some remarks on archaic phenomena in Modern Greek dialects

The article presents some examples of archaic phenomena in Greek dialects. The research is focused on the idioms of the Greek diaspora which have been developing in isolation from Standard Greek and on the Tsakonian dialect as well. These dialects have not undergone several innovative changes as Standard Modern Greek did. The process of archaization is interpreted both as a result of the intrastructural language development and as a conscious use of archaisms motivated by stylistic or ideological considerations. Examples from the Greek dialects material are provided for both types of archaization and mixed cases are analyzed. An ancient origin (Doric, Ionian) is traced back for some dialect peculiarities. The archaic features are mostly observed on the phonetic level. This allows us to conclude that those are the phonetic inconsistencies which make an idiom incomprehensible to speakers of other Greek dialects and of Standard Modern Greek.

Keywords: Modern Greek dialects, archaic phenomena, phonetics, archaization.

ГРАММАТИКИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В РОССИЙСКИХ СЕМИНАРИЯХ XVIII ВЕКА*

В статье на опубликованных и архивных материалах рассматриваются вопросы, связанные с преподаванием французского языка в семинариях XVIII в., в первую очередь – использование тех или иных грамматик и их идентификация в архивных материалах. На основе проведенных исследований показано, что одной из самых популярных грамматик в семинариях до начала XIX века оставалась грамматика, переведенная В. Е. Тепловым, которая обычно фигурирует в документах как «Грамматика Ресто на русском языке».

Ключевые слова: французские грамматики, семинарии, XVIII век, французский язык, В. Е. Теплов.

В течение XVIII века в России французский язык был одним из важнейших языков культуры. Исследованиям его статуса в России посвящен ряд исследований (например, (Rjéoutski 2013: 20-47) и др.), однако они преимущественно базируются на материалах светского общества и светского образования.

Однако в XVIII веке французский язык распространялся и в духовном образовании. Краткая характеристика преподавания французского и немецкого языков в семинариях представлена в работе (Воробьев, Седина 2007: 86–91), однако она нуждается в существенных уточнениях. Подробно вопрос о причинах введения в семинариях французского и немецкого языков, их статусе в системе духовного образования, о преподавателях этих языков в семинариях рассмотрен в (Kislova 2013). В настоящей работе мы остановимся на грамматических сочинениях, которые использовались для преподавания французского языка в российских семинариях.

1. Французский язык в семинариях

Введение курсов французского языка довольно сложно описать как единый процесс. Европейские языки были «экстраординарными» предметами, они не входили в обязательный

---

* Выполнено при поддержке гранта РГНФ № 13-34-01222 «Формирование русской академической грамматической традиции: «Новая французская грамматика» В. Е. Теплова» (рук. Карева Н. В.).

минимум, поэтому теоретически они могли преподаваться в любое время при наличии учителя, способного преподавать этот предмет, учеников, желающих его изучать, и согласия руководства семинарии. В первой половине XVIII века так иногда преподавались не только французский и немецкий, но и голландский (Смирнов 1867: 352) и итальянский языки (Любжин 2014: 650–653). Обычно введению европейских языков способствовал правящий архиерей, сам владеющий какими-то европейскими языками: в Нижегородской семинарии французский язык ввел Феофан Чарнуцкий, сам владевший этим языком (Миролюбов 1857: 139); немецкий – Дамаскин Семенов-Руднев, обучавшийся в Геттингене (Горожанский 1894: 233).

Однако при оценке преподавания французского языка в семинариях возникает ряд сложностей. Во-первых, материалы указов о заведении в семинарии того или иного европейского языка не всегда подтверждаются фактами, свидетельствующими о том, что преподавание языка действительно началось. Классы европейских языков нередко открывались и через какое-то время закрывались – из-за отсутствия учителя, недостатка учеников или просто из-за того, что правящий архиерей менялся или терял интерес к этим классам. Поэтому преподавание французского в течение XVIII века в большинстве семинарий будет «прерывистым». Например, необходимость преподавания французского и немецкого продекларирована в «Регулах» Гедеона Вишневого, составленных в 1728 г., есть также именной указ Петра II о заведении школы в Смоленске с указанием «учеников же учить латинского, французского и немецкого языков, а которые похотят быть во священниках, тех и греческого языка...» (Сперанский 1892: 6), но в списках учителей за 1745–1747 гг. нет никакой информации о преподавателях этих классов, и после 1761 г. класс французского был открыт вновь (там же: 76). В Харьковском коллегиуме французский преподавался в 1736–1741 гг. при архиепископе Петре Смеличе (Амвросий 1807: 637–638); в 1765 г. был дан указ о заведении французского и немецкого классов, но открылись они только в 1768 г. (Амвросий 1807: 638–639).

Поэтому любые попытки обозначить дату начала преподавания французского языка в конкретной семинарии являются условными; скорее, мы можем говорить о том, что есть некоторые данные о преподавании французского языка в этот период времени. Указы о заведении классов в первую очередь свиде-

тельствуют о желании руководства и, к сожалению, не равны факту заведения классов. Наиболее надежными доказательствами преподавания языка мы можем считать учебные документы (отчеты учителей и экзаменационные ведомости учеников, а также учебные материалы и тексты, созданные учениками на иностранных языках). Однако учебные архивы семинарий, особенно провинциальных, сохранились крайне плохо, поэтому нередко приходится опираться на исторические описания XIX в., в которых не всегда указывается, что стало источником информации о заведении классов – указы архиереев или реальные учебные документы.

Тем не менее, анализ доступных данных показывает, что в столичных семинариях французский язык распространяется во второй половине XVIII в. В Александрово-Невской семинарии французский точно преподается в 1772 г., но есть данные о классах в 1750-х гг. (Чистович 1857: 42). В Московской академии французский непрерывно преподавался с 1781 г. (Смирнов 1855: 310–311), а в Троицкой семинарии – с 1763 г. (Смирнов 1867: 345). Достоверные данные о преподавании французского в Киевской академии относятся к 1753–1758 гг. (Макарий 1843: 154–155). Однако существует рукописный «Сборник лекций, читанных в Киево-Могилянской, а потом в Киево-Могило-Заборовской академии в 1739–1746 гг.» (РГБ ф. 396, № 2851), который содержит фрагмент анонимной грамматики французского языка на латыни (*Introductio ad grammatica gallica*, лл. 302–326). Это только правила чтения букв и их сочетаний, причем по начертанию французских букв очевидно, что французский текст был изначально напечатан готическим шрифтом. Однако непонятно, появилась ли эта грамматика в результате преподавания французского в Киевской академии или была переписана кем-то в личных целях.

Также во второй половине XVIII в. французский начинает преподаваться и вне столиц. В Нижегородской семинарии самые ранние свидетельства относятся к 1753 г. (Макарий 1857: 139), в Рязанской – к 1765–1766 (Агнцев 1889: 113), в Воронежской есть классы в 1770-х (Шмурло 1888: 26), в Тверской – в 1777 г. (Колосов 1889: 239), в Казанской – с 1785 г. (Макарова 2005: 92–93), в Смоленске регулярные классы появляются с 1787 г. (Сперанский 1892: 76). В Псковской семинарии есть данные о классах французского за 1776 г., но непонятно, насколько до конца XVIII в. они были регулярными (Князев 1866: 27, 59).

Сохранившиеся аттестаты учеников старших классов и выпускников провинциальных семинарий, поступивших на 1 курс Санкт-Петербургской духовной академии в 1808 г. (РНБ ф. 574, оп. 1, д. 973), свидетельствуют о том, что французский язык в 1790-х гг. преподавался в семинариях в Смоленске, Рязани, Твери, Орле, Нижнем Новгороде, Туле, Калуге, Казани, Владимире, Архангельске, Пензе, Коломне, Курске, а также в Перервинской и Вифанской семинариях. На Украине – в Киеве, Харькове, Могилеве, Екатеринославле, Чернигове, Полтаве.

2. Грамматики французского языка

Как преподавался французский язык в семинариях? Ответ на этот вопрос оказывается еще более сложным из-за отсутствия учебных документов. В целом процесс преподавания языка был довольно стандартным, поэтому по данным конца XVIII – начала XIX в. можно предполагать, что преподавание французского базировалось на заучивании текстов наизусть, переводе с иностранного языка на русский, грамматическом и риторическом анализе текстов и создании собственных текстов-подражаний. От семинарии к семинарии менялись доступные грамматики и выбранные преподавателем для чтения и перевода тексты. Далее мы рассмотрим только вопрос о том, какие грамматики использовались.

Специальных грамматик французского языка для семинарий не было, поэтому в преподавании использовались наиболее распространенные печатные грамматики. Так, известно, что для классов Троицкой семинарии в 1763 г. в Академии Наук было куплено 15 грамматик французского языка; в 1769 г. использовались грамматики Пеплие и Ресто (Смирнов 1867: 348, 350). Однако не указан язык этих грамматик и этап обучения, на котором требовалось обращение к ним.

В случае с «грамматикой Пеплие», вероятно, речь идет о книге «Grammaire Royale Française et Allemande, contenant une Methode nouvelle et facile [sic !] pour apprendre en peu de temps la langue française, Avec une Nomenclature, des Dialogues nouveaux, Bouquet des Sentences, des Lettres et billets galants de ce temps, écrite par Mr Jean Robert des Pêpliers, Informateur de Monseig. Le Duc de Bourgogne [...]». Эту гипотезу подтверждает свидетельство, что в немецких классах также употреблялась «грамматика Пеплие» (там же: 350). Это издание не находится в каталоге Троицкой семинарии 1764 г., однако в самом конце каталога

приведен «Реестр книгам, оказавшимся при приеме библиотеки префектом Амвросием у ... Михайла Ильинского, сверх каталога излишними», составленный в 1775 г. (Смирнов 1867: 383). В их числе указано 4 экземпляра «пиплиеровых французских грамматик на немецком языке» (л. 132 об.). Скорее всего, имеется в виду какое-то европейское издание «Grammaire Royale Française et Allemande [...]», так как наиболее ранняя грамматика французского языка на русском, в названии которой содержится информация о немецком языке, вышла первым изданием в 1780 г.: «Французская грамматика при которой исправнейший словарь, дружеские разговоры, пословицы, достойные примечания истории и пристойные на разные случаи письма. Изданная на немецком языке г. Пеплиером. А на российской переведенная П. С. К. Федором Сокольским» (Москва, Типография Московского университета, 1780).

Под названием «грамматики Ресто» в 1769 г. могла фигурировать одна из оригинальных французских грамматик: «Principes généraux et raisonnés de la grammaire française» (1730 и посл. издания) или «Abrégé des principes de la Grammaire française» (первое издание Париж, 1739, издавалась в России в 1771, 1789, 1799 и 1812 г. – см. Власов 2011: 182). Но скорее можно предположить, что преподавание велось по переводу грамматик Ресто, сделанному Василием Тепловым с немецкого издания: «Новая французская грамматика, сочиненная вопросами и ответами. Собрана из сочинений господина Ресто и других грамматик, а на российский язык переведена Академии наук переводчиком Василием Тепловым». Она вышла первым изданием в 1752 г. и регулярно переиздавалась (Власов 2011: 182-183), причем второе издание вышло в 1762 г. в типографии при Академии наук, поэтому есть вероятность, что именно эта грамматика была закуплена в 1763 г. и использовалась в 1769 г.

Каталог библиотеки Троицкой семинарии, составленный в 1764 г., и пополнявшийся до 1781 г. (РГБ ф. 171.1. ед.хр. 595.1), позволяет хотя бы частично оценить, какие еще грамматики французского языка использовались (все они поступили уже после составления основного каталога, т. е. после 1764 г.). К сожалению, названия грамматик записывались кратко и не всегда с указанием года покупки, например: № 181 – «грамматика французская на русском языке»; № 244-248 – «грамматика французская пять экземпляров», 4 – «букварь французский с русским переводом» (л. 113 об.). По таким

кратким обозначениям опознать конкретный текст не представляется возможным. Однако есть вероятность, что № 181 является грамматикой В. Е. Теплова, т. к. она находится в самом начале вновь поступивших книг, т. е. по хронологии максимально близка к 1764 г., а до появления «Грамматики французской с российским переводом, основанной на лучших авторах» Л. фон Ранцау в 1769 г. только грамматика Теплова в названии указывает на «российский язык». Но это может быть и любая другая грамматика этого периода: «Изъяснение новой французской грамматики» Лавалля (1753), «Французская грамматика: С кратким употреблением на все части» В. Бунина (1758), «Краткие правила французской грамматики», изданные в сухопутном шляхетном кадетском корпусе (1761) (Булич 2010: 345–350; Vlassov 2013).

«Букварь» входит в часть книг, купленных после 1767 г., но до 1776 г. Это может быть «Новонапечатанная азбука, которая может употреблена быть к легкому и основательному научению читать детей и самых младых лет» (СПб., 1766 г.) или книга Я. А. Сигизбека «Наставление как по-французски исправно читать и произносить» (СПб., 1767).

В этом же каталоге отмечено 3 экземпляра «французского алфавита печатанного при университете» 1767 г. (номера 212, 213 и 218). Очевидно, это «Alphabet françois enrichi d'un vocabulaire et de dialogues les plus faciles augmenté de préceptes et de sentences morales à l'usage des classes inférieures du Gymnase de l'Université de Moscou. Nouvelle édition revue et corrigée par H. de Lavie, lecteur public et membre de l'Université de Moscou» (Москва, Типография Московского университета, 1767 г.).

В 1774 г. была куплена «грамматика французская с российскими рассуждениями», а в 1776 и 1777 г. «французских грамматик» 10 экземпляров, и они также не поддаются идентификации.

В конце XVIII – начале XIX вв. в семинариях получила популярность грамматика М. Н. Соколовского: «Сокращенная французская грамматика: Расположенная по вопросам и ответам, С российским переводом вновь исправлена с прибавлением сочинения частей слова Мартыном Соколовским» (1770 и последующие издания). «Грамматика Соколовского» использовалась в Московской академии в 1781 г., в Смоленской семинарии в 1802 г. и в Александро-Невской семинарии в 1804 г.

Документы Новгородской семинарии начала XIX в. показывают, что в одном классе могли использоваться разные грам-

матики (РНБ ф. 522, д. 209). Например, в разные годы в высших классах французского основными грамматиками были книги Соколовского и Ресто, в низшем классе основным учебным пособием был «Новый французский букварь» Петра Богдановича (Тип. Вейтбрехта, 1785). Параллельно в низшем классе использовалась уже традиционная «Краткая французская грамматика Рестова, изданная 1799 году» – третье российское издание грамматики Ресто «*Abrégé des principes de la Grammaire française*» (СПб., Тип. Сухопутного кадетского корпуса). В 1806 г. в той же семинарии в низшем классе продолжает использоваться букварь Петра Богдановича, однако в дополнение в обоих классах используется грамматика Соколовского, изданная в 1804 г. (л. 123, 149). Видимо, грамматик Соколовского не хватало, поэтому 2 экземпляра было куплено для семинарии в феврале 1806 г.

В высшем французском классе в 1802 и 1803 гг. была «читана была грамматика Рестова», но мы не знаем, французское или русское издание. Уточнение есть только для 1804 г. – используется «Рестова грамматика, изданная на русском языке». Вероятно, это какое-то из поздних изданий грамматики Ресто в переводе В. Теплова.

Другие многочисленные грамматики французского языка, распространенные в России в это время (см. Vlassov 2013), в документах не отмечены; однако это не значит, что они не могли использоваться.

Таким образом, для преподавания французского языка в семинариях использовались самые разные грамматики – как на русском, так и на французском и немецком языках. Перевод грамматики, выполненный В. Е. Тепловым, до начала XIX в. активно использовался по крайней мере в некоторых семинариях, и это нельзя объяснить отсутствием или нехваткой более новых переводов и оригинальных грамматик на французском языке: как мы видим, они могли использоваться наряду с переводом Теплова.

Литература

- Агнцев 1889 – Агнцев Д. История Рязанской духовной семинарии 1724–1840 г. (Рязань: Типография наследников З. П. Поздняковой, 1889).
- Амвросий 1807 – Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. Часть 1. Москва, 1807.

- Булич 2010 – Булич С. К. Очерк истории языкознания в России XIII–XIX вв. М., 2010.
- Власов 2011 – Власов С. В. Губернатор Пьер де Лаваль, автор первой в России двуязычной грамматики французского языка (1752–1753) // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные губернаторы в Европе XVII–XIX вв. / Под ред. А. В. Чудинова и В. С. Ржеуцкого. М., 2011. 178–189.
- Воробьев, Седина 2007 – Воробьев Ю. К., Седина И. В. Западно-европейские языки в русской культуре XVIII века. Саранск, 2007.
- Горожанский 1894 – Горожанский Я. Дамаскин Семенов-Руднев, епископ Нижегородский (1737–1795); его жизнь и труды. Киев, 1894.
- Знаменский 1881 – Знаменский П. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881.
- Князев 1866 – Князев А. Очерк истории Псковской семинарии от начала до преобразования ее по проекту устава 1814 года. Москва, 1866.
- Колосов 1889 – Колосов. История Тверской духовной семинарии. К 150-летию юбилея семинарии (Тверь: Типография Губернского правления, 1889).
- Любжин 2014 – Любжин А. И. История русской школы. Том I. Русская школа XVIII столетия. Книга 1. М., 2014.
- Макарий (Булгаков) 1843 – Макарий (Булгаков) История Киевской академии. Санкт-Петербург, 1843.
- Макарий (Миролюбов) 1857 – Макарий (Миролюбов). История Нижегородской иерархии, содержащая в себе сказание о нижегородских иерархах с 1672 до 1850 годов. СПб., 1857.
- Макарова 2005 – Макарова И. В. Деятельность преподавателей духовных семинарий Владимирской, Костромской и Ярославской губернии: 60-е гг. XVIII в. – первой четверти XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2005.
- Смирнов 1855 – Смирнов С. История Московской Славяно-греко-латинской академии. Москва, 1855.
- Смирнов 1867 – Смирнов С. История Троицкой лаврской семинарии. М., 1867.
- Сперанский 1892 – Сперанский И. Очерк истории Смоленской духовной семинарии и подведомых ей училищ со времен основания Семинарии до ее преобразования по Уставу 1867 года (1728–1868 г.). Смоленск, 1892.
- Чистович 1857 – Чистович И. История Санкт-Петербургской духовной академии. Санкт-Петербург, 1857.
- Шмурло 1888 – Шмурло Е. Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767–1804 (Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева, 1888).
- Rjéoutski 2013 – Rjéoutski V. Le français et d'autres langues dans l'éducation en Russie au XVIIIe siècle // Vivliofika, Duke University. 2013. № 1. S. 20–47.
- Kislova 2013 – Kislova E. Le français et l'allemand dans l'éducation religieuse en Russie au XVIIIe siècle // Vivliofika, Duke University. 2013. № 1. S. 48–74.

Vlassov 2013 – Vlassov S. Les manuels utilisés dans l'enseignement du français en Russie au XVIIIe siècle: influences occidentales et leur réception en Russie // *Vivliofika*, Duke University. 2013. № 1. S. 75–98.

**E. I. Kislova. French grammars in Russian seminaries
in the 18th century**

The article uses published and archival materials to deal with several issues connected with teaching French in the 18th century seminaries. The author gives data on the introduction of French classes in seminaries in Moscow and provinces of Russia and describes problems in analysis of the existing data. The main subject of the article is the analysis of the use of different French grammars available in the middle and the second half of the 18th century in teaching. The author identifies the grammars briefly mentioned in seminary documents. Both data published in historical descriptions of seminaries written in the 19th century and the surviving archival data are being analysed. In some cases, such analysis allows us to establish accurately enough which grammar was used. Thus, in 1769, the European edition of the Pêplier grammar was used for teaching both French and German at the Trinity Seminary. Restaut's grammar translated by V. E. Teplov was also used for teaching French. The library of the Trinity Seminary in the 1760s and 1770s contained other French textbooks and grammars which are sometimes impossible to identify. In the late 18th century, Sokolovsky's grammar became popular. Early 19th-century documents of Novgorod Seminary are analysed to show that different textbooks could be used together for French classes, including Restaut's grammar (obviously, in one of the late editions of V.E. Teplov's translation). Thus, on the basis of the research, the author shows that until the early 19th century, one of the most popular grammars used in seminaries was the French grammar translated by V.E. Teplov, usually referred to in documents as Restaut's grammar in Russian'.

Keywords: French grammars, Russian seminaries, 18th century, V. E. Teplov.

THE GOTHIC FUTURE: A TENSE THAT DOESN'T EXIST*

В статье рассматриваются три готских глагола, которые часто называют вспомогательными при образовании готского будущего времени – *duginnan*, *haban* и *skulan*. При внимательном рассмотрении оказывается, что только у глагола *haban* в сочетании с инфинитивом есть коннотации будущности.

Ключевые слова: готский язык, будущее время, *skulan*, *duginnan*, *haban*.

0. The problem

The problem with the Gothic future started with Streitberg, who, in the end of the 19th century, stated in his *Gotisches Elementarbuch* that while Gothic, as well as other old Germanic languages, uses present instead of future tense, there is indeed a *duratives Futurum* in Gothic, and it can be expressed in several ways:

1. *duginnan* + infinitive – Ph. 1:18 *jah in þamma fagino, akei jah faginon duginna* (Gk και εν τούτω χαίρω: ἀλλὰ και χαρήσομαι) and Lk 6:25 *wai izwis, jus hlahjandans nu, unte gaunon jah gretan duginnid* (Gk οὐαί, οἱ γελῶντες νῦν, ὅτι πενήσετε και κλαύσετε).

2. *haban* + infinitive – Jn 12:26 *jah þarei im ik, þaruh sa andbahts meins wisan habaiþ* (Gk και ὅπου εἰμι ἐγὼ ἐκεῖ και ὁ διάκονος ὁ ἐμὸς ἔσται), 2 Cor 11:12 *ip þatei tauja jah taujan haba* (Gk ὁ δὲ ποιῶ και ποιήσω), and 2 Thes 3:4 *jah taujiþ jah taujan habaiþ* (Gk [και] ποιεῖτε και ποιήσετε).

3. *skulan* + infinitive in Lk 1:66 *hva skuli þata barn wairþan* (Gk τί ἄρα τὸ παιδίον τοῦτο ἔσται)

4. Optative: Jn 5:47 *þande nu jainis melam ni galaubeiþ, hvaiwa meinaim waurdam galaubjaiþ* (Gk εἰ δὲ τοῖς ἐκείνου γράμμασιν οὐ πιστεύετε, πῶς τοῖς ἐμοῖς ῥήμασιν πιστεύσετε;), Mk 4:13 *ni wituþ þo gajukon, jah hvaiwa allos þos gajukons kunneiþ* (Gk οὐκ οἶδατε τὴν παραβολὴν ταύτην, και πῶς πάσας τὰς παραβολὰς γνώσεσθε;), Lk 1:34 *hvaiwa sijai þata, þandei aban ni kann* (Gk πῶς ἔσται τοῦτο, ἐπεὶ ἄνδρα οὐ γινώσκω;)

---

* This research has been carried out with the financial support of PГHΦ (Project № 14-04-00394). I am thankful to S. Ivanov for his valuable comments and interest.

Streitberg contrasts the *duratives Futurum* against the *perfektives Futurum*, expressed with the prefix *ga-* or with the help of *wairþan* that translates Gk ἔσομαι on no less than 48 accounts (Streitberg 1910: 200–202).

This vision of the Gothic future has travelled from textbook to textbook ever since: it's given as a fact in the Russian textbook by Gukhman (Гухман 1958: 172–173); it's quoted by Wackernagel in his lectures – and left uncommented by Langslow (Wackernagel 2009: 254); it's a starting point for Leiss's working hypothesis on perfective and imperfective infinitives (Leiss 2012: 189) in Gothic.

On the other hand, there are authors who summarily dismiss the existence of the Gothic future altogether, like A. Lloyd who simply writes, 'In Gothic, where no formal future tense has developed...' (Lloyd 1979: 145), or like Hewson, who states that Germanic languages adopted an Ascending time paradigm that allows to use the non-past tense in reference to future, and 'the need to create a contrastive future is less imperative' (Hewson 1997: 221).

This is by no means the only description of the Gothic future; Streitberg now stands corrected in many respects. But the real issue remains: are those expressions really a Gothic way to speak about the future?

This paper will only address the compound forms of the *duratives Futurum*; the Optative, and all the discussion concerning *wairþan* or the prefixes and their connection to the Gothic Aspect will remain out of this framework.

1. Other Germanic languages versus Gothic: a brief couple of words

The ground work for the Germanic future in general was also done over a century ago; F.A. Blackburn (Blackburn 1892: 10–14) meticulously examined translations of the Latin *futurum*, and stated that different languages had developed different approaches to the issue:

Old High German and Old English seem to prefer the present indicative approach with rare insertions of the present Optative. Now we know that in OHG, many of these indicatives included the verb *werdan* (especially Latin future passives), while OE preferred *beon*¹.

Old Norse and Old Saxon, on the other hand, seem to prefer the periphrasis, mainly with *skulu/sculan* to the present indicative, with

¹ For the numbers, see Diewald, Wischer 2013.

present Optative being virtually non-existent. Old Norse actually uses another auxiliary, *munu*, which ‘seems to be closest to our idea of future time’ (Bauschatz 1982: 201)².

While there are many similarities with Gothic, such as the OHG *werdan* clearly coming from the same verb as the Gothic *wairþan*, and also the use of *skulan* and the optative, the differences are rather striking. First, there is only one Gothic example where *skulan* is used to express the future – Lk 1:66, where it translates Gk ἔσται. This is not the case for OHG and OE, where *skulan* is used much more frequently.

Second, while there may be hints to other ways of expressing the future, for example, *willan* in OE (Diewald, Wischer 2013: 211), nowhere else in the Germanic languages do verbs like ‘to have’ and ‘to begin’ play any kind of part.

Here, the obvious should be noted, that is, that Gothic is much older than all its known relatives, and, therefore, closer to the time where no grammatical expression of future existed in Germanic. Another obvious statement is the fact that dealing with Gothic we inevitably deal with a translation, and the source language (or, indeed, languages) of this translation has two future tenses, and this has to come into play at some point.

2. skulan + infinitive

There is only one instance where *skulan* translates a Greek future, and that is Lk 1:66 *hva skuli þata barn wairþan* (Gk τί ἄρα τὸ παιδίον τοῦτο ἔσται, ‘What will this child be?’). There is much to consider here: first of all, *skuli* is an Optative. Secondly, the verb in infinitive is none other than *wairþan* – the verb that translates Gk ἔσομαι on no less than 48 accounts (Streitberg 1910: 200–202). This instance is unparalleled anywhere in the Gothic text we have: another example of ἄρα used together with ἔσται is seen in Mt 19:27, but this part has been lost for us in Gothic. However, other instances of ἄρα + future in Greek, such as Mk 11:13 and Lk 18:8 yield Gothic Optatives without any trace of modality; and ἄρα is rendered as *aufþo* and *sweþauh* respectively.

2.1 Other examples

There are several Greek sources for Gothic *skulan*.

² In modern Icelandic, *mun* is a standard auxiliary to form the Future tense.

a) μέλλω etc. + infinitive. In all, the existing parts of the Gothic New Testament feature 9 instances where μέλλω + infinitive is translated by *skulan* + infinitive³. In 3 of these cases, the tense is past, and in 2 cases *skulan* translates the Greek participle. There also are 2 cases where μέλλω + infinitive is translated in Gothic as *skulds ist*⁴.

μέλλω + infinitive is translated into Gothic in a variety of ways:

In Jn 6:6, Jn 6:71 and Mk 10:32 μέλλω is rendered as *haban*.

In Lk 10:1, Lk 19:4, Jn 6:15 and Jn 14:22, μέλλω is translated with *munan*, which is interesting in the light of a similar future construction in Old Norse, but even more so because in 3 of those instances, the Greek infinitive is ἔρχεσθαι⁵.

In 1 Thess 3:14 and 1 Tim 1:16, it is rendered with the construction *anawairþ + wesan + du + infinitive*, which means 'the future was to'.

On one occasion, μέλλων is turned into *izei skaftida sik du + inf* 'prepared himself to' (Jn 12:4), and on another occasion, in Lk 7:2, ἤμελλεν τελευτᾶν is replaced with one Gothic word, *swultawairþja* 'someone who's dying'.

b) δεῖ etc + infinitive. In Gothic, there are 23 cases of *skulan* translating δεῖ⁶, and 7 more where δεῖ is translated by *skulds ist*⁷.

³ 2 Tim 4:1 *saei skal stōjan*, Gk τοῦ μέλλοντος κρίνειν; Jn 7:35 *hudre sa skuli gaggan*, Gk Ποῦ οὗτος μέλλει πορεύεσθαι and *nibai in distahein þiudo skuli gaggan jah laisjan þiudos?* Gk μή εἰς τὴν διασπορὰν τῶν Ἑλλήνων μέλλει πορεύεσθαι καὶ διδάσκειν τοὺς Ἑλλήνας; Mt 11:14 *saei skulda qīman*, Gk ὁ μέλλων ἔρχεσθαι; Jn 7:39 *skuldedun niman*, Gk ἔμελλον λαμβάνειν; Jn 12:33 *daubau skulda gadaubnan*, Gk θανάτῳ ἤμελλεν ἀποθνήσκειν; Jn 18:32 *daubau skulda gaswiltan*, Gk θανάτῳ ἤμελλεν ἀποθνήσκειν; Lk 9:31 *skulda usfulljan*, Gk ἤμελλεν πληροῦν.

⁴ Lk 9:44 *skulds ist atgiban*, Gk μέλλει παραδίδοσθαι; Lk 19:11 *skulda wesi þiudangardi gudis gaswikunþjan*, Gk παραχρῆμα μέλλει ἡ βασιλεία τοῦ θεοῦ ἀναφαίνεσθαι.

⁵ Jn 14:22 has ἐμφανίζειν, translated as *gabairhtjan*.

⁶ Present: Lk 4:43 *eūaggelīsasθai me dei tīn basileian toū theou wailamerjan ik skal bi þiudangardja gudis*, Lk 9:22 *Δεῖ τὸν υἱὸν τοῦ ἀνθρώπου πολλὰ παθεῖν skal sunus mans manag winnan*, Lk 17:25 *δεῖ αὐτὸν πολλὰ παθεῖν skal manag garþulan*, Lk 19:5 *δεῖ με μείναι skal ik wisan*, Mk 8:31 *δεῖ τὸν υἱὸν τοῦ ἀνθρώπου πολλὰ παθεῖν skal sunus mans filu winnan*, Jn 9:4 *ἡμᾶς δεῖ ἐργάζεσθαι ik skal waurkjan*, Jn 10:16 *κάκεινα δεῖ με ἀγαγεῖν jah þo skal briggan*, 1 Cor 15:25 *δεῖ γὰρ αὐτὸν βασιλεύειν skal auk is þiudanon*, 1 Tim 3:2 *δεῖ οὖν τὸν ἐπίσκοπον ἀνεπίληπτον εἶναι skal nu aipiskaupus ungfairinonds wisan*, 1 Tim 3:7 *δεῖ δὲ καὶ μαρτυρίαν καλὴν ἔχειν skal auk is weitwodiþa goda haban*, 2 Tim 2:6 *τὸν κοπιῶντα γεωργὸν δεῖ πρῶτον τῶν καρπῶν μεταλαμβάνειν arbaidjands airþos*

Curiously, the only other way of translating *dei* into Gothic is present in 2 Cor 12:1: *καυχᾶσθαι δεῖ hvopan binah* ‘it is allowed to boast’, although the same *καυχᾶσθαι δεῖ* is rendered as *hvopan skuld sijai* ‘if there is need to boast’ in 2 Cor 11.30.

c) *οφείλω* etc + infinitive. There are 7 such cases⁸, and one more for *skulds isti*⁹, and there are no other translations for this Greek construction in Gothic.

d) *ἔχω* + infinitive. There are 3 cases¹⁰; all of them are in the 1st person, present tense, and all the infinitives are verbs of speech.

waurstwja skal frumist akrane andniman, 2 Tim 2:24 *δοῦλον δὲ κυρίου οὐ δεῖ μάχεσθαι* *ih skalks frauins ni skal sakan*, Tit 1:7 *δεῖ γὰρ τὸν ἐπίσκοπον ἀνεγκλητὸν εἶναι skaluh-þan aipiskaupus ungasairinoþs wisan*, Tit 1:11 οὐδὲ δεῖ ἐπιστομίζειν þanzei skal gasakan, 1 Thess 4:1 *δεῖ ὑμᾶς περιπατεῖν καὶ ἀρέσκειν θεῷ uns hwaiwa skuluþ gaggan jah galeikan guda*; Optative: Eph 6:20 *δεῖ με λαλῆσαι swe skuljau rodjan*, Mk 9:11 *Ἡλίαν δεῖ ἐλθεῖν πρῶτον Helias skuli qiman faurþis*, Rom 12:3 *μὴ ὑπερφρονεῖν παρ’ ὃ δεῖ φρονεῖν ni mais fraþjan þau skuli fraþjan*, Col 4:4 *δεῖ με λαλῆσαι swaswe skuljau rodjan*, Col 4:6 *δεῖ ὑμᾶς ἐνὶ ἐκάστῳ ἀποκρίνεσθαι skuleiþ ainhvarjammeh andhafjan*; Past: Lk 2:49 *ἐν τοῖς τοῦ πατρὸς μου δεῖ εἶναί με þaim attins meinis skulda wisan*, 2 Cor 2:3 *skulda fagimon*; and one case of Lk 18:1 *Ἐλεγεν δὲ παραβολὴν αὐτοῖς πρὸς τὸ δεῖν πάντοτε προσεύχεσθαι αὐτοὺς καὶ μὴ ἐγκακεῖν Qaruh-þan jah gajukon im du þammei sinteino skulun bidjan jah ni wairþan usgrudjans.*

⁷ 1 Cor 15:53 *δεῖ γὰρ τὸ φθαρτὸν τοῦτο ἐνδύσασθαι ἀφθαρσίαν (s)kuld ist auk þata riurjo ga(ham)on unriurein*, 2 Cor 5:10 *τοὺς γὰρ πάντας ἡμᾶς φανερωθῆναι δεῖ unte allai weis ataugjan skuldai sijum*, 2 Cor 11:30 *Εἰ καυχᾶσθαι δεῖ jabai hvopan skuld sijai*, 1 Tim 3:15 *ἵνα εἰδῆς πῶς δεῖ ἐν οἴκῳ θεοῦ ἀναστρέφεσθαι ei witeis hwaiwa skuld ist in garda gudis usmitan*, 2 Thess 3:7 *πῶς δεῖ μιμεῖσθαι ἡμᾶς hwaiwa skuld ist galeikon unsis*, Jn 12:34 *ὅτι δεῖ ὑψωθῆναι τὸν υἱὸν τοῦ ἀνθρώπου þatei skulds ist ushauhjan sa sunus mans Lk 15:32 εὐφρανθῆναι δὲ καὶ χαρῆναι ἔδει waila wisan jah fagimon skuld was.*

⁸ (present) Jn 13:14 *καὶ ὑμεῖς ὀφείλετε ἀλλήλων νίπτειν τοὺς πόδας jah jus skuluþ izwis misso þwahan fotuns*, Jn 19:7 *καὶ κατὰ τὸν νόμον ὀφείλει ἀποθανεῖν jah bi þamma witoda unsaramma skal gaswiltan*, 2 Cor 12:14 *οὐ γὰρ ὀφείλει τὰ τέκνα τοῖς γονεῦσιν θησαυρίζειν ni auk skulun barna fadreinam huzdjan*, Eph 5:28 *οὕτως ὀφείλουσιν καὶ οἱ ἄνδρες ἀγαπᾶν swa jah wairos skulun frijon*, 2 Thess 1:3 *Εὐχαριστεῖν ὀφείλομεν τῷ θεῷ awiliudon skulum guda*, (past) Lk 17:10 *ὃ ὀφείλομεν ποιῆσαι πεποιήκαμεν unte þatei skuldedum taujan gatawidedum*, 1 Cor 5:9 *ἐπεὶ ὀφείλετε ἄρα ἐκ τοῦ κόσμου ἐξελεθῆναι unte skuldedeiþ þan us þamma fairhau usgaggan*,

⁹ 2 Cor 12:11 *ἐγὼ γὰρ ὀφείλον ὑφ’ ὑμῶν συνίστασθαι aþþan ik skulds was fram izwis gakannjan.*

¹⁰ Lk 7:40 *ἔχω σοί τι εἰπεῖν skal þus hva qiþan*, Jn 8:26 *πολλὰ ἔχω περὶ ὑμῶν λαλεῖν καὶ κρίνειν manag skal bi izwis rodjan jah stojan*, and Jn 16:12 *Ἔτι πολλὰ ἔχω ὑμῖν λέγειν Nauh ganoh skal qiþan izwis*

These are, incidentally, all the cases of ἔχω + a verb of speech in the Greek original.

e) finally, there is one instance where *skulan* does not translate a Greek verb used with an infinitive: the Gothic version of 1 Cor 15:2 τίνι λόγῳ εὐηγγελισάμην ὑμῖν εἰ κατέχετε ('if you keep in memory what I preached unto you') is *in ho sauþo wailamerida izwis, skuluþ gamunan*. Here, *skuluþ* clearly has a purely modal function¹¹.

Skereins contains two sentences with the same construction:

Sk 1:23 *swa auk skulda du galeikon seinai frodein jah mans aftra galabon waurdamjah waurstwam jah spilla wairþan aiwaggeljons usmete* 'For thus He would accommodate His Wisdom and invite man again by word and deed and become a proclaimer of the way of life of the Gospel'¹².

Sk 5:17 *skulum nu allai weis at swaleikai jah swa bairhtai insahtai guda unbauranamma andsaljan sweripa jah ainabaura sunau gudis guþ wisan anakunnan* 'Now we all should, at such and so clear a declaration, render honor to the Unborn God, and recognize the Only Begotten Son of God to be God'

In the latter case, the sense is 'we ought to'. The former case is slightly more complex; Bennet¹³ understands it differently: 'that for us He should become a teacher of the righteousness in accord with God'; it seems that if we had a Greek original, we would half expect to find μέλλω in the text.

2.2 Explanation

While it is quite understandable that so many different Greek phrases were again and again translated into Gothic with the help of *skulan*, perhaps several of these translations could shed some light on the processes that were happening to *skulan*.

2.2.1 Mt 11:14

An interesting case is Mt 11:14 καὶ εἰ θέλετε δεῖξασθαι, αὐτός ἐστιν Ἡλίας ὁ μέλλων ἔρχεσθαι.¹⁴ The Vulgate has *et si vultis recipere ipse est Helias qui venturus est* – 'who is about to come',

¹¹ In two other places where κατέχετε is present, it is once translated as *gahabaip* (1 Thess 5:21), and once as *gafastaip* (1 Cor 11:2).

¹² In not indicated otherwise, translations of Skereins are by James W. Marchland, available at <http://www.gotica.de/skeireins/translations/english/marchand.html>

¹³ <http://www.gotica.de/skeireins/translations/english/bennett.html>

¹⁴ And if you are willing to accept it, he is the Elijah who is to come.

but in Gothic, the line is *jah jabai wildedeiþ miþniman, sa ist Helias, saei skulda qiman* – ‘who had to come’. This past tense is also absent in the Anglo-Saxon Bible (*hē ys Helias þe tō cumenne ys*), nor in Tatian (*hēr ist Helias thie thar zuouuert ist*), but is curiously present in the Geneva Bible, the Bishop’s Bible¹⁵ – and in most major English versions since (the source of such a translation is found in French: Calvin’s Bible reads *c’est Elie qui devoit venir*¹⁶).

It is fascinating that we see ‘should’ in the English Tyndale and Miles Coverdale versions; of course, there is no way the translators in the 16th century even knew about the existence of the Gothic version; but the translating device they used seems similar, if not the same. But that would mean that the past tense of Gothic *skulan* can function as a modal verb. Unfortunately, the list of examples containing the past tense of *skulan* is too short¹⁷ to give any parallels, so we have to turn to the present tense.

Gisela Ferraresi has put forward the idea that *magan* and *skulan*, when used with infinitives, ‘should be re-analysed as modal verbs’ (Ferraresi 1998: 46). As an example, she gives Lk 9:22 *skal sunus mans manag winnan jah uskusans fram sinistam wairþan* (‘The son of man must suffer many things and be rejected by the elders’). There is a problem with some of her examples, though. In this specific case, in the Greek original we see Δεῖ τὸν υἱὸν τοῦ ἀνθρώπου πολλὰ παθεῖν καὶ ἀποδοκιμασθῆναι ἀπὸ τῶν πρεσβυτέρων. We already know that δεῖ, in all cases but one, is translated into Gothic with *skulan*, so the choice of *skulan* here is not really indicative of anything.

Another example is Lk 9:44 *unte sunus mans skulds ist atgiban in handuns manne* (‘Because the son of man is due to be delivered

¹⁵ Wycliffe Bible (1395): *he is Elie that is to come*; Tyndale NT (1525): *this is Helyas which shuld come*; Miles Coverdale Bible (1535): *this is Helias, which shulde come*; The Bishop’s Bible (1568): *this is Elias which was for to come*; the Geneva Bible (1587) *this is that Elias, which was to come*, King James Bible (1611) *this is Elias which was for to come*, and so forth, up to the New International Version, although some revised editions, like the New Revised Standard, have ‘who is to come’. The source of this translation was probably the first version of the Geneva Bible that appeared in 1560 outside England.

¹⁶ La bible d’Olivet (1535): *iceluy est Elias qui doit venir*; La bible de Lefevre d’Etaples (1530): *icilui est Elie qui est ad venir*.

¹⁷ *Skulan* is used in past tense only in 9 places; one of them (Lk 2:49) indeed translates a Greek present, but this is due to the simple sequence of tenses.

into the hands of men') which she interprets as 'passivization of *skulan*' and calls it a 'langes Passiv'. In the original, we see the passive infinitive: ὁ γὰρ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου μέλλει παραδίδοσθαι εἰς χεῖρας ἀνθρώπων, and such usage in Gothic is indeed interesting and has parallels in the modal verb usage in German (ibid. 47).

I found two more examples like this in Gothic. 2 Cor 12:11 ἐγὼ γὰρ ὄφειλον ὑφ' ὑμῶν συνίστασθαι *apþan ik skulds was fram izwis gakannjan* ('For I was due to be commended by you'), and Lk 19:11 παραχρῆμα μέλλει ἡ βασιλεία τοῦ θεοῦ ἀναφαίνεσθαι is *suns skulda wesi þiudangardi gudis gaswikunþjan* ('the Kingdom of God was due to appear') where the present tense μέλλει is rendered as the past Optative *wesi* because of the sequence of tenses. It has to be noted that the first example, with ὄφειλω, is always translated as *skulan* or *skulds ist*, and that there seems to be no strict correlation between the choice of *skulan* and *skulds ist*, and the form of the infinitive (cf Lk 9:22 above, where ἀποδοκιμασθῆναι is translated with the proper passive, *uskusans wairþan*, or Jn 7:35 μέλλει πορεύεσθαι is translated as *skuli gaggan*). Thus, in the first example, only its syntax is interesting; but in the second, the choice of *skulan* was not the only choice that could be made.

Ferraresi also cites our original example, Mt 11:14, and calls it an 'epistemic verb in a futuristic paraphrase' (ibid. 48), but it is hard to agree with her here. It is obvious from other Germanic languages that if this were indeed futuristic, this 'paraphrase' could be done differently; it is also clear that this switch to the past tense could simply be done by mistake, so this is not necessary a paraphrase at all. But if we admit that *skulan* in Gothic is indeed a real modal verb, there is a distinct possibility that this usage is intentional and is meant in pretty much the same way as the English *should*, with the only difference that in Gothic, *skulan* may be epistemic, and not just deontic¹⁸.

This would mean a lot for an interpretation of Lk 1:66 *hva skuli þata barn wairþan*.

2.2.2 Odd cases and Lk 1:66

One rare example of *skulan* used without any particular reason is 1 Cor 15:2. In Greek, we see two conditional clauses: δι' οὗ καὶ

¹⁸ It also means that the «working hypothesis» by Leiss that *skulan* + perfective infinitive = deontic, and *skulan* + imperfective infinitive = imperfective future (Leiss 2012: 190) is not working: *skal sunus mans manag winnan* in Lk 9:22 is not an imperfective future.

σώζεσθε, τίνι λόγῳ εὐηγγελισάμην ὑμῖν εἰ κατέχετε, ἐκτὸς εἰ μὴ εἰκῆ ἐπιστεύσατε ('By this gospel you are saved, if you hold firmly to the word I preached to you. Otherwise, you have believed in vain'). The clause is repeated in Latin: *per quod et salvamini qua ratione praedicaverim vobis si tenetis nisi si frustra credidistis*. In Gothic, the second clause remains, but the first one is replaced with *skulan*+infinitive: *hairh batei jah ganisib: in hvo sauþo wailamerida izwis, skuluþ gamunan, niba sware galaubideduþ*, and the literal translation would be as follows: 'By that you are saved: in the way I preached to you, you should remember; if not, you have believed in vain'. This is a strange replacement that can be explained only if we read *skuluþ* as an epistemic modal verb.

In Lk 1:66, we see several issues at once. The obvious one is the fact that it is a question, and about 1/6 of questions in the future tense are translated with Optatives in Gothic¹⁹. The use of *wairþan* to translate ἔσται is well attested (Streitberg 1910: 202). The only remaining issue is the verb *skulan*. Considering all above and noting that the Optative is used with *skulan* and not with *wairþan*, the logical conclusion seems that *skulan* + infinitive is not a standard way to designate a future – and not such a way at all; it is a situative use of an epistemic modal verb in a question.

3. duginnan + infinitive

There are only two instances of this usage:

Ph. 1:18 *jah in þamma fagino, akei jah fagidon duginna* ('I rejoice in that, and will rejoice'; Gk καὶ ἐν τούτῳ χαίρω: ἀλλὰ καὶ χαρήσομαι)

Lk 6:25 *wai izwis, jus hlahjandans nu, unte gaunon jah gretan duginnid* ('Woe upon you, laughing now, for you will mourn and weep'; Gk οὐαί, οἱ γελοῦντες νῦν, ὅτι πενθήσετε καὶ κλαύσετε)

3.1 Other examples

In Gothic, there are three more instances of *duginnan* + infinitive, and all three translate Gk ἀρχομαι:

Lk 3:8 *waurkjaip nu akran wairþata idreigos jah ni duginnaip qipan in izwis: attan aiþum Abraham* ('Make therefore fruits worthy of repentance, and begin not to say within yourselves'; Gk ποιήσατε οὖν καρπὸς ἀξίους τῆς μετανοίας: καὶ μὴ ἀρξήσθε λέγειν ἐν ἑαυτοῖς, πατέρα ἔχομεν τὸν ἀβραάμ)

¹⁹ For the statistics, see Blackburn 1892: 7.

Lk 14:29 *allai þai gasaihvandans duginnaina bilaikan ina* ('All seeing it begin to mock him'; Gk πάντες οἱ θεωροῦντες ἄρξονται αὐτῷ ἐμπαίζειν)

II Cor. 3:1 *Duginnam aftra uns silbans anafilhan?* ('Do we begin again to commend ourselves?'; Gk ἀρχόμεθα πάλιν ἑαυτοῦς συνιστάνειν;)

The construction 'ἀρχομαι+ infinitive' had been in use since classical times (Goodwin 1890: 358), and its meaning is rather direct: to begin to do something. The question is, why is it used in the two instances where Greek does not offer ἀρχομαι?

The only other examples where Gothic has *duginnan* + infinitive, and Greek does not, are Mk 14:72 and Lk 1:1; still, both Greek verses have a verb that can be translated directly as *duginnan*: πολλοὶ ἐπεχείρησαν ἀνατάξασθαι 'many have undertaken to write' *managai duginnun meljan* in Lk 1:1, and καὶ ἐπιβαλὼν ἔκλαιεν 'and having broken down he wept' *jah dugann greitan* in Mk 14:72.

One obvious reason would be to suppose an attempt to translate a distinction between 'now' and 'later' present in the Greek text in both original instances: joy now and joy later in Ph 1:18, and joy now and woe later in Lk 6:25.

3.2 Contrast between the Present and the Future?

There is a problem with such an explanation, and it is twofold.

Firstly, other Germanic translators did not think it necessary to underline the contrast: for Lk 6:25 in OE, we have *Wa eow þe gefyllede synt: forþam þe ge hingriað; Wa eow þe nu hlihað. forþam þe ge heofað and wepað*, and Tatian writes, *Uue iu thie thar gisatote birut, bithiu uuanta ir hungeret. Uue iu thie nu lahhet, bithiu uuanta ir vvuofet inti riozet*. The other instance is, unfortunately, absent in both languages, but it is not the only case where Gothic invents something whereas other Germanic languages do not.

The other, more difficult problem, is the Gothic Bible itself: just four lines above Lk 6:25 we have Lk 6:21 *audagai jus gredagans nu, unte sadai wairþiþ. audagai jus gretandans nu, unte ufhlohjanda* ('Blessed are you now hungering: for you shall be filled. Blessed are you now weeping: for ye shall laugh'; Gk μακάριοι οἱ πεινῶντες νῦν, ὅτι χορτασθήσεσθε. μακάριοι οἱ κλαίοντες νῦν, ὅτι γελάσετε), that is, two more ways of expressing the Greek future: one with *wairþan*, and the other with a simple passive present. Why is that so?

The first translation – *sadai wairþiþ* – is explained by the fact there is no verb in Gothic to translate χορτασθήσεσθε; it is not an

exception – there is no such verb in modern English, or in modern German, or in their old forms, so the translation ‘become full’ is quite self-evident, and we are dealing with a simple case of translation the Greek future with a Gothic present. The other verb, *ufhlohjanda*, is also a simple present²⁰.

Presumably, *gaunon* and *gretan* do not take prefixes (why not?), and thus, *duginnan* was needed in our instances. But why *duginnan*? The second case in Greek clearly means ‘I rejoice and will continue to rejoice’, so why is *duginnan* used, and not a verb that means ‘to continue’, or indeed *haban* like in 2 Cor 11:12 *ip þatei tauja jah taujan haba* – ‘I do so and will continue to do’?

This situation is further complicated by the fact that there are other instances when present and future are contrasted, and nothing is done in Gothic at all. For example, Jn 14:19 *nauh leitul, jah so manaseiþs mik ni þanaseiþs sai hvip; ip jus sai hvip mik, þatei ik liba, jah jus libaiþ* (‘Before long, the world will not see me anymore, but you will see me; because I live, you also will live’; Gk ἔτι μικρὸν καὶ ὁ κόσμος με οὐκέτι θεωρεῖ, ὑμεῖς δὲ θεωρεῖτέ με, ὅτι ἐγὼ ζῶ καὶ ὑμεῖς ζήσετε) is full of Greek future tenses, but there are no prefixes in Gothic, not even the ever-present *ga-*, and the contrast between the present and the future is not reflected in any way.

3.3 Explanation

All the facts – that there are no other instances of *duginnan* + infinitive having any Greek original meaning anything else but ‘to begin doing something’ and that in other, very similar instances different translations were made – point to the conclusion that *faginon duginna* or *gaunon jah gretan duginnid* do not have specific durative connotations or semantics²¹.

But the key to the answer of why *haban* was not chosen for Ph. 1:18, like it was for Cor 11:12, may lie in Mk 14:72. Καὶ ἐπιβαλῶν ἔκλαιεν does not *literally* mean ‘and began to weep’, but it should be noted that the Gothic *greitan* is a verb of emotion, just like *gaunon* and *faginon*.

Another interesting feature of both cases is the word order, where *duginnan* stands in the final position. The normative order in Gothic

²⁰ The discussion on the Gothic ‘perfective’ prefixes is rather large and old; here it will suffice to say that Scherer (1954), West (1981), and Coleman (1996) have proven that the situation is very different from Streitberg’s *perfektives Futurum*.

²¹ Coleman (Coleman 1996: 14) calls these instances ‘minor experiments’.

seems to be verb + bare infinitive, and not the other way around²², so this word order may be marked. If that is so, then presumably, with words of emotion, the infinitive + *duginnan* may be used in some sort of an inchoative construction.

4. haban + infinitive

These are the three instances:

Jn 12:26 *jah þarei im ik, þaruh sa andbahts meins wisan habaiþ* ('and where I am, my servant will be'; Gk καὶ ὅπου εἰμι ἐγὼ ἐκεῖ καὶ ὁ διάκονος ὁ ἐμὸς ἔσται)

2 Cor 11:12 *ip þatei tauja jah taujan haba* ('I do that and will do'; Gk ὁ δὲ ποιῶ καὶ ποιήσω)

2 Thes 3:4 *jah taujip jah taujan habaiþ* ('and you do and will do'; Gk [καὶ] ποιεῖτε καὶ ποιήσετε).

The OE Bible has *min þen bið þær þær ic eom* for Jn 12:26; in Tatian, the passage reads: *thar ih bin thar ist min ambaht*. In the other two instances, the context is identical, as is the verb *taujan*; and the meaning is clearly 'I do and will continue to do', and 'you do and will continue to do'.

4.1 Other examples

In the Gothic Bible, there are 6 situations of *haban* + infinitive, but in three of them, the meaning is simply 'to have [money] to recompense' (Lk. 14:14), 'to obtain [means] to share with those in need' (Eph 4:28), and 'to have power to take' (Jn 10:18).

The remaining three instances, however, all translate the Greek construction with μέλλω: Jn 6:6 *þatuh þan qap fraisands ina; ip silba wissa þatei habaida taujan* ('And he said this to prove him, for he himself knew what he would do'; Gk τοῦτο δὲ ἔλεγεν πειράζων αὐτόν, αὐτὸς γὰρ ἤδει τί ἔμελλεν ποιεῖν); Jn 6:71 *qaruh þan þana Iudan Seimonis, Iskariotu, sa auk habaida ina galewjan, ains wisands þize twalibe* ('He spoke of Judas Iscariot the son of Simon: for he it was that would betray him, being one of the twelve'; Gk ἔλεγεν δὲ τὸν Ἰουδαν Σίμωνος Ἰσκαριώτου· οὗτος γὰρ ἔμελλεν παραδιδόναι αὐτόν, εἷς [ῶν] ἐκ τῶν δώδεκα); Mk 10:32 *jah andnimands aftra þans twalif dugann im qiban þoei habaidedun ina gadaban* ('And he took again the twelve, and began to tell them what

²² There is, strangely, very little research on that particular issue; in the latest available work, Th. Eythórsson (1995) treats bare infinitives as regular objects, which does not seem to be a correct approach.

things would happen to him'; Gk καὶ παραλαβὼν πάλιν τοὺς δώδεκα ἤρξατο αὐτοῖς λέγειν τὰ μέλλοντα αὐτῷ συμβαίνειν). They are, however, all in the past tense, and that distinguishes them from the original instances.

Interestingly, two more examples (also in past tense) are found in Skeireins: Sk 1:3 *pata nu gasaihvands iohannes, bo sei ustauhana habaida wairþan fram frauþin* 'John now seeing this, the plan which was to be carried out by the Lord...', and Sk 2:7 *iþ nasjands þana anawairþan dom is gasaihvands jah þatei in galaubeinai þei(han) habaida, gaskeirjands imma, swe miþþan unkunnandin, qiþands* 'But the Savior, seeing his future judgment, and that he was to grow in faith, explaining to him as to one still ignorant, saying...'

The debate on whether Skeireins is a translation is not closed, but so far, these parts of the text have not been pointed out as direct translations. In his seminal paper on the subject, Knut Schäferdiek (Schäferdiek 1981: 187) states that Skeireins seems to be a 'Katenenüberlieferung' of Theodore from Heraclea's commentary to John's Gospel, but it is unclear if this means that both examples have a real underlying μέλλω-construction. If they do not, that might mean that *haban* + infinitive developed at least into a kind of predetermined future-in-the-past.

4.2 Explanation

The examples from Skeireins and translations of Greek μέλλω + infinitive are exactly what they are supposed to be: expressions of a planned future chain of events. The only question is why *haban* was chosen in these very cases: there are plenty of μέλλω + infinitive in the Greek New Testament (see below), and only three of them were translated with *haban*.

In the cases where *haban* + infinitive translates Greek future, the logic may be very similar: *tauja jah taujan haba*, along with *taujiþ jah taujan habaiþ* means not only 'do and will continue to do', but 'do and plan to continue to do', which would call for a construction with this semantics. Still, Jn 12:26 calls for an explanation; the context is, rather, that of the imperative ἀκολουθεῖτω earlier in the same sentence. Another difficulty is presented by the three future-in-the-past-like instances; note that all three are preceded by *qiþan* (Gk λέγω), and all three concern prophetic knowledge. The Greek μέλλω+ infinitive is seen in this position (after λέγω, and with a pre-knowledge of the future) in several other instances, such as Jn 7:39, and especially Jn 12:33, Jn 18:32 and Lk 9:31 – and all of them were

translated with the help of Gothic *skulan*, not *haban*. There is no clear difference between these two groups; one could conjecture that the Greek tense of μέλλω is different (ἔμελλεν vs ἤμελλεν in three of the latter examples), but Jn 7:39 contains ἔμελλον. There is no syntactic difference between them; nor is there anything special in the infinitives that follow.

4.2.1 The case of μέλλω.

In Koine, μέλλω + infinitive is a phrase undergoing a rapid grammaticalisation²³ on its way to the analytical verb used to form the immediate future in modern Greek. This unclear – and, perhaps, more analytical – status of μέλλω could be reflected in the attempts to translate it into Gothic. Note that we are now talking not about Streitberg's *duratives Futurum* and its instances, but about a broader context that may shed some light on the choices made by the translator (Wulfila?) and allow for a better understanding of those choices.

As was already listed above, there are only 20 instances of μέλλω + infinitive translations in the surviving parts of the Gothic text. 9 of them were translated with *skulan* or *skulds ist*, 4 – with *munan*, 3 – with *haban*, 2 – with *anawairþ + wesan*, 1 – with *sik skaftjan* and 1 – with a single noun, *swultawairþja*. This is very different from other similar constructions like the ones with δεῖ and ὀφείλω that are all but one translated with *skulan/skulds ist*, and it certainly means that both Greek and Gothic allowed for a wide variation and interpretation of this construction. The 'future-in-the-past'-like constructions with *haban* as well as the weird past tense of *skulan* in Mt 11:14 all have μέλλω + infinitive as their source. This is scarce; but this allows for some speculation.

It is quite clear that in case of obvious words with obvious meaning, the obvious solution would be to find an analogous lexeme and use it throughout the text with few exceptions (perhaps, when the language does not permit a certain usage or there is a much better

²³ Even in Classical times, μέλλω + infinitive was used as a 'voluntative future' (see Schwyzer, Delbrunner 1950: 293–294). Basset goes even further and states that μέλλω generally behaves as an auxiliary verb and is never autonomous even in Homer (Basset 1979: 93), and that μέλλω + inf. praes. can always be translated as 'it's probable that...' (ibid., 104). In Hellenistic-Roman Greek, up to the 4th cent. AD, μέλλω + infinitive 'made small steps towards a more grammatical status' (Markopoulos 2009: 59), such as developing a deontic meaning in the 1st cent. AD (ibid., 48).

expression at hand). We see that in the cases of δεῖ and ὀφείλω. But when the meaning of a word cannot be simply translated – and especially when its function and even the grammar category it is used to express do not exist in the target language, a good option would be to look for synonymous constructions in each separate case. But this would mean two possibilities: a) bending the words of the target language into something that looks similar and creating a calque; and b) looking for phrases that exist in the target language and have a clear meaning. Naturally, both possibilities could be realized in the course of one translation, so the difficulty would be to see which is which.

It would be simple to translate ἡμελλεν τελευτᾶν with a clause, but the translator chose *swultawairþja*; here he found something that already existed in Gothic. If we are to assume that *haban* + infinitive means something specific in Gothic, we must find evidence that this is not a calque.

Typologically, there would be nothing strange in such a construction (though Harbert 2006: 299 calls it ‘striking’): it exists, most notably, in Romance languages, where *je ferai* derives from *facere habeo*²⁴, and, though with a more specific meaning, is present in Slavic languages (Russ. *vot chto ja imeju skazat’* – ‘I’m going to say something now’, literally, ‘here’s what I have to say’), and in Albanian²⁵. Fascinatingly, Greek’s own ἔχω εἰπεῖν etc. is never translated with *haban*, but only with *skulan*.

Haban + infinitive in Gothic exists in two versions, like in Latin: with the infinitive in ante- and postposition. In the Bible text, all present tenses have the infinitive in anteposition, and all the past tenses have it in the postposition. But in Skeireins 2:7 we read *jah þatei in galaubeinai þei(han) habaida*. This may be brought about by the object *in galaubeinai* in preposition; we have no way to verify this hypothesis. The consensus on the Gothic word order is that it was shifting from OV to VO (Lehmann 1994: 34-36; further corroborated by Tamašauskaitė 2013), so it could be relatively free.

In Latin, it seems that the order *habeo* + infinitive was normative and usually had deontic or epistemic meaning, while the marked order infinitive + *habeo* acquired a secondary future meaning, and later became the new future of the Romance languages (Adams

²⁴ And, as shown by Adams 1991, infinitive + *habeo* had a deontic modal meaning.

²⁵ Sources like Neumark 1982: 50 list *kam* + infinitive as an exclusively Gheg form.

1991: 161). It is hard to establish if the same were true for Gothic, because the examples are scarce, and there is little research on this specific word order, but it may also be marked.

It is unlikely if the future semantics of the infinitive + *haban* was drawn on Latin: the Latin meaning is well attested in Tertullian and other post-classical writers²⁶; if it was, then the Gothic translation has borrowed much more from Latin than we could ever know: in none of the instances where the Gothic Bible has *haban* + infinitive, the Vulgate has anything like *habeo* + infinitive²⁷, so the borrowing would have come through oral medium. There are several instances, though, when Greek μέλλω + infinitive is translated by *habeo* + infinitive in the Latin Bible, but in those cases Gothic uses other means in all those cases (such as *munan*), so the meaning of *habeo* + infinitive must be different from that of *haban* + infinitive. Even if the construction indeed came to Gothic via language contacts, it must have acquired a very different meaning and started functioning on its own.

Overall, it seems possible that we are dealing with an authentic Gothic expression 'infinitive + *haban*'²⁸, which may or may not be distinct from '*haban* + infinitive' and has a modal, but also clearly a futuristic meaning of a 'planned future'.

²⁶ This was described by Coleman in 1971, and he does not think this to be an areal (African) phenomenon (Coleman 1971: 226), but finds roots for this construction in Classical Latin.

²⁷ Jn 12:26 erit, 2 Cor 11:12 facio et faciam; 2 Thess 3:4 facitis et facietis, Jn 6:6 esset facturus, Jn 6:71 erat traditurus, Mk 10:32 essent ventura; the Vulgate does have such examples, cf. Mk 10:38 baprizari habeo, or Jn 16:12 habeo dicere etc. Curiously, though the Latin version of Jn 16:12 is a literal translation from Greek, in Gothic it is translated as skal qiþan, not haba qiþan – and none of those instances were translated as *haban* + infinitive. Rönsch (Rönsch 1875: 447–449) gives a long list of *habeo* + infinitive in the Vulgate; many of these are literal translations of Greek ἔχω + infinitive, but some (like Jn 8:22) can be seen as the basis for the Romance future.

²⁸ Coleman writes, 'For unlike *skulan* and *munan* + infinitive, which had other functions also, *haban* + inf. had none and was therefore available to repair this deficiency in the tense system' (Coleman 1996: 22), and this may be true, though it seems too rare for something that 'repairs a deficiency'.

5. Conclusion

Of all three constructions, *duginnan* + infinitive seems to be a situational choice made to describe a presupposed state of emotions that does not reflect any specific Gothic way of describing the future.

Skulan + infinitive is a modal construction undergoing some grammaticalization as such, but not a future-related construction, at least, at the time when the Bible was written.

Only *haban* + infinitive, or, perhaps, its reverse version, infinitive + *haban*, looks like a genuine construction with a futuristic meaning. It was rare enough not to be used constantly throughout the text, but established enough to emerge in a situation that required a non-straightforward translation.

References

- Adams 1991 – Adams J. N. Some neglected evidence for Latin habeo with infinitive: the order of the constituents // Transactions of the Philological Society. 1991. Vol. 89. No.2. P. 131–196.
- Basset 1979 – Basset L. Les emplois périphrastiques du verbe grec μέλλειν. Étude de linguistique grecque et essai de linguistique générale. Lyon: Maison de l’Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 1979.
- Bauschatz 1982 – Bauschatz P. C. The Well and the Tree: World and Time in Early Germanic Culture. The Univ. of Massachusetts Press, 1982.
- Blackburn 1892 – Blackburn F. A. The English future; its origin and development. Leipzig-Reudnitz, 1892.
- Coleman 1971 – Coleman R. The Origin and Development of Latin Habeo+Infinitive // The Classical Quarterly New Series. 1971. Vol. 21, No. 1. P. 215–232.
- Coleman 1996 – Coleman R. Exponents of Futurity in Gothic // Transactions of the Philological Society. 1996. Vol. 94, No. 1, P. 1–29.
- Diewald, Wischer 2013 – Diewald G., Wischer I. Markers of Futurity in Old High German and Old English: A Comparative Corpus-Based Study // Comparative Studies in Early Germanic Languages. John Benjamins Publishing Co, 2013. P. 195–216.
- Eythórssón 1995 – Eythórssón Th. Verbal syntax in the early Germanic languages. Diss. Cornell University, 1995.
- Ferraresi 1998 – Ferraresi G. Die Syntax des Infinitivs im Gotischen: die Modalverben skulan und magan, in J. Strässler (Hrsg.), Tendenzen europäischer Linguistik. Akten des XXXI. Linguistischen Kolloquiums, Bern, Niemeyer, Tübingen, 1998. P. 46–49.
- Goodwin 1890 – Goodwin W. W. Syntax of the Mood and Tenses of the Greek Verb. Boston, 1890.
- Gukhman 1958 – Гухман М. М. Готский язык. М., 1958.
- Harbert 2006 – Harbert W. The Germanic Languages. Cambridge University Press, 2006.

- Hewson 1997 – Hewson J. with Bubenik V. Tense and Aspect in Indo-European Languages. Theory, Typology, Diachrony. John Benjamins Publishing Co, 1997.
- Leiss 2012 – Leiss E. Aspectual patterns of cover modality in Gothic and Old High German // Covert patterns of modality. Abraham W. and Leiss E. ed. Cambridge Scholars Publishing, 2012.
- Lehmann 1994 – Lehmann W. P. Gothic and the Reconstruction of Proto-Germanic // The Germanic Languages. König E. and van der Auwera J. ed. Routledge, 1994.
- Lloyd 1979 – Lloyd A. L. Anatomy of the Verb: the Gothic Verb as a Model for a Unified Theory of Aspect, Actional Types and Verbal Velocity. John Benjamins Publishing Co, 1979.
- Markopoulos 2009 – Markopoulos T. The Future in Greek from Ancient to Medieval. Oxford University Press, 2009.
- Neumark 1982 – Neumark L., Hubbard P., Prifti P. Standard Albanian. A reference grammar for students. Stanford University Press, 1982.
- Rönsch 1875 – Rönsch H. Itala und Vulgata, das Sprachidiom der urchristlichen Itala und der katholischen Vulgata unter Berücksichtigung der römischen Volkssprache. Marburg, 1875.
- Schäferdiek 1981 – Schäferdiek K. Die Fragmente der "Skeireins" und der Johanneskommentar des Theodor von Herakleia // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. 1981. Bd. 110. P. 175–193.
- Scherer 1954 – Scherer P. Aspect in Gothic // Language. 1954. Vol. 30, No. 2. P. 211–223.
- Schwyzer, Debrunner 1950 – Schwyzer E., Debrunner A. Griechische Grammatik. Auf Grundlage von K. Brugmanns griechischer Grammatik. Band II. Syntax und syntaxische Stylistik. Munich, 1950.
- Streitberg 1910 – Streitberg W. Gotisches Elementarbuch. Dritte und vierte neubearbeitete Auflage. Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, Heidelberg, 1910.
- Tamašauskaitė 2013 – Tamašauskaitė Ž. Gothic Word Order Patterns as Attested in the Gothic Gospel of Luke // Sustainable Multilingualism. 2013. Vol. 3. P. 77–95.
- Wackernagel 2009 – Wackernagel J. Lectures on syntax with special reference to Greek, Latin and Germanic / Ed. by Langslow D. Oxford University Press, 2009.
- West 1981 – West J. Proklitische Verbalpartikel und ihr Gebrauch in Bezug auf das verbale Aspektsystem des Gotischen // Zeitschrift für Deutsche Philologie. 1981. Bd. 100, 3. P. 331–338.

S. D. Kleyner. The Gothic Future: a Tense That Doesn't Exist

The paper focuses on the three Gothic verbs that are commonly said to help form the Gothic future: *duginnan*, *haban* and *skulan*. While all three sometimes help translate the Greek future, only *haban* + infinitive turns out to have a future-related meaning.

Keywords: Gothic, future tense, *skulan*, *duginnan*, *haban*

ЭТНОБОТАНИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. IX. РОСЯНКА¹

В статье рассматриваются славянские диалектные названия росянки. Особое внимание уделяется признакам и свойствам растения, которые легли в основу его названий, поверий о нем, а также использования в народной медицине и магии. Подавляющее большинство славянских названий восходит к корню *ros-* и отражает наличие на верхней поверхности листьев капелек жидкости, предназначенной для переваривания насекомых и уподобляемой в народных названиях росе. Такая ассоциация включает вышеназванные фитонимы в обширную область общеславянских представлений о росе. Особенно полезной считалась роса при лечении глазных и кожных заболеваний, что объясняет использование росянки от аналогичных болезней. Единобразие в фитонимике заставляет предполагать праславянское происхождение названий росянки, но целый ряд иноязычных названий с внутренней формой «солнечная роса» говорит о заимствовании данного составного фитонима из западной рукописной традиции. Хищнический образ жизни растения обусловил его использование как приворота.

Ключевые слова: этноботаника, этнолингвистика, росянка, фитоним, диалектология, славянские языки, фольклор, этнография, этнология, народная медицина, народная магия.

Росянка круглолистная *Drosera rotundifolia* L. – растение семейства росянковых *Droseraceae*, до 20 см высотой, многолетнее, «с укороченным стеблем и длинночерешковыми листьями, собранными в прикорневой розетке. Пластинки листьев почти округлые, сверху и по краям усажены оттопыренными красными головчатыми и железистыми волосками с прозрачной водянистой капелькой на конце. Цветки мелкие, правильные, белые, собранные в однобокую кисть, на длинной цветочной стрелке. Плод – 3–5-створчатая коробочка с мелкими многочисленными веретеновидными семенами. Цветет с конца июня до середины августа, плоды созревают в августе-сентябре». Обитает росянка на торфяных и сфагновых болотах, иногда на мокрых песках у воды (Валягина-Малютина 1996: 89).

---

¹ Автор выражает признательность А. Б. Ипполитовой за помощь в поиске материалов для статьи и ценные замечания, высказанные в ходе работы над текстом; М. А. Лярской – за помощь в переводе с немецкого языка.

Наиболее яркий признак растения – прозрачные капельки на концах красных железистых волосков, назначение которых – привлечь насекомых и одновременно приклеивать их к листу, обеспечивая пищей насекомоядное растение. Эти капельки выглядят как роса, которая, однако, не исчезает даже на солнце: «роса на них всегда, даже в полдень в жару, и то держится» (Federowski 1897 (1): 169). Во всех славянских языках есть названия этого растения, образованные от корня *ros-*: рус. *росичка*, *росянка* (Вел. Росс.), *росница* (Кунг., Осин. Перм.) (Анненков 1878: 129, 398), *росяница* (Вытегор., Пудож. Олон.) (СРНГ 35: 202); бел. *расіца* (зап.-полесск., Гродн. Гродн., Могил. Могил., Гомел. Гомел.), *расічка* (зап.-полесск., Могил. Могил., Сморг. Гродн), *расянка* (Мстисл. Могил.), *раса* (Лельч. Гомел.) (РС 2001: 200); укр. *riska*, *risočka* (Маковиеcki 1936: 133), *рісник* (покут.-буков.), *росиця*, *росичка* (общераспр.), *росішка* (Волин.), *росник* (Карпат.), *росниця* (Карпат.), *росянка* (Кобів 2004: 164); болг. *росица*, *росянка* (БЕР 6: 326–327); србх. *росика*, *росна трава*, *росичина*, *росуља* (Симоновић 1959: 175); русин. воевод. *росна трава* (Шовљански 2010: 210); словен. *rosika* (Karlin 1964: 11); словац. *rosička*, *rosnatka*, *rosnička* (Buffa 1972: 355), *rosovník* (Choliolčev 1990: 98); чеш. *rosnatka*, *rosnička*, *rosička* (Machek 1954: 94), *rosna trava* (Šulek 1879: 337); пол. *rosiczka* (Высокомазов., Волковыс.) (Pastusiak 2007: 285), *rośnik* (Machek 1954: 94), *rosieniec* (Šulek 1879: 337); луж. *rosnik*, *rosowka*, *rosane zelo*, *rosojte zelo*, *rosowe zelo* (Radyserb-Wjela 1909: 76).

Всеми словарями эта группа фитонимов единодушно возводится к слову *rosa* (ЕСУМ 5: 124, ЕСБМ 11: 115, БЕР 6: 329, Choliolčev 1990: 98 и др.). Обычно такое единообразие в фитонимике заставляет предполагать праславянское происхождение анализируемых слов. Однако тот факт, что латинское научное название *Drosera* образовано от гр. *δρόσος* ‘роса’² (Симоновић 1959: 175), дало повод некоторым исследователям считать все аналогичные славянские названия переводами либо с лат. *drosera*, либо с лат. *rorida* ‘покрытая росой’, *rorella*, *salsirola* и под. (ЕСУМ 5: 124, Machek 1954: 94, Bezlaj 3: 197 и др.).

Сильным аргументом в пользу такой версии служит наличие не только целого ряда славянских, но и других европейских – а

² О других названиях росы и ее роли в др.-гр. поэзии см. (Boedeker 1984: 1–5, 125).

также среднелатинского – названий с внутренней формой «солнечная роса». Речь идет о таких фитонимах, как *солнечная роса* (Бурнашев 1844 (2): 226; Даль 4: 105), болг. *слънчева росица* (Ахтаров 1939: 157, БЕР 6: 326), словац. *slnečná rosa* (Buffa 1972: 355), чеш. *rosa slunečná* (Machek 1954: 94), в.-луж. *stónčna rosa* (Radyserb-Wjela 1909: 76), пол. *stoneczna rosa* (Śulek 1879: 337), а также нем. *Sonnentau*, англ. *sundew*, фр. *rosée du soleil*, при наличии ср.-лат. *ros solis*, которое служило также и фармацевтическим названием (БЕР 6: 329)³; ср. тж. дат. *soldug*, шв. *soldagg*, ит. *rugiada del sole*, лат. *saules rasene* (Marzell 2: 168). Вероятность независимого возникновения таких составных наименований, разумеется, стремится к нулю. К выводу о латинском происхождении фитонимов типа «солнечная роса» (в лужицком – при возможном посредничестве немецкого) приходит и Е. Хавлова (Havlová 2005: 294). Однако однословные наименования она считает исконно славянскими. Поддерживая точку зрения чешской исследовательницы, приведем некоторые доводы в пользу этой версии.

Во-первых, фитонимы, образованные от корня *рос-*, свойственны славянским языкам и как названия других растений. Так, за росу принимаются капли влаги, которые долго удерживаются на листьях манжетки обыкновенной *Alchemilla vulgaris* L. в силу особенностей их строения, в результате чего растение и получило название *росянка* (Волог.) (Анненков 1878: 20), бел. *расічка, расянка, раса, расакіля* (ЕСБМ 11: 115), чеш. *rosička* (Chodsko) (Hadač, Hadačová, Spal 1964: 7), *rosička, rosnička* (plzeňského) (Hadač 1958: 41), *bílá rosička, nebeska rosa* (Havlová 2005: 295). В эту же группу входят *росинник* ‘кизильник’ (Никол. Волог.) (СРНГ 35: 183), бел. *раса* (Столин. Брест.) ‘омела *Viscum*’ (РС 2001: 34), укр. *росичка* (вост.-слобож.) ‘букашник горный *Jasione montana* L.’ (Скорофатова 2009: 246), болг. *росоман* ‘чистотел большой *Chelidonium majus*’ (БЕР 6: 329), хорв. *rosopas, rosno zelje* ‘дымянка *Fumaria*’ (Vajs 2003:

³ Блеск капелек слизи на солнце напоминает золото; как пишет Н. И. Анненков, «Известная в свое время золотая вода, *Aqua aurī*, имела в своем составе это растение» (1878: 129). Европейские алхимики XVI в. полагали, что нашли в клейких каплях, выделяемых росянкой, вещество, необходимое для изготовления «золотой воды» и «эликсира жизни». Из нее же изготовлялся ликер *Rosoglio* (букв. «роса солнца»), популярный в Италии до Первой мировой войны (Dieck 1985: 36).

267) и др. Трудно представить, что эти названия возникли независимо, а обозначения именно росянки являются кальками.

Во-вторых, у славян существует другое словосочетание – *божья роса* – перенесенный на росянку в качестве фитонима: бел. *божа(я) раса* (Минск., Червен. Минск.; Житков. Гомел.), *богава раса* (диал.) (РС 2001: 200), *boża(ja) rosa* (зап. полес.) (Michajłow 1993: 102); укр. *boża rosa* (Makowiecki 1936: 133); пол. *boża rosa* (Хелм.) (Pastusiak 2007: 285), луж. *boża rosa* (Radyserb-Wjela 1909: 76). В данном случае важным представляется тот факт, что фитонимы этой группы, как и однословные названия, в большинстве своем имеют в источниках географические пометы, отсутствующие у фитонимов с внутренней формой «солнечная роса»; это косвенным образом свидетельствует в пользу исконного в одном случае и заимствованного – в другом происхождения этих групп соответственно⁴.

Капельки на листьях росянки стали причиной и других названия, связывающих растение уже с другой жидкостью – слезами: бел. *ślozki* (Полес.) (Pietkiewicz 1938: 225), также н.-луж. *žycki, lžycki, bogowe lžycki* (Krausch 1). Ассоциация блестящих прозрачных капелек со слезами спровоцировала не только появление фитонима *ślozki*, но и использование растения от болезней глаз (см. ниже).

Продолжают этот ассоциативный ряд названия типа *царские/царевы очи*. В русских рукописных травниках первое упоминание фитонима в форме *царевы очи* относится ко второй четверти XVII в. (ГИМ. Щук. 293; цит. по: Ипполитова 2014: 65). В «Донском словаре» А. В. Миртова (1929: 390) зафиксировано название *очи царские* («лек. раст. от сглазу и для одоления врага») со ссылкой на работу (Номикосов 1884), являющуюся перепечаткой более ранней публикации (Номикосов 1882). При этом формула «для одоления врага» также заставляет подозревать травник как источник этой записи. Ситуация неразличения устной и письменной традиций, к сожалению, обычна для

---

⁴ В Библии, являющейся источником многих фразеологических оборотов, сочетание *божья роса* встречается лишь в современном переводе. Синодальный перевод использует выражение *роса от Господа*: «И будет остаток Иакова среди многих народов как роса от Господа, как ливень на траве, и он не будет зависеть от человека и полагаться на сынов Адамовых» (Михей 5: 7).

публикаций XIX, и, как следствие, XX–XXI вв.⁵ Приведем цитату еще из одного травника о *царских очах*: «а на лосточьках в подобие глаз с ресницами» (F.VI.16, л. 2–2 об., № 10; цит. по: Ипполитова 2008: 272). В Картотеке СРНГ содержатся следующие сведения: *царевы очи* ‘росянка круглолистная *Drosera rotundifolia* L.’ (Твер., Волог.). Названия росянки *царевы очи* в публикация (Даль 4: 104) и (Анненков 1878: 129) не снабжены географическими пометами, однако украинский фитоним *очки цареві* дается как покутско-буковинский (Кобів 2004: 164)⁶.

Прочие названия, отражающие внешний вид растения, имеют отношение в основном к его форме. Так, отмечены укр. *мохнаточка* (Буковина) (Кобів 2004: 164); бел. *jożyk* (Michajłow 1993: 106) – поскольку торчащие волоски напоминают ежовые иголки; бел. *лапкі* (Житков. Гомел.), *гусячыя лапкі* (диал.), *панчошка* [букв. «чулочек»] (Волож. Минск.), и, наконец, *капуцік* [букв. «копытце»]⁷ (Ельск. Гомел.) (РС 2001: 200). Также, вероятно, отражает форму листьев фитоним *царския кудри* (Кунг. и Осин. у.) (Анненков 1878: 398). Очевидно, н.-луж. *пос а жеń* (букв. «ночь и день»; Krausch 1) относится к окраске растения и отражает цветовой контраст желтых листьев и красных волосков – подобные названия обычно даются растениям с «двойной» окраской (см. Колосова 2009: 165, 168).

Как ни странно, такое редкое для европейских растений свойство – способность питаться насекомыми – довольно скудно отражено в фитонимике. Имеется лишь три названия, эксплицитно отражающих эту функцию растения: укр. *мухоловка* (центр. Укр.) (Кобів 2004: 164), болг. *micholovka* (Choljolev 1990: 26) и србх. *мухоловка* (Симоновић 1959: 175). Однако существует еще одна группа названий, метафорически указывающая на способность росянки захватывать добычу. Если об укр. *загардушка* (Карпат.) (Кобів 2004: 164) никакой сопутствующей информации найти не удалось, то бел. *загардушка* (*загартушка*) (зап.-полесск., Гродн. Гродн.) (РС 2001: 200), *zaharduszka* (Federowski 1: 447) в сжатом виде отражает пред-

⁵ Целый ряд показательных примеров см. в Ипполитова 2008: 35–37. Там же высказано наблюдение, что «общая совокупность представленных [Номикосовым. – В. К.] растений очень близка списку последней четверти XVIII в. БАН 45.8.168».

⁶ Кроме того, отмечен фитоним *царские очи* (Ленингр.) в значении ‘белозор болотный *Parnassia palustris*’ (Картотека СРНГ).

⁷ Автор благодарит В. Курцову за это пояснение.

ставление о росянке как о хищнике и, как следствие, о привороте.

Приведем несколько белорусских текстов: «Растение, имеющее применение в любовных чарах, так как, носимая на груди, должна иметь свойство заманивания игривых любовников» (Federowski 1: 447); «Загардушки больше всего растут в белом мху, они очень похожи на мокрицу, что цветет красным, такие же мелкие цветочки, а роса на них всегда, даже в полдень в жару, и то держится. На Турковщине под Толковцами их пропасть. Пусть только парень девушке, или девушка парню даст их чуть-чуть в еду или в одежду зашьет, и он станет сохнуть от любви. Ну вот: один парень... подсунил сестре теперешнего старшины Пашковского, так она так его любила, что сохла, сохла, да и умерла. Потом на ее могиле страх сколько загардушек выросло, хоть они в таком месте никогда не растут; так люди приходили и диву давались» (Там же: 169); «Девушкам следует носить на груди растение загардушка, которое должно быть талисманом, принуждающим к взаимности самого равнодушного юношу» (Там же: 327). Чтобы девушка парня или парень девушку любил, то нужно вырвать загардушки, поносить целый день за пазухой и заткнуть играючи куда-нибудь за ворот, то не на шутку будет любить» (Там же); «*загартушка* – используют для любовных чар. Приготовленный и выпитый настой корней имеет способность притягивать любимую особу. По утверждению деревенской лекарки, это средство советуют лишь ведьмы, а те, что лечат и хотят делать только добро, его не советуют» (Ажэшка 2000: 461). Согласно пояснению Э. Ожешковой, «эта способность волосков [хватать насекомых. – В. К.] должна была натолкнуть на понятие забирания чего-либо, захвата [*загортвання*] и поэтому, вероятно, дано растению название *zahartuszki*... приготовленной и выпитой росянке приписывается способность пробуждения любовных чувств, или притяжения к особе, это средство дающей, как бы захвата [*zagarniania*] с ее помощью той особы, которая ее употребит» (Orzeszkowa 1888: 693). В. Будзишевска поддерживает мотивацию, возводя фитоним к бел. диал. *загартаць* 'сгрести' (Budziszewska 1990: 277, цит. по: Pastusiak 2007: 286).

Представления о приворотных свойствах росянки и ее использовании в любовных чарах отразились также в бел. *lubiszczyk* (Полес.) (Pietkiewicz 1938: 225), и, возможно, в рус.

любимая (без геогр.) (Даль 4: 104)⁸. Отмечено это свойство и в травниках: «Коя жена мужа не любит, носи при себе и станет любить. На бой пойдешь, супостата одолеешь» (Самолечение... 1884: 415; *Царския Очи*); «Кто захочет жениться, держи при себе, то ласково жить будет» (РНБ. Q.VI.18, л. 35, № 48; цит. по: Ипполитова 2014: 65; *очи царевы*); «Если жена мужа, и муж жену не любят, то станут любить и жить согласно. От всякого и везде ласковость получишь, и ласкова жена будет» (Действующий травник... 1998: 428; *царевы очи*). В Картотеке СРНГ под заголовком *царёвы очи* (Калуж.) содержится поверье: «Если нет согласия между мужем и женой, то один из супругов должен принести в дом этих цветов», однако растение, имеющее это название, не идентифицировано.

Росянка использовалась и в других видах магии, в частности, охотничьей. Способность растения охотиться на насекомых закономерным образом придала ей в глазах людей способность помочь в охоте и на другую добычу. Так, в рукописном травнике последней четверти XVII в. описывается растение *росеница*: «Есть трава, растет по мхам ниска, подле землю розвалилась, что на маленькой репке, нетинка на ту стать, листки в копейку, мало больше, сверху мохнаты, всегда она мокра, словет росеница»; ее рекомендовалось использовать для помощи в охоте на зайцев и в рыбной ловле: «Та трава добра, хто в лес ходит по за[и]ци. И к рыбной ловле тою травой курить нити, всякую снасть» (ГИМ. Барс. 2219, л. 6 об.; цит. по: Ипполитова 2014: 65; *росеница*). Росянку советовали применять в охоте на птиц: «Кто хочет птицу ловить, носи при себе, много уловишь птиц всяких» (Самолечение 1884: 415; *Царския Очи*); «В ловлении птиц и зверей счастье будет» (Действующий травник... 1998: 428; *царевы очи*). Можно предположить, что способность магически одолевать врагов приписывалась росянке вследствие развития той же логики: «На суд итти на которое дело, возми с

---

⁸ Отметим, что при фитониме *любимая трава* (также без геогр.) Н. И. Анненков (1878: 129) ссылается на П. Палласа, но не уточняет, на какой именно из трех его трудов, использованных как источники к «Ботаническому словарю». В более раннем издании словаря в статье о растении *Drosera rotundifolia* L. содержится фитоним *любимая трава* с географической пометой «Астрах.» и отсылкой к труду «Voyages dans les gouvernemens meridionaux...», однако на указанной странице работы П. С. Палласа под названием *любимая трава* упоминается другое растение – ежовник обыкновенный *Panicum c rus galli* (Pallas 1805: 255).

собою – от всякаго человека честен будешь и победиши враги кривым судом; *очи царевы*» (РНБ. Q.VI.18, л. 35, № 48; цит. по: Ипполитова 2014: 65). Однако рекомендации по использованию этого растения в более общих целях сложно объяснить чем-то, кроме универсализации, характерной для традиционной культуры: «И та трава добра держати в доме и к животу, а к тому велми ползует. <...> В путь возми, то добро будет везде. В пир итти, то от всех честен будешь. <...> А которому на коне ездить, держи при себе» (РНБ. Q.VI.18, л. 35, № 48; цит. по: Ипполитова 2014: 65); «Въ пути съ нею добро идти или въ пирь, честень будешь. Конскому сидѣльцу держать при себѣ и у того человекѣ не будетъ никакая болѣзнь» (Самолечение... 1884: 415).

Семантику добывания, приумножения можно усмотреть и в следующем примере использования росянки под именем *царевы очи* (Твер.): «Употребляется для обкуривания пчел для возбуждения их к поноске» (Картотека СРНГ).

Еще один вид магии, в которой использовалась росянка – молочная. Через освященные веночки из этой травы хозяйки «процеживают молоко, чтобы уберечь его от чар» (бел.) (Fedegowski 1: 440). Эти действия сложно истолковать без уже обсуждавшейся связи росянки с росой (и через внешний вид, и через названия), которая включает относящиеся к росянке фитонимы в обширную область общеславянских представлений о росе. Росе приписывались «продуцирующие, апотропеические и лечебные» свойства, ею умывались или обтирались, катались по ней. При этом роса могла служить оберегом как в силу большого числа капелек, так и благодаря своему свойству исчезать под действием солнечного тепла: «Встает красное солнышко, как снимает ту росу мертвенную, так же и ты снимай с раба Божьего Петра все внутренние переломы, щипоту, лому из костей, из жилья» (рус.); «Солнце всиявше, исьше роса. Тако да изьсхнет нежит от раба Божия во имя отца и сина и стога духа» (болг.); «Да србнем уроци, како сунце росицу од зелену травицу» (србх.) [Прогоним уроки, как солнце росицу с зеленой травки]. Здесь следует сказать, что сближение понятий «роса» и «молоко» характерно для всех славян, а отнимание росы символически приравнивалось к отбиранию урожая и молока (Виноградова, Толстая 2009: 470–474). На Украине *божьей росой* называли молоко и масло: «за божую росу не брать грошей», «приспоряй, Господи, божу росу, щоб коровки доились» (ПВСП 1: 667). Польские чародейки собирали росу,

обмывали ею вымя своей коровы и тем самым «отбирали» молоко у чужих коров (SSSL I (3): 53)⁹.

Юрьевская роса считалась «лучшим лекарством» не только от болезней, но и от сглаза (напомним об употреблении растения *очи царские* «от сглазу»). Роса широко использовалась в любовной магии; выражение *умываться росой* (Арх.) «служит эвфемизмом для *futuere*», а *забирание росы* означает насыл импотенции/бесплодия (Виноградова, Толстая 2009: 473). В западном Полесье росянкой кормили корову, чтобы она не осталась яловой (Michajlow 1993: 102). В польском обрядовом фольклоре роса выступает как символ мужского семени¹⁰, обычно в образе росы, которая падает на деревья, имеющие женскую символику (SSSL I (3): 54–55) (ср. приворотные функции росянки выше).

Возвращаясь к вопросу об использовании росянки в народной медицине, приведем сначала цитату из труда М. Д. Торэн о народной медицине: «Следует отметить, что крестьяне сделали удивительно тонкие наблюдения. Возьмем, например, росянку. Это растение замечательно тем, что оно является насекомоядным. На его листочках имеются железистые волоски, которые выделяют клейкую жидкость. Когда на лист попадает насекомое, оно прилипает к нему; волоски прикасаются к насекомому и выделяется жидкость, в который и растворяется данное насекомое. А потому росянке стали также приписывать сверхъестественное свойство. Считали, что, подобно тому, как она уничтожает насекомых, она может уничтожить и болезни» (Торэн 1996: 229). Нам это рассуждение кажется чрезмерно общим, а именно не учитывающим зависимости между отдельными признаками и свойствами росянки и теми группами заболеваний, для лечения которых ее применяли.

Анализируя области применения росянки в народной медицине, можно отметить, что многие из них совпадают опять же с функциями росы. Так, в западном Полесье «каплями росы»¹¹,

---

⁹ Такая связь существует не только у славян: так, по немецкому поверью, обильная роса «предвещает хороший год на масло»; ведьмы кладут ее в кадки, чтобы коровы давали жирное молоко (ПВСП 1: 667).

¹⁰ О продуцирующей семантике росы как метафоры мужской силы см. (Voedeker 1984: 10–30).

¹¹ К сожалению, автор не поясняет, имеется ли в виду настоящая роса или клейкая жидкость, выделяемая железками растения.

собранными с растения на рассвете, промывали глаза в надежде на избавление от болезни и улучшение зрения» (Michajłow 1993: 102); в болгарской народной медицине спиртовая настойка росянки употреблялась от болезни глаз (Ахтаров 1939: 157; Георгиев 1983: 362); об употреблении росянки внутрь при болезни глаз пишет и Н. И. Анненков (1878: 129). В травнике о траве *царскія очи* говорится: «Вельми добра, у кого очи болят: парь ею» (Самолечение... 1884: 415). Роса, в свою очередь, считалась «особенно целительной при лечении глазных и кожных болезней» (Виноградова, Толстая 2009: 473). На Украине собирали юрьевскую росу до восхода солнца: больные промывали ею глаза, девушки умывались, чтобы быть красивыми, старики мочили голову, чтобы не болела; ивановской росой, отжатой с разостланных накануне рушников, лечили глаза переселенцы из Витебской губернии в Сибири; словенские девушки на Троицу умывались росой, «чтобы быть красивыми, не иметь на лице веснушек и прыщей, чтобы хорошо росли волосы, чтобы не болели глаза и т. п.» (Виноградова, Толстая 2009: 472–473). Обмывание глаз росой для лечения болезней зрения, в частности, куриной слепоты, использовалось и в польской народной медицине, так как считалось, что роса «открывает глаза»; росой, собранной с росянки, лечили боль в глазах. Роса также считалась лекарством от гнойников, нарывов, лишаев, кожных сыпей, бородавок, мозолей (SSSL I (3): 52–53)¹².

Как видим, после исцеления болезней глаз, вторая важная область применения росы – кожные заболевания или нежелательная пигментация. Что касается росянки, жидкость из ее железок «употреблялась снаружи для истребления бородавок» (Анненков 1878: 129). Растение целиком, истолченное в кашу, употреблялось от мозолей и бородавок (болг.) (Ахтаров 1939: 157; Георгиев 1983: 362). Представляется, что такими свойствами росянка стала наделяться по аналогии с прозрачной росой, служившей эталоном чистоты. Остальные найденные нами контексты применения росянки единичны: в Пермской губ. «лечились ею, если отнимались руки и ноги и терялась память» (Крылов 1876: 86); в Западном Полесье использовали «при укушении змеи» (Michajłow 1993: 102).

---

¹² В народной медицине Германии и Бельгии росянка использовалась для заживления ран, от болезней глаз, как средство при тяжелых родах и зубной боли, а также в качестве амулета (Dieck 1985: 35–36).

Итак, проанализированные лингвистические и этнографические данные свидетельствуют о самостоятельном возникновении названий росянки у славян, за исключением составных фитонимов типа *солнечная роса*. При этом ведущая роль как в номинации, так и в использовании растения принадлежит его внешним признакам: блестящим капелькам на листьях, общей форме, типу питания. При этом некоторые фитонимы, как и особенности использования растения, затруднительно объяснить на материале одной этнической традиции – они требуют привлечения материала всех славянских традиций.

Литература

- Ажэшка 2000 – Ажэшка Э. Людзі і кветкі над Нёманам // Ажэшка Э. Выбраныя творы. Аповесці, апавяданні, нарысы / Уклад., прадм. і камент. В. Гапавай. Мінск, 2000. С. 457–503.
- Анненков 1858 – Анненков Н. И. Простонародные названия русских растений. М., 1858.
- Анненков 1878 – Анненков Н. И. Ботанический словарь или собрание названий как русских, так и многих иностранных растений на языках латинском, русском, немецком, французском и других, употребляемых различными племенами, обитающими в России. Изд. 2-е. М., 1878.
- Ахтаров 1939 – Ахтаров Б. Материал за български ботаничен речник. Събрани от Б. Давидов и А. Явашев. Допълнени и редактирани от Б. Ахтаров. София, 1939.
- БЕР – Български етимологичен речник. Т. 1–. София, 1971–.
- Бурнашев 1843–1844 – Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. В 2-х ч. СПб., 1843–1844.
- Валягина-Малютина 1996 – Валягина-Малютина Е. Т. Лекарственные растения. СПб., 1996.
- Виноградова, Толстая 2009 – Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Роса // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 4. М., 2009. С. 470–474.
- Георгиев 1983 – Георгиев М. Българска народна медицина. София, 1983.
- ГИМ. Барс. 2219 – Сборник-лечебник посл. четв. XVII в. 54 л. 8°. Государственный Исторический музей (Москва)
- ГИМ. Шук. 293 – Сборник-лечебник перв. пол. XVII в. I+121 л. 8°. Государственный Исторический музей (Москва)
- Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. М., 1989–1991.
- Двигубский 1826 – Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических. 1826. № 3.
- Действующий травник из Южной Сибири (Подготовка текста, предисловие, словник В. А. Липинской и Г. А. Леонтьевой //

- Традиционный опыт природопользования в России. М.: «Наука», 1998. С. 414–479.
- ЕСБМ – Етымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–. Мінск, 1978–.
- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови. Т. 1–. Київ, 1982–.
- Ипполитова 2008 – Ипполитова А. Б. Русские рукописные травники XVII–XVIII вв.: Исследование фольклора и этноботаники. М., 2008.
- Ипполитова 2014 – Ипполитова А. Б. Росянка *Drosera* в русских рукописных травниках XVII – нач. XX вв. // Славянская диалектная лексикография. СПб.: «Нестор-История», 2014. С. 65.
- Кобів 2004 – Кобів Ю. Словник українських наукових і народних назв судинних рослин. Київ: Наукова думка, 2004.
- Колосова 2009 – Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М., 2009.
- Крылов 1876 – Крылов П. О народных лекарственных растениях, употребляемых в Пермской губернии. Казань: Тип. Импер. Ун-та, 1876. (Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском Университете. Т. 5. Вып. 2.).
- Миртов 1929 – Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929.
- Номикосов 1882 – Н[омикосов С.]. Список растений, употребляемых в народной медицине, которым народ приписывает сверхъестественные свойства // Донские областные ведомости. Новочеркасск. 1882. Часть неофиц. № 25–29.
- Номикосов 1884 – Номикосов С. Список растений, употребляемых в народной медицине, которым народ приписывает сверхъестественные свойства // Номикосов С. Статистическое описание области войска Донского. Новочеркасск, 1884. С. 171–174.
- ПВСП – Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 тт. М., 1994. (Репринт издания 1865–1869 г.)
- РНБ. Q.VI.18 – Сборник-лечебник втор. пол. XVIII в. 39 л. 4°. Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
- РС 2001 – Растінны свет: Тэматычны слоўнік. Мінск, 2001.
- Самолечение... 1884 – Самолечение простого народа по травникам // Олонецкие губернские ведомости. 1884. № 40. С. 385–386; № 41. С. 395–396; № 42. С. 405–406; № 43. С. 414–415; № 44. С. 423–424; № 45. С. 430–431; № 46. С. 441–442.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов (Вып. 1–42); С. А. Мызников (Вып. 43–). М.; Л., 1965–.
- Симоновић 1959 – Симоновић Д. Ботанички речник. Имена биљака са именима на руском, енглеском, немачком и француском језику. Српска академија наука. Посебна издања. Књ. СССXVIII. Институт за српскохрватски језик. Књ. 3. Београд, 1959.
- Торэн 1996 – Торэн М. Д. Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996.
- Шовљански 2010 – Шовљански Р. Речник заштите биља и животног средине српско-русино-латинско-енглески / Шовљански Р. Словник заштите рошљиног и животног стредку сербско-руско-латинско-англијски. Нови Сад, 2010.

- Bezljaj – Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. V 5 knj. Ljubljana, 1977–2007.
- Boedeker 1984 – Boedeker D. Descent from Heaven. Images of Dew in Greek Poetry and religion. Chico (California), 1984. (= American Classical Studies 13).
- Budziszewska 1990 – Budziszewska W. Zielnik litewski M. Federowskiego a jego „Lud białoruski” // *Slavia Orientalis*. 1990. XXXIX. Nr 3–4. S. 273–278.
- Buffa 1972 – Buffa F. Vznik a vývin slovenskej botanickej nomenklatury. K histórii slovenského odborného slovníka. Bratislava, 1972.
- Choliolčev 1990 – Choliolčev Ch. Onomasiologische und derivative Struktur der bulgarischen Phytonyme (Beitrag zur bulgarischen volkstümlichen Phytonymie). Wien, 1990. (= *Miscellanea Bulgarica* 8).
- Dieck 1985 – Dieck A. Sonnentau (Drosera, Herba Rosellae) als Volksheilmittel in Europa // *Ethnobotanik – Ethnobotany: Beiträge und Nachrichten zur 5. Internationalen Fachkonferenz Ethnomedizin in Freiburg*, 30.11.–3.12.1980. Hrsg. von E. Schröder. Braunschweig; Wiesbaden, 1985. S. 35–36.
- F.VI.16 – Травник начала XIX вв. 34 л. 2°. Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
- Federowski 1897 (1) – Federowski M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1891. T. 1. Kraków, 1897.
- Hadač 1958 – Hadač E. Lidové názvy vyšších rostlin plzeňského okresu // *Sborník Vyšší Pedagogické školy v Plzni*. 1958. I. S. 37–70.
- Hadač, Hadačová, Spal 1964 – Hadač E., Hadačová A., Spal J. Jména rostlin na Chodsku // *Sborník Pedagogického institutu v Plzni. Jazyk a literatura V*. Praha, 1964. S. 5–60.
- Havlová 2005 – Havlová E. *Rosa* v českých názvech rostlin // *Slavia*. 2005. Ročník 74. Sešit 2–3. S. 293–297.
- Karlin 1964 – Karlin M. Slovenska imena naših zdravilnih rastlin. Ljubljana: Farmaceutsko društvo Slovenije, 1964.
- Krausch – Krausch H.-D. Wörterbuch der niedersorbischen Pflanzennamen. Bd. 1. A-L. Bd. 2. M-Z. (Sorbische Institute, Bautzen, Deutschland).
- Lajnert 1954 – Lajnert J. Rostlinske mjena. Serbske. Nemske. Łaćanske. Berlin, 1954.
- Machek 1954 – Machek V. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954.
- Makowiecki 1936 – Makowiecki S. Słownik botaniczny łacińsko-małopolski, zebrał i ułożył w latach 1877–1932 Stefan Makowiecki. Kraków, 1936. (Polska Akad. Umiejętności. Prace komisji językowej. № 24).
- Marzell H. Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen. Bd. 2. Leipzig, 1951.
- Michajłow 1993 – Michajłow P. Ludowe nazwy roślin i ich lecznicze zastosowanie u Poleszuków zachodnich // *Historia leków naturalnych IV. Z historii i etymologii polskich nazw roślin leczniczych*. Warszawa, 1993. S. 99–119.
- Militzer, Schütze 1952 – Militzer M., Schütze T. Die Farn- und Blütenpflanzen im Kreise Bautzen // *Lětopis Instituta za serbski ludospyt*. 1952. Č. 1. I. džělba. 1953. Č. 1. II. džělba. Nimorjadny zešiwk.

- Orzeszkowa 1888–1891 – Orzeszkowa E. Ludzie i kwiaty nad Niemnem // Wisła. 1888. T. II, z. 1. S. 1–15; 1888. T. II, z. 4. S. 675–703; 1890. T. IV, z. 1. S. 1–31; 1891. T. V, z. 2. S. 235–247.
- Pallas 1805 – Pallas P. S. Voyages entrepris dans les gouvernements méridionaux de l'Empire de Russie. T. I. Paris, 1805.
- Pastusiak 2007 – Pastusiak K. Pogranicze polsko-białorusko-ukraińskie w świetle danych językowych i etnograficznych na podstawie nazw roślin. Warszawa, 2007.
- Pietkiewicz 1938 – Pietkiewicz C. Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego. Materiały etnograficzne. Warszawa, 1938.
- Radyserb-Wjela 1909 – Radyserb-Wjela J. Serbske rostlinske mjena w dvěmaj džělomaj a sedmjoch stawach po abejcejskim rjedže. Čestny pomnik za serbskeho přirodospytnika njeboh Michała Rostoka, zestajał njeboh Jan Radyserb-Wjela, zrzadował a za čišć přihotował Matej Urban. Budyšin, 1909.
- SSSL – Słownik stereotypów i symboli ludowych. T. I. Kosmos. Cz. 3. Meteorologia. Lublin, 2012.
- Šulek 1879 – Šulek B. Jugoslavenski imenik bilja. Zagreb, 1879.

V. B. Kolosova. Ethnobotanic studies. IX. Sundew

The article concerns Slavonic dialectal names of sundew – a herbal insectivorous perennial plant of Droseraceae family, dwelling on boggy soils. A special attention is paid to the plant's features influencing its names in various parts of Slavonic-speaking territory, beliefs about the plant (reflected in folklore), as well as the use of sundew in ethnomedicine and folk magic.

Most Slavonic names of the plant – as, for example, Russian *росяница*, Bulgarian *росица*, Serbo-Croatian *росика*, Czech *rosa*, Polish *rosiczka* – ascends to the root *ros-* 'dew'. These phytonyms reflect the special feature of the plant, that is drops of the liquid, intended for digesting insects, on the upper surface of the leaves. These drops in folk ideas are likened to dew. Such association includes the afore-named phytonyms into the vast area of general Slavonic ideas about dew. The dew was supposed to be especially useful in treatment of eye and skin diseases, which explains the use of sundew for diseases of eyes (and against the 'evil eye'), and probably appearing of such phytonyms as Russian *царские очи* and *царевы очи* (lit. "king's eyes").

On the one hand, such similarity in phytonyms suggests pre-Slavonic origin of the names for sundew. On the other hand, there exists not only a number of Slavonic, but also German, French, English, and medieval Latin names with the inner form "sunny dew". They suggest a later borrowing of this composite phytonym from western manuscript tradition.

The insectivorous type of the plant's feeding influenced its use as a love-potion.

Keywords: ethnobotany, ethnolinguistics, sundew, phytonym, dialectology, Slavonic languages, Slavonic studies, folklore, ethnography, ethnology, folk medicine, folk magic.

К ВОПРОСУ О МЕТРИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ «ПЕСНИ ОБ УЛЛИКУММИ»

В работе рассматривается метрическая структура хеттской «Песни об Улликумми», которая традиционно считается тонической и содержащей четыре полноударных слова в строке. Однако такой вывод представляется автору не вполне оправданным, поскольку как показывает анализ, рассмотренные в настоящей работе строки песни сильно различаются по длине, и ни одна из длин строк не является преобладающей. Так, в первой песне потенциально четырехударные строки составляют только 32%, а в третьей песне четырехударные строки появляются только в 12% случаев, а 30% строк, скорее всего, содержат пять слов с ударением. Таким образом, средняя длина строки в третьей части «Песни об Улликумми» на одно слово больше, чем в первой и второй песнях.

Ключевые слова: хеттский язык, метрическая структура, неклассический стих

В своей публикации текста «Песни об Улликумми» Г. Гютербок заметил, что большинство строк этого текста содержат 4 ударных слова и имеют длину около 12–17 слогов (Güterbock 1951: 142). В этой же работе он замечает, что кроме того в тексте имеются как более короткие, так и более длинные строки. Позднее в работах (McNeill 1963), (Durnfold 1971), (Melchert 1998, 2007), (Kloekhorst 2011; 2014) это описание получило развитие. Так, С. Дурнфолд в своей работе приводит список слов, которые согласно его анализу являются ударными и безударными (Durnfold 1971: 74). Он отмечает, что частица *ni*, а также прилагательные и постпозитивные наречия обычно не несут на себе ударения. В дальнейшем К. Мелчерт и А. Клухорст в основном соглашались с его выводами. Однако, например, если С. Дурнфолд пишет, что все глагольные формы являются ударными, то в работах К. Мелчерта (Melchert 1998: 487) и А. Клухорста (Kloekhorst 2014: 633) отмечается, что супины не всегда являются ударными. В результате такого анализа исследователям удается показать, что большинство строк «Песни об Улликумми» содержат 4 ударных слова, а следовательно, данный текст является образцом тонического стихосложения. Однако

нужно заметить, что ни в одной из описываемых работ не приводится никаких статистических данных о том, сколько строк того или иного размера присутствует в их материале, — этап, который обычно предшествует собственно стиховедческой работе (Скулачева 2012: 45). Этот пробел призвана заполнить настоящая статья.

Материалом для анализа в работе является стяннутая запись текста «Песни об Улликумми» из работы Г. Гютербока (Güterbock 1951). Следует отметить, что сам текст очень сильно разрушен. Об этом говорит тот факт, что в тексте первой части «Песни об Улликумми», от которой до нас дошло 196 строк, целыми, то есть не реконструированными и не собранными из ряда источников, являются только три строки, при этом о 31 строке текста известно лишь то, что они были записаны на табличке. Плохая сохранность текста сильно затрудняет проведение стиховедческого анализа.

Общий объем текста в сохранившейся части составляет около 470 строк, то есть строк, о которых известно что-то, кроме самого факта их существования. Здесь для целей подсчетов будут использоваться только те строки, которые или являются полными, или были полностью восстановлены, а для целей подсчета числа слогов — только те строки, в которых нет идеограмм. Общее количество полных или полностью восстановленных строк во всех трех частях песни составляет 337: в первой песни полных 165 строк, во второй 71, а в третьей 101 строка. Общее количество строк, пригодных для подсчета слогов 201: в первой таких строк 90, во второй — 46, а в третьей — 66 строк.

Результаты подсчета возможно полноударных слов, то есть всех слов за исключением безударной клитики *ni* и ее производных, приведены в таблице 1:

Кол-во слов	Всего		1 песнь		2 песнь		3 песнь	
1	6	2%	4	2%	2	3%	0	0%
2	9	3%	8	5%	0	0%	1	1%
3	44	13%	24	15%	18	25%	2	2%
4	87	26%	53	32%	22	31%	12	12%
5	84	25%	40	24%	14	20%	30	30%
6	67	20%	24	15%	15	21%	28	28%
7	23	7%	8	5%	0	0%	15	15%
8	13	4%	2	1%	0	0%	11	11%
9	3	1%	1	1%	0	0%	2	2%
10	1	0%	1	1%	0	0%	0	0%

	Всего	1 песнь	2 песнь	3 песнь
Кол-во строк	337	165	71	101
Средняя длина	4,83	4,48	4,28	5,79
Отклонение	1,52	1,46	1,21	1,35

Таблица 1.

Как видно из таблицы, ни одна из длин строк ни в одной из частей «Песни об Улликумми» не является преобладающей. Даже в первой песне число четырехсловных строк достигает всего 32%, а в третьей песне такие строки составляют всего 12% всех строк, при этом там 30% пятисловных строк. Если предположить, что в хеттском языке частица *ni* (в том числе в составе первого фонетического слова клаузы, то есть *ni* с присоединенными клитиками) все-таки имела отдельное ударение, ни один из размеров строк все так же не будет преобладающим: в первой песне по-прежнему будет 29% строк из 5 слов, во второй 30% строк, состоящих из 4 слов, а в третьей по 25% строк из 6–7 слов.

Таким образом, не представляется возможным говорить о какой-либо устойчивой тонической системе в этом тексте. Можно только отметить, что строка в тексте третьей песни имеет длину 4–7 слов, что в среднем на одно слово длиннее, чем строка в первой и второй песнях, которая обычно состоит из 3–6 слов.

Эта длина строки имеет отклонения в обе стороны: так, существуют строки, состоящие из 8–10 слов, которые могут быть ударными, а также строки, состоящие из 1–2 ударных слов. Например, AIV-35 состоит из 9 слов, которые могут нести ударение: *istanzani-si piran memiskiwan dais kwis-wa-kan siunis nutarriyas aruni anda*. Это может быть интерпретировано, как объединение двух поэтических строк в одну клинописную. А строки CIII-18-19 имеют по два ударных слова: *ni Kumarbis Irsirras // memiskiwan dais*, – что может быть интерпретировано как запись одной стихотворной строки в две клинописные.

Следует отметить, что, если строки длиной более четырех слов в большинстве случаев возможно привести к четырехударному виду (по правилам, предложенным Мелчертом, Клухорстом, или близким к ним), то строки, которые содержат менее четырех ударных слов и которых, как показывает анализ,

в тексте имеется 18%, не могут быть интерпретированы при помощи предлагаемых правил.

Кроме того, в тексте «Песни об Улликумми» есть относительно протяженные фрагменты, где длина строки фиксирована: имеются фрагменты, где все строки имеют только длину 3, 4, 5 или 6 ударных слов. Например, фрагмент из первой части песни (Солл С 22–26), где каждая строка вероятно имела 3 ударных слова:

nu arunas memiskizzi Kumarbiya-wa
hassalli asanna tiyandu
X-un-ma(-wa)-si piran tiyandu
adanna-wa-si akuwanna udandu
sessar-ma(-wa)-si akuwanna udandu

Наличие подобных упорядоченных фрагментов может говорить о том, что, несмотря на то что у «Песни об Улликумми» отсутствует четко выраженная тоническая структура, она могла быть свойственна ее отдельным фрагментам. Однако поскольку такие фрагменты имели разную длину строк в словах, то говорить о наличии единого тонического размера также не приходится.

Также можно показать, что текст «Песни об Улликумми» не является текстом, написанным силлабической системой стихосложения. Результаты подсчетов представлены в таблице 2.

Кол-во слогов	Всего		1 песнь		2 песнь		3 песнь	
< 5	2	1%	0	0%	1	2%	1	2%
5–6	6	3%	5	6%	1	2%	0	0%
7–8	10	5%	8	9%	1	2%	1	2%
9–10	16	8%	11	12%	4	9%	1	2%
11–12	32	16%	21	24%	8	17%	3	5%
13–14	29	14%	15	17%	8	17%	6	9%
15–16	36	18%	13	15%	9	20%	11	17%
17–18	34	17%	10	11%	8	17%	15	23%
19–20	22	11%	3	3%	3	7%	16	24%
20 >	18	9%	3	3%	3	7%	12	18%
Кол-во строк	205		89		46		66	
Средняя длина	14,71		12,76		14,44		17,47	
Отклонение	4,47		4,13		4,30		3,93	

Таблица 2.

Как можно видеть, если рассчитать длины строки в слогах, строки третьей песни более длинные по сравнению со строками первой и второй песен. Еще больший разброс потенциальных длин строки в слогах исключает гипотезу о силлабическом типе стихосложения.

Таким образом, результаты подсчетов показывают отсутствие в «Песни об Улликумми» строгой силлабической или тонической тенденции. Соответственно, представляется не вполне верным традиционное представление о том, что в строке песни обязательно присутствуют 4 ударных слова. Как видно из анализа, около 18% строк содержат меньше, чем 4 ударных слова, и только 26% строк содержат в себя ровно 4 ударных слова. Кроме того, интересным является тот факт, что строка в третьей части «Песни об Улликумми» в среднем на одно слово длиннее, чем в строках первой и второй песни.

Литература

- Скулачева 2012 – Скулачева Т. В. Методы определения метра в неклассическом стихе // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 71, № 2. С. 45–54.
- Durnford 1971 – Durnford S. Some Evidence for Syntactic Stress in Hittite // *Anatolian Studies*. Vol. 21. P. 69–75.
- Güterbock 1951 – Güterbock H. G. The Song of Ullikummi. Revised Text of the Hittite Version of a Hurrian Myth // *Journal of Cuneiform Studies*. Vol. 5. P. 135–161.
- Kloekhorst 2011 – Kloekhorst A. Accentuation and Poetic Meter in Hittite // *Hethitische Literatur Überlieferungsprozesse, Textstrukturen, Ausdrucksformen und Nachwirken*. Münster, 2011. S. 157–176.
- Kloekhorst 2014 – Kloekhorst, A. *Accent in Hittite: A Study in Plene Spelling, Consonant Gradation, Clitics, and Metrics*, Wiesbaden: Harrasowitz, 2014 (= StBoT 56).
- McNeill 1963 – McNeill I. The Metre of the Hittite Epic // *Anatolian Studies*. Vol. 13. P. 237–242.
- Melchert 1998 – Melchert H. C. Poetic Meter and Phrasal Stress in Hittite // in *Mír Curad. Studies in Honor of Calvert Watkins*. Innsbruck, 1998. P. 483–495.
- Melchert 2007 – Melchert H. C. New Light on Hittite Verse and Meter? // *Proceedings of the Eighteenth Annual UCLA Indo-European Conference*. November 3–4, 2006. Washington, 2007. P. 117–128.

E. V. Korovina. On the metric structure of *Song of Ullikummi*

The text of *Song of Ullikummi* is traditionally analyzed as poetic, accentual verse, with four stressed words in a line. This analysis is based on the assumption that every line contains three types of words: always accented, always unaccented (clitics) and ambivalent words that might be both, see Melchert 1998, 2007; Kloekhorst 2011, 2014. But if one looks closely into the works on Hittite poetic meter, one can see that none of them are based on a thorough count. This work's purpose is to fill the gap. The text contains 470 lines; but only completely preserved ones have been taken into consideration, 337 lines all in all. The number of words and syllables has been determined for each line, proclitic *nu* excluded (including occurrences with Wackernagel clitics). As has been shown, none of the attested lengths of lines significantly prevails on others. In Song 1 the proportion of four word lines is only 32%, and in the Song 3 it gets only 12% of all lines, and 30% are five word lines. The majority of the lines in the first and second tablets consists of 3 to 6 words, in the third tablet – 4 to 7 words. Thus, this research demonstrates that this poetic system cannot be treated as accentual one with four accents per line. Hittite verse in *Song of Ullikummi* cannot also be a syllabic verse. The most interesting conclusion is that “metric structure” of Song 3 is different from “metric structure” of Song 1 and Song 2.

Keywords: Hittite, metric structure, *Song of Ullikummi*.

ЦЕПЬ СРАВНЕНИЙ В 12-Й КНИГЕ «ЭНЕИДЫ»

В статье рассматривается цепь сравнений как художественный прием на примере 12-й книги «Энеиды» Вергилия. Анализируются четыре сравнения, составляющие цепь: *Турн – камень* (ст. 684–692); *Эней – Афон, Эрик, Апеннин* (ст. 697–703); *Эней и Турн – быки* (ст. 715–724); *Эней, преследующий Турна, – пес, преследующий оленя* (ст. 746–755). Автор приходит к следующим выводам: во-первых, данная цепь сравнений симметрична; во-вторых, первые два сравнения проецируются на последнее.

Ключевые слова: Вергилий, «Энеида», 12-я книга, сравнения, статичность, динамичность, симметрия

Цепью сравнений в этой работе будут называться несколько последовательно расположенных сравнений, которые связаны между собой.

О подобном явлении писал еще И. Гобза (Гобза 1912: 37–42): «Поэты обыкновенно избегают скопления сравнений, но при описании величественных зрелищ, сцен или явлений, производящих сильное впечатление своей картинностью, изображают эти сцены или явления посредством двух или нескольких сравнений, следующих одно за другим». К таковым он причисляет четыре пассажа из 10-й книги, где описывается бой Энея и его дружины с Мезенцием: ст. 693–696; 707–718; 723–729; 763–768; шесть сравнений, включенных в рассказ о борьбе двух братьев, троянцев Бития и Пандара, с Турном и о их геройской смерти: ст. 674; 677; 679–682; 706; 708–716; 730; три сравнения, имеющие целью наглядно изобразить борцов Дарета и Энтелла: V, 439–442; 446–449; 456–460.

К этому списку считаю необходимым добавить четыре сопоставления из 12-й книги, относящиеся к Энею и Турну, которые образуют цепь: ст. 684–692, 697–703, 715–724, 746–755.

Первое сравнение касается Турна: оно введено в описание героя, несущегося к стенам города (ст. 684–692):

Ac veluti montis saxum de vertice praecipit
cum ruit avulsum vento, seu turbidus imber
proluit aut annis solvit sublapsa vetustas;

fertur in abruptum magno mons improbus actu
 exultatque solo, silvas armenta virosque
 involvens secum: disiecta per agmina Turnus
 sic urbis ruit ad muros, ubi plurima fuso
 sanguine terra madet striduntque hastilibus aerae,
 significatque manu et magno simul incipit ore...

‘Так тяжелый утес, оторвавшись от горной вершины, / Рушится с круч, иль подмытый дождем, или сваленный ветром, / Или древностью лет неприметно подточенный снизу; / Прыгая, катится он по кремнистым стремнинам в долину, / Злобною силой гоним, и в пути за собой увлекает / Скот, и леса, и людей, – и так же, ряды разметая, / Рутул несется к стенам, туда где от пролитой крови / Влажной стала земля, где свищут в воздухе копья. / Знаки рукой подает он друзьям и громко зовет»¹.

Здесь Турн в своей разрушительной стремительности сравнивается с камнем, который, падая с вершины, сметает все на своем пути.

Многие исследователи (Page 1964: 457; Williams 2004: 484; Schell 2009: 224; Tarrant 2012: 265; и др.) отмечали, что это сравнение основано на пассаже из 13-й песни «Илиады» (ст. 136–146):

Τρωες δὲ προὔτυψαν ἀολλέες, ἦρχε δ' ἄρ' Ἑκτωρ
 ἀντικρὺ μεμαώς, ὀλοοίτροχος ὡς ἀπὸ πέτρης,
 ὃν τε κατὰ στεφάνης ποταμὸς χειμάρροος ὥσῃ
 ῥήξας ἀσπέτῳ ὄμβρῳ ἀναιδέος ἔχματα πέτρης:
 ὕψι δ' ἀναθρώσκων πέτεται, κτυπέει δέ θ' ὑπ' αὐτοῦ
 ὕλη: ὃ δ' ἀσφαλέως θέει ἔμπεδον, εἶος ἵκηται
 ἰσόπεδον, τότε δ' οὐ τι κυλίνδεται ἐσσύμενός περ:
 ὡς Ἑκτωρ εἶος μὲν ἀπείλει μέχρι θαλάσσης
 ῥέα διελεύσεσθαι κλισίας καὶ νῆας Ἀχαιῶν
 κτείνων: ἀλλ' ὅτε δὴ πυκινῆς ἐνέκυρσε φάλαγξι
 στῆ ῥα μάλ' ἐγχιμφθεῖς: <...>

‘Но, упредив их, трояне ударили; Гектор пред ними / Бурный летел, как в полете крушительный камень с утеса, / Если с вершины громаду осенние воды обрушат, / Ливнем-дождем разорвавши утеса

¹ Здесь и далее «Энеида» представлена в переводе С. Ошерова под редакцией Ф. Петровского, «Георгики» – в переводе С. Шервинского, «Илиада» – в переводе Н. Гнедича, «Аргонавтика» Аполлония Родосского – в переводе Г. Церетели.

жестокого связи: / Прядая кверху, летит он; трещит на лету им крушимый / Лес; беспрепно и прямо летит он, пока на долину / Рухнет, и больше не катится, сколь ни стремительный прежде, – / Гектор таков! при начале грозился до самого моря / Быстро пройти, меж судов и меж кущей, по трупам данаев; / Но едва набежал на сомкнувшиеся крепко фаланги / Стал, как ни близко нагрывший <...>’.

В обеих поэмах устремившийся на врага герой сравнивается с камнем, падающим с горы. Кроме того, между этими двумя пассажами множество лексических параллелей: *montis de vertice* – ἀπὸ πέτρης, κατὰ στεφάνης; *saxum* – ὄλοοίτροχος; *turbidus imber* – ποταμὸς χειμάρροος, ὄμβρος; *fertur* – πέτεται, θέει; *magno actu* – ἔμπεδον, ἐσσύμενος; *mons improbus* – ἀναϊδέος πέτρης; *exsultat* – ὕψι ἀναθρώσκων; *silvas* – ὕλη; *sic* – ὡς; *ruit* – ἦρχε μεμῶς.

Обращает внимание, что в обоих сопоставлениях использован прием метафоризации: в «Илиаде» камень «высоко подскакивая, летит» и «бежит»; в «Энеиде» камень «обрушивается», «несется», «ударяется (подпрыгивает)», «увлекает за собой» – все то же самое можно сказать и про Гектора, и про Турна (Janko 1992: 62; Williams 2004: 484–485). Кроме того, как и в «Илиаде», сравнение в «Энеиде» очень динамично, что важно для общей композиции цепи в 12-й книге.

Через несколько стихов Вергилий сообщает, что Турн несется к стенам города и просит рутулов и латинян не помогать ему – он будет сражаться с Энеем сам; те расступаются и освобождают пространство для битвы. Об Энее говорится следующее (второе сравнение; ст. 697–703):

*At pater Aeneas audito nomine Turni
deserit et muros et summas deserit arces
praecipitatque moras omnis, opera omnia rumpit
laetitia exsultans horrendumque intonat armis:
quantus Athos aut quantus Eryx aut ipse coruscis
cum fremit ilicibus quantus gaudetque nivali
vertice se attollens pater Appenninus ad auras.*

‘Сам родитель Эней, лишь услышал противника имя, / Стены покинул тотчас, городскую покинул твердыню; / Все, что могло задерживать, он спешит иль прервать, иль окончить, / Радости полный, встает, звеня доспехами грозно; / Словно Афон, огромен герой, словно Эрикс иль даже / Словно отец Апеннин, возносящий седую от снега / Голову в небо, где вихрь мохнатые падубы треплет’.

Многие ученые (Ladewig 1859: 240; Conington, Nettleship 1871: 445; Knauer 1964: 430; и др.) замечали, что источником для Вергилия послужило описание Гектора в «Илиаде» (XIII, 754–755):

ἦ ῥα καὶ ὠρμήθη ὄρεϊ νιφόντι ἐοικώς
κεκλήγων, διὰ δ' Τρώων πέτετ' ἠδ' ἐπικούρων.

‘Рек – и понесся великий, горе под снегами подобный; / С криком призывным толпы облетел он троян и союзных’².

Между сравнениями *Турн – камень* и *Эней – Афон, Эрик, Апеннин* наблюдается яркое противопоставление: Эней, который вот-вот победит царя рутулов, возьмет в жены Лавинию, станет родоначальником римского народа, сравнивается с *неподвижными* высокими горами, а Турн, который в шаге от гибели, – с камнем, который *обрушивается* со скалы. На контраст между этими сравнениями обращали внимание Д. И. Нагуевский (Нагуевский 1891: 503) и В. Пёшль (Pöschl 1964: 229–231). М. Путнам (Putnam 1966: 181) отметил лексические параллели между этими двумя пассажами: глагол *deserit* применен один раз к ситуации, когда Турн оставляет свою сестру (ст. 683), а в другой – когда Эней покидает стены и цитадель осажденного города (ст. 698); глагол *gumpit* поэт использует, когда Эней прекращает все дела (ст. 699), а перед этим, когда Турн, бросившись на врагов, разрывает их ряды (ст. 683).

В третьем сравнении цепи вступившие в битву Эней и Турн сопоставляются с быками (ст. 715–724):

ac velut ingenti Sila summove Taburno
cum duo conversis inimica in proelia tauri
frontibus incurrunt, pavidi cessere magistri³,
stat pecus omne metu mutum, mussantque⁴ iuvencae
quis nemori imperitet, quem tota armenta sequantur;
illi inter sese multa vi vulnera miscent
cornuaque obnixi infigunt et sanguine largo

² Вопрос о сравнении *Гектор – гора* как источнике для сравнения *Эней – Афон, Эрик, Апеннин* требует отдельного обсуждения и здесь затронут не будет.

³ С пастухами, видимо, сравниваются люди, наблюдающие битву Энея и Турна (Hornsby 1970: 132).

⁴ Про намеренную аллитерацию см.: Page 1964: 459; Williams 2004: 488; Tarrant 2012: 274.

colla armosque lavant, gemitu nemus omne remugit:
non aliter Tros Aeneas et Daunius heros
concurrunt clipeis, ingens fragor aethera complet.

‘Так иль на Силе крутой, иль на склонах высоких Табурна / Два свирепых быка начинают сраженье, с разбега / Лбом ударяясь о лоб; трепеща, пастухи отступают; / В страхе немом, не мыча, ожидают покорно коровы, / Кто стада поведет, кто станет рощи владыкой; / С силой оба врага рога друг в друга вонзают, / Кровь широкой струей заливает подгрудки и плечи, / Громким отзвуком рев отдается по рощам окрестным. / Так же медью щитов сшибались оба героя, / Давна сын и Эней, наполняя грохотом небо’.

По мнению многих исследователей (Williams 2004: 488; Schell 2009: 224; Tarrant 2012: 272; и др.), это сопоставление основано на кратком сравнении с быками сражающихся Амика и Полидевка из «Аргонавтики» Аполлония Родосского (II, 88–89):

ἄψ δ' αὐτίς συνόρουσαν ἐναντίοι, ἦύτε ταύρω
φορβάδος ἀμφὶ βοῶς κекότητε δηριάσθων.

‘Вновь затем поднялись друг на друга, быкам на подобье, / Что из-за телки, ярься, рядом с ними пасущейся, спорят’.

Это сравнение у Вергилия разрослось и превратилось в развернутое. При этом поэт использовал и другой материал – сцену боя быков, описанную им в «Георгиках» (III, 219–223), что отмечено в научной литературе (Page 1964: 459; Williams 2004: 488; Schell 2009: 224; Tarrant 2012: 272–273):

pascitur in magna Sila formosa iuvenca:
illi alternantes multa vi proelia miscent
vulneribus crebris; lavit ater corpora sanguis,
versaque in obnixos urgentur cornua vasto
cum gemitu; reboant silvaeque et longus Olympus.

‘В Сильском обширном лесу пасется красивая телка, / А в отдаленье меж тем с великой сражаются силой, / Ранят друг друга быки, обливаются черною кровью, / Рог вонзить норовят, бодают друг друга с протяжным / Ревом; гудят им в ответ леса на высоком Олимпе’.

Между этим сравнением и сравнением *Эней и Турн – быки* имеется ряд лексических параллелей: Sila – Sila; iuvencae – iuvenca; multa vi vulnera miscent – multa vi proelia miscent (vulneribus); obnixi – obnixos; sanguine – sanguis; lavant – lavit;

gemitu – cum gemitu; nemus – silvae; remugit – reboant; aethera – Olympus.

Как заметил Р. Тэррент (Tarrant 2012: 273), в сравнении из «Энеиды» изображена ситуация, когда быки сражаются на равных, – этим поддерживается идущее ранее повествование (ст. 707–714); однако предыдущие два сравнения дают Энею перед Турном решительное преимущество.

Благодаря обилию глаголов (в том числе глаголов движения: *incurrunt, cessere, miscent, infingunt, concurrunt*) сравнение *Эней и Турн – быки* исключительно динамично.

Четвертым сравнением цепи является пассаж, в котором Эней, преследующий Турна, сопоставляется с псом, который гонится за оленем (ст. 746–755):

Nec minus Aeneas, quamquam tardata sagitta
interdum genua impediunt cursumque recusant,
insequitur trepidique pedem pede fervidus urget:
inclusum veluti si quando flumine nactus
cervum aut puniceae saeptum formidine⁵ pennaе
venator cursu canis et latratibus instat;
ille autem insidiis et ripa territus alta
mille fugit refugitque vias, at vividus Umber⁶
haeret hians, iam iamque tenet similisque tenenti
increpuit malis morsuque elusus inani est;

‘Столь же проворно Эней, хоть в колене, стрелою пронзенном, /
Боль мешает подчас и шаги замедлять заставляет, / Гонится, гневный,
бежит по пятам за трепещущим Турном. / Так за оленем, когда он

⁵ Formido здесь употреблено в техническом значении; так называлось пугающее устройство, применяемое в охоте, сделанное из блестящих перьев, прикрепленных к веревке. Упоминание о formido встречается в Georg. III, 371–372; Seneca De Ira II, 11, 5. См.: Williams 2004: 491; Tarrant 2012: 281.

⁶ Как отмечает Г. Дж. У. Вийсман (Wijsman 2000: 168), умбрийские псы нередко упоминаются в контексте охоты: так, о них писал Граттий в «Кинегетике» (ст. 171–173): at fugit adversos idem quos repperit hostes / Umber: quanta fides utinam et sollertia naris, / tanta foret virtus et tantum vellet in armis! («Но тот же умбрийский пес бежит от встречи с противниками, которых он выследил. О, если бы при своей верности и наличии чутья у него было бесстрашие и желание бороться!» – пер. автора). Umber в значении «порода охотничьей собаки» также встречается у Сенеки (Thy. 498), Валерия Флакка (VI, 420) и Силия Италика (III, 295) (OLD, s. v. Umber, 2b); у Валерия Флакка, вероятно, под влиянием сравнения из «Энеиды» (Wijsman 2000: 168–169).

рекой от леса отрезан, / Или обложен кольцом пугающих перьев
 пурпурных, / Мчится охотничий пес, настигая с лаем добычу; / Зверя
 страшит и обрыв, и коварный заслон; все по тем же / Он пробегает
 путям, но, не зная устали, умбрский / Гонится пес и, готовясь вот-вот
 вцепиться клыками, / Щелкает пастью – но зря: только воздух пустой
 он хватает’.

В этом сравнении Эней, хотя и раненый, гонится за Турном, как охотничий пес за оленем, таким образом здесь мы имеем два объекта и два образа сравнения: Эней – пес, Турн – олень.

Обращает на себя внимание необычный порядок слов в стихах 749–751: *inclusum* вынесено вперед и расположено до союзов, вводящих сравнение, – таким способом подчеркивается, что Турн, как и олень, в западне. Кроме того, подлежащее *canis* расположено между *cursu* и *latratibus*, что выглядит странно, и некоторые исследователи принимали *venator* за подлежащее, а *canis* за *genetivus*, что маловероятно⁷.

В данном сравнении отсутствует часть, вводимая *non aliter* или каким-то другим словом, подводящая итог сказанному. В связи с этим возникали трудности с определением границ пассажа, а именно вставал вопрос относительно стихов 756–757 – входят ли они в состав сравнения или нет? Уже Сервий говорил об этом (*ad XII, 755*): *tum vero exoritur clamor quidam quaerunt, an iam recessum sit his versibus a comparatione. sed non dubie videtur* («*tum vero exoritur clamor*: Некоторые стараются выяснить, есть ли в этих стихах отступление от сравнения. Но кажется, что несомненно есть»). Современные комментаторы (Williams 2004: 491; и др.) согласны с Сервием в том, что стихи 756–757 не следует включать в сравнение; Р. Тэррент (Tarrant 2012: 282) объясняет это тем, что *exoritur clamor* (ст. 756) перекликается с *exclamant* (ст. 730), а это может означать «возвращение к показу происходящего с точки зрения зрителя».

Как отмечают многие исследователи (Williams 2004: 490; Schell 2009: 116, 224; Tarrant 2012: 280), вергилиевское сравнение в большей части напоминает описание погони Ахилла за Гектором у Гомера (II. XXII, 188–193):

Ἐκτορα δ’ ἀσπερχὲς κλονέων ἔφεπ’ ὠκὺς Ἀχιλλεύς.
 ὡς δ’ ὅτε νεβρὸν ὄρεσφι κύων ἐλάφοιο δίηται

⁷ Адъективное *venator* похоже на аналогичное *bellator* (*equus*): Aen. X, 891; XI, 89 (Williams 2004: 491). См. также: Hornsby 1970: 135, n. 5; Tarrant 2012: 281.

ὄρσας ἐξ εὐνῆς διὰ τ' ἄγκεα καὶ διὰ βήσσας:
 τὸν δ' εἶ πέρ τε λάθησι καταπτήξας ὑπὸ θάμνῳ,
 ἀλλά τ' ἀνιχνεύων θέει ἔμπεδον ὄφρα κεν εὔρη:
 ὡς Ἴκτωρ οὐ λήθε ποδώκεα Πηλείωνα.

‘Гектора ж, в бегстве преследуя, гнал Ахиллес непрестанно. / Словно как пес по горам молодого гонит оленя, / С лога подняв, и несется за ним чрез кусты и овраги; / Даже и скрывшегось, если он в страхе под куст припадает, / Чуткий следит и бежит беспрестанно, покуда не сыщет, – / Так Приамид от Пелида не мог от быстрого скрыться’.

Вергилий использует сходную с гомеровской лексику: *insequitur* – ἔφειπ; *urget* – κλονέων; *servum* – νεβρόν; *canis* – κύων; *instat* – δίηται; *fugit refugitque* (об олене) – θέει (о псе).

Но при этом римский поэт развивает сравнение, послужившее ему образцом, – меняет и добавляет детали: так, в «Энеиде» олень попал в западню (он или отрезан рекой, или в ловушке) и он напуган, о чем сказано (*terrītus*; о страхе, который испытывает олень у Гомера, читатель только догадывается, так как животное старается спрятаться, припав к земле под кустом); погоня происходит где-то у воды (у Гомера – в ущельях и лесистой местности); охотничий пес лает и щелкает зубами, пытаясь поймать добычу.

Еще одной моделью для вергилиевского сравнения называют (Williams 2004: 490; Schell 2009: 115–116, 224; Tarrant 2012: 280) пассаж из «Илиады», где гонящиеся за Долоном Одиссей и Диомед сопоставляются с двумя охотничьими собаками, которые преследуют оленя или зайца (X, 360–364):

ὡς δ' ὅτε καρχαρόδοντε δύω κύνε εἰδότε θήρης
 ἢ κεμάδ' ἢε λαγῶν ἐπείγεται ἔμμενές αἰεὶ
 χώρον ἄν' ὑλήενθ', ὃ δέ τε προθήησι μεμηκώς,
 ὡς τὸν Τυδείδης ἠδ' ὃ πτολίπορθος Ὀδυσσεὺς
 λαοῦ ἀποτμήξαντε διώκετον ἔμμενές αἰεὶ.

‘Словно как два острозубые пса, приобькшие к ловле, / Серну иль зайца подняв, постоянно упорные гонят / Местом лесистым, а он пред гонящими, визгая, скачет, – / Так Диомед и рушитель градов Одиссей илионца / Полею, отрезав от войск, постоянно упорные гнали’.

Между гомеровским пассажем и сравнением в «Энеиде» есть и лексические соответствия: *insequitur* – διώκετον; *servum* – κεμάδ'; *canis* – κύνε; *instat* – ἐπείγεται. В отличие от гомеров-

ского сопоставления, рассмотренного ранее, в этом сравнении присутствует идея изоляции жертвы: Диомед и Одиссей отрезали Долона от войск (λαοῦ ἀποτμήξαντε) – в «Энеиде» отрезан олень (inclusum; saeptum).

Нередко отмечается (Page 1964: 461; Williams 2004: 490, 491; Schell 2009: 224; Tarrant 2012: 280), что заключительная часть вергилиевского сравнения (ст. 754–755) в качестве источника имеет стихи из «Аргонавтики» Аполлония Родосского, где сыновья Борея Калаид и Зет, бросившиеся вслед Гарпиям, сопоставляются с псами, которые по лесистым склонам гор отыскивают по следам коз или серн; о псах говорится так (II, 280–281):

[θεῖωσιν,] τυτθὸν δὲ τιταίνόμενοι μετόπισθεν
ἄκρης ἐν γενύεσσι μάτην ἀράβησαν ὀδόντας:

‘Следом бегут и почти что уже настигая их сзади, / В пастях, к хватке готовых щелкают втуне зубами’.

Противопоставление Энея и Турна отражается как в лексическом плане (Эней – *fervidus, insequitur, urget, venator canis, instat, vividus, haeret hians, increpuit malis*; тогда как Турн – *trepidid, inclusum, saeptum, territus, fugit refugitque*), так и в синтаксическом: как пишет К. К. Шелл (Schell 2009: 116), Турн исполняет пассивную роль, Эней же – активную как грамматические объект и субъект.

Следует отметить, что первое, третье и четвертое сравнения динамичны, этот эффект достигается за счет глаголов движения, второе сравнение – статично. В первом сравнении глаголы движения нужны, помимо прочего, для того, чтобы показать Турна как олицетворение разрушения, смерти, дикости и необузданности: он, как камень, обрушивается и несетя, снося все на своем пути. Во втором сравнении Вергилий, наоборот, создает статичный образ, сопоставляя Энея с Афоном, Эриком и Апеннином (Турн по сравнению с Энеем, огромным, как гора, – лишь камень). Кроме того, Эней олицетворяет стойкость и непоколебимость (камень *несетя*, а горы *стоят*). В третьем и четвертом сравнениях динамичность обусловлена ситуацией: в третьем пассаже изображается битва, а в четвертом – погоня охотничьего пса за добычей.

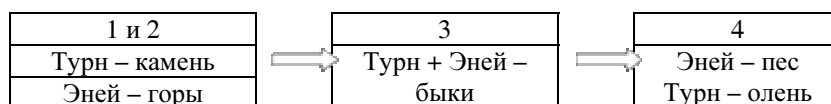
В тематическом плане цепь сравнений тоже тщательно продумана: в первых двух случаях образ сравнения взят из области, связанной с неживой природой (камень и горы), в двух

последних – из сферы животного мира (быки, охотничий пес, олень).

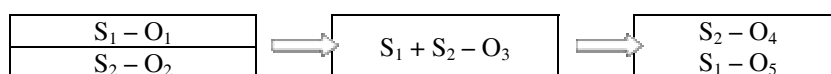
Таким образом, первые сравнения *Турн – камень* и *Эней – горы* составляют пару, в которой противопоставление проводится в трех направлениях:

- 1) камень (маленький, слабый) – горы (большой, сильный);
- 2) камень падает (роль жертвы) – горы стоят (роль победителя);
- 3) динамика (падение) – статика (стойкость).

Если первые два сопоставления рассматривать как пару, то в цепи сравнений видна симметрия:

Все это можно представить следующим образом:

где S – объект сравнения, O – образ сравнения

Таким образом, в первой и третьей части цепи два объекта и два образа сравнения, во второй, центральной, части два объекта и один, общий, образ сравнения.

Итак, в пределах данной цепи Турн и Эней проходят следующий путь:

Турн падает – вступает в битву – преследуется;

Эней стоит – вступает в битву – гонит.

Таким образом, первые два сравнения (*Турн – камень*, *Эней – горы*) проецируются на последнее сравнение в цепи, где Эней гонит, а Турн преследуется.

Литература

- Гобза 1912 – Гобза И. О сравнениях, встречающихся в Энеиде Вергилия. М., 1912.
- Нагуевский 1891 – Вергилий. Энеида / Полное изд. в одном томе с введ. и комм. Д. И. Нагуевского. Казань, 1891.
- Conington, Nettleship 1871 – The Works of Virgil / With a Comm. by J. Conington, H. Nettleship. Vol. 3. London, 1871.
- Forbiger 1875 – P. Vergili Maronis Opera / Ill. <...> A. Forbiger. P. 3. 4 ed. Lipsiae, 1875.
- Gossrau 1876 – P. Virgilio Maronis Aeneis / Ill. G. G. Gossrau. 2 ed. Quedlinburgi, 1876.

- Heyne, Wagner 1833 – P. Virgilius Maro / Variet. lect. et perpet. adnot. illustr. a Chr. G. Heyne, cur. G. Ph. E. Wagner. 4 ed. Vol. 3. Lipsiae, 1833.
- Hornsby 1970 – Hornsby R. A. Patterns of Action in the Aeneid: An Interpretation of Vergil's Epic Similes. Iowa City, 1970.
- Janko 1992 – Janko R. Vol. IV. Books 13–16 // The Iliad: A Commentary. Gen. Ed. G. S. Kirk. Cambridge, 1992.
- Knauer 1964 – Knauer G. N. Die Aeneis und Homer: Studien zur poetischen Technik Vergils mit Listen der Homerzitate in der Aeneis. Göttingen, 1964.
- Ladewig 1859 – Vergils Gedichte / Erkl. von Th. Ladewig. 3. Aufl. Bd 3. Berlin, 1859.
- Page 1964 – The Aeneid of Virgil. Books VII–XII / Ed. with Introd. and Notes by T. E. Page. London; New York, 1964.
- Pöschl 1964 – Pöschl V. Die Dichtkunst Virgils: Bild und Symbol in der Aeneis. 2. Aufl. Darmstadt, 1964.
- Putnam 1966 – Putnam M. C. J. The Poetry of the Aeneid: Four Studies in Imaginative Unity and Design. Cambridge, Mass., 1966.
- Schell 2009 – Schell K. C. Vergil's Self-Referential Simile: Thematic Construction through Internal Allusion in the Aeneid: Ph. D. diss. Providence, 2009.
- Schmit-Neuerburg 1999 – Schmit-Neuerburg T. Vergils Aeneis und die antike Homerexegese: Untersuchungen zum Einfluß ethischer und kritischer Homerrezeption auf imitatio und aemulatio Vergils. Berlin, 1999.
- Tarrant 2012 – Virgil. Aeneid. Book XII / Ed. by R. Tarrant. Cambridge, 2012.
- West 1974 – West D. The Deaths of Hector and Turnus // Greece & Rome. 2nd Ser. 1974. Vol. 21. P. 21–31.
- Wijsman 2000 – Valerius Flaccus. Argonautica, Book VI / A Comm. by H. J. W. Wijsman. Leiden; Boston; Köln, 2000.
- Williams 2004 – Virgil. Aeneid VII–XII / Ed. with Introd. and Notes by R. D. Williams. London, 2004.

A. V. Kotova. A series of similes in the Aeneid XII

The article touches upon a series of similes in the Aeneid XII. The series consists of four similes: *Turnus – falling boulder* (684–692); *Aeneas – Athos, Eryx and Appenninus* (697–703); *Aeneas and Turnus – two bulls* (715–724); *Aeneas chases Turnus – a hunting dog chasing a stag* (746–755); all of them are analyzed in the paper. The author draws two conclusions: firstly, this series of similes is symmetric; secondly, the first and the second similes are reflected in the fourth one: *Turnus falls – battles – is chased; Aeneas stands – battles – chases*.

Keywords: Virgil, Aeneid, Book XII, similes, static character, dynamic character, symmetry.

СИНОНИМЫ МОРЯ *SĀ* И *MERE* В ДИАХРОНИИ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ И В ПОЭТИКЕ «БЕОВУЛЬФА»

Между основными обозначениями моря в германских языках фиксируются ареальные различия, осложняемые смежностью денотатов. Но эти расхождения не стираются в «Беовульфе», а получают новое (и в то же время глубоко традиционное) воплощение в поэтическом языке и в динамике повествования. Семантические отношения слов *sā* и *mere* складываются в эпическом тексте в условиях отсутствия единого индоевропейского наименования моря. Их взаимодействие отражает архаичную общегерманскую картину мира, с одной стороны, и многомерный эпический образ мироздания, с другой. Данные лексемы обозначают важнейшие космологические реалии и доминируют в эпосе. Отношения между синонимами неоднозначны, меняются вместе с сюжетом, и эта их сюжетная мотивированность заложена в эпосе.

Ключевые слова: этимология, диахрония, германские языки, ареальные различия, синонимы, древнеанглийский, эпическая поэзия, поэтический язык, историческая поэтика.

Основные наименования моря в германских языках дифференцированы по ареалам. Изучение вопроса представляет тем больший интерес, что в праиндоевропейском не было общей лексемы для обозначения моря: «Индоевропейское название моря представлено различными основами в разных диалектных общностях» (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 671) и «Особую группу слов составляет основа *mor- // *mar- в значении ‘море’ в целом ряде «древнеиндоевропейских» диалектов (при значении ‘озеро’, ‘залив’, ‘болото’ – в других), что может рассматриваться как лексическая изоглосса для этой диалектной общности, ср.: лат. *mare*, род. п. *maris* ‘море’, дирл. *muir* ‘море’, валл., корн., брет. *mor* ‘море’; гот. *marei* ‘море’, двн. *marī*, *merī* (нем. Meer) ‘море’, стслав. *morje* ‘море’; при хет. *marmar(r)a-*, *GIŠmamma-rra-* ‘болото’, ‘заросший растительностью водоём’, осет. *mal* ‘глубокая стоячая вода’, ‘омут’, арм. *mawr* ‘болото’; ... образования на суффикс *-sk^[h]-: да. *merisc* ‘болото’, ср.-н.-нем. *marsch* (нем. Marsch) ‘болото’, лит. *mārė* ‘море’, *mārios* ‘(Куршский) залив’, ‘море’, рус. диал. *more* ‘озеро’, словен. *morské oko* ‘небольшое горное озеро» (Там же: 672–673). Данная лексема отличается широтой значения. Заметим при

этом, что для номинации важна величина водного пространства, поэтому это слово обозначает большие водоёмы и в некоторых языках имеет значение 'море'.

Попав в германские языки в результате германо-италийских связей, данная лексема с течением времени распространяется в других ареалах и становится наследием германских языков. В готском языке эта общегерманская изоглосса является основным наименованием моря. Так, слово гот. *marei* употребляется по отношению к Средиземному морю: *jah Iairusalem jah þize faur marein Twre jah Seidone* '[из всей Иудеи] и Иерусалима и приморских мест Тирских и Сидонских» (Лука 6:17)¹. При этом данное обозначение закрепилось в составе гидронима *marei Galeilais*, или *marei Galeilaie* 'море Галилейское' (Марк 1:16, 7:31; Иоанн 6:1, 16, 19), которое, в действительности, является озером, а не морем. В древние времена оно называлось Киннёрет, во времена Маккавеев получило название Геннисарётское (по имени равнины, расположенной на его северо-западном берегу), а в Новом Завете называется также Тивериадским морем (Библейский словарь 1999: 87). В ряде контекстов слово *marei* и при отсутствии топонима также имеет референт 'море Галилейское': *aflaiþ miþ siponjam seinaim du marein* 'с учениками Своими удалился к морю' (Марк 3:7; также 4:1, 5:13; Матфей 8:24). В готском языке это, несомненно, ключевая лексема, которая отличается широтой значения и участвует в образовании оппозиций. Так, общее значение 'море', в котором данное слово употребляется, например, в контексте *jah frauraupans wesi in marein* 'и бросили его в море' Марк 9:42, проявляется в противопоставлении «море – суша»: *jah alla so managei wiþra marein ana stafa was* 'а весь народ был у моря, на земле' (Марк 4:1); *bireikeim in aubidai*, *bireikeim in marein*, *bireikeim in galiugabroprum* 'в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями' (Второе послание к Коринфянам 11:26).

Итак, гот. *marei* 'море' утверждается в значении 'море' как итало-кельто-славяно-германская изоглосса. Но в западногерманских языках в этом значении на первый план выходит лексема, известная как да. *sǣ* // ди. *sǣr*, *sjár*, *sjór* (шв. *sjö*, д. *sø*), да. *sǣ* (а. *sea*), дфриз. *sē*, дс. *sēo*, двн. *sēo*, *sē* (н. *See*). Изначально

¹ Текст готских памятников приводится по Конкордансу Магнуса Снайдала (Snædal M. A Concordance to Biblical Gothic. 1998. Vol. I).

она служила названием заболоченной территории: одно из значений слова гот. *saiws* 'болотистая местность', ср. употребление слова *marisaiws* в значении 'озеро' (Lehmann 1986: 245). Это имя относится к тем словам, происхождение которых продолжает оставаться неясным. Однако выдвигалось предположение о его индоевропейской этимологии. Так, Леман рассматривает версию, согласно которой древнеанглийское слово *sǣ* относится к этимологическому гнезду глагола да. *sīgan* 'стекать' (из 'тонуть'), ср. днв. *sīgan* 'капать', дисл. *sīga* 'тонуть' (Там же). К нему принадлежит и слабый глагол да. *sēon* 'просачиваться', ср. днв. *sīhan* 'сочиться' (нем. *seihan*). В глоссах встречается слово с собирательным значением днв. *gisig* (*gisic*, *gezik*), которое используется для наименования озёр и болот. Реконструируется основа ог. *saiwi-z, но на индоевропейском уровне остаётся под вопросом происхождение *w*: из ие. *w* или ие. *kw* по закону Вернера (общегерманские корни **saiw-* и **saigw-*), ср. динд. *siñcāti* 'выливать', лит. *syvas* 'сок', латыш. *sīws* 'сукровица', греч. *αἰονάω* 'поливаю'. Возможный индоевропейский корень *sēi 'капать, сочиться' предполагает семантическое развитие 'лужа' > 'озеро' > 'море' (Vries 1961: 575). Высказывалось мнение, что в качестве основного наименования моря эта лексема была заимствована германцами из неиндоевропейских языков (Lehmann 1986: 292). Наряду с другими словами «морской» семантики, названиями рыб (кроме лосося), птиц, частей тела, некоторыми глаголами и рядом других слов её включали в перечень лексических заимствований из неизвестного субстрата (так называемый «субстратный список» Файста); но и сейчас субстратная теория продолжает жить (см. обсуждение данного вопроса (Кузьменко 2011: 99–103). Существует два традиционных мнения по поводу происхождения лексемы: соответствующее саамское и финское слово было германским (< индоевропейским) заимствованием либо это слово относится к словам субстрата, общего для саамо-прибалтийско-финского и германского (Sausverde 1996: 140; Кузьменко 2011: 101). Однако версия о том, что основа *saiwo могла быть саамо-прибалтийско-финским заимствованием в германский оспаривается тем фактом, что это слово отсутствует в других финно-угорских языках.

Следует заметить, что в готском языке слово *saiws* засвидетельствовано, но, так как на первый план выходит лексема *marei*, оно ограничено в употреблении. Это имя встречается в 5 главе Евангелия от Луки в составе гидронима, служащего

обозначением Геннисаретского озера: *jah is silba was standands neha saiwa Gainnesaraiþ, jah gasah twa skipa standandona at þamma saiwa* ‘а Он стоял у озера Геннисаретского, увидел Он две лодки, стоящие на озере’ (Лука 5:1–2). Второй памятник, где мы находим данное слово, написан на остготском языке: *jah miþ gahlaiba[im] unsaraim andnenum skilliggans .rk. wairþ þize sa[iwe]* ‘и с товарищами нашими взяли 120 скиллингов, стоимость этих заболоченных земель’ (перевод Н. А. Ганиной) (Ганина 2008: 134). Это грамота из Неаполя, которая является сочетанием купчей и договора ликвидации. В ней содержатся четыре готские подписи². Особенности языка грамот объясняются тем, что остготские клирики были не только хранителями готской письменной традиции, которая основывалась на вульфилианском переводе Св. Писания и на письменности, но и её свободными продолжателями; поэтому, как замечает Н. А. Ганина, «для текста подписей характерно взаимодействие старого и нового» (Ганина 2008: 135). В частности, слово *saiws* в готском переводе Евангелия означает ‘озеро’, ‘море’, тогда как в подписи из Неаполя оно используется в значении ‘заболоченный участок’. При этом употребление данной лексемы «имеет реальные основания: и во времена остготского королевства, и сейчас Равенна действительно окружена болотами (иногда с озерами), некогда усугублявшими её неприступность» (Там же, 135). Таким образом, существительное *saiws* относится к словам, расходящимся с лексикой готских текстов по значению³.

Имеется, наконец, объединяющий эти две лексемы композит гот. *marisaiws* ‘озеро’, ‘море’ (Lehmann 1986: 245, 292). Он встречается только в 8 главе Евангелия от Луки и употребляется

² Готские расписки в двух латинских купчих на папирусе из Неаполя и Арещо (грамота из Неаполя, 561 г.; грамота из Арещо, 536–538 гг.) принадлежат клирикам. Обе грамоты происходят из Равенны и выполнены клиром арианской церкви Св. Анастасии в Равенне. Одним из участников сделки был *Wiljarip, bokareis*. Он отождествляется с историческим лицом, известным как *Uiliaric antiquarius*, который был изготовителем книг и руководителем скриптория, где появился *Codex Argenteus* (Ганина 2008: 132).

³ В лексике грамот, дополняющей словник готского перевода Св. Писания, Н. А. Ганина выделяет четыре группы: 1) слова, расходящиеся с лексикой готских текстов по морфологическим особенностям или значению, 2) слова, имеющие ближайшие этимологические параллели в готских текстах, 3) слова, имеющие ближайшие параллели в других древнегерманских языках и 4) заимствования из греческого и латыни (Ганина 2008: 136–137).

для обозначения Геннисаретского озера, т. е. имеет тот же референт, что и образующие его слова *marei* и *saiws* в определённых контекстах. Вместе с тем, в древнегреческом оригинале слову гот. *marei* соответствует др. *θάλασσα* ‘море’, а словам гот. *saiws* и *marisaiws* – др. *λίμνη* ‘стоячая вода’, ‘озеро’, ‘болото’; ср. соответствующие строки в разных Евангелиях:

jah qap du im: galeiþam hindar þana marisaiw, jah galipun ‘и сказал им: переправимся на ту сторону **озера**. И отправились’ (Лука 8: 22) и *haihait galeiþan siponjans hindar marein* ‘велел ученикам отплыть на другую сторону **моря**’ (Матфей 8: 18).

jah atiddja skura windis in þana marisaiw, jah gafullnodedun jah birekjai. ‘На **озере** поднялся бурный ветер, и заливало их волнами’ (Лука 8: 23) и *jah sai, wegs mikils warþ in marein, swaswe þata skip gahuliþ wairþan* ‘И вот, сделалось великое волнение на **море**, так что лодка покрывалась волнами’ (Матфей 8: 24).

rann sa wriþus and driuson in þana marisaiw jah afþapnodedun ‘бросилось стадо с крутизны в **озеро** и потонуло’ (Лука 8: 33) и *jah rann so hairda and driuson in marein* ‘и бросилось стадо с обрыва в **море**’ (Марк 5:13).

В скандинавском ареале широко представлены (и отчасти конкурируют) три лексемы, употребляемые в качестве наименований моря: дисл. *haf*, *marr* и *sær*, *sjár*, *sjór*. Основным обозначением моря в др.-исландском языке является слово *haf* (к дисл. *hefja* ‘поднимать’, лат. *capio* ‘хватать’). Оно употребляется в названиях морей: *Jórsala-haf* море Иерусалима, т. е. Средиземное море, которое также у современных авторов называется *Miðjarðar-haf*; *Englands-haf* Английское море, т. е. Северное море, между Англией и Норвегией⁴(Cleasby, Vigfusson 1957: 228).

В древнескандинавских языках засвидетельствована и лексема, этимологически родственная слову гот. *marei*, но, в свете сказанного, нельзя считать случайным тот факт, что денотативная и функциональная сфера её применения значительно уже. Слово дисл. *marr* ‘море’ закрепилось в составе гидронима

⁴ Другие названия морей: *Íslands-haf* море между Исландией и Норвегией, *Grænlands-haf* море между Гренландией и Америкой, *Írlands-haf* Ирландское море (в Атлантическом океане), *Svarta-haf* Чёрное море. Однако слово ди. *haf* могло обозначать не только море: *Álanz-haf* Ботнический залив (северная часть Балтийского моря, между Финляндией и Швецией), *Jótlands-haf* Каттегат (пролив Северного моря между Данией и Швецией) (Cleasby, Vigfusson 1957: 228).

Austmarr Восточное (Балтийское) море, ср. да. **Estmere** of king Alfred Восточное (Балтийское) море короля Альфреда («Орозий»). При этом обычное название Балтийского моря в древнеисландском, по-видимому, **Eustrasalt** Восточное море (ср. дисл. *salt* ‘соль’; «Перечень Инглингов», 29) (Cleasby, Vigfusson 1957: 136). Различие вторых компонентов наименования подчёркивает, что солёная вода отличает море, обозначаемое словом дисл. *marr*, от других водоёмов. Однако для этой лексемы в большей степени характерно употребление в поэтических памятниках – косвенное свидетельство её вторичного переосмысления. Она встречается в мифологических песнях «Старшей Эдды» – «Речах Вафтруднира» и «Прорицании Вёльвы»: *hveriar ro þær meyiar, / er líða mar yfir* ‘где те девы, что скользят по морю?’ (Vfm. 48); *sígr fold í mar* ‘земля погружается в море’ (Vsp. 57)⁵. Заметим, что в последнем примере в пределах одной краткой строки со словом *marr* синтаксически связан глагол *síga*, который может пролить свет на этимологию *другого* обозначения моря (дисл. *sær*), получившего наиболее широкое ареальное распространение в германских языках.

В древнеисландском слово *sær*, *sjár*, *sjór* ‘море’ имеет, насколько можно судить, ту же денотативную отнесённость, что и наименование моря *marr*. Всё же именно лексема *sær*, как уже было сказано, становится наиболее универсальным обозначением моря, абсолютно господствующим в сагах, ср. *Norðsjór* Северное море (Cleasby, Vigfusson 1957: 457). В древнеисландских памятниках встречается формульное выражение дисл. *himin, jörð ok sjá* ‘небо, земля и море’, ср. да. *heofon and eorþe and sǣ* ‘небо и земля и море’ («Бликлингские проповеди» 91, 21) (Cleasby, Vigfusson 1957: 618; Bosworth, Toller 1975: 808).

Морской, океанический ландшафт, как было сказано, обусловил возвышение слова, коррелятивного гот. *saiws* с первоначальным значением ‘заболоченная местность’, в германских языках. В древнеанглийском эта высокочастотная лексема употребляется, в частности, в названиях морей: *Him is be-ēastan se sǣ ðe man Arfatium hæ̅t, and westan and be-norþan Creticum se sǣ*. ‘К востоку от него море, которое называют Арфатиум, а к западу и северу Критское море’. *Nēh ðæt clife ðære Rēadan sǣs* ‘рядом с мысом Красного моря’ (Орозий I, I). *Be ðære rēodan sǣ* ‘у

⁵ Текст «Старшей Эдды» цитируется по изданию Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text. 5. verbesserte Aufl. von Hans Kuhn. Heidelberg, 1983.

Красного моря' («Исход» 14, 9). *Betwih ðære sǣ sēo is nemned Adriaticus* 'Посреди моря, которое называют Адриатическим' («Бликлингские проповеди» 197, 21) (Bosworth, Toller 1975: 808)⁶.

Словарь Босворта-Толлера приводит примеры употребления слова *sǣ* 'море' в противопоставлении небу и земле (*heofon* and *eorþe*): *On syx dagum Crist geworhte heofenas and eorþan, sǣs and ealle gesceafta*. 'На шестой день Христос создал небеса и земли, моря и всё творение' («Исход» 3). *Se uplīca sǣ...cēleþ ðære tungla hǣto, and se rodor ymbfēhþ ūtan eall ðās niðerlīcan gesceafta, sǣ and eorþan*. 'Верхнее море охлаждает жар небесных тел, а твердь объемлет весь нижний мир, море и землю' («Святылище» 63, 5–10)⁷. Вместе с тем, как и в готском материале, в языке древнеанглийской прозы встречаются случаи неразличения моря и большого озера (см. выше): *Sume men secgaþ sēo ēa ðær wurcþ micelne sǣ*. 'Говорят, что эта река там впадает в большое озеро' (aliqui auctores ferunt fluvium vastissimo lacu exundare; Орозий I, I). *Æfter þyson for se hælend ofer þa galileiscan sǣ, seo is tiberiadis*. 'После сего поплыл спаситель на ту сторону моря Галилейского, что [в окрестности] Тивериады' (Иоанн VI, 1). *On ðære sǣ* 'в море [Галилейском]' (Матфей 8, 24).

Представим теперь соотношение основных обозначений моря в различных ареалах германских языков в виде обобщённой картины. Ареальный разрыв между готами и северо-западно-германцами вызвал выбор разных слов в качестве основного обозначения моря. В обоих случаях значения вторичны. В западногерманских языках получает развитие инновационная германская лексема, которая изначально появилась как наименование заболоченной местности (если не считать слово гот. *saiws* заимствованием из неиндоевропейских языков). При этом в древнеанглийском лексема *sǣ* возвышается до обозначения морской стихии, о чём свидетельствуют, в частности, названия морей⁸. Особое положение готского языка состоит в том, что

⁶ Здесь и далее контексты, демонстрирующие употребление слова *sǣ* в древнеанглийских памятниках, приводятся по словарю Босворта — Толлера, с. 808.

⁷ Книга Кокейна «Святылище: собрание записок о скучных предметах» (The Shrine, A Collection of Occasional Papers on Dry Subjects, by T.O. Cockayne. London, 1864–1870).

⁸ Существует лингвистический термин *Nordsee* Germanisch (название ингвеонов).

здесь, напротив, основным обозначением моря становится германо-итало-кельто-славянская изоглосса (гот. *marei*, дисл. *marr*). Изоглосса да. *mere* свидетельствует о контактах между германскими племенами, при этом происходит переполяризация денотативной шкалы, основу которой составляет противопоставление морской стихии стоячей воде. Если представить эту шкалу в виде основных лексем, то очевидно различие восточного и западного ареалов по основному наименованию моря, а северный ареал занимает пограничное положение: гот. *marei* 'море' – гот. *saiws* 'озеро'; дисл. *haf* 'море' – дисл. *sér, sjár, sjór* 'море' – дисл. *marr* 'море'; ср. да. *sē* 'море' – да. *mere* 'озеро, болото'.

Представляет интерес интерференция базовых лексем в текстах, отражающих англо-скандинавские контакты. Так, англосаксы заимствуют у скандинавов гидроним дисл. *Vestmarr* (букв. «Западное» море, так как оно находится к западу от скандинавов, давшим ему такое название), заменяя вторую основу этого сложного слова на «своё» обозначение моря да. *Westisǣ* Атлантический океан, как свидетельствует о том рассказ короля Альфреда об Охтхере, норвежском путешественнике. Такая интерференция основных лексем со значением море в англо-скандинавском ареале показывает живую картину их распределения. Интересно сравнить названия с разными вторыми компонентами дисл. *Vestmarr* и да. *Westisǣ* Западное море (или Атлантический океан) с парой наименований дисл. *Austmarr* и да. *Estmere* Восточное (Балтийское) море, где общему референту соответствует один и тот же синоним моря.

Приведённые выше контексты демонстрируют, что ни в этимологии, ни в семантике основных наименований моря в германских языках нет чётких разграничений. Употребление слов гот. *marei* и *saiws*, а также композита гот. *marisaiws* для обозначения моря Галилейского, которое в сущности не море, свидетельствует о том, что в языке готской Библии не имеющая художественного предназначения система не сложилась полностью и потому допускает коммуникативное противоречие. Однако различия вырастают в «Беовульфе», образуя тонкую систему, в которой данные слова обретают поэтическую функцию. Эти двойные отношения – денотативного размежевания и потенциальной конвергенции получают мотивацию и языковое воплощение, при этом в нарративе начинают выдвигаться другие значимости. Из первичных денотативных значений поэтический язык (ПЯ) выделяет у каждой лексемы наиболее существенные

признаки, отшлифовывая лексико-синтаксическую сочетаемость слов и организуя их внутри синонимической системы в соответствии с устанавливаемой аллитерационным стихом иерархией. Иными словами, расхождения в значении не стираются в «Беовульфе», а получают новое (и в то же время глубоко традиционное) воплощение в динамике повествования.

В «Беовульфе» основное обозначение моря *sǣ* принадлежит центру синонимической системы моря и отличается космологичностью. Выражение *betweoh ðǣm twǣm sǣum*, которое встречается в прозе (*God gescōp ðone roðor betweoh heofone and eorþan and betweoh ðǣm twǣm sǣum*, *ðǣm uplīcan and ðǣm niðerlīcan*. 'Бог создал твердь между небом и землёй и меж двух морей, верхним и нижним'. «Святылище» 63, 5–10), становится многократно воспроизводимой эпической формулой *be sǣm twēonum* 'от моря до моря', '(среди) земель междуморских' (перев. В. Г. Тихомирова), заполняющей вторую краткую строку (II КС)⁹. Отметим, что формула эта воспроизводится в описании стяжавшего славу героя. В утвердительном предложении она сочетается с прилагательными превосходной степени *sēlestan* 'лучший' (1685, 1956) и *lēofost* 'любимый' (1296–1297). Так, после победы над матерью Гренделя, которая схватила спящим любимого дружинника Хродгара (1296–1297 *Sē wæs Hrōþgāre / hæleþa lēofost // on gesīdes hād / be sǣm twēonum*¹⁰ 'То был из воинов Хродгара самый любимый среди дружинников меж двух морей'), Беовульфу, достойнейшему из правителей, был вручен золотой меч (1684–1685 *on geweald gehwearf / woroldcýninga // ðǣm sēlestan / be sǣm twēonum* 'во владение передал из великих конунгов лучшему меж двух морей'). Сцена возвращения Беовульфа к Хигелаку сменяется отступлением о гордой Трюд и покорившем её Оффе (1956–1957а *þone sēlestan / bī sǣm twēonum, // eormencýnnes* 'лучшего меж двух морей из рода человеческого'). В 858–860 строках при наличии отрицания употребляется прилагательное сравнительной степени *sēlra* 'лучше'; при этом парная формула *sūð nē norð* подчёркивает протяжённость славного героического пространства, обозначаемого формулой *be sǣm twēonum*: *þætte sūð nē norð / be sǣm*

⁹ О структуре аллитерационного стиха см. работу О. А. Смирницкой «Стих и язык древнегерманской поэзии» (Смирницкая 1994).

¹⁰ Текст «Беовульфа» цитируется по изданию: *Beowulf and the Fight at Finnsburg* / Ed. With introduction, bibliography, notes, glossary, and appendices by Fr. Klaeber. 3-d ed. Boston, 1950.

twēonum // ofer eormengrund / oþer nānig // under swegles begong / sētra nāere ‘что с юга на север меж двух морей на земле другого никого под властью неба лучше не было’. Пространство, обозначаемое формулой *be sēm twēonum*, – это не конкретное королевство, но ‘вся земля’, ‘весь белый свет’. Подчёркивается масштабность происходящего, поэтому столь уместно устойчивое сочетание в соединении с превосходной и сравнительной степенью прилагательного. В «Беовульфе» *sē* – это, прежде всего, открытое морское пространство. Ср., например, композит *sēsīð*, представляющий море как путь, и употребление слова *sē* в эпизоде соревнования Беовульфа и Бреки: *on sīdne sē* 507a ‘в широком море’; *Ðā wit ætsomne / on sē wāron* 544 ‘Тогда мы вместе были в море’; *Ðā mec s’ oþbær* 579b ‘тогда меня море унесло’.

Исходное денотативное значение слова *sē* служит отправным пунктом для героико-эпической картины мира, или эпизации моря в «Беовульфе». Заметим, что слово это никогда не встречается как обозначение подводного жилища Гренделя и его матери. Этот момент заслуживает особого внимания. Для понимания космологических координат «Беовульфа» крайне важно, что водное пространство существует в нём в двух измерениях – как *sē*, окружающее державу Хродгара, и как уходящее вглубь земли *mere* – обиталище Гренделя и его матери. Таким образом, слово *sē*, при всей его значимости, не самодостаточно как обозначение водного пространства. Морская стихия, окружающая центр мироздания, противопоставлена чреваточине внутри него. Наибольший интерес для семантического анализа представляет распределение синонимов согласно этим двум основным локусам. В пределах синонимической системы моря слова *sē* ‘море’ и *mere* ‘стоячая вода’, ‘болото’, ‘озеро’ оказываются на разных полюсах оппозиции¹¹. Это различие приобретает особую значимость в «Беовульфе».

Итак, лексема *mere*, об ареальном распространении которой в германских языках шла речь выше, в отличие от других синонимов, употребляется в «Беовульфе» преимущественно для обозначения жилища чудовищ – Гренделя и его матери. Данный локус представляет собой закрытое водное пространство. В этой особенности семантики слова находит эпическое отражение его

¹¹ В среднеанглийской поэме Лаямона «Брут» слово *sa*, *sea* имеет значение ‘море’, а слово *mere*, *maere* ‘море’, ‘озеро’ (The Oxford English Dictionary 1961: 353).

этимология. Контексты со словом *mere* показывают, что семантические отличия древнеанглийских поэтических синонимов «не только сохранялись в поэтическом языке, но и специально использовались поэзией, оказывались важными для неё. Их отбор и сочетание подчинялись особой целесообразности» (Пименова 1990: 57). Так, в словосочетании *se mere standeð* 1362b букв. ‘это болото стоит’ семантика глагола находится в точном соответствии с этимологическим значением имени, смысловой общегерманский архетип которого «стоячая вода» к гот. *mari-saiws ‘озеро’, и глагол, таким образом, является отражением семантических признаков слова *mere* (Пименова 1990: 58).

С другой стороны, эта особенность семантики, коренящаяся в этимологии слова, подтверждается другими наименованиями обиталища чудовищ, не входящими в синонимическую систему моря. Обращает на себя внимание, что в качестве названия жилища Гренделя и его матери слово *mere* синонимизируется с обозначениями болота *mōr* и *fen*, которые также встречаются только в данном контексте: «В описании же «моря Гренделя» представляется более справедливым говорить о «болоте, топи, стоячей воде», так как обиталище Гренделя также описывается с помощью слов *fen* и *mōr* со значениями ‘болото, топь; пустошь’ (Полякова 2013: 77). Имена *mere* ‘болото’ и *mōr* ‘вересковая пустошь’ (ди. *mærr* ‘болотистая местность’) связаны количественным чередованием аблаута (тяжёлая база) (Lehmann 1986: 245). Слово *mōr* употребляется при первом же упоминании о Гренделе, варьируя с другим обозначением болота *fen*: *mære mearcstapa, I sē þe mōras hēold, II fen ond fæsten* 103–104a ‘печально известный преступник границы, тот что пустошь стерёг, болото и крепость’; ср. также: *sinnihte hēold II mistige mōras* 161b–162a ‘в вечной тьме стерёг таинственные болота’. Далее описывается нападение чудовища на дружину Беовульфа в Хеороте: *Ðā cōm of mōre I under misthleopum II Grendel gongan* 710–711a ‘Тогда пришёл с болота под покровом мрака Грендель’¹².

Следует обратить внимание на то, что контексты со словами *mōr* и *fen* предшествуют первому употреблению лексемы *mere* и далее перемежаются с ней. После схватки с Беовульфом смер-

¹² В. П. Казанскене выдвинула предположение, что индоевропейский корень **meǵ-* со значением ‘стоячая вода’ родственен и.-е. корню **moǵ-* ‘смерть’ (Казанскене 1985: 44).

тельно раненный Грендель возвращается в своё жилище: *nīða ofercumen, / on nicera mere* 845 ‘в битвах побеждённый, в болоте чудовищ’. Наутро воины нашли по следам чудовища его обиталище и, убедившись в его гибели, вернулись в Хеорот: *fram mere mōdge / mēarum rīdan* 855 ‘с болота, отважные, на конях прискакали’. Итак, Грендель живёт в болоте, обозначаемом словами *mōg* и *fen*, а после столкновения с героем умирает в пределах локуса, именуемого как *mege*. Но заметим, вместе с тем, что в описании этого локуса встречаются также синонимы моря *brim* ‘прибой’ и *ūð* ‘волна’, которые, как правило, употребляются при детализации образа морского пространства *sē*: *Ðær was on blōde / brim weallende, // atol ūða geswing / eal gemenged* 847–848 ‘Там была от крови вода бурлящая, ужасный водоворот волн, весь перемешанный’.

Ещё два контекста со словом *mege* относятся к описанию битвы с матерью Гренделя, среди обозначений которой встречается и сложное слово *merewif* ‘женочудище морское’ (1519a). При этом употребление синонима *mege* вновь сопровождается исходными для повествования обозначениями болота *fen* и *mōg*. Мать Гренделя в Хеороте нападает на лучшего воина Хродгара: *fæste befangen, / þā hēo tō fenne gang* 1295 ‘крепко схватила, когда она направилась к болоту’. Хродгар рассказывает Беоульффу, что его люди видели двух чудовищ (*micle mearcstapan / mōras healðan* 1348 ‘как большие преступники границы болота стерегут’). С другой стороны, в описании их места обитания употребляется слово *flōd* ‘поток’, при этом в нарративе формируется противопоставление текущей и стоячей воды: *flōd under fōldan. / Nis þæt feor heonon // mīlgemearces, / þæt se mere standeð* 1359–1362 ‘[течёт] поток под землю. Это недалеко отсюда в милях, где болото находится’. Воины идут по следам матери Гренделя, которая *ofer turcan mōr, / magoþegna bæc* 1405 ‘через мрачное болото, из слуг тащила [лучшего]’. Затем слово *mege* встречается в конце эпизода подводной битвы при упоминании о воинах, ожидающих героя на берегу: *mōdes sēoce / ond on mere staredon* 1603 ‘душой болели и на море глядели’; ср. смежный контекст *þā ðe mid Hrōðgāre / on holm wliton* 1592 ‘те что с Хродгаром на море смотрели’.

В древнеанглийском слово *holm* выделяется как поэтизм со значением ‘море’, ‘океан’, ‘волна’ (Bosworth, Toller 1975: 550). Его этимологическое значение (дисл. *holm* ‘остров’, дс. *holm* ‘насыпь’, ‘холм’, ‘возвышенность’, нем. *hoch* ‘высокий’, *Hügel*

‘холм’; к лат. *collis* ‘холм’, *culmen* ‘вершина’) связано с бурным, «высоким» морем и вздымающимися волнами, ср. употребление слова *holm* во мн.ч. (Гвоздецкая 2000: 90; Пименова 1990: 61). В «Беовульфе» слово *holm* является обозначением моря, а лексема *mere* в качестве наименования жилища Гренделя и его матери употребляется в значении ‘болото’. Однако мы можем видеть, что в связанных одной темой контекстах у слов *holm* и *mere* происходит сближение значений. Одновременно с синонимизацией данных лексем имеет место композиционное переосмысление наименования обиталища чудовищ. С появлением героя картина рисуется в иной перспективе: эпическое пространство увеличивается, а болото разрастается в море. При этом конвергенция лексем сопровождается семантико-синтаксическим и метрическим подобием контекстов: оп *mere stædon* ‘на море глядели’, оп *holm wilton* ‘на море смотрели’. В обоих случаях глагольно-именные словосочетания заполняют вторую краткую строку, при этом синонимы моря, формируя вершину С-стиха, на уровне долгой строки занимают позицию ключевой аллитерации. Иначе говоря, в эпической поэзии контекстуальное изменение семантики слова *mere* поддерживается средствами стиха и языка.

Две группы контекстов связываются, наконец, знаменательным употреблением слова *mere* для обозначения морского пространства между державами, которому служит синоним *sǣ* (см. выше): в песни скопа говорится о Хенгесте, перезимовавшем у Финна в знак примирения (*bēah þe ne meahthe / on mere drīfan* 1130 ‘хоть и не мог по морю плыть’). Лексема *mere*, таким образом, принадлежит разным синонимическим системам. В общем случае значения слов *sǣ* и *mere* находятся на разных полюсах денотативной шкалы. Лексема *mere* абсолютно преобладает по отношению к обиталищу чудовищ (Гренделя и его матери). Однако уже здесь присутствует двойственность: сначала слово *mere* выступает как синоним обозначений болота *fēn* и *mōr*, а затем в рассказе о битве происходит новое изменение его значения – синонимизация с наименованиями моря (*ond on mere stædon* 1603b ‘и на море глядели’). В «Беовульфе» представлена не статическая картина мира, а включающая в себя момент перевоплощения, двойственности её базовых локусов. «Болото», разрастаясь до моря, приобретает его признаки и, как «эпическое море», кишит всякой тварью. И, наконец, денотат слова *mere* разрастается даже до обозначения морского про-

странства в эпической песни скопа. Семантические и функциональные превращения, характерные для употребления лексемы *mere*, связаны с сопровождающим описание героических событий изменением пространственных координат. У моря, простирающегося вширь и вдаль, появляется глубина, при погружении в которую раскрывается другой мир, населённый чудовищами.

Исходное денотативное значение синонимов, выявляемое на основе сравнительно-исторического анализа и подтверждаемое языком прозы, может оставаться базовым и в описании мира «Беовульфа». Таково противопоставление слов *sē* и *mere*. В «Беовульфе» эти лексемы становятся центральными, поскольку они выполняют особую композиционную функцию – отражают членение эпического мира. Изначально выделяется два локуса, противопоставляющих мир людей (героев) и мир чудовищ: *mere* в последнем случае принадлежит иной синонимической системе. Но происходит их сближение в перспективе событий, составляющих содержание первой части «Беовульфа»¹³. «Болото» предстаёт как аналог «моря».

На взгляд современного историка, пространство в «Беовульфе» разочаровывающе ограничено: «Изображения ландшафта лишены гиперболизации, они, вероятно, и не воспринимались как самостоятельный эстетический элемент повествования, поскольку их включение в текст жёстко обусловлено развитием действия и не выходит за рамки необходимого пояснения, т. е. преследует практические цели...» (Мельникова 1987: 101). Но масштабы этого пространства меряются не расстоянием от исторической «страны гаутов» до «страны данов». Оно имеет космологические перспективы. Другими словами, оно не линейно, а строится на бинарных противопоставлениях: земля как место обитания Хродгара и его дружины (других жителей этой земли не предполагается) и море, отделяющее эту землю от других земель, остающихся в первой части «Беовульфа» за пределами окоёма слушателя. И другое бинарное противопоставление: земля Хродгара и обиталище чудовищ.

При этом, составляя оппозицию земле, обиталище чудовищ имеет, по условию, общие признаки с морем, проявляемые дво-

---

¹³ «Беовульф» имеет двухчастное строение (Kiernan K. S. *The Dating of Beowulf*. 1981). Формульный язык и синонимическая система моря во всём своём объёме составляет принадлежность первой части. Слово *mere* во второй части не встречается, в том числе в составе композита.

яко. Обиталище матери Гренделя с появлением в нём героя может представляться как море. С другой же стороны, чудовища населяют то море, которое разделяет земли, и это подтверждает существование космологической связи между *sǣ* и *mere* (Lawgense 1912: 217, 226). Заметим вместе с тем, что населённость моря чудовищами обнаруживается лишь тогда, когда оно не исполняет своей прямой функции – разделять земли, а представляется как стихия, с которой сражается погрузившийся в неё герой и где ему угрожают чудовища.

Итак, в «Беовульфе» выделяется море как пространство, которое разделяет земли и которое надлежит преодолеть герою и его дружине, и как «обиталище чудовищ». При этом происходит движение по горизонтали и по вертикали. Основное обозначение моря в его первой функции – *sǣ*. Основное обозначение моря в его второй функции – *mere*. Эти обозначения имеют в своей первооснове самостоятельные синонимические связи, т. е. принадлежат разным системам. Но мы могли убедиться, что эти два онтологических пространства (горизонтальное и вертикальное), при всей их противоположности, сходятся через героя. Из сказанного выведем, что «синонимическая система моря» неоднородна не только лексически, но и онтологически, или космологически. С другой стороны, связь локусов *sǣ* и *mere* в поэтике «Беовульфа» сочетается с принадлежностью этих лексем одной синонимической системе.

Литература

- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Т. 2.
- Ганина 2008 – Ганина Н. А. Готские языковые реликты: дис. д-ра филол. наук. Моск. гос. ун-т имени М. В. Ломоносова. М., 2008. Т. 1.
- Гвоздецкая 2000 – Гвоздецкая Н. Ю. Проблемы семантического описания древнеанглийского поэтического слова: (опыт текстоцентрического анализа): дис. д-ра филол. наук. Иван. гос. ун-т. Иваново, 2000.
- Казанскене 1985 – Казанскене В. П. «Стоячая вода» и «Смерть» в индоевропейской традиции // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. Тезисы конференции. М., 1985. С. 43–45.
- Кузьменко 2011 – Кузьменко Ю. К. Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика. СПб., 2011.
- Мельникова 1987 – Мельникова Е. А. Меч и лира. М., 1987.

- Пименова 1990 – Пименова Н. Б. Селекция и комбинация синонимов «моря» в «Беовульфе» // Слово в контексте литературной эволюции: заговор – эпос – лирика. М., 1990. С. 56–65.
- Полякова 2013 – Полякова Е. А. Эпическая вселенная в древнеанглийском поэтическом языке и тексте // Мир и человек в древнеанглийском поэтическом языке и тексте: опыт лингвокультурологического анализа. Иваново, 2013. С. 40–82.
- Смирницкая 1994 – Смирницкая О. А. Стих и язык древнегерманской поэзии. М., 1994.
- Lawrence 1912 – Lawrence W. W. The haunted mere in Beowulf // PMLA. 1912. Vol. 27. No. 2. P. 208–245.
- Sausverde É. «Seewörter» and Substratum in Germanic, Baltic and Baltic Finno-Ugrian Languages // The Indo-Europeanization of northern Europe: papers presented at the international conference held at the University of Vilnius, Vilnius, Lithuania, September 1–7, 1994 / edited by Karlene Jones-Bley and Martin E. Huld. Washington, D. C. : Institute for the Study of Man, 1996. P. 133–147.

Словари

- Библейский словарь: Энциклопедический словарь / Сост. Э. Нюстрем. СПб, 1999.
- Bosworth J., Toller T. N. An Anglo-Saxon Dictionary based on the Manuscript Collection of Joseph Bosworth / Ed. and enlarged by T. N. Toller. Oxford, 1975.
- Cleasby R., Vigfusson G. An Icelandic-English Dictionary / Initiated by Richard Cleasby; revised, enlarged and completed by Gudbrand Vigfusson. 2nd ed. Oxford, 1957.
- Lehmann W. P. A Gothic Etymological Dictionary. Based on the third edition of Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache by Sigmund Feist. Leiden, 1986.
- The Oxford English Dictionary. Vol. 6. L-M. Oxford, 1961.
- Vries J. de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1961.

E. V. Kravchenko. Synonyms for sea *sǣ* and mere in the history of the Germanic languages and in the poetic language of *Beowulf*

The main words for sea in the Germanic languages display areal divergencies, which are retained and develop new (and at the same time traditionally rooted) features in *Beowulf*, both in the poetic language and in the dynamics of narration. The semantic correlation of the lexemes *sǣ* and *mere* reflects the absence of a common Indo-European word for 'sea'. The result of linguistic contacts was a Germanic-Italian-Celtic-Slavic isogloss from the Indo-European stem *mer- // *mar- with the meaning 'sea'. In Gothic *marei* is the main word for sea. It was spread in other Germanic dialects. In the West Germanic dialects, however, the main lexeme for sea was chosen to be the word which originally signified 'moor' (Old English *sǣ*). The Northern areal is in-between with both words *marr* and *sǣr* meaning 'sea'. Referring to the Galilean Sea (which actually is not sea) as *marei*, *saiws* and *marisaiws* shows that in the language of the Gothic Bible

the system is not fully formed and therefore allows communicative contradiction. The correlation of two kinds – denotative demarcation and potential convergence gain motivation and linguistic expression in the poetic language of *Beowulf* with the word *sǣ* meaning ‘sea’ in the core of the synonymic system. It signifies the heroic space between the kingdoms. The lexeme *mere* is mainly used to denote the place where the monstrous Grendel and his mother lived. At the beginning of the narration this word functions as a synonym to the names of a swamp (*fen* and *mōr*). But then in the theme of battle the change of meaning occurs, and the lexeme *mere* becomes synonymous with the other names for sea. Finally, the meaning of the word expands to signify marine space in the scop’s epic song. Thus, the semantic correlation of the lexemes *sǣ* and *mere* goes back to the archaic Old-German tradition, on the one hand, and is based on the multilevel epic picture of the world, on the other. These words name the most important cosmological realities and dominate in epics. The interaction between the synonyms is complicated and compositionally bound in *Beowulf*.

Key words: etymology, diachrony, Germanic languages, areal divergencies, synonyms, Old English, traditional poetry, poetic language, historical poetics.

ДРЕВНЕИНДИЙСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ КОРНИ
tard-, tarh- и star-*

В статье рассматриваются особенности употребления глагольных и именных форм, образованных от трех древнеиндийских корней: *tard-*, *tarh-* и *star-*, связанных общей семантикой «деструктивного воздействия на объект» в Ригведе, Атхарваведе и в некоторых поздневедических текстах в сопоставлении с эпическим санскритом Махабхараты и с классическим санскритом поэмы Калидасы «Рагхуванша». На основе анализа контекстов высказывается предположение о том, что первые два корня можно рассматривать с точки зрения теории индоевропейских расширителей корня.

Ключевые слова: индоевропейские корни *terd-, *(s)terg^h-, *ster-, *sterh₃-, древнеиндийские корни *tard-*, *tarh-* и *star-*, Ригведа, Атхарваведа, расширители корня.

Если сопоставить индоевропейские корни, которые представляется допустимым в соответствии с теорией индоевропейского корня Бенвениста описать схемой *(s)ter-X- / *(s)tre-X- (где X – любой согласный звук), то можно заметить, что примерно половина из них объединяется общей семантикой «деструктивного воздействия на объект». Этот факт, как кажется, сам по себе является достаточно убедительным аргументом в пользу необходимости специально обратиться к проблеме расширителей корня (более подробно о проекте индоевропейских расширителей корня см.: Казанский 2014: 348–349).

К этой семантической группе можно отнести следующие корни, приведенные в «Lexikon der indogermanischen Verben» (LIV):

- *terd- ‘просверливать, раскалывать’ (LIV: 631). Надежные примеры только из санскрита, начиная с Ригvedы;
- ?1.*terg^(u)- ‘рвать; отрывать; тащить’ (LIV: 631). Только ст.-слав. примеры: аорист *is-trъže* ‘вырвал; вытащил’ и др.;
- ?2.*ter^(g)- ‘вытирать; удалять, устранять’ (LIV: 632). Только лат.: *tergō, -ere; tersī*.

---

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФ, проект № 14-18-03585 «Праиндоевропейский корень и основообразующие форманты».

- *terh₁- ‘сверлить, тереть’ (LIV: 632). Др.-гр. τεῖρω ‘изнурять, терзать, мучить’, τέρετρον ‘сверло’, лат. tergō, -ere ‘тереть’, лит. *tirti*, (*tirti*) ‘исследовать, узнавать’, рус. *тереть*;
- *terh₃- ‘ранить’ (LIV: 634). Др.-гр. τρώω, ττρώσκω ‘ранить; прободать, разбивать, раскалывать’ (Сравнивается с вед. *turá-* ‘рана’, но такое значение допустимо только в одном контексте – RV 8, 79, 2, в других – это ‘сильный’ и т. п.);
- *treh₃(ǵ)- ‘прогрызать, изгрызть’ (LIV: 647). Др.-гр. τρώω ‘грызть; есть’, тох. Б *treṣṣām* ‘разжёвывать; перекусывать пополам’;
- ?*treig^u- ‘тереть’ (LIV: 648). Только др.-гр. τρίβω;
- 1.*trep- ‘толочь; мять; топать’ (LIV: 650). Др.-гр. τραπέω ‘давить (виноград)’, ?рус. *тrepать*;
- ?*tresk̄- ‘выжимать, выдавливать; молотить; бить, колотить’ (LIV: 651). Только германские и балтийские примеры;
- *treuH- ‘вытирать, стирать, сдирать; истратить; истощить’ (LIV: 652). Старославянские, литовские, др.-греческие формы;
- ?*treup- ‘(ис)крошиться’ (LIV: 653). Литовский, русский (?);
- *ster- ‘повергнуть, убить’ (LIV: 597). Вед. аорист *astar* ‘сразил’;
- *(s)terǵⁿ- ‘разбивать’ (?) (LIV: 598) Скр. *tarh-* ‘вредить; бить, дробить, разламывать’, хет. *ištar(ak)zi* (aor.);
- ?*(s)terk̄- ‘загрязнять, осквернять’ (LIV: 600). Только литовский.

Возможно, хотя и сомнительно, отнесение к этой группе еще нескольких корней:

- *terg^u- ‘грозить, угрожать’ (LIV: 632). Примеры только из эпического и класс. скр.: *tarjati* (Pres.), *tatarja* (Perf.), *tarjana-* ‘угроза’, *tarjanī* ‘указательный палец’;
- *terh₂- ‘преодолевать; пересекать (есть значение ‘побеждать’)’. Хеттские, ведийские и авестийские примеры. Возможно сюда же лат. *trāns* (LIV: 633);
- *terk^u- ‘вращать(ся), крутить(ся)’ (LIV: 635). Хет. *tarukzi*, *tarkuanzi* ‘танцевать’, лат. *torqueō*, *-ēre* ‘вращать, поворачивать’, алб. *tjerr* ‘прядет, плетет’; (возможно сюда же скр. *tark-* ‘предполагать, считать’);
- ?*treh₁- ‘вращать’ (LIV: 647). Только германские примеры;
- *trenk- ‘напирать; теснить; настаивать (на чём-л.)’ (LIV: 649). Герм., кельт., лит.
- 2.*trep- ‘поворачивать’ (LIV: 650). Др.-гр. τρέπω, τροπέω, хет. *teripzi* ‘пахать’, скр. *trap-* ‘смущаться’, *trapā* ‘стыд’, *tprā-* ‘беспокойный, взволнованный; боязливый’;
- *treuH- ‘толкать’ (LIV: 651). Лат. *trūdō*, *-ere*; германские и албанские формы;
- *sterh₃- ‘расширять’ (LIV: 599). Скр. *star-* ‘разбрасывать, расстилать’; лат. *sternō* ‘расстилать’; авест., др.-гр., ст.-слав., алб. соотвествия;

- ?*streb^h- ‘крутить’ (LIV: 603). Только др.-гр. στρέφω;
 1.*streǵg- ‘касаться’ (LIV: 603) лат. *stringō*, -ere ‘касаться’, рус. *стричь*;
 герм. формы;
 2.*streǵg- ‘проникать; втыкать’ (LIV: 604). Литовские и польские
 формы;
 *streng^h- ‘свертывать; скручивать’ (LIV: 604) лат. *stringō*, -ere ‘стяги-
 вать, свертывать, сжимать’; хотан. (pa-)strīs- ‘стать твердым’;
 *streu- ‘рассыпать; разбрасывать’ (LIV: 605). Лат. *struō*, -ere ‘укла-
 дывать рядами), строить’; герм.; кельт.; ст.-слав.

Третья группа корней неоднородна и вряд ли может быть как-то семантически связана с первыми двумя:

- *ter- ‘говорить’ (LIV: 630). Хет. *taranzi* ‘говорить’, лит. *tariù*, *taryti*;
 *TerKh₂- ‘позволять’ (LIV: 635). Тохарские и хеттские примеры;
 1.*terp- ‘утолять голод, наедаться’ (LIV: 636). Скр. *tarp-*, греч. τέρπω,
 лит. *tarpstù*;
 2.*terp- ‘оцепенеть, застывать’ (LIV: 636). Славянские примеры, лат.
torpeō, -ēre;
 *ters- ‘засыхать; высыхать; страдать от жажды’ (LIV: 637) скр. *tarṣ-*
 ‘изнемогать от жажды’, готские, хеттские, латинские, албан-
 ские соответствия;
 ?*treH- ‘защищать, охранять’ (LIV: 646). Только скр. *trā-*, авест. *θrā-*;
 *treh₁u- ‘поднимать; кормить’ (LIV: 647). Авест. *θraoštā* (аог. 3 sg.);
 германские примеры;
 *trem- ‘дрожать (от страха)’ (LIV: 648). Др.-гр., лат., тох., алб., умбр.,
 оск.;
 ?*trejK- ‘промахнуться, упустить’ (LIV: 648). Только тохарские формы;
 *tres- ‘дрожать (от страха)’ (LIV: 650). Скр. *tras-*, авест. *teresaiti*, рус.
трясти, др.-гр. τρέμω, лат. *tremō*, -ere; др.-гр. τρέω;
 ?*treug- ‘высохнуть’ (LIV: 652). Только др.-гр. τρύγη и глоссы из
 словаря Гезихия;
 *sterg- ‘заботиться, беспокоиться’ (LIV: 598). Др.-гр. στέργω ‘любить’;
 рус. *стеречь*;
 ?*sterh₁- ‘быть лишённым, нуждаться’ (LIV: 599). Только др.-гр.
 στέρομαι
 *(s)trep- ‘шуметь’ (LIV: 605). Лат. *strepō*, -ere;
 *streug- ‘прикасаться, намазывать, вытирать’ (LIV: 605). Др.-гр.
 στρέβωμαι ‘страдать’; рус. *строгать*, *стружка*.

Таким образом, только три древнеиндийских корня отно-
 сятся к группе корней с явно выраженным значением «деструк-
 тивного воздействия на объект», это корни *tard-*, *tarh-* и *star-*. В
 статье рассматриваются употребления этих глаголов и одно-
 коренных с ними имен прежде всего в ведийских самхитах –
 Ригведе (RV; RV I–III) и Атхарваведе (Шаунака) (AVŚ; AV I–

III), а также в поздневедических текстах – Шатапатха-брахмане (ŚB; Eggeling 1882, 1885), Катха-упанишаде (KUp.), Апастамба-дхармасутре; эпический санскрит представлен контекстами из Махабхараты, а в качестве образца классического санскрита использован текст поэмы Калидасы (начало I тыс. н. э.) «Рагхуванша» («Род Рагху»), содержащий много батальных сцен, поскольку он является хроникой царской династии, к которой принадлежал и легендарный эпический герой Рама (Ragh.; Калидаса).

1. Tard-

Tard- < *terd- ‘повреждать, разбивать, расщеплять, буравить и т. п.’ (презент *tr̥nadmi* (1 sg.), *tr̥nátī* (3 sg.) – 7 кл. в ведийском и *tárdati* – 1 кл. в классическом санскрите; императив *tr̥nd^hi* (2 sg.); имперфект *atr̥nat*; перфект *tatárda*; аорист *átardī*). Ведийские примеры достаточно многочисленны и разнообразны по формам, хотя и не составляют полной парадигмы (Whitney 1885). Рассмотрим наиболее показательные случаи.

Ряд контекстов относится к мифу о победе Индры над демоном засухи Вритрой и освобождении вод (Macdonell 1897: 58–62); при этом сам глагол *tard-* в форме имперфекта или перфекта обозначает проламывание преграды – это значение выводится из содержания мифа и подкрепляется употреблением при глаголе прямого дополнения *k^háni* ‘отверстия (Acc. pl. от *k^ha-* n.)’:

vájrena k^háni atr̥nat nadínām / vṛt^hā asrjat pat^hib^hiḥ dīrg^hayāt^haīḥ (RV 2, 15, 3) ‘Ваджрой [Индра] отверстия **пробил** [для] рек / [и] пустил [их] путями длинными’; *ánu apám k^háni atr̥ntam ójasā* (RV 7, 82, 3) ‘Для вод отверстия вы [Индра-Варуна] **проделали** силой’.

При этом сама синтаксическая конструкция «глагол *tard-* + прямое дополнение *k^háni* ‘отверстия (Acc. pl.)’» в таком виде присутствует далеко не во всех контекстах, имеющих отношение к рассматриваемому сюжету; прямое дополнение может быть опущено, и тогда, если не учитывать весьма обычный для ведийского текста эллипсис, можно здесь усмотреть значение «освободить» (*atr̥nat sīrāḥ, tatarda apás* ‘освободил потоки/воды (Acc. pl.)’: *páriṣṭ^hitāḥ atr̥nat badbad^hānāḥ / sīrāḥ índraḥ srávitave pṛt^hivyā* (RV 4, 19, 8) ‘Стесненные **освободил** запертые / потоки Индра, чтобы текли по земле’; *áhann áhim ánu apás*

tatarḍa / *prá vakṣáṇā ab^hinat párvatānām* (RV 1, 32, 1) ‘(Индра) убил змея, воды **освободил**, / недра рассек гор’.

Еще один ведийский сюжет, связанный с проламыванием / пробиванием преграды / освобождением – это миф Вала. Вала – имя демона и одновременно название его пещеры, в которой тот прятал похищенных коров. Индра с помощью своих союзников Брихаспати и Ангирасов освобождает коров, пробив ваджрой выход из пещеры, и убивает самого демона: *píbā sótam ab^hí yám ugra tárdah* / *ūrvám gávyam máhi ...* / (RV 6, 17, 1) ‘Пей сому, о сильный [Индра], ради которого ты **пробил** (2 sg. Aor. subj.) укрытие коровье великое...’; *jahí sátrūn ab^hí gāḥ indra trnd^hi* (RV 6, 17, 3) ‘Разбей врагов, к коровам, о Индра, **пробей(ся)**’; *vīlāi satīḥ ab^hí d^hīrāḥ atrndan* (RV 3, 31, 5) ‘к находящимся в твердыне [коровам] мудрые [Ангирасы] **пробились**’.

Производное имя деятеля от корня *tard-* – *tradá-* ‘освободитель’ также встречается в сюжете о спасении коров: *tradám vājasya gómataḥ* / *samānám u prá śaṃsiṣam* (RV 8, 45, 28) ‘**освободителя** добычи-коров (т. е. Индру) / одинакового хочу прославить’.

Эти два мифологических сюжета постоянно пересекаются, поскольку сравнение стремительно стекающих потоков воды с бегущими стадами коров вообще характерно для Ригведы, например: *vāsrāḥ iva d^henávaḥ syāndamānāḥ* / *āñjah samudrām áva jagmuḥ āpaḥ* (RV 1, 32, 2) ‘Как дойные коровы, устремившиеся [к телятам] / быстро к морю сбежали воды’ (здесь речь идет об освобождении вод Индрой); или в гимне Марутам-подателям дождя: *tatrḍānāḥ sínd^havaḥ kṣódasā rájah* / *prá sasruḥ d^henávaḥ yat^hā* / (RV 5, 53, 7) ‘**Прорвавшиеся** (*tatrḍānā-* Prt. perf. med.) потоки лавиной в воздушном пространстве / вперед помчались, словно коровы’ (т. е. так Маруты изливают дождь из небесной бадьи).

Еще одна группа контекстов передает идею «прокапывания / пробурывания колодца или источника, дающего те или иные блага» – здесь рассматриваемый глагол употребляется не буквально, а фигурально и несомненно несет в себе положительную, а не разрушительную семантику: *ásmāsyam avatám bráhmanaḥ pátīḥ* / *mád^hud^hāram ab^hí yám ójasā átrṇat* / *tám evá víśve papire swardṣo* (RV 2, 24, 4) ‘Каменный колодец медоносный, который Брахманаспати силой **проделал**, / из него ведь все пили видящие солнце’ (Гельднер усматривает в этом образе пещеру с коровами из мифа Вала – РВ II: 676); *ṛtám*

*cikitvaḥ ṛtām ít cikidd^hi / ṛtāsya d^hārāḥ ānu trnd^hi pūrvīḥ / (RV 5, 12, 2) ‘Знающий закон, закон и знай! / **Пробуравь** [о Агни] многие источники закона!’; *ab^hy-āb^hi hí śrávasā tatárdū^ha / útsam ná kām cit janapānam ákṣitam (RV 9, 110, 5) ‘Ведь со славой ты [Сома] **пробуравливал** / Будто какой неиссякающий источник, из которого пьют люди’.**

Значение «проделывать какое-либо отверстие» встречается и в более поздних ведических текстах: *kāḥ saptá k^hāni ví tatarda śīrṣāṇi / kārṇāv imāi nāsike cákṣaṇī mūk^ham / (AVŚ 10, 2, 6) ‘Кто **просверлил** семь отверстий в голове / Два этих уха, две ноздри, два глаза, рот?’; *parāñci k^hāni vyatrṇat svayamb^hūḥ / tasmāt parāñ paśyati nāntarātman (KUp., 2, 1, 1, 1) ‘Направленными в сторону отверстия проделал Самосуший [Брахма] / Поэтому в сторону смотрит, а не вовнутрь человек’; *śatātṛṇṇā kumbhī bhavati (ŚB 12, 7, 2,13) ‘Есть кувшин сто раз **продырявленный**’.***

Значение «проникать куда-то, преодолевая сопротивление, прилагая усилия» представлено уже в Ригведе: *ṛtāsya ślókāḥ bad^hirā tatarda / kārṇā bud^hānāḥ śucāmānaḥ āyóḥ // (RV 4, 23, 8) ‘Закон шлока глухие **пронзила** / уши, пробуждающая [и] пылающая, [y] человека’; *āti d^hānvāny āty apās tatarda / śyenó nṛcákṣā avasānadarśāḥ / (AVŚ 7, 42, 1) ‘Через пустыни, через горы **прорвался** / сокол [т.е. солнце], взирающий на людей, глядящий на место отдыха’. Это же значение присутствует и в Атхарваведе: *tisró divó āty atrṇat tisrá imāḥ pṛ^hivīr utá (AVŚ 19, 32, 4) ‘Ты [трава *дарбха* для амулета] **прорвалась** через три неба и через три эти земли’.***

И, наконец, значение «проткнуть, повредить, разрушить» (как правило, в форме императива 2 л. ед. ч.) в Ригведе встречается реже, чем другие значения этого глагола (едва ли не единственный несомненный пример – *pāri trnd^hi pañinām / ārayā hṛdayā kave / (RV 6, 53, 5) ‘**Проколи** острием скупцов сердца, о поэт [т. е. Пушан]’); но неоднократно обнаруживается в более поздних текстах, например, в заговорах Атхарваведы: *tváyāhām durhārdo jihvām ní ṛṇadmi vácāmsi (AVŚ 19, 32, 4) ‘С тобой [амулет] я **рассеку** злосердечный язык и речи’; *akṣyañ ní vid^hya hṛdayam ní vid^hya jihvām ní trnda^hi prá dató mṛṇṇhi / piśācō asyā yatató jag^hāsāgne yaviṣ^ha práti śṛṇṇhi (AVŚ 5, 29, 4) ‘Проткни глаза! Проткни сердце! **Рассеки** язык! Раздоби зубы!’; *trnda^hi darb^ha sapātnām me trnda^hi me pṛtanāyatāḥ / trnda^hi me sārvañ durhārdo trnda^hi me dviṣatō maṇe (AVŚ 19, 29, 2) ‘**Разбей**, дарбха****

[= амулет], соперников моих, **разбей**, со мною борющихся!
Разбей всех злосердечных ко мне, **Разбей** моих врагов!

Значение «проделывать отверстие» сохраняется и в производном от этого корня существительном *tárdma-* ‘отверстие’: *yugáśya tárdma* ‘отверстие ярма’ AVŚ 14, 1, 40 (при этом в том же заговоре встречается синонимичное словосочетание *k^hé yugáśya* ‘в отверстии ярма’ – AVŚ 14, 1, 41). Значение «уничтожать, разрушать» представлено в производном имени с префиксом: *pra-tardana-* ‘уничтожающий’, оно же – имя собственное легендарного риши Пратарданы, которому традиция приписывает создание 96-го гимна X мандалы Ригведы и который одновременно был могучим воином и прославился тем, что жестоко отомстил врагам своего отца Диводасы, царя Каши; этот персонаж неоднократно упоминается в Махабхарате (Мах. I., гл. 87 и др.).

В эпическом санскрите как личные, так и неличные глагольные формы от корня *tard-* неупотребительны.

Здесь же можно было бы рассмотреть еще один древнеиндийский глагольный корень – *taḍ-* – ‘бить, ударять; наказывать; ранить; играть на музыкальном инструменте’ (*tāḍáyati* – X кл.), который всегда, в т. ч. и в индийской лексикографической традиции, рассматривается как самостоятельный, но его значения и возможность раннего праkritского фонетического развития *-rd-* > *-ḍ-* с компенсаторным удлинением гласного корня позволяют предположить историческую связь этих двух корней. Как известно, исследователи неоднократно указывали на существование уже в Ригведе некоторого количества праkritизмов (в частности, появление некоторых форм с церебральными). На возможную связь корней *tard-* и *taḍ-* указывал еще Грассманн (Grassmann 512). В Ригведе встречается единственная форма императива этого глагола в поздней, десятой книге: *ví śátrūn tāḍ^hi* (вед. *!* = скр. *ḍ*) *ví mṛḍ^haḥ nudasva* (RV 10, 180, 2) ‘**Разбей** врагов [Индра], разгони противников!’; кроме того, есть производное от этого корня *talít* f. ‘молния’: *dūrē cit sán talít iva áti rocasa* (RV 1, 94, 7) ‘Далеко даже находящийся словно **молния** ярко светишь [Агни]’. В Атхарваведе есть однокоренное существительное *tāḍa-* m. ‘удар’: *nāśya kēsān prá vapanti nórasi tāḍam á g^hnate* (AVŚ 19, 32, 2) ‘тому не срезают волосы, (из-за того) не бьют себя в грудь (букв. в грудь **удар** не ударяют – т. е. того не хоронят).

В эпическом санскрите глагол широко употребителен. В Махабхарате он часто встречается в описаниях батальных сцен в значении ‘ударить, поразить, проткнуть кого-то чем-то’, напр.: *tato vajranikāśena phalgunah prahasann ivac trayodaśenendra-samah kṛpaṃ vakṣasy atādayat* (Мах. 4, 52, 23) ‘Затем тринадцатой, молниеподобной (стрелой) Пхальгуна, равный самому Индре, смеясь, **ударил** Крипу в грудь’; *senāpatih suśarmāṇaṃ śīghraṃ marmasv atādayat / sa cāpi taṃ tomareṇa jatrudeśe atādayat* (Мах. 7, 13, 35) ‘Сенапати Сушармана быстро во внутренности **поразил**, / но и тот его дротиком в ключицу **поразил**’; *sa durmukhaṃ bhruvor madhye nārācena vyatādayat* (Мах. 7, 24, 39) ‘Он Дурмуку между бровей стрелой **ударил**’. Такое же значение представлено и в произведениях классического санскрита, напр. в поэме Калидасы «Рагхувамша»: *raghur bhṛṣaṃ vakṣasi tena tāḍitaḥ rapāta bhūmau* (Ragh. 3, 61) ‘Рагху, сильно в грудь им [Индрой] **пораженный**, пал на землю’.

Однокоренные имена – *tāḍa-* м., *tāḍana-* н. ‘удар’; *tāḍaka-* м. ‘убийца’; *Tāḍakā* – имя персонажа из Рамаяны, чудовишной ракшасы, убитой Рамой.

2. Tarh-

Tarh- < *(s)terǵ^h- ‘вредить; бить, дробить, разламывать’ (pres. *trḥāti* VI кл., *trṇédhi* VII кл.; fut. *tarhiṣyāti*, pf. *tatārha*, aor. *átarhīt*; pp. *trḥa-*/ *trḥa-*). В Ригведе имеется только четыре контекста с формами, образованными от этого корня, причем один из этих контекстов, *kūtam sma trṃhát ab^hīmātim eti* (RV 10, 102, 4), исследователи считают неясным. Т. Я. Елизаренкова переводит его как «Он шел в наступление, как **сокрушительный** молот», понимая *trṃhát* как причастие и указывая на условность перевода; при этом в грамматике Макдонелла (Macdonell 1910) эта форма трактуется как имперфект 3 л. ед. ч. без аугмента. Кроме того, в Ригведе дважды встречается причастие прошедшего времени и один раз отглагольное прилагательное: *vailast^hānām pári tr^hāḥ áseran* (RV, 1, 133, 1) ‘На месте битвы [враги] кругом **растерзанные** полегли’; *tr^hā rákṣāmsi vājínā* (RV 6, 16, 48) ‘**Разгромлены** ракшасы героем [Агни]’; *indrāsomā vartáyatam divāḥ vad^hám / sám pṛt^hivyāḥ ag^hásamsāya tárhaṇam* (RV 7, 104, 4 = AVŚ 8, 4.4) ‘О Индра-Сома, скатите с неба (и) с земли / оружие [против] злоязыкого, **убивающее** (расплющивающее – RV II: 272)’.

В Атхарваведе наблюдается несколько большее разнообразие личных глагольных форм: *vīrā́ yé tr̥hyánte mit^hó* ... (AVŚ 5, 17, 7) 'И какие герои **разбивают** (praes. 3 pl.) друг друга...'; *dṛṣṭám adṛṣṭám atr̥ham átho kurūrurum atr̥ham* (AVŚ 2, 31, 2) 'Видимого-невидимого я **раздавил** (impf. 1 sg.), а также кукурузу [вид червей] я **раздавил**'; *índro ha b^hūt^vās^urāms tatarha* (AVŚ 11, 5, 7) 'Индрой же став, [брахмачарин] асуров **сокрушил**' (pf. 3 sg.); *tr̥nédv enān matyāṁ b^havāsya* (AVŚ 8, 8, 11) 'Пусть **расплющит** (impv. 3 sg.) их дубина Бхавы!'; *tvāṁ tān indra vṛtrahan pratīcaḥ pūnar ā kṛd^hi yát^hāmúṁ tr̥ṇáhāṁ jánam* (AVŚ 5, 8, 7) 'О Индра-убийца Вритры, направь ты их снова обратно, чтобы они разбили вдребезги того человека' (*tr̥ṇáhān* – praes. subj. 3 pl., Macdonell : 344).

Неличные формы представлены причастием настоящего времени и герундием: *téṣām u tr̥hyámāṇānām káḥ svit téṣām asad rāsaḥ* (AVŚ 10, 4, 18) 'У тех, **раздавливаемых**, какой же у них может быть сок'; *durṇāmnāḥ sár^vvāms tr̥d^hvāva ráksāmsy akramūt* (AVŚ 19, 36, 5) 'Злоимённых всех **уничтожив** (= **расщепив** – АВ III: 164), [он] ракшасов растоптал'. Кроме того, имеется отглагольное прилагательное *tarhaṇa-* (ж. р. *tarhaṇī*): *indrasya yā mahī dṛṣat krimer vísvasya tarhaṇī* (AVŚ 2, 31, 1) 'Индры этот великий жернов, червя любого **давящий** (ж. р.)'.

Итак, на основании рассмотренных контекстов можно для глагола *tarh-* в ведийском языке предположить значение 'разрушать, убивать, давить'. В эпическом и классическом санскрите он выходит из употребления; только в словаре буддийского санскрита Эджертон приводится форма *tr̥mhaṇa(-ta)* 'разрушение', которая зафиксирована в единственной рукописи (Edgerton 1953: 256).

Здесь же следует упомянуть корень VI класса *str̥h-* 'убивать, вредить, ранить', который приводится в словарях как вариант корня *tarh-* (PWG VII: 1261; MW: 1260) со ссылкой на список корней из «Дхатупатхи» Панини и с единственным засвидетельствованным контекстом из Апастамба-дхармасутры (см.: Bühler 1932: xlv, 95): *str̥hatīm ca gām nācakaṣīta* 'Если корова попортила [что-то] (букв. **попортившая** корова), не следует (об этом) говорить'.

3. Star-

Древнеиндийский корень *star-* объединяет собой формы, неоднородные как по формальным признакам, так и по

значению. Презентные основы от этого корня образуются суффиксами *-nó-/ni-* (V класс по индийской грамматической традиции), *-ná-/nī-* (IX кл.) и реже – с помощью тематического гласного (I кл.); аористные основы встречаются четырех типов: корневые (I кл.), редуцированные (III кл.) и два сигматических, с суффиксами *-s-* (IV кл.) и *-iṣ-* (V кл.). Все эти формы относятся к одной из двух семантических групп: 1) «уложить, убить, бросить наземь» и 2) «расстилать, раскладывать, разбрасывать; рассеивать»; уже неоднократно исследователи делали попытки как-то соотнести тип основы с тем или иным лексическим значением (напр. MW: s.v.). В LIV они соответственно распределены между двумя реконструируемыми корнями: в первом случае **ster-* ‘повергнуть, убить’ (LIV: 597), во втором – **sterh₃-* ‘расширять’ (LIV: 599).

К первой группе значений можно отнести несколько форм из Ригведы: *ástar* (корневой аорист 3 sg.), *star* (инъюнктив аориста 3 sg.), а также презентные формы *str̥ṇóṣi* (2 sg., V кл.), *stárate* (3 sg., I кл.) и *starāmahe* (1. pl. med., I кл.). Ниже приводятся относящиеся к ним контексты:

vājreṇa hí vṛtrahā vṛtrám ástar (RV 10, 111, 6) ‘Ведь ваджрой убийца-Вритры **сразил** Вритру’; *ékam ca yáḥ viṃśatīm ca śravasyā / vaikarṇáyoḥ jánān rājā ní ástar* (RV 7, 18, 11) ‘Двадцать одного человека ради славы / из двух племен царь **поверг ниц**’; *ní árbudam vāṇḍhānāḥ ástar* (RV 2, 11, 20) ‘Ниц Арбуду [демона] усилившийся [Индра] **поверг**’; *mā naḥ star ab^htmātaye* (RV 8, 3, 2) Не **повергни** нас для врагов (= Не **расстели** нас (под ноги) преследователю! – РВ II: 282); *nahí tvā śátruḥ stárate str̥ṇóṣi yám / víśvam śátrum str̥ṇóṣi yám* (RV 1, 129, 4) ‘Враг не **сразит** тебя, которого ты [Индра] **сразишь**, / всякого врага ты **сразишь**’; *kám u svít asya sēnayā / agnēḥ ápākacakṣasaḥ / pañtīm góṣu starāmahe* (RV 8, 75, 7) ‘Какого же пани [= демона] войском / этого Агни далекосветящего [т. е. с помощью языков пламени] / из-за коров мы **сразим**’. В Атхарваведе есть форма *tastiré* (3 sg. pf. med.): *śatám ca na praháranto nig^hnánto ná tastiré / tásminn índraḥ páry adatta cákṣuḥ prāṇám át^ho bálam ...* (AVŚ 19, 46, 3) ‘Сотня напавших воинов не **одолела** [того] / кого Индра наделил зрением, душой и силой’.

Сюда же можно отнести встречающееся несколько раз в Ригведе и Атхарваведе отглагольное прилагательное *astr̥ta-* ‘непобедимый, необоримый’, которое в частности употребляется и в качестве эпитета Индры, Агни и Сомы, например:

vṛtrahā adiṣṭa paúṃsyam / ájātasatruḥ ástr̥taḥ (RV 8, 93, 15) ‘убийца Вритры [= Индра] показал мужество, / [он,] чей враг еще не родился, **необоримый**’.

Вторая группа более многочисленна и разнообразна по формам, но при этом большинство контекстов относится к расстиланию *бархис* – подстилки из священной травы *дарбха*, которая была неизменным атрибутом при проведении жертвенного обряда. Поэтому кажется допустимым привести только несколько примеров такого типа: *str̥ñānti* (praes 3 pl.) *barhíḥ ānuśák* (RV 8, 45, 1) ‘[Те] **раскладывают** [жертвенную] подстилку по порядку’; *str̥ñā́* (impv.) *barhíḥ ānuśák* (RV 1, 13, 5) ‘**Расстелите** подстилку по порядку’; *tistiré barhíḥ ānuśák* (RV 3, 41, 2) ‘**Разложена** (pf. med.) подстилка по порядку’; *stīrné* (part. pf.) *barhíṣi samidhāné agnaú* (RV 6, 52, 17 = 4, 6, 4) ‘[Когда] **расстелена** подстилка (и) зажжен огонь...’; *stīrnám* (part. pf.) *te barhíḥ sutáḥ indra sómaḥ* (RV 3, 35, 7) ‘**Расстелена** тебе подстилка, выжат, о Индра, сома’.

Наконец, есть случаи, которые могут занимать промежуточное положение между двумя семантическими группами (оба приведенных ниже контекста Т. Я. Елизаренкова считает неясными): *ástr̥ñāt barhāṇā vipáh / aryáḥ mānasya sá kṣáyah* (RV 8, 63, 7) ‘[Индра] мощно **разметал** (impf.) молитвы / врага, этот властитель почитания (РВ II: 712)’ и *sá māyāḥ arcínā padā / ástr̥ñāt nākam á aruhat* (RV 8, 41, 8) ‘Ногою-лучом он **рассеял** колдовские чары, / Он взшел на небосвод (РВ II: 698)’.

Названия для жертвенной подстилки из священной травы, производные от корня *star-* (в значении «расстилать»), встречаются как в Ригведе: *upa-stáraṇa-* n. (RV 9, 69, 5), *upa-stír-* f. (RV 9, 62, 28), так и в Атхарваведе: *upa-stára-* n. (AVŚ 14, 2, 21); *prastarā-* m. (AVŚ 18,1, 60 и др., напр: *imāṃ yama prastarām á hí rōhāṅgirobhíḥ pitṛbhíḥ samvidānāḥ* ‘На эту, о Яма, **подстилку** поднимайся, с Ангирасами-отцами согласный’). Другие производные от этого корня имена со значениями «распространенный; широкий, большой» и т. п. широко представлены в эпическом и классическом санскрите.

В Махабхарате значения «расстилать, разбрасывать, покрывать и т. п.» у форм, производных от корня *star-* представлены достаточно широко, но при этом личные формы глаголов встречаются редко. Вот один из немногих примеров имперфекта: *tatas tān antarīyeṇa vāsasā samavāstr̥ṇot / tasyāntarīyam ādāya jagmuḥ sarve vihāyasā* (Мах. 3, 58, 013) ‘Тогда их [птиц] своим нижним

одеянием он **накрыл**, но птицы, схватив одежду его, все улетели'. Чаще это либо причастия, либо отглагольные имена, напр.: *śirobhiḥ patitai rājan bāhubhiś ca samantataḥ / āstīrṇā vasudhā sarvā śūrāṇām anivartinām* (Мах. 7, 134, 027) 'Головами упавшими, о царь, и руками героев храбрых повсюду **усеяна** вся земля там'

Если сопоставить значения рассмотренных глаголов, то можно отметить, что первые два из них в некоторых контекстах синонимичны и понимаются как передающие значения «убивать, ранить», но при этом для *tard-* еще характерно значение «просверливать, проделывать отверстие (в том числе, чтобы освободить)», а для *tarh-* – значение «давить, расплющивать». Таким образом, можно предположить, что расширители *-d-* и *-h-* здесь могут уточнять лексическое значение изначально более простого корня. Третий же глагол, *star-*, как представляется, требует дополнительного исследования, поскольку ведийский материал не дает достаточно аргументов за или против разделения его на два омонимичных корня. Как было показано выше, если предположить исходное значение «бросать наземь», то из него с достаточной долей вероятности можно вывести и «расстилать, покрывать», и «повергнуть, сразить» (об этом пишет и Майрхофер – EWA II: 755).

Литература

- AB I–III – Атхарваведа (Шаунака): В 3-х томах / Пер., вступ. ст., комм. и прил. Т. Я. Елизаренковой. М.: Вост. лит., 2005–2010 (= Серия «Памятники письменности Востока». Вып. СХХХV, ч. 1–3).
- Казанский 2014 – Казанский Н. Н. Расширитель индоевропейского корня *-bh- и его отражение в древнегреческом языке (др.-греч. ἀλείφω и δικάω) // Индоевропейское языкознание и классическая филология-ХVIII (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы международной конференции, проходившей 23–25 июня 2014 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2014. С. 348–358.
- Калидаса – Калидаса. Род Рагху / пер. с санскрита, введ. и прим. В. Г. Эрмана. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996 (Памятники культуры Востока, VIII).
- Махабхарата. Книга первая: Адипарва / Пер. с санскрита и ком. В. И. Кальянова / Под ред. А. П. Баранникова. 2-е изд. М.: «Ладомир», 1992. (Литературные памятники).
- Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва) / Пер. с санскрита и ком. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М.: Наука, 1987. (Памятники письменности Востока).

- Махабхарата. Книга четвёртая: Виратапарва, или Книга о Вирате / Пер. с санскрита и коммент. В. И. Кальянова / Отв. ред. В. В. Струве. М.: «Ладомир», 1993. (Литературные памятники).
- Махабхарата. Книга седьмая. Дронапарва или Книга о Дроне / Пер. с санскрита и ком. В. И. Кальянова / Отв. ред. М. Н. Боголюбов. СПб.: «Наука», 1993.
- PВ I–III – Ригведа. [В 3 т.] / Пер. Т. Я. Елизаренковой (Серия «Литературные памятники»). М.: Наука, 1989–1999.
- AVŚ – Atharva-Veda Samhitā. Śaunaka Recension. TITUS Text collection / V. Petr, P. Vavroušek, J. Gippert // <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/ind/aind/ved/av/avs/avs.htm>
- Bühler 1932 – Āpastamba Dharmasūtra. Ed. G. Bühler (3rd ed.): Bombay Sanskrit Series Nos. 44, 50. Poona: Bhandarkar Oriental Research Institute. 1932.
- Edgerton 1953 – Edgerton F. Buddhist Hybrid Sanskrit. Vol. II: Dictionary. New Haven: Yale UP. 1953.
- Eggeling 1882, 1885 – The Satapatha Brahmana / translated by Julius Eggeling. Parts 1–2 // Sacred Books of the East. Vol. 12, 1882; vol. 26, 1885.
- EWA – Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. I–III. Heidelberg: C. Winter, 1986–2001.
- Grassmann 1873 – Grassmann H. Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig, 1873 (= Delhi, 1999).
- IEW – Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern: Francke, 1959.
- KEWA – Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Bd 1–4. Heidelberg: C. Winter, 1956–1980.
- LIV – Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen. Unter Leitung von H. Rix ... bearbeitet von M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer, 2. Auflage. Wiesbaden: Reichert. 2001
- Macdonell 1897 – Macdonell A. A. Vedic Mythology. Strassburg: Verlag von K. J. Trübner, 1897 (Grundriss der Indo-Arischen Philologie und Altertumskunde, III. Band, 1. Heft A).
- Macdonell 1910 – Macdonell A. A. Vedic Grammar. Strassburg, 1910.
- MW – Sanskrit-English Dictionary / Sir M. Monier Williams (1st Ed., 1899).
- Mah – Mahabharata (input by Muneo Tokunaga). http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretl_utf.htm#MBh
- PWG I–VII – Böhtlingk O., Roth R. Sanskrit-Wörterbuch. St. Petersburg, 1852–1875. T. I–VII.
- Ragh – Kalidasa: Raghuvamsa. Based on the ed. by A. Scharpé: Kalidasa Lexicon, Vol. 1. Brugge, 1964 // http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil/1_sanskrit/5_poetry/2_kavya/kragh_pu.htm
- RV – R̥gveda-Samhitā. TITUS Text collection / J. Gippert // titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/ind/aind/ved/rv/mt/rv.htm
- ŚB – Satapatha-Brahmana, Madhyamdina recension (input by H.S. Ananthanarayana & W. P. Lehman) // GRETIL – Göttingen Register of Electronic Texts in Indian Languages and related Indological materials

from Central and Southeast Asia (http://fiindolo.sub.uni-goettingen.de/gret_utf.htm#SatBr).

Whitney 1885 – Whitney W. D. The Roots, Verb Forms, and Primary Derivatives of the Sanskrit Language. A Supplement to his Sanskrit Grammar. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1885.

E. R. Kryuchkova. Sanskrit roots *tard-*, *tarh-* and *star-*

The present paper compares Vedic (Ṛgveda-Saṃhitā, Atharva-Veda Saṃhitā, Śatapatha Brahmana, Āpastamba Dharmasūtra) and Sanskrit (Mahabharata, Raghuvamśa) contexts containing verbs and nouns derived from Sanskrit roots *tard-*, *tarh-* and *star-*. These three roots can be interpreted as having a common meaning of «a kind of harmful effect on an object». At least the first two of them could be analysed within the theory of Indo-European root extensions.

Keywords: Indo-European roots *terd-, *(s)terǵ^h-, *ster-, *sterh₃-, Sanskrit roots *tard-*, *tarh-* and *star-*, Ṛgveda, Atharva-Veda, root extensions.

**OPIGENA IUNO AND ETRUSCAN OCNUS: THEIR WAY
TO PAULUS' EPITOME DE VERBORUM SIGNIFICATU**

Opigena Iuno и этрусский герой Ocnus: их путь к «Эпитоме» Павла Диакона. В статье рассматриваются два единственных случая сложных слов на *-gena* и *-genus*, которые сохранились в *De verborum significatu*: Paulus 200,7 M 221 L *Opigenam* и Paulus 195,2 M 211 L *oenigenos*. Доказывается, что обе статьи были интерполированы Павлом Диаконом, который использовал в переработанном виде материал Феста. Вероятным первоисточником статьи *Opigena* была глава V, 10 (57–74) *De lingua Latina* Варрона, но сам эпитет *Opigena* не мог относиться к римской религиозной практике. Сложные имена на *-gena* были почти исключительно поэтическими неологизмами, и не могли представлять интереса для Веррия Флакка или Феста. Статус этих слов изменился в каролингскую эпоху, когда они стали престижным элементом ученой латыни. Внимание, которое Павел Диакон уделял этим словам, доказывает, что при составлении «Эпитомы» для него было важно совершенствование собственного латинского языка. Для рукописного *oenigenos* предлагается исправление *Ocnigenas*.

Ключевые слова: Павел Диакон, Фест, Веррий Флакк, Варрон, Юнона, латинское словообразование

Proemium

The surviving text of the *De verborum significatu* provides no more than two instances for compounds in *-gena* or *-genus*¹: 200,7 M 221 L *Opigenam* (presumably a substantive *Opigena*) and 195,2 M 211 L *oenigenos* (presumably an adjective *unigenus*). Both are hapax legomena found as lemmata only in Paulus' *Epitome*, and I intend to demonstrate that both entries were interpolated by Paulus, who recombined the material that was presented in Festus' work.

I. A problem of *Opigena Iuno*

[1.1] Paulus 200,7 M 221 L: *Opigenam Iunonem matronae colebant, quod ferre eam opem in partu laborantibus credebant*

---

¹ This word formation has been studied by Bader 1962; André 1973; Sblendorio Cugusi 2008 (with an updated bibliography). For its probable indo-european origin: Schrijver 1991: 329, 412.

Having rejected an amendment *opigeram*² Karl Otfried Mueller commented on this passage: *facilius credo, Verrium in interpretando nomine erasse*. The problem is that the classical word *Opigena* would mean ‘a child or offspring of Ops’. Verrius Flaccus was, indeed, aware that Juno was considered the daughter of Saturn and Ops. Both Festus and Paulus preserved the note about ‘Ops the wife of Saturn’³, which I partially quote below [3.1], [3.2], and a simple mistake would be improbable.

In the exhaustive study of Latin compounds in *-gena* and *-genus* Jacques André has discussed the problem of *Opigena* at some length (André 1973: 11). André recognized that *Opigena* in the sense ‘opem gignens / ferens’ would be the only case of the ‘active’ meaning of compounds in *-gena*. André ascribed this meaning exclusively to the *-genus* formation (André 1973: 26), but the evidence for it is late, scarce and in some cases doubtful⁴, and he explained Paulus’ entry (indeed, viewed as a descendant of an original commentary by Verrius Flaccus) as a ‘secondary interpretation founded on popular beliefs’. This secondary interpretation could be supported by the epithet of *Juppiter Opitulus* (Paulus 184, 11 M 201 L) and the adjective *opifer*, often applied to gods⁵. The original meaning of *Opigena* still must have been ‘the daughter of Ops’.

II. A linguistic background

The evidence gathered by André himself suggests that compounds in *-gena* which describe an origin were a relatively late innovation, and, with few exceptions, their use was limited to epic and tragic poetry.

Only *indigena* and *alienigena* were used freely in prose. It can be surmised that these two words became the starting point for further development, which seems to be clear from a semantic point of view. The first step was when the original meaning ‘born here / other-

² J. Meursius, *Criticus Arnobianus...* Lugduni Batavorum, 1597, p. 104: *Malim opigenam, suadente nominis veriloquio, quod ponit Festus* (cf. § 3 below).

³ The *Scholia Vallicelliana*, which are closely related to the *De verborum significatu*, contain a detailed genealogical account of Roman gods under the lemma *Filii Saturni et Opis*: ad Isid. Etym. VIII, 11, 30, p. 134 Whatmough.

⁴ See notes 12, 21, 24 below.

⁵ For a useful account of *opitulus* and related words see García Ramón 2003.

where' moved to the semantic pattern 'born in particular place or region'. The earliest examples of this subtype are:

Graiugena Pacuvius 364 Ribb.; *Nysigena* = Νυσσαῖος Catull. 64, 252 (a probable root form for *Nysigenis*); *Troiugena* Catull. 64, 355 (gen. plur. *Truiugenum* normal for compounds in *-gena*)⁶.

Lucretius uses *terrigena* in the sense of 'terrestrial creature':

[2.1] Lucret. 5, 1411: *quam silvestre genus capiebat terrigenarum* (also 5, 1427 *terrigenas*).

The same usage is found in a line of uncertain authorship quoted by Cicero:

[2.2] Cicero De div. 2.133: *Terrigenam, herbigradam, domiportam, sanguine cassam*⁷.

The meaning 'born from particular parent' is at first attested, when a birth from a personification-deity is concerned with. The earliest evidence for this subtype is *Caeligena* 'daughter of Father Caelum' quoted by Varro Varro De Ling. Lat. 5, 62 from an unknown source (see § 4 below)⁸. It is worth noting that compounds in *-gena* or *-genus* are not attested for Ennius who created an euhemeristic genealogy of Roman gods and coined the name *Caelus*. Varro knew the masculine form⁹, but instead *Caelum* is read in the *De lingua Latina*.

Next *nubigenae Centauri* appear in Virgil (Aen. 7, 8,) and Germanicus (Aratea 422).

Ovid began to use *terrigena* in the sense of 'born from the earth' (Met. 3, 118; 7, 36; 7, 141; Heroid. 6,35; 12,99), and, further, 'born from Mother Earth': *terrigenam Typhoea* (Met. 5, 325), followed by

⁶ There is no place to discuss here a forged *Carmen Marcianum* quoted by Livy 25, 12, 5, which cannot be precisely dated, it says: *amnem, Troiugena, fuge Cannam*... The relation of this poetic name for Roman people to the term *alienigena* has been discussed in Urso 1994.

⁷ Cicero FPL⁴ 56; p. 259 Soubiran: a partial translation of Hesiod Op. 571: Ἄλλ' ὅπῳτ' ἂν φερέοικος ἀπὸ χθονὸς ἄμ φυτὰ βαίνη, *terrigena* renders ὕλογενής found in a versified riddle quoted by Athenaeus II p. 63b 1,148 Kaibel: ὕλογενής, ἀνάκανθος, ἀναίματος, ὕγκρόκελευθος.

⁸ But *caeligena* 'folk of sky' = *caelestis* Apul. De mundo 1 p. 138 Helm: *caelum ipsum stellaeque caeligenae omnisque siderea conpago aether vocatur*... Ps. Arist. De mundo 392a5: οὐρανοῦ δὲ καὶ ἄστρον οὐσίαν μὲν αἰθέρα καλοῦμεν. This meaning became normal in mediaeval Latin.

⁹ Varro, Antiquitates rerum divinarum, fr. 64 Cardauns; see Elliott 2013: 140.

Lucanus: *terrigenae Gigantes* (3, 316). Eventually most of the compounds describing origin or filiation used by Ovid are likely to have been his own coinage, and the earliest derivations from proper names are attested in his poetry: *Martigena* (Amor. 3. 4, 39; Fast. 1, 199, Romulus and Remus), *Iunonigenae* (Met. 4, 173, Hephaestus). But *Cadmogena* ‘daughter of Cadmus’ Accius 643 Ribb. 445 Dangel is a loan word Καδμογενής¹⁰.

All these names are to be understood as compressed myths, and this is especially the case of the names derived from common nouns, which point to individual mythological creatures: *anguigenae* (Met. 3, 531, on the people of Thebes) and *serpentinae* (Met. 7, 212, on men born from the teeth of a dragon in Colchis), likewise *ignigena* (Met. 4, 12, on Bacchus) is a hint at a myth of birth, but not at a parent (as *nubigena* and *terrigena* are).

It is not out of place to say, that compounds in *-genus* first emerge in our sources round the same time: *Scipio Asiagenus Comatus* (CIL I² 13 = CIL IV 1291), an obscure derivation from the triumphal cognomen of L. Cornelius Scipio Asiaticus (cos. 190 B.C.). The first appearance in poetry is again in Pacuvius’ Praetext. Paulus 5 Ribb.: *caprigeno generi*¹¹. The word was approved by poets: *caprigenum trita unguis* Accius v. 544 Ribb. 213 Dangel; *caprigeni pecoris* Cicero Prognostica fr. VI p. 195 Soubiran (apud Prisc. 2.196,10 GLK); *caprigenum pecus* Verg. Aen. 3.221. The same pattern underlies the other adjectives: *taurigeno semine* Accius v. 463 Ribb. 398 Dangel¹²; *vitigeni latices* Lucr. 6.1072 (*vitigeni liquoris* Lucr. 5.15). A substantive *caecigenus* Lucr. 2.741 ‘blind from birth’ is also made on this model.

This formation is likely to have been developed from compounds built on the noun *genus*: *omnigenus*, *multigenus*, *primigenus*¹³. The

¹⁰ Accius preferred this hybrid form to the pure Latin form *Cadmigena or the Greek *Cadmogenes (cf. *taurigenus* cited below in this §). Accius’ treatment of the *-gena* formation, thus, differed from his usage attested by Varro De ling. lat. 10, 70: *Hectōra* not *Hectōrem*.

¹¹ Fr. 256 p. 523 Schierl, fr. 4 p. 180 Manuwald. Priscianus 2. 196, 8 is likely to give a better reading *generi*, while Macrobius Sat. 6, 5 14 gives *pecori*: Manuwald 2001, 196.

¹² In Accius *taurigenus* means ‘taureus’ and certainly not ‘qui engendre des taureaux’ as (André 1973: 26); cf. ταυρογενής Διόνυσος: Ioannes Diaconus Galenus 361,5 Flach = 297a Kern.

¹³ Virgil’s *omnigenum deum* (gen. plur., Aen. 8,698) was not accepted by later authors, and the word is not declined in Classical Latin. But in Carmina epigraphica we find: CIL VI, 7578 = CLE 422: *omnigenā viciniā*

original declension is preserved in: *multigeneribus* (Plaut. Capt. 159), *multigenerum* (Plaut. Stich. 383) *multigenera* (Plin. Nat. Hist. 11, 1).

Few late inscriptions provide Latin forms of Greek names like *Diogenus*¹⁴.

Compounds in *-genus* were limited in number, and they formed a definite semantic and morphological pattern, clearly distinguished from compounds in *-gena*. Confusion of the two types does not occur in classical texts. It became, however, possible in the latest period. Priscian 2. 196, 3 GLK claimed with no authorities that '*antiquissimi*' used to say *aliegenus*, *aliegena*, *aliegenum*, and, on the contrary, he thought, that *caprigenum* in Verg. Aen. 3.221 could be understood as *caprigenarum* (2.196, 12; 292, 10 GLK).¹⁵

III. A Carolingian usage

These fluctuations must be taken into account when Carolingian and post-Carolingian usage is considered: *almigenus* (or *almigena*: *almigenis patribus*) is unparalleled in Classical language¹⁶, a few glosses are obscure, e.g.: *penigenam penam sumentem* Gloss. 4, 140, 9 Goetz; *flammigena deflammatus non adustus* Gloss. 5, 501, 5, which is related to the correct *flammigena de flamma natus* Gloss. 4, 237, 51 Goetz. Some of the odd words appear to be corrupt compounds in *-ger*: *penigena pena gerens* Gloss. 5, 509, 56 Goetz; *lanigenos apices capita arietum* Gloss. 5, 462, 43 Goetz is a mutilated gloss to Verg. Aen. 8, 664 *lanigeros apices*¹⁷. But, in general, the usage of Carolingian writers is correct, and words newly created by them would match the classical patterns: *corvigena* subst.¹⁸, *florigenā dulcedine (florigenus?)*¹⁹. A list gathered by Aldhelm in the influential *De metris* (185, 12 Ehwald) includes,

---

(nom. sing.); CIL VIII, 27764 = CLE 2151: *omnigena gramina; omnigenis virtutibus* (Recueil des Inscriptions Chrétiennes de la Gaule, 15, 87).

¹⁴ Marichal 1988, no 177.

¹⁵ Cf. *caprigenum caprarum*: Gloss. 5. 174. 16 Goetz. but there is no parallel for *caprigena* in classical Latin, hence I cannot agree with André who has commented on this case: au fém. *caprigena* 'chèvre', qui ne figure en prose que chez Tertullien (André 1973: 25), cf. Tert. Ad Nationes 1,14 *dii caprigenae*, who are not necessary she-goats).

¹⁶ Ioannes Scottus, II, 48: *Poetae Latini aevi Carolini*, vol. 3, p. 528; *almigen-* is likely to have the same meaning as *indigena*.

¹⁷ It crept into the manuscript text of Apuleius' *Met.* 4, 24 p. 93, 17 Helm.

¹⁸ Sedulius Scottus XXV, 30: *Poetae Latini aevi Carolini*, vol. 3, p. 191

¹⁹ Walahridus Srabo XXII, 173: *Poetae Latini aevi Carolini*, vol. 2, p. 173.

along with classical words, a probable coinage of the author: *folligena*²⁰.

From the point of view of Christian theology, *Verbigena* ‘Verbo natus’²¹ is derived from a proper name. But new words were rarely, if ever, built on personal proper names to describe origin or filiation²², so *Opigena* was certainly non coined by Paulus or by any of his learned colleagues.

Paulus quoted Virgil via the intermediary of Ausonius’ *Epigramms* (72, 2) in his sophisticated fable about a sick lion (v. 11–12)²³:

*His nec defuerant monstrantes cornua cervi,
Capriolique simul caprigenumque pecus.*

This is the only evidence for compounds *in -gena* or *-genus* in Paulus’ poetic and historical works. Nevertheless, we can be sure that he understood well what *Opigena Iuno* meant.

Ethnonyms of the subtype *Francigena*, *Scotigena* is a productive pattern in medieval Latin, and unexpected words could be coined on this model, like *vermiculus favigena* ‘living in honeycombs’²⁴, so *corvigenae* mentioned above is an offensive name for the ‘Saracens’ opposed to the ‘swan-white *Francigenae*’; compare *Christigenae* ‘people of Christ’²⁵.

This patten needs not to be considered here in details.

²⁰ Aldhelm, *De octo principalibus vitiis*, *Octavi saeculi ecclesiastici scriptores*, p. 287A Migne: *Sicut folligenis respirant organa flabris*.

²¹ Prudentius, *Cath. III, 2*; *Vita S. Galli*, 89, *Poetae Latini aevi Carolini*, vol. 2, p. 431. Cf. Venantius Fortunatus, *Vita S. Martini*, 158, p. 335 Leo: *cum necdum his Christi radiaret honore character / nec sacra Verbigeni flueret super unda* Tonantis, – here *Verbigenus* has the same meaning as *Verbigena*.

²² *Robertigena*: Wilhelm Brito Philippid. 10, 475; 11, 337. I could find no Carolingian example of this pattern.

²³ *Poetae Latini aevi Carolini*, vol. 1, p. 62; K. Neff, *Die Gedichte des Paulus Diaconus*, S. 62.

²⁴ *Monumenta Germaniae Historica. Script.* vol. 29, 490. 24. Cf. Prudentius, *Hamartigenia. 786–788*: (Ruth) ... *castoae adscita cubili / Christigenam fecunda domum. Davitica regna / edidit, atque Deo mortales miscuit ortus*... this would be a unique instance for an ‘active meaning’: ‘Ruth gave birth to the house which gave birth to Christ’, as this passage is generally understood. Does it still mean ‘Ruth gave birth to the house of people of Christ’?

²⁵ *Ioannes Scottus*, IV, 45: *Poetae Latini aevi Carolini*, vol. 3, p. 534

IV. *Opigena*: a probable origin

As far as the classical *Opigena* is concerned, it can be surely stated that it was a poetic coinage, which could not differ from other compounds in *-gena* in meaning and stylistic register. The chronology of compounds in *-gena* implies that both *Caeligena* and *Opigena* were coined no earlier than the late 1st cent. B.C.

The word *Opigena* must have emerged in non-epic poetry (as its prosody points to), and it is highly probable that it appeared only once in the Latin literature before Verrius Flaccus. It could not be an old and traditional religious term, and it, equally, could not take its origin directly from Roman religious or calendar practice. Compounds in *-gena* were developing rapidly and extensively in pre-Augustan and Augustan times. They were 'modernist' words, which belonged to an innovative stratum of Latin poetic language, and, therefore, they were hardly of interest for Verrius Flaccus or even Festus.

The ultimate source of the etymologies of *Ops* and *Opigena* is the Chapter 5,10 (57–74) of the *De lingua Latina* (§ 5 below),²⁶ and it must be taken into account that Varro *De Ling. Lat.* 5.62 mentioned the epithet *Caeligena* in a genealogical context: *utriusque testis poesis, quod et Victoria et Venus dicitur Caeligena*. Varro is likely to have used the word *poesis* in the sense 'large-scale completed poem'²⁷, consequently, he must have hinted at definite poetic work, which he did not want to name. In this *poesis* Varro found the epithet *Caeligena*. It may be further suggested that Verrius Flaccus added to his account of Varro's theology a quotation from a certain poem, where the epithet *Opigena* appeared. Was it the same *poesis*, that had been used by Varro? Unfortunately, there is no direct indication of a possible source of *Opigena*²⁸.

This optimistic scenario assumes that *Opigena* was a word known to Verrius Flaccus. It seems, however, impossible that Paulus drew on a vanished classical source which was nowhere attested. It is likewise improbable that Festus was responsible for that hypothetical quotation.

²⁶ The presence of Varro in the work of Festus has been recently discussed in Glinster 2007: 13–19.

²⁷ Brink 1963: 66.

²⁸ There was only one *poesis* available to Varro, where metrics allowed both *Caeligena* and *Opigena* to appear: the *Didascalica* of Accius. Varro quoted the *Didascalica* at least in his *De comediis Plautinis* (Accius *Didasc.* fr. 17 FPL⁴).

V. *Opigena*: an etymology, its position in the *De verborum significatu* of Festus

A correlation between *Opigena* and *Ops* is of crucial importance for understanding of both lemmata in Paulus' *Epitome*.

Paulus' entry *Ops* is extracted from Festus' *opima spolia* 187, 21/189,1 M 202/204 L.

[3.1] Paulus 187, 15 M 203 L *Opis dicta est coniunx Saturni per quam voluerunt terram significare, quia omnes opes humano generi terra tribuit ...*

[3.2] Festus 186, 24 M 202 L (*Ops*) *ideoque in Regia colitur a populo Romano quia omnes opes humano generi terra tribuat*

The note about *opima spolia* occupies the pages 186 and 190 of Mueller's edition, and the preserved text of Festus does not provide enough space to insert a mention of *Opigena Iuno*, together with a related poetic quotation. It follows that Paulus found the word *Opigena* in some other section of Festus' work, and the entry *supercilia* 305, 6 col. 2 M 396 L is likely to have been that reservoir.

Varro knew that Juno helped in childbirth, and he described this function in connection with a traditional Roman deity *Iuno Lucina*. This trivial fact about the Roman religion was omitted by Paulus, who is likely to know about *Lucina* only from Festus's almost entirely lost article *supercilia* drawn from Varro *De Ling. Lat.* 5.69. Paulus also missed the main point of Varro's account of *supercilia*, that women used to sacrifice eyebrows to Juno *Lucina*. Enough survives of the original entry of Festus to realize that it was not his fault.

[3.3] Paulus 304, 7 M 397 L: *Supercilia in tutela esse putabant, quod his protegantur oculi, per quos luce fruimur, quam tribuere putabant Iunonem, unde et Lucina dicta est*

Paulus shares this truncated account of *Lucina* with Isidore 8. 11, 57: *eo quod luceat*. He apparently ignores an accurate version given by Martianus Capella:

[3.4] Martianus Capella 2,149: *sive te Lucinam quod lucem nascentibus tribuas*

It may be surprising that Augustine provides explanations for the names *Lucina* and *Opis*, which are very similar to what Paulus says about *Opigena*, the nominative *Opis* is also that used by Paulus in the

homonymous lemma²⁹. Eventually, Paulus' entry [1.1] looks like a blending of the two deities described by Augustine.

[3.5] Augustinus De civ. Dei 4, 11: *ipse (corporei huius mundi animus) Lucina, quae a parturientibus invocetur; ipse opem ferat nascentibus excipiendo eos sinu terrae et vocetur Opis*

Compare the ultimate source of these etymological statements:

[3.6] Varro De Ling. Lat. 5, 67 Goetz-Schoell: *quod Iovis Iuno coniunx et is caelum, haec terra, quae eadem tellus, et ea dicta, quod una iuvat cum Iove, Iuno, et Regina, quod huius omnia terrestria.*

[3.7] Varro De Ling. Lat. 5, 64 Goetz-Schoell: *terra Ops, quod hic omne opus et hac opus ad vivendum, et ideo dicitur Ops mater, quod terra mater.*

[3.8] Varro De Ling. Lat. 5.69 Goetz-Schoell: *quae ideo quoque videtur ab Latinis Iuno Lucina dicta vel quod est e<t> terra, ut physici dicunt, et lucet vel quod ab luce eius, qua quis conceptus est, usque ad eam, qua partus quis in lucem, <l>una iuvat, donec mensibus actis produxit in lucem, ficta ab iuvando et luce Iuno Lucina. a quo parientes eam invocant: luna enim nascentium dux, quod menses huius.*

Augustine is careful in setting forth the main points of Varro's physical allegory (note *physici* in [3.8]): first, a common idea of 'helpful' forces of Juno, based on the etymology *Iuno iuvat*³⁰, and, second, a identification of Juno with earth, based on the genealogy *Terra – Ops – Iuno*. A particular role is attributed to Lucina whose name and traditional religious function bind together the ideas of light an human birth and establish a cosmic opposition of *Iuno-Terra* and *Iuno-Luna*. Varro, then, projected this cosmological system to the level of local Roman rites and magic when he described a sacrifice of eyebrows in the temple of *Lucina* who was at the same time *Iuno-Terra-Luna*.

In our later sources a complicated and coherent system of the *De lingua Latina* degenerated to a set of unified formulae used in explanatory parts of etymologies. In this connection, it's worth noting

²⁹ In the *Epitome ops* 192 M 209 L is deliberately distinguished from *Opis*.

³⁰ A conjunction of the common noun *ops* with the verbal phrase *opem ferre* can be traced back to Flavius Caper: Priscian. 2, 322, 1 GLK; Accius v. 669 Ribb. 708 Dangel. The commentary of Priscian is to be related to Paulus' entry *ops*.

that Paulus uses the expressions *aliquid tribuere* and *opem ferre* only in the three etymologies discussed here. How are those formulae related to etymologized names?

Consider the nucleus of each etymological statement quoted above:

[3.4]	Martianus Capella:	Lucina	lucem tribuit
[3.3]	Paulus:	Lucina	lucem tribuit
[3.2]	Festus:	Ops	opes tribuit
[3.5]	Augustinus:	Opis	opem fert
[3.1]	Paulus:	Opis	opes tribuit
[1.1]	Paulus:	Opigena	opem fert

It is clear that an explanation must contain a key word, which echoes an etymologized word. But interaction between the two parts does not go further. The statements *Lucina lucem tribuit* or *Ops opem tribuit* does not imply that verbal phrases like *aliquid tribuere / ferre* would be a semantic pattern for the names *Lucina* and *Ops*, nor does the statement *Opigena opem fert* imply it. It may be finally concluded that a gap between the meaning of *Opigena* and Paulus' etymology, that troubled scholars as early as since Meursius, appears to be an imaginary problem.

The distribution of explanatory statements between the lemmata *Opigena* and *Ops* seems to have been an arbitrary and casual procedure, and from them nothing could be inferred about the exact content or wording of Festus' work³¹.

VI. Oenigenus / oenigena

[6.1] Paulus 195, 2 M 211 L *oenigenos unigenitos*

This is the reading of unnamed *boni codices* (according Mueller), while since late Renaissance editions the accepted reading was *oenigenas vino genitos*³². The text is palaeographically difficult to establish, and there is no doubt that manuscript readings vary greatly: Lindemann and Lindsay quote *unogenitas* cod. Guelferbytanus (G), *unogenitos* Vossianus Lat. Q. 116 (L), *onigenos* Vossianus Lat. Q. 37 (I)³³. The last is of especial interest, for it shows that the odd

³¹ For details of Paulus' technique of epitomizing: Cervani 1978; Lanciotti 1999.

³² M. Verrii Flacci quae extant. Sex. Pompei Festi De verborum significatione libri XX. Et in eos Josephi Scaligeri Jul. Caesaris filii castigationes nunc primum publicatae, [Genève], 1575, p. CXXXIIX.

³³ The manuscripts of the Epitome have been listed by Woods 2007: 125.

oenigen- survived due to the alphabet order of lemmata. The modern understanding of the entry goes back to the edition *in usum Delphini* published by André Dacier, who printed the standard text provided with the following note³⁴: “quid Festus intelligat per *vino genitos* ignorare me fateor, puto legendum *unigenitos*. ita ut *oenigena* fit pro *unigena* nam *oe* veteres ponebant pro u”. The reading favoured by Dacier is more intelligible than the old *textus receptus*, but it could not be a genuine text of Paulus.

Consider that *unigenitus* is a Christian lexeme of crucial importance. It certainly was not used by Festus, and this requires an unlikely conclusion, that the entry was entirely composed by Paulus, who would not, however, use the striking archaic spelling, which affected the alphabet order. But there is equally no doubt that Festus did not spell *oen-* for *un-*, and it can be stated that *oenigen-* had never been written instead of *unigen-*.

Like the other compounds discussed in this paper, *unigena* was never connected to the field of ‘antiquities’ or archaic literature. In all probability it was coined independently and roughly at the same time by Cicero and Catullus. Consequently, it had two different meanings, which were represented in mediaeval glossaries:

1. *unigena* ‘twin-born’: Catull. 64, 300; 66,53. Cf. *unigenae geminae* Gloss. 4, 297, 42; 5, 519, 38.

2. *unigena*, the word used by Cicero Tim. 12 to translate μονογενής Plato Tim. 31b: *singularem deus hunc mundum atque unigenam procreavit* = εἷς ὅδε μονογενής οὐρανός γεγονώς ἔστιν. Cf. *unicus et unigena* μονογενής Gloss. 2, 211,5.

As synonymous to *unigenitus*, the epithet *unigena* appeared first in a poem of Aviti Appendix³⁵.

All these suggest that manuscripts readings that are intended to mean *unigena unigenitus*, are to be considered banalization of the text by editors or scribes who did not take into account the classical usage. An absurd *oenigenos (-as) unogenitos* appears to stand closer to the genuine text of Paulus.

Since available manuscript readings provide no solution, one might resort to conjectures.

The reading *oenigena* would mean ‘offspring of Oenus’, that could hardly make sense (an epigraphically attested *Oenogenus* is to

³⁴ Sex. Pompei Festi et Mar. Verrii Flacci De verborum significatione lib. XX. Notis et emendationibus illustravit Andreas Dacierius... Lutetiae Parisiorum, 1681, p. 303.

³⁵ XIV, 3 p. 191 Peiper: *Iulius unigenae divi venerator Avitus*.

be ruled out³⁶). I shall tentatively propose *Ocnigena ‘offspring of Ocnus’.

Ocnus was an Etruscan hero who was believed to have been a founder of Perugia, Felsina-Bononia, and Mantua³⁷.

It will be more difficult to find a medicine for the explanatory part of the entry.

In 1955 Otto Skutsch published a short note where he defended the reading *Auni* against the generally accepted *Arni*:

[6.2] Silius Italicus Pun. 6, 107–109:
nec deinde aduersis modus est: Ticinus et ater
stragibus Eridanus, tuque insignite tropaeis
Sidoniis Trebia et tellus lacrimabilis Auni.

The first major battle of the Second Punic War that took place where the river Trebia emptied into the Po, and Silius Italicus calls this place the land of Aunus. Since Virgil mentions Aunus as a Ligurian hero³⁸, the land of Aunus can be identified with the whole valley of the river Trebia, from its head in Liguria down to the Po. If Aunus is in some way connected to Ocnus, then the geographical allusions related to both heroes cover the most part of the Langobard Kingdom. An association of Aunus and Ocnus, thus, would be of interest to Paulus.

Could we now read the name of Aunus in the gloss of Paulus’ Epitome?

**Ocnigenas Auno genitos* < >

This reconstruction can be seen palaeographically attractive, but its mythological idea is rather arbitrary. Skutsch was unquestionably right that an identification of Aunus and Ocnus was without support in our sources (Skutsch 1955: 20). Paulus’ entry, however, would not imply that Aunus et Ocnus were viewed one and the same person. Etruscan Ocnus and the Ligurian ‘sons of Aunus’ were allies of Aeneas in the great battle for Italy, but that was the only situation when they met together.

Little can be said about the reading *Oenigen-*, except that the name of the founder of Mantua emerges as *Oenus* in a biography of Virgil composed by Italian humanist Sicco Polenton (it forms a part of his *De scriptoribus illustribus latinae linguae*, 1437). In the first

³⁶ AE 1997, 151, cf. Οἰβογένης BGU 4, 114, see Harris 2000.

³⁷ Verg. Aen. 10, 198–203; Servius auctus ad Aen. 10, 198; Sil. Ital. 8, 598–599.

³⁸ Verg. Aen. 11, 700–701.

version of the same work (1426) *Ocnus* is named *Octonus* (Ziolkowski & Putnam 2008: 321, 369–372). All these are trivial scribal errors.

The reconstructed **Ocnigena* could have been applied to people of Northern Italy in Late Republican or Early Augustan epics, and its way to Paulus' *Epitome* must have been similar to that of *Opigena*.

It can be surely stated that poetic compounds in *-gena* and *-genus* were never used by Verrius Flaccus or Festus in their own text, and they could rarely appear even in quotations. The status of these words must have changed in Carolingian Latin. They had been mere ornamental devices of Classical poetry, and they became a feature of learned language of refined Carolingian intellectuals. They had been closely connected to the concept of heroic genealogy, a key idea of paganism, but they became a part of Christian Discourse. The attention that Paulus paid to these rare words can probably show that, while abridging the *De verborum significatu*, he thought about building his language skill.

Bibliography

- André 1973 – André J. Les composés en *-gena*, *-genus* // *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes*. 1973. T. 47. P. 7–30.
- Bader 1962 – Bader Fr. La formation des composés nominaux du latin. Paris, 1962.
- Brink 1963 – Brink Ch. O. Horace on Poetry. Prolegomena to the Literary Epistles, Cambridge, 1963.
- Cervani 1978 – Cervani R. L'epitome di Paolo Diacono del «De verborum significatu» di Pompeo Festo. Struttura e metodo, Roma, 1978.
- Elliott 2013 – Elliott J. Ennius and the Architecture of the Annales. Cambridge, 2013.
- García Ramón 2003 – García Ramón J. L. Religious Onomastics in Ancient Greece and Italy: Lexique. Phraseology and Indo-European Poetic Language // J. Virgilio García, A. Ruiz, edd. Poetic Language and Religion in Greece and Rome. Cambridge, 2013. P. 60–107.
- Glinster & Woods 2007 – Glinster F., Woods C., edd. Verrius, Festus, and Paul. London, 2007.
- Glinster 2007 – Glinster F. Constructing the past // Glinster & Woods 2007. P. 11–32.
- Harris 2000 – Harris W. V. A Julio-Claudian Business Family? // *ZPE*. 2000. Bd. 130. P. 263–264.
- Lanciotti 1999 – Lanciotti S. Tra Festo e Paolo // P. Chiesa, ed. Paolo Diacono. Uno scrittore fra tradizione longobarda e rinnovamento carolingio. Atti del Convegno Internazionale di Studi. Cividale del Friuli. Udine, 6–9 maggio 1999. Udine, 2000. P. 237–250.

- Manuwld 2001 – Manuwald G. *Fabulae praetextae: Spuren einer literarischen Gattung der Römer*. München, 2001.
- Marichal 1988 – Marichal R. *Les graffites de la Graufesenque*. Paris, 1988.
- Sblendorio Cugusi 2008 – Sblendorio Cugusi M. T. CLE 428 e lat. Eoigena // *Studia philologica valentina*. 2008. T. 11. P. 327–350.
- Schriiver 1991 – Schriiver P. *The Reflexes Of The Proto-Indo-European Laryngeals In Latin*. Leiden, 1991.
- Skutsch 1955 – Aunus // *CR*. 1955. Vol. 5. P. 19–20.
- Urso 1994 – Urso G. Il concetto di ‘alienigena’ nella guerra annibalica // M. Sordi, ed. *Emigrazione e immigrazione nel mondo antico*. Milano, 1994. P. 223–236.
- Woods 2007 – Woods C. A contribution to the king’s library: Paul the Deacon’s epitome and its Carolingian context // *Glinster & Woods* 2007. P. 109–136.
- Ziolkowski & Putnam 2008 – Ziolkowski J., Putnam M. C. J. *Vergilian Tradition: The First Fifteen Hundred Years*. New Haven; London, 2008.

**A. E. Kuznetsov. Opigena Iuno and Etruscan Ocnus:
Their Way to Paulus’ *Épitome De Verborum Significatu***

Two instances for compounds in *-gena* or *-genus* preserved in the *De verborum significatu* are studied in the paper: Paulus 200,7 M 221 L *Opigenam* and Paulus 195,2 M 211 L *oenigenos*. I argue that both entries were interpolated by Paulus, who recombined the material that was presented in Festus’ work. It can be demonstrated that the ultimate source of Paulus’ etymology *Opigena* was the Chapter 5, 10 (57–74) of Varro’s *De lingua Latina*, but the epithet *Opigena* could not be an old and traditional religious or cult term. Poetic compounds in *-gena* were developing extensively in pre-Augustan and Augustan times and they were of no interest for Verrius Flaccus or Festus. The status of these changed in Carolingian Latin, when they became a feature of learned and refined language. The attention that Paulus paid to these words demonstrates that he considered them useful in building his language skill. I argue that the obscure *oenigenos* can be read as *Ocnigenas*.

Keywords: Paulus, Festus, Verrius Flaccus, Varro, Iuno, Latin word-formation.

ВОСПРИЯТИЕ СМЕРТИ И ЕЕ ТИПЫ В «ДИАЛОГЕ О ЧУДЕСАХ» ЦЕЗАРΙΑ ГЕЙСТЕРБАХСКОГО

Данная статья посвящена пониманию смерти в произведении *Dialogus miraculorum* Цезария Гейстербахского. На средневекового автора ощутимое влияние оказали произведения бл. Августина и Исидора Севильского, однако он привнес в трактовку характерную для визионерского дискурса полемичность и драматизм. Для Цезария смерть является ключевой персональной характеристикой, а также социальным актом, демонстрирующим подлинную сущность вещей.

Ключевые слова: средневековое монашество, цистерцианцы, Цезарий Гейстербахский, представления о смерти.

Многообразие культурных форм восприятия смерти и взаимодействия мира живых и мертвых породило такое отдельное историко-антропологическое направление как культурная танатология¹. В антропологическом аспекте смерть воспринимается как переход от одной формы бытия в другую, начало нового существования, в связи с чем сопровождается классическими обрядами отделения от группы². Отношение христианства к смерти определялось заимствованным из античной философии осознанием дихотомии души и тела. Смерть как явление «в себе» обладает определенной амбивалентностью: с одной стороны, это принципиальный противник, делающий все в жизни бессмысленным, хитрый «последний враг»³, которого необходимо раз и навсегда уничтожить (известно, что на идее «попира-ния», истребления смерти строится понятие воскресения), с

---

¹ Термин «kulturwissenschaftliche Thanatologie» взят мною из статьи Яна Ассмана (Assmann 2005: 16–36).

² Подробный анализ подобных ритуалов отделения от группы живых и включения в группу усопших см. в многочисленных антропологических исследованиях, самым фундаментальным из которых является: Геннеп А., ван. 2002.

³ Хрестоматийно известна строка из Первого послания к Коринфянам, повествующая о том, что в конце времен Бог устранил смерть из мира (1 Кор. 15: 25–26). Также смерть уже была поправлена воскресением Иисуса, обеспечившим таким способом жизнь вечную его последователям. Обзорную статью, посвященную теме смерти в религиозной литературе Средневековья см.: Lorcin 1993: 43–65.

другой – смерть является важным и ответственным событием, к которому нужно готовиться в течение всей жизни. Следовательно, качество жизни напрямую влияет на характер и обстоятельства смерти⁴. Смерть с христианской точки зрения может постигнуть не только тело, но и душу: тело, когда умирает, теряет чувства и разрушается; душа же умирает в грехе, лишаясь духовного света и благодати, не разрушаясь при этом, но пребывая в состоянии мрака и страдания (Библейская энциклопедия 1990: 660).

Исходя из идеи инвариантности смерти, различается хорошая (праведная, счастливая) и плохая смерть. Понятия плохой смерти довольно универсальны, таковой считается: самоубийство, смерть вне дома, без исповеди, без прощания с семьей, с неулаженной ссорой, непрощенной обидой, а также преждевременная⁵ смерть. Такие топосы встречаются в христианской литературе вообще и в средневековых визионерских текстах в частности. Труднее дело обстоит с праведной смертью. Пожалуй, одним из немногих действительно универсальных мотивов является смерть в большой церковный праздник (особенно, конечно, во время пасхальной службы). В остальном, понимание хорошей смерти напрямую зависит от времени, места и личности умирающего. Некоторые исследователи пытались и продолжают попытки найти какие-либо принципиальные отличия в восприятии хорошей смерти ныне от такового в Средневековье. Так, немецкий историк Александр Пачовски убежден, что в наше время идея хорошей смерти фактически замыкается на быстроте умирания. Следовательно, отношение к смерти определяется в первую очередь страхом боли, в то время как в Средние века, по мнению исследователя, физические страдания пугали человека значительно меньше, чем потенциальная возможность быть осужденным на вечные мучения в аду

---

⁴ Направление «Histoire de la mort» появилось в историографии в 1970-х и сосредотачивалось на изучении более смертности, чем смерти как таковой. В 1980-х выходит значительное число работ, посвященных смерти как компоненту картины мира, параметру «коллективного сознания, не оставшегося в ходе истории неподвижным» (Гуревич 1989: 114–135).

⁵ Существует проблема в определении того, какую смерть считать преждевременной. Таковой считалась в основном насильственная гибель в раннем возрасте. Подобная кончина представлялась опасной из-за потенциальной возможности возвращения неуспокоенных душ усопших живым в виде призраков (Ле Гофф, Трюон 2008: 122–123).

(Patschovsky 1993: 9–24)⁶. Интерес к данной проблеме в отечественной и зарубежной историографии стимулировал автора данной статьи проанализировать отношение к смерти и ее виды в «Диалогах о чудесах» Цезария Гейстербахского, известном и беспрецедентно популярном произведении XIII в., активно использовавшемся в проповедях и в монастырском чтении на протяжении высокого и позднего Средневековья и рассматривавшемся историками-медиевистами как источник по истории ментальности. Целью этой работы является выявление понимания и классификации смерти в *Dialogus miraculorum* и вписывание позиции цистерцианского автора в средневековую традицию.

Из христианских мыслителей одним из первых о проблеме смерти говорит Дионисий Ареопагит. Его цель заключалась в критике античных представлений о смерти и апологетике христианского учения о бессмертии души и воскресении тел. В работе «О церковной иерархии» читаем: «Из несвященных же одни бессмысленно думают, что отойдут в небытие, а другие – что раз и навсегда разорвут союз своих душ с телами как для них неподходящий. <...> Другие же наделяют души сопряжением с иными телами, обижая, как мне кажется, свои тела, которые трудились вместе с божественными душами, а к концу божественных состязаний пришли, получается, неблагочестиво лишенными священных воздаяний» (Дионисий Ареопагит 2006: 384–385). Из отрывка видно, что вопрос дихотомии души и тела и умерщвления плоти не стоит так остро, как будет в XII–XIII веках. Адресаты критики Дионисия (последователи античной философии и некоторые еретики) подробно разбираются в комментарии на эту главу Максима Исповедника (ок. 580–662).

Умирание как опыт, постигаемый у последней черты, как кульминация жизни находит аналитический отклик у Августина в работе «О граде Божием»⁷. Тринадцатая книга произведения полностью посвящена различным аспектам смерти: ее проис-

---

⁶ Едва ли можно полностью согласиться с подобными выводами. Они вызывают тем большее недоумение, если принять во внимание весьма острую критику А. Пачовски в адрес Ф. Арьеса: «Тот, кто идеализирует прошлое (имеется в виду Ф. Арьес), демонизирует тем самым настоящее и, в итоге, не видит ни того, ни другого». Однако, концепция самого Пачовски, как кажется, также грешит излишними обобщениями.

⁷ В отличие от Дионисия Ареопагита, Августин не ограничивается критикой античных воззрений на смерть, а идет дальше и разрабатывает собственно христианский тип восприятия смерти.

хождению, характеру, видам. Руководствуясь презумпцией авторитетности Священного Писания, Августин характеризует смерть как наказание роду человеческому, как вечного врага, пришедшего в мир из-за грехопадения первых людей, причем смерть отныне настигает и святых, «в которых нет ничего достойного наказания» (Августин 1994: 330). Этот враг угрожает не только физическому телу, так или иначе предназначенному для возвращения в прах, но и душе. Праведники испытывают только первую смерть – смерть тела, возвращаясь затем к жизни вечной; грешники, в свою очередь, подвергаются второй смерти – осуждению на вечные страдания⁸.

Помимо теологических, Августин задается также онтологическим вопросом, как соотносятся смерть и умирание. Августин обращает внимание на трудность определения момента перехода от состояния живущего к умершему: прежде чем наступит смерть, человек считается и, безусловно, является живым; наступление кончины немедленно делает несчастного мертвым. Соответственно, Августин пытается ответить на вопрос, что есть умирание: пребывание в жизни или в смерти. Он не может найти удовлетворяющий его ответ, так как если умирание, это пребывание в жизни, то живущий и умирающий – синонимы, несмотря на смысловую противоположность глаголов, составляющих основу причастий⁹. Логика подсказывает Августину, что при объективном существовании смерти, фактически невозможно определить точный миг ее присутствия, точно так же человек ищет настоящее, но не может найти его («пока человек живет – смерти еще нет, когда он мертв – ее уже нет»¹⁰). Еще более проблематичной кажется характеристика смысла второй смерти, так как она по своей сути бесконечна («И никогда не будет для человека ничего худшего в смерти, как когда смерть станет

---

⁸ «Таким образом, о первой телесной смерти можно сказать, что она добра для добрых и зла для злых. Вторая же ни для кого не бывает доброй, так как никто из добрых ей не подвергается» (Августин 1994: 329).

⁹ В X главе Августин приходит к заключению, что «жизнь человеческую следует скорее называть смертию, нежели жизнью», из этого следует, что «никогда человек не находится в жизни с того момента, как он имеет тело, скорее умирающее, нежели живущее» (Августин 1994: 331).

¹⁰ Сама идея, безусловно, не нова. Подобные рассуждения встречаются уже у атомистов, эпикурейцев и других представителей античной философской мысли (Асмус 2009: 315–392).

бессмертной» – см. Рабинович 1992: 37–45). Также Августин обращает большее внимание на страхи и чаяния тела, которым некогда пренебрегал: «Знаю, ты любишь жизнь и не хочешь умирать. И ты хочешь так перейти из этой жизни в иную, чтобы восстать не мертвым, но живым и преображенным к лучшему. Вот чего ты хочешь» (Браун 2004: 92). Земная смерть представляется как временное состояние перед обретением нового тела.

Ощутимое влияние на понимание смерти как явления в визионерском дискурсе оказали «Этимологии» Исидора Севильского (ок. 560–636). Именно его интерпретация этимологии слова *mors* сформировала определенную традицию и указала направление рассуждений для последующих средневековых авторов, в числе которых Цезарий Гейстербахский. Энциклопедист предлагает три версии происхождения слова смерть: «*Mors dicta, quod sit amara*¹¹, *vel a Marte, qui est effector mortium, sive mors a morsu hominis primi, quod vetitae arboris pomum mordens mortem incurrit*» (Isidorus XI, II 31). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что композиционно все три этимологии приводятся вместе без указания предпочтений автора. Однако в этой последовательности все же на первом месте стоит происхождение от «горький», а история с вкушением запретного плода – на последнем. Таким образом, автор упоминает народный, мифологический и христианский этимологические подходы. Исидор констатирует сложность определения, к какой части речи отнести слово *mortuus* и, соответственно, по какой парадигме оно должно видоизменяться¹² (Isidorus XI, II 33). Свой филологический анализ Исидор начинает с апеллирования к Цезарю: «*Nam sicut ait Caesar, ab eo quod est morior in participio praeteriti temporis in 'tus' exire debuit, per unum scilicet U, non per duo. Nam ubi geminata est littera U, nominativus est, non participium, ut fatuus, arduus*» (Isidorus XI, II 34–35). Несомненно то, что слово «умерший» (в русском языке в том числе) является субстантивированным причастием. Исидор соотносит глагольную форму «*mortus*» и общепринятое написание «*mortuus*».

Также Исидор приводит свою версию классификации смертей, которая будет известна цистерцианским авторам. Он подразделяет смерть на три видовых категории, положив в

¹¹ Латинское слово *amarus* так же, как и в русском языке слово горький, имеет прямое вкусовое и переносное эмоциональное значение.

¹² *Mortuus autem ex qua parte orationis declinetur incertum est.*

основу этого разделения принцип возрастной принадлежности усопшего: «*Tria sunt autem genera mortis: acerba, immatura, naturalis. Acerba infantum, immatura iuvenum, merita, id est naturalis, senum*» (Isidorus XI, II 32). Вызывает некоторое недоумение, что Исидор не избирает в качестве критерия естественность/насильственность смерти. Действительно, совершенно неясно, что подразумевается под преждевременной смертью детей и молодых людей. Характеристики *acerbus, immaturus* могут заключать в себе как раннюю кончину от болезни, так и насильственно причиненную смерть. Заранее отмечу, что Цезарий Гейстербахский дает прямую ссылку на Исидора и практически дословно приводит данную классификацию в своем произведении¹³ (Caesarius v. Heisterbach 2009: 2034).

В *Dialogus miraculorum* раздел XI (*De morientibus*), посвященный смерти, является одним из самых объемных, а число одиннадцать выбрано в соответствии с одиннадцатым часом дня – временем захода солнца¹⁴. Подобная сюжетная насыщенность обоснована особым драматизмом и непреходящей актуальностью темы смерти, неотвратимой для каждого из слушающих или читающих. Объясняя новизию смерть как явление, Цезарий заимствует этимологическое понимание Исидора Севильского и пользуется этимологией, отсылающей к пониманию смерти как хитрого врага всего человеческого рода. Цезарий объединяет идею горечи и вкушения запретного плода, игнорируя неуместную для монастырской литературы этимологию от бога Марса:

«*Per transgressionem enim prothoplastorum, mors introivit in orbem terrarum. Unde “mors” a morsu nomen accepit. Mox ut homo pomum vititae arboris momordit, mortem incurrit, et tam se quam totam suam posteritatem necessitate illius subiecit. Dicitur etiam mors ab amaritudine; quia ut dicitur, nulla poena in hac vita amarior est, separatione corporis et animae*» (Caesarius v. Heisterbach 2009: 2034).

Горечь связывается Цезарием с моментом отделения души от тела, так как данные два элемента, составляющих человека, гармонично соединены и вместе преодолевают жизненный путь.

¹³ Sunt autem tria genera mortis ut dicit Ysidorus, acerba, immatura, naturalis. Acerba infantum; immatura iuvenum; matura, id est naturalis, senum.

¹⁴ Одиннадцатый монастырский час соответствует приблизительно пяти часам пополудни. Первым часом считается время восхода солнца.

Идея бережного отношения к телу, элементарной заботы о нем встречается и у Бернарда Клервоского. Человек не может осознать себя в отрыве от собственного тела. Так, с точки зрения Бернарда, «не тело само по себе, но тело, испорченное грехом, отягощает душу». Кроме того, именно тело делает возможным страдание и мученичество. Развивая традицию Августина, св. Бернард признает тело с его естественными потребностями, которому душа берется служить по необходимости (*subservire corpori ex necessitate*) (Бернард Клервоский 2009: 38–40).

Цезарий Гейстербахский в своем разделении на виды совершенно не следует принципу Исидора Севильского, хотя, как указывалось выше, он демонстрирует кругозор и осведомленность в рассуждениях энциклопедиста. Классификация Цезария, в отличие от таковой у Исидора, носит более полемический характер. Цистерцианского автора интересует, прежде всего, аксиологический аспект, качество смерти, поэтому в основе его типологии лежит соотнесение хорошей/плохой смерти и хорошего/плохого человека. Он отходит от прямого следования трактату Августина, утверждавшего, что добрых людей настигает добрая смерть, злых – суровая, и справедливо замечает, что праведные тоже могут подвергнуться суровой смерти или же грешные – доброй. То есть Цезарий анализирует эту проблему на ином уровне; момент кончины имеет несколько слоев интерпретации. Верхний и самый простой слой заключается в тождественности качества жизни и качества смерти: «*quidam bene vivunt, et bene moriuntur; alii et male vivunt, et male moriuntur*» (Caesarius v. Heisterbach 2009: 2034). Следующий уровень заключается в несоответствии смерти стилю жизни: «*alii male quidem vixerunt, sed Dei gratia bene moriuntur; et sunt qui quidem bene vixerunt, sed iusto Dei male moriuntur*» (Caesarius v. Heisterbach 2009: 2036). В данном случае важно обратить внимание, что в контексте подразумевается не просто грешник, умирающий праведно, но заслуживший подобную кончину *раскаявшийся* грешник. Цезарий во избежание недопонимания приводит в качестве примера разбойника, претерпевавшего одесную Иисуса смерть на кресте и который, хотя и жил разбоем и бесчинствами, все же заслужил спасение искренним раскаянием¹⁵ (Caesarius v.

---

¹⁵ Latro in cruce male quidem vixerat, sed bene consummavit.

Heisterbach 2009: 2038). Существует и третий аналитический уровень, сформулированный автором в виде вопроса, вложенного в уста новиция: «*Quare boni bene, et mali male moriantur, quaestio mihi nulla est; quare autem diu bene viventes non perseverent, et diu male viventes bono fine decedant, nosse vellem*» (Caesarius v. Heisterbach 2009: 2039). То есть вопрос состоит в том, какой концептуальный смысл несет в себе неблагоприятная смерть достойного человека. То, что смерть так или иначе обнажает порок, скрывавшийся за иллюзией праведности, обсуждается на втором интерпретативном уровне¹⁶, но собеседника (и, соответственно, самого Цезария) все же волнует проблема неисповедимости путей и решений, касающихся каждой конкретной человеческой кончины. Пользуясь словами Писания Цезарий, условно выражаясь, умывает руки и не дает удовлетворительного ответа, оставляя дальнейшие рассуждения: «*Non sum Chusi consiliarius David. Quis enim novit sensum Domini, aut quis consiliarius eius fuit?*»¹⁷.

Для Цезария представляется весьма затруднительным дать четкое определение хорошей и плохой смерти в теоретической части раздела (он лишь намечает некоторые тенденции, ключевой категорией которых является *caritas*¹⁸), поэтому он сразу переходит к конкретным примерам, снабжая их необходимым комментарием.

Первый универсальный признак достойной смерти – присутствие семьи в трудный момент кончины (в противоположность несправедливой смерти в одиночестве). Очевидно, что такой семьей является монастырская братия. Ритуалы *antemortem* подразумевают деятельное присутствие коллектива: пение

---

¹⁶ Так, неизбежно скверно погибают еретики, лишённые благодати истинной веры. Однако Цезарий признает, что при этом номинально они могут вести вполне достойный и смиренный образ жизни: «*Nicholaus advena creditur prius bene vixisse, sed non bono fine conclusit*» (Caesarius v. Heisterbach 2009: 2039).

¹⁷ Ср. «Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?» (Рим. 11:34); «Вот, пришел и Хусий. И сказал Хусий: добрая весть господину моему, царю!» (2 Цар. 18:31)

¹⁸ В качестве ключевых составляющих момента кончины выделяются свет и любовь, формирующих некое подобие плеоназма в тексте. «*Qui in caritate decedit, per lumen eius videbit lumen aeternum. Hinc est quod foris morientes lumen ardens tenent in manibus. Qui vero sine caritate moritur, mittetur in tenebras exteriores*». (Caesarius v. Heisterbach 2009: 2039).

покаянных псалмов, окропление святой водой, взаимная исповедь и прощение грехов, ритуальные прощальные поцелуи. Инfirmарий и его помощники кладут на лицо умирающего распятие и держат горящую свечу, читая фрагменты Евангелия, повествующие о страстях Христовых до тех пор, пока несчастный не отойдет в мир иной. Система оповещения через *tabula mortuorum* позволяла оперативно собрать всех братьев у постели умирающего. Исключения составляли ситуации, когда в момент биения данной «доски умирающих» шла служба: в таком случае, к постели отправлялись определенные аббатом монахи, остальные же продолжали богослужение (Paxton 2005: 297–319). Однако тяжело больной никогда не оставался один – при нем всегда находилось несколько братьев (в зависимости от статуса умирающего их число могло достигать до 4–5 человек). Подобная схема действий была разработана в Клуни и заимствована цистерцианцами без принципиальных отличий. Присутствующие при последних мгновениях жизни брата выполняют функцию *свидетелей* (курсив мой Е. К.) предсмертных событий, обетов и, наконец, самой смерти. Обратимся к примеру из главы «*De finali contritione sacerdotis quandoque nigri monachi existentis*» из «Диалога о чудесах», в которой речь идет о некоем священнике, являвшим собой пример непостоянства: за свою жизнь он сменил несколько монастырей разных монашеских орденов¹⁹ прежде чем пришел в цистерцианский монастырь Химмерод. В этой знаменитой обители он становится образцом для подражания другим братьям в качестве и частоте исповеди, слезного сокрушения, молитвы и поста²⁰ (Caesarius v. Heisterbach 2009: 2078). Посредством подобного примера Цезарий демонстрирует эффективность одного из главных видов оружия спасения – искреннего раскаяния. Чтобы засвидетельствовать истинность своего раскаяния, главный герой призывает в свой смертный час всех братьев и аббата к себе: «...*testes vos mihi*

---

¹⁹ Изначально герой главы был монахом-бенедиктинцем: «*In ordine quidem nigro factus fuerat monachus et sacerdos...*» Покинув первый монастырь по наущению, дьявола, он после скитаний и раскаяния вступил в орден премонстрантов: «*Aliquando autem poenitentia ductus, Praemonstratensis ordinis regularis effectus est*» (Caesarius v. Heisterbach 2009: 2078).

²⁰ *Mox ad arma poenitentiae convolans, confessionibus assiduis, lacrimis, oratione et ieiuniis, omnibus vere poenitendi formam praebuit et exemplum.*

apud Deum esse cupio sincerae confessionis et verae poenitentiae» (Caesarius v. Heisterbach 2009: 2080).

Вторым универсальным предвестием смерти является сновидение. Хорошие сновидения в ночь перед смертью, указывающие на счастливый исход событий, встречаются в *Dialogus miraculorum* и располагают весьма ограниченным набором знаков и символов. Благополучность сна зачастую предвосхищается указанием на исключительную праведность спящего/умирающего. Описание подобных снов весьма абстрактно и следует определенному шаблону. Так, сновидец Мейнер, монах из Химмерода, слышит во сне, находясь как бы между двумя мирами, чудесное пение («*melodiam supra humanum sensum delectabilem»*), видит божественный свет («*vidi deificum lumen»*), причем в качестве опознавательных черт небесных гармоний выступает стройность, четкость и полифоничность звукоизвлечения (Caesarius v. Heisterbach 2009: 2042). Это некое абстрактное идеальное пение, описанное в музыкальных терминах. Зачастую сновидцу являются усопшие братья по ордену, которые умиротворенностью и белоснежностью одеяний дидактически воздействуют на спящего (Caesarius v. Heisterbach 2009: 2043).

Появление в момент смерти определенных небесных персонажей также характеризует посмертную участь умирающего. Распространенным топосом становится мотив поединка доброй и нечистой сил за человеческую душу. Появление дьявола в разных обликах (вброны, эфиоп, монах-бенедиктинец), распознанных умирающим, вводит тему состязания, при котором герой призывает ангелов себе на помощь (Caesarius v. Heisterbach 2009: 2131, 2155). В зависимости от рода занятий и стиля жизни противостояние заканчивается победой одной из сторон. Симптоматично, что смерть симпатически соответствует деятельности человека. Так, ростовщики претерпевают преимущественно позорную смерть. Например, некому ростовщику Дитриху из Кельна, в его смертный час, демоны набивали рот монетами и заставляли их жевать (Caesarius v. Heisterbach 2009: 2137). В рамках данной статьи я не буду касаться вопроса праведной смерти для братьев-мирян (конверсов), так как эта тема освещена мною в другой статье (Кузьменко 2014: 499–508).

В то же время, смерть и умирание редко описываются в столь популярном в визионерском дискурсе мистическом ключе

как путь к *unio mystica*, небесному браку²¹. Мотив любви к Богу и долгожданного соединения с небесным женихом в большей степени свойственен для женских видений, хотя мужская душа также могла восприниматься в роли невесты (Матузова 2005: 143–150). Бернард Клервоский рассматривает единение христианской души с Богом через познание жениха и восхождения к нему, но вовсе не использует мотивы умирения²² (Бернард Клервоский 1972: 335). Немецкий филолог Курт Бергер отмечал, что категория *unio mystica* встречается у средневековых мистиков весьма неравномерно, обнаруживая наиболее четкое звучание в работах Елизаветы из Шенау (1129–1165), Мехтильды из Хакеборна (ок.1241–1298), Мехтильды Магдебургской (ок.1207–1282), причем подобное сакральное единение связано с идеей целостности в троичности (*unio trinitaria*)²³. Цезария Гейстербахского, несмотря на визионерский жанр его работы, в большей степени занимает вопрос, как умирание может пролить свет на посмертную судьбу покойного, поэтому акт кончины наделяется теми обстоятельствами, совершенно не обязательно мистическими по характеру, которые лучше всего соответствуют понятиям авторов о добродетельности либо греховности того или иного человека.

Таким образом, смерть в коммуникативном аспекте может быть рассмотрена как некий код, несущий информацию о своем владельце и без особых усилий поддающийся расшифровке со стороны пассивных участников умирения. Исследователи весьма редко обращались к теме различного характера и публичности кончины для членов одной социальной группы, инте-

---

²¹ Апостол Павел в послании к Ефессянам наставляет христиан, что их связь с Христом подобна браку: жены должны подчиняться мужьям, как Церковь подчиняется Христу, а мужья должны любить жен жертвенной любовью, которой Христос любит Церковь (Еф. 5:21–33).

²² Св. Бернард в своей интерпретации Песни песней следует традиции метафизического толкования Оригена в противовес историческому подходу Августина. К Богу ведут три ступени, которые отличаются названиями от одной проповеди к другой, но отражают единый смысл. Ступени могут иметь вполне топографическое выражение: сад, келья, опочивальня, где тайна соединения достигает наивысшего значения. Также Бернард использует метафору поцелуя: лобызание стопы (покаяние в грехах), длани (укрепление в благе), уст Господних (единение в духе с Богом).

²³ Автор раскрывает суть *unio mystica* через *unio trinitaria*: Pater, Filius, Spiritus – Memoria, Intelligentia, Voluntas – Potestas, Sapientia, Caritas (Berger 1935: 26).

ресуясь, преимущественно, философским аспектом смерти либо сутью посмертных ритуалов и культурой памяти. Цезарий Гейстербахский уделяет внимание собственно умиранию, моменту кончины, обстоятельства которого определяют дальнейшее посмертное социальное существование усопшего в *memoria* монастырской общины.

Литература

- Августин – Августин Аврелий. О граде Божию. Т. 2. М., 1994.
- Асмус 2009 – Асмус В. Ф. Античная философия. М., 2009.
- Бернард Клервоский 1972 – Бернард Клервоский. Проповедь третья на Песнь песней // Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков / Отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 330–336.
- Бернард Клервоский 2009 – Бернард Клервоский. О любви к Богу. О благодати и свободном выборе. / Под ред. Ю. А. Ромашева. СПб., 2009.
- Библейская энциклопедия 1990 – Смерть // Библейская энциклопедия. Свято-Троице-Сергиева Лавра, 1990. С. 660.
- Браун 2004 – Браун П. Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве. М., 2004.
- Геннеп А., ван 2002 – Геннеп А., ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов. М., 2002.
- Гуревич 1989 – Гуревич А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. Человек в истории. М., 1989. С. 114–135.
- Дионисий Ареопагит 2006 – Дионисий Ареопагит. О церковной иерархии // Корпус сочинений. С приложением толкований преп. Максима Исповедника / пер. с древнегреч. Г. М. Прохорова. СПб., 2006.
- Кузьменко 2014 – Кузьменко Е. А. Монахи и конверсы в цистерцианских визионерских текстах конца XII–нач. XIII века: способы дифференциации // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII (чтения памяти И. М. Тронского). СПб., 2014. С. 499–508.
- Леви-Строс 2001 – Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 2001.
- Ле Гофф, Трюон 2008 – Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в Средние века / Пер. с фр. Е. Лебедевой. М., 2008.
- Матузова 2005 – Матузова В.И. Видения в литературных памятниках Тевтонского ордена (XIII – XIV вв.) // Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. 2003. Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования / отв. ред. Т.Н. Джаксон. М., 2005. С. 143–150
- Рабинович 1992 – Рабинович В.Л. Жизнь и смерть в логике Августина // Диалектическая культура мышления: история и современность / Под ред. А. А. Королькова и Н. Н. Ивановой. СПб., 1992. С. 37–45.

- Assmann 2005 – Assmann J. Die Lebenden und die Toten // Der Abschied von den Toten. Trauerrituale im Kulturvergleich / Hg. von J. Assmann, F. Maciejewski, A. Michaels. Göttingen, 2005. S. 16–36.
- Berger 1935 – Berger K. Die Ausdrücke der Unio mystica im Mittelhochdeutschen // Germanische Studien. Heft 168. Berlin, 1935.
- Caesarius v. Heisterbach 2009 – Caesarius von Heisterbach. *Dialogus miraculorum*. Dialog über die Wunder / komm. von N. Nösges, H. Schneider. Turnhout, 2009.
- Isidorus – Isidorus Hispalensis. *Etymologiarum libri XX* / ed. W.M. Lindsay. Oxford, 1911.
- Lorcin 1993 – Lorcin M.-T. Le Thème de la Mort dans la Littérature Française Médiévale // A Réveiller les Morts. La Mort au quotidien dans l'Occident Médiéval / Préface de J. Delumeau. Lyon, 1993. P. 43–65.
- Patschovsky 1993 – Patschovsky A. Tod im Mittelalter. Eine Einführung // Tod im Mittelalter / Hg. von A. Borst, G. v. Graevenitz, A. Patschovsky, K. Stierle. Konstanz, 1993. S. 9–24.
- Paxton 2005 – Paxton F. S. Death by Customary at 11th- century Cluny // From Dead of Night to End of Day. The Medieval Customs of Cluny // *Disciplina Monastica. Studies on Medieval Monastic Life* / Ed. S. Boynten, I. Cochelin. Turnhout, 2005. P. 297–319.

E. A. Kuzmenko. The Perception of Death and its Types in *Dialogus miraculorum* of Caesarius of Heisterbach

This paper is dedicated to the problem of death perception in the visionary text *Dialogus miraculorum* of Caesarius of Heisterbach. It was influenced by the works of Augustine of Hippo and Isidore of Seville, but Caesarius added to his interpretation of death many polemic and dramatic traits. Death is for him mainly social act.

Keywords: Cistercian monasteries, images of death, Caesarius of Heisterbach, medieval visionary texts.

СОКРАЩЕННЫЙ ВАРИАНТ РУНИЧЕСКОГО ЗАКЛИНАНИЯ *-istil(aR)*¹

Последовательность рун **rmþi** в надписи на руническом камне из Бю (KJ 71, VI век), часть рунической надписи на брактеате из Хальсскова (V–VI вв., DR Bг 56) **þmhlīi**, руническая надпись-граффито **þmkr** на арабской монете из клада в Клюковичах (D 16, IX в.) и руническая последовательность **þmkrhli** на средневековом руническом каменном амулете из Ведслета (DR 57, XII–XIV в.), которые до сих пор не имели интерпретаций, трактуются в статье как соокращенный вариант (только начальные руны) известного рунического защитного заклинания, состоящего из рифмующихся слов с начальными рунами **þ**, **m**, **k**, **r** и рунической последовательности **-istil**, записанных особым способом, ср. надпись на камне из Гёрлева (DR 239) **þmkiissssttīiilll**. Таким образом, надпись на камне из Бю может быть интерпретирована как **r(istilaR)** ‘инструмент для нанесения рун’, ср. *rista runor* ‘резать руны’, **m(istilaR)** ‘омела’, **þ(istilaR)** ‘чертополох’, **i** (руна **i** употреблена в значении своего названия ‘тис’ – ‘защита’). В надписи на брактеате из Хальсскова за сокращенным написанием **þ(istilaR)** ‘чертополох’ и **m(istilaR)** ‘омела’ возможно следует слово **hli** ‘защита’ (ср. дрисл. *hlé* ‘защита’). Это же слово (**hli**) следует за сокращенной формулой **-istil** в надписи на средневековом амулете из Ведслета: **þmkrhli = þ(istil), m(istil), k(istil)** ‘ящичек’, **r(istil), hli** ‘защита’). Сокращенный вариант этой же формулы, только без дополнения **hli** ‘защита’ можно обнаружить в руническом граффито **þmkr** на арабской монете из Клюковиче (Польша). Доказательству предположения о возможности существования сокращенного варианта формулы **-istil** в статье предшествует анализ всех известных употреблений полной рунической формулы **-istil** и анализ защитной (главным образом апоторофической) функции омелы и чертополоха в германском мире.

Ключевые слова: надписи старшими рунами, надписи младшими рунами, средневековые рунические надписи, рунические заклинания, руническая формула **(C)istil**, омела, чертополох.

В двух надписях на рунических камнях эпохи викингов (VIII–XI вв.), в пяти граффити в норвежских церквях в эпоху скандинавского средневековья (XII–XV вв.), в трех надписях на деревянных палочках из средневекового Бергена и во всех трех рукописях исландской саги о Босе (XV в.) встречается руни-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-04-00021а.

ческое заклинание-загадка, в которой особым образом обозначены слова, начинающиеся на разные руны, но заканчивающиеся на одинаковое сочетание **-istil**, см., напр., **þmkiisssttiiiill** на камне из Гёрлева (DR 239). В представляемой статье выдвигается предположение, что подобная формула существовала и в сокращенном виде (только начальные руны), причем первые случаи ее употребления относятся к эпохе старших рунических надписей, а последние к скандинавскому средневековью. Для доказательства этого положения рассмотрим сначала известные случаи употребления полной формулы **-istil**.

ПОЛНАЯ ФОРМУЛА **-ISTIL** В РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЯХ

Камень из Гёрлева I (DR 239), в которой предполагают первое употребление формулы **-istil**, датируется самым началом или первой половиной IX в. (Stoklund 2004, 66). На одной стороне камня начертана традиционная руническая надпись **þiaupui : risþi : stinþansi : aft : upinkaur Þiupwi resþi sten þænsi æft Opinkor** 'Тьёдвиг поставил этот камень в честь Одинкара', за которой следует полный младший футарк **fuparkhniastbmlR** и надпись **niutualkums** 'niut wæl kumbls' 'пользуйся хорошо могилой'. На другой стороне камня нанесена формула **þmkiisssttiiiill** и надпись **iak sataru(na)ri(t) kuniarmutR kru(b)** 'iak satta runaR rett'. Gunnir ArmundR **kru(b)** 'я начертал руны правильно, Гунни, Армунд ?..'. Формула **þmkiisssttiiiill** состоящая из 18 рун традиционно расшифровывается как **þistil mistil kistil** (ср. дрисл. *þistill* 'чертополох', *mistill* 'омела' и *kistill* 'ящичек'), повторенные три раза (6 x 3 = 18) (см., напр.: Stoklund 2004: 67).

На камне из Ледберга (Эстерьётланд, Ög 181, XI в.) формула **þmk iii sss ttt iii l(l)** сопровождает надпись **(b)isi sati st(n) þisi iftiR þurkut u...þi faþur sin uk þu kuna baþi** *Bisi satte sten þessi æftiR Þórgaut u...þi faþur sin ok þau Gunna báþi* «Биси поставил этот камень в честь Торгаута **u...þi** своего отца, и они оба с Гунной»², т. е. и в этом случае формула **-istil** стоит рядом с

² Э. Брате, не знавший надписи на камне из Гёрлева, который был найден только спустя десять лет после выхода в свет его издания эстерьётландских надписей (*Östergötlands runinskrifter*), читал ту часть надписи на камне из Ледберга, которая соответствует формуле **-istil** на камне из Гёрлева, как **þmi iii sss ts iii flí** и предлагал такое толкование **þmi = miþ**, **iii sss** (3:3 = þ), **t, s iii** (1:3 = m), **flí = fil**, т. е. *miþ þtm fil, что

традиционной рунической надписью, сообщающей кто, в честь кого, поставил рунический камень.

Большинство рунических формул **-istil** встречается как граффити в средневековых деревянных церквях (*stavkirker*) Норвегии. В отличие от надписей на рунических камнях эпохи викингов, где формула **-istil** сопровождает традиционную руническую надпись, формула **-istil** в надписях граффити в норвежских церквях употребляется сама по себе без дополнительного текста.

На стене церкви в Нуре II (N 132, Buskerud, NIYR 2, s. 153) начертана формула **-istil** с расширенным количеством начальных рун **ltlsssiikutramstittll**. В середине этой надписи стоят начальные руны формулы **kutram**, а справа и слева от этих рун располагаются руны формулы **-istil**, т.е. надпись следует читать **iiusstll kutram stittll**, и интерпретировать как **kistil**, **uistil**, **tistil**, **ristil**, **aistil** и **mistil**. В этой надписи вместо руны **þ**(*istil*) появляется руна **t**(*istil*). Такая замена связана с изменением /p/ > /t/ в континентальных скандинавских языках, которое датируется XIII–XIV вв.³ В средневековых норвежских надписях руна **þ** есть только в одной формуле (N 364), а в остальных случаях вместо нее появляется **t** (N 132, 365) и даже **p** (N 75), а в надписи NB 391M вместо **þ** появляются стоящие рядом **t** и **p**.

Таким образом, форма **t**(*istil*) в церкви из Нуре (N 132) и в других средневековых норвежских надписях скорее всего озна-

---

он интерпретирует как *miþ þ(røn)t(u)m fil ‘*мед þrøndum föll*’ ‘пал с трёндами’. Он предположил, что Торгаут погиб в битве при Стикластаде (1030 г.), когда войско бондов одержало победу над войском Олава Святого (SR 2: 174–176).

³ Первые примеры изменения /p/ > /t/ в начале слова в норвежском обычно датируют XIV в., (Seip 1954: 201–203). В это же время происходит подобное же изменение в шведском (Wessén 1941: 54–55). В датском это изменение началось во второй половине XIII в. в Ютландии (Skautrup 1944, 252). Однако написания þt или tþ вместо þ в шведских рунических надписях поздней эпохи викингов ср. þtgn þegn (Sö 349), þtin(a) (U 636), þtina (U 776, 792, Sö 200,), þtino (U 785) þenna в начале слова и brtþr *broþer* (Vg 16), uestþr *vestr* (Sö 260) в других позициях показывают, что изменение /p/ > /t/ или /d/ в континентальных скандинавских языках могло начаться уже в XII в. Описывая рунический камень U 776, Вессен и Янсзон отмечают, что написание þt не может быть простой ошибкой, поскольку оно встречается и на других камнях (SR 8, d. 3, 355). В указанных выше надписях þt или tþ обозначали скорее всего и смычный /d/ (þtina, brtþr) и смычный /t/ (þtgn, uestþr).

чает ‘чертополох’ (*tistill* < *pistill*). В надписи из Нуры появляется и начальная руна **r**, которая присутствует во всех формах рунического заклинания на **-istil** кроме формулы на камнях из Гёрлева и Ледберга. Эта руна предполагает существование слова **r(istil) ristill**. Исландское *ristill* и шведское и норвежское диалектное *ristel* означает ‘лемех плуга’, и именно такое значение определяется для **r(istil)** в формуле **-istil** на палочке из Бергена (NB 391M) в базе данных Уппсальского университета (nordiska.uu.se/forskn/samnord.htm). Хойслер и Раниш также предлагали интерпретировать *ristill* в рунической формуле саги о Босе как ‘лемех плуга’, но не исключали возможности интерпретации этого слова как ‘опоясывающий лишай’, значение возможное у *ristill* в древнеисландском (Heusler, Ranisch 1903: CI). Интерпретации **r(istil)**, основывающиеся на указанных выше значениях *ristill*, не кажутся, однако, убедительными. В некоторых областях Швеции *ristel* значит не только лемех плуга, но и то, что в других областях обычно обозначается формой без суффикса *-il* (т. е. *rist*), а именно ‘острый или снабженный острием предмет (палка, деревянный или металлический стержень), предназначенный для того, чтобы чертить отметки или делать бороздки’ (SAOB 1958, sp. 2164, см. также значение глагола *rista*, sp. 2169, и существительного *rista*, sp. 2168–2169). Иными словами *ristel* в шведских диалектах может означать инструмент для нанесения линий на твердую поверхность. Если мы вспомним, что основной глагол для вырезания рун в эпоху младших рунических надписей был *rista* (ср. шв. *rista runor* «резать руны»), то предположение о том, что словом *ristill* в формуле **-istil** обозначался инструмент для нанесения рун, не должно показаться слишком смелым (в дальнейшем мы будем называть этот инструмент ‘резало’). Появление слова *ristill* в нашей формуле объясняется не только тем, что это слово рифмуется со словами *pistill*, *mistill* и *kistill*, но и прежде всего тем, что заклинание-загадка с **-istil** имела смысл, только если была написана рунами, что особенно ясно в рукописях саги о Боси (см. ниже).

Кроме традиционных *kistill* ‘ящичек’, *tistill* ‘чертополох’ (об изменении /p/ > /t/ в норвежском см. выше), *mistill* ‘омела’ и *ristill* ‘резало’ в надписи N 132 появляются два новых слова **uistil** (*vistill) и **uistil** (*eistill)⁴. Возможно форма **aistil** (*eistill) в

⁴ Звездочкой отмечены окказионализмы с суффиксом *-il*.

этой надписи соответствует образованию с суффиксом *-il* от существительного *eista* f. ‘тестикула’ (Liestøl 1963: 19). А форма **uistil** и в надписи N 132 и в саге о Босе может быть интерпретирована как образование с суффиксом *-il* (**vistill*) от существительного *vist* f. ‘пребывание, угощение’. Возможна, однако, и другая интерпретацию форм **aistil** и **uistil**. Если **ai** обозначало дифтонг /ey/⁵, то форма **aistil** могла значить **eystill* ‘что-то или кто-то с востока’, а форму **uistil** можно интерпретировать как семантическую пару к **aistil**, предположив суффиксальное образование с суффиксом *-il* от существительного *vestr* ‘запад’ (**vestill/vistill*)⁶. Интерпретация **eystill* подходит и к форме **oistil**⁷, которая также соседствует с формой **uistil** (**vestill/vistill*) в формуле **-istil** саги о Босе.

Во всех трех рукописях древнеисландской саги о Босе (AM 510 4:0, AM 577 4:0, AM 586 4:0), относящихся к XV веку, формула **-istil**, написана рунами (Bósa saga, кап. 5). Здесь мы видим шесть начальных рун **ropkmu** и по шесть раз повторяющиеся руны **-istil** (подробнее см. ниже). Гипотеза Ульсена о том, что **kutram** в надписи N 132 может быть измененным началом *fubark*’а (NIYR 5, 1960, 259), также как и интерпретация начальных рун **ropkmu** формулы **-istil** в саге о Босе как начало футарка Финнуром Йоунссоном (Finnur Jónsson 1910, 289), не имеет под собой никаких оснований. Нельзя же считать аргументом, предположение о том, что и в **kutram**, и в **ropkmu** руна **m** (Ƿ) стоит вместо руны ƿ (ƿ), поскольку формы этих рун похожи (?) – (NIYR 5, 1960, 260). Сходство этих начальных формул действительно есть, но оно объясняется не тем, что они представляют собой частично видоизмененные и переставленные первые шесть рун футарка, а расположенные в другом порядке наиболее часто употреблявшиеся начальные согласные формулы **-istil**, т. е. **p/t(istill) m(istill) k(istill) r(istill)**.

На сундуке в церкви из Лумена (Оппланд, N 75) мы встречаем надпись **r p k iii sss ttt iii lll**, т. е. **ristil, pistil, kistil**, (ср. дрисл. *ristill, pistill, kistill*), повторенные три раза (NIYR 5, 1990: 20). Появление руны **p** вместо **p** в надписи N 75 (см. также NB 391) среди начальных рун формулы **-istil** после исчезновения /p/

⁵ Обозначение дифтонга /ey/ рунами ai см. в надписях Sö 82, Sm 28, U 203, U 227, U 325, U 606, U 724, U 903, U 924.

⁶ Напомним, что в младшем футарке руна i могла обозначать и /i/, и /e/.

⁷ Обозначение дифтонга /ey/ рунами oi встречается чаще именно в средневековых надписях, см. Sm 28, G 173 M, G 3 M, G 71 M, G 242 M.

в норвежском может быть связано не только с существованием заимствованного слова *pistill* < дрангл. *pistol* < лат. *epistola* ‘письмо’ или окказионального образования **pestill* от существительного *pest* ‘чума’, но и сходству форм рунического **þ** (**p**) и латинского *P*.

В Бергене среди сотен средневековых рунических надписей на палочках и дощечках на одной деревянной палочке также был найден расширенный вариант формулы **-istil** (NB 391 M, XIV в.) **mtpkrgb iiii ssssss tttttt llllll**, т. е. **mistil tistil pistil kistil ristil gistil bistil** (ср. дрисл. *mistill, tistill, pistill, kistill, ristill, *gistill, *bistill*) повторенные семь раз (Liestøl 1963: 18–19). В этой надписи к уже известным нам словам из заклинания **-istil** добавляются еще два слова **g(istil)** и **b(istil)**. Форма **b(istil)** могла быть окказиональным образованием с суффиксом *-il* от прилагательного *bistr* ‘злой’ (ibid., 19) (< срнжннем. *bister* < слав., ср. русск. *бысmp*), хотя возможно, что руна **b** означает в данном случае /p/⁸, и тогда мы снова встречаемся со словом *pistill*, см. выше. В форме **g(istil)** можно предположить окказиональное образование на *-il* от корня *gist-/gest-* (**gistill*), ср. дрисл. *gestr* ‘гость’, *gista* ‘приютить’, *gistingr* ‘ночлег’. Возможно руническое заклинание на **-istil** имеется в виду еще на одной дощечке из средневекового Бергена (N B338), которая до сих пор не имела интерпретации. Здесь читаются руны **ppp kkk lll bbb iii sss ttt nnn**. Поменяв тройки рун местами мы получим надпись **ppp kkk bbb nnn iii sss ttt lll**, которую можно интерпретировать как *pistill, kistill, bistill* (или *pistill, nistill*, повторенные три раза. Здесь к уже неоднократно встречавшимся в формуле **-istil** чертополоху и ящичку (*bistill* и *kistill*), добавлено *bistill* (или *pistill*), которое мы находим также в надписи N B391 (см. выше) и впервые появляется слово *nistill* (ср. дрисл. *nistill* ‘маленькая булавка’). Эта надпись, отличается от других надписей с формулой **-istil** тем, что в ней повторяются не только руны **istil**, но и начальные руны **p, k, b** и **n**. Возможно такой же принцип написания мы встречаем в еще одной надписи из Бергена N B48, нанесенной на круглую деревянную ручку от чего-то, где читается **tttt iiii llll rrrr**. Переставив группы рун **rrrr iiii tttt llll** мы можем прочесть пять раз повторенное слово **ristil** (*ristill*). Если мы вспомним, что эта надпись нанесена на дере-

⁸ В средневековых надписях /p/ обозначалось либо пунктированным **b** либо руной **K**, либо сохранялась младшеруническая традиция обозначать /b/ и /p/ одной руной **b**.

вянную круглую ручку какого-то предмета, то можно предположить, что этим предметом и был «ригель – резало», инструмент для нанесения рунических надписей.

Кроме традиционной рунической формулы **-istil**, представленной в виде рунической загадки выше, в норвежской церкви из Боргунда (Borgund XVII, N 364, Согн и Фьёрды, NIYR 4: 174–176) приводится частичная ее расшифровка, свидетельствующая о том, что это заклинание существовало и в устной форме: **tistil mistil ok æn þiripi þistil**⁹ (*tistill, mistill ok (h)æn þrīði þistill*) ‘тистиль (?) см. ниже, омела, а третий чертополох’. Надпись N 364 – это единственная норвежская средневековая формула **istil**, где есть и **t**, и **þ**. Можно было бы предположить, что написания **tistil** и **þistil** в N 364 отражают два варианта произношения одного и того же слова, в тот период, когда в Норвегии /t/ еще не полностью вытеснило /þ/. Однако в надписи подчеркивается разное значение трех слов ‘тистиль?, омела, а третий чертополох’, что исключает такую интерпретацию. Возможным кандидатом при интерпретации **tistil** в надписи N 364 могли быть окказиональное образование с продуктивным суффиксом *-il* от глагола *tísta* ‘щебетать, пищать’ (ср. *tíst* ‘писк, высокий звук’), сохраняющегося в древнеисландском, т. е. **tistil** в надписи N 364, единственной надписи где **tistil** (*tistill*?) встречается вместе с **þistil**, может означать ‘щебетун или пискун’. Однако, не исключено и предположение Магнуса Ульсена, считавшего, что первым словом этой надписи должно было быть не **tistil**, а **kistil**, т. е. что **t** употреблено здесь вместо **k** (NIYR 4, 181). Это тем более вероятно, что в нескольких средневековых надписях руна **1** может обозначать /k/ (Seim 1998, 93, 102). Если заклинание в N 364 действительно должно было выглядеть как ***kistil mistil ok hn þiripi þistil** ‘ящичек, омела, а третий чертополох’ (NIYR 4: 181), то в этой надписи мы встречаем традиционную последовательность из тех же трех начальных рун, что и на камнях из Гёрлева и Ледберга и на монете из Клюковиче **þmk** (см. ниже), только в обратном порядке ***kmp**. Возможно, что начало этой формулы мы находим в другой надписи из той

⁹ М. Ульсен читал пятнадцатую руно в надписи N 364 не как æ, а как первую руно второй группы (2:1), т. е. h (*tistil mistil ok hn þiripi þistil*), что, однако, не меняет интерпретации (NIYR 4, 176). Если справедлива моя интерпретация надписи N 365, где сокращение hn может значить *hin* (см. ниже), то интерпретацию Ульсена пятнадцатой руны в N 364 как h следует предпочесть принятому сейчас ее чтению как æ.

же церкви **tistilsmisohnþrle** (Borgund XVIII, N 365), где можно прочесть *tistils* (род. пад. от *tistill*) и начало слова *mistill* (**mis**-). М. Ульсен считает эту надпись неудачной копией предыдущей надписи N 365, с ошибочно добавленным *s* и с неточной копией конца надписи (NIYR 4, 177). Сходство надписей N 364 и N 365 несомненно. Однако скорее всего мы имеем здесь дело не с ошибочным воспроизведением надписи N 364, а с с намеренным сокращением надписи N 365 с добавлением слова **le**, которое можно интерпретировать как слово имеющему значение ‘защита, оберег’ (дат. *læ*, норв. *le*, дрисл., шв. *lä*, дрисл. *hlé*, ср. также драгл. *hléow* ‘защита’, ср. также **hli** «защита» в надписях из Стрёма и Ведслета и **hle** в надписи из Стентофты (подробнее об этом см. ниже)). Последовательность рун, стоящих перед **le** т. е. **ohnþr** можно толковать как сокращенное написание **o(k) h(i)n þ(riði) r(istill)** ‘а третий *ristill* (резало)’. Всю надпись N 365 в Боргундской церкви **tistilsmisohnþrle** можно в таком случае было бы представить как ‘*tistils*¹⁰ *mis(til) o(k) h(i)n þ(riði) r(istill)* – *le*’ ‘омела чертополоха, а третий резало – защита’. Если правильна наша реконструкция, то тремя начальными рунами в формуле **-istil** в N 365 должны были быть **t(istil) m(istil) r(istil)**, которым до изменения /p/ > /t/ должны были соответствовать **þ(istil) m(istil) r(istil)**.

Возможно расшифрованная формула с **(C)istil** или ее часть была нанесена на обломок кости, найденную в Скаре (Вэстерьётланд, Швеция), которая датируется XI веком. Надпись, однако, неполная. На одной стороне читается ...**ni kistil lai**, а на другой ...**n:lai:kistil:ma** (Gustavsson et al. 1992: 170–171). Наличие **kistil** позволяет Густавссону предположить формулу **-istil** (ibid.), но остальные руны он оставляет без интерпретации. Однако возможно, что **lai** передает дршв. *læ* ‘защита’, что соответствует **le** в надписи N 365.

Среди списка слов, включенных во все варианты формулы **-istil**, куда кроме *pistill*, *mistill*, *kistill*, *ristill* входят **eistill*, **vistill*, **gistill*, **eystill*, **bistill/pistil*, *nistill* нет ни одного, слова, которое можно было бы назвать «бессмыслицей»¹¹. Мы имеем дело либо с засвидетельствованными словами с суффиксом *-il*,

¹⁰ Родительный падеж *tistils* остается непонятным. Возможно был прав Ульсен, считавший, что *s* было добавлено по ошибке (см. выше).

¹¹ Томпсон считает большинство рифмующихся слов в формуле **-istil** «рифмующейся бессмыслицей» типа *хокус-покус* или *абракадабра*, характерных для магических заклинаний (Thompson 1978)

либо с новообразованиями с этим суффиксом от существующих корней¹².

Выше мы рассмотрели, какие слова и формы употреблялись в формуле **-istil**, однако для понимания значения этой формулы нам необходимо установить не просто словарное значение слов, а те значения, которые имели обозначенные этими словами предметы в древней Скандинавии.

Функция формулы **-istil**

Значение первых двух слов ясны, это *þistill* ‘чертополох’¹³ и *mistill* ‘омела’¹⁴. Эти слова есть во всех вариантах формулы **-istil**, с тем исключением, что после изменения /þ/ > /t/ в континентальных скандинавских языках место руны **þ** в этой формуле заняла руна **t**, а в исландском, естественно, сохранилась руна **þ**. И чертополох, и омела издавна играли важную роль в магии и народной медицине народов Европы. Причем магическое, в первую очередь защитное и апотрофическое, значение обоих растений было сходным в разных частях Европы.

Начнем с чертополоха. В средние века чертополоху в германоязычных странах приписывали способность прогонять нечистую силу и защищать от молнии и пожара (Christiansen 1974: Bd. 18, sp. 392–393; LM III, 1986, sp. 1121–1122; Beuchert 1995: 55–56). Части растения использовались как оберег от разного рода напастей. Считалось, что простое прикосновение корнем чертополоха должно было успокоить любую боль. Чертополох, прикрепленный к свиному корыту должен был защитить

¹² Напомним, что суффикс *-il* был очень продуктивным в древних скандинавских языках. Во многих случаях он придавал слову значение производителя действия, чаще всего мужского пола (ср. исл. *biðja* ‘просить’ – *biðill* ‘жених’, *fríða* ‘умиротворять’ – *fríðill* ‘любовник’) или просто обозначать мужской пол (ср. *ekkja* ‘вдова’ – *ekkill* ‘вдовец’). Этот суффикс мог иметь значение предмета, испытывающего действие (*hnykkja* ‘дергать’ – *hnykill* ‘клубок’, *benda* ‘натягивать’ – *bendill* ‘тесма’), и диминутивное значение (*blað* ‘лист’ – *bleðill* ‘листочек, обрывок’, *hnýfill* ‘рожок, маленький рог’ – *hnúfa* ‘горб’). Суффикс *-il* продолжает оставаться продуктивным и в современном исландском, где часто используется для образования отглагольных неологизмов для обозначения новых понятий, см., напр., *hverfa* ‘поворачиваться’ – *hverfill* ‘турбина’, *hreyfa* ‘двигать’ – *hreyfill* ‘мотор’.

¹³ Чертополохом называют несколько видов растений, входящих в семью астровых (*Carduus*, *Carlina*, *Cirsium*, *Onopordum* и др.)

¹⁴ В Скандинавии обычный вид омелы *Viscum album*.

скотину от болезней. Росший у дороги чертополох надо было повесить на хлебе, чтобы защитить скотину от сглаза. Чертополох оставляли на полях со льном и злаками чтобы защитить их от ведьм и другой нечисти. (Marzell 1929–1930: 301). Существует легенда о том, как один из видов чертополоха (*Carlina acaulis*) помог Карлу Великому спасти свое войско от чумы (Grimm 1875–1878: 1011). В русской традиции чертополоху приписывается способность изгонять из дома злых духов и другую нечисть, а хлев окуривали чертополохом, чтобы защитить скотину от болезней (Меркулова 1976: 96). Само русское слово *чертополох* означает *переполох чертей*, т. е. чертополох – это *пугающий чертей*. Еще яснее эта функция чертополоха видна в названии чертополоха *чертогон*, которое распространено в ряде областей России (ibid.)¹⁵. Чертополох играл важную роль в народной медицине и в древнее время, и в средние века и до сих пор используется в фармакологии.

Еще более важную роль в народных поверьях европейских народов, особенно германцев и кельтов, играла омела. Особая функция омелы у галлов засвидетельствована Плинием Старшим, который писал, что омела была у галльских друидов самым священным растением (Plinius HN 16: 249) и переводил на латынь ее галльское название как *omnia sanantem* ‘все исцеляющее’, отмечая, что ни один из религиозных ритуалов у галлов не обходится без использования ветвей этого растения, а дерево (особенно дуб), на котором паразитировала омела, по преданию было избрано самим богом (ibid.). Плиний сообщал, что напиток, приготовленный на омеле, дает приплод бесплодным животным, и что омела лекарство от любого яда, кроме того она избавляет от эпилепсии, залечивает раны и язвы и является средством от пожара (ibid.). Многие из отмеченных Плинием функций омелы продолжали считаться действенными в Европе до XX века (Grimm 1875–1878: 1008–1010; Frazer 1913: 90–100; Marzell 1934–1935: 384; Schubert 2004b: 34–40; Beck 2002: 20, 99; Мазнев 2009: 352–353). В германоязычных странах омела считалась символом жизни, любви и мира, плодородия и роста (Beck 2002 (20): 100). Она могла быть магическим талисманом, приносящим в дом удачу «magischer Glücksbringer»

---

¹⁵ В очень популярной сегодня литературе о сакральной силе растений можно найти и практические советы, как надо сейчас пользоваться чертополохом в магических целях (см., напр.: Неаполитанский, Матвеев 2005, 5: 425).

(*ibid.*: 99, см. также. Marzell 1934–1935: 387). В средние века из омелы делали амулеты, ее ягоды носили на шее как амулеты, предохраняющие от нечистой силы (Schubert 2004a: 50). Шарики из омелы вставляли в серебряные кольца, которые должны были защитить от колдовства (Мазнев 2009: 353). Омелу развешивали в доме и в хлеву для защиты от ведьм, колдунов и злых духов (Schubert 2004a: 50). Функция омелы как растения, защищающего от разного рода напастей и приносящего в дом счастье, видна и в традиции многих европейских стран украшать дом ветками омелы. У германоязычных народов одна из основных функций омелы защита от колдовства, грозы и пожара (Marzell 1934–1935: 385–398). В Швейцарии ее называли «громовой метлой», предохраняющей дома от удара молнии (Мазнев 2009, 353). Карл Линней писал, что простые люди в Вестергётланде (Швеция) считают, что те дома, в которых есть омела, защищены от пожара (Linné 1765: 39). Спустя сто лет после Линнея Шюбелер отмечал, что в крестьянских избах в Швеции под потолочными балками висят ветки омелы, «так как думают, что эти ветки предохраняют дом от всего дурного, прежде всего от пожара» (Schübeler 1873: 289). В средневековых лечебниках омела упоминается как лекарственное растение, которое изгоняет болезни «и все дурное». В народной медицине омелой лечили эпилепсию, нервные заболевания, воспаление легких, болезни сердца (омела понижает давление) и даже зубную боль (Marzell 1934/1935: 381–393; Мазнев 2009: 351; Корсун et al. 2010: 210–212). В Норвегии омела считалась средством от боли в суставах у людей и животных (Schübeler 1873: 289). Используется омела и в современной фармакологии. В Германии и Швейцарии из листьев омелы производят препараты против опухолей (Корсун et al. 2010: 212). Этот краткий обзор защитной функции чертополоха и омелы в народных поверьях свидетельствует, что именно эти два рифмующихся слова были основными в рунической формуле **-istil**. Неслучайно именно они употреблены фактически во всех вариантах этой формулы. Вряд ли случайно, что и русские народные названия этих растений подчеркивают именно их апотрофическую функцию, см. «чертополох или чертогон» для чертополоха и «чертово помело» (Мазнев 2009: 350) для омелы.

Третье слово формулы **kistil kistill** существует в исландском как деминутив от существительного *kista* ‘ящик’ и переводится в нашей формуле обычно как ‘ящичек’ (ср. Düwel 2001: 98). Но

какую роль играет ‘ящичек’ в заклинании **-istil** не вполне ясно. Не исключено, что речь в данном случае идет об особом ящичке, в котором хранились предметы языческого культа. Ульсен сравнит *kistill* в формуле **-istil** с ящичком, в котором согласно саге об Олаве Святом из *Flateyrbók II* хранился завернутый в лук и лён¹⁶ Вёлси, *membrum virile equi*, почитавшийся норвежскими язычниками (NIYR 4: 181)¹⁷.

Важным элементом формулы **-istil** было и слово *ristill*, встречавшееся в большинстве подобных формул. Предполагаемое его значение как обозначение инструмента для нанесения рун («резало») несомненно связано именно с рунической формой загадки-заклинания **-istil**, что становится особенно очевидно в рунической форме этого заклинания в саге о Боси.

Что касается значения слов из расширенного варианта формулы **-istil**, в которой появляются новые образования с продуктивным суффиксом *-il*, (**pistil** (N 75, NB 391), **vistil** (N 132, сага о Боси), **oistil** (сага о Боси), **aistil** (N 132), **gistil** (N 391), **bistil** (N 391)), то, несмотря на то, что все они либо соответствуют засвидетельствованным словам, либо являются окказиональными образованиями от существующих корней (ср. выше), нет никаких данных, позволяющих определить их точную функцию в формуле **-istil**. Вероятно слова расширенной формулы, оставаясь в отличие от *абракадабры* реальными словами или возможными новообразованиями, играли роль своеобразных усилителей основного защитного заклинания (*pistill* ‘чертополох’, *mistill* ‘омела’, *kistill* ‘ящичек’, *ristill* ‘резало’), в значительной степени соответствующих «рифмованной бессмыслице».

Брэндум-Нильсен считал, что формула **-istil** на камне из Гёрлева является «магической защитной формулой, которая должна обеспечить умершему покой в могиле, удержать умершего в могиле, освятить и защитить могильный камень»

¹⁶ Ср. руническую надпись *linalaukaR* ‘лен (и) лук’ на ноже из Флёксанда, Норвегия (IV–V вв., KJ 37) и руническую формулу ‘лук’ *laukaR* (*lkaR*, *lakR*, *lauR*, *luR*, *lR*) на брактеатах (Düwel 2001: 53)

¹⁷ В саге рассказывается, как Олав Святой оказался за столом в одной крестьянской семье. Когда подали еду, мать семейства достала ящичек, в котором в луке и льне хранился Вёлси, вынула его и положила на колени своему мужу, который произнес поэтическую строфу, закончившуюся словами «Морнер, прими жертву» и передал его дальше. Когда Вёлси оказался у Олава Святого, тот, как верный христианин, бросил его собаке, которая «проглотила этого бога» (см. *Flateyrbók II*, 332).

(Brøndum-Nielsen 1923: 44). Мольтке полагал, что формула на камне из Гёрлева имеет более узкое значение, она представляет собой «активную сторону магии» и содержит проклятие тем, кто собирается разрушить памятник, а футарк на камне из Гёрлева играет при защите могилы, напротив, «пассивную роль» (Moltke 1934: 429). Хотя Клаус Дювель определяет формулу **-istil** как «колдовскую формулу, точное значение и сфера действия которой неясны» (Düwel 2001: 98), он считает, что эта формула на камне из Гёрлева имела своей целью защиту могильного камня от возможных осквернителей (ibid.: 99). Представление о том, что формула **istil** являлась проклятием, основывалось на интерпретации функции этой формулы в саге о Боси. Как уже было сказано выше, во всех трех рукописях саги о Боси есть формула **istil**, написанная рунами (Bósa saga, кап. 5). Традиционно считается, что именно формула **istil** и является проклятием (NIYR 4: 180; Moltke 1985: 168; Düwel 2001: 99). Однако функция формулы **istil** в саге о Боси другая. Рассмотрим подробнее то место, где приведена эта формула.

Боси, который воспитывался вместе с сыном конунга Ринга Херраудом и был его побратимом, убивает Съёда, другого сына Ринга. Конунг, желая отомстить за смерть Съёда, вступает в сражение с Боси и Херраудом, побеждает побратимов и бросает их в тюремную яму. Наутро их должны повесить. Ночью к конунгу приходит воспитательница Боси Бусла, знающая толк в колдовстве, и пытается спасти жизнь пленников с помощью трех заклинаний. Первое заклинание не оказывает никакого воздействия на Ринга. После второго заклинания конунг соглашается помиловать своего сына Херрауда, и отпустить Боси, но объявить его вне закона. Бусле этого мало, и она произносит третье заклинание («*Sygruvers*»), самое сильное из трех, которое заканчивается рунической загадкой. Ринг должен отгадать имена шести мужчин (*sex seggir*), которых Бусла предствила ему в виде рунической загадки:

R.F.F.K.Y.N IIIII IIIII : 11111 : IIIII : rrrrrr :
(r.o.p.k.m.u iiiiii ssssss : ttttt : iiiiii : lllll:).

Мы видим, что перед нами типичная руническая формула **-istill**, в которой зашифрованы «шесть имен» **ristil oistil pistil kistil mistil uistil** – *ristill* ‘резало’, **eystill* ‘восточный (?)’, *pistill* ‘чертополох’, *kistill* ‘ящичек’, *mistill* ‘омела’, **vistill/*vestill* ‘западный (?)’, повторенные шесть раз. Если Рингу не удастся

отгадать эти шесть имен, то тогда «собаки загрызут его в Хеле, а его душа сгорит в огне». «Растолкуй теперь эти имена, или с тобой случится все то, о чем я говорила», заканчивает свое заклинание Бусла (Bósa saga, кап. 5). Когда конунг понял, что он не сможет растолковать руны и отгадать эту загадку, он согласился выполнить просьбу Буслы и освободил обоих пленников. Мы видим, что проклятием является не сама руническая формула **-istil**. В случае ее правильного толкования Ринг мог избежать всех тех напастей, которые ему предрекала Бусла. Сама по себе руническая загадка имеет защитную силу против злого заклинания¹⁸, но только для тех кто сумеет ее написать и истолковать. Защитная функция рунической загадки в саге о Боси, соответствует защитной функции формулы **istil**, которую мы установили, исходя из значения основных апотрофических элементов этой формулы, в первую очередь чертополоха и омелы, и значению этой формулы на рунических камнях.

Употребление слова 'защита' (**hlī, hli, hle, le, lai**, см. выше и ниже) после формулы **istil** подтверждает именно защитную функцию этой формулы, основными компонентами которой являются омела и чертополох.

СОКРАЩЕННАЯ ФОРМУЛА **-istil(aR)**¹⁹

Возможная сокращенная формула на брактеате из Хальсскоуа (440–550 гг.)

Возможно впервые употребление двух первых слов формулы **þ(istilaR)** 'чертополох' и **m(istilaR)** 'омела', причем в сокращенном виде, мы встречаем в рунической надписи на брактеате из Хальсскоуа (DR Вг 56: 440–550 гг.). Обычно интерпретируется только первая часть надписи **xxeturfahidelapþmhl(?i** или **s)iaeiaugr** (s или i?) **þ** (или **w**) **nbkeiaR?i?**, которую читают как **xxetur** 'конец имени собственного ?' **fahide** 'написал' **lapþ** 'приглашение'²⁰, см. KRP. Аксбо с соавторами предложили

¹⁸ См. также Seim 1998: 322–323.

¹⁹ Форма с окончанием **-laR/** отражает язык старшерунических надписей до синкопы **/a/** и до ассимиляции **//R/ > //l/**.

²⁰ Якобсен и Мольте интерпретируют в этой надписи только одно слово **fahide** 'начертал' (Jacobsen, Moltke 1942: 532). Краузе предлагал интерпретировать **fahide lapþ** как 'начертал вызов', считая форму **lapþ** апокопированным вариантом формы **lapþu**, засвидетельствованной в надписи на брактеате из Трольхэттена (Krause 1971: 149). Сейчас

считать следующие за словом **lapo** руны **pm** сокращением **p(istilaR)** и **m(istilaR)** (Axboe et al 1985: 129). Такое толкование вполне приемлемо, особенно, если мы обратим внимание на следующие руны надписи. Руны 19-21 читаются обычно как **hls** (ср. KRP), но третья руна , которую обычно читают как **s** могла быть не **s**, а **i**. Новак также читает эту руну как **s**, но определяет ее как руну «с сомнительным статусом» (Nowak 2003, XLI), не отмечая, правда в чем именно состоит ее сомнительность. Но если мы обратим внимание на написание руны **i** на брактеатах, то найдем целый ряд вариантов, которые похожи на варианты **s**, см., напр., форму **i** в виде и т. п. (Nowak 2003: XXI). Написание **hlīi** можно интерпретировать как слово, обозначающее защиту ср. днсл. *hlé*, дрангл. *hlēo(w)*, дрффриз. *hli*, дрсакс. *hleō*, дршв., дрдат. *læ*, дрнорв. *le* ‘защита’, гот. *hlīja* ‘хижина, палатка’ < герм. **hlewa-*). Это слово встречается в форме **hli** в старшерунической надписи на пряжке из Странда **siklisnahli sigli (i)s ná-hlé** (KJ 18, um 700 AD) и возможно в форме **hle** в надписи на камне из Стентофтена (**hAriwolAfR...s nu hle HariwolafR ...es nú hlé** ‘для Харивулфа (?) теперь защита’ (Krause/Jankuhn 1966: 210–212)²¹. Возможно это слово в виде **lai** сочетается с частью формулы **istil** в надписи эпохи викингов на кости из Скары (Вэстерьётланд) и в двух средневековых формулах **istil**, в виде **le** в надписи в церкви из Боргунда (№ 365) и в надписи на каменном амулете из Ведслета в виде **hli**, см. ниже. Таким образом, первая часть надписи на брактеате из Хольскоуа можно интерпретировать как ...хх**etur** ‘конец собственного имени?’ **fahide** ‘написал’ **lapo** ‘приглашение’, **p(istilaR)** ‘чертополох’, **m(istilaR)** ‘омела’ **hlī(ii)** ‘защита’. Остается, правда, неясным, относятся ли две руны **i**, следующие за **hlī** к слову ‘защита’, усиливая таким образом его воздействие, или они начинают отрезок надписи, состоящий из гласных **īaeiaū**, значение которого неясно. В любом случае слово **hlī** или **hlīi** ‘защита’ сочетается в этой надписи с сокращенным вариантом формулы **istilaR**, которая в этой надписи состоит только из двух (см. выше) самых важных компонентов **p(istilaR)** ‘чертополох’ и **m(istilaR)** ‘омела’.

принято чтение **fahide lapo** как ‘начертал вызов’ (см., напр.: Antonsen 2002).

²¹ Существуют и другие интерпретации этого места, однако большинство рунологов соглашаются с интерпретацией Краузе рун **hle** как ‘защита’ (см. KRP).

Сокращенная руническая формула (C)istil на камне из Бю (Норвегия)

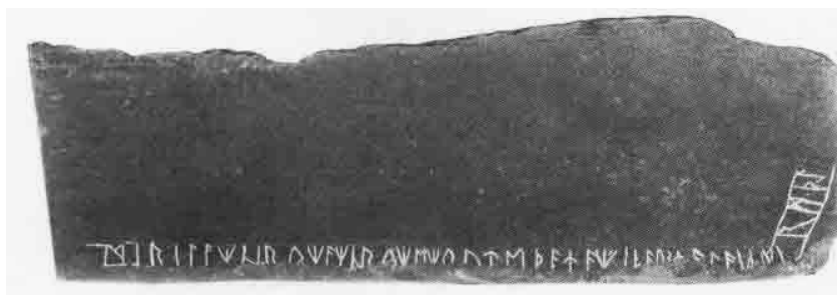

Рис. 1. Надпись на камне из Бю (Норвегия)

Надпись старшими рунами нанесена на узкую грань камня из Бю (Норвегия) (1.68x1x0.24 м). Археологическая датировка надписи невозможна, но рунологические и языковые признаки позволяют Краузе датировать надпись второй половиной VI в. (Krause 1966: 162; 1971: 142). В чтении и интерпретации первой части надписи большинство рунологов²² следуют Краузе **ik irilaR hroRaR hroReR o(r?)te þat aRina u(t?) alai(fu?)(dR?)** *Ik IrilaR HrōRaR HrōRēR orte þat aRina (Alaifu ?)* ‘я эриль (мастер рунического письма) Хрорар сын Хрорара обработал эту плиту для Алайв ???’ (ibid.). Поскольку многие руны, особенно во второй части надписи, видны плохо, предлагались и другие ее чтения и интерпретации, ср. напр. Antonsen 1975 ; Grønvik 1996.

Несмотря на различие в трактовках все рунологи полагают, что первая часть надписи, в которой сообщается о том, кто в честь кого сделал руническую надпись, вполне традиционна. Вторая строка надписи, руны которой значительно больше, чем руны первой надписи, расположена под углом по отношению к первой строке и читается снизу вверх. В отличие от первой строки надписи вертикальная надпись читается всеми одинаково как идущая снизу вверх последовательность рун **rmpī**. Несмотря на то, что чтение этих рун не вызывает сомнения, их интерпретация вызывает споры. Многие рунологи вообще никак не интерпретируют эту последовательность (см., напр Макаев

²² Все существующие интерпретации надписи с указанием литературы см. в базе данных Кильского рунического проекта www.runenprojekt.uni-kiel.de.

1965: 101), другие полагают, что руны **rmþī** являются начальными рунами слов, форма и значение которых определяются, однако, по-разному. Начало такому типу интерпретаций положил еще Софус Бугге, который в первом томе «Норвежских надписей старшими рунами» предложил толковать надпись **rmþī** как сообщение о том, кто вырезал руны: **r(unoR) m(arkide) þ(aR) E(haR)** ‘руны нанес эти Эхар’ (NIÆR 1: 110–111). Во втором томе NIÆR он изменил трактовку, предлагая читать четыре руны **rmþī** вместе с двумя последними рунами первой строки, которые, правда, очень плохо просматриваются, как **d(ohta)R r(owe) m(inu) þ(aR) i(ne)** ‘дочь покойся моя здесь внутри’ (NIÆR 2: 531). Существовали и другие попытки подобных расшифровок. Нореен, следуя первому варианту интерпретации Бугге, интерпретировал руны **r** как начальную руны слова **r(unoR)** ‘руны’, а сочетание **mþī** трактовал как сокращение **m(arki)þī** ‘нанес, вырезал’, интерпретируя конец надписи как **d(aga)R r(unoR) m(arki)þe** ‘Дагар руны нанес’ (Noreen 1970 (1923)). Совершенно по-другому интерпретирует **rmþī** Грёнвик: **r(aiþ) (u)m (m)(anR) þ(urisaR) i (waR)** ‘скакал муж вокруг, мертвый (теперь) здесь внутри’ (Grønvik 1996). Очевидно, что возможности расшифровки последовательности **rmþī**, предполагающей, что эти руны являются начальными, конечными или серединными элементами слов, абсолютно безграничны. Однако, очевидно прав Краузе, который в своей последней книге скептически отнесся ко всем подобным расшифровкам, в том числе и к своим собственным более ранним интерпретациям, заявив, что «все попытки интерпретировать конец надписи остаются сомнительными» (Krause 1971: 142). Отсутствие аналогий заставило Краузе отказаться от всех предложенных толкований и предположить, что в данном случае речь может идти «о чисто магических рунах» (*rein magische Runen*) (Krause 1966: 161). Однако, какого типа магические руны имеются в виду, он оставил без разьяснения.

Отсутствие аналогий делало интерпретацию и старшерунической надписи на камне из Бю, проблематичной. Однако надпись перестает быть загадочной, если предположить, что она также как и надпись на брактеате из Хальссскоуа, и как более поздние надписи на монете из Ключкович и на амулете из Ведслета (см. ниже) является сокращенным вариантом формулы **-istil**. Первые три руны этой надписи **rmþī** соответствуют трем основным начальным рунам формулы **istil**, стоящим в

обратном порядке (*ristilaR ‘резало’, *mistilaR ‘омела’, *pistilaR ‘чертополох’), за которыми следует руна *ī*.

Последняя руна надписи *ī* (↓) – одна из самых загадочных рун старшего футарка, которая уже в период самых старых рунических надписей не имела самостоятельного фонологического значения и употреблялась крайне непоследовательно. Эта руна, судя по древнеанглийскому руническому акростиху, называлась *eoh* (< *eohw < *eihwaz или *ihwaz, ср. англ. *yew*) и имела значение ‘тис’ (Bauer 2003: 31, 38). В интерпретируемых надписях старшими рунами она употреблена всего три раза, причем везде в значении /i/ ²³ В огромном же большинстве случаев руна *ī* употреблена либо в футарке, либо в неинтерпретированных надписях на брактеатах. В неинтерпретируемых надписях на брактеатах руна *ī* встречается в самых разнообразных сочетаниях. Она может сочетаться с другими старшими рунами, и с традиционными германскими символами, и с латинскими буквами и с непонятными знаками, напоминающими и руны и латинские буквы (см., напр. IK 32, IK 94, IK 295 и IK 312, IK 129 K 124 IK 107, IK 124 IK 129, IK 197, IK 213, IK 295, IK 312). Руна ↓ (*ī*) оказывается единственной руной, нетекстовое употребление которой во много раз превосходит ее текстовое употребление.

По-видимому, нефонографическую функцию выполняла руна *ī* и в надписи **rmþī** на камне из Бю. Основная ее функция была связана не с ее фонографическим употреблением (как фонографема она была не нужна), а со значением того предмета, именем которого она называлась ↓ (*ī*) ‘тис’.

Тис, благодаря твердости тисовой древесины, был основным материалом для разного типа оружия уже в эпоху палеолита. Еще больше находок из тиса относятся к эпохе неолита (луки, копья, ручки топоров, ножи, веретена) (Behre 1986: 524). Кроме того, считалось, что растение обладает уникальными бактерицидными свойствами. Верили, что дом, в котором хотя бы балки были сделаны из тиса защищен от инфекций (Мазнев 2010: 415).

²³ Ср. надпись на брактеате из Небеншtedта I, Нижняя Саксония) *glīaugiR uīu rnR* «(Я) блескоглазый освящаю руны» (KJ 133) и в одном собственном имени в южногерманской надписи *darīna* (около 575 г., KJ 144). В надписи на камне их Крөгсты (KJ 100) ↓ в слове *h1l1t1t1* несомненно обозначает /t/ (*stainaR* ‘камень’), т. е. употребляется в соответствии с руническим шифром для обозначения первой руны (одна ветвь внизу) первой группы (одна ветвь сверху) – (1:1), т. е. t.

Тис подобно омеле был ядовитым деревом, что, вероятно и привело к его использованию как средства, защищающего от колдовства (ibid.). Судя по сообщениям античных авторов, ирландским сагам и ономастике большое значение тис имел у кельтов²⁴. Большую роль в магии играл тис и у германоязычных народов. Тисовые палочки с руническими надписями были амулетами у фризов, см., амулеты из Арума (VI–VIII вв.), Бритсума (начало VII в.) и из Вестеремдена В (около 800 г.?). Причем на амулете из Бритсума рунами нанесено заклинание «Всегда носи (с собой) этот тис!», а в заклинании на тисовой палочке из Вестеремдена Б, интерпретация которого не до конца ясна, также упоминается тис (Düwel 2001: 86–87). В германоязычных странах было распространено поверье, что, тот, кто носит на теле тисовую палочку, защищен от колдовства и сглаза. В старых лечебниках мы находим множество примеров такой функции тиса (литературу см. Heizmann 1986: 527). В Тюрингии считалось, что тис предохраняет от нечистой силы (Elliott 1957: 250), ср. немецкую поговорку *Vor Eibe kann kein Zauber bleiben* ‘С тисом не может оставаться никакого колдовства’. С помощью колдовских знаков на тисовых палочках, среди которых были и руны, и с помощью тисовых опилок, которыми посыпали хлеб с маслом, лечили собак от бешенства (ibid.: 259), т. е. изгоняли из них нечистую силу. В Германии, где руны часто использовались как знаки собственности (*Haus- und Hofmarken*), одним из излюбленных знаков был знак, соответствующий руне ‘тис’ $\perp$, которая либо употреблялась отдельно (Hornеуег 1870: 144, см. также табл. 17), либо входила в состав комбинированных рун или других комбинированных знаков (см., напр., ibid.: табл. 9, 12, 13). Появляется эта руна, чаще всего в составе комбинированных рун или в сочетании с другими знаками на клеймах и в Скандинавии (Cappelen 2005).

²⁴ По сообщению Цезаря король эбуронов (название племени которого восходит к кельтскому названию тиса, ср. **eburos* < др.-ирл. *ibar* ‘тис’) после поражения в битве принял яд, приготовленный из тиса (BG VI, 31). Об особом значении тиса для галлов сообщает Лукан. А в саге о короле Эохаде Айреве и королеве Эдань рассказывается о волшебных тисовых палочках с огамическими письменами (Elliott 1957: 254). Многочисленные галльские имена с *Ebur-* (*Eburius*, *Eburo*, *Eboyroc* < **eburos*) и *iv-* (*Ivanus*, *Ivimaros*, *Ivinos*, *Ivio*, *Ivorix* < **iwo-*, см. также др.-ирл. *Mac Ibair* ‘сын тиса’) подтверждают это предположение (подробнее с литературой см. Heizmann 1986: 526–530).

Важность защитного значения названия руны J ‘тис = защита’ видна и при переходе к младшему футарку, в котором не оказалось руны J , но ее название ‘тис’ úr было перенесено на другую защитную руну R (A), первоначальное название которой реконструируют как **algiz* ‘лось’ или ‘защита’ (Krause 1966: 4; Düwel 2001: 8), Мы видим, что апотрофическая функция тиса во многом соответствовала апотрофической функции омелы и чертополоха, и появление руны с названием тис в формуле, основными элементами которой являются омела и чертополох совершенно естественно. Руна ĭ после трех рун формулы **istilaR** выполняла в надписи на камне из Бю ту же функцию, что и надписи со значением ‘защита’, стоящие после формулы **istilaR** в старшерунической надписи из Хальсскоуа, в надписи эпохи викингов из Скары и в средневековых надписях из церкви из Боргунда (смю выше) и на амулете из Ведслета (см. ниже).

Таким образом, надпись на камне из Бю **rmþi** следует интерпретировать как сокращенную формулу **istil** (**r(istilaR)** ‘резало’, **m(istilaR)** ‘омела’ и **þ(istilaR)** ‘чертополох’) с добавлением защитной руны ĭ , ĭ ‘тис, защита’, т. е. ‘написанные рунами сокращения слов, обозначающих омелу и чертополох являются защитой’. Функция формулы **rmþi** на руническом камне из Бю полностью соответствует функции полной формулы **-istil**.

Сокращенная формула **-istil** на монете из клада в Клюковичах (Польша IX в.)

В 1945 году в польском поселке Клюковичи (Подляское воеводство) был найден клад с более чем тысячью серебряных арабских монет, чеканенных в VIII–IX в. (Czapska et al. 1964). Клюковичи расположены на Буге на границе с Белоруссией, недалеко от белорусского города Бреста, на одном из вариантов водного пути из «варяг в греки» (Балтийское море – Висла – Буг – Припять – Днепр – Черное море). Считается, что клад был заложен около 910 года (ibid.). На нескольких монетах есть граффити. Граффити на двух монетах (D 164, 165) можно интерпретировать как комбинированную руну **kub** ‘бог’ или ‘боги’, на двух монетах можно прочесть отдельные руны **b** (D 159) и **t** (D 160). На саманидском дирхеме, чеканенном в 895 /896 году четко процарапана надпись коротковетвистыми рунами $\text{þ} \text{t} \text{r}$ **þmkr** (рис. 3) (D 163, Добровольский et al. 1991: 108–109). Вряд

ли случайно, что руническая последовательность **þmkr** на монете из Клюкович (D 163) совпадает с наиболее распространенным типом формулы **-istil**. Однако она представлена здесь в сокращенном варианте *þ(istill)*, *m(istill)*, *k(istill)* и *r(istill)* (Kuzmenko 1995: 36). Причем руны **þmk** стоят здесь в той же последовательности, что и руны в формуле **-istil** на камнях из Гёрлева и Ледберга. Именно эта надпись с сокращенным вариантом формулы **-istil** оказывается ключом к пониманию надписи на камне из Бю и на амулете из Ведслета.

Сокращенная формула **-istil** на каменном амулете из Ведслета

Рис. 2. Каменный амулет из Ведслета (runer.ku.dk)

В местечке Ведслет (Ютландия) в 1866 году был найден камень с рунической надписью (DR 57, Mju 100). размером 10,5 см. х 9 см. х 1,6 см (рис. 4). В верхней строке надпись идет слева направо **þmkrhli**, на второй строке, идущей справа налево, нанесены те же руны, но в другом порядке **iklmrþh**. Причем в этой строке руны стоят вверх ногами. В начале третьей строки, которая идет в том же направлении что и вторая, появляется

латинская маюскула *A*, после которой следует испорченное место. Возможно, здесь была руна $\mathfrak{F}$ (**f**), о чем могут свидетельствовать следы двух параллельных, уходящих вверх вправо от ствола ветвей, хотя линии этих двух ветвей выглядят несколько иначе чем остальные линии надписи, поэтому не исключено, что они не относятся к надписи. Заканчивается надпись рунами **hpa**.

Эту надпись Якобсен и Мольтке датируют средневековым, т. е. временем с XII по XIV в. (Jacobsen/Moltke 1942: sp. 96)²⁵. Современные рунологи дают более широкую датировку надписи (1100–1536 г.- *runer.ku.dk*). Согласно самым авторитетным современным рунологическим сайтам уппсальского (*nordiska.uu.se/forskn/samnord.htm*) и копенгагенского (*runer.ku.dk*) университетов, эта надпись не имеет толкования. Однако еще Якобсен и Мольтке обратили внимание на то, что порядок первых трех рун в первой строке совпадает с порядком первых трех рун рунической формулы, нанесенной на камень из Гёрлева (Gørlev I, IX в., DR 239, Sj 46) – **pmkiiisssttiiiilll**, которую интерпретируют как *pistill* ‘чертополох’, *mistill* ‘омела’ и *kistill* ‘ящичек’ (см. выше). Однако они отметили, что «о какой-либо связи (между этими надписями и надписью из Ведслета, Ю. К.) вряд ли здесь может идти речь»²⁶ (Jacobsen/Moltke 1942: sp. 96). Хотя Якобсен и Мольтке никак не интерпретируют надпись на камне из Ведслета, они предлагают рассматривать ее в рамках латинской письменной традиции, основываясь на присутствии в надписи латинской маюскулы *A* и на совпадении порядка следования первых рун во второй строчке с порядком следования букв в латинском алфавите **i k l m** (*ibid.*). Однако появление латинской буквы и частичное сходство порядка следования второй строки надписи с порядком латинского алфавита вовсе не отменяет возможности того, что в первой строке амулета могла использоваться защитная формула **-istil**. Порядок следования рун в первой строчке **pmkr** с очевидностью свидетельствует о связи надписи на амулете из Ведслета с формулой **-istil**. Абсолютно идентичен порядок следования первых четырех рун в надписи на камне из Ведслета **pmkr** сокращенной формуле **istil** на монете из Клюкович. Такое совпадение вряд ли случайно. Перед нами, несомненно, краткая формула заклинания **-istil**, **pmkr**

²⁵ Все последующие датировки средневековых и более поздних датских рунических надписей даются по Якобсен и Мольтке (Jacobsen, Moltke 1942)

²⁶ «...om nogen sammenhæng kan der dog næppe være tale om».

(*bistill, mistill, kistill, ristill*). То, что руны **hli** не являются начальными рунами формулы **-istil** свидетельствует и тот факт, что ни одна из этих рун не встречается в этой формуле ни в одной описанной выше рунической надписи. Руны **hli** соответствуют уже много раз нам встречающейся надписи со значением «защита» (см. выше **hlīii, le, lai** которая часто появляется в сочетании с формулой **istil(aR)**. Правда форма с сохраняющимся /h/ в надписи на средневековом амулете из Ведслета выглядит необычно архаично. В континентальных скандинавских языках /h/ начало исчезать перед сонорными /r l n/ с середины IX века, причем это изменение началось именно в Дании (Skautrup 1944: 131). Формы с сохраняющимся /h/ встречаются в двух надписях в Дании, относящихся к XI веку (DR 30 и DR 160), однако традиционно считается, что эти надписи были сделаны норвежцами, в языке которых /h/ перед сонорными сохранялось дольше, чем в Дании (Jacobsen, Moltke 1942: 56). После X в. в датских надписях **h** и после XI века в норвежских и шведских надписях /h/ уже не встречается перед сонорными, И естественно, что в первых датских рукописях латинским алфавитом (XIII в.) нет примеров появления **h** в этой позиции. Таким образом, в средневековой датской надписи следовало бы ожидать формы без /h/ ***li** или ***le**, ср. форму **le** в средневековой норвежской надписи N 365.

Появление в надписи латинской маюскулы **A** с очевидностью говорит о том, что надпись не может относиться ко времени более раннему чем XII век. Только с этого времени появляются латинские буквы в датских рунических надписях и рунические вкрапления в латинских надписях. Таким образом, надпись на каменном амулете из Ведслета вряд ли старше XII века. Что касается руны **þ** в сокращенном варианте формулы **-istil (þmkr)** на Ведслетском амулете, то сохранение искомого /þ/ в начале слова в Ютландии было возможно и в конце XIII (Skautrup 1944: 252). И все же датировка отпадения /h/ перед сонорными никак не согласуется с появлением латинской маюскулы на амулете из Ведслета. Нам остается предположить, что надпись на камне из Ведслета была нанесена не датчанином, а исландцем (напомним, что /h/ перед сонорными и /þ/ сохраняются в исландском до сих пор). Интересно, что именно сохранение **h** перед сонорными в средневековых рунических надписях на палочках и дощечках из Бергена и Трондхейма (XII–XIV вв.) считаются Хагландом доказательством при-

сутствия исландцев в этих городах в средние века (Hagland 1989: 90–91). Таким образом, из двух возможных интерпретаций формы **hli** в надписи на каменном амулете из Ведследа: предположение о сохранении /h/ перед сонорными в начале слова в датском до XII века или предположение об исландском происхождении надписи – следует предпочесть вторую. Об исландском происхождении надписи может свидетельствовать и сохранение **þ** в формуле **-istill**. Напомним о том, что первые исландские епископы, после того как Исландия стала частью Дании в результате Кальмарской унии, были датчанами. Однако датско-исландские контакты существовали и до Кальмарской унии, ср. надпись начала XI века на камне из Карлеви (Öl 1) с очевидными исландскими формами, посвященная датскому хёвдингу.

Что касается латинской маюскулы А, то ее значение связано, вероятно, с алфавитной магией. Алфавитная магия известна с античных времен (см., напр. Dornseiff 1925). И эта традиция продолжалась и в эпоху старших и в эпоху младших рунических надписей. Написание футарка с магической целью очевидно во многих надписях (см., напр., старший футарк на камне из Чюльвера или младший футарк на камне их Гёрлева, где он сочетается с формулой **-istil** (см. выше). Эта традиция сохранялась и в средние века, ср. рунический алфавит в надписи на Эстермарийском камне, где руны расположены в порядке следования латинского алфавита и где наряду с рунами появляется латинская маюскула Р. Интересно, что по своему размеру Эстермарийский камень (12,5 см. х 8,5 см х 3 см.) соответствует размеру Ведслетского амулета (10,5 см. х 9 см. х 1,6 см). В некоторых случаях вместо всего футарка писали всего несколько начальных рун футарка (одну, две или три). В средневековой христианской традиции буква А в алфавите считается началом всех начал и «является фундаментом всего здания», как писал один из отцов церкви (Dornseiff 1925, 21). Возможно латинская маюскула А в надписи на амулете из Ведслета могла обозначать весь латинский алфавит. Таким образом, в надписи на Ведслетском амулете используются несколько магических средств. Основным текстом является сокращенный вариант рунической апотрофической формулы **-istil** (**þmkr** = *þistill, mistill, kistill, ristill*) в сочетании со словом **hli** ‘защита’. Затем следуют руны этой же надписи, но в измененном порядке **iklmrph**. Изменение порядка следования рун, вероятно с магической целью, было

характерно для и для эпохи старших рун, см., напр., изменение порядка самой известной рунической защитной формулы **alu** (**lua**, **aul**), и для эпохи младших рун, ср. напр. изменение порядка рунической формулы **gud** или **kuþ** в рунических граффити на восточных монетах (примеры см. Hammarberg, Rispling 1985). Формула **-istil** на Ведслетском амулете сопровождается начальной буквой латинского алфавита **A** и, возможно, начальной руной футарка **f**, которые представляют весь латинский алфавит и весь футарк. Самым трудным местом для интерпретации надписи на Ведслетском амулете оказываются три последние руны **hþa**. Возможно, в данном случае мы имеем дело с сокращенным написанием имени владельца амулета **hþ** – первая и последняя руна мужского имени типа **holmkirþr** (U 30), **haluarþr** (NB 128 M), **hulmuiþr** (Sö 105) или женского имени типа **hulmfriþ** (U 462)/**hulmfriþr** (U 240) и т. п. – в сочетании с настоящим временем глагола со значением ‘владеть’ **a** (исл. *á* от *eiga*), форма, которая часто встречается для обозначения владения в средневековых рунических надписях.

Таким образом, защитная апотрофическая руническая формула **-istil**, основанная на рифмующимися названиях омель и чертополоха *þistil(aR)*, *mistil(aR)*, была распространена в Скандинавии на протяжении тысячи лет, начиная с эпохи старше-рунических надписей до XV века. Причем она существовала, не только в полной форме, как это было принято считать, но и в сокращенном виде, который представлен и в самых ранних надписях формулы (надпись на брактеате их Хадьскоуа, на камне из Бю) и в эпоху викингов (надпись на монете из Клюковичей) и в скандинавское средневековье (надпись на каменном амулете из Ведслета).

Литература

- Добровольский et al. 1991 – Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991.
- Корсун et al. 2010 – Корсун В. Ф., Корсун Е. В., Цицилин А. Н. Атлас эффективных лекарственных растений. М., 2010.
- Мазнев 2009 – Мазнев Н. И. Большая энциклопедия высокоэффективных лекарственных растений. М., 2009.
- Макаев 1965 – Макаев Э. А. Язык древнейших рунических надписей. Лингвистический и историко-филологический анализ. М., 1965.

- Меркулова 1967 – Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы, грибы, ягоды. М., 1967.
- Неаполитанский, Матвеев 2005 – Неаполитанский С. М., Матвеев С. А. Сакральные растения. СПб., 2005.
- Antonsen 1975 – Antonsen E. H. A Concise Grammar of the Older Runic Inscriptions. Tübingen, 1975.
- Antonsen 2002 – Antonsen E. H. Runes and Germanic Linguistics. Berlin; New York, 2002.
- Arntz 2007 (1944) – Arntz H. Handbuch der Runenkunde (Reprint der 2. Auflage von 1944).
- Axboe et al. 1985 – Axboe M., Hauck K., Düwel K., van Padberg L., Clavadetscher U. Die Goldbrakteaten der Völkerwanderungszeit. Ikonographischer Katalog (IK 1, Text). München, 1985.
- Bauer 2003 – Bauer A. Runengedichte. Texte, Untersuchungen und Kommentare zur gesamten Überlieferung. Wien, 2003 (= *Studia Mediaevalia Septentrionalia* 9).
- Beck 2002 – Beck H. Mistel. Mythologisch-volkskundliches // Reallexikon der germanischen Altertumskunde (далее RGA). Bd. 20. Berlin; New York, 2002. S. 98–100.
- Behre 1986 – Behre K.-T. Eibe. Botanisches // RGA, 1986. Bd. 6. S. 524–525.
- Beuchert 1995 – Beuchert M. Symbolik der Pflanzen. 1. Aufl. Frankfurt am Main, 1995.
- Bósa saga ok Herrauðs // Fornaldar sögur norðurlanda. Bd. 2 Guðni Jónsson og Bjarni Vilhjálmsson sáu um utgáfuna. Reykjavík, 1959.
- Brøndum-Nielsen 1923 – Brøndum-Nielsen J. Runestenen i Görlev // Aarbog for kulturhistorien i Nordvestsjælland. Holbæk, 1923. S. 37–52.
- Christiansen 1974 – Christiansen I. Tistel // KLN. Bd. XVIII. S. 392–393.
- Czapska et al 1964 – Czapska M., Gupieniec A., Kmietowicz A., Kubiak W. Skarb monet arabskich z Klukowicz powiat Siemiatycze. Wrocław, 1964.
- Dornseiff 1925 – Dornseiff F. Das Alphabet in Mystik und Magie. Berlin, 1925 (1922).
- Düwel 2001 – Düwel K. Runenkunde. 3. Aufl. Stuttgart; Weimar, 2001.
- Elliott 1957 – Elliott R. W. V. Runes, yews and magic // *Speculum. A Journal of Medieval Studies*. V. 32, N 2. P. 250–261.
- Fl. – *Flateyjarbók. En samling av norske kongesagaer*. Bd. 1–4. Christiania. 1860–1868.
- Frazer 1913 – Frazer J. G., *The Golden Bough: A Study in Magic and Religion*. (3rd edition, vol. 11 of 12). Part VII: Balder the Beautiful. New York; London: MacMillan and Co., 1913.
- Grimm 1875–1878 – Grimm J. *Deutsche Mythologie*. Nachdruck der 4. Auflage. Berlin, 1875–1878 (Wiesbaden, 1968).
- Grønvik 1996 – Grønvik O. *Fra Vimose til Ødemotland. Nye studier over runinskifter fra førkristen tid i Norden*. Oslo, 1996.

- Gustavsson et al. 1992 – Gustavsson E., Snædal Th., Åhlen M. Runfynd 1989 och 1990 // Fornvännen 1992. S. 153–174.
- Heizmann 1986 – Heizmann W. Eibe. Mythologisches und Literarisches // RGA, 1986, Bd. 6, S. 526–530.
- Hagland 1989 – Hagland J. R. Islands eldste runetradisjon i lys av nye funn frå Trondheim og Bergen // ANF, Bd. 104. S. 89–102.
- Hammarberg, Rispling 1985 – Hammarberg I., Rispling G. Graffiter på vikingatida mynt // Hakuin. Bd. 11. 1985. S. 66–77.
- Heusler, Ranisch 1903 – Heusler A., Ranisch W. Die Buslubæn // Eddica Minora. Dortmund, 1903. S. XCVII–CI.
- Homeyer 1870 – Homeyer C. G. Die Haus- und Hofmarken. Berlin, 1870.
- Jacobsen, Moltke 1942 – Jacobsen L., Moltke E. Danmarks runeindskrifter. Bd. I, II. 1942, København.
- Jónsson Finnur 1910 – Finnur Jónsson. Runerne i den norskländske digtning og litteratur // Aarbøger for nordisk oldkyndighed og litteratur. II Række. Bd. 25. Kjøbenhavn, 1910. S. 283–308.
- Krause 1966 – Krause W. mit Beiträgen von H. Jahnkuhn. Die Runeninschriften im älteren Futhark. Göttingen, 1966.
- Krause 1971 – Krause W. Die Sprache der urnordischen Runeninschriften. Heidelberg, 1971.
- Kuzmenko 1995 – Kuzmenko Ju.: Vikingatidens runinskrifter i Östeuropa // Colloquia Scandinavistica Vilnensia. Red. E. Sausverde, P. Arbo. Vilnius, 1995. S. 25–39.
- LM – Lexikon des Mittelalters. Bd. III. 1986. (Distelgewächse) S. 1121–1122.
- Liestøl 1963 – Liestøl A. Runer frå Bryggen // Viking 1964, Bd. 27. S. 5–53.
- Linné 1765 – Linné C. *Reisen durch Westgotland*. Halle, 1765.
- Marzell 1929/1930 – Marzell H. Distel // Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens, herausgegeben unter besonderer Mitwirkung von E. Hoffmann-Krayer und mit Arbeit zahlreicher Fachgenossen von H. Bächtold-Stäubli. Bd. II, 1929/1930. S. 301–302.
- Marzell H., 1934/1935: Mistel // Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens... Bd. IV. S. 387–393.
- Moltke E. 1934: Runetrolldum // Nordisk tidskrift för vetenskap konst och industry. Bd. 10. S. 427–439.
- Moltke 1985 – Moltke E. Runes and their origin. Denmark and elsewhere. Copenhagen, 1985.
- Nowak S., 2003: Schrift auf den Goldbrakteaten der Völkerwanderungszeit. Untersuchungen zu den Formen der Schriftzeichen und zu formalen und inhaltlichen Aspekten der Inschriften. Göttingen (bdoc.sub.gwdg.de/diss/2003/nowak/nowak/pdf)
- Noreen 1970 (1923) – Noreen A. Altnordische Grammatik I. Altisländische und Altnorwegische Grammatik (Laut- und Flexionslehre) unter Berücksichtigung des Altnordischen. 5. Aufl. Tübingen, 1970 (1923).

- NIYR 2 – Norges innskrifter med de yngre runer utgitt ved Magnus Olsen. Bd. 2. Oslo, 1951.
- NIYR 4 – Norges innskrifter med de yngre runer utgitt ved Magnus Olsen. Bd. 4. Oslo, 1957.
- NIYR 5 – Norges innskrifter med de yngre runer utgitt ved Magnus Olsen. Bd. 5. Oslo, 1960.
- NIÆR 1 – Norges indskrifter me de ældre runer udg. ved Sophus Bugge. Bd. 1. Christiania, 1891–1903.
- NIÆR 2 – Norges indskrifter me de ældre runer udg. ved Sophus Bugge. Bd. 2. Christiania, 1917.
- NIÆR 3 – Norges indskrifter med de ældre runer udg. ved Magnus Olsen. Bd. 3. Oslo.
- Plinius HN – Plinius Secundus d. Ä. Naturkunde Bd. XVI. Übers. Von R. König, 1991.
- SAOB 22 – Ordbok över det svenska språket utgiven av Svenska Akademien. Bd. 22. Lund, 1959.
- Schübeler 1873 – Schübeler F. Chr. Pflanzenwelt Norwegens: ein Beitrag zur Natur- und Culturgeschichte Nord-Europas. Christiania, 1873.
- Schubert 2004a – Schubert P. Die Pflanzen der Kelten und Germanen // Druidenfuss und Hexensessel. Magische Pflanzen. Beiheft zur Ausstellung im Pflanzengarten. Sonderheft 38. Frankfurt am Main, 2004. S. 34–40.
- Schubert 2004b – Schubert P. Mistel, *Viscum album* (Viscaceae) // *Druidenfuss und Hexensessel...* Frankfurt am Main, 2004. S. 48–50.
- Seim 1998 – K. Fjellhammer Seim. De vestnordiske futhark-innskriftene fra vikingtid og middelalder – form og function. Trondheim, 1998.
- Seip 1954 – Seip D. A. Ett høyere talemål i middelalderen // Seip D. A. Nye studier i norsk språkhistorie. Oslo, 1954. S. 192–217.
- Skautrup 1944 – Skautrup P. Det danske sprogs historie. Bd. I. København, 1944.
- SR 2 – Sveriges runinskriftet, Bd. 2. Östergötlands runinskrifter granskade och tolkade av E. Brate. Stockholm, 1911.
- SR 8, d. 3 – Sveriges runinskrifter, Bd. 8. Upplands runinskrifter granskade och tolkade av E. Wessén, S. B. F. Jansson. 3. delen. Stockholm, 1949–1953.
- Stoklund 2004 – Stoklund M. Runestenene i Gørlev kirke // Tissø og Åmoserne. Kulturhistorie og natur. Årbog for kulturhistorien i Holbæk Amt 2003. Holbæk 2004. S. 66-75.
- Thompson 1978 – Thompson C. W. The runes in *Bósa saga ok Herrauðs* // *Scandinavian Studies*, 1978, v. 50, N 1. P. 50–56.

Электронные базы данных:

www.nordiska.uu.se/forsknp/samnord.htm (Уппсальский университет)

www.runer.ku.dk (Копенгагенский университет)

KRP – www.runenprojekt.uni-kiel.de (Кильский университет)

Cappelen 2005 – Cappelen H. Bumerker i Norge. En oversikt. Oslo, 2005 – www.cappelen-krefting.no/hans/bumerker/bumerkerdel01.htm

Yu. K. Kuzmenko. The shortened variant of the runic spell with *-istil(aR)*

The runic sequence **rmþi** in the inscription on the runic stone from By (KJ 71, 6th c.), a part of a runic inscription on the bracteate from Halsskov (5th-6th c., DR Br 56) **þmhli**(?), a runic graffito **þmkr** from the hoard from Kliukowicze (D 16, 9th c.) and the runic sequence **þmkrhli** on the medieval stone amulet from Vedslet (DR 57, 12th-14th c.) which did not have any interpretation are treated in the article as shortened variants (only initial runes) of a known protective runic spell consisting of rhymed words with initial runes **þ, m, k, r** and the runic sequence **-istil(aR)** written in a special way, cf. the runic inscription on the Gørlev stone (DR 239) **þmkiiisssttiiiilll**. The inscription on the stone from By can be interpreted as **r(istilaR)** 'instrument for carving runes', cf. *rista runor* 'to carve runes', **m(istilaR)** 'mistletoe', **þ(istilaR)** 'thistle', **i** (the rune is used in the meaning of its name 'yew', which was one of the most protective runes in the futhark). In the inscription on the bracteate from Halsskov the shortened forms of **þ(istilaR)** and **m(istilaR)** is followed by the word **hli** 'protection' (cf. OI *hlé* 'protection'). The same word (**hli**) follows the sequence **þmkr þ(istil), m(istil), k(istil)** 'a little box', **r(istil)** in the runic inscription on the medieval stone amulet from Vedslet. The shortened variant of the same formula only without a word **hli** can be found in the runic graffito **þmkr** on an arabic coin from the hoard in Klukowicze (D 163, 9th-10th c.). The argumentation for this interpretation is preceded by the analysis of all known runic **-istil(aR)** formulae as well as by the discussion of the supernatural (first of all apotrophic) function of thistle and mistletoe in the early Germanic world.

Key words: runic inscriptions in the elder and younger futharks, medieval runic inscriptions, runic spells, the runic formula **istil(aR)**, mistletoe, thistle.

ВИНОЧЕРПИЙ САК

В статье предлагается сопоставление мидийского имени собственного Сак, которое считается производным от этнонима «сак, скиф», с аккадским словом *šāqû(m)* ‘виночерпий’.

Ключевые слова: Ксенофонт, «Киропедия», мидийский, аккадский, ономастика.

Ксенофонт в «Киропедии» (I, III, 8–11, 14; I, IV, 6) упоминает виночерпия (οἰνοχόος) мидийского царя Астиага по имени Сак (Σάκας). Исследователи единодушно считают это личное имя производным от этнонима «сак, скиф» (не исключая, впрочем, и возведения его к слову со значением «пес», давшему современное персидское *سگ*, *säg*), тем более, что в том же произведении (VIII, III, 25–50) слово Σάκας употребляется как этноним для обозначения некоего не названного по имени сака (Justi 1895: 279, Sp. 2; Maqrhofer 1973: 229, № 8.1478; Hinz 1975: 220; Schmitt 2002: 112–113).

Представляется, однако, что при толковании имени Сака следует учитывать его должность при дворе. В таком случае бросается в глаза сходство имени Сак и аккадского слова «виночерпий»: *šāqû(m)* (cf. CAD, vol. 17, 1992: 28–32). Соответствие аккадского *и* иранскому *а* достаточно регулярно, поскольку в аккадском *-и* было окончанием именительного падежа, а в иранском наиболее продуктивный тип основ составляли основы на *-a*¹. Отсутствие отражения конечного *-m* в иранском естественно, поскольку ко времени контактов носителей аккадского и иранских языков мимация уже не была характерна для аккадского. Можно предположить, что Ксенофонт или его информаторы приняли название должности за личное имя. Нельзя, впрочем, исключить и возможность того, что придворный, носивший имя, восходящее к этнику, был назначен на должность виночерпия в порядке каламбура. Так или иначе, даже если имя Сака не имело отношения к созвучному аккадскому слову, мидяне не могли не знать аккадского обозначения

---

¹ См. подробнее Грантовский 2007: 79.

виночерпия и вытекающих из этого ассоциаций с омонимичным иранским этниконом/личным именем.

Литература

- Грантовский 2007 – Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Восточная литература.
- CAD – The Assyrian Dictionary of the University of Chicago. 1956–.
- Hinz 1975 – Hinz Walther. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Unter Mitarbeit von Peter-Michael Berger, Günther Korbel und Annegret Nippa [Göttinger Orientforschungen III 3], Wiesbaden: Otto Harrasowitz.
- Justi 1895 – Justi F. Iranisches Namenbuch, Marburg: Elwert; фототипическое переиздание – Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1963.
- Mayrhofer 1973 – Mayrhofer M. Onomastica Persepolitana. Das altiranische Namengut des Persepolis-Täfelchen, Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Schmitt 2002 – Schmitt R. Die iranischen und Iranier-Namen in den Schriften Xenophons. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Sergey Kullanda. Sakas the Cup-bearer

Xenophon mentions in his *Cyropedia* (I, III, 8–11, 14; I, IV, 6) a certain Sakas, the cup-bearer of the Median king Astyages. It is believed that this personal name represents an ethnicon: Saka, Scythian. Its striking resemblance to the Akkadian word *šāqû(m)* ‘cup-bearer’ implies, however, that it was originally the name of the office of cup-bearer.

Keywords: Xenophon, *Cyropedia*, Median, Akkadian, onomastics.

А. Д. Курилова

РАСПОЛОЖЕНИЕ ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ В ТРАКТОВКЕ РОССИЙСКИХ РУКОПИСНЫХ РИТОРИК XVIII ВЕКА НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Резюме. В статье рассмотрена интерпретация расположения (dispositio) ораторской речи в российских рукописных риториках XVIII века на латинском языке. Выявлены особенности трактовки композиции ораторского выступления в разных риторических руководствах.

Ключевые слова: Россия XVIII века, рукопись, риторика, расположение, композиция.

В российских рукописных риториках XVIII века композиция ораторской речи, назначение и особенности отдельных структурных элементов выступления рассматривались в разделе, посвящённом расположению (dispositio), одной из пяти частей риторического канона.

Важность расположения для успеха речи подчёркивается всеми авторами риторик. В риторическом трактате Феофана Прокоповича, послужившем образцом для многих авторов российских руководств, проводится сравнение композиции речи со строительством здания и строением человеческого тела: «Oportet enim, ut in aedificio omnia conclavia, et in corpore humano membra omnia, ita in Oratione singulas partes apte, venuste, concinne, eleganter dispositas atque collocatas esse: nam forma monstrosa erit, nisi suo quodque loco commode disponatur» («Следует, чтобы, как в здании все комнаты, как в человеческом теле все члены, так и в речи отдельные части были уместно, приятно, подобающе, изящно расположены и размещены: ведь форма будет ужасной, если каждая часть не расположится удобно на своём месте») (Просорови́ч 1982: 143). Мысль о том, что даже самые весомые аргументы не помогут при неудачном расположении, Феофан Прокопович подкрепляет сравнением с военным строем: «Nam acies tametsi optimis fortissimisque militibus constet, nisi tamen bene et ordinate instruat, parum valebit» («Ведь войско, даже если состоит из лучших и храбрейших

воинов, если не построено хорошо и в должном порядке, мало что будет значить» (Procopovič 1982: 143).

Автор риторики 1766 г. из Нижегородской семинарии также подчёркивает особую роль расположения в создании хорошей речи. Как и Феофан Прокопович, нижегородский ритор проводит параллель со строительством: «*quomodo opera exstruentibus satis non est saxa atque materiam et cetera aedificanti utilia congerere, nisi disponendis iis collocandisque artificum manus adhibeatur, sic in dicendo quamlibet abundans rerum copia, cumulum tantum habet atque congestum, nisi illas easdem dispositio in ordinem digestas, atque inter se commissas devinxerit, ut sine ea nihil valeat, inventio*» («так же, как недостаточно строителям собрать камни, материал и прочее полезное для строительства, если не приложить руки мастеров к их расположению и размещению, так и в речи какое угодно изобилие материала будет только нагромождением и скоплением, если расположение не разместит их по порядку и не свяжет между собой, и без него ничего не будет значить изобретение») (Rhetorica 1766: 40 (об)).

В риторике Феофана Прокоповича выделены три основные части ораторской речи: вступление (*exordium*), изложение дела (*causae expeditio*) и заключение (*peroratio*) (Procopovič 1982: 144). *Causae expeditio* в свою очередь делится на повествование (*narratio*), доказательство (*confirmatio*) и опровержение (*confutatio*) (Procopovič 1982: 150). Эти части, по утверждению ритора, не обязательно все сразу должны присутствовать в речи. Автор нижегородской риторики, кроме упомянутых частей ораторского выступления, выделяет ещё одну – положение или тезис (*propositio*). Основную часть речи (*causae expeditio* у Ф. Прокоповича), которая может включать в себя и повествование, и доказательство, и опровержение, в зависимости от конкретной ситуации, нижегородский ритор называет трактовкой (*tractatio*) (Rhetorica 1766: 41 (об)).

Вступление в трактате Феофана Прокоповича уподобляется входу в речь (*orationis vestibulum*) или дороге к речи (*accessus et veluti via ad orationem*) (Procopovič 1982: 144). Вступления не должны быть, по мнению ритора, резкими и воинственными (*vehementia et pugnancia*), ведь здесь требуется не сила, а приятность («*non vis ibi, sed delectatio postulatur*») (Procopovič 1982: 146–147).

Во всех рукописных руководствах обозначены три цели вступления. Так, в нижегородском руководстве говорится, что

«вступление есть подготовка слушателя к тому, что должно быть произнесено, и цель его – понимание, внимание и благосклонность слушателей» («Exordium est praeparatio auditoris ad rem dicendam, finis ejusdem est docilitas, attentio ac benevolentia auditorium») (Rhetorica 1766: 42). В московской риторике 1744–1745 гг. из Славяно-греко-латинской академии отмечена тройная задача вступления – «ut facias tibi auditorem benevolum, attentem, docilem» (Emporium 1744–1745: 89 (об)).

Достоинствами вступления в нижегородском руководстве признаны краткость (*brevitas*), ясность (*perspicuitas*), достоверность (*probabilitas*) (Rhetorica 1766: 43). В московской риторике к достоинствам отнесены соответствие содержанию речи (*aptitudo ad materiam dicendam*), отделка (*cultura*), которая заключается в остротах, сентенциях и метких словах, а также краткость (*brevitas*), «ne oratio monstrosa fuit cum capite aequali sibi toti vel majori» («чтобы речь не была чудовищной, с головой, равной всему остальному или даже большей по размеру») (Emporium 1744–1745: 89 (об)). Этот же образ использует Феофан Прокопович, отмечая, что, как в человеческом теле чудовищной является голова, величиной превосходящая тело («quemadmodum etiam humano in corpore monstrosum est caput magnitudine corpus superans») (Прокоповић 1982: 149), так и чересчур длинное вступление кажется уродливым. В риторике М. Базилевича из Смоленской коллегии хорошим вступлением признано точное и меткое (*accuratum, acutum*), а плохим – неясное и грубое (*obscurum, vulgare*) (Basilevicz 1756: 94).

М. Базилевич выделяет также правильные и неправильные, или внезапные, вступления (*ex abrupto*). Вступление *ex abrupto* ритор считает холодным (*frigidum*) и уместным лишь в редких случаях (Basilevicz 1756: 92). Аналогичное деление вступлений на правильные (*legitima*) и внезапные (*ex abrupto*) осуществляет и московский ритор.

Положение, или тезис (*propositio*), не всеми авторами риторик обозначается как особая структурная часть ораторской речи. М. Базилевич, автор смоленского руководства, рассматривает тезис как часть вступления, однако приводит и мнение Цицерона, согласно которому тезис является частью повествования, и слова Квинтилиана о том, что тезис есть начало доказательства. Ритор различает простые тезисы, заключающие в себе одну мысль, и сложные, состоящие из двух или трёх частей, чётко сформулированные и рассеянные по всему вступлению («поп

raro ejus sensus per totum fere exordium spargi solet») (Basilevicz 1756: 94 (об)). В московской риторике *propositio* также связывается с доказательством и определяется как «*sensus aliquis perfectus cuius veritatem vel falsitatem probare intendit orator*» («некая законченная мысль, истинность или ложность которой стремится доказать оратор») (*Emporium* 1744–1745: 89 (об)).

Основная часть ораторского выступления в нижегородской риторике именуется трактовкой (*tractatio*) и рассматривается прежде всего как аргументация тезиса. В применении аргументов ритор советует избегать крайностей: не утомлять слушателей многочисленными аргументами, чтобы не вызвать скуку, но также помнить, что слабые аргументы, собранные вместе, усиливаются: «*Singula leviora sunt et communia: universa autem nocent, si non ut fulmine, tamen ut grandine adversus ea, quae nostrae orationi contrariari videntur*» («По отдельности они лёгкие и общеизвестные; вместе же они наносят вред возражениям против нашей речи если не подобно молнии, так подобно граду») (*Rhetorica* 1766: 45).

В смоленской риторике повествование, доказательство и опровержение рассматриваются как отдельные части ораторского выступления. Повествование, по мнению ритора, должно быть ясным, психологически достоверным и правдоподобным. Споря с Аристотелем, Базилевич считает повествование уместным не только в судебных, но и в эпидейктических речах (Basilevicz 1756: 95 (об)).

Доказательство (*confirmatio*), согласно М. Базилевичу, содержит аргументы, доказывающие тезис, а также амплификацию (распространение) речи. Опровержение аргументов противника – задача следующей части ораторской речи, получившей название *confutatio*. Ритор советует не оставлять без опровержения ни одного веского аргумента противника, но в то же время не излагать добровольно противоречащие своим взглядам мысли, которые могут и не прийти в голову оппоненту и слушателям.

В московском руководстве повествование определяется как «*apta factorum vel dictorum alicuius personae relatio*» («связное изложение деяний и высказываний какого-либо лица») (*Emporium* 1744–1745: 90 (об)). Достоинствами повествования названы достоверность (*probabilitas*), краткость (*brevitas*), ясность (*claritas*), приятность (*suavitas*). Отметим, что эти же качества выделены в риторическом трактате Феофана Прокоповича (Procorovič

1982: 151–154). Недостатки повествования приведены из трактата Николая Коссена (*Emporium* 1744–1745: 91 (об)). Доказательство и опровержение московский ритор рассматривает как одну часть ораторского выступления, приводя многочисленные способы построения аргументации в разных видах речей.

Завершающая часть выступления, заключение (*peroratio*) в риторике Феофана Прокоповича определяется как «*artificiosus orationis exitus*» («искусное завершение речи») (Procopovič 1982: 197). Ритор советует не пренебрегать заключением, чтобы не принизить достоинств всей предшествующей речи. В заключении Прокопович выделяет две части: перечисление сказанного (*enumeratio dictorum*) и возбуждение аффектов (*motus affectuum*). Почти дословно повторяет эти положения составитель смоленской риторики М. Базилевич (*Basilevicz* 1756: 98 (об)). Отдельные совпадения в трактовке заключения (в частности, обозначение его главных задач) можно отметить и в нижегородской риторике. Автор московского руководства трактует заключение как «*propositionis ex omnibus argumentis illatio*» («выведение тезиса из всех аргументов») (*Emporium* 1744–1745: 95). Несколько иначе, чем в других риториках, здесь обозначены части заключения: *enumeratio* (перечисление), *amplificatio* (распространение), *adhortatio* (побуждение) *sive dehortatio* (разубеждение) (*Emporium* 1744–1745: 95).

Принципы расположения ораторской речи, сложившиеся в античной риторике, не претерпели серьезных изменений и в риторике XVIII века. В российских рукописных риториках XVIII века прослеживается общая схема композиции ораторской речи, небольшие отступления от которой вызваны индивидуальными вкусами составителей руководств. Следует отметить традиционность трактовок риторической теории диспозиции российскими риториками. Все рассмотренные риторика в большей или меньшей степени зависят от трактата Феофана Прокоповича. В риторике М. Базилевича в качестве одного из источников упомянуто сочинение иезуита Соария. Среди других теоретических источников необходимо назвать Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана, Коссена, ссылки на сочинения которых присутствуют во многих руководствах.

Литература

- Basilevicz 1756 – Basilevicz, Manuel. Opus artis oratoriae... Смоленская коллегия. 1756 // РГБ. Ф. 733 (Смолен.), № 21. 154 л.
- Emporium 1744–1745 – Emporium totius facultatis rhetoricae... Московская Славяно-греко-латинская академия. 1744–1745. РГБ. Ф. 173.1. № 356. 178 л.
- Procorovič 1982 – Procorovič Feofan. De arte rhetorica libri X // Slavistische Forschungen. Köln; Wien, 1982.
- Rhetorica 1766 – Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam libellus. Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии. 1766 // РГБ. Ф. 312, № 78. 95 л.

A. D. Kurilova. Disposition of speech in hand-written Latin rhetorical books composed in Russia in the 18th century

The article deals with an interpretation of disposition of speech in hand-written Latin rhetorical books composed in Russia of the 18th century. Peculiarities of treatment of oratorical speech's composition in different rhetorical books are revealed.

Keywords: Russia of the 18th century, manuscript, rhetoric, disposition, composition.

А. В. Лебедев

«ТЕОГОНИЯ» ЭПИМЕНИДА КРИТСКОГО И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОРФИКО-ПИФАГОРЕЙСКОГО УЧЕНИЯ О РЕИНКАРНАЦИИ

В статье показано, что «Теогония» Эпименида, в авторстве которого не сомневался Аристотель, была написана в конце 7-го – начале 6-го в. до н. э., а дошедший текст содержит аутентичное ядро.

Представления о Ночи как первоначале, о космогоническом яйце, реинкарнации душ и др. были заимствованы орфиками у Эпименида, а не наоборот. Эпименид, «жрец Зевса и Реи», опирался на местную традицию, возможно, восходящую к позднеминойскому времени.

В работе затрагивается и решается по-новому вопрос о происхождении и источниках Орфической теогонии.

Ключевые слова: Эпименид Критский, Теогония, ранняя греческая философия, гадание (мантика), травная медицина.

1. Личность Эпименида, его эпоха и его τέχνη

Эпименид Критский был, вероятно, самым знаменитым критянином после Миноса и Ариадны, при этом он был несомненно историческим лицом. В 6 в. до н. э., парадоксальным образом, наряду с рождением рациональной науки и философии, появились и новые мистические течения и мистериальные культы, а также целый ряд «чудотворцев», целителей и пророков. Во второй половине 6 в. до н. э. появилось новое учение Пифагора о бессмертии души и была написана Орфическая Теогония, в которой излагалось новое религиозное учение о происхождении мира и человека. В Орфизме душа человека тоже признавалась бессмертной и подверженной новому рождению или реинкарнации в разные виды живых существ до рождения и после смерти человека. Распространились истории о мистическом опыте или экстазе: отделении души от тела, ее полете над землей и последующем возвращении. Таков был легендарный мудрец Гермотим из Клазомен (тело которого сожгли враги вовремя одного из таких полетов), полумифический гипербореец Абарис, прилетевший в Грецию из Северной Европы на волшебной стреле, учитель Пифагора Ферекид из Сирова, написавший первую прозаическую теогонию, в которой Зевс из отца-прародителя всех существ превратился в творца-

демиурга. В Великой Греции появился новый тип философа – харизматического учителя жизни, хранителя эзотерического тайного знания, доступного только для посвященных. Таковы были Пифагор, которого ученики называли Аполлоном Гиперборейским, а в 5 веке подражавший ему Эмпедокл – поэт, философ и врач. Эпименид близок именно к этой группе харизматиков, чудотворцев и целителей, а не к ионийским «физикам», создавшим новую научную картину мира, в которой боги не играли никакой роли. Неудивительно поэтому, что легенда делает Пифагора учеником Эпименида. Чтобы объяснить появление совершенно нового учения о душе в 6 в. до н.э., некоторые исследователи выдвинули гипотезу о его «северном» происхождении: якобы в процессе колонизации Северного Причерноморья греки познакомились с «шаманистическими» представлениями народов Скифии и Сибири, а из северных колоний новый мистицизм проник в Грецию и достиг даже Италии¹. В результате перечисленных выше харизматиков, включая Эпименида, стали называть «шаманами». В действительности эта гипотеза не выдерживает критики и в настоящее время имеет мало сторонников. Даже поддерживавший ее Вальтер Буркерт отказался от термина «шаманистический» применительно к грекам и заменил его термином «харизматик». Нам ничего не известно о вере в бессмертную божественную душу и реинкарнацию у скифов, рядом с которыми жили греки на Черном море. История скифского царя Скила, который женился на гречанке, построил себе дом в Ольвии и был посвящен в таинства Диониса (Herod. 4, 78–80), дает нам пример влияния греческих экстатических культов на скифов, а не наоборот. Несостоятельна попытка найти влияние «северного шаманизма» в так называемых орфических граффити из Ольвии: речь идет о гадательных пластинках, связанных с (чисто греческой) аполлоновской астрагаломантейей и отражающих влияние популярной орфико-пифагорейской эсхатологии (реинкарнация, квадрат как

---

¹ Dodds 1951; Burkert 1972: 122 ff.; West 1983: 146 ff. Убедительную критику шаманистической гипотезы Мойли-Доддса дает Л. Я. Жмудь (Жмудь 2012: 207 слл.) Однако попытка отличать нерелигиозную пифагорейскую версию учения о реинкарнации от религиозной орфической (ibidem, 229) нам представляется надуманной: у Эмпедокла странствующая душа – δαίμων (В 115), а это понятие религиозное. Филолай прямо приписывает реинкарнацию «древним богословам», то есть Орфею (В 14).

символ бессмертной души, семь астрагалов «Диониса Орфического»².

Самый мощный толчок к распространению философской версии нового учения о душе дал Пифагор из Самоса, а не гипотетические скифские шаманы. Биографическая традиция о Пифагоре говорит о его путешествиях в восточные страны с высокой культурой, такие как Египет и Вавилон, а также на Крит, который также хранил религиозные традиции, восходящие к высокоразвитой минойской цивилизации. Мы полагаем поэтому, что истоки этого нового учения надо искать не на севере, а на юге и, в частности, на Крите. Реальная встреча Пифагора с Эпименидом хронологически невозможна: время жизни Эпименида относится большей частью к 7 в. до н. э., может быть также к началу 6-го (см. ниже о хронологии). Но знакомство пифагорейцев с «Теогонией» Эпименида весьма вероятно. И именно в ней, а также в легенде об Эпимениде можно найти самые ранние следы учения о «новом рождении».

Согласно историку 4 в. до н. э. Феопомпу, отца Эпименида звали Фестий (Φαίστιος)³, согласно Диогену Лаэртию – Досиад (Δωσιάδας) или Агесарх (Αγησάρχος)⁴. Плутарх сообщает, что критяне верили в божественное происхождение Эпименида, величая его «новым Куретом» и называя его матерью нимфу Балту (Βάλτη)⁵. То, что он критянин (Κρής), не оспаривает никто, но относительно его родного города в источниках разногласия: согласно Павсанию, Диогену Лаэртию, Плинию и Валерию Максиму он был уроженцем Кносса, согласно Плутарху, Страбону и византийским авторам – уроженцем Феста. Как и в случае с родиной Гомера, мы видим спор разных городов за то, чтобы объявить своим земляком самого знаменитого критянина.

² Мы читаем Διο<νύσοι> Ὀρφικ<δοί> (Dat. аттицизм), то есть Διο<νύσοι> Ὀρφικ<ῶι> «Дионису Орфееву», Дионису Орфической теогонии, сыну Персефоны. Речь идет о предписании приносить жертву такому-то богу, чтобы исполнилось желаемое. Чтение Ὀρφικ<οί> (якобы посвящение Дионису безобразной пластинки от коллегии «орфиков») – невозможно, так как «орфики» – это современный термин. Подробнее Lebedev 2014₂. Неверно Жмудь 2012: 225.

³ Возможно, это не имя собственное, а «уроженец Феста», тогда противоречие с Диогеном снимается.

⁴ Fr. 1–2 Vern., дорийские имена.

⁵ Plut. Sol. 12,5 = Epimen. fr. 3T Vern. Суда дает форму Βλάστα. Бернабе пытается увязать божественное происхождение со стихом фр. 33, 1, автор которого объявляет себя потомком Селены-Луны.

Определить, какая версия достовернее, нелегко, так как и Павсаний, и Страбон с Плутархом – очень ученые и дотошные знатоки старины. Но если Феопомп (самый ранний источник) тоже следовал версии о Фесте, консенсус Феопомпа, Плутарха и Страбона может перевесить одиночный авторитет Павсания. Подобное расхождение наблюдается и в локализации священной пещеры Зевса. Большая часть источников связывают пророческий сон Эпименида с Диктейской пещерой, согласно Пифагорейской традиции Эпименид совершил катабасис с Пифагором и посвятил его в таинства в Идейской пещере.

Что касается времени жизни Эпименида, то большинство источников, включая таких серьезных историков, как Аристотель и Плутарх, связывает его главное чудо – очищение Афин – с «Килоновой скверной», то есть с событиями ок. 600 г. до н. э. С этой почти общепринятой датировкой расходится только изолированное свидетельство Платона, который датирует визит Эпименида в Афины на 100 лет позже, около 500 года: якобы Эпименид чудесным образом отсрочил вторжение персов на 10 лет и предсказал их поражение. В вопросах хронологии Аристотель несомненно более достоверный источник, чем Платон.

Согласно Феопомпу, критяне верили, что Эпименид прожил 157 лет, из которых 57 спал в пещере (6 T Vern.). В этой легенде несомненно отразилась ритуальная практика «пещер Зевса» на Крите, таких как Диктейская и Идейская. Буркерт высказал предположение, что речь идет об обрядах инициаций мистериального общества, совершаемого «очистителем» (Burkert 1972: 151). Пифагорейцы рассказывали, что Пифагор был посвящен Эпименидом в Идейской пещере, а Еврипид в утраченной драме «Критяне» говорил о «мистах Идейского Зевса» (Διδς Ἰδαίου μύστης), посвящаемых в таинства Загрея, сходные с орфическими⁶. Нам представляется, однако, что сон в пещере не имеет прямого отношения к инициациям и к Эпимениду в функции «очистителя» (καθαρτής). Скорее речь идет об инкубации как мантическом сеансе. Поскольку Эпименид был «жрецом Зевса и Реи», можно предположить, что Диктейская и Идейская пещеры в архаическую эпоху функционировали как оракулы, а сам Эпименид служил штатным гадателем в пещере Зевса и предсказывал будущее на основании своих вещих снов. Предположение о том, что критские сакральные пещеры могли

---

⁶ Eurip. fr. 472 TrGF, см. подробнее прим. 83 слл. ниже.

функционировать как оракулы высказывалось историками и археологами (Chanotis 2006). В древности критяне славились именно как самые искусные толкователи снов. В эллинистической Александрии 2 в. до н. э. безымянный толкователь снов следующим образом рекламировал свое искусство:

ἐνύπνια κρίνω, τοῦ θεοῦ πρόσταγμα ἔχων·
τὸ ἄγαθόν· Κρής ἐστὶν ὁ κρίνων τάδε. (Preisigke 1915, # 685)

Толкую сновидения по распоряжению бога,
В добрый час! Толкователь снов – критянин.

Указание на происхождение толкователя снов с Крита (подтверждаемое также дорийской формой ἄγαθόν) является гарантией достоверности толкований. Ссылка на «распоряжение» бога, то есть бога-целителя Сараписа, указывает на то, что гадалец имел официальный статус при храме, что он был назначен на эту должность, а не занимался частным бизнесом (*Contra Renberg* 2010: 650–651). В сложной иерархии жрецов Сараписа были и официальные *ὄνειροκρίται* (Dignas 2008: 80). А это, в свою очередь, повышает вероятность того, что толкуются сновидения не «принесенные со стороны», а приснившиеся пациентам во время инкубаций в Сарапейоне. Толкование сновидений было для древних прежде всего формой гадания (μαντική). Эпименид соединял в себе функции прорицателя (мантис) и целителя («очистителя»). Подобно тому, как александрийский критянин служил гадалцем-снотолкователем при храме Сараписа, Эпименид мог служить жрецом-прорицателем в критской «пещере Зевса».

Показательно, что критяне величали Эпименида «новым Куретом» (D.L.1.115). Этот прозвище означает боговдохновенного прорицателя. Идейские Дактили и Куреты обладали пророческим даром, греческая пословица «уста Куретов» (Κουρήτων στόμα) указывает на мантический дар⁷. В то же время Куреты в мифе неразрывно связаны с Диктейской или Идеюской пещерой.

Прямых свидетельств о том, что сакральные критские пещеры (или некоторые из них) служили также для терапевтических инкубаций, наподобие святилищ Асклепия, не сохранилось, но это может быть случайностью. Археологические находки в пещерах, такие как бронзовые статуэтки, могли бы быть интер-

⁷Zenob. Pseudoepigr. 4.61 Κουρήτωνστόμα: ἐδόκουν γὰρ εἶναι οὗτοι μάντιες· οἶον, Θεσπιῶδὸν στόμα. Blakely (2006) 14, 19.

претированы как votивные приношения (*ἀναθήματα*) в благодарность за выздоровление, подобные новогреческим *táματα* (серебряные пластинки с изображением исцеленного органа), которые вешают под целительной иконой в церкви. На то, что пещеры Зевса были оракульными, и что Эпименид мог играть роль Пифии, получающей откровения во время сна, указывает и его инвектива против Дельфийского оракула, в которой отрицается существование «пупа земли»⁸. Признание Дельф за «пуп земли» ставит Дельфийский оракул выше всех остальных. Отрицание этого логичнее всего объясняется конкуренцией между двумя оракулами. Стихи, разоблачающие дельфийскую легенду, имеют язвительный характер: Эпименид дает понять, что его мантическое искусство не уступает Пифии. По мнению некоторых исследователей Эпименид не только ставил под сомнение дельфийскую легенду, но и противопоставлял ей локальную критскую версию, которую сохранил Диодор Сицилийский (Diod. Sic. 5.70.4): φερομένου μὲν γὰρ ὑπὸ τῶν Κουρήτων αὐτοῦ νηπίου φασὶν ἀποπεσεῖν τὸν ὀμφαλὸν περὶ τὸν ποταμὸν τὸν καλούμενον Τρίτωνα, καὶ τὸ χωρίον τε τοῦτο καθιερωθὲν ἀπὸ τοῦ τό τεσυμβάντος Ὀμφαλὸν προσαγορευθῆναι καὶ τὸ περικείμενον πεδίον ὁμοίως Ὀμφάλειον⁹. «Когда Куреты несли Зевса-младенца, пуповина отвалилась возле реки с названием Тритон, и с тех пор это место стало священным и в память о случившемся тогда названо Омфалос, а равнина вокруг него Омфалийской». Но стихи «Теогонии» прямо говорят, что локализовать пуп земли невозможно, даже если он есть.

2. «Теогония» Эпименида

В древности под именем Эпименида ходило много текстов религиозного, мифологического и исторического содержания. Важнейшим и древнейшим из них была «Теогония». Кроме того известны: «Критская история», «История Тельхинов», «Оракулы», «Рождение Куретов и Корибантов», «Очищения», «Генеалогии», «Строительство корабля Арго», «Отплытие Ясона в Колхиду», прозаические сочинения «О жертвоприношениях», «О Миносе и Радаманфе» и письма. Все эти сочинения призна-

⁸ Epimen fr. 43 В. οὐκ ἄρ' ἔην γαίης μέσος ὀμφαλὸς οὐδὲ θαλάσσης· / εἰ δέ τις ἔστιν, θεοῖς δῆλος, θνητοῖσι δ' ἄφαντος

⁹ А. Кук (Cook 1925: 2/1, 191) предположил, что общим источником Диодора и Каллимаха (Hymn. 1.42) был Эпименид.

ются филологической критикой за *pseudepigrapha* (West 1983: 47; Mele 2001: 227–278). Неподлинность писем к Солону была замечена уже в древности (Diog.Laert. 1,112 = p. 109 Bernabe). Эпименид был самым знаменитым критским мудрецом и прорицателем, поэтому нет ничего удивительного в том, что ему приписывались собрания древних мифов, связанных с Критом, и оракулов. Но вопрос о датировке и подлинности «Теогонии» совсем не так прост и требует особого рассмотрения.

Происхождение мира согласно «Теогонии» Эпименида известно только в прозаическом пересказе неоплатоника Дамаския, который опирается на «Историю теологии» перипатетика Евдема¹⁰. В качестве двух «первых начал» Эпименид признает Аэр (Туман) и Ночь, от них рождается Тартар, от них (всех?) – пара Титанов, от совокупления которых рождается космогоническое яйцо, из яйца – новое поколение богов. Ночь как первоначало и космогоническое яйцо роднят Теогонию Эпименида с Орфической Теогонией по Евдему и версией папируса из Дервени, которые датируются второй половиной или концом 6 в. до н. э. Но не надо торопиться объявлять Эпименида должником, а Орфическую теогонию его источником¹¹. Существенного сходства с Гесиодом нет: у Гесиода совсем другая троица «начал» (Хаос, Гея, Эрос), и только потом Тартар – единственный общий элемент с теогонией Эпименида. У Гесиода Титаны – потомки Урана и Геи, у Эпименида они предки (?) Урана и Геи, которые, возможно, рождаются как две половинки расколовшегося космогонического яйца. По-видимому, Эпименид следует местной критской традиции, по которой Титаны – положительные, а неотрицательные персонажи как у Гесиода. Идентичность двух Титанов остается предметом разногласий. Некоторые исследователи отождествляют их с Кроном и Реей, другие с Океаном и Тефией, но большинство признают, что Титаны и в поэме Эпименида были анонимными, как и у Дамаския¹². Остается неясным, был ли у Эпименида выходящий из яйца демиург (аналог орфического Фанеса-Протогона). В Аэре как первоначально усматривали влияние Анаксимена, в таком случае конец 6 века был бы *terminus post quem*. Но это неправильное заключение. В

¹⁰ Damasc. De princ. 124 = Eudem., fr. 150 Wehrli = Epimen. fr. 46F Bernabe.

¹¹ Вопреки Fowler 2013: 7 ff.

¹² Кронос и Рея: Kirk, Raven, Schofield 1983: 29; Океан и Тефия: Jaeger 1947: 219; безымянные: Fowler 2013: 8; Bernabe 2001: 206.

сочетании с «Ночью» Ἄηρ может иметь только архаическое, восходящее к Гомеру значение «туман, дымка». Стандартным обозначением (прозрачной) стихии воздуха слово Ἄηρ вообще стало не раньше второй половины 5 в. до н. э. Ассоциация Аэра с Тартаром как раз может объясняться влиянием Гесиода и архаического эпического (до-философского) словоупотребления: у Гесиода Τάρταρα ἠεροέντα означает «туманный Тартар», а вовсе не «воздушный Тартар».

Скептики пытались также обосновать позднюю датировку «Теогонии» Эпименида (5–4 в. до н. э.) ссылкой на фрагмент о Немейском льве (33 F), которого «стряхнула с себя» Селена. Если автор «Теогонии» верил, что Немейский лев первоначально жил на Луне, он должен был разделять представление о Луне как о «другой Земле», заимствующей свой свет от солнца, а это представление, согласно Весту, не могло возникнуть задолго до 500 г. до н. э. (West 1983: 49 ff.). На самом деле представление о Луне как «другой Земле» не засвидетельствовано до Анаксагора, т. е. до 450 г., и в таком случае «Теогонию» Эпименида пришлось бы датировать второй половиной 5 в. до н. э. Но заметим, что у Анаксагора Луна – безжизненное земляное тело с горами и оврагами, а у автора «Теогонии» – мифологическое существо, прекрасноволосая Селена, которая «ужасно вздрогнула».

Ни в языке, ни в доктринальном содержании сохранившихся фрагментов «Теогонии» мы не видим никаких явных признаков позднего происхождения. Аристотель, который не верил в аутентичность поэзии Орфея и Мусея¹³, цитирует Эпименида всерьез, без оговорок, как автора приводимых стихов (42 F, 66 F Bern.). Дильс считал заглавие «Оракулы» ссылкой на «Теогонию», Бернабе различает их как два разных сочинения. Точка зрения Дильса хорошо согласуется со свидетельством Аристотеля, согласно которому Эпименид гадал «о прошлом, а не о будущем»¹⁴. «Неясные» (ἀδηλα) события прошлого, о которых гадал Эпименид, скорее всего, именно происхождение мира и богов, теогония. К проэмию Теогонии по всей вероятности восходят легенда о сне Эпименида в пещере и знаменитый стих Κρήτες ἀεὶ ψεῦστα. Это предположение основано на уникальном свидетельстве платоника 2 века Максима Тирского:

¹³ Arist.Hist.anim. 563a 18 = Musaios B 3 DK = 98 F Bernabé ἐν τοῖς Μουσαίου λεγομένοις ἔλεσι.

¹⁴ Arist. Rhet. 1418 a 21 = Epimen. fr. 42F Bern. С Дильсом среди прочих согласны Mele 2001: 232 и West 1983: 47.

Αφίκετό ποτε Αθήναζε Κρής ἀνὴρ, ὄνομα Ἐπιμενίδης, κομίζων λόγον οὕτως ῥηθέντα πιστεύεσθαι χαλεπὸν· ἐντοῦ Διὸς τοῦ Δικταίου τῷ ἄντρῳ κείμενος ὕπνῳ βαθεῖ ἔτησυχνά, ὄναρ ἔφη ἐντυχεῖν αὐτοῖς θεοῖς καὶ θεῶν λόγοις καὶ Ἀληθείᾳ καὶ Δίκῃ. τοιαῦτα ἅττα διαμυθολογῶν ἠνίττετο, οἶμαι, ὁ Ἐπιμενίδης ὡς ἄρα ὁ ἐν γῆ βίος ταῖς τῶν ἀνθρώπων ψυχαῖς ὀνειράτι ἔοικεν μακρῶ καὶ πολυετεί.

‘Пришел некогда в Афины критянин по имени Эпименид, неся с собой рассказ, в который трудно поверить: лежа в пещере Зевса Диктейского много лет в глубоком сне, он, по его словам, встретился в сновидении с самими богами, внимал поучениям богов и общался с Истиной и Правдой. Я думаю что рассказывая это в форме мифа, Эпименид намекал на то, что земная жизнь человеческих душ подобна продолжительному и многолетнему сновидению и т. д.’ (Maxim. Tyr. Diss. 10,1 = Epimen. fr. 6T Bern.).

Версия легенды о сне Эпименида у Максима Тирского отличается от всех остальных тем, что она подается не как «биография» Эпименида, не как объективный рассказ об эпизоде из жизни Эпименида, а как собственный рассказ (логос) Эпименида о самом себе, который он «принес» с собой в Афины. Логос в таком контексте может означать не только устный рассказ, но и письменный текст. По существу Максим сначала приводит текст (то есть цитирует) Эпименида, а потом, как комментатор, дает его платоническую интерпретацию (земная жизнь души есть долгий сон). По нашему мнению, «логос» Эпименида здесь представляет собой прозаическую парафразу проэпии к его «Теогонии» и, следовательно, должен рассматриваться не как биографическое свидетельство, а как фрагмент «Теогонии»¹⁵. Встреча с «Истиной» и «Правдой» является дословной цитатой из «Теогонии» Эпименида: речь идет о персонификации абстрактных понятий, которая вообще характерна для теологии, приписываемой Эпимениду¹⁶. Точную параллель этому мы находим в проэпии к поэме Парменида: Курос попадает в небесное жилище богов через «Ворота Дня и Ночи», которые охраняет Правда (Дике), а затем богиня Истина (Алтейя) открывает ему тайны мироздания. Сторонники поздней датировки «Теогонии» Эпименида скажут нам, что если это так, то автор «Теого-

¹⁵ Вопреки Бернабе fr. 6T, правильно Дильс-Кранц 3 DK B 1, Fowler 2013: 4. West 1983: loc.cit.

¹⁶ Правильно DK, неверно Бернабе, который печатает имена Ἀληθεία καὶ Δίκη со строчной буквы, а не с заглавной.

нии» зависит от Парменида, и следовательно, писал после 480 г. до н. э. Мы полагаем, что дело обстоит с точностью наоборот: Парменид был знаком с Теогонией» Эпименида, и это еще раз подтверждает ее древность. Парменид был пифагорейцем (Lebedev 2014), а пифагорейцы глубоко почитали Эпименида. По пифагорейской легенде, Пифагор посетил Крит и вместе с Эпименидом спускался в Идеюскую пещеру¹⁷. Курос Парменида (аполлонический образ, напоминающий самого Пифагора) летит на небо в небесный оракул (Алтейя – философская Пифия), поэтому «логос» богини (и учение о бытии, и Докса) оформлен как оракул. «Логос» Эпименида, то есть его теогония, тоже «услышан» им от богов, но только в пророческом сновидении в «пещере Зевса». При этом критяне называли Эпименида новым «Куретом». При всем сходстве очевидно и одно отличие: если для Пифагора и элеатов источником мудрости был Аполлон и Дельфийский оракул, Эпименид следует местной критской традиции и позиционирует себя как пророка критского Зевса, а не Аполлона. Тут слышится и полемика с Гесиодом: Эпименид получил свое вдохновение не от Муз (опять же аполлонический источник), а от Зевса. Вот почему его называли «Куретом» (служитель Зевса, связанный с критской священной пещерой), а не «Куросом», как Пифагора (аполлонический термин). Именно в этом контексте становится понятен выпад Эпименида против эксклюзивного авторитета Дельфийского оракула: Дельфы вовсе не являются «пупом Земли». Подразумевается, что Крит ничем не хуже, и поэтому откровение, полученное в критской пещере Зевса (а такова «Теогония» Эпименида, услышанная им в пророческом сновидении) ничем не уступает пророчествам дельфийской Пифии.

Самый известный в древности и чаще всего упоминаемый стих Эпименида сохранил в дословной цитате апостол Павел в «Послании к Титу»:

εἶπέν τις ἐξ αὐτῶν (scil. Κρητῶν), ἴδιος αὐτῶν προφήτης·
Κρητες ἀεὶ ψευδοῦσιν, καθὰ θηρία, γαστέρες ἀργαί.

‘сказал кто-то из них [= критян], их собственный пророк:
«Критяне всегда лжецы, дрянные скоты, праздные брюха!»¹⁸.

¹⁷ Эпименид и Пифагор как учитель и ученик или наоборот: Epimen. fr. 22–26T Bern.

¹⁸ Paul. Ep. ad Titum, 1,12 = Epimen. fr. 41F Bern. = fr. 3 B 1 DK

Каллимах в своем «Гимне к Зевсу» цитирует начало стиха и понимает его как полемику с критским мифом о смерти Зевса, отраженным в «могиле Зевса» на Крите с надписью «Здесь покоится Зевс»¹⁹. Такой подтекст может отчасти присутствовать в стихе, однако маловероятно, чтобы в оригинале это было обращение *самого* Эпименида к критянам. Стих цитируется как «оракул» (χρησμός, λόγιον)²⁰; следовательно, в оригинальном тексте Эпименида эти слова произносит некое божество, а не сам Эпименид от первого лица²¹. В стихе несомненно присутствует скрытая цитата из «Теогонии» Гесиода и одновременно, полемика с Гесиодом, как мы увидим:

ποτένες ἄγραυλοι, κάκ' ἐλέγχεα, γαστέρες οἶον (Hes. Theog. 26)
 'Пастухи-деревенщины, дрянные позорники, одно только брюхо!'

Стих Гесиода происходит из проэпия к «Теогонии» и взят из сцены ритуального «посвящения в поэты», его произносят Музы, обращаясь к самому Гесиоду. Речь идет о *ритуальном поношении* как первой фазе переходного обряда (rite de passage): отделении посвящаемого от старой группы перед переходом в новую. Пастух, посвящаемый в поэты, должен сначала отречься от «скотского» прошлого, а последующее вручение ему лавровой ветви завершает обряд принятием его в цех аэдов. Отметим еще две параллели: Гесиод подвергается ритуальному хулению, когда пасет овец на Геликоне, Эпименид – отправившись за овцой и заснув в горной пещере. После очищения Афин Эпименид отказывается от денег и берет с собой только лавровую ветвь. «Музами» Эпименида, однако, были не Геликонские девы, связанные с Аполлоном, а «спутницы» критского Зевса – богини «Истина» и «Правда», которым он «внимал» в своем вешем сне. Слова «Критяне всегда лжецы» в проэпии «Теогонии» Эпименида скорее всего произносила сама Алетейя. Подражание Гесиоду одновременно содержит полемику с ним: если Музы Гесиода «могут обманывать», а «могут говорить правду», то муза Эпименида говорит только истину. Таким образом

¹⁹ Callim. Hymn. 1, 8 Κρήτες ἀεὶ ψεῦσταί· καὶ γὰρ τάφον, ὧ ἄνα, σεῖο / Κρήτες ἐτεκτήναντο· σὺ δ' οὐ θάνεις, ἐσσι γὰρ αἰεὶ.

²⁰ См. testimonia к фр. 41 в издании Бернабе, на это же намекает и профῆτης Павла.

²¹ Правильно Diels-Kranz I,32, adn. 20–21. Ошибается Huxley ap. Bernabe: 43, полагая, что речь идет об ответе Дельфийского оракула, помещенного в сборник изречений Эпименида.

«Теогония» Эпименида и оформлена как оракульный логос – как откровение самой Алетейи, Эпименид говорит не от себя, а воспроизводит то, что «услышал» от богов.

Так называемый позднейший «парадокс лжеца» не имеет к аутентичному контексту стиха о критянах никакого отношения. Парадокс основан на допущении, что критянин Эпименид говорит «Критяне всегда лжецы» от своего имени, но это не так. Его придумал специалист по логическим парадоксам философ Мегарской школы Евбулид Милетский, современник Аристотеля (Diog. Laert. 2, 108). Использование стиха Эпименида, возможно, было сознательной шуткой.

3. Селена, Немейский лев, Эак и реинкарнация душ

Элиан сохранил самый загадочный из фрагментов Эпименида (fr. 33 F):

καὶ μέντοι καὶ τὸν Νεμεαῖον λέοντα τῆς σελήνης ἐκπεσεῖν φασί.
λέγει γοῦν καὶ τὰ Ἐπιμενίδου ἔπη:
καὶ γὰρ ἐγὼ γένος εἰμὶ Σελήνης ἠυκόμοιο,
ἠδρινὸν φρίξας ἀπεσεῖσατο θῆρα λέοντα,
ἐν Νεμέαι δ' ἄγχουσ' αὐτὸν διὰ πότνιαν Ἥραν...

Говорят, что и Немейский лев упал с луны. Об этом говорится в стихах Эпименида:

‘И я тоже отпрыск прекрасноволосой Селены,
Которая, страшно вздрогнув, отряхнула с себя льва-зверину,
А в Немее его задушила из-за владычицы Геры <сила Геракла>’.

По мнению Карла Роберта, Эпименид вывел в своей поэме Мусея, сына Селены, который и произносит эти стихи. Дильс подозревал, что Элиан перепутал Эпименида с Мусеем, которому также приписывалась «Теогония»²². В наши дни большинство исследователей справедливо признает, что в этих стихах Эпименид говорит о самом себе, и следовательно, притязает на то, что он происходит от Селены-Луны²³. Мартин Вест даже предполагает, что Эпименид не ограничивается притязанием на то, что он сын богини Луны, но и утверждает, что он явился на землю с Луны и ссылается на прилет Немейского льва с Луны

²² Diels-Kranz I, 33, n.1. Фрагменты «Теогонии» Мусея у Бернабе, фр. 79–91. Фрагмент 81F (из Филодема) описывает начало космогонии Мусея в тех же словах, как Дамаский первые начала Эпименида: Τάρταρ, Ночь, Туман (Аэр).

²³ West loc. cit., Bernabe, pp.134–135, Mele (2001) 241, Breglia Pulci Doria 2001: 295 ff.

как на прецедент такого космического путешествия (West 1983: 48). На это можно возразить, что слово γένος не обязательно означает 'отпрыск' в смысле 'сын', оно может означать 'потомок', и в таком случае автор стихов лишь возводит свой род к Селене, а не утверждает, что он сам прилетел с Луны.

Стоит также задуматься над тем, не означает ли здесь «вытряхнула (из себя)» (ἀλεσείσατο) просто «родила» (снесла яйцо), а «ужасно вздрогнула» (δεινὸν φρίξασα) – «встряхнула крыльями, встрепенулась». L. Breglia Pulci Doria указала на то, что у Аристотеля (Hist. anim. 560b) те же самые термины, и в той же самой последовательности описывают способ рождения у птиц, так что отсюда можно сделать вывод, что Эпименид представлял себе Селену крылатой (как в Гомеровском гимне к Селене), и при этом с женской «прекрасноволосой» головой, то есть как птицу-женщину (Breglia Pulci Doria 2001: 295–300). В таком случае ни о каком «космическом полете» Немейского льва с Луны на Землю речь идти не может. Поэты, называвшие Кирку дочерью Гелиоса, а Мусея сыном Селены, вряд ли подразумевали, что Кирка прилетела с Солнца, а Мусей упал с Луны. Следовательно, ссылка на Немейского льва предполагает веру в реинкарнацию душ: в последующих стихах, вероятно рассказывалась история перевоплощений души Немейского льва после того, как его убил Геракл, пока она не вселилась в тело рассказчика (cf. Mazzarino ap. Vernabe, 135, прим. к фр. 35,1). Традиция совсем неспроста и связывает Эпименида с Пифагором, причем учение о реинкарнации было важнейшим из связующих звеньев. Память предков, приписывавшаяся Пифагору, находит точную аналогию в «Теогонии» Эпименида: Пифагор «помнил» как он был сыном Гермеса Эталидом, потом Эвфорбом, Гермотимом, Пирром в прежних инкарнациях²⁴. Эмпедокл помнил как был мальчиком, девочкой, кустом и рыбой (Emped. В 117 DK.). Эпименид помнил как он был Немейским львом, потом в человеческом облике «сначала Эаком», дальнейшие инкарнации не упомянуты в наших источниках.

Второе важное свидетельство о том, что автор эпименидовской «Теогонии» верил в реинкарнацию душ, сохранил Диоген Лаэртий: Эпименид πρῶτος αὐτὸν Αἰακὸν λέγει (Diog. Laert. 1, 114 = Epimen. fr.1 Vern.). Рукописный текст, очевидно,

²⁴ Diog. Laert. 8.4 = Herclid. Pont. fr. 89 Wehrli. У Дикеарха (fr. 36 W.) и Клеарха (fr. 10 W.) другая версия: Эвфорб, Пирандр, Эталид, «прекрасная гетера» Алко, потом Пифагор (Burkert 1972: 138).

испорчен и не имеет смысла: что значит «Эпименид первым назвал себя Эаком»? Исправление $\pi\rho\acute{\omega}\tau\omicron\varsigma$ на $\pi\rho\acute{\omega}\tau\omicron\nu$ (Casaubon) дает удовлетворительный и ясный смысл: Эпименид «говорил, что вначале он был Эаком», то есть первой инкарнацией его души был Эак, сын Зевса, брат Миноса и Радаманфа²⁵. Слово $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\omicron\iota$ указывает на цитату, вероятнее всего, также из «Теогонии». Поскольку Эпименид не мог излагать две не связанные между собой генеалогии, логично предположить, что в его предшествующих жизнях Эак был первой инкарнацией *в человеческом облике*, и что душа убитого Гераклом Немейского льва перевоплотилась в Эака. К Эаку возводили свой род «зевсороденные» басилеи, такие как Ахилл, цари Эпира и Македонии. Был ли Эпименид царского рода, мы не знаем, как не знаем, сколько промежуточных инкарнаций он перечислял между Эаком и самим собой (в любом случае $\pi\rho\acute{\omega}\tau\omicron\nu$ предполагает как минимум $\delta\epsilon\upsilon\tau\epsilon\rho\omicron\nu$).

Более поздние тексты о том, что Эпименид многократно умирал и «оживал» ($\acute{\alpha}\nu\alpha\beta\epsilon\beta\iota\omega\kappa\acute{\epsilon}\nu\alpha\iota$), как указал Джиганте, имеют своим источником Феопомпа (Gigante, op. cit. 19. Epimen. fr. 8T). Заметим, что $\acute{\alpha}\nu\alpha\beta\iota\omicron\omega$ – самый ранний термин для реинкарнации, засвидетельствованный в классическую эпоху, как и выражение $\pi\acute{\alpha}\lambda\iota\nu \gamma\acute{\iota}\nu\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ (у Платона), термин $\pi\alpha\lambda\iota\gamma\gamma\epsilon\nu\epsilon\sigma\iota\alpha$ – у Хрисиппаи наконец термины $\mu\epsilon\tau\epsilon\nu\sigma\omega\mu\acute{\alpha}\tau\omega\sigma\iota\varsigma$ и $\mu\epsilon\tau\epsilon\mu\psi\acute{\upsilon}\chi\omega\sigma\iota\varsigma$ – эпохи империи и поздней античности (Kalogerakos 1996: 18 ff.).

О нимфе Балте, которая считалась по одной версии матерью Эпименида, ничего не известно (см. прим. 5). Фигурировала ли она также в тексте «Теогонии» Эпименида, или это более поздний фольклор, стремившийся связать Эпименида с каким-то местным критским культом, мы не знаем.

Является ли значащим или случайным сходство имени нимфы Балты с именем ханаанско-угаритской богини, которое в греческой передаче выглядит как Βααλτίς , а также, возможно, Βλάττα («имя Афродиты у финикийцев» согласно Иоанну Лидийскому), также остается неясным²⁶. Геренний Филон «переводит» имя Баалтиды на греческий как «Диона» (Διώνη), а это

²⁵ Правильную интерпретацию дает Gigante 2001: 18–19, который справедливо опровергает сомнительное исправление Αιακόν на σεληνιακόν , предложенное Вестом.

²⁶ Βααλτίς : Herennius Philo FgrHist 790 F2. Βλάττα : Lydus, De mensibus, 1,21. Ближневосточное происхождение защищает Poljakov 1987: 410 слл.

также одно из имен Афродиты или ее матери. Более перспективным нам представляется сопоставление имени Балты с глоссой Гесихия βλάτταν· χόρτος ἢ λάχανον (Hesych. В 680 Latte). Имя нимфы может быть персонификацией какой-то критского растения с терапевтическим или гастрономическим применением. Вариант Βλάστα в лексиконе «Суда» также связан с растительностью. Если βλάτταν – дорийская форма, это слово может быть диалектным вариантом к βλήτων (Гиппократ, Феофраст), в новогреческом βλήτα – самый популярный в греческой кухне салатный овощ (дикорастущий и культивируемый) из разряда χόρτα, зеленых трав, которые слегка отвариваются и сервируются с оливковым маслом и лимоном²⁷.

4. Эпименид как собиратель корней и фитотерапевт

Остров Крит представляет собой настоящий ботанический рай. Из 2000 видов растений, произрастающих на нем, 10% являются эндемическими (Αλιπέριτης : 5). Как кулинарное, так и медицинское использование трав, корней и цветов должно было начаться очень рано. Можно не сомневаться, что уже в эпоху Бронзового века минойцам было известно не только кулинарное и косметическое, но и терапевтическое использование растений. Критские ароматические травы экспортировались в Египет во времена 18-ой династии (1543–1292 гг. до н. э., см.: Koehl 2009: 270). Эпименид Критский стоит у истоков античной травной медицины и ботанической фармацевтики. Имеется комплекс биографических свидетельств, характеризующих его как «собиратель корней» (ρίζοτόμος) и приписывающих ему изготовление «снадобий» (ἐδεσμα) или «лекарств» (φάρμακα) из растений²⁸. Историк и мифограф-аллегорист Геродор из Гераклеи (ок. 400 г. до н. э.), Платон в «Законах», перипатетик Гермипп в сочинении «О семи мудрецах» и Плутарх в *Moralia* упоминают изобретенное Эпименидом травное «голодоутоляющее снадобье» (ἄλμος βρώσις) или «голодоутоляющее лекарство» (ἄλμον φάρμακον, иначе Ἐπιμενίδειον φάρμακον), в состав кото-

²⁷ Вариант βλήτων, вопреки LSJ, надо считать вторичным, возникшим из βλήτων под действием итацизма. LSJ идентифицирует растение у Гиппократа и Феофраста как *Amaranthus blitum*, но новогреческая βλήτα, судя по изображениям, больше похожа на зеленый амарант, *Amaranthus viridis*.

²⁸ Epimenid. fr. 27–29T Vern. О магической и медицинской ботанике Эпименида см.: Strataridaki 1991; Capriglione 2001: 37–52.

рого входили корни асфоделя и мальва, и которое позволяло ему ничего не есть и не пить, не испытывая при этом ни голода, ни жажды (Herodor. FGrHist 1026 F 12a = Epimenid. fr. 27T Bern.). По версии Деметрия из Магнесии Эпименид получил это волшебное снадобье в дар от Нимф, носил его всегда с собой в коробочке, сделанной из копыта быка, и принимал маленькими порциями; при этом никто никогда не видел, чтобы он питался чем-нибудь или справлял нужду²⁹. Связь Эпименида с Нимфами подчеркивается также в критской легенде о том, что его матерью был нимфа Балта или Бласта (т. е. «Произросшая»), и что он строил святилище нимф и посоветовал спартанцам воздвигнуть Νυμφαῖον³⁰. Нимфы в греческой мифологии были духами дикой природы, не в последнюю очередь духами растений (дриады и гамадриады). Таким образом, связь Эпименида с Нимфами дополнительно подчеркивает его связь с критской флорой и «сбором кореньев». В древности даже возникло такое рационалистическое объяснение «эпименидова сна»: на самом деле он не спал, а жил отшельником (ἐκκλιτήσα), занимаясь сбором кореньев³¹. Кроме асфоделя и мальвы как компонентов снадобья Филон Механик говорит также о скилле – морском луке (σκίλλα)³² и растении muscari comosum (греч. βολβοί)³³: полезно сажать их в потайных местах дома и вокруг городских стен на случай осады и голода, так как из них можно приготовить «эпименидово снадобье», и это поможет выживанию граждан³⁴. О «великой пользе» асфоделя и мальвы упоминал Гесиод в «Трудах и днях» (Hes. Op. 41). Плутарх считал, что Эпименид заимствовал свой рецепт снадобья именно у Гесиода. Говоря о «великой пользе» асфоделя и мальвы, Гесиод, вероятно, намекал на то, что они не требуют забот по выращиванию, но могут спасти от голода в трудные времена. Все четыре растения из травника Эпименида широко использовались в античной кулинарной и/или медицинской практике. Три из них

²⁹ Demetr. Magnes fr. 11 Mejer ap. Diog. Laert. 1.114

³⁰ Theopomp. FGrHist 115F69 ap. Diog. laert.1.115

³¹ Diog. Laert. 1.112 = Epimenid. fr. 29T Bern.

³² Научное название *Urginea maritima* или *Drimia maritima*, прежде *Urginea scilla* (Steinheil), *Scilla maritima* (Linn.), семейство Liliaceae, англ. Maritime Squill, новогреч. народн. ασκελετούρα, κρομμύδα.

³³ Научное название *Muscari comosum*, англ. Tassel Hyacinth, новогреч. народн. βολβοί, на Крите σκородουλάκοι – традиционная закуска (μεζές) народной кухни.

³⁴ Philo Mechan. Poliorc. exc. lib 7–8, 2, 31 = Epimenid. fr. 27T (IV) Bern.

сближает съедобный луковичный корень (асфодель, скилла, *muscarī comosum*). Феофраст признавал корень асфоделя съедобным, Гален подтверждает, что его, как и скиллу, вываривали, чтобы не горчило³⁵. В греческом фольклоре и в поэзии асфодель однозначно ассоциируется с загробным царством и «лугами Персефоны» (Hom. Od. 11, 539, 573; 24, 31). Асфодель и мальву сажали на могилах³⁶. «Луковки» растения *muscarī comosum* (βολβοί) до сих продаются в греческих овощных лавках, а в критских тавернах подают традиционную закуску из них под названием скорδουλάκοι. Как и во времена Галена, их до сих пор подают с уксусом. Что касается скиллы или морского лука (название «морской» связано с тем, что он часто растет в прибрежной полосе), то о нем имеется ценное свидетельство Феофраста в «Истории растений» (Hist. plant. 7,12,1): ἐδώδιμοι μὲν γὰρ οὐ μόνον βολβοὶ καὶ τὰ ὅμοια τούτοις, ἀλλὰ καὶ ἡ τοῦ ἀσφοδέλου ῥίζα καὶ ἡ τῆς σκίλλης, πλὴν οὐ πάσης ἀλλὰ τῆς Ἐπιμενιδείου καλουμένης, ἣ ἀπὸ τῆς χρήσεως ἔχει τὴν προσήγοριαν· αὕτη δὲ στενοφυλλότερα τε καὶ λειότερα τῶν λοιπῶν ἐστὶν ‘Съедобны не только луковички и подобные им растения, но и корень асфоделя и скиллы (морского лука), но только не всякой, а так называемой «эпименидовой», которая получила свое название по употреблению: она отличается от других видов скиллы тем, что имеет более узкие и более гладкие листья’. Заметим, что у Феофраста, как и у Филона скилла идет в паре с «луковками», тут же упоминается и асфодель, но без мальвы, при этом ни слова не говорится об «утолителе голода».

Слово «так называемой» указывает на то, что уже в 4 в. до н. э. название «эпименидова скилла» было традиционным, следовательно, более древним. Слова Феофраста о том, что «эпименидова скилла» получила свое название «по употреблению» подразумевают, что именно этот вид скиллы используется в магическом ритуале «очищения», который он описывает в «Характерах» 16, 13, и который, следовательно, приписывался

³⁵ Galen. De alimentorum facultatibus, vol. 6, p. 652 Kuehn Τῆ τῆς σκίλλης ῥίζη παραπλησία πῶς ἐστὶν ἡ τοῦ ἀσφοδέλου κατὰ μέγεθος καὶ σχῆμα καὶ πικρότητα.

³⁶ Arist. fr. 66 Rose ap. Eustath. in Od. λ, 538 p. 1698: διὸ καὶ ὁ ἀσφόδελος ὤκειώται νεκροῖς διὰ τὸ πρὸς τὴν σποδὸν ὁμοιόφωνον καὶ ἐφυτεύετο ἐν τοῖς τάφοις τὸ τοιοῦτον φυτὸν, ὡς δηλοῖ καὶ τι τῶν παρὰ τῷ Πορφυρίῳ ἐπιγραμμάτων λέγον ὡς ἀπότινος τάφου ὅτι “νώτω μὲν μαλάχην τε καὶ ἀσφόδελον πολύριζον, κόλπῳ δὲ τὸν δεῖνα ἔχω”.

Эпимениду. Таким образом именно скилла оказывается связующим звеном между «очищениями» и «сбором кореньев», между Эпименидом – «очистителем» (καθαρτής) и Эпименидом-травником. Ритуально-катарсическая и мантическая мудрость Эпименида с одной стороны, и его ботаническое знание целебных свойств трав и кореньев с другой, нераздельно связаны. В критском мифе подобное сочетание профетического дара со знанием целебных свойств трав характеризует Куретов: Куреты научили людей использовать мазь на основе «Диктейской травы» (δίκταμνος) для заживления ран³⁷.

В эпоху софистического просвещения второй половины 5 века, когда был написан гиппократовский трактат «О священной болезни», содержащий резкую критику в адрес магической медицины и тех целителей (очевидно, специалистов по ритуальным «очищениям»), которые притязают на сверхчеловеческое знание (πλέον τι εἰδέναι), эти две традиции в медицине были уже непримиримы. Но Эпименид жил в эпоху архаики и принадлежал к догиппократовской традиции «катарсической» народной медицины, в которой религиозный и рациональный аспект мирно уживались. Это тот тип боговдохновенного или божественного целителя, которого Эсхил называет словом ἰατρόμαντις «вещий врач», «врач и провидец» в одном лице, применяя его к Асклепию и самому Аполлону³⁸. В катарсической медицине болезнь или эпидемия понималась как «скверна» (μίασμα), насланная богами в наказание за ὕβρις, пролитие крови и т. п.³⁹ Целитель поэтому был «очистителем», который с помощью очистительных обрядов очищал город от скверны. Но совершение катарсических обрядов совершенно не исключало применение лекарственных средств, прежде всего травной медицины. Вполне возможно, что во время очищения Афин от «Килоновой скверны» Эпименид не ограничивался чисто ритуальными средствами, но использовал также свое знание травной медицины и применял антисептические или антимикробные средства. Любопытно, что на одной голландской гравюре 1700 г. в трактате «Эпименид, или сочинение об очистительных обрядах древних наро-

³⁷ Anonymi Carmen de viribus herbarum, 74–84.

³⁸ Aeschyl. Suppl. 263–265 ἰατρόμαντις παῖς Ἀπόλλωνος χθόνα τήνδ' ἐκκαθαίρει κνωδάλων βροτοφθόρων, τὰ δὲ παλαιῶν αἱμάτων μίασμασιν... Eumen. 62–63 (Аполлон) ἰατρόμαντις δ' ἐστὶ καὶ τερασκόπος καὶ τοῖσιν ἄλλοις δομάτων καθάρσιος. cf. Agam. 1623.

³⁹ Об этом важнейшем понятии древнегреческой религии: Parker 1983.

дов» Эпименид изображен очищающим Афины с огромным кустом скиллы в правой руке и непонятным предметом (серпом?) в левой⁴⁰. Традицию сакральной медицины, к которой принадлежал Эпименид, можно типологически сравнить с древнеиндийской Атхарваведой (ок. 1000 г. до н. э.) и более поздней Аюрведой. В Атхарваведе наряду с ритуальными заклинаниями содержатся практические фитотерапевтические советы. Так, для лечения проказы рекомендуется растительное средство *rajanī oṣadhī*, которое, судя по описанию, представляет собой лишай со свойствами антибиотика (Atharvaveda I. 23–24). По индийской легенде Аюрведа, традиционная травная медицина, была сообщена богом Индрой (аналог Зевса, бога-громовика) одному из семи мудрецов (*saptarṣi*) в глубокой древности. Эпименид тоже считался одним из семи мудрецов греков и получил свое мантическое знание в пещере Зевса. Как известно, Аюрведа среди средств травной медицины рекомендует и такие, действенность которых подтверждена современной медицинской фитотерапией (например, антираковое действие куркумы). Мы говорим именно о типологическом сходстве: нет никаких оснований и никаких свидетельств о заимствовании Эпименидом знания травной медицины с Востока⁴¹. Речь идет либо о параллельном развитии, либо в некоторых случаях, возможно, об общем индоевропейском наследстве. Кроме того, нет никаких свидетельств о путешествиях Эпименида в страны Востока (как в случае с Пифагором), он покидал Крит только для визитов в Афины и Спарту для совершения очистительных обрядов и основания святилищ. Во времена Эпименида (7 в. до н. э.) могли еще быть живы устные традиции как ритуально-мантического, так и медико-ботанического знания, восходившие к позднеминойской культуре. Эпименид был «жрецом Зевса и Реи», а жреческие должности, тем более в исключительно консервативном в плане *vóci* Крите, нередко были наследственными, и традиционное знание в таких семьях, как и в Древней Индии, могло передаваться веками из поколения в поколение. В биографической

⁴⁰ Iohannis Lomeieri Zutphaniensis Epimenides sive de veterum gentium lustrationibus syntagma, Zutphaniae, 1700, p. 402.

⁴¹ Вопреки Буркерту, который указывает на аккадский текст об очищении луком. Burkert 1992: 62. Но во-первых, скилла Эпименида – это не обыкновенный лук (*allium sera*), а совсем другой вид – *Urginea maritima*. А во-вторых, знал ли Эпименид аккадский, да и где он мог прочитать этот текст?

традиции Эпименид связан именно с пещерой критского Зевса, а культ пещер на Крите в классическую эпоху восходит к эпохе Бронзового века (начиная с Среднеминойского времени, т. е. с 2000 г. до н. э.), а вовсе не перенесен туда с Ближнего Востока (Faure 1996: 207; Willets 1962: 141 ff.). Что касается возможных элементов общего индоевропейского наследия в греческой и индийской травной медицине, то отметим, что древнеиндийское *Ayur-veda* дословно означает ‘знание о жизни’ то есть наука долголетия, от *ajus* ‘жизнь, жизненная сила’ и *veda* ‘знание’. Слово *veda* тождественно греческому εἰδέναι, οἶδα ‘знать’, а слово *ajus* – греческому αἰών в архаическом поэтическом значении ‘жизнь’, ‘жизненная сила’, а также ‘век’. Эпименид был едва не самым знаменитым долгожителем греков, легенда о том, что он прожил 157 или даже 299 лет наглядно иллюстрирует сакральное знание Эпименида – «искусство долгожительства», на санскрите – аюрведа. Эмпедокл причисляет «лекарства от старости» вместе с погодной магией и умением воскрешать мертвых к эзотерическому знанию, доступному избранным⁴².

Все четыре растения из фитотерапевтической аптечки Эпименида были известны в древности как пищевые или съедобные, особенно в качестве суррогата хлеба в голодные времена (следовательно, ἄλμων Эпименида также имеет какую-то эмпирическую основу, а не является поэтической фантазией)⁴³. Все четыре также применялись в качестве лекарственных средств в рациональной медицине и были известны Гиппократу, Теофрасту, Галену, Диоскориду и другим медикам и ботаникам. Все четыре фигурируют в современных фитотерапевтических сборниках критских лекарственных растений (Αλιμτέρτης: 173, 299, 303, 305). Два из них (мальва и морской лук) широко применяются в международной медицинской гербалистике для различных заболеваний. Особый интерес для нас представляет то, что асфодель, по некоторым данным, обладает антимикробными свойствами (Αλιμτέρτης: 299), а морской лук (*Urginea maritima*) применяется как средство от грызунов (Barnes-Andersen 2007: 567). О том, что грызуны могли быть разносчиками заразы при

⁴² Emped. В 111 DK φάρμακα δ' ὅσσα γεγάσι κακῶν και γήραος ἄλκαρ πεύσηι κτλ. Kingsley 1996: 222 ff.

⁴³ Galen. loc. cit. ἐγὼ δ' οἶδα διὰ λιμὸν ἀγροίκους τινὰς ἐψήσεσι τε πλείοσι καὶ ἀποβρέξεσιν ἐν ὕδατι γλυκεῖ μόλις αὐτὴν (scil. σκίλλαν) ἐδώδιμον ἐργασαμένους. Aristioph. Plut. 543 σιτειῖσθαι δ' ἀντὶ μὲν ἄρτων μαλάχης πτόρθους.

эпидемиях грекам было известно со времен Гомера: жрец Хрис, наклика чуму на ахейцев, обращается к Аполлону с эпиклезой $\Sigma\mu\nu\theta\epsilon\upsilon\varsigma$, производной от диалектного слова $\sigma\mu\nu\theta\omicron\varsigma$ ‘мышь’⁴⁴. Связь Аполлона с поветриями амбивалентна: он умеет напустить заразу, умеет (с помощью катарсического искусства) и очистить от нее. Поэтому означает ли эпитет $\Sigma\mu\nu\theta\epsilon\upsilon\varsigma$ ‘ $\Sigma\mu\nu\theta\omicron\phi\theta\omicron\rho\omicron\varsigma$ ’ ‘Мышегуб’ (по аналогии с $\Sigma\lambda\upsilon\rho\omicron\kappa\tau\omicron\nu\omicron\varsigma$) или ‘Мышиный’ (напускающий мышей), не так важно⁴⁵. Вполне возможно, что Эпименид «очистил» Афины от «Килоновой скверны», то есть от эпидемии, дополняя религиозные ритуалы и основания святилищ действенными санитарными мерами, в частности применяя антимикробные лекарственные травы и выводя грызунов-разносчиков с помощью морского лука. Действия ахейцев «Илиады» в ответ на «гнев Аполлона» вполне рациональны: они сжигают заразные трупы и выбрасывают одежду в море.

5. Эпименид, Орфики и Пифагор: *de fontibus*.

Широко распространено мнение, что «Теогония» Эпименида относится к *pseudepigrapha* и была написана неизвестно кем после 500 г. до н. э., так как в ней, якобы, заметно влияние Орфической теогонии, физики Анаксимена и орфико-пифагорейского учения о реинкарнации. Мы постарались показать (прежде всего на основании реконструкции проэмия), что «Теогония» скорее была написана ближе к 7 в. (скажем, около 600 г. до н. э.) и, следовательно, является аутентичной или по крайней мере содержит аутентичное ядро, восходящее к Эпимениду. В частности, полемика с Гесиодом и соперничество с Дельфийским оракулом легче понять в произведении конца 7 в. до н. э. (когда «Теогония» Гесиода была сравнительным новшеством), чем в эпоху классики, когда Гесиод был уже хрестоматийным автором, а авторитет Дельфийского оракула не имел себе равных. Теогонии, приписывавшиеся мифическим певцам (Орфею, Мусею, Лину) несомненно были *pseudepigrapha*, их авторами были пифагорейцы и гадатели, которые хотели придать таким

⁴⁴ Уже в микенскую эпоху засвидетельствовано мужское имя *si-mi-te-u /Smintheus/ KN Am 827*. Объяснение Аристарха к *Hom. II. 1.39* (от города $\Sigma\mu\nu\theta\eta$ в Троаде), очевидно, благочестивая попытка избавить Аполлона от «неподобающих» ассоциаций с мышами. Никаких подтверждающих свидетельств о таком городе не существует.

⁴⁵ В пользу первой возможности высказываются *Latacz 2009: 41–42; Kirk ad loc., Leaf ad loc.* и др.

образом своим творениям ауру боговдохновенной древней мудрости. Но Эпименид был историческим лицом. Аристотель не сомневался в том, что очищение Эпименидом Афин от Килоновой скверны было историческим событием (ок. 600 г. до н. э.), и хотя он не признавал аутентичность теогоний Орфея и Мусея (цитируя их, он употребляет такие выражения как ἐν τοῖς Ὀρφικοῖς λεγομένοις ἔλεσι), Эпименида он цитирует без оговорок как реального автора⁴⁶.

Предполагаемое влияние на Теогонию Эпименида физической теории Анаксимена (вторая половина 6 века) следует отклонить по трем основаниям. Во-первых, Теогония Эпименида, несмотря на проблески критической мысли и персонификацию абстрактных понятий, в целом остается в русле мифопоэтической традиции генеалогических теогоний и не обнаруживает никаких следов научной революции 6 в. до н. э. и потому принадлежит к дофилософской эпохе. Эпимениду неизвестно милетское понятие «природы», он не занимается этиологией природных явлений, как Анаксимен. Во-вторых, то что «Ночь и Аэр» – «первоначала» сущего, это не аутентичная формулировка Эпименида, а фразеология неоплатоника Дамаския, который следует перипатетику Евдему. В оригинале Эпименида скорее всего говорилось, что сначала произошли Ночь и Мгла (πρῶτ' ἐγένοντο Νύξ καὶ Ἄηρ), а потом возник туманный Тартар (Τάρταρα ἠερόεντα γείνατο...). Ночь, Туман и Бездна – это не физические элементы и субстанции, а описание первобытного хаоса. В-третьих, как мы уже указывали, в эпическом языке ἄηρ означает «туман, дымку»; термином для невидимого элемента воздуха это слово стало не раньше конца 5 в. до н. э. В изначальном поэтическом контексте Теогонии ссылка на ночь и туман были просто указанием на то, что до возникновения неба, земли и светил ничего не было видно и ничего нельзя было различить, безобразность усиливалась отсутствием «предела» (πεῖραρ) у бездны (О этом см. Vernabe 2001: 205–206). Перед нами не физическая теория элементов, а мифопоэтическая феноменология. Если термин аэр помимо незримости и мглы содержал какую-то дополнительную космогоническую коннотацию, то это был не механизм сгущения и разрежения (как у Анаксимена), а фольклорное представление об оплодотворяющей силе

⁴⁶ Насколько щепетилен был Аристотель в таких вопросах показывает его критика «необдуманной» хронологии в Polit.1274a 22 ss. = Ophr.Fr. 1108 Vernabe.

ветра: в аристофановской пародии на орфическую теогонию (Aristoph. *Aves*, 695) про космогоническое яйцо говорится, что его ветром надуло» (ὕπηνέμιον).

Если это так, то не Эпименид был должником орфических поэм и пифагорейцев, а наоборот: его «Теогония» была наиболее вероятным источником «Орфеевой» теогонии и орфико-пифагорейского учения о бессмертии души и реинкарнации. Дервенийский папирус доказал, что Орфическая теогония не является поздним продуктом эллинистического синкретизма, как верили скептики вроде Виламовица и Линфорта, но он отнюдь не доказал, что Орфическая теогония была написана Орфеем до Троянской войны, как верили неоплатоники и ученые Возрождения. Мы не видим основания отвергать единственное серьезное историческое свидетельство о времени возникновения и авторстве Орфической теогонии – свидетельство Аристотеля, который считал Орфическую теогонию сочинением хресполога Ономакрита⁴⁷. За Аристотелем следует ряд античных авторов, цитирующих «Ономакрита», а не «Орфея», среди них очень разборчивый в источниках Павсаний и критически мыслящий Секст Эмпирик⁴⁸. Ономакрит был младшим современником Пифагора (ок. 560–480 до н. э.), исключить влияние на него идей Пифагора нельзя. Мало того, если Эпименид из Локр Эпизефирских в Калабрии, упоминаемый Аристотелем, идентичен с Эпименидом придворным гадателем Писистратидов (он вполне мог получить афинское гражданство по протекции тиранов), а это вполне вероятно, тогда он сам мог происходить из пифагорейских кругов. То, что ранние пифагорейцы (возможно, включая самого Пифагора) публиковали под именем Орфея свои поэмы, надежно засвидетельствовано в ранних

⁴⁷ Arist. fr. 7 Rose = Io. Philopon. ad Ar. de anima (1, 5. 1410b 28 ἐν τοῖς Ὀρφικοῖς καλουμένοις ἔλεσι): λεγομένοις εἶπεν ἐπειδὴ μὴ δοκεῖ Ὀρφέως εἶναι τὰ ἔπη, ὡς καὶ αὐτὸς ἐν τοῖς περὶ φιλοσοφίας λέγει· αὐτοῦ μὲν γὰρ εἰσι τὰ δόγματα, ταῦτα δὲ φησὶν Ὀνομάκριτον ἐν ἔλεσι κατατεῖναι. Cic. de nat. deor. 1, 38: Orpheum poetam docet Aristoteles numquam fuisse et hoc Orphicum carmen Pythagorei ferunt cuiusdam fuisse Cercopis. *Contra West* 1983: 8, 249 ff. С гиперкритицизмом Веста контрастирует более трезвая трактовка роли Ономакрита в Писистратовской редакции издания Гомера и Орфической теогонии у Nagy 2010: 348 ff.

⁴⁸ Paus. 8, 37, 5; Sextus Emp. adv. math. 9, 361. Орфическую теогонию цитируют как сочинение Ономакрита также христианские апологеты (Татиан, Климент Александрийский) и схолиасты, см. свидетельства об Ономакрите, собранные в OF 1109–1119 Vern.

источниках⁴⁹. Обращает на себя внимание и тот факт, что одна из древнейших и уникальных по полноте орфико-дионисийских золотых пластинок была найдена в Гиппонионе, колонии Локр Эпизефирских (OF 474). Но даже если Ономакрит, составитель Орфической теогонии, был пифагорейцем, это не означает, что он не мог знать учение о реинкарнации также из более древней «Теогонии» Эпименида. По уникальному свидетельству Аристотеля он «был обучен», то есть получил профессиональную подготовку в искусстве гадания на Крите (γυμνασθῆναι δ' αὐτὸν ἐν Κρήτῃ ... κατὰ τέχνην μαντικῆν)⁵⁰. Наша гипотеза проста: во время «обучения» в искусстве гадания на Крите в 6 в. до н. э. (когда слава Эпименида гремела на всю Элладу), Ономакрит прошел эпименидовскую школу и познакомился не только с критской техникой гадания, но и с ее теоретической основой, то есть с идеями Эпименида о происхождении мира и природе человеческой души, изложенными в «Теогонии». Именно из этого источника Ономакрит позаимствовал и «Ночь» как первоначало, и космогоническое яйцо, и учение о бессмертии души и реинкарнации, которые Эпименид, в свою очередь, знал из устного предания своего жреческого рода, возможно, восходящего к позднеминойской эпохе, а вовсе не к восточным традициям,

⁴⁹ Ion Chius В 2 DK = D.L. 8.8; Herod. 2.81 (ср. прим. 90 выше); Suda, s.v. Ὀρφεύς. «Орфей Кротонский» и «Орфей Камаринский» у Суды – разумеется не настоящие имена авторов, а условные названия орфических поэм, данные грамматиками, которые, как и Аристотель, не признавали Орфея историческим лицом. «Орфей Кротонский» означает «Поэма Орфея, рукопись которой происходит из Кротона». Суда цитирует грамматика Асклепиада о том, что «Орфей Кротонский» жил при дворе тирана Писистрата (Πεισιστράτῳ συνεῖναι τῷ τυράννῳ). Поскольку «Кротонский» не настоящий этникон, а место происхождения рукописи, стоит задуматься, не идет ли речь об Ономакрите, авторе Орфической теогонии, жившем при дворе Писистратидов.

⁵⁰ Arist. Politica 1274 a 26 ss. Аристотель цитирует неизвестного автора, который пытался доказать, что законы Спарты заимствованы из Крита, а не наоборот: Ономакрит «был обучен» на Крите, его учеником был законодатель Фалет, от которого зависит Ликург. Ономакрит из Локр в тексте Аристотеля должен быть идентичен с Ономакритом Афинским, во-первых потому, что Аристотель называет его гадалем, а во-вторых потому, что, если бы это был некий другой, более древний Ономакрит 7-го века, Аристотель не указал бы на хронологическую несуразность. Аристотель не оспаривает то, что Ономакрит «обучился» на Крите в искусстве гадания, он только ставит под сомнение, что Ономакрит-гадатель, живший во второй половине 6 – начале 5 в. до н. э., мог быть учителем законодателя Фалета в 7 веке.

язык которых Эпименид не знал и контактов с которыми у него не было. Платон восхищался Критом за его культурный консерватизм: Крит – закрытое общество, которое сохраняет наилучшие «переданные от отцов» законы и обычаи как раз потому, что не подвержено никаким влияниям извне. Как говорит критянин Клиний в «Законах», даже Гомер для критян «чужой поэт», поэтому его много не читают: οὐ γὰρ σφόδρα χρώμεθα οἱ Κρήτες τοῖς ξενικοῖς ποιήμασιν (Plat. Leg. 680c.).

Важнейшее свидетельство о генетической связи мистериальных обрядов орфического толка с Критом, а именно с культурами Идейской пещеры, мы находим в известном фрагменте «Критян» Еврипида, где хор «мистов Идейского Зевса» поет, обращаясь к Миносу (перед этим упоминается, что процессия мистов приходит из кипарисового храма):

ἀγνὸν δὲ βίον τείνων ἐξ οὗ
 Διὸς Ἰδαίου μύστης γενόμεν,
 καὶ νυκτιπόλου Ζαγρέως βροντᾶς⁵¹
 τοὺς ὠμοφάγους δαίτας τελέσας
 μητρί τ' ὀρείῳ δᾶδας ἀνασχῶν
 καὶ κουρήτων
 βᾶχος ἐκλήθην ὀσιωθεῖς.
 πᾶλλευκα δ' ἔχων εἶματα φεύγω
 γένεσίν τε βροτῶν καὶ νεκροθήκης
 οὐ χριπτόμενος τῆν τ' ἐμψύχων
 βρώσιν ἐδεστῶν πεφύλαγμα⁵².

‘Я веду святую жизнь с тех пор, как стал посвященным в таинства Зевса Идейского и ночебродного грома Загрея свершив сыроедные пиршества, и воздев к небу факелы Горной Матери вместе с Куретами, я был освящен и наречен «вакхом». Облаченный во все белое, я избегаю рожденья смертных и гробов, не приближаясь... и остерегаюсь поедания живой пищи’.

Загрей – alias Орфического, хтонического Диониса (сына Персефоны, а не Семелы), растерзанного Титанами в акте, ставшем мифическим прообразом ритуала омофагии. «Мистами и Вакхами»⁵³ называли себя обладатели эсхатологических амулетов на золотых пластинках из погребений, посвященные в

⁵¹ βροντᾶς (gen. sing.), scil. νυκτιπόλου, scripsi : βροντάς (?) Pap., асс. Kannicht : βοῦτης Diels.

⁵² Eurip. Cretes, fr. 472, 9–19 TrGF, Kannicht = OF 567 Bernabe

⁵³ Табличка из Гиппониона (5 век) B10 Edmonds = OF 474 Bern. = № 1, 16 Graf, Johnston.

«тайнства Орфея»⁵⁴. В загробных странствиях души согласно золотым пластинкам «белый кипарис» – указатель, рядом с которым протекают источники Леты и Мнемосины. Вегетарианство в 5 в. до н. э. однозначно ассоциировалось с «Орфеевыми обрядами» и предполагает веру в реинкарнацию душ⁵⁵. «Избегание рожденья и гробов», вероятно, имеет не (только) узкое значение табу, запрещавшего контакт с роженицами и покойниками, но и эсхатологический смысл: поднявшийся на высшую ступень посвящения, ставший «вакхом» тем самым вырывался из круга рождения и смерти, то есть из круга реинкарнации, и отправлялся в рай. «Белые одежды» по всей вероятности не просто белые по цвету, а льняные. Геродот считал запрет хоронить в шерстяной одежде специфической чертой «Орфеевых и Вакхических обрядов», которые «на самом деле – Египетские и Пифагоровы»⁵⁶. Уже Эрвин Роде и Джейн Харрисон не без основания видели в этом фрагменте свидетельство об орфических инициациях, связанных с Идейской пещерой, некоторые исследователи высказывали сомнения по этому поводу⁵⁷. Для нас сейчас этот спор не критичен. Даже если во времена Еврипида в Кноссе и не существовало кипарисового храма и общины орфиков в белых одеждах, Еврипид мог высказывать ученую догадку о происхождении «обрядов Орфея» во времена Миноса на основании мифологической традиции и исторических источников, в частности «Теогонии» Эпименида, а также зная «критские связи» составителя «Теогонии Орфея» – Ономакрита. В

⁵⁴ Граф и Джонстон справедливо называют таблички «вакхическими», а не «орфическими», так как посвященные в эти тайнства называли себя «вакхами», а не «орфиками». Но это не исключает возможности того, что сами тексты считались «пророчествами» или «заклинаниями Орфея», так же, как Ὀρφέως τελεταί отсылают к мистериям Диониса.

⁵⁵ Eurip., Hippol. 952 ss.

⁵⁶ Herod. 2,81. Пространная версия несомненно первоначальна. «Орфики» как термин для религиозной секты вообще современный термин. Слово Ὀρφικοί появляется только у поздних грамматиков и Неоплатоников просто как ссылка на поэмы Орфея, в 5 в. до н. э. оно просто невысказано. Чтение Ὀρφικ<οί> в ольвийских граффити ошибочно, см. выше. Обращает на себя внимание, что мотивируя это чтение, первоиздатели ссылаются на то, что пишет об «орфиках» А. Ф. Лосев. Неверно Жмудь 2102: 224; Betegh 2014: 150.

⁵⁷ Например, Allan 2004: 132, n. 84 со ссылкой на Паркера На основании одного пассажа Еврипида (Hippol. 952) делать вывод, что орфики были одиночными девиантными интеллектуалами, а пифагорейцы жили общинами, несерьезно. Были разные пифагорейцы и разные «орфики».

любом случае связь Идейской пещеры с орфическими обрядами и верой в реинкарнацию должна была быть как-то мотивирована преданием. Не забудем, что первой инкарнацией Эпименида был Эак, брат Миноса. Из Идейского культа и от Куретов-Дактилей как учителей Орфея независимо от Еврипида выводил происхождение орфических инициаций также Эфор в передаче Диодора Сицилийского⁵⁸.

Важным археологическим и эпиграфическим комплексом свидетельств о связи погребальных обрядов и соответствующей эсхатологии орфико-дионисийского толка с центральным Критом, а именно с округой Идейской пещеры, являются тексты на золотых пластинках из Элевтерны и *epistomia* из Сфакаки (пригород Ретимно)⁵⁹. В исследовании Яниса Тзифопулоса убедительно показано, что при всем сходстве с общегреческим типом, критские пластинки обнаруживают специфическую связь с местными верованиями, топонимикой и ландшафтом⁶⁰.

Определенное влияние теогонии Ономакрита (так называемого «Орфизма») на пифагорейцев, по крайней мере в 5 в. до н. э., исключить нельзя ввиду ссылки Филолая на «древних богословов и гадателей», под которыми может подразумеваться не только сам Орфей, но и тот, кто согласно Аристотелю, «переложил его учения в стихи», то есть хресполог Ономакрит⁶¹. Но это не означает, что Пифагор и пифагорейцы не были

⁵⁸Diod. Sic. 5.64.4 = Ephor. FgrHist 70 F 104. У Эфора Идейские Дактили происходят из Фригии, но мигрируют на острова Самофракию и Крит. О типологии близкородственных *δαίμονες* Дактили, Куреты, Корибанты, Тельхины, Корибанты, Кабиры (см. Blakely 2006: 13–31). Эпимениду приписывалась *Τελχινιακή ἱστορία*, fr. 39 Bern.

⁵⁹B3 – B8, E1; E5, B 12, G2-G4 Edmonds; L5 A-F, L6A, L15 Bernabé, Jiménez; 10–18 Graf, Johnston.

⁶⁰Tzifopoulos 2011: 165–199. Tzifopoulos. «Paradise» Earned. The Orphic-Bacchic lamellae of Crete // <http://chs.harvard.edu/CHS/article/display/5109>

⁶¹Philolaus 44 B 14 DK. Аутентичность фрагмента необоснованно отрицают Burkert 1972: 248; Huffman 1993: 404 ff.; Zhmud 2012: 230. Ничего «платонического» в семантике *ψυχή* в B 14 нет. Уже у Гераклита, за 100 лет до Платона *ψυχή* является носителем моральных и интеллектуальных качеств: фр. 19, 73–74 Leb. Пример Гераклита также показывает (вопреки Хафмену), что один и тот же философ мог употреблять *ψυχή* и в этом, якобы платоническом значении (*ψυχή σοφωτάτη και ἀρίστη*), и в старом значении «жизнь» (*ψυχῆς ὄνειται*, фр. 89 Leb.). Фрагмент B 14 обосновывает запрет самоубийства в B 16 и расшифровывает смысл выражения *λόγους κρείττους ἡμῶν* «учения, превосходящие нас», то есть божественные заповеди, которые превосходят человеческие соображения (покончить собой, чтобы не стра-

знакомы с оригиналом, то есть с теогонией Эпименида. Судя по всему, Эпименид (наряду с «Орфеем») в пифагорейской школе почитался с таким же пиететом, как впоследствии Пифагор в платоновской Академии, то есть как хранитель древнего эзотерического знания, причем в отличие от мифического Орфея, Эпименид таковым и был⁶². Если наши интерпретации фрагментов Теогонии Эпименида, а также пересмотр ее аутентичности и датировки верны, надо признать, что его роль и значение в интеллектуальной истории греков серьезно недооценивались. Речь идет прежде всего о генезисе философского идеализма и пифагорейско-платонического учения о душе. Влияние Эпименида на пифагорейцев не ограничивалось учением о бессмертии души и реинкарнации. Во-первых, пифагорейцы, как впоследствии и платоники, считали Эпименида авторитетом в области политической философии, законодательства и права⁶³. Опирались ли они при этом на устное предание или на письменные источники, мы не знаем, но не забудем, что в проэмии своей Теогонии Эпименид рассказывал, что в своем вещем сне он разговаривал не только с Алетейей, но и с Дике. Во-вторых, пифагорейцы и платоники цитировали и развивали травную медицину Эпименида⁶⁴. В-третьих, надо упомянуть в этой связи и уникальную находку додекаэдра из горного хрусталя с цифрами 1–10, 15, 20 на 12 гранях в Идейской пещере, явно служившего для гадания, родственного астрагаломантейе: по выпавшему номеру, пред-

---

дать). Фрагмент Филолая В 14, как и многие другие тексты, стал жертвой *платоноцентризма* и *псевдоисторического эволюционизма*, который всюду выискивает развитие «от простого к сложному» и игнорирует константы эллинской мысли.

⁶² Эпименид и Пифагор: Epimen. fr. 22T–26T Vernabe.

⁶³ Показательно, что Платон упоминает Эпименида в «Законах» 642d–e. Платоник Плутарх подчеркивал не только религиозный, но и политический аспект деятельности Эпименида в Афинах и считал, что она способствовала успеху законодательства Солона (Plut. Sol. 12 = Epimen. fr. 3T Vern.). Corpus Epimenideum в древности включал в себя и «Критскую политику» (Diog. Laert. 1, 112). Аристотель в «Политике» 1252b 13 цитирует из неизвестного сочинения Эпименида *ἡραχ ὀμοκάπνοος* 'однодымники', то есть живущие у одного очага, как обозначение членов одной семьи. Речь идет о критской глоссе.

⁶⁴ См. тексты, собранные у Бернабе Epimen. fr. 27T–30T. В пользу серьезного влияния Эпименида на ботанику пифагорейцев высказывается Strataridaki (1991) 212, *contra* Vernabe (2007) 126. Близкий к пифагорейским кругам Алкмеон Кротонский предложил первую теорию происхождения растений: Lebedev 1993: 456 ff.

положительно, читалось соответствующее заранее подготовленное пророчество с таким же номером (Chaniotis 2006: 205–216). Открытие трех из пяти «платоновских тел» (пирамида, куб и додекаэдр) схолии к Эвклиду приписывают пифагорейцам, в «Тимее» Платона додекаэдр – божественный многогранник, формой которого демиург украсил Вселенную (Schol. Euclid. V, 654 Heiberg). Астралагомантия, гадание на костях (бабках), восходит по крайней мере к архаической эпохе, так как астралагалы найдены в древних слоях храмов Аполлона в Ионии (Seipel 2008: 185). Возможно, эта форма гадания была адаптирована и бродячими Орфеотелестами, каким был Фарнабаз в конце 5 века в Ольвии Понтийской: о гадательных пластинках с упоминанием «Диониса Орфического» мы говорили выше (Lebedev 1996: 268 sq. См. также прим. 2). У Гераклита космический бог времени Эон играет в петтейю – игру аналогичную новогреческой тавли (нарды), в которой фишки на доске перемещались по броскам игральных костей. Эон играет судьбами богов и людей, которые поочередно и до бесконечности обмениваются ролями так же, как черные и белые фишки на доске при игре в «города» (πόλεις παίξειν)⁶⁵. Подобно тому, как белые и черные фишки (παισσοί) меняются местами на доске, символизирующей поле битвы, так боги и люди меняются ролями в вечном чередовании на пути «туда и обратно» между небом и землей: проигравшие становятся смертными и рабами, выигравшие – бессмертными и свободными (фр. 32–33 Leb., 153–154 Leb.). В отличие от орфиков и пифагорейцев Гераклит не был дуалистом и не признавал душу бесплотной сущностью из иного мира. Гераклит был натуралистическим монистом (как и все ионийские мыслители) и считал душу «испарением» из крови (на уровне микрокосма), аналогичным испарению из моря (на уровне макрокосма), которым «питается» солнце (фр.67–69A Leb.). Гераклит также не верил в классическую реинкарнацию, т. е. переселение души после смерти в тела животных и растений. Тем не менее эсхатологическое учение Гераклита о судьбе душ имеет определенное сходство с орфизмом и пифагореизмом. Гераклит учил о циклическом чередовании жизни и смерти, аналогичном чередованию сна и бодрствования (фр.75 Leb = 26 DK). Кроме того, хотя Гераклит и не признавал реинкарнации, он учил о транс-

⁶⁵ Подробнее о метафоре игральных костей и петтейе у Гераклита: Лебедев 2014: 79–80, 308–312, 324, 332–333.

миграции душ. Будучи неразрывной частью космического процесса изменения, парообразная душа вовлечена в цикл взаимопревращения четырех стихий, вечный круговорот рождения и смерти на пути «туда и обратно», подобный бегу на стадионе⁶⁶. Не исключено, что Гераклит сознательно дал аллегорическую натуралистичекую реинтерпретацию орфического мифа о новом рождении, и это подметил Девенийский аллегорист, сравнивающий учение Гераклита со «священным словом» Орфея⁶⁷. Также обращает на себя внимание совпадающее символическое (в эсхатологическом контексте) употребление оппозиции ПОЛЕМОС ΕΙΡΗΝΗ у Гераклита и в ольвийских орфических граффити⁶⁸. В одном фрагменте Гераклит высказывает парадоксальную идею (известную Платону и пифагорейцам) о том, что земная жизнь есть сон души, а смерть – ее пробуждение⁶⁹.

Н. Яннадакис выдвинул гипотезу, согласно которой инвективы Гераклита против «спящих» и против очистительных обрядов имеют определенного адресата, а именно Эпименида Критского с его катарсическим искусством и многолетним вещим сном (Γιανναδάκης 1989: 63–68). Гипотеза эта в такой смелой форме не нашла много сторонников по понятным причинам: имя Эпименида в сохранившихся фрагментах Гераклита не упоминается, а «непонятливыми» (ἀξύβητοι), не внемлющими логосу, Гераклит, разумеется, именуется не одно какое-то лицо, а всю нефилософскую часть человечества и прежде всего поэтов-мифотворцев (Гомера и Гесиода). Но если не считать Эпименида главным и единственным адресатом критики Гераклита, то предположение о том, что легенда об эпименидовом сне могла подсказать Гераклиту образ «спящих», не кажется нам невероятным. Гераклит не мог не знать легенду об эпименидовом сне, так как она упоминалась Ксенофаном, а Гераклит полемизировал с Ксенофаном, следовательно был знаком с его поэзией⁷⁰. По легенде (восходящей к проэмию «Теогонии»), Эпименид общался с богами в своем пророческом сне и во сне услышал

⁶⁶ фр.69 Leb., ср. фр. 47, 50, 51, 51A, 52, 55 с комм. Интересно, что в «Очищениях» Эмпедокла обе концепции, и классическая реинкарнация в тела живых существ, и элементная трансмиграция (переселение из одной стихии в другую), мирно уживаются: см. фр. 31 В 115 DK.

⁶⁷ Pap. Derveni, col.IV, 5–10; p.188–191 Bernabe = Heraclit. fr. 56 Leb.

⁶⁸ Heraclit. fr. 43 Leb. (67 DK), cf. Bernabé, Jiménez 2008: 38.

⁶⁹ Heraclit. fr. 77 Leb. (21 DK) с комм.

⁷⁰ Xenophan, В 20 DK = Diog. Laert. 1. 111 Ксенофан слышал, что Эпименид прожил 154 года.

сказание о происхождении мира и богов. Гераклит мог экстраполировать эпименидов сон как источник мифологии на всех поэтов, прежде всего на Гомера и Гесиода, которым «приснилась» вся антропоморфная мифология греков. Разумеется, эти поэтические сны Гераклит считал не пророческими, а бредовыми: фантастическим мирам и антропоморфному политеизму поэтов он противопоставляет «этот-вот космос» и единственного истинного космического бога (мировой Разум, Γνώμη), как их познает бодрствующий ум философа⁷¹.

Довольно ранняя и весьма внушительная биографическая традиция начиная с 5 в. до н. э. утверждала, что учителем Пифагора был также Ферекид из Сирова, который «первым» выдвинул учение о бессмертии душ и реинкарнации⁷². Нет оснований подозревать, что учителю были приписаны воззрения ученика. Весьма вероятно, в «Пятинадрии» Ферекида говорилось о странствии душ в «потайных глубинах» (μυχοί) космоса⁷³. «Сбрасывание» Зевсом согрешивших богов и проливших кровь в Тартар в тексте Ферекида (Pherecyd. 83 Schibli = В 5 DK) напоминает орфико-пифагорейский миф об изгнании душ из небесной прародины за кровопролитие в земной мир страданий. Ферекид, в отличие от Эпименида, мог быть знаком с ближневосточными теогониями, поэтому трудно сказать что-либо определенное о его источниках. Если он не зависит от Эпименида и не заимствовал свое учение из «потайных книг Финикийцев», теоретически он мог следовать какой-то местной, островной традиции, родственной критским верованиям.

Библиография

Издания фрагментов Эпименида и свидетельств о нем

- Diels 1951 – Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker, hrsg. von Walter Kranz, Band 1, Berlin (Weidmann), 1951. S. 27–37.
 Jacoby 1954 – Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Leiden, 1954. Nr. 457.
 Fowler 2000 – Fowler R. L. Early Greek Mythography. Vol. I: Text & Introduction. Oxford, 2000. P.111–137.

⁷¹ Heraclit. fr. 1–10 Leb., 11–13 Leb., 14–20 Leb., fr. 37 (κόσμον τόνδε), fr. 136–141 Leb.

⁷² Pherecyd., test. 2, 7, 11, 20, 21 22, 24–31, 37, 43–51a, 56–57 etc. Schibli.

⁷³ Правильно Schibli, Pherecydes, 104 слл., 129. *Dubitanter* Kalogerakos 1996: 368–372.

Bernabé 2007 – Bernabé A. (ed.). *Poetae Epici Graeci. Testimonia et fragmenta. Pars II, fasc. 3: Musaeus, Linus, Epimenides, Papyrus Derveni, Indices. Berolini et Novi Eboraci, 2007. P.105–168.*

Исследования

- Лебедев 2014 – Лебедев А. В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли слова. СПб., 2014.
- Albinus 2000 – Albinus L. *The House of Hades. Studies in Ancient Greek Eschatology. Aarhus, 2000.*
- Αλιμπέρτης – Αλιμπέρτης Α. Φυτά της Κρήτης. Θεραπευτικά, αρωματικά και εδάδιμα. Ηράκλειο.
- Allan 2004 – Allan W. *Religious syncretism: the New Gods of Greek Tragedy // Harvard Studies in Classical Philology. 2004. Vol. 102. P. 113–155.*
- Barnes, Anderson, Phillipson 2007 – Barnes J., Anderson L., Phillipson D. *Herbal Medicines. Third Edition. London, 2007.*
- Bernabé 2001 – Bernabé A. *La Teogonia di Epimenide. Saggio di ricostruzione // Epimenide Cretese, 2001. P. 195–216.*
- Bernabé, Jiménez 2008 – Bernabé A., Jiménez S. C., Ana I. *Instructions for the Netherworld. The Orphic Gold Plates. Leiden; Boston, 2008.*
- Betegh 2014 – Betegh G. *Pythagoreans, Orphism and Greek Religion // Huffman. 2014. P. 149–166.*
- Blakely 2006 – Blakely S. *Myth, Ritual and Metallurgy in Ancient Greece and Recent Africa, Cambridge, 2006.*
- Borgeaud 1974 – Borgeaud Ph. *The Open Entrance to the Closed Palace of the King: the Greek Labyrinth in Context // History of Religions. 1974. Vol. 14, No. 1 (Aug.). P. 1–27.*
- Burkert Walter (1972): *Lore and science in ancient Pythagoreanism, Cambridge, Mass.*
- Breglia Pulci Dora 2001 – Breglia Pulci Dora L. *Osservazione sulla Teogonia di Epimenide // Epimenide Cretese. 2001. P. 279–311.*
- Capriglione 2001 – Capriglione J. C. *La malva e l'asfodelo // Epimenide Cretese. 2001. P. 37–52.*
- Chaniotis 2006 – Chaniotis A. *A Dodecahedron of Rock Crystal from the Idaean Cave and Evidence for Divination in the Sacred Caves of Zeus // Γαβριλάκη, Ειρήνη και Τζιφόπουλος, Γιάννης (επ.), Ο Μυλοπόταμος από την αρχαιότητα ως σήμερα. Πρακτικά διεθνούς συνεδρίου. Τ. III Αρχαίοι χρόνοι, Ιδαίο άντρο. Ρέθυμνο, 2006. Σ. 205–216.*
- Cook 1925 – Cook A. B. *Zeus. A Study of Ancient Religion. Cambridge, 1925. Vol. II, Part 1.*
- Demoulin 1901 – Demoulin H. *Epiménide de Crète. Bruxelles, 1901.*
- Dodds 1951 – Dodds E. *The Greeks and the Irrational, Berkeley; Los Angeles, 1951.*
- Edmonds 2011 – Edmonds R. R. III *The “Orphic” Gold Plates and Greek Religion. Further Along the Path. Cambridge, 2011.*
- Faure 1996 – Faure P. *Ιερά σπηλιά της Κρήτης. Ηράκλειο, 1996.*
- Federico, Visconti 2001 – Federico E., Visconti A. *Epimenide Cretese Napoli, 2001.*

- Federico 2001 – Federico E. La katharsis di Epimenide ad Atene. La vicenda, gli usi e gli abusi ateniesi // Epimenide Cretese. Napoli, 2001. P. 77–128.
- Fowler 2013 – Fowler R. Early Greek Mythography. Vol. II: Commentary. Oxford, 2013. P.111–137.
- Γιανναδάκης 1989 – Γιανναδάκης Ν. Ηράκλειτος εναντίον Επιμενίδου // Ariadne. 1989. Τ. 5. Σ. 63–68.
- Gigante 2001 – Gigante M. Il bios laerziano di Epimenide // Epimenide Cretese, Napoli, 2001. P. 7–24.
- Graf, Johnston 2007 – Graf F., Johnston S. Ritual Texts for the Afterlife. Orpheus and the Bacchic Gold Tablets, London; York, 2007.
- Huffman 1993 – Huffman C. Philolaus of Croton, Cambridge, 1993.
- Huffman 2014 – Huffman C. (ed.). A History of Pythagoreanism, Cambridge, 2014.
- Jaeger 1947 – Jaeger W. The Theology of the Early Greek Philosophers, Oxford, 1947.
- Kalogerakos 1996 – Kalogerakos I. Seele und Unsterblichkeit. Untersuchungen zur Vorsokratik bis Empedokles. Stuttgart; Leipzig, 1996.
- Kingsley 1995 – Kingsley P. Ancient Philosophy, Mystery, and Magic. Empedocles and Pythagorean Tradition. Oxford, 1995.
- Kirk, Raven, Schofield 1983 – Kirk G. S., Raven J. E., Schofield M. The Presocratic Philosophers, Cambridge, 1983.
- Koehl 2009 – Koehl R. B. Aegean Interactions with the Near East and Egypt during the Late Bronze Age // Joan Aruz, Kim Benzel & Jean. M. Evans (edd.). Beyond Babylon. Art, Trade and Diplomacy in the Second Millennium B. C. The Metropolitan Museum of Art. New York, 2009. P. 270.
- Latacz 2009 – Latacz J. (Hrsg.). Homers Ilias. Gesamtkommentar. Band I: Erster Gesang (A), Faszikel 2: Kommentar. Berlin; New York, 2009.
- Lebedev 1985 – Lebedev A. V. The Cosmos as a Stadium: Agonistic Metaphors in Heraclitus' Cosmology // Phronesis. Assen, 1985. Vol. 33, Nr. 2. P.131–150.
- Lebedev 1987 – Lebedev A. V. The imagery of lampadedromia in Heraclitus // ΦΙΛΟΣΟΦΙΑ. Athens, 1987–88. P. 233–257.
- Lebedev 1993 – Lebedev A. Alcmaeon on Plants: A New Fragment in Nicolaus Damascenus // Parola del Passato. 1993. T. 273. P. 456 ff.
- Lebedev 1996 – Lebedev A. V. Pharnabazos, the Diviner of Hermes: Two Curse Letters from Olbia // Zeitschrift fuer Papyrologie und Epigraphik. 1996. Bd. 112. P. 268 sq.
- Lebedev 2014 – Lebedev A. V. Parmenides the Pythagorean. Paper delivered at the 4th Biennial International Congress of the “International Association for Presocratic Studies” (IAPS). Thessaloniki, June 30–July 4th, 2014. (unpublished).
- Lebedev 2014₂ – Lebedev A.V. Idealism in Early Greek Philosophy (unpublished).
- Iohannis Lomeieri Zutphaniensis. Epimenides sive de veterum gentium Iustrationibus syntagma, Zutphaniae, 1700.
- Mele 2001 – Mele A. Il corpus Epimenideo // Epimenide Cretese. Napoli, 2001. P. 227–278.
- Nagy 2010 – Nagy G. Homer the Preclassic. Berkeley; Los Angeles, 2010.

- Parker 1983 – Parker R. *Miasma. Pollution and Purification in Early Greek Religion*, Oxford, 1983.
- Poljakov 1987 – Poljakov Th. The nymph Balte, mother of Epimenides. *Rheinisches Museum*. 1987. Bd. 130. S. 410–412.
- Schibli 1990 – Schibli H. *Pherekydes of Syros*. Oxford, 1990.
- Seipel 2008 – Seipel W. *Das Artemision von Ephesos. Heiliger Platz einer Göttin*. Wien, 2008.
- Strataridaki 1991 – Strataridaki A. Epimenides of Crete: Some Notes on his Life, Works and the Verse Κρήτες ἀεὶ ψεύσται. *Fortunatae* 2, 1991. P. 207–223.
- Tzifopoulos 2011 – Tzifopoulos Y. Center, periphery or peripheral center. A Cretan connection for the gold lamellae of Crete // *Edmonds*. 2011. P. 165–199.
- Tzifopoulos – Tzifopoulos Y. “Paradise” Earned. The Orphic-Bacchic lamellae of Crete // <http://chs.harvard.edu/CHS/article/display/5109>.
- West 1983 – West M. *Orphic poems*. Oxford, 1983.
- Willems 1962 – Willems R. F. *Cretan Cults and Festivals*. New York, 1962.
- Zhmud 2012 – Zhmud L. *Pythagoras and the Early Pythagoreans*. Oxford, 2012.

A. V. Lebedev. *Theogony of Epimenides of Crete and the origin of the Orphic-Pythagorean doctrine of reincarnation*

It is commonly believed that the epic *Theogony* of Epimenides of Crete derives from the corpus of *pseudepigrapha* under his name and that it was composed by anonymous author (with Pythagorean background) after 500 B.C. We demonstrate (mainly on the basis the reconstruction of the poem of the *Theogony*) that such influences do not exist and we arrive at the conclusion that the *Theogony* was written by Epimenides himself around 600 B.C. Aristotle who was sceptical about the authorship of the poems attributed to Orpheus and Musaeus, cites Epimenides without reservations as the real author of the verses he cites. Therefore the common elements between Epimenides on the one hand, and the Orphics and Pythagoreans on the other (Night as the first principle, the cosmic egg, the immortality and reincarnation of the soul), should be interpreted as borrowings by the latter from Epimenides, not *vice versa*. As a “priest of Zeus and Rhea” Epimenides belongs to the ancient Cretan hieratic clan that claimed descent from Aiakos, son of Zeus; in view of the extreme conservatism of Cretan cultural, political and religious traditions, the sources of Epimenides’ divine wisdom should be sought not in the hypothetical “northern” or eastern quarters, but in the local oral traditions that go back the Late Minoan times and are closely tied with the cults and myths of the region around Mount Ida and similar oracular caves. The discussion of Epimenides’ herbal medicine shows that it is connected both with therapeutic use of herbs and with cathartic rituals; Indian Ayurveda provides a close typological parallel to this, so common Indo-European roots are possible. After this we address the problem of the origin and the sources of the Orphic *Theogony* and propose a new solution. Taking at its face value Aristotle’s information on Onomacritus as the author of the Orphic epic *Theogony*, we discuss the “Cretan connections” of Onomacritus

and adduce in favour of our hypothesis numerous literary and epigraphical-archeological pieces of evidence that connect early Orphism and the belief in the reincarnation with the Idaen cave and the region around it (Orphic golden plates and epistomia from Eleutherna and Sfakaki near Rethymno collected and studied by Tzifopoulos). *Inter alia*, we also propose a new interpretation of the Orphic graffiti written on bone plates from Olbia as divinatory devices (mantic cards, the oldest known ancestor of the cards Tarot) that probably belonged to the “diviner of Hermes” Pharnabazos of Olbia and were connected with the dice divination (*astragalomanteia*), the proper art of Hermes. The divinatory dodecahedron found in the Idaean cave seems to be connected with *astragalomanteia*, as well.

Keywords: Epimenides of Crete, Theogony, early Greek philosophy, divination, oniromancy, epic poetry, ritual slendering, rite de passage, Orphism, Orphic gold plates, pythagoreism, Pythagoras, soul, immortality, longevity, reincarnation, metempsychosis, Onomacritus, Aristotle, Euripides, Theopompus, Lion of Nemea, liar’s paradox, phytotherapy, history of herbal medicine, Ayurveda, Crete, Idaen cave, Eleutherna, Sfakaki, origin of the cards Tarot, astragalomancy (dice divination), Hermes, Apollo, Zeus.

ΞΕΝΟΣ В ГРЕЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ
(на материале греческих народных песен о чужбине)

Герой-странник (ξένος) в греческих народных песнях о чужбине характеризуется не как самостоятельное лицо, а через его отношения с представителями женской половины семьи, что подчеркивает неспособность героя распоряжаться своей судьбой, его зависимость от внешних обстоятельств. В народных песнях получил свое выражение мощный комплекс ассоциаций, связанных с унижительным социальным положением странника в чужой стране.

Ключевые слова: Греческие народные песни, чужбина, ξένος, фольклорная картина мира, концепт, герой-странник.

Концепты ξενιτιά (чужбина) и ξένος (гость, странник, чужеземец) являются одними из базовых для греческой культуры. Греческие народные песни о чужбине возникли как жанр в связи с большой волной миграции населения, вызванной вторжением турецких войск на территорию Византийской империи и последующим падением Константинополя. С начала XV века, потревоженные османской армией жители были вынуждены покидать поселения на равнинах и искать укрытие в горных областях, где неплодородные земли не могли прокормить увеличившееся число жителей, поэтому большая часть мужского населения стала покидать эти районы. Таким образом, в начале XVII века сформировалась вторая волна миграции – из горных областей Греции в Влахию, Молдавию, Трансильванию, Австро-Венгрию, Францию, Армению и др. (Saunier 1990: 5–6). В конце XIX века значительная масса греческого населения в поисках лучшей жизни стала перебираться за океан – в Америку. Все эти события послужили поводом к созданию песен, посвященных странствиям на чужбине.

Материалом для данной статьи послужили греческие народные песни о чужбине – более 250 текстов из сборников «Το δημωτικό τραγούδι της ξενιτιάς», «Τα Ωραιότερα Δημωτικά Τραγούδια» и «Εκλογή από τα τραγούδια του ελληνικού λαού», а так же небольшое количество текстов с Интернет-сайтов.

Слово ξένος в греческих народных песнях о чужбине употребляется в двух различных значениях: 1) человек, отправившийся на чужбину, странник (в картине мира греческих народных песен –

«свой»); 2) человек, родившийся и живущий в другой стране (области, местности), иноземец, чужак («чужой»). В первом значении это слово встретилось в проанализированных нами текстах 48 раз, во втором – 55 раз.

В народных текстах о чужбине нами был выявлен следующий набор контекстуальных синонимов (всего 59 номинаций, 260 словоупотреблений) к слову ξένος (странник, «свой»): ο γιος 35¹, ο άντρας μου 23, ο αφέντης 20, το παιδί/ τα παιδιά (молодой человек, юноша) 15, ο λεβέντης 12, ο ναύτης 12, το παιδί (дитя) 12, ο καλός μου 10, ο νιός/ νέος 10, ο καϊμένος 9, τ' αδέρφια 7, το παλικάρι 7, τα παιδάκια ανύπαντρα 5, το πουλάκι μου 5, το πουλί μου 4, το ξενιτιμένο μου πουλί 4, το παραπονιμένο (πουλί) 4, ο δικός μου 4, το αϊταράκι 4, τ' αϊταίρι μου 4, η αγάπη μου 4, ο Γιάννης 4, ο ορφανός 4, τ' έμουρφα/ όμορφα παιδια 3, ο έρημος 3, ο γιόκας μου 3, ο Θωτάκης 3, ο γαμπρός 3, ο φτωχός 3, η αφεντιά σου 2, ο πετρίτης μου 2, ο νιόπαντρος 1, ο άνθρωπος 1, ο δούλος 1, ο μονάκριβος γιός 1, το μικρόπουλι 1, νιά παιδια 1, ο ταξιδιάρης 1, της μάνας μου γαμπρός 1, της πεθεράς μου γιός 1, της ανδραδερφής μου αδερφός 1, τα παλλικάρια δεκωχτώ χρονών 1, ο άντρας προβοδησμένος 1, τα χέρια που με κλείδωσαν 1, τα χέρια π' έχουν τα κλειδιά 1, τ' αλέγρο γεράκι 1, ο Γιαννάκης 1, το γιούλι 1, ο μοναχός γιός 1, του κυρ Γατάνου γιός 1, ο ακριβός γιός 1, ο αλαργηνός 1, μακριά φερμένος 1, τα ναυτοπούλια 1, τ' αλαργινό μου αηδόνη 1, ο ντερτιλής 1, ο άρχους 1, το κορμάκι 1, οι Γραικοί 1.

Большинство из приведенных номинаций (64,2% словоупотреблений) характеризуют героя с точки зрения его семейного положения – 35 номинаций, 167 словоупотреблений. Герой может представляться в трех ролях – сын, муж / возлюбленный, брат, причем в абсолютном большинстве случаев герой характеризуется по отношению к одной из женских фигур его семьи, по отношению к матери, жене / невесте или сестре. Нам встретилось только два случая определения социальной роли героя относительно мужской фигуры – брата. Отец и другие члены семьи мужского пола (кроме двух вышеуказанных случаев с упоминанием брата) не упоминаются. Герой этих песен окружен практически исключительно женскими персонажами, будь то его семья, оставшаяся на родине, или люди, с которыми он встретился на чужбине.

¹ Цифра, сопровождающее пример, обозначает количество раз, которое данная номинация встречается в рассмотренных в рамках данной работы текстах песен.

Насколько нам известно, первым обратил внимание на отсутствие отца в греческих народных песнях о чужбине Ги Сонье (Saunier 1990: 10). Как отмечает исследователь, некоторые – редкие, преимущественно касающиеся момента прощания со странником и его отъездом – фрагменты текстов, в которых фигурирует отец, заимствованы из свадебных песен. Тот факт, что отец исключен из системы персонажей народных песен о чужбине, не может объясняться его отъездом (Saunier 1990: 10). Ламброс Лиавас предлагает следующее объяснение факту отсутствия отца: отец в народной поэзии, в соответствии с мировоззрением традиционного общества, может выступать только в одной роли – в роли сильного главы семейства. В ситуации, когда он не может оградить семью от опасностей и трудностей жизни, то есть в данном случае не может исполнить свою главную функцию защитника, он не упоминается в соответствии с канонами песенного фольклора, и тогда на первый план выдвигаются другие персонажи – мать и жена, реже – сестра странника Λιάβας 1989).

В сборнике Янниса Коридиса есть песня, не относящаяся к циклу прощания со странником, в которой упоминается отец:

Τώρα να φύγεις, ξένε μου στον τόπο σου να έρθεις,
σε καρτερεί η μανούλα σου κι ο δόλιος σου πατέρας

(Κορίδης 2002: 89).

‘Теперь уходи, странник мой, отправляйся к себе домой,
тебя ждёт твоя матушка и несчастный твой отец’.

Однако мы считаем, что этот пример не является показательным. Во-первых, потому что здесь отец упоминается лишь вскользь и не играет сколько-нибудь значимой роли в композиции и сюжете песни. Во-вторых, потому что этот вариант песни, очевидно, является частной единичной переработкой сюжета, в пользу чего свидетельствует тот факт, что Ги Сонье в качестве образца этой группы песен приводит другой вариант, содержащий отличный от предложенного в сборнике Коридиса набор мотивов: болезнь странника, одежда странника, платок странника, могила странника, необходимость осмотрительного поведения на чужбине (Κορίδης 2002: 120). Текст из сборника Коридиса не содержит ни одной из указанных тем, что подтверждает наше предположение о том, что этот вариант песни является отклонением от нормы.

Приведенные выше наименования странника в большинстве случаев характеризуют героя с точки зрения его положения по отношению к одной из женщин семьи – матери, жене или сестре. В

качестве сына герой представлен в 60 контекстах (11 номинаций). В качестве мужа/возлюбленного – в 102 контекстах (24 номинации²). Одновременно и как сын, и как муж – 4 контекстах (3 номинации: ο γαμπρός, της μάνας μου γαμπρός, της πεθεράς μου γιος). Брат – в 8 контекстах (3 номинации). Одновременно брат и муж – 1 контекст (1 номинация: της ανδραδερφιάς μου αδερφός).

Довольно большая группа эксплицирует такой признак странника, как совсем юный возраст: 24 контекста (5 номинаций).

В ряде случаев содержатся указания на выдающиеся физические данные молодых людей, отправляющихся на чужбину: ο λεβέντης 10, το παλικάρι 3, τ'έμουρφα παιδιά 2, τα παλλικάρια 18 χρονών 1.

Некоторые номинации свидетельствуют о бедственном положении странника в чужой земле: το παραπονεμένο /πουλί/ 3, ο φτωχός 2, ο έρημος 2, ο δούλος 1. В целом, в народных песнях получил свое выражение мощный комплекс ассоциаций, связанных с униженным социальным положением странника в чужой стране.

В ряде песен акцентируется принципиальная разница в статусе между пришельцем и человеком, родившимся на чужбине. Страннику предписывается смиренное поведение, немногословие, опущенный взгляд: τα μάθια χαμιά 5, η ταπεινοσύνη 2, ταπεινά 2, λαγού περπατησιά 2, φρόνιμα 1, το κεφάλι σχύμμα 1, γύρω να μην κοιτάνε 1, να σκύβω να περνάνε 1, ταπεινούμένα 1, η φρόνιμη κουβέντα 1, τα λόγια λίγα 1.

Такая манера держаться, согласно идеологии традиционного общества, является для мужчины унижительной и недостойной: мужчине подобает держать голову высоко, смотреть в глаза, он должен демонстрировать гордый и непреклонный нрав, свою силу и влияние. Как отмечает Ги Сонье, опущенные долу глаза (χαμηλοβλέπουσες) – характеристика, прочно закрепленная в традиционном сознании именно за образом женщины. Так что на чужбине мужчина-странник не просто занимает униженное положение, он, отступая от требуемой модели поведения, в какой-то мере даже теряет свою принадлежность к сильному полу.

Пренебрежительное отношение к пришлым особенно ярко иллюстрирует описание похорон в песнях. Чужака хоронят без соблюдения необходимых обрядов, на неосвященной земле –

² В эту же группу мы включаем номинации типа ο πετρίτης μου, ο δικός μου, τα χέρια που με κλείδωσαν и пр., потому что в контекстах, в которых употреблены эти выражения, речь идет именно о возлюбленном, а повествование ведется от лица жены / невесты героя.

вдали от церкви, иногда вообще просто в поле, его могила не отмечена знаком, вследствие чего подвергается поруганию и даже разорению. Непочтение к останкам усопшего передается следующими лексическими средствами: /θάπτουν/ χωρίς θυμίαμα 11, χωρίς κερί 9, χωρίς παπά 9, χωρίς ψάλτη 8, χωρίς λιβάνι 6, δεν τους κλαίνε 5, στο χέριστο χοράφι 4, δεν έχω μάνα να με κλάψει 4, δεν τους παραχωρούν 4, άλαργο απ' την εκκλησία 3, στην άκρη το χοράφι 3, δίχως δάκρυ να χυθεί 3, χωρίς μανούλα κλάματα 2, /δεν έχω/ αδερφή να με λυπάται 2, χωρίς αδέρφια μοιρολόγια 1, χωρίς διάκο 1, χωρίς λειτουργία 1, σαν το σκυλί στο λάκκο 1, σ'ένα ρημοβουνάρι 1, απόξω απ' την εκκλησία 1, χωρίς λιβάνι να αναψάνει 1, /για τον ξένο/ κερί δεν βρίσκεται 1, θυμίαμα δεν πουλιέται 1, με πέταξαν 1, με πάτησε το βόδι στο κεφάλι 1, δεν έχεις τη μανούλα να λέει τα μοιρολόγια 1, /δεν έχω/τη μανούλα μου να με μοιρολογήσει 1, αδερφούλα να μοιρολογήσει 1, γυναίκα μου τα δάκρυα να χύσει 1.

Странник не просто становится жертвой пренебрежительного отношения и унижения, но и лишается тех прав, которыми от рождения обладает любой полноправный член общества: быть похороненным в соответствии с принятыми обрядами, быть отпетым по правилам, оплаканным, как того требует традиция. Умершему на чужбине отказано даже в праве покоиться в мире, в уважении к его останкам, что свидетельствует о том, что чужака не просто не воспринимают как члена общества, но даже «хоронят, как собаку, в канаве» (θάπτουνε σαν το σκυλί στο λάκκο).

Странник на чужой земле оказывается настолько же бесправным и при жизни: во время болезни герой не получает необходимого ухода и заботы, которые на родине воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, полагаются мужчине в соответствии с неписаными законами традиционного общества. Как пишет Ги Сонье, отсутствие внимания, на которое имеет право любой из членов общества, в народном сознании связывается с идеей «неподобающего жребия»: герой, отправляясь в другую страну / область, обречен играть роль, которая ему не подобает и которая унижает его как мужчину, как члена общества, как человека.

Ещё один топос составляют лишения, беды и невзгоды, ожидающие героя на чужбине. Наиболее яркими и показательными из 380 лексических единиц, по нашему мнению, являются: τα δάκρυα 15, τ'αρρώστια 10, τα ντέρτια 10, τα πάθη 8, δεν βασιτώ 8, ο πόνος 6, τα παράπονα 6, γυρίζουν γερασμένα 6, φοβάμαι 5, μαραγκιάζουνε 4, ο καημός 4, τα πικραμένα χείλη 4, χύνω μαύρα δάκρυα 3, η απελπισία 3, τα λόγια πικραμένα 3, η καρδιά βαλαντωμένη 2, το τρώει η λέρα το

κορμί 2, πλειότερα τα πάθη σου παρά το διάφορό σου 2, κοντεύω να πεθάνω 2, το ψωμί – φαρμάκι 2, στο γύρισμα – γερόντοι 2, η παραπονημένη καρδιά 2, η θλιβερή καρδιά 2, ένα καλό δεν είδα 2, η φτώχεια 2, η αρφανιά 2, με τρώει η ξενιτιά 2, με τρώνε τα πάθη 2, στη σέλα τρώνε το ψωμί 1, στη σέλα γιωματίζουν 1, εγεννήθηκα από τη μαύρη μάνα 1, έχει η καρδιά του λαύρα 1, τα χαμηλά προσκέφαλα 1, τ'ανύπλυτα σεντόνια 1, τ'ακοσκίνιτο ψωμί 1, η ασθένια 1, τα θολά νερά 1, το νερό-φαρμάκι 1, βρέχομαι 1, κρυνώνω 1, λύκοι στα βουνά 1, κλέφτες στα δερβένια 1 и т. д.

Мысль о том, что нет ничего хуже чужбины, является осевой в данной группе песен. Ξενιτιά в народном восприятии характеризуется как абсолютное зло, худшее из всего, что может выпасть на долю человека. По своему разрушительному воздействию на людские судьбы чужбина превосходит даже смерть:

Η ξενιτιά κ' η αβανιά, ο θάνατος κι ο Χάρος
 τα τέσσερα τα ζύγιασαν μ'έν' ασημένιο ζύγι:
 βαρύτερ' είν' η ξενιτιά, βαρύτερα 'ν' τα ξένα.
 Παρηγοριά έχ' ο θάνατος, παρηγοριά έχ' ο Χάρος
 μα ο ζωντανός ο χωρισμός παρηγοριά δεν έχει (Saunier 1990: 210).

‘Чужбину, неудачу, смерть и Харона,
 их четверых взвесили на серебряных весах:
 тяжелее всех чужбина, тяжелее всех чужая сторона.
 Утешение есть у смерти, утешение есть у Харона,
 а расставанию при жизни нет утешения’.

Περίεдем к анализу контекстуальных синонимов (всего 91 словоупотребление, 35 номинаций) лексемы *ξένος* в значении «чужой, живущий в другой стране / области»: της μάγισσας παιδί 8, η γυναίκα 8, οι ξένες παραμάνες 5, οι ξένες αδερφές 5, ο Βλάχος 5, ο Βλαχιώτης 5, οι Βλαχοπούλες 5, της Βλαχιάς οι όμορφες 5, τρεις καλές γειτόνισσες 4, η Αρμενόπουλα 4, οι διαβάτες 4, οι στρατοίλατες 4, οι στρατιώτες 3, η Φραγκόπουλα 2, της μάγισσας κόρη 2, της μάντισσας παιδί 2, η ξένη μάνα 2, η μαντοπούλα 1, η μαγίστρισα 1, οι Καρπαθιές 1, οι Τούρκοι ανύπαντροι 1, οι Φράγκοι παντρεμένοι 1, η ξένη κόρη 1, το μικρό παιδί 1, τρεις αρχόντισσες 1, της κουνιάδας μάνα 1, η πρώτη συνεφάδα 1, της Βλαχιάς κουρίτσια 1, η παραδερφή 1, η Ατζεμόπουλα 1, κορίτσια πέντε-έξι στο παρά 1, η πρωταδερφή 1, οι ξένες σταυραδερφές 1, οι κλέφτες 1, το κοράσιο δεκωχτώ χρονών 1.

Как мы уже отмечали выше, подавляющее большинство людей, окружающих странника в чужой стране – женщины (71%),

которые становятся новой семьей героя-странника (в 70,1% всех контекстов), в основном в качестве жен (46,2%), приемных сестер (14,8%) или приемных матерей (14,8%). Большая часть из чужеземок (46,2 %) обладает магическими способностями, а 63% пытаются обмануть или соблазнить странника.

Таким образом, мы видим, что и отношения героя с теми, кто живет в другой стране, формируются в основном в рамках семьи, причем семья эта часто характеризуется как основанная на некоей лжи, и в любом случае как противоречащая принципам традиционного общества.

Одним из способов обозначить, что создание нормальной семьи на чужбине невозможно, заключается в специфическом наименовании «родственников», которыми обзаводится странник вдали от родины: ξένες αδερφές, ξένοι αδερφοί. Как отмечает Ги Сонье, подобные словосочетания являются оксюморонами, и в системе координат традиционного сознания воспринимаются как противоречащие здравому смыслу и моральным ценностям, несмотря на наличие института побратимства. Ещё более явно выражена неестественность этого противоречия в словосочетании ξένες μάνες (Saunier 1990: 158).

Тема создания семьи на чужбине реализуется, в том числе, посредством сюжета о женитьбе на колдунье / дочери колдуньи. Они препятствуют возвращению странника на родину, обладая властью контролировать все окружающее: море, ветер, небо, реки, корабли и самого героя-странника. Способности управлять природной стихией подчеркивает, что эти ведьмы представляют собой воплощенное естество чужой земли. В песнях этого круга показана беспомощность странника перед лицом сил, олицетворяющих чужбину, он больше не властен над своей жизнью, все его попытки противостоять влиянию чужой земли обречены на неудачу, так что ему остается только подчиниться обстоятельствам и занять пассивную позицию. Особенно ярко мотив беспомощности проявляется в сюжете о женитьбе на волшебнице, в эпизодах, где описывается, что ни снаряжение, ни упряжь, ни даже собственное тело герою не повинуются:

...φοράϊνω τ' αρμάτα μου, ξαρματώνουμαι
φοράϊνω το σπλιμί μου, ξεσπλιθώνουμαι (Saunier 1990: 177) ...

‘...надеваю своё оружие – разоружаюсь,
опоясываюсь мечом – он падает...’

Σελλώνω τ'άλογό μου ξεσελλώνεται <...>
πιάνω να στείλω γράμμα και δεν έρχεται (Saunier 1990: 182).

‘Седлаю своего коня – он расседливается,
пытаюсь отправить письмо – не доходит’.

Вообще, характерной чертой всего комплекса текстов песен о чужбине является полное снятие с самого героя ответственности за долгое отсутствие. Вся вина перекладывается на внешние по отношению к страннику силы и обстоятельства: на коварство иноземок, их магические способности, враждебность и вероломство самой чужбины (персонифицированной опять-таки в женском облике), смерть. Герой в принципе не предстает в народных песнях о чужбине как человек, способный самостоятельно распоряжаться своей судьбой, от его воли практически ничего не зависит, он выступает как объект манипуляции.

В песнях, объединенных сюжетом женитьбы на колдунье, герой не просто покидает свою семью, он вступает в брак с иностранкой, причем этот брак часто является двоеженством, так как у него уже есть жена на родине, и начинает новую жизнь – поведение недопустимое и невероятное, которое можно объяснить только вмешательством сверхъестественных сил. Вся ответственность перекладывается на женщину-иностранку, наделенную магическими способностями.

Такая реакция на заключение брачного союза с иностранкой является естественной для традиционного общества. Здесь очевидно влияние идеи о женщине-искусительнице. Эта мысль неоднократно встречается в народных песнях о чужбине, например, в виде описания соблазнительной красоты жительниц Влахии (Saunier 1990: 164):

...οι Βλάχισσες είναι κακές, είναι καγκυλοφρύδες,
έχουν τα μάτια σαν ιλιά, τα φρύδια σαν γαϊτάνι,
κι' αυτό το ματοτσίνоро σα φράγκικο δοξάρι,
καίουν τους νέους την καρδιά, καίουν τα φυλλοκάρδια,
πάνουν παιδιά ανύπαντρα κ' έρχονται γηρασμένα
(Saunier 1990: 166).

‘...девушки Влахии злые, брови – дуги,
глаза – как маслины, брови – как шелковая тесьма,
ресницы – как иноземные смычки,
они сжигают юношеские сердца, сжигают самые глубины сердца,
уходят юноши, не искушенные любовью, возвращаются
стариками’.

Итак, анализ концепта ξένος позволяет сделать следующие выводы: герой-странник в песнях о чужбине воспринимается, прежде всего, в системе семейных отношений, причем в абсолютном большинстве случаев статус героя определяется через его связь с одной из женских фигур: с женой / возлюбленной, матерью или – реже – с сестрой. На чужбине жизнь странника также оформляется в виде своеобразной семьи, являющейся, по логике народных песен, незаконной и основанной на лжи и колдовстве. То, что герой-странник характеризуется не как самостоятельное лицо, а через его отношения с представителями женской половины семьи, ещё раз подчеркивает неспособность героя распоряжаться своей судьбой, его зависимость от внешних обстоятельств. Чужбина не просто губит героя-странника: по логике песен о чужбине, она целенаправленно разрушает его семью, отнимая у матери сына, а у женщины – мужа. Человек, попавший на чужбину, меняет свой социальный статус, находится в униженном положении, лишается своих естественных прав и терпит множество лишений и бед.

Литература

- Guy Saunier Το δημοτικό τραγούδι της ξενιτιάς. Αθήνα, 1990.
 Κορίδης Γιάννης Τα Ωραιότερα Δημοτικά Τραγούδια. Τόμος Δ'. Αθήνα, 2002.
 Λάμπρος Λιάβας Τραγούδια της ξενιτιάς. 1989:
<http://www.domnasamiou.gr/?i=portal.el.albums&id=16&t=t>
 Πολίτης Νικόλαος Γ. Εκλογή από τα τραγούδια του ελληνικού λαού. Γράμματα, 1991.

E. V. Leonova. ΞΕΝΟΣ in Greek folk songs

The word ξένος has two different meanings in Greek folk songs: 1) a person who leaves his native land for a foreign country («compatriot»); 2) a person who was born in another country (region) and lives there («foreigner»).

The majority of the contextual synonyms of the word ξένος characterize the hero in reference to his family status. The protagonist of the folk song is presented in 3 hypostasis: son, spouse / love mate, a brother. Moreover, in most cases the hero is described with regard to one of the female family members: mother, wife / bride or sister. Generally the protagonist of this folklore genre virtually is surrounded with the female characters only, whether they are his “native” family, left in his homeland, or people he meets in the foreign land. Such an approach reveals that the hero-wanderer is not capable to dispose his destiny (e.g. the blame for the fact that the hero makes an “illegal” family in a foreign land rests not with the hero himself, but with the woman, who seduced him with her lies or due to her magic powers).

An enormous association complex related to the humiliation social status of the hero-stranger in a foreign country can be revealed in Greek folk songs.

According to the folklore view of life living in a foreign land is tightly bound to the idea of «improper fortune»: a hero leaving for a foreign country, is destined to have an improper status, which dishonors him as a man, as a member of a society, as a human being.

Keywords: Greek folk songs, a foreign country, ξένος, folklore view of life, concept, a wandering protagonist.

Л. Т. Леушина

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В СИБИРИ

В статье рассказывается о состоянии дел в преподавании классических языков в вузах Сибири и подводятся итоги 15-летней работы Регионального совета по классической филологии при Томском государственном университете.

Ключевые слова: классическая филология, Томский государственный университет, Региональный совет по классической филологии.

В 2001 г. начал свою работу Региональный совет по классической филологии, созданный при Томском государственном университете по инициативе руководства секции «Классическая филология, византийская и новогреческая филология» Совета по филологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию Российской Федерации и Регионального объединения центров греко-римской лингвострологии (доц. М. Н. Славянская, проф. А. И. Солопов, акад. Н. Н. Казанский), а в апреле 2002 г. Томский университет был утверждён в статусе Сибирского регионального центра.

Томский университет – единственный вуз в Сибири, где в течение почти ста лет существует практически непрерывная традиция классического образования. Истоки традиции связаны с именами выдающихся филологов-классиков, имеющих мировую известность: Борис Леонидович Богаевский, Эрих Васильевич Диль, Лев Дмитриевич Тарасов (1884–1962) (Леушина, Тарасов 2011: 130–135) и др. В связи с изменениями в образовании в начале 50-х г. XX века было закрыто классическое отделение, а кафедра, большинство преподавателей которой были филологами-классиками, стала называться кафедрой русской и зарубежной литературы. Этот факт в истории тогда ещё историко-филологического факультета мог бы иметь очень печальные последствия для классической филологии в Сибири, если бы не мудрость декана проф. Зои Яковлевны Бояршиновой, которая понимала важность древних языков в гуманитарном образовании и всегда поддерживала классиков, и если бы не энтузиазм, настойчивость и авторитет преподавателей кафедры, в первую очередь Элизы Фёдоровны Молиной.

Э. Ф. Молина (1894–1983) – дочь выдающегося математика Фёдора Эдуардовича Молина, который в 1900 году прибыл с семьёй в Томск и служил сначала в Томском технологическом институте (ныне Политехнический университет), затем с 1917 года до конца жизни (1941 г.) в Томском государственном университете. Элиза Фёдоровна в 1916 г. поступила на Высшие женские Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге, в 1917 г. вынуждена была возвратиться в Томск и стала студенткой первого набора на историко-филологическом факультете, который окончила в 1922 г. по программе классической филологии. В 1941 г. в связи с возрождением историко-филологического факультета и с открытием кафедры классической филологии Элиза Фёдоровна пришла на неё в качестве преподавателя латинского и древнегреческого языков. Научными исследованиями Элиза Фёдоровна занялась, оказавшись на университетской кафедре, областью её научных интересов были классическая филология и сравнительно-историческое языкознание. Наука и преподавательская работа стали с того времени основным содержанием её жизни. Кандидатскую диссертацию на тему «К этимологии слова Юнона» Элиза Фёдоровна защитила в 1945 г., получила должность доцента в 1947 г. и работала в университете до 1975 г., из жизни ушла в 1983 г., не дожив до своего девяностолетия. Благодаря стараниям Элизы Фёдоровны на факультете был учреждён факультатив по классическим языкам и античной культуре, а в 1992 году открыта специализация, которая существует и сегодня. Элиза Фёдоровна была великолепно образованным, интеллигентным, доброжелательным человеком, имеющим замечательный дар заражать своей любовью к античности всех, кто её окружал. Её первые ученики (выпуск 1961 г.) – проф. Новосибирского педагогического университета М. П. Алексеева, проф. Л. А. Захарова, многолетний учёный секретарь диссертационного совета по филологии в ТГУ, доц. Л. С. Иванова, которая несколько лет преподавала латинский язык на кафедре ТГУ, доц. Н. Г. Нечипуренко в Новосибирске преподаёт юридическую латынь, Т. И. Злобина из Барнаула имеет интересный опыт преподавания древних языков в Духовной семинарии, недавно скончавшаяся Л. В. Доровских, доцент кафедры русского и классических языков Уральского университета, также из первого выпуска факультатива. В Кемеровском университете работают Е. Ф. Филиппева и Л. И. Юрь-

ева. Факультатив закончила О. Г. Щитова, дочь Г. М. Шатрова, которая в настоящее время заведует кафедрой в ТПУ.

Г. М. Шатров (1927–1995) был достойным помощником Э. Ф. Молиной, выпускник классического отделения ИФФ ТГУ, очень требовательный и любимый студентами преподаватель, замечательный учёный, фанатически преданный науке человек (Леушина 1997: 3–7). Правой рукой Э. Ф. Молиной стала Г. А. Чупина, получившая классическое образование в Казанском университете, очень эмоциональная, увлечённая классикой и умеющая увлекать студентов. Занятия на факультативе вёл Л. Д. Тарасов, удивительная, легендарная личность, в то время он уже часто болел и занятия с факультативом проводил у себя на квартире. Курс античного искусства читала Н. А. Першина, выпускница Казанского университета, она в то время руководила кафедрой латинского языка в медицинском институте.

На базе факультатива, расширив и усовершенствовав его программу, удалось в 1992 году открыть специализацию «классическая филология», которой руководил Г. М. Шатров, а с 1995 г. ее куратором является Л. Т. Леушина. В течение 50 с лишним лет через факультатив и специализацию прошли уже сотни студентов, многие преподают античные дисциплины в вузах Сибири, Казахстана, Белоруссии, в Европейской части России, в Москве. На кафедре общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского университета работают выпускники специализации (Л. П. Дронова, И. Я. Конончук, И. В. Садыкова, С. Ю. Суханова, С. А. Толстик, О. В. Царгородцева, Э. И. Новикова, Р. Н. Порядина). Классическую подготовку получил ещё целый ряд преподавателей других кафедр филологического факультета ТГУ (З. А. Чубракова, Т. Л. Воробьёва, И. А. Айзикова, Г. Н. Старикова, Г. В. Калиткина), преподаватели других вузов Томска, учителя школ и гимназий. Далеко не все выпускники связали свою судьбу с классической филологией, однако все говорят, что не жалеют о времени, потраченном на древние языки, поскольку занятия эти были важны для становления личности и помогли им в профессиональном росте: они хранят благодарную память о школе, которую прошли в молодости.

В рождении и развитии Томской филологии большую роль сыграло сотрудничество со столичными филологами-классиками. Так исторически сложилось, что в 20–40 гг. античные дисциплины в Томске преподавали выпускники Санкт-Петербург-

ского университета (Леушина, Фоминых 2007: 223–237). Э. Ф. Молина в 1957 году участвовала в конференции филологов-классиков в Ленинграде по приглашению А. И. Доватура, а позже всю кафедру она вывозила на конференции в Киев, Тбилиси. На одной из конференций состоялось знакомство томичей с Ю. В. Откупщиковым, выдающимся русским этимологом, который многие годы заведовал кафедрой классической филологии в Ленинградском университете и сыграл очень важную роль в развитии научных исследований в Томске: Юрий Владимирович приезжал в Томск со спецкурсами, томичи учились в аспирантуре Ленинградского университета, проходили стажировки, защищали диссертации. В последнее десятилетие большую помощь и литературой, и консультациями получают томские филологи от академика Н. Н. Казанского.

Активное сотрудничество с московскими филологами-классиками началось в 90-е гг, когда заседания секции «Классическая филология» НМС по филологии университетов Российской Федерации стали проходить ежегодно в стенах МГУ и превратились по сути в научные конференции, а в последние годы добавились семинары по чтению латинских авторов. М. Н. Славянской удалось за прошедшие 20 лет создать дружеское и творческое объединение античников всей страны, благодаря удивительной энергии и самоотверженной любви к античности. Постоянный интерес к делам томичей проявляет председатель секции А. И. Солопов.

В течение 14 лет работы регионального совета в Томске проведены 8 Всероссийских научных конференций «Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического языкознания» (июнь, сентябрь 2001 г., 2002 г., 2003 г., 2004 г., 2006 г., 2008 г., 2011 г., 2014 г.) и чтения памяти Г. М. Шатрова. Вначале встречи проходили ежегодно, затем договорились о двухгодичных интервалах. В докладах, прочитанных на конференциях, представлены несколько направлений современной филологической науки: античные реминисценции в русском языке и литературе, историческая лексикология греческого языка, историческая лексикология латинского языка, сравнительно-историческое языкознание и этимология, церковно-славянский язык, история русского языка, рассматривались также вопросы преподавания дисциплин классической филологии. Участниками конференций являлись преподаватели многих вузов сибирского региона (Новосибирск, Кемерово, Барнаул,

Омск, Иркутск, Абакан, Новокузнецк, Горно-Алтайск, Томск), филологи-классики из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбург, Саратова, Самары, Перми, Иванова, Нижнего Новгорода. Поначалу столичные гости читали отдельные лекции (А. М. Белов, М. Н. Славятинская), затем была организована работа школы-семинара для преподавателей дисциплин классической филологии и студентов специализации «Классическая филология». В дни конференции 2011 г. провели занятия ведущие филологи-классики Москвы и Санкт-Петербурга: академик РАН, директор Института лингвистических исследований РАН Н. Н. Казанский, зам. председателя секции «Классическая филология» доц. М. Н. Славятинская, зав. кафедрой древних языков исторического факультета МГУ проф. А. В. Подосинов, председатель Проблемной учебно-методической комиссии по латинскому языку и основам терминологии при Министерстве здравоохранения и социального развития РФ проф. В. Ф. Новодранова, доц. В. В. Файер, прочитали лекции доц. СПГУ В. П. Казанскене и научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН М. Н. Казанская. На занятиях в школе-семинаре (19–23 мая 2014 г.) спецкурс по сравнительно-историческому языкознанию (ларингальная теория, аблаутно-акцентная парадигма, аналитический обзор новых греческих и индоевропейских словарей) прочитал акад. Н. Н. Казанский. Проф. Санкт-Петербургского университета А. К. Гаврилов прочитал лекции на темы: «Г. Шлиман в Санкт-Петербурге», «Академия»: античность, Запад, Россия (опыт исторической семантики), «Александра Николаевна Березина: жизнь, творчество, неопубликованные мемуары».

По материалам конференций изданы сборники «Классическая филология в Сибири» (2008 и 2011). Отчёты о конференциях опубликованы в Вестнике Новосибирского гос. ун-та (2011. Т. 11, вып. 3. Филология: 171–174) и в Вестнике ТГУ. Филология (2012. № 2: 142–146). Работа конференций освещалась в томских периодических изданиях, на телевидении и радио.

Региональный совет принимает активное участие в формировании и работе секции «История индоевропейских языков и классическая филология» на Ежегодной Международной конференции «Язык и культура», проводимой факультетом иностранных языков Томского университета (декан и организатор конференций проф. С. К. Гураль), принимает участие в составлении программ, редактировании сборников. Проведены

25 конференций. На ФИЯ неплохо представлен античный цикл: ведётся большой годовой курс античной культуры, годовой курс латинского языка, новогреческий язык.

Существует многолетнее и многостороннее сотрудничество филологов с Томской Духовной Семинарией как в учебном (проведение занятий по древним языкам), так и в научном плане (участие в Духовно-исторических чтениях). На конференциях ФИЯ и ТДС работают студенческие секции, что даёт дополнительную возможность для привлечения студентов к научной работе, к обучению в нашей магистратуре, для публикаций. Возрождение Томской Духовной семинарии произошло 20 лет назад, на первых двух курсах преподаётся латинский язык, со второго добавляется и древнегреческий. Семинария – единственное учебное заведение в Томске, в котором не происходит сокращения часов на классические языки, более того, по новой программе число часов даже увеличивается.

Томский университет сотрудничает с вузами сибирского региона в плане рецензирования учебных пособий, организации стажировок для преподавателей древних языков, оказывает помощь гимназиям. В течение последних 10–15 лет в Томске изданы учебные пособия по латинскому и древнегреческому языкам, подготовлены мультимедийные курсы латинского и древнегреческого языков и античной культуры, вышли методические разработки по отдельным аспектам преподавания древних языков и античной литературы (лексическая работа, тестирование)¹.

Проведены две Олимпиады по латинскому языку: в 2013 году внутривузовская, в 2014 году областная. В первой олимпиаде приняли участие 44 первокурсника четырёх факультетов ТГУ. В результате первое место в командном зачёте заняла

---

¹ Латинский язык: Учебник для университетов, педагогических институтов и старших классов средних учебных заведений / Л. Т. Леушина, Г. М. Шатров, Г. А. Чупина, П. М. Коптелов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006; Леушина Л. Т. Древнегреческий язык: Учебное пособие. Томск, 2004; И. Я. Конончук, И. В. Садыкова. Латинский язык. Томск, 2003; Синтаксис латинского языка: простое предложение: Учебно-методическое пособие / Сост. Конончук И. Я., Садыкова И. В. Томск, 2010; Синтаксис латинского языка: сложное предложение: Учебно-методическое пособие / Сост. Конончук И. Я., Садыкова И. В. Томск, 2013; Суханова С. Ю. История античной литературы. Тесты. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010; Суханова С. Ю., Щетинин Р. Б. Античный роман: учебно-методический комплекс. Томск: ИДО ТГУ, 2010 и др.

команда Факультета иностранных языков. В личном зачёте на первом месте оказалась студентка Филологического факультета. На олимпиаде, заключительный этап которой прошёл 15 мая 2014 г, участниками были команды Томского государственного университета, Томского педагогического университета, Томского политехнического университета, Томской духовной семинарии. Первое место заняла команда университета, в личном зачёте победил студент семинарии. В 2015 году проводится региональная олимпиада: с участием Новосибирска, Кемерово, Барнаула, Новокузнецка, Омска и др. городов.

В связи с переходом на болонскую систему, с перестройкой образования составлены программы специализации для бакалавриата, составлена магистерская программа по классической филологии, разработаны новые учебные планы по всем дисциплинам специализации. Но надо признать, что на сегодняшний день специализация по классической филологии в Томском государственном университете находится под серьёзной угрозой исчезновения. В этом году мы выпускаем последний курс по старой программе, которую всегда хотелось совершенствовать и на предмет увеличения количества часов на чтение авторов, и введения некоторых дополнительных дисциплин, чтобы немного приблизиться к столичным вузам. В бакалаврскую программу не удалось включить все дисциплины, входившие как обязательные для подготовки специалистов, уменьшилось количество часов на чтение греческих и латинских авторов. Уменьшилось количество часов на латинский язык на большинстве гуманитарных факультетов, уменьшилось количество бюджетных мест, потеряна возможность систематически работать с будущими филологами-классиками в спецсеминаре, уменьшилось количество студентов, желающих посвятить себя классической филологии.

В настоящее время приходится решать комплекс взаимосвязанных проблем, связанных с набором в магистратуру. При плачевном состоянии бакалавриата в университете некого принимать в магистратуру, и места заполняются в основном за счёт выпускников Томской духовной семинарии. Вторая проблема – составление программы для магистров с разной бакалаврской подготовкой. В 2015 году возникла новая проблема – в бюджетном варианте разрешается работа по программе при условии набора не менее 8 человек. Для классиков это невозможно, есть предложение объединиться с другим направлением, но как мы

туда впишемся и что при этом останется от классической филологии, пока неясно. Не хочется заканчивать на печальной ноте, но мы движемся в опасном направлении: через какое-то время в Томске может не оказаться специалистов, способных профессионально, со знанием античной культуры преподавать латинский и греческий языки.

Литература

- VII Всероссийская конференция специалистов по классической филологии // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т.11, вып. 3: Филология. С. 171–174.
- Ведущие филологи-классики страны в Томском государственном университете: школа-семинар по классической филологии и сравнительно-историческому языкознанию // Вест. Томск. гос. ун-та. Серия: Филология. 2012. № 2 (18). С. 142–146.
- Классическая филология в Сибири: Материалы VI Всероссийской конференции «Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического языкознания» и регионального научно-методического совета по классической филологии / Под ред. Л. Т. Леушиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008.
- Классическая филология в Сибири: Материалы VII Всероссийской конференции «Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического языкознания» и регионального научно-методического совета по классической филологии / Под ред. Л.Т. Леушиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011.
- Леушина 1997 – Леушина Л. Т. Григорий Митрофанович Шатров // Вопросы индоевропейского языкознания и классической филологии: Сборник статей памяти Г. М. Шатрова / Под. ред. Л. Т. Леушиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 3–7.
- Леушина, Тарасов 2011 – Л. Т. Тарасов Л. Д. // Двойной портрет (филологи-классики о филологах-классиках): Сб. статей / Сост. М. Н. Славятинская. М.: МГХПА им. С. Г. Строганова, 2011. С. 130–135.
- Леушина, Фоминых 2007 – Леушина Л. Т., Фоминых С. Ф. Санкт-Петербургские филологи-классики и Томский государственный университет // *Philologia classica*, вып. 7. СПб., 2007. С. 223–237.

L. T. Leushina. Classical philology in Siberia

The article describes the state of affairs in teaching the Latin and Greek languages in Siberian universities, in particular in the Tomsk State University that has been the center of classical studies in Siberia for about a century, and has recently received the status of the Siberian center for classical studies.

Keywords: Classical philology, Tomsk State University, Siberian center for classical studies.

INSTRUMENT AND CAUSE IN THE INDO-EUROPEAN LANGUAGES AND IN PROTO-INDO-EUROPEAN

В древних индоевропейских языках семантическая роль инструмента в предложении повсеместно передается формой инструменталиса (или падежа, его замещающего – аблатива в латыни или датива в древнегреческом), при этом семантическая роль причины (cause) действия выражается различными способами – как падежными формами, так и предложными сочетаниями. Сопоставление данных различных индоевропейских языков позволяют реконструировать для праиндоевропейского уровня различные способы выражения причины действия – как с помощью одних только падежных форм инструменталиса и аблатива, так и сочетанием их с наречием **pró*, которое, скорее всего, уже тогда выступало в функции предлога.

Предполагается, что падежные формы и наречия-предлоги изначально имели пространственные значения, а абстрактные значения возникли в результате метафорического расширения. В случае аблатива с предлогом **pró* в конструкциях причины можно проследить некоторые общие принципы семантического расширения (от источника/начала к причине: причина ситуации понимается как ее источник; от места к причине: причина понимается как то, что ограничивает ситуацию, возникнув перед ней). Традиционно считается, что инструменталис изначально был комитативом. Расширение комитатива до инструменталиса основывается на хорошо известной «метафоре спутника», при этом более раннее локативное значение праиндоевропейского инструменталиса восстанавливается с трудом.

Keywords: инструмент, причина, падежи, предлоги, семантические роли.

0. Introduction

In this paper I compare adverbial noun phrases with the functions instrument and cause in ancient IE languages, and propose a reconstruction of the encoding of these semantic roles in PIE. While the reconstruction is straightforward for the instrument role given the existence of a dedicated case, the instrumental, the situation is more varied for the semantic role cause. As we will see further on, beside the fact that there is no specific causal case,¹ evidence from the IE

---

¹ Tocharian b is the only IE language that has a case called ‘causal’. The causal case is one of secondary cases, formed by agglutination of postposed particles. Notably, Tocharian b does not have an instrumental case (while

languages allows for the reconstruction of different markers, both plain cases (instrumental, ablative), and adpositional phrases.

Adopting a localistic view of the meaning of cases and adpositions, I also propose a reconstruction of the semantic development of individual morphemes when denoting the two semantic roles in question, and discuss the underlying metaphors that led from a spatial to more abstract meanings. The paper is organized as follows. In sec. 2, I discuss the semantic properties of the role instrument, and show how it is encoded in the ancient IE languages. I also discuss the coding of neighboring semantic roles, and other functions of the instrumental case. Sec. 3 is devoted to the semantic role cause, and its coding in the ancient IE languages. I argue that the variety of cause expressions that can possibly be reconstructed reflects the conceptual complexity of the notion of cause. Sec. 4 contains the conclusion.

1. The semantic role instrument

Prototypical features of the instrument role are inanimacy and manipulation. Moreover, the occurrence of an instrument participant implies the presence of an agent. Therefore, instrument normally occurs only in controlled situations: this constraint allows distinguishing between instruments and causes, as discussed in sec. 2.

The PIE instrumental case has reflexes in many IE languages. In several modern IE languages, as well as in other non-IE languages of Europe (for example Turkish), instrument is encoded in the same way as comitative. This can be seen in prepositional constructions of Romance and Germanic languages. Languages like Russian, which retain an instrumental case, have a 'reinforced' comitative, with the instrumental accompanied by a preposition. The cognitive-semantic link between comitative and instrument has been highlighted in Lakoff & Johnson (1980), who explain this frequent polysemy as an ontological metaphor AN INSTRUMENT IS A COMPANION. This metaphor is found in genetically unrelated languages, but is more common in European languages than in other geographic areas, as demonstrated by Stolz et al. (2006). Also frequent in languages of various affiliations is the encoding of the comitative through the instrumental case plus an adposition, as in Slavic languages, or

---

Tocharian a, which has the instrumental, does not have a causal case). As secondary cases in Tocharian do not reflect the PIE case system, I have not included Tocharian in the present discussion.

adverb, as in English *together with* (here, *together* strengthens the preposition *with*, but is not grammaticalized hence not obligatory), as noted in Stolz (1998).² From a diachronic point of view, comitative markers often extend to instrument; this semantic extension may be followed by additional marking of comitative by means of an adposition or an adverb, which then sometimes extends again to instrument (Luraghi 2001). This dual evolution can be easily illustrated with data from the early IE languages, as we will see in sec. 1.1.

1.1. The PIE instrumental

The instrumental case of PIE underwent the semantic evolution described in the previous section, based on the Companion metaphor. Indeed, the primary meaning of the IE instrumental was comitative. Delbrück (1867: 50) writes about Sanskrit: “Wenn die indische grammatik den instrumentalis den kategorien werkzeug und urheber unterordnet, so bezeichnet sie damit dasjenige gebiet, auf welchem der instrumentalis am häufigsten gebraucht wird. Der grundbegriff des instrumentalis aber ist der des zusammenseins.” Delbrück also mentions ‘bridging’ contexts that could enable the extension from comitative to instrument.

More complex is the reconstruction of a possible original spatial meaning for the instrumental, which, in a localistic perspective, should precede the comitative meaning. The IE languages that preserve an instrumental case also attest to spatial usages, but a connection with comitative is problematic. In general, spatial functions of the instrumental in IE languages point toward a perlocative meaning, with no special association with animate nouns, as shown in 0 and 0.

Vedic Sanskrit

- (1) *ā sahāsrām pathābhir indra rāyā ... yāhī*
‘Kingly Indra, come on a thousand paths’ (Rv. I 1811).
- (2) *divā yānti marúto bhūmyāgnīr ayám vāto antárikṣeṇa yāti*
‘The Maruts move in heaven, on earth this Agni; through the mid-firmament the Wind approaches’ (Rv. I 16114).

It is hard to see how the spatial meaning attested in occurrences

² Stolz cites among others the example of Alyawarra, an Australian language, which is a suffix of instrumental *-ila*; comitative has formed on the instrument with the addition of another suffix: *-ila-linga*.

such as 0 and 0 may have given origin to the sociative meaning. As the comitative is a semantic role prototypically assigned to human participants, one would expect that comitative morphemes would derive from markers of spatial relations used with human landmarks. Remarkably, this process can be observed in languages such as French or Ancient Greek. French *avec* comes from Latin *apud*, which most often indicated proximity to humans (Luraghi 2010a), while Ancient Greek *metá+gen* was used in Homer with the meaning of ‘among’ only with human landmarks (see Chantraine 1953: 119, Luraghi 2003: 245–246). Nevertheless, as discussed in Luraghi (2014: 109–110), in these languages prepositions that express comitative have not retained their original spatial meaning: in French, *avec* does not mean ‘at’, and in Classic Greek *metá+gen* does not mean ‘among’. The infrequency of a merger between comitative and locative is also noted in Stolz et al. (2006: 140–147, 361), who note that “Comitative escape being classified as just another instance of a concrete local case.”

In sum, the prepositions that express comitative in IE languages may have a spatial meaning, but this meaning is most likely secondary with respect to the meaning of comitative, rather than be its origin. On the other hand, the original spatial meaning does not seem to be preserved. For example, Latin *cum* ‘with’ did not preserve any trace of an earlier spatial meaning, and only comparative evidence, which connects Latin *cum* with Oscan *ku* ‘(near)-by’, allows one to reconstruct it (Leumann, Hofmann & Szantyr 1965: 260). Similarly, German *mit* ‘with’ is etymologically related with the word *Mitte* ‘middle’, but does not share its meaning (see further Luraghi 2014: 109). Thus, it seems very doubtful that one can assume a specific spatial meaning for the PIE instrumental case.

1.2. IE languages with an instrumental case

In IE languages that preserve the instrumental case, this is normally used to encode instrument. Examples are 0–0.

Sanskrit

- (3) *abhí jahi raksáṣaḥ párvatena*
‘Hit the Raksasa with the stone bat’ (Rv. Vii 10419).

Hittite

- (4) *š = an ispanti nakkit dahhun*
‘I took it (sc. the town) at night with an assault’ (18 StBoT 47–48).

Armenian

- (5) *arar zawrut'iwñ bazkaw iwrov*
 'He performed a miracle by his own hand' (Luke 1:51)³.

Old Church Slavonic

- (6) *нѣ послѣлавыи мѧ кръститѣ въ водѣ*
 'But he sent me to baptize with water' (John 1:33).

Lithuanian

- (7) *Tuomet Viešpats lyđino ant Sodomos ir Gomoros siera ir ugnimi...*
 'Then the Lord rained on Sodom and Gomorrah with brimstone and fire...' (Gen. 19.24).

It needs to be remarked that these languages do not agree completely in preserving all other functions of the instrumental: in particular, in most languages the comitative role is encoded by the instrumental case accompanied by an adposition. This is true of Slavic languages, while in early Vedic the instrumental case may occasionally encode the comitative role even without further specification, but most often it occurs with an adverb (later postposition), such as *sahá*, *sākám*, *sumád*, *smád* 'with', or the comitative relation may be indicated by the preverb *sam*. In Classical Armenian, the comitative is encoded through adpositional phrases with the instrumental or with other cases (dative or locative) such as *ənd* 'with'+loc (+dat in case of pronouns), *handerj+instr* 'together with'. In Hittite, the adverb/adposition *kattan* 'with' occurs with the genitive or with the dative/locative in order to encode comitative. Thus, the comparative data point toward an initial comitative meaning of the instrumental case, and an ongoing tendency to reinforce the comitative through dedicated adpositions or adverbs, in line with the process described in sec. 1.1.

Another possible function of the instrumental in the IE languages is to indicate the agent with passive verbs. This function is reconstructed essentially based on Indo-Iranian, as other languages that preserve an instrumental case do not use it consistently to encode the Agent. For example in Armenian and Baltic languages, animate agents of passive verbs are encoded through prepositional

³ From Meillet (1936: 96), see further Jensen (1959: 179–180) on the Armenian instrumental. Both Meillet and Jensen note that the comitative tends to be reinforced by prepositions, similar to Latin and Slavic languages.

phrases (see Luraghi 1986). In Slavic languages, the instrumental encodes human agent of passive verbs to different extents: in particular, in Old Church Slavonic one can find either the instrumental, or, often, prepositional phrases with *otŭ*+gen as in 0, and the same type of prepositional phrase was also a possible alternative to the instrumental of agent in Old Russian (see Bräuer 1952 on OCS).⁴

Old Church Slavonic

- (8) *бѣдете ненавидими отъ всѣхъ имени моего ради.*
 ‘You will be hated by all for my name’ (Luke 21.17).

In Hittite, the instrumental of agent with passive verbs, especially participles, also occurs as shown in 0, but notably only after the Old Hittite period: no agent phrases with passive verbs occur in Old Hittite original texts.⁵

Hittite

- (9) ^{GIS}TUKUL.HI.A-*iš*=*wa*=*tta šiunit piyanteš*
 ‘Weapons have been given to you by the god’ (KBo 22.6 + KUB 48.98 i 24–25).

Hoffner & Melchert (2008:269) assume this to be a coincidence, nevertheless, there are reasons that indicate that this might not be the case. In the first place, according to Starke (1977), nouns with human referents never occur in the instrumental (or ablative) case in Old Hittite. In the second place, low grammaticalization of passive voice in the early IE languages makes it doubtful that an agented passive construction already existed in PIE or not is hard to say. Indeed, while some scholars think that the evidence unequivocally points to the reconstruction of the instrumental of agent with human nouns in PIE (e.g. Jamison 1979), others believe that the construction is the outcome of parallel, yet unrelated developments in the IE languages (see Luraghi 1986, Hettrich 1990, Strunk 1991), and this on account

⁴ Bräuer (1952) notes that the distribution of the instrumental of agent and adpositional phrases in OCS correlates with tense and aspect, and that reflexive passives only occur with prepositional agent phrases. He concludes that the existence of different agent expressions in OCS and in general in Slavic languages indicates the recent rise of agented passives. For a similar remark on Homeric Greek see Luraghi (2000).

⁵ Some ablatives of agent, also post-Old Hittite, may be taken as replacing the instrumental case, which increasingly merged with the ablative after the Old Hittite period (see Hoffner & Melchert 2008: 267).

of our knowledge about possible reconstruction of the PIE voice system, which seems to rule out the existence of grammaticalized a passive (see further Luraghi 2010b with the references therein).

Rather, one might wonder whether, in the languages in which the instrumental has experienced the extension to agent, this might have brought about the reinforcement of the comitative instrumental through adpositions. In fact a polysemy that includes agent and comitative is infrequent (Stolz 2001, Stolz et al. 2006: 277), most likely because it would bring about a high degree of ambiguity, as both semantic roles are typically assigned to humans, and can occur in the same types of situations. The hypothesis would therefore appear plausible; note, however, that the reinforcement of the comitative instrumental is a phenomenon that goes beyond languages that show polysemy of agent and instrument. Also in the light of data from other languages (for example, those collected in Stolz et al. 2006), it seems that there is a general tendency for comitative markers, after having extended to instrument, to become again distinct through the addition of a second marker (see the discussion in sec. 1.3).

Finally, the instrumental case is also attested in West Germanic languages: despite its marginal existence, it still occurs without prepositions in some passages (see Delbrück 1907:156-167). Most often, the instrumental is strengthened, also in the role instrument, by prepositions that also encode comitative.

1.3. *The outcome of the instrumental in Latin and Greek*

Latin and Greek do not preserve a case called instrumental in grammars. Nevertheless, both languages, in different ways, feature cases used mostly for encoding the instrument role.

In Latin, the plain ablative has, in most cases, the function of an instrumental: spatial functions of the ablative outside prepositional phrases are lexically restricted (Luraghi 2010a). For the encoding of comitative, Latin shows the same development as the Slavic languages, relying on a preposition ablative. The plain ablative as comitative is used only marginally, with collective nouns that have a low degree of individuation, and can also be interpreted as instruments, although not prototypical (so-called *ablativus militaris*):

Latin

- (10) *Illi equitatu atque essedis ad flumen progressi ex loco superiore nostros prohibere et proelium committere coeperunt.*

‘They advanced with cavalry and chariots from the heights to the river and began to hinder our troops and engage in fighting’ (Caes. BG 5.9.3).

On the other hand, in Latin polysemy of agent and instrument does not involve prototypical agents, but only holds for inanimate entities, which partly share the features of instruments (see Luraghi 1986, 2010a).

Latin exemplifies what we might call the ‘comitative cycle’: there are no apparent reasons why the plain ablative could not indicate prototypical comitative in Latin, as it is not used to encode human passive agents, as the instrumental of Sanskrit or Russian, and in general has no significant uses with human nouns, as is the case instead of the Greek dative, discussed further ahead. However, since the earliest sources comitative encoding is accomplished through *cum*+abl: in other words, with a ‘reinforced’ instrumental. In Late Latin, with the case system fading away, the instrumental ablative was replaced by *cum*+abl. Today, the Romance languages feature the polysemy of comitative and instrument, although comitative expressions can occasionally be reinforced as in Italian *insieme con* ‘together with’.

In Ancient Greek the semantic role instrument is encoded through the plain dative. The dative Greek is a composite case, resulting from syncretism of the IE dative, locative and instrumental. Similar to the Latin ablative, the Greek dative is subject to lexical restrictions when encoding spatial relations, so that, as also noted in De la Villa (1989), the plain dative of an inanimate noun mostly continues the PIE instrumental. In this way, Greek relies on an important feature of the IE dative ‘proper’, that is, its strong connection with semantic roles typically assigned to human entities, such as recipient or beneficiary. Based on this feature, the plain dative shows a two-fold distinction between nouns with human referents, which take typical functions of the IE dative, and nouns with inanimate referents, which typically indicate instrument (or other functions typical of the instrumental, such as manner). This limits the possibility of continuing the comitative meaning of the PIE dative: as the comitative is also a semantic role typically assigned to human entities, dative encoding would create a high level of ambiguity. And indeed, along with agent-comitative polysemy, comitative-beneficiary polysemy is extremely rare, almost inexistent cross-linguistically, as argued in Stolz et al. (2006). In Homer and often in Ionic, comitative is encoded by *sin*+dat, that is, again, a

reinforced instrumental, while in Classical Greek one mostly finds a new type of prepositional phrase, *méta*+gen. Thus, Classical Greek, especially Attic, has a distinct pattern with respect to most IE languages, which feature either the Companion metaphor or a reinforced instrumental. In Byzantine Greek, when the dative case disappeared, the Companion metaphor was again responsible for extension of *metá*+gen/acc (and later *me*+acc) to instrument (Luraghi 2005). The comitative dative survived in Classical Greek in some idiomatic expressions, as shown in 0 (see Crespo 1994).

Greek

- (11) *πέντε δὲ ἔλαβον, καὶ μίαν τούτων αὐτοῖς ἀνδράσιν*
 ‘They took five (ships), one of them with the crew’ (Th. 4.14.1).

2. The semantic role Cause

With respect to instrument, cause is conceptually more complex. While there is a natural class of instruments (weapons, tools, vehicles, body parts), and while the prototypical features of instruments are easily detectable, there is no natural class of causes, as the entities that can occur in this semantic role are quite diverse, and include natural phenomena, emotions, concrete and abstract inanimate entities, human beings, and, very often, situations. Moreover, while the role instrument implies the occurrence of an agent acting voluntarily and exerting control over the situation, the role cause has no implications regarding the possible occurrence or non-occurrence of an agent. Let us consider examples 0–0.

- (12) *The asphalt broke due to the high temperatures.*
 (13) *The child trembled out of fear.*
 (14) *Mary passed the exam thanks to John / because John helped her.*
 (15) *I left because I had other commitments.*

In 0 and 0 we find uncontrolled situations, while in 0 the agent acts intentionally (this type of cause, which motivates an agent to act consciously, may also be called reason). In 0 the cause does not per se bring about the situation, but enables the agent in bringing it about. Note that in this example the cause is animate.

Even when they are inanimate, possible causes are distinct from prototypical instruments, as they are not necessarily concrete entities, and are often non-manipulated. Based on the feature of control, the roles instrument and cause are partly complementary, as instruments occur necessarily in controlled situations, while causes can occur

both in controlled and in uncontrolled ones. Thus, with uncontrolled situations it is not necessary to keep the two semantic roles distinct through different coding means.

The notion of cause has been studied by Turner (1987) from a cognitive linguistics point of view. Turner has shown that using a folk model of causation, the cause of a situation is not conceived as a necessary and sufficient condition, as in logic, but rather as its origin. The ontological metaphor CAUSES ARE ORIGINS has been discussed in Nikiforidou (1991: 175–176). Following this metaphor, one can expect spatial expressions that indicate origin to extend to the encoding of cause. Indeed, this is the case for the IE ablative.

Although the conceptual contact between cause and origin provides an important source for cause expressions, cross-linguistic evidence points toward a wider variety in the encoding of cause than in the encoding of instrument. As remarked by Dirven (1995) and Radden (1985), in English, for example, virtually all prepositions show semantic extensions that bring them to indicate cause. Consequently, we may expect to encounter more difficulties in the reconstruction of PIE cause expressions than in the reconstruction of instrument expressions.

2.1. Instrumental of cause

Languages that preserve the instrumental can use it for the coding of cause, especially in uncontrolled situations. Remarkably, even the moribund instrumental of West Germanic languages, which was often reinforced with a preposition in instrument expressions, helps reconstruct the PIE instrumental of cause. Examples are 0–0.

Sanskrit

- (16) *jarāsā mārāte pātir*
‘The bride dies from old age’ (Rv. X 8611).

Hittite

- (17) DUMU.LÚ.ULÙ^{MEŠ} DINGIR^{MEŠ}-s = *a kistantit harkiyanzi*
‘The sons of men and the gods are dying from hunger’
(KUB 17:10 i 18:30).

Old High German

- (18) *thu húngiru nirstírbist*
‘You do not die from hunger’ (Otrf. 22/02/22).

The instrumental of cause is also well attested with controlled

situations: in such occurrences, the distinction between cause and instrument may be ensured by the occurrence of nouns that indicate non-manipulated entities (nouns of emotions, action nouns, etc.), as in 0 and 0.

Sanskrit

- (19) *sá bhiṣá ní lilye*
‘He hid for fear’ (*Śatapatha Brāhmaṇa* 1.2.3.1);
- (20) *avidyaya-iva tad āhuḥ*
‘Indeed, they say this out of ignorance’ (*Aitareya Brāhmaṇa* 11.01.10).

The Latin ablative, which continues both the PIE ablative and the PIE instrumental, can encode cause, but due to case syncretism it is impossible to understand whether this usage is inherited from either case.

In Ancient Greek, in which the instrumental underwent syncretism, but not with the ablative, the plain offers evidence for the instrumental of cause. Similar to the Sanskrit instrumental, the Greek dative can indicate cause both in uncontrolled and in controlled situations, as shown in 0–0.

Greek

- (21) *φθόνῳ καταμαργέων*
‘Mad with envy’ (Hdt. 8.125.1).
- (22) *ὅσοι γενέσει καὶ τροφαῖς εὖ πεπαίδευνται*
‘For those who, by birth and nurture, are easily educated’ (Pl. *Laws* 920a8).
- (23) *ιδεῖν μὲν γὰρ ψυχὴν ἔφη τὴν ποτε Ὀρφέως γενομένην κόκνου βίον αἰρουμένην, μίσει τοῦ γυναικείου γένους*
‘He said he saw the soul that had been of Orpheus choosing the life of the swan, out of hatred for the female gender’ (Pl. *Rep.* 620a).

2.2. Ablative of cause

The ablative case is less well preserved than the instrumental in IE languages: only in Indo-Iranian, Anatolian and Latin have a separate ablative case, but the Latin ablative has merged with the instrumental, as already remarked above. Thus, even though the ablative of cause is well attested in Latin, strictly speaking, it cannot be used for the reconstruction of PIE, as its occurrence may be a

reflex of the PIE instrumental. In Sanskrit occurrences, as pointed out by Delbrück (1888: 114–115), the notion of origin is always present as shown in 0, and the same is true for the only example of an ablative of cause from an Old Hittite original, quoted in 0 (see further Hoffner & Melchert 2008: 265).

Sanskrit

- (24) *mā nas tasmād énaśo deva rīṣaḥ*
 ‘Oh gods, let us not suffer for this sin’ (Rv. Vii 895).

Hittite

- (25) *nu=za halluwayanza mekki nahhanteš ēšten*
 ‘Be very cautious because of a quarrel (ie: try to avoid it)’ (KUB 13.4 iii 43).

Languages such as Slavic, Baltic, and Greek, in which the ablative merged with the genitive, have various types of adpositional phrases in cause expressions, and the same holds for Germanic. Part of these adpositions also express origin, thus showing the same pattern of semantic development as the PIE ablative.

2.3. An adpositional construction

Dunkel (1990) pointed out that, among various adpositional phrases attested in ancient IE languages, one is likely to reflect a PIE construction. Consider examples 0–0.

Greek

- (26) *περὶ γὰρ δὲ μὴ μιν Ἀχαιοὶ ἀργαλέου πρὸ φόβοιο ἔλωρ δηΐοισι λίποιεν.*
 ‘For he feared that the Achaeans should leave him to be a prey to the foemen out of their own fear’ (*Il.* 17.666–667);

Hittite

- (27) *nu=mu É-YA inani peran pittuliyas É-ir kisat nu=mu pittuliyai peran istanzas=mis tamatta pedi zappiskizzi*
 ‘Because of illness my house became a house of fear; for the pain my soul drips elsewhere (ie: ‘my life is gone)’ (KUB 30.10 14);

Gothic

- (28) *iþ biþe gabaúran ist barn, ni þanaseiþs ni gaman þizos aglons faúra fahédai*
 ‘But when her baby is born [a woman] forgets the anguish because of her joy’ (John 16:21);

Latin

- (29) *ut prae timore in genua in undas concidit*
 ‘Out of fear she fell into the waves upon her knees’ (*Rud.* 174)

In these examples we find a number of etymologically related adpositions: Greek *πρό*, Hittite *peran*, Gothic *faúra* and Latin *prae*. Their spatial meaning is ‘in front’, ‘before’; they can all be used in cause expressions with different frequency and partly different distribution depending in the individual language. In Greek the use of *πρό* for the encoding of cause is exceptional, and virtually limited to this passage. In Hittite, *peran*, which occurs twice in 0 is frequently for the encoding of cause, at all language stages. Latin *prae* most often denotes the *causa impediens*. Finally, the Gothic example reflects a generalized use in numerous Germanic languages for the expression of this semantic role (cf. for example German *vor*).

Dunkel also mentions some occurrences from Indo-Iranian languages, where cognate can express cause, although marginally. Also on account of the marginality of such occurrence, Dunkel concludes that a construction with *pró must be reconstructed, which already indicated cause in PIE. In other words, the shift from ‘before’ to ‘because of’ had already taken place at the stage of the proto-language.

Semantic extension from location in front of a landmark to cause can be explained as a consequence of the conceptualization of a cause as something that manifests itself in front of a participants, and conditions his/her reactions. Following this type of construal, the cause is conceptualized as conditioning a situation by means of its presence. Note that, according to an embodied metaphor, being positioned in front of a participant corresponds to being visible. Therefore, the presence of something which is located in front cannot be ignored. The cause is thus conceptualized as an entity whose presence and visibility have an effect on the event, and can generate specific consequences. This metaphor is also active in English, in expressions such as ‘in view of’, as in 0

- (30) *In view of a possible rise in the cost of oil, truck drivers went on strike.*

The English expression still has a strong lexical motivation, and can be used only in certain contexts, but clarifies the way in which the PIE adverb must have acquired its causal meaning.

In the case of adpositions or adverbs that derive from **pró*, we cannot only reconstruct a certain metaphor, as we can do in order to explain the occurrence of source adpositions to express cause in languages in which the ablative case disappeared. More interestingly, in this case we can also reconstruct a specific lexeme reflected by various forms in the IE languages, which could already encode cause in the proto-language, in addition to plain cases, i.e. to the instrumental and the ablative of cause.

3. Conclusion

From the discussion in the preceding sections we can draw the following conclusions. In the first place, the semantic role instrument was encoded in PIE by the instrumental case. The original meaning of this case was comitative, and the semantic extension to instrument is motivated by the similarity of these two roles at the cognitive level, which is explained by the well-studied Companion metaphor.

The semantic role cause, in its turn, did not rely on a dedicated case, and its coding was more complex than the coding of instrument. We may view the greater variety of formal means for the expression of cause as a consequence of its conceptual complexity as already noted in sec. 2. Based on comparative data, one can reconstruct at least three different ways of encoding cause in PIE:

- a) the instrumental case: the extension of the instrumental from instrument to cause is possible based on the partly different distribution of the two semantic roles (instrument can only occur in controlled situations) and on the types of referents that can take the two roles (instrument is limited to inanimate and concrete entities);
- b) the ablative case: the ablative case denotes source and origin; the extension leading from origin to cause is based on a metaphor by which we construe causes as origins of events;
- c) the adverb/adposition **pró* 'in front': in this case the cause is conceptualized as an entity whose presence has the power to constrain an event.

References

- Bräuer 1952 – Bräuer H. Der persönliche Agens beim Passiv im Altbulgarischen. Eine syntaktischen Untersuchung. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaft und der Literatur in Mainz. Wiesbaden, 1952.
- Chantraine 1953 – Chantraine P. Grammaire homérique II: Syntaxe. Paris: Klincksieck, 1953.
- Crespo 1994 – Crespo E. L'expression de l'accompagnement en grec ancien. In B. Jacquiod ed., Cas et prépositions en grec ancien. Actes du colloque international de Saint-Etienne. Saint-Étienne: Publications

- de l'Université, 1994. P. 181–192.
- De la Villa 1989 – De la Villa J. Caractérisation fonctionnelle du datif grec. *Glotta*. 1989. Vol. 67. P. 20–40.
- Delbrück 1867 – Delbrück B. *Ablativ localis instrumentalis im Altindischen, Lateinischen, Griechischen und Deutschen: ein Beitrag zur vergleichenden Syntax der indogermanischen Sprachen*. Berlin: Dummler, 1867.
- Delbrück 1888 – Delbrück B. *Altindische Syntax*. Halle, 1888 (repr. 1968, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft).
- Delbrück 1907 – Delbrück B. *Syncretismus. Ein Beitrag zur germanischen Kasuslehre*. Strassburg: Trübner, 1907.
- Dirven 1995 – Dirven R. The construal of cause: The case of cause prepositions // J. R. Taylor, R. E. MacLaury eds. *Language and the Cognitive Construal of the World*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 95–118.
- Dunkel 1990 – Dunkel G. *prae pavore, πρὸ φόβοιο* // *Indogermanische Forschungen*. 1990. Bd. 95. S. 161–170.
- Hettrich 1990 – Hettrich H. *Der Agens in passivischen Sätzen altindogermanischer Sprachen*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1990.
- Hoffner, Melchert 2008 – Hoffner H. A., Melchert H. C. *A Grammar of the Hittite Language*. Winona Lake: Eisenbrauns, 2008.
- Jamison 1979 – Jamison S. W. The case of the agent in Indo-European // *Die Sprache*. 1979. Bd. 25/2. P. 129–143.
- Jensen 1959 – Jensen H. *Altarmenische Grammatik*. Heidelberg: Winter, 1959.
- Lakoff, Johnson 1980 – Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: Chicago UP, 1980.
- Leumann, Hofmann, Szantyr 1965 – Leumann M., Hofmann J. B., Szantyr A. *Lateinische Syntax und Stilistik*. München: Beck, 1965.
- Luraghi 1986 – Luraghi S. On the distribution of instrumental and agent markers for human and non-human agents of passive verbs in some Indo-European languages. *Indogermanische Forschungen* 91, 48–66.
- Luraghi 1986 – Luraghi S. 2000. Spatial metaphors and agenthood in Ancient Greek // Ch. Zinko & M. Offisch, Hrsg. *125 Jahre Indogermanistik in Graz*. 1986. P. 283–298.
- Luraghi 2001 – Luraghi S. Some remarks on Instrument, Comitative, and Agent in Indo-European // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2001. Bd. 54/4. P. 385–401.
- Luraghi 2003 – Luraghi S. *On the Meaning of Prepositions and Cases. A Study of the Expression of Semantic Roles in Ancient Greek*. Amsterdam: Benjamins, 2003.
- Luraghi 2005 – Luraghi S. The history of the Greek preposition *metá*: from polysemy to the creation of homonyms // *Glotta*. 2005. Vol. 81. P. 130–159.
- Luraghi 2010a – Luraghi S. *Adverbial Phrases* // Ph. Baldi and P. Cuzzolin (eds.). *A New Historical Syntax of Latin*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. P. 19–107.
- Luraghi 2010b – Luraghi S. The Extension of the transitive construction in Ancient Greek // *Acta Linguistica Hafniensia*. 2010. Vol. 42/1. P. 60–74.
- Luraghi 2014 – Luraghi S. Plotting diachronic semantic maps: the role of

- metaphors // S. Luraghi & H. Narrog eds. Perspectives on semantic roles. Amsterdam: Benjamins, 2014. P. 99–150.
- Meillet 1936 – Meillet A. Grammaire comparée de l'arménien classique. Vienne: Imprimerie des PP. Mékhitaristes, 1936.
- Nikiforidou 1991 – Nikiforidou K. The meaning of the genitive. Cognitive Linguistics. 1991. Vol. 2/2. P. 149–205.
- Quirk, R., S. Greenbaum, G. Leech & J. Svartvik 1985. A Comprehensive Grammar of the English Language. London-New York: Longman.
- Radden 1985 – Radden G. Spatial metaphors underlying prepositions of causality // Paprotté, W. & R. Dirven eds. The Ubiquity of Metaphor, Amsterdam: Benjamins, 1985. P. 177–207.
- Starke 1977 – Starke F. Die Funktionen der dimensionalen Kasus und Adverbien im Althehithischen. Wiesbaden: Harrassowitz, 1977.
- Stolz 1996 – Stolz, Th. Some instruments are really good companions – some are not. On syncretism and the typology of instrumentals and comitatives // Theoretical Linguistics. 1996. Vol. 23. P. 113–200.
- Stolz 1998 – Stolz Th. Komitative sind mehr als Instrumentale sind mehr als Komitative. Merkmahlhaftigkeit und Markiertheit in der Typologie der mit-Relationen // Sammelband des II. internationalen Symposiums zur Natürlichkeitstheorie, Maribor: Pedagogische Fakultät der Universität, 1998. P. 135–167.
- Stolz 2001 – Stolz Th. Comitatives vs. instrumental vs. agents // W. Bisang, Aspects of Typology and Universals, Berlin: Akademie Verlag, 2001. P. 153–174.
- Stolz, Stroh, Urdze 2006 – Stolz Th., Stroh C., Urdze A. On comitatives and Related Categories. A Typological Study with Special Focus on the Languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006.
- Strunk 1991 – Strunk K. Syntaktische Bemerkungen zum hehithischen und indogermanischen Instrumental // Историческая лингвистика и типология. Moskva: Akademija Nauk, 1991. S. 81–91.
- Turner 1987 – Turner M. Death is the Mother of Beauty: Mind, Metaphor, Criticism. Chicago: Chicago UP, 1987.

S. Luraghi. Instrument and Cause in the Indo-European languages and in Proto-Indo-European

While the semantic role instrument is uniformly encoded through the instrumental case (or cases that replaced it, such as the Latin ablative or the Greek dative) in ancient Indo-European (IE) languages, cause is variously encoded through plain cases or adpositional phrases. Comparison allows reconstructing a similar situation for Proto-Indo-European (PIE) as well. In particular, one can reconstruct cause expressions involving the plain instrumental, the plain ablative, and the adverb **pró*, which, most likely, already had an adpositional function in the proto-language. It is assumed that cases and adverbs/adpositions originally had a spatial meaning, and that abstract meanings came about through metaphoric extension. In the case of the ablative and of **pró* in cause expressions, some common patterns of semantic extension are visible (from source/origin to cause: the cause of a situation is conceived as its origin; from location to cause: a cause is conceived as an entity which constrains a situation by being placed in front

of it). The instrumental case is traditionally thought as having originated as a comitative. While extension from comitative to instrument is based on the well-known 'Companion metaphor', an earlier local meaning of the PIE instrumental case cannot be reconstructed easily.

Keywords: instrument, cause, cases, adpositions, semantic roles.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ Αἰελένη в NIC. THEG. 310

Статья посвящена двум возможным интерпретациям Αἰελένη — наименования Елены, встречающегося в Thegiaca Никандра Колофонского (Theg. 310). Не отвергая традиционного понимания, основанного на семантике гомеровских композитов с αἰνο- («гибельная Елена»), мы предлагаем другую трактовку этого имени: Никандр мог совместить эсхиловскую этимологию Ἐλένη и уникальное употребление αἰνός как характеристики змеи у Каллимаха. Αἰελένη, в таком случае, будет значить «губящая ужасных, т. е. змей».

Ключевые слова: Елена, Никандр Колофонский, Thegiaca, змеи, Гомер, Каллимах.

Среди этиологических отступлений в поэме Никандра Колофонского Thegiaca («Животные яды») важное место занимает отрывок Theg. 309-19, в котором объясняется неравномерное движение египетской змеи αἰμόρροος: после того, как от ее укуса умер кормчий Менелая Каноб, разозленная Елена раздавила змее хребет, и с тех пор все змеи этого вида движутся как будто прихрамывая.

εἰ ἔτυμον, Τροίηθ' ἔ' ἰοῦσ' ἐχάλεψατο φύλοις
Αἰελένη, ὅτε νῆα πολύστροιβον παρὰ Νεῖλον
ἔστησαν βορέαιο κακῆν προφυγόντες ὀμοκλήην,
ἦμος ἀποψύχοντα κυβερνητήρα Κάνωβον
Θώνιος ἐν ψαμάθοις ἀθρήσατο· τύψε γὰρ εὐνή
αὐχέν' ἀποθλιφθεῖσα καὶ ἐν βαρὺν ἤρυγεν ἰόν
αἰμόροισ' θήλεια, κακὸν δέ οἱ ἔχραε κοῖτον.
τῷ δ' Ἐλένη μέσον ὀλκὸν ἐνέθλασε, θραῦσε δ' ἀκάνθης
δεσμὰ περίξ νωταῖα, ῥάχισ δ' ἐξέδραμε γυίων·
ἐξ ὅθεν αἰμόροοι σκολιοπλανέες τε κέραστα
οἴοι χαλεύουσι κακηπελίη βαρύθοντες.

‘Если правда, то *Злоелена* разгневалась на [этот] род, когда на пути из Трои они остановили корабли у многобурного Нила, избегая страшного натиска борея, после того как она увидела, что кормчий Каноб выпускает дух в песках Фония: дело в том, что самка αἰμόρροος, на которую он наступил, во сне ужалила

его в шею и извергла в него сильнейший яд и надвинула¹ на него смертельный сон. Елена раздавила посередине ее тело и сломала спинные скрепы вокруг хребта, и хребет вышел из тела. С тех пор αἰμόροοι и движущиеся наискось керасты² одни единственные хромают отягощенные увечьем³.

Данный отрывок примечателен, прежде всего, редкой разработкой сюжета о Елене в Египте: история о змее встречается только у Элиана (NA 15.13) и явно заимствована им у Никандра. Помимо этого вызывает вопросы наименование героини Αἰνελένη, которое является предметом доклада. Кроме указанного места в Theriaca, оно содержится лишь во фрагменте так называемого эпиллия о Диомеде (CA Epica Adespota 2.11), не имеющего точной датировки (Overduin 2010: 301). Самой близкой параллелью из многочисленных композитов с αἰνός является для данного случая сходное именование Париса Αἰνόπαρις (Alcm. PMG 77.1, E. Hes. 945). В схолиях³, а также в имеющихся переводах и комментарии Овердойна (ibid.: 301-302) префикс αἰν- единодушно трактуется как характеристика Елены и отсылает нас к гомеровской версии мифа: Елена стала причиной Троянской войны, и в силу этого она ужасна (αἰνή⁴). Таким образом, Αἰνελένη будет сближаться по смыслу с гомеровскими сложениями вроде αἰνόμορος (Il. 22.481, Od. 9.53, 24.169), αἰνοπαθής (Od. 18.201). Евстафий в комментарии к Одиссее (Eust. 2.200.25 (Od. 19. 260), приводя Αἰνελένη в качестве примера, разъясняет, как следует понимать подобные имена с первым отрицательным компонентом: они указывают не на то, что их носители плохи сами по себе, а на то, что те являются виновниками бед. В таком случае Αἰνελένη у Никандра оказывается в противоречии с контекстом отрывка и выступает как epitheton ornans: Елена, калечащая змею, никак не связана с Еленой – источником бедствий для ахейцев.

¹ Это единственный случай каузативного употребления χράω, поэтому перевод вызывает трудности. Ср. Gow-Scholfield 1953: *turning his rest to ruin*; Jacques 2002: *lui procurant un sommeil funeste*; Spatafora 2007: *procurandogli il sonno di morte*.

² Никандр никак не поясняет, каким образом Елена связана со змеей κεράστης.

³ Scholia in Ther. 310 Αἰνελένη ἢ κακοελένη

⁴ Исходя из гомеровского словоупотребления (χόλος αἰνός Il. 22.94 κάματος αἰνός Od. 5.457), значение αἰνός уместнее сформулировать как 'смертоносный, гибельный'.

Мы полагаем однако, что наряду с таким пониманием Αἰνελένης, основанным на гомеровском употреблении αἶνο- как первого компонента сложных слов, возможно и другое, контекстно значимое истолкование этого имени. Следуя образцу Эсхила (Ag. 689–90 ἐλένας, ἔλανδρος, ἐλέπτολις (Skutsch 1987: 192), Никандр вполне мог этимологизировать имя Елены как производное от корня ἐλ- (αἶρέω ‘губить’). При всей искусственности композита Αἰνελένης при таком толковании, для него все же можно найти параллели: созвучный данному корню и отчасти пересекающийся по семантике с αἶρέω глагол εἰλέω (варианты εἶλλω, ἴλλω) ‘прижимать, сдавливать, сосредотачивать’ (Chantraine 1968: 319)⁵ сочетается с приставками: ἀπειλέω ‘приводить к, доводить до’, ἐξειλέω ‘ускользнуть’, κατειλέω ‘загонять, собирать’, προσειλέω ‘теснить к’, συνειλέω ‘сгонять, сосредотачивать’ (ibid.). Что касается αἶνός, то это прилагательное дважды употреблено у Каллимаха применительно к Пифону: в гимне к Аполлону (Ap. 101 αἶνός ὄφης) и в гимне к Делосу (Del. θηρίον αἶνογένειον ‘с ужасными челюстями’). Это единственные два контекста у важных для Никандра авторов, в которых αἶνός характеризует змею⁶. В связи с этим можно предполагать, что Никандр обратил внимание на подобную редкость и своеобразно переработал ее, превратив αἶνός в эллиптическое обозначение змей в составе Αἰνελένης. Таким образом, традиционному толкованию (‘ужасная Елена’) сопутствует оригинальное (‘губящая ужасных, т. е. змей’), которое совмещает эсхилловскую этимологию имени героини с аллюзией на Каллимаха, а также полностью соответствует описываемой ситуации.

Литература

- Gow-Scholfield 1953 – Nicander. The Poems and Poetical Fragments. Edd. A. S. F. Gow, A. F. Scholfield. Cambridge, 1953.
 Jacques 2002 – Nicandre. Oeuvres. Tome II: Les Thériaques. Fragments iologiques antérieurs à Nicandre. Ed. Jean-Marie Jacques. Paris, 2002.

⁵ Шантрэн дает отдельной леммой также εἰλέω 2 “катить”, возводимый к корню γελ-, однако относительно некоторых форм и производных от εἰλέω 1 и 2 слов часто невозможно решить в пользу того или иного значения (Chantraine 1968: 319). Ср. Beekes 2010: 385 по поводу λέων ... ἴλλόμενός περ ὀμίω (A. R. 2.27) и δεσμοῖς ἴλλόμενον (A. R. 1.129).

⁶ Αἶνός как опосредованная характеристика змеи встречается у Гомера (Il. 22.94): Гектор сравнивается со змеем, который съедает ядовитые травы, в результате чего его наполняет χόλος αἶνός “смертоносная желчь”.

- Spatafora 2007 – Nicandro, Theriaká e Alexiphármaka. Ed. G. Spatafora. Roma, 2007.
- Crugnola 1971 – Scholia in Nicandri Theriaka. Ed. A. Crugnola. Milano, Varese, 1971.
- Beekes 2010 – Beekes R. S. P. Etymological Dictionary of Greek. Leiden, Boston, 2010.
- Chantraine 1968 – Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1968.
- Overduin 2010 – Overduin F. Nicander of Colophon, Theriaca: A Literary Commentary. Enschede, 2010.
- Skutsch 1987 – Skutsch, Otto. Helen, Her Name and Nature // JHS 107 (1987). P. 188–193.

A. M. Malomud. The interpretation of Αἰνελένη в Nic. Ther. 310

The article deals with interpretation of Αἰνελένη – the compound name for Helen, which occurs in vv. 309–19 of the Theriaca of Nicander. It is commonly explained as “dire Helen”, basing on Homeric usage of compounds with the first element αἰνο- (from αἰνός) and referring to the traditional evaluation of the heroine (Helen caused the Troian war, therefore she is dire woman). This interpretation, however, contradicts the context of the whole passage: furious Helen hurting the snake has nothing to do with Helen, who brought disaster upon Achaeans. I suggest another possible interpretation of Αἰνελένη, which does not cancel the above-mentioned one, but corresponds better with the situation described by Nicander. Following the etymology proposed by Aeschylus Nicander may have treated Ἐλένη as derived from the root ἐλ- (αἰρέω “destroy”), while the word αἰνός, which was twice applied to Python in hymns of Callimachus, could be recognized as an elliptical name for snakes. Thus Αἰνελένη would mean “destroyer of dire creatures (i.e. snakes)”.

Keywords: Helen, Nicander of Colophon, Theriaca, snakes, Homer, Callimachus.

БУРНЫЙ ПОТОК НА ПУТИ ВИЗАНТИЙСКОГО СВЯТОГО: ЛИТЕРАТУРНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ АГИОГРАФИЧЕСКОГО ТОПОСА

В статье рассматривается топос чудесного преодоления водной преграды в византийской агиографии VII–XII вв. Основное внимание уделяется вариациям этого устойчивого мотива, представленным в житийных текстах. Сопоставление агиографических чудес с библейскими образцами демонстрирует, что агиографы не всегда воспроизводят их в исходном виде, а используют для создания своих версий, вероятно, намеренно ведя подобие игры с читателем, когда вместо привычного чуда, он получает что-то неожиданное.

Ключевые слова: Византия, агиография, жития святых, чудо, пересечение реки, хождение по водам, hagiography, Byzantium, miracle.

Чудеса – привычная черта агиографических повествований, имеющая самую непосредственную связь с сутью этой литературы, призванной навечно запечатлеть память о жизни и деяниях святого человека, а совершение чудес – одна из самых важных примет святости, очевидная для окружающих. Естественно, в этом смысле византийские святые и повествования о них продолжают библейскую традицию. Чудеса присутствуют и в Ветхом Завете, и в Евангелии, и в апостольских деяниях, но тем интереснее проследить, как именно они воспроизводятся в литературе, отстоящей на многие столетия от формирования библейского канона и складывающейся в совершенно иной культурно-исторической эпохе.

Чудесное пересечение водной преграды является достаточно распространенным мотивом в византийской агиографии. Для средневизантийского периода (VII–XII вв.), на котором мы сосредоточимся в данной статье, фиксируется не менее семи упоминаний о подобном чуде¹. Интерес представляет тот факт,

---

¹ Здесь мы основываемся на данных поиска по электронной базе средневизантийских житий DOHD, а также привлекаем два примера из текстов, которые в ней не содержатся: житие Леонтия Иерусалимского (BHG 985), а также разные версии чудес св. Димитрия, проанализированные А. П. Кажданом (Каждан 1993).

что всякий раз чудо описывается авторами несколько по-разному. Представляется, что вопрос вариативности топоса, его литературного воплощения не достаточно изучен на настоящий момент. В то время как создатель специального справочника Т. Пратш все внимание уделяет фиксации устойчивых мотивов, ориентируясь на общее и игнорируя частное (Pratsch 2005)², мы ставим противоположную задачу: выявление разнообразия в употреблении общего места. Представляется, что такой подход, основанный на изучении эпизодов изнутри житийной традиции, может приблизить нас к пониманию того, как функционировала средневековая литература в целом, как авторы ощущали свои творческие рамки и взаимодействие с читателем, равноправным участником литературного процесса.

Описание чудесного преодоления реки в агиографической литературе имеет несколько ветхозаветных образцов. При переходе через Иордан Иисус Навин останавливает течение вод, которые образуют стену, а те, что были ниже этого места, утекли, благодаря чему образовалась суша (Нав. 3:15–16). В 4 Книге Царств Илия ударяет милотью о воды того же Иордана, так что они расступились и стали стеной справа и слева (4 Цар. 2: 8).

Из рассмотренных нами житийных примеров только один более или менее точно воспроизводит ветхозаветный образец. Петр Атрыйский при переправе через разлившуюся реку Галис делает так, что воды разделяются на две части и дают проход всем людям, столпившимся на берегу в ожидании возможности переправиться (*Vita Petri Atratoat.*: сар. 8,1–15).

Остальные же описания отличаются разнообразием, а также явным или подспудным несогласием с тем, как именно практически должно осуществляться подобное чудо. К числу первых принадлежит эпизод из жития Иоанникия, составленного монахом Петром в сер. IX в., где автор напрямую сообщает, что «механизм» чуда отличался от ветхозаветного:

«...подойдя к реке поближе, он [Иоанникий] стал молиться. С молитвой простерев руку и осенив воды крестным знамением, он не разделил их надвое, как некогда Елисей милотью Илии, но вступил на поверхность, заморозив жидкое состояние [воды]. Он продолжил свой путь, ступая словно посуху поверх вод, пока

---

² В данном исследовании чудеса о пересечении водной преграды не описываются отдельно, они включены в общую группу чудес, связанных со способностью святых преодолевать силу тяжести: левитацией, передвижением грузов и т. д. (Pratsch 2005: 282–284).

не оказался на противоположном берегу, после чего восславил Бога и снова отправился в дорогу» (...καὶ ὡς πλησίον τοῦ ποταμοῦ ἔφθασεν εἰς προσευχὴν ἔστη, καὶ μετὰ τὴν εὐχὴν ἐκτείνας τὴν χεῖρα καὶ τῷ τύπῳ τοῦ σταυροῦ σφραγίσας τὰ ὕδατα οὐδιχὴ ταῦτα διεῖλεν, οἷα τῆ τοῦ Ἡλίου μηλωτῆ ὁ Ἐλισσαῖος, ἀλλὰ δυνάμει Θεοῦ τὴν ῥευστὴν φύσιν αὐτῶν παγιώσας ἐπέβη. Καὶ ἐπεφέρετο ὡς διὰ ξηρᾶς πεζοπορῶν ἐπάνω αὐτῶν, ἕως οὗ ἐπὶ τὸ ἕτερον μέρος τοῦ ποταμοῦ ἐπὶ τῆς ἡπείρου ἔστη, καὶ τὸν θεὸν ἀνυμνήσας πάλιν τὴν ὁδὸν ἤνυεν) (Petri Vita Ioannicii: 409A).

Интересно отметить, что другие жития этого же подвижника редуцируют указанные подробности. Ни монах Савва, составивший свое повествование, вероятно, немного позднее Петра, ни Симеон Метафраст в своем переложении не упоминают о замораживании воды и не приводят сравнения с Ветхим Заветом. Савва представляет наиболее сухое описание. Он просто констатирует факт, что святой преодолел реку, считавшуюся другими путниками невероятно опасной: «...ἑρωτηθέντες δὲ παρ' αὐτοῦ τὰ περὶ τῆς εὐθύτητος τῆς ὁδοῦ, ἀπεκρίθησαν ὅτι ποταμὸς ἐστὶν ἐνταῦθα δυσδιάβατος, πάτερ, τοῖς πεπειραμένοις αὐτοῦ, μόλις καὶ ἐν ἡμέρᾳ περῶμενος, καὶ μάλιστα ἐν τῷ νῦν καιρῷ τῶν ἀλλεπαλλήλων νιφάδων καὶ ἐπικλύσεων. ὁ δὲ νυκτὸς ἀναστὰς καὶ τὴν ὁδὸν αὐτοῦ ἀνύων, τὸν ποταμὸν ἐκεῖνον καταλαμβάνει καὶ τῷ κυρίῳ εὐξάμενος διῆλθεν εἰς τὸ πέραν ἀβρόχως» (Sabae Vita Ioannicii: 343A). Метафраст воспроизводит эту же версию чуда, но добавляет буквально одно слово, фиксирующее внимание читателя на том, что святой именно шагал по воде: «Οἱ δὲ ποταμὸν αὐτῷ ἐπὶ τὰ πρόσω ῥεῖν ἔφησαν, μὴ εὐχερῆμη δὲ ῥαδίαν ἔχοντα τὴν περαιώσιν, καὶ μάλιστα τόγενῶν ἔχον, ὄμβρων αὐτῷ τοσοῦτων ἐπὶ ῥῥυέντων· ἔτυχε γὰρ κατ' ἐκείνοτῆς ὥρας ὕσαι ῥαγδαίως, καντεύθεν πλημμυρῆσαι τὸν ποταμὸν. ... ὁ δὲ περιμέσας νύκτας διαναστὰς ... **ἐπιβαίνει** ἀβρόχως τῷ ὕδατι, καὶ εἰς τὴν ἀντιπέρας ἡπειρον διαβαίνει» (Symeonis Met. Vita Ioannicii: col. 48). Таким образом, очевидно, что для Саввы и Симеона Метафраста гораздо больший интерес представляют собой природные и погодные условия совершения чуда, нежели то, каким образом оно произошло.

Обращаясь к описанию подобных чудес в других житиях, следует отметить, что, как и в двух вышеописанных примерах, агиографы говорят именно о хождении по водам, подобном Христовому (Мф. 14: 22–36; Мк. 6: 45–56; Ин. 6: 16–21). Так, Константин из Иудеев просто доверился воде и перешел реку по

ее поверхности, замочив ноги только по щиколотку. Тем не менее, сам агиограф сравнивает описанное чудо с эпизодом из книги Иисуса Навина. И подчеркивает, что чудо было не менее значительным хоть воды и не расступились, как написано в Ветхом Завете (*Vita Constantini*: 638).

В жизнеописаниях Ильи Нового (ВНГ 580, X в.) и Никона Метаноите (ВНГ 1366–1367, XI–XII вв.) агиографы не сообщают никаких деталей и предлагают более абстрактное описание чуда. Илья Новый просто вдруг оказывается на противоположном берегу, при этом вовсе не замочив ног, чем повергает в изумление своих спутников (*Vita Eliae Iunioris*: cap. 59, 1266–1279). А о Никоне Метаноите сообщается, что, пытаясь скрыться от погони, он оказался перед бурным потоком и, не имея другой возможности ускользнуть от преследователей, со страхом бросился в воду. С помощью Богородицы святой был вынесен на противоположный берег, не ясно, как именно (*Vita Niconis*: 66).

Типологически с преодолением реки очень схож эпизод из жития Леонтия Иерусалимского (ВНГ 985, XII в.), несмотря на то, что герой бросается не в реку, а в море, поскольку не успел к последней лодке, переправлявшей людей через узкий пролив в окрестностях Константинополя. Леонтий сравнивается с апостолом Петром, который шел по воде к Спасителю. Молодой человек бросился в пучину, стал стараться передвигать ногами и почувствовал, что движется вперед. В конце концов, с помощью божественных сил он оказался на нужном берегу, хоть и был полностью погружен в воду и весь вымок. Представление чуда в этом житии (*Vita Leontii*: cap. 12–14) отличается большим вниманием к окружающим обстоятельствам в сочетании с обширным описанием размышлений героя и его душевных метаний, что соответствует общему тону всего повествования. Но самое интересное, что агиограф после описания чуда тоже начинает размышлять о «методике», выстраивая собственную систему. Он говорит, что если кто-то спросит, почему же Леонтий не мог идти по поверхности воды или по морскому дну, то он ответит: юноша был еще слишком молод, чтобы удостоиться такого невероятного чуда, приличествующего только поистине великим и опытным в духовном возрастании подвижникам.

Особый вариант чуда представлен еще в одном житии XII в. Речь идет об эпизоде из жизнеописания Климента Охридского (ВНГ 355), где описывается переправа через Истр, совершенная

не самим святым, но его последователями. Очевидно, что эти персонажи не могли быть наделены сверхъестественными способностями, которыми обладали святые. В данном случае, подразумевается лишь некое заступничество святого и высших сил при преодолении опасности. При этом процесс в целом представлен весьма подробно и выглядит очень реалистично: «...ἐπεὶ δὲ κατὰ τὰς ὄχθας τοῦ Ἰστρου γενόμενοι ἑώρων τὸ ῥεῦμα πολὺ καὶ διὰ τοῦτο καὶ ἄπορον, ξύλα τρία συνδήσαντες φιλύρας φλοιῶ τῇ ἄνωθεν δυνάμει φρουρούμενοι τὸν ποταμὸν διεπέρασαν, καὶ κατακλυσμὸν αἰρέσεων φεύγοντες ξύλοις κατὰ θεῖαν ἐπιφροσύνην ἐσώθησαν» (Vita Climentis: 120).

Сходное чудо представлено в сборнике чудес св. Димитрия, где небесный покровитель является епарху Иллирика Леонтию во время путешествия и воодушевляет путника на опасную переправу через Дунай. А. П. Каждан сопоставляет варианты этого эпизода в одном из ранних собраний (VII в.) и в метафразе Никиты Солунского (XI в.) (Kazhdan 1993). В обоих случаях св. Димитрий выполняет одну и ту же роль: он укрепляет Леонтия в вере и помогает решиться на отчаянный поступок. Однако обстоятельства, сопровождающие переправу, не имеют между собой ничего общего. В первом случае на Дунае разыгралась буря, и из-за ненастья никто не хотел даже попытаться переплыть реку. Только Леонтий смог сесть в лодку и благополучно преодолеть стихию (Passioaltera: 94F-95A). В более позднем варианте река оказывается скованной льдом, и герою непросто довериться льду, ведь неизвестно, насколько он крепок. В итоге, епарх все же переходит пешком на другой берег (Miracula Demetrii: 333). Каждан делает предположение, что такая интерпретация была вызвана реальными климатическими условиями середины XI в., поскольку сведения о замерзании Дуная в 1046 г. содержатся у Скилицы. Такое необычное явление вполне могло вдохновить автора на создание собственной версии чуда.

По нашему мнению, представленный обзор эпизодов демонстрирует, что агиографы, находясь в рамках библейской традиции, тем не менее, не всегда воспроизводят ее в исходном виде, а используют для создания своих вариантов, вероятно, намеренно, ведя подобие игры с читателем, когда вместо привычного чуда, он получает что-то неожиданное. Кроме того, такие изменения в представлении чудес вполне можно рассматривать как отражение в литературе специального, именно византийского, восприятия чудесного. Данный дискурс рассматривается в

исследовании А. Калделлиса (Kaldellis 2014). Автор постулирует тезис о том, что начиная с самых истоков утверждения христианства, рассказы о чудесах встречали ожидаемое сомнение в их подлинности. Они требовали свидетельств и каких-то обоснований в условиях, когда новая религия находилась в конкурентных обстоятельствах. Однако, удивительно то, что подобный скепсис не исчезал с течением столетий, и в средневизантийский период в агиографии можно по-прежнему находить примеры, говорящие о сомнении в чудесах, да и в самих святых тоже. Особенно очевидно это проявляется к X–XI вв. (Pratsch 2005: 414–415). Рассматривая примеры чудесного преодоления реки в свете вышесказанного о византийском скепсисе, можно предположить, что данные попытки по-новому представить привычное чудо отражают стремление авторов переосмыслить его на свой лад. Кому-то интересна более правдоподобная версия, кто-то ищет более рационалистического объяснения, как Петр Монах в жизнеописании Иоанникия с замораживанием воды, а для кого-то, наоборот, лучшим вариантом является максимально абстрактное описание, не требующее никаких деталей, могущих вызвать читательские сомнения, и больше соответствующее духу чудесного в высоком богословском понимании.

Источники

- Miracula Demetrii – Sigalas A. Νικήτα ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης εἰς τὰ θαύματα τοῦ Ἁγίου Δημητρίου // ΕΕΒΣ. 1936. Τ. 12. Σ. 329–360.
- Passioaltera – Passioaltera s. DemetriiMartyris // Acta sanctorum. Octobris. T. 4. Brux., 1780. P. 90–95.
- Petri Vita Ioannici – Altera vita s. Ioanniciauctore Petri monacho // Acta sanctorum.Novembris. T. 2. Brux., 1984. Col. 384–435.
- Sabae Vita Ioannicii – Vita s. Ioannicii auctore Saba monacho // Acta sanctorum. Novembris. T. 2. Brux., 1984. Col. 332–384.
- Symeonis Met. Vita Ioannicii –Vita, res gestae et certamina sancti patris nostri Joannicii abbatis // Patrologiagraeca. T. 116. Turnhout. Col. 35–92.
- Vita Constantini – De s. Constantino quondam Iudaeo, monacho in Bithynia // Acta sanctorum. Novembris. T. IV. Brux., 1925. P. 628–656.
- Vita Climentis – A. Milev. Gruckitezitijana Kliment Ochridski. Sofia, 1966.C. 76–146.
- Vita Eliaelunioris – Vita di Sant' Elia il Giovane / ed. G. Rossi Taibbi. Palermo, 1962.
- Vita Leontii – D. Tsougarakis. The Life of Leontios Patriarch of Jerusalem: Text, Translation, Commentary // The Medieval Mediterranean. People,

- Economies and Cultures, 400–1453. Vol. 2. Leiden; New York; Köln, 1993. P. 32–156.
- Vita Niconis – D. F. Sullivan. The life of Saint Nikon. Brookline, Mass., 1987.
- Vita Petri Atrato. – V. Laurent. La vie merveilleuse de s. Pierre d'Atroa. Brussels, 1956.

Литература

- DOHD – Dumbarton Oaks Hagiography Database [электронная база данных]. URL: <http://www.doaks.org/research/byzantine/resources/hagiography-database> (дата обращения 3.05.2015).
- Kaldellis 2014 – Kaldellis A. The Hagiography of Doubt and Scepticism // The Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography / ed. S. Efthymiadis. Vol. II. Farnham, 2014. P. 453–477.
- Kazhdan 1993 – Kazhdan A. Post-hoc of two byzantine miracles / Authors and Texts in Byzantium. Farnham, 1993. P. 420–422.
- Pratsch 2005 – Pratsch T. Der hagiographische Topos: Griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit. New York; Berlin, 2005.

Y. B. Mantova. A Rapid River on the Byzantine Saint's Way: Literary Implementation of Hagiographical Topos

The paper deals with a topos of miraculous river crossing in mid-Byzantine hagiography. T. Pratsch's fundamental and important research on the hagiographical *topoîs* focused on generalizing the similarities to construct a typological system, which is stable and constant. However, an analysis on the differences in applying the same motif seems to be quite fruitful as well. It reveals that the writers did not tend to mirror the Bible miracles in their initial form, but tried to diversify them according to their individual attitudes and impressions. It is argued that the deviations and diversification of traditional miracles could serve as an additional source to attract and entertain the reader.

Key words: hagiography, Byzantium, miracle, crossing river, topos, saint.

**СТИХОТВОРНЫЕ ПРИМЕРЫ
В «КРАТКОМ РУКОВОДСТВЕ К КРАСНОРЕЧИЮ»
М. В. ЛОМОНОСОВА**

В статье рассмотрены стихотворные тексты, приведенные М. В. Ломоносовым в качестве иллюстраций к теоретическим положениям его риторического трактата – «Краткого руководства к красноречию» (1747). Анализируется метрический репертуар, особенности использования рифмы в неэквиритмических переводах античных авторов, соотношение оригинальных и переводных стихотворных примеров.

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, риторический трактат, стихотворные примеры, метрический репертуар, оригинальные и переводные тексты, античность.

I

Исследователи «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова часто называют этот трактат хрестоматией, собранием литературных примеров (Западов 1979: 151; Блок, Макеева, Сазонова 2011: 674, Бухаркин 2013: 41, 43). Значительную часть приводимых М. В. Ломоносовым иллюстраций к тем или иным теоретическим положениям «Риторики» составляют примеры стихотворные, которые представляют собой уникальный материал для исследования ранней русской силлабо-тоники. Стихотворные примеры «Краткого руководства к красноречию» – это не только важная часть иллюстраций в риторическом трактате, но и значительная часть всего стихотворного наследия М. В. Ломоносова. Всего в тексте «Риторики»¹ содержатся 152 стихотворные иллюстрации (1028 стихотворных строк). В метрико-строфическом справочнике к произведениям М. В. Ломоносова учтен 281 стихотворный текст (Лалетина, Хворостьянова 2010: 28). Из них в «Кратком руководстве к красноречию» находим 108 произведений², это 38% всех произведений

¹ Ломоносов 2011: 7, 71–296 (в дальнейшем тексте статьи ссылки на это издание оформляются сокращенно: первая цифра указывает том, вторая – страницу).

² 108 произведений представлены в тексте «Краткого руководства к красноречию» 152 иллюстрациями, поскольку некоторые иллюстрации представляют собой фрагменты одних и тех же произведений. Кроме

М. В. Ломоносова. Если обратиться к статистике стихов, то окажется, что помещенные в «Риторике» стихи составляют всего 7% от общего количества написанных М. В. Ломоносовым стихотворных строк³. Однако значимость стихотворных примеров «Риторике» обусловлена не их объемом, а тем обстоятельством, что в них представлена, можно сказать, модель всей метрической системы М. В. Ломоносова. Убедиться в этом можно, сопоставив метрический репертуар «Краткого руководства к красноречию» с метрикой М. В. Ломоносова в целом (см таблицу 1).

Как видно из таблицы, в стихотворениях «Краткого руководства к красноречию», написанных Ломоносовым в 1743–1747 гг., обнаруживаются почти все классические размеры, встречающиеся у М. В. Ломоносова: Х4, Х5, Х6, ЯЗ, Я4, Я5, Я6, ЯРз, ЯВ, Проч.⁴ Единственный классический размер, которого нет в «Риторике», – это ХРз. Этим размером написана «Сатира господина Ломоносова на Третьяковского», принадлежность этого текста Ломоносову вызывает сомнения, в 8 томе АПСС М. В. Ломоносова он помещен в раздел «Стихотворения, приписываемые М. В. Ломоносову» (8, 756–759, 1079–1081).

того, в общее количество стихотворных иллюстраций (152) включены примеры, не вошедшие в материал метрико-строфического справочника: одностишия «О волк, овец изрядный пастырь» и «Сребро скупым сребро, железо людям щедрым», двустишия «По сажу гладь, хоть бей, / Ты будешь черн от ней», «Молебень пет, / А польги нет», «Либо полон двор, / Либо корень вон», «Не всяк то делать смеет, / Что всяк умеет» (большинство этих примеров представляют собой пословицы). Для сопоставимости наших данных и данных метрико-строфического справочника (см. таблицу ниже) эти стихотворные иллюстрации исключены из статистики.

³ Значительная разница между показателями по стихам и по произведениям наглядно демонстрирует, что тексты-иллюстрации, приводимые в «Кратком руководстве к красноречию», в основном небольшого объема: их объем колеблется от 1-стиха до 48 стихов (самые длинные тексты из «Риторике», составляющие 48 стихов, – это «Вечернее размышление» и анакреонтическая ода «Ночную темноту...»).

⁴ В группу Проч. из «Краткого руководства к красноречию» вошли моностихи и дефектное двустишие «...Коль святы те народы / У коих полны все богами огороды!» (перевод из «Сатир» Ювенала).

Таблица 1. Метрический репертуар⁵ М. В. Ломоносова (стих «Краткого руководства к красноречию» в соотношении со стихотворной системой)

Размеры	Стих М. В. Ломоносова в целом ⁶				Стих в «Кратком руководстве к красноречию» ⁷			
	Пр.	%	Стихи	%	Пр.	%	Стихи	%
X4	6	2,13	422	3,03	2	1,85	24	2,36
X5	1	0,36	2	0,02	1	0,93	2	0,20
X6	2	0,71	10	0,07	2	1,85	10	0,98
XPз	1	0,36	100	0,71				
Всего X	10	3,56	534	3,83	5	4,63	36	3,54
ЯЗ	7	2,49	131	0,94	4	3,70	68	6,68
Я4	45	16,02	5593	40,16	16	14,81	457	44,89
Я5	2	0,71	22	0,16	2	1,85	22	2,16
Я6	160	56,94	6740	48,4	68	62,96	415	40,77
ЯPз	5	1,78	72	0,52	1	0,93	2	0,20
ЯВ	2	0,71	72	0,52	1	0,93	6	0,59
Всего Я	221	78,65	12630	90,7	92	85,19	970	95,28
Всего 2-сл.	231	82,21	13164	94,53	97	89,81	1006	98,82
Всего Кл	231	82,21	13164	94,53	97	89,81	1006	98,82

⁵ Рассмотрение именно метрической, а не строфической системы обусловлено, в частности, проблематичностью определения строфической структуры стихотворных фрагментов.

⁶ Данные метрико-строфического справочника к произведениям М. В. Ломоносова (Лалетина, Хворостьянова 2010: 27–28). Используемые сокращения: X – хорей, Я – ямб, 2-сл. – двусложные классические размеры, Лог – логэды, Гк – гекзаметр, Дк – дольник, Pз – разноstopные (разноударные) размеры, В – вольные размеры, Кл – классические размеры, НКл – неклассические размеры, МК – монометрические композиции, ПК – полиметрические композиции, СФ – сводные формы.

⁷ В статистике учтены все стихотворные тексты «Краткого руководства к красноречию», написанные в период 1743–1747 гг., включая помещенные в сносках 7 тома АПСС М. В. Ломоносова иллюстрации из рукописного варианта «Риторика» (1747): «Хотя б вы, готы, возмутили...» (§ 226; 7, 215); Ты бледен, ты ж и мал, <подслеп> и крив, и шепеляв...» (§ 89; 7, 128) и «О утра час великолепный...» (§ 238; 7, 223). Стихотворение «Взойди веселый дух на ону высоту...» (§ 271; 7, 250), добавленное в издании «Краткого руководства к красноречию» 1759 г. (Риторика 1759), в нашей статистике не учитывается.

Гк	2	0,71	4	0,03				
Лог	2	0,71	6	0,04				
Дк4	1	0,36	10	0,07				
Всего Дк	1	0,36	10	0,07				
Всего НКл	5	1,78	20	0,14				
Проч.	28	9,96	83	0,6	11	10,19	12	1,18
Всего МК	264	93,95	13267	95,27	108	100,00	1018	100,00
Всего ПК	2	0,71	298	2,14				
Всего СФ	15	5,34	360	2,59				
ВСЕГО	281	100	13925	100	108	100,00	1018	100,00

Отсутствие в «Риторике» Нкл закономерно. Неклассические размеры представляют в творчестве Ломоносова особую группу экспериментальных размеров: из пяти написанных этими размерами текстов четыре являются иллюстрациями к теоретическим положениям «Письма о правилах российского стихотворства» (1739), в котором Ломоносовым были предложены образцы гекзаметра и пентаметра на русском языке⁸. На несоответствие теоретических деклараций и поэтической практики М. В. Ломоносова в отношении Нкл многократно обращали внимание исследователи (Дерюгин 1985: 39; Лалетина, Хворостьянова 2010: 64), однако вопрос о причинах использования им для переводов греческих и римских поэтов Яб остается дискуссионным. А. А. Дерюгин объясняет отказ от принципа эквиритмичного перевода в первую очередь стремлением Ломоносова сохранить классицистический принцип единства формы высоких жанров, поскольку Яб рассматривался поэтом «как аналог французского метра эпопеи, трагедии – александрийского стиха» (Дерюгин 1985: 39). По словам исследователя, Ломоносов «размер античного эпоса, гекзаметр, стал подменять метром русского (и французского) эпоса (и других высоких жанров) – александрийским стихом, то есть шестистопным ямбом» (Дерюгин 1985: 39). Однако следует признать, что для 40-х гг. XVIII века о «подмене» говорить некорректно, поскольку Яб к моменту создания ломоносовской «Риторики» еще не стал метром русского эпоса. У самого Ломоносова Яб впервые

⁸ Пятый текст («Я в Греции родился...») – это черновые наброски стихотворения, которое так и не было написано (Ломоносов 2011: 8, 699, 1049).

встречается в эквиритмическом переводе панегирических стихов Юнкера «Венчанная надежда Российския империи» (1742)⁹ и в четырех фрагментах из «Краткого руководства к риторике», представляющих собой подражания античным поэтам («Высокий кедров верх внезапный юг нагнул...»¹⁰, «В золотые дни со львом бессильный агнец спал...», «Как десять жатв прошло, сгорела горда Троя», «Троянских стен верхи уже во рвах лежат...») (1743), а затем – в «Кратком руководстве к красноречию» (1747), по большей части также в переводах и подражаниях древним. Таким образом, формирование Я6 в поэзии Ломоносова связано по преимуществу с переводами античных поэтов или подражаниями. Можно предположить, что использование Я6 как русского «эквивалента» античных метров соответствует общей «стратегии» освоения античности, которой, по-видимому, следовал Ломоносов и которая отличала его от старших современников – А. Д. Кантемира и В. К. Тредиаковского. Здесь видится своеобразный параллелизм творческих решений Ломоносова: как и в случае с его позицией относительно «европеизации» русского литературного языка (см.: Бухаркин 2011: 59–69), он стремится не к буквальному подражанию, не к латинизации, а к созданию некоего национального эквивалента при освоении античной литературной традиции.

Своеобразным «знаком» античной традиции в неэквиритмических переводах Ломоносова стало отсутствие рифмы: переводы античных авторов в «Кратком руководстве к красноречию» «воспроизводят отсутствие рифмы, но не размер оригинала» (Лалетина, Хворостьянова 2010: 64). Однако это лишь магистральная тенденция: совсем от рифмы в переводах Ломоносов не отказывается. Среди переводных текстов в «Кратком руководстве к красноречию», написанных Я6 с парной рифмовкой, – эпиграммы Марциала, фрагменты «Сатир» Горация («Насмешка острою скорее проникает...»), приписываемой Сенеке трагедии «Геркулес Этейский» («Зевес, богов отец, его же сильный гром...»), «Метаморфоз» Овидия («Беда мне, что

⁹ Это первый известный пример Я6 в русской поэзии (Тарановский 2010: 109).

¹⁰ Ср. комментарий к этому тексту, подчеркивающий его подражательный характер: «К этому тексту, напоминающему своей образностью подражание древним авторам, М. И. Сухомлинов привел параллели из Геродота и Горация» (Блок, Макеева, Сазонова 2011: 651).

трава любви не исцеляет...» и др.). Как эпиграммы Марциала, так и фрагменты «Метаморфоз» Овидия переводятся Ломоносовым и рифмованным, и нерифмованным стихом. Так, например, в § 156 Ломоносов приводит подряд два отрывка из «Метаморфоз», первый из которых переведен рифмованным стихом, второй – безрифменным: 1) «Уже юг влажными крылами **вылетает**, / Вода с седых волос и дождь с браны **стекает** / Туманы на лице, в росе перната **грудь**. / Он облаки рукой успел **давнуть**, / Внезапно дождь густой повсюду зашумел»; 2) «И как туда пришла военная Минерва / И стала у дверей, что в дом вступить не можно, / Толкнула в них копьём, отверзся скоро вход, / Увидела внутри, как зависть ест змиев / И оных кровию злобу свою питает...» (7, 176). Встречаются также случаи спорадической рифмовки в безрифменных текстах. Например, в § 114 в середине 37-строчного фрагмента «Илиады» («За здравие твое. Мы как бы у Атрида...») есть такие строки: «Надеясь на него, Прямов храбрый сын / В ужасной ярости всех греков **презирает** / И в бешенстве своем богов не **почитает**» (7, 146). В § 213 содержится 4-стишие, две строки которого зарифмованы, а две нет: «Какое бешенство, трояна, вас объемлет? / Или вы верите, что греки **отдалились**? / И что без хитрости дают они подарки? / Иль так вы мало знать Уликса **научились**?» (перевод «Энеиды» Вергилия; 7, 206). Еще в одном переводе из «Энеиды» Вергилия (§ 311) рифма также маркирует финальную часть текста, которая представляет собой прямую речь героя: «Иные на горы катают тяжки камни, / Иные к колесу привязаны висят. / Тезей сидит, к горе прикован раскаленной, / И будет век сидеть. Флегей в геенском мраке / Ревет и жалостно других увещевает: / «Вы, сильны на земли, на казнь мою **взирайте**, / Судите праведно и бога **почитайте**» (7, 289). По наблюдениям А. А. Дерюгина, рассматривавшего ломоносовские переводы из Марциала, Ювенала и Овидия, «появление рифмы характерно для эпиграмм и небольших афористичных отрывков, где созвучие окончаний подчеркивает завершенность формы» (Дерюгин 1985: 41). Наши примеры позволяют несколько скорректировать это положение: рифма встречается не только в эпиграмматической поэзии; Ломоносов использует рифмованный ЯБ как прием акцентирования в разных жанрах и в различных по объему переводных отрывках.

II

Одна из центральных проблем «Краткого руководства к красноречию» – это вопрос о соотношении в иллюстративном материале ломоносовского риторического трактата оригинальных текстов и переводов.

Однозначно разделить стихотворные примеры в «Риторике» на оригинальные и переводные затруднительно, во-первых, потому, что в «Риторике» встречаются отмеченные комментаторами «Краткого руководства к красноречию» «промежуточные» формы. Это переложения библейских текстов (переложения псалмов, двустилишие «Кто хочет большим быть, / Тот должен всем служить», представляющее собой вольное переложение евангельского текста (8,833)), вольные переводы («Лишь только дневный шум замолк...», «Жениться хорошо, да много и досады...», «Послушайте, прошу, что старому случилось...» – вольные переводы басен Лафонтена), стихотворения на мотив (например, стихотворение «Троянских стен верьхи уже во рвах лежат...» (8,841), написанное на мотив из «Героид» Овидия). Хотя решение составителей метрико-строфического справочника, «учитывая особую роль “образцов для подражания” в поэтической практике XVIII в.», относить такого рода тексты к числу оригинальных стихотворений Ломоносова (Лалетина, Хворостьянова 2010: 20–21), представляется допустимым, при более детальном анализе оригинальных и переводных произведений Ломоносова игнорировать разнообразие этих форм не следует.

Вторая сложность заключается в том, что среди текстов, которые мы считаем переводными, выделяются две принципиально различные группы: а) тексты, которые сам Ломоносов определил как переводные, указав автора; б) переводные тексты, которые автором «Риторики» не снабжены указанием на источник, а их источник установлен комментаторами «Краткого руководства к красноречию» или позднейшими исследователями¹¹. С

¹¹ В отношении многих иллюстративных примеров ломоносовской «Риторики» речь может идти не об одном источнике, а о нескольких источниках. Для А. А. Костина, исследующего в настоящее время эту проблему, «под установлением источника понимается вся цепочка использования этого примера до того издания или группы изданий, из которых с наибольшей вероятностью было сделано заимствование» (Сегал-Рудник, Соловьев 2014: 246). В 2013 г. А. А. Костиным и С. И. Николаевым в пособии польского педагога и теоретика

нашей точки зрения, указание Ломоносовым автора – основной критерий квалификации того или иного текста как переводного. В связи с этим вызывает сомнения отнесение в метрико-строфическом справочнике к произведениям М. В. Ломоносова оды «Ночную темнотою...» к числу переводных текстов Ломоносова, а стихотворения «Я знак бессмертия себе воздвигнул...» – к числу оригинальных (Лалетина, Хворостьянова 2010: 335, 337). Текст «Краткого руководства к красноречию», подводящий читателя к этим иллюстрациям, доказывает, что сам Ломоносов воспринимал и то, и другое как перевод. Ср.: «Таким образом расположена у Горация ода 30 книги третьей» (7, 246); «Пример из Анакреонта» (7, 287).

Наконец, в-третьих, в тексте «Риторике» М. В. Ломоносова встречаются стихотворные иллюстрации фольклорного происхождения (пословицы), статус которых требует специального исследования и которые, с нашей точки зрения, следует рассматривать отдельно от переводных и оригинальных литературных произведений М. В. Ломоносова.

С учетом вышеизложенного, картина соотношения различных типов стихотворных иллюстраций «Риторике» М. В. Ломоносова выглядит следующим образом (см. таблицу 2).

красноречия М. Радау «Оратор без подготовки» были обнаружены источники 20 иллюстраций ломоносовской «Риторике», в том числе четырех стихотворных отрывков, переведенных Ломоносовым: «На белых волосах у Аппия зима...» фламандского новолатинского поэта Бернарда ван Баухюйсена, «Тебя мы любим все, и все тебя боимся...» Клавдиана, «Без всякой мы вины любовь зовем слепою...» Дж. Оуэна и «Тот беден в свете сем, кто беден не бывал» Сенеки (Костин, Николаев 2013). Кроме того, А. А. Костиным в докладе «Источники примеров в ломоносовской Риторике» на конференции «Русская литература XVIII века и ее зарубежные связи. Памяти Ильи Захаровича Сермана» (23–24.09.2013) было показано, что еще как минимум три ломоносовских стихотворных иллюстрации из «Риторике» представляют собой заимствования («О волк, овец преславный пастырь», «О пища ты червей! О прах и пыль презренна!..», «То плачет человек, то в радости смеется...») (Сегал-Рудник, Соловьев 2014: 246).

Таблица 2. Оригинальные и переводные стихотворные примеры в «Кратком руководстве к красноречию»

Разновидности стихотворных примеров	Кол-во
1. переводные тексты (автор указан Ломоносовым)	59
2. переводные тексты (автор установлен исследователями)	8 ¹²
3. переложения библейских текстов	4
4. вольные переводы	3
5. стихотворения «на мотив»	4
6. оригинальные тексты	69
7. пословицы	5
ВСЕГО	152

Как отмечает Л. И. Сазонова, большая часть переводных примеров в «Риторике» не цитировалась Ломоносовым непосредственно из оригиналов (первоисточников), а восходит к текстам-посредникам (Сазонова 2013: 35). Этот факт, однако, не отменяет возможности выбора Ломоносовым из этих текстов-посредников тех или иных примеров. В связи с этим обращает на себя внимание, что абсолютно все стихотворные переводы, содержащиеся в тексте «Риторики» указание на авторство, – это произведение античной литературы, которая, очевидно, рассмотривалась М. В. Ломоносовым как образцовая. Среди фрагментов это «Энеида», «Георгики» и «Эклоги» Вергилия, «Метаморфозы», «Фасты» и «Героиды» Овидия, «Илиада» Гомера, «Сатиры» Горация, «Буколики» Кальпурния, трагедии Сенеки («Медея», «Троянки» и приписываемая Сенеке трагедия «Геркулес Этейский»), «Послания» Сенеки, «Сатиры» Ювенала, фрагмент стихотворения Сафо (из трактата «О стиле» Деметрия Фалерского). В качестве цельных переводных текстов, при которых указан автор оригинала, представлены эпиграммы Марциала, стихотворение «На белых волосах у Аппия зима...» (приписано Ломоносовым Марциалу), анакреонтическая ода «Ночную темнотою...» (приписана Ломоносовым Анакреонту). Подчеркнутой ориентацией именно на античность стихотворные переводы в «Риторике» отличаются от прозаических (прозаические примеры, помимо античных классиков, включают фрагменты раннехристианских латинских писателей – Тертуллиана,

¹² По мере дальнейших разысканий цифровые показатели в строках 2, 3, 4, 5 могут увеличиться, а в строке 6, соответственно, уменьшиться.

Лактанция; Отцов Церкви – Василия Великого, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина; европейских писателей нового времени – например, Эразма Роттердамского). В этой связи любопытный материал представлен в недавней статье А. А. Костина и С. И. Николаева «Неучтенный источник Риторике Ломоносова», в которой опубликован оригинал стихотворения «На белых волосах у Аппия зима...», прочитанного Ломоносовым в пособии польского теоретика красноречия Михаила Радау и включенное в «Риторику» как эпиграмма Марциала. Как обнаружили авторы статьи, автор этой эпиграммы, приведенной в трактате Радау без указания автора (Radau 1684: 46), – новолатинский поэт Бернард ван Баухюйсен (Костин, Николаев 2013: 43). Важным представляется сам факт приписывания Ломоносовым авторства эпиграммы именно римскому классику – можно предположить, что этот текст оказался в ломоносовской «Риторике» во многом благодаря ошибке ее автора¹³.

Оригинальные стихотворные тексты «Риторике», количество которых сопоставимо с числом переводных примеров, прежде всего включают отрывки собственных произведений М. В. Ломоносова. Абсолютное большинство этих отрывков – это фрагменты торжественных од М. В. Ломоносова. Чаще всего цитируется ода на день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны 1746 года (13 раз) и ода на прибытие императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Петербург 1742 ода (11 раз). Кроме од, в «Риторику» помещен фрагмент песни «Молчите, струйки чисты...» и нескольких не дошедших до нас ломоносовских стихотворений. Среди цельных произведений большого объема, которые были впервые опубликованы в составе «Краткого руководства к красноречию», – «Вечернее размышление», а также (при широком подходе, позволяющем включить в число оригинальных произведений «промежуточные» формы, о которых шла речь выше) переложения 14 и 145 псалмов и «вольные переводы» трех басен Лафонтена («Лишь

---

¹³ Отметим, что эпиграмма «На белых волосах у Аппия зима...» – это не единственный случай, когда Ломоносов приписывает авторство фрагмента античному поэту. Еще один сходный пример – приписанное Вергилию двустихие «Из коей вы земли и коего народа? / И с миром ли вы к нам или пришли с войною?» Ср. комментарий к этому фрагменту в АПСС М. В. Ломоносова: «Таких стихов в “Энеиде” нет» (7, 705). В таблице 2 оба этих примера учтены как переводные тексты, автор которых указан Ломоносовым.

только дневный шум замолк...», «Жениться хорошо, да много и досады...», «Послушайте, прошу, что старому случилось...»).

Стихотворные примеры доминируют в корпусе оригинальных иллюстраций «Краткого руководства к красноречию». Включение в текст «Риторики» большого количества собственных литературных произведений и стремление представить русский материал только своими собственными примерами, как кажется, отражало установку Ломоносова на «сочинительство» (ср. заглавие первого издания «Риторики» (СПб., 1748): «Краткое руководство к красноречию. Книга первая <...> сочиненная (курсив здесь и далее наш – Е. М.) <...> трудами Михайла Ломоносова»; второе издание 1759 года помечено – с «сочинительскими исправлениями»). Возможно, именно с этой установкой на «сочинительство», а не только борьбой Ломоносова за «чистоту штиля», о которой писали исследователи (Блок, Макеева, Сазонова 2011: 691), связано невключение в «Риторику» огромного пласта российского духовного красноречия, в частности, текстов Феофана Прокоповича. Если признать, что Ломоносов мыслил себя не просто составителем учебника по риторике, а именно сочинителем и создавал авторский труд, то становится понятным, почему оригинальные иллюстрации в «Риторике» представляют собой примеры именно стихотворные: ведь собственной ораторской прозы к 1747 году у Ломоносова еще не было: он впервые обращается к этому жанру только в 1749 году, когда пишет свое знаменитое «Слово похвальное» императрице Елизавете Петровне.

Литература

- Блок, Макеева, Сазонова 2011 – [Блок Г. П., Макеева В. П., Сазонова Л. И.] Примечания // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.; СПб., 2011–2012. Т. 7: Труды по филологии, 1739–1758 гг. М.; СПб., 2011. С. 662–718.
- Бухаркин 2011 – Бухаркин П. Е. Михаил Васильевич Ломоносов в истории русского слова. СПб., 2011.
- Бухаркин 2013 – Бухаркин П. Е. «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова: литературный статус и некоторые проблемы филологического изучения // Филологическое наследие М. В. Ломоносова: колл. монография. СПб., 2013. С. 36–72.
- Дерюгин А. А. Третьяковский – переводчик. Становление классического перевода в России. Саратов, 1985.
- Западов 1979 – Западов А. В. Поэты XVIII века: М. В. Ломоносов. Г. Р. Державин: Литературные очерки. М., 1979.

- Костин, Николаев 2013 – Костин А. А., Николаев С. И. Неучтенный источник Риторике Ломоносова // Чтения отдела русской литературы XVIII века. Вып. 7. М.; СПб., 2013. С. 41–53.
- Лалетина, Хворостьянова 2010 – Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В. Словарь языка М. В. Ломоносова. Материалы к словарю. Вып. 2: Метрико-строфический справочник к произведениям М. В. Ломоносова. СПб., 2010.
- Ломоносов 2011 – Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.; СПб., 2011–2012. Т. 7: М.; СПб., 2011. Т. 8: М.; СПб., 2011 (АПСС).
- Риторика 1759 – Ломоносов М. В. Собрание разных сочинений в стихах и в прозе. Кн. 2, в которой содержится Краткого Руководства к Красноречию разделение первое, состоящее из Риторики или общих правил Общего Красноречия, то есть Оратории и Поэзии. Второе издание с сочинителевыми исправлениями. М., 1759.
- Сазонова 2013 – Сазонова Л. И. Риторика Ломоносова: актуальные проблемы риторической традиции XVIII века // Чтения отдела русской литературы XVIII века. Вып. 7. М.; СПб., 2013. С. 20–40.
- Сегал-Рудник, Соловьев 2014 – Сегал-Рудник Н. М., Соловьев А. Ю. К 100-летию И. З. Сермана // Русская литература. 2014. № 3. С. 242–253.
- Тарановский 2010 – Тарановский К. Русские двусложные размеры. Статьи о стихе. М., 2010.
- Radau 1684 – Radau M. Orator extemporaneous seu artis oratoriae breviarum bipartitum. Amsterdam, 1684.

Е. М. Matveev. Poetical illustrations in M. V. Lomonosov's "Brief Guide to Eloquence"

The article focuses on poetical works, which are illustrations of different theoretical statements in M. V. Lomonosov's «Brief Guide to Eloquence» (1747). The analysis of metrical repertoire reveals that poetical illustrations in Lomonosov's treatise on rhetoric present a model of Lomonosov's metric system as a whole. Non-equirhythmical translations from the Ancients are usually without rhymes, but rhymes can be used in different extracts as a way of expressing emphasis. Poetical illustrations, apart from original poetical works and translations as such, include paraphrasing the Bible in meter, free translations, poems "on the motif" and proverbs. All poetical translations in «Brief Guide to Eloquence» (unlike the prosaic ones) are translations from the Ancients. Poetical illustrations prevail in the group of original illustrations, that emphasizes Lomonosov's aim: to *compose* a treatise on rhetoric – not just to compile.

Key-words: M. V. Lomonosov, a treatise on rhetoric, poetical illustrations, metrical repertoire, original poetical works and translations.

Т. А. Михайлова (Смирнова)

**«EXAGOGÉ» ЕЗЕКИИЛЯ-ТРАГИКА:
К ИНТЕРПРЕТАЦИИ АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА***

Трагедия «Exagoge» Езекииля-трагика, сохранившаяся благодаря Евсевию Кесарийскому, является переложением Книги Исхода и рассказывает о детстве Моисея и бегстве иудеев из Египта. В данной статье делается попытка проанализировать художественные особенности трагедии и дать характеристику авторской позиции, согласно которой на передний план выдвигается человек. Антропоцентричность ведет к погружению во внутренний мир персонажей, к углубленному описанию их эмоций, к введению новых эпизодов, отсутствующих в Книге Исхода, и даже влияет на лексику и фразеологию.

Ключевые слова: Езекииль-трагик, Книга Исхода, «Exagoge», «Ἐξαγωγή», эллинистическая трагедия, Библия, Септуагината, околобиблейская литература.

От сочинения Езекииля-трагика¹ «Ἐξαγωγή» («Exagoge»²) осталось всего 269 строк, однако, даже несмотря на неполноту и фрагментарность, произведение это заслуживает внимания, так как, по сути, является единственной дошедшей до нас трагедией эллинистического времени, хотя и довольно своеобразной. Живший предположительно во II в. до н. э. автор по имени Езекииль пересказал сюжет исхода Моисея из Египта ямбическими триметрами, ориентируясь на традицию греческой трагедии. Произведение дошло благодаря Евсевию Кесарийскому³, но мы ничего не знаем относительно частей, не

---

* Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-34-01240: «Езекииль-трагик в перекрестном контексте литературных традиций».

¹ В предыдущих статьях, посвященных Езекиилю, нами был использован вариант «Иезекииль», который также встречается в русских работах. Однако, для различения трагика и пророка, а также для большей точности в передаче имени (Ἐζεκιήλος), мы предпочтем здесь вариант «Езекииль».

² Для различия текстов с похожими названиями в дальнейшем кратко обозначим библейскую Книгу Исхода традиционным кириллическим сокращением «Исх», а трагедию – с использованием латинской транслитерации «Ех».

³ В «Евангельском приуготовлении» (9.28.1–9.29.16) Евсевий, в частности, цитирует сочинение Александра Полигистора из Милета «Об

попавших в труд Евсевия, затрудняемся и с определением объема полной пьесы, с наличием в ней хора, с определением цели и потенциальной аудитории, с возможностью постановки на сцене, и также не располагаем никакими сведениями об авторе. Сохранившиеся фрагменты (которых можно выделить около 17) сильно разнятся по величине (от одной строки до нескольких десятков строк), но некоторые из них представляют все же цельные эпизоды, предлагающие достаточный материал для анализа.

Несмотря на свою не очень большую известность, Езекииль-трагик все же удостоился ряда посвященных ему научных работ. Тем не менее, если проанализировать библиографический список, становится видно, какие темы в большей степени привлекали исследователей, а какие остались почти без внимания. Так, например, периодически поднимается вопрос о сомнительной целостности пьесы и о возможной принадлежности фрагментов к разным произведениям⁴. Рассматривается драматическая структура пьесы (Kleczar 2000); цель создания пьесы (Jacobson 1981); предполагаемая биография автора и время его жизни и творчества⁵; анализируется содержание всего произведения или отдельных эпизодов, в частности, на предмет их соотносительности с другими текстами, например, с греческой трагедией или библейской и околобиблейской литературой⁶; изучается отдельное словоупотребление и фразеология (Sansone 1984; Arnott 1985; Horbury 1986); также центром исследования становились и метрические особенности трагедии (Snell 1966; Strugnell 1967). Таким образом, неполная сохранность текста не оказалась препятствием для формулировки целого ряда выводов по самым разным аспектам⁷. Однако, мы почти нигде не

иудеях» («Περὶ Ἰουδαίων»), который в свою очередь использовал в своем труде фрагменты «Ехагоге» Езекииля.

⁴ Рассуждения о возможности принадлежности фрагментов к тетралогии см., например, Kohn 2002–2003; Jacobson 2002–2003.

⁵ См., например, вводные части в отдельных изданиях текста с переводом – Jacobson 1983: 1–47; Lanfranchi 2006: 1–15.

⁶ Например, Ruffatto 2006; Ruffatto 2008; Jacobson 1987; Wacholder, Bowman 1985; Bunta 2007.

⁷ Даже если принять более традиционное мнение о том, что все фрагменты относятся все же к одному тексту, мы все равно только отчасти можем представить объем полного произведения. Например, ван дер Хорст предполагает, что сохранено 20–25 % трагедии (van der Horst 1990: 63).

находим анализа произведения с художественной стороны. В рамках строгого научного подхода постановка вопроса о качестве сочинения, о том «хороший» это автор или «плохой», не представляется корректной, но тем не менее наличие определенного количества работ, исследующих художественные особенности того или иного текста, говорит о восприятии его как произведения высокого уровня. Отмечая уникальность «Echagoge» в роли эллинистической трагедии или иудейской драмы, проблему художественности исследователи в основном обходят молчанием. На более ранних этапах критики были стеснены еще меньше и молчанием не ограничивались. В предисловии к комментированному изданию текста Джекобсон приводит примеры откровенно негативных характеристик, среди которых, например, встречается и такая: «Александрия произвела много плохих поэтов. Один из худших – Езекииль» (Jacobson 1983: 2; 175).

В данной работе, не принимая на себя ответственность за решение такой тонкой проблемы как качество поэзии, попробуем все же частично проанализировать образность сочинения и отметить некоторые черты художественного мира автора (О некоторых чертах стиля «Echagoge» см. Михайлова 2012).

Несмотря на традиционность задачи, – анализ художественных средств и приемов, свойственных тому или иному автору, не является оригинальным типом исследования – решение не столь очевидно. В случае Езекииля-трагика и его пьесы традиция литературного анализа еще не сложилась и наше движение в этом направлении оказывается скорее интуитивным.

В этой статье речь пойдет об особенности авторского стиля, которую мы бы могли назвать *анатомизмом*, *телесностью* или шире *антропоцентричностью*. Под этими терминами мы понимаем большУю концентрацию именно телесных образов, метафоричность, построенную на образах тела, выведение человека на передний план. Разумеется, упоминание частей тела в прямом значении или в рамках фразеологии не является уникальной особенностью, однако, как нам кажется, Езекиилю это свойственно в более высокой степени, что становится видно при сравнении фрагментов «Echagoge» с оригинальным библейским

текстом Книги Исхода⁸, а также на основе непосредственного анализа самого текста.

Итак, изучая сохранившиеся фрагменты трагедии, можно заметить, что Езекииль нередко дает *телесные* пояснения там, где это уже в некоторой степени избыточно. Иногда в этих эпизодах Книга Исхода ограничивается более краткой формулировкой. Так, например, когда мать Моисея приходит как кормилица на зов царевны и берет ребенка, то Исход описывает это предельно просто: «ἔλαβεν δὲ ἡ γυνὴ τὸ παιδίον» – «женщина взяла младенца» (Исх 2:9), Езекииль же дает уточнение: «и взяла меня на руки/ в объятия» – «καὶ ἔλαβέν μ' ἐς ἀγκάλας» (Ех27).

Моисей растет при дворе фактически как сын дочери фараона. Исход опять сообщает самую суть об этом: «καὶ ἐγενήθη αὐτῇ εἰς υἱόν» – «и стал ей как сын» (Исх 2:10). Езекииль добавляет в эпизод и анатомические подробности «ὡς ἀπὸ σπλάγχων ἐῶν» – «как будто я был из ее утробы (Ех 38).

Дочь Фараона в Библии приходит на реку просто мыться, как это сказано в Исходе (Исх 2:5 «κατέβη δὲ ἡ θυγάτηρ Φαραῶ λούσασθαι ἐπὶ τὸν ποταμόν»), а царевна у Езекииля приходит омыть в источнике юное тело («κατήλθε λουτροῖς χρῶτα παιδρῦναι νέον», Ех 20).

Кроме этих описанных выше указаний, уточняющих действие, мы встречаем и иные «анатомизмы». Человек, его части тела, его внутренний мир и эмоции для автора данного сочинения выдвигаются на передний план. Моисей во сне, сидя на троне, видит звезды не просто «перед собой» или «внизу»: Езекииль опять выражает это телесно: «перед коленями» – «πρὸς γούνατα» (Ех 79). В других местах мы видим и иные уточнения, касающиеся, например, ног, сердца, рук.

Термин («χεῖρ») встречается на протяжении всех 269 встречается 10 раз, что довольно много при таком небольшом числе сохранившихся фрагментов, причем из разных по содержанию эпизодов. В некоторых случаях употребление слова абсолютно обоснованно, например, в эпизоде с рукой Моисея, которая белеет от проказы, а потом приобретает свой прежний облик (Ех 129–131). Есть еще ряд менее «необходимых» употреблений, но тоже описывающих часть тела. Например, в описании мани-

⁸ Сопоставлению «Ехагоге» и Книги Исхода уже была посвящена наша работа (Михайлова 2014), однако там шла речь о более крупных различиях между текстами: содержательных и композиционных.

пуляций с посохом, который превращается в змею и обратно, рука упоминается и у Езекииля, и в библейском тексте (Ех 120–128; Исх 4:2–4). А в эпизоде с подготовкой к бегству и принесением жертв только Езекииль поясняет, что пучок иссопа нужно брать руками⁹. Для Книги Исхода это очевидно.

И наконец, есть метафорическое использование, а это целых три случая из десяти.

Так, без прямой опоры в данных эпизодах на параллельные места в Книге Исхода Езекииль использует в своем повествовании фразеологию, построенную на слове «χείρ». Например, в прологе трагедии Моисей описывает, как еврейский народ страдает в Египте дословно от «злых людей и руки власти» (Ех 6: «κακῶν ὑπ' ἀνδρῶν καὶ δυναστείας χερός»).

Сора египтянина и еврея, замеченная Моисеем, описана иначе, чем в Исходе, а именно выражением: «ὄρω δὲ πρῶτον ἀνδρᾶς ἐν χειρῶν νομαίς» (Ех 42)¹⁰.

И еще один эпизод – это обнаружение египетским войском сбежавших иудеев, отдыхающих на берегу и не готовых воевать. Египтянин отмечает, что беглецы безоружны, формулируя это так: «αὐτοὶ δ' ἀνοπλοὶ πάντες εἰς μάχην χέρας...» (Ех 210).

Человек для Езекииля не просто персонаж, раскрывающий божественный промысел. Он более важен сам по себе и получает право голоса. Мы не только находим усиленное описание эмоций, но и читаем о таких чувствах, о которых в Книге Исхода не сказано совсем.

Так, например, страх Моисея перед змеем в Исходе только обозначен: «Он бросил его на землю, и жезл превратился в змея, и Моисей побежал от него» (Исх 4:3) а в «Exagoge» описан реалистично: «Вот брошено оно, будь милостив, Господь./ Какой огромный! Страшный! Пожалей меня./ Увидев, ужасуюсь, тело все трясет». (Ех 124–126: «ἰδοὺ βέβληται δέσποθ', ἴλεως γενοῦ· / ὡς φοβερός, ὡς πέλωρος· οἴκτειρον σύ με· / πέφρικ' ἰδῶν, μέλη δὲ σώματος τρέμει»).

Всего пара строчек, уже даже выходящих за пределы библейского сюжета, освещают и эмоции Сепфоры, которые

⁹ Ех185 «δέσμην λαβόντες χερσὶν ὑσσώπου κόμης». Ср. «λήμψεσθε δὲ δέσμην ὑσσώπου» (Исх 12:22).

¹⁰ Ср. аналогичное место в Исходе, где используется более простая конструкция: «ὄρα ἄνθρωπον Αἰγύπτιον τύπτοντά τινα Εβραῖον» – «и увидел, что Египтянин бьет одного Еврея» (Исх 2:11).

добавлены Езекиилем самостоятельно¹¹. Эмоции – довольно существенные, подобные тем, которые удостоились у Эсхила целой отдельной трагедии¹². Это колебания героини по поводу брака с чужеземцем, на что она, видимо, жалуется одному из персонажей. Голос получают и другие герои, даже проходящие, второстепенные. И это не просто реплики от первого лица. Это описание чувств, размышления. Мы слышим даже голос противника иудеев – египетского вестника, – который, однако, не представлен отрицательным. Его рассказ о гибели египетского войска не просто иллюстрация божественной силы, а эмоциональный рассказ преследователей об их впечатлениях и радости, которые сменяются затем страхом и пониманием силы еврейского Бога, а затем ужасом (Ех 193–242).

Подводя итог вышесказанному, отметим, что на основе анализа даже такой небольшой части пьесы, которой мы располагаем, некоторые наблюдения над стилем автора сделать, как кажется, возможно. Отмеченная нами черта выходит за пределы чисто художественных средств, которые мог осознанно применять автор, но, скорее, в большей степени относится к его мировоззрению, картине мира, где человек стоит на позиции значительной, важной, по сути, действительно является мерой вещей. Видимо, не случайно среди дошедших до нас фрагментов мы читаем уже упомянутый выше эпизод о том, как во сне Моисея некий небесный человек встает со своего трона и уступает ему свое место (Ех 68–82). Эпизод не имеет аналога в Исходе и добавлен Езекиилем. Не зная ни условий создания текста, ни подробностей не только литературной карьеры автора, но и его биографии вообще, мы, разумеется, в данный момент не можем перейти к более широким выводам и тем более использовать их в рассуждениях о возможном характере неизвестной нам эллинистической драмы как жанра. Репрезентативность сочинения Езекииля остается по-прежнему неясной, поэтому наблюдения подобного рода все же пока останутся в рамках работ по исследованию именно этого автора. Езекииль не оригинален в своей фразеологии – для одних перечисленных в статье выражений можно найти параллели в

---

¹¹Ех 66–67: «Хум: тебе, Сепфора, надо рассказать о том. / Сепфора: отец за чужестранца выдает меня».

¹² Многие исследователи отмечают в этом месте – нежелание выходить замуж за «египтянина» – сюжетную параллель с «Данаидами» Эсхила. См., например, Jacobson 1983: 23–28.

разных библейских книгах, а для других – в сочинениях трагиков. Яркие же личностные образы, которые мы встречаем в тексте, можно было бы объяснить жанром повествования, трагедийной формой, заведомо требующей большей проработанности образов. Однако можно попробовать предположить и противоположную картину, согласно которой именно желание выставить на первый план человека и послужило причиной не только выбора отдельных речевых оборотов, но и предпочтения именно такой формы для изложения данного материала.

Литература

- Михайлова 2012 – Михайлова (Смирнова) Т. А. Иезекииль-трагик: художественные особенности // *Индоевропейское языкознание и классическая филология-XVI*. СПб., 2012. С. 537–543.
- Михайлова 2014 – Михайлова (Смирнова) Т. А. «Exagoge» Иезекииля-трагика и Книга Исхода // *Индоевропейское языкознание и классическая филология-XVIII*. СПб., 2014. С. 646–656.
- Arnott 1985 – Arnott G. W. Ezekiel Exagoge 208 (TGrF 1.128, p. 299 Snell) // *The American Journal of Philology* 106 (1985). P. 240–241.
- Bunta – Bunta S. One Man (φωξ) in Heaven: Adam Moses polemics in the Romanian Versions of The Testament of Abraham and Ezekiel the Tragedian's Exagoge // *Journal for the Study of the Pseudepigrapha*. 16.2 (2007). P. 139–165.
- Horbury 1986 – Horbury W. Ezekiel Tragicus 106 δωρήματα // *Vetus Testamentum*, Vol. 36, Fasc. 1 (Jan., 1986). P. 37–51.
- Jacobson 1981 – Jacobson H. Two studies on Ezekiel the Tragedian // *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 22 (1981). P. 167–178.
- Jacobson 1983 – Jacobson H. *The Exagoge of Ezekiel*. Cambridge University Press. Cambridge. 1983.
- Jacobson 1987 – Jacobson H. Phoenix Resurrected // *Harvard Theological Review* 80 (1987). P. 229–233.
- Jacobson 2002–2003 – Jacobson H. Ezekiel's Exagoge, One Play of Four? // *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 43/4 (2002–2003). P. 391–396.
- Kleczar 2000 – Kleczar A. The Exagoge of Ezekiel: Analysis of the Dramatical Structure of the Play // *Eos* 87 (2000). P. 113–118.
- Kohn 2002–2003 – Kohn T. D. The Tragedies of Ezekiel // *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 43/1 (2002–2003). P. 5–12.
- Lanfranchi 2006 – Lanfranchi P. L'Exagoge d'Ezechiel le Tragique. Introduction, texte, traduction et commentaire. Brill, 2006.
- Ruffatto 2006 – Ruffatto K. J. Polemics with Enochic Traditions in the Exagoge of Ezekiel the Tragedian. *Journal for the Study of the Pseudepigrapha*. 15.3 (2006). P. 195–210.
- Ruffatto 2008 – Ruffatto K. J. Raguel as Interpreter of Moses' Throne Vision. *Journal for the Study of the Pseudepigrapha* 17.2 (2008). P. 121–139.
- Sansone 1984 – Sansone D. Ad Ezek. Trag. Exag. (TrGF 128) 207–208 // *Mnemosyne* 37 (ser. IV), 1984. P. 442–443.

- Snell 1966 – Snell B. Die Jamben in Ezechiels Moses-Drama // Glotta 46 (1966). P. 25–32.
- Strugnell 1967 – Strugnell J. Notes on the Text and Metre of Ezekiel the Tragedian's Exagoge // Harvard Theological Review 50 (1967). P. 449–457.
- van der Horst 1990 – van der Horst P. W. Moses' Throne Vision in Ezekiel the Dramatist // Essays on the Jewish World of Early Christianity. 1990. P.63–71.
- Wacholder, Bowman 1985 – Wacholder B.Z., Bowman S. Ezechielus the Dramatist and Ezekiel the Prophet: Is the Mysterious ζῶον in the Ἐξαγωγή a Phoenix? // The Harvard Theological Review. Vol. 78. N.3/4. 1985. P. 253–277.

T. A. Mikhailova (Smirnova). «Exagoge» Ezekiel the Tragedian: on the interpretation of the author's view of the world

Ezekiel the Tragedian is an author of a drama entitled «Exagoge» which is based on the biblical Book of Exodus. In 269 lines (17 fragments) preserved by Eusebius of Caesarea we read the story of Moses and his escape from Egypt. Being the only specimen of a Hellenistic tragedy (and also the unique example of Jewish drama) the «Exagoge» has become a subject of some researches dealing with its dating, dramatic structure, connection with the classic Greek tragedy and with biblical literature, metrical characteristics, the analysis of some single episodes and images etc. Nevertheless the literary qualities of the Ezekiel's drama, its imagery and artistic devices were studied very little. This paper is dedicated to the analysis of some features intrinsic to «Exagoge», namely its anthropocentrism, which has its influence on a several aspects of the text.

Ключевые слова: Ezekiel the Tragedian, the Book of Exodus, «Exagoge», «Ἐξαγωγή», Hellenistic tragedy, the Bible, the Septuagint, biblical literature.

МАРКИРОВАННЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ OSV В ХЕТТСКОМ ЯЗЫКЕ, ЕГО ФУНКЦИИ И РЕГУЛЯРНОСТЬ

Как хорошо известно, для хеттского языка базовым является жесткий порядок слов SOV, при этом строение OSV также считается регулярным, но маркированным с точки зрения информационной структуры. Корпусный подход позволяет показать, что для регулярного явления, связанного с информационной структурой предложения, этот порядок слов показывает слишком небольшую частотность. Кроме того, только часть клауз OSV может объясняться положением и семантикой фокуса (по крайней мере, на базе среднехеттских писем). Другая часть материала объясняется сугубо синтаксическими причинами, а ряд примеров невозможно рассматривать только в рамках этих двух категорий. В статье представлены результаты анализа выборки по параметру OSV из синтаксически размеченного корпуса среднехеттских писем. В дальнейшей работе предполагается также анализ хеттских инструкций и молитв, а также включение материала новохеттских писем.

Ключевые слова: синтаксис, хеттский язык, порядок слов, информационная структура, корпусный подход, синтаксическая разметка корпуса.

В настоящей работе представлены данные, полученные в ходе работы над проектом синтаксически размеченного корпуса хеттского языка, который в настоящее время реализуется в Секторе анатолийских и кельтских языков ИЯз РАН под руководством А. В. Сидельцева, а именно, статистическая информация о частотности и распределении нейтрального (SOV) и маркированного (OSV) порядка слов в хеттской клаузе. Введение в научный оборот корпусных данных относительно порядка слов особенно важно тем, что сейчас информационная структура и синтаксис хеттского языка активно исследуется в разных научных институтах по всему миру. Появились работы, посвященные синтаксической структуре хеттской клаузы (см. Luraghi 2012, в печати; Sideltsev 2002; 2010; Goedegebuure 2009), в том числе в рамках генеративистского подхода (Huggard 2011; 2014; Sideltsev 2014), также недавно опубликована работа, посвященная семантике фокуса в хеттском языке (Goedegebuure 2014). При этом довольно часто далеко идущие выводы, в том числе о

частотности и функциональной нагрузке того или иного порядка слов в хеттском языке, делаются на основе сравнительно произвольной выборки материала. Работ в этой области, построенных на статистических методах, фактически не появляется, что легко объяснить отсутствием в научном обороте синтаксически размеченного корпуса хеттских документов. Между тем, именно корпусный подход к этому вопросу позволяет доказать или опровергнуть ряд утверждений о синтаксисе и информационной структуре хеттской клаузы, представленных в литературе последних лет.

Хеттский язык, как известно, имеет структуру SOV (см. Sideltsev 2014, 2002), однако в документах также довольно регулярно встречаются клаузы с порядком слов OSV. Каковы правила появления и функции этого порядка слов в хеттском и насколько он статистически регулярен? Петра Худехебюре в одной из последних работ заявляет, что порядок слов OSV указывает на контрастивный предглагольный фокус на субъекте, в то время как фокус в начале клаузы является информационным: «Существуют две позиции для фокуса аргумента: контрастивный фокус, или фокус нарушенных ожиданий появляется в предглагольной позиции, в то время как неконтрастивный (присоединяющий) фокус появляется в начальной или первой позиции» (Goedegebuure 2014: 566). При таком подходе предглагольный фокус представляется регулярной стратегией информационной структуры хеттского языка, а каждая фраза с порядком слов OSV должна содержать фокус контраста на субъекте или присоединяющий фокус на объекте.

В нашем корпусе все клаузы маркируются относительно порядка слов, поэтому оказывается возможным выбрать все имеющиеся в обработанных документах клаузы OSV и проверить, что именно вызывает маркированный порядок слов. Всего на сегодняшний день с точки зрения порядка слов в нашем корпусе размечено 1299 клауз (на материале среднехеттских писем), из них всего 16 клауз – с порядком слов OSV. Все примеры можно условно разделить на четыре группы. Первая группа примеров хорошо подтверждает тезис П. Худехебюре, показывая контрастивный фокус, см. пример (1), контраст: «ты, а не он».

- (1) НКМ 13 obv. 13–14¹
ni=za apēl *focusObj waštul* *focusSubj zik* *focus dātti*
 CONN=REFL TOT.GEN.SG грех.ACC.SG ты брать.2SG.PRES
 ‘Тот грех на себя ты возьми’.

То же самое можно сказать о примере (2): субъект явно находится в контрастивном фокусе/фокусе нарушенных ожиданий («не я, но кто-то другой»), с топикальным глаголом и провербом, стоящим ниже фокуса.

- (2) НКМ 89 obv. 9
^{Obj}[1[?] *ant*] *uḥša-nn=a=šmaš* *focusSubj UL* *focusSubj ammuk*
 1 человек-ACC.SG.C=и=вы.DAT.PL NEG я.NOM.SG
 [*per*] *an* *ḥinu-nun*
 вперед.PRIV назначить-1SG.PST
 ‘Это не я одного человека вам назначил’.

В примере (3) нет полной уверенности в том, что *zik* находится в контрастивном фокусе – скорее, интуитивно кажется, что слово вообще не в фокусе. Но если *zik* все же попадает в фокус, это может быть контраст или фокус нарушенных ожиданий («ты, а не он»). К сожалению, данный контекст слишком фрагментарен, и делать определенные выводы по нему довольно сложно.

- (3) НКМ 84 rev. 16'
^{Obj}ANŠE.KUR.RA.HI.A *focus?Subj zik* *focus t[ūre-ške]*
 лошадь.ACC.PL ты.NOM.SG впрягать-2SG.IMP.IMP
 ‘Лошадей ты впрягай’

Несколько примеров из нашего материала, демонстрирующих несомненный порядок слов OSV, сильно испорчены, как примеры (4) и (5), и не могут быть использованы для выводов относительно функциональной нагрузки неканонического порядка слов:

¹ Сокращения: Obj – объект, Subj – субъект, focus – фокус, ADV – наречие, C – общий род, N – средний род, CONN – фразовый коннектор, CONJ – союз, NOM – номинатив, ACC – аккузатив, DAT – датив, GEN – генитив, ENCL – энклитика, IMP – императив, LOC – локатив, LOC.PART – локативная частица, NEG – маркер отрицания, SG – единственное число, PL – множественное число, PRES – настоящее время, PST – претерит, IMF – имперфект, PRV – проверб.

(4) КВо 18.95 obv. 2'
 Obj[...^mx]-*pi-Teššup-ann=a* Subj[DINGI]R.M[ЕŠ] *focus paḥš-andaru*
 X-пи-Тессуп-АСС.СG=и бог.NOM.PL защищать-3PL.IMP.MIDD
 'Пусть боги защищают X и X-пи-Тессупа'.

(5) НКМ 65 obv. 13–14
namma=aš Obj[*tu*]ppa-n *focusSubj*_{x-x-x}.MEŠ
 затем.ADV=они.GEN.PL сундук-АСС.СG.C xxx.NOM.PL
focus *hark-anzi*
 держать-3PL.PRES
 'Затем их сундук [...] они держат'.

В следующем блоке примеров неканонический порядок слов можно объяснить не с помощью информационной структуры, а сугубо синтаксически. Так, в примере (6) субъект оказывается в предглагольной позиции, потому что отрицательные местоимения занимают предглагольную позицию независимо от их синтаксической функции, см. (Sideltsev 2014).

(6) НКМ 63 obv. 9–11
ni=wa=mi Obj *uddanāš* *focus* **EGIR-pa** Obj *arkuwar*
 CONN=QUOT=мне дело.GEN.PL назад объяснение
focusSubj **UL kuiški** *focus* *udai*
 NEG некоторый.NOM.SG.C принести.3SG.PRES
 'Никто не принес назад ответ (т. е. объяснение) мне'.

В примере (7) позиция субъекта определяется тем, что относительное местоимение в определительных относительных предложениях всегда находится во второй или предглагольной позиции (но ср.: Becker 2014).

(7) НКМ 79 obv. 8
 Obj[**KÚR²-TA**]M²=ma Subj *kuiš* *ēp-ta*
 враждебность.АСС.PL=но который.NOM.SG.C взять-3SG.PST
 'Но он, который предпринял враждебные действия...'

Третья группа показывает неожиданный смешанный порядок слов, требующий отдельного рассмотрения. Так, в примере (8) возникает странный порядок слов SOSV (с разделением именной группы). П. Худехебуре в статье (Goedegebuure 2013) считает, что порядок слов в этой клаузе определяется ее информационной структурой: более известные составляющие в хеттской клаузе стоят впереди более новых, а замещающий фокус

должен быть непосредственно предглагольным. Таким образом, по ее мнению, в данном предложении *kuiški* может подниматься в первую позицию просто потому, что не может оставаться между фокусом и глаголом. Однако следует отметить, что в ее собственном корпусе имеются другие примеры, которые опровергают это утверждение. С нашей точки зрения, в данном случае речь идет о сугубо синтаксических причинах появления маркированного порядка слов: с одной стороны, *tamaiš* находится в непосредственно предглагольной позиции, будучи частью неопределенной именной группы. С другой стороны, само неопределенное местоимение поднимается в первую позицию так же, как это делают относительные местоимения в неопределенных предложениях (см. Sideltsev 2014).

(8) ABoT 65 rev.5'
mat=man=za=kan ^{focusSubj}*kuiški* ^{focusObj}*É-er*
 если=IRR=REFL=LOC.PART кто-то.NOM.SG.C дом.ACC.SG.C
^{focusSubj}*tamaiš* ^{focus}*arnu-t*
 другой.NOM.SG.C переместить-3SG.PST
 'Если кто-то другой переместил (бы твое) хозяйство'.

Похожий процесс наблюдается в примере (9), где в начальную позицию поднимается часть относительной именной группы (формируя порядок слов OSOV):

(9) KuT 49 obv. 12–13
^{Obj}*kī=wa* ^{Subj}*Iya-š* ^{Obj}*kuit* ^{focus}*kīššan* ^{focus}*mēmi-šta*
 это=QUOT Ия-NOM.SG.C которое.ACC так сказать-3SG.PST
 'Это, мол, которое Ия таким образом сказала...'

Последняя группа примеров с порядком слов OSV включает в себя случаи, которые нельзя истолковать в рамках одной из предыдущих категорий: как предглагольный фокус на субъекте или перемещение по сугубо синтаксическим причинам. В двух очень похожих примерах (10 и 11) как объект, так и субъект, скорее всего, являются топиками (возможно, с учетом анализа контекста в примере 11 в фокусе должен оказываться объект – но не субъект!). В примере (12) субъект представляет собой установленный топик, а объект – выводимый топик. В примере (13) объект находится в информационном фокусе, без каких-либо видимых причин для передвижения влево, а субъект пред-

ставляет собой топик. Пример (14) вообще, скорее всего, представляет собой тетическое предложение.

(10) НКМ 46 obv. 17
man Obj_{KUR-i} Subj_{LÚ.KÚR} focus_{UL} focus_{dammiš ħai-zzi}
 если земля-ACC.SG.C враг.NOM.SG NEG разрушить-3SG.PRS
 ‘Если (наши) земли враг не разгромит’.

(11) НКМ 50 obv. 29–31
 Obj_{URU}*Anziliya-n* [...] focusObj_{[ħal]ki-uš} Subj_{LÚ.KÚR} focus_{UL}
 Анцилия-ACC.SG.C посев-ACC.PL.C враг.NOM.SG NEG
 focus_{dammiš ħai-zzi}
 разрушить-3SG.PRES
 ‘Город Анцилию и ее посева враг не разрушит’.

(12) НКМ 55 obv. 7–8
nu=wa Obj_{NUMUN} Subjm_{Himu-DINGIR-LIM-iš} focus_{UL}
 CONN=QUOT зерно.ACC.SG.N Химуили-NOM.SG.C NEG
 focus_{pā-i}
 дать-3SG.PRES
 ‘Зерна Химуили не дает’.

(13) НКМ 61 obv. 4–6
kāša focus Obj_{DUMU} focusObj_{Ka[mmamma]nd[a]} focusObj_{L[Ú]}
 вот!.CONJ сын.ACC.SG.C Каммаманда.GEN.SG человек.GEN.SG
 focusObj_{URU}*Šuppiluliyā* Subj_{LÚ.KÚR} focus_{ep-[ta]}
 Суппилулия.GEN.SG враг.NOM.SG взять-3SG.PST
 ‘Вот, сына Каммаманды, человека из города Суппилулии, враг схватил’.

(14) НКМ 51 obv. 2–5
 focus(Obj_{URU}*Galzana* Obj_{LÚ.KÚR} Subjm_{Tippūrrūi-š}
 Гальцана.GEN.SG враг.ACC.SG Типпуруи-NOM.SG.C
 Subj_{LÚ} Subj_{URU}*Pittalahšuwa uwate-t*)
 человек.NOM.SG.C Питталахсува.GEN.SG привести-3SG.PST
 ‘Типпуруи, человек из города Питталахсувы, привел врага из города Гальцаны’.

Во всех этих случаях передвижение объекта в первую/начальную позицию нельзя объяснить как маркирование фокуса или топика – то есть кажется, что видимых причин для такого передвижения нет. На данный момент можно сказать сле-

дующее. Для примера (14), где, скорее всего, вся информация является новой (тетическое предложение), возможно, стоит рассматривать вышеприведенную гипотезу П. Худехебюре, согласно которой новая информация может различаться по степени известности: «Типпуруи», который привел «врага» в Питталахсуву, может рассматриваться как близкое к выводимому топику («кого привел Типпуруи? врага»). То же самое следует рассматривать и для примера (12): «что не дает Химуили?». Проблема в том, что контекст позволяет развернуть толкование предложения и в обратную сторону: «кто привел врага?», «кто не дает зерна?». Для мертвого языка с ограниченным корпусом текстов проблема выделения более известных и более новых составляющих может оказаться нерешаемой. Для живого языка, например русского, акцент может смещаться на левый край составляющей в определенных речевых ситуациях (см. Янко 2007). В более ранней работе (Янко 1991) рассматриваются также коммуникативные структуры с неингерентной темой (где ни один компонент не может быть отождествлен с темой), где, в частности, может наблюдаться перемещение носителя главного фразового ударения влево. Типологические данные живых языков с порядком слов SOV (осетинский, венгерский и т.п.) могут также дать ключ к возможным причинам маркированного порядка слов в примерах, подобных описанным выше.

Статистически, из 1299 клауз в корпусе только 16 показывают порядок слов OSV (1,07%). Если учесть, что в целом ряде примеров порядок слов определяется не информационной структурой, а синтаксическими причинами, количество фраз, для которых OSV объясняется выдвижением вперед более новой информации, еще уменьшится. Следует сделать необходимую поправку на то, что считающийся нейтральным порядок слов SOV – хоть и более регулярное, но также в процентном отношении редкое явление: в нашем корпусе отмечено только 76 случаев клауз SOV, то есть немногим более 3%. Всего клауз SOV и OSV в размеченной по параметру OSV корпусу – 92 предложения, итого процент OSV от всех клауз с полными аргументными именными группами составляет 14,72%. Тем не менее корпусный подход позволяет показать, что для регулярного явления, определяемого информационной структурой предложения, порядок слов OSV с контрастивным фокусом на субъекте или присоединяющим фокусом на объекте показывает слишком низкую частотность. Данные подобраны по части

корпуса, включающей только хеттские письма, и возможно, другие жанры документов покажут иное распределение. В настоящий момент, в частности, работа ведется над корпусом хеттских инструкций, в дальнейшем предполагается разметка корпуса хеттских молитв.

Литература

- Янко 1991 – Янко Т. Е. Коммуникативная структура с неингерентной темой // НТИ. Сер. 2. 1991. N7.
- Янко 2007 – Янко Т. Е. Интонация речевых действий // Труды международной конференции «Диалог-2006». Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г. С. 591–596.
- Becker 2014 – Becker K. Zur Semantik der hethitischen Relativsätze, Hamburg: Baar (= Studien zur historisch-vergleichenden Sprachwissenschaft 5).
- Goedegebuure 2009 – Goedegebuure P. Focus structure and Q-words questions in Hittite. *Linguistics*. Vol. 47. P. 945–969.
- Goedegebuure 2013 – Goedegebuure P. Hittite Noun Phrases in Focus // S. W. Jamison, H. Craig Melchert, and B. Vine (eds.). *Proceedings of the 24th Annual UCLA Indo-European Conference*. Bremen: Hempen. P. 27–45.
- Goedegebuure 2014 – Goedegebuure P. The use of demonstratives in Hittite: deixis, reference and focus (StBoT 55), Wiesbaden.
- Huggard 2011 – Huggard M. On Wh-(Non)-Movement and Internal Structures of the Hittite Preposed Relative Clause. // S. W. Jamison, H. C. Melchert, and B. Vine (eds.). *Proceedings of the 22nd Annual UCLA Indo-European Conference*. Bremen: Hempen. P. 83–104.
- Huggard 2014 – Huggard, M. On Semantics, Syntax and Prosody: a Case Study in Hittite and other Indo-European languages. ECIEC 33, June 6–8 2014 (handout).
- Luraghi 2012 – Luraghi S. Opposite tendencies of placement rules for P2 clitics and the position of the finite verb. SWL V, 1–4 October 2012, Dubrovnik (handout).
- Luraghi (в печати) – Luraghi S. Anatolian syntax: The simple sentence // J. Klein, M. Fritz (eds.). *Comparative Indo-European Linguistics*. Berlin and New York.
- Sideltsev 2002 – Sideltsev A. Inverted Word Order in Middle Hittite // V. V. Shevoroshkin, P. J. Sidwell (eds.). *Anatolian Languages*. Association for the History of Language Studies in the Science & History of Language 6. Canberra. P. 137–188.
- Sideltsev 2010 – Sideltsev A. Syntax of Lists in Middle Hittite // VII. uruslararasi hititoloji kongresi bildirileri. Corum 25–31, August 2008. Ankara.
- Sideltsev 2014 – Sideltsev A. Clause internal and clause leftmost verbs in Hittite // AoF 41/1. P. 80–111.

**M. A. Molina. Marked word order OSV in Hittite,
its functions and regularity**

As is well-known, basic, i.e. unmarked, word order in Hittite is SOV, but OSV clauses are considered as regular strategy related to information structure. But corpus approach allows us to see that this word order shows too low frequency for being a regular strategy of that kind. Besides, only some clauses with the OSV word order can be related to the focus position and semantics (at least in the Middle Hittite letters). Other instances can be explained purely syntactically, and there are clauses where we cannot find an explanation either by means of the information structure or syntactic reasons. The article describes the results of a corpus analysis of OSV parameter in the syntactically marked up database of the Middle Hittite letters. In the nearest future the Hittite instructions and prayers as well as the New Hittite letters material are planned to be marked up and to be analysed as for OSV frequency and semantics.

Keywords: Syntax, Hittite, word order, information structure, corpus approach, syntactically marked up database.

L. Naiditsch, N. Swetosarowa

**DIALEKTLEXIKOLOGISCHE PROJEKTE
VON V. M. SCHIRMUNSKI UND DIE WORTKARTEI
VON L. R. SINDER***

Диалектологические проекты В. М. Жирмунского и словарная картотека Л. Р. Зиндера. Тема статьи связана с изучением диалектологического архива акад. В. М. Жирмунского и его учеников. В 1920-е годы ученый организовал исследовательскую группу, которая занималась изучением немецких «островных» диалектов на территории СССР. Исследователям удалось опубликовать лишь часть собранных материалов. Готовясь к составлению диалектного словаря, Жирмунский собирал материал диалектной лексики. Сюда относятся заполненные словарные анкеты и составленная Л. Р. Зиндером картотека диалектных названий домашних животных и насекомых. В статье обсуждается состав этой картотеки в сравнении с анкетами, а также диалектная принадлежность, а отчасти и история и этимология входящих в нее слов.

Ключевые слова: немецкая диалектология, немецкие островные диалекты на территории СССР, диалектологический архив В. М. Жирмунского, диалектная лексика.

Viktor Maksimovič Schirmunski (Žirmunskij) (1891–1971), der Gelehrte mit breit gefächerten philologischen Interessen, der bereits in seinen Jugendjahren durch seine Studien der deutschen Literatur, der Metrik und Poetik bekannt war, wandte sich in den 20-er Jahren der Erforschung der Russlanddeutschen zu (Schirmunski 2010: 9–34).

Damals gab es in der Sowjetunion – an der Wolga und im Schwarzmeergebiet, in der Ukraine, im Nordkaukasus, in Wolhynien, in der Umgebung von Leningrad (St. Petersburg) und selbst in Sibirien und in Turkestan – deutsche Dörfer mit insgesamt etwa 1,2

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-04-00369 «Германистические архивы в Санкт-Петербурге. Научная обработка архива В. М. Жирмунского в СПФ АРАН». Die Forschung erfolgte dank der Finanzunterstützung des Projekts von RFH № 13-04-00369: “Germanistische Archive in St. Petersburg. Wissenschaftliche Aufarbeitung des Archivs V. M. Žirmunskij an der Akademie der Wissenschaften”. Die Verfasserinnen danken Dr. Rudolf Post für seine wichtigen Hinweise bei der Arbeit am vorliegenden Aufsatz.

Millionen Einwohnern. Diese deutschen Kolonien, deren älteste in den 1760-er Jahren unter der Zarin Katharina II. entstanden waren, boten den Germanisten wichtiges Forschungsmaterial. Die Wolga-Gebiete wurden damals bereits zum Thema der wissenschaftlichen Studien der Sprachwissenschaftler aus Saratow, andere Gebiete blieben unerforscht. Somit gründete Schirmunski ein Seminar zur Erforschung der Sprache und Kultur der deutschen Kolonisten in Russland, das zuerst bezweckte, deutsche Volkslieder in den Kolonien bei Leningrad und in der Ukraine aufzuschreiben und zu erforschen. Allmählich breiteten sich die Interessen des Seminars aus; die damals noch gut greifbaren Inselmundarten wurden zum aktuellen Thema der Arbeitsgruppe. Auf der Grundlage des Seminars wurde im Jahre 1924 das Leningrader Zentrum zur Erforschung der deutschen Siedlungen in Russland gegründet. Ende der 20er Jahre wurde es zu einer Abteilung des neu gebildeten Instituts für Sprachkultur (Институт Речевой Культуры). Schirmunski und seine Mitarbeiter stellten sich zur Aufgabe, die Kolonien in den Gebieten von Leningrad und Novgorod, in der Ukraine, auf der Krim und in Transkaukasien allseitig zu untersuchen (Najdič 1991, Berend, Jedig 1991, Зиндер 1998, Смирницкая 2000, Светозарова 2006, 2013). Sie bereisten zwischen 1926 und 1930 zahlreiche deutsche Siedlungen in diesen Gebieten (Зиндер, Строева 1978, Зиндер 1998, Bachmann 1929, Светозарова 2015). Die Forschungsreisen wurden zweimal pro Jahr während der vorlesungsfreien Zeit unternommen.

Lev Sinder (1904–1995), heute als Sprachwissenschaftler, Phonetiker, Phonologe, Germanist, als Nachfolger von L.V. Ščerba bekannt (Naiditsch, Svetozarova 2008, Вербицкая 2004), damals Student, ein Schüler von Schirmunski, nahm an der Tätigkeit der Arbeitsgruppe aktiv teil. Er beteiligte sich an der Aufnahme der Volkslieder auf die Wachswalzen, wovon die den Walzen beigelegten Zettel zeugen: In 57 von den im Phonogrammarchiv des Instituts für Russische Literatur (Puschkinski Dom) erhaltenen 82 Walzen kommt sein Name vor. Er machte, zusammen mit anderen Forschern, Feldaufzeichnungen der Mundarten in den deutschen Kolonien bei Leningrad; danach wurde er in eine kleine Studentengruppe eingeschlossen, die beauftragt wurde, deutsche Mundarten in der Nordukraine, im Kreise Konotop zu untersuchen; im Zentrum ihrer Forschungsarbeit war die Siedlung Belye Veži im ehemaligen Gouvernement Černigov. Im Sommer 1927 und im Winter 1928 unternahm er zusammen mit Tatjana Sokolskaja (später bekannte

Germanistin Tatjana Viktorovna Stroewa) und Valentina Pogorelskaja (später Dozentin für deutsche Sprache am Pädagogischen Institut in Leningrad) Studienreisen in die Ukraine. Als Ergebnis entstanden einige Forschungen, darunter die Diplomarbeiten von Sinder, von Sokolskaja und von Pogorelskaja und der Artikel "Eine oberhessische Sprachinsel in der Nordukraine" (Sokolskaja, Sinder 1930), dessen grammatischer Teil von Tatjana Sokolskaja und phonetischer Teil von Leo Sinder geschrieben wurden. Nach der Empfehlung von V.Schirmunski wurde der Beitrag in Deutschland publiziert. Was die Diplomarbeit von L.R.Sinder betrifft, so wurde sie in seinem Hausarchiv gefunden und im Jahre 2006 publiziert (Зиндер 2006, Пузейкина, Светозарова 2012).

Bei den Erhebungen in den Inselmundarten bildeten die Sätze von Georg Wenker die Grundlage; Schirmunski fügte noch eine Liste von 200 Testwörtern hinzu. Er versandte entsprechende Formulare an die Lehrer der deutschen Siedlungen in der Ukraine mit der Bitte, sie in die entsprechende Mundart zu übersetzen, was der Methodik der Marburger Schule entsprach. Diese Fragebogen bezweckten, vor allem die phonetischen und morphologischen Besonderheiten der Mundart zu erheben; jedoch schloss Schirmunskis Wortliste Lexeme ein, die auch für die Wortforschung wichtig sein konnten. Somit hatte er vor, sich auch mit Dialektlexikologie zu beschäftigen. Es wurde geplant, ein Wörterbuch der Bauernwirtschaft in den Kolonien zusammenzustellen, wobei Wörter und Sachen erforscht werden sollten (Schirmunski 1925). Schirmunski hat auch ein Wörterverzeichnis der Bauernwirtschaft zusammengestellt (53 Wörter), das zur Grundlage eines Wörterbuchs dienen sollte. Diese Fragebogen wurden im Jahre 1930 in die deutschen Dörfer der Ukraine geschickt; die ausgefüllten Formulare sind im Archiv Schirmunski in der S.-Petersburger Filiale des Archivs der Akademie der Wissenschaften aufbewahrt. In seinem Buch über die deutschen Mundarten in der Ukraine forderte der Gelehrte, Lehrer der deutschen Schulen auf, an der lexikalischen Sammelarbeit teilzunehmen. Er schrieb (1928: 66): "An einem solchen Wörterbuch der Bauernwirtschaft kann ein jeder mitarbeiten; eine besondere sprachhistorische Schulung ist für das Sammeln nicht erforderlich. Wir brauchen natürlich recht viele Mitarbeiter, damit jede Kolonie im Wörterbuche vertreten sei". Schirmunski war mit dem damaligen Stand der Dialektlexikologie gut vertraut. In seinem im Jahre 1932 publizierten Artikel über die Methoden der Sozialgeographie gibt er eine Übersicht der dialektalen Wörterbücher (Жирмунский 1976:

422–452). Um die Besonderheiten des Schwäbischen zu erschließen, gebrauchte Schirmunski das schwäbische Wörterbuch von Hermann Fischer als Vergleichsquelle. Das damals noch handschriftliche pfälzische Material wurde dem Gelehrten von Ernst Christmann in Verfügung gestellt. Walther Ziesemer half ihm bei der Identifizierung einzelner Wörter preußischer Herkunft aus dem Menno-nitenplatt.

In den 30-er Jahren wurde die Arbeit an den deutschen Mundarten in der Sowjetunion eingestellt: Den Repressalien wurden sowohl die Russlanddeutschen, als auch die Germanisten, die sie erforschten, ausgesetzt. Schirmunski wurde als angeblicher deutscher Spion dreimal verhaftet und nur dank der riesengroßen Bemühungen seiner Kollegen und seiner Familie befreit. Zum Glück teilten die jüngeren Mitarbeiter von Schirmunski das schreckliche Schicksal seiner Schüler und Kollegen, wie Alfred Ströhm oder Ellinor Johannson, die während der Stalinschen Repressalien umgekommen sind (Светозарова 2010), nicht. Das von Schirmunski vorbereitete Projekt eines Dialektwörterbuchs der Bauernwirtschaft, wie auch andere Vorhaben, kamen zum Erliegen. Viele Materialien wurden bei den Verhaftungen beschlagnahmt. Manches ist aber in den Archiven St. Petersburgs erhalten geblieben. Allmählich werden diese Unterlagen bearbeitet. So wurde die Bestandsaufnahme und die Aufarbeitung von Schirmunskis Volksliedarchiv am Institut der Russischen Literatur und am Archiv der Akademie der Wissenschaften in Petersburg unternommen, was dank der deutsch-russischen Projekte, an dem Natalija Swetosarowa und Larisa Pusejkina (Universität St. Petersburg) und Eckhard John (Volksliedarchiv Freiburg/Breisgau) teilnahmen, ermöglicht wurde. An der Reihe ist der rein dialektologische Teil des Archivs der Akademie der Wissenschaften in Petersburg (an dem entsprechenden Projekt arbeiten zur Zeit Naiditsch, Swetosarowa und Pusejkina; siehe Пузейкина, Светозарова 2012). Was die Lexik betrifft, so ist das erhobene Material in den folgenden Quellen zu finden. 1) 200 Wörter, die den Sätzen Wenkers beigefügt wurden (unter ihnen sind einzelne Lexeme, die auf die Arbeit mit Lexik zielen, so z. B. die Benennung von Wochentagen, von einigen Tieren, von Gemüse u. a.). 2) Lexikalische Fragebogen zur Bauernwirtschaft, die von Lehrern ausgefüllt wurden (weiter FB). 3) Die Kartei der Benennungen der Haustiere, Insekten und Vögel, die von Lev Sinder zusammengestellt wurde (weiter KartS). Diese letztere Quelle steht im Zentrum unserer

Betrachtung; sie wird im weiteren mit den anderen Archivmaterialien verglichen.

Die Kartei besteht aus 142 handschriftlichen Karten, die alphabetisch geordnet sind; sie ist offensichtlich in den Jahren 1930–1932 von L.R.Sinder zusammengestellt. Auf jeder Karte ist ein Stichwort geschrieben und seine Entsprechung in einer der Mundarten oder in einer Region, die danach angegeben werden, oft als Abkürzung: O – Odessaer Kreis, Nukr – Nordukraine, Sukr – Südukraine, Tr – Transkaukasien). Z. B. die 5 ersten Karten:

1. Ameise

Hemsächer Mariental O. Selz O. (*O.= Odessaer Kreis*)

2. Ameise

Imins [-e] Worms N. (*N.=Nikolaev*)

3. Ameise

Imenz München N. [-se] Speyer N. [-ze] Katharinental N. [-ns] Karlsruhe N.

4. Ameise

Imes Mannheim O. Kassel O.

Landau N. Sulz N. Rohrbach N.

5. Ameise

Emenz Rastatt N.

Manchmal sind auf ein und derselben Karte einige Orte angegeben, wo das entsprechende Dialektwort angetroffen wurde.

41. Fledermaus

Speckmaus Sukr Tr Nukr (*Südukraine, Transkaukasien, Nordukraine*)

77. Kalb

Kalb Sukr Nukr (*Südukraine, Nordukraine*)

Dialektvarianten sind meistens in der orthographischen Form verschriftlicht; in einzelnen Fällen ist auch Transkriptionen angegeben. Meistenteils spiegelt das Geschriebene die Dialektphonetik recht gut wider, z.B. *Liewerherrgottskäferle* ‚Marienkäfer‘ mit *w* als Reibelaut u. a. Solche Schreibweise war für das geplante Wörterbuch gut geeignet.

Der Bestand der Lexeme in der Kartei von Sinder überschneidet sich mit demjenigen in den lexikalischen Fragebogen von Schirmunski, fällt aber damit nicht völlig zusammen. So sind die folgenden Wörter aus dem Fragebogen auch in der Kartei vorhanden: Der Zuchtstier (бугай), das Kalb, das Schwein (allgemeine Bezeichnung), das männliche Zuchtschwein, das verschnittene männliche Schwein (боров), das weibliche Zuchtschwein (Mutterschwein), das

Ferkel, das unbeschnittene männliche Pferd (жеребец), das verschnittene männliche Pferd (мерин), das weibliche Pferd, das junge Pferd (жеребенок), die Ziege, der Hahn, das brütende Huhn, die Ente (allgemeine Bezeichnung), die männliche Ente, die weibliche Ente, die männliche Gans (гусак), der weibliche Hund, der Kater, brünstig (von einer Kuh), nicht milchgebende Kuh (недойная корова), die Biene, die männliche Biene (die Hummel, трутень), die Pferdemücke (овод), die Ameise, der Maikäfer, der Schmetterling, der Maulwurf. Die folgenden Wörter aus der Kartei Sinder haben in den Fragebogen keine Entsprechung: Fledermaus, Heuschrecke, Huhn, Küchlein, Marienkäfer, männlicher Hund, Mücke, Ochs, Zimmerfliege. Man kann annehmen, dass Schirmunski einige Varianten des Fragebogens ausgearbeitet hatte; eine davon wurde zur Grundlage der Arbeit von Sinder.

Mit großer Wahrscheinlichkeit kann man behaupten, dass die Forscher selbst, Schirmunski und seine Schüler, vor allem Sinder, in den entsprechenden Kolonien gewesen sind und mit Mundartsprechern gearbeitet haben. Davon zeugen u. a. die Aufzeichnungen in Transkription in der Kartei von Sinder, die nur von Fachwissenschaftlern und aufgrund der Höranalyse gemacht werden konnten. Es wird auch durch die historische Archivforschung der Studienreisenrouten bestätigt: So war Schirmunski selbst in fünf der in der Kartei erwähnten Gebiete. Sinder führte seine Forschungen im Gebiet Cherson, in den sogenannten schwedischen Kolonien und in vielen anderen Regionen durch.

In der Kartei ist das Material der folgenden Kolonien vertreten:

Gebiet Odessa: Alexanderhilf, Baden, Elsaß, Franzfeld, Freudental, Groß-Liebental, Güldendorf, Kandel, Kassel, Klein-Liebental, Mannheim, Mariental, Neuburg, Selz, Straßburg. **Gebiet Nikolaev:** Johannestal, Katharinental, Karlsruhe, Landau, München, Rastatt, Rohrbach, Speyer, Sulz, Waterloo, Worms. **Moldauische Republik:** Bergdorf, Glückstal, Neudorf. **Krim:** Friedental, Heilbrunn, Herzenberg, Kronental, Neusatz, Rosental, Sudak, Zürichthal. **Transkaukasien:** Alexandersdorf, Alexanderhilf, Annenfeld, Elisabeththal, Helennendorf, Katharinenfeld, Marienfeld. **Cherson:** Klosterdorf, Mühlhausendorf. Konotop: Belowjesch, Gorodok. **Am Dnepr:** Jamburg, Rybalsk.

Wenden wir uns unmittelbar dem Material der Kartei zu.

Die Bezeichnungen der **Ameise** können "als Musterbeispiel für eine starke Variation ein und desselben Wortes" gelten (Post 1990: 154). In der Kartei ist Folgendes zu finden. *Imins* (Worms, Gebiet

Nikolaev), *Imenz* (München, Speyer, Katharinental, Karlsruhe – Gebiet Nikolaev), *Imes* (Manheim und Kassel im Gebiet Odessa, Landau, Sulz, Rohrbach im Gebiet Nikolaev), *Amoish* (Jamburg am Dnepr). Die meisten Varianten entsprechen denjenigen in rheinfränkischen Mundarten. Die Jamburger Form ist eine bairische. Siehe: Schuhmacher 1963, Bad.Wb. I: 39–40; Pf Wb I: 195 f, Karte 11, DWA Bd. 5, Post 1990: 154, Post 2010 Karte, SHW 214.

Im Standarddeutschen wird das junge Pferd als **Fohlen** oder **Füllen** bezeichnet (das zweite war ursprünglich eine diminutive Form von der ersten). Die Kartei von Sinder enthält das Wort *Fohle* aus der Kolonie Rybalsk, das auch in vielen Fragebogen (FB) als *Fohlen, Falem, Fohle, Fülle, Fille* zu treffen ist. Es gibt aber auch in der Kartei Sinder (KartS) weniger verbreitete Lexeme derselben Bedeutung – *Hutch* und *Wutch*, offensichtlich phonetische Varianten von *Hutsch* und *Wutsch* ‚Fohlen‘: *Hutsch* in einigen Kolonien bei Odessa (Neuburg, Alexanderhilf, Freudental u. a.), in der Moldauischen Republik (Glückstal, Neudorf u. a.), im Gebiet Nikolaev (Worms, Waterloo u. a.), in Transkaukasien (Annenfeld); manchmal auch mit dem Diminutivsuffix *-el, -ele*. *Wutsch* wurde laut den Angaben der KartS auch bei Odessa und Nikolaev aufgezeichnet.

Diese Wörter sind auch in FB vertreten; so z. B. *Wutsche* oder *Wutschel* in einigen Kolonien des Kreises Odessa (Kandel, Straßburg, Baden u. a.), *Hutsch* im Melitopoler Kreis u. a. In einem Fragebogen aus Feodorowka, Charzysk, lesen wir als Übersetzung des Begriffs ‚junges Pferd‘: „Bis zu 1 Jahr Milchfohl, nach 1 Jahr Hutsch“. Die beiden Wörter sind im Pfälzischen Wörterbuch zu finden, *Wutsch* auch im Rheinischen und im Elsässischen und dem Kleinen Pfälzischen Wörterbuch von R. Post. (Pf.Wb 6: 1511, Post: 161). Sie entstammen wahrscheinlich der Kindersprache. Im Südhessischen Wörterbuch (866) ist *Hutsch* als Lock- und Kosewort für Rindvieh, insbesondere für das Kalb und auch für das Fohlen registriert.

Dem standarddeutschen **Fledermaus** entspricht in der KartS das Wort *Speckmaus*, das in der Süd- und Nordukraine und in Transkaukasien registriert wurde. In den Pfälzischen Wörterbüchern wird es als veraltet bezeichnet. Sein Ursprung ist mit dem Aberglauben verbunden, dass die Fledermäuse im Ofenrohr leben und sich dort mit Speck ernähren (Pf.Wb.Bd. 6: 239, Post: 140).

Die Wörter *Krikser, Krekser, Kriks, Kriksmäische* in der Bedeutung ‚**Heuschrecke**‘, ‚**Grille**‘ haben Parallelen in rheinfränkischen Mundarten, vor allem im Pfälzischen. So finden wir die

Formen *Gricks*, *Gricksel*, *Grickselmaus* in den folgenden Wörterbüchern: Pf. Wb. 3: 436, Post: 70, Rhein.Wb. IV 1490, SHW 1825f, Dischinger: 87. Etymologisch geht diese Benennung auf die Onomatopöie zurück, d.h. auf die lautmalenden Verben *gricksen*, *grickseln* – dialektal 'zirpfen'.

Für die Bezeichnung des **Katers** sind in der KartS drei Lexeme zu finden. Dasjenige, das dem Standarddeutschen entspricht, hat phonetische Varianten *Kater*, *Koder* und wurde in den Gebieten Odessa (Neuburg, Alexanderhilf, Freudental) und Nikolaev (Worms, Rohrbach), in Rybalsk am Dnepr und in einigen anderen Kolonien registriert. Die Bezeichnung *Maller*, *Mallert* wurde in einigen Kolonien bei Odessa (Güldendorf, Klein-Liebental, Mannheim, Elsaß) angetroffen, *Katzenmaller*, *Katzenmallert* in Mariental, Franzfeld, Selz, Straßburg, Kassel bei Odessa und in Karlsruhe und Waterloo im Gebiet Nikolaev, wie auch in der Moldauischen Republik. Die dritte Form *Relling* wurde nach KartS in den Kolonien Transkaukasiens registriert (Elisabethtal, Katherinenfeld, Helenendorf, Annenfeld u. a.), die Form *Raller* in Groß-Liebental bei Odessa. Was die Formulare FB betrifft, so sind dort zahlreiche Belege des betrachteten Lexems als *Kater*, *Kode*, *Kota* u. a. vertreten, wie auch die Form *Maller* in einigen Kolonien der Moldauischen Republik und *Katzenmollert* im Odessaer Kreis in den Kolonien Baden, Kandel, Straßburg.

Nach DWA sind die Formen *Kater/Karer* vor allem im Westmitteldeutschen zu treffen; *Maller/Mallert* im Odenwald/Nordelsaß und in dem süd-östlichen Teil der Pfalz. Die Formen *Rälling/Relling* sind die schwäbischen, *Raller* die badische. Die Wörter *Raller*, *Roller*, *Rolli*, *Rolle* sind für das badisch-elsässische Gebiet recht typisch (Dischinger: 160). Im Südhessischen Wörterbuch sind die Formen *Roller* und *Raller* ‚Kater‘ registriert (1196, 1449 f). Siehe auch Pf. Wb 4: 1146, Els 1: 670, Post 210 Karte. Das Lexem *Maller* – *Mallert* ist nach R. Post im Südrand der Vorderpfalz vertreten (Post: 104 f), was als Hinweis auf den Ursprung einiger Kolonisten der Gebiete Odessa, Nikolaev u. a. gelten kann. Das Wort *Relling* ist in Grimms Wörterbuch zu finden, wo es als schwäbisch bezeichnet wird; das Wort *Rölling* – im Pfälzischen Wörterbuch. Diese Lexeme sind etymologisch mit *rollig* ‚brünstig‘ verbunden. Die phonetisch ähnliche Form *Raller* ist wahrscheinlich aus dem französischen Verb *râler* ‚schreien, brüllen‘ entstanden. Vgl. *Ralling*

‚Kater‘ in Kreichgau (Östringen) und auch den Necknamen der Kronauer – *Ralli*, was ‚Kater‘ bedeutet¹.

Unterschiedliche Bezeichnungen des **Maulwurfs** entstanden infolge der Volksetymologie. In der Standardsprache wurden die Formen *muwerf* (aus *mu* ‚Haufen‘ und *werf* ‚Werfer‘) und die spätere *moltwerf* «Erdwerfer» (aus *molt*, *mult* ‚Staub‘) zu *Maulwurf* «Werfer mit dem Maul» umgedeutet (Etym: 851). Entsprechende Lexeme sind auch in der KartS zu finden, z.B. *Maulwurf* [maʊlvʊrɔf] in Alexanderhilf bei Odessa. In manchen Mundarten sind die semantisch-morphologischen Veränderungen entweder einen anderen Weg gegangen oder wurden sie weiter entwickelt. So ist die innere Form solcher Wörter, wie *Maulwerfer* (Groß-Liebental bei Odessa, Glückstal Moldauische Republik) und *Maulwieler* (von *wühlen*) (Rohrbach, Johannestal im Gebiet Nikolaev), klar und durchsichtig. In *Maulwurm* (Güldendorf bei Odessa, Heilbronn auf der Krim) wurde der zweite Teil des Wortes umgedeutet, so wie auch in *Maulwolf* (Klein-Liebental und Kandel bei Odessa). Das Wort *Mauerwolf* (Neuburg, Franzfeld, Freudental Gebiet Odessa) demonstriert die Umdeutung beider Teile der Komposita. *Maulwelfer*, *Maulwelfler*, wie auch *Maulwelber* und *Maulwelda* in einigen Kolonien in den Gebieten von Odessa und Nikolaev zeigen eine entgegengesetzte Entwicklungsrichtung – die Verdunkelung der inneren Form. Was das Wort *Molkwurm* betrifft, das in Belowesch aufgezeichnet wurde, so geht sein erster Teil aller Wahrscheinlichkeit nach auf das alte Wort *molt* ‚Erde‘ zurück. L. Sinder gibt auch die Transkription dieses Wortes [mɔlkvɔrɔm], um seine Aussprache zu veranschaulichen. Für transkaukasische Kolonien sind in KartS noch zwei Formen angegeben: *Mauerfer* (Alexanderhilf) und *Mauwerfer* (Annenfeld).

Die Lexeme *Maulwerfer*, *Maulwieler*, *Maulwolf*, *Maulwelfer* sind im Pfälzischen Wörterbuch vorhanden (Pf. Wb Bd. 4, 1464 1389, Post 155). Die breite Variierung des Wortes finden wir auch in den Formularen der FB.

Die Bezeichnung des **Marienkäfers** hat viele dialektale Varianten, nach der Feststellung von R. Post (1990: 157) nur im Pfälzischen über 60. Die meisten von ihnen spiegeln die Vorstellung von der überirdischen Herkunft dieses Insekts wider. Unter den in KartS vorhandenen Lexemen sind z. B.: *Herrgottskäferle* (Mariental, Mannheim, Elsaß, Straßburg bei Odessa, München, Speyer, Landau

¹ <http://www.kronau.de/web/mein-kronau/Dae-Krunaemae-Ralli.php>

Gebiet Nikolaev), *Liewerherrgottskäferl* (Selz, Gebiet Odessa u.a.), *Heilandvögele* (Gross-Liebental, Alexanderhilf, Güldendorf Gebiet Odessa; Waterloo, Johannestal Gebiet Nikolaev, wie auch einige Kolonien auf der Krim und in Transkaukasien), *Herrgottsvögele* in einigen phonetischen Varianten in den Gebieten Odessa und Nikolaev u. a., *Fraukäferl* in der bairischen Kolonie Jamburg am Dnepr und *Butterkäfer* in Mühlhausendorf Gebiet Cherson. Vgl. Pf.Wb.3, 877–879.

Bei der Bezeichnung des **Hahnes** konkurrieren nach der KartS zwei lexikalische Varianten, wobei jede von ihnen eine Reihe phonetischer Varianten aufweist. Die Formen *Hah(n)*, *Hohne*, *Hahne*, oft mit nasalisiertem Wurzelvokal wurden in manchen Mundarten in den Gebieten Odessa, Nikolaev, sowie in der Moldauischen Republik aufgezeichnet. Der andere Wortstamm ist in den folgenden Lexemen vertreten: *Gickel* (Zürichtal und Sudak auf der Krim, Belowesch Konotop), *Geckler* (Glückstal Moldauische Republik), *Gockler* (Klein-Liebental u. a. bei Odessa), *Gückler* (in einigen Mundarten in den Gebieten Nikolaev, Odessa und auf der Krim), *Gickler* (auf der Krim), *Gockel* (Heilbronn Krim, Marienfeld Transkaukasien). Solche Mannigfaltigkeit der phonetischen Formen der beiden Lexeme ist in Deutschland bekannt und wurde wahrscheinlich in die Sprachinseln aus der deutschen Heimat mitgebracht. Für die Varianten *Hah(n)*, *Hohn(e)* siehe PfWb 3, 581, SHW 46; das *e* im Auslaut ist durch die ursprüngliche schwache Konjugation des Wortes zu erklären. Für *Gickel*, *Gockel*, *Gockelhahn* siehe Pf. Wb. 3: 368, Post 210 Karte, SHW 1406, Dischinger: 84.

Noch mehr Varianten weist das Wort '**Zuchtstier**' auf, was sowohl in KartS, als auch in FB registriert ist. Das Lexem *Farr*, das in vielen mitteldeutschen Mundarten vertreten ist (RhWb Bd.2 297, Pf Wb. 2, 1041, 1043 Karte), wurde laut KartS in manchen Kolonien der Ukraine aufgenommen, vor allem im Gebiet Nikolaev (Rohrbach, Karlsruhe, Speyer, Landau u. a.).

Das in den Kolonien verbreitete Wort *Boll* ist niederdeutschen Ursprungs. Nach KartS wurde es in Herzenberg (Krim), Rybalsk am Dnepr, Mühlhausendorf (Cherson) aufgezeichnet. In FB ist es auch sowohl in niederdeutschen, als auch in oberdeutschen Kolonien verbreitet (z. B. Alexandrograd, Neuhoffnungstal u. a.). Schirmunski betrachtete diese und einige andere Wörter als niederdeutsche Einschläge in den oberdeutschen Mundarten. Die Frage danach, wann dieses Wort in die oberdeutschen Mundarten entlehnt wurde

und warum es in den Inselmundarten so stark verbreitet war, bleibt offen. Man kann annehmen, dass es sich um die Spuren früher Dialektmischungen in den Sprachinseln handelt. Nach dem Pfälzischen Wörterbuch (Bd 1: 1339) wurde das Wort *Bulle* ‚Zuchtstier‘ in neuerer Zeit aus der Schriftsprache übernommen. Aber auch in den deutschen Kolonien, die in den 60er Jahren des 18. Jahrhunderts entstanden waren (so z. B. in Kolpino bei Petersburg), war dieses Wort zu treffen (Najdič 1997: 102), wobei der hochdeutsche Ursprung der Mundart nicht zu bezweifeln ist. Was die pfälzischen Mundarten betrifft, so bedeutet dort *Bolle* ‚große Schöpfkelle‘ (Pf Wb Bd 1: 1089) und *boll* Adj. ‚locker‘, von der Gartenerde, vom Kuchen, ‚dick und weich‘, z. B. vom Krautkopf (Pf Wb Bd 1: 1089). Im Südhessischen bedeutet *Bolle* ‚Klumpen‘ und *boll* ‚aufgedunsen‘, ‚nicht gesund‘, ‚plump‘ (SHW: 1002 f). Es gibt aber auch in diesen Mundarten *Bollauge* ‚dickes, hervortretendes Auge‘ (SHW: 1004), *bollaugig* ‚glotzaugig‘. Vergleichen wir diese Wörter mit *Bocksauge*, *bocksaugig* (Pf Wb 1: 1063), so entsteht nochmals die Frage nach dem Alter der Entlehnung dieses Wortes in die hochdeutschen Mundarten.

Nicht weniger Rätsel bietet das Wort *Hummel*, *Hommel* für **Zuchtstier**, das in den Kolonien bei Odessa, auf der Krim und in Transkaukasien nach KartS und nach FB aufgezeichnet wurde. Dieses Wort betrachtete Schirmunski (1931: 106–107) als ein schwäbisches. Es wurde aber auch in südfränkisch-pfälzischen Mundarten registriert (Pf. Wb. 3: 1223; Bad. Wb. 2: 789, SSA 4: 5.01 Karte, SHW: 779). *Hummel* ist in der Schriftsprache (hier fem.) und in den Mundarten (fem. oder mask.) auch in der anderen Bedeutung, als ‚das Insekt Bombus‘ bekannt. Das Wort hat indoeuropäischen Ursprung, denselben wie das russische *шмель* und *комар*, und wird als lautnachahmend etymologisiert (Etym: 561f). Das Wort *Brummhummel* konnte sowohl ‚Zuchtstier, Ochse‘ (Transkaukasien, Kolonie Helenendorf), als auch ‚das Insekt Bombus‘ bedeuten. In den Kolonien Neu-Saratowka und Kolpino bei Leningrad hieß dieses Insekt *Promomler* (aus *Brummhummel* oder *Brummummel*) (Najdič 1997: 104). Das Wort *Mummel*, das in vielen Mundarten bei Odessa aufgezeichnet wurde (Klein-Liebental, Mariental, Franzfeld, Mannheim, Elsaß, Kandel, Selz, Baden, Straßburg) und ‚Zuchtstier‘ bedeutete, ist in manchen rheinfränkischen Mundarten bekannt (SSA 4: 5.01 Karte). Dabei kann *Mummel*, *Mummeler* auch ‚Bombus‘ bedeuten (SHW: 814f). Im PfWb und im SHW sind zwei Bedeutungen von *Hummel* registriert: mask.

‚Zuchtstier‘ und mask., fem. ‚Bombus‘ (Pf Wb Bd. 4:1461, SHW: 779). Ob beide Bedeutungen als lautmachende Tierbenennungen ein und dieselbe Etymologie aufweisen, bleibt nicht klar.

Einer der Forschungsziele, die Schirmunski und seine Arbeitsgruppe verfolgten, war die Untersuchung der Dialekt- und Sprachinterferenzen. Auch die Lexik spielt dabei eine bestimmte Rolle. Historische Lexikologie kann zum Verständnis der Mischungsprozesse in den Mundarten beitragen.

Die Dialektmischung begann wahrscheinlich bereits während der langen Reise der Kolonisten aus Deutschland nach Russland. Umsiedlungen, die Bildung der sog. Tochterkolonien, die manchmal vorkommenden Ehen unter den Kolonisten der benachbarten Siedlungen – das alles verursachte Dialektmischungen in der neuen Heimat. So wurde nach der Feststellung von Schirmunski die Kolonie Rybalsk (Gebiet Dnepropetrovsk, früher Ekaterinoslav) zuerst von den Mennoniten bewohnt, die eine plattdeutsche Mundart sprachen. Danach siedelten sich dort andere Kolonisten, die aus Westdeutschland stammten und eine rheinpfälzische Mundart sprachen, an. Ein niederdeutsches Wort ist aber dort geblieben: *Kojel* ‚Zuchtschwein‘, vermutlich aus dem altpreußischen (baltischen) *cuylis* (KartS 108, Žirmunskij 1931: 106).

Schirmunski hat ausführlich die schwäbisch-pfälzischen Mundartinterferenzen untersucht, was ihn veranlasste, den Gesetzmäßigkeiten der Dialektmischungen nachzugehen und die Theorie der primären und sekundären Merkmale aufzustellen. In der Phonetik und Phonologie sind diejenigen Dialektzüge, die erhalten bleiben, d. h. die sekundären, in der Mischmundart die pfälzischen. Die schwäbischen Merkmale sind dagegen entfallen. So war es in den von Schirmunski (1976: 503) und von seinen Schülern erforschten Kolonien Neuburg und Alexanderhilf bei Odessa, wo nur wenige schwäbische Züge erhalten geblieben sind. Auch in der Lexik haben die pfälzischen Wörter die Oberhand gewonnen: *Ganeser* ‚Gänserich‘ in den Kolonien bei Odessa (KartS 48), während für die Kolonien Transkaukasiens die schwäbische Form *Gänsker* galt (KartS 53) (Жирмунский, 1930: 107–109, 1931: 107).

Die deutschen Kolonisten lebten recht isoliert von ihren slawischen Nachbarn. Es gibt darum nur einzelne, nicht sehr zahlreiche, Entlehnungen aus dem Russischen und dem Ukrainischen. So wurde **die Ente** in manchen Inselmundarten in den Gebieten Odessa (Neuburg, Alexanderhilf, Mariental, Freudental, Mannheim, Elsaß u. a.) nach KartS *Katsch* genannt; **der Enterich** in

denselben Mundarten *Katscherich* – die Wortwurzel ist aus dem ukrainischen *katschka* entlehnt. Das Substantiv wurde der deutschen Morphologie/Wortbildung angepasst. Auch andere Varianten waren nach KarS zu treffen: *Kätscherich*, *Katschkerich*, *Katschker*, *Kätschker*, *Kätscherich*. Diese Beispiele sind als hybride Lehnwörter interessant: Der ukrainischen Wortwurzel folgte hier ein deutsches Suffix. In der KartS sind auch die folgenden Lehnwörter aus dem Ukrainischen zu finden: *Buhai* 'Zuchtstier' (Jamburg am Dnepr), *Kumar* 'Mücke' (Jamburg am Dnepr, Rybalsk am Dnepr), *Sucke* 'weiblicher Hund' (Gross-Liebental, Neuburg, Freudental bei Odessa).

Die Lexik der Kolonien war recht bunt. Wie aus der KartS und aus den FB folgert, waren in den Nachbarskolonien oft zahlreiche Unterschiede in der Bauernlexik zu treffen. Diese Mannigfaltigkeit war aus Deutschland mitgebracht, danach folgte in manchen, jedoch nicht in allen Fällen ein Ausgleich nach dieser oder jener Seite. Von den traditionellen Isoglossen und anderen Kartierungsmethoden kann im Falle der Inselemdarten keine Rede sein. Nach den vorhandenen Daten konnten die transkaukasischen Inselemdarten, die von den Württemberger Separatisten gegründet worden waren, dank einigen besonderen Merkmalen auf der dialektalen Karte ausgegliedert werden. Hier waren die schwäbischen Besonderheiten aufbewahrt. So enthält das Wort *Heale* 'Küken, Hühnlein' (nach der KartS in Helenendorf, Annenfeld, Alexandersdorf u. a.) einen typisch schwäbischen Diphthong. Charakteristisch für die transkaukasischen Kolonien sind die Wörter *Hammel* 'Kalb', *Relling* 'Kater', *Kriks* 'Heuschrecke', *Zudel* 'weiblicher Hund'. Eine gewisse Ähnlichkeit miteinander weisen einzelne Kolonien im Gebiet Odessa, wo sich nach der Feststellung von Schirmunski eine mehr oder weniger einheitliche Mundart entwickelt hat. Vgl. folgende Wörter, die für dieses Gebiet charakteristisch waren: *Katsch* 'Ente', *Katscherich* 'Enterich', *Mallert* 'Kater', *Hetsch* 'männliches Schwein'.

Die Aufarbeitung des Archivs Schirmunski, u. a. der Kartei von Sinder, steht erst am Anfang. Diese Materialien zu bewerten, zugänglich zu machen und für die weitere Mundartforschungen zu benutzen ist die Aufgabe und die Pflicht der Germanisten.

Literatur

Wörterbücher und Atlanten

- Bad. Wb – Badisches Wörterbuch. – Begonnen von Ernst Ochs, weitergeführt von Karl Friedrich Müller, Gerhard W. Baur, Rudolf Post, ab Band 5 bearbeitet von Tobias Streck. 1925.
- DWA – Deutscher Wortatlas. Hrsg. von Walther Mitzka, ab Bd. 5 von Walther Mitzka und Ludwig Erich Schmitt, Bd. 1–20. Gießen 1951–1973, Bd. 21–22 hrsg. von Reiner Hildebrandt. Gießen, 1978–80.
- Dischinger – Dischinger H. Eeschdringä Wäddabuuch (Östringer Wörterbuch. Mundart einer Kraichgau-Gemeinde). 1. Ausgabe. Verlag: Östringen, Selbstverlag, ohne Jahr.
- Post – Post Rudolf unter Mitarbeit von Friedel Scheer-Nahor: Alemannisches Wörterbuch für Baden. Karlsruhe 2. Aufl. 2010.
- Etym – Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Hrsg. von Wolfgang Pfeifer Deutscher Taschenbuch Verlag. München. 7. Auflage 2004.
- Grimm Wörterbuch – Das deutsche Wörterbuch von Jakob und Wilhelm Grimm. <http://urts55.uni-trier.de:8080/Projekte/DWB>
- Pf. Wb. – Pfälzisches Wörterbuch, begründet von Ernst Christmann. Bearb. von Julius Krämer, Rudolf Post. Wiesbaden/Stuttgart, Bd. I–VI, 1965–1997. Heute auch im Internet: [http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui.py?sigle=PfWB&mainmode\(Pf.Wb\)](http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui.py?sigle=PfWB&mainmode(Pf.Wb))
- Rhein.Wb. – Rheinisches Wörterbuch. Josef Müller / Heinrich Dittmaier / Karl Meisen / Matthias Zender. Publikationszeitraum: 1928–1971 <http://dvw.uni-trier.de/de/die-woerterbuecher/das-rheinische-woerterbuch/>
- SHW – Südhessisches Wörterbuch. Rudolf Mulch / Roland Mulch. 6 Bände. Marburg; Darmstadt 1965–2010. <http://www.lagis-hessen.de/de/subjects/index/sn/shwb>
- SSA – Südwestdeutscher Sprachatlas. Hrsg. von Hugo Steger / Volker Schupp / Eugen Gabriel u. a. Marburg, Elwert Verlag, 1989–2012.
- Els – Wörterbuch der elsässischen Mundarten. Bearbeitet von Ernst Martin / Hans Lienhart. Publikationszeitraum: 1899–1907. Strassburg. <http://dvw.uni-trier.de/de/die-woerterbuecher/das-woerterbuch-der-elsaessischen-mundarten/>

Aufsätze und Monographien

- Bachmann 1929 – Bachmann H. Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebietes. Charkow, Zentralverlag, 1929.
- Berend, Jedig 1991 – Berend N., Jedig H. Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie.. Marburg: N. G. Elwert Verlag. 1991. S. 113–150 (= Schriftenreihe der Kommission für ostdeutsche Volkskunde in der deutschen Gesellschaft für Volkskunde e.V. Bd. 53).
- Najdič 1991 – Najdič L. Viktor Maksimovič Žirmunskij als Dialektologe. Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, 1991, H. 2, S.131–146

- Najdič 1997 – Najdič L. Deutsche Bauern bei St. Petersburg-Leningrad. Dialekte – Brauchtum – Folklore // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik-Beihefte 94. Stuttgart : Franz Steiner Verlag. 1997.
- Naiditsch, Svetozarova 2008 – Naiditsch L., Svetozarova N. Lev Rafailovič Zinder – Germanist, Phonologe, Phonetiker (1904–1995) // Bausteine zur Wissenschaftsgeschichte von Dialektologie / Germanistischer Sprachwissenschaft im 19. und 20. Jahrhundert. Beiträge zum 2. Kongress der Internationalen Gesellschaft für Dialektologie des Deutschen, Wien, 20.–23. September 2006. / Hrsg.von Peter Ernst. Praesens Verlag, Wien. 2008. S. 75–83.
- Post 1992 – Post R. Pfälzisch. Einführung in eine Sprachlandschaft. 1990. Pfälzische Verlagsanstalt. Landau / Pfalz, 2. Aufl. 1992.
- Schuhmacher 1963 – Schuhmacher Th. Sprachliche Deformation und Formation. Zur Wortgeographie der 'Ameise'. Deutsche Wortforschung in europäischen Bezügen. Hrsg. von Ludwig Erich Schmitt. Bd. 2. 1963.
- Sokolskaja, Sinder Sokolskaja T., Sinder L. Eine oberhessische Sprachinsel in der Nordukraine // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1930. Bd. 54. S. 334–355.
- Schirmunski 1925 – Schirmunski V. Studien zur Volkskunde der deutschen Kolonien // Zur neuen Schule. 1925. T. 14–15. S. 45–57.
- Schirmunski 1928 – Schirmunski V. Die deutschen Kolonien in der Ukraine. Moskau : Zentral-Völkerverlag der Sowjet-Union, 1928.
- Schirmunski 1931 – Schirmunski V. Die nordbairische Mundart von Jamburg am Dnjepr (Ukraine). Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1931. Bd. 55. H. 1–2. S. 243–282.
- Schirmunski 1930 – Schirmunski V. Volkskundliche Forschungen in den deutschen Siedlungen der Sowjet-Union : Deutsche Volkskunde im außerdeutschen Osten: vier Vorträge. Berlin: Walter de Gruyter, 1930. S. 52–81.
- Schirmunski 2010 – Schirmunski V. Deutsche Mundartkunde. Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten. Herausgegeben und kommentiert von Larissa Naiditsch. Unter Mitarbeit von Peter Wiesinger. Aus dem Russischen übersetzt von Wolfgang Fleischer. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2010. 832 S., 20 Abb. 8–36.
- Вербицкая 2004 – Вербицкая Л. А. Л. Р. Зиндер – профессор Петербургского университета // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л. Р. Зиндера. Научный редактор Л. В. Бондарко. СПб., 2004. С. 8–14. (L. R. Sinder – Professor der Petersburger Universität).
- Жирмунский 1931– Жирмунский В. М. Процессы языкового смешения в франко-швабских говорах южной Украины // Язык и литература. Т. VII. Ленинград, 1931. С. 93–109. (Prozesse der Sprachmischung in fränkisch-schwäbischen Mundarten der Südukraine).
- Жирмунский 1933 – Жирмунский В. М. Итоги и задачи диалектографического исследования немецких поселений СССР // Советская этнография. 1933. № 2. С. 84–112. (Ergebnisse und Aufgaben der dialektographischen Erforschung der deutschen Siedlungen in der UdSSR).

- Жирмунский 1976 – Жирмунский В. М. Проблемы переселенческой диалектологии // Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л., 1976. С. 491–516 (первая публикация 1929 г.) (Probleme der Inseldialektologie).
- Зиндер 1998 – Зиндер Л. Р. В. М. Жирмунский и островная диалектология // Язык и речевая деятельность. Т. 1. СПб., 1998. С. 187–193.
- Зиндер 2006 – Зиндер Л. Р. Описательная грамматика современного говора немецкой колонии Белые Вежи (Дипломная работа. Май 1928). // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института Лингвистических Исследований. Том II, часть I. СПб.: Наука, 2006. С. 419–446. (Beschreibende Grammatik der modernen Mundart der deutschen Kolonie Belye Veži). Diplomarbeit.
- Зиндер, Строева 1978 – Зиндер Л. Р., Т. В. Строева. В. М. Жирмунский как полевой диалектолог // Проблемы ареальных контактов и социолингвистики. Л., 1978. С. 57–162. (V. M. Schirmunski als Felddialektologe).
- Пузейкина, Светозарова 2012 – Пузейкина Л. Н., Светозарова Н. Д. Белые Вежи (первая научная работа Л. Р. Зиндера) // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Памяти учителей – Л. Р. Зиндера, Т. В. Строевой, Г. Н. Эйхбаум: сб. статей. СПб., 2012. С. 74–98. (Belye Veži (die erste wissenschaftliche Arbeit von L. R. Sinder).
- Смирницкая 2000 – Смирницкая С. В. В. М. Жирмунский и Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России // Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000. С. 61–70. (V. M. Schirmunski und das Leningrader Zentrum der Erforschung der deutschen Siedlungen)
- Светозарова 2006 – Светозарова Н. Д. Фольклорно-диалектологические экспедиции В. М. Жирмунского и его «Архив немецкой народной песни» // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Том 2. М., 2006. С. 137–147. (Folkloristisch-dialektologische Forschungsreisen von V. M. Schirmunski und sein Archiv des deutschen Volksliedes).
- Светозарова 2010 – Светозарова Н. Д. Забытое имя – фольклорист Эллино́р Иогансон // Фольклор и мы: Традиционная культура в зеркале ее восприятий: сб. научных статей, посвященный 70-летию И. И. Земцовского. Ч.1. СПб.: РИИИ, 2010. С. 223–231. (Ein vergessener Name – Folkloristin Ellinor Johansson).
- Светозарова 2013 – Светозарова Н. Д. Отчеты об экспедициях как уникальный источник информации (на материалы фольклорно-диалектологических экспедиций В. М. Жирмунского) // «Magister Dixit», научно-педагогический журнал Восточной Сибири, №3 (09). Сентябрь 2013 (<http://md.islu.ru/>) (Berichte von V. M. Schirmunski über seine folkloristisch-dialektologische Forschungsreisen als wertvolle germanistische Informationsquelle).
- Светозарова 2015 – Светозарова Н. Д. Герман Бахман и его книга «Поездка в немецкие колонии Березанского района». СПб., 2015 (Hermann Bachmann und sein Buch “Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebietes“).

**L. Naiditsch, N. Swetosarowa Dialectological Projects
of V. M. Zhirmunski and the Word Index of L. R. Sinder**

The subject of the paper is connected with the research of Viktor Maximovich Zhirmunski's dialectological archive. This famous philologist was engaged in 1920ies in the studies of the "insular" German dialects in the USSR, organizing a research group. Only a part of the collected material was published. Preparing a dictionary Zhirmunski was collecting the vocabulary of German dialects in Russia and in Ukraine. These materials include the filled dialectal questionnaires and the index of words denoting domestic animals and insects compiled by L. R. Sinder. The paper deals with the structure of this index in comparison with the questionnaires, as well as with the dialect localization of the corresponding words, and partially with their history and etymology.

Keywords: German dialectology, German "insular" dialects in the USSR, dialectological archive of Viktor Maximovich Zhirmunski, dialectal vocabulary.

А. А. Немировский, А. В. Сафронов

КТО ПОГУБИЛ ХАТТУСУ?*

Авторы рассматривают вопрос о том, кто опустошил Хаттусу и коренную территорию хеттов по Галису в начале 12 в. до н. э., заново привлекая сообщение египетской надписи из Мединет-Абу о гибели Хатти под ударами северных племен из бассейна Эгеиды (т. н. «народов моря»). По их мнению, это сообщение не могло быть плодом ошибки египетских писцов из-за их неосведомленности о текущих делах за рубежом, и оно действительно касается именно судьбы центрального, столичного ареала Хеттского царства. Как полагают авторы, захват Хаттусы надо приписывать одной из групп мигрантов из балканско-эгейского региона. Их можно соотнести с носителями этнонима *Muṣ-/moes-* со Стримона («восточные мушки» древневосточных письменных памятников). Составители надписей Мединет-Абу могли видеть в этой группе выходцев со Стримона часть народа *peleset*, упоминаемого ими среди «народов моря» (древнее название этой реки – *Παλαστίνος*).

Ключевые слова: армяне, Вифиния, греческая традиция, Мединет-Абу, мушки, «народы моря», пеласги, Троянская война, Хаттуса, Хеттское царство.

Вопрос о том, что именно привело к падению Хаттусы, официальной столицы Хеттской державы, которое археологически отразилось в разрушении и сожжении ее цитадели, дворцов и храмов, а также причины запустения остальной части города и всего ареала хеттского расселения в бассейне Галиса примерно в то же время – в первое десятилетие 12 в. до н. э. (Bittel 1983: 31–33), до сих пор остается дискуссионным. По одной из точек зрения (Schachermeyr 1986: 343–344; Singer 2000: 27–28), отталкивающейся от знаменитой надписи Рамсеса III из Мединет Абу о событиях 8-го года его правления (см. ниже), Хаттуса была захвачена и разгромлена какой-то группой мигрантов из балканско-циркумэгейского региона, фигурирующих в науке под искусственным названием «народы моря»¹.

---

* Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-31-01307 «Великие державы и мигрирующие народы: этнополитические процессы в Восточном Средиземноморье и на Переднем Востоке во второй половине 2 тыс. до н. э.».

¹ В надписях Мединет-Абу они именуются «северными чужеземьями» и «чужеземьями на своих островах» (Немировский 2002:36, прим.32);

Последние в самом начале 12 в. до н. э. после конфликта на северо-западе Анатолии, зафиксированного в греческой эпической традиции как Троянская война (Сафронов 2006: 135–137; Сафронов 2009: 144–150; Немировский 2001: 7–13, 16–19), прошли разрушительным маршем с северо-запада и запада Анатолии вплоть до Евфрата и рубежей Египта.

Согласно другим гипотезам Хаттусу привели к гибели какие-то местные, восточноанатолийские силы: повстанцы в самом городе или соперничавшие с центральной властью династии самой же Хеттской державы (Klengel 1999: 312–313; Sürenhagen 1996: 289), или каски – северо-восточные соседи хеттского ареала при Галисе, ранее неоднократно нападавшие на район Хаттусы (Bittel 1983: 46–47; Hoffner 1992: 51; Yakar 1993: 12).

Особняком стоит весьма популярная ныне точка зрения бывшего директора немецкой археологической миссии в Хаттусе Ю. Зееэра, согласно которой еще до опустошения столица хеттов была организованно эвакуирована властями перед лицом какой-то угрозы² (Seeher 2001: 633; Bryce 2012: 11–12). Исследователь указал, что в административных зданиях, храмах и жилых кварталах Хаттусы, погибши она в результате штурма, должны были остаться повседневные вещи (фрагменты керамики, мебели, мелкие орудия из камня и металла и т. д.), словом, все то, что жителям не было нужды спасать из города, а захватчикам – забирать с собой. Однако кроме клинописных табличек, глиняных булл и больших пифосов, найденных на складах т. н. «Большого храма», ничего подобного обнаружено не было. Данный факт привел исследователя к выводу, что в самом конце правления Суппилулиумы II двор, армия и ремесленники покинули столицу, унеся с собой все имущество, а сама Хаттуса к моменту ее сожжения фактически обезлюдела и утратила свое прежнее значение (Seeher 2001: 624–630, 633).

Однако следует отметить, что гипотеза о тотальной эвакуации Хаттусы не объясняет следов катастрофического пожара, опустошившего хеттскую столицу, поскольку совершенно неясно, кто и зачем тогда сжег обезлюдевший город. Попытки

инными словами, египтяне воспринимали их как некую массу северян с островов (подразумеваемая как острова Эгейского бассейна, так и примыкающие к нему части Европы, о материковой природе которых в Египте не знали).

² Иногда в качестве этой угрозы опять-таки называются каски (Freu, Mazoyer 2010: 256).

отрицать разгром Хаттусы врагами выглядят весьма странно в свете археологических исследований хеттских центров вокруг столицы. Так, Аладжа (20 км к северо-востоку от Хаттусы) и Машат в излучине Галиса тоже показывают синхронные слои мощного пожара, их уничтожившего, а в расположенном к западу от Галиса хеттском поселении в Караоглане в слое разрушений обнаружены скелеты жителей, павших при взятии города (Bittel 1983: 31). Кроме того, недавние раскопки в Хаттусе показали, что после крушения города на холме Буюккайя возникло небольшое поселение раннежелезного века. Его жители производили керамику, схожую по формам и технологии с имперской традицией, что свидетельствует о возвращении части хеттского населения для проживания на территорию уже запустевшей столицы (так и не восстановившейся в качестве городского центра) через какое-то время после ее разгрома (Genz 2013: 472–473, 475). Эти данные едва ли коррелируют с гипотезой о том, что хеттская столица была просто брошена ее обитателями. Скорее факты говорят о том, что враги, захватившие Хаттусу, ушли из города³, после чего какие-то хеттские жители округи (частью, возможно, из населения самой Хаттусы) вернулись, привлеченные, вероятно, оборонительными возможностями этого места даже после разгрома цитадели.

Таким образом, археологический материал не дает возможности ответить на вопрос о причинах опустошения Хаттусы и оставляет широкое поле для гипотез (Cline 2014: 126).

Заново поднимая этот вопрос, укажем сразу, что за вычетом упоминания Хатти в вышеназванной надписи Рамсеса III из Мединет-Абу, в нашем распоряжении окажутся только следующие данные:

- в начале 12 в. до н.э. имеют место масштабные переселения на Восток племен из балканско-циркумэгейского региона;
- в этот же период гибнет Хаттуса и некоторые другие центры коренного хеттского ареала на Галисе;
- вскоре после этого на Верхнем Евфрате и на рубежах Верхней Месопотамии ассирийские источники под именем

---

³ Об этом косвенно может свидетельствовать отсутствие следов материальной культуры в Хаттусе после разрушения, которую можно было бы приписать захватчикам города (Bittel 1983: 27).

мушков фиксируют новых пришельцев⁴. Согласно одному ассирийскому сообщению, около 1165 г. до н. э. мушки захватили верхнетигрскую область Алзи (Wittke 2004: 32). Два других свидетельства об этих племенах относятся ко времени правления ассирийских царей Нинурта-апиль-Экура (1181–1169 г. до н. э.) и Ашшурадана I (1168–1133 г. до н. э.). Первое из них упоминает сражение ассирийцев с вторгшимися *мушками* в Ханигальбате (Верхняя Месопотамия), второе – также бои с *мушками* (Radner 2006: 147–148). Исследования И. М. Дьяконова убедительно показали, что название *mišk-* является формой того же балканского этнонима, который известен по античным источникам в формах *Musc-* / *moes-* (в привычной нам средневековой форме – «мис-») (Дьяконов 1968: 118–122, 190–209, 214–241; Дьяконов 1981: 58 и сл.). Этот этноним служил само- и иноназванием для ряда групп палеобаоканцев/фрако-фригийцев. Восточные мушки расселялись от Галиса до Верхнего Евфрата и Верхнего Тигра, причем их верхнеевфратско-верхнетигрская часть стала этноязыковыми предками армян, а галисская – каппадокийцев (Дьяконов 1981; Немировский 1999: 8–11).

Вторжения восточных мушков в Ханигальбат и на Верхний Тигр уже в 70-х гг. 12 в. до н. э. свидетельствуют о том, что Анатолию и бассейн Галиса они прошли еще раньше, выйдя к Евфрату в правления Нинурта-апиль-Экура, т. е. не позднее 1180–1175 г. до н. э. Таким образом, их движение на восток явно оказывается частью миграций циркумэгейско-балканских народов на Передний Восток начала 12 в. до н. э., и они появляются в районе Хаттусы одновременно с ее падением или почти сразу после него (раз к 70-х гг. 12 в. до н. э. они вышли уже на Евфрат).

Все сказанное само по себе могло бы отвечать сценариям трех типов:

а) Хаттусу разгромили мигранты из той самой группы, представители которой вскоре фиксируются на Галисе и верхнем Евфрате, т. е. восточные мушки;

б) Хаттусу уничтожил какой-то иной поток тех же миграций (например, группа «народов моря», пришедшая из Киликии и

---

⁴ В терминологии, введенной И. М. Дьяконовым, – восточные мушки; тем же термином «мушки» ассирийцы спустя века называли фригийцев Миты-Мидаса. Лувийцы Юго-Восточной Анатолии и Сирии называли фригийцев «муса», а тех, кого мы называем восточными мушками, – «муска» (Дьяконов 1980: 362 сл.).

потом, возможно, ушедшая обратно), а восточные мушки расселились в Центральной Анатолии вскоре после этого.

в) Хаттусу разрушили местные силы (каска или мятежники), пользуясь кризисом в Хатти, усугубленным нашествиями с запада, а восточные мушки расселились здесь позже⁵.

В надписи о событиях 8-го года правления Рамсеса III из Мединет-Абу, однако, ясно сказано, что Хатти и ряд других царств Анатолии и Сирии разорили северяне, сместившиеся с места из-за каких-то конфликтов. После сокрушения указанных царств, согласно египетской надписи, конгломерат их племен расположился лагерем посреди Амурру в Южной Сирии. Основными племенами были *пелесет*/пеласты/пеласги, *текер*/тевкры, *шакалуша*, *дануна*/данайцы⁶ и плохо идентифицируемые *вашаша*: «⁽¹⁶⁾ Чужеземья (т. е. «народы моря» – *А. Н.*, *А. С.*) заключили союз на своих островах. Пришли в движение и рассеялись в пылу битвы страны в один миг. Не устояла ни одна страна перед руками их, начиная с Хатти, Коде, Каркемиша. Арцава и ⁽¹⁷⁾ Аласия (Кипр) опустошены в [один миг]. [Разбит] (был ими) лагерь в месте одном посреди Амурру. Уничтожили они людей его, землю его, которые (стали) несуществующими. Они шли, и пламя занималось впереди них по направлению к Земле Возлюбленной. В союзе (*jwnmkt*) их были ⁽¹⁸⁾ *пелесет*, *текер*, *шакалуша*, *дану(на)*, *вашаша*. Страны объединенные, наложили они длань свою на земли до круга земли. Сердца их (были) тверды и уверенны: «Наши замыслы сбудутся!» (далее следует описание нападения пришельцев на египтян и победы последних) (пер. по: МН 1930: Pl. 46).

Сразу подчеркнем, что приведенный пассаж вовсе не говорит, что *все* опустошавшие Анатолию северяне собрались затем в Амурру и состояли только из перечисленных пяти племен. Сказано лишь, что чужеземные враги разорили множество стран Анатолии и Сирии, и в итоге некоторая их часть оккупировала Амурру. Перечисление пяти народов относится скорее именно к этой занявшей Амурру группе, так как в тексте сообщение об этом расположено уже после рассказа о захвате северянами

⁵ При этом даже самая тесная хронологическая близость падения Хаттусы и появления восточных мушков в регионе Галиса – Евфрата допускает все три сценария: на последовательности событий (б) и (в) хватило бы и нескольких месяцев.

⁶ О подобной идентификации этих этнонимов см.: Немировский 2002: 36, прим. 32; Redford 1992: 251–252.

Амурру и их дальнейшем движении на Египет. До этого в надписи северяне не конкретизируются и выступают под общим обозначением «чужеземья». В этом случае любые этносы, участвовавшие в миграциях в Анатолии, но не представленные или несущественно представленные в рядах племен, занявших Амурру, должны были остаться за кадром указанного перечисления. Но даже если этот перечень пяти северных этнонимов относится ко всему предшествующему сообщению, а не только к сюжету об Амурру, то есть описывает участников балканско-циркумэгейского переселения вообще, то и тогда в нем могут перечисляться не *все* племена, а лишь главные из них с точки зрения египтян. Это видно из того, что в текстах Мединет-Абу и папируса Харрис I в качестве воевавших с Египтом «народов моря» называются еще и *турша*, и *шардана* (МН 1970: Pl. 600b; Ericson 1933: 92.15) которых в нашем перечне пяти племен нет. Само же слово, вводящее этот перечень – *jwnmkt*, хотя и переводится здесь по общему смыслу ‘конфедерация, союз’, этимологически состоит из основ *jwn* ‘опора’ и *mkt* ‘защита’, что дает скорее оттенок ‘оплот, главные силы’ и подразумевает, вероятно, именно основных (а не всех без исключения) участников переселения или конфедерации.

Таким образом, этнонимы каких-то групп мигрантов, в том числе оперировавших в Анатолии, могли не попасть в разбираемый список пяти «народов моря» при любой его интерпретации.

При этом очевидно, что все потоки опустошительных миграций северных племен на восток в начале 12 в. до н. э. должны были в глазах египтян представлять некий общий большой процесс (каковым в наших глазах является, например, «великое переселение народов», сокрушившее Римскую империю). Соответственно, если египтяне и правильно отметили, что Хатти погибло от рук северян, то это вовсе не значило бы, что эти разрушители Хатти обязательно должны были войти в тот самый конгломерат племен «народов моря», который дошел до Амурру и продвинулся далее к Египту. Они вполне могли относиться к любому другому потоку, оперировавшему, например, в северной части Малой Азии.

С учетом вышесказанного, сообщение Мединет-Абу допускает теоретически три интерпретации:

(1) Говоря о Хатти, египетские писцы ошиблись: в действительности оно погибло не от ударов северян, а от действий

какого-то иного врага, северяне же лишь способствовали этому и/или заняли территории погибшей хеттской державы.

(2) Надпись Рамсеса III дает правдивую информацию, но то сокрушение Хатти, которое имеется в виду, – это не падение Хаттусы (или не столько оно), а какой-то разгром хеттского царя и его сил на юге, на плато Конья или в Киликии, в то время как разрушение Хаттусы имело для египтян несоизмеримо меньшее значение на этом фоне. В этом случае гибель Хатти, о которой говорит надпись Рамсеса III, была бы делом южного, памфилийско-килийско-сирийского потока мигрантов⁷, а Хаттусу тогда мог жечь кто угодно.

(3) Информация, зафиксированная в тексте Мединет Абу, верна, а описываемое им сокрушение Хатти – это в первую очередь именно разорение Хаттусы и коренной страны Хатти, т. е. хеттского ареала в бассейне Галиса. В этом случае взятие Хаттусы следует приписать какой-то группе мигрантов из циркумэгейского ареала («северных чужеземий» на «островах»), причем необязательно относящейся к одному из тех их этносов, которые были конкретно названы в надписях Мединет-Абу.

Оценим эти возможности. Ошибку процитированного египетского источника в обсуждаемом вопросе мы считаем невероятной. Предполагать, что писцы намеренно исказили здесь истину, нет никаких оснований, а плодом их неосведомленности или путаницы такая ошибка не могла бы стать вообще: Хеттское царство и сама Хаттуса отнюдь не были для египтян какими-то полузнаемыми местами на краю света, которых в Египте толком себе не представляли. В Хаттусу уже около 150 лет систематически ездили египетские посольства, причем особенно часто как раз в середине – второй половине 13 в. до н. э. Падение Хеттского царства также не могло быть неким провалом в информационной картине египтян, о котором они не могли собрать достаточно сведений к моменту составления рассмотренной выше надписи. Текст был создан спустя достаточное время после описанных в нем столкновений Египта с «северянами» на 8-м году правления Рамсеса III. Сами же эти столкновения должны были происходить годами позже, чем упомянутое в тексте разрушение «северянами» анатолийских царств. Египтяне в этот период активно взаимодействовали с разными

---

⁷ Маркированного в греческой традиции преданиями о походах Калханга, Амфилоха и Мопса (Немировский 2001: 8–12).

группами северных пришельцев (брали их наемниками, захватывали в плен и т. п.), а после 8-го года Рамсеса сами разворачивали операции в бывшей хеттской Сирии и даже, якобы, в Арцаве (Grandet 1993: 206). Поэтому невозможно представить себе, что на фоне всего этого они так и не уяснили, кто и как уничтожил великую державу Хатти, их постоянного партнера в течение 14–13 в. до н. э., а внесли в разбираемый пассаж надписи из Мединет-Абу ошибочное сообщение об этом на основании каких-то неверных слухов.

Представляется невероятным и то, что под гибелью Хатти под ударом «северян» надпись из Мединет-Абу подразумевает какие-то события, не затрагивавшие Хаттусу и коренной хеттский ареал в бассейне Галиса. Даже если представить, что египтяне знали о поражении хеттов на юге, сопровождавшемся гибелью хеттского царя и его окружения, они все равно не стали бы отражать это в надписи как падение Хатти, если бы ареал хеттов в излучине Галиса остался при этом нетронутым⁸.

Косвенным подтверждением сказанному служит следующее соображение. Как известно, хеттский Мелид-Милидиа (Арслантепе) на Верхнем Евфрате остался не затронут нашествиями с запада. Какая-то ветвь хеттской династии укрепилась здесь, именуя затем свои владения (примерно до Тавра и Галиса на север) «великой страной Хатти» (Hawkins 1972–1975: 153), т. е. фактически объявив свое государство уцелевшим Хеттским царством. С аналогичными претензиями выступала ветвь хеттской династии, сидевшая в Каркемише; оправившись от нашествия «народов моря». Что могло помешать египтянам признать один из этих осколков Хеттской державы, уцелевших к югу от Галиса и Тавра, за продолжающую существовать страну Хатти? Тем не менее, египтяне этого не сделали: обсуждаемая надпись заявляет, что Хатти было уничтожено «северянами» – вероятно, как раз потому, что для египтян представление о жизни и гибели Хатти было связано с судьбой именно коренного хеттского ареала с центром в Хаттусе, а он действительно запустел в результате нашествий с запада и не контролировался хеттскими династиями Мелида, Каркемиша и т. п. Таким образом, то «Хатти», которое с египетской точки зрения погибло под

---

⁸ В этом случае в традиционной священной столице Хаттусе просто сел бы на престол очередной хеттский династ, и его держава и оставалась бы в глазах египтян продолжающей существование Хатти.

ударом «северян» – это, прежде всего, и есть коренной хеттский ареал с центром в Хаттусе.

Поэтому остается лишь третий вариант, согласно которому Хаттуса и ее регион пали именно под ударами одной из групп «северян». Что это была за группа? Практически сразу после гибели Хаттусы ее регион оказывается занят восточными мушками, и в источниках нет никаких намеков на то, что прямо перед ними сюда приходила какая-то другая волна мигрантов с запада. Если не идти на безосновательные домыслы, следует заключить, что именно восточные мушки и разорили центральное Хатти, захватив, в частности, Хаттусу и прекратив ее существование как хеттского центра и городского поселения вообще.

Насколько согласуется этот вывод с нашим доверием к разобранной выше надписи из Мединет-Абу? Препятствием к такому согласованию мог бы, на первый взгляд, стать тот факт, что среди упоминаемых в этой надписи (и в других египетских текстах) этносов, участвовавших в нашествиях с запада, нет этнонима, сколько-нибудь схожего по названию с мушками. Но, во-первых, как мы показали, содержание и построение соответствующего пассажа надписи в Мединет-Абу отнюдь не предполагает, чтобы те мигранты-«северяне», которым этот пассаж приписывает уничтожение Хатти, непременно принадлежали бы к одному из тех этносов «северян», которые упомянуты надписями Мединет-Абу под своими конкретными названиями. Как мы указали, эти названия представляют лишь часть «северян», не то связанную с нашествиями на Амурру и Египет, не то охватывающую лишь главные с точки зрения египтян этносы мигрантов. Соответственно, разрушители Хатти могли не входить в их число.

Во-вторых, можно продемонстрировать, что среди указанных отдельных этносов «северян» в надписях Мединет-Абу как раз есть то наименование, которое могло бы покрывать также и восточных «мушков». Это – знаменитый этноним *пелесет* (егип. *Prst.w*). Для обоснования данного тезиса необходимо обратиться к материалам античной традиции, способным пролить свет на оба вышеуказанных термина.

Термином *пелесет*/филистимляне в Передней Азии, в конечном итоге, называли общность, сложившуюся в результате слияния воедино разноэтничной массы «народов моря», пришедшей на юг Восточного Средиземноморья. Нас, однако, интересуют не эти *пелесет*, а те исконные *пелесет*, которые были

представлены в этой массе племен и по которым ее назвали (как назвали по ним и менее известное царство Палистин в Северной Сирии) (Сафронов 2012: 751–752). По указанию надписей Мединет-Абу, эти *пелесет* – один из народов северян с островов, т.е. из циркумэгейского ареала. Уже неоднократно указывалось, что сопоставлять с этим египетским этнонимом как в указанном ареале, так и вообще во всех известных нам регионах можно только (этно)топонимическую основу *palaist-*, применяемую в наших источниках (вне чередования с термином *πελασγ-*) к областям Эпира и бассейна Стримона⁹ (Гиндин, Цымбурский 1996:146). В свою очередь, чередование в вокативе *Πελαστικέ/Πελασγικέ* эпитета Зевса в эпирской Додоне (Schol. II. XVI. 233), как и *Πελαστικόν / Πελασγικόν* как названия стены в Афинах (Hesih. 1296)¹⁰ побуждает видеть в форме **palaist-* вариант этнонима «пеласги» (вероятно, более архаический или первоначальный, чем более распространенное **pelasg-*), удержавшийся в исконных, северных районах обитания пеласгов, откуда большая их часть некогда переселилась на юг.

Надпись из Мединет-Абу 5-го года правления Рамсеса III упоминает об опустошении родины *пелесет* вместе с *текертевкрами* и *туруша-тирсенами*¹¹ в результате военного конфликта, который послужил прототипом Троянской войны греческой традиции, и переселении этих племен на восток: «⁽⁵¹⁾ Затрепетали северные чужеземья в их телах, а именно *пелесет*, *текер* [и *туруша*]. ⁽⁵²⁾ Разорили их страну, пришел их дух опустошенным» (Сафронов 2009: 148). (далее они описываются как действующие совместно в набеге на Египет; *туруша* и *пелесет* упоминаются как пара действующих совместно сил и в другой египетской надписи, Brugère 1930: p. 36, Pl. 4). Иными словами, *пелесет* этих надписей – не вообще пеласги-пеласты, а какие-то их группы, населявшие Троаду. Между тем, в античной традиции есть устойчивое представление, что Илионская держава незадолго до Троянской войны подчинила прибрежные районы

⁹ Часть побережья Эпира именовалась *Palaeste*. Древнее название верхней части р. Стримон – *Παλαστινός* (Bonfante 1946: 251–252; Ps.-Plut. De fluv. 11, 1).

¹⁰ См. статью А. В. Сафронова «Греческая традиция о пеласгах и тирсенах в Анатолии и ее египетские соответствия» в данном сборнике; также Сафронов 2006: 133–135.

¹¹ Ср. также топоним KUR^{URU}Taruiša «Анналов Тудхалияса» на северо-западе Анатолии.

Фракии и более западные области вплоть до бассейна Стримона включительно и даже до Ионийского моря и Пенея (т. е. также и регион Эпира!). Позже племена из этих регионов принимали участие в войне на стороне Илиона (Hdt. VII.20, VII.75; ср.: Hdt. V. 13; П. II.120–140; X. 415–440). В «Илиаде» также упомянуты некие пеласги из Ларисы, воевавшие на стороне Илиона и названные между обитателями ареала Сеста – Абидоса и фракийцами (П. II 840–843). Все эти области являются именно северной окраиной ареала расселения пеласгов, для которой и зафиксирована форма *пеласт-*. Таким образом, приведенные сведения античной традиции, делающие пеласгов союзниками Илионского царства с его тевкрами, доказывают свою добротность, полностью согласуясь с сообщением надписи 5-го года Рамсеса, говорящих о неких *пелесет*, *текер*-тевкрах и *турша* как о представителях одной «страны», побежденной в реальном конфликте, стоящем за преданием о Троянской войне. По совокупности всего сказанного в этих *пелесет* следует видеть пеластов, т. е. пеласгов севера (Южных Балкан, в том числе, бассейна Стримона-Παλαίστινος, и вероятно, северо-западных прибрежий Анатолии), входивших в сферу влияния Илионского царства (хетт. KUR^{URU} Wiluša), или, во всяком случае, выступавших вместе с ним и разделивших его судьбу.

Что касается восточных мушков, то суммируем то, что было пока о них сказано: они – этноязыковые предки армян; они пришли на восток Анатолии в ходе тех самых переселений, которые имели место в начале правления Рамсеса III после конфликта, отраженного в античной традиции как Троянская война; они – балканцы, носители фрако-фригийского этнонима Μυσ-/moes-.

Между тем античная традиция содержит немало сведений, заставляющих на фоне изложенного видеть в них реминисценции истории именно этой группы балканских мигрантов в Анатолию (Немировский 2001: 16–19, Немировский, Габелко 2005: 62–78). По совокупности сообщений разных авторов¹² выясняется, что античная традиция оперировала устойчивой, представленной в разных вариантах в разных источниках схемой, по которой в связи с событиями Троянской войны некая группа балканцев со Стримона (они же у ряда авторов – фракийцы Реса), относившаяся к числу носителей этнонима

¹² Hdt. VII 75; V 13; VII 20; Strabo XII. 3.3, XII. 4.8; App. Mithr.1; Arr. Byth. fr. 40; Parthen. Erot. 36; Steph. Byz. s. v. Ἀργανθώνις.

Μυσ-/moes- и выступавшая на стороне Илиона, перешла в Азию и была там побеждена, но продвинулась на восток – северо-восток за Троаду во внутренние части Анатолии, на территорию позднейшей Вифинии¹³. Это полностью соотносится с тем, что нам известно о миграции восточных мушков: совпадает и время, и направление движения, и этноним. Остается считать, что сведения об этих мигрантах со Стримона (фракийцах Ρεσα) и отражают переселение восточных мушков на том его отрезке, который проходил в границах кругозора греков микенского и субмикенского времени, т. е. не далее северо-западной Малой Азии = позднейшей Вифинии¹⁴.

Итак, восточные мушки (или, по крайней мере, их ядро) происходили со Стримона.

В пользу той же локализации их ареала перед переселением в Анатолию говорит еще одно соображение: восточные мушки – протоармяне; самоназвание же армян *Наук'* восходит по одной из гипотез к названию племени Παίονες с этимологией «луговые, долинские жители» (Трубачев 2003: 162–163), также происходивших со Стримона, и согласно античной традиции прибывших во время Троянской войны в Троаду на помощь Приаму (И. П. 848–850). Если эта этимология верна, то пеоны со Стримона входили в поток восточных мушков/протоармян. Это дополнительно связывает последних со Стримоном и позволяет ставить вопрос о том, что предание о пеонах как союзниках Илиона отражает все те же события, что и вышеперечисленные сведения о протовифинах со Стримона. Также это позволяет считать, что именно пеоны были конкретным племенным самоназванием главной силы в той группе, которая в античной традиции о протовифинах оказалась представлена под более общим термином «мисы» и сугубо географическим названием «стримонии».

Между тем Стримон входил в исконный ареал *пелесет-пеластов*, как видно из его именованья *Παλαίστινος*. Но тем самым естественно предполагать, что эти *пелесет* приняли

---

¹³ И стала там субстратом для народа вифинов, образовавшегося из смещения этих мигрантов со Стримона с собственно вифинами и фидами – фракийскими племенами, переселившимися в Азию намного позднее.

¹⁴ Лишь до этой области греческая традиция помнит путь «мисийцев»-стримониев / людей Ρεσα, в то время как дальнейшее движение части этой группы вглубь Анатолии, выходящее за греческий горизонт, в ней, естественно, не отразилось.

активное участие в потоке восточных мушков со Стримона (или даже что стримонские «пеласты» и стримонские «восточные мушки» для того времени вообще совпадали в той или иной степени, т. е. одна и та же общность со Стримона была носителем и этнонима Μυσ-, и этнонима *palaist*-¹⁵). Тогда и египтяне, говоря о *пелесет* в составе «чужеземий с островов», могли подразумевать при этом не только те группы *пелесет*, которые столкнулись с самим Египтом, но и выходцев со Стримона (восточных мушков), завоевавших коренной ареал Хатти с Хаттусой – ведь последние тоже оказались бы связанными с основной *palaist*-.

Таким образом, ничто не мешает понимать сообщение надписи из Мединет-Абу о падении Хатти под ударом северян балканско-циркумэгейского региона как достоверное отражение разорения Хаттусы и центрального хеттского ареала определенной группой этих северян (а именно, восточными мушками). Конкретное именование этой группы наши египетские источники могли не приводить вовсе, но могли и видеть в ней часть *пелесет*, названных ими среди главных этносов северян.

Литература

- Гиндин, Цымбурский 1996 – Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.
Дьяконов 1968 – Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван.
Дьяконов 1981 – Дьяконов И. М. Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и северные походы вавилонских царей // ВДИ. 1981. № 2.

---

¹⁵ Обилие разных этнонимов разного таксономического уровня у одной и той же группы, тем более у разных ее частей, удивлять нас не должно: упоминавшиеся нами греческие источники позволяют судить об иерархии минимум трех таких этнонимов разного таксономического уровня для одной и той же племенной группы: «фракийцы» в широком смысле слова (все фрако-фригийцы вообще) – «мюсы» (одна из их подобщностей, включающая самые разные группы носителей этнонима «мюс») – конкретные племенные названия разных уровней. Между тем «пеласги», герср. «пеласты» – этноним весьма высокого таксономического уровня, такого же, как «фракийцы» или «эллины», так что в число «пеластов» должно было входить немало этногрупп, в свою очередь, разного уровня. Кроме того, насельников бассейна Стримона, в конце II тыс. считавшихся в числе этих «пеластов», уже в силу их географического положения позднейшая греческая традиция могла бы воспринимать как «фракийцев» (иными словами, за образом стримонских «фракийцев» Реса в реальности могли бы стоять и стримонские пеласты).

- Дьяконов 1980 – Фригийский язык // Древние языки Малой Азии. М.
- Немировский 1999 – Немировский А. А. Каппадокийцы и Каппадокия: к формированию этнополитической карты древней Анатолии // *Oriens*. № 6.
- Немировский 2001 – Немировский А. А. К вопросу об отражении анатолийского этнополитического переворота начала XII в. до н. э. в греческой традиции // *Античность: общество и идеи*. Казань.
- Немировский 2002 – Немировский А. А. «Троянская дискуссия» в историографической перспективе: возможен ли определенный результат? // *Studia Historica*. II. М.
- Немировский, Габелко 2005 – Немировский А. А., Габелко О. Л. Формирование вифинского этноса в Анатолии. Этническая история Вифинии // Габелко О. Л. История Вифинского царства. СПб.
- Сафронов 2006 – Сафронов А.В. Упоминание о войне на северо-западе Анатолии в надписях Рамсеса III // *Вестник древней истории*. № 4.
- Сафронов 2009 – Сафронов А. В. К трактовке сткк. 51–52 надписи 5-го года правления Рамсеса III из его заупокойного храма в Мединет Абу // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: История и политические науки. № 1.
- Сафронов 2012 – Сафронов А. В. Государства раннежелезного века Палистин и (Ах)хиява в северной Сирии и Киликии: еще раз об отражении миграции «народов моря» в греческой эпической традиции // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. XVI / под ред. Казанского Н. Н. СПб.
- Трубачев 2003 – Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.
- Bittel 1983 – Bittel K. Die archäologische Situation in Kleiasien um 1200 v. Chr. und während der nachfolgenden vier Jahrhunderte // *Griechenland, die Ägäis und die Levante während der «Dark Ages» vom 12. bis zum 9 Jh. v. Chr. Akten des Symposions von Stift Zwettl*, 11.-14. Oktober 1980. Wien, 1983.
- Bonfante 1946 – Bonfante G. Who were the Philistines // *American Journal of Archaeology*. Vol. 50/2.
- Bruyère 1930 – Bruyère B. Mert Seger à Deir el Médineh. Le Caire.
- Bryce 2012 – Bryce Tr. The world of the Neo-Hittite kingdoms. Oxford.
- Cline 2014 – Cline E. 1177 B. C. The year civilization collapsed. Princeton; Oxford.
- Ericson 1933 – Ericson W. Papyrus Harris I. Hieroglyphische Transkription. Bruxelles.
- Freu, Mazoyer 2010 – Freu J., Mazoyer M. Le déclin et la chute du nouvel empire hittite. Les hittites et leur histoire. Paris.
- Genz 2013 – Genz H. «No land could stand before their arms, from Hatti ... on ...»? New light on the end of the Hittite empire and the Early Iron age in Central Anatolia // *The Philistines and other «Sea Peoples» in text and archaeology* / Killebrew A., Lehmann G. eds. Atlanta.
- Grandet 1993 – Grandet P. Ramsès III: Histoire d'un règne. P.
- Hawkins 1972–1975 – Hawkins J.D. Hatti: the 1st. millennium B. C. // *Reallexikon der Assyriologie*. Bd. 4.

- Hoffner 1992 – Hoffner H. A. The last days of Khattusha // The crisis years: the 12th century B. C. from beyond the Danube to Tigris / Ward W., Joukowski M., Astrom P. eds. Dubuque.
- Klengel 1999 – Klengel H. Geschichte des hethitischen Reiches. Leiden-Boston-Köln.
- MH 1930 – Medinet Habu, Volume I. Earlier Historical Records of Ramses III. Chicago.
- MH 1970 – Medinet Habu. Volume 8: The eastern High Gate. Chicago.
- Radner 2006 – Radner K. Rez.: Wittke A.-M. Musker und Phryger. Ein Beitrag zur Geschichte Anatoliens vom 12. bis zum 7. Jh. v. Chr. Wiesbaden, 2004. // Zeitschrift für Assyriologie. Bd. 96.
- Redford 1992 – Redford D. Egypt, Canaan and Israel in ancient times. Princeton.
- Schachermeyr 1986 – Schachermeyr Fr. Mykene und das Hethiterreich. Wien.
- Seeher 2001 – Seeher J. Die Zerstörung der Stadt Hattuša // Akten des IV. Internationalen Kongresses für Hethitologie, Würzburg, 4. – 8. Oktober 1999 / Wilhelm G. Hrsg. Wiesbaden.
- Seeher 2008 – Seeher J. Abschied von Gewusstem. Die Ausgrabungen in Hattuša am Beginn des 21. Jahrhunderts // Hattuša-Boğazköy. Das Hethiterreich im Spannungsfeld des Alten Orients / Wilhelm G. Hrsg. Wiesbaden.
- Singer 2000 – Singer I. New evidence of the end of the Hittite Empire // The Sea Peoples and Their World: A Reassessment / Oren E. D. ed. Philadelphia.
- Sürenhagen 1996 – Sürenhagen D. Politischer Niedergang und kulturelles Nachleben des hethitischen Großreiches im Lichte neuer Forschungen // Vom Euphrat zum Galys. Thomas Beran zu Ehren. Mit Beiträgen von Freunden und Schülern/ Magen U., Rashad M. eds. Münster.
- Wittke 2004 – Wittke A.-M. Musker und Phryger. Ein Beitrag zur Geschichte Anatoliens vom 12. bis zum 7. Jh. v. Chr. Wiesbaden.

A. A. Nemirovsky, A. A. Safronov. Who destroyed Hattuša?

The authors consider the question who devastated the capital of the Hittite Empire Hattuša and surrounding territory along Halys River at the beginning of 12 century BC. They draw the attention to the information of the inscription from Medinet Habu about the destruction of Hatti under the attacks of the «northerners» again who came from the Aegean regions (the so-called Sea Peoples). The authors demonstrate that this report could not be the result of Egyptian scribes' error because of lack of information in Egypt about current events from abroad. They think that it really concerns the fate of the Hittite central area with its capital. Thus, the seizure of Hattusa should be ascribed to the migrants from the Balkan-Aegean region. They can be attributed as the people with tribe-name *Mwσ-/moes-* that came from the Strymōn river («the (Eastern) Mušku» of the Near Eastern texts). In authors' opinion, the Egyptian scribes could regard this group of people as part of the *Peleset/Philistines* who is mentioned among the Sea Peoples (see ancient name of Strymōn river – Παλαιστίνος), or they could not mention them especially at all.

Keywords: Armenians, Medinet Habu, Mušku, the Sea Peoples, Philistines, Trojan war, Hattuša, Hittite Empire.

**МЕСТО ИТАЛИЙСКИХ ПРИМЕРОВ,
ОТРАЖАЮЩИХ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ,
В СОЧИНЕНИЯХ РАННИХ РИМСКИХ ГРАММАТИКОВ
(Теренций Сквавр, Веррий Флакк, Варрон)**

Статья посвящена установлению места примеров, отражающих какие-либо фонетические особенности италийских языков, в композиции сочинения Квинта Теренция Сквавра «О правописании» (нач. II в. н. э.) и Марка Теренция Варрона «О латинском языке» (сер. I в. до н. э.). Анализируется развитие грамматической терминологии, использованной грамматиками при описании фонетических различий между латинским и другими италийскими языками. Устанавливается преемственность терминологии между отрывками из сочинения Веррия Флакка в эпитоме Феста и сочинением Теренция Сквавра.

Ключевые слова: Римские грамматика, Варрон, орфография Веррия Флакка, Теренций Сквавр, италийские языки, латинская грамматическая терминология.

Чаще всего грамматика рассуждают о фонетических различиях, которые характеризуют какие-либо италийские языки или говоры латинского языка, в сочинениях, касающихся орфографии. Именно сочинения о правописании, таким образом, являются важным источником по фонетике италийских языков в интерпретации античных грамматиков. Не считая сатиры Луцилия, сохранившейся во фрагментах, наиболее ранним из дошедших до нашего времени текстов, посвященных вопросам правописания, считается сочинение Квинта Теренция Сквавра (начало II в. н. э.).

Отдельные замечания о правописании встречаются и в эпитоме Феста, сделанной им по словарю Веррия Флакка (кон. I в. до н. э. – нач. I в. н. э.), а также – в сочинении «О латинском языке» Марка Теренция Варрона (сер. I в. до н. э.). Однако орфографические воззрения Веррия могут быть только реконструированы, а в сохранившейся части сочинения Варрона они вовсе не получают самостоятельного обсуждения, но находятся в контексте разбора фонетических вариантов для этимологизируемых латинских слов.

Вопрос об образцах *композиции* сочинения Теренция Сквавра «О правописании» следует рассматривать прежде всего через

призму системы образования, представленной в сочинении Квинтилиана¹. Следует заметить, что одним из учителей Квинтилиана считался Квинт Реммий Палемон. Это важно по той причине, что композиция текста «О правописании» Скавра не может избежать сопоставления с композицией учебников I в. н. э. (Lhomme 2007). А наибольшие успехи в изучении *композиции* учебников по грамматике были достигнуты именно в результате попыток реконструкции текста Реммия Палемона.

Еще в 1922 г. Карл Барвик установил, что структура руководств по грамматике, которую наглядно демонстрирует «*Ars grammatica*» Харизия, в действительности была разработана Реммием Палемоном, автором первого сочинения такого типа. Как пишет Вольфрам Экс, благодаря Реммию Палемену и Плинию Старшему сочинения, представляющие собой *ars*, отличались упорядоченной структурой и терминологией (Ах 2011: 341). Барвик относил сочинения этого типа к разряду т. н. «*Schulgrammatik*». Для наших целей мы будем переводить этот термин словосочетанием «учебная грамматика».

В 1996 г. Вивьен Лоу предложила рассматривать структуру учебных грамматик как результат приложения мнемонической техники, называемой «методом мест», к языковому материалу.

---

¹ О том, что Квинтилиан мог быть учителем Скавра, прямых свидетельств нет. Однако это можно предполагать, учитывая, что Теренций Скавр мог учиться с Плинием Младшим, упоминавшим Квинтилиана в числе учителей. Действительно, в корпусе писем Плиния Младшего содержится письмо, адресованное некоему Скавру (Plin. ep. V 12, 2). Человек по имени Terentius Scaurus упоминается в указателе Эшбернхема к V книге писем Плиния Младшего (Tempesti 1977: 176–177). В связи с этим Л. Аве (Havet 1883: 252) склонялся к тому, чтобы отождествить адресата письма с грамматиком Скавром эпохи Адриана, о котором пишет Авл Геллий и который упоминается в «Жизнеописаниях Августов». М. Е. Сергеенко в примечаниях к русскому переводу писем Плиния Младшего приводит две версии: по одной из них, адресат Плиния – отец или родственник двух консуляров: Теренция Генциана, консула 116 г., и Теренция Скавриана, первого правителя Дакии. По другой версии, адресат Плиния – «грамматик Теренций Скавр, комментировавший Горация» (Письма Плиния 1982: 331). О. Д. Никитинский в комментарии к русскому переводу биографии Луция Вера поддерживает версию, согласно которой адресат Плиния и грамматик из «Аттических ночей» – один человек (Никитинский 1992: 336). А.-М. Темпести в качестве довода в пользу отождествления адресата Плиния с грамматиком эпохи Адриана приводит суждение о содержании самого письма, обращая внимание на *adnotatio*, *emendatio* и *auctoritas*, о которых пишет Плиний Младший (Tempesti 1977: 178)

Обрисовывая логически обоснованную структуру учебных грамматик (Law 1996: 41–42), Вивьен Лоу продемонстрировала, что материал в них подается именно таким образом, чтобы его было как можно проще запоминать.

Сам по себе «метод мест» на римской почве широко применялся и совершенствовался Цицероном и в последующей практике риторических школ. Часто он именовался «*ars memoriae*», и одно из его описаний Цицерон приводит во второй книге «*De oratore*», причем изобретение самого метода приписывается Симониду Кеосскому: «...*gratiamque habeo Simonidi illi Cio, quem primum ferunt artem memoriae protulisse*»².

Далее Цицерон пересказывает историю о том, как Симонид был обижен фессалийским богачом и как сам, спасшись от смерти, потом смог опознать всех тех, кто остался под обвалившейся крышей, благодаря тому, что запомнил в деталях, кто где сидел: «*Simonides dicitur ex eo, quod meminisset quo eorum loco quisque cubuisset, demonstrator unius cuiusque sepeliendi fuisse; hac tum re admonitus inuenisse fertur ordinem esse maxime, qui memoriae lumen adferret. Itaque eis, qui hanc partem ingenii exercebant, locos esse capiendos et ea, quae memoria tenere uellent effigenda animo atque in eis locis conlocanda; sic fore, ut ordinem rerum locorum ordo conseruaret, res autem ipsas rerum effigies notaret atque ut locis pro cera, simulacris pro litteris uteremur*»³ (Cic. de orat. II 86).

С гораздо большей детализацией и практической направленностью метод описывается в «Реторике к Гереннию» (rhet. ad Herenn. III 30–31). При этом одним из важнейших условий успешности применения метода является упорядоченность материала, то есть *ordo* непременно должен присутствовать. Не менее важно и правильное разделение того, что требуется запомнить, для последующего размещения в воображаемом про-

---

² «И я благодарен Симониду Кеосскому, который, говорят, был основоположником мнемоники (*artis memoriae*)».

³ «Симонид, говорят, смог узнать останки каждого потому, что он помнил, кто на каком месте возлежал. Это вот и навело его на мысль, что для ясности памяти важнее всего распорядок. Поэтому тем, кто развивает свои способности в этом направлении, следует держать в уме картину каких-нибудь мест и по этим местам располагать воображаемые образы запоминаемых предметов. Таким образом, порядок сохранит порядок предметов, а образ предметов означает самые предметы, и мы будем пользоваться местами, как воском, а изображениями, как надписями» (пер. Ф. А. Петровского).

странстве. Об этом подробно пишет Вивьен Лоу (Law 1996: 40), разбирая место из Квинтилиана, и указывает на то, что принципиально важны *diuisio* и *compositio* (Quint. inst. IX 2, 36–39).

Одну из причин, которые могли побудить авторов закладывать в структуру «учебных грамматик» основные принципы «метода места», Лоу видит в том, что, коль скоро грамматика являлась предшествующей по отношению к риторике ступенью образования, она готовила будущего оратора к методу освоения больших объемов информации с помощью памяти, заранее. И, кроме того, учебные грамматики, организованные подобным образом, в любом случае более удобны в использовании, чем не организованные и не структурированные.

Однако исследование Вивьен Лоу касалось только учебников по грамматике, которыми, в соответствии с образовательной программой, описанной Квинтилианом, учащиеся пользовались на первой стадии обучения, во время которой происходило усвоение принципов склонения, спряжения и классификации частей речи. Вторая же стадия, больше направленная на выявление и исправление ошибок, совершаемых в речи и на письме, опиралась на уже знакомый учащимся материал с использованием полученных ими навыков. Впрочем, точно не известно, какими учебными руководствами могли пользоваться ученики и учителя на этом этапе.

Учитывая, что даже причины возникновения варваризмов и орфографических ошибок часто объявлялись одинаковыми, как, например, это видно при сопоставлении классификации Скавра и Квинтилиана, вполне вероятно, что в практике грамматических и риторических школ I – нач. II вв. н. э. могли использоваться *руководства*, продолжающие фундаментальные «*artes grammaticae*» и направленные на развитие способности к деятельности по исправлению – *emendatio*, одной из «*officium grammaticae*».

Первым предложением сочинения Теренция Скавра «О правописании» оказывается тезис «*Scribendi autem ratio quattuor modis uitiatur*». Наличие *autem* побуждает исследователей предполагать, что текст приводится не сначала. Но сам по себе этот факт не говорит о том, что начало, объемом примерно в один параграф, как это реконструируется Ф. Биддау (Biddau 2008: 5), утеряно. Таким же образом может обозначаться переход от одного смыслового фрагмента к другому. Вообще *autem*, поставленное именно после *scribendi*, теоретически может

указывать на противопоставление «ratio scribendi» какому-либо еще виду *ratio*.

Соблазнительно думать, что сочинение «О правописании» Теренция Скавра могло быть главой в более широком практическом руководстве, посвященном ошибкам (*uitiis*). Первая часть этого утраченного сочинения посвящена была «варваризмам» и «солецизмам», то есть тому, что называлось «ratio loquendi». Именно так, а не с помощью реконструкции загадочного первого абзаца с дефиницией слова *orthographia*, можно объяснить *autem*, стоящее после *scribendi* и перед *ratio* в самом начале сохранившегося текста.

Далее следует перечисление того, что, перефразируя Скавра, можно назвать «*modi, quibus ratio scribendi uitiatur*»: *adiectio*, *detractio*, *immutatio* и *annexio*. Все эти названия иллюстрируются показательными примерами, вводимыми с помощью *ut*, но не сопровождаются эксплицитными дефинициями. Затем Скавр говорит об исправлении ошибок, указывая, что всякая ошибка «*recorrigitur regulis tribus*»: *historia*, *originatione* («*quam Graeci ἐτυμολογίαν appellat*»), *proportione* («*quae Graece ἀναλογία dicitur*»). Опять же, ни одно из понятий не сопровождается дефинициями, но иллюстрируется примерами.

После вводится описание причины, в силу действия которой возможно возникновение ошибок на письме: «*redditis ergo uitiorum modis et emendationis regula exposita antequam ad ea ueniamus, circa quae scribentium error argui solet, necessarium putamus ante cognationem explicare litterarum, quoniam huius quoque notitia haesitantibus saepe succurrat*».

Далее приводятся основные ряды «родственных» букв с иллюстрирующими примерами и остроумными объяснениями «родственности» букв с позиции говорящего (при путанице, возникающей из-за сходной артикуляции) и с позиции слушающего (при недостаточной различимости звука на слух). Именно в этой части располагаются примеры из италийских языков и языка «древних».

Затем словами «*sequitur ut demonstremus*» вводится то, что Ф. Биддау обозначает как главу V. В этой главе дается перечень возможных комбинаций последовательностей из двух звуков. Композиционно эта глава представляется наименее логичной, потому что возможность или невозможность того или иного сочетания звуков не может сама по себе являться причиной ошибки, как не может быть и результатом исправления. В этой

главе примеры слов или цитат, демонстрирующих наблюдаемое явление, нерегулярны; чаще в качестве примеров подаются одни только варианты сочетаний звуков, ср.: «f praeiecta conspirat cum l, n, r, ut fle, fne, fre, g praeiicitur l, m, n, r, ut gle, gme, gne, gre» и т.п.

Эта глава завершается следующими словами: «et quatenus huic parti satisfactum est, hinc iam quaestiones quae in rationem scribendi cadunt secundum praepositae diuisionis ordinem explicare temptabimus». Стоит отметить, что при изъятии главы (параграфа) V из сочинения (от слов «sequitur ut» до слов «et quatenus», коль скоро фраза «et quatenus huic parti satisfactum est» может относиться к законченному в смысловом отношении параграфу IV, посвященному «cognatio litterarum»), сам текст от этого не страдает, но, напротив, его композиция приобретает большую ясность.

Что касается параграфа, посвященного «cognatio litterarum», то к нему сам Скавр отсылает во второй половине текста: «ignorantes cognationem inter se litterarum, de qua praediximus⁴». Далее начинается та часть, которую Ф. Биддау обозначил как «часть В». Композиционно эта часть повторяет краткий перечень «modorum, quibus uitiatur» из первой части, как бы раскрывая его содержание. Наиболее интересна эта часть тем, что всякая ошибка, которая принимается к рассмотрению, оказывается погруженной как бы в самостоятельное судебное разбирательство.

Главная же цель сочинения Теренция Скавра «О правописании» выражается в конце сохранившегося фрагмента. Автор заканчивает его обращением к неизвестному адресату: «regulam uides», то есть «перед тобой – инструмент исправления». Разбираемые случаи из практической части сочинения – наглядная демонстрация работы этого инструмента. Композиция практической части является проекцией теоретической части. Текст приведен в соответствие с методом запоминания, или мнемонической техникой, которые необходимы будущему оратору.

В результате попыток отыскать визуальную модель, которая отражала бы композицию текста Теренция Скавра, было обнаружено, что сочинение «О правописании», во-первых, в самом деле представимо визуально, и во-вторых, это визуальное представление может отражаться, как это принято при

---

⁴ «Не учитывая связи букв между собой, о которой я говорил ранее».

использовании «метода мест», в виде системы комнат внутри одного здания. Если изъять главу V из текста вовсе или отнести ее тематически к той же части, где излагается так называемое «*cognatio litterarum*» (что, впрочем, гораздо менее убедительно с точки зрения логики содержания этих глав, однако могло подразумеваться интерполятором), композиция сочинения выглядит следующим образом (Рис. 1):

Ratio scribendi

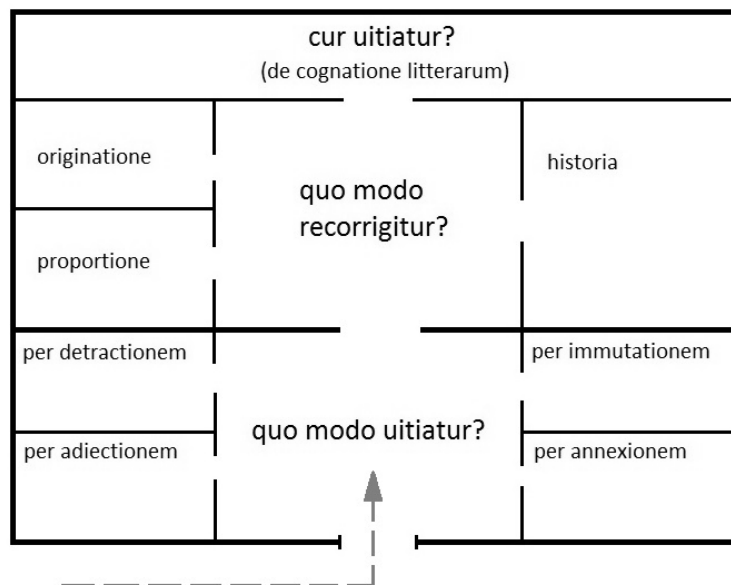

Рис. 1.

При этом каждый рассматриваемый практический случай, т. е. *responsum*, располагается в одной из комнат, и движение читателя при знакомстве со второй частью сочинения повторяет движение в первой, но уже с большим вниманием к каждому из случаев.

Трудно установить, когда именно появились подобные практические руководства по исправлению ошибок и кто был зачинателем этой традиции. Карл Барвик считал труды Веррия Флакка источником раздела о правописании, представленного у Квинтилиана (Quint. inst. I 7), опираясь на упоминание *librorum*

de orthographia у Светония (Barwick 1922: 267). Но, к сожалению, нельзя сказать с уверенностью, какой была композиция книги Веррия Флакка, и невозможно точно сказать, опирался ли Скавр на метод изложения материала, изобретенный уже Веррием Флакком, или же применял к изложению учения об ошибках и демонстрации различных случаев метод, получивший наибольшее развитие у Реммия Палемона⁵.

Можно предполагать, что популярностью «метода мест» и попыток учителей грамматики и риторики внедрять его как можно более широко, римская школа обязана Цицерону. Что же касается попыток приложения этого метода к организации материала в учебных руководствах для школ, то, скорее всего, они были распространены достаточно широко. Именно поэтому точно установить, от кого Теренций Скавр мог бы воспринять подобный метод организации учебного материала, почти невозможно. Предшественником Теренция Скавра в этом отношении мог быть Веррий Флакк.

Несмотря на то, что мы не располагаем сведениями о том, какова была структура сочинения Веррия Флакка, и неизвестно, какой материал он разбирал и какими методами при этом пользовался, можно предполагать, что разработка темы правописания именно Веррием Флакком была обусловлена спецификой его профессиональной деятельности. Как известно из биографии, приводимой Светонием, Веррий Флакк был наставником внуков Августа, а также прославился методами своего преподавания. Он любил устраивать состязания между учениками, а наградой победителю служила редкая книга: «M. Verrius Flaccus libertinus docendi genere maxime claruit. Namque ad exercitanda discentium ingenia aequales inter se committere solebat, proposita non solum materia quam scriberent, sed et praemio quod uictor auferret. Id erat liber aliquis antiquus, pulcher aut rarior»⁶ (Suet. gramm. 17). Примечательно, что только Веррий Флакк, согласно

---

⁵ И сам Реммий Палемон, как отмечал еще Г. Неттлшип (Nettleship 1886: 210), по-видимому, пользовался сочинениями Веррия Флакка.

⁶ «Марк Веррий Флакк, вольноотпущенник, особенно прославился способом своего преподавания. Чтобы развить способности учеников, он имел обыкновение устраивать состязания между ними, подбирая равных по дарованию, причем предлагал не только предмет для сочинения, но и награду для победителя; наградой бывала какая-нибудь древняя книга, прекрасная или редкая» (пер. М. Л. Гаспарова).

имеющейся традиции, был известен одновременно и своими методами, и тем, что написал некие книги о правописании.

Часто можно встретить утверждение, что Теренций Сквавр опирался на Марка Теренция Варрона или «испытал варроновское влияние» (фон Альбрехт 2005: 1600). Однако нам неизвестны сочинения Варрона, специально посвященные вопросам правописания. В целом Теренций Сквавр, как заметил еще Генрих Кейль, упоминает Варрона трижды, причем один раз он с ним совершенно не соглашается: «Varro in eandem errorem diuersa uia delabitur...». Таким образом, достаточные основания утверждать, что Теренций Сквавр был большим последователем Варрона, чем другие грамматика I–II века, отсутствуют.

Для корректной интерпретации текста Варрона и установления места италийских примеров в его описании латинского языка необходимо внимательное отношение к его метафорическому языку. Пятая книга сочинения «О латинском языке» в самом начале содержит отсылку к пространственной и охотничьей метафоре: «non mediocris enim tenebrae in silua ubi haec captanda neque eo quo peruenire uolumus semitae tritae»⁷ (Varr. I.L. V 6). Попытки разыскания происхождения слов (*originis uerborum*) Варрон представляет в виде охоты в густом и малознакомом лесу.

Эта метафора весьма удачна еще и потому, что, при ее развитии, раскрывает отношение грамматика к природе звучащего и письменного слова. Письменное слово оказывается отпечатком, следом слова звучащего, и его происхождение находится там, куда не всегда просто найти дорогу. Записанное слово выступает как *uestigium*, как своего рода индексальный знак, знак-признак, а не как символ. Как след не является изображением всего зверя, так и очертания записанного слова не являются иконическим знаком для какого-либо понятия.

Именно поэтому внешние очертания следа, то есть *litterae*, могут запутать охотника, и для того, чтобы найти правильную дорогу, полезно уметь предугадывать изменения, которые претерпевают *litterae*: «quot modis litterarum commutatio sit facta qui animaduertit, facilius scrutari origines patietur uerborum»⁸. Следует, впрочем, заметить, что большая часть примеров из ита-

⁷ «Дело в том, что в лесу, где следует их отлавливать, густые потемки, и тропинки туда, куда мы хотим отправиться, не хожены».

⁸ «Тот, кто обратит внимание на то, сколькими способами возникают изменения букв, легче добьется понимания происхождения слов».

лийских языков и говоров латинского языка, приводимых Варроном, позиционируется как производящие, а не производные слова (Varr. I.L. V 66; 68; 73; 107; 159).

Фонетические различия, наблюдаемые в рамках одного слова в разных италийских языках и диалектах, специально упоминаются Варроном однажды, в связи с происхождением названий животных: «*possunt in Latio quoque ut in Graecia ab suis uocibus haec eadem ficta [...] uitulus, quod graece antiquitus ἰταλός, aut quod plerique uegeti, uegitulus [...] ircus, quod Sabini fircus; quod illic fedus, in Latio rure [h]ledus: qui in urbe ut in multis A addito aedus*»⁹ (Varr. I.L. V 96–97).

Характерно, что даже когда речь идет о фонетическом расхождении между словами, оказывается, что латинское слово объясняется либо через сабинское, либо через греческое: *uitulus* – от греческого ἰταλός, *aedus* – результат добавления А к сельскому латинскому *edus*, а оно, в свою очередь, результат отнятия начального *f* в *fedus*, но не наоборот. Таким образом, Варрона интересует не италийский пример, а то, как через него можно выйти на этимологию латинского слова.

Обращает на себя внимание и то, что чередование сабинского начального *f* с латинским придыханием (или даже отсутствием звука) и чередование италийского начального *u* с отсутствием согласного в начале греческого слова помещены в один и тот же раздел. Можно предполагать, что Варрон сделал это сознательно, опираясь на схему установления родства между буквами (*cognationis litterarum*). Вероятнее всего, Варрон учитывал происхождение буквы *f*, внешнее сходство которой с греч. дигаммой было ему известно, и потому объединил оба случая в одном разделе.

Однако, несмотря на то, что в качестве путеводной нити Варрон предлагает использовать *cognatio litterarum*, он выстраивает повествование о происхождении латинских слов, основываясь на классификации по категориям: «*quod stat aut agitur, corpus, ubi agitur, locus, dum agitur, tempus, quod est in agitu,*

⁹ «В Лации то же самое может, как и в Греции, образовываться от звуковых комплексов своего языка. *uitulus* ‘бычок’ – из-за того, что по-гречески раньше он был ἰταλός, или из-за того, что большинство из них крепкие (*uegeti*) – *uegitulus*. *ircus* ‘козел’, потому что по-сабински – *fircus*. от того, что там – *fedus* ‘козлик’ – в сельском Лации *edus*, который в Риме, при добавлении, как и во многих других случаях, А, стал *aedus*».

actio». Таким образом, читатель проходит по комнатам, озираясь в разные стороны, и знакомится со словами, которые сгруппированы по тематическому признаку. А для выяснения этимологии грамматик предлагает читателю воспользоваться его знаниями о родстве букв и о способах образования слов, которые перечислены в самом начале пятой книги.

Следует отметить, что терминология, используемая Варроном, отличается от терминологии Теренция Скавра и Веррия Флакка. Упоминаемые в сочинении Скавра термины *adiectio*, *detractio*, *immutatio* (*mutatio*), *annexio* (*connexio*) частично находят соответствие в эпитоме Феста:

1) «*scribique ideo debere primam appellationis eius syllabam adiecta u littera*» (Fest. 173, 29 L);

2) «*nautea... quia nauseam fa<cit, permutatione t et> s litterarum interme*» (Fest. 165, 63 L);

3) «*Prodigia quod prodicunt futura, permutatione g litterae*» (Fest. 229, 16 L);

4) «*<tamquam AU in U mutatum est in> recludere*» (Fest. 277, 61 L);

5) «*syllaba eius tertia mutata, et pro Terede Teram scribi debuisse*» (Fest. 363, 45 L).

В сочинении Варрона используется несколько иной набор терминов: *additio* (вместо *adiectio*), *demptio* (вместо *detractio*) и *commutatio* (Varr. I.L. V 6; V 97). Показательно, что ни эпитома Феста, ни сочинение Скавра не наследуют в полной мере терминологию Варрона. Вероятнее всего, проекция фонетических изменений на орфографические ошибки была осуществлена не ранее, чем во времена Веррия Флакка.

Для Варрона италийские примеры, демонстрирующие фонетические отличия от сопоставимых с ними на основании семантики латинских слов, если и являлись предметом рассмотрения, то в той части сочинения «О латинском языке», где речь шла о «*cognatio litterarum*», то есть в утраченных начальных главах. Можно даже предполагать, что разработка учения о «родстве букв» принадлежала Варрону, который использовал италийские слова в качестве следов, помогающих выйти на верную этимологию.

Веррий Флакк, при условии, что ему было известно учение Варрона о «*cognatio litterarum*», в свою очередь, мог использовать его для нужд школы, то есть для объяснения *ошибок*.

Классификация причин возникновения *ошибок*, которую можно наблюдать в тексте Теренция Скавра, вероятно, восходит к Веррию Флакку. Итальяские примеры используются им как материал, иллюстрирующий отклонения от нормы, но не как свидетельство определенной стадии в развитии каждого конкретного слова.

Литература

- фон Альбрехт фон 2005 – Альбрехт М. История римской литературы. История римской литературы от Андроника до Боэция и ее влияние на позднейшие эпохи / пер. А. И. Любжина. М., 2005.
- Никитинский 1992 – Властелины Рима: Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. с лат. С. П. Кондратьева под ред. А. И. Доватура; Предисл. Г. М. Бонгард-Левина; Послесл. М. Л. Гаспарова; Коммент. О. Д. Никитинского, А. И. Любжина. М.: Наука, 1992.
- Письма Плиния Младшего / Издание подготовили М. Е. Сергеенко, А. И. Доватур; отв. ред. А. И. Доватур. Изд. 2-е. М.: Наука, 1982.
- Ах 2011 – Ах W. Quintilian's 'Grammar' (Inst.1.4–8) and its Importance for the History of Roman Grammar // *Ancient Scholarship and Grammar: Archetypes, Concepts and Contexts* / ed. by S. Matthaios, F. Montanari, A. Rengakos. Berlin; New York: De Gruyter, 2011. P. 331–346 (= Trends in classics. Suppl. volumes, vol. 8).
- Barwick K. 1922: Remmius Palaemon und die romische Ars Grammatica. Leipzig.
- Biddau F. 2008: Q. Terentii Scauri De orthographia. Bibliotheca Weidmanniana, 6, Pars. 5. Hildesheim.
- Havet 1883: Un manuscrit de Pline le Jeune // *Revue critique d'histoire et de littérature*, Vol XVI. 1883. P. 251–254.
- Law V. 1996: The Mnemonic Structure of Ancient Grammatical Doctrine // *Ancient Grammar: Content and Context* Ancient grammar: Content and context. P. 37–52.
- Lhommé M.-K. 2007: Varron et Verrius au 2ème siècle après Jésus-Christ // *Verrius, Festus, & Paul: Lexicography, Scholarship, & Society*. P. 32–47.
- Nettleship H. 1886: The Study of Latin Grammar among the Romans in the First Century A. D. // *Journal of Philology*. №15. P. 189–214.
- Tempesti A.M. 1977: Quinto Terenzio Scauro, grammatico adrianeo // *Studi e ricerche dell'Istituto di Latino*. № 1. P. 175–220.

E. P. Novikova. The place of the phonetic examples of Italic languages in the works of early Roman grammarians (Varro, Verrius, Scaurus)

The article deals with so-called «method of loci», that is used by early Roman grammarians in composition of their books on the Latin language (by M. Terentius Varro) and on orthography (by Q. Terentius Scaurus and maybe M. Verrius Flaccus). Examples of phonetic changes marked as 'Italic' (Sabinian, Faliscan etc.) keep their own place in each grammatical

work. Their place in the system of each grammarian is different. Varro uses Sabinian examples to show the way to the correct etymology of Latin word, but Terentius Scaurus mentions phonetic changes in Italic languages to explain the «cognatio litterarum». Terminology of Scaurus, e.g. *adiectio*, *detractio*, *immutatio* and *annexio*, can be found also in the epitome of Festus. Varro, on the other hand, uses another terms: *additio* (for *adiectio*), *demptio* (for *detractio*) and *commutatio*. To observe how grammarians analyse phonetical structure shown in Latin and Italic words is important for understanding the history of the method and for investigating foundations of the ancient «dialectology».

Keywords: Roman grammarians, Italic languages, Verrius Flaccus, Scaurus, Varro, ancient grammatical terminology, Latin orthography.

О. С. Павлова
Helgae Paulinae (quae et Pavlova)

**DE ISIDORI ETYMOLOGIARUM LIBRI XIX CAPITIS 2
PERICOPE 9 EMENDANDA**

В статье предлагается конъектура к одному месту из 2 главы XIX книги «Этимологий», или «Начал» Исидора Севильского. В пассаже, о котором идет речь, поясняется значение термина *carchesium*: он относится к некоему устройству, располагавшемуся в верхней части корабельной мачты. Судя по описаниям Исидора и других античных авторов, имеются в виду блоки, через которые пропускался такелаж рея. В таком случае непонятно, почему Исидор уподобляет форму этого устройства латинской букве F, которая своим видом несколько не напоминает такой блок. В статье предлагается читать здесь вместо латинской буквы F греческую Ф: такой вариант лучше согласуется с описанием Исидора и, кажется, находит подтверждение в сохранившихся до наших дней изображениях античных судов.

Ключевые слова: Исидор Севильский «Этимологии», *Etymologiae* sive *Originis*, латинский морской термин *carchesium*.

Isidorus Hispalensis in capite II libri XIX Etymologiarum sive Originum suarum, qua parte nomina rerum nauticarum variarum tractantur, organum quoddam in summa parte mali navis situm ad hunc modum describit:

- (1) *Carchesia sunt in cacumine arboris trochleae, quasi F littera, per qua funes trahuntur* (Isid. etym. XIX 2, 9, ed. W. M. Lindsay, 1911).

Continuo C. Cinnae versus illustrandi gratia ab Isidoro laudatur:

- (2) *Lucida confulgent alti carchesia mali.* (Cinna fr. 2, ed. J. Blänsdorf).

Si *Thesaurum Linguae Latinae* in voce *carchesium* inspexeris, aliquot locos aliorum scriptorum invenire possis, ex quibus pateat hoc vocabulum, quo etiam genus quoddam poculorum designari solet, duobus saltem modis usurpari posse ad apparatus navalem pertinentibus. Primum eam ipsam machinationem, quam Isidorus commemoravit, significat, Nonio et Servio testibus:

- (3) *Summa pars mali, i. e. foramina, quae summo mali funes recipiunt* (Non. p. 546 M.).

(4) *Dicitur autem et summitas mali per quam funes traiciunt.* (Serv. auct. Aen. V 77).

Idem vocabulum, quod est *carchesium*, a poetis Latinis sensu translato (ac numquam nisi plurali, metri causa, positum) ad summam partem mali significandam adhiberi videtur, ut in versu Cinnae ab Isidoro laudato (2), item apud alios poetas:

- (5) *Tertius hic fluctus mali superat carchesia summa*
(Lucil. 1309 M.).
(6) *Aquilo utinam summi curvet carchesia mali* (Lucan. V 418).
(7) *Summa ligat vitis carchesia.* (Sen. Oed. 456)

Eadem significatio a Macrobio principalis existimatur:

- (8) *Asclepiades autem, vir inter Graecos adprime doctus ac diligens, carchesia a navali re existimat dicta. Ait enim navalis veli partem inferiorem πτέρναν vocari, at circa mediam ferme partem τράχηλον dici; summam vero partem carchesium nominari, et inde diffundi in utrumque veli latus ea quae cornua vocantur* (Macr. sat. V 21, 5).

Itaque Isidori descriptio nullo modo ab aliorum scriptorum usu discrepat. Maxime tamen mirandum est, qua de causa formam illius machinationis cum F littera a nostro viro docto collata sit. Nam forma huius litterae nulla foramina in se habet (cf. (3)) nulloque modo apta ad funes trahendos videtur. Nullae praeterea imagines navium Graecorum vel Romanorum exstant, quae simile organum exhibeant. His de causis hunc locum Isidori corruptum putare cogimur.

Ideo coniecturam proponendam esse censeo, qua adhibita hic locus certius fortasse explicari possit: pro F enim Latina littera Φ Graecam ponendam puto, quae littera, duobus foraminibus instructa, multo veriore similitudinem huius trochleae habet, de qua Isidorus noster scribit. In figura 1 huiusmodi machinatio, summo malo affixa, cerni potest, per quam rudens traicitur, quod descriptioni Isidorianae consentaneum est.

Ergo locus ille (Isid. etym. XIX 2, 9) hoc modo legendus videtur:

Carchesia sunt in cacumine arboris trochleae, quasi Φ littera, per qua funes trahuntur.

Fig. 1 (a. fere 200 p. Chr. n., Villa Torlonia)

O. S. Pavlova. On Isid. *etym.* XIX 2, 9: a new conjecture

The paper considers a passage in Book XIX of Isidore's *Etymologiae sive Origines* (Isid. *etym.* XIX 2, 9). This part of *Etymologiae* deals with Latin nautical vocabulary. Isidore explains the term *carchesium*, which refers to some device situated at the top of the mast and, according to text, is F-shaped. The descriptions by Isidore and other Latin writers suggest that *carchesium* was a kind of block, through which the ship's rigging passed. In such case it remains unclear why such a block should be compared with the letter F, whose form doesn't seem appropriate for such a device. We suggest to read here the Greek letter Φ instead of the Latin F. Such a conjecture can be supported with an ancient bas-relief from Villa Torlonia, in which we can see a Φ-shaped device, which seems to conform to the Isidore's description.

Keywords: Isidori *Etymologiae sive Origines*, Latin nautical term *carchesium*.

A MIDDLE WELSH TRANSLATION OF *FLORES DIETARUM**

В статье рассматривается средневековый валлийский медицинский текст, состоящий из двух частей: *Y Pedwar Gwlybwr* (Четыре жидкости) и *Rhinweddau Bwydydd* (Свойства продуктов). Подробно рассматриваются версии в нескольких рукописях: Oxford Rawlinson MS. В 467, Cardiff MS. 3.242 (Hafod 16) и Oxford Jesus College MS. 22. В работе предполагается, что изучаемый валлийский текст является достаточно близким оригиналу переводом диетического трактата *Floresdietarum*, созданного в Салерно в XI веке.

Ключевые слова: средневековая медицина, гуморальная теория, валлийская переводная литература, Салерно, *Floresdietarum*.

As noted by Morfydd Owen, the leading authority on Middle Welsh medicine «Medieval European medical learning and literature flowed in two streams, both deriving ultimately from classical sources» (Owen 1975/6: 227). The one stream was the literature that stayed in Western Europe, mostly translated from Greek into Latin in the sixth century. Short treatises on «urine, pulse, fever, diets, prognostic, blood-letting and pharmacology» (ibid.) belonged to this tradition, on the other hand more theoretical notions, like the teaching on the four humours were part of the encyclopedic writings by such authors as Isidore of Seville (*Etymologia*, Liber IV *De medicina*) and Bede (*De temporibus ratione*, Cap. 35). «The second stream of literature was that which developed after the recovery of Greek texts from Arabic sources in the eleventh century, due to the work of Constantine the African and the growth of important centres like Salerno» (ibid.). Welsh collections of medical texts contain examples of both types of texts.

Such collections of medical texts were either part of encyclopedic information copied for cultured laymen (cf. a selection of texts on medical matters in the Oxford Jesus College MS. 111 (Red Book of Hergest), (c. 1375–c. 1425) and the illustrated NLW MS. 3026 (Mostyn 88) (1480s)) (Owen 2006: 1285), or were gathered in

---

* The research was made possible by the support of Alexander von Humboldt foundation.

«small neat books of the same size and style as the law manuscripts» (Owen 1975: 227), e.g. Oxford Rawlinson MS. B 467, Cardiff MS. 3.242 (Hafod 16) (both c.1375–c.1425) or Oxford Jesus College MS. 22 (late 15th c.). The style of the latter manuscripts suggests that they were used by practicing physicians.

The practical orientation of this genre makes the finding of the originals in case of translations extremely problematic. In her comprehensive study of a uroscopic tract *Ansoddau'r Trwnc* Diana Luft acknowledges that «It is most likely a translation of one of a number of texts of its kind, although its exact source has yet to be determined» (Luft 2011: 56) and refers to the work of Pahta and Teevitsainen (1999) on the difficulties of identifying Latin sources for their *Middle English Medical Texts* corpus. Several reasons for this difficulty include the understudied Latin medieval tradition on the one hand and on the other hand the fluidness of the texts, due to the willingness of compilers of the new manuscripts to change their material, adding their own experience or excerpts from other texts.

It is therefore a particular luck that a source for one Middle Welsh text can be identified to a certain degree of certainty. According to the rubrication of the Welsh Prose 1300–1425 project, we are dealing with two texts. One is called *Y Pedwar Gwlybwr* (The Four Humours) and is found in two of abovementioned manuscripts Oxford Rawlinson MS. B 467 (p. 1r: 1–2v: 10) and Cardiff MS. 3.242 (Hafod 16) (p. 71: 10–73: 24), the other is labelled as *Rhinweddau Bwydydd* (Virtues of Foods) and is found in Oxford Rawlinson MS. B 467 (p. 2v: 10–15r: 4) and Cardiff MS. 3.242 (Hafod 16) (p. 11: 1–14: 15 and p. 73: 25–81: 2, edited by Ida Jones (1955: 58–64; 1958: 78–97).

I could also identify the same texts in a slightly later manuscript, not transcribed for the Welsh Prose 1300–1425 project, Oxford Jesus College MS. 22. The text on the four humours is found there on p. 103: 5–113: 6, the Virtues of Foods text on p. 113: 7–119: 14 and p. 66: 1–97)¹.

All the three earlier manuscripts present certain problems with the text flow. Hafod 16 must be bound incorrectly (Morfydd Owen, p. c.), which is obvious from the sequence of parts of our text (FD 1–

---

¹ Ida Jones refers in her edition to later manuscripts NLW MS. Peniarth 120, NLW MS. Peniarth 250 and NLW MS. Llanstephan 182 (the manuscripts I could not consult yet). The same text is also found in *A Welsh Leech Book or Llyfr o Feddyginiaeth* (Lewis 1914: 82–92), an edition of a 16th c. manuscript (see Owen 2006:1286).

70²) are found on pages 71–80, page 80 ends in the middle of the sentence and its second part is found on p. 11 (see Jones 1955: 58, 1958: 97), where FD sections 70–90 proceed to page 14. Rawlinson B 467 has several problems. The first page as we have it now starts in the middle of a sentence of the Four Humours text, the beginning is missing. Furthermore a more intricate problem is found. In the Welsh Prose 1300–1425 TEI Header the beginning of the manuscript is described as following³:

1r–2v	<i>Y Pedwar Gwlybwr</i>	Rawl B467 hand A
2v–5v	<i>Rhinweddau Bwydydd</i>	Rawl B467 hand A
	A number of folia are missing here	
5v–7r	<i>Rhinweddau Bwydydd</i>	Rawl B467 hand A
	A number of folia are missing here	
7v–15v	<i>Rhinweddau Bwydydd</i>	Rawl B467 hand A
15v	Fragment of an unidentified medical text	Rawl B467 hand A

The first «5v» is a misprint, to be read as «5r», on these pages the text flows closely to the Latin original. The Latin original, Hafod 16 and Jesus 22 variants enable us to understand what the right sequence would be. Page 5r ends in the middle of a sentence (FD 31), a note is added at the bottom margin “*kymr yr ymyl h6nt y r dryded talen*” ‘take the other side of the third page’. On 5v a new text section begins (FD 40), but it is technically impossible to miss out folios between *recto* and *verso* of the same folio. The text from 5v continues to 7r (FD 40–44, a sentence on cresses found only in Ostermuth 1919: 28 and missing in Cantalupo 1992, FD 51, 54, 52 (in such sequence)). On 7v–8r Latin sections 31–39 are found, on 8v the text starts from FD 54 on mushrooms and continues then with no intermission to 15v, where it ends with a translation of FD 89 on “feet, ears and lips”. The following scenario for this jumble could be suggested. The scribe wrote the text to 5r and then continued erroneously, having turned two blank pages, at 7v. He understood his error at some point, wrote 7v and 8r full and then continued filling in four blank pages in the middle. When he was at the end of 7r, he continued at the next blank page, 8v. This probably could not have

² FD – *Flores dietarum*, Cantalupo 1992, numbers refer to sections in the edition.

³ <http://www.rhyddiaithganoloesol.caerdydd.ac.uk/en/tei-header.php?ms=Rawl467>, consulted 27 April 2015

happened with compiling a large elaborated commissioned volume of the Red Book of Hergest type, but since Rawlinson B 467 is a kind of practitioners book, the described suggestion can explain the strange sequence.

In Oxford Jesus MS 22 the text's beginning is found on page 103, virtues of grains follow immediately and the text proceeds to turnips (FD 27) on p. 119. The sections starting with herbs (beginning with opium, FD 51) and further till the end of the treatise (meat, dairies and several beverages, till FD 106) is situated in the manuscript before the prologue and the first part, on the pages 67 to 89. There are minor differences between the versions in the three manuscripts, to be discussed elsewhere.

The right sequence of sections can be reconstructed above all with the help of the Latin source. It is a heterogenic text, consisting of a short introduction on the four humours and followed by description of qualities of different foods, called *Flores dietarum*. According to Marilyn Nicoud, the particular importance of this late 12th century text is that it manifests the rebirth of dietetics in European Middle Ages (Nicoud 2007: 36). The text has been edited twice, a critical edition was prepared by Hermann Johannes Ostermuth (1919) on the basis of manuscripts found in Germany and East Europe, 1992 Pietro Cantalupo published a version from a single Madrid codex containing the works of Constantine the African. Ostermuth (1919: 57) suggested that the attribution of the treatise to Johannes de Sancto Paulo (12th–early 13th c.), found in B. A. V. Pal. lat. 1304 (13th c.), could be right. This Benedictine monk who has studied in Salerno is known for his medicalworks of more practical rather than theoretical nature and could have composed this text sometimes between 1160 and 1170 (Nicoud 2007: 45).

This text is an abridgement of a text translated by Constantine the African (fl. 1077, d. by 1098–1097) (Green 2005, a detailed account in Veit 2003: 32–60), *Dietae universales at particulares*. Constantine the African, who worked in the Benedictine monastery of Monte Cassino, was instrumental in bringing the medical teaching available in the East back to Europe, translating to Latin both Hippocrates and Galen, as well as many of the Arabic authors, who he left unnamed, leaving but one name – that of the author of *Dietae universales at particulares*, as well as *Liber febrium* and *Liber urinarum*, Isaac Israeli (called also Isaac Judaeus, in Arabic *Ishāq*

ibn Sulaymān al-Isrā'īlī, late 9th–early 10th c., Kairouan, see Veit 2003: 22–35).

The compiler of *Dieta particulares et universales* abridged his source in a drastic way (in the 16th century edition the text takes 146 pages in two columns (Isaac 1515: xi-clvi), whereas a critical edition of *Flores dietarum* by Ostermuth with variants from different manuscripts takes 38 pages (Ostermuth 1919: 13–51)). The compiler of the text both shortens theoretical passages, as well as adapts his text to Salernitan reality of the 12th–13th centuries in omitting such meats as lion's, camel's or bear's (Cantalupo 1992: 9–10). The Welsh translator follows his source much more truthfully. Apart from the prologue where the teaching on the four humours (as found in Hafod 16 and Jesus 22, in Rawl B 467 the beginning is missing) is more detailed than the version we have in all edited manuscripts of *Flores dietarum* (the source of this longer version remains to be studied), the Welsh text corresponds the Latin source very closely, as can be shown on the example of one sentence:

(1)

Rawl B 467 1v: *Y sanguis a bna dyn yn da y ebyllys acynvul*

Blood makes a man well disposed

Cantalupo 1992: 16: *Sanguis facithominem bonivoti, simplicem,*

acyn hynaḅs ac y[n]araf acyn llaḅen ac ynvchel y vryt acyn gyflaḅn.

and kindly and gentle and cheerful, exalted in his mind and perfect.

modestum, blandum, ylaḅem, summum et plenum.

The same literalness of translation is observed throughout the text. However the translator does the same domestication work as the compiler of *Flores Dietarum* did in the 12th century Salerno. He abridges the section on wheat and wheat bread and leaves out several plants and herbs.

On another level lentils turn to peas, which are more usual to Wales:

(2)

Lentes f(rigide) sunt in II° gra(du), s(icce) in III°, propter hoc melancolicum sanguinem generant (Cantalupo 1992: 26).

Pys, oer ynt yn yr eil rad a sych yn y dryded; gwaet drwc a vagant (Hafod 16, p. 75).

'Peas are cold in the second degree and dry in the third; they foster bad blood'. (Jones 1958: 87)

And small nuts in combination with figs which are supposed to be effective for the bite of a scorpion turn to an antedote against the bite of an adder.

(3)

*Si cum ficu[bu]s manducentur valent contra morsus **scorpionum***

(Cantalupo 1992: 38).

*O bwyteir gyt a ffigys da ynt rac brath **neidyr*** (Hafod 16, p. 79).

If eaten with figs they are good for the bite of an adder

(Jones 1958: 95).

Thus the translator and further scribes produce a text that could be practically used in the 14th–15th century Wales.

Although medical texts of Medieval Wales are closely connected with the MeddygonMyddfai family, situated in South Wales and surrounded by legends and fairy-tales in the later period, in the words of Morfydd Owen «any fairy involved in their transmission was surely the kind who might have been listed by Stith Thompson as ‘a fairy who speaks Latin’» (Owen 1975: 221). The discussion of a dietetic treatise and its Latin origins shows clearly once again that «Wales, and particularly its south-eastern areas, was included into the orbit of continental intellectual life» (Falileyev 2006: xlvi, on the multiculturalism in Wales see also Фалилеев 2004). A further work on such translated texts will bring new insights both on the transmission of culture in Europe as well as techniques of translation in Middle Welsh.

References

- Фалилеев 2004 – Фалилеев А. И. Круг чтения в условиях многоязычия: Уэльс в конце XIV века // Новое литературное обозрение. 2004. № 68. С. 242-251.
- Cantalupo 1992 – Cantalupo P. Un trattatello medioevale salernitano sull'alimentazione: il De flore dietarum. Acciaroli. 1992.
http://www.liberliber.it/mediateca/libri/c/cantalupo/un_trattatello_medioevale_salernitano_sull_alimentazione_etc/pdf/un_tra_p.pdf.
- Falileyev 2006 – Falileyev A. Welsh Walter of Henley. Dublin: School of Celtic Studies Dublin Institute for Advanced Studies (Medieval and modern Welsh series, 12). 2006.
- Green 2005 – Green M. H. Constantine the African // T. F. Glick, S. J. Livesey & F. Wallis (eds.). Medieval science, technology, and medicine. An encyclopedia. New York: Routledge (Routledge encyclopedias of the Middle Ages, 11). 2005. P. 145–147.
- Isaac 1515 – Isaac Israeli. Omnia opera Ysaac. Lyon. 1515
- Jones 1955 – Jones I. B. Hafod 16 (A Mediaeval Welsh Medical Treatise) // Études Celtiques. VII (1). 1955. P. 46–75.

- Jones 1958 – Jones I. B. Hafod 16 (A Mediaeval Welsh Medical Treatise) // Études Celtiques. VIII (1). 1958. P. 66–97.
- Lewis 1914 – Lewis T. A Welsh leech book. Or Llyfr o Feddyginiaeth, faithfully reproduced from the original manuscript. Liverpool: D. S. Hughes, 1914.
- Luft 2011 – Luft D. *Ansoddau'r Trwnc*: a Welsh uroscopic tract. // Zeitschrift für celtische Philologie. 2011. 58, S. 55–86.
- Nicoud 2007 – Nicoud M. Les régimes de santé au Moyen Âge. Naissance et diffusion d'une écriture médicale (XIIIe–XVe siècle). Rome: École Française de Rome (Bibliothèque des Écoles Françaises d'Athènes et de Rome, 333). 2007.
- Ostermuth 1919 – Ostermuth H. J. "Flores Diaetarum", eine salernitanische Nahrungsmitteldiätetik aus dem XII. Jahrhundert, verfaßt vermutlich von Johannes de Sancto Paulo. Borna-Leipzig: Robert Noske, 1919.
- Owen 1975/1976 – Owen M. E. Meddygon Myddfai: a preliminary survey of some medieval medical writing in Welsh // Studia Celtica X/XI. 1975/1976. P. 210–234.
- Owen 2006 – Owen M. E. Medical manuscripts [2] Wales. // J. T. Koch (ed.): Celtic culture: A historical encyclopedia. Santa Barbara. CA: ABC-CLIO. 2006. P. 1285–1286.
- Taavitsainen, Pahta 1999 – Taavitsainen I., Pahta P. Corpus of Early English medical writing 1375–1750. // ICAME Journal. 21. 1999. P. 71–78.
- Veit 2003 – Veit R. Das Buch der Fieber des Isaac Israeli und seine Bedeutung im lateinischen Westen. Ein Beitrag zur Rezeption arabischer Wissenschaft im Abendland. Stuttgart: Franz Steiner (Sudhoffs Archiv. Beihefte, Heft 51). 2003.

E. A. Parina. A Middle Welsh translation of *Flores dietarum*

The article deals with a medieval medical Welsh text, consisting of two parts, *Y Pedwar Gwlybwr* (The Four Humours) and *Rhinweddau Bwydydd* (Virtues of Foods). It is found in several manuscripts, the versions in Oxford Rawlinson MS. B 467, Cardiff MS. 3.242 (Hafod 16) and Oxford Jesus College MS. 22 are discussed. A Latin source is proposed, a tract *Flores dietarum*, composed in Salerno in the 2nd half of the 12th c. The Welsh text follows its Latin original closely and allows studying techniques of translation in medieval Wales. While the existence of Salernitan texts in the Welsh medical tradition has been already demonstrated earlier, this text is another witness of Wales being a part of intellectual life of Europe in the 14th century.

Keywords: medieval medicine, four humours, Welsh translational literature, Salerno, *Flores dietarum*

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИМЕНИ И ОБРАЗА АПОЛЛОНА

Аполлон, как змеборец, соответствует индийскому богу Индре. С другой стороны он является ближайшим соответствием Рудры: оба стреловержцы, своими стрелами несут болезни, но также исцелители, боги поэзии, связаны с кротом и мышью и т. д.; оба представляются богом Männerbund'a, божественным предводителем сообщества молодых неженатых охотников-воинов (греч. *apelyā, согласно Буркерту); Аполлон несет смерть в стане данайцев, а Рудра один уничтожает войско данавов; другие боги страшатся Аполлона, также как и Рудры. Очевидно, что образ Аполлона имеет греко-индоиранские корни, что делает невероятными негреческие этимологии.

Ключевые слова: Аполлон, Парис, Ахилл, индоевропейская мифология, змееборческий миф, индийская мифология, греческая мифология, греческий эпос, «Илиада», троянская война, Алаксанду.

Названия Трои-Илиона (Τροία, Ἴλιον/ Ἴλιος) возводят к топонимам Taguiša и Wiluša хеттских источников. А троянский царевич Парис, второе имя которого – Ἀλέξανδρος (Александр), также имеет исторического предшественника в лице царя Вилусы ^mAlaksandu, который ок. 1280 г. до н. э. заключил договор с хеттским царем Муваталли и, значит, жил всего на несколько десятилетий раньше, чем датируют легендарную троянскую войну (см. например Bryce 1999: 357–371; Latacs 2004: 73–100, 121–128). В договоре призываются в свидетели боги Трои-Вилусы, среди которых третий – Appaliuna, который отождествляется с Аполлоном (KUB 21.1 iv 27–28: см. например Latacs 2004: 110). Алаксанду и Апалиуна не имеют аналогов в древнеанатолийской ономастике. Они, очевидно, в клинописной графике передают имя Александра и Аполлона (< *Apelyōn).

В «Илиаде» Аполлон – главный защитник троянцев и враг ахейцев. Как Аполлон-Сминфей (Σμινθεύς ‘Мышиный’) он локальный бог Трояды. Он когда-то помог строить стены Трои а в «Илиаде» его стрелы девять дней несут чуму в лагерь ахейцев. Для Ахилла он самый ненавистный из богов (II. XXII.15), который и погибает от стрелы, направленной Аполлоном (XXII. 359–360; стрела из лука Париса была пущена рукой Аполлона, или он был убит самим Аполлоном, или Аполлоном,

принявшего облик Париса, или Парисом, спрятавшимся за статуей Аполлона). Именно Аполлон является подлинным убийцей Патрокла и Ахилла, также как и его сына Неоптолема (Лосев 1957: 388–389).

Аполлон – змеборец, который своими стрелами убивает «змея» Пифона – Πύθων ὄφις (Callimach. Hymn 2.100–101; Apollod. I.4.1). А Парис-Александр, с помощью Аполлона, убивает Ахилла. Весьма показательно, что В. Н. Топоров (1986; 1990), рассматривая мифический образ Ахилла, заключает, что он восходит к мифологическому змею, а его имя представляет диалектное греческое или другое древнебалканское отражение одного из вариантов индоевропейского корня 'змей, змея' (ср. греч. ἔχις, ὄφις)¹.

Аполлон	своими стрелами	убивает «змея» Пифона
Парис	стрелой Аполлона	убивает «змеиного» Ахилла

Вообще, Парис-Александр, в некоторой мере может рассматриваться как инкарнация Аполлона. У него много общих черт с богом (пастух, стрелок из лука и др., Цивьян 1999: 272–275). Сестра Париса Кассандра также тесно связана с Аполлоном (она получила пророческий дар от Аполлона, но отказалась от его любви и была наказана им). Она делает всё в меру своих возможностей стремясь своими пророчествами спасти Трои и, таким образом, сама выступает женской ипостасью Аполлона, бога пророка, защитника Трои. Она, можно сказать, тезка Париса-Александра – вторая часть ее имени идентична второй части Александра, а под именем богини Александры она почиталась в лаконских Амиклах (Paus. III. 19.6), знаменитом центре культа Аполлона².

¹ Для «змеиной» интерпретации имени и образа упоминаются демоничность, гневность Ахилла, хтоническое происхождение его родителей и предков, соответствие нескольких эпизодов его биографии с фрагментами мифа о боге грозы и Змее и др. Об индоевропейских вариантах корня 'змей, змея' см. Рокоту 1959: 43–45; о греч. ἔχις, ὄφις: Beekes 2010: 489, 1134–1135. О других этимологиях имени Ахилла см. Frisk 1960: 201; Chantraine 1968: 150; Holland 1993; Nagy 1994; Nikolaev 2007; Beekes 183–184.

² Имя Александра встречается уже в микенскую эпоху a-re-ka-sa-da-ra /Aleksandra/ (MY. V 659). Оно использовалась в теонимической функции на Пелопоннесе, вблизи старых ахейских центров: кроме культа Кассандры-Александры, Ἀλέξανδρα был эпитетом Геры, под которым

Ἀλέξανδρος означает 'защитник мужей' (Парис получает это имя отразив нападение разбойников). Примечательно, что Ахилл называется ῥήξηνωρ 'сокрушитель мужей' (II. VII.228; XIII.324 и т. д.). Аполлон известен как «защитник народа» уже из «Илиады» (XX.79), а в «Одиссее» (VII.64–66) беспричинно убивает «тезку» Ахилла – героя носившего имя Рексенор. Можно полагать, что на уровне пантеона Александром, 'защитником мужей', был Аполлон, т. е., это имя, как и соответствующая функция, характеризовали именно его.

В индийской традиции соответствующим персонажем является Индра – в «Ригведе» (I.174.1) он призывается защищать мужей – *rākṣā nṛ̥ṇ*, что этимологически соответствует имени Александр (в индоевропейском контексте – *h₂lek- & *h₂ner-), т. е. эта формула характеризует бога. Индра и Аполлон имеют другие общие характеристики: Индра – враг данавов (класс божеств), а Аполлон – греков, которые называются также Δαναοί 'данайцы' (о данавах и данайцах см. ниже). Индра убивает 'змея' Вритру, предводителя данавов, а Аполлон – «змея» Пифона³, также как и «змеиною» Ахилла, героя греков.

Имя Александр – греческое, и царь Алаксанду, независимо от этнической принадлежности троянцев и этнического состава Трои/Вилусы, был, видимо, полностью или частично греческого происхождения⁴. Вопрос о происхождении имени Аполлона

она почиталась в Сикионе (Schol. Pind. Nem. IX. 30). Об этимологии Кассандры см. Frisk 1960: 798; Chantraine 1970: 503; Beekes 2010: 654.

³ Кстати, этот змеиный противник Аполлона – Πύθων ὄφις имеет этимологическую параллель в индийской мифологии (ahi Budhnyu 'змея глубин', см. Топоров 1976; Watkins 1995: 460–463).

⁴ В доахеменидский период в Древнем Востоке были только местные общинные культы. Не было «конфессиональных» имен в духе поздних догматических религий и большинство людей носило имена с благопожелательным значением на их родном языке, связанные с этническими локальными культами (см. Дьяконов 1968: 242, прим. 136). Из текста договора Алаксанду можно заключить, что он взшел на престол «согласно слову своего отца» т. е., видимо, не вполне согласно принятым нормам. Он мог быть приемным сыном или сыном наложницы-гречанки своего предшественника царя Куккуни (см. Latacs 2004: 117–118). Возможно, на это намекает и то, что и Парис-Александр рос среди пастухов и только потом был опознан как сын царя Приама (ср. подобную легенду о Кире, реальном основателе Ахеменидской династии). Имена Приама (отца Париса) и Париса, вероятно, лувийские (Watkins 1986, 56–57), а второе его имя, как и имена многих его братьев и сестер (Гектор, Деифоб, Кассандра и др.)

более сложный. В современной науке имеют оборот несколько этимологий (Frisk 1960: 124–125; Chantrine 1968: 98; о греческом происхождении см. Burkert 1975; 1985: 143–149; 1994; Nagy 1994a; Казанский 2005; о лувийском: Brown 2004; догреческом неиндоевропейском: Beekes 2003; о хурритском: Blažek MS). Исходя из вышесказанного, представляется более вероятным представить обоим – Алаксанду и его бога Апалиуна как имеющих греческое или близкое к греческому происхождение. Если Аполлон не греческий бог, то остается непонятным как он настолько «освоил» чуждое ему греческое имя царя Алаксанду/Александра, что сделал его своим девизом, программой действия, когда защищал троянцев (подданных царя Алаксанду), убивал Рексенора и сделал Кассандру/Александрю богиней своего круга? Так что грек Алаксанду/Александр, «защитник мужей», скорее всего, имел своим покровителем именно Аполлона, как греческого бога, в некотором смысле – своего эпонима (ср. Watkins 1995: 149).

Аполлон в контексте индоевропейской сравнительной мифологии является ближайшим соответствием индийского бога Рудры: оба стреловержцы, своими стрелами несут болезни, но также исцелители, боги поэзии, связаны с кротом и мышью и т. д. (Gregoire et al. 1949: 127 seq.; Топоров 1977; Puhvel 1987: 134–135; притом с мышами связан именно троянский Аполлон Сминфей, уже в мик. *si-mi-te-u* /*Smintheus*/ негреческое происхождение которого легче было представить). Есть и другие специфические общие черты этих богов: Аполлон, как и Рудра, представляется богом *Männerbund*'а, божественным предводителем сообщества молодых неженатых охотников-воинов – греч. **arelyā*, согласно Буркерт (об Аполлоне и Рудре в этом контексте см. Kershaw 2001: 187–190; 210 ff. et passim); Аполлон несет смерть в стане греков-данайцев, а Рудра один уничтожает войско мифологических данавов (Махабхарата XII. 166)⁵; дру-

---

греческое. Теоретически можно полагать, что это отголосок исторической перемены династии.

⁵ О данайцах см. Гиндин, Цымбурский 1995, с литературой. В «Авесте» гидронимом Дану обозначена Сырдарья, а именем данавов – сырдарьинские скифы. Название греков-данайцев, как и в случае с последними, может объясниться проживанием их предков на какой-то из рек, в обозначении которых представлена основа **Danu*, на стыке прагреческого и праиндоиранского ареалов, от Дона до Дуная (см. еще Sakellariou 1986). Кстати, Даная (*tnjw*) – название микенского царства в Пелопоннесе, которое упоминается в древнеегипетской надписи

гие боги страшатся Аполлона, также как и Рудры (Kershaw 2001: 211). С другой стороны, как было сказано, он как змеборец, «защитник мужей» и враг данайцев соответствует Индре.

Очевидно, что образ Аполлона, как стреловержца, змеборца, врага данайцев, бога Männerbund'a, поэзии, болезней и врачевания, связанного с мышами, которого страшатся другие боги, имеет греко-индоиранские корни (эти языки составляли одну группу после распада индоевропейского праязыка), что делает невероятными негреческие этимологии его имени.

Таким образом, и имя, и образ Аполлона, скорее всего, исконно греческие. В индоевропейском контексте ближайшие его боги – Рудра и Индра.

Литература

- Гиндин 1993 – Гиндин Л. А. Население гомеровской Трои: Историко-филологические исследования по этнологии древней Анатолии. М.: «Наука», 1993.
- Гиндин, Цымбурский 1994 – Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Прагреки в Трое // Вестник древней истории. 1994. № 4. С. 19–38.
- Гиндин, Цымбурский 1996 – Гиндин Л.А., Цымбурский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996.
- Дьяконов 1968 – Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван.
- Казанский Н. Н. 2005: К этимологии древнегреческого *vήλιος* // *Hrdā mānasā: Studies Presented to Professor L. G. Herzenberg on the Occasion of his 70th Birthday*. Saint Petersburg, 1968. С. 232–239.
- Лосев 1957 – Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.
- Петросян 2010 – Петросян А. Е. О ранних связях индоевропейских и семитских племен по данным сравнительной мифологии // Вестник древней истории. 2010. № 3, 122–134.
- Топоров 1976 – Топоров В. Н. Πύθων, Ahi Budhnya, Бадньак и др. // Этимология 1974. С. 13–16.
- Топоров 1986 – Топоров В. Н. К реконструкции “прото-Ахилла” // Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры. М., 1986. С. 25–37.
- Топоров 1990 – Топоров В. Н. Об архаичном слое в образе Ахилла (проблемы реконструкции элементов прототекста) // Образ – смысл в античной культуре. М., 1990. С. 64–95.

первой половины XIV в., см. Latacs 2004: 128–133, с литературой. Перенос мифологических названий на реальные объекты и мифологизация реальных названий известны повсюду и данайцы, очевидно, соответствуют мифическим данавам; об индоевропейских параллелях данавов и данайцев см. Петросян 2010, с литературой.

- Цивьян 1999 – Цивьян Т. В. Парис // Цивьян Т. В. Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М., 1999. С. 263–281.
- Beekes 2003 – Beekes R. S. The Origin of Apollo // *Journal of Ancient Near Eastern Religions*. 2003. Vol. 3. P. 1–21.
- Beekes 2010 – Beekes R. S. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden-Boston, 2010.
- Blažek – Blažek V. MS. Apollo the Archer.
- Brown 2004 – Brown E. L. In Search of Anatolian Apollo // *Hesperia Supplements*. Vol. 33, XAPIΣ: Essays in Honor of Sara A. Immerwahr, 2004. P. 243–257.
- Bryce 1999 – Bryce T. *The Kingdom of the Hittites*. Oxford, 1999.
- Bryce 2006 – Bryce T. *The Trojans and Their Neighbours*. New York, 2006.
- Burkert 1975 – Burkert W. Apellai und Apollon // *Rheinisches Museum*. 1975. Bd. 118. S. 1–21.
- Burkert 1985 – Burkert W. *Greek Religion*. Oxford, 1985.
- Burkert 1994 – Burkert W. Olbia and Apollo of Didyma: A New Oracle Text // *Apollo: Origin and Influences*. Tucson; London, 1994. P. 49–60.
- Chantraine 1968–70 – Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. T. I–II. Paris, 1968–70.
- Fontenrose 1959 – Fontenrose J. *Python: A Study of Delphic Myth and Its Origins*. Berkeley; Los Angeles, 1959.
- Frisk 1960 – Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. B. I. Heidelberg, 1960.
- Gregoire, Goossens, Mathieu 1949 – Gregoire H., Goossens R., Mathieu M. Asklèpios, Apollon Smintheus et Rudra: études sur le dieu à la taupe et le dieu au rat dans la Grèce et dans l'Inde. Bruxelles.
- Holland 1993 – Holland G. B. The Name of Achilles: a Revised Etymology // *Glotta*. 1993. Vol. 71. P. 17–27.
- Kershaw 2001 – Kershaw K. The One-Eyed God: Odin and (Indo-) Germanic Männerbünde // *Journal of Indo-European Studies Monograph Number 36*. Washington D.C., 2001.
- Latacz 2004 – Latacz J. *Troy and Homer: Towards a Solution of an Old Mystery*. Oxford; New York, 2004.
- Nagy 1994 – Nagy G. The Name of Achilles: Questions of Etymology and "Folk-Etymology" // *Illinois Classical Studies*. 1994. Vol. 19. P. 3–9.
- Nagy 1994a – Nagy G. The Name of Apollo: Etymology and Essence // Jon Solomon (ed.) *Apollo: Origins and Influences*. Tucson, 1994. P. 3–8.
- Nikolaev 2007 – Nikolaev A. The Name of Achilles // *Greek and Latin From an Indo-European Perspective* // *Cambridge Classical Journal. Proceedings of the Cambridge Philological Society*. 2007. Supplementary volume 32. P. 162–173.
- Petrosyan 2007 – Petrosyan A. Y. The Indo-European *H₂ner(t)-s and the Danu Tribe // *Journal of Indo-European Studies*. 2007. Vol. 35. O. 297–310.
- Pokorny 1959 – Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. B. I. Bern; München, 1959.

- Puhvel 1987 – Puhvel J. *Comparative Mythology*. Baltimore; London, 1987.
- Sakellariu 1986 – Sakellariu M. *Who were the Immigrants? // The End of the Early Bronze Age in the Aegean*. Leiden, 1986. P. 125–137.
- Watkins 1986 – Watkins C. *The Language of the Trojans // Troy and the Trojan War*. Bryn Mawr, 1986. P. 45–62.
- Watkins 1995 – Watkins C. *How to Kill a Dragon*. New York; Oxford, 1995.

A. Y. Petrosyan. On the origin of the name and image of Apollo

Among several etymological suggestions for the name Apollo the Greek, Luvian and “pre-Greek” ones have more turnover in contemporary studies (for the Greek origin of the name, see Burkert 1975; 1985: 143–149; 1994; Nagy 1994a; Kazansky 2005; for Luvian: Brown 2004; for non-Indo-European pre-Greek: Beekes 2004; for Hurrian: Blažek MS).

Apollo is first mentioned in the text of the treaty of Hittites with the king of Wilusa (Troy) Alaksandu as Appaliuna (13th century BC) (KUB 21.1 iv 28: see, e.g., Latacs 2004: 110). Alaksandu is the cuneiform rendering of the Greek Alexandros, second name of Paris, prince of Troy in the “Iliad”. It is a Greek name, which means that Alaksandu himself was of Greek origin (in early times the personal names were usually of native origins). Paris-Alexandros seems to represent a human incarnation of Apollo, who, similar to him, would probably have Greek origin.

Apollo, as serpent-slayer, corresponds to the Indian serpent-slayer Indra. On the other hand, Apollo is the closest match of another Indian god – Rudra: both are archers, whose arrows spread diseases, and also healers, gods of poetry, related to mole and mouse, etc (Gregoire et al. 1949: 127 seq., 148; Toporov 1977; Puhvel 1987: 134–135); both are gods of Männerbund, divine leaders of the community of young unmarried hunter-warriors (see, e.g., Kershaw 2001, 187–190; 210 ff. et passim); Apollo brings death to the camp of Greek-Danaans, while Rudra destroys the army of Danavas all alone (Mahabharata XII. 166; for the Danaans and Danavas, see Gindin, Tsymbursky 1995; Petrosyan 2007; 2010); even the gods are afraid of Apollo, as well as of Rudra (Kershaw 2001: 211).

Thus, the image of Apollo, as well as the theme “Apollo destroyer of Danaans”, has Greco-Indo-Iranian roots (those languages constituted one group after the fragmentation of Proto-Indo-European), which makes the non-Greek etymologies improbable.

Keywords: Apollo, Paris, Indo-European mythology, serpent-slayer, Indian mythology, Greek mythology, Iliad, Trojan War, Alaksandu.

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ
«ПЕРИПЛА ПОНТА ЭВКСИНСКОГО» ПСЕВДО-АРРИАНА***

В статье исследуются источники Анонимного «Перипла Понта Эвксинского», а именно, что он добавил к своим основным источникам – Арриану, Мениппу, Пс.-Скимну и Пс.-Скилаку; были ли это его собственные добавления или он почерпнул их из других неизвестных нам источников; как он работал со своими источниками. Сравнение текста 92 параграфа «Перипла» с другими сохранившимися текстами Артемидора приводит в выводу о том, что одним из источником, в котором приводились расстояния между географическими объектами, мог быть Артемидор.

Ключевые слова: «Перипл Понта Эвксинского», Арриан, Менипп, Пс.-Скимн, Пс.-Скилак.

Как известно, основу «Перипла Понта Эвксинского» анонимного автора второй половины VI в. н. э. (далее AnPPE) составляет перипл Арриана (поэтому Аноним часто называется в научной литературе Псевдо-Аррианом); некоторые фрагменты принадлежат произведениям Мениппа, Пс.-Скимна и Пс.-Скилака. Что же добавил сам Аноним к текстам этих произведений? Были эти дополнения его собственные или они заимствованы из какого-то другого, нам не известного источника? Как он работал со своими источниками? Многие из этих вопросов были затронуты О. Диллером в его фундаментальном труде «The Tradition of the Minor Greek Geographers»¹. Я хотел бы в нижеследующих заметках дополнить и расширить некоторые из его наблюдений.

Первое, что следует отметить как «свое» в AnPPE, это тот факт, что Аноним почти везде, где Арриан указывает расстояния в стадиях, добавляет пересчет их в римских милях. Соотношение стадия и мили почти везде составляет 7,5 стадиев к 1 миле (иногда 7 стадиев), что составляет обычный стандарт в

---

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № №14-01-00262а.

¹ Diller 1952. На русском языке о AnPPE писали: Ростовцев 1925: 69–73; Агбунов 1979: 118–138; Скржинская 1980: 115–125; Агбунов 1987; Агбунов 1992. Частично русский перевод AnPPE, выполненный Э. Н. Штерном с дополнениями В. В. Латышева, доступен в ВДИ, 1948, № 1. С. 226–238.

Византии (Schilbach 1970: 33). Этот пересчет свидетельствует о византийском происхождении AnPPE , так как, как показал Эрих Шильбах, стадии, в отличие от мили, не были в употреблении в Византии².

Аноним иногда дает указания в стадиях и милях, когда он суммирует дистанции между отдаленными пунктами со специальным указанием «всего» ($\delta\mu\omicron\upsilon$). Так в параграфе 69³ мы читаем: «Всего ($\delta\mu\omicron\upsilon$), если плыть от Гиерона к устью Меотийского озера или до селения Ахиллейон, расстояние составляет 12487 стадиев, 1653 и 1/3 мили». Эти данные не встречаются ни у Арриана, ни у Мениппа, ни у Пс.-Скимна, ни у Пс.-Скилака. Такую же ситуацию мы наблюдаем в параграфах 79, 85, 92 (со ссылкой на Артемидора), 120, 121.

Аноним или его неизвестный нам источник часто добавлял второе, очевидно, более актуальное название к тем, которые были им заимствованы в основных источниках. Например, в параграфе 3 мы читаем: «От реки Ребас до Мелайны, ныне называемой Кале Акра, – 150 стадиев, 20 миль». Существует примерно 45 названий со стереотипной формулой «ныне называемый» ($\nu\tilde{\nu}\nu \lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\tau\alpha\iota \omicron\gamma \acute{\omicron} \nu\tilde{\nu}\nu \lambda\epsilon\gamma\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$), и более половины из них скорее всего принадлежат времени автора, поскольку нигде больше не упоминаются (см. параграфы 6, 12, 13, 38, 39, 48, 59, 86, 87, 89, 104, 116, 120). Это означает также, что выражение $\nu\tilde{\nu}\nu$ («ныне») не всегда означает время Анонима, но иногда и время его источника (например, Арриана).

Большинство этих дополнений относится к Южному (11) и Северному (16) Причерноморью; в Западном Причерноморье их всего 4 и в Восточном – 5.

Подробное рассмотрение этих дополнений показывает, что большинство новых названий либо неизвестны из других источников, либо зафиксированы только в позднеантичной и ранневизантийской литературе. Это предполагает существование недошедших до нас описаний Черного моря в период между Птолемеем и Анонимом.

² Schilbach 1970: 32–33. Шильбах упоминает следующих ранневизантийских авторов: Дорофея и Иоанна Лида (оба VI в.), Иоанна Климакса (VII в.), Константина Порфирогенета (X в.) и др.

³ Здесь и далее я пользуюсь нумерацией параграфов, принятой в моем издании AnPPE в FGrHist. IV 1, 2037 F.

Наибольшее число таких дополнений встречается в тексте Арриана⁴, много в тексте Мениппа⁵, и три вставлены в текст Пс.-Скилака⁶. Из этой статистики мы можем заключить, что слова с формулой $\nu\tilde{\nu}\nu \lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\tau\alpha\iota$ ($\acute{o} \nu\tilde{\nu}\nu \lambda\epsilon\gamma\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$) принадлежат самому Анониму, а не Маркиану – компилятору произведений Мениппа и Артемидора начала V в. н. э., – как предположил О. Диллер для некоторых фрагментов Мениппа⁷. Иначе мы должны были бы предположить, что сам Маркиан был автором AnPPE, что невозможно, поскольку некоторая информация в «Перипле» более позднего происхождения. Согласно О. Диллеру, неизвестные из других источников имена «were probably added by the author *de suo* and refer to his own times»⁸.

Иногда Аноним в качестве дублета приводит не новое, а старое название. Так, в параграфе 15 мы читаем: «От реки Партеций до греческого города Амастрис, **который имеет также реку, ранее называемую Сесам**, – 90 стадиев, 12 миль» (здесь и далее полужирным шрифтом я маркирую дополнения Анонима). См также 57: «от Питиунта до земли Стеннитика, **раньше называемой Триглит**»⁹.

Иногда же Аноним пишет испорченное название и добавляет правильное, взятое из основного источника – Арриана, см., например, параграф 84: «От Криу Метопон до гавани **Эвболон**, тоже в Тавриде, **который также называется** Символон, – 2600 стадиев, 346 и $\frac{2}{3}$ мили». То же в параграфе 86: «От Херсона до **Коронитиды, которая также называется** Керкинитида, – 600 стадиев, 80 миль».

Однажды Аноним, наоборот, поправляет ошибочное написание, содержащееся у Арриана (119): «От Галмидисса до Фригии, **называемой также Филия**».

Чтобы увидеть, как Аноним работает со своими источниками, возьмем для примера какой-нибудь его текст, в котором он комбинирует одновременно два источника, дополняя их своими вставками, например, параграф 9:

⁴ См. параграфы 3, 6 (2), 12 (3), 38, 39 (2), 48 (4), 57, 59 (6), 61, 63 (2), 64, 80, 104, 114, 116, 119.

⁵ См. параграфы 11, 13 (2), 23, 42, 43, 49, 65.

⁶ См. параграфы 38, 60, 62.

⁷ Diller 1952: 149 (для параграфов 19, 24, 92).

⁸ Ibidem. 110.

⁹ Это название в других источниках не встречается.

От реки Гипий до города Диа, где есть стоянка для малых кораблей, – 60 стадиев, 8 миль. От города Диа до эмпория Лилайон – 40 стадиев, 5 и 1/3 мили. От Лилайона до эмпория и реки Элайон – 60 стадиев, 8 миль. От Элайона до реки и эмпория Калес – 120 стадиев, 16 миль. От реки Калес до реки Лик – 80 стадиев, 10 и 2/3 мили. От реки Лик до греческого дорийского города Шераклеи, колонии мегарцев, – 20 стадиев, 2 и 2/3 миль.

Сравним три текста этого пассажа, происходящие из произведений Мениппа и Арриана с изменениями, внесенными Анонимом:

Menipp 5710–5715:	Arrian 13:	AnPPE 9:
Ἄπο δὲ Ὑπίου ποταμοῦ εἰς Δίαν πόλιν στάδ ζ', ἔχει δὲ καὶ ὕφορμον.	εἰς δὲ Λιλαῖον ἐμπόριον ἀπὸ τοῦ Ὑπίου στάδιοι ἑκατόν, καὶ	Ἄπο δὲ Ὑπίου ποταμοῦ εἰς Δίαν πόλιν ἐν ἧ καὶ ὄρμος ναυσὶ μικραῖς στάδια ζ' μίλια ἦ'.
Ἄπο Δίας πόλεως εἰς Ἐλαιον ποταμὸν καὶ ἐμπόριον στάδ ζ'.	ἀπὸ τοῦ Λιλαίου πείσ Ἐλαιον ἐξήκοντα.	Ἄπο δὲ Δίας πόλεως εἰς Λιλαῖον ἐμπόριον στάδια μ' μίλια εγ'. Ἄπο δὲ τοῦ Λιλαίου εἰς Ἐλαιον ἐμπόριον καὶ ποταμὸν στάδια ζ' μίλια ἦ'.
Ἄπο Ἐλαίου ποταμοῦ ἐπὶ τὸν Κάλητα ποταμὸν καὶ ἐμπόριον στάδ ρκ.	ἐνθὲνδε ἐς Κάλητα, ἄλλο ἐμπόριον, εἴκοσι καὶ ἑκατόν.	Ἄπο δὲ τοῦ Ἐλαίου εἰς Κάλητα ποταμὸν καὶ ἐμπόριον στάδια ρκ μίλια ις'.
Ἄπο τοῦ Κάλητος ποταμοῦ εἰς Ἡράκλειαν πόλιν μέγιστην σταδ π'.	ἀπὸ Κάλητος ἐς Λύκον ποταμὸν ὀγδοήκοντα,	Ἄπο δὲ Κάλητος ποταμοῦ εἰς Λύκον ποταμὸν σταδ π' μίλια ι' ες'.
	ἀπὸ δὲ Λύκου εἰς Ἡράκλειαν πόλιν Ἑλληνίδα Δωρικὴν, Μεγαρέων ἄποικον, στάδιοι εἴκοσι.	Ἄπο δὲ Λύκου ποταμοῦ εἰς Ἡράκλειαν πόλιν Ἑλληνίδα Δωρικὴν Μεγαρέων ἄποικον σταδ κ' μιλ β' ες'.

Арриан опускает здесь (или не знает¹⁰) слова Мениппа о городе Диа с его гаванью, но вставляет слова об эмпории Лилайон и реке Лик, пропущенных Мениппом в его версии; Арриан также опускает характеристику Элайона как реки и эмпория и Калеса как реки, но дает больше информации о Геракле; Аноним сохраняет текст Мениппа о городе Диа и его гавани и текст Арриана о Лилайоне и Лике с дополнением слова «река» как характеристике Лилайона, отсутствующей в тексте Арриана; Калес упомянут Анонимом и как река, и как эмпорий, в согласии с Мениппом. Фраза о Геракле целиком взята Анонимом у Арриана.

Из сравнения этих текстов видно, что Арриан иногда приводит больше информации, чем Менипп, иногда же сокращает его текст, в то время как Аноним знает и использует оба источника (ср. Diller 1952: 103). Иногда мы можем фиксировать стилистические изменения (e.g. Μενίππος: ἔχει δὲ καὶ ὕφορμον – ἈνΡΡΕ: ἐν ἧ καὶ ὄρμος ναυσὶ μικραῖς¹¹) и иной порядок слов

¹⁰ О. Диллер (Diller 1952: 149) сомневается, что Арриан использовал Мениппа в своем «Перипле Понта Эвксинского», считая при этом, что формула: «от (ἀπὸ)... до (εἰς)... σταδ», часто встречающаяся у Анонима, была заимствована им у Мениппа (Diller 1952: 102, 150). Но та же формула весьма употребительна и у Арриана, см., например, в ΡΡΕ 7 (bis), 10, 11, 12 (bis), 13 (9 раз), 14 (9 раз), 15 (4 раза), 16 (10 раз), 18 (3 раза), 19 (4 раза), 24 (4 раза), 25 (3 раза). Я думаю, нельзя с полной определенностью отрицать использование Аррианом Мениппа, как это склонны делать О. Диллер (Diller 1952: 150), А. Зильберман (Silberman 1995: XXIX и XXXIII) и некоторые другие издатели Арриана. Интересно отметить, что в параграфах 10–11, где Арриан описывает свои собственные впечатления от поездки вдоль берегов Черного моря, он обходится вовсе без этой формулы, используя такие выражения как ἐνθὲνδε, ἔλειτα, и только в параграфах 12–16, где он использует литературные источники, формула «от (ἀπὸ)... до (εἰς)... σταδ» встречается очень часто. О Мениппе как источнике Арриана см. Müller 1882: СХIII; Gisinger 1931: 865–866.

¹¹ Кстати об этом выражении: О. Диллер (Diller 1952: 139) замечает, что это «fixed phrase was taken from Arr.». Я обнаружил это выражение только в ArrΡΡΕ 12.3; 12.3; 13.1 and 13.5; в других местах Арриан говорит лишь об ὄρμος ναυσὶ. Важно отметить, что эта формула не встречается в собственном описании Аррианом Черного моря от Трапезунта до Диоскуриады (только в III, 4 и более сложно: ταῖς ναυσὶν οὐκέτι ἀσφαλῆς ὁ ὄρμος ἦν) и в (скудном) описании Северного Причерноморья. И лишь в Северо-Западном (20.2), Западном (24.3; 4; 5; 6) и Южном Причерноморье (12.3; 13.3; 13.5; 14.1; 2; 3; 4; 15.3; 16.4;5) от Боспора Фракийского до Трапезунта, где Арриан пользовался литературными источниками, мы встречаем это

(Μενίππος: εἰς Ἑλαίον ποταμὸν καὶ ἐμλόριον – ἈνΡΡΕ: εἰς Ἑλαίον ἐμλόριον καὶ ποταμὸν). Таким образом, Аноним не механически переписывал свои источники, но творчески конструировал свой собственный более подробный текст, контаминируя оба источника.

К. Мюллер предположил, что большинство дополнений объясняется происхождением Анонима из Византии или даже с Понта (Müller 1882: 403). Последний вариант кажется мне более вероятным, если под Понтом понимать южную часть Черного моря, ведь мы видели, что именно здесь встречается изобилие новых названий. Но и в Северном Причерноморье мы видим большое количество новых имен. Как объяснить этот факт?

В параграфе 55 мы читаем следующую фразу (она испорчена): «... <расстояние> до Севастополя и Абазгии¹²..., остальное я опишу во всей полноте (τὰ δὲ λοιπὰ οὕτως πληρῶ λέξας)». Эта фраза от первого лица отсутствует у Арриана и ее источник неизвестен, при этом Аноним сам никогда не говорит ни до, ни после этого места от первого лица. Возможно, поскольку Арриан описывает эту часть Понтийского побережья весьма кратко¹³, так как никогда лично не бывал на северном побережье Черного моря западнее Севастополя-Диоскуриды (совр. Сухум), Аноним решил добавить больше информации, чем в других частях «Перипла». Что могло быть источником этой дополнительной информации?

В ἈνΡΡΕ имеется несколько ссылок на предшествующих авторов, но почти все они упоминаются во фрагментах, заимствованных Анонимом из других источников. Так, в параграфах 5, 50 and 117 цитируется Ксенофонт, но в тексте, взятом из Арриана; Геродот упоминается три раза, но в текстах

выражение во множестве. Это обстоятельство может означать, что слова ὄρμος ναυσί не принадлежал самому Арриану. Менипп, по видимому, не мог быть здесь его источником, так как в своем аутентичном тексте он использует либо формулу ἔχει δὲ καὶ ὕφορμον (λιμένα) или ὄρμος πορθμίοις (πλοίοις). Только однажды Менипп говорит, что Сандарака имеет ὄρμος συμμέτροις ναυσί (5801 Diller). Интересно отметить, что как раз в описании этого места Арриан также упоминает ὄρμος ναυσί σμικραῖς (ΡΡΕ 13.5). Идея (стоянка для «малых» судов) та же, но слова различаются. Возможно, оба автора имели общий источник.

¹² Конъектура Диллера.

¹³ Diller 1952: 103: «Arr. gives fewer stations and greater distances here than in any other part of the periplus».

Арриана (25 and 57) and Пс.-Скимна (27); Эсхил цитируется в 71–72 из Арриана; Деметрий из Каллатиса из Пс.-Скимна (74 and 94) и Эфор – из из Пс.-Скимна (74 and 78). При этом основные источники AnPPE (Менипп, Пс.-Скимн и Пс.-Скилак не упомянуты ни разу, а Арриан только однажды в начале «Перипла» в качестве автора всего произведения.

Есть только один случай, когда в качестве источника AnPPE назван автор, не упомянутый ни в одном из основных источников Анонима. Я имею в виду ссылку на мнение Артемидора в параграфе 92, который посвящен описанию Северо-Западного Причерноморья:

92. Всего от реки Борисфен до реки Тирас – 810 стадиев, 108 миль; от Херсона до реки Тирас – 4110 стадиев, 548 миль. Географ Артемидор пишет, что от города Херсон до реки Тирас вместе с плаванием вдоль побережья Каркинитского залива – 4420 стадиев, 589 и 1/3 мили. От реки Тирас до места Неоптолема¹⁴ – 120 стадиев, 16 миль. От места Неоптолема до Кремнисков 120 стадиев, 16 миль. Географ Артемидор говорит, что от реки Тирас до Кремнисков – 480 стадиев, 64 мили. От Кремнисков до места Антифила – 330 стадиев, 44 мили...¹⁵.

Итак, Арриан и другие источники AnPPE не упоминают имени Артемидора Эфесского – греческого географа II–I вв. до н. э., который написал 11 книг «Географии». Можно, следовательно, предположить, что Аноним позаимствовал сведения о Неоптолеме, Кремнисках и Антифиле непосредственно из Артемидора, а также из какого-то иного источника, в котором расстояние между рекой Тирас и Кремнисками было в два раза меньше¹⁶.

¹⁴ Ср. Strabo VII 3.16 (πύργος Νεοπτολέμου καλούμενος).

¹⁵ Ὅμοῦ ἀπὸ Βορυσθένους ποταμοῦ ἕως Τύρα ποταμοῦ στάδιοι ωί, μίλια ρη· ἀπὸ δὲ Χερσῶνος ἕως Τύρα ποταμοῦ στάδιοι ,δρι, μίλια φμη'. Ἀρτεμίδωρος δὲ ὁ γεωγράφος ἀπὸ πόλεως Χερσῶνος μέχρι Τύρα ποταμοῦ, σὺν τῷ περίπλῳ τοῦ Καρκινίτου κόλπου, γράφει σταδίους ,δυκ', μίλια φπθ', γ'. Ἀπὸ δὲ Τύρα ποταμοῦ ἐπὶ τὰ Νεοπτολέμου στάδιοι ρκ', μίλια ις'. Ἀπὸ δὲ τῶν Νεοπτολέμου ἐπὶ Κρημνίσκους στάδιοι ρκ', μίλια ις'. Ἀρτεμίδωρος δὲ ὁ γεωγράφος ἀπὸ Τύρα ποταμοῦ ἕως τῶν Κρημνίσκων εἶναι λέγει σταδίους υλ', μίλια ξδ'. Ἀπὸ δὲ τῶν Κρημνίσκων ἐπὶ τὰ Ἀντιφίλου στάδιοι τλ', μίλια μδ'.

¹⁶ М. В. Агбунов полагает, что Аноним цитирует здесь «неизвестный источник» (Агбунов 1979: 122, примеч. 24); ср. также: Зубарев 2005: 140–141.

Если сравнить некоторые дистанции у Артемидора, цитированного Анонимом, с дистанциями в этой местности Страбона, который широко использовал труд Артемидора¹⁷, мы увидим, что у Страбона все расстояние между Херсонесом в Крыму и рекой Тирас равно 4400 стадиям (Strabo VII 4.2) при плавании вдоль побережья (Χερρόνησος, διέχουσα τοῦ Τύρα παράπλου σταδίων τετρακισχιλίων τετρακοσίων). Аноним дает почти то же число стадиев – 4420 – с отсылкой к Артемидору; заметим, что подобно уточнению Страбона, Аноним также указывает на подсчет расстояния при плавании вдоль берега, а именно, вокруг Керкинитского залива (σὺν τῷ περίπλῳ τοῦ Καρκινίτου κόλπου), т. е. имеет в виду также не прямой путь.

Существуют и формальные совпадения в текстах Артемидора и Анонима. В «Эпитоме Артемидора» Маркиана мы находим подобное выражение в IX, 4–5: «Ἀπὸ Τεργέστρου κώμης καὶ τοῦ μυχοῦ ἐπὶ τὸν Ἀδρίαν στάδιοι ἕκκε'». Сравнив этот текст с текстом Артемидора, цитированном Анонимом, мы обнаруживаем ту же фразеологию (92): «Ἀπὸ δὲ τῶν Κρημνίσκων ἐπὶ τὰ Ἀντιφίλου στάδιοι τλ'...». Страбон, цитируя в другом месте Артемидора, дает такую же модель (VII fig. 57): ἀπὸ δὲ Ἐβρου καὶ Κυψέλων εἰς Βυζάντιον μέχρι Κυανέων τρισχίλιοι ἑκατὸν, ὡς φησὶν Ἀρτεμίδωρος.

Заметим, что описание Артемидора было более удобным для Анонима, чем для Страбона, поскольку направление движения вдоль побережья Черного моря у Анонима и Артемидора против часовой стрелки, и противоположное у Страбона (по часовой стрелке).

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что Артемидор мог быть одним из источников Анонима, особенно при указании расстояний. Представляется, что позволительно рассматривать как восходящие к Артемидору те фрагменты AnPPE, которые не встречаются в известных источниках AnPPE и при этом содержат указания расстояний, как это принято в периплах.

Среди этих фрагментов можно выделить следующие:

¹⁷ См., например, Neumann 1884: 321–354; Daebritz 1905; Rostowzew 1931: 34–37, 40. Труд Артемидора часто цитирует Плиний Старший в «Естественной истории»; имя Артемидора упоминается в плиниевых индексах ко всем географическим книгам (об Артемидоре как источнике Плиния см.: Detlefsen 1909: 160–162; Sallmann 1971: 60–64).

34. ...От Котиора, если не плыть по побережью залива, но пройти около устья залива, до Гермонассы, крепости трапезитов – 300 стадиев, 40 миль.

59. ...От Гераклеийского мыса до мыса, где и теперь еще находится место, называемое Бага Кастрон, – 10 стадиев, 1 и 1/3 мили.

69. Всего (Ὀμοῦ), если плыть от святилища <Зевса Урия> к устью Меотийского озера или до селения Ахиллейон – 12487 стадиев, 1653 и 1/3 мили.

79. Всего (Ὀμοῦ) от устья Меотийского озера до Киммерика – 300 стадиев, 40 миль; от города Пантикапея до Киммерика – 240 стадиев, 32 мили.

85. Береговая линия Херсонеса Таврического при плавании от гавани Афинейон до Калос Лимен насчитывает 2600 стадиев, 346 и 2/3 мили. От селения Портмитиды, которое лежит на краю Европы в устье Меотийского озера или Танаиса, до Херсона¹⁸ – 2260 стадиев, 302 и 1/3 мили. Всего (Ὀμοῦ) от Боспора, или от города Пантикапея, до Херсона – 2200 стадиев, 293 и 1/3 мили.

92. Текст с отсылкой к Артемидору см. выше.

120. Всего (Ὀμοῦ) от Святого устья реки Истр до святилища Зевса Урия, или устья Понта, – 3640 стадиев, 485 и 1/3 мили. От реки Борисфен, называющейся также Данаприс, до святилища Зевса Урия – 5600 стадиев, 746 и 2/3 мили. От Херсона до святилища Зевса Урия – 8900 стадиев, 1186 и 2/3 мили. От селения Портмия, которое лежит на европейской части Понта, у устья Меотийского озера, называемого также Боспор Киммерийский, до святилища Зевса Урия 11100 стадиев, 1480 миль. Говорят, что плавание вдоль Европы столь же протяженно, как плавание вдоль азиатских частей Понтийского <моря>¹⁹.

121. От святилища Зевса Урия до Амиса – 2600 стадиев, 621 и 1/3 мили. От Амиса до реки Фасис – 3802 стадия, 507 миль. От

¹⁸ Здесь и далее Аноним использует средневековое название античного Херсонеса – Херсон, которое встречается также у Иордана (Get. 32 and 37: Chersona) и Прокопия Кесарийского (Bell. Goth. IV 5.27 : Χερσόν).

¹⁹ К последней фразе ср. Ps.-Scylax 92: ἀπὸ δὲ τοῦ στόματος τοῦ Πόντου ἕως τὸ στόμα τῆς Μαιώτιδος λίμνης, παραπλήσιός ἐστιν ὁ πλοῦς, ὃ τε παρὰ τὴν Εὐρώπην καὶ τὴν Ἀσίαν.

реки Фасис до устья Меотийского озера, или селения Ахиллейон, – 4025 стадиев, 536 и 2/3 мили. В сумме (Ὀμοῦ) получается, что от святилища Зевса Урия до устья Меотийского озера – 12487 стадиев, 1665 миль. Таким образом, полное плавание вокруг Понта Эвксинского по правым частям Понта в Азии и по левым частям Понта в Европе от святилища Зевса Урия до того же святилища Зевса Урия – 23587 стадий, 3145 миль. Береговая же линия Меотийского озера равна 9000 стадиям, 1200 милям.

В приведенных фрагментах мы находим те же структурные элементы, которые типичны для «Перипла» Артемидора²⁰: 1) особое внимание к расстояниям между географическими объектами (во всех фрагментах); 2) указание расстояний при прямом плавании или следуя линии побережья с его заливами и мысами (в параграфах 34, 92²¹); 3) стремление давать суммарные подсчеты расстояний между далеко отстоящими друг от друга местами («всего – ὁμοῦ»: в параграфах 69, 79, 85, 92, 120, 121²²).

Возможно также, что упоминание Артемидора в параграфе 92 принадлежит не самому Анониму, а Маркиану²³. О. Диллер, реконструируя потерянные части текста Мениппа, вставляет

²⁰ Ср. характеристику труда Артемидора в «Эпитоме Мениппа» Маркиана (4): «Географ Артемидор Эфесский представил перипл моря по эту сторону Геракловых столпов и измерение (τὴν ἀναμέτρησιν) этого моря с необыкновенной тщательностью в 11 книгах и написал наиболее ясный и точный перипл Нашего моря».

²¹ Ср. Plin. NH VI 207: «Весь же путь вдоль берегов заливов, названных начиная с того же пункта (т. е. Гадитанского пролива) и до Меотийского озера, насчитывает 15509 миль, Артемидор прибавляет еще 756, он же сообщил, что вместе с Меотидой будет 17390 миль».

²² Ср. Plin. NH II 242: «Наша часть Земли... весьма далеко простирается с востока на запад, то есть от Индии до Столпов, посвященных Гераклу в Гадесе: согласно Артемидору, на 8568 миль...»; IV 77: «Окружность же всего Понта, по утверждению Варрона и почти всех древних [писателей], составляет 2150 миль. Корнелий Непот прибавляет 350 миль, а Артемидор дает 2019 миль...»; V 47: «...всю же [ширину] Азии вместе с Египтом до Танаиса Артемидор и Исидор оценивают в 5013 и 3/4 миль». Ср. также Plin. NH VI 36 о длине побережья Каспийского моря; VI 3: «Некоторые (*quidam*) дают измерение Понта от Боспора до Меотийского озера в 1438,5 мили». Д. Детлефсен (Detlefsen (Detlefsen 1909: 113) считает, что под *quidam* следует иметь в виду Артемидора. Аноним приводит здесь близкое число (1480 миль).

²³ Согласно предположению Диллера (Diller 1952: 149, 163).

туда и наш параграф и считает, что «the citations of Artemidorus here... were probably added by Marcian, who had previously produced an epitome of Artemidorus. It is not clear why only these two citations should occur. Artemidorus' distances seem to exceed those in Arr. and Eux. constantly»²⁴. М.И. Ростовцев обнаруживает в этом тексте данные, которые нигде больше не встречаются, и возводит их к некоему периплу III в. до н. э., который был также источником Артемидора (Rostowzew 1931: 64–66).

О. Диллер полагает, что мы можем видеть цитаты из Мениппа, начиная с Амиса, где прерывается повествование Мениппа, во всех фрагментах AnPPE, которые не происходят от Арриана, Пс.-Скимна или Пс.-Скилака (Diller 1952: 102 sqq., 160); в подобной атрибуции есть свои резоны, хотя Диллер и сам допускает, что «criteria of authorship (of Menippos in AnPPE) are not always reliable» (Diller 1952: 160).

Один из аргументов в доказательстве Диллера – это постоянная формула ἀπὸ... εἰς (ἐπὶ)... στάδ, общая для Мениппа и Анонима (Diller 1952: 102, 150). Но точно такая же формула встречается постоянно, как мы видели выше, и у Арриана, и у Артемидора²⁵. Кстати, не случайно Артемидор и Менипп были оба скомпилированы Маркианом²⁶; Агафемер, в своем географическом трактате также называет оба эти имена как его главные авторитеты (см. Agathem. V 20). Даже в «Перипле» Мениппа комментаторы видят Артемидора в некоторых фразах, где упоминаются «некоторые» (τινές) авторы²⁷. В результате мы оказываемся не в состоянии различить со всей определенностью, имеем мы дело с текстом Артемидора или Мениппа²⁸.

²⁴ Diller 1952: 163. Мы выше видели, однако, что число стадиев между Херсоном и рекой Тирас, приведенное Страбоном из Артемидора, почти равно, если не меньше, числу в AnPPE, где цитировался Артемидор.

²⁵ Для Артемидора ср. Strabo VII frg. 57: ἀπὸ δὲ Ἐβρου καὶ Κυψέλων εἰς Βυζάντιον μέχρι Κυανέων τρισχίλιοι ἑκατόν, ὡς φησὶν Ἀρτεμίδωρος; см. так же в AnPPE 13.2: ἀπὸ τοῦ Λυλαίου εἰς Ἐλαιον ἐξήκοντα.

²⁶ См. также Маркиана в его «Эпитоме Мениппа» (III 1–5) об обоих географах и о Страбоне: Ἀρτεμίδωρος ὁ Ἐφέσιος γεωγράφος καὶ Στράβων, γεωγραφίαν ὁμοῦ καὶ περίπλου συνθετικότες, Μένιππος τε ὁ Περγαμηνὸς διάπλους γράψας, ἀκριβέστεροι δοκοῦσι πάντων τῶν προειρημένων τυγχάνειν.

²⁷ Diller 1952: 158–159. Ср. также p. 160–161 о некоторых схожих данных Артемидора в тексте AnPPE, приписываемых Диллером Мениппу.

²⁸ Ср. Rostowzew 1931: 65: «Da die Schilderung des Anonymus auch mit den späteren Periplen des Plinius, des Arrian und des Ptolemäus nicht

Вторым аргументом О. Диллера в пользу Мениппа как источника Анонима служит будто бы тот факт, что его описание Черного моря начинается от Фракийского Боспора и движется против часовой стрелки, как у Анонима. Но ведь и перипл Артемидора имеет ту же отправную точку и такое же направление движения²⁹.

О. Диллер отмечает также, что отнесение к Мениппу девяти суммарных подсчетов расстояний в конце AnPPE, которые мы атрибуировали Артемидору, «is problematical» (Diller 1952: 105), поскольку Менипп использует в этих случаях формулу οἱ πάντες ἀπὸ... εἰς... εἰςὶ σταδ..., в то время как Аноним употребляет здесь формулу ὁμοῦ ἀπὸ ... ἕως ... σταδ. Я рассматриваю это обстоятельство как противоречащее теории Диллера; более того, слово ὁμοῦ было использовано в параграфе 92, где Артемидор прямо упомянут как источник Анонима.

Следовательно, мы можем предположить, что наш Аноним мог использовать наряду с Аррианом, Мениппом, Пс.-Скимном и Пс.-Скилаком также и «Перипл» Артемидора.

В любом случае мы можем констатировать, что компиляция Анонима была не механической комбинацией различных текстов, но творческой работой с разными источниками с целью создания цельного, последовательного, единообразного и детального описания берегов Черного моря.

Литература

- Агбунов 1979 – Агбунов М. В. Заметки по античной географии Нижнего Поднепровья // ВДИ. 1979. 2. С. 118–138.
 Агбунов 1987 – Агбунов М. В. Античная лоция Черного моря. М., 1987.
 Агбунов 1992 – Агбунов М. В. Античная география Северного Причерноморья. М., 1992.
 Зубарев 2005 – Зубарев В. Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005.

überein stimmt, d. h. nicht all das Neue bietet, was für die Periplen dieser Verfasser charakteristisch ist, so scheint es am wahrscheinlichsten, dass die Quelle des Anonymus (in paragraph 92. – A. P.) nicht nur älter ist als diese Verfasser, sondern auch älter als die Quelle des Strabo-Artemidorus, also auf keinen Fall der Periplus des Menippus sein kann, welcher Strabos Zeitgenosse war».

²⁹ Интересно, что Страбон, который часто ссылается на Артемидора, ни разу не упомянул своего современника Мениппа (его «Перипл» был написан до 25 г. до н. э.).

- Ростовцев 1925 – Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Пгр., 1925.
- Скржинская 1980 – Скржинская М. В. «Перипл Понта Эвксинского» анонимного автора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 115–125.
- Daebritz 1905 – Daebritz R. De Artemidoro Strabonis auctore capita tria. Lipsiae, 1905.
- Detlefsen 1909 – Detlefsen D. Die Anordnung der geographischen Bücher des Plinius und ihre Quellen. Berlin, 1909.
- Diller 1952 – Diller A. The Tradition of the Minor Greek Geographers. Lancaster, 1952.
- Gisinger 1931 – Gisinger F. Menippos // RE. 29. Hlb., Col. 862–888.
- Müller 1870 – Mullerus C. Fragmenta historicorum Graecorum. Vol. V, pars prior. Parisiis, 1870.
- Müller 1882 – Mullerus C. Geographi Graeci minores. Vol. 1. Parisiis, 1882.
- Neumann 1884 – Neumann K. J. Strabons Landeskunde von Kaukasien. Eine Quellenuntersuchung // Jahrbücher für classische Philologie. Supplementband XIII. 1884. S. 321–354.
- Rostowzew 1931 – Rostowzew M. Skythien and Bosphorus. Bd. I. Berlin, 1931.
- Sallmann 1971 – Sallmann K. G. Die Geographie des älteren Plinius in ihrem Verhältnis zu Varro. Versuch einer Quellenanalyse. Berlin; New York, 1971.
- Schilbach 1970 – Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970.
- Silberman 1995 – Silberman A. Arrien, Périples du Pont-Euxin. Paris, 1995.

**A. V. Podossinov. To the problem of sources of Ps.-Arrian's
*Periplus Ponti Euxini***

The aim of the paper is to investigate what Anonymus has added to his known sources (Arrian, Menippos, Ps.-Scymnos and Ps.-Scylax) in *Periplus Ponti Euxini* – the great compilation from the 6th century AD; to determine whether these were his own additions or if he used other sources, unknown to us; and to examine how he worked with his sources. The comparison of the text from paragraph 92 with other preserved texts by Artemidoros leads one to the conclusion that one of the sources for Anonymus in indicating the distances could be Artemidoros.

Keywords: Ps.-Arrian's *Periplus Ponti Euxini*, Arrian, Menippos, Ps.-Scymnos, Ps.-Scylax.

Могут ли старовавилонские тексты «Осада Уршу» и «Письмо Лабарны Тунип-Тешубу» считаться переходным этапом между клинописной системой Алалаха VII и хеттской письменной традицией?*

В статье проводится анализ орфографии взрывных согласных клинописной системы письма текстов из Алалаха (археологический слой VII), древнехеттских текстов и двух старовавилонских композиций «Осада города Уршу» и «Письмо Лабарны (Хаттусили I) Тунип-Тешубу, царю Тигуланума», которые иногда считаются переходным этапом между письменной традицией Алалаха VII и хеттской традицией. Анализ подтверждает, что «Осада Уршу» и «Письмо Лабарны» являются продуктом северно-сирийской писцовой школы, однако не выявляет инновативных орфографических черт, еще отсутствующих в Алалахе VII, но появляющиеся в древнехеттской системе письма. Таким образом, гипотеза о том, что эти тексты являются мостом между двумя клинописными традициями, не подтверждается.

Ключевые слова: Орфография, развитие клинописи, аккадский язык, хеттский язык, взрывные согласные, Алалах VII.

1.1. На сегодняшний день есть две основные теории заимствования письма хеттами. По первой теории заимствование происходит во время кампаний Хаттусили I в Северную Сирию в середине XVII в. до н. э. (van den Hout 2012). По второй теории речь идет о несколько более раннем заимствовании северно-сирийской писцовой традиции в начале 2-го тыс. до н. э., т. е. в период староассирийских колоний в Каппадокии (Archi 2015). Сторонники первой теории (van den Hout 2012, Kloekhorst 2010) предполагают источником заимствования северно-сирийский город Алалах (современный Тель-Атчана), седьмой археологический слой которого был разрушен Хаттусили I во время его первой кампании. В соответствии с этой гипотезой, алалахские писцы были приведены в Хаттусу, где они писали тексты на аккадском языке и обучили клинописному письму первое

---

* Выражаю искреннюю благодарность А. С. Касьяну за помощь в подготовке статьи. Ответственность за все возможные ошибки несу только я.

поколение хеттских писцов. А уже хеттские писцы адаптировали слоговую систему письма под свой язык.

Очевидным уязвимым местом данной гипотезы является то, что на территории Анатолии так до сих пор и не найдено документов, показывающих таковую предполагаемую адаптацию. Административная письменная практика на хеттском языке начинается с XV в. до н. э. Т. ван ден Хаут (van den Hout 2012) считает, что есть два текста, написанных на аккадском языке, которые могут считаться переходным этапом между традицией Алалаха VII и хеттской традицией. Речь идет о текстах «Осада города Уршу» и «Письмо Лабарны (Хаттусили I) Тунип-Тешубу, царю Тигунанума». Рассказ об осаде Уршу (СТН 7, КВо 1.11) (Beckman 1995: 23–34) – это текст, найденный в Хаттусе, но написанный на аккадском (старовавилонском) языке сирийской клинописью и содержащий несколько хеттских выражений. Письмо Лабарны (Хаттусили I) Тунип-Тешубу, царю Тигунанума (Salvini 1994: 62–80), – это текст, найденный в районе Бисмиля в верхней долине Тигра, но написанный по заказу хеттского царя на аккадском (старовавилонском) языке. Т. ван ден Хаут проводит палеографическое сравнение этих текстов с текстами из Алалаха VII и находит ряд сходств.

1.2. Другая теория предполагает, что клинопись уже была на территории Анатолии в момент кампаний Хаттусили I (Hecker 1996, Klinger 2003, Archi 2015). Этой теории придерживается Й. Клиндер, предполагающий, что в Хаттусе сосуществовали две писцовые школы: одна для написания аккадоязычных текстов, другая для написания хеттских текстов (Klinger 1998, 2003). По мнению Й. Клингера (Klinger 2003), должно было пройти какое-то время между заимствованием письма и появлением документов на хеттском языке. Таким образом, если на хеттском языке писали уже во времена Хаттусили I, то введение письма стоит относить к более раннему периоду. В соответствии с исследованием материала письма – глиняной таблички, на которой записан рассказ об осаде Уршу, – посредством рентгенофлуоресцентной спектроскопии (анализ XRF) Клиндер и его коллеги (Goren et al. 2011: 694) пришли к выводу, что по крайней мере текст «Осада Уршу» происходит из Северной Сирии, а не из собственно хеттского ареала. Это согласуется с тем, что в нем использовались старовавилонские знаки и северно-сирийский дуктус. Соответственно, эти два текста могут быть просто написаны сирийскими писцами и не иметь

прямого отношения к хеттской традиции, то есть они могут и не быть переходным этапом в развитии хеттской системы письма от алалахской.

1.3. Эти два текста были написаны во время Хаттсусили I (середина XVII в. до н. э.), то есть они практически следуют за Алалахом VII (который датируется серединой XVIII – серединой XVII в. до н. э.). Если они являются продуктом деятельности хеттских писцов, то мы, вероятно, можем ожидать начало адаптации и эволюции письменной традиции Алалаха VII по направлению к хеттской.

В данной статье на анализе орфографии взрывных согласных (знаков типа CV, использующиеся для их передачи) я рассматриваю, похожа ли система письма этих двух текстов на систему письма Алалаха VII, а также сравниваю зафиксированные знаки со знаками, используемыми в древнехеттской системе, чтобы понять, можно ли считать эти тексты мостом между Алалахом VII и хеттской традицией.

2.1. В клинописной системе письма Алалаха VII мы имеем следующий набор знаков для взрывных согласных:

Таблица 1. Набор знаков для взрывных согласных в Алалахе VII¹

Вокализация	Лабialsные	Дентальные	Велярные
-a	PA = pa, bá BA = ba, pá	DA=da, ta, tá TA = ta, tá, dá HI= tã	KA = ka, qà, ga ₁₄ QA = qa, ka ₄ GA = ga, qá, kà
-i/e	BE = be BI = bi, bé, pí, pé NE = bí	DI = di, de, ti, ti ₄ TI =ti, tì, dì TE = te, te ₄	KI = ki, ke, qí, qé GI = gi, kí, ké, qì, qè
-u	PU = pu, bu.	TU = tu, tú, dú DU = du, tù, t̃ù TUM = tu ₄ , tu ₄	KU = ku, qú, gu ₅ GU = gu

При рассмотрении материала следует помнить, что в таком языке, как аккадский, невозможны консонантные кластеры ни в начале, ни в конце слова. Слог получается минимальной произносимой единицей и минимальной единицей фиксируемой на письме. Согласный воспринимается как единое целое со

¹ Название знака (например, PA) и его засвидетельствованные фонетические значения (pa, bá).

следующим за ним гласным, поэтому установление соответствия между знаком и определенным фонетическим значением происходит в зависимости от вокализма. При этом, если в слоговой системе письма знаки РА и ВА фиксируются соответственно за значениями /pa/ и /ba/ (т.е. губной + a), это не гарантирует фиксацию знаков РІ и ВІ за соответствующими фонетическими значениями /pi/ и /bi/ (т.е. губной + i). Во втором случае знак ВІ передает как /pi/, так и /bi/.

2.2. Статистическое исследование материала² всего корпуса текстов из архива Алалах VII (293 текста) позволило сделать следующий вывод относительно степени развития клинописи в Алалахе. Письменная традиция Алалаха VII изначально была близка к староаккадской или староассирийской, где в случае со взрывными употреблялся только один знак для каждого места артикуляции с той или иной огласовкой. Но под влиянием старовавилонской писцовой школы³ в письменной традиции Алалаха VII появляется большее количество новых пар «знак: значение» и общая тенденция к взаимооднозначному распределению знаков по значениям. Эта тенденция не была окончательно развита к моменту разрушения города в середине XVII в. до н. э. То есть, писцы писцовой школы Алалаха ввели новые знаки и значения для создания оппозиций, но не успели лишить многозначности старые знаки. Этот вывод соответствует также и палеографическим данным (Wilhelm 2010).

Более конкретно исследование показало следующую степень фиксации по парам «знак: значение»:

1. Пары BE & /be/, TI & /ti/ являются единственными случаями, где знак и последовательность фонем связаны двусторонней

---

² Исследование проводилось по двум критериям. По критерию хи-квадрат (проверка гипотезы о случайном распределении знаков по значениям и значений по знакам) и по вероятности распределения. Было установлено три степени достоверности гипотезы, что знак закреплен за значением или значение закреплено за знаком. Соответственно, если знак употребляется в 95–100% появления того или иного фонетического значения – это принимается как высокая степень достоверности и возможность говорить о фиксации значения за знаком. В случае 75–95% степень достоверности недостаточна высокая. А при случаях ниже 75% достоверность низкая.

³ Скорее всего, школы Мари, которая непосредственно предшествует периоду Алалах VII. С государством Мари у государства Ямхад, в состав которого входил Алалах, были тесные дипломатические отношения в XVIII в. до н. э.

связью. То есть, знак ВЕ употребляется более чем в 95% всех появлений /be/, а /be/ является выраженным фонетическим значением более чем в 95% всех случаев употребления знака ВЕ. То же самое в случае с парой ТИ & /ti/.

2. В случае пар РА & /pa/, КА & /ka/, QA & /qa/, GU & /gu/ можно считать, что соответствующие последовательности фонем являются главными значениями для этих знаков, то есть здесь, скорее всего, мы имеем дело с новопоявившимися знаками, которые забирают на себя соответствующие значения, чтобы отображать фонематическую оппозицию.
3. В случаях с парами /ba/ & БА, /ta/ & ТА, /di/ & ДИ, /te/ & ТЕ, /ga/ & ГА, /ki/ & КИ, /gi/ & ГИ, /ku/ & КУ можно считать, что эти знаки являются основным способом выражения соответствующих последовательностей фонем (иногда двух разных последовательностей фонем в случае с эмфатическими согласными).
4. Кроме этих пар в документах Алалаха VII нет четкой корреляции между фонологией и орфографией взрывных согласных.
5. У некоторых знаков появляются новые значения, связанные с падением мимации в рассматриваемый период в этом ареале: значения *tu₄* и *tū₄* для знака ТУМ.
6. Только в случае вокализации на *a* появляются отдельные знаки для дентального и велярного эмфатических согласных. Для дентального имеется в виду употребление знака ЦИ в значении *tā*.
7. Распределение знаков для звонких лабиальных взрывных (ВЕ, ВИ) и дентальных глухих и эмфатических (ТЕ, ТИ) с вокализацией на гласные переднего ряда *e/i* показывает, что /e/ и /i/ воспринимались в аккадском Алалаха VII как разные фонемы и что по крайней мере частично это отображалось на письме.
8. Знак РИ в текстах Алалаха VII не используется со значением *ri* (это значение охватывается знаком ВИ). Этот знак используется для значений лабиальный глайд + любой гласный: *wa*, *we*, *wi*, *wi*.

2.3. Теперь посмотрим, похожа ли на систему Алалаха VII система передачи взрывных в текстах «Осада Уршу» и «Письмо Лабарны», которые иногда считаются переходными от алахской к старохеттской орфографии.

Таблица 2. Сравнительная таблица знаков для взрывных согласных⁴

	Алалах VII	«Осада Уршу» и «Письмо Лабарны»
л. + а	BA = ba (×84), pá (×12) PA = pa (×34), ((bá)) (×1)	BA = ba (×16) PA = pa (×12)
л. + е/и	BI = bi (×50), pí (×55), pé (×2) BE = be (×12) (NE = bí)	BI = bi (×14), pí (×3), pé (×1) BE = be (×2) (NE = bí)
л. + u	PU = bu (×54), pu (×36)	PU = bu (×10), pu (×16)
д. + а	DA = da (×14), tá (×11), tá (×4) TA = ta (×78), tá (×3), dá (×6) ḪI = tà (×3)	DA = da (×3) TA = ta (×45), dá (×1) ḪI = tà (×2)
д. + е/и	DI = di (×106), de (×3), tí (×5), (ti ₄) (×2) TI = ti (×122), ñ (×2), (dì) (×4) TE = te (×41), te ₄ (×5)	DI = di (×8), tí (×4) TI = ti (×20) TE = te (×17), te ₄ (×5)
д. + u	TU = tu (×41), tú (×11), dú (×2) DU = du (×33), tù (×4), ù (×2) TUM = tu ₄ (×4), tu ₄ (×1)	TU = tu (×14), dú (×1) DU = du (×7) TUM = tu ₄ (×1) UD = tú (×1)
в. + а	KA = ka (×59), ((qà)) (×1), ((ga ₁₄)) (×1) QA = qa (×70), ((ka ₄)) (×1) GA = ga (×35), qá (×3), kà (×6)	KA = ka (×9) QA = qa (×8), ka ₄ (×1) GA = (не зафиксирован)
в. + е/и	KI = ki (×114), qí (×35) GI = gi (×5), kí (×9)	KI = ki (×10), qí (×7) GI = qè (×2)
в. + u	KU = ku (×80), qú (×16), (gu ₅) (×1) GU = gu (×9)	KU = ku (×18), qú (×2), (gu ₅) (×1) GU = (не зафиксирован)

Лабиальные:

1. Небольшой материал, но нет значений *bá* для знака PA, ни *pá* для BA.
2. Интересно отметить форму 1 sg.stat. *ba-aš-ba-ku* (Uršu: 27) от глагола *wašābūt* 'оставаться', где знак BA используется для передачи /wa/. Такого явления нет ни в Алалахе, ни в Мари. Это похоже на староассирийскую традицию (Hecker 1968: §26e).

⁴ Знак и/или фонетическое значение, взятые в скобки ( ), отмечены редко; взятые в двойные скобки (( )) – крайне редко; сокращения: л. – лабиальный; д. – дентальный; в. – велярный.

3. BE встречается только в формах слова *bēlum: be-el* (Uršu: 40'), *be-lí* (Uršu:30).
4. NI=*bí* в форме 2sg.imper. глагола *qabûm* 'говорить' в формуле адресата: *qí-bí-ma* (T: 2). Причем интересно сравнить это употребление с формой *qabûm* 2sg.imper. вне формулы: *qí-bi-šû* (Uršu: 31'), потому что мы видим, что в первом случае речь идет об орфограмме.
5. Во всех остальных случаях значения *bí, pí, pé* покрываются знаком VI.
6. Знак PI, для которого в старовавилонском (и в частности, в Алалахе VII) характерно значение лабиальный глайд + *a/e/i/u*, встречается в двух текстах со значением *wa*, а также в хеттской глагольной форме *še-hu-wi-en* 'мы делаем нечто' (Uršu: 15) (CHD Š: 345; Kassian 2002: 121) со значением *we*, то есть как в Алалахе VII.
7. Для пары *pu / bu* используется один и тот же знак.

Дентальные:

1. Значение /*da*/ передается через *da* (×3) и через *dá*(×1) (3 sg.pres. от *dabābum* 'говорить': *i-dá-bu-ub* (T:32)). Значение /*ta*/ передается только через *ta*.
2. Эмфатический /*ta*/ отображается только через знак NI=*ta* (×2). Эта орфографическая инновация, появляющаяся в старовавилонском корпусе и засвидетельствованная в староассирийском (MZL #631), отмечена и в Алалахе VII, хотя в Алалахе VII представляет из себя менее развитую систему, где для /*ta*/ могут использоваться на старый манер и знаки TA, DA.
3. Знак DI используется для звонкого дентального и для эмфатического (×4) с огласовкой на гласный переднего ряда. TI для глухого дентального с огласовкой на *-i*. Для огласовки на *-e* так же, как и в Алалахе используется знак TE. Для эмфатического в Алалахе VII нет распределения (он отображается и через DI=*ti* и через TI=*ti*).
4. Значение /*du*/ передается *du* и один раз через *dú* (*id-dú-tam* (Uršu: 31) 'плата'). То есть и в Алалахе VII и в этих текстах мы встречаем использование знака *dú* (это значение отсутствует в старовавилонском силлабарии Мари).
5. Значение /*tu*/ передается в основном через *tu*, один раз через *tú* (=UD) и один раз через *tu₄* (TUM). Как и в Алалахе, появляется значение *tu₄*, связанное с потерей мимации. Это

явление отсутствует в Мари, это северно-сирийская инновация, связанная с потерей мимации.

6. Нет примера на эмфатический /ʕu/.

Велярные:

1. Значение /ga/ в текстах не зафиксировано, /ka/ отображается через KA и один раз через QA, то есть значение *ka*₄ (*ut-ta-ka₄-ar* (Uršu: 23) форма Dt-stem 3sg.pret. от *nakārum* ‘быть/становиться другим, яростным’). Значение /qa/ передается через QA.
2. Значение /gi/ в текстах не зафиксировано. Однако знак GI появляется для велярного эмфатического согласного с огласовкой на *e* (значение *qè*) в глагола *leqûm* ‘брать’ в форме 2sg. pres.: *ta-la-qè* (T:11), *ta-la-qè-ma* (T:12). Для Алалаха VII такое значение не зафиксировано, там /qe/ передается только через знак KI. В этих двух текстах KI передает значения *ki*, *qí*, *qé*.
3. Знак GU не зафиксирован в двух аккадских текстах. В Алалахе VII мы встречаем одно употребление KU в значении *gu*₅ (*ragāmu(m)* ‘подавать иск’: pres. 3 sg. *i-ra-ag-gu₅-mi* (20.06:17)). Это значение можно предположить в топониме *Tigunanim*⁵ в тексте Хаттусилиса I (^{URU}*ti₄-gu₅-na-an* (T:6)). Для значений /ku/ и /qu/ используется знак KU.

То есть мы видим в этих двух текстах систему, похожую на Алалах VII с двумя исключениями: использование знака GI в значении *qè* и возможность использования знака VA для передачи значения /wa/. Если второй феномен встречается в староассирийской системе письма, то знак GI для эмфатического нет (Necker 1968: §39a). Кроме этих двух моментов, имеющийся материал не показывает принципиальных отличий от системы письма Алалаха VII.

2.4. Проведем далее сравнение со знаками, используемыми для хеттского языка. Для начала надо отметить, что в хеттском языке противопоставляются не глухие/звонкие взрывные, а сильные/слабые (Касьян & Сидельцев 2013: 34–36; Kloekhorst 2010: 23). Эта оппозиция выражается в интервокальной позиции удвоением.

⁵ Ср. RGTC 3: 236. В текстах из Мари орфография *ti-gu-na-nim*^{ki}.

Таблица 3. Сравнительная таблица знаков для взрывных согласных⁶

	Алалах VII	«Осада Уршу» и «Письмо Лабарны»	Др.-хетт.
л. + а	BA = ba, pá PA = pa, ((bá))	BA = ba PA = pa	((BA)) (в нехетт.) PA = л. + а
л. + e/i	BI = bi, pí, pé BE = be (NE = bî)	BI = bi, pí, pé BE = be (bēlum) (NE = bî)	BI = л. + i/e BE = pát, pít (NE = bî)
л. + u	PU = bu, pu	PU = bu, pu	PU = л. + u
ð. + а	DA = da, ʔa, tá TA = ta, ʔá, dá ḪI = ʔà	DA = da TA = ta, dá ḪI = ʔà	DA, TA = ð. + а ḪI = ʔi
ð. + e/i	DI = di, de, ti, (ti₄) TI = ti, ʔi, (di) TE = te, te₄	DI = di, ʔi TI = ti TE = te, te₄	TI = ð. + i TE = ð. + e (DI) ⁷ = ð. + i/e
ð. + u	TU = tu, tú, dú DU = du, tù, ʔù TUM = tu₄, tu₄	TU = tu, dú DU = du TUM = tu₄	TU, (DU) ⁸ , TUM = ð. + u
в. + а	KA = ka, ((qà)), ((ga₁₄)) QA = qa, ((ka₄)) GA = ga, qá, kà	KA = ka QA = qa, ka₄ GA = ga, qá, kà	KA, GA = в. + а QA
в. + e/i	KI = kl, qí GI = gl, kí	KI = kl, qí GI = qè	KI, GI = в. + e/i
в. + u	KU = ku, qú, (gu₅) GU = gu	KU = ku, qú GU = (не зафикс.)	KU, ((GU)) = в. + u

Отличия в наборе знаков:

1. Хеттский знак BA (HZL #203) с фонетическим значением *лабиальный + а*, хотя и встречается уже начиная с древнехеттского периода, используется крайне редко и преимущественно в иноязычных заимствованиях: например, *labarna-* ‘господин’ (OS+) и так далее. Остается неясным,

⁶ Знак и/или фонетическое значение, взятые в скобки ( ), отмечены редко; взятые в двойные скобки (( )) – крайне редко; ~~зачеркнутые~~ знаки не встречаются; полужирным выделены наиболее существенные различия; сокращения: л. – лабиальный; ð. – дентальный; в. – велярный.

⁷ Не в начальной позиции.

⁸ Не в начальной позиции.

выражал ли знак ВА особый лабиальный консонант, отсутствующий в стандартной хеттской фонологической системе, или ВА служил графическим маркером заимствованных слов. В Алалахе и в композициях «Осада Уршу» и «Письмо Лабарны» знак ВА частотен.

2. Хеттский знак ВЕ (HZL #13) хорошо засвидетельствован с фонетическими значениями *pát* и *pít*, начиная с древнехеттского периода, тогда как значения *belpèlpi* (лабиальный + *e*) исключительно редки, если вообще встречаются (ср. StBoT 25: 48). То есть, несмотря на то, что в хеттском скорее всего была дифференциация между гласными *e* и *i*, хетты не перенимают знак ВЕ для отображения *ee* на письме в случае со взрывными лабиальными. Надо отметить, что в Алалахе VII значение *pát* для знака ВЕ также встречается, но только в именах собственных хурритского происхождения; в «Осаде Уршу» и «Письме Лабарны» такое значение *CVC* не фиксируется.
3. Хеттский знак QA (HZL #21) с фонетическим значением *велярный + a*, похоже, отсутствует в корпусе древнехеттских текстов, являясь скорее характеристикой новохеттских текстов. Надо однако отметить, что знак QA довольно широко используется в аккадограммах и шумерограммах уже в древнехеттский период. В системе письма Алалаха VII и в «Осаде Уршу» и «Письме Лабарны» этот знак появляется в основном для передачи велярного эмфатического согласного с огласовкой на *a*. Учитывая, что в хеттском языке нет фонемы /q/, этот знак мог не использоваться в хеттской системе письма в фонетическом значении. Тем не менее, в Алалахе VII и в рассказе об осаде Уршу знак QA используется не только для эмфатического взрывного, но также для значения *ka*. Для хеттского языка это поздний знак.
4. Хеттский знак HI (HZL #335), видимо, вообще не засвидетельствован с фонетическим значением *дентальный + a* ни для хеттского, ни для аккадского языков в древнехеттских документах. В системе письма Алалаха VII этот знак появляется под влиянием писцовой традиции Мари для передачи дентального эмфатического согласного с огласовкой на *a*. В композициях «Осада Уршу» и «Письмо Лабарны» это единственный способ передачи дентального эмфатического согласного с огласовкой на *a*. Здесь та же ситуация, что и со

- знаком QA, в хеттском языке не было фонемы /t/, но даже для аккадского языка Богазкёя нет значения /ta/.
5. Знаки DI и DU в хеттском позиционно ограничены (не употребляются в начальной позиции). В Алалахе и в композициях «Осада Уршу» и «Письмо Лабарны» позиционных ограничений нет.
  6. Знак GU (HZL #304) с фонетическим значением *велярный + и* очень редок в хеттском, но по крайней мере один раз засвидетельствован в древнехеттском (*pa-an-gu-uš* 'собрание' КВо 16.71+ П 9').
  7. В хеттских документах знак PI (HZL #317) употребляется только для *w* с вокализацией на *a*. Начиная с древнехеттского периода в хеттскую клинопись вводятся лигатуры из знака PI=*wa* с подписными знаками для гласных огласовки (*wa_a*, *wa_e*, *wa_i*, *wa_u*, *wa_u*) (HZL #318–326) для передачи хаттского и палайского (и начиная со среднехеттского периода для хурритского) языков (Касьян & Сидельцев 2013: 31). В хеттском пассаже рассказа об осаде Уршу знак PI используется в значении *we*. Это северно-сирийская черта в хеттском слове в аккадском тексте, что отличает его от хеттской традиции.

3.1. Это сравнение позволят сделать следующий вывод. Два рассмотренных старовавилонских текста – композиции «Осада города Уршу» и «Письмо Лабарны Тунип-Тешубу, царю Тигунанума» – продукт северно-сирийской писцовой школы. Т. ван ден Хаут доказывает это палеографически (van den Hout). Й. Горен, Х. Моммсен и Й. Клиндер доказывают это по физическим характеристикам глины посредством рентгенофлуоресцентной спектроскопии (анализ XRF). Мое исследование подтверждает этот тезис орфографически. При этом, по крайней мере касательно взрывных согласных, детальный анализ не дает подтверждений гипотезе ван ден Хаута о том, что тексты «Осада Уршу» и «Письмо Лабарны» являются переходным этапом между клинописной традицией Алалаха VII и хеттской традицией, потому что в данных текстах не обнаруживаются орфографические черты, еще отсутствующие в Алалахе VII, но появляющиеся в древнехеттской системе письма.

Литература

CAD = The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago, 1964–2010.

- CHD = The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago, 1980–.
- HZL = Rüster, Chr. & Neu E. Hethitisches Zeichenlexikon (= StBoT. Beiheft 2). Wiesbaden, 1989.
- MZL = Borger R. Mezopotamisches Zeichenlexikon (= AOAT 305). Münster, 2010.
- RGTC = Groneberg B. Répertoire géographique des textes cunéiformes. Band 3. Die Orts- und Gewässernamen der altbabylonischen Zeit. Wiesbaden, 1980.
- Касьян & Сидельцев 2013 – Касьян А. С., Сидельцев. А. В. Хеттский язык. Языки Мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. М.: Academia, 2013 26–75.
- Archi 2015 – Archi A. How the Anitta text reached Hattusa. StBoT. Vol. 58. P. 1–15.
- Beckman 1995 – Beckman G. 1995 The Siege of Uršu Text (CTH 7) and Old Hittite Historiography // JCS. 1995. Vol. 47. P. 23–34.
- Goren et al. 2011 – Goren Y., Mommsen H., Klinger J. Non-destructive provenance study of cuneiform tablets using portable X-ray fluorescence (pXRF) // JAS. 2011. Vol. 38. P. 684–696.
- Hecker 1968 – Hecker K. Grammatik der Kültepe-Texte // *Analecta Orientalia*. 1968. Vol. 44. Roma.
- Hecker 1996 – Hecker K. Zur Herkunft der hethitischen Keilschrift // SCCNH 8. Winona Lake, 1996. S. 291–303.
- Kassian 2002 – Kassian A. S. Glossary of Verbal Forms and Derivatives (from Published Old Hittite Texts) // *Anatolian Languages* / Ed. V. Shevroshkin and P. Sidwell. Canberra, 2002 (= AHL Studies in the Science and History of Language, 6). P. 72–136.
- Klinger 1998 – Klinger J. Wer lehrte die Hethitern das Schreiben? // S. Alp and A. Süel (eds.). III. Uluslararası Hititoloji Kongresi Bildirileri. Acts of the IIIrd International Congress of Hittitology. Ankara, 1998. S. 365–375.
- Klinger 2003 – Klinger J. Zur Paläographie akkadischsprachiger Texte aus Hattuša. Fs. Hoffner. 2003. S. 237–248.
- Kloekhorst 2010 – Kloekhorst A. Initial Stops in Hittite (with an excurs on the spelling of stops in Alalah Akkadian) // ZA. 2010. Bd. 100. P. 197–241.
- Salvini 1994 – Salvini M. Una lettera di Hattušili I relativa alla spedizione contro Hahhum // *Studi miceni ed egeo-anatolici*. 1994. Vol. 34 . P. 61–80.
- van den Hout 2012 – van den Hout Th. The Ductus of the Alalah VII Texts / (ed.) E. Devecchi. Palaeography and scribal practices in Syro-Palestine and Anatolia in the Late Bronze Age. Leiden, 2012. P. 147–170
- Wilhelm 2010 – Wilhelm, G. Remarks on the Hittite Cuneiform Script, (ed.) I. Singer, Luwian and Hittite Studies Presented to David Hawkins on the Occasion of His 70th Birthday. Tel Aviv, 2010. P. 256–262.

O. V. Popova. Are the Old Babylonian texts “The Siege of Uršu” and “A Letter of Labarna (Hattusili I) to Tunip-Teššub, ruler of Tigunatum” a transitional stage between the cuneiform tradition of Alalakh VII and the Hittite tradition

The article deals with the orthographic system of the stops in the cuneiform texts from Alalakh (modern Tel Açana, shift VII), Old Hittite texts and two Old Babylonian texts “The Siege of Uršu” and “A Letter of Labarna (Hattusili I) to Tunip-Teššub, ruler of Tigunatum”. “The Siege of Uršu” and “A Letter of Labarna” are sometimes considered to be a transitional stage between the cuneiform tradition of Alalakh VII and the Hittite tradition that should prove the hypothesis that Hittite cuneiform was borrowed from Alalakh VII in the middle of the XVII century B.C. In my research the emphasis is made on the analysis of the values of CV signs used for combinations "stop+vowel". The analysis confirms that “The Siege of Uršu” and “A Letter of Labarna” are a product of a North Syrian scribal school, but does not reveal any innovative spelling features that are still absent in Alalakh VII being attested in the OH writing system. Thus, the hypothesis that these texts form a bridge between two cuneiform traditions does not find confirmation.

Key-words: Orthography, Cuneiform writing, Akkadian, Hittite, Alalakh VII.

Καλαμαντία (*Ptol.* II,11,15)

В статье предпринята попытка провести этимологический анализ географического названия Καλαμαντία, известного только по «Географии» Птолемея в увязке с современными топонимами восточно-альпийского региона. На основании предложенной этимологии (производное от *kolH-mo- ‘поднимать’ *vel sim.*) в работе, с учетом данных исторической фонетики и морфологии и дистрибуции географических названий, показано, что топоним не может быть ни кельтским, ни паннонским. Автор предлагает рассматривать его в качестве «древне-европейского», насколько этот термин употребим для рассмотрения подобных случаев.

Ключевые слова: Kalamantia, этимология, индоевропеистика, ономастика.

Ptolemy's seems to be the only example of the place-name *Kalamantia* having been recorded in ancient sources. There it stands as Κελαμαντία (occupied in the Roman period by a *castellum*, now identified with Iža – Laényvár in modern Slovakia¹), which given the *variae lectiones* Κελεμαντία (*Ven. Marc. Gr.* 516, *Vatic. Graec.* 178) and Καλαμαντία (*Vatic. Graec.* 191)² is usually assumed to be the compromise and hence probably the original form, from which both alternatives could have been produced by simple (scribal?) assimilation. There are, however, numerous survivors of this ancient place-name into modern toponymy³, which decidedly point in the

---

The manuscript has been prepared with the input system ZRCola (<http://ZRCola.zrc-sazu.si>) developed by Dr Peter Weiss, a fellow of the scientific research centre at the Slovene Academy of Science and Art (<http://www.zrc-sazu.si>).

¹ See A. Mócsy in *RE Suppl.* XI (1968, c. 368), Soproni 1985: 76–77, and numerous archaeological publications by K. Kuzmová and J. Rajtár.

² See Müller 1883: 373, Isaac 2004, *Germania Magna*, s.v. In favour of Καλαμαντία in *Vatic. Graec.* 191 as the original form Rasch 2005: 202 and most recently Falileyev 2014: 113.

³ Most notably *Kellmünz* < Old Bavarian *K̅hal(a)muntsa (cf. *Chalemunza*) < *Kalamontja (*Itin. Ant.* 250: *Celio monte*, i.e. as if to *mōns, montis*) with superficial Latinisation/Romanisation of the original *Kalamantja (see Wiesinger 1990: 287, Holzer 2008: 32, Greule 2010: 10).

direction of **Kalamantiā̄*⁴. What is immediately apparent is that this particular place-name enjoyed considerable productivity and that the areal of its geographical distribution is unusually compact, stretching in a wide arch from modern Bavaria to the Danube Bend and thus essentially following the Danube to the junction of Eastern Alps and Pannonia (for possible survivors in the South-Eastern Alpine region, notably modern Carinthia, see esp. Kranzmyer 1956–1958 s.vv. *et pass.* and Holzer 2008: 31–33 with older bibliography).

Older, traditional approaches to the place-name generally trace the first component of the name back to PIE **kel(ə)-* ‘ragen, hoch (heben)’ (IEW 544), i.e. in modern notation **kelH-* ‘aufragen, hochragen’ (LIV²: 349), cf. Lith. *kélti* (II/1), Latv. *celt* ‘to lift (up)’⁵ (cf. Kranzmyer 1956: 26, Wiesinger 1990: 287), or, alternatively, to **kel-* ‘verbergen’ (LIV²: 322–323), most notably Steinhauser & Plank 1973: 18, who ultimately compare OInd. *śarman-* ‘shield, cover, shelter’ < **kel-men-*. Concerning the second portion of the name, it is often insisted on a cognate of the Latin *o*-grade feminine abstract noun **mon-ti-* (to PIE **men-* ‘emporrigen’, LIV²: 437), i.e. **-monti(-i)o-/ā-* > **-mantiā̄*. One would then probably have to trace the name back to a verbal governing compound **kelH-e-monti-* (cf. the river name *Colapis* if for **k^hel-e-H₂epi-*)⁶ ‘rising mountain’ (?) *vel sim.* (= *quasi* Κελεμαντία) or **ke/olH-o-monti-* (Κελαμαντία, Καλαμαντία)⁷, but this seems unnecessarily complicated and difficult to account for semantically. The *o*-grade in a feminine action noun in *-ti-* (*mon-ti-*) is problematic enough in itself to make it uneasy to assume its productivity outside Latin.

A Gaulish interpretation, more recently offered by Delamarre 2010/2012: 114, 2012 s.v., who assumes a collective form of a deanthroponymic zero-suffix derivative **Cēli-manto-* or **Cēli-mantiō-* (in this case perhaps better **Cēli=mant-īo-* as a possessive to **Cēli-manto-*, cf. *Adnama(n)tia* in Pannonia = *Ad=nāma(n)t-īo-*), is of course to be rejected as built on conjecture. Such an explanation

⁴ For the modern survivors see especially Kranzmyer 1956: 26, Schwarz 1960: 7–9, Steinhauser & Plank 1973, Wiesinger 1990: 286–287, Holzer 2008: 32, Greule 2010: 10.

⁵ See Smoczyński 2007: 274.

⁶ With what seems a regular sound change **k^he-* > **ko-* of the Latin *coquō* type as already noted by Krahe 1932: 188, cf. Κορκόρας (Strabo VII,5,2) ~ *Corcac* (Rav. IV,21 for *Corcae* or *Corcas* but erroneously transposed to Carneola) if from **k^herk^hu-ó-* to **k^herk^hu-*.

⁷ I. e. to a concretised deverbative **ke/olH-o-* with **-mon-ti-* functioning as the governing member.

would however appear improbable in any event seeing that one would then have to favour Κελεμαντία as the original form (which given its status among the other *variae lectiones* appears very unlikely), assume early Romanisation of the unaccented vocalism, and detach it from the modern survivors. Moreover, a putative Gaulish **kēl(i)io-* ‘friend’ (cf. OI *céile*) would not normally be expected to appear in a reduced form ***kēli-* as the first member of a compound in Gaulish, notwithstanding such names as **Magi-* in *Magimaro-* (limited to Noricum and Pannonia) vs. the expected **Magio-*, which is highly exceptional and has not yet been convincingly accounted for⁸. Question may be raised why insist on a Celtic etymology for this series of place-names anyway, considering their conspicuous distribution and the fact that place-names derived from personal names are in fact (and contrary to some of the recently expressed views) an extremely unproductive category of Old Celtic name formation. It should be noted that Gaulish **mant-* ‘path’ mentioned by Sims-Williams 2006: 90–91, 211 and Falileyev 2014: 113–114 (ultimately deciding on a non-Celtic approach, however) in connection with Ptolemy’s place-name (cf. the segmentation *kel- -man- -to- -ia-* in Isaac 2004, *Germ. Magna*, s.v.) is probably a ghost, the only reliably Gaulish examples being those involving **mantalo-*, which however is a *nomen instrumenti* in **-tlo-* with regular Gaulish anaptyxis in a *-TR-* cluster (cf. **gabalo-* ‘fork’, **kantalo-* ‘song’, perhaps also **kataro-* ‘strong’⁹).

Assuming that all the occurrences of the place-name **Kalamantiā* in the Eastern Alpine region belong together and have been formed in a coherent idiom rather than representing parallel and homonymous formations, I propose to treat it as belonging to the substratal layer and reaffirm its etymological (if not genetic) dependence on hapaxes such as *Celeia* and possibly *Celena*, going back to PIE **kelH-* ‘rise (up), tower over’ (v.s.). For the former consider Ptolemaic Κέλεια (var. lect. Κελέα, Κελεία), which may be interpreted either as a possessive derivative **kelH-o-* → **kelH-i-* → **kelH-ej-ó-*, a vrddhi derivative to **kēlH-i-* (i.e. a deverbal action noun of the Slavic *rěčb* type) → **kēlH-ej-ó-* (cf. Hitt. *Ḫištā-* ‘mausoleum’ if to **H₂est(H)-i-* ‘bone’), or, less likely, as **kēlH-ejio-* to a deverbal adjective **kēlH-jo-* with functionally non-transparent vrddhisiation of the suffix. *Celena* (Itin. *Burdig.* 562,3), on the other

⁸ See Schmidt 1957: 55, 91 and s.v., Sims-Williams 2013: 46–47.

⁹ See Antreiter 2001: 210.

hand, should probably be seen as a result of superficial thematisation **kelH-en-o-* to PIE **kelH-en-*¹⁰ as continued by Lith. *kálnas*, Latv. *kalns*, Run. *hallaz* (ON *hallr*, OE *heall*) < **kolH-n-o-*, Lat. *collis*, Run. *hali* < **kolH-n-i-* (cf. Lat. *amnis* < **ab-n-i-* vs. OI *aub* < PIE **H₂ep-H_{1/3}on-*), OE *hyll* < **k_lH-n-i-*, ‘hill, rising ground’, Gr. *κολώνη* < *kolH-ōn-eH₂ (cf. *θύρᾱ* < **d^hur-eH₂*), Lat. *columen* ‘summit, peak’ < **kelH-men-*¹¹.

If this etymological connection is correct, I propose to recognise in the derivational base of *Kalamantiā a verbal abstract (be it action or agent noun) **kolH-mo-* of the Gr. *φορμός* type (< **b^hor-mo-*), from which a productive derivative in **-antiā* was then formed¹². That the Roman *castellum* identified with Ptolemy’s coordinates for *Καλαμαντία* is in fact located on flat ground¹³ is not a decisive argument against such an etymology, especially as the later settlement may not overlap completely with the old locality and also given the fact that the etiological criteria involved in name formation are not always obvious to the modern observer – what counts is the relative importance of a geomorphic feature in a particular area and not necessarily its prominence! In this respect consider the case of the near-by Gaulish place-name *Βριγαίτιον* (*Ptol.* II,14,3 = Szöny, see Soproni 1985: 55–56), which, whether originally an adjective of appurtenance or a collective name, indubitably belongs with Gaul. **brig-/brig-ā-* ‘height, hill’ *vel sim.* (see Repanšek 2014: 247–250)¹⁴.

The phonetic reflex **kala-m(a)-* < **kolH-mo-* of course raises the important question of linguistic affiliation of the name. If one does not wish to speculate on the possible disyllabic reflex of secondarily accented preconsonantal *-RH-* clusters of the Greek *γένεσις* type, also bearing in mind that a verbal adjective **k_lH-mo-* (formally substantivised by accent shift) would be semantically unlikely, it would appear necessary to acknowledge two phonetic developments, viz. *ō > *ā and *H > *ā* / *R*__*R*. The latter unavoidably brings up the question of de Saussure’s Law (as implicitly formulated in de Saussure 1905, 511 ft. 2), according to which regular loss of the

¹⁰ Similarly already Anreiter 2001: 51.

¹¹ Schrijver 1991: 326–327.

¹² Similar morphological segmentation already in Steinhauser & Plank 1973: 18 (»*Kalam-antia«) and Rasch 2005: 202, where a dehydronymic origin for the place-name is suggested.

¹³ See Steinhauser & Plank 1973: 18, Falileyev 2014: 113.

¹⁴ Note, however, Falileyev 2014: 50, who agrees with Delamarre (2012: 88) on deriving *Brigetio* from an underlying Gaulish personal name.

laryngeal in an *-oRH-* sequence would be expected (***kal-m(a)-*). It has been reaffirmed recently, however, that de Saussure's Law in all likelihood was not in fact operative as a regular sound law and should not be *a priori* expected in similar phonetic contexts¹⁵. Consider in this respect the old acute intonation in Lith. *kálnas* < **kolH-no-*.

At least some of these names could easily be Gaulish as both **kela-mo-* and **kola-mo-* < **ke/olH^p-mo-* (*H > *ǎ* /*R*__*R* is regular in Celtic) would have regularly resulted in **kala-mo-* by Joseph's Law (for *oRa > *aRa* in Gaulish and Brythonic see Schrijver 1995: 94–97). It is the word formation, however, which makes it uncomfortable to suggest that *Kalamantiǎ could represent a genuinely Gaulish place-name. **-antiǎ* (i.e. with **-ǎ* for PIE **-iH₂*) is not a productive Celtic suffix (note that as the spread of **-antiǎ* would be an innovation rather than an archaic feature it has diagnostic value in linguistic attribution)¹⁶ nor would it be expected in an adjectival possessive derivative of a denominal formation, i.e. *-o-nt-ǎo-/ǎ-* with the thematic vowel normally preserved as *-o-*, cf. *Alisontia*, gen. sg. αλι[σ]ο[ντ]εας (RIG: G–224) to *alisǎ 'elder'.

In terms of historical phonology Pannonian¹⁷ is not an unlikely candidate either¹⁸, that is at least for the source of the *Kalamantiǎ recorded by Ptolemy. Pann. *ǎ for PIE *ǒ is a well-known phenomenon and observable in numerous examples (see Anreiter 2001: 15–16 *et pass.*), while good examples of *H > *ǎ* /*R*__*R* are lacking. A possible candidate is perhaps a horonym *Ara-ǎ-ǎ < **H₂erH₃-ǎ-ǎo-* to **H₂erH₃-ǎo-* (cf. Lat. *arvum*)¹⁹ if it is Pannonian and if it indeed represents the derivational base of the Gaulish ethnic name *Aravisci* (var. lect. *Eravisci*)²⁰, possibly also *Arabiates* (but

¹⁵ See Kuryłowicz 1956: 201 ft. 47 and, more recently, Pronk 2011 and van Beek 2011.

¹⁶ See Pokorny 1959. *-antia* in Gaul. *Brigantiǎ is of course irrelevant in this respect given its ultimately incomparable morphological structure: **b^hrg^h=nt-ǎo-* or, alternatively, **b^hrg^h=nt-iH₂(ǎ)o-* to **b^hrg^h=nt-(iH₂-)*.

¹⁷ For this particular linguistic description and designation see Anreiter 2001 but cf. Фалилеев 2013b.

¹⁸ Also consider Anreiter's »Ostalpenindogermanisch« (Anreiter 1999, *id.* 2001: 10–13) at least as far as *o > *a is concerned, while the two systems also supposedly share *-un-* < **-ŋ-* and **-uR-* < **-R-* (see *loc. cit.*).

¹⁹ But cf. Anreiter 2001: 207, where *arviǎ is proposed on the strength of *Arviates*. Note that the ethnonym in question is in all likelihood a Latin creation (*-ǎtēs*).

²⁰ The derivational model is genuinely Gaulish and involves the creation of ethnic names from adjectives of appurtenance in **-isko-*, normally built to

note the *var. lect. Arviate*s). Pannonian $*H > \tilde{a}$ may otherwise be attested at least in $*-THU-$ sequences, for which consider $*Pa/eto/au-$ *jo-* (*Ptol.* II,14,4: Παταύϊον) if to $*pet/p^e tH_2-uo-$ ²¹ (i.e. a deverbal action noun to $*petH_2-$ ‘ausbreiten’, LIV²: 478–479) and *Pultovia* (*Itin. Burdig.* 561,3) if from $*p_l tH_2-u-i\tilde{a}$ for PIE $*p_l tH_2-u-iH_2-$ to $*pletH_2-$ ‘breit werden, sich ausbreiten’ (LIV²: 486–487, cf. OInd. *prthivī-* beside OW *Litau* < $*-a-u-i\tilde{a}$, see Repanšek, *forth.*). Names in *-antia* are rare in Pannonia, the only good example being *Scarbantia*, which however lacks a convincing etymological explanation (see Anreiter 2001 s.v.). A putative Pannonian *-antiā* may be expected in a denominal formation to a thematic stem (*quasi* $*kala=ma-nt-$), but even there only a generalised zero-grade suffix *-unt-* < $*-nt-$ seems to be actually attested, for which consider *Carnuntum* if to $*karno-$.

Granting the possibility that several linguistic systems have contributed parallel and ultimately homophonous formations to what *prima facie* appears to be a homogenous group of $*Kalamantiā$ names, it is nevertheless more economical to trace the whole set to a single source. The likeliest candidate being Old European (in its collective sense), it is nevertheless uncomfortable to be exclusive in this designation, especially given the peculiar distribution of the place-name and the fact that none of the *designata* are in fact rivers nor are the names demonstrably dehydronymic in origin. The coalescence of PIE $*\tilde{o}$ and $*\tilde{a}$ to $*\tilde{a}^{22}$ is an important feature not just of what is traditionally called Old European (i.e. *if* considered an actual linguistic stratum) but of the pre-Celtic substratum (or

---

toponymical bases (usually pre-Gaulish in origin), cf. $*Taur-isko-$, $*Skord-isko-$ etc. (on these names and on the secondarily diminutive ethnic name *Boisci* see Falileyev 2013a: 87–88).

²¹ Possibly with PIE $ou / \_i$ (or generally in a closed syllable, cf. $Sa\check{s}ua-$, $Dra\check{s}ua-$ < $*sH_2ou-o-$, $*dro\check{u}-o-$, which however may not belong to the same idiom) preserved as Pann. $*ou$ (or $*ou$ through a middle-stage $*au$) as in the divine name *Ovianus* (*CIL* III 14354²²) if *-ano-* < $*-ono-$ (cf. Pann. *Teutanus* < $*Teuto-no-$), *Pultovia* (see above on the etymology, but here as well as in *Poetovio* vs. Παταύϊον $*ou$ may ultimately be due to Latinisation), and perhaps *Iovia* (Anreiter 2001 s.v.). Note that Antreiter 2001: 71 proposes $e > o / \_u$ to account for $*ou$ in *Iovia*.

²² But probably not $*\tilde{o} > *\tilde{a}$ as tentatively surmised by Bichlmeier for Old European, e.g. 2012a: 369 (*et passim*), for which consider *Nóapoc* (name of the lower course of the Sava in Strabo VII,5,2; 12, see Šašel Kos 2002) if for $*(s)n\tilde{o}-uo-$ < $*(s)noH_2-uo-$ to PIE $*(s)neH_2-$ ‘baden, schwimmen’ (LIV²: 572–573) as would appear likely (cf. *Nátισων*, *Natiso* in the region of the *Caput Adriae*).

substrata) in the Eastern Alpine region (including Pannonia) in general; however, the evidence for $*H > \check{a} / R\_R$ is inconclusive. $*H > \check{a} / T\_R$ (more accurately $/S\_R$) may be confirmed by $*H_1isH_2-r\acute{o}- > *Isa-ro-$ but as it has been rightly pointed out by H. Bichlmeier (2012: 29–37 (esp. 33–35), *id.* 2013: 56–57)²³, there is no saying that $*Isar\bar{a}$ is not in fact Celtic or at least shows traces of $*H_1isH_2-r\acute{o}-$ passing through a Celtic (or later Gaulish) phonetic filter – note that in view of Thrac. Ἴστρος $< *is-t-ro- < *is-ro-$ $*H_1isH_2-r\acute{o}-$ (Янакиева 2009 s.v.) the formation itself may be genetically non-specific. The situation would be exactly parallel to that of $*R\bar{e}no- < *H_3reiH-no-$ (cf. OI *fén* ‘waggon’ $< *ue\acute{g}^h-no-$ and, ultimately, *rían* ‘sea’) with the rather diagnostically Celtic loss of the laryngeal between $*i$ and $*N$ (cf. OI *mín* $< *meiH-no-$) in what should indeed be a pre-Celtic name²⁴. A better example is perhaps Αἴσαρος if for $*H_1o\acute{i}sH_2^{\circ}-r\acute{o}-$, while a possible counter-example would be the German *Ilm*, which if it indeed goes back to $*H_1elH_2-men-eH_2-$, a proposal considered in Bichlmeier 2013: 55–56, would decisively point to $*H > \emptyset / R\_R$. However, in light of the available and convincing Germanic etymological explanation for *Ilm* and related river names (see Bichlmeier 2011: 184–188) the case is ultimately ambiguous.

If $-anti\check{a}$ represents the participial suffix $*-nt-iH_2-$ ²⁵ rather than the denominal sequence $*-o-nt-$, it may speak in favour of $*an < PIE *n$ ²⁶, but note that actually there exist no convincing cases of a purely participial $*-anti\check{a}$ in what is traditionally considered to belong to the Old European hydronymical corpus and even there it could go back to thematic presents, so that the validity of this sound change may be questioned (but cf. *Argentia* if $*H_2\acute{g}=\eta t-iH_2-$ (?) vs. Celtic $*arganto- < *H_2\acute{g}=\eta t-o-$ in Early Goidelic $*Arg\bar{e}d\bar{a} = \text{Αργίτα}$, Ptol. II,2,1). The suffixal part of $*Kalam-anti\check{a}$ may point to a denominal derivational base $*Kala=ma-nt-$ (cf. *Kara-nt-*), but it could well be a result of secondary productivity of the suffix $*-anti\check{a}$ in denominal place-name formations (cf. perhaps *Albantia*, *Aquantia* & c.), while there is no

²³ Who also reckons with the utterly ambiguous $*H_1isH_2-er\acute{o}-$.

²⁴ For the whole problem of laryngeal loss in $*-ViHC-$ sequences see now Zair 2012: 225–243.

²⁵ Given the uncertain quality of the final $-a$ (i.e. $*-ia < *i\partial_2$ (?) or $*-i\bar{a}$ with the generalisation of the full-grade suffix from the oblique stem) $-i\bar{a}$ has been used in reconstructions throughout.

²⁶ For another example of $*an < *n$ in the Eastern Alpine region cf. *Καρουάγκ\bar{a}* $< *-\eta ko-$, $*-onko-$ being unlikely if what we have here is the PIE conglomerate suffix $*-en-ko-$.

saying whether the original locus of this suffix is indeed in the feminine present participle (*-(o)-nt-iH₂-), the denominal derivatives (*-(o)-nt-), or even represents an extrapolation of the feminine form of Caland adjectives in *-nt-iH₂- (i.e. granting the scenario in which these categories were already functionally diversified). As regards the still not quite resolved question of Old European I see two basic possibilities: either Old European is a linguistic layer, a stratum with its own phonetic and morphological peculiarities (innovations), or it is indeed a network of names so old that in terms of phonology and morphology these are non-specific/not yet diversified, which, given the continuity of linguistic change, will simply stay impossible to prove. In case either of the two definitions applies, however, the descriptive term “Old European” cannot be logically used categorically (i.e. limited to the classification of hydronymy only). If it is convincingly established that neither applies, this particular designation/classificatory label should of course be rendered superfluous. The usefulness of the term in linguistic affiliation of place-names such as *Kalamantiã will necessarily depend on the choice between the three alternatives, taking heed of the fact that under such a classificatory label one does not necessarily assume linguistic affiliation²⁷.

Abbreviations

Gaul. Gaulish; Gr. = Old Greek; Hitt. = Hittite; *Itin. Ant.* = *Itinerarium Antonini*; *Itin. Burdig.* = *Itinerarium Burdigalense*; Lat. = Latin; Latv. = Latvian; Lith. = Lithuanian; OE = Old English; OI = Old Irish; OInd. = Old Indic; ON = Old Norse; OW = Old Welsh; Pann. = Pannonian; PIE = Proto-Indo-European; Run. = Runic; Thr. = Thracian

Bibliography

- Anreiter 1999 – Anreiter P., Der Ablaut in «ostalpenindogermanischen» Namen // P. Anreiter, E. Jerem, W. Meid (eds.). *Studia Celtica et indogermanica. Festschrift für Wolfgang Meid zum 70. Geburtstag.* Budapest: *Arhaeolingua*, 1999. S. 23–38.
- Anreiter 2001 – Anreiter P. Die vorrömischen Namen Pannoniens. Budapest: *Arhaeolingua*, 2001.
- Bichlmeier 2011 – Bichlmeier H. Einige grundsätzliche Überlegungen zum Verhältnis von Indogermanistik und voreinzelsprachlicher resp. alteuropäischer Namenkunde mit einigen Fallbeispielen (Moderne Indogermanistik vs. traditionelle Namenkunde, Teil 1) // *Namenkundliche Inforamtionen* 2009 [2011]. Bd. 95/96. S. 173–208.

²⁷ Consider in this respect Фалилеев 2013b.

- Bichlmeier 2012a – Bichlmeier H. Anmerkungen zum terminologische Problem der «alteuropäischen Hydronymie» samt indogermanistischen Ergänzungen zum Namen der Elbe // Beiträge zur Namenforschung. 2012. Bd. 47/4. S. 365–395.
- Bichlmeier 2012b – Bichlmeier H. Einige ausgewählte Probleme der alteuropäischen Hydronymie aus Sicht der modernen Indogermanistik – Ein Plädoyer für eine neue Sicht auf die Dinge // Acta linguistica Lithuanica. 2012. Bd. 66 (2012). S. 11–47.
- Bichlmeier 2013 – Bichlmeier H. Bayerisch-österreichische Orts- und Gewässernamen aus indogermanistischer Sicht // K. Simbeck, W. Janka (eds.). Namen in Altbayern. Gesammelte Beiträge zu Ehren von Josef Egginger und Günter Schneeberger. Regensburg: edition vulpes, 2013. S. 53–68.
- CIL – Corpus inscriptionum Latinarum. Vol. III: Theodor Mommsen, Inscriptiones Asiae, Provinciarum Europae Graecarum, Illyrici Latinae, 1873.
- Delamarre 2010/2012 – Delamarre X. Notes d'onomastique vieille-celtique // Keltische Forschungen. 2010–2012. Bd. 5. S. 99–137.
- Delamarre 2012 – Delamarre X. Noms de lieux celtiques de l'Europe ancienne (-500/+500): Dictionnaire. Paris: Éditions errance, 2012.
- de Saussure 1905 – de Saussure F. Δ'ὀμίλῳσις ἀ Τριπτόλεμος. Remarques étymologiques // Mélanges Nicole. Geneva: Imprimerie W. Kündig & Fils 1905. P. 503–514.
- Falileyev 2013a – Falileyev A. Going Further East: New Data, New Analysis // J. L. García Alonso (ed.). Continental Celtic word formation. The onomastic data. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2013. Pp. 85–98.
- Фалилеев 2013b – Фалилеев А. И. Панноно-Иллырика // Современные методы сравнительно-исторических исследований. Москва, 2013. S. 298–306.
- Falileyev 2014 – Falileyev A. In Search of the Eastern Celts. Studies in Geographical Names, their Distribution and Morphology. Budapest: Archaeolingua, 2014.
- Greule 2010 – Greule A. Die historischen Horizonte der geographischen Namen in Bayern // Oberviechtacher Heimatblätter. 2010. Bd. 8. S. 9–19.
- Holder 1896 – Holder A. Alt-celtischer Sprachschatz I. Leipzig: B. G. Teubner, 1896.
- Holzer 1997 – Holzer G. Zur Herkunft des (t)z in Kollnitz etc. (*kalamantia), Kobenz (*kumbantia) und Lafnitz (*albantia) // Repr. in Holzer 2008. S. 31–56.
- Holzer 2008 – Holzer G. Namenkundliche Aufsätze. Wien: Praesens Verlag, 2008.
- IEW – Pokorny J., Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, München: Francke, 1959–1969.
- Isaac 2004 – Isaac G. R. Place-names in Ptolemy's Geography. CD-ROM. Aberystwyth: CMCS, 2004.
- Янакиева 2012 – Янакиева С. Тракийската хидронимия (= Studia Thracica 12). София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2012.

- Krahe 1932 – Krahe H. *Illyrisches // Glotta*. 1932. Bd. 20/3–4. S. 188–196.
- Kranzmayer 1956–1958 – Kranzmayer E. *Ortsnamenbuch von Kärnten I–II*. Klagenfurt: Verlag des Geschichtsvereines für Kärnten, 1956–1958.
- Kuryłowicz 1956 – Kuryłowicz J. *L'apophonie en indo-européen*. Wrocław: Wydawnictwo polskiej akademii nauk, 1956.
- LIV² – Rix H., Kümmel M., Zehnder Th., Lipp R., Schirmer B. *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen. Zweite, erweiterte und verbesserte Auflage bearbeitet von Martin Kümmel und Helmut Rix*. Wiesbaden: Dr. Ludwik Reichert Verlag, 2001.
- Müller 1883–1901 – Müller K. (ed.) *Claudii Ptolemaei Geographia*. Paris, 1883–1901.
- Pokorny 1959 – Pokorny J. *Zu den keltischen -nt-Suffiksen // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*. 1959. Bd. 15. S. 5–16.
- Pronk 2011 – Pronk T. The «Saussure effect» in Indo-European languages other than Greek // *The Journal of Indo-European Studies*. 2011. Vol. 39/1–2. P. 176–193.
- Rasch 2005 – Rasch G. *Antike geographische Namen nördlich der Alpen*. S. Zimmer (ed.). Berlin: De Gruyter, 2005.
- Repanšek 2014 – Repanšek L. *Two Notes on Old Celtic Morphology // Acta linguistica Petropolitana (= Colloquia classica et indogermanica VI, in memoriam Leonard G. Herzenberg)*. 2014. Bd. 10/1. S. 239–254.
- Repanšek *forth.* – Repanšek L. *Varia etymologica Pannonica. To appear in a Zeitschrift*.
- RIG – *Recueil des inscriptions gauloises*. Vol. I: Michel Lejeune, *Textes gallo-grecs*. Paris: CNRS Éditions, 1985.
- Schmidt 1957 – Schmidt K. H. *Die Komposition in gallischen Personennamen // Zeitschrift für celtische Philologie*. 1957. Bd. 26. S. 33–301.
- Schrijver 1991 – Schrijver P. *The Reflexes of the Proto-Indo-European Laryngeals in Latin*. Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 1991.
- Schrijver 1995 – Schrijver P. *Studies in British Celtic Historical Phonology*. Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 1995.
- Schwarz 1960 – Schwarz E. *Sprache und Siedlung in Norostbayern*. Nürnberg: Hans Carl, 1960.
- Sims-Williams 2006 – Sims-Williams P. *Ancient Celtic place-names in Europe and Asia Minor*. Oxford, Boston: Blackwell, 2006.
- Sims-Williams 2013 – Sims-Williams P. *The Celtic composition vowels -o- and -io- // J. L. García Alonso (ed.) Continental Celtic word formation. The onomastic data*. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2013. Pp. 37–50.
- Smoczyński 2007 – Smoczyński W. *Lietuvių kalbos etimologinis žodynas – Słownik etymologiczny języka litawskiego*. Vilnius: Vilniaus Universitetas, Filologijos fakultetas, 2007.
- Soproni 1985 – Soproni S. *Die letzten Jahrzehnte des pannonischen Limes (= Münchener Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte, Bd. 38)*. München: C. H. Beck, 1985.
- Steinhauser & Plank 1973 – Steinhauser E., Plank C. *Colomezza. Eine vordeutsche Grenze zwischen Melk und Erlaf // Jahrbuch für Landeskunde von Niederösterreich (Neue Folge)*. 1971–1973. Bb. 39. S. 1–39.

- Šašel Kos 2002 – Šašel Kos M. The Noarus River in Strabo's *Geography* // Tyche. 2002. Bd. 17. S. 145–153.
- van Beek 2011 – Beek L. The «Saussure effect» in Greek: A Reinterpretation of the Evidence // The Journal of Indo-European Studies. 2011. Vol. 39/1–2. P. 129–175.
- Wiesinger 1990 – Wiesinger P. Antik-romanische Kontinuitäten im Donauraum von Ober- und Niederösterreich am Beispiel der Gewässer-, Berg- und Siedlungsnamen // H. Wolfram, W. Pohl (eds.). Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. Teil 1: Berichte des Symposions der Kommission für Frühmittelalterforschung 27. bis 30. Oktober 1986. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1990. S. 261–326.
- Zair 2012 – Zair N. The reflexes of the Proto-Indo-European laryngeals in Celtic. Leiden, Boston: Brill, 2012.

L. Repanšek. Καλαμαντία (*Ptol.* II,11,15)

The article attempts to provide a satisfactory etymological solution to the place-name Καλαμαντία, noted once by Ptolemy in his *Geographia* and resurfacing several times in modern toponymy of the Eastern Alpine region. On the basis of the proposed etymology (a denominal derivative to **kolH-mo-* 'rising (up)' *vel sim.*) it is argued that the combined evidence of the place-name's historical phonology and morphology (word formation), coupled with its distribution does not allow for a Celtic or a Pannonian approach. As far as the label can be considered useful and/or applicable in such cases, an «Old European» origin (i. e. at least as far as the historical phonology and word formation are concerned) for this set of names is critically considered.

Key-words: Kalamantía, etymology, paleolinguistics, onomastics.

«АРГОНАВТИКА» КАК ГИМН АРГОНАВТАМ

В «Аргнавтике» Аполлония Родосского аргонавты изображены не только как эпические герои, но и как объекты религиозного культа. Поэт в своем произведении уделяет большое внимание связанным с путешествием героев местам, где их продолжают почитать и в александрийское время. Постоянные упоминания культовых эпитетов, практик, описания обрядов и т. п. в какой-то мере придают тексту «Аргнавтики» сходство с формой гимна.

Ключевые слова: Аполлоний Родосский, «Аргнавтика», аргонавты, религиозные обряды, героический культ, гимн.

Некоторые исследователи, например Г. Френкель, обратили внимание на то, что аргонавты в поэме Аполлония изображены не только как эпические герои, но и как объекты почитания. Это объясняется общим для александрийских поэтов стремлением связать мифологическое прошлое с современностью, интересом к происхождению религиозных обрядов (Fränkel 1968: 513–516).

Религиозные почести в Древней Греции оказывались не только так называемым мифологическим персонажам, но и основателям поселений; погибшим на войне; людям, умершим необычной смертью. Важную роль в героическом культе играли могилы (Rohde 1925: 121). Персонажи эпических поэм часто почитались как местные герои. Установление героического культа археологи, как пишет в своей статье К. Антоначчо, связывают с распространением «Илиады» и «Одиссеи» и датируют восьмым веком до н. э. (Antonaccio 1995). Например, Менелай почитался в Ферапне и Таренте, Агамемнон – в Микенах и Амikle (Павсаний 3, 19.9). Согласно античным представлениям, герои благодаря своей прижизненной славе или вследствие необычной смерти продолжают оказывать помощь своим согражданам. Поэтому на их могилах, или в специально отведенных для этого местах, совершаются жертвоприношения. Как пишет Э. Роде, основой для героического культа является культ предков (Rohde 1925: 25). Возникновение культа могло быть связано с тем, что герой в телесном облике являлся людям. Это вызывало страх и считалось предвестием беды. Принося герою жертвы, греки стремились умиловить его и сделать своим

помощником и защитником. Судя по археологическим данным, героям оказывались почти такие же почести, как и богам. Основное отличие заключалось в том, что герои почитались ночью, кровь жертвенных животных лилась в землю, обряд сопровождался рыданием (Буркерт 2004: 271–273). На могилах героев, как указывают в своих статьях Дж. Экрот и К. Антоначчо, участники жертвоприношений устраивали пиры (Ekroth 2002, Antonaccio 1995). Исполнение религиозных обрядов способствовало сохранению в народной памяти имени и деяний героя.

В эпических поэмах до Аполлония, в том числе в произведениях Гомера, практически не говорится о культовом почитании героев¹. К. Антоначчо объясняет это тем, что в эпосе герой имеет общегреческий статус, а для культа необходима связь героя с каким-то конкретным местом (Antonaccio 1995: 30–32). Г. Надь в своей книге «Греческая мифология и поэтика» пишет, что «в гомеровской поэзии герой как таковой наделен, прежде всего, эпическими чертами, а его культовые характеристики должны быть сокрыты – прежде всего потому, что герой пока еще жив», однако в сценах похорон Патрокла и Сарпедона следы героического культа присутствуют (Надь 2002: 171–181).

В «Аргонавтике» же религиозный аспект имеет первостепенное значение, поскольку Аполлоний ставит перед собой цель проследить «следы Арго» (4, 552). Это, прежде всего, связанные с аргонавтами культовые места. Перечисление того, что сохранилось со времени плавания героев, выступает в «Аргонавтике» залогом их славы². Чтобы подчеркнуть это основное отличие «Аргонавтики» – плода работы с разными источниками по

---

¹ В качестве исключения следует прежде всего назвать распоряжение Геры и Зевса как следует поступить с телом Сарпедона (16, 455–457 = 673–675). О важности культа Сарпедона в Анатолии свидетельствует киликийское культовое имя Аполлона – Аполлон Сарпедонский (Fagnell 1921: 17). Во второй песни «Илиады» упоминается об установленном Афиной культе героя Эректа (2, 546–56). В двадцать третьей песни «Илиаде» Гомер подробно описывает игры после похорон Патрокла, которые являются важным компонентом героического культа.

² В «Аргонавтике» находит отражение интерес автора к религии и местным историям. Как пишет В. П. Завьялова, таким образом александрийские «поэты, оставаясь в рамках мифологической тематики, старались раздвинуть содержательную сторону своих произведений» (Завьялова 2009: 129).

интересующей автора теме³ – от произведений предшественников, Аполлоний заключает ее в рамку гимна.

Для того, чтобы всесторонне рассказать о путешествии аргонавтов, Аполлоний Родосский, искусно комбинируя традиционные элементы, создает уникальное произведение, в котором вступают во взаимодействие два жанра античной литературы – эпическая поэма и гимн. Аргонавты, которые предстают в поэме как распространители культа Аполлона, сами становятся объектами восхваления.

В «Аргонавтике» специально отмечены места, по названиям которых можно проследить движение корабля из Иолка в Колхиду и обратно: «Арго отпустивший» берег (1, 591), «Священная Скала», к которой причалили аргонавты в Кизике (1, 1019–1020), «Аргийский» залив в Тритониде (4, 1620). Александрийский поэт показывает, что местные жители помнят о тех легендарных событиях и почитают связанные с ними реликвии⁴. Например, якорный камень Арго был поставлен, согласно оракулу Аполлона, как «святыня в храме Ясонийской Афины» (1, 958–960). Если сведения о последующем религиозном почитании персонажей гомеровских поэм можно найти лишь в произведениях античных историков⁵, то автор «Аргонавтики» этому аспекту уделяет повышенное внимание. Эпизоды, объясняющие возникновение культа и религиозных обрядов, становятся центральной частью гимна героям.

Рассмотрим, как в поэме Аполлония изображаются Геракл и Диоскуры, персонажи, занимающие в античной мифологии промежуточное положение между богами и героями.

Основными местами почитания Геракла были Сикион, Локрида, Фивы. Празднества в его честь проводились в Спарте и на Косе. В Линде на Родосе в жертву Гераклу приносились

³ Источники поэмы Аполлония Родосского рассматриваются в статье О. В. Смыка (Смыка 1973).

⁴ Названия мест, связанных с мифологическими событиями, позволяет сравнить «Аргонавтику» с произведениями историков. Например, Павсаний в седьмой книге «Описания Эллады» пишет: «Имя Аргонавты дано этой гавани потому, что и к этой гавани пристали те, кто плыл на корабле Арго» (26, 14). Страбон сообщает, что «в Эфалии есть гавань Аргоос, как говорят, названная по имени корабля Арго» (VIII, 6).

⁵ Например, Протесилай почитался вдоль Босфора, Ахилл – в Троаде, где он похоронен, а также на Белом острове в Черном море, на мысе Сигей, в Тарасе (Таренте) и Кротоне. Аяксу Теламониду героические почести воздавались на Саламине и в Афинах (Discin 2004: 66).

быки⁶. О культовых песнях в его честь упоминает Пиндар (Нем. 1, 69–72; Истм. 4, 55–60; Пиф. 9, 87–8). Гомеровский «Гимн к Гераклу» (гимн 15) представляет собой короткую молитву. Геракла призывают как сына Зевса и просят его даровать удачу и богатство.

В «Аргонавтике» Аполлония Родосского Геракл предстает в своей главной культовой функции – функции спасителя (σωτήρ). В первой песни он следующим образом отражает нападение Землеродных:

Γηγενέες δ' ἐτέρωθεν ἀπ' οὐρεος αἰζαντες
φράξαν ἀπειρεσίησι Χυτοῦ στόμα νεϊόθι πέτρης,
πόντιον οἶά τε θῆρα λοχώμενοι ἔνδον ἔοντα·
ἀλλὰ γὰρ αὐθι λέλειπτο σὺν ἀνδράσιν ὀπλοτέροισιν
Ἴρακλέης, ὃς δὴ σφι παλίντονον αἴψα τανύσσας
τόξον, ἐπασσυτέρους πέλασε χθονί. τοὶ δὲ καὶ αὐτοὶ
πέτρας ἀμφιρῶγας ἀεργάζοντες ἔβαλλον·
δὴ γάρ που καὶ κείνα θεὰ τρέφεν αἶνὰ πέλωρα
Ἴρη, Ζηνὸς ἄκοιτις, ἀέθλιον Ἴρακλῆι·

‘Землеродные, устремившись с другой стороны, бесконечно кидая с горы камни, завалили до дна устье Хита, заграждая им путь, как находящемуся внутри морскому зверю. Однако там же остался с вооруженными молодыми людьми Геракл, который, тотчас натянув тугой лук, положил их одного за другим на землю. Таким образом, одни из них попадали, а другие бросали расщепленные камни. Ведь этих гигантских чудовищ когда-то вскормила сама богиня Гера, супруга Зевса, как подвиг для Геракла’ (1, 989–998).

Хотя он вынужден по решению Зевса оставить аргонавтов⁷ и продолжить совершать подвиги, которые принесут ему бессмертие (1, 1315–1320), он в дальнейшем неоднократно будет спа-

⁶ В первой песни Аполлоний рассказывает, как Геракл убил Фейодоманта, который не захотел ему отдать быка (1, 1211–1219). Этот эпизод исследователи считают «причиной» этих жертвоприношений.

⁷ Об этом событии Геродот в «Истории» сообщает следующим образом: «В этом заливе Магнесии есть место, где, по преданию, Ясон и его спутники с корабля Арго покинули Геракла, отправив героя за водой во время плавания в колхидскую Эю за руном. Ведь отсюда они, запасшись водой, хотели выйти в открытое море. Поэтому это место и называется Афеты» (7, 193).

сать аргонавтов⁸. Во второй песни герои смогут отогнать Стимфалийских птиц, вспомнив, как это сделал Геракл:

οὐδὲ γὰρ Ἴρακλέης, ὅπότε ἦλυθεν Ἀρκαδίηνδε,
 πλωάδας ὄρνιθας Στυμφαλίδος ἔσθενε λίμνης
 ὡσασθαι τόξοισι (τὸ μὲν τ' ἐγὼ αὐτὸς ὄπωπα)·
 ἀλλ' ὄγε χαλκείην πλαταγὴν ἐνὶ χερσὶ τινάσσων
 δούπει ἐπὶ σκοπιῆς περιμήκεος, αἱ δ' ἐφέβοντο
 τηλοῦ ἀτυζήλῳ ὑπὸ δαίματι κεκληγυῖαι.

‘Ведь Геракл, когда отправился в Аркадию не смог прогнать с помощью лука птиц, летающих вокруг Стимфалийской гавани (я и сам это видел). Но он на огромной вершине издавал звуки, потрясая в руках медной трещеткой. Они же бежали прочь, громко крича от страха’ (2, 1052–1057).

В четвертой песни аргонавты утолят жажду из родника, который Геракл пробил ногой в скале:

... τις πέτρῃ Τριτωνίδος ἐγγύθι λίμνης·
 τὴν ὄγ' (ἐπιφρασθεῖς, ἢ καὶ θεοῦ ἐννεσίησι)
 λάξ ποδὶ τύπεν ἐνερθε, τὸ δ' ἀθρόον ἔβλυσεν ὕδωρ·

‘Около Тритонидской гавани стоит скала. И он ее (или сам догадался, или бог ему посоветовал) ударил ее ногой, пятой, и забил обильный поток воды’ (4, 1444–1446).

В роли спасителей (σωτήρες) выступают в «Аргонавтике» и Диоскуры. Такой же эпитет Кастор и Полидевк имеют в 6 строке тридцать третьего гомеровского гимна. Они почитались в Аттике, Аргосе, Амфиссе. В их честь в Дельфах и Кирене праздновались Диоскурии, а в Афинах и Аргосе – Анакеи (Лисий fr. 75, 3; Поллукс 1, 37, 7).

Во второй песни, победив в кулачном бою царя бибриков Амика (2, 67–97), Полидевк спасает от смерти своих друзей, и они воспевают в гимне «Терапнейского сына Зевса» (2, 163). Как бога Полидевк принимают (δεξιόωντο) и враги бибриков, мариандяне (2, 756). Как отмечает С. Хитч (Hitch 2005: 17), эта эпическая глагольная форма используется в гомеровском «Гимне к Афродите» (гимн 16). В благодарность за победу над

⁸ Геракл продолжает незримо присутствовать среди аргонавтов. Они как бы плывут по его следам: царь мариандян сообщает им, что когда-то Геракл помог его отцу подчинить соседние народы (2, 782–791); они проплывают страну Амазонок (2, 966), остров Ареса (2, 1052–1057). В Ливийской пустыне они встречаются с Гесперидами и узнают от них, как Геракл победил дракона и забрал яблоки (4, 1433–1435).

своим главным врагом, царем бибриков Амиком, Лик обещает построить Кастору и Полидевку храм:

νόσφι δὲ Τυνδαρίδαις, Ἰαχερουσίδος ὑψόθεν ἄκρης
εἴσομαι ἱερὸν αἰπύ, τὸ μὲν μάλα τηλόθι πάντες
ναυτίλοι ἄμ πέλαγος θηεύμενοι ἰλάζονται,
καὶ κέ σφιν μετέπειτα πρὸ ἄστεος, οἷα θεοῖσιν,
πίονας εὐαρότοιο γῶας πεδίοιο ταμοίμην.

‘Специально для Тиндаридов наверху Ахерусидской скалы я построю высокий храм, и, видя его с моря издали, все моряки вместе будут им молиться. Да и затем им, как богам, перед городом я выделю тучные нивы легковозделанной земли’ (2, 806–810).

Глагол ἰλάσκω также используется в гомеровских гимнах («К Церере» 274, 292, 368; «К Аполлону» 5; «К Пану» 48).

Теперь рассмотрим, как в «Аргонавтике» описывается погребальный культ. В первой песни Аполлоний пишет, что героические почести воздаются (κυδαίνουσιν) павшим в битве с аргонавтами долионам (1, 1047–1048), прежде всего их царю Кизикю. О его героическом статусе говорит упоминание, что на его могиле после похорон были устроены игры, и что она до сих пор еще видна (1, 1060–1062). В память об этом событии жители Кизика мелют на общественной мельнице муку для лепешек (1, 1077).

Авторское замечание, что могила героя до сих пор еще видна, используется и в описании могил Идмона (2, 842), Тифиса (2, 853) и Полифема (4, 1476). Наиболее интересным с точки зрения лексики является погребальный обряд в честь Идмона:

τάρχυνον μεγαλωστί, συνεκτερέϊζε δὲ λαός
αὐτῷ ὁμοῦ βασιλῆι Λύκῳ· παρὰ δ' ἄσπετα μῆλα,
ἢ θέμις οἰχομένοισι, ταφήια λαιμοτόμησαν.
καὶ δὴ τοι κέχεται τοῦδ' ἀνέρος ἐν χθονὶ κείνῃ
τύμβος, σῆμα δ' ἔπειτα καὶ ὀψιγόνοισιν ἰδέσθαι,
νήϊος ἐκ κοτίνοιο φάλαγξ, θαλέθει δέ τε φύλλοις,
ἄκρης τυτθὸν ἔνερθ' Ἰαχερουσίδος.

‘Его похоронили очень торжественно, чтобы воздать ему последние почести к ним присоединился народ вместе с царем Ликом. У огромного количества жертвенных животных, как положено при погребении умершего, перерезали горло. И сейчас в той стране совершаются этому человеку возлияния, и сохранился знак, чтобы он был виден и потомкам: корабельный руль из дикой оливы зеленеет листьями чуть ниже Ахерусидской вершины’ (2, 838–844).

Идмон почитался в Гераклее Понтийской. Аполлоний пишет, что культ этого героя был установлен по оракулу Аполлона, а сам он получил культовое имя Агаместор:

τόνδε πολισοῦχον διεπέφραδε Βοιωτοῖσιν
 Νισαίοισι τε Φοῖβος ἐπιρρήδην ἰλάεσθαι,
 ἀμφὶ δὲ τήνδε φάλαγγα παλαιγενέος κοτίνοιο
 ἄστυ βαλεῖν, οἱ δ' ἀντὶ θεοῦδέος Αἰολίδαο
 Ἴδμονος εἰσέτι νῦν Ἀγαμήστορα κυδαίνουσιν.

‘И Феб велел беотийцам и нисейцам умилоствлять его как хранителя города, и вокруг этого руля из дикой оливы основать город, и они даже теперь почитают благочестивого Эолида Идмона под именем Агаместора’ (2, 846–850).

В сцене похорон героя поэт использует глагол *τάρχυον* (2, 838), который есть в описании ритуалов в честь Сарпедона (16, 456 и 674). Как пишет Г. Надь, этим глаголом в «Илиаде» обозначаются действия, «которые совершают с телом героя его родственники и друзья»; он «несет в себе идею того, что Сарпедон уподобляется божеству – а так обозначается в эпосе превращение героя в объект культа» (Надь 2002: 181); с ним «связано представление о получении бессмертия после гибели» (Ibidem: 184).

Также в описании похорон Идмона есть уже отмеченный нами характерный для культовой лексики глагол *ἰλάεσθαι* (2, 847). Также в 850 стихе второй песни использован глагол *κυδαίνουσιν*, одно из значений которого – воздавать почести. Например, в 610–615 стихах пятнадцатой песни Гомер использует глагол *κυδαίνω*, чтобы подчеркнуть особое отношение Зевса к Гектору:

Ἔκτορος· αὐτὸς γάρ οἱ ἀπ' αἰθέρος ἦεν ἀμύντωρ
 Ζεὺς, ὃς μιν πλεόνησσι μετ' ἀνδράσι μούνον ἐόντα
 τίμα καὶ κύδαινε. μινυνθάδιος γὰρ ἔμελλεν
 ἔσσεσθ'· ἦδη γάρ οἱ ἐπόρνυε μόρσιμον ἦμαρ
 Παλλὰς Ἀθηναίη ὑπὸ Πηλεΐδαο βίηφιν.

‘Ведь его защитником с эфира был сам Зевс, который из многих людей воздает ему одному почет и божественные почести. Ведь ему осталось мало жить. Ведь уже Афина-Паллада определила день его смерти от силы сына Пелея’.

В данном фрагменте глагол *κυδαίνω* употреблен рядом с глаголом *τίμαω*, который в древнегреческом языке служит «для обозначения «почестей», которые бог или герой получают в

форме культа» (Надь 2002: 177). Согласно Г. Надю, «суть τιμή описывается в терминах ритуального жертвоприношения» (Ibidem: 181). Таким образом, предполагается, что Гектор после смерти станет объектом религиозного культа.

Аполлоний упоминает, что в связи с установлением культа Идмона Аполлон велел основать новый город (2, 848–849). Героями-основателями поселений в «Аргонавтике» являются Полифем (1, 1324) и Евфем (4, 1757–1758)⁹. Эпизод с исчезновением Гила служит в «Аргонавтике» «причиной» основания Трихины¹⁰ и совершаемых там ритуалов:

... ἐπηπίλησε δὲ γαῖαν
 Μυσίδ' ἀναστήσειν αὐτοσχεδόν, ὄπλοτε μὴ οἱ
 ἢ ζωῶ εὖροιεν Ἵλα μόνον ἢ ἐθανόντος.
 τοῖο δὲ ῥύσι' ὄπασσαν ἀποκρίναντες ἀρίστους
 υἱέας ἐκ δήμοιο, καὶ ὄρκια ποιήσαντο
 μήποτε μαστεύοντες ἀπολλήξειν καμάτοιο.
 τούνεκεν εἰσέτι νῦν περ Ἵλαν ἐρέουσι Κιανοί,
 κοῦρον Θειοδάμαντος, ἐκτιμένης τε μέλονται
 Τρηχῖνος· δὴ γάρ ῥα καταυτόθι νάσσατο παῖδας
 οὓς οἱ ῥύσια κείθεν ἐπιπροέηκαν ἄγεσθαι.

‘И он угрожал уничтожить Мисийскую землю, если они не узнают об участии Гилла жив он или умер. В качестве залога они приняли решение отдать ему сыновей самых знатных людей и принесли торжественную клятву, что никогда они не прекратят свои труды в его поисках. И поэтому до сих пор пор кианийцы спрашивают про сына Фейодоманта Гила и заботятся о хорошо построенной Трехине. Ведь в то место он отправил и там поселил детей, которых они ему послали в качестве заложников’

(1, 1348 – 1357)

А. Караника считает, что функции героя-основателя поселения в поэме Аполлония выполняет Орфей (Karaniка 2010). Во-первых, он во время плавания своим пением устанавливает связи между героями и богами (Karaniка 2010: 397). Когда аргонавты отплывают из Иолка, Орфей поет гимн Артемиде – храни-

⁹ Страбон связывает название города Мопсий с аргонавтом Мопсом (IX, 5, 22). Павсаний производит название Флиунта «от аргонанта Флианта» (II, 12, 6), а эпонимом тифейцев, по его мнению, является кормчий Тифис (XIX, 32,4).

¹⁰ Об этом событии сообщает также в «Географии» Страбон: «Еще и поныне прунейцы справляют нечто вроде праздника – блуждание по горам с вакхическими шествиями и призыванием Гила, как будто они выходят в лес на поиски Гила» (XII, 4, 3).

тельнице города (1, 570–572). Также он исполняет гимн во время жертвоприношений после эпифании Аполлона. Содержание его песни Аполлоний передает в форме косвенной речи:

ὥς ποτε πετραίη ὑπὸ δειράδι Парνησσοῖο
 Δελφύνην τόξοισι πελώριον ἐξενάριζεν,
 κοῦρος ἐὼν ἔτι γυμνός, ἔτι πλοκάμοισι γεγηθώς

‘Он пел, что когда-то, еще будучи обнаженным юношей, радующимся своим волосам, он застрелил из лука огромного Дельфина’.

Далее автор обращается к богу уже от своего лица:

(ἰλήκοις · αἰεὶ τοι, ἄναξ, ἄτμητοι ἔθειραι,
 αἰὲν ἀδήλητοι, τὼς γὰρ θέμις, οἴοθι δ' αὐτῇ
 Λητῶ Κοιογένεια φίλαις ἐνὶ χερσὶν ἀφάσσει).

‘Будь милостив, владыка, всегда твои кудри неподрезаны и не обезображены, ведь так установлено обычаем, и только сама Лето, рожденная Коем, берет их в свои любящие руки’

(2, 707–713).

В третий раз Орфей поет в ливийской пустыне гимн Гесперидам, что бы они указали аргонавтам, где находится источник:

“Δαίμονες ὃ καλαὶ καὶ ἐύφρονες, ἴλατ' ἄνασσαί,
 εἴτ' οὖν οὐρανίαις ἐναρίθμοι ἐστε θεῆσιν
 εἴτε καταχθονίαις, εἴτ' οἰοπόλοι καλέεσθε
 ἡνύμφαι · ἴτ' ὧτ' ἡνύμφαι, ἱερὸν γένος Ὠκεανοῖο,
 δεῖξατ' ἐελδομένοισιν ἐνωπαδὶς ἄμμι φανεῖσαι
 ἢ τινα πετραίην χύσιν ὕδατος ἢ τινα γαίης
 ἱερὸν ἐκβλύοντα θεαὶ ῥόον, ᾧ ἀπὸ δίψαν
 αἰθομένην ἄμοτον λωφήσομεν. εἰ δέ κεν αὖτις
 δῆ ποτ' Ἀχαιίδα γαῖαν ἰκώμεθα ναυτιλήσιν,
 δῆ τότε μυρία δῶρα μετὰ πρώτῃσι θεάων
 λοιβάς τ' εἰλαπίνας τε παρέξομεν εὐμενέοντες.”

‘О, красивые и благосклонные божества, будьте милостивы, владычицы, входите ли вы в число небесных богов, или обитаете под землей, или являетесь нимфами пустыни. Давайте, нимфы, священный род Океана, покажите, богини, нам, жаждущим увидеть перед собой или поток, бьющий из скалы, или вытекающий из земли какой-нибудь священный родник, из которого мы утолим яростно жгущую нас жажду. Если мы когда нибудь вернемся на корабле в ахейскую землю, мы в благодарность принесем вам вместе с первыми богинями тысячи даров и устроим возлияния и пиры’ (4, 1411–1421).

Его просьба не остается без ответа. Таким образом Орфей очевидным образом выступает в роли посредника между героями и божествами, своего рода носителя культовой, гимнической традиции.

Знаком этой связи с божественной сферой и чертой, в принципе характерной для героя-основателя города, является и то, что Орфей устанавливает новые культы и ритуалы (Kaganica 2010: 397). Эпифанию Аполлона на заре он объясняет как необходимость установить на острове культ Аполлона Заревого (2, 686–688). После убийства Кизика аргонавты по распоряжению Орфея совершают жертвоприношения Рее, исполняя при этом ритуальный танец:

πολλὰ δὲ τήνγε λιτῆσιν ἀποστρέψαι ἐριώλας
 Αἰσονίδης γουνάζετ', ἐπιλείβων ἱεροῖσιν
 αἰθομένοις· ἄμυδις δὲ νέοι Ὀρφῆος ἀνωγῆ
 σκαίροντες βηταρμόν ἐνόπλιον εἰλίσσοντο,

‘Долго на коленях Эсонид умолял ее прекратить вихри, добавляя к сжигаемым жертвам возлияния. Одновременно юноши, по требованию Орфея, кружились, танцуя при оружии, и ударили мечами в щиты’. (1, 1132–1135)

Этот эпизод, как пишет Аполлоний, является «причиной» священнодействий жрецов Кибелы (1, 1138–1139). Богиня, чтобы показать свою благосклонность, посылает героям ответные знаки, вступая с ними в «диалог». Действия Орфея обеспечивают благополучное завершение путешествию аргонавтов. Поскольку в «Аргонавтике» он является духовным лидером экспедиции (Kaganica 2010: 401), Аполлоний, перечисляя аргонавтов, называет его первым (1, 23–34). Особая связь Орфея с культово-религиозной сферой (в принципе характерная для этого мифологического персонажа в традиции) подкрепляется, среди прочего, и картиной того, как он исполняет космогонический гимн (1, 496–512), и упоминанием о том, что на острове Электры именно по совету Орфея аргонавты были посвящены в мистерии (1, 915–918).

Главным свидетельством героизации предводителя аргонавтов, Ясона, являются географические названия, включающие в себя его имя: Дорога Ясона (1, 988), Ясонов Ключ (1, 1148–1149)¹¹. В 960 стихе первой песни «Аргонавтики» упомянут

¹¹ По свидетельству Страбона, святилища Ясона можно увидеть «во многих местах Армении и Лидии и в соседних с ними странах» (I, 3,

храм Ясонийской Афины. Как пишет Л. Фарнелл (Farnell 1921: 17), использование в эпитете божества имени героя является еще одним свидетельством установления его культового почитания. Также в «Аргонавтике» подчеркивается особенная связь Ясона с Герой, которая на свадьбе с Медеей почтила (κδοῖ-νοῦσα) его (4, 1152). Как уже упоминалось, этот глагол в поэме Аполлония подразумевает героические почести.

Аполлоний называет брак Ясона с Медеей почитаемым (τιμῆις) и воспеваемым (ἀοιδίος) (4, 1142–1143). Таким образом, с одной стороны, поэт подчеркивает, что свадьба героев является темой эпических произведений, а с другой, – что они являются объектом религиозного почитания. Следует заметить, что в соответствии с обычной для Аполлония схемой, когда рассказ о том или ином событии, имеющем культовый подтекст, завершается причиной, место, в котором герои сочетались браком, получает название Пещера Медеи (4, 1143–1145), что можно считать и указанием на культовое почитание, тем более что в «Аргонавтике» упоминается и о грядущем пребывании Медеи после смерти на островах Блаженных, где она станет супругой Ахилла (4, 814)¹².

Подведем некоторые итоги. В «Аргонавтике» Аполлония Родосского аргонавты выступают не только как эпические герои, но и как объекты культа. Постоянные упоминания культовых эпитетов, практик, описания обрядов и т. п. в какой-то мере придают тексту «Аргонавтики» сходство с формой гимна.

Литература

- Буркерт 2004 – Греческая религия: Архаика и классика. СПб., 2004.
 Гаспаров 1980 – Гаспаров М. Л. Поэзия Пиндара // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М., 1980.
 Завьялова 2009 – Завьялова В. П. Каллимах и его гимны. М., 2009.
 Надь 2002 – Надь Г. Греческая мифология и поэтика. М., 2002.

39; XI 4, 8), его храм находится в Абдерах (XI, 14, 12). С именем героя связаны гора Ясоний (XI, 13, 10) и мыс Ясоний (XI, 14, 17)

¹² Как и в случае с Ясоном, у нас есть исторические свидетельства о существовании в Греции культа Медеи, прежде всего в Коринфе. См. об этом Гаспаров 1980: 414; Johnston 1997. Ср. также интересную статью, в которой прослеживается связь Медеи с культом основателя городов (Krevans 1997).

- Смыка 1973 – Смыка О. В. Некоторые замечания об источниках «Аргонавтики» Аполлония Родосского // Вопросы классической филологии. Вып. 5. М., 1973.
- Antonaccio 1995 – Antonaccio C. M. An Archeology of Ancestors. Tomb Cult and Hero Cult in Ancient Greece. Rowman & Littlefield, 1995.
- Discin 2004 – Discin C. Archilochos Heros: The Cult of Poets in the Greek Polis. Cambridge, 2004.
- Ekroth 2002 – Ekroth G. The sacrificial Rituals of Greek Hero-Cults in the Archaic to the Early Hellenistic Periods // Kernos. Supplement 12. Liege, 2002.
- Farnell 1921– Farnell L. R. Greek Hero Cults and Ideas of Immortality. Oxford.
- Fränkel 1952 – Fränkel H. Apollonius Rhodius as a Narrator in Argonautica II, 1–140 // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1952. Vol. 83.
- Hitch 2005 – Hitch S. Hero Cult in Apollonius Rhodius // Harder M. A., Regtuit R. F., Wakker G. C. (edd.) Beyond the Canon. Leuven.
- Johnston 1997 – Johnston S. Corinthian Medea and the cult of Hera Akraia // Medea: Essays on Medea in Myth, Literature, Philosophy and Art. Princeton, 1997.
- Karanica 2010 – Karanica A. Inside Orpheus Songs // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2010. Vol. 50.
- Krevans 1997 – Krevans N. Medea as Foundation-Heroine // Medea: Essays on Medea in Myth, Literature, Philosophy and Art. Princeton, 1997.
- Rohde 1925 – Rohde E. Psyche: The Cult of Souls and the Belief in Immortality among the Greeks. London, 1925.

I. V. Rybakova. Argonautica of Apollonius Rhodius as Hymn to Argonauts

In the Argonautica of Apollonius Rhodius Argonauts are represented not only as epic heroes, but also as objects of a religious cult. The poet in his epic pays much attention to the places connected with the travel of Argonauts, to descriptions of rites and to heroes' cult epithets.

Keywords: Apollonius Rhodius, Argonautica, Argonauts, religious cult, rites, hymn.

А. В. Сафронов

ГРЕЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ О ПЕЛАСГАХ И ТИРСЕНАХ В АНАТОЛИИ И ЕЕ ЕГИПЕТСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ*

Автор рассматривает данные греческих авторов о тирсенах и пеласгах в западной и северо-западной Малой Азии, которые постоянно смешивали эти два народа. По его мнению, данный факт говорит о том, что греки считали эти два этноса близкородственными. На основании данных Гомера и Конона из Кизика автор полагает, что традиция о пеласгах и тирсенах в западной и северо-западной Малой Азии сложилась до 8 в. до н. э. По мнению автора, исторические корни данным греческой традиции следует искать в начале 12 в. до н. э., когда Восточное Средиземноморье подверглось нашествию «народов моря», среди которых упоминаются *пелесет* и *туриша*, которые соответствуют, как полагает автор, пеласгам и тирсенам. В качестве причины миграции этих племен надпись 5-го года Рамсеса III упоминает опустошение их родины, которую, по мнению автора, следует помещать на северо-западе Малой Азии.

Ключевые слова: греческая традиция, «народы моря», пеласги, Рамсес III, тирсены, Троянская война, филистимляне.

Исследователи неоднократно отмечали, что в античной традиции этнонимы тирсенов и пеласгов регулярно смешивались (Немировский 1983: 16–30; Гиндин, Цымбурский 1996: 166). Так, Фукидид, описывая кампанию Брасида на Халкидике зимой 424–423 гг. до н. э., упоминает среди народностей, живших на полуострове Акте, пеласгов, которые были потомками населявших некогда Лемнос и Афины тирсенов (Thuc. IV.109). У Геродота же имеются данные, что еще в конце 6 в. до н. э. на Лемносе и Имбросе обитали пеласги (Hdt. V.26; VI.136). Он же сообщает о пеласгах, которые в его время жили в городе Крестоне на Халкидике¹ севернее тирсенов (Hdt. I.57). Кроме того,

---

* Работа выполнена в рамках гранта РФНФ № 15-31-01307 «Великие державы и мигрирующие народы: этнополитические процессы в Восточном Средиземноморье и на Переднем Востоке во второй половине 2 тыс. до н. э.»

¹ О том, что речь идет о Крестоне на Халкидике, а не об италийском Кротоне см. Немировский 1983: 21; Beekes 2002: 237–238.

«отец истории» приводит информацию со ссылкой на Гекатея и афинские предания, согласно которой пеласги некогда возвели стену вокруг афинского акрополя, но потом были изгнаны афинянами из Аттики на Лемнос (Hdt. VI.137). Эта стена упоминается в трудах греческих авторов либо как Πελαστικόν, либо как Πελαργικόν² (Немировский 1983:21). Лексикограф Гесихий (Hesych. 1296), упоминая об этой стене, делает крайне любопытное примечание: πελαστικόν· τεῖχίον οὕτω ἐν Ἀθήναις καλούμενον Τυρσηῶν κτισάντων ‘Пеластикон: стена в Афинах, называемая таким образом, (так как ее) построили тирсены’. К данному сообщению Гесихия мы вернемся позже. Но уже по вышеприведенным отрывкам очевидно, что античные авторы постоянно путали пеласгов и тирсенов, видимо, считая их если не единым народом, то, по крайней мере, близкородственными племенами.

Это ощущение еще более усиливается при знакомстве со свидетельствами Мирсила Лесбосского и Гелланика, сохранными Дионисием Галикарнасским. Гелланик сообщает, что до переселения в Италию тирсены назывались пеласгами, Мирсил же напротив полагает, что изначально племя называлось тирренами/тирсенами, впоследствии же стало именоваться пеласгами (Dion. Hal. I.23; 28). И наконец, Антиклид прямо говорит, что часть пеласгов вместе с Тирреном, сыном Аттиса, переселилась в Италию (Strabo. V.2.4), что в свою очередь отсылает нас к знаменитому преданию, сообщаемому Геродотом, о переселении тирсенов в Италию из Лидии (Hdt. I. 94).

Если мы посмотрим ареал распространения пеласгов и тирсенов по данным греческих авторов, то помимо прочего он охватывает территорию западной и северо-западной Малой Азии. Древнейшее свидетельство о пеласгах в Троаде содержится уже у Гомера, который упоминает среди союзников троянцев их контингент из Ларисы (вероятно, малоазийской) (Немировский 1983:18) под предводительством Гиппофооя и Арея³ (Il. II. 840–843; X. 429; XVII. 288). Указанные выше свидетельства античных авторов также помещают тирсенов на западе Малой Азии и прилегающих к ней островах – Лемносе, Имбросе, Лесбосе. Данные греческой традиции о присутствии тирсенов в этом

² Данное название, видимо, происходит от народной этимологии имени пеласгов, возводящей его к слову πελαργός ‘аист’: см., например: Strabo. V.2.4.

³ Об этрусских параллелях к имени отца этих двух пеласгов Λῆρος см.: Немировский 1983: 28; Гиндин, Цымбурский 1996: 167.

регионе подтверждаются и археологией: на Лемносе и Имбросе были обнаружены надмогильная стела и фрагменты сосудов с надписями на близкородственном этрусскому языку, которые датируются VII–VI вв. до н. э. (Яцемирский 2005: 317).

К сожалению, античные авторы не сохранили хронологических привязок для предания о переселении тирсенов/пеласгов в Италию⁴. Однако локализация пеласгов Гомером на северо-западе Малой Азии свидетельствует в пользу глубокой древности традиции об их присутствии в этом районе. Кроме того, Конон из Кизика сообщает, что полуостров Кизик в Пропонтиде назван по имени царя пеласгов, которые бежали от эолийцев из Фессалии. Поскольку этот царь был убит Ясоном во время высадки аргонавтов в Кизике, то прибытие пеласгов в Пропонтиду должно было произойти еще до Троянской войны. Позднее, согласно Конону, пеласги покинули Кизик под давлением тирсенов, где последние и поселились (Lochner-Hüttenbach 1960: 55). Ясно, что основа предания о миграции пеласгов в Пропонтиду и заселении Кизика тирсенами должна относиться ко времени до 756 г. до н. э., когда в Кизике была создана милетская колония (Кулакова 2001: 191; Лаптева 2009:87). Для нас здесь важны два пункта: а) данные Конона о пеласгах и тирсенах на Кизике относятся ко времени до 8 в. до н. э. и перекликаются с сообщением Геродота об основании пеласгами городов Плакии и Скиллака на Геллеспонте (Hdt. I.57)⁵; б) никаких причин намеренно создавать этиологические построения о связи Кизика с пеласгами и тирсенами указать нельзя⁶.

Учитывая вышесказанное, можно утверждать, что в античном историописании существовала устойчивая традиция о связи пеласгов и тирсенов, которая помещала их, в том числе, на

---

⁴ Для эпохи древности хронология событий обычно отсчитывалась от периода до/после Троянской войны. В историографии существуют попытки увязать данные античных авторов о голоде в Лидии, вынудившем тирсенов/пеласгов мигрировать в Италию, с сообщениями египетских источников о голоде в Анатолии в конце 13 в. до н. э. (Beekes 2002: 225). Однако хотя подобные гипотезы весьма привлекательны, сами по себе они не имеют доказательной силы.

⁵ Соответственно, и всю легендарную традицию о тирсенах и пеласгах на западе и северо-западе Малой Азии следует относить ко времени до 8 в. до н. э.

⁶ Считать это предание неким вымыслом Конона (Кулакова 2001: 191) не представляется возможным, учитывая устойчивую античную традицию о пеласгах и тирсенах в Малой Азии.

западе и северо-западе Малой Азии. Мы едва ли ошибемся, если отнесем исторические реалии, которые могли бы скрываться за этими преданиями, к концу II тыс. до н. э., когда Эгеида и Средиземноморье были охвачены масштабными миграциями племен. Если наши рассуждения справедливы, нельзя ли найти в таком случае данные о тирсенах и пеласгах в негреческих источниках?

В риторической стеле Рамсеса III (1198–1166 гг. до н. э.) из святилища богини Меретсегер в фиванских горах помимо традиционных славословий фараону упоминается о его победах над ливийцами, нубийцами и «народом моря». К сожалению, часть текста стелы, касающаяся «народов моря», практически не сохранилась, однако даже остатки надписи чрезвычайно интересны для нашего исследования: ⁽⁸⁾ jrj=f ptpt h3s.w.t jw.w d3j n w.w=f [.....] m3c Prst.w Trš.w m hr.j-jb p3 ym ⁽⁸⁾ ‘Растоптал он (т. е. Рамсес III – А.С.) нагорья и острова, которые перешагнули владения его [.....] Приплыли *пелесет* и *туруша* из середины моря’ (Bruyère 1930: p. 36, Pl. 4).

Племена «народов моря» *пелесет* и *туруша* хорошо известны из других египетских надписей. *Пелесет* впервые встречаются в надписях Рамсеса III и давно уже надежно идентифицированы как библейские филистимляне, название которых начиная с 18 века исследователи пытались сопоставить с пеласгами (см. с литературой: Singer 1988: 241–242). Уже неоднократно указывалось, что диссимилиация группы *-st* в библейском и лувийском топонимах *Peleşet/Palistin*⁷ и этнониме евр. *Pelištīm* / егип. *Prst.w* в кластер *-sg* в греч. *Πελασγοί* находит достаточно убедительные параллели в греческой традиции. Приведенная выше глосса Гесихия фиксирует название стены афинского акрополя как *πελαστικόν* вместо *πελασγικόν*, а наименование Зевса Додон-

⁷ Речь идет о недавно изданной лувийской надписи, упоминающей царя страны Палистин Тайту в долине Амука. Здесь необходимо исправить досадную ошибку, допущенную автором в его публикации трехгодичной давности в данном сборнике (Сафронов 2012). В статье утверждалось, что надпись Тайты, упоминающая страну Палистин, была найдена при раскопках Телль Тайнат (Сафронов 2012: 750–751). На самом деле, она, конечно же, была обнаружена при раскопках храма Бога Грозы в Алеппо (Hawkins 2009: 169). В Телль Тайнат же была найдена надпись более позднего правителя стране Палистин 9 в. до н. э. с именем Халпарунтия (Hawkins 2009: 166). Автор приносит свои извинения за допущенную неточность. На общие выводы работы она, однако, не влияет.

ского в вокативе вместо Πελασγικέ один раз передано в схолиях к «Илиаде» как Πελαστικέ (Schol. Hom. II. XVI. 233). Недавно И. Сингер со ссылкой на К. Уоткинса указал, что в ряде индоевропейских языков зафиксировано изменение кластера *-sg* в *-st*, в чем он видел еще одно доказательство возможности сопоставления *пелесет/филистимлян* и *пеласгов* (Singer 2013: 327)⁸.

Появление *турша* вместе с филистимлянами в Египте в правление Рамсеса III, на первый взгляд, выглядит необычно. Этот этноним несколько раз фиксируется ранее, в 5-й год правления Мернептаха (1224–1214 гг. до н. э.). Тогда *турша* вместе с *акайваша/ахейцами* и рядом других северных племен в составе ливийских воинств напали на Египет (Сафронов 2010: 107). *Турша* традиционно сопоставляются как с тирсенами, так и с жителями Троады (ср. хетт. KUR^{URU}Taruiša «Анналов Тудхалияса») и помещаются в западной или северо-западной Малой Азии (Singer 1988: 243; Сафронов 2013: 792–793). Однако при Рамсесе III почти тридцать лет спустя *турша* не упоминаются в основных надписях Мединет Абу о битвах египтян с «народом моря». Это привело исследователей к выводу, что их упоминание среди «народов моря» в начале 12 в. до н. э. – анахронизм, возникший из неосведомленности египетских писцов, живших поколением спустя, о реальном положении дел в недалеком прошлом (Helck 1976: 16). Тем не менее, подобное объяснение выглядит малоубедительным. Во-первых, помимо стелы из святилища Меретсегер *турша* встречаются еще один раз. На фасаде так называемых «Высоких врат» в Мединет Абу содержатся рельефы, изображающие покоренных северных врагов, в том числе, из числа «народов моря». В подписи к одной из фигур упоминаются «*турша* моря» (Trš.w p3 ut), при этом примечательно, что сразу за ней первоначально располагалась фигура пленного филистимлянина, от которой ныне сохранилась лишь приписка «вождь (букв. «большой» – А. С.) врагов *пел[есет]*» (š3 n hrw3w n Pr[st.w]) (МН 1970: Pl. 600b; Safronov 2008: 313, 318, fig. 3). Возникает резонный вопрос, почему египетские писцы, если бы они по неосведомленности скопировали название *турша* из предшествующих надписей Мернептаха, сделали это выборочно дважды, при этом ни разу не упомянув другие племена «народов моря» конца 13 в. до н. э.? Как

⁸ См. примеры перехода *mosg- > *most- для лексемы со значением 'мозг' в ряде индоевропейских языков (Watkins 1995: 535).

представляется, речь здесь идет не об анахронизме, и *турша* действительно участвовали в походах «народов моря» в начале 12 в. до н. э. Как показал автор, этноним *турша* располагался в лакуне конца строки 51 надписи 5-го года правления Рамсеса III: «⁽⁵¹⁾ Затрепетали северные чужеземья в их телах, а именно *пелесет*, *текер* [и *турша*]. ⁽⁵²⁾ Разорили их землю, пришел их дух опустошенным» (Safronov 2008:313; Сафронов 2009а: 148). Если это верно, то тогда можно объяснить отсутствие *турша* в надписи 8-го года правления Рамсеса III. В ней наиболее значительными врагами египтян выступают племена *пелесет* и *текер* (Redford 1992: 251). В надписи 5-го года правления Рамсеса III говорится о разорении общей (!) страны *пелесет*, *текер* и *турша*, в то время как текст риторической стелы Рамсеса III упоминает лишь *пелесет* и *турша*. Можно предположить, что в надписи 8-го года Рамсеса III *турша* не выписаны просто потому, что они для египтян могли сливаться с *текер*. Таким образом, заманчиво считать, что для египетских писцов эти понятия были тесно связанными и в каких-то контекстах взаимозаменяемыми. Это тем более любопытно, что в *текер* следует видеть народ, известный по греческой эпической традиции как тевкры (с развернутой аргументацией: Сафронов 2014: 832–839), обитавшие на северо-западе Малой Азии, как и *турша*-тирсены/ «таруисцы».

Таким образом, египетские надписи Рамсеса III показывают, что в начале 12 в. до н. э. египтяне столкнулись с теми же самими северными племенами – *пелесет* и *турша/текер*, которые позже упоминаются в греческой традиции под именем пеласгов и тирсенов и отчасти локализуются на западе и северо-западе Анатолии. Еще более удивительно, что египтяне сохранили воспоминание о войне в западной Анатолии, которая вынудила ее обитателей мигрировать в Восточное Средиземноморье в начале 12 в. до н. э. Это, в свою очередь, обнаруживает заманчивые параллели в греческой эпической традиции о Троянской войне и рассеивании греческих и троянских героев после ее окончания по всему Восточному Средиземноморью (Сафронов 2012; 2013; 2014).

Литература

Гиндин, Цымбурский 1996 – Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М, 1996.

- Кулакова 2001 – Кулакова А. П. Милетская колонизация VIII–VII вв. до н. э. в районе Пропонтиды и Причерноморья. Канд. дис. СПб., 2001.
- Лаптева 2009 – Лаптева М. Ю. У истоков древнегреческой колонизации. Иония XI–VI вв. до н. э. СПб., 2009.
- Немировский 1983 – Немировский А. И. Этруски. От мифа к истории. М., 1983.
- Сафронов 2009 – Сафронов А. В. К трактовке сткк. 51–52 надписи 5-го года правления Рамсеса III из его заупокойного храма в Мединет Абу // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2009. № 1.
- Сафронов 2010 – Сафронов А. В. Несуществующий обычай обрезания у греков-ахейцев (значение египетской лексемы qmṯ) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2010. № 1.
- Сафронов 2012 – Сафронов А. В. Государства раннежелезного века Палестин и (Ах)хива в северной Сирии и Киликии: еще раз об отражении миграции «народов моря» в греческой эпической традиции // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XVI / под ред. Казанского Н. Н. СПб., 2012.
- Сафронов 2013 – Сафронов А. В. Троянцы в Ливии: греческие реминисценции об участии населения Западной Анатолии в движении «народов моря» // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XVII / под ред. Казанского Н. Н. СПб., 2013.
- Сафронов 2014 – Сафронов А. В. «Народы моря» и Кипр: история и легендарная традиция // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XVIII / под ред. Казанского Н. Н. СПб., 2014.
- Яцемирский 2005 – Яцемирский С. А. Язык надписи лемносской стелы в сравнительном освещении // Аспекты компаративистики. Т. 1. / под ред. Смирнова И. С. М., 2005.
- Beekes 2002 – Beekes R. The prehistory of Lydians, the origin of Etruscans, Troy and Aeneas // *Bibliotheca Orientalis*. 2002. Vol. 59/3–4.
- Bruyère 1930 – Bruyère V. *Mert Seger à Deir el Médineh*. Le Caire, 1930.
- Hawkins 2009 – Hawkins J. D. Cilicia, the Amuq, and Aleppo. New Light in a Dark Age. // *Near Eastern Archaeology*. 2009. № 72/4.
- Helck 1976 – Helck W. *Die Seevölker in den ägyptischen Quellen* // *Jahresbericht des Instituts für Vorgeschichte der Universität Frankfurt A. M. München*, 1976.
- MH 1970 – *Medinet Habu. Volume 8: The eastern High Gate*. Chicago, 1970.
- Redford 1992 – Redford D. *Egypt, Canaan and Israel in ancient times*. Princeton, 1992.
- Lochner-Hüttenbach 1960 – Lochner-Hüttenbach Fr. *Die Pelasger*. Wien, 1960.
- Singer 1988 – Singer I. The origin of the Sea Peoples and their settlement on the coast of Canaan // *Society and Economy in the Eastern Mediterranean (1500–1100 BC.)* / Heltzer M., Lipinski E. eds. Leuven, 1988.

- Safronov 2008 – Safronov A. One unusual example of the sentence with impersonal subject in Ramses' III 5th year inscription // *Lingua Aegyptia. Journal of Egyptian Language Studies*. 2008. Vol. 16.
- Singer 2013 – «Old country» ethnonyms in «new countries» of the «Sea Peoples» diaspora // *Amilla: the quest for excellence: Studies presented to G. Kopcke in Celebration of his 75th birthday / Koehl R. B. (ed)*. Philadelphia, 2013.
- Watkins 1995 – Watkins K. How to kill a dragon. Aspects of Indo-European poetics. New York; Oxford, 1995.

A. V. Safronov. The Greek tradition about Tyrsenians and Pelasgians in Anatolia and its Egyptian counterparts

The article has deal with witnesses of Greek authors about Tyrsenians and Pelasgians in western and north-western Asia Minor. Both of these peoples are regularly confused in Greek tradition. It seems that Greeks believe these peoples are close-related. Based on the data of Homer and Conon from Cyzicus the author suggests that the tradition about Tyrsenians and Pelasgians in western and north-western Anatolia came into existence before 8 century BC. In author's opinion, the historical ground for this tradition can be seen at the beginning of 12 century BC when Eastern Mediterranean underwent the great invasion of the Sea Peoples. Among them the Peleset and the Tursha who correspond to Pelasgians and Tyrsenians of Greek tradition are mentioned by Egyptian inscriptions. The author thinks that the homeland of these tribes should be placed in north-western Anatolia which was devastated by the war according to inscriptions of Ramses III.

Keywords: Greek tradition, Sea Peoples, Pelasgians, Ramses III, Tyrsenians, Trojan War, Philistines.

САМОЕ ЗНАМЕНИТОЕ СЛОВО СЕПТУАГИНТЫ¹

В статье рассматривается «самое знаменитое слово Септуагинты» (J. Barr) – παρθένος как перевод евр. פָּרְזָה в Исайя 7:14. Автор согласен с теми, кто считает, что семантическая различие между двумя словами было сильно преувеличено в ходе двухтысячелетней иудео-христианской полемики.

Модель лексического анализа, основанного на «теории прототипов» (Элеонора Рош и др.), представляется более подходящей для анализа семантических отношений перевода и оригинала, чем традиционная модель лексического анализа. В статье предпринимается попытка продемонстрировать, что прототипические значений евр. פָּרְזָה и греч. παρθένος практически идентичны.

Используя старый греческий перевод Пятикнижия как своего рода «еврейско-греческий словарь», переводчик Исайи должен был сделать выбор между двумя греческими соответствиями для евр. פָּרְזָה : παρθένος и νεάνις. Исследуются факторы, которые могли повлиять на его выбор. Возможно, слово νεάνις было отвергнуто из-за свойственного ему оттенка «служанка». В свою очередь, выбор слова παρθένος, по-видимому, повлиял на передачу еврейских глагольных форм в греческом переводе Исайя 7: 14.

Ключевые слова: Библия, Септуагинта, еврейский язык, греческий язык, перевод, Исайя, евангелие от Матфея.

«Самым знаменитым словом Септуагинты» назвал Джеймс Барр (Barr 2005) παρθένος из седьмой главы Исайи: ἰδοὺ ἡ παρθένος ἐν γαστρὶ ἔξει καὶ τέξεται υἱόν καὶ καλέσει τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ἐμμανουὴλ («Се, Дева во чреве зачнет и родит сына и ты дашь ему имя Эммануэл», Ис 7: 14). Знаменитым оно стало благодаря тому, что евангелист Матфей процитировал этот стих Исайи практически без изменений, говоря о рождении Иисуса Христа: τοῦτο δὲ ὄλον γέγονεν ἵνα πληρωθῇ τὸ ρηθὲν ὑπὸ κυρίου διὰ τοῦ προφήτου λέγοντος ἰδοὺ ἡ παρθένος ἐν γαστρὶ ἔξει καὶ τέξεται υἱόν, καὶ καλέσουσιν τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ἐμμανουήλ, ὃ ἐστὶν μεθερμηνευόμενον μεθ' ἡμῶν ὁ θεός («Все это произошло, чтобы исполнилось сказанное Господом чрез пророка: Се, Дева во

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ («Переинтерпретация религиозных концептов еврейской Библии в греческом переводе («Септуагинте»)), проект № 14-01-00448).

чреве зачнет и родит сына и дадут ему имя Эммануэл», Мф 1: 22–23).

Греческому παρθένος в масоретском тексте Ис 7: 14 соответствует еврейское פַּרְוּיָהּ – слово, которое обычно передается в Септуагинте как νεῖνις «юная женщина», «служанка». Аквила, Симмах и Феодотион в своих ревизиях Септуагинты поправили в Ис 7: 14 παρθένος на νεῖνις (не исключено, впрочем, что такое чтение появилось в греческих текстах задолго до Аквилы: благодаря кумранским находкам мы знаем, что правка текста Септуагинты, приближающая ее к протомасоретскому тексту, началась еще до н. э.).

Столкнувшись с переводом νεῖνις в рукописях, которыми пользовались грекоязычные иудеи, христианские апологеты обвинили их в преднамеренном антихристианском искажении текста Септуагинты (впервые – Иустин Философ в середине 2 в. н. э.). Иудеи отвечали, что христиане в своей Библии неверно перевели слово פַּרְוּיָהּ. Уже в Новое Время некоторые христианские богословы, познакомившиеся с еврейским языком, предположили, что еврейский текст Ис 7: 14 первоначально содержал не слово פַּרְוּיָהּ, а слово הַיְוָיָהּ ('дева'; таков наиболее распространенный эквивалент παρθένος в Септуагинте), и что раввины в целях антихристианской полемики не только в греческой Библии заменили παρθένος на νεῖνις, но в даже и в самом еврейском тексте поменяли הַיְוָיָהּ 'дева' на פַּרְוּיָהּ 'молодая женщина'. Литература по «самому известному слову Септуагинты» стала поистине необозримой.

Спор о том, исказили раввины еврейский текст, или нет, был решен в середине двадцатого века находкой в Кумране еврейского свитка Исаяи (QIsa^a) с чтением פַּרְוּיָהּ. Свиток датируется Э. Товом, с учетом палеографического анализа, 150–125 гг. до н. э. (Тов 2008. Р. 42–56), а на основании радиоуглеродного анализа – 335–122 гг. до н. э. (Jull et al. 1995. Р. 11–19) либо 199–120 гг. до н. э. (Bonani et al. 1991. Р. 27–32.) Таким образом, гипотетическая антихристианская замена в еврейском тексте должна быть отнесена за столетие с лишним до возникновения христианства, – что представляется абсурдным.

Теоретически, поскольку все дошедшие до нас рукописи Септуагинты, содержащие Ис 7: 14, относятся уже к христианской эпохе, можно было бы предположить обратное: что в первоначальном тексте Септуагинты стояло νεῖνις (как у Аквилы, Симмаха и Феодотиона), а перед автором евангелия от

Матфея лежала какая-то позднейшая редакция этого текста. Однако, насколько мне известно, такое предположение не выдвигалось ни одним серьезным текстологом: во-первых, все древние источники сходятся в том, что Септуагинта читает *παρθένος*; во-вторых, непонятно, кто и зачем стал бы менять *νεῆνις* на *παρθένος* до использования соответствующей цитаты в евангелии от Матфея.

Так почему же, все-таки, евр. *הַמָּלְאָה* в Септуагинте Ис 7: 14 передано греч. *παρθένος*?

Некоторые исследователи предполагают, что в египетско-эллинистическом контексте перевода существовало представление о девственном рождении героя-спасителя и что это представление могло повлиять на греческий вариант Ис 7:14 (напр., Rösel 1991). Другие исходят из того, что переводчики понимали женский образ в Ис 7: 14 метафорически – как указание на Иерусалим, «Деву-Сион» (напр., Lust 2004).

Но, быть может, острота этого вопроса обусловлена прежде всего наследием двухтысячелетней религиозной полемики, – а на самом деле евр. *הַמָּלְאָה* и греч. *παρθένος* не так уж далеки друг от друга по смыслу? Такова точка зрения, в частности, Barr 2005, Aejmelaeus 2006, De Sousa 2008. Вглядимся пристальнее в реальное словоупотребление, а не в то, которое кочует из апологетических работ в антиапологетические и обратно.

Евр. *הַמָּלְאָה*

Слово *הַמָּלְאָה* встречается в Библии семь раз².

(1) Первый раз – в Быт 24: 43–44. Авраамов раб, ищущий невесту для Исаака, говорит: «Вот я стою у колодца с водой. Если сюда придет девушка (*הַמָּלְאָה*, греч. *παρθένος*) за водой, и я ей скажу: «Дай мне попить немного воды из твоего кувшина», а она ответит мне: «Пей. А я начерпаю воды для твоих верблюдов», – значит, это именно та, кого Господь назначил в жены сыну господина моего»³.

² Мы исключаем из рассмотрения Пс 45/46:1 и 1 Пар 15:20, где встречается неясный музыкальный термин *לִמְלֵאָה לַמָּלְאָה* – скорее всего, указание либо на напев, либо на характер музыкального сопровождения.

³ Переводы древних текстов, если иначе не оговорено, принадлежат автору статьи.

(2) В Исх 2: 8 словом $\eta\mu\lambda\upsilon$ названа служанка дочери фараона: «Дочь фараона сказала ей: “Сходи”. Девушка ($\eta\mu\lambda\upsilon$, греч. $\nu\epsilon\acute{\alpha}\nu\iota\varsigma$) пошла и позвала мать ребенка».

(3) В Песни Песней 1: 3 девицы ($\eta\mu\lambda\upsilon$, $\nu\epsilon\acute{\alpha}\nu\iota\delta\epsilon\varsigma$) любят возлюбленного главной героини.

(4) В Песнь Песней 6: 8 лирический герой, подчеркивает уникальность своей возлюбленной на фоне сотен других женщин: «Шестьдесят цариц, восемьдесят наложниц, девочек ($\eta\mu\lambda\upsilon$, $\nu\epsilon\acute{\alpha}\nu\iota\delta\epsilon\varsigma$) без числа. Одна она, голубка моя, прекрасная моя...»

Возможны два понимания этого места. В одном понимании лирический герой (легендарный Соломон) обозревает свой гарем, в который входят женщины со статусом царицы, женщины со статусом наложницы (это тоже юридический статус, отличающийся от статуса царицы, в частности, правами детей) и простые «девчонки» для царской забавы. В другом понимании «девчонки» не принадлежат гарему, а просто украшают собой окружающий мир (в этом случае разумно предположить, что они остаются, как и положено в традиционном обществе, девственницами до брака). Так или иначе, смысл стиха в том, что на фоне всех женщин, и гарема, и окружающего мира, возлюбленная лирического героя – единственная и неповторимая.

(5) Псалом 67/68: 26. Описание торжественного шествия: «впереди шли певцы, позади музыканты с лирами, среди нах – девы ($\eta\mu\lambda\upsilon$, $\nu\epsilon\acute{\alpha}\nu\iota\delta\epsilon\varsigma$), бьющие в бубен».

(6) Притчи 30: 19. Список вещей, недоступных пониманию автора (пути, не оставляющие следов): «путь орла в небе, путь змея на скале, путь корабля в море, путь мужчины к девице ($\eta\mu\lambda\upsilon$)».

Греческий текст Притч 30:19 не соответствует еврейскому: $\acute{\iota}\chi\nu\eta \acute{\alpha}\epsilon\tau\omicron\upsilon \pi\epsilon\tau\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon \kappa\alpha\iota \acute{\omicron}\delta\omicron\upsilon\varsigma \acute{\omicron}\phi\epsilon\omega\varsigma \acute{\epsilon}\pi\iota \pi\acute{\epsilon}\tau\rho\alpha\varsigma \kappa\alpha\iota \tau\rho\acute{\iota}\beta\omicron\upsilon\varsigma \nu\eta\acute{\omicron}\varsigma \pi\omicron\nu\tau\omicron\lambda\omicron\rho\omicron\upsilon\sigma\eta\varsigma \kappa\alpha\iota \acute{\omicron}\delta\omicron\upsilon\varsigma \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\omicron}\varsigma \acute{\epsilon}\nu \nu\epsilon\acute{\omicron}\tau\eta\tau\iota$ («следы орла летящего, пути змеи на скале, дороги корабля, плывущего в море и пути мужчины в юности»).

Семь контекстов – это не много. Можно сказать, что $\eta\mu\lambda\upsilon$ – нечастое слово в еврейской Библии. Дополнительный свет на его значение может пролить употребление однокоренных слов в еврейском и родственных ему северо-западных семитских языках. Слово $\eta\mu\lambda\upsilon$ связано с $\eta\lambda\upsilon$ ‘отрок, слуга’ (в Библии дважды: 1 Сам 17: 56, 20: 22). От того же корня произведено абстрактное существительное $\eta\mu\lambda\upsilon$, обычно означающее ‘юность’, ‘моло-

дость', 'молодая сила' (Иов 20: 11, Иов 33: 25, Пс 89/88: 46). По-видимому, однако, применительно к женщине это слово могло также ассоциироваться с бездетностью (так сказать, «еще не ставшая в полном смысле слова женщиной»). Такие коннотации выступают на первый план в Ис 54: 1–6, где Израиль персонифицирован как жена, отвергнутая мужем-Богом (обычная топка Ветхого Завета, начиная с книги Осии). Этой оставленной жене возвещается, что более она не будет отвергнутой и бездетной: она забудет «позор своей юности» (עֲלֻמֶיךָ, вероятно, юность здесь равна бездетности) и «бесславию своего вдовства» (вдовство здесь, вероятно, равно оставленности). Таким образом, по крайней мере в метафорических контекстах, слово עֲלֻמֶיךָ может применяться по отношению к женщине замужней, но бездетной.

В арамейских диалектах слова данного корня намного более частотны, чем в еврейском. Так, форма мужского рода עֲלֻמֶיךָ встречается свыше 30 раз в таргуме Онкелоса к Пятикнижию в значении 'молодой человек, мальчик, слуга'; форма женского рода עֲלֻמֶיךָ – чуть менее 30 раз в значении 'молодая женщина, девочка, служанка'. Чаще всего речь идет о молодой незамужней девушке – но не обязательно. Например, в таргуме Втор 22: 15–29 арамейский עֲלֻמֶיךָ несколько раз употребляется применительно к новобрачной, оклеветанной своим супругом после брачной ночи. В западносемитской эпиграфике слово *lymh* обозначает преимущественно служанок или рабынь⁴, в арамейской части Пальмирского пошлинного тарифа עֲלֻמֶיךָ означает гетер⁵.

В целом можно сказать, что в древних северо-западных семитских языках слова корня *lm* (этимологически *glm*) ассоциируются прежде всего с молодым возрастом и (не всегда, но как правило) – незамужним статусом.

По-видимому, «прототипическая» евр. עֲלֻמֶיךָ – это женщина молодая, незамужняя и бездетная. По законам патриархального общества незамужней женщине полагается быть девственницей

⁴ DNWSI, P. 854–855.

⁵ Арамейский текст с английским переводом см. Cooke 1903: 330; текст 147, iis, строки 26–29. Хофтайзер и Йонгелинг (DNWSI, P. 855) предлагают для этого места перевод “prostitute”, но утверждает, что Кук понимал это место иначе. На самом деле из контекста понятно, что Кук понимал его в точности так же, как Хофтайзер и Йонгелинг. На русском ср. Шифман 1980, стр. 104, 119, 123 («гетера»).

(впрочем, неясно, так это или нет в Песнь Песней 6: 8 или Притчи 30: 19).

Греч. παρθένος

Полемисты – как утверждающие авторитет Септуагинты, так и обвиняющие ее в неверном переводе – исходят из того, что греч. παρθένος означает «девственница» и не может применяться к женщине, «познавшей мужа». Однако даже беглый взгляд на реальное употребление слова παρθένος в классической греческой литературе показывает, что это не так.

(1) Гомер, Илиада, II, 511–115. *Кто Аспледоном владел и кто жил в Орхомене минийском, – Этих вели за собой Аскалаф и брат его Ялмен; их родила Астиоха, в дому Азеида Актора, дева стыдливая* (οὗς τέκεν Ἀστυόχη δόμῳ Ἄκτορος Ἀζειδαο παρθένος αἰδοίη), *наверх поднявшись в покой свой высокий, богу Аресу, ее посетившему тайно в постели* (пер. В. В. Вересаева).

(2) Пиндар. Вторая пифийская ода. Коронида, зачавшая от Аполлона, отдалась Исхию. Аполлон посылает сестру, Артемиду, отомстить неверной.

Узнав о нечестивом обмане, о близости с Исхием, сыном Элата, послал он единокровную, кипящую необоримым гневом сестру в Лакерию, – там дева жила у крутизн бебиадских (ἐπεὶ παρὰ Βοιβιάδος κρημνοῖσιν ῥκεῖ παρθένος) (перевод Г. Стариковского).

(3) Софокл. Трахинянки. Геракл: *Ты, верно, знаешь деву, дочь Еврита* (τὴν Εὐρυτεΐαν οἴσθα δῆτα παρθένον)? Гилл: *Иолу разумеешь ты, отец?* Геракл: *Ты угадал. Вот завещанье, сын: Когда умру, – коль хочешь уваженье мне доказать и клятву соблюсти, – женись на ней, послушайся меня, – чтобы ее, лежащую с отцом, никто не звал женою, кроме сына. Мой брак ты унаследуешь.* (Пер. С. В. Шервинского)

Ни Астиоха, родившая ребенка от бога Ареса, ни Коронида, зачавшая от Аполлона и отдавшаяся Исхию, ни Иола, наложница Геракла, никак не могут быть названы девственницами.

Родриго де Соуза в обстоятельной работе, посвященной Иса 7: 14⁶, обращает внимание также на функционирование в классическом греческом языке производных от слова παρθένος,

⁶ В анализе греческих представлений о девственности Де Соуза опирается, в частности, на работу Sissa 1990.

которые ассоциируются не с девственностью, а с внебрачным рождением ребенка: παρθένιος, παρθενίης, παρθένημα.

(4) Гомер, Илиада XVI, 179–183. *Строй второй предводил ратоводец воинственный Эвдор, девой рожденный (παρθένιος); его Полимела, прелестная в плясках Филаса дочь, родила: пленился веселою девой Гермес бессмертный, увидевший в хоре ее сладкогласном пляшущей в праздник Фебеи, богини ловить златострелой* (пер. Н. И. Гнедича)

(5) Еврипид, Ион, 1472. Ион – Креусе: *Горе мне! Так ты родила меня бастардом, отродьем своего девчества (ᾠμοι· νόθον με παρθένημα' ἔτικτε σόν)?*

(6) Страбон (География, VI, III, 2–3) приводит два рассказа о происхождении спартанских «парфениев» (παρθενίης).

Первый рассказ (География, VI, III, 2, со ссылкой на Антиоха Сиракузского) гласит: *После начала Мессенской войны лакедемоняне объявили тех, кто не участвовал в походе, рабами и назвали их илотами; всех детей, родившихся во время войны, они назвали “парфениями” и объявили лишенными гражданских прав (ἄσοις δὲ κατὰ τὴν στρατείαν παῖδες ἐγένοντο, Παρθενίης ἐκάλουσαν καὶ ἀτίμους ἔκριναν).*

Второй рассказ (География, VI, III, 3, со ссылкой на Эфора) дает несколько иную версию: *Лакедемоняне принесли клятву не возвращаться домой, пока не овладеют Мессеной или все не падут в бою. Отправляясь в поход, они оставили самых молодых из граждан и глубоких стариков для охраны города. Впоследствии... лакедемоняне, стремясь соблюсти клятву, но приняв к сердцу доводы женщин, посылают самых сильных и молодых воинов, что были в войске (они знали, что эти молодые воины не связаны клятвой, потому что были еще детьми, когда выступили в поход вместе с людьми, уже достигшими возмужалости)... Они приказали всем им сойтись со всеми девушками (προσέταξαν δὲ συγγίνεσθαι ταῖς παρθένοις ἅπασαις ἡπαντας), считая, что таким образом те будут иметь гораздо больше детей. После того как это приказание было исполнено, новорожденные дети получили имя парфениев (οἱ μὲν παῖδες ὀνομάσθησαν Παρθενίαι)... Лакедемоняне разделили между собой Мессению, но по возвращении домой не дали парфениям одинаковых с остальными гражданских прав, как рожденным*

вне брака (τοὺς Παρθενίας οὐχ ὁμοίως τοῖς ἄλλοις ἐτίμων ὡς οὐκ ἐκ γάμου γεγονότας)⁷.

Независимо от того, какова была реальная история Спарты (возможно, перед нами своего рода этиологические легенды)⁸, очевидно, что термин Παρθενία звучал для спартанцев презрительно, примерно как «незаконнорожденные».

Несомненно при этом, что в корпусе древнегреческой литературы преобладают примеры, в которых слово παρθένος и производные от него употреблены именно для того, чтобы подчеркнуть девственность, девственную чистоту. В особенности это касается частого слова παρθενία («девственность, сексуальная нетронутость»).

Таким образом, прототипическая παρθένος молода, не замужем и девственница. Примеров употребления слова παρθένος по отношению к замужней женщине у нас нет, в этом отличие, скажем, от арамейского קַרְוָּיָהּ. Примеры, где слово παρθένος может означать незамужнюю не-девственницу, хотя и редко, но встречаются.

Впрочем, все эти примеры, как мы видели, относятся к эпосу, классической драме или древней истории. Показательно сравнить два словаря. Словарь классического греческого (LSJ) выделяет, как отдельное (второе) значение слова παρθένος: «of unmarried women who are not virgins» – и дает ссылки на процитированные выше места (1–3). В то же время словарь BDAG, ориентированный на литературу эпохи Нового Завета, подчеркивает: «in our literature **one who has never engaged in sexual intercourse, virgin, chaste person**» (выделение принадлежит авторам словаря). Возможно, значение «of unmarried women who are not virgins», бывшее маргинальным уже в классическом греческом, и в самом деле исчезает к началу нашей эры. Если это так, то в какой точке траектории находится язык Септуагинты? Странно, что в своем детальном обзоре де Соуза не остановился подробнее на тексте, который, пожалуй, наиболее релевантен

⁷ Страбон цитируется по переводу Г. А. Стратановского с небольшими изменениями, внесенными автором статьи. Та же версия изложена у Полибия (*История* XII, 6b, 5), Юстина историка (*Эпитома Помпея Трога*, III, 4, 3) и Дионисия Галикарнасского (*Римские древности*, XIX, 2–4).

⁸ Попытки реконструировать социальные реалии, стоящие за преданием о парфениях, – см., напр., Qviller 1996, Печатнова 1998.

для анализа «самого известного слова в Септуагинте» – Быт 34: 1–4.

Дина, дочь Иакова от Лии, пошла посмотреть на местных девушек (евр. בְּנוֹת הַאָּרֶץ букв. «дочери страны»; греч. τὰς θυγατέρας τῶν ἐγγυωρίων букв. «дочери местных»). *Шехем, сын хиввея* (греч. «хоррея») *Хамора, правителя этой страны, увидел ее и схватил, лег с нею и изнасиловал ее. И сердце его привязалось к Дине, дочери Иакова. Он полюбил эту девушку* (רָצַבָהּ, τὴν παρθένου). *Он стал говорить этой девушке* (רָצַבָהּ, τῆς παρθένου) *нежные слова. И сказал Шехем Хамору, своему отцу: «Возьми эту девочку* (רָצַבָהּ, τὴν παιδίσκη) *мне в жены».*

Слово παρθένος явно употреблено здесь в значении «of unmarried women who are not virgins»; это показывает, что язык Септуагинты ближе в данном отношении к классическому словоупотреблению, описанному в словаре LSL, чем к словоупотреблению новозаветной эпохи, которое описано в BDAG.

Греч. παρθένος, евр. רָצַבָהּ и современная лексикография

Традиционная лексикография оперирует дефинициями. Дефиниции четко очерчивают границы семантических областей, связанных с теми или иными лексемами. Объект либо входит в данную семантическую область, либо нет; все бинарно.

С 70-х годов прошлого века стал развиваться новый подход к описанию значений слов, в основе которого лежит «теория прототипов» Элеоноры Рош (см., напр., Rosch 1977). Суть этого подхода можно изложить словами из книги Лакоффа и Джонсона: «Люди категоризируют объекты не в теоретико-множественных терминах, а в терминах прототипов и семейного сходства. Так, маленькие летающие и поющие птички, например, воробьи, малиновки и т. п., – это *прототипические птицы*. Цыплята, страусы и пингвины – это тоже *птицы*, но не центральные представители этой категории, т. е. они относятся к *непрототипическим птицам*. Но они тем не менее *птицы*, потому что у них достаточно семейных сходств с прототипом» (Лакофф, Джонсон 2004, стр. 106, курсив мой – М. С.). Иными словами, значение слова определяется не через строгую дефиницию, а через указание (1) на прототипического представителя класса и (2) на то, как далеко может тот или иной объект отклоняться от прототипа, чтобы все-таки попасть в один с ним класс.

Такой подход к лексике может быть особенно полезен при анализе переводческой техники. В частности, в нашем случае, мы видим, что прототипические представители (точнее говоря, представительницы) категорий פָּרְתוּוֹת и παρθένος практически идентичны. Для παρθένος характерен (особенно в послеклассических текстах) бóльший акцент на физиологической девственности – но см. примеры выше.

Выбор Септуагинты

Исследователям Септуагинты хорошо известно, что перевод Пятикнижия стал своего рода «словарем» для переводчиков последующих книг: сталкиваясь с редкими еврейскими словами, они следовали выбору переводчиков Пятикнижия⁹. При этом иногда ради следования «словарю» игнорировался новый контекст.

Если посмотреть с этой точки зрения на перевод Ис 7: 14, то мы видим, что «словарь» содержал ровно два прецедента, предлагая переводчику, соответственно, два варианта передачи евр. פָּרְתוּוֹת : παρθένος (Быт 24: 43–44) или νεῆνις (Исх 2: 8).

Слово νεῆνις , однако, имеет оттенок «служанка» (собственно, именно так это слово и употреблено в Исх 2: 8). Этот оттенок, несомненно, плохо вязался с возвышенным образом из Ис 7: 14 – как бы не интерпретировал это место иудеоэллинистический переводчик. Считал ли он, что речь идет о рождении царя, мессии или пророческого сына, – слово «служанка» в переводе снижало бы общий тон пророчества. Выбор слова παρθένος позволял избежать этого.

Следует отметить один момент, благодаря которому в греческой версии Ис 7: 14 слово с акцентом на «девственности» не так дисгармонирует с контекстом, как это было бы в еврейской Библии. В еврейском тексте глагольная форма פָּרָה – это либо прошедшее время («зачала»), либо причастие со значением настоящего времени («беременна»). Глагольная форма פֹּרֵת – причастие со значением настоящего времени («рождает»). В греческом, однако, соответствующие глаголы стоят в будущем времени: «Вот, дева (παρθένος) зачнет (ἐν γαστρί ἕξει) и родит

⁹ Конкретные примеры влияния лексики Пятикнижия на греческий перевод Исайи см., напр., Thackeray 1903: 583; Ziegler 1934: 103. Общий взгляд на влияние греческого Пятикнижия на последующие переводы библейской книги – Tov 1999.

(τέξεται) сына» (а не «Вот, дева беременна и рождает сына», как это было бы при буквальной передаче еврейских глагольных форм). Можно понять греческий текст таким образом, что наименование παρθένος относится к моменту речи, а события, о которых идет речь – к будущему. При этом несовместимость значений «дева», «девственница» и событий «зачнет», «родит» оказывается сглаженной.

Вопрос трактовки еврейских видо-временных форм в греческом переводе Исайи заслуживает, по большому счету, отдельной большой работы. Исследователями был высказан ряд гипотез о том, что смена временного плана при переводе 7: 14 (прошедшее-настоящее в евр.; будущее в греч.) была вызвана определенными теологическими соображениями переводчика (напр., Lust 2004).

Можно, однако, предложить и более простое объяснение: переводчик, опираясь на прецеденты в Пятикнижии как на свой «словарь», должен был выбирать между παρθένος и νεάνις. От выбора слова νεάνις, как мы предполагаем, он отказался из-за свойственных этому слову ассоциаций со «служанкой». В свою очередь, слово παρθένος, невзирая на приведенные выше примеры, все-таки обладало слишком сильными ассоциациями с девственностью в физиологическом смысле. Понимание событий «зачнет» и «родит», как относящихся к будущему времени, и соответствующий перевод (ἔξει, τέξεται) смягчали ощущение оксюморона.

Вряд ли переводчик предполагал, что принятое им решение (а Септуагинта Исайи, на самом деле, полна весьма неординарными переводческими решениями) приведет к тому, что эти строки станут самым обсуждаемым и знаменитым местом во всем корпусе греческого Ветхого Завета.

Литература

- Aejmelaeus 2006 – Aejmelaeus A. Von Sprache zur Theologie: Methodologische Überlegungen zur Theologie der Septuaginta // *The Septuagint and Messianism* (Bibliotheca Ephemeridum Theologicarum Lovaniensium 195) / ed. M. A. Knibb. Leuven, 2006. P. 21–48.
- Barr 2005 – Barr J. The Most Famous Word in the Septuagint // *Studia Semitica: The Journal of Semitic Studies Jubilee Volume* (JSS Supplement Series 16) / ed. P. S. Alexander et al. Oxford, 2005. P. 59–72.
- BDAG – Greek-English Lexicon of the New Testament and Other Early Christian Literature (Bauer- Danker-Arndt-Gingrich). Chicago, 2000.

- Bonani et al. 1991 – Bonani G., Broshi M., Carmi I., Ivy S., Strugnell J., Wölfli W. Radiocarbon Dating of the Dead Sea Scrolls // *Atiqot* 20 (1991). P. 27–32.
- Cooke 1903 – Cooke G. A. A Textbook of North-Semitic Inscriptions. Oxford, 1903.
- De Sousa 2008 – De Sousa, Rodrigo F. Is the Choice of Παρθενος in LXX Isa. 7:14 Theologically Motivated? // *Journal of Semitic Studies* 53/2 (2008). P. 211–232.
- DNWSI – Hoftijzer J., Jongeling K. Dictionary of the North-West Semitic Inscriptions. Leiden, 1995.
- Jull et al. 1995 – Jull A. J. T., Donahue D. J., Broshi M., Tov E. Radiocarbon Dating of Scrolls and Linen Fragments from the Judean Desert // *Radiocarbon* 37 (1995). P. 11–19.
- LSL – A Greek-English Lexicon (Liddell – Scott – Jones). Oxford, 1996.
- Lust 2004 – Lust J. Septuagint Christ Preceding Jesus Christ? Messianism in the Septuagint Exemplified in Isa 7,10–17 // *Messianism and the Septuagint: Collected Essays (BETL 178)* / ed. K. Hauspie. Leuven, 2004. P. 211–26.
- Qviller 1996 – Qviller B. Reconstructing the Spartan Partheniai: Many Guesses and a Few Facts // *Symbolae Osloenses: Norwegian Journal of Greek and Latin Studies* 71/1 (1996). P. 34–41.
- Rösel 1991 – Rösel M. Die Jungfrauengeburt des endzeitlichen Immanuel // *Jahrbuch für biblische Theologie* 6 (1991). S. 135–51.
- Rosch 1977 – Rosch E. Human categorization // *Advances in Cross-Cultural Psychology, Vol.1* / ed. N. Warren. London, 1977. P. 1–49.
- Sissa 1990 – Sissa G. Greek Virginity (trans. A. Goldhammer). Cambridge MA, 1990.
- Thackeray 1903 – Thackeray H. St. J. The Greek Translators of the Prophetical Books // *The Journal of Theological Studies* 4 (1903). P. 583.
- Tov 1999 – Tov, E. The Impact of the Septuagint Translation of the Torah on the Translation of the Other Books // *The Greek and Hebrew Bible: Collected Essays on the Septuagint* / Ed. Emanuel Tov. Leiden 1999. P. 183–194.
- Tov 2008 – Tov E. The Text of Isaiah at Qumran // *Tov E. Hebrew Bible, Greek Bible, and Qumran. Collected Essays (Texts and Studies in Ancient Judaism 121)*. Tübingen, 2008. P. 42–56.
- Ziegler 1934 – Ziegler J. Untersuchungen zur Septuaginta des Buches Isaias (ATA 12.3). Münster 1934.
- Лакофф, Джонсон 2004 – Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем (пер. с англ.). М., 2004.
- Печатнова 1998 – Печатнова Л. Г. Спартанские парфении // *Античный мир. Проблемы истории и культуры. Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова* / под ред. И. Я. Фроянова. СПб., 1998. Стр. 172–186.
- Шифман 1980 – Шифман И. Ш. Пальмирский пошлинный тариф. М., 1980.

M. G. Seleznev. The most famous word in the Septuagint

The article deals with the “most famous word in the Septuagint” (J. Barr) – *παρθένος* translating Hebrew *הַלְלֵךְ* in Isaiah 7:14. The author concurs with those who suggest that the semantic difference between the two words was greatly exaggerated in the two thousand years dispute between Jews and Christians.

A model of lexical analysis based on the Prototype theory (Eleanor Rosch and others) is suggested to be more appropriate for studying semantic relationship between an original text and its translation than the traditional one. It is claimed that the prototypical meanings of the words *παρθένος* and *הַלְלֵךְ*, as far as we can judge from our corpora, almost coincide.

Using the Greek Pentateuch as a kind of “Hebrew-Greek dictionary” the translator of Isaiah had to choose between two possible translations for the Hebrew *הַלְלֵךְ* : *παρθένος* and *νεᾶνις*. The factors that might affect his choice are investigated. Probably, the word *νεᾶνις* was rejected because of its associations with the concept ‘servant’. The choice of *παρθένος* may have influenced the rendering of the Hebrew tenses by the Greek in Isaiah 7: 14.

Keywords: The Bible, the Septuagint, the Hebrew language, the Greek language, translation, Isaiah, the Gospel of Matthias.

СИНТАКСИС ОТРИЦАНИЙ В ХЕТТСКОЙ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается место показателей отрицания в хеттском языке. Анализируется позиция показателей отрицания в предложении, особое внимание уделяется неканоническому расположению показателей отрицания – в начале предложения, а также внутри предложения, но не непосредственно перед глаголом. Показывается, что парадоксальным образом сфера действия показателей отрицания в обеих этих позициях тождественна сфере действия показателей отрицания в канонической предглагольной позиции. В статье аргументируется предположение, что обе неканонические позиции отрицания связаны с маркированием информационной структуры – а именно различных видов фокуса, помимо части широкого информационного фокуса непосредственно в предглагольной позиции.

Ключевые слова: отрицание, хеттский язык

1. Введение.

Хотя позиция показателей отрицания в хеттской клаузе уже являлась предметом анализа в Hoffner 1986, работа Г. Хоффнера не рассматривает несколько аспектов, на которых сфокусировано наше нынешнее исследование: отрицание в первой/начальной позиции в повествовательных предложениях; внутриклаузальная позиция отрицания, которая не является предглагольной; расщепление именных групп при отрицании; информационная структура показателей отрицания в неканонической позиции в клаузе.

2. Каноническая позиция показателей отрицания.

Показатели отрицания с сентенциальной сферой действия¹ в норме располагаются непосредственно перед глаголом (Hoffner 1986: 86; CHD L-N: 418):

(1) МН/MS (СТН 190) НКМ 71 obv. 13-14
nu=za   ^{L0}TEMI=ŠUNU   *kuit*   ÜL   wemiya-t
CONN=REFL   послы=их   почему   NEG   находить-3SG.PST
'Почему ты не встретился с их послами?' (см. Hoffner 2009: 228).

¹ Т. е. со сферой действия на все предложение. Узкая сфера действия на оставляющую также представлена в хеттских текстах, см. Hoffner 1986, но в данной статье нами рассматриваться не будет.

Как показано в Hoffner 1986: 86, отрицания являются одними из тех немногих составляющих, которые последовательно помещаются между превербом и глаголом:

(2) MH/MS (CTH 186) НКМ 3 obv. 8–9
n=aš=kan namma arḥa lē ui-zzi
 CONN=он=LOC больше прочь ПРОИВ идти-3SG.PRS
 ‘Пусть он больше не **выйдет**’ (см. Hoffner 2009: 100–1).

Крайне немногие составляющие могут располагаться между отрицанием и глаголом. Чаще всего в этой позиции находятся наречия образа действия (3) и неопределенные местоимения (см. Hoffner 2009: 88–9) (4) которые функционируют в таком случае как то, что удобнее назвать английским термином negative polarity items (NPIs):

(3) NH/NS (CTH 197) КВо 9.82 obv. 5
ni ANA EN=YA UL kišan meta-ḥḥun
 CONN к господин=мой NEG так сказать-1SG.PST
 ‘Разве я не сказал **так** моему господину?’ (см. Hoffner 1986: 350).

(4) NH/NS (CTH 566) KUB 22.70 rev. 28–9
ni mān DINGIR-LUM apāddan šer šarnikzel
 CONN если бог следовательно вверх возмещение.ACC.SG.N
INA É.GAL-LIM UL kuitki šan(a)ḥ-ta
 в дворец NEG что-то.ACC.SG.N искать-3SG.PST
 ‘Если божество не будет искать **какого либо** возмещения во дворце из-за этого, ...’ (см. Ünal 1978: 89–90; Goedegebuure 2014: 183)..

Как следует из примера (4), хеттские NPIs представляют собой неопределенные местоимения, которые находятся в сфере действия отрицания. Таким образом, они представляют собой эквивалент русскому *никакой* и т. п. в предложениях с отрицанием.

В том случае, если NPI являются частью именной группы, как в (4), именная группа всегда разрывается: NPI остается перед глаголом в то время как вся остальная глагольная группа находится слева от маркера отрицания. То, что это именно так, особенно очевидно в случае, если в предложении имеется преверб, послелог или локатив, как в (4). Именная группа в (4) состоит из *šarnikzel* ‘возмещение’ и NPI *kuitki* ‘что-то, какой-то’. Таким образом, именная группа переводится на русский язык как ‘никакое возмещение’. Однако она расщепляется: NPI остается в предглагольной позиции, в то время как остальная

часть именной группы располагается не только перед отрицанием, но и перед обстоятельством места *INA É.GAL-LIM* ‘во дворце’. Такая позиция с очевидностью демонстрирует, что *šarnikzel* ‘возмещение’ находится не в своей исконной позиции.

2.1. Сфера действия отрицания.

Предглагольные отрицания распространяют сферу действия на все предложение. Иными словами, их сфера действия распространяется даже на те глагольные аргументы, которые располагаются перед отрицанием²:

(5) МН/MS (СТН 147) KUB 14.1+ obv. 67-8
ni=wa namta ÉRIN^{MES} URU Dalauwa ANA^{URU} Hinduwa
 CONN=QUOT затем войско Далава к Хиндува
šardi-ya UL wi-zz[i]
 помощь-DAT.SG NEG прийти-3SG.PRS
 ‘Затем войско Далавы не придет на помощь Хиндуве’ (см. Beckman 1996: 147).

Относительные местоимения и подчинительные союзы находятся вне сферы действия отрицания вне зависимости от позиции, в которой они находятся – начальной/первой, второй или предглагольной:

(6) NH/NS (СТН 62.П.А) KBo 5.9(+) rev. iii 2
kūš<=<wa>> temiyaš kui-š UL
 этот.NOM.SG.C вещь.NOM.SG.C который-NOM.SG.C NEG
iya-uwaš
 делать-IFN.GEN.SG
 ‘**Которая** вещь не может быть сделана, ...’³.

(7) МН/MS (СТН 215) KUB 48.106 19'-20'
[tue]//[TUR]-RU DUMU-an maḥḥan UL dā-tti
 твой/молодой сын-ACC.SG.C как NEG братъ-2SG.PRS
 ‘**Как** ты не берешь своего/молодого сына/ребенка, ...!’⁴.

² Единственное исключение представляют собой топики, которые обычно находятся вне сферы действия отрицания, как, например, в баскском, см. Etxepare, Ugibe-Etxebarria 2008. В хеттском даже топики-лизованные неопределенные местоимения, о которых см. Huggard 2014, находятся вне сферы действия отрицания, ср. Sideltsev (in print).

³ См. G. Wilhelm, F. Fuscagni (ed.), hethiter.net/: СТН 62 (TX 16.10.2013, TRde 15.10.2013).

⁴ См. Houwink ten Cate 1998: 48.

3. Неканоническая позиция маркеров отрицания.

Помимо канонической предглагольной позиции маркеры отрицания с сентенциальной сферой действием могут располагаться в двух неканонических позициях – первой/начальной и внутриклаузуальной, но отличной от предглагольной. Обе позиции отличаются от канонической предглагольной, но никак не влияют на сферу действия отрицания – не приводят ни к ее сужению, ни к ее расширению.

3.1. Внутриклаузуальная позиция.

То, что показатели отрицания могут занимать внутриклаузуальную позицию, которая отличается от канонической предглагольной, следует из:

(8) NH/NS (СТН 61.П.5.В) KBo 3.4+ obv. i 8
ni KUR.KUR^{<MEŠ>} LU KÚR UL=ya kui-ēš
 CONN страна враг NEG=и который-NOM.PL.C
kūruriyahhe-šk-ir
 враждовать -IMPF-3PL.PST
 ‘И даже когда враждебные страны, **которые** (еще) не начали вражду...’ (см. Goetze 1967: 16–7).

В данном примере отрицание находится перед относительным местоимением, однако сфера действия отрицания не распространяется на местоимение. Иными словами, сфера действия отрицания тождественна отрицанию, которое располагается после относительного местоимения, как в примере (6) выше. Позиция отрицания в (8) явным образом определяется тем фактом, что оно занимает позицию контрастивного фокуса, см. уже Salisbury 2005: 217–8, т. к. имеет значение «даже»⁵. Возможно, это же объяснение приложимо к (9), хотя этот последний пример неоднозначен из-за отсутствия фокусных частиц и материала между отрицанием и левым краем клаузы. Ясно только, что отрицание не занимает первую/начальную позицию:

(9) NH/NS (СТН 255.2.А) KUB 26.1+ rev. iii 53
kīnun=a=šmaš UL kui-ēš kā ēš-ten
 теперь=но=вы NEG который-NOM.PL.C здесь быть-2PL.PST
 ‘Теперь, однако, те из вас **кто** не были там ...’ (см. Miller 2013: 302–3).

⁵ См. Sideltsev, Molina (in print) с дальнейшими ссылками.

Следующий случай также неоднозначен, т. к. в нем отсутствует материал между отрицанием и левой границей клаузы, однако он, по крайней мере, содержит энклитический союз «и» и семантика неожиданности достаточно очевидна:

- (10) NH/NS (СТН 85.1.A) KBo 6.29+ obv. ii 14–17
 1. *ni hatrā-nun kued-a[š̄] KUR.KU]R-e-aš̄*
 CONN писать-1SG.PST который-DAT.PL страна-DAT.PL
 2. EGIR-an=wa=mu *tiyatten*
 3. *n=at=mu EGIR-an t[ī]ēr*
 4. *UL=ya kue-daš̄ KUR.KUR-e-aš̄ hatrā-nun* ”.
 NEG=и который-DAT.PL страна DAT.PL писать-1SG.PST
 5. *ni hūman=pat ammētaz tiyat#*
 ‘(1) Земли, которым я писал (2) «Поддержите меня», (3) они поддержали меня. (4) И даже земли, которым я **не** писал, (5) все они поддержали меня’⁶.

Следующий пример аналогичен, но нельзя исключать, что отрицание выдвинуто в начальную позицию для того, чтобы обеспечить первую позицию для относительного местоимения:

- (11) NH/NS (СТН 176) KUB 21.38 obv. 39’
UL=ya=wa kui-t iya-uwaš̄
 NEG=и=QUOT что-NOM.SG.N делать-INF.GEN.SG
 ‘**Что не** должно (или: может) быть сделано’⁷.

В нашем корпусе также представлены менее ясные случаи, в которых отрицание предшествует подчинительным союзам, но не распространяет на них сферу действия:

- (12) OH-MH/MS (СТН 262) IBoT 1.36 obv. i 56
^{GIS}*SUKUR=wa UL kuit auš-ta*
 копье=QUOT NEG так как видеть-2SG.PST
 ‘**Так как** ты **не** видел копья’ (см. Miller 2013: 106–7).

- (13) MH/MS (СТН 215) KUB 48.106 11’-12’
ANA ^DUTU-š̄=I=wa=kan aliya[š̄] gimraš̄
 к величество=мое=QUOT=LOC Алия.GEN.SG поле.NOM.SG.C
UL kuit āššāw-ēš̄
 NEG так как дорогой-NOM.PL.C
 ‘**Так как** поля¹ А. **не** дороги его величеству, ...’ (см. Beckman 1988).

⁶ См. Goetze 1925: 48–9; Held 1957: 19; Ünal 1974: 125; Garrett 1996: 37; CHD L-N: 202; HED M: 89. Cf. HED K: 222; Parker 1999: 281.

⁷ См. Hoffner 2009: 285. Cp. Hoffner 1986: 92.

(14) NH/NS (СТН 61.I.A) KBo 3.4+ obv. i 20–21
nu ANA KUR ^{LÚ}KÚR nawī kuitman kuedanikki
 CONN на страна враг еще не пока какой-либо.DAT.SG
pā-un
 идти-1SG.PST
 ‘Пока я еще не пошел ни против какой из вражеских земель, ...’
 (см. Goetze 1967: 20–21; Beal 2003: 84).

То, что подчинительные союзы в норме располагаются слева от отрицания, видно из примера (7) выше.

3.1.1. Неоднозначная внутриклаузная позиция.

Показатель отрицания на первый взгляд находится в следующем примере в своей канонической предглагольной позиции. Однако из-за наличия фокусной частицы *-pat* и информационного статуса контрастивного фокуса более вероятно, что отрицание располагается в той же позиции контрастивного фокуса, что и в предыдущем примере:

(15) NH/NS (СТН 176) KUB 21.38 rev. 13
nu ANA ŠEŠ=YA lumpašti-n UL=pat iya[-mi]
 CONN к брат=мой l.-ACC.SG.C NEG=EMPH делать-1SG.PRS
 ‘Я точно не сделаю ничего неприятного моему брату’ (см. Hoffner 2009: 289).

3.1.2. Внутриклаузная позиция слева от преверба.

Как мы уже отмечали выше, см. (2), каноническая позиция отрицания находится между превербом и глаголом. Однако в редких случаях отрицание может находиться перед превербом (Hoffner 1986: 86). Это происходит наиболее часто с превербом *anda* ‘в’, (см. Hoffner 1986: 86; Hoffner, Melchert 2008), но засвидетельствовано и с другими превербами. Она засвидетельствована даже с отрицанием + NPI, как в

(16) NH/NS (СТН 186) KBo 18.48 rev. 7’–8’
tuel ^{LÚ}KÚR-aš¹ UL=pat ku[i][k]i arḫa
 твой враг-NOM.SG.C NEG=EMPH что-то.ACC.SG.N прочь
 BAL-zi
 двигать-3SG.PRS
 ‘Твой враг ничего не изменит?’ (см. Hoffner 2009: 333).

Была выдвинута гипотеза, что отрицания перед превербом указывает на фокус (Salisbury 2005). В (16) показатель отрица-

ния располагается перед превербом и присоединяет фокусную частицу *-pat*. Это полностью согласуется с тем фактом, что контрастивный фокус располагается перед превербом (Goedegeburch 2014). Однако в этом случае остается неясным, почему и отрицание, и NPI находятся перед превербом. В ясных случаях показатель отрицания перемещается на левую границу предложения, а NPI остается в предглагольной позиции (Hoffner 1995).

3.2. Начальная/первая позиция в клаузе.

3.2.1. Отрицание как первая позиция.

В хеттском языке представлен целый ряд составляющих, которые демонстрируют ограничения на позицию в клаузе – они должны находиться во второй позиции. К таким составляющим относятся относительные местоимения, подчинительные союзы и неопределенные местоимения⁸. Следующий пример является единственным в нашем корпусе, где отрицание перемещается в первую позицию, чтобы обеспечить первую позицию для подчинительного союза *kuit* ‘потому что’

(17) NH/NS (СТН 566) KUB 22.70 rev. 51

n=at nāwi kuit :walantalamman

CONN=они еще.не так.как в.

‘Так как они еще не использованы(?)’ (CHD L-N: 423; Ünal 1978: 94–6).

3.2.2. Первая/начальная позиция отрицания в повествовательных предложениях.

Впрочем, отрицание находится в первой/начальной позиции не только в случаях типа (17). Сюда же относятся и примеры, в которых информационный статус отрицания отличается от внутриклаузальных. В случаях, когда отрицание сопровождается частицей *-ya* ‘и’, отрицание маркирует дополнительный фокус (additive focus), как в следующих примерах из дипломатического корпуса⁹:

⁸ Ни одна из этих составляющих не представлена только во второй позиции. Наряду со второй позицией они могут быть в первой или предглагольной позиции. В данной работе из-за недостатка места мы не рассматриваем этот вопрос.

⁹ См. примеры из ритуалов в CHD L-N: 418, 422.

(18) NH/NS (СТН 255.1.A) KUB 21.42+ obv. i 4'-8'

1. [(*namma*=š*maš šumm*)eš *k*]uiēš BELU^{III.A} KARAS^{III.A}

2. [(*UL*=*ya* *kui-ēš* *B*)ELU^{III.A} *K*]ARAS^{III.A}
NEG=и который-NOM.PL.C господа PL армия PL

3. *ku*[i]šš=*a* GAL-*iš*

4. [(*kuiš*=*ma UL*)]

5. *našma*=[(*šši šummeš*) *k*]uiēš MÁŠ LUGAL

‘(1) [(Далее, в)ы, кото]рые являетесь командирами войск (2) [(а также те, **которые** не являются к)омандирами в]ойск, (3) и который является вельможей, (4) [(но и тот, кто им не является)]; (5) или [(вы,) ко]торые являетесь царской семьей [(ему)], ...’ (см Miller 2013: 284–5).

(19) NH/NS (СТН 42.A) KBo 5.3+ obv. ii 60

UL=*ya* *kui-t* *uttar* *wemiya-weni*

NEG=и который-ACC.SG.N дело.ACC.SG.N найти-1PL.PRS

‘И которое дело мы не находим, ...’¹⁰.

(20) MH/MS (СТН 190) HKM 68 obv. 4–7

1. *ammuk UL* *kuitki* *kuit dammišhān ḥarmi*

2. *UL*=*ma*=*kan dān* *kuedaniki* *kuitki*

NEG=но=LOC брать.PRTC.NOM.SG.N кто-нибудь что-нибудь
ḥar-mi

иметь-1SG.PRS

3. *QATAMMA*=*ma*=*mu kuwat dammišhiškanzi*

‘(1) Т.к. я не нанес никакого вреда (2) и не взял ничего ни у кого, (3) зачем они мне так вредят?’ (см. Hoffner 2009: 226).

В последнем примере вместо *-ya* употребляется *-ma*, которое имеет здесь значение не контрастивного фокуса, которое в норме представлено у него во внутриклаузной позиции, а скорее противительное ‘но’. Это значение обычно ассоциируется с первой/начальной позицией¹¹. Узкий фокус на показателе отрицания наиболее очевиден в (18): в этом примере вторая и первая клаузы практически идентичны и отличаются только наличием отрицания во втором предложении, в котором, таким образом, оно маркирует что-то вроде параллельного фокуса.

В то же время примеры (18–20) также однозначны: их анализ основывается исключительно на анализе информационной

¹⁰ См. G.Wilhelm (ed.), hethiter.net/: СТН 42 (ТХ 26.07.2013, TRde 19.02.2014. Ср. Beckman 1996: 26.

¹¹ См. Melchert 2009; Sideltsev, Molina (in print) с дальнейшей литературой.

структуры энклитических союзов $-(m)a$, $-ya$. Более однозначна первая позиция отрицания в примере

(21) NH/NS (CTH 181) KUB 14.3 obv. 54–55

1. $nu=mu$ U[L ... $kuinki$] $udaš$

2. $UL=ya^?$ $=mu$ $uppeššar$ $kuitki$

NEG=и=мне дар.ACC.SG.N какой-то.ACC.SG.N

[$uppe-šta$]

приносить-3SG.PST

‘(1) Он не принес мне никаких [...], (2) И **не** предложил мне никакого подарка’ (см. Hoffner 2009: 304).

Здесь показатель отрицания предшествует прямому дополнению, к которому добавляется клитика $-ya$ со значением дополнительного фокуса, которая обычно употребляется в этом значении в первой позиции. Однако чтение частицы неясно. Соответственно, и анализ всего примера не полностью ясен. Энклитический союз читается однозначно в следующем примере:

(22) MH/MS (CTH 375.1.A) KUB 17.21+ 577/u+ rev. iii 21–27

1. [na]mm[$a šumā$]š ANA DINGIR^{MES} DUTU^{URU} Arinna [$šittari$]ēš
 $armanniūšš=a šA KÙ.BABBAR G[UŠKIN (ZA)]BAR kunnanaš TÚG^{H1.A}$
SIG^{TIM TÚG.H1.A} ad[$upli$] TÚG GÚ.È[$A kuš$]išiyaš UL $kuiški udai$

2. $UL=ma$ [$šum$]āš ANA DINGIR^{MES} NINDA^{NINDA} $harša-uš$

NEG=но вам к боги жертвенный.хлеб-ACC.PL.C

DUG^{DUG} $išpa[ntuzzi=ya ...]$

возлияния=и

3. $auliušš=a šA GU_4.MAH^{H1.A} ŠE šA GU_4.ÁB^{H1.A} ŠE UDU^{H1.A} ŠE$
MÁŠ.GA[L^{H1.A} ŠE UL $kuiški$] $ūnnai$ [...]

‘(1) Никто не приносит солнечные диски и полумесяцы из серебра, золота, бронзы и меди, хорошую одежду, одеяния и праздничные одеяния. (2) И **не** [предлагает] вам жертвенный хлеб и возлияния. (3) [Никто не] пригоняет жертвенных животных – толстых быков, толстых коров, толстых овец и толстых коз’¹².

В этом случае, как и в (20) выше, $-(m)a$ имеет функцию, близкую к отрицательному координатору вместо сочинительного $-ya$, употребляющегося в утвердительных предложениях. Поэтому он демонстрирует значение дополнительного фокуса “и не”, эквивалентное значению начального $-ya$ “и” в утвердительных предложениях. Таким образом, (22) наконец

¹² См. Singer 2002: 42; García Trabazo 2002: 261.

однозначно демонстрирует начальную позицию отрицания в повествовательном предложении¹³.

3.2.3. Начальная позиция показателей отрицания в вопросительных предложениях.

Как было продемонстрировано в Hoffner, 1986: 88–9; CHD, L-N: 415–6; Hoffner, 1995: 91–2, начальная позиция показателей отрицания также представлена в вопросительных предложениях:

(23) NH/NS (CTH 181) KUB 14.3 obv. 67-68
UL=kan ^{LÜ}*TARTĒNU* *pariyan* *uiya-nun*
 NEG=LOC наследный принц из посылать-1SG.PST
 ‘Разве это не так, что я послал туда наследного принца?’¹⁴.

Важно, что отрицания – не единственные показатели, которые поднимаются в начальную позицию в хеттских вопросительных предложениях. Вопросительные слова также засвидетельствованы в начальной позиции:

(24) OH/NS (CTH 337.1.A) KUB 48.99 obv 6–7
kui-š=war=an *hara-n* ^D*Pirwa[-i]*
 кто-NOM.SG=QUOT=его орел-ACC.SG Пирва[-DAT.SG]
^{URU}*Haššuw-aza* *uwate-z[zi]*
 Хассу-ABL приносить-3SG.PRS
 ‘Кто принесет орла из города Хассу Пирве?’¹⁵.

Такое перемещение вопросительных слов в начальную позицию соблазнительно рассматривать как обязательное. Однако в хеттском данный вынос не является обязательным, как показывает следующий пример

(25) NH/NS (CTH 89.A) KUB 21.29(+) rev. iv 13-14
šummeš=kan *kui-t* *ney-ari*
 вы.DAT¹.PL что-NOM.SG.N происходить-3SG.PRS.MED
 ‘Что случится с вами?’ (см. Neu 1968: 115; CHD L-N: 215, 363; ср. González Salazar 1994: 165).

¹³ В нашем корпусе также представлены два примера с начальным отрицанием, не сопровождаемым дискурсивными частицами, в повелительных предложениях: MH/NS (CTH 376.II.A) KUB 24.3+ obv. ii 55–56; OH/NS (CTH 6) KUB 1.16+ rev. iii 65–66.

¹⁴ См. Hoffner 2009: 305; Beckman et al. 2011: 107.

¹⁵ См. Goedegebuure 2009: 948. Ср. Hoffner 1995: 93; E. Rieken et al. (ed.), *hethiter.net*: CTH 337.1 (TX 2009-08-27).

Таким образом, как продемонстрировано в (Huggard 2011; Sideltsev 2014), хеттский язык не обладает обязательным выносом вопросительных слов в начальную позицию. Вынос вопросительных слов, скорее, должен описываться как факультативный вынос фокуса (Huggard 2011; Sideltsev 2014).

Что особенно любопытно, это то, что показатели отрицания явным образом подвергаются тому же выносу фокуса в вопросительных предложениях, что и вопросительные слова. И, так же, как и с вопросительными словами, этот вынос факультативен¹⁶:

(26) МН/MS (СТН 190) НКМ 71 obv. 9

*zik=za UL BELU*¹⁷
ты=REFL NEG господин

‘Разве ты **не** господин?’ (см. Beal 1992: 369, 398; Hoffner 2009: 228).

Если в одном предложении представлено и вопросительное слово, и показатель отрицания, они оба могут одновременно находиться в предглагольной позиции, как в

(27) МН/MS (СТН 190) НКМ 55 rev. 29-30

^{LÜ.MEŠ}*TE₄MI=YA=mu kuwat UL uieške-ttani*
послы=мои=мне почему NEG посылать-2PL.PRS

‘**Почему** ты **не** посылаешь моих послов (назад) ко мне?’ (См. Hoffner 2009: 201).

Если в предложении представлены одновременно и вопросительное слово, и показатель отрицания, только вопросительное слово перемещается на левую границу клаузы, см. (Hoffner, 1986: 91)

(28) NH/NS (СТН 176) KUB 21.38 obv. 8'

kuwat=war=an=mu kinun UL pe-št[a']
почему=QUOT=это=мне сейчас NEG давать-2SG.PST

‘**Почему** ты **не** дал ее мне сейчас?’ (см. Hoffner 2009: 282)..

Таким образом, перемещение и вопросительных слов, и показателей отрицания в вопросительных предложениях факультативно и представляет собой один и тот же механизм выноса фокуса в первую позицию. Любопытно, что в

¹⁶ См. Hoffner 1986: 90; CHD L-N: 415–6; Hoffner 1995: 91–2. Предглагольная позиция явным образом доминирует и для вопросительных слов, и для показателей отрицания (Hoffner 1986: 90; 1995).

¹⁷ Идентично с синтаксической точки зрения *ibid.* obv. 15.

абсолютном большинстве случаев, собранных в (CHD L-N: 415-6; Hoffner 1995: 91), оба этих выноса не сопровождаются фокусными частицами *-(m)a* и/или *-ya*. Это неожиданно на фоне повествовательных предложений, рассмотренных в предыдущих разделах. Единственным примером, где отрицание в первой позиции в вопросительном предложении сопровождается частицей *-ma*, является следующий:

(29) МН/MS (СТН 199) АВоТ 65 rev. 9'–13'

1. *ABU=KA=wa=mu=ššan EGIR-an=pat kittari*

2. *EGIR-an arḫa=war=aš=mu UL namma nēari*

3. *UL=wa [ta]me[d]aš³ kuitki*

NEG=QUOT другой.DAT.PL что-то.ACC.SG.N

4. *UL=ma=wa=mu arāš kuitki ḫar-zi*

NEG=но=QUOT=мне тот.NOM.SG.C что-то.ACC.SG.N иметь-

3SG.PRS

5. *[U]L=ma=wa=ššan ANA 1-EN URU-LIM kuwapiki ḫar-wani*

NEG=но=QUOT=LOC к 1 город где-то иметь-1PL.PRS

'(1) Твой 'отец' преследует меня: (2) он не оставляет меня в покое! (3) Разве **нет** ничего для других? (4) Разве этот ничего **не** держит для меня? (5) Разве мы **не** остановимся нигде в отдельном городе?' (см. Hoffner 2009: 244).

4. Позиции показателей отрицания в хеттском предложении.

Таким образом, хеттские показатели отрицания демонстрируют две позиции в предложении, но одну сферу действия. В первой они располагаются между провербом и глаголом, включая в сферу своего действия все предложение. Вторая позиция показателей отрицания представлена двумя вариантами – либо на левой границе предложения, либо внутри клаузы, но в последнем случае она нетождественна предглагольной позиции. Обе эти позиции мотивированы информационной структурой и не влияют на сферу действия отрицания.

Литература

- Beal 1992 – Beal R. H. The Organisation of the Hittite Military, THeth 20, Heidelberg.
 Beal 2003 – Beal R. H. 2003 The Ten Year Annals of Great King Mursili II of Hatti // W. Hallo, K. Younger (eds.). The Context of Scripture. Vol. 2. Leiden; Boston. P. 82–90.
 Beckman 1988 – Beckman G. Herding and Herdsmen in Hittite Culture // E. Neu, Ch. Rüster (eds.). Documentum Asiae Minoris Antiquae.

- Festschrift für H. Otten zum 75. Geburtstag. Wiesbaden: Harrasowitz. P. 33–44.
- Beckman 1996 – Beckman G. Hittite Diplomatic texts. SBL Writings from the Ancient World 7. Atlanta.
- Beckman, Bryce, Cline 2011 – Beckman G., T. Bryce, E. Cline (eds.). The Ahhiyawa Texts. Atlanta.
- CHD –Güterbock H.†, Hoffner H., Hout T.van den (eds.). The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. L-N, The Oriental Institute of the University of Chicago, 1989-.
- Ettxepare, Uribe-Etxebarria 2008 – Ettxepare R., Uribe-Etxebarria M. On negation and Focus in Spanish and Basque // X. Artiagoitia, J.A. Lakarra (eds.). Gramatika jaietan patxi goenagaren omenez. Bilbo. P. 287–309.
- Garrett 1996 – Garrett A. Wackernagel's Law and Unaccusativity in Hittite // Halpern A. L., Zwicky A. M. (eds.). Approaching Second: Second Position Clitics and Related Phenomena. CSLI-LN 61. Stanford. P. 85–133.
- Goedegebuure 2009 – Goedegebuure P. Focus structure and Q-words questions in Hittite // Linguistics. Vol. 47. P. 945–969.
- Goedegebuure 2014 – Goedegebuure P. The use of demonstratives in Hittite: deixis, reference and focus. StBoT 55. Wiesbaden: Harrasowitz.
- Goetze 1925 – Goetze A. Hattušiliš. MVAG 29.3. Leipzig.
- Goetze 1967 – Goetze A. Die Annalen des Mursilis. Darmstadt.
- González Salazar 1994 – González Salazar J. M. Tiliura, un ejemplo de la política fronteriza durante el imperio hitita (CTH 89) // AuOr 12. P. 159–176.
- HED 1984 –Puhvel J. Hittite Etymological Dictionary. Trends in Linguistics, Documentation 1. Berlin; New York.
- Held 1957 – Held W. H. Jr. The Hittite Relative Sentence // Language. Vol. 33, 4/2.
- Hoffner 1986 – Hoffner H. A. Jr. Studies in Hittite Grammar // Hoffner H.A.Jr., Beckman G. M. (eds.). Kaniššuar. A Tribute to Hans G. Güterbock on his seventy-fifth Birthday. May 27, 1983. AS 23, Chicago. P. 83–94.
- Hoffner 1995 – Hoffner H. A. Jr. About Questions // Hout Th. van den, Roos J. de (eds.). Studio Historiae Ardens. Fs. Houwink ten Cate. Istanbul. P. 87–104.
- Hoffner 2009 – Hoffner H. A. Jr. Letters from the Hittite Kingdom. SBL Writings from the Ancient World 15. Atlanta.
- Hoffner, Melchert 2008 – Hoffner Harry A. Jr., H. Craig Melchert. A Grammar of the Hittite Language. Part 1: Reference Grammar. Winona Lake, Indiana.
- Houwink ten Cate 1998 – Houwink ten Cate Ph. An alternative date for the Sunassuras Treaty // AoF 25/1. P. 34–53.
- Huggard 2011 – Huggard M. On *Wh*-(Non)-Movement and Internal Structures of the Hittite Preposed Relative Clause // Jamison S. W., Melchert H. C., Vine B. (eds.). Proceedings of the 22nd Annual UCLA Indo-European Conference. Bremen, Hempen. P. 83–104.

- Huggard 2014 – Huggard M. On Semantics, Syntax and Prosody: a Case Study in Hittite and other Indo-European languages // ECIEC 33, June 6–8 2014 (handout).
- Miller 2013 – Miller J. Royal Hittite Instructions. SBL Writings from the Ancient World 31. Atlanta.
- Neu 1968 – Neu E. Interpretation der hethitischen mediopassiven Verbalformen. StBoT 5, Wiesbaden: Harrasowitz.
- Parker 1999 – Parker V. Reflexions on the Career of Hattušili III until the Time of his Coup d'État // AoF 26/2. P. 269–290.
- Salisbury 2005 – Salisbury D. Local adverbs in Neo-Hittite. ProQuest company.
- Sideltsev 2014 – Sideltsev A. V. Wh-in situ in Hittite // Tipologija morfosintaksicheskix parametrov. Proceedings of the Conference “Typology of Morphosyntactic Parameters 2014”. Moscow: MGGU. P. 198–222.
- Sideltsev in print – Sideltsev A. V. The Riddles of Hittite Indefinite Pronouns, ms.
- Sideltsev, Molina in print – Sideltsev A. V., Molina M. Enclitic *-(m)a* “but”. Clause Architecture and the Prosody of Focus in Hittite // IF in print.
- Singer 2002 – Singer I. Hittite Prayers, SBL Writings from the Ancient World 11, Atlanta.
- García Trabazo 2002 – García Trabazo J. V. Textos religiosos hititas, Madrid.
- Ünal 1974 – Ünal A. Hattušili III, Teil I, Hattušili bis zu seiner Thronbesteigung, Bd. 2. Quellen und Indices. THeth 4. Heidelberg.
- Ünal 1978 – Ünal A. Ein Orakeltext über die Intrigen am hethitischen Hof, THeth 6. Heidelberg.

A. V. Sideltsev. The Syntax of Hittite Negations

The article deals with the syntax of negation markers in Hittite. Both positions in the clause and scope of negations are explored. It is claimed that Hittite negation markers with sentential scope can be in three positions: the canonical one immediately in front of the verb, and two non-canonical ones: the clause initial position, and the clause internal position which is not preverbal. The difference between the three positions is determined not by the scopal properties of negations, but by their information structure status, namely the kind of focus they mark.

Keywords: negation markers, the Hittite language.

НАГРАДЫ ОЛЬВИОПОЛИТОВ

Статья основана на большом числе ольвийских надписей классического, эллинистического и римского времени, в которых упоминаются награды гражданам, оказавшим те или иные важные услуги государству: решение поставить ему статую, увенчать его золотым венком, постановление написать почетный декрет на каменной стеле и установить ее на видном месте в городе. Граждане других греческих городов получали в Ольвии такие же награды, а кроме того им могли даровать проксению, дававшую им торговые льготы, а в ряде случаев и ольвийское гражданство. Из спортивных наград сохранилось сообщение о статуе в гимнасии, изображавшей победителя в беге, и две наградные расписные амфоры, полученные за победу в конных состязаниях.

Ключевые слова: античное Северное Причерноморье, статуя, золотой венок, декрет на каменной стеле, спортивные призы.

В Ольвии, как и в других демократических греческих государствах, существовала система наград, которые от имени Совета и Народа получали соотечественники и иностранцы, оказавшие важные услуги государству. Одной из распространенных форм награды было распоряжение начертать текст почетного декрета на каменной стеле и выставить ее на всеобщее обозрение на видном месте в городе, где все могли прочесть, за какие заслуги наградили того или иного гражданина. Благодаря этому сохранилось множество сведений о характере наград в разных городах Эллады и ее колониях. Эпиграфические памятники из раскопок Ольвии содержат богатый материал о разнообразных наградах.

Награды соотечественникам. *Решение властей о постановке статуи*, которую делали за счет государства, было наивысшим отличием. Самым редким и почетным был конный памятник, далее шла скульптура во весь рост и, наконец, то, что обозначается словом *εἰκών* (изображение), по-видимому, каменный или бронзовый погрудный рельеф или бюст. Сейчас известен лишь один ольвиополит Никерат, который во II в. до н. э. удостоился всех трех подобных наград. Это явствует из уцелевшей части текста декрета; там написано, что за заслуги перед отечеством ольвиополиты поставили конную статую герою,

погибшему за родину в столкновении с варварами, а при жизни херсонеситы в своем городе почтили Никерата постановкой статуи (ἀνδριάντος ἀνάστασις) и посвящением изображения (εἰκόνας ἀνάθεσις), так как он сумел уладить приведший к военному столкновению конфликт между гражданами (IOSPE I²: 34).

Следы ног лошади сохранились на постаменте конной статуи ольвиополита (его имя не сохранилось), который в конце IV в. до н. э. удостоился этой награды за освобождение от пиратов священного острова Левки с его знаменитым храмом Ахилла (IOSPE I²: 325). Кроме того, о награждении статуей в Ольвии известно по обломкам двух пьедесталов. На меньшем из них уцелело изображение венка, несколько букв и след крепления статуи; по шрифту надпись датируется позднеэллинистическим временем (IOSPE I²: 198).

Второй пьедестал состоит из трех фрагментов, на которых почти полностью сохранился текст почетного декрета в честь Каллиника (Виноградов, Карышковский 1982: 26–46). Там отмечено, что этот гражданин способствовал гражданскому примирению, реорганизовал городские финансы и урегулировал вопрос о налогах и долгах граждан. В датировке и чтении надписи и понимании слов о награде существуют разногласия. Одни исследователи относят декрет к последней трети IV в. до н. э. и считают, что Каллиник наряду со статуей получил в награду необычно крупную денежную сумму в тысячу ольвийских золотых, что в то время равнялось 20 000 аттических драхм. Другие ученые датируют документ началом III в. до н. э. и полагают, что речь идет не и о денежном вознаграждении, а о венчании венком ценой в 1000 золотых ольвийских полудрахм; при такой датировке надписи это соответствовало средней стоимости наградного венка в Афинах (Яйленко 1990: 268–272). На мой взгляд, последнее более убедительно, чему я уже приводила дополнительные аргументы (Скржинская 2010: 289).

Золотой венок не только сопровождал другие награды, но и один мог служить выдающимся отличием. В том же III в. до н. э. ольвиополиты неоднократно награждали золотыми венками Протогена за финансовые услуги государству (IOSPE I²: 32) и Антестерия за то, что он успешно исполнял государственные должности, на собственные средства построил для родины военный корабль, отремонтировал старые государственные суда, во время голода входил в коллегию ситонов, раздававшую гражданам хлебные пайки. За эти деяния ольвиополиты поста-

новили ежегодно увенчивать Антестерия золотым венком во время празднования Дионисий в театре. (Виноградов 1984: 57). Здесь важно отметить постановление читать почетный декрет ежегодно; такое распоряжение можно прочесть и в некоторых других ольвийских документах, например в декрете Никерата (IOSPE I²: 34). В римское время распространился обычай награждать золотым венком граждан за образцовое исполнение государственных должностей. Подобную награду неоднократно получали ольвийские стратеги (IOSPE I²: 94, 107; HO: 80, 81).

Золотой венки как посмертная награда выдающемуся гражданину известен в Ольвии с конца III в. до н. э. При выносе тела на торжественных похоронах покойного венчали золотым венком, и глашатай читал текст почетного декрета, где перечислялись заслуги гражданина. В качестве особой благодарности умершему ольвиополиты постановляли читать ежегодно этот декрет во время государственных праздников или народных собраний. Так было на рубеже III–II в. до н. э., когда хоронили неизвестного теперь по имени гражданина, отдавшего жизнь за родину (HO: 34), и в первой половине II в. до н. э., когда погиб Никерат в сражениях с варварами, напавшими на греков, возвращавшихся с праздника на Ахилловом Дроме (IOSPE I²: 34). Подробное перечисление в надписи разнообразных заслуг Никерата перекликается с еще более обстоятельным рассказом в декрете о деятельности Протогена на благо Ольвии во второй половине III в. до н. э. (IOSPE I²: 32); это позволяет предположить с достаточной уверенностью, что в несохранившейся нижней части стелы были слова о посмертном венчании венком. Декреты в честь покойных ольвиополитов Дада, Карзоаза и Посидея свидетельствуют о существовании подобного ритуала и римское время (IOSPE I²: 39, 51, 52).

Награды, полученные ольвиополитами в других греческих государствах. Наиболее частой была награда золотым венком. Во II в. н. э. восемнадцать городов вручили венки ольвиополиту Феоклу (IOSPE I²: 40); в их числе были Милет, метрополия Ольвии, ее ближние и дальние соседи по Причерноморью (Тира, Херсонес, Боспор, Истрия, Томы, Каллатис, Одесс, Синопа, Гераклея, Амастрия, Тиеон), Византий и несколько малоазийских городов (Апамея, Кизик, Никомедия, Прусы, Никея). Другой ольвиополит, имя которого утрачено, также удостоился такой чести во многих городах (IOSPE I²: 41). Часто венки служил благодарностью гражданам Ольвии за то, что они у себя

на родине оказывали гостеприимство и содействие в разных делах приезжим из этих государств.

В эллинистическое и римское время скульптуры ольвиополитов, оказывавших услуги иностранцам, стояли в Херсонесе и на острове Тенедосе, а в Византии изображение было даже позолоченным. Об этом мы узнаем из надписей с копиями почетных постановлений, в которых упоминались заслуги ольвиополитов за пределами своего государства; такие стелы устанавливали на почетном месте в городе, чтобы на родине было известно о заслугах соотечественников (IOSPE I²: 78, 79). Стелы с почетными декретами в честь граждан Ольвии находились в Херсонесе (IOSPE I²: 345), в Дельфах и на Делосе, там же они пользовались почетным правом занимать первые места в театре и на стадионе (МИС: 12, 21, 23, 24).

Награды иностранцам были такими же, как и соотечественникам. За крупные финансовые услуги государству в III в. до н. э. ольвиополиты поставили в своем городе статую херсонесита Аполлония и изображения его сыновей, достойно продолжавших дело отца; кроме того их венчали золотыми венками (Виноградов 1989: 216). В эллинистический период многие милетяне и Феодот из Истрии пользовались в Ольвии правом проэдрии (Жебелев 1953: 38; НО: № 7). Особо почетной наградой было предоставление иностранцу прав гражданства. Известия об этом сохранились в ряде ольвийских проксений.

Для граждан других греческих государств в античных полисах, начиная с классического периода, существовала особая награда, называвшаяся проксенией. Наиболее почетная проксения предоставляла иностранцам права местного гражданства наряду с разными торговыми льготами. Проксении получали за выдающиеся финансовые, дипломатические, торговые и некоторые другие услуги государству. В античности почти всегда дипломатическая и финансовая деятельность гражданина совмещалась с торговлей, поэтому понятно, почему любые услуги государству сопровождались торговыми льготами. Проксены в дружественном городе пользовались определенными правами, а у себя на родине оказывали поддержку и помощь приезжим из этого города, так что их функции можно сравнить с деятельностью консулов нового времени.

Обычно льготы, предоставлявшиеся проксениями, включали освобождение от налогов на ввозимые и вывозимые товары, а также освобождение от уплаты гаванных сборов. Особо ценной

наградой проксену служило дарование гражданства, уравнивавшего его во всех правах с полноправными жителями дружественного города. Иногда льготы распространялись на братьев и сыновей проксена, а торговыми преимуществами могли по его поручению пользоваться слуги.

Большинство известных сейчас ольвийских проксений были даны купцам, особо успешно проводившим торговые операции, служившие на благо городу. Древнейшая проксения в Северном Причерноморье найдена в Ольвии; это декрет в честь Иатрокла, гражданина Синопы, изданный во второй половине V в. до н. э. (НО: 1). В этой частично сохранившейся надписи, как и в прочих ольвийских проксениях, использованы традиционные формулы, которые известны из надписей многих греческих городов (Guarducci 1969: 28–33). Вот один из примеров типичной ольвийской проксении второй половины IV в. до н. э. «В добрый час! Ольвиополиты дали сыновьям Феопрота, Феофану и Аристе, гераклейцам, им самим и их потомкам проксению, право гражданства, освобождение от пошлин на все товары, какие бы не ввезли или не вывезли они сами или их слуги, и (дали право) входа (в гавань) и выхода (из гавани) и в военное, и в мирное время, без конфискации и без заключения договора» (НО: 6). Проксении продолжали давать вплоть до первых веков нашей эры. От имени Народа и Совета ольвиополиты предоставляли проксении купцам и лицам, исполнявшим различные дипломатические поручения, причем обе деятельности в античности зачастую совмещали одни и те же люди. Они приезжали в Северное Причерноморье с берегов Понта, из Эллады и Малой Азии (IOSPE I²: 26–28, 30, 33, 35, 227; НО: 1–27, 45). В ряде проксений особо отмечена заслуга в том, что у себя на родине проксен оказывает содействие приезжающим из Ольвии (IOSPE I²: 20, 21, 23, 26–28, 30; НО: 19, 24–26).

Особый интерес представляет редкая проксения, данная ольвиополитами не рядовому гражданину, а правителю, имя которого Сатир. Немногочисленные примеры проксений правителям известны из античной литературы (Her. VIII, 136) и из надписей (SIG: 221, 439, 430). Ю. Г. Виноградов и В. В. Крапивина, издавая эту недавно найденную надпись, датировали ее по шрифту IV в. до н. э., а чествуемое лицо назвали боспорским царем Сатиром I, правившим в 433–389 гг. до н. э. (Виноградов, Крапивина 1995: 69–78) До находки рассматриваемой проксении не было никаких известий о контактах Ольвии и Боспора в дорим-

ское время, поэтому издатели оценили декрет как важное свидетельство о связях двух государств. Более убедительным представляется мнение В. П. Яйленко, показавшего, что речь идет о гераклейском тиране Сатире, который правил в 352–345 гг. до н. э. (Яйленко 2010: 84–92); в пользу этого говорят многочисленные археологические находки, указывающие на оживленные связи Гераклеи Понтийской и Ольвии в IV в. до н. э. По-видимому, проксения была дана за успешное политическое соглашение между государствами. Так, по крайней мере, можно понять по уцелевшей части текста с дополненными утратами, предложенными В. П. Яйленко: «Ольвиополиты делают Сатира проксеном и гражданином, его самого и детей, а также благодетелем, и даруют ему самому и детям беспоплиность всего достояния и право влиять и выливаться в военное и мирное время без ущерба и заключения договора. В добрый час, заключает договор с ольвиополитами по благосклонности Сатир; быть друзьями...».

Спортивные награды в древности представляли для гражданина не меньшую гордость, чем заслуженные на ином поприще. Эллины получали их за победы в атлетических и конных состязаниях. Недаром ольвийские архонты и стратеги в надписях с посвящением Аполлону и Ахиллу, упоминали о своих победах в беге, прыжках, метании копья и диска (IOSPE I²: 130, 138, 155, 156, 157). Вероятно, это указывает, что победы были одержаны во время агонев в честь этих божеств, а первенство всегда отмечалось какой-либо наградой.

В ольвийском гимнасии, как и в других греческих городах, постоянно устраивались состязания в честь Геракла и Гермеса. Высшей наградой победителю была установка его статуи в гимнасии, где постоянно собиралась не только молодежь, но и все граждане. Уцелела надпись на одном постаменте такой статуи. Она изображала Дионисия, победившего на состязаниях в беге в III в. до н. э. (IOSPE I²: 186).

К спортивным наградам следует отнести две чернофигурные вазы из ольвийского некрополя. Обе они относятся к эллинистическому времени, когда чернофигурный стиль росписи керамики давно вышел из моды и сохранялся по традиции только на аттических призовых амфорах; их наполняли оливковым маслом и вручали победителю в соревновании, нарисованном на вазе. Такие амфоры помещали в могилу как значимые для покойного предметы. Одна из них – панафинейская награда с изображением

ем Афины и мчащейся квадриги; по-видимому, ее получил ольвиополит за победу в состязаниях на колесницах во время праздника Панафиной в Афинах. Вторая ваза, вероятно, сделанная по ольвийскому заказу в Афинах, может служить образцом приза на двух видах конных состязаний, которые ольвиополиты устраивали на Ахилловом Дроме. На одной стороне сосуда изображен возница, погоняющий четверку лошадей, а на другой скачущий всадник; горло амфоры украшено лавровыми ветвями, символизирующими победный венок (Скржинская 2010: 230, 301). О периодически проводившихся состязаниях колесниц на Ахилловом Дроме известно из упомянутого выше декрета Никерата.

Литература

- Виноградов 1984 – Виноградов Ю. Г. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса // Вестник древней истории. 1984, № 1.
- Виноградов, Карышковский 1982 – Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О. Каллиник, сын Евксена // ВДИ. 1982, № 4.
- Виноградов, Крапивина 1995 – Виноградов Ю. Г., Крапивина В. В. Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н. э. // Античные полисы и местные поселения Причерноморья. Севастополь, 1995.
- Жебелев 1953 – Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953.
- МИС – Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939, № 3.
- НО – Надписи Ольвии. 1917–1965 / Под ред. Т. Н. Книпович и Е. И. Леви. Л.: «Наука», 1968.
- Скржинская 2010 – Скржинская М. В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб., 2010.
- Яйленко 1990 – Яйленко В. П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. Экономика, политика, культура. М., 1990.
- Яйленко 2010 – Яйленко В. П. Тысячелетний Боспорских рейх. М.
- Guarducci 1969 – Guarducci M. Epigrafia Greca. T. 2. Roma, 1969.
- IOSPE I² – Latyshev V. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916.

Marina Skrzhinskaja. Awards in Olbia

The article deals with the analysis of Olbian inscriptions dated to the 5th c. BC and the 3rd c. AD mentioning awards to compatriots and foreigners. Greeks gave awards for important political, military and economic services to their state. Olbian inscriptions mention crowning with a golden wreath, erection of a statue of a person, placement of a marble stele with an honorable decree in a conspicuous place of the city, and also granting citizenship and trade concessions to foreigners. Among the sport prizes that survived to modern times there are two prize amphoras for horse racing championship and a postament of a statue of run race winner.

Keywords: The ancient Northern Coast of the Black Sea, statue, golden wreath, honorable inscription on stone, proxenia, sports awards.

**ОБ ОДНОМ СПОРНОМ ФРАГМЕНТЕ
ИЗ ПОЭМЫ «БЕОВУЛЬФ»
И АРХАИЧНОМ НАИМЕНОВАНИИ ЖИЛИЩА**

На основе анализа отрывка из поэмы «Беовульф» предлагается реконструкция значения др.-анг. *ætn* как «крепкое строение на возвышении, довольно просторное, но не просто жилище для еды и сна, а место, выполняющее социальную функцию, где значительное количество людей могло собираться для решения насущных проблем» и выдвигается предположение о возможном соотношении др.-анг. *ætn* «древнегерманским длинным домом».

Ключевые слова: прагерманский, англосаксонская поэма «Беовульф», наименование жилища, значение, реконструкция.

Для прагерманской языковой общности традиционно реконструируют несколько праформ со значением дом, жилище, место проживания. Ср: **hūsan*, **raznan*, **sardaz*, **salipwō* > **saliz*, **būran* (Buck 1988; Orel 2003). Рефлексы этих праформ представлены и в древнеанглийском языке.

Такое многообразие наименований жилищ в языке традиционно обуславливается не только конструктивными особенностями самих строений, но и спецификой их назначения, когда один и тот же тип здания мог использоваться для различных целей. Попытки соотнести наименования жилищ с их конструктивными особенностями и назначениями имеют давнюю традицию. К примеру, В. Леманн, вслед за Р. Мерингером считает, что прагерманское **hūs* обозначало ‘дом с одной комнатой, частично под землей’, готское *gards* ‘дом как огороженная собственность’, ‘плетеный (оплетенный) дом’, гот. *razn* – ‘место для отдыха’, др.-сев. *seli*, *seli-hūs*, гот. *salipwos* ‘дом из нескольких комнат’ (Meringer 1904: 6–140; Lehmann 1986: 147).

Значения прагерманских слов, обозначающих жилища, зачастую реконструируются с точки зрения этимологии, а не глубокого анализа контекстов с рефлексами этих праформ в близкородственных языках, что, на наш взгляд, позволило бы не только вывести предположительные значения праформ, но и соотнести их с типом строений, характерных для прагерманского периода. Такой очевидный подход к решению проблемы ослож-

навлекшего несчастья на гаутов. Основные дискуссии по поводу недостаточно видимого для дешифровки слова¹ ведутся между представителями двух точек зрения. Последователи В. Лоренса (W. Lawrence) считают, что в тексте было слово *þegn*, а многочисленные современные издатели, переводчики и комментаторы – Chambers, Dobbie, Klaeber и др. – солидарны с Ф. Хаббардом (F. Hubbard), полагавшего, что в тексте есть слово *þeow*.

С точки зрения палеографии истину установить уже не возможно, однако анализ контекста вполне может дать положительный результат. Узкий контекст позволяет реконструировать слово *þeow*, где *heteswengeas* можно интерпретировать как *scourging* ‘бичевание’ (Girvan 1935: 86), что было бы применимо только к слуге или рабу, но не к воину, для которого это означало бы потерю социального статуса. Однако более широкий контекст, по мнению де Ру (de Roo), склоняет к слову *þegn*. Проведя анализ аргументов в пользу слова *þeow*, Харви де Ру приходит к выводу, что все они скорее всего доказывают обратное, и что речь в отрывке идет не о простом слуге или рабе, а о воине (*þegn*) благородного лорда. Во-первых, анализ других текстов показал, что слово *sweng* ‘удар’ относится к удару меча (Roo 1982: 303), следовательно *heteswengeas* принадлежит скорее к героической лексике.

Во-вторых, такие слова как *mandryhten* (2281), *hlaford* (2283) и *frea* (2285), использованные для обозначения человека у которого вор желал заслужить благосклонность, одобрение и прощение, вряд ли следует рассматривать как наименования для хозяина раба, на чем настаивал Хаббард (Hubbard 1921: 10), так как помимо поэмы «Беовульф» они активно употреблялись в поэзии для обозначения лорда/хозяина воина/вассала (*þegn*). Более того, словом *mandryhten* назывался лорд, в подчинении у которого находились воины-аристократы (Roo 1982: 303).

Для нашего исследования этот спор является принципиальным, так как социальный статус вора влияет и на выбор автором поэмы слов для описания его чувств, поступков и действий согласно древнегерманской эпической традиции.

Др.-анг. *ærn*, хотя и прописано в манускрипте не четко, не вызывает таких горячих споров, так как буквы *æ* и *n* бесспорно установлены (Thorkefín 1951: 103). Однако с этимологической

¹ В факсимильном издании К. Malone четко видна буква *þ* и частично буква *e* (Malone 1963).

точки зрения предыстория формы слова трудна для реконструкции.

Во-первых, др.-анг. *ærn*, в отличие от гот. *razn* и др.-сев. *rann*, восходит к праформе **raznan* не на прямую, а через ее западногерманский рефлекс **razn*. Во-вторых, существует несколько возможных вариантов дальнейшего развития этого рефлекса. Если признать, что **razn* > **rarn* и начальная **r* была утрачена в результате диссимиляции, то как результат, следовало бы ожидать форму **earn*. Если признать переход **razn* > **rann* смещением *r* и гласной, то слово должно было бы выглядеть как **arn~orn*. В случае с переходом **razn* > **rān* метатеза не могла произойти, а результатом такого перехода была бы форма **rōn*. Вероятно, переход **a* > **æ* (согласно хорошо изученному северо-западногерманскому передвижению гласных) произошел еще в западногерманской праформе **razn*, а затем **z*, под действием каких-либо фонетических изменений, выпал, что с метатезой² в дальнейшем могло дать форму др.-анг. *ærn* (Ringe 2014: 85).

Примечательно, что др.-анг. *ærn* встречается в одном из ключевых отрывков поэмы, описывающем кражу из клада дракона, которая в дальнейшем привела к гибели Беовульфа. Некий человек, бежавший от кары, чтобы заслужить благосклонность и одобрение своего лорда, украл чашу в надежде купить себе прощение, чем вызвал гнев дракона-хранителя древнего сокровища. Сравните:

Nealles mid gewældum wyrmhord abraec, / sylfes willum, se ðe him sare gesceod; / ac for þreanedlan þeow nathwylces / hæleda bearna heteswengeas fleah, / ærnes þearfa, ond ðær inne fealh, / secg synbysig (Beowulf 1978)

‘Отнюдь не из-за желания обладать проник он в драконье логово, не по собственной воле, ему <дракону>³ боль обеспечивавший; но принужденный к наказанию слуга, некий от ударов ненависти детей воинов убежал, **нуждающийся в убежище**, и внутрь пробрался, человек обеспокоенный грехом’.

(Beo, 2221–2226).

Несмотря на то, что само слово *ærn* в поэме встречается всего один раз, слова-композиции со вторым элементом *-ærn/-ern*⁴

² В древнеанглийских диалектах метатеза *r* с последующей краткой гласной была распространенным явлением (Wójcik 2012: 47).

³ по Klaeber 1922: 198.

⁴ Переход *-ærn/-ern* фонологически очевиден, так как происходит

в двух основных значениях – комната, дом или место – довольно многочисленны как в самой поэме, так и в древнеанглийском языке в целом. Например, *eorþ-ærn* ‘землянка’, *gyst-ærn* ‘гостиница’, *carc-ern* ‘тюрьма’, *bere-ern* ‘амбар’ *mædel-ærn* ‘место для собраний’ т.д.

Следует особо подчеркнуть, что суффиксоид *-ærn/-ern* активно использовался в ограниченный период времени с 950 по 1050 годы и специализировался на локализации. Причины, по которым он перестал применяться в данной словообразовательной модели неизвестны (Haselow 2011: 120–123).

В поэме «Беовульф» композиты с *-ærn* можно условно разделить на две неравные группы. Первая группа состоит из четырех слов композитов (*medo-ærn* ‘мед-дом’; *heal-ærn* ‘холл-дом’; *wín-ærn* ‘вино-дом’; *ðryþ-ærn* ‘большой-дом’), вторая из одного слова, но использованного в двух контекстах (*hord-ærn* ‘богатство-дом’). При этом, *heal-ærn*, *medo-ærn* и *ðryþ-ærn* отмечены только в поэме и относятся к Хеороту, самому выдающемуся строению для пиров в срединной земле, возведенному людьми (*medoærn micel men gewurcean*, 69) для датского короля Хродгара. Величайшая из всех резиденций (*healærna mæst*, 78) представляла собой довольно обширное помещение, способное вместить не только короля со свитой, воинов гаутов, но и восемь коней (*eahta mæras*, 1035), преподнесенных в качестве подарка Беовульфу Хродгаром. Именно под охрану Беовульфа вверяет хозяин пиршественного зала (*wínærnes gewæld*, 654) Хеорот, прославленный холл Данов (*ðryþærn Dena*, 657), символ королевской власти.

Таким образом, композиты со вторым элементом *-ærn* используется как эпитеты для резиденции короля Хродгара, подчеркивая, с одной стороны, его назначение – пиршественный (*medo-ærn*) / бражный зал (*wín-ærn*), с другой стороны, указывая на его большие размеры (*ðryþ-ærn*) и тип строения (*heal-ærn*), дом состоящий из одной большой залы.

Являясь англосаксонской эпической поэмой, Беовульф, по сути, повествует о жизни данов – древнегерманского племени, населявшего территорию современных Швеции и Дании. Археологические раскопки в Дании позволяют представить, как могла выглядеть резиденция датских конунгов, подобных Хеороту. В

редукция второго неударного компонента слова, и длинное *a* становится *e* (Campbell 1959: 155).

2004–2005 годах у деревни Лайре было раскопано строение, датируемое серединой VI века. Оно представляло собой дом на холме общей площадью почти 320 кв.м., длиной около 45 м и шириной около 7 м с поддерживающими крышу балками. Крепкие столбы на торцовой стене со щипцом и дверные столбы в трех местах хорошо сохранились (Niles 2007: 249–350). Это поселение, входящее в состав области Зеландия, упоминалось в некоторых письменных источниках, таких как хроники от 1016 года (Trillmich 1970), Старшая Эдда (Lasern 1943), и предположительно являлось резиденцией датского короля, где каждые девять лет проходили жертвоприношения.

В свою очередь, слово-компози́т *hord-ærn* ‘богатство-дом’ в обоих случаях связано с хранилищем древнего богатства, золотым кладом, символом былой славы, который был скрыт на каменном холме (*stánbeorh*, 2212) последним представителем древнего народа. Триста зим дракон охранял в земле одно из золото-хранилищ (*heold on hrusan hordærna*, 2279), и рядом с хранилищем пал он на землю от руки Беовульфа (*hreas on hrusan hordærne*, 2831).

Учитывая приблизительное время написания поэмы и время активного использования словообразовательной модели с суффиксоидом *-ærn*, можно предположить, что на тот момент само слово *ærn* вероятно уже относилось к архаичной лексике и скорее ассоциировалось со строением вообще, а не с конкретным типом здания, хотя использование компози́тов для описания Хеорота и хранилища золота – двух основных символов героического идеала древнегерманского мира, власти и ее вещественного проявления – золота, позволяет отнести его к героической поэтической лексике.

В связи с вышесказанным, под несколько другим углом зрения следует интерпретировать и рассматриваемый нами отрывок. С одной стороны, вслед за де Ру, мы склоняемся к точке зрения, что в тексте вместо *þeow* должно быть *þegn*, так как убежище для древнегерманского воина, вассала короля скорее ассоциировалось с его резиденцией, где под покровительством хозяина он мог получить еду и кров, защиту.

С другой стороны, присутствие в англосаксонском многочисленных слов-компози́тов со вторым элементом *-ærn/-ern* (например, *eorþ-ærn* ‘землянка’, *gyst-ærn* ‘гостиница’, *carc-ern* ‘тюрьма’, *bere-ern* ‘амбар’ *mædel-ærn* ‘место для собраний’ и *medu-ærn* ‘место, где пьют медовуху’ т. д.) с большей долей

вероятности указывает на то, что *ærn* могло обозначать именно строение на холме, некоем возвышении, месте, где собираются люди, обсуждают и решают проблемы, судят, хранят символы власти, встречаются странников, место, подобное Хеороту. И хотя в тексте *ærn*, вероятно, используется метафорически как прибежище для воина, в нем имплицитно заложены некоторые из перечисленных выше значений слов-композигов. Это и место, навевающее ужас на чужестранца – тюрьма (*þæt ðam gyste gryrebroga stod* ‘перед странником ужас стоял’, 2227) и хранилище богатства (*wyrmhord* ‘драконье богатство’ 2221).

Таким образом, можно предположить, что в период написания поэмы Беовульф др.-анг. *ærn* вероятно уже относилось к архаичной лексике, утратив свое основное значение, но продолжало ассоциироваться с древнегерманскими символами власти: резиденцией короля/лорда и золотом.

Анализ археологических данных позволяет установить, что у англосаксов, как и у континентальных германцев, присутствовал особый тип дома, так называемый «древнегерманский длинный дом».

Археологические раскопки ранних англосаксонских поселений (IV–V вв.) подтверждают, что прямоугольные деревянные дома от 6–12 до 23 м длиной и 3,5–7 м шириной представляли собой обычные жилища, их планировка в общих чертах совпадала с подобными древнегерманскими домами на континенте (Addyman 1972: 277). Внутри такой дом обычно был поделён на отдельные секции. В конце дома располагалось отгороженное помещение без очага. Назначение такого помещения пока не установлено. Предполагается, что оно могло представлять собой «личные апартаменты» глав семейств или «важных персон», хотя нельзя исключать и место для хранения имущества, а также стойло для животных (Härke 1997: 136). Необходимо также отметить, что, наряду с деревянными длинными домами с перегородками, обнаружены меньшие по размеру строения (менее 6 м в длину), которые их не имели. Такие жилища становятся наиболее распространенными в VII в. н. э. Объяснение, вероятно, следует искать в различных климатических условиях южной и восточной Англии и северной континентальной Европы, ввиду чего оборудование в доме специального укрытия на зиму для скота являлось необязательным (Härke 1997: 136). Нельзя исключать и сильное культурное влияние римских традиций на романизованное население Англии, для которого

проживание в одном доме со скотом считалось неприемлемым (Roymans 1996). Неслучайно такие дома могли выступать в качестве отдельного жилища людей, обладавших особым социальным статусом (Addyman 1972: 296).

Мы не берем на себя смелость соотносить др.-англ. *ærne* «древнегерманским длинным домом» на основании одного лишь контекста, однако нельзя отрицать и очевидные параллели, позволяющие предположить, что слово *ærn* когда-то могло иметь значение «крепкое строение на возвышении, довольно просторное, но не просто жилище для еды и сна, а место, выполняющее социальную функцию, где значительное количество людей могло собираться для решения насущных проблем».

Можно предположить, что изменение размеров и назначения такого типа строения в более поздний период, способствовало и исчезновению самого слова, его обозначающего.

Литература

- Addyman 1972 – Addyman P. V. The Anglo-Saxon house: a new review // Anglo-Saxon England / ed. P. Clemoes. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. Vol. 1. P. 273–309.
- Beowulf 1978 – Beowulf, edited with an introduction notes and new prose translation by Michael Swanton, 1978. New York.
- Buck 1988 – Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
- Campbell 1959 – Campbell A. Old English Grammar. Oxford: Clarendon, 1959.
- Girvan 1935 – Girvan R. Beowulf and the Seventh Century. London: Methuen and Co, 1935.
- Härke 1997 – Härke H. Early Anglo-Saxon social structure // The Anglo-Saxons from the migration period to the eighth century: An ethnographic perspective. San Marino: The Boydell Press, 1997. P. 125–160.
- Haselow 2011 – Haselow A. Typological Changes in the Lexicon: Analytic Tendencies in English Noun Formation (Topics in English linguistics, vol. 72). Walter de Gruyter, 2011.
- Hubbard 1921 – Hubbard F. G. The Plundering of the Hoard in Beowulf // Wisconsin University Studies in Language and Literature 11. P. 5–20.
- Klaeber 1922 – Klaeber Fr. Beowulf and The Fight at Finnisburg. D.C. Heath & Co., Publishers, 1922.
- Lasern 1943 – Lasern M. Grottesangen. Den ældre Edda 1–2. København, 1943.
- Lehmann 1997 – Lehmann W. P. A Gothic Etymological Dictionary. Brill Academic Publishers, 1997.
- Malone 1963 – Malone K. The Nowell Codex. Early English Manuscripts in Facsimile. Vol. 12. Copenhagen, 1963.

- Meringer 1904 – Meringer R. Wörter und Sachen // Indogermanische Forschungen. 1904. S. 16–140.
- Niles 2007 – Niles J. D. (ed.). Beowulf and Lejre. Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies (ASMAR 22). Brepols Verlag, 2007.
- Orel 2003 – Orel V.I. Handbook of Germanic Etymology. Leiden; Boston, 2003.
- Ringe 2014 – Ringe D., Taylor A. The Development of Old English. Oxford University Press, 2014.
- Roo 1982 – Roo de, H. «Beowulf» 2223b: A Thief by Any Other Name? // Modern Philology. The University of Chicago Press. 1982. Vol. 79, 3.
- Roymans 1996 – Roymans N. The sword or the plough: regional dynamics in the romanisation of Belgic Gaul and the Rhineland area // From the Sword to the Plough. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1996. P. 9–126.
- Thorkelín 1951 – The Thorkelin transcripts of Beowulf in facsimile. Kemp Malone, Grímur Jónsson Thorkelín Published in 1951 in Copenhagen, by Rosenkilde and Bagger, 1951.
- Trillmich 1970 – Trillmich W. Thietmar von Merseburg. Chronik. Neuübertragen und erläutert von Werner Trillmich. Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters, Freiherr-vom-Stein-Gedächtnisausgabe 9. Darmstadt, 1970.
- Wójcik 2012 – Wójcik J. Metathesis in the History of English // Annals of Arts (Roczniki Humanistyczne). Vol. 60, 5. Lublin, 2012. P. 45–63

E. A. Sorokina. On one disputable fragment from Beowulf and an archaic designation of dwelling

Interpretation of OE. *ærn* > *raznanin Beowulf (lines 2221–2226) is important because of illegibility of one word in line 2223. W. Lawrence had arguments for *þegn*, but many editors, translators and commentators followed F. Hubbard who defended the word *þeow*.

The social status of a thief is important for the analysis as it influences the author's choice of words to describe his deeds, feelings and behaviour according to old Germanic epic tradition.

OE. *ærn* is unambiguous as the initial *æ* and final *n* are sufficiently visible for decipherment. Although OE. *ærn* occurs only once in Beowulf, the words with the suffix *-ærn* / *-ern* are quite numerous both in the poem and in the Old English language.

In Beowulf the words with suffixoid are divided into two groups, two heroic ideals of the ancient Germanic power: 1) four words (*medu-ærn*; *heal-ærn*; *wín-ærn*; *ðryþ-ærn*) depict Heorot, the symbol of king's power, and 2) one word in two contexts (*hord-ærn*) denotes the symbol of ancient treasure.

The time of Beowulf record (about 1000) and the period of word-formation with the suffix *-ærn* / *-ern* (in 950–1050) prompting suggestion that at that time the word *ærn* probably belonged to the archaic heroic vocabulary and associated with the dwelling, shelter in general not a particular type of a building.

The reading of the illegible word as *þegn* is supported by the idea of shelter for old Germanic vassals/warriors associated with lord's residence.

Archaeological excavations of early Anglo-Saxon settlements (IV–V) confirm that rectangular wooden houses from 6–12 to 23 m long and 3.5–7 m wide were similar to continental old Germanic long houses. But since the VIIth century smaller houses of the same type (less than 6 meters) were common, probably because of the different climatic conditions or cultural influence of the Roman traditions.

We can't correlate OE. *ærn* with 'old Germanic long house' on the basis of only one context, but obvious parallels can not be denied. We suggest that the word *ærn* once could have a meaning of 'a dwelling on the hill, quite spacious, not only for feasting, but for social function, where significant amount of people could gather to solve problems'. It can be assumed that the change in the size and function of this type of a building in the later period led to the disappearance of OE. *ærn* in the language.

Keywords: Old Germanic epic tradition, Anglo-Saxon poem Beowulf, designations of dwellings.

Т. В. Топорова

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБОЗНАЧЕНИЙ ВОДЫ В «СТАРШЕЙ ЭДДЕ» И «РИГВЕДЕ»

Наиболее релевантное отличие семантического поля *вода* в «Ригведе» заключается в моноцентризме: др.-инд. *áp-* образует ядро, отличается максимальной частотностью, является гиперонимом, в то время как для «Старшей Эдды» типичен полицентризм, а также в том, что номинации *воды* в «Ригведе» непосредственно связаны с ритуалом и детерминированы мифопоэтической моделью мира, сходные явления в «Старшей Эдде» выражаются не столь прямолинейно. Совпадения охватывают широкий круг явлений: ср. трактовку *воды* как *первозлемента* в космогоническом мифе, как первоматерии, креативной субстанции, персонификацию и деификацию *воды*, концепцию амбивалентности *вод*, мифологему *воды* в эпистемологическом мифе, дифференциацию *земных* и *небесных вод*, образ *змея в воде*, мотивы *сокровищ в воде* и *пересечения вод*.

Ключевые слова: древнеисландский эпос, Ригведа, сравнительно-историческое языкознание, текстоцентрический анализ, семантическая реконструкция, миф творения.

Необходимость обращения к ведийскому материалу кажется не столь очевидной при исследовании эпического слова в «Старшей Эдде», учитывая гигантский временной разрыв между соответствующими памятниками: древнеисландские рукописи датируются концом XIII – началом XIV вв., в то время как гимны «Ригведы» «складывались на протяжении долгого времени приблизительно в середине II тысячелетия до н. э.» (Елизаренкова 1999: 3); кроме того эти тексты отличаются и по объёму: 1028 ведийским гимнам противостоит более чем компактное собрание эддических песен. Нельзя абстрагироваться и от того обстоятельства, что различен и статус текстов: культовая поэзия, преследующая цель установить коммуникацию между адептом и божеством, рассматриваемая сквозь призму ритуала («Ригведа»), на фоне песен мифологического и героического содержания («Старшая Эдда»). Однако все эти аргументы отнюдь не препятствуют процедуре сравнения, а, напротив, делают её вполне закономерной, если принять во внимание некоторые весьма существенные факторы, а именно, наличие в обоих произведениях письменности мощного мифологи-

ческого пласта, в значительной степени детерминирующего выбор синонима в каждом конкретном случае, и трактовку «Ригведы» как блестящего образца индоевропейского поэтического языка (Wackernagel 1953), «своего рода последнего памятника общеиндоевропейской традиции и первого памятника собственно индийской традиции» (Елизаренкова 1999: 3).

Детальный анализ наименований *воды* в «Ригведе» был осуществлён Т. Я. Елизаренковой¹, составившей уникальные «словарики узуса того или иного синонима в гимнах РВ в их соотношении с типами мифологических контекстов и со стилистическими особенностями текста» (Елизаренкова 1999: 17), и именно из этого исследования мы черпаем материал для сопоставления, к которому мы и переходим. Чтобы изучение эдических и ведийских языковых данных был разносторонним, следует отметить черты сходства и различия при номинации *воды*.

Если рассматривать семантическое поле *вода* в «Ригведе» как целостную систему, то нельзя не отметить её ключевой признак – моноцентризм: из шести синонимов только один – др.-инд. *áṛ-* образует ядро соответствующего ряда, отличается максимальной частотностью (более 500 раз)², является единственным представителем женского рода³ и гиперонимом⁴. Гигантский разрыв в количестве словоупотреблений между *áṛ-* и остальными синонимами состоит в том, что «в мифологической системе РВ понятие, передаваемое основой существительного среднего рода, не может персонифицироваться и деифицироваться» (Елизаренкова 1999: 153). Иными словами, решающее воздействие на функционирование лексем оказывает мифологический фактор: «благодаря своему роду *áṛ-* соответствует требованиям мифологической системы этого памятника, в то время как другие названия воды, слова среднего рода, здесь не подходят» (Елизаренкова 1999: 162)⁵. Для «Старшей Эдды»

¹ См. подробнее Елизаренкова 1999: 151–169.

² На фоне др.-инд. *udán-* (21 раз), *udaká-* (10), *vár-* (10), *salilá-* (5), *ámbhas-* (1) (Елизаренкова 1999: 153).

³ Остальные существительные – среднего рода.

⁴ То есть может заменить любой другой синоним в каком угодно контексте, в то время как обратное явление невозможно.

⁵ Ср. ещё более эксплицитное объяснение данного феномена: «Как ни мало антропоморфны некоторые из ведийских богов, они бывают либо мужчинами, либо женщинами. В этой мифологической системе понятие, передаваемое основой существительного среднего рода, не может персонифицироваться и деифицироваться» (Елизаренкова 1999: 153).

типичен полицентризм: отсутствует ядро семантического поля, разрыв между максимальной (19) и минимальной (1) частотностью обозначений *воды* невелик, а внутри семантического ряда наименований *воды* отсутствуют существенные лакуны, кроме того не наблюдается сколь-либо релевантного влияния мифологических представлений.

Что касается грамматических показателей различных наименований *воды*, то в «Старшей Эдде» и «Ригведе» намечаются значительные расхождения: в древнеисландском эпосе доминирует функция с у б ъ е к т а, реализуемая **им. пад.**, причём формы **ед. ч.** многократно превосходят формы **мн. ч.**, а в ведийском тексте преобладает **мн. ч.** (примеры **ед. ч.** самого распространённого существительного *ар-* единичны), а наибольшей частотностью отличается **род. пад. мн. ч.**⁶

В «Ригведе» *вбды* можно считать архипробразом (по аналогии с архифонемой): они не противопоставлены ни *небу*, ни *земле*, «они принадлежат к совсем другому уровню, так как охватывают и небо, и землю. Можно утверждать, что в космогонических гимнах РВ существует оппозиция между бескрайними колеблющимися изначальными водами и крошечным зародышем, из которого происходит жизнь» (Елизаренкова 1999: 158). Фундаментальное значение для космогонии РВ имеет и другое противопоставление: *первоначальная водная стихия* (др.-инд. *salilá-*) – *деифицированные воды* (др.-инд. *áṛ-*) (Елизаренкова 1999: 168–169) > *безграничный – ограниченный* > *неживой – живой* > *хаос – космос (божественное)*. Помимо прочего актуально противопоставление *живой воды*, которая может обожествляться (др.-инд. *áṛ-*), и *неживой воды*, относящейся к миру предметов (др.-инд. *udán-*), реализующее вариант оппозиции *одушевлённое – неодушевлённое* (Елизаренкова 1999: 162). Что касается «Старшей Эдды», то в качестве единственного антонима *воды* выступает *суша*, то есть элемент природного ландшафта, хотя идея окружения *водами* вселенной по периметру, *вод* как своеобразной границы имплицитно представлена в образе мирового змея, лежащего в *воде*, которая омывает «срединный мир» и кусающего себя за хвост. Иными словами, *воды* символизируют кольцо, очерчивающее контуры космизированного пространства.

⁶ Речь идёт о том же др.-инд. *ар-*.

В модели мира «Ригведы» *дождь* трактовался как медиатор между низом (землёй) и верхом (небом), он относился к воздушному пространству. Согласно ведийской теории дождя «влага поднимается с земли на небо вместе с дымом жертвенного костра и возвращается оттуда снова снова на землю в виде дождя» (Елизаренкова 1999: 166). В «Старшей Эдде» эту функцию выполнял мост Биврёст, букв. «дрожащее расстояние», крайне опасный и ненадёжный, а *дождь* трактовался исключительно в рамках природных явлений (*снега, ветра*).

После рассмотрения наиболее важных отличий в обозначениях *воды* в «Старшей Эдде» и «Ригведе», перейдём к анализу их не менее существенных совпадений и выделим самые интересные моменты.

1) *Воды* интерпретировались как *первоэлемент* в космогонической мифе. На стадии хаоса *вод не существовало*. Ср. апофатические описания в RV X, 129, 1 и Vsp. 3. Эти контексты представляют собой исключительную ценность, так как в них фигурируют лексемы, восходящие к **одному** индоевропейскому корню, – др.-инд. *gāhanat. gabhūrām* ‘глубокая, бездонная’, эпитет наименования *воды* – др.-инд. *āmbhah* и др.-исл. *ginnunga gap* ‘зияний бездна’. Различие состоит в том, что в «Ригведе» соответствующее прилагательное характеризует *воду* на самом начальном этапе её существования, когда она ещё не выделилась из стихии хаоса, в то время как в «Старшей Эдде» уже наметилась оппозиция хаос (*бездна*) – космос (*море*), и именно по этой причине космизированный объект не может иметь определение, типичное для стадияльно более ранней стадии – хаоса⁷.

2) Дифференциация *земных* и *небесных вод*, свойственная «Старшей Эдде»⁸ и «Ригведе» (см. Елизаренкова 1999: 154); кроме того в «Старшей Эдде» репрезентирована также оппозиция *водных* объектов, локализуемых на *земле*, и *вод нижнего мира*, преисподней, ассоциирующихся с мёртвыми (др.-исл.

⁷ Ср. однако представления о существовании *воды* до создания земли: Fyrir var þat mörgum öldum, en jörð var sköpuð, er Niflheimr var görr, ok í honum miðjum liggir brúðr sá, er Hvergelmir heitir, ok þaðan af falla þær ár (SnE 3) ‘За многие века до создания земли уже был сделан Нифльхейм. В середине его есть *источник*, что зовётся Кипящий котёл, и вытекают из него *реки*’.

⁸ Ср. мотив падения воды (др.-исл. *vatn*) с *Небесных* гор (НН. I 1)).

Vað-gelmir ‘брода шумящий’, гидроним), убийцами и клятвопреступниками (др.-исл. *ár-straumr* ‘реки поток’).

3) Образ змея в воде зафиксирован в обоих памятниках: ср. Вритру, «запрудившего реки и убитого Индрой, который освободил воды и пустил их течь к морю, пробуравив им русла и вновь восстановив порядок (*rtá-*)» (Елизаренкова 1999: 152), и мирового змея Йормунганда, который описывается следующим образом: *kastaði hann orminum í enn djúpa sæ, er liggr um lönd öll, ok óx sá ormr svá, at hann liggr í miðju hafinu of lönd öll ok bítr í spogð ség* (SnE 33) ‘бросил он того змея в глубокое море, всю землю окружающее, и так вырос змей, что в середине моря лёжа, всю землю опоясал и кусает себя за хвост’. Приводимые контексты имеют различную аксиологию: др.-инд. *Vṛtrá*, букв. ‘затвор’, ‘преграда’ трактуется однозначно отрицательно, «победа Индры над Вритрой приравнивается к космогоническому акту перехода от хаоса к космосу, от потенциальных благ к актуальным, к процветанию и плодородию» (Мифы народов мира 1980, I: 253), а Йормунганд – положительно, так как он поддерживает землю, образует каркас вселенной, выполняет конструктивную роль.

4) Воды персонифицируются и обожествляются. В «Ригведе» им специально посвящено несколько гимнов, др.-инд. *apaḥ-* сопровождается эпитетом *deviḥ-* ‘божественные’, ‘богини’, встречается в функции вокатива, к водам обращаются с призывами и просьбами (Елизаренкова 1999: 156), они изображаются как божества, добрые и благожелательные к своим адептам. Кроме того в «Ригведе» зафиксирован «Отпрыск вод» (др.-инд. *Apaṁ Nápat*), божество, занимающее второстепенное место в пантеоне, которое «окружено водами, оплодотворяет их, связано с реками, дарует сладкие воды» (Мифы народов мира 1980, I: 91). В эддической мифологии засвидетельствованы теонимы – др.-исл. *Unnr*, букв. ‘волна’, *Ægir* ‘море’. В обоих памятниках распространено словосочетание «священные воды»⁹.

5) Вода трактовалась как первоматерия, креативная субстанция, послужившая источником возникновения жизни. Др.-инд. *apaḥ* изображались как «подвижная, колеблющаяся стихия, которая воспринимает зародыша – источник будущей жизни, например, в гимне Вишвакарману (Все-Творцу) – X, 82, 5» (Елиза-

⁹ Пример из «Ригведы» приводится в начале данного параграфа; ср. также др.-исл. *heilög vötn*.

ренкова 1999: 157)¹⁰. В эддической модели мира репрезентированы мотивы из происхождения из водной субстанции перво-человека Имира¹¹ и сотворения карликов из крови *Бримира* (др.-исл. *brim* 'море').

6) Мотив *сокровищ в воде* встречается в космогоническом контексте мифа Вала (X, 67, 5), в котором говорится, что «Брихаспати сразу вырубил из моря (др.-инд. *udadhī-*) три (сокровища): утреннюю зарю, солнце, корову» (Елизаренкова 1999: 165); клад Нибелунгов локализовался в реке (Рейне).

7) Мотив *пересечения вод* (др.-инд. *ap-* & *tar-*, прилагательное *aptūr-* 'пересекающий воды', эпитет богов (Елизаренкова 1999: 160–161); др.-исл. *vaða* 'переходить вброд') связан с преодолением границы, переходом от одного состояния существования вселенной к другому, от хаоса к космосу, ассоциирующемуся с жертвоприношением (Елизаренкова 1999: 161), как в «Ригведе», или от земной жизни к миру иному, как в «Старшей Эдде»¹².

8) Идея амбивалентности *вод* актуальна как для «Ригведы», так и для «Старшей Эдды». В некоторых гимнах «Ригведы» воды, завоёванные Индрой, названы жёнами Дасы, то есть Вритры, хтонического персонажа, враждебного богам, сына Дану (др.-инд. *danu-* – букв. 'влага')¹³. В «Старшей Эдде» упоминается, в частности, река Слид, букв. «ужасная, губительная», кишущая мечами и ножами.

9) *Воды* фигурируют в эпистемиологическом мифе. *Вода* (др.-инд. *ap-*) используется в главном ритуале ариев «Ригведы» при приготовлении амриты, напитка бессмертия, из выжатого сока сомы, который разбавляется ею, чтобы смягчить резкий вкус (Елизаренкова 1999: 155). Др.-инд. *salilá-*, одно из обозначений воды, интерпретируется «как 'туман' или 'пыль', мельчайшие частицы воды, нечто среднее между материей и духом» (Елизаренкова 1999: 168). В «Старшей Эдде» в **источнике**

¹⁰ Ср. аналогичный контекст зарождения жизни из вод – РВ X, 121, 7 (Елизаренкова 1999: 158), а также словосочетание «рождаться из вод (др.-инд. *ap-*)», характеризующее Агни (Елизаренкова 1999: 160).

¹¹ Ср.: Ór Elivágom stucco eitrdropar, // svá óx, unz varð ór iotunn (Vm. 31) 'Из *Ливня моря* падали яда капли, // так росло, пока не стало великаном'.

¹² Ср., например: Sá hon þar vaða þunga strauma // menn meinsvara oc moðvarga (Vsp. 39) 'Там она видела переходят вброд тяжёлые *потоки* // люди, нарушившие клятвы и убийцы'*

¹³ См. подробнее Елизаренкова 1999: 159.

(др.-исл. *brunnr*) Мимира спрятан глаз верховного бога Одина; из него можно почерпнуть высшую мудрость сакрального характера.

Можно констатировать, что главное отличие номинаций *воды* в «Ригведе» заключается в их непосредственной связи с ритуалом и их детерминированности мифопоэтической моделью мира, в то время как сходные явления в «Старшей Эдде» выражаются не столь прямолинейно: их воздействие происходит опосредованно, косвенно. В целом сопоставление обозначений *воды* в «Старшей Эдде» и «Ригведе» оказывается весьма продуктивным, предоставляя исследователям уникальную информацию, значение которой трудно переоценить.

Издания текстов

Тексты цитируются по следующим изданиям:

Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text. Vierte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962.

Snorri Sturluson. Edda. Udg. af Finnur Jónsson. København, 1900.

Переводы текстов цитируются по следующим изданиям:

Младшая Эдда. Изд. подготовили О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. М., 1970.

Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. Перевод А. И. Корсуна. Редакция, вступительная статья и комментарии М. И. Стеблин-Каменского. М.-Л., 1963.

Литература

Елизаренкова 1999 – Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи в Ригведе. М., «Восточная литература», 1999.

Мифы народов мира 1980 – Мифы народов мира. Энциклопедия. Гл. ред. С. А. Токарев. М., изд. «Советская энциклопедия». Т. 1, А – И, 1980; т. 2, К – Я, 1982.

Wackernagel 1953 – Wackernagel J. Indogermanische Dichtersprache // Kleine Schriften. Bd. I. Göttingen, 1953.

Условные сокращения

НН. I – *Helgaqviða Hundingsbana in fyrri* «Первая песнь о Хельги убийце Хундинга»

Vm. – *Vafþrúðnismál* «Речи Вафтруднира»

Vsp. – *Völuspá* «Прорицание вёльвы»

**T. V. Toporova. A comparative analysis
of the designations of *the water* in the Old Icelandic *Elder Edda*
and in the Old Indian *Rigveda***

The article focuses on the comparative analysis of the designations of *the water* in the Old Icelandic *Elder Edda* and in the Old Indian *Rigveda*, giving the study an Indo-European dimension, and considers the words in their context – a concrete literary monument. In the author's opinion, this context exerts an influence on the formation and actualization of lexical and semantic identities and differences. The linguistic data are not considered separately but related to extralinguistic factors – the role of *the water* in mythology (in the creation myth, eschatology) and in cult. The most relevant difference of the semantic field *the water* in «*Rigveda*» consists in **monocentrism**: O.-Ind. *áp-* forms a kernel, occurs most frequently, is a hyperonym, while for «the *Elder Edda*» the **polycentrism** is typical, and also that the water nominations in «*Rigveda*» are directly connected with ritual and are determined by mythopoëic model of the world, the similar phenomena in «the *Elder Edda*» are expressed not so rectilinearly. Coincidence covers a wide range of the phenomena: cf. interpretation of *the water* as primary element in the cosmogonic myth, as *prima materia*, creative substance, a personification and a deification of *the water*, the concept of ambivalence of *the water*, a *water* mythologeme in the epistemologic myth, differentiation of terrestrial and heavenly *waters*, an image of *a dragon in the water*, motives of *treasures in the water* and *crossings the waters*.

Keywords: *Elder Edda*, *Rigveda*, Indo-European comparative linguistics, the designations of *the water*, semantic reconstruction, cosmogonic myth.

**ИЗ ОНОМАСТИКИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ. XXII:
НЕСКОЛЬКО СКИФСКИХ И САРМАТСКИХ ИМЕН**

В статье рассмотрено несколько новых и известных ранее, но не получивших удовлетворительной интерпретации скифских и сарматских имен, засвидетельствованных в «малой эпиграфике» Боспора.

Ключевые слова: иранская ономастика, скифы, сарматы, греческая эпиграфика Северного Причерноморья.

1. Αδουξης, defixio на свинцовой пластине из Фанагории, III в. до н. э. (Сапрыкин, Масленников 2007: 50 сл.; SEG LVII 741). В стк. 2 издатели читают неизвестное из других источников имя «Αριουσαλης»; на мой взгляд, следует читать Ἀρίου¹, Σαλης²; первое – отчество Дионисия, названного в стк. 1.

Во втором компоненте Αδουξης, может быть, следует усматривать др.-иран. *uxšan- ‘бык’ (ср. авест. Kərəsa-oxšan-, Sīra-oxšan-, Uxšan-); *Nadā-uxšan- ‘богатый быками’ (?); к именам с *hadā- ср. др.-иран. *Nadā-dānā- ‘богатый дарами (или зерном)’ (Schmitt 2009: 40), *Nadā-bānu- ‘equipped with splendour’ (И. Гершевич)³. Или с *vaxša- ‘рост’ (ср. авест. Frašā-uuaḫša- ‘mit ausgezeichnetem Wachstum (Wuchs)’, Mayrhofer 1979: 41)? П. Б. Лурье (устно) предпочитает первую этимологию.

2. Αχαξης, владельческое граффито на дне чернолакового аттического килика (котилы) из женского погребения в кургане середины – 2-й половины V в. до н. э. на некрополе Нимфея (Vickers 2002: 30 f., с фотографиями килика и отдельно граффито; здесь же и о датировке; о погребении см. ibid. 8 f.).

Чтение впервые дано в CVA Oxford I/1: 39 (Pl. XLVIII. 2: только профиль сосуда), с замечанием: «no doubt the name of the

¹ К имени Ἀριος или Ἀρίας, -ης (краткие формы к именам с Ἀρι-) см. LGPN I, VA, s. vv.; Сапрыкин, Масленников 2007а: № 327: Ἀρίου, I–III вв. н. э.

² К последнему ср. Zgusta 1964: § 1358–2.

³ См. Hinz 1975: 109; Tavernier 2007: 192 f., где и другие имена с *hadā. Но чтение наиболее близкого *Nadāspa- (в элам.) сомнительно, см. Hinz, Koch 1987: 26.

Scythian owner». Позже граффито переиздал К. Навотка, правильно определивший Αχαξης как gen. f. (Nawotka 2000: 131, с фото; SEG LIII 779), в отличие от издателей LGPNIV (р. 62, по CVA; там же местом находки ошибочно назван Пантикапей), не принявших во внимание, что погребение женское. Гадательное сопоставление Навотки с ликийским именем Uhaçêe (Zgusta 1964: § 1183⁴, у Навотки – с грубыми опечатками) совершенно произвольно. Если имя скифское, естественно отнести его к серии имен с др.-иран. *haxā- ‘друг’, ‘попутчик’ (авест. haха-, др.-инд. sákhā, пом.), самым известным из которых является др.-перс. Нахāmaniš-, Αχαμένης⁵. Малая протяженность имени заставляет воздержаться от интерпретации оставшегося °(α)ξη, хотя, в принципе, не исключена связь с глагольной основой *axš-, *āxš- ‘наблюдать, замечать’ (например, *Нахā-axšā-).

3. Πορίναχο, надпись, сделанная лезвийным инструментом, на оконечности золотой обкладки ножен меча из знаменитого кургана Куль-Оба близ Керчи. Основное (царское) погребение в склепе с уступчатым перекрытием, откуда происходит меч (Дюбрюкс 2010. I: 172/184; ДБК I: XXIV/XXV)⁶, датируют 2-й половиной или последней четвертью IV в. до н. э. (Алексеев 2003: 230, 296: 350–300 гг., конкретнее – 330-е гг.; Alekseev 2005: 46; Виноградов 2010: 422 сл.; Топал 2015: 386 сл.), однако форма генетива на -ο указывает на более раннее время: эта древняя ионийская орфография генетива ο-основ начинает заменяться на аттическую (-ου) уже в 370-е – 360-е гг. до н. э. (Тохтасев 2011: 676 сл.); соответственно и сама вещь должна датироваться едва ли позже середины IV в. (ср. Wieland 2013: 198, 207 ff.).

⁴ Г. Нойман (Neumann 2007: 401) транскрибирует Uhaçêe, К. Мельчерт (Melchert 2004: 106) считает чтение предпоследней буквы ошибочным.

⁵ Другие примеры см. Hinz 1975: 111; Tavernier 2007: 199 f.; 2011: 200 (не все интерпретации надежны); Zadok 2009: 74 f. (*Naxiya-bānu-). К семантике *haxā- см. Maughofer 1979: 22; 1996: 685 (ср. однокоренные лат. socius, др.-исл. seggr ‘муж’, ‘воин’); Werba 1979: 22; Расторгуева, Эдельман 2007: 339 сл.

⁶ Дюбрюкс ошибочно определил ножны как «чехол для лука»; то, что меч вместе с ножнами (они были положены в могилу отдельно) относится именно к погребению царя, подтверждается опубликованным И. В. Тункиной рисунком А. Н. Оленина, который адекватно иллюстрирует описание Дюбрюкса (Дюбрюкс 2010. II: 96, рис. 213; ср. Тункина 2010: 68 сл.).

В издании А. Бёка (SIG II 2109e)⁷, который, очевидно, основывался на информации И. Бларамберга, и всех исследованиях надпись почему-то читают ПОРІNAXO, хотя и на гравюре в ДБК (табл. XXVI, 2⁸), и на новейшем фотовоспроизведении (Алексеев 2012: 181) после Р отчетливо видна I. Более того, правильное чтение дал в своем сообщении об открытии куль-обских захоронений уже П. Дюбрюкс (Schiltz et al. 2000: 361⁹).

Й. Франц (Franzius 1840: 344), а позже М. И. Ростовцев (1925: 383) интерпретировали надпись как сигнатуру мастера¹⁰, что подтверждается теперь еще одной находкой, на которую любезно обратил мое внимание А. Ю. Алексеев: это аналогичная по композиции золотая обкладка ножен акинака из скифского кургана № 30 у с. Великая Белозерка (Запорожская обл.), где также имеется надпись: ІПОРІ (Отрощенко 1984: 121–126). На то, что надписи на обоих ножнах «частично совпадают», указал В. В. Отрощенко (с. 126), с основанием предположивший, что обе обкладки были изготовлены на Боспоре¹¹. Начальная *iota* в виду *Porivaḫo* из Куль-Обы непонятна; по всей видимости, это и не буква, а всего лишь фальшстарт *ni*: надпись нанесена в технике граффити, и, наверное, первая вертикаль П из-за соскока иглы вышла слишком длинной и кривой, так что мастер взялся процарапывать ее заново.

Ф. Юсти (Justi 1895: 254, 504), основываясь на чтении SIG, предложил иранскую этимологию, относительная ценность которой сводится к сближению с авест. *ro^uti-* ‘лол’ (< **raḡu-*;

⁷ То же у Ф. Дюбуа де Монперо (Dubois de Montpéreux 1843: 201; 1843a: pl. XXIV, 4), который получил информацию из отчета о раскопках Куль-Обы П. Дюбрюкса, при том, что последний дал правильное чтение (см. ниже).

⁸ Вопреки этой иллюстрации неверное чтение дает и С. Рейнак во французской версии ДБК (Reinach 1892: 73). Повторяет его даже Ростовцев (1925: 378, прим. 5; 383).

⁹ Правда, в той рукописи отчета об открытии Куль-Обы, которую опубликовали И. В. Тункина и Н. Л. Сухачев (Дюбрюкс 2010. I: 172/184), Дюбрюкс по какому-то недоразумению написал ПАРІNAXO (вероятно, свидетельство известной русификации).

¹⁰ С. Рейнак (Reinach 1892: 73) и М. И. Артамонов (Artamonow 1970: 70) допускали и имя владельца.

¹¹ Отрощенко, а вслед за ним и многие другие исследователи (Rolle et al. 1991: 304, 358 f., Кат. 89; Treister 2001: 133, с лит.), датировал белозерский меч последней третью IV в. до н. э. лишь на основании близости с куль-обским, следуя датировке Куль-Обы М. И. Артамонова.

ср. Hoffmann, Forssman 1996: 65, § 33fc)¹²; ср. такое же осет. *fug* < **paŋu-* с «умлаутом» *a > *u под влиянием *u в следующем слоге (Абаев 1958: 499; Cheung 2002: 191, где и другие примеры). Но дальнейшее по-прежнему неясно.

Надписи из Куль-Обы и Великой Белозерки крайне интересны как свидетельства того, что по меньшей мере в 1-й пол. IV в. до н. э. на Боспоре трудились торевты негреческого, по-видимому, скифского происхождения, способные создавать шедевры греческого искусства, предназначенные, однако, для скифской верхушки, вполне способной оценить их по достоинству.

4. $\Xi\eta\beta\alpha\nu\omicron\kappa\omicron\nu$. Имя в надписи на золотом сосуде I в. н. э. (Засецкая 2011: 184) из случайной находки близ станицы Мигулинской возле Новочеркасска (Смирнов 1909: табл. X, 27; Засецкая 2011: 180–185). Надпись выполнена пунсоном в два приема: $\Xi\eta\beta\alpha\nu\omicron\kappa\omicron\nu$, буквами меньшего размера, прибавлено позже (Я. И. Смирнов *apud* Ростовцев 1917: 107), хотя, на мой взгляд, той же рукой. Правильное чтение впервые установлено Э. Эггером (*apud* Linas 1878: 154): *b. \Xi\eta\beta\alpha\nu\omicron\kappa\omicron\nu. a. \tau\alpha\rho\upsilon\lambda\alpha\varsigma \acute{\epsilon}\lambda\theta\iota\epsilon\iota \nu\alpha\varsigma. \text{Ϟ} (= \chi\rho\upsilon\sigma\omicron\upsilon) \mu'* «(сосуд) Ксебанока. Делал Тарула. 48 золотых»¹³.

Странным образом мимо этой надписи прошли все исследователи ономастики античного Северного Причерноморья – и М. Фасмер, и В. И. Абаев, и Я. Харматта, и Л. Згуста.

В наше время рассуждения Ростовцева (1917: 107 сл.; 1925: 584 сл.) относительно имен $\Xi\eta\beta\alpha\nu\omicron\kappa\omicron\varsigma$ и $\tau\alpha\rho\upsilon\lambda\alpha\varsigma$ (оба якобы могут быть как фракийскими, так и сарматскими) не могут нас вполне удовлетворить (впрочем, и сам он признавал, что не имеет «нужной компетенции, чтобы углубиться в вопрос о родстве фракийских и сарматских собственных имен», Ростовцев 1917: 108), однако сам ход его мысли и исторические заключения остаются актуальными.

$\tau\alpha\rho\upsilon\lambda\alpha\varsigma$ – популярное прежде всего в римское время фракийское имя, засвидетельствованное по всей исторической Фракии, включая причерноморские области (Detschew 1957: 491 f.; LGPNIV: 327). В числе целого ряда других фракийских имен оно известно в I–II вв. н. э. и на Боспоре (КБН 482, 633, Панти-

¹² В целом его толкование выглядит странно: «viel Teppiche besitzend (пр. *пах...*)»; однако известные мне словари не дают альтернативы обычному значению н.-перс. *نخ* – ‘нить’, ‘веревка’.

¹³ Подразумевается, по-видимому, *δραχμαί* (Linas 1878: 157).

капей¹⁴). Таким образом, правильно заключил Ростовцев, нет оснований считать, что кружка изготовлена в западнопонтийских областях, по всей видимости Тарула работал «в одном из городов Боспорского царства, скорее всего в Пантикапее или Танаиде» (Ростовцев 1917: 108; ср. Ростовцев 1925: 585: Пантикапей; почему не Фанагория или Горгиппия?). Отсюда он сделал другой вывод, уже исторического характера: «мастерские Пантикапея вполне приспособились к требованиям их новых заказчиков и работали вещи близкого им стиля, воспроизводя знакомые им оригиналы восточной работы» (Ростовцев 1925: 585; ср. Симоненко, Лобай 1991: 58), имея в виду стилистические особенности, которые, по его мнению, имеют центрально-азиатские или даже сибирские корни. В последнее время высказывалось, однако, мнение, что мигулинский сосуд мог быть изготовлен на Востоке, вероятно, в Центральной Азии (Treister 2004: 137 f.: «either in Central Asia or in the North Pontic area»; более решительно – Засецкая 2011: 182–185). Как согласовать это с фракийским именем мастера и каким образом на сосуде появилась греческая надпись, эти исследователи не объясняют. Разумеется, гипотеза Ростовцева заслуживает предпочтения: боспорский мастер, имеющий фракийские корни, изготовил сосуд по заказу важного лица («царя») из сарматской среды.

Действительно, имя $\Xi\eta\beta\alpha\nu\kappa\omicron\varsigma$ несомненно иранское¹⁵, причем имеющее прозрачную этимологию: *Xšē-bānuκ, с распространенным в иранской антропонимии компонентом др.-иран. *bānu- ‘сияние, блеск’ (осет. *bon* ‘день’); ср., например, др.-перс. Artā-βavoc (Hdt. IV, 93 и др.) < *Ātr-bānu-, др.-иран. *Naχiya-bānu- (см. прим. 5) и др. (Tavernier 2007: 579, s.v. *bānu-). В первом компоненте явно распознается *xšaya- ‘царствующий’ или ‘сияющий’. Сюда же имя иберийского царя II в. н. э., может быть, сарматского происхождения в так наз. Армазской билингве (Церетели 1941: 22 сл. = KAI 276) $\Xi\eta\phi\alpha\rho\nu\omicron\nu\omicron\upsilon\upsilon\omicron$ (*ḥsurpnwg* в арамеографичной части) < *Xšē-farn-ug (ср. Абаев 1979: 310), семантика которого делается понятной, если принять, что это инверсия *Farna-xšaya- (+ *-uka); сходно – перс. Φαρνα-ξάθρης

¹⁴ Указание LGPNIV: 327, со ссылкой на Minns 1913: 235, что имя фиксируется и в Танаисе, – недоразумение: речь идет о Таруле нашей надписи, да и Миннс не писал о Танаисе.

¹⁵ Так правильно Д. Дечев (Detschew 1957: 334), вопреки В. Томашеку, который считал имя фракийским (точнее дакийским), как и Ταρουλας (Tomaschek 1894: 45).

(Hdt. VII, 65; codd. -ζάθρης; Schmitt 1967: 135 f.). Ср. далее (еще до монофтонгизации) сармат. Ξαιорσαζης (КБН 689: Καμωρσαζηςκαὶ υἱὸς Ξαιорσαζης) < *Xšaya-řša-ša- – то же имя, что др.-перс. Xšayāršan- ‘Ксеркс’, но с гипокористическим суффиксом *-ša (Humbach 1960: 326).

5. Ψοχας. Это имя читается в надписи на позолоченном серебряном медальоне-вставке в серебряный же килик. Об этом предмете в 2007 г. мне сообщил, со слов Л. И. Акимовой, А. В. Агафонов, передавший мне и сделанные ею фотографии. Сосуд происходит откуда-то из-под Ростова и в то время находился в какой-то местной частной коллекции. По сообщению М. Ю. Трейстера, который тоже видел сосуд, правильнее говорить о канфаре, особенности декора которого свидетельствует скорее всего о севернопричерноморской работе I в. н. э. Надпись сделана пунсоном, в две строки справа от рельефного погрудного изображения молодого безбородого мужчины: βασιλεύς! Ψοχας, словно это портрет царя Псохаса, хотя перед нами, похоже, изображение Александра.

Имя можно было бы интерпретировать как сармат. *Fšuxa, в качестве краткой формы (гипокористика) от др.-иран. *rasu- ‘скот, домашнее животное’, авест. rasu- ‘id.’ (др.-инд. raśú-), осет. fys, дигор. fus ‘овца’; в нулевой ступени, как, предположительно, в нашем имени, авест. fšumañt- ‘державший скот’ (др.-инд. raśumánt-), fšūšā- ‘владелец скота’ (Bartholomae 1904: 879 ff., 1029 f.; ср. Абаев 1958: 500 сл.; Mayrhofer 1996: 109); ср. др.-иран. *Pasuka- (Tavernier 2007: 268), сармат. Φοσακος (КБН 1281, 20; 1283, 14) < *Fusak (Миллер 1886: 244; Justi 1895: 101; Vasmer 1923: 55), бактр. Поско /Pusk/ (Sims-Williams 2010: 118), оба из того же *Pasuka-, согд. psw /Pəs(u)?/, psw’k /Pasuwak?/ (Lurje 2010: № 1221, 1222). В -χας, *-ха можно усматривать остаток второй части композита, начинающегося с *x (< *x, *h); ср. авест. rasuš.haugva- ‘защищающий скот’ (Bartholomae 1904: 881, эпитет овчарки); иначе говоря, перед нами, по всей видимости, двухсоставное сокращенное имя (Kurznamen). В свое время Ф. Хойзе (Huysse 1998) предположил, что спорадическая спирантизация *k > x в осетинском имела место уже в сарматское время, хотя смог привести только два далеко не самых надежных примера – Αψαχος (КБН 1250, 16 и др.) и Μίδαχος (ib. 1099, 9), которые он, вслед за предшественниками, объяснял из *Aspaka- resp. *Ma’dyaka-. Но даже если принять эту теорию, нет оснований усматривать в Ψοχας еще один пример такого

перехода, т. к. в именах с суфф. *-ака, конечно, ожидалась бы полная ступень корня (ср. авест. *pasuka-* ‘домашнее животное’ – Bartholomae 1904: 880, др.-иран. **Pasuka-* и др., выше).

Литература

- Абаев 1958 – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. I. М., 1958.
- Абаев 1979 – Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
- Алексеев 2003 – Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.
- Алексеев 2012 – Алексеев А. Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб., 2012.
- Виноградов 2010 – Виноградов Ю. А. Курган Куль-Оба // Дюбрюкс 2010. I.
- ДБК – Древности Босфора Киммерийского. СПб., 1854.
- Дюбрюкс 2010 – Дюбрюкс П. Собрание сочинений / ред. И. В. Тункина; пер. Н. Л. Сухачев. СПб.: ИД Коло, 2010.
- Засецкая 2011 – Засецкая И. П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб., 2011.
- КБН – Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
- Миллер 1886 – Миллер Вс. Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России // Журнал Министерства народного просвещения. 1886, октябрь. ССXLVII, Отд. класс. филол.
- Отрощенко 1984 – Отрощенко В. В. Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.
- Расторгуева, Эдельман 2007 – Расторгуева В. С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 3. М., 2007.
- Ростовцев 1917 – Ростовцев М. И. Надпись на золотом сосуде из станицы Мигулинской // Изв. Имп. Археол. комиссии. 1917. 63.
- Ростовцев 1925 – Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Птг., 1925.
- Сапрыкин, Масленников 2007 – Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. Свинцовая пластина с греческой надписью из Фанагории // ВДИ. 2007. № 4.
- Сапрыкин, Масленников 2007а – Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь.
- Симоненко, Лобай – Симоненко А. В., Лобай Б. И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. Киев, 1991.
- Смирнов 1909 – Смирнов Я. И. Восточное серебро. СПб., 1909.
- Топал 2015 – Топал Д. А. Акинаки классической Скифии: тип Солоха // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы междунаучной конференции, посвященной памяти А. И. Мелюковой (Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2015.
- Тохтасьев 2011 – Тохтасьев С. Р. Греческий язык на Боспоре: общее и особенное // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб., 2011.
- Тункина 2010 – Тункина И. В. «Отец боспорской археологии» Поль Дюбрюкс // Дюбрюкс 2010. I.

- Церетели 1941 – Церетели Г. В. Армазская билингва. Тбилиси, 1941.
- Alekseev 2005 – Alekseev A. Yu. Scythian Kings and ‘Royal’ Burial-Mounds of the Fifth and Fourth Centuries BC // *Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire*. Exeter, 2005.
- Artamonow 1970 – Artamonow M. *Goldschatz der Skythen*. Prag; Leningrad, 1970.
- Bartholomae 1904 – Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904 (Nachdr. Berlin; New York 1979).
- Cheung 2002 – Cheung J. *Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism*. Wiesbaden, 2002.
- CIG – Boeckh A. (ed.). *Corpus inscriptionum Graecarum*. II. Berolini, 1843.
- CVA – *Corpus vasorum antiquorum*
- Detschew 1957 – Detschew D. *Die thrakischen Sprachreste*. Wien, 1957 (1976²).
- Dubois de Montpéroux 1843 – Dubois de Montpéroux F. *Voyage autour du Caucase etc*. V. Paris, 1843.
- Dubois de Montpéroux 1843a – Dubois de Montpéroux F. *Voyage autour du Caucase etc*. Atlas. Série d’archéologie. Paris, 1843.
- Franzius 1840 – Franzius I. *Elementa epigraphica Graeca*. Berolini 1840.
- Hinz 1975 – Hinz W. *Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen*. Wiesbaden, 1975.
- Hinz, Koch – Hinz W., Koch H. *Elamisches Wörterbuch*. I–II. Berlin, 1987.
- Hoffmann, Forssman 1996 – Hoffmann K., Forssman B. *Avestische Laut- und Formenlehre*. Innsbruck, 1996
- Humbach 1960 – Humbach H. *Scytho-Sarmatica // Die Welt der Slaven* 5.
- Huyse 1998 – Huyse Ph. *Gabeseine Lautentwicklung /k/ → /x/ im “Skytho-Sarmatischen”?* // *Hyperboreus*. 1998. 4/1.
- IPNB – *Iranisches Personennamenbuch*. Hrsg. von M. Mayrhofer (und R. Schmitt)
- Justi 1895 – Justi F. *Iranisches Namenbuch*. Marburg, 1895.
- KAI – Donner H., Röllig W. (ed.). *Kanaanäische und aramäische Inschriften*. I. Wiesbaden, 2002⁵.
- LGPN – *A Lexicon of Greek Personal Names*. I–. Ed. by P. M. Fraser, E. Matthews. Oxford 1987–.
- Linas 1878 – Linas Ch. de. *Les origines de l’orfèvrerie cloisonnée. Recherches sur les divers genres d’incrustation, la joaillerie et l’art des métaux précieux*. II. Paris, 1878.
- Lurje 2010 – Lurje P. *Personal Names in Sogdian Texts*. Wien, 2010.
- Mayrhofer 1979 – Mayrhofer M. *Die altiranischen Namen*. 1: Die avestischen Namen. 2: Die altpersischen Namen (IPNBI/ 1–2). Wien, 1979.
- Mayrhofer 1996 – Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. II. Heidelberg, 1996.
- Melchert 2004 – Melchert H. C. *A Dictionary of the Lycian Language*. Ann Arbor; New York, 2004.
- Minns 1913 – Minns E. *Scythians and Greeks*. Cambridge, 1913.
- Nawotka 2000 – Nawotka K. *A Graffito from Nymphaeum in the Ashmolean Museum // Archeologia. Rocznik Instytutu archeologii i etnologii Polskiej Akademii nauk*. 51. 2000 (2001).

- Neumann 2007 – Neumann G. Glossar des Lykischen. Übearb. und zum Druck gebracht von J. Tischler. Wiesbaden, 2007.
- Reinach 1892 – Reinach S. Antiquités du Bosphore Cimmérien (1854). Rééditées avec un commentaire nouveaux... par S. R. Paris, 1892.
- Rolle et al. 1991 – Rolle R., Müller-Wille M., Schietzel K. Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Ausstellung Schleswig. Neumünster, 1991.
- Schilz 2000 – Schiltz V. et al. Paul Du Brux, Koul-Oba et les Scythes: présence de Paul Du Brux dans les archives françaises // Journal des savants. 2000. 2/1.
- Schmitt 1967 – Schmitt R. Medisches und persisches Sprachgut bei Herodot // ZDMG. 1967. 117.
- Schmitt 2009 – Schmitt R. Iranische Personennamen in der neuassyrischen Nebenüberlieferung (IPNB VII. 1A). Wien, 2009.
- SEG – Supplementum epigraphicum Graecum.
- Sims-Williams 2010 – Sims-Williams N. Bactrian Personal Names (IPNBII/7). Wien, 2010.
- Tavernier 2007 – Tavernier J. Iranica in the Achaemenid Period (ca. 550–330 B.C.). Leuven etc., 2007.
- Tavernier 2011 – Tavernier J. Iranians in Neo-Elamite Texts // Elam and Persia. Winona Lake, Ind., 2011.
- Tomaschek 1894 – Tomaschek W. Die alten Thraker II. 2 // Sitzungsberichte der kais. Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse. 131/I. Wien, 1894.
- Treister 2001 – Treister M. Y. Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics. Leiden etc., 2001.
- Treister 2004 – Treister M. Gold Vessels, Perfume Flasks and Pyxides from Sarmatia // Pontus and the Outside World. Studies in Black Sea History, Historiography, and Archaeology. Leiden ; Boston, 2004.
- Vasmer 1923 – Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrußland. Leipzig, 1923.
- Vickers 2002 – Vickers M. Scythian and Thracian Antiquities in Oxford. Oxford, 2002.
- Werba 1979 – Werba Ch. Zu einigen offenen Fragen der achämenidischen Onomastik // Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 1979. 116.
- Wieland 2013 – Wieland A. Skythisches Gold in griechischem Stil. Diss. I. Bonn, 2013.
- Zadok 2009 – Zadok R. Iranische Personennamen in der neu- und spätbabylonischen Nebenüberlieferung (IPNB VII/1B). Wien, 2009.
- Zgusta 1964 – Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964.

S. R. Tokhtasyev. From the onomastics of the Northern Black Sea Area. XXII. Several Scythian and Sarmatian personal names

The article discusses several new and a number of previously known but not satisfactorily analyzed Scythian and Sarmatian names found in the epigraphy of Bosphorus of the V–I cc.

Keywords: Iranian onomastics, Scythians, Sarmatians, Greek epigraphy of the Northern Black Sea area.

К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ И.-Е. *k^hser- ‘НОЧЬ’

В статье рассматривается праиндоевропейский корень *k^hser- ‘ночь’, реконструируемый на основании таких форм, как хетт. *išpant-* ‘ночь’, др.-инд. *kṣar-*, авест. *xšar-*, *xšaran-*, *xšaraṅ-* ‘ночь’; греч. ψέφας ‘тьма’. Рассмотрение хеттских слов с рефлексам триконсонантных начальных кластеров показывает, что развитие *CsC- > *sC- в хеттском не является стандартным. Этот факт делает спорной традиционную этимологию *išpant-*.

Также в статье показывается, что соответствие и.-ир. р ~ греч. φ является проблемным, что также может свидетельствовать в пользу того, что и.-ир. *kṣar- является изолированной основой неизвестного происхождения.

Ключевые слова: начальные кластеры, триконсонантные начальные кластеры, этимология, праиндоевропейский, хеттский.

В праиндоевропейском реконструируются две лексемы для обозначения ночи. Одна из них хорошо засвидетельствована в большинстве индоевропейских языков: *nok^ht-s / косв. *nek^ht-: хетт. *nekuz* род. п. ‘вечер, сумерки’; вед. *nák-*, *nákti-* ‘ночь’; греч. νύξ, род. п. νυκτός; лат. *nox*, род. п. *noctis* и т. д. (МА 1997: 394).

Однако есть еще один корень, который претендует на праиндоевропейскую древность, причем некоторые исследователи считают его более древним на том основании, что именно от него в хеттском языке образовано слово главное слово для обозначения ночи, *išpant-*: *k^hser- ‘ночь’: хетт. *išpant-* (< *k^hsp-ent-) ‘ночь’ (написание им. п. ед. ч. – *iš-pa-an-za*), др.-инд. *kṣar-*, авест. *xšar-*, *xšaran-*, *xšaraṅ-* ‘ночь’; греч. ψέφας ‘тьма’ (МА 1997: 394; IEW 1959: 649).

В данной статье нам бы хотелось исследовать проблему связи между предполагаемыми соответствиями. Особенное внимание мы уделим хетт. *išpant-* ‘ночь’ как слову, в которой исследуемый корень содержит другую ступень чередования и отличную морфологическую структуру.

Сопоставление хетт. *išpant-* ‘ночь’ с индоиранскими формами принадлежит А. Гетце и Х. Педерсену (Goetze-Pedersen 1934: 60). Указанная этимология стала с тех пор практически общепринятой, а серьезных альтернатив ей не было предложено

(Puhvel 1984: 431–435; Tischler 1983: 409–411¹; Kloekhorst 2008: 404). Обсуждаемая форма и особенности деривации могут объясняться по-разному.

Внутрихеттская деривация путем прибавления суффикса *-ant-* < **-ent-* (подобно *zena-* ‘осень’ > *zenant-* ‘то же’, *hamešha-* ‘весна’ > *hamešhant-* ‘то же’) предлагалась некоторыми исследователями (Goetze 1951: 475; Kammenhuber 1969: 286, 294) и в последнее время признается допустимой А. Клуххорстом (Kloekhorst 2008: 404), но отрицается Э. Рикен на основании нулевой ступени корня, которая должна, по ее мнению, отражать праязыковое наследие (Rieken 1999: 146).

Существует мнение, что суффикс *-ant* для обозначения временных понятий возник путем прибавления суффикса *-t-* к гетероклитической *r/n*-основе, так что форма *išpant-* может быть проанализирована как *išp-* (< **k^hsp-*) + *-an-* (< **-en-* / **-on-*) + **-t-* (Kammenhuber 1969: 286; Rieken 1999: 146).

Я. Пухвел не исключает возможности образования рассматриваемой формы *išpant-* на базе локатива **kspon*, образованного от гетероклитической *r/n*-основы, засвидетельствованной в авестийском; в качестве параллели приводится др.-инд. *heman-tá* ‘зима’ наряду с греч. *χιμαρος* ‘козленок (возрастом в одну зиму)’ : *χιμων* ‘зима’ и др.-инд. *vasan-tá* ‘весна’ : греч. *ἔαρ* ‘то же’ (Puhvel 1984: 435).

Как можно видеть, первая и третья интерпретация являются взаимоисключающими: хеттские названия времен года образованы либо при помощи ‘временного’ суффикса *-ent-*, либо представляют собой делокативные образования с расширителем *-t-*.

Основная задача при проверке достоверности данной этимологии – установить, является ли переход **k^hsp-* (или **Ksp-*) > хетт. *(i)šp-* закономерным. Мы рассмотрим по возможности все релевантные случаи.

Э. Рикен, ссылаясь на статью Х. Айхнера (Eichner 1973: 98), утверждает, что подобный переход параллелен переходу **pst-* > *(i)št-* в слове *ištanza(n)* ‘душа, дух’, которое возводится к **pstēn-s* ‘женская грудь’ (Rieken 1999: 146, сн. 685). На наш взгляд, сопоставление *ištanza(n)* ‘душа, дух’ с и.-е. **pstēn-* ‘женская грудь’ невозможно по семантическим соображениям. Значение «жен-

¹ Впрочем, Й. Тишлер относится к ней наиболее скептически, называя слово *išpant-* «этимологически затруднительным» и считая заслуживающей рассмотрения альтернативную этимологию (связь с прагерм. **spēdi* ‘позже’).

ская грудь» уверенно реконструируется на основании самых достоверных рефлексов: др.-инд. *stána-* (обычно дуалис *stánau-*) ‘женская грудь, сосок’, авест. *fštāna-* ‘женская грудь’; арм. *stin*, род. п. *steap* ‘женская грудь’; тох. А *pāśśām*, тох. В *pāścane* (дуалис) ‘женская грудь’. Кроме того, такой вывод подтверждает реконструируемая на основании данных европейских языков лексема **speno-/ *speni-* ‘сосок’, вероятно, родственная и.-е. **pstēn-*: др.-ирл. *sine* (< **spenjo-*) ‘сосок’, бб *tri-phne* ‘корова с тремя сосками’; др.-исл. *speni*, др.-англ. *spanu*, др.-в.-нем. *spunni* ‘сосок’; др.-прус. *spenis*, лит. *spenys* ‘сосок’ (МА 1997: 81-82; IEW 1959: 990). Для семантического перехода ‘грудь’ → ‘сердце’ «в языках, лексически противопоставляющих мужскую и женскую грудь, обязательно развитие только из мужской» (Старостин 2013: 278). Кроме того, имеются и альтернативные этимологии для этого слова (Puhvel 1984: 470–471; Kloekhorst 2008: 415).

Других случаев, которые бы напрямую доказывали развитие и.-е. CsC- > хетт. (i)šC-, нет. Зато есть ряд случаев, которые могут противоречить такому переходу.

Название ‘звезды’, *hašter-* (написание им. п. *ha-aš-te-er-za*), скорее всего, отражает фонетическое чтение [hster] или [haster] ввиду греческих и армянских соответствий данного слова, а именно греч. *ἀστήρ* и арм. *asth* ‘звезда’. Праязыковой начальный кластер **h₂st-*, реконструируемый только в данном слове, сохраняется в хеттском языке². Строго говоря, развитие **h₂st-* > *h(a)št-* в хеттском еще не доказывает строго невозможность перехода **k^hsp* > хетт. (i)šp-, поскольку свойства ларингалов могли отличаться в рассматриваемой позиции от свойств смычных, хотя демонстрирует принципиальную возможность перехода *CsC- > хетт. C(V)šC-.

Для хетт. *kuṛruṣan-* предлагалась связь с индоевропейским числительным **k^hetwo-* ‘четыре’ (Carruthers 1933: 152): **k^htru-*ent- < **k^htur-*ent- с метатезой. Подобная этимология обосновывается параллельным латинским примером *testis* ‘свидетель’ <

² Примечательно, что в своей статье, посвященной праиндоевропейскому обозначению ‘звезды’, К. Уоткинз предпочитал возводить хеттскую форму к и.-е. *h₂ost-ēr как раз на основании развития хетт. *išpant-* < **k^hsp-*ent- (Watkins 1974: 13–14). В то же время, подобная трактовка невозможна, поскольку нормальный рефлекс и.-е. *h₂o в греческом – *o*, а не *a*, как в *ἀστήρ* ‘звезда’ (Beekes 1969: 127–128; 165–168; Beekes 1972).

*tristis, буквально ‘третья сторона процесса’, также рус. *третьейский судья*, хотя в хеттской традиции, очевидно, речь идет о ‘четвертой стороне’, что могло бы отражать определенное устройство судебного процесса (Kloekhorst 2008: 500). Для объяснения начального *ku-* А. Клокхорст прибегает к объяснению по аналогии с утраченным числительным (Kloekhorst 2008: 69), что представляется маловероятным в связи с тем, что само это числительное в хеттском больше никак не представлено.

Альтернативная этимология предлагалась Х. Педерсеном и, со ссылкой на него, Я. Пухвелом: они увязывали хетт. *kutruica(n)-* с лит. *gudrūs* ‘мудрый, умный’ (Pedersen 1933: 177–179; Puhvel 1997: 300). Я. Пухвел предлагает для объяснения семантики данной хеттской лексемы параллели из ряда индоевропейских языков, в которых слово ‘свидетель’ образовано от и.-е. **ueǵd-* ‘знать, видеть’: гот. *weitwōps*, ст.-слав. *съ-вѣдѣтель* ‘свидетель’.

Тем не менее, обе эти этимологии неприемлемы с семантической точки зрения, как справедливо указывал еще Э. Бенвенист (Benveniste 1962: 110–111). Дело в том, что в хеттском языке для числительного ‘четыре’ используется основа *теуи-*, а представление о свидетеле как о «четвертом» в судебном процессе достаточно подозрительно для того, чтобы видеть в данном слове рефлекс и.-е. **k^hetǵog-*. Гораздо логичнее предположить, что основа **k^hetǵog-* вообще возникла после отделения анатолийской ветви; подобный сценарий признается правдоподобным в ряде работ, например, см. (Kassian 2009). Литовское же слово *gudrūs* ‘мудрый, умный’ имеет прозрачную деривацию: слово производно от глагола *gūdinti* ‘иметь обыкновение; приучать’, который, в свою очередь, образован от *gāudyti* ‘ловить’ < *gāuti* ‘получать, доставать’ (Fraenkel I 1962: 141–142). Соответственно, данное литовское прилагательное семантически близко к таким русским словам, как *ловкий* < *ловить*, *хваткий* < *хватать* (Fraenkel I 1962: 141), его значение ‘умный, мудрый’ вторично и никак не связано со значением ‘свидетель’, что делает сопоставление с хетт. *kutruican-* невероятным. Итак, слово *kutruica(n)-* не имеет надежной этимологии и в нашем случае ничего не доказывает.

Еще один случай, который нельзя обойти вниманием в связи с рассматриваемой проблемой, – хетт. *kištant- / kaštant-* ‘голод’ и *kišduccant-* ‘голодный’. Если справедливы реконструкции

А. Клухорста *KsT-ent- / *KsT-цent- < *ǵ^hsd-ent- / *ǵ^hsd-цent- (Kloekhorst 2008: 461), то очевидно, что они прямо противоречат возведению *išpant-* ‘ночь’ к *k^hsp-ent-. Данного противоречия, однако, автор не отмечает. Существует и другой взгляд на основу *kišt-*: ее возводят также к *KesT- (Rieken 1999: 132–133). Любопытно, что Э. Рикен также не исключает такой возможности, что *i* – вставной гласный, и речь должна идти о праформе *KsT-ent- / *KsT-цent-, а тот факт, что *k-* сохраняется на фоне потери начальных согласных в *išpant-* ‘ночь’ и *ištanza(n)* ‘душа, дух’, объясняет сохранением связи с основой *kāšt-* (Rieken 1999: 133).

Хетт. *keššar-* ‘рука’ имеет косвенную основу *kišr-*, которая может восходить к *ǵ^hs-r-, то есть род. п. ед. ч. *kišras* < *ǵ^hs-r-os (Rieken 1999: 280; Kloekhorst 2008: 859). Если эта реконструкция верна, то перед нами может быть еще один пример анатолийского разития *Ksr- > *kišr-* (маловероятно, что праформа *ǵ^h(ə)s-r-os является праязыковой ввиду греч. род. п. ед. ч. χείρος). Впрочем, за хеттским *kišras* опять же может стоять и собственно *ǵ^hes-r-ós, ср. греч. род. п. ед. ч. χείρος (Kloekhorst 2008: 472).

Несмотря на то, что анатолийское развитие *KsC- > KisC- в начале слова невозможно постулировать с уверенностью, в инлауте определенно наблюдается фонетический переход *-KsC- > -KisC-, напр., и.-е. *h₃rg-ské/ó- > хетт. *ḫarki-iš-ke/a-*, *ḫar-ke-eš-ke/a-* ‘погибать’, *téks-ti > *ták-ki-iš-zi*, *ták-ke-eš-zi* ‘разрабатывать, предпринимать’ (Kloekhorst 2008: 61). Здесь необходимо указать, что вставка эпентетического гласного в данной позиции может быть достаточно поздней: при присоединении слов со слабым согласным происходит его усиление, например, *eku-/aku-* + *ške-* > *ak-ku-uš-ke-zi* (Kloekhorst 2008: 66; Касьян-Сидельцев 2013: 37).

Наконец, есть еще одно слово, косвенная основа которого в хеттском может отражать триконсонантный начальный кластер: хетт. *tēkan-* ‘земля’, род. п. ед. ч. *taknaš*.

Очевидно, что родительный падеж может восходить к праформе с триконсонантным начальным кластером *d^hǵ^hm-: *taknaš* < *d^hǵ^hm-es. В связи с этим встает вопрос: как должна фонетически интерпретироваться форма *taknas*: [dgnas] или [dagnas]? Еще Й. Шиндлер задавался этим вопросом и принимал второй вариант трактовки хеттских форм с основой *takn-*, основываясь на редком написании *da-a-ga-an* в локативе (сюда можно добавить и написание алл. ед. ч. *ta-a-ak-na-a*) и исходя из

schwa secundum (Schindler 1977: 31). На наш взгляд, это верное решение, только вставной гласный мог быть и анатолийского происхождения (праформа $*d^h_e\tilde{g}^h-m-es$ плохо объясняет др.-инд. род. п. *jmás*, кроме того, в хеттском во всей парадигме этого слова встречается только *-n-* и никогда *-m-*, в то время как в греческом наряду с им. п. $\chi\theta\acute{o}\nu$ встречается превратившийся в наречие архаичный локатив, засвидетельствованный в форме $\chi\alpha\mu\acute{\alpha}\iota$ 'на земле, на полу, внизу': такая ситуация указывает на выравнивание парадигмы в хеттском). В то же время, если бы были верны звуковые переходы $*Ksp- >$ хетт. $(i)\tilde{s}p-$ (как предполагается для *išpant-* 'ночь') и $*pst- >$ $(i)\tilde{s}t-$ (такое развитие видят в *ištanza(n)-* 'дух, душа'), мы могли бы ожидать развития $*d^h_e\tilde{g}^hm >$ *km-* (*kn-*) в парадигме хеттского слова *tēkan-* 'земля', однако подобное не наблюдается³.

Теперь можно перейти к оценке приведенного материала. Имеющиеся достоверные примеры показывают, что в хеттском языке при появлении начальных триконсонантных кластеров первый согласный не устраняется, но между первым и вторым согласным появляется вставной гласный. Более того, пример с родительным падежом слова 'рука' заставляет думать, что и в праиндоевропейском нулевые ступени вида $*KsC-$ заменялись на полные $*KesC-$. Существуют и другие примеры: греч. $\pi\epsilon\lambda\tau\acute{o}\varsigma$, лат. *coctus* 'вареный, печеный' (< $*p_e k^h-t\acute{o}-$); лат. *decet* 'подобает, приличествует' (< $*d_e k-h_1ie-$) и т. д. В связи с этим стоит думать, что возведение хетт. *išpant-* к и.-е. $*k^hsp-ent-$ нельзя признать надежным. Ожидаемой формой в таком случае была бы $\#ki/ašpant-$.

Наконец, необходимо рассмотреть проблему связи др.-инд. *kṣap-* 'ночь' и греч. $\psi\acute{\epsilon}\phi\alpha\varsigma$ 'тьма'. Данное сопоставление давнее и приводится уже в первом издании «Словаря индоевропейского праязыка» А. Фика (Fick 1868: 53). Тем не менее, в правильности этой этимологии можно усомниться по двум причинам:

1) у слова $\psi\acute{\epsilon}\phi\alpha\varsigma$ существуют возможные внутригреческие соответствия, причем достаточно многочисленные: это и $\kappa\acute{\nu}\epsilon\phi\alpha\varsigma$ 'сумерки', и $\delta\nu\acute{o}\phi\omicron\varsigma/ \gamma\nu\acute{o}\phi\omicron\varsigma$ 'мрак, темнота', $\zeta\acute{o}\phi\omicron\varsigma$ 'темнота, запад' (и, если сюда, $\zeta\acute{\epsilon}\phi\upsilon\rho\omicron\varsigma$ 'западный ветер') а также глоссы Гезихия $\psi\acute{\alpha}\phi\alpha: \kappa\nu\acute{\epsilon}\phi\alpha\varsigma$ и $\sigma\epsilon\acute{\iota}\phi\alpha: \sigma\kappa\omicron\tau\acute{\iota}\alpha$. Κρητες . (DELG 1968–1980: 1288; Furnée 1972: 325, 346);

³ Вообще начальные сочетания вроде *ikn-* встречаются в некоторых языках (ср. рус. *ткнуть*), но в архаичных индоевропейских языках их появление неправдоподобно.

2) нетривиально соответствие и.-ир. *p* ~ греч. *φ*.

Что касается первого пункта, если приведенные внутри-греческие параллели действительно верны, они однозначно указывают на субстратное происхождение греч. ψέφας. Однако установить точные взаимоотношения всех указанных форм сложно ввиду того, что звуковые чередования вроде *kv* ~ *δv* ~ *ψ* неизвестны в других словах, относящихся к «прегреческому» слою (Beekes 2010: 722). Таким образом, однозначно утверждать, что ψέφας – слово из догреческого субстрата, невозможно, хотя этой возможности нельзя исключить.

Не высказывая свое отношение к гипотезе о субстратном происхождении рассматриваемой лексемы, А. С. Николаев в своей монографии, посвященной праиндоевропейскому именному образованию, попытался объяснить основу на -ας и проблему придыхательного. Согласно его мнению, происхождение *ас*-основы в данном слове может объясняться собирательным суффиксом -h₂-: *k^hser- ‘ночь’ > *k^hser-h₂ ‘ночи, ряд ночей’ > *k^hser-h₂-s ‘одна ночь’ (Николаев 2010: 134). С морфологической и семантической точек зрения такое объяснение правдоподобно. Тем не менее, фонетическая сторона рассматриваемой этимологии менее ясна.

Придыхание глухого смычного в греческом языке А. С. Николаев объясняет соседством со вторым ларингалом и приводит в подтверждение своей точки зрения несколько случаев с аналогичным развитием: σχάω ‘рассекать, вскрывать’ < *skh₂-éje/o-, ср. др.-инд. *chyáti* ‘срезает (кожу)’, авест. 2 лицо множ. ч. медиального императива [*paítī*] *siiōdūm* ‘отрежьте, вырежьте; устраните’ (У. 48. 7); Ὀρεσθ- vs. Ὀρεστ(ā)- ‘Орест’ < *(h₁/3eres-) stéh₂-s, -sth₂-és; καθαρός ‘чистый’, καθαίρω ‘очищать’ ~ др.-инд. *śithirá-* ‘неплотный, рыхлый, мягкий’, *śratharyáti* ‘становиться неплотным, рыхлым, мягким’ < *ṛ_ṣth₂ró-, *ṛ_ṣth₂r-je/o- (*ṛ_ṣth₂ró-, *ṛ_ṣth₂er-je/o- ?) с диссимилятивным выпадением первого /r/; πλάθανος ‘лист для печения’, ἀστεμφής ‘неподвижный, непоколебимый’ < *ṣ_ṣ-stembh₂-; σφῆν / *σφᾶν ‘клин’ < *sph₂ēn, ср. совр. англ. spoon, герм. *spēnu-; πένθος ‘скорбь’ < *k^henth₂-e/os-. И, наконец, 2 sg. perf. -θα (Николаев 2010: 133).

Приведенные примеры, тем не менее, неоднородны.

Во-первых, большинство из них касается трактовки греч. θ-. Однако уже с давних пор исследователи предполагают, что

древнеиндийскому *th-* регулярно соответствует греч. *τ*, а не *θ*. Данная гипотеза опирается на следующие примеры:

Др.-инд. *pṛthu-ka-* ‘теленки’ : греч. *λόρτις* ‘телица, теленок’;

Др.-инд. *ásthāt* ‘встал’ (3 л. ед. ч. аориста) : греч. *ἔστη* ‘то же’;

Др.-инд. *-iṣṭa-* : греч. *-ιστο-*, показатель превосходной степени;

Др.-инд. *ásthi-* ‘кость’ : греч. *ὀστέον* ‘то же’;

Др.-инд. *sthagayati* ‘покрывает’ : греч. *στέγω* ‘покрывать’;

Др.-инд. *pṛthú-* ‘широкий’ : греч. *πλατύς* ‘то же’;

Авест. *paθana-* ‘широкий, просторный’ : греч. *πετάννυμι* ‘простирается, расстилается’;

Др.-инд. *pánthās-* ‘путь’ : греч. *πόντος* ‘море’;

Др.-инд. *caturthá-* ‘четвертый’ : греч. *τέταρτος* ‘то же’.

Примеры цитируются в данном порядке по работе Frisk 1936: 42.

Вышеприведенный список, в котором практически все этимологии безупречны, показывает, что примеры М. Петерса и других ученых, приводимые А. С. Николаевым, могут быть подвергнуты сомнению на основании куда более надежных этимологий, показывающих, что в греческом языке не происходил переход $*tH_xVC > t^hVC$.

Этимологии слов *σῆμα* и *σφῆν*, приводимые А. С. Николаевым, безусловно, верны, но начальные кластеры структуры *s* + глухой придыхательный в древнеиндийском и греческом – особый случай. Невозможно утверждать, что придыхание в подобных кластерах является следствием ларингала: они могут трактоваться в рамках закона Зибса: др.-инд. *skh-* / греч. *σχ-* < $*sḡh-$ (Kuryłowicz 1956: 378).

Реконструкция $*ṛ-stembh_2-$ для слова *ἄστεμφής* ‘неподвижный, непоколебимый’ вызывает подозрение тем, что реконструируется звонкий непридыхательный *b*, а также не учтена возможность реконструкции $*ṛ-stemb^h_2-$: для сравнения, М. Майрхофер реконструирует для др.-инд. *stambhi-* ‘укреплять, защищать’ именно праформу $*stemb^h_2-$ (Mayrhofer 2005: 80).

Наконец, надежные примеры развития индоевропейского сочетания $*rH$ не в начале слова после $*s-$ в древнеиндийском довольно малочисленны и не дают однозначной общей картины:

Др.-инд. *śaphá-*, авест. *safa-* ‘копыто’, др.-в.-нем. *huof* ‘копыто’, возможно, рус. копыто (Mayrhofer 2005: 114);

Др.-инд. *raphita-* ‘раненый’ (< *(Hx)reph₂-) наряду с др.-инд. *rápas-* ‘недуг, недостаток’ (Mayrhofer 2005: 11);

Др.-инд. *pitar-* ‘отец’ < *ph₂ter ‘отец’ (Mayrhofer 2005: 118);

Др.-инд. *pibati* ‘пьет’ < *pV-ph₃-ti (Mayrhofer 2005: 61, 115).

Кроме того, в греческом есть слова, прямо противоречащие возможности перехода *pH > φ, в частности, *σλάω* ‘тянуть, тащить’ < *(s)ph₂-jé-, родственное арм. *hanem* (IEW 1959: 982) и греч. *σλάθη* ‘бердо; лопатка; широкий меч’, сопоставляемое с др.-инд. *sphuá-* ‘лопатка’ < и.-е. *sph₂-jō- (Mayrhofer 2005: 82).

Соответственно, вопреки мнению А. С. Николаева, невозможно считать сопоставление греч. *ψέφας* ~ др.-инд. *kṣap-* «несомненным», поскольку древнегреческий переход *pH > φ не подтверждается надежным материалом.

Проведенное исследование показывает, что невозможно с уверенностью реконструировать праформу *k^hser- в качестве древнего праязыкового обозначения ‘ночи’, как это делается в различных работах по индоевропеистике. Намного вероятнее, что и.-ир. *kšar- является изолированной основой неизвестного происхождения, а хетт. *išrant-* ‘ночь’ нуждается в другом этимологическом объяснении.

Литература

- Касьян-Сидельцев 2013 – Касьян А. С., Сидельцев А. В. Хеттский язык // Языки мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. М., 2013.
- Николаев 2010 – Николаев А. С. Исследования по праиндоевропейской именной морфологии. СПб., 2010.
- Старостин 2013 – Старостин Г. С. Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации. Т. 1. Методология. Койсанские языки. М., 2013.
- Beekes 1969 – Beekes R. S. P. The Development of the Proto-Indo-European Laryngeals in Greek. The Hague; Paris, 1969.
- Beekes 1972 – Beekes R. S. P. H₂O // Die Sprache 1972, Bd. 18.
- Beekes 2010 – Beekes R. S. P. Etymological Dictionary of Greek. In two volumes. Leiden; Boston: Brill, 2010.
- Benveniste 1962 – Benveniste E. Hittite et indo-européen. Études comparatives. Paris, 1962.
- Carruthers 1933 – Carruthers C. H. More Hittite words // Language 1933, vol. 9.
- DELG 1968–1980 – Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1968–1980.
- Eichner 1973 – Eichner H. Die Etymologie von heth. mehur // MSS 1973, Bd. 31.
- Fick 1868 – Fick A. Wörterbuch der indogermanischen Grundsprache. Göttingen, 1868.

- Fraenkel I 1962 – Fraenkel E. Litauisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Heidelberg; Göttingen, 1962.
- Frisk 1936 – Frisk H. Suffixales -th- im Indogermanischen // Göteborgs Högskolas Årsskrift, 1936.
- Furnée 1972 – Furnée E. J. Die wichtigste konsonantische Erscheinungen des Vorgriechischen. The Hague; Paris, 1972.
- Goetze 1951 – Goetze A. On the Hittite words for 'year' and the seasons and the 'night' and 'day' // Language 1951, vol. 27.
- Goetze-Pedersen 1934 – Goetze A., Pedersen H. Muršilis Sprachlähmung. Danske Vidensk. Selskab, hist.-filol. Meddelelser 21/1. København, 1934.
- IEW 1959 – Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern und München, 1959.
- Kammenhuber 1969 – Kammenhuber A. Hethitisch, Palaisch, Luwisch und Hieroglyphenluwisch // Altkleinasiatische Sprachen (= Handbuch der Orientalistik, 1. Abt., 2. Bd, Lfg. 2). Leiden; Köln, 1969.
- Kassian 2009 – Kassian A. Anatolian *meyu- '4, four' and its cognates // Вопросы языкового родства 2009, № 2.
- Kloekhorst 2008 – Kloekhorst A. Etymological dictionary of the Hittite inherited lexicon. Leiden; Boston, 2008.
- Kuryłowicz 1956 – Kuryłowicz J. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956.
- MA 1997 – Mallory, J. P., Adams, D. Q. (ed.) Encyclopedia of Indo-European Culture. – London and Chicago, 1997.
- Mayrhofer 2005 – Mayrhofer M. Die Fortsetzung der idogermanischen Laryngalen im Indo-Iranischen. Wien, 2005.
- Pedersen 1933 – Pedersen H. Hittitische Etymologien // Archiv Orientalny 1933, 5.
- Puhvel 1984 – Puhvel J. Hittite etymological dictionary. Volume 2: Words Beginning with E and I. Berlin; NY, 1984.
- Puhvel 1997 – Puhvel J. Hittite etymological dictionary. Volume 4: Words Beginning with K. Berlin; NY, 1997.
- Rieken 1999 – Rieken E. Untersuchungen zur nominalen Stammbildung des Hethitischen. Wiesbaden, 1999.
- Schindler 1977 – Schindler J. A thorny problem // Die Sprache 1977, Bd. 23.
- Tischler 1983 – Tischler J. Hethitisches etymologisches Glossar. Teil I. A-K. Innsbruck, 1983.
- Watkins 1974 – Watkins C. I-E 'star' // Die Sprache 1974, Bd. 20.

A. A. Trofimov. On the etymology of PIE *k^hsep- 'night'

In this paper we examine the PIE root *k^hsep- 'night' which is reconstructed on the basis of Hitt. *išpant-* 'night'; Old Indic *kṣap-* 'night', Avestan *xšap-*, *xšapan-*, *xšapar-* 'night'; Greek *ψέφας* 'gloom, darkness' and is treated as the most ancient PIE root designated night by some researchers.

We study Hittite words containing (or probably containing) triconsonantal initial clusters in their protoform. Our analysis shows that such clusters were not simplified by a drop of the initial consonant. Instead of

that an epenthetic vowel appears between the two first consonants. Some facts demonstrate it was also the case for Proto-Indo-European (compare Greek πεπτός and Latin *coctus* 'cooked' < *p_ek^h-tó-). It means that the traditional etymology for Hittite *išpant-* 'night' is weak.

We also consider the problem of the non-regular sound correspondance Ир. P ~ Greek φ. It is demonstrated that Greek φ can not continue PIE *ph₂- as some scholars argue. That is why the connection between Old Indic *ksap-* and Greek ψέφας is uncertain.

To sum up we think that it is best to treat Hittite, Greek and Indo-Iranian words separately.

Keywords: Initial clusters, triconsonantal initial clusters, etymology, Proto-Indo-European, Hittite.

ЦЕЗУРА В ГРЕЧЕСКОМ ГЕКЗАМЕТРЕ И ПРОБЛЕМА СЛАБЫХ СЛОВОРАЗДЕЛОВ*

Традиционное описание цезуры в греческом гекзаметре оказывается проблематичным, когда идет речь о слабых словоразделах, то есть случаях, когда графическая граница между словами не соответствует просодическому членению. В работе рассматривается проблема описания регулярных словоразделов гекзаметра прежде всего в связи с концепцией цезур как фонетических пауз. Затем приводятся данные о частотности слабых словоразделов в цезуре, так что можно сделать вывод не только о количестве «бесцезурных» стихов, но также и о метрико-просодическом узусе различных греческих поэтов.

Ключевые слова: Метрика, греческий гекзаметр, цезура, элизия, клитики.

Традиционное «школьное» описание цезур в древнегреческом и латинском гекзаметре хорошо описывает сохранившийся материал: ему (в зависимости от формулировки) соответствуют все или почти все сохранившиеся стихи. Однако для греческого гекзаметра это утверждение верно, если ориентироваться на традиционную графику; между тем, заслуживает обсуждения вопрос о тех словоразделах, которые можно назвать слабыми. В этой статье в качестве слабых будут обсуждаться, во-первых, словоразделы до/после клитик, а во-вторых, словоразделы с элизией.

В отличие от графики, которая представляет деление на слова бинарно, в реальности мы имеем дело с различными типами словоразделов. Действительно, «словораздел в смысле метрики не следует отождествлять с тем, как разделены слова в наших текстах: (...) такие постпозитивные слова, как γάρ, μέν, δέ, τέ относятся к предыдущему слову, а препозитивные, такие как

---

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 14-01-0192) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2014–2015 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

артикуль, предлоги (особенно, односложные), односложные препозитивные союзы и местоимения – к последующему» (Снелль 1999: 102). Это находит определенные аналогии в других метрических явлениях. Ясно, что, скажем, различные типы тяжелых слогов, в реальности заметно различались по длительности, но метрически в целом функционировали как изохронные. Однако более тонкое исследование способно показать, что не любой тип долгого слога с равной вероятностью появляется в определенных метрических позициях.

Разумеется, вопрос о слабых словоразделах неоднократно обсуждался. В задачу данной статьи входит, во-первых, краткое обращение к этому обсуждению, а во-вторых, рассмотрение сводных данных по этим словоразделам, которые бы охватывали всю историю греческого гекзаметра. Необходимо понять, насколько распространены стихи, в которых закономерные позиции колометрического членения заняты слабыми словоразделами; можно ожидать, что эти примеры помогут уточнить представление о цезурах античного стиха и более корректно описать практику отдельных греческих авторов.

Необходимость цезуры связывают с физиологическими и эстетическими причинами: «каждый стих в разговорном стихе разделен цезурой или диерезой на две почти, но не совсем равные половины. Это разделение, наверное, служило прежде всего тому, чтобы говорящий мог посередине строки перевести дыхание, а также способствовало красивому членению стиха. При этом основные цезуры расположены так, что в дактилическом гекзаметре вторая половина стиха несколько длиннее, чем первая» (Снелль 1999: 20).

К. М. Й. Сиккинг предлагает считать стихи, в которых отсутствует одна из альтернирующих цезур третьей стопы, и делящиеся на три колоны «в строгом смысле бесцезурными¹», так как сочетание семиполовинного словораздела с трехполовинным не отвечает критерию статистической частотности, который, по его мнению, следует предъявлять к цезурам (Sicking 1993: 52–53). Эта точка зрения представляется мне слишком радикальной; «бесцезурными» в рамках традицион-

---

¹ Эта позиция заставляет Сиккинга учитывать неполноценные словоразделы наравне с остальными: «слабый словораздел перед энклитикой или после проклитики может, хотя и не оптимальным образом, создавать цезуру» (Sicking 1993: 53).

ного описания лучше называть только те стихи, в которых нет не только словораздела внутри третьей стопы, но и семиполовинный словораздел не сопровождается трехполовинным. Однако и этот термин мне кажется правильным помещать в кавычки, так как неясно на каком основании трехчастное членение гекзаметра следует предпочитать асимметричному двухчастному. Совершенно правильно, на мой взгляд, описывает эти случаи П. Маас, предлагая считать семиполовинный словораздел третьей (хотя и редкой) закономерной цезурой гекзаметра (Maas 1923: 22). Такое описание позволяет охватить все без исключения примеры, если ориентироваться на традиционную графику.

Говоря о цезуре, нельзя забывать, что «многое в греческом стихе показывает, что словораздел влияет на время произнесения» (Снелль 1999: 21); это проявляется, например, в том, что цезура позволяет легкому слогу занимать позицию тяжелого. Цезура появляется не только из необходимости для исполнителя перевести дыхание, но и в связи с потребностью слушателя воспринимать метрическую структуру: «ритмическое целое разделялось на две (в напевном стихе даже больше) как таковые «обозримые» последовательности частей (от 5 до 7 элементов). Известный факт психологии восприятия, что «the span of immediate memory» человека ограничен, должен был играть здесь некую роль» (Sicking 1993: 52).

Колометрия гекзаметра соотносится также и с синтаксическим членением текста. Как справедливо пишет Мартин Уэст, «не существует требования, чтобы синтаксические сегменты совпадали с метрическими, но часто это происходит, и имеется выраженная тенденция избегать серьезных несоответствий между словесным и метрическим членением» (West 1982: 25)².

Процитированные выше подходы к описанию цезуры оставляют множество вопросов. Во-первых, на мой взгляд, довольно умозрительной выглядит возможность помещать цезуру в элизии: если это явление состоит в исчезновении или даже сокращении гласного перед гласным, то эти звуки не должны разделяться паузой, иначе искомой позиции не возникнет. Кроме

---

² Отдельная проблема колометрии гекзаметра связана с теорией Г. Френкеля о четырехколонном эпическом стихе (Fränkel 1955). Мне уже приходилось критиковать эту теорию, основываясь как на фактическом материале, так и на общих соображениях, поэтому здесь ограничусь лишь упоминанием этой проблематики (Файер 2007).

того, словораздел должен не сокращать, а увеличивать время произнесения. Во-вторых, требование психологически обозримой последовательности элементов, которое заставляет делить стих на две или три примерно равные части, также представляется достаточно умозрительным. Если даже не подвергать сомнению этот «общеизвестный факт» и принять его применимость к данному случаю, почему нельзя признать метрической единицей стопу, а не слог? Тогда с психологической точки зрения нет необходимости делить стих на части. В-третьих, если мы вслед за Зикингом готовы считать цезурой только очень частотный словораздел, то необходимо осознавать, что, например, у Гомера³ словораздел после третьего трохея занимает лишь третье место по частотности после трехполовинной цезуры и буколической диерезы, а пятиполовинная только пятое после первой диерезы.

Разнообразные факты, которые сложно соотносятся с традиционным описанием цезуры, приводили к критике этого традиционного описания. Так, в 1924 г. Э. Стертевант заявил о цезуре как о «филологическом привидении» (Sturtevant 1924), а ранее, предваряя эту критику, опубликовал полезные подсчеты знаков препинания в различных метрических позициях греческого и латинского гекзаметра (Sturtevant 1921: 303–308). Впрочем, эти подсчеты не показали какого-то существенного расхождения с традиционными ожиданиями: кроме стихоразделов знаки препинания в греческом эпическом стихе часто встречаются в цезурах третьей стопы и в буколической диерезе. Например, в I и II рапсодиях «Илиады» эти цифры составили 55,5%, 9,5%, 8,7% и 9,5% от общего числа знаков препинания соответственно. Неудивительно, что критика Э. Стертеванта, хотя и цитируется, не является влиятельной⁴.

Некоторые вопросы появляются и при сопоставлении гомеровского материала с данными образцов устного эпического сказительства. Предлагаемое ниже рассуждение ни в коей мере

³ Подсчеты по «Илиаде» и «Одиссее» в сумме, согласно традиционной графике (см. Файер 2015).

⁴ Еще более радикальным разрывом с традиционным описанием представляется фонологически ориентированный (генеративистский) подход к античной метрике (см. статью К. Голстона и Т. Риада (Golston, Riad 2000)). Однако здесь мы ее рассматривать не будем, так как проблемы цезуры достаточно второстепенны в рамках этого описания гекзаметра.

не претендует на полноценное обращение к этому материалу и представляет собой лишь своего рода замечание на полях. Однако приводимый ниже пример, как мне представляется, заслуживает внимания и может помочь в исследовании проблем цезуры.

В он-лайн коллекции устной литературы Милмэна Пэрри представлена короткая видеозапись Авдо Меджедовича с расшифровкой и переводом Альберта Лорда⁵. Десятисложный стих, который использовался южнославянскими сказителями, короче, чем самый краткий вариант гекзаметра, и можно было бы предположить, что пауза для взятия дыхания здесь вообще не требуется. На деле же, как легко убедиться, при данном исполнении сказитель дважды берет дыхание в стихоразделе, а все последующие 16 стихов берет дыхание перед последним слогом, фонетически соединяя его с началом следующей строки. При этом ни разу в данном фрагменте словораздел не проходит перед последним слогом. Ознакомившись с другими записями из архива М. Пэрри, которые выложены на этом сайте вместе со расшифровками, можно убедиться, что отмеченная особенность не уникальна⁶.

Представляется, что нужно по-разному подходить к проблеме цезуры применительно к устному сказительству и к культуре ориентированной на рецитацию письменного по происхождению текста или, тем более, на непубличное его чтение. Приведенный пример показывает не просто некоторое количественное различие, как это может показаться при сравнении доступных нам фиксированных текстов. При всем структурном сходстве, почти тождестве гекзаметра у Гомера и Аполлония Родосского различие в аспекте исполнения является качественным. Видимо, рецитация эллинистического гекзаметра в значительной степени зависела от структуры, выявляемой из письменного текста, тогда как особенности исполнения древнего эпоса (в частности, паузы для вдоха) могли находиться с этой структурой в очень сложных отношениях⁷.

---

⁵ Avdo Kino (<http://chs119.chs.harvard.edu/mpc/gallery/avdo.html>)

⁶ Впрочем, она и не носит всеобщего характера. Например, Салих Угьянин берет дыхание именно в стихоразделах (PN 668. Ugljanin, Salih. Sultan Selim uzima Bagdat. Novi Pazar, November 22, 1934). См. http://chs119.chs.harvard.edu/mpc/songs/mp_songs3.html

⁷ Можно также упомянуть о том факте, что в песнях на китайском языке мелодия сложным образом соотносится с тонами, и они или

Обратимся теперь к двум конкретным проблемам, связанным с цезурой в греческом гекзаметре. Во-первых, необходимо рассмотреть вопрос о бесцезурных стихах, о которых мне уже доводилось писать (Файер 2010: 139-140). Всего стихов с одной семиполовинной цезурой насчитывается около сотни, в том числе 56 примеров у Гомера, 10 у Гесиода, 1 в гомеровых гимнах. Их эллинистических поэтов такие стихи допускает только Арат, тогда как у Феокрита, Аполлония, Каллимаха и Никандра они не встречаются. Из поздних текстов гекзаметры с одной семиполовинной цезурой имеются в орфических гимнах и «Аргонавтике» (10 и 5 раз), 5 раз у Квинта, 16 у Манефона, по одному случаю у Оппиана из Апамеи и Максима. Оппиан из Аназарба, Нонн, Трифиодор и Коллуф таких нарушений ожидаемым образом не допускают.

Наша графика в подавляющем большинстве случаев дает максимальное количество словоразделов. Таким образом, кроме упомянутых выше примеров, существует еще значительное количество стихов, в которых нормативная цезура приходится на слабый словораздел.

Для того, чтобы выделить эти случаи, нужен список проклитик и энклитик. Мои предшествующие исследования позволяют создать такой список на основе подсчетов служебных слов, которые встречаются до или после моста Германна у разных авторов (Файер 2010: 161–2; Файер 2015).

Проклитики	καί, ἦ, ἴν', ὄτ', ὄθ, οὐ, οὐδ', ὄς, ἀλλ', ἄμ', ὄχ', ὑπ', ἀν', ἐπ', ἐς, εἰς, ἐν, κατ', καθ, μετ', μεθ', παρ, πρό, πρός, ἀπ', ἐξ, σὺν, ἄ, ἦ, ὄ, ὄς, οἶ, ὄν, τὸ, τὰ, τόν
Энклитики	δέ, τε, κε, κεν, γάρ, γε, δῆ, τοι, περ, ἄν, μέν, νὸ, ἔ, μοι, με, μεῦ, σε, μίν, νίν, τις, τι, τιν', τεῦ, σφι, σφιν, σφέ, σεῦ, που, ποι, ποτ', ποθ'

Если удалить пробел после/перед этими клитиками, у Гомера обнаруживается более сотни примеров, где слабый словораздел препятствует нормативной цезуре. Однако некоторые

приводятся в соответствие движению мелодии очень условно, или даже вовсе не учитываются, что делает текст непонятным (Arel 1969: 155–156). Конечно, это слишком далекая от гомеровского гекзаметра аналогия, но она все же позволяет подчеркнуть тот факт, что об «очевидных» языковых ограничениях некоторой системы стихосложения следует судить лишь с большой осторожностью.

из этих гекзаметров, очевидно, не содержат «нарушения». Так, комбинация клитик τε καί, видимо, должна рассматриваться как проклитическая группа. Действительно, в мосте Германна этот комплекс встречается исключительно в проклитической позиции, причем во всех стихах в исследуемом материале, где встречается эта комбинация клитик (всего 21), комплекс τε καί стоит в одной и той же позиции – после трехполовинного словораздела. Пожалуй, также следует исключить форму πोट' (П. 3. 205, П. 10. 453, Od. 4. 642), которая в качестве энклитики не встречается в мосте Германна у Гомера, но была включена потому, что возможна в данной позиции у более поздних авторов. По тому же основанию можно исключить и форму τιν' (П. 3. 220, П. 23. 668). В 18 примерах τοι является не энклитической частицей, а проклитическим местоимением, и они тоже исключены из статистики.

В большинстве из оставшихся 80 случаев мы имеем дело с длинными словами в третьей стопе. Значительную группу (26) составляют стихи, в которых пятиполовинная цезура приходится на границу между приставкой и глагольным корнем:

ἦῶσεν δὲ διαπρῦσιον Δαναοῖσι γεγωνώς	П.8.227, 11.585, 11.275, 12.439, 13.149, 17.247
ᾠπτησάν τε περιφραδέως, ἐρύσαντό τε πάντα	П.1.466, 2.429, 7.318, 24.624; Od.14.431, 19.423
другие случаи	П.5.313, 8.268, 8.429, 9.528, 16.282, 23.395, 23.423, 23.398; Od.5.418, 5.341, 5.440 11.383, 16.4, 16.374

Небольшая группа примеров объединяет случаи, когда односложная проклитика стоит перед пятиполовинным словоразделом:

κλέπτε νόω, ἐπεὶ οὐ παρελεύσεαι οὐδέ με πείσεις	П.1.132
ὡς δ' ἐν ὄνειρῳ οὐ δύναται φεύγοντα διώκειν ·	П.22.199

В большинстве других случаев длинное слово в третьей стопе представлено именем собственным, причастием или одной из форм слова κασίγνητος⁸.

⁸ П.1.307, 2.494, 3.71, 3.80, 3.92, 3.271, 3.361, 4.124, 5.127, 6.493, 7.93, 7.133, 9.468, 9.527, 9.580, 10.94, 11.614, 11.659, 11.661, 13.342, 13.351,

Рассмотрим теперь «бесцезурные» строки в других гекзаметрических греческих текстах. На гомеровский узус, а именно на допустимость стихов с одной семиполовинной цезурой ориентируются Гесиод, ранние гомеровы гимны, Арат, орфики, Оппиан из Апамеи⁹. В этой категории мы встретим как стихи, которые легко приводятся к более стандартной колометрии, так и «неизлечимые» строки. Особенно часто бесцезурные гекзаметры встречаются у Манефона — 31 случай на 1685 стихов¹⁰.

Другие авторы не допускают бесцезурных стихов, и даже просто сомнительных с этой точки зрения случаев никогда: таковы Каллимах, Мосх, Нонн и Коллуф¹¹. Третьи — лишь изредка: Никандр, Дионисий Перизетт, Оппиан из Аназарба, Максим и Трифиодор¹².

В некоторых произведениях стихи с одной четырехполовинной цезурой возможны лишь в определенных случаях. Так, у Феокрита за словоразделом после третьего трохея часто следует *лот'* (2.41, 2.147, 2.163, 5.103, 6.28, 6.30, 7.26, 7.41) или *тн'* (5.24); допускается неэнклитическое *тс* и *тоί* (1.80, 22.64)¹³. У Аполлония Родосского встречается проклитическая группа *τε καί* или *δέ καί* (1.176, 2.389), неэнклитическое *тоί* (2.498, 3.271), а также непроклитическое *καί* и *οὐ* (2.446, 2.1205, 3.115, 4.1552). Все «нарушения» у Квинта Смирнского или содержат группу после трехполовинного словораздела (1.43, 1.45, 1.228, 1.229, 10.87,

---

13.527, 13.610, 14.306, 16.25, 16.27, 16.291, 16.416, 16.760, 17.369, 18.312, 18.333, 18.567, 19.48, 19.252, 19.361, 20.457, 22.258, 24.665, 24.718; Od. 2.350, 5.423, 6.155, 8.219, 9.395, 13.195, 15.37, 15.335, 16.421, 17.55, 18.46, 19.100, 19.177.

⁹ Theog. 249, 256, 257, 258, 342, 345, 353, 443, 501, 544, 614, 752, 883, 910, 948; Opera 181, 242, 439, 460, 484, 571, 600, 773; NH 1.477, 2.24, 2.53, 3.381, 4.4, 4.271; Phaen. 201, 494, 502, 547, 803, 972; Orph.Arg. 51, 424, 464, 846, 917, 921, 957, 968, 1230, 1281; Orph.H. (по сплошной нумерации стихов) 28, 42, 81, 157, 235, 301, 415, 708, 759, 780, 804, 812, 831, 838, 911; Orph.L. 118, 448; Cyn. 1.426, 2.414, 3.360, 4.391.

¹⁰ 1.34; 1.87; 1.116; 1.261; 1.337; 1.407; 2.14; 2.18; 2.44; 2.47; 2.60; 2.134; 2.173; 2.181; 2.198; 2.248; 2.357; 2.424; 3.22; 3.29; 3.76; 3.83; 3.95; 3.126; 3.325; 3.583; 3.667; 3.695; 3.706; 3.708; 3.747.

¹¹ В Dion. 20.236 текст испорчен.

¹² В Theg. 895 и Trph.181 встречается проклитическая группа *τε καί*, а в «Галиевтике» неэнклитические *тоί* (1.596) и *тн'* (2.305). См. также D.P. 753, Max. 452 и 596.

¹³ Впрочем, стихи 13.41 и 4.32 не подходят ни под одну из этих категорий.

10.111, 11.182, 12.133, 12.320, 12.325) или — длинное имя в третьей стопе¹⁴ (1.530, 6.320, 7.485, 11.67, 11.340).

Классифицируя «бесцезурные» стихи мы фактически изучаем рецепцию Гомера эллинистическими и позднеантичными авторами. В богатстве гомеровского узуса, не сводимого к простым правилам, поэты стремятся увидеть ту или иную систему закономерностей. Одни, как Каллимах и Нонн целеустремленно избегают сомнительной колометрии, другие, как Аполлоний и Квинт, берут за образец одни гомеровские строки, но не подражают другим. Лишь очень немногие тексты, а именно те, что в наименьшей степени связаны с александрийской традицией ученой поэзии, допускают достаточно большую свободу в исследуемом аспекте. Особый случай представляет собой Манефон, который в некоторых формальных особенностях гораздо ближе к «Илиаде» и «Одиссее», чем к какому-либо произведению своей эпохи. Это касается повышенной спондеичности его астрологической поэмы, изобилия пятиполовинных цезур и элизий, а частотность «бесцезурных» стихов у Манефона даже превышает гомеровскую.

Рассмотрим теперь те стихи, которые нарушают правило «Нет элизии в цезуре», при том, что клитики считаются самостоятельными. Например, стих Ἦτοι ὄ γ' ὦς εἰλὼν | κατ' ἄρ' ἔξετο τοῖσι δ' ἀνέστη (Π. 1.68) в нижеследующей статистике не учитывается, потому что, хотя после третьего трохея в нем идет элизия, имеется закономерная пятиполовинная цезура без элизии. Стих σκαῖη, δεξιτερῆ δ' | ἄρ' | ὑπ' ἀνθερέωνος ἐλοῦσα (Π.1.502), напротив, учитывается, так как в местах обеих цезур третьей стопы в нем есть элизии, а семиполовинный словораздел отсутствует.

Если стихи, где слабый словораздел образован примыканием клитики, исчисляются десятками, то в данном случае мы имеем дело с сотнями примеров.

Автор, произведение	Элизий в цезуре	Элизий	Доля
Гомер. «Илиада»	354	11158	3,2%
Гомер. «Одиссея»	346	9082	3,8%

¹⁴ Единственное исключение: Ἄλλον δ' ἀμφὶ κασιγνήτῳ κτάνε δῆιον ἄνδρα 6.467.

Гесиод. «Теогония»	18	637	2,8%
Гесиод. «Работы и дни»	18	562	3,2%
Гомеровы гимны	43	1523	2,8%
Арат. «Явления»	5	566	0,9%
Феокрит	35	1319	2,7%
Аполлоний. «Аргонавтика»	94	3323	2,8%
Каллимах. Гимны	2	423	0,5%
Никандр. «Алексифармака»	0	225	0,0%
Никандр. «Териака»	4	397	1,0%
Мосх	5	226	2,2%
Орфическая аргонавтика	34	904	3,8%
Орфические гимны	10	269	3,7%
Орфическая литика	10	305	3,3%
Дионисий Перизэгет	8	495	1,6%
Оппиан. «О рыбной ловле»	38	1703	2,2%
Псевдо-Оппиан. «Об охоте»	27	912	3,0%
Трифидор	2	204	1,0%
Квинт Смирнский	100	5798	1,7%
Коллуф	0	69	0,0%
Нонн. «Приключения Диониса»	5	1973	0,3%
Нонн. «Парафраза»	0	408	0,0%
Максим	7	271	2,6%
Манефон	53	1174	4,5%

Многочисленность примеров не позволяет даже дать ссылки на конкретные стихи, однако можно рассмотреть примеры лишь из тех произведений, где правило «Нет элизии в цезуре» нарушается лишь несколько раз. В приводимой ниже таблице все такие строки из произведений, где нарушений не более пяти.

Стих	Ссылка
Αὐτὸς γὰρ τὰ γε σήματ' ἐν οὐρανῷ ἐστήριξεν	Phaen. 10
Σκορπίου, ἰππούραια δ' ὑπὸ σφίσι Χηλαὶ ἔχουσιν.	Phaen. 438
Χηλάων · ἐν τῷ δ' Ὀφιοῦχεα γοῦνα φορεῖται.	Phaen. 521
ἦ ἐ νότου ἀμβλύνειτ' ἢ ὕδατος ἐγγὺς ἐόντος.	Phaen. 787
λάμπηται πέρι σήματ' εἰκότα κεγχρείοισιν.	Phaen. 986
λαὸν ὑπὸ σκολιῆσ' οἳ τ' ἔμπαλιν ἰθύνουσιν	Call. 1.83
ἀ μὲν τόσσ' εἰποῖσ' Ἐρυσίχθονι τεῦχε πονηρά	Call. 6.65
αὐτὸς δ' ἀλθήεντ' ἐλελίσφακον, ἐν δέ τε ρίζαν	Ther. 84
μήποτε τοι θήλει' αἰμορροῖς ἰὸν ἐνεῖη ·	Ther. 305

Ρώετο, γωλειοῖσι δ' ἰδὼν ὀλκήρεα θῆρα	Ther. 351
σκορπιόεν, τοτὲ δάχματ' ἐπαλθήσαιο φάλαγγος	Ther. 654
τίς μοι τοιάδε φάσματ' ἐπουρανίων προΐηλεν;	Mosch. Eur.21
ἄρνιθες λυπεῖσθ' αἰ πενθάδες; ἀλλὰ καὶ ἄμμες'.	[Mosch.] Ep.Bion.49
θαρσοίη· τοιῆσδ' ἐκυρήσαμεν ἐκ θεοῦ αἴσης.	[Mosch.] Meg.68
τῷ μὴ μ' ἐξείπης ποτ', ἐμὸν θάλος, ὡς σευ ἀκηδέω,	[Mosch.] Meg.81
ἐνθάδε νοστήσανθ' ὑποδέξομαι εἶτε καὶ οὐκί.	[Mosch.] Meg.90
Εὐρύπυλός τ' Εὐαιμονίδης ἀγαθός τε Λεοντεύς,	Triph. 176
νυμφία, φωλεῦει δ' ὑπὸ δούρασι κευθόμενον πῦρ.	Triph. 394
νέκταρος, ἀμβροσίης δ' οὐ δεύομαι· οὐκ ἀλεγίζω	Dion. 10.285
παλλομένη, βροτέην δ' ἀλιτήμονα ῥήξατο φωνήν·	Dion. 44.72
θύρσον ἔχω· μελίης δ' οὐ δεύομαι, οὐ δόρυ πάλλω·	Dion. 45.13
σὸν δέμας· ὑμετέρῳ δ' ἐπὶ σήματι τοῦτο χαράζω·	Dion. 46.317
καὶ χορός, ἡμετέρη δ' ἐπεκόσμεε τερπομένη χεῖρ	Dion. 47.324

Едва ли можно вывести некую общую формулу, под которую подходили бы приведенные стихи. Однако можно заметить, что у псевдо-Мосха все 4 гекзаметра имеют буколическую диерезу, поддержанную на синтаксическом уровне, и можно считать, что именно она определяет колометрию этих стихов. Почти все 35 рассматриваемых гекзаметров из Феокрита также имеют буколическую диерезу, включая известный повторяющийся стих из второй идиллии, составляющий более трети этих примеров: φράζέο μευ τὸν ἔρωθ' ὄθεν ἔκετο, πότνα Σελάνα (2.69, 75, 81, 87, 93, 99, 105, 111, 117, 123, 129, 135)

Буколическую диерезу имеют также все подсчитанные в таблице стихи Арата, Каллимаха и Нонна, но с ними вопрос представляется гораздо менее ясным. Также можно отметить, что все примеры из «Приключений Диониса» содержат элидированное δ' в пятиполовинной цезуре.

Итак, мы рассмотрели вопрос о том, насколько часто колометрическое членение греческого гекзаметра приходится на слабые словоразделы, а именно на словоразделы, отделяющие клитику от фонетически самостоятельного слова и проходящие в месте элизии. Эти случаи достаточно многочисленны, чтобы заслуживать внимания, и интересны с теоретико-методологической стороны. Первичная классификация рассмотренных примеров не дает ясных ответов на поставленные в данной статье вопросы, однако позволяет составить более полное представление о рецепции метрической практики Гомера поздней-

шими поэтами. Однако, когда мы говорим, что одни поэты подражают древнейшему эпосу, а другие создают на той же основе более строгие и рафинированные правила стихосложения, нужно помнить, что не менее, а, пожалуй, даже более важная граница пролегает между всеми авторами эпохи письменной культуры с одной стороны и сказителем-импровизатором с другой.

Литература

- Снелль 1999 – Снелль Б. Греческая метрика. М., 1999.
 Файер 2007 – Файер В. В. К вопросу о колометрии гомеровского гекзаметра // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. М., 2007. № 5. С. 149–156.
 Файер 2010 – Файер В. В. Александрийская филология и гомеровский гекзаметр. М., 2010.
 Файер 2015 – Файер В. В. Греческий гекзаметр: метрика и фонетика. М., 2015 (в печати).
 Apel 1969 – Apel W. ed. Harvard Dictionary of Music. 2nd Ed. Camb.: The Beiknap Press of Harvard University Press, 1969.
 Golston 2000 – Golston Ch. Riad T. The phonology of Classical Greek meter // Linguistics. Vol. 38: 1. 2000. P. 99–167.
 Devine 1955 – Devine A. M. ege und Formen frühgriechischen Denkens. München, 1955.
 Maas 1923 – Maas P. Griechische Metrik. Leipzig, 1923.
 Sicking 1993 – Sicking C. M. J. Griechische Verslehre. München, 1993.
 Sturtevant 1921 – Sturtevant E. H. Word-ends and pauses in the Hexameter // The American journal of philology, 1921. № 42. P. 289–308.
 Sturtevant 1924 – Sturtevant E. H. The doctrine of caesura, a philological ghost // The American journal of philology, 1924. № 45. P. 329–350.
 West 1982 – West M. L. Greek Metre. Oxford, 1982.

V. V. Fayer. Caesura in Greek hexameter and the problem of weak word-breaks

Traditional description of caesura in Greek hexameter is problematic in cases of weak word-breaks, i.e. the cases, where the graphic word-division does not exactly correspond to prosodic partitioning of the given line. The first part of the article deals with theoretical foundations of description of caesura, mainly with the concept of caesuras as phonetic pauses. At least some audio records from the archive of Milman Parry show, that the breathing pause and the word break should not necessarily go together. The second part of the article enumerates weak word-breaks in all lengthy hexametric texts from Homer to Nonnus. The lines, where regular caesura is bridged with a clitic, and the lines, where elision appears in the only possible (according to traditional description) colometric division are considered as “violations” of prosodic rules.

Key words: Metrics, Greek hexameter, caesura, elision, clitics.

VARIA DALMATICA*

В первой части статьи рассматриваются несколько топонимов на территории древних яподов (япидов). Критически разбираются высказанные Кс. Деламарром предположения об их кельтском происхождении. Как показывает исследование, кельтское происхождение яподских топонимов должно быть отвергнуто, что соответствует современной гипотезе историков и археологов о значительном преувеличении кельтского компонента у яподов, о чем свидетельствует и ряд источников древности. Вторая часть исследования вносит качественные и количественные дополнения в каталог греческих имен «Латинской Далмации» Дж. Уилкеса (2010). Последняя часть работы содержит критику попытки Кс. Деламарра увидеть в *Ariouindus* из надписи из Салоны кельтское имя.

Ключевые слова: языки Адриатики, эпиграфика, индоевропеистика, антропонимика.

I. Japodo-Celtica: свидетельство топонимии

Яподы (япиды), по свидетельству авторов древности, обитали в восточной Адриатике на территории современной центральной Хорватии и Боснии и Герцеговины к северу от либурнов. Античные источники называют яподов иллирийцами, кельтами и смешанным кельто-иллирийским народом. Согласно изысканиям археологов и историков (см. Olujić 1999 и 2007; Dzino 2007 и 2008), материальная культура яподов сопоставима с памятниками либурнов, истрийцев и венетов, а также обнаруживает связи с колапианами. В то же время, современная наука настаивает на том, что яподам свойственны некоторые единичные археологические черты и их сочетание дает возможность говорить о «яподской археологической культуре». Что же касается кельтского компонента в составе яподов, о котором свидетельствует ряд античных письменных источников, то он,

---

* Настоящее исследование выполнено в рамках проекта РГНФ 14-04-00351, благодаря которому была проведена работа в музейных собраниях и библиотеках Хорватии и посещено несколько памятников, в том числе и упомянутых в этой работе (Ассерия, Энона и т.д.). Автор выражает свою признательность профессору А. Курилич (Университет Задара) за ценные консультации.

как показывают современные исследования (Olujić 2007: 177–186; Dzino 2008), очевидно, необоснованно переоценен. Д. Джинно (Dzino 2008: 374) также высказал предположение о том, что данные палеолингвистики не говорят в пользу кельтского языкового присутствия в рассматриваемом ареале. Действительно, как было показано мною в специальном исследовании (Фалилеев 2012: 199–205), гипотеза о наличии пласта кельтских (галльских) по происхождению антропонимов на территориях, занимаемых яподами в древности, не находит на сегодняшний день своего подтверждения. В настоящем исследовании планируется обратиться к анализу древней топонимии этого региона.

Этот анализ, впрочем, не ставит своей целью объяснить названия населенных пунктов согласно общепринятым правилам топонимических штудий. Хотя в литературе иногда используется термин «яподский» в приложении к географическим названиям региона и в лингвистическом (а не ареальном) смысле (ср. Šimunović 2010: 225), подобное его использование достаточно бессмысленно. В нашем распоряжении не имеется ни «яподских» текстов, ни глосс, и весь собственно лингвистический материал этого ареала в древности и античности представлен исключительно ономастикой. В свое время эпихорические личные имена и географические названия региона рассматривались как иллирийские (работы Г. Краэ, А. Майера и т. д.), однако «иллирийская» лингвистическая проблематика благодаря трудам Х. Айхнера, Г. Алфёлди, Р. Катичича и другим исследованиям второй половины прошлого века была значительно пересмотрена. Что касается антропонимии региона, то в исследованиях пост-Майеровской эпохи ее относят к «среднедалматийскому» и «далмато-паннонскому» антропонимическим комплексам, отличным от других, традиционно также рассматриваемых как «иллирийские», см. Katičić 1976: 180 с дальнейшей библиографией. Так как ареалы антропонимических комплексов, как известно, во многих случаях не совпадают с территориями, на которых говорили на одном языке, и так как данные «иллирийской» топонимии, похоже, не допускают таксономического подхода (см. об этом Фалилеев 2013), говорить о «яподских» географических названиях можно только в географическом аспекте.

В связи с этим понятно, что анализ географических названий яподских территорий остается во многом весьма условным, ср., напр., возведение топонима *Ancus* к **anc-* (лат. *ancus*), см.

недавно Šimunović 2010: 226, что нельзя одинаковым образом ни признать, ни опровергнуть. В этом же исследовании следует обратить внимание исключительно на те данные, которые эксплицитно были признаны кельтскими. Хотя подобный подход применялся в полной силе более века тому назад и долгое время (после публикаций, скажем А. Холдера и Ж. Кузена) был вне академического дискурса, совсем недавно Кс. Деламарр (Delamarre 2012) признал несколько топонимов этой территории эксплицитно галльскими, мнение, которое вызывает существенные возражения. Представляется, что и кельтская лингвистическая принадлежность рассмотренных им топонимов с яподских территорий должна быть отвергнута.

Понятно, что эти возражения исходят не с позиции «иллирийского / яподского языкознания», а с точки зрения собственно кельтских штудий. Так, Деламарр полагает (Delamarre 2012: 63), что первая часть топонима *Arupium* (совр. Прозор) может быть кельтской, в связи с чем он ссылается на мой анализ географического названия *Arubion* в Дакии (см. Falileyev 2007: 5–7). Действительно, компонент *aru-* встречается в кельтских географических названиях, но не все топонимы с этим компонентом являются кельтскими. Во второй части французский исследователь видит **-h₃k^uion*, что вызывает много, по-видимому, безответных вопросов. В скобках можно отметить, что традиционный («иллирийский») подход к анализу этого топонима исходит из иного его морфологического деления и учитывает при этом вариант его написания *Aurupium*, см. Mayer 1959: 69 и недавно – Šimunović 2010: 227. Понятно, что точная интерпретация географического названия остается невозможной из-за крайне ограниченных знаний языков или диалектов, существовавших в регионе. Более того, недавняя попытка усмотреть в нем рефлекс и.-е. названия реки/воды (Villar 2002: 284), основанная, помимо прочего, на неоправданной методологии (см. Фалилеев 2012: 82–90), должна быть отвергнута. В любом случае, предложенный Деламарром анализ этого топонима и, соответственно, галльскую его принадлежность, принимать не следует.

Причина, по которой Деламарр считает географическое название *Metulum* (к северу от современного Йосипдола) кельтским, тривиальна. Французский исследователь ссылается на личные имена *Metullus* (с двумя *-ll-*) и *Metuli(a)e* с одним *-l-* и высказывает предположение о том, что название населенного

пункта восходит к кельтскому антропониму, «город *Метулл'а*» *vel sim.* (Delamarre 2012: 198). Примечательно, что в корпусе кельтских личных имен этого же исследователя (Delamarre 2007) указанные антропонимы не учтены, а второй приведенный пример (CIL XIII: 563) взят из христианской надписи из Аквитании, датируемой началом V в. (Sivan 1989: 107). Представляется, что традиционный подход к лингвистической атрибуции названия главного города яподов выглядит значительно убедительней: его давно уже возводят к **met-* (см. Šimunović 2010: 227), как и топоним *Metubarbis* (Mayer 1959: 79; Šimunović 2013: 187). Ссылка на не вполне понятный кельтский источник и в данном случае не является необходимой, а географическое название, с большой долей уверенности, следует признать автохтонным. Понятно также, что интерпретация топонима как автохтонного не может не вызвать немало вопросов. К примеру, в **met(u)-* видят предлог 'между', и все приводимые в этой связи географические названия являются композитами (см.: Šimunović 2013: 149 и 187 с библиографией), в то время как подобный подход к анализу географического названия *Metulum*, похоже, неприменим. Однако это наблюдение не делает топоним кельтским.

Согласно Деламарру (Delamarre 2012: 200), географическое название *Monetium* (близ совр. Brinje), возможно, является кельтским. Исследователь возводит его к **mon-et-ion*, приводя в качестве параллели валл. название 'горы', *mynydd* < **moniyo*, к и.-е. **mon-*, о котором см. Matasović 2009: 277. С формальной точки зрения такой подход, возможно, допустим: об этой модели словообразования в галльском см. Repanšek 2014: 245–251 и ср. галльск. **trag-et-io-* 'нога' (treide gl. pede). Особенно интересен в этой связи топоним *Brigetio* (см. о нем Falileyev 2014: 50 и Repanšek 2014: 247–8), который мог бы послужить точной параллелью предложенной Деламарром этимологии, включая и семантический аспект (**brig-* 'гора'). Однако, хотя подобная этимология в принципе возможна, было бы определенно странным найти это производное исключительно в одном топониме на яподских территориях. Конечно, можно было бы обратить внимание, к примеру, на общекельтск. **monetu-* 'going' (Matasović 2009: 275), которое хорошо зафиксировано и могло бы быть использовано К. Деламарром для кельтского объяснения топонима. Следует, однако, обратить внимание на то, что многие фиксации этого географического названия свидетельствуют в пользу долгого *ē* в суффиксе. «Автохтонные» объясне-

ния топонима также известны (см. Šimunović 2010: 227), ср. также анализ *Aemate* (совр. Имотски) различными исследователями (ссылки на соответствующие работы приведены в Šimunović 2013:166).

И, наконец, Деламарр полагает, что топоним *Vendum* восходит к личному имени *Vindos* и также является кельтским (Delamarre 2012: 262). То, что антропонимы на *Vindo-* хорошо известны в галльском, не вызывает сомнений, см. подборку примеров в Delamarre 2007: 200, однако подобное кельтское объяснение географического названия представляется достаточно произвольным. Можно отметить в этой связи, что яподский (в географическом смысле этого термина) топоним уже давно был сопоставлен с алб. *vend* 'место' (см. Orel 1998: 499), и, позднее, с фокунатск. географическим названием *Vende* (Anreiter 1997: 94). Понятно, что не все исследователи разделяют эти сопоставления, но примечательно, что эти параллели оперируют данными балканского и восточно-альпийского ареалов, о значимости которых см. Фалилеев 2013: 303–4. При анализе же рассматриваемого топонима (совр. Брлог) следует учесть, что его первоначальной формой была без сомнения *Avendum*; в первой его части многие специалисты видят *a(n)-* 'вблизи' (см. Šimunović 2010: 226). В любом случае, его сопоставление с кельтским антропонимом *Vindos* оказывается невозможным.

Таким образом, на территориях, ассоциируемых с яподами, мы не находим ни одного топонима, который мог бы быть кельтским по происхождению. Тем самым отстаиваемый современными историками и археологами тезис о значительном преувеличении кельтского компонента в составе этого территориально-этнического объединения, о котором свидетельствует ряд источников древности, вновь находит подтверждение в палеолингвистическом анализе.

II. «Новые» греческие имена в «Латинской Далмации»

В 2010 году Джон Уилкес опубликовал свой каталог греческих имен из «Латинской Далмации», который, несомненно, является самым полным собранием греческих антропонимов, зафиксированных в латинских надписях региона (Wilkes 2010). Объектом исследования британского исследователя послужил корпус латинской эпиграфики этой Римской провинции за пределами ареала, рассматривающегося в литературе как «Греческая Далмация», возникшая в результате греческой колонизации

Адриатики. Центром этого ареала в римские времена была Салона (*colonia Martia Iulia Salona*, совр. Solin недалеко от Сплита), и именно из этого населенного пункта известно подавляющее большинство греческих антропонимов «Греческой Далмации». Согласно подсчетам Уилкеса, в Салоне и его округе зафиксировано 958 личных греческих имен, в то время как в других населенных пунктах этого условно выделяемого региона – лишь 127, см. Wilkes 2010: 291–2. Совершенно иную картину дистрибуции греческих личных имен мы находим в «Латинской Далмации». Большинство из них обнаруживается на южном (124 индивидуумов из 90 надписей) и северном (114 из 91) побережьях провинции, в то время как остальные районы дают значительно меньшее количество данных. Как правило носители греческих имен являются рабами или отпущенниками, но встречаются и свободнорожденные, и ветераны. Весь этот материал был рассмотрен Дж. Уилкесом с различных точек зрения (Wilkes 2010: 292–6), и составленный им каталог (Wilkes 2010: 297–309) по праву был высоко оценен специалистами по истории римской Далмации.

Представляется, что этот каталог можно несколько скорректировать. Так, имя *Eutychos*, хорошо представленное в ареале (Wilkes 2010: 297), зафиксировано, в том числе, и по надписи *D(is) M(anibus) / L. Fonteio / Eutychet(i) / patri Sexti/lianus fil(ius) / cum frat/ribus suis po/suit* из Крка в северной части «Латинской Далмации». Этот памятник, известный с конца 90-х гг. прошлого века (см. Kurilić 2010: 161), оказался не включенным в корпус Вилкеса. Само же имя, как было установлено (Alföldy 1969: 198), в Далмации встречается в надписях позднего Принципата. Следует отметить, что имя мы находим и в еще одной надписи из Крка, *CIL III: 3132 D(is) M(anibus) / Primulae / Eutyches / coniugi / merenti*, которая учтена в работе Уилкеса (Wilkes 2010: 307). Согласно А. Курилич (Kurilić 2010: 161 и 250), *L. Fonteius Eutyches* был, вероятно, отпущенником, хотя возможность его римского гражданства не может быть исключена, в то время как *Eutyches* из второй приведенной выше надписи без сомнений был рабом. Соответствие женского рода также известно по надписи из античного Нединума (в регионе современного Задара), *CIL III, 9964 D(is) M(anibus) / Cl(audiae) / Grati/liae, an(norum) XX/VIII, Cl(audia) Euty/cia mater po(suit)*, что также должно быть учтено в каталоге греческих имен «Латинской Далмации».

Греческое имя *Chrestus* (ср. Bechtel 1917: 512) весьма частотно в «Греческой Далмации» (см. Alföldy 1969: 176), и мы также находим его в рассматриваемом регионе в надписи из античного Тилуриума, *L(ucius) Mummius L(uci) / f(ilius) Fab(ia) Ancyra / miles leg(ionis) VII / ann(or)um XXXVI / stipend(iorum) XVI / h(ic) s(itus) e(st) // Arma bis octonis felicia qui tulit annis / hic situs est fato Mummius ipse suo / si sapiunt obiti data munera percipis am(pla) / et recipis nostrae pignus amicitiae / hoc tibi cum titulo posuit Cornelius Chrestus / et dixit lachrymans(!) sit tibi ter(ra) levis // M(arcus) Cornelius M(arci) l(ibertus) / Chrestus pos(u)it.* Этот текст, известный с середины 90-х гг. прошлого века (ср. Šegvić 1996: 135–36), неоднократно привлекал внимание исследователей, см. библиографию в Sanader, Milićević Bradač, Demicheli 2013: 488. Дж. Уилкес приводит в своем каталоге пять надписей из Тилуриума (Wilkes 2010: 304), в том числе и -----]mei[---] / [--- C]harite / [--- co]niunx (ILJug 1943), и это упоминание отпущенника по имени *M. Cornelius Chrestus* должно быть также учтено. В скобках можно отметить, что *Lucius Mummius* этой надписи – не единственный выходец из Галатии в Тилуриуме и его окрестностях, где также обнаруживается, к примеру, *Lucius Ancharenus* из Ларанды в этой же провинции (см. Sanader, Milićević Bradač, Demicheli 2013: 484–5 с обширной библиографией). Тилурум в принципе является достаточно «международным» населенным пунктом, в котором похоронены, к примеру, *L(ucius) Valerius L(uci) f(ilius)* и *M(arcus) Percenni[us]* из Македонии (CIL III: 2717 и 14933), *Quintus Baebius* из Писидии и *C(aius) Iulius C(ai) f(ilius)* из Киликии (см. Sanader, Milićević Bradač, Demicheli 2013: 485–7), *Melvadius Macri f(ilius)* из Германии (CIL III: 2712) или *P(ublius) Attecus P(ubli) f(ilius) Venimarus* из Вирунума в кельтском Норике (Фалилеев 2013: 210–2).

Также весьма распространенное в «Греческой Далмации» (см. Alföldy 1969: 332) греческое имя *Zῶσιμος* (Bechtel 1917: 489) мы находим дважды в Далмации «латинской». Из Ядера (совр. Задар) или Эноны (совр. Нин) известна надпись [--- C(ai)(?) lib(ertae)(?)] / *Isidor[ae] / ann(or)um XIX / M. Minicius / Zosimus / v(ivus) f(ecit) / delicatae suae*, и, как отмечает А. Курилич, *M. Minicius Zosimus* может быть как североиталийского, так и восточного происхождения. Хорватская исследовательница также допускает возможность того, что он был отпущенником сенатора Минуция Фаустина (*S. Minicius Faustinus*), см.

Kurilić 2010: 163 и 224. Второе упоминание имени находится в плохо сохранившейся надписи из Ассерии, CIL III, 15036: 2 ---- -] / D[---] / XX[---] / Zosim[us] / uxori I(?)[-] / f(ecit). Примечательно, что первая из приведенных выше надписей содержит греческое имя Isidorus, которое также следует добавить в каталог, о носителе см. Kurilić 2010: 253–4. Из Ассерии также известно имя Дидим (Didimus), не учтенное Уилкесом (ср. Δίδυμος, Bechtel 1917: 520). Оно было обнаружено в надписи L(ucio) Papirio Rufos (?) / L(ucius) Papirius Didim(us) / pater f(ilio et) se viv(us) / posuit (Fadić 2006: 94), о носителе имени и о дистрибуции антропонима см. Fadić 2006: 83–4 и Kurilić 2010: 248.

Вполне возможно, что в «Латинской Далмации» мы находим и еще одно греческое имя, не учтенное Уилкесом. Hygia известно по одной надписи из «Греческой Далмации» (CIL III: 1971 из Салоны, Luria Hygia, ср. Alföldy 1969: 219), и, согласно ряду исследователей, оно обнаруживается в одной из латинских надписей Задара. Предыдущие чтения этого текста включают T(it) Cassi[no] / Bitho / Li[----] Iygi / [----] D / [----?] и T(it) Cassi[o] / Bitho / Li[....] IYGI / [....]D / [--- (ср. Šegvić 1996: 133), однако в 1992 г. Б. Недвед интерпретировала его как P(ublio) Cassio / Bitho / Lic[inia?] Hygia / [----]. Хронологически последнее чтение текста принадлежит А. Курилич, согласно которой в нем можно видеть P. Cassi[dio] / Bitho / Lic[inia] Hygia / [----] d(ierum??) [XX?] / [---??], Kurilić 2010: 163–4.

Кроме предложенных выше дополнений к списку Уилкеса, благодаря проведенному хорватскими коллегами тщательному анализу ряда памятников, становится возможным внести в этот каталог ряд поправок. Так, согласно британскому ученому, надпись Ephebo ac/tori Elpis / sibi et filio / posuit ассоциируется с Ядером (Wilkes 2010: 305), однако на самом деле она обнаружена в Ассерии (ср. Kurilić 2010: 164). С учетом того, что Ядер безусловно лидирует в регионе по количеству надписей с греческими именами – согласно Дж. Уилкису там их обнаружено 36 (с 51 антропонимами), в то время как в Ассерии только 4 (Wilkes 2010: 293 и 305–6) – и принимая во внимание еще один случай упоминания греческого имени в памятнике из Ассерии, рассмотренный выше, статистика несколько изменяется. Несколько некорректным видится выделение автором населенного пункта Lika Polje с двумя надписями – CIL III: 10030 и CIL III: 10044 (Wilkes 2010: 308). В действительности, оба памятника найдены в регионе Лика, первая в Убдине (или неподалеку от

этого населенного пункта, как любезно мне сообщила проф. А. Курилич), а второй – севернее, в Прозоре (античн. *Agurium* на территории яповод, об этом населенном пункте см. выше), ср. Sinobad 2010: 202. Следует отметить, что в Убдине мы, возможно, находим еще одну надпись с греческим именем – некоторые исследователи видят в *Deidmu* (CIL III: 15054) антропоним *Didymus* (ср. греч. *Δίδυμος*, о котором выше, однако см. другие мнения в Alföldy 1969: 186). В плохо сохранившейся надписи из Ядера, которую Уилкес приводит как *C. Iulio Q. [..He]rmai[...]*, автор видит отражение греческого имени *Ermas*, хорошо представленного в «Латинской Далмации» (Wilkes 2010: 297 и 305). Согласно же А. Курилич, которая читает этот текст как *C. Iulio Q. [f(ilio)? vel l(iberto)?] / [He]rma[e -?] / [--] iuri[s? stud(ioso)?] / [-----?]*, перед нами – когномен, соотв. *C. Iulius Q. [f. или l.] Herma* (Kurilić 2010: 162 и 215). В этой связи можно упомянуть о *P(ublius) Anteius P(ublili) Antei Syri l(ibertus) Herma* из надписи в Салоне (CIL III: 1947), о которой см. Sinobad 2010: 185–6.

III. К интерпретации одного антропонима из надписи в Салоне

В своем известном собрании кельтских личных имен Кс. Деламарр приводит антропоним *Ariouindus* (Delamarre 2007: 26). Он осторожно сравнивает его с именем *Ariobindus*, засвидетельствованное в надписях из Цюриха и Рима, и видит в первом компоненте известное галльское слово **ario-*, однако не приводит интерпретаций для второй части (Delamarre 2007: 26 и 211). Деламарр находит единственное упоминание имени в надписи из Салоны в Далмации и приводит ее текст согласно IJug 2033, *Depositio Alexandrius die Nonas Novembres Asparo [et] Ariovindo cons(ulibus)*. Можно отметить в этой связи, что недавнее издание этого текста (Gauthier, Marin, Prévot 2010: 460) читает надпись, датируемую 5.11. 424 г., несколько по-иному (*Depositio Alexandri v(iri) s(pectabilis) / die nonas nouembres / Aspari [et] Ariovindo cons(ulibus)*), однако это не затрагивает напрямую интерпретацию самого антропонима.

Представляется, что анализ французского исследователя не следует считать удачным, и сразу же по нескольким причинам. Очевидно, что *Ariouindus* этой надписи и приведенный Деламарром *Ariobindus* из надписи в Риме (AE 1900: 104) – одно и то же историческое лицо, а именно Ареобинд, ставший вместе с Аспаром консулом в 434 году. Об Ареобинде, в отличие от

Флавия Ардавура Аспара, известно достаточно мало, однако его готское происхождение общепринято в современной науке. Что же касается его имени, то, конечно, известны попытки рассмотреть его в качестве кельтского, однако известная работа Р. Кёддерича показала их несостоятельность. Согласно немецкому ученому (см. Ködderitzsch 1986: 208–10), кельтская интерпретация антропонима должна быть отклонена в пользу германской, и с этим вердиктом, насколько мне известно, согласны исследователи и сегодня, ср. Gauthier, Marin, Prévot 2010: 460. В Салоне мы действительно находим кельтские по происхождению имена, как например, *Virdomarus* (CIL III: 2065), и все носители двусоставных антропонимов прибывают в Далмацию из собственно «кельтских» регионов Империи – Галлии и Норика, см. Sims-Williams 2008: 33. Также в Салоне мы находим посвящения галльским богам и римским божествам с кельтскими эпитетами (напр., CIL III: 8671), и, в целом, имеется достаточно материала для подтверждения кельтского присутствия в столице римской Далмации в античности. По понятным причинам, рассмотренный Деламарром антропоним в этот свод входить не должен.

Литература

- Фалилеев 2012 – Фалилеев А. И. *Selecta Celto-Balcanica*. СПб., 2012.
Фалилеев 2013 – Фалилеев, А. И. *Pannonno-Illyrica // Современные методы сравнительно-исторических исследований*. М., 2013. С. 298–307.
Alföldy 1969 – Alföldy G. *Die Personennamen in der römischen Provinz Dalmatia*. Heidelberg, 1969.
Anreiter 1997 – Anreiter P. *Zur Methodik der Namendeutung (mit Beispielen aus dem Tiroler Raum)*. Innsbruck 1997.
Bechtel 1917 – Bechtel F. *Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit*. Halle 1917.
Delamarre 2007 – Delamarre X. *Noms de personnes celtiques dans l'épigraphie classique*. Paris 2007.
Delamarre 2012 – Delamarre X. *Noms de lieux celtiques de l'Europe ancienne*. Paris, 2012.
Dzino 2007 – Dzino D. Рец. Olujic 2007 // *Godisnjak Centra za Balkanoloska ispitivanja* 2007. Т. 36. Р. 274–281.
Dzino 2008 – Dzino D. “The people who are Illyrians and Celts”: Strabo and the identities of the ‘barbarians’ from Illyricum // *Arheološki Vestnik* 2008. V. 59. Р. 371–380.
Fadić 2006 – Fadić I. *Novi liburnski nadgrobni spomenici iz Aserije // Asseria* 2006. Т. 4. Р. 73–104.

- Falilejev 2007 – Falilejev A. Celtic Dacia. Personal names, place-names and ethnic names of Celtic origin in Dacia and Scythia Minor. Aberystwyth 2007.
- Falilejev 2014 – Falilejev A. In search of the Eastern Celts. Studies in geographical names, their distribution and morphology. Budapest, 2014.
- Gauthier, Marin, Prévot 2010 – Gauthier N., Marin E., Prévot F. (ред.),. Salona IV, Inscriptions de Salone chrétienne, IVe-VIIe siècles. Rome, Spli, 2010.
- Katičić 1976 – Katičić R. Ancient Languages of the Balkans. The Hague 1976.
- Ködderitzsch 1986 – Ködderitzsch R. Keltoide Namen mit germanischen Namenträgern // ZCP 1986. B. 41. S. 188–213.
- Kurilić 2010 – Kurilić A. Pokojnici i komemoratori s liburnskih cipusa: tko su, što su i odakle su? // *Asseria* 2010. T. 8. P. 131–274.
- Matasović 2009 – Matasović R. Etymological dictionary of proto-Celtic. Leiden, Boston 2009.
- Mayer 1959 – Mayer A. Die Sprache der alten Illyrier. Band II. Wien 1959.
- Olujic 1999 – Olujic B. Ethnie, culture, identité. Problèmes de l'origine des Iapodes et des Liburniens // *L'Illyrie méridionale et l'Épire dans l'Antiquité III*. Paris 1999. P. 57–60.
- Olujic 2007 – Olujic B. Povijest Japoda. Pristup. Zagreb 2007.
- Orel, V. Albanian etymological dictionary. Leiden 1998.
- Repanšek 2014 – Repanšek L. Two notes on Old Celtic Morphology // *Colloquia Classica et Indo-Germanica – VI. Памяти Л. Г. Герценберга / Отв. ред. Н. Н. Казанский*. СПб.: Наука, 2014. С. 145–177 (*Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. X. Ч. 1). P. 239–254.
- Sanader, Milićević Bradač, Demicheli 2013 – Sanader, M., Milićević Bradač, M., Demicheli, D. Project Tilurium – A “Poet” in the military camp at Tilurium // *Rimska vojna oprema u pogrebnom kontekstu*. Zagreb 2013. P. 483–491.
- Sims-Williams 2008 – Sims-Williams P. Comparing the distribution of Celtic personal names with that of Celtic place-names // *Celtic and other languages in ancient Europe*. Salamanca 2008. P. 29–51.
- Sinobad 2010 – Sinobad M. Jupiter i njegovi štovatelji u svjetlu epigrafskih izvora na području Hrvatske // *Opuscula archaeologica* 2010. V. 34. P. 145–228.
- Sivan 1989 – Sivan H. Town, Country and Province in Late Roman Gaul: the example of CIL XIII 128 // *ZPE* 1989. B. 79. S. 103–113.
- Šegvić 1996 – Šegvić M. Croatiae schedae epigraphicae latinae (CSEL). Inscriptiones quae in Croatia ab anno MCMXCI usque ad annum MCMXCV repertae et editae sunt // *Opuscula Archaeologica* 1996. V. 20. P. 131–139.
- Šimunović 2010 – Šimunović P. Lička toponomastička stratigrafija // *Folia onomastica Croatica* 2010. T. 19. P. 223–246.
- Šimunović 2013 – Šimunović P. Predantički toponimi u današnjoj (i povijesnoj) Hrvatskoj // *Folia onomastica Croatica* 2013. T. 22. P. 147–214.

- Villar 2002 – Villar F. Los hidrónimos con *up- (*op-) “agua, río” en la toponimia prerromana hispana // *Palaeohispanica* 2002. T. 2. P. 277–291.
- Wilkes 2010 – Wilkes J. Greek personal names in Latin Dalmatia // *Onomatologos*. Oxford, 2010. P. 290–310.

A. Falileyev. *Varia Dalmatica*

The first part of this article is dedicated to the analysis of several place-names in the area occupied by the Japodes in antiquity. It is argued *pace* X. Delamarre that *Arupium*, *Metulum*, *Monetium* and *Vendum* (recte: *Avendum*) are not linguistically Celtic in origin. Together with the investigation of the personal names of the region conducted earlier by the present author this part of research shows that the share of Celtic linguistic component in the Japodean area has been overestimated. The results of this linguistic research therefore agree with the conclusions of modern historians and archaeologists (B. Olujić, D. Dzino, etc.) who sceptically evaluate the attempts of ancient authors to see in the Japodes “*the people who are Illyrians and Celts*”. *The second part of this paper updates the catalogue of “Greek personal names in Latin Dalmatia” by J. Wilkes (2010)*. In the last part of this article it is argued that X. Delamarre’s attempt to analyse *Ariouindus* from the inscription from Salona as Celtic is wrong; moreover, the whole problem was discussed comprehensively by R. Ködderitzsch nearly thirty years ago, and his approach does not require any revision.

Key-words: languages of Eastern Adriatics, Celtic, Greek, toponymy, anthroponymy, epigraphy.

К. В. Харитонова

**ПРОЦЕСС ПРАГМАТИКАЛИЗАЦИИ НАРЕЧИЙ В
САНСКРИТЕ**
**На примере функционирования вербальных маркеров
авторитетности в тексте *Manusmṛti***

Неизменяемые части речи в санскрите зачастую объединяют в класс *avyaya*. Затруднительным представляется даже разделение служебных и знаменательных частей речи, входящих в эту категорию, поскольку существуют полифункциональные единицы, способные выступать в роли предлогов / превербов / послелогов и наречий. Однако разделение на группы необходимо, поскольку элементы этого множества имеют разные функции в предложении, а их понимание влияет на понимание текста.

Работа посвящена изучению прагматикализованных наречий со значением отсылки к авторитетному источнику. Предпринимается попытка рассмотрения фрагмента текста *Manusmṛti* как компонента дискурса с целью выявления слов-коммуникаторов и описания их значения для дальнейшей выработки критериев разделения класса *avyaya* на лексико-грамматические группы наречий, слов-коммуникаторов, предлогов *etc.*

Ключевые слова: санскрит, неизменяемые части речи, наречия, прагматикализация, дискурсивные маркеры, полифункциональные слова, *Manusmṛti*.

Санскрит обладает богатым инвентарём неизменяемых частей речи. Традиционно индийские грамматисты и составители словарей объединяли наречия, деепричастия, предлоги, послелог и междометия в один класс – *avyaya*. Однако мы можем, вслед за В. Н. Топоровым (Топоров 1961: 124), признать такой подход излишне формальным, поскольку слова, входящие в это множество, имеют разные функции в предложении и, таким образом, влияют на понимание текста и его перевод.

На начальном этапе работы затруднительным представляется даже разделение служебных и знаменательных частей речи. Причины:

1) наличие полифункциональных единиц, в зависимости от контекста способных выступать и как предлоги / превербы / послелог, и как наречия;

2) процессы грамматикализации и прагматикализации наречий;

3) общность грамматических характеристик (неизменяемость, для преврбов и наречий – приглагольная позиция).

Таким образом, необходимо выработать критерии разделения неизменяемых частей речи в санскрите. Для этого нужно проанализировать конкретные контекстуальные употребления той или иной лексической единицы и решить, в какой из своих грамматических ролей она представлена в каждом случае. Разделение неизменяемых частей речи в санскрите поможет в дальнейшем не только создавать более точные переводы текстов, но и автоматизировать процесс перевода.

В словарях V. S. Apte, M. Monier-Williams, В. А. Кочергиной лексемы *yathāyogyam* ‘должным образом’, *vidhivat* ‘согласно предписанию’ и подобные им отнесены к категории наречий. Однако зачастую их функционирование в тексте выглядит нехарактерным для слов данной части речи, поскольку наречие – это, прежде всего, «характерный представитель обстоятельства», «атрибутивный носитель предикативного значения» (Мещанинов 1945: 138, 279).

Употребление этих слов в контексте сходно с употреблением в санскритских текстах наречий со значением ‘потом’, ‘далее’, ‘едва’ (*eva, tāvat*), которые составляют группу временных маркеров, своего рода вводных слов, обращённых к адресату текста. «Слова-коммуникаторы, как правило, привлекают внимание собеседника, облегчают запоминание и воспроизведение, а в стихотворных текстах помогают соблюдать размер и ритм. Они представляются довольно ранним, возможно, праиндоевропейским явлением, т. к. вышеуказанные функции важны при устной передаче обширного материала» (Харитоновна 2013: 309). Представляется, что слова-коммуникаторы не имеют тесной связи с глаголом, а значит, отличаются от наречий с точки зрения синтаксической роли. Вероятно, в данном случае перед нами либо наречия, находящиеся в процессе прагматикализации, либо полифункциональные единицы.

Дискурсивные маркеры.

Термин *дискурсивные маркеры* (ДМ) принят для обозначения синтаксически разнородных явлений, от лексем до специфических синтаксических конструкций, представляющих собой инструмент для структурирования дискурса. Иными словами, ДМ – это «незнаменательные слова или словосочетания, регули-

рующие дискурсивный процесс между говорящим и адресатом» (Подлеская, Кибрик 2009: 390); такие единицы языка, «которые придают особый дискурсивный статус некоторому фрагменту дискурсивной последовательности» (Киселёва, Пайар 2003: 9). Реального лексического значения они не имеют, но формируют разговорную структуру (например, передают намерения говорящих), то есть при употреблении ДМ важно «что они маркируют, а не что они означают» (Blakemore 2006: 221). Как функционально-регуляторные элементарные дискурсивные единицы ДМ «не несут пропозициональной информации» (Подлеская, Кибрик 2009: 391), и их функции «находятся в сфере организации и регулирования дискурсивного потока» (Подлеская, Кибрик 2009: 391), то есть ДМ упорядочивают поток речи и помогают собеседникам устанавливать контакт, быстро сообщать друг другу о том, поступила ли информация и правильно ли она понята.

Генетически ДМ могут быть связаны с «союзами, междометиями и лексикализованными предложениями» (Schiffrin 2001: 57), а также словосочетаниями и звукоподражательными словами. В грамматике Барроу содержится краткое описание некоторых санскритских ДМ. Раздел, посвящённый рассмотрению этого класса, назван «Различные наречия и частицы» (Барроу 1976: 265). Изучение этимологии частицы *eva* подтверждает мысль о разнообразии генетических связей санскритских ДМ (в данном случае – о возможности образовывать ДМ от основ числительных): «Частицу *eva* ‘только’ можно отождествить с основой для понятия ‘один’ <...> Из различных частиц утвердительного характера можно упомянуть *aṅga* ‘истинно’, *hanta* (выражает возбуждение), *kila* ‘конечно’, *khalu* ‘действительно’, *tu* ‘но’, *hi* ‘так как’» (Барроу 1976: 265).

Х. Томмола отмечает: «Теоретическое определение части речи тех или иных дискурсивных слов или систематическое распределение их среди отдельных частей речи русскими коллегами не выполнялось. Ими отмечен неясный в этом отношении статус дискурсивных слов» (Томмола 2008: 410). То есть статус дискурсивных слов неясен, и данную группу принято относить к разряду служебных слов, грамматических слов, не обладающих лексическим значением, или к разряду частиц. «Частицы в грамматиках многих языков традиционно представляются как часть речи, в которую «сваливают» слова, принадлежность которых к тому или другому классу не удаётся установить»

(Томмола 2008: 411). Многие единицы группы неизменяемых слов полифункциональны или находятся в процессе прагматикализации: «Употребление наречия может варьироваться в рамках пространственного и темпорального значения, но также распространяться метафорически на функции, где первоначальное (основное) значение стирается» (Томмола 2008: 413). То есть полифункциональное наречие может выступать как в своём основном значении, так и в роли дискурсивного маркера.

Таким образом, налицо взаимопересечение трёх подгрупп слов (дискурсивные маркеры, частицы, наречия). Для разграничения этих групп на древнеиндийском материале требуется выработать критерии отнесения словоформы к одной из групп и найти доказательства полифункциональности некоторых представителей этого класса.

Эти доказательства и критерии были разработаны для английских ДМ Б. Фрэнк-Джоб (Frank-Job 2005: 397), а также И. М. Кобозевой – на русском материале (Кобозева, Захаров 2004: 292). Процесс прагматикализации эти исследователи описывают так: в определённом контексте синтагма или словоформа теряет своё пропозициональное значение и становится выразителем значения дискурсивного. Основная функция ДМ, согласно Фрэнк-Джоб – облегчение коммуникации. Прагматикализованная лингвистическая единица «работает» не на лексическом, а на дискурсивном уровне, то есть показывает взаимоотношение компонентов дискурса. Синхронически процесс прагматикализации представляется скорее как полифункциональность некоторых единиц языка.

Поскольку ДМ используются не для описания ситуации, а для маркировки начала коммуникативного акта, они приобретают такую формальную особенность, как частотность употребления. Таким образом, формальные признаки ДМ, которые рассматривает Фрэнк-Джоб, таковы:

- частотность употребления в речи;
- фонетическая редукция;
- синтаксическая изолированность;
- способность к совместному употреблению (в пределах одного высказывания может быть употреблено несколько ДМ подряд);
- возможность удаления ДМ из высказывания (смысл высказывания не изменится при удалении ДМ).

Критерии частотности, изолированности и возможности удаления подходят для работы с древними языками. Но построение гипотез о фразовом ударении и интонации для санскрита затруднительно, поэтому критерий фонетической редукции применить невозможно, особенно при изучении стихотворных текстов, поскольку в связи с соблюдением размера и относительно свободным порядком слов в сутрах дискурсивный маркер может оказаться в ударной позиции.

С точки зрения Кобозевой, дискурсивные слова русского языка:

- 1) неизменяемы;
- 2) не способны быть ядром синтаксической группы (в отличие от существительных, глаголов, прилагательных и наречий);
- 3) выступают в синтаксической функции союза или адъюнкта;
- 4) могут синтаксически связываться как с именной, так и с глагольной группой;
- 5) при нейтральном порядке слов характеризуются большой удалённостью от ядра группы.

Кобозева отмечает и тот факт, что «морфосинтаксическая специфика ДС пока слабо изучена. И объясняется это прежде всего объективной сложностью определения синтаксического статуса ДС – установления элемента (составляющей) предложения, с которым ДС синтаксически связан (в которую он входит), определение характера этой связи и ее направления (в случае подчинения)» (Кобозева, Захаров 2004: 292).

Частично критерии, выделенные Кобозевой на материале русского языка, совпадают с критериями, разработанными Фрэнк-Джоб для английского, однако есть и существенная разница. Санскрит, как и русский язык, обладает богатой системой склонения, поэтому фактор неизменяемости чрезвычайно важен при выделении ДМ на древнеиндийском материале. Однако следует отметить, что данный критерий бесполезен при попытке отличить ДМ от наречия, поскольку отсутствие форм словоизменения характерно для представителей обоих этих классов.

Затрудняет работу на санскритском материале и тот факт, что разделить текст на элементарные дискурсивные единицы практически невозможно, поскольку они «идентифицируются в первую очередь на просодических основаниях – при помощи таких критериев, как наличие тонального контура, одного главного акцента, темпового и громкостного паттернов, а также

паузации» (Подлеская, Кибрик 2009: 391). В таких условиях приходится опираться на смысл высказывания в целом и конкретного ДМ, а также рассматривать синтаксические отношения слов в предложении или сутре.

Поскольку метакоммуникация важна для согласования общения, исправления ошибок и контроля, дискурсивные маркеры представляют особый интерес как слова, организующие дискурс и показывающие соотношение его компонентов. Это важно для устного общения, но следует помнить, что многие санскритские памятники представляют собой запись некогда существовавших в устной традиции текстов. Стоит отметить и тот факт, что во многих произведениях имеются цитаты, обращение к слушателю и объёмные вставные эпизоды. Важно упомянуть также и о маркерах авторитетности. Это класс дискурсивных средств, имеющих функцию указания на авторитет источника сообщения. «Эта группа метакоммуникативных маркеров включает как вербальные (дискурсивные маркеры типа вводных фраз, ссылок, вставных текстов, цитат), так и невербальные (гербовая печать, подпись, логотип и тому подобные) знаки авторитетности. Вербальные (текстовые, дискурсивные) маркеры авторитетности могут быть как прямыми, так и косвенными. Прямое указание на авторитет осуществляется посредством словесных и фразовых средств, в которых указан источник сообщения, авторитетность которого маркируется. Косвенное указание выражается через рассыпанные в тексте сравнения, оценки, ссылки на мифологические стандарты и так далее» (Сухорукова 2011: 62). Для санскрита прямым вербальным маркером авторитетности можно признать указание на священные тексты. С помощью ссылки на авторитет коммуниканты показывают своё знание традиции, подчёркивают своё право на то или иное суждение. «ДМ говорят нам не только о лингвистических категориях (семантических и прагматических значениях) некоего набора часто используемых выражений, об организации социального взаимодействия, <...> но и о когнитивной, экспрессивной, социальной и текстовой компетентности говорящего» (Schiffrin 2001: 67). То есть авторитет – это сложное понятие, включающее в себя не только влияние индивида, основанное на его статусе, но и «способность направлять поступки и логику мышления другого человека» (Болдырева 2008: 88). А. А. Болдырева, подробно рассматривая структуру авторитета в коммуникации, предлагает помимо профессионального, личностного, ролевого и

социального компонентов выделять дискурсивный компонент, составными частями которого являются стратегии речевого поведения и дискурсивные маркеры авторитетности. Таким образом, отсылка к известному источнику является прямым показателем авторитетности.

Как же в тексте *Manusmṛti* маркируется авторитет отправителя сообщения?

Принято считать, что окончательный текст сложился во II в. до н.э. – II в. н.э. Памятник отражает предписания, касающиеся всех сторон человеческой жизни. Поскольку много веков текст существовал в устной форме, имеем право рассматривать его как компонент дискурса. Важно понимать, что это «не свод действующего законодательства, а лишь весьма авторитетный, но не единственный сборник поучений в добродетели, составленный только одной из брахманских школ, изучавших ведийские тексты» (Шапошников, 11), поэтому для составителей текста *Manusmṛti* было важно упоминать о других авторитетных текстах, с опорой на которые был создан текст *Manusmṛti*. В роли отправителя сообщения выступает Ману Вайвасвата, собеседниками которого являются великие риши, неоднократно упоминаемые в тексте, задающие вопросы отправителю сообщения. Такая ситуация характеризуется «социальной ориентированностью по отношению к центру группы», когда «формальное положение само по себе требует постоянного обращения к другим» (Эрвин-Трипп 1975: 338–339), а также упоминания священных канонических текстов.

- (1) *sarve 'pi kramaçastvete yathāçāstram niṣevitāh
yathoktakāriṇaṃ vipraṃ nayanti paramāṃ gatim*
(Manusmṛti VI: 88)

‘Все эти (4 стадии жизни), последовательно пройденные, **как сказано в Шастрах**, ведут брахмана, делающего как предписано, к высшей цели’.

Сложное слово *yathāçāstram* буквально значит ‘как в Шастрах’, но в словаре даётся также перевод ‘по правилам’, ‘как предписано’ и относится к разряду наречий. Оно имеет синонимы, построенные по той же словообразовательной модели: *yathādharmam* ‘по правилам’, *yathāyogam* ‘соответственно’, *yathāyogyam* ‘должным образом’ etc. Практика перевода показывает, что эти слова, несмотря на свою внутреннюю форму, не всегда указывают на конкретный текст, а могут употребляться в качестве маркеров авторитетности. При этом они могут как

модифицировать значение глагола и быть синтаксически связанными с ним (наречное употребление), так и иметь обособленное положение (употребление в качестве ДМ), что видно ниже на примере лексемы *vidhivat* ‘согласно предписанию’.

- (2) *idaṃ cāstram tu kṛtvā 'sau māmeva svayamādītaḥ
vidhivadgrāhayāmāsa marīciādītmstvahaṃ munīn*
(Manusmṛti I: 58)
‘Создав это учение, сам он научил **должным образом** меня, а я – мудрецов, начиная с Маричи’.

В данном контексте *vidhivat* употреблено в функции приглагольного обстоятельства.

- (3) *evaṃ gr̥hācrame sthitvā vidhivat snātako dvijaḥ
vane vaset tu niyato yathāvadvijitaindriyaḥ* (Manusmṛti VI: 1).
‘Дваждырождённый ученик брахмана, **согласно предписанию**, побывав в статусе домохозяина, пусть живёт в лесу, обуздывая свои чувства, **как положено**’.

Способность к совместному употреблению (т. е. употреблению в пределах одной фразы), по мнению Фрэнк-Джоб, «обесценивает» слова, лишая их лексического значения и придавая им статус ДМ. Гораздо более ярким примером данного явления можно считать следующую шлоку:

- (4) *vaitānikaṃ ca juhuyādagnihotraṃ yathāvidhi
darçamaskandayan parva paurṇamāsaṃ ca yogataḥ*
(Manusmṛti VI: 9)
‘Следует приносить жертву на трёх священных огнях, **согласно предписанию**, не пропуская день новолуния и **надлежащим образом** день полнолуния’.

Пропуск глагола во втором стихе шлоки, возможно, вызван желанием соблюсти стихотворный размер, однако же внутренняя форма наречия *yogataḥ* (согласно Йоге) затемнена и слово воспринимается лишь как показатель осведомлённости отправителя сообщения в данной области знания.

В дальнейшем представляется необходимым рассматривать древнеиндийские произведения, относящиеся к разным периодам, поскольку функции некоторых единиц или даже целого класса единиц могут меняться с течением времени. Например, Э. Трауготт (Traugott 2006: 538) говорит о важности диахронического взгляда на дискурс, поскольку меняются социальные условия и, как следствие, условия бытования текста. Руко-

водствуясь этим принципом, она исследует диахроническое развитие английского ДМ *after all* (Traugott 2006: 556). В древнеанглийском *after* – пространственный и временной предлог ('за' 'после'), в сочетании с существительным означавший 'в соответствии с'. К началу XVIII века за данным выражением закрепляется дискурсивное использование: становится возможным использование *after all* в начале предложения. Подобный путь возможно обнаружить и у древнеиндийских дискурсивных слов при диахроническом рассмотрении их употребления.

Сходства между наречием и ДМ в санскрите (отсутствие форм словоизменения; способность синтаксически связываться как с глагольной, так и с именной группой; богатство генетических связей) и также наличие полифункциональных слов, способных выступать как в значении наречий, так и в функции ДМ, приводят к выводу о необходимости выработки критериев отнесения словоформ к тому или иному из рассмотренных разрядов или объяснения полифункциональности таковых словоформ. Различия, обнаруженные между наречиями и ДМ (синтаксическая изолированность и размывание семантики последних) помогают установить эти критерии. Наблюдение над прагматикализацией наречий позволяет проследить пути развития полифункциональных слов. Чёткое разграничение ДМ и наречий на материале древних языков позволяет не только составлять адекватные переводы текстов, но и создавать программы для машинного перевода, а также имеет значение для разработки типологической теории дискурса и исторической прагматики.

Литература

- Барроу 1976 – Барроу Т. Санскрит / Перевод Н. Лариной, редакция и комментарий Т. Я. Елизаренковой. М.: Прогресс, 1976.
- Болдырева 2008 – Болдырева А. А. Авторитетность в научной коммуникации // Серия «Аспекты языка и коммуникации». Вып. 4. Воронеж: Воронежский государственный университет; Издательский дом Алейниковых, 2008. С. 88–97.
- Киселёва, Пайар 2003 – Киселёва К., Пайар Д. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство // Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. М.: Азбуковник, 2003. С. 8–27.
- Кобозева, Захаров 2004 – Кобозева И. М., Захаров Л. М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Труды междунаrod. конф. Диалог'2005 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». М.: 2004. С. 292–297.

- Мещанинов 1945 – Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1945.
- Подлесская, Кибрик 2009 – Подлесская В. И., Кибрик А. А. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: 2009. С. 390–396.
- Сухорукова 2011 – Сухорукова Н. И. Лексические маркеры авторитетности источника сообщения в специализированном финансовом дискурсе // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 42. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 56–68.
- Томмола 2008 – Томмола Х. Прямо прямо идёт, а с нею не разми- нётся (о статусе дискурсивных слов и частиц) // Lindstedt J. & al. (eds). С любовью к слову. Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday. Slavica Helsingiensia 35. Helsinki, 2008. С. 410–420.
- Топоров 1961 – Топоров В. Н. О некоторых аналогиях к проблемам и методам современного языкознания в трудах древнеиндийских грамматиков // Краткие сообщения Института народов Азии, LVII. М., 1961. С. 123–133.
- Харитоновна 2013 – Харитоновна К. В. Функции наречий времени в санскрите и древнеирландском языке // Современные методы сравнительно-исторических исследований. Материалы VIII Между- народ. научно-практической конф. по сравнительно-историческому языкознанию. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 307–309.
- Шапошников 2002 – Шапошников А. К. Божественный прародитель Ману и его предписания добродетели. // Законы Ману, пер. С. Д. Эльмановича. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002, С. 5–12.
- Эрвин-Трипп 1975 – Эрвин-Трипп С. М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социоллингвистика. М.: Прогресс, 1975, С. 336–362.
- Blakemore D. Discourse Markers // Horn L., Ward G. (eds). The Handbook of Pragmatics. Blackwell Publishing, 2006. P. 221–241.
- Frank-Job 2005 – Frank-Job B. A dynamic-interactional approach to dis- course markers // Fischer K. (ed.), Approaches to Discourse Markers. Elsevier Ltd., 2005. P. 395–413.
- Schiffrin 2001 – Schiffrin D. Discourse Markers: Language, Meaning, and Context // Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H. E. (eds). The Hand- book of Discourse Analysis. Blackwell Publishers, 2001. P. 54–76.
- Traugott 2006 – Traugott E. C. Historical Pragmatics // Horn L., Ward G. (eds), The Handbook of Pragmatics. Blackwell Publishing, 2006, P. 538–562.

**K. V. Kharitonova. Pragmaticalization of Adverbs in Sanskrit
(Based on verbal markers of authority in *Manusmṛiti*).**

Traditionally indeclinable words in Sanskrit are joined into the class called *avyaya*. It is difficult to set criteria for dividing this class into smaller lexical-grammatical groups. There are some polyfunctional words serving as both prepositions (preverbs) and adverbs. However, the separation is

needed, because various parts of speech have various meanings, and we should consider it in the process of translation.

It is worth noticing that there are some other classes of words having the same grammatical characteristics as adverbs. On the other hand, these words lose their lexical meaning and they are used not as adverbs but as discourse markers. Therefore, it is also important to examine such bifunctional words and the pragmaticalization process.

I argue that Sanskrit texts like *Manusmṛti* can be considered as the components of discourse. At the example of verbal markers of authority I try to describe bifunctional words in Sanskrit. Later on, it will help to set the criteria for division of *avyaya* into lexical-grammatical groups of adverbs, discourse markers, prepositions *etc.*

Ключевые слова: санскрит, неизменяемые части речи, наречия, прагматикализация, дискурсивные маркеры, полифункциональные слова, *Manusmṛti*.

THE CONCEPT OF CONSCIENCE IN THE SERMONS OF JOHN TAULER AND ITS EUCHARISTIC CONTEXT

В статье исследуется контекст употребления термина «совесть» в проповедях Иоганна Таулера и демонстрируется определенная устойчивость его использования, преимущественно в евхаристическом контексте. В этой связи центральным элементом в понимании совести является интенция Таулера интерпретировать ее как преимущественно метафизическое и онтологическое, а не этическое понятие. Совесть представляет собой определенную форму самопознания, что подтверждает этимология немецкого слова *gewissen* и интерпретация латинского термина *conscientia*. Заслуживающим внимания также представляется факт увеличения частотности использования термина *conscientia* в результате рецепции проповедей Таулера в Нидерландах в XV в.

Ключевые слова: Иоганн Таулер, средневековые немецкие проповеди, Таулер в Нидерландах.

It is a commonplace to argue that John Tauler could be considered one of the most important thinkers who made significant contribution to the development of the notion of conscience during the early stages of the development of the German theological and philosophical terminology (Weilner 1961: 162). Meanwhile, in the works that are unambiguously attributed to Tauler (as far as we know, he wrote exclusively in German), the German word for conscience (*gewissen* as equivalent to the North German word *sanwiczekeit*) is completely absent (Störmer-Caysa 1998: 8–9) what is typical for the 14th century. Nevertheless, it is documented in the Dictionary of the Brothers Grimm.¹

The phenomenon of conscience is described in the extant works of Tauler by the verb *gewîzen* and its adverbial forms. On the other hand, the Latin term *conscientia* is incorporated into the German texts by Tauler in its original or often in a little modified form. Meanwhile, neither the verb *gewîzen*, nor the participle *gewîzet* originally signify “conscience”, rather they denote some specific cognitive functions related either to self-recognition, or to some sort of deep inner awareness, for example, of the other people and motives of their actions and sins (Störmer-Caysa 1998: 16–18, 282).

---

¹ DWB (online-version 23. 11. 2013): *gewissen* IV (fem. u. neutr.).

It means that from the cognitive point of view *conscience* must be understood by the majority of the German medieval authors as self-knowledge (Haas 1971), or spiritual knowledge (Ozment 1969) which let the human soul learn itself.

Perhaps, the most interesting topic to investigate in this respect is a detailed study of meanings of the verb *gewîzen* and its adverbial forms invented by Tauler, who combined them with other concepts referring to *conscience*, and discovered new options for previously unknown meanings in them. These are the reasons for considering Tauler a thinker who developed the concept of *conscience* in a new and very special way.

The absence of the German term *gewissen* in the texts by John Tauler is compensated to some extent by the Latin term *conscientia* which he uses in his German sermons, and by the interference of meanings associated both with this term and with the concept of *synderesis* in a number of passages which have their roots in the philosophical literature of Stoicism (Störmer-Caysa 1998: 2). It is evident from the surviving manuscripts of the sermons by Tauler which were used in the editions by Ferdinand Vetter (Vetter 1910) and Adolphe Corin (Corin 1924). Some sermons demonstrate a particularly frequent reference to the concept of *conscientia*, especially sermon number 16 in the edition by A. Corin (Corin 1924: 320–322) which is absent in the edition by F. Vetter.

The fact that the extant texts by Tauler lack any elaborated concept of *synderesis* may challenge stereotypical interpretations of his role and place in the German mysticism. According to U. Störmer-Caysa, both terms used by Tauler (*gewîzen* and *conscientia*) are very close to Tauler's interpretation of *synderesis* in its understanding in the works by Meister Eckhart, namely, as a kind of “grounds of conscience”. Therefore, U. Störmer-Caysa believes that the modern German word “Gewissensgrund” – “the foundation of conscience”, is the most correct way to express its meaning (Störmer-Caysa 1998: 129–133; Willing 2004: 148, Anm. 52–53).

Tauler pays more attention in his sermons to a detailed description of how the conscience works in the soul when communication of man with God is defiled by sin. Metaphorical brilliance and extraordinary expressiveness of his language reach their maximum strength and meaningfulness in these passages. For example, in one of his sermons Tauler compares the work of the conscience in the human soul with the act of chewing:

“Take the word of St. Bernard: 'If we take physical food to us, so we chew it first, and then it drops gently down into the body'. What does this chewing? St. Bernard says: 'When we eat the God, we are eaten by Him. He consumes us.' When He consumes us? He does it when He punishes us for our mistakes, opens our inner eyes and lets us recognize our infirmities. The God eats us, bites and chews us when He rebukes our conscience. As food in the mouth is moving back and forth this and that way, man is tossed about in fear and dread, sadness and in great bitterness under the judgment of the God, and he does not know how it will happen to him” (“*Nu nemen wir S. Bernhartz wort. Als wir lipliche spise essent, so kúwen wir zem ersten, und denne sinket si nider in den lichamen senfteklich. Was ist dis kúwen? Sprach S. Bernhardus: 'wenn wir Got essen, so werden wir von im gessen; so isset er uns.' Wenne isset uns Got? Das tût er wenne er in uns unser gebresten straffet und unser inwendigen ogen uf tût und git uns ze erkennende unser gebresten; wan sin essen das straffet die consciencie, das bissen und das kúwen: als man die spise in dem munde wirffet um her und dar, also wirt der mensche in dem straffende Gotz har und dar geworfen in angst unde vorchte und in trurikeit und in grosse bitterkeit, und enweis wie es im ergan sülle*”, Vetter 1910: 294, 19–30).²

I think that it is hardly a coincidence that such a strong physiological metaphor was used by Tauler in his sermon on the Catholic feast of Corpus Christi.³ Colorful bodily imagery does not at all contradict the spiritual purpose of the preaching, but, on the contrary, leads to it. The main purpose of preaching is to prepare people for the central event of the liturgy, the Eucharist, and thus, to unite men perfectly with the God. It is represented here both through bodily metaphors and in their sublime spiritual meaning as the essence of what actually takes place during the service in the church. But the most important point here is that both bodily and spiritual aspects are inseparable in the Eucharist, and none of them can implement without the other. And more importantly, both of them

² See in particular the meaning of the motive “When we eat God, we are eaten by Him” in the book “Nim din selbes war” by A.M. Haas (Haas 1971: 99).

³ Sermon on Corpus Christi Day “*Oui manducat meam carnem et bibit meum sanguinem, in me manet et ego in eo*” (Ion. 6, 56). See more on this subject in L. Gnädinger (Gnädinger 1993: 344, Anm. 189) and A. Vogt-Terhorst (Vogt-Terhorst 1920: 127).

operate on the human person directly and without any intermediation inside of the human nature (Gnädinger 1993: 344–347).

Therefore, the discourse on conscience is closely associated for Tauler with the Eucharistic context. In general, it is the most frequent context of the use of the word *conscientia* in the works by Tauler. Unfortunately, it has been consciously or unconsciously ignored by Protestant interpreters since the time of the Reformation (Ozment 1969: 44–45). Tauler believes that it is necessary for human beings to allow the voice of conscience to speak in the soul and to hear it, to realize their own sinfulness and to purify the conscience in order to be properly prepared to receive the sacrament of the Eucharist, thus, to be prepared for the immediate unity of the believer with the God. Exactly for this unity you must first confess your sin – it is a kind of justification of the sacrament of confession, followed by purification of conscience (repentance), and only after that you can take the God into your mouth and unite with Him (the sacrament of the Eucharist). Indeed, a large number of Tauler's texts demonstrate considerable frequency of the term *conscientia* in those passages where the Eucharistic context is particularly important, for example, the sermon number 16 of the Corin's edition.

The fact that Tauler's sermons were read in the later Middle Ages in this context is confirmed, for example, by the combination of these texts together with sermons and quotations from the writings of St. Augustine (and Pseudo-Augustine) addressed to the monks of the desert and partly dedicated to the theme of conscience. In particular, this combination is found in the manuscript Koninklijke Bibliotheek te Brussel, No. 2283/84 (Cat. II, 1167). It dates back to about 1440. A Dutch translation of Tauler's sermons is placed in it after the sermons of St. Augustine. Interestingly, among the sermons of the Bishop of Hippo the compiler of the manuscript highlights his sermons on conscience. He tells about them in a little preamble that precedes the text of the sermons: “*Hier beghint die tafele der sermonen des helighen augustini totten broederen inder woestinen, lvi. Vpden vierden sondach inden aduent 'Van puerheit der consciencien', iij*” (“Here begins the table of contents of the sermons of St. Augustine to the brothers in the desert, 56. Among them there is a sermon on the fourth Sunday of Advent 'On the purity of conscience', 3”; f. 1b); “*Van puerheit der consciencien dat xxii sermoen*” (“On the purity of conscience, sermon 22”; f. 3a; Lieftinck 1936: 3, 5). The sermons of Tauler form the second part of this

manuscript; they are placed immediately after these texts without any gap between the two parts of this collection of texts (ff. 60v–141a).

The noticeable change in frequency of the term *conscientia* caused by translation of Tauler's texts from German into Dutch is of great interest. The use of the word *conscientia* in the Dutch translation becomes more frequent because appropriate sermons are selected for translation, and additional inserts into the text are made by translators and compilers. An anonymous compiler explains the reasons for this transformation of terminological frequency. He uses the Latin language for this purpose, perhaps because it is neutral with respect to both languages – German and Dutch. According to him, the frequency increases due to the translation of Tauler's German text into the Flemish dialect: "*isti sermones magis correcti secundum linguam flamingam*" ("The sermons are mostly corrected respectively to Flemish language"; f. 60v; Lieftinck 1936: 6).

The increase in the frequency of the term *consciencie* in the Dutch translations of Tauler's sermons can be illustrated with a very interesting example of two manuscripts from Utrecht and Ghent containing the Dutch version of the Tauler's sermon number 16 which is dedicated to the Eucharist (numeration according to the Corin's edition which is based on the Vienna manuscript ÖNB 2744). There are two main points in this sermon specifically related to our subject: 1) high density of the use of the term *consciencie* which is quite atypical on the whole for the texts by Tauler; 2) conceptual connection of conscience and the sacrament of Eucharist. It is reasonable to assume that in this case the second point can explain the first one.

In one of the passages of this sermon the key elements of Tauler's idea of conscience are formulated in one sentence showing the internal mechanism of interdependence of repentance and purity of conscience:

"They must behave as if they are the greatest sinners, and they must have repentant conscience which arises from the immaculate purity. And when there will be no mediation in them, and there will be no punishment in their conscience, then they will find peace" (Vetter 1924: 322, 7–10).

If Utrecht manuscript reproduces this passage almost literally, the manuscript from Ghent admits some changes. As a result, the word *consciencie* appear in Ghent manuscript three times instead of two in Vienna manuscript:

Corin 1924: 322, 7–10	Ms. Utrecht ⁴	Ms. Gent ⁵
sy soilen sich halden, dat si die groiste sûnder sin vnd si solen hain eyne groenende <u>consciencie</u> , die kompt vs oyûender lûterheit; wan alle middel aûe sint, dat geyn straiffen in der <u>consciencien</u> inist, so steyt sy zovreiden.	Sij solen sich halden dat sij die groetste sonder sijn Ende si solen hebben eene gruenende <u>consciencie</u> die comet wt onbeulecter luterheit. Wanne alle middel af sijn dat geyne strauen inder <u>consciencien</u> en sy.	Sy suelen hon houden voer die groefste sundaren die leuen Sy suelen hebben een ghesaette <u>consciencie</u> die coemt wt eenre onbeulecder luterheit Sich mynsche dan es die <u>consciencie</u> puer reyne edel luter ende onbeuelct wanneer dat alle dat myddel af es dat es als daer gheen scrueen en es inder <u>consciencien</u> Want dan soe staet sy gans te vreden.

The essential connection of conscience and the Eucharist is associated in Tauler's text with particular depth in the perception of the flesh and blood of Christ. This experience has at the same time spiritual and sensual nature. Thus, conscience becomes not just a kind of spiritual place for *contemplatio et imitatio Christi*, but also a place where the Passion of Christ and His sacrifice on the Cross are presented immediately as a living reality in the Eucharistic Sacrament. Therefore, it is not surprising to find in a sermon dedicated to some aspects of the sacrament of the Eucharist and also preserved in a Dutch version these highly enthusiastic words:

“Come into the stream flowing from the heart of our Lord Jesus Christ, flowing from the power of the Deity. His heart, nailed to the cross, was punctured with a sharp spear. In this stream you renew your spirit and clean your conscience, no matter how much it is polluted. Put on the bloody clothes dipped in the blood of the Lamb. Harden yourself in the power of the Divine. And so you prepare yourself for spiritual dying” (Ms. Utrecht, Universiteitsbibliotheek, No. V. E. 18, Cat. 1027, f. 136a, CXXXV; Lieftinck 1936: 355, 20–29: “*Ganck inden stroume de daer vlietet wten herten ons heren ihesu cristi ende wt vlietet wter cracht der gotheit Dat hert waert op gedaen op den myddaghemit eenen scerpen speer In desen stroûme vernûwe dijnen geest ende reynighe dijne consciencie of sy beulect*”

⁴ Universiteitsbibliotheek, No. V. E. 18, Cat. 1027 (U.), f. 120b (CIXX); Lieftinck 1936: 269, 12–18

⁵ Universiteitsbibliotheek, No. 1330 (G. 2), f. 73b; Lieftinck 1936: 269, 12–24

sy. *Cleyde dich mitten bluede des lams. Sterck dich mitter cracht der gotheit, so bereydestu dy totten geestliken dode*”).

Summarizing the main characteristics of Tauler's understanding of the concept of conscience, we can say that, according to him, the following view is decisive: the action of conscience must be connected with the inner work in the soul, without any external action in order to prepare a human soul properly for the Eucharist. The central element of Tauler's understanding of conscience is the idea that it is a metaphysical and ontological category, and not a moral category *par excellence*. The important role of conscience on the way of a man to the God is determined by the fundamental bond between them: when a man moves away from the God, his conscience reminds him of it. The main context of using the word *conscientia* in the writings of John Tauler demonstrates its close conceptual relation to the thematic field of the Eucharist. It means that all deep spiritual and metaphysical notions of conscience as an incomprehensible activity of the foundation of the soul are connected to the practical purpose of the preacher – to prepare the congregation for the Communion.

References

- DWB – Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm, 16 Bde. in 32 Teilbänden. Leipzig, 1854–1961; Quellenverzeichnis: Leipzig, 1971; Online-Version 23.11.2013.
- Gnädinger 1993 – Gnädinger L. Johannes Tauler: Lebenswelt und mystische Lehre. München: Beck, 1993.
- Haas 1971 – Haas A. M. Nim din selbes war. Studien zur Lehre von der Selbsterkenntnis bei Meister Eckhart. Johannes Tauler und Heinrich Seuse. Freiburg/Schweiz: Universitätsverlag, 1971 (Dokimion 3).
- Lieftinck 1936 – Lieftinck G.I. De middel nederlandse Tauler-hand-schriften. Groningen: J.B. Wolters' Uitgevers-Maatschappij N.V., 1936.
- Ozment 1969 – Ozment S. E. Homo spiritualis. A Comparative Study of the Anthropology of Johannes Tauler, Jean Gerson and Martin Luther (1509–16) in the Context of Their Theological Thought. Leiden: Brill, 1969 (Studies in Medieval and Reformation Thought 6).
- Störmer-Caysa 1998 – Störmer-Caysa U. Gewissen und Buch: Über den Weg eines Begriffes in die deutsche Literatur des Mittelalters. Berlin, N.Y: de Gruyter, 1998 (Quellen und Forschungen zur Literatur- und Kulturgeschichte 18/248).
- Vetter 1910 – Die Predigten Taulers / hrsg. von Ferdinand Vetter, Berlin, 1910 (unveränderter Nachdruck: Dublin/Zürich, 1968).
- Corin 1924 – Sermons de J. Tauler et autres écrits mystiques / ed. Adolphe L. Corin. Vol. I. Liège: Vaillant-Carmanne, 1924.

- Vogt-Terhorst 1920 – Vogt-Terhorst A. Der bildliche Ausdruck in den Predigten J. Taulers. Breslau, 1920 (Germanistische Abhandlungen, 51).
- Weilner 1961 – Weilner I. Johannes Tauler Bekehrungsweg: Die Erfahrungsgrundlage seiner Mystik. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 1961 (Studien zur Geschichte der katholischen Moraltheologie 10).
- Willing 2004 – Willing A. Literatur und Ordensreform im 15. Jahrhundert. Deutsche Abendmahlsschriften im Nürnberger Katharinenkloster. Münster: Waxmann, 2004 (Studien und Texte zum Mittelalter und zur frühen Neuzeit 4).

M. L. Khorkov. The concept of conscience in the sermons of John Tauler and its Eucharistic context

The paper investigates context of the use of the term “conscience” in the sermons by John Tauler, showing its certain theoretical consistency. It consists in the fact that the main context of the use of the term “conscience” in Tauler’s writings is determined by the discourse on Eucharist. The central element of his understanding of conscience is therefore the intention to interpret it as a metaphysical and ontological, not as a *prima facie* moral category. Conscience is a form of human self-knowledge, as it is evident in the etymology of the German word *gewissen* and in the interpretations of the Latin term *conscientia* by the German authors of the Middle Ages. It also seems noteworthy for the history of the reception of Tauler’s texts that the frequency of use of the word *conscientia* increases in the 15th century together with the Dutch translation of his sermons.

Key words: John Tauler, German medieval sermons, Tauler in the Netherlands.

Д. А. Черноглазов

**PLURALIS REVERENTIAE –
НОРМА ВИЗАНТИЙСКОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО
ЭТИКЕТА?***

Задача настоящей статьи – охарактеризовать специфику pluralis reverentiae («множественного вежливости») в византийской эпистолографии IX–XII вв. Анализируются письма 17 авторов. Демонстрируется, что в течение изучаемого периода происходит постепенный отказ от pluralis reverentiae. В Византии «множественное вежливости» так и не стало устойчивой этикетной нормой. Чаще всего оно употреблялось в составе застывших формул с личными и притяжательными местоимениями, унаследованных от ранневизантийской эпохи.

Ключевые слова: Pluralis reverentiae, множественное вежливости, pluralis majestatis, эпистолография, эпистолярный этикет, византистика, византийская литература, древнегреческий язык, среднегреческий язык.

Об эпистолярном этикете византийцев написано немало. Помимо работ, уже ставших классическими (Koskenniemi 1956, Thraede 1970, Karlsson 1959), можно упомянуть вышедшую совсем недавно монографию М. Грюнбарта о формах обращения у византийцев (Grünbart 2005). Но многие аспекты этой темы остаются еще неизученными, и в частности – такая проблема как употребление множественного числа в значении единственного. В каких случаях было принято говорить о себе «мы» вместо «я»? Было ли такое употребление знаком скромности (pluralis modestiae), величия (pluralis majestatis) или обладало какой-либо иной функцией? Насколько у византийцев был распространен pluralis reverentiae – почтительное обращение на «вы»? Все эти вопросы, важность которых представляется очевидной, по странности остаются до сих пор без ответа. Наиболее полно эта тема освещается в монографии Х. Зиллиакуса, но его наблюдения, сконцентрированные на античности, доходят лишь до VI в н. э. (Zilliacus 1953). В настоящей статье делается попытка хотя бы отчасти восполнить пробел: тема нашего исследования – pluralis reverentiae («множественное веж-

---

* Исследование осуществляется при содействии РГНФ, проект 15-03-00138

ливости», обращение к одному лицу во множественном числе) в эпистолографии средневизантийской эпохи (IX–XII вв).

Классической древности *pluralis reverentiae* был совершенно чужд (Dickey 1996). Обычай обращаться к одному человеку на «вы» в знак уважения к нему, т. е. *pluralis reverentiae*, начинает формироваться лишь на закате античности, и происходит это параллельно в греческом и латинском языке. Существует мнение, что *pluralis reverentiae* возник как реакция на *pluralis majestatis*, т. е. множественное величия: сначала римские императоры начали говорить и писать о себе «мы», а потому уже и к ним, в свою очередь, стали обращаться на «вы». В действительности, это не совсем так: в греческой традиции «множественное вежливости» распространилось несколько раньше, чем *pluralis majestatis*, и возникло оно отнюдь не в придворной среде, а бесконечно далеко от нее – в позднеримской и ранневизантийской бытовой переписке, дошедшей до нас на папирусах. Значительный рост обращений на «вы» к одному лицу наблюдается в папирусах с III в. При этом изначально, по-видимому, эта форма еще не была выражением почтительности: обращаясь к адресату во множественном числе, автор письма подразумевал его семью, друзей или домочадцев (Zilliacus 1953: 53–57). Лишь позже, в V–VII вв., обращение на «вы» приобретает привычное для нас значение – оно становится знаком вежливости, начинает выражать уважение к адресату, пиетет к высокопоставленному лицу. Языковое явление, зародившееся в бытовой среде, со временем укореняется и в сфере высокой литературы: *pluralis reverentiae* все чаще появляется в «литературной» эпистолографии – здесь особо выделяются письма Феодорита Киррского – и даже в придворной поэзии, ориентированной на античную традицию. Так, Константинополь обращается на «вы» к императору Юстиниану под пером Павла Силенциария (Paul. Descr. 227: 229, 242); в «Ираклиаде» Георгия Писиды автор обращается во множественном числе к императору Ираклию (Pisid. Heracl. II. 24–25); автор ранневизантийской эпиграммы обращается на «вы» к Христу (API. 25).

Такова ситуация, сложившаяся в греческом языке на рубеже античности и средневековья. Что же происходит дальше? Если зарождение и становление *pluralis reverentiae* в античности, вплоть до VI в, в общих чертах изучено, то дальнейшая судьба этого языкового и литературного явления остается *terra incognita*. Цель нашей статьи – охарактеризовать специфические

черты и эволюцию «множественного вежливости» в рамках средневизантийского периода (IX–XII вв.). Исследование проводилось на материале эпистолярных собраний следующих авторов: Игнатий Диакон (VIII–IX вв), Феодор Студит (VIII–IX вв), Фотий (IX в), Николай Мистик (IX–X вв), Никита Магистр (IX–X вв), Феодор Дафнопат (X в), Феодор Кизический (X в), Симеон Логофет (X в), Лев Синадский (X–XI в), Никифор Уран (X–XI в), Иоанн Мавропод (XI в.), Михаил Пселл (XI в.), Феофилакт Охридский (XI–XII вв.), Михаил Италик (XII в.), Феодор Протром (XII в.), Иоанн Цец (XII в.), Георгий Торник (XII в.).

В первую очередь, мы попытались выяснить, насколько часто византийские эпистографы обращались к своим адресатам во множественном числе. Однако, прежде чем перейти к анализу полученных данных, необходимо указать на методологическую проблему, возникающую при выявлении *pluralis reverentiae* в византийских письмах. Нередко автор в пределах одного послания обращается то к одному лицу – адресату, имя которого, как правило, указано в заглавии письма – то к группе лиц, близких друзей, родственников адресата, братии монастыря и т. д. Вспомним, что письма византийцев зачастую уже изначально планировались для публичного оглашения! В таких условиях мы неизбежно сталкиваемся со спорными случаями, где трудно понять, обращается ли автор на «вы» к одному адресату, или имеет в виду группу людей, возможно, физически присутствующих при чтении письма? Если, например, автор, давно покинувший столицу, обращается к другу, до сих пор живущему в Константинополе, и напоминает ему об их разговоре, «когда я прощался с вами» (συντάττομενος ὑμῖν – Maur., ер. 67. 3) – это «множественное вежливости», или намек на общих друзей, с которыми он тоже тогда простился? При подсчете количества писем, содержащих *pluralis reverentiae*, эти спорные случаи нами, как правило, не учитывались.

Итак, данные нашего исследования уместно представить в форме таблицы. В первом столбце таблицы указаны имена исследованных авторов и общее количество сохранившихся посланий; во втором столбце указано число писем, проанализированных нами¹; в третьем – число писем, в которых мы зафик-

¹ Эпистолярные собрания Феодора Студита, Фотия, Николая Мистика были проанализированы частично (по 100 писем каждого автора), остальные – полностью. Из числа исследуемых были исключены послания, адресованные группе лиц.

сировали *pluralis reverentiae*; в четвертом – сколько процентов эти письма составляют от общего числа исследованных.

Игнатий Диакон, 63	62	47	76%
Феодор Студит, 554	100	3	3%
Фотий, 299	100	7	7%
Николай Мистик, 193	100	45	45%
Никита Магистр, 31	31	1	3%
Феодор Дафнопат, 40	36	13	36%
Феодор Кизический, 83	78	16	20%
Симеон Логофет, 80	77	11	14%
Лев Синадский, 52	50	0	0%
Никифор Уран, 50	49	0	0%
Иоанн Мавропод, 77	73	2	3%
Михаил Пселл, 545	100	0	0%
Феофилакт Охридский, 135	132	14	11%
Михаил Италик, 34	34	0	0%
Феодор Продром, 20	20	0	0%
Иоанн Цец, 107	102	4	4%
Георгий Торник, 26	26	0	0%

Даже поверхностный анализ писем перечисленных авторов явно показывает: по частоте употребления *pluralis reverentiae* они между собой значительно расходятся. Так, например, Игнатий Диакон обращается на «вы» весьма часто, в 76 % своих писем, а его современник Феодор Студит, напротив, крайне редко – всего в 3% посланий. Конечно, столь явные расхождения могут объясняться и спецификой эпистолярного собрания (преобладанием личной или деловой переписки), особенностями авторского стиля или индивидуальной манеры общения, но некоторую общую закономерность все же можно отметить – частота употребления «множественного вежливости» постепенно снижается, а к XII в. падает почти до нуля. Наиболее высокий показатель демонстрирует автор начала IX в. Игнатий Диакон (76%); из последующих эпистографов такого уровня уже никто не достигает, но в начале и середине X в. *pluralis reverentiae* все еще активно употребляется – у Николая Мистика в 45% писем, у Феодора Дафнопата в 36% и т. д.; у авторов, живших на рубеже X и XI вв., Никифора Урана и Льва Синадского, не удается найти ни одного примера почтительного обращения на «вы»; та же тенденция сохраняется в XI – из всех

писем Иоанна Мавропода мы обнаружили pluralis reverentiae лишь в двух посланиях, а из 100 писем Михаила Пселла – вообще ни в одном; в письмах большинства авторов XII в. «множественное вежливости» тоже полностью отсутствует – единичные случаи можно найти только у Феофилакта Охридского и Иоанна Цеца.

Таким образом, мы можем более или менее уверенно утверждать, что вежливое обращение на «вы», весьма распространенное в ранневизантийскую эпоху, постепенно выходит из употребления, а в XI–XII вв. почти вовсе отмирает. Какими причинами может быть обусловлен этот процесс? Наиболее вероятное объяснение связано с влиянием античной традиции, которое стало заметно возрастать как раз с эпохи Македонского ренессанса. Видимо, византийцы понимали, что обычай обращаться к одному человеку во множественном числе совершенно чужд аттической норме, и потому все чаще старались его избегать. Показательно, что в Западной Европе, где авторитет латинской античной традиции был намного слабее, pluralis reverentiae, напротив, упрочил позиции и постепенно кристаллизовался в устойчивую этикетную норму (Wolff 1986, 1988; Ehrismann 1901).

Однако, если в XI–XII вв. о «множественном вежливости» практически забывают, то для IX–X вв. это распространенное явление, воспринятый от предшественников прием, и наша задача – выяснить, в каких случаях и по отношению к кому византийцык этому приему прибегали. Характеризуя письма Феодорита Киррского (V в.) (Zilliacus 1953: 63–66), исследователь утверждает: в употреблении pluralis reverentiae Феодорит последователен – он обращается на «ты» к близким друзьям и духовным лицам, а на «вы» к вельможам и чиновникам, представителям светской власти. Попытка обнаружить подобную последовательность хотя бы у одного из интересующих нас авторов, начиная с Игнатия Диакона и заканчивая Симеоном Логофетом, неминуемо обернется неудачей. Так, Игнатий обращается на «вы» и к церковным иерархам (Ign., ep. 9–13, 18 и др.), и к личному другу, хартофилаку Никифору (ep. 4, 14, 18 и др.) и даже к ученику Константину, которого он называет *φίλτατε παῖδων* (ep. 57) – к этим же самым адресатам он в равной степени обращается и в единственном числе; Николай Мистик пишет «вы» и «ты» как римскому папе (Nic. Myst., ep. 53, 56) и митрополитам (ep. 41, 57, 58 и др.), таки высокопоставленным

мирянам (ep. 35, 69, 91 и др.), причем *pluralis reverentiae* вполне совместим с обращением *téknon* (ep. 35, 109, 117, 119 и др.); сохранилось девятнадцать писем Феодора Кизического Константину VII Багрянородному, и в двенадцати из них митрополит обращается к императору исключительно в единственном числе²; у Феодора Дафнопата *pluralis reverentiae* в сходных пропорциях фиксируется и в личной, и в официальной переписке, причем в личных письмах он обращается на «ты» к императору (Theod. Daphn., ep. 12–14, 16), а на «вы» – к ссыльному чиновнику, нуждающемуся в утешении (ep. 38, 40). Обозначить какие-либо социальные категории адресатов или определенные ситуации, которые бы требовали обращения во множественном числе – значило бы оценивать византийский этикет сквозь призму современной нормы, пытаться увидеть в нем то, что мы наблюдаем в новых европейских языках. Следует также отметить, что – опять-таки в отличие от нынешней ситуации – обращение на «вы» почти никогда не выдерживается последовательно на протяжении всего письма³. Как правило, автор в пределах одного текста свободно переходит с единственного числа на множественное и наоборот; иногда это происходит даже в рамках одного предложения⁴.

Итак, если характер взаимоотношений с адресатом, его социальное положение едва ли влияет на выбор между обращением в единственном и во множественном числе, то какие же факторы этот выбор определяют? Трудно с уверенностью ответить на вопрос, дать ответ на который, видимо, затруднились бы и сами византийцы. Но все же можно предположить, что предпочтительно обращение на «вы» появлялось в составе ряда устойчивых эпистолярных формул и выражений. Так, видимо, наиболее часто *pluralis reverentiae* фиксируется в составе абстрактных формул почтительного обращения, содержащих личное местоимение в родительном падеже или притяжательное местоимение: ἡ ὑμετέρα βασιλεία («Ваша царственность»), ἡ ὑμῶν ὀσιότης

² Theod. Cyz., ep. Vind. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 17, 47, 51, Ath. 2, 4, 6, 8, 9, 11, 13, 14, 16, 17 – выделены письма, в которых обращение на «вы» отсутствует.

³ Из 100 писем Николая Мистика *pluralis reverentiae* содержится в 45, но ни в одном не соблюдается последовательно, на протяжении всего послания. Игнатий Диакон употребляет «множественное вежливости» в 47 письмах, но лишь в 4 из них обращается к адресату исключительно на «вы»: Ign., ep. 5, 7, 16, 17

⁴ Примеры таких переходов см. ниже.

(«Ваше преподобие»), ἡ ὑμῶν τελειότης («Ваше совершенство»), ἡ ὑμετέρα εὐγένεια («Ваше благородие») и т. д. Есть немало примеров, когда все письмо выдержано в единственном числе, за исключением такого рода формул. Например⁵:

Nic. Myst., ep. 35. 12–16:

Ἀλλ' ὁμῶς ἐπειδὴ γράμματα ἐδεξάμεθα παρὰ τοῦ τῶν κτημάτων αὐτῆς προεστῶτος ... ὑπόμνησιν ποιούμενα τοῦ γράψαι πρὸς τῆν ὑμῶν μεγαλοπρέπειαν, ὥστε τῆς σῆς ἀντιληπτικῆς χειρὸς ἐν ἀπολαύσει αὐτὸν τετυγχάνειν καὶ τοὺς καταπεπιστευμένους αὐτῶ τῆς ἐκκλησίας τόπους⁶

Эти формулы порой разрастаются и состоят из нескольких слов:

Ign., ep. 16. 4–5:

Ἐπιγνώτω οὖν ἡ ἀμίμητος ὑμῶν ἐπ' ἀρετῆ τελειότης τὸν τὸ γράμμα τῆς ἡμετέρας κομίζοντα μετριότητος⁷

Впрочем, надо отметить, что и в таких оборотах вполне допустимо единственное число. Иногда, например, в пределах одного послания адресат именуется то «Ваше преподобие», то «Твое преподобие» (Ign., ep. 10. 1, 24).

Обращение на «вы», разумеется, зачастую вводится и помимо указанных формул, но оно выражено, в большинстве случаев, исключительно различными формами местоимений ὑμεῖς и ὑμέτερος⁸. Случаи, когда личное местоимение влечет за собой согласованное с ним причастие или прилагательное, встречаются, но они уже относительно редки. Например⁹:

⁵ См. также: Theod. Stud., ep. 34; Nic. Myst., ep. 33, 35, 45, 56, 58, 59, 64, 66, 76, 109, 114; Nic. Mag., ep. 8 (единственный случай употребления pluralis reverentiae у Никиты Магистра!); Sym. Log., ep. 12, 14; Theod. Suz., ep. Ath. 31; Theod. Daphn., ep. 2, 6, 29; Theophyl., ep. 10, 12, 96

⁶ Но когда мы получили письмо от управляющего ее имениями... напоминающее о том, чтобы написать Вашему великолепию, так чтобы и он получил заступничество от твоей руки, и вверенные ему церковные имения.

⁷ Ваше неподражаемое в добродетели совершенство да окажет благосклонность к доставившему письмо нашей мерности.

⁸ Из 45 писем Николая Мистика, содержащих pluralisreverentiae, он выражен исключительно местоимениями в 40 (89%), из 16 писем Феодора Кизического – в 13 (81%), из 11 писем Симеона Логофета – во всех (100%).

⁹ См. также: Ign., ep. 5, 23; Phot., ep. 3, 8; Nic. Myst., ep. 93, 94, 106, 130; Theod. Daphn., ep. 38; Maur., ep. 54; Theophyl., ep. 79, 85.

Ign., ep. 49. 6–7:

καὶ δέδοικα πρὸς τοὺς ἀρχιερατεία λαμπρὸν ἀποστίλβοντας ὑμᾶς
προσφθέγγεσθαι τι καὶ προσομιλεῖν διὰ γράμματος¹⁰.

И, наконец, есть форма, которую византийские авторы вводить всячески избегают – это именно то, что в современных европейских языках употребляется совершенно свободно, личные глагольные формы второго лица множественного числа. Нежелательность употребления такой формы в отношении одного лица наглядно показывает такой пример:

Theod. Daphn., ep. 38. 37–39:

Ἄλλ' οὐχ ὑπὲρ Χριστοῦ, φαίης' ἄν, ὑμῖν τὸ παθεῖν, τὸ πᾶν δὲ φθόνος ἴσχυσε καθ' ὑμῶν. Εἰμὲν οὖν τῷ τοῦ Χριστοῦ πολεμίᾳ καὶ τῆς αὐτοῦ πολιτείας ὀλέθρῳ πέπτωκας, θαρρεῖν δέον καὶ μέγα φρονεῖν...¹¹

Автор явно испытывает стремление обращаться к адресату на «вы», но личные формы в pluralis он употреблять явно избегает и потому, среди предложения переходя со множественного числа на единственное, допускает очевидный анаколупф. Впрочем, нет правил без исключений, и единичные примеры pluralis reverentiae с личными глагольными формами во множественном числе все же можно найти¹²:

Theod. Stud., ep. 16. 44–47:

Ὅστε εἰ βούλοισθε τῇ βασιλείᾳ ὑμῶν συγκροτεῖν τὰ μέγιστα καὶ διὰ τῆς βασιλείας ὑμῶν πᾶσι τοῖς Χριστιανοῖς, ἰσόρροπον τὸ ὅσον εἰς δύναμιν τῆς κατὰ τὴν βασιλείαν ἀρετῆς ὑμῶν δέξεται καὶ ἡ ἐκκλησία τὸν ἑαυτῆς πρόεδρον¹³.

Судя по всему, употребление глагольных форм второго лица множественного числа было нетипично для pluralis reverentiae и в ранневизантийскую эпоху: из 31 письма Прокопия Газского

¹⁰ Страшусь как-либо обратиться и писать письма Вам, ярко блистающим архиерейским [служением].

¹¹ Но не за Христа, скажешь ты, Вам [приходится] страдать, но зависть [людей] всецело одолела Вас. Если ты пал жертвой врага Христова и губителя Его града, то следует испытать дерзновение и гордость...

¹² Ign., ep. 9, 18, Nic. Myst., ep. 106; Theod. Cuz., ep. Ath. 19; Theophyl., ep. 18

¹³ Если Вы желаете оказать великую помощь Вашей царственности, а чрез Вашу царственность и всем христианам, то пусть Церковь воспримет как предстоятеля мужа равновесного по могуществу Вашей царственной добродетели.

(V–VI вв.), где употребляется «множественное вежливости», личные глагольные формы в pluralis, обозначающие одно лицо, появляются лишь дважды. О той же закономерности свидетельствуют и примеры из других эпистолярных собраний и из позднеантичных папирусов, приводимые Х. Зиллиаксом (Zilliacus 1953: 52–76).

Итак, отвечая на вопросы, поставленные в начале статьи, можно утверждать: pluralis reverentiae был известен византийцам, но – в отличие от западноевропейской традиции – он так и не сформировался как устойчивая этикетная норма со своими правилами и законами: выделить ситуации, в которых «множественное вежливости» было бы обязательным или даже предпочтительным, навряд ли возможно. Обращение на «вы» появляется чаще всего в составе застывших формул с личными и притяжательными местоимениями, унаследованных от ранневизантийской эпохи. По мере того как растет влияние античной традиции, эти клише постепенно выходят из употребления – по всей вероятности, как элементы corruptae graecitatis.

Источники

- Ign. – Ignatii Diaconi epistolae / Ed. C. Mango. Dumbarton Oaks, 1997.
 Maur. – Ioannis Mauropodis Euchaitorum metropolitae epistulae / Ed. A. Karpozilos. Thessalonicae, 1990.
 Nic. Mag. – Nicétas Magistros. Lettres d'un exilé (928–946) / Ed. L. G. Westerink. Paris, 1973.
 Nic. Myst. – Nicolai I Constantinopolitani patriarchae epistolae / Edd. R. J. H. Jenkins, L. G. Westerink. Dumbarton Oaks, 1973.
 Phot. – Photii patriarchae Constantinopolitani epistulae et amphilochia / Rec. B. Laourdas et L. G. Westerink. Vol. I–III. Bibliotheca Teubneriana. Leipzig, 1983–1985.
 Sym. Log. – Épistoliers byzantins du Xesiècle / Ed. J. Darrouzès. Paris, 1960.
 Theod. Cyz. – Lampros S. P. Ἐπιστολαὶ ἐκ τοῦ Βιενναίου κώδικος phil. gr. 342 // Νέος Ἑλληνομνῆμων. Τ. 19–20. 1925–1926.
 Theod. Daphn. – Théodore Daphnopatès. Correspondance / Ed. I. Darrouzès, L. G. Westerink. Paris, 1978.
 Theod. Stud. – Theodori Studitae epistulae / Ed. G. Fatouros. Bd. 1–2. Berolini, 1992.
 Theophyl. – Theophylacti Achridensis epistulae / Rec. P. Gautier. Thessalonicae, 1986.

Литература

- Dickey 1996 – Dickey E. Greek Forms of Address from Herodotus to Lucian. Oxford, 1996.

- Ehrismann 1901 – Ehrismann G. Duzen und Ihr zenim Mittelalter // Zeitschrift fur deutsche Wortforschung. Bd. 1. 1901. S. 117–149.
- Grünbart 2005 – Grünbart M. Formen der Anrede im byzantinischen Brief vom 6. bis zum 12. Jahrhundert. Wien, 2005.
- Karlsson 1959 – Karlsson G. Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine. Uppsala, 1959.
- Koskenniemi 1956 – Koskenniemi H. Studien zur Idee und Phraseologie des griechischen Briefes bis 400 n. Chr. Helsinki, 1956.
- Thraede 1953 – Thraede K. Grundzüge griechisch-römischer Briefftopik. München, 1970.
- Wolff 1986 – Wolff P. Premières recherches sur l'apparition du vouvoiement en latin medieval // Comptesrendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 130e année, N. 2, 1986. P. 370–383.
- Wolff 1988 – Wolff P. Nouvelles recherches sur le vouvoiement: quatre poèmes épiques, quatre formes d'adresses, quatre temperaments nationaux? // Comptesrendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 132e année, N. 1, 1988. pp. 58–74.
- Zilliarius 1953 – Zilliarius H. Selbstgefühl und Servilität. Studien zum unregelmässigen Numerusgebrauch im Griechischen. Helsingfors, 1953.

D. A. Chernoglazov. Pluralis reverentiae as a norm of the Byzantine epistolary etiquette?

The use of plural instead of singular (1st person – *pluralis modestiae*, *pluralis majestatis*; 2nd person – *pluralis reverentiae*) is a crucial aspect of the Byzantine etiquette. The aim of the present paper is to recognize specific features of *pluralis reverentiae* in the Byzantine epistolography from the 9th to the 12th c. Letters of 17 authors are analyzed, including Theodoros Studites, Photios, Nicholas I Mystikos, Michael Psellos, John Tzetzes etc. Our research allows us to draw the following important conclusions:

1. During the Middle-Byzantine period the frequency of use of *pluralis reverentiae* is gradually decreasing: Ignace the Deacon (9th c.) uses it in 76% of his letters, the contemporaries of Constantine VII Porphyrogenetos much less often (from 3% to 45%), the authors of the Comnenian renaissance only in exceptional cases; e.g., in the letters of Michael Italikos and Theodore Prodromos no one example can be found. This trend is probably caused by the increasing influence of classical tradition: Byzantine intellectuals avoided using *pluralis reverentiae*, which was completely alien for the classical antiquity.

2. It is hardly possible to indicate any situations, when addressing a partner in plural would be obligatory or at least strictly recommended. Most frequently *pluralis reverentiae* can be found in some typical courtesy formulas, including an abstract noun and a personal or possessive pronoun (e.g. “Your Majesty”, “Your Reverence”). As a rule the “plural of politeness” was expressed only by pronouns; adjectives, participles and especially verbs were normally used in singular.

Keywords: Pluralis reverentiae, pluralis majestatis, epistolography, epistolary etiquette, Byzantine literature, Old Greek, Middle Greek.

ТЕРМИН «РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ» И БРАТЬЯ ШЛЕГЕЛИ

Автор пытается уточнить дату появления термина «романские языки». Для этого он выбрал названия языков в «МитриDATE» Аделунга (стр. 463–484), в статье Ваксмута (1816), у Ф. Ренуара, в «Замечаниях» А. Шлегеля (1818) и в «Поэзии трубадуРОВ» Ф. Дица (1826 г. – глава «О провансальском языке»). Приоритет принадлежит А. Шлегелю, Диц только следует его примеру.

Ключевые слова: термины «романские языки», «новолатинские языки», И. К. Аделунг, В. Ваксмут, Ф. Ренуар, А. В. Шлегель, Ф. Диц.

Казалось бы, что проще: в 1836 г. вышел в свет первый том «Грамматики романских языков» (Grammatik der romanischen Sprachen) Фридриха Дица. На самом деле термин появился почти на 20 лет раньше и притом далеко не сразу. Его любопытную историю в трудах немецких и французских филологов первой трети XIX в. имеет смысл проследить. Параллельно нам придется затронуть и так называемый «романский вопрос», т. е. проблему происхождения романских языков (из вульгарной латыни, как думают и сейчас, или из некоего промежуточного «романского языка» – теория Ф. Ренуара).

1. Adelong J. C., Vater J. S. Mithridates Berlin, 1809. Bd. II.
S. 462–467, 476–485¹.

classische Sprache – 463b
romana rustica – 463b, 477c
gemischte Sprache – 463b, 464c (vermischte)
Umgangssprache – 464a (höhere)
Sprache des Volkes – 464b
Muttersprache – 464c, 482b
Volksdialect – 465a
Tochter – 465c, 484a
Mutter – 465c, 479a, 484a
reichere Sprachen – 466b
Sprache der oberen Klasse und der Schriftsteller – 476a

---

¹ Буквы *a*, *b* и *c* означают начало, середину и конец страницы.

barbarisches Latein – 476с
 Töchter des Lateins – 477a; 478с, с, 483b
 neue(re) Sprache – 478a, a (neue dritte), 483a, 485b, с (aus dem Latein hervorgegangene)
 Volkssprache – 478a (alte), 482a, с, 484b (rohe)
Römische oder *Romanzische* (Sprache) – 478b
 Schwester – 483с, 485с
 Töchttersprache – 484b.

Из «Митридата» Аделунга я взял всего 14 страниц: конец раздела о латинском языке и введение к «дочерям латинского». Его концепция развития (понимаемого как порча) следующая: латынь по своему происхождению – это смесь кельтского и пелазгского с преобладанием последнего (463с, 465с); завоевание Греции и Азии привлекло в Рим массу необразованных иностранцев, что способствовало дифференциации латыни на благородную, «классическую», т. е. язык граждан первого класса и народную, *Romana rustica*, «потому что язык в деревнях был более испорченным» (464с). Расщеплению способствовал и изначально смешанный характер латыни, следствием которого была нефиксированность грамматических форм (*schwankende und unbestimmte Analogien*). Характеризуя латынь, Аделунг относит ее к синтетическим языкам (*reichere Sprachen*, 466b). Порчу латыни он объясняет падением нравов из-за легко приобретенного богатства и проникновением в высшие классы необразованных авантюристов, стекавшихся в Рим со всех концов земли (476a), – традиционная точка зрения римских ученых (Черняк 2004; 2006); в конечном итоге язык высших классов и писателей слился с римским народным языком, впад в окончательное варварство; весь процесс происходил с конца I в. н. э. до VI в. Примером этой варварской латыни могут служить тексты Григория Турского.

Возникновение «дочерей латыни» объясняется как следствие вытеснения латынью местных языков (477b), т. е., как мы бы сейчас сказали, романизацией провинций: римские солдаты, колонисты и торговцы несли в завоеванные страны *Romana rustica*, которая, смешиваясь с языками побежденных, всюду порождала нечто третье, отличное от обоих, которое все тем не менее упорно называли «римским» или «романским»². Возник-

² «Floß diese neue Sprache (т. е. еще более испорченная *rustica* – А.Ч.) in der Folge mit der alten Volkssprache zusammen, und bildete eine dritte, welche eben so verschieden war, als die in einander übergehenden Theile

новению из этого смешения «дочерей латыни» немало способствовали и вторжения чужеземцев и их расселение (478с). Непосредственную причину языкового сдвига автор видит в небрежном артикулировании уже и так искаженной латыни пришельцами с севера, т. е. в фонетике (479–480), что потребовало перестройки всей системы, завершившейся в период с VII по XII вв. (481с–482b).

Аделунг, как отмечает Я. Малкиел, не удостоился места в истории романской филологии³, но он явно хорошо понимал типологическое отличие романских языков как от латыни, так и от субстратов. Терминология «мать–дочь» восходит еще к Ж. Скалигеру (Черняк 1984: 282), ср. название одной из упомянутых автором книг, J. Aug. Egenolfi Diss. *de tribus Latinae linguae filiabus* s. de ortu fatisque linguae Hispan. Gall. Ital. Lips., 1704.

2. Schlegel Fr. von. Ueber die Sprache und Weisheit der Indier. Heidelberg, 1808. S. III–XVI, 3–86⁴.

romanische Sprachen – 34с (die sämtlichen aus dem Lateinischen abstammenden r. S.); 40с;
irreguläre Zeitwörter – 39b;
romanische Mundarten – 56с
römische Sprachen – 77a;

Сама мысль искать в книге Фридриха Шлегеля романские глоттонимы на первый взгляд должна показаться странной, тем более что этот оригинальнейший филолог (один из основоположников лингвистической типологии) ничем не проявил себя в романистике. Между тем он, как и его старший брат Август-Вильгельм, тоже был страстно увлечен поэзией трубадуров и, изучая в Париже санскрит в семинаре А. Гамильтона, подружился с посещавшим этот же семинар Ф. Ренуаром. Будучи незаурядным полиглотом, он несомненно еще раньше овладел в какой-то степени и прочими романскими языками. Так что упоминание последних в его книге о санскрите и

---

verschieden waren. Dessen ungeachtet wurde die neue dritte Sprache noch immer die *Römische* oder *Romanzische* genannt» (478a).

³ Malkiel 1973, но см. Черняк 1984: 294–295. Naarmann 1976 : 237, 241.

⁴ О Фридрихе Шлегеле см. Черняк 2014: 685–687; Nüsse 1962; Coseriu 1972a: 113–115; Koerner 1977. Мы рассматриваем здесь только романистическую терминологию.

вообще языках мира вполне естественно. Во всех приведенных случаях романские языки вместе с германскими и новоиндийскими фигурируют как результат закономерной эволюции флективных языков – готского, латыни и санскрита.

В подобных обстоятельствах трудно ожидать, чтобы наш автор походя и мимоходом придумал название важнейшей семьи европейских языков. Оно, вероятно, существовало во Франции задолго до Ф. Шлегеля, но как бы неофициально и латентно. Предпосылки для этого были в самих языках, точнее, в таких глоттонимах как ст.-фр. ст.-пров. *roman(s)*, пров. *lenga romana*, ретором. *romontsch* и, на Иберийском полуострове, *romance castellano/portugués* (Черняк 2011: 355–371 с литературой). Так что первые примеры нашего термина надо искать за Рейном и в предыдущем столетии, а на долю Фридриха останется только гениальная интуиция.

3. Wachsmuth W. Von der *lingua rustica latina und romana*

// Athenäum, 1816, Bd. I, H. 2. S. 271–304:

Töchter – 271b
 Muttersprache – 271c, 285a (rauhe)
 das Neue/Alte – 271c
 lingua romana rustica – 272a, b, 285b (eine neue), 301a, 302c u. öft.
 neue(re) (Landes)sprachen – 272b, 275b, 276b, 283b, c, 285c, 290b, 292c,
 298b, 300c, 303c, 304a, b, 305a
 klassisches Latein – 272b, 276a, 294c (Sprache)
 (lateinische) Volkssprache – 272b u. oft
 Latinität – 278c (richtige), 282b, 283b (alte)
 Rusticität – 279c (allgemeine)
 Sprache des gemeinen Volks – 280b
 schlechtes Latein – 280b
 Bauernlatein – 281c
 wahres Latein – 282c
 altes Latein – 282c
 Romanzo – 283a, c (oder *lingua romana rustica*), 303a, b, b, 305a
 vermeintliches Latein – 283b
 romance castiliano – 303c
 lateinische Töchttersprache(n) – 285b, 289b (gebildete), 290b
 allgemeine Volkssprache – 287a, 289a (eigentliche), 300c (niedere)
 gewöhnliches Gespräch – 292c,
 tägliches Gebrauch – 299b
 lingua vulgaris – 301a
 Pflegemutter – 304b (das Provenz.)
 romanisch – 304c (Volkssprache in Graubünden)

Вильгельм Вакмут (1787–1866) известен как историк (профессура в Лейпциге с 1825 г.), но начинал он как филолог (ADB 40 [1896] 423–424). В своей статье он представляет эволюцию латыни как борьбу *urbanitas* (латыни Города) против *rusticitas*, закончившуюся победой последней по чисто внутренним причинам⁵. Латынь уже приходилось серьезно учить, чем и занимались в провинциях (280–281). Местные языки – кельтский, пунийский – постепенно вытесняет «крестьянская латынь». Окончательно латынь умирает, когда появляется название *Romanzo*, обозначающее новый язык⁶; немцы (т. е. германцы – А. Ч.) только способствовали этому процессу, он произошел бы и без них (283b). Автор выстраивает схему (*rusticitas*) – *lingua romana rustica oder Romanzo* – *neuere Landessprachen* (283c). Эти местные языки при всей своей испорченности смогли ассимилировать германцев сначала в Италии, затем в Испании и на юге Франции, но к IX–X вв. и на ее севере (284–285). Разумеется, и для самих местных языков все это не прошло бесследно. Тем не менее влияние германских языков на грамматику «дочерей латыни» в отличие от фонетики было несущественным (296b).

4. Raynouard F. *Choix des poésies originales des troubadours*. T. I. Paris 1816. P. I–XX.

langue romane –
 idiome roman – IXb, XVIIb, XVIIIb
 langue vulgaire – XVIb, XVIIIb
 idiome vulgaire – X
 langue rustique romane – XXa
 (langue romane primitive – p. 41).
 (langue romane intermédiaire – 37)

Choix des poésies originales des troubadours. T. VI. Paris 1821 : I–XX

langue des troubadours –
 idiome vulgaire – Ic
 verbes etc. romans – II note, IIIa, XIIb, XVIb etc.

⁵ «Dies Verderbniß ist also keineswegs dem Andringen von außen beizumessen; es entwickelt sich aus dem Innern» (280a). Аделунг приписывал окончательную порчу латыни вторжению германцев (см. выше).

⁶ «Es ist aber nicht unwahrscheinlich, daß man ... die barbarische Sprachmischung immer fort für Latein hielt, bis der Name *Romanzo* eine neue Sprache bezeichnete» (283c).

langues de l'Europe latine – IVc, XIb etc. –
 langue romane – XIb, c, XIIa, XVc, XVIb, c
 langue romane primitive – XIc
 roman primitif – XIIIa
 roman – XIVc, XVc

Уже в первом томе *Choix* перед нами предстает ренуаровская концепция «первоначального/промежуточного романского языка», существовавшего вплоть до конца I тыс. н. э. и наиболее полно сохранившегося в языке трубадуров (Черняк 1984: 277–298; 2014: 664–732 – отсюда взяты дополнительные примеры в скобках). В шестом томе, «Grammaire comparée des langues de l'Europe latine», появляются прочие романские языки, именуемые «языками латинской Европы», термин, предваряющий ит. neolatino, -a, существующее вплоть по сей день, ср. название известного введения в романскую филологию К. Тальявини.

5. Schlegel A. von. Observations sur la langue et la littérature provençales. Paris 1818:

idiomes populaires – 12b
 idiomes/langues dérivés du latin – 5c, 13c, 17c, 28a, 32c, 37c, 39b, 38b, 53c, N. 106a
 langues modernes de l'Europe méridionale – 20c
 langues latines mixtes – 21c, 54b, N. 97c
 dialectes romans – 25a, 34c (2), 41a, 49b,
 idiomes romans – 61^a, N. 108c
 langues de la même famille – 8b, 33b
 langues romanes – 33c, N. 99b, 109b
 nouvelles langues vulgaires – N.99c
 latin barbare – N.111^a

Schlegel A.-G. de. De l'étymologie en général // Oeuvres écrites en français, publ. par E. Bocking. T. II. Leipzig, 1846. S. 103–148 :

langue(s)-mère(s) – 115b, 121b (commune)
 langues romanes – 118c, 140c
 langues vulgaires – 119b
 idiomes romans – 119b
 langue usuelle – 137a

О лингвистической концепции Августа Шлегеля написано довольно много (Десницкая 1984: 83–104, Черняк 1984: 287–288, 2014: 685–689). Он доработал стадиальную теорию своего младшего брата Фридриха (1. изолирующие языки; 2. аффиксальные

и 3. флективные или синтетические), ввел термин «синтетический» – «аналитический» язык и т. д. Непосредственно в романистике он успешно оспаривал теорию Ренуара о некоем промежуточном «романском» языке, возникшем из распада латыни (см. выше), противопоставляя ей теорию параллельного развития романских языков из смешения латыни с германскими языками и позднюю письменную фиксацию новых языков в отличие от новогреческого, задавленного традицией (De l'étym. 119a). Но главное в этой концепции, восходящей к Фридриху Шлегелю – постулат о неизбежности стирания флексии и замены ее аналитическими конструкциями, превращающими синтетический тип языка в аналитический.

Термин «романские языки» явно создан Шлегелем в пику «романскому языку» Ренуара, но возник он не сразу: в 1818 г. автор еще не может обойтись без перифраз-синонимов. В более позднем эссе, посвященном этимологии, таких колебаний уже нет.

6. Diez F. Ueber die provenzalische Sprache 1826, 285–329 (выборка сделана по перепечатке Баума; в некоторых случаях указаны страницы первого издания – они выделены жирно).

die verschiedenen neulateinischen oder romanischen Mundarten – 869a
 neulateinische Mundarten – 879c, 882a, b
 romanische Mundarten – 869b, c, 872c (**294**), 875b (**300**), 878c (**310**), 879a (**311**), 881b, 882c, 883c, 884c, 885a, 886c
 neuromanische Mundarten – 869b
 altromanischer Typus – 869b
 romanischer Sprachzweig – 869c
 das Romanische – 869c, 875a, 878b (**308**)
 höhere/niedere Latein des Volkes 870a (**287**), 871c
 gemeine Aussprache – 870b
 niedere Rede – 870b, 876b (**302**), 876b
 neuere Sprachen – 870c (**288**)
 romanische Sprachen – 871b (**289**), 872c (**293**), 882b (**319**), 885a
 Umgangssprache – 871b
 stammverwandte Mundarten – 873a
 verwandte Mundarten – 880a
 romanische Sprache – 873c (**295**), 874a (**296**), 877a (**305**), (879b, 882a (echte, alte Namen), 882b (frühere r. Nationalsprache), c, 883b, c, 884c, 885c, c, c
 romanische – 874b, c (Declination) **299**, 875a (Nomen), c (Grammatik), 877b (Sylbe), 881c (Europa)
 neue Sprache – 874c, 876a, 881a

neuere Sprache – 881a⁷
 Grundsprache – 874с, 885a
 neuere Mundarten – 875b
 occitanische Mundart – 875b, 879a
 neue Mundart – 876a (301)
 Ursprache – 879с
 allgemeine... Sprache – 882a
 Mundarten des lateinischen Europa – 882a
 altromanische (Sprache) – 882a, 884a (das A.)
 todte Sprache – 871с

В «романском вопросе» Диц стоит на позициях Августа Шлегеля с той лишь разницей, что он не придает большого значения германскому влиянию (не упоминая при этом имя Ваксмута, см. Diez 1826: 285–286).

В плане терминологии отметим отсутствие старых метафор «мать»–«дочь», а также ее неоднородность: рядом с «неолатинскими» и «новороманскими» (изобретение Дица?) фигурируют и «романские» диалекты и языки Шлегеля; встречаются и «диалекты латинской Европы» в стиле Ренуара. Термин «романский» (язык, слог и т. д.) автор употребляет недифференцированно, но попадаетея и «старо-романский». В дальнейшем кое-что Диц отбросил, но для нас сейчас важно другое: автором термина «романские языки» он не был.

И не на его книжке (*Grammatik der romanischen Sprachen*, 1836–1844) впервые появился новый термин – дата возникновения романской филологии⁸, – а у его друга (ему будет посвящен REW) Лоренца Дифенбаха в 1831 г. (Diefenbach 1831). Между ними еще втерся англичанин Льюис (Lewis 1835). Но Диц никогда и не стремился быть первым. Из него сделали первого.

Заключение

Таким образом, термином «романские языки» мы обязаны выдающемуся немецкому филологу, другу мадам де Сталь А.-В. Шлегелю и его младшему брату Фридриху. Впрочем, их вряд ли можно считать изобретателями этого названия. Но это не единственный результат нашего исследования. Почти

⁷ Попутно: Й. Адриан, приятель друга Дица К. Эбенау, использует в своей провансальской грамматике оборот *neuere Südsprachen* (Adrian 1825: 10, см. Baum II, 861a).

⁸ Термин *Romanist* появится уже в 1840 г., см. Christmann 1985:16. Отсюда до *Romanistik* только шаг.

одновременное появление конкурирующего названия «новолатинские языки» (явно по аналогии с новогреческим)⁹ наводит на размышления. Чем они различаются и почему сосуществуют до сих пор? Ответ довольно прост. Если романские языки происходят непосредственно из латыни («крестьянской», плебейской, народной и т. д.), они, конечно, должны называться «новолатинскими», так как название «романские» по логике предполагает какой-то пра- или протороманский, подобно тому как германские языки восходят к прагерманскому а славянские – к праславянскому (не к старославянскому!). Вероятно именно это имел в виду В. Ваксмут в 1816 г. под своей несколько курьезной схемой (*rusticitas*) – *lingua romana rustica oder Romanzo – neuere Landessprachen* (см. раздел 2)¹⁰. Аделунг и Ренуар мыслили примерно так же.

Таким образом Август Шлегель, заменив в пылу полемики ренуаровский «промежуточный романский язык» на «романские языки/диалекты» и, утвердив новый термин своим огромным авторитетом, оказал последнему сам того не зная большую услугу. Впрочем, это далеко не единственный парадокс в непростой истории «романского вопроса».

Литература

ИЯКФ – Индоевропейское языкознание и классическая филология I–XI. СПб.: «Наука».

Десницкая 1984 – Десницкая А. В. Лингвистические взгляды братьев Шлегель и их роль в формировании исторического языкознания // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины

---

⁹ Этот термин вскоре станет доминирующим в Италии, ср. статью К. Тальявини в итальянской энциклопедии: *Lingue neolatine e romanze* // *Enc. it.* XXIV, 586b. Кто ввел его в обиход, неизвестно (Battisti-Alessio, *DEI* IV, 2569a s. v.), но санкционировал его Г. Асколи в посвящении Ф. Дицу (!) основанного им в 1873 г. журнала «*Archivio glottologico italiano*». Впрочем, он встречается и у Гастона Париса, см. его предисловие к французскому переводу «Грамматики» Дица: «*Raynouard avait entrevue la possibilité d'écrire une grammaire comparée des langues néo-latines... Diez écrit cette grammaire*» (цит. по: Storost 1986: 296).

¹⁰ Согласно этой схеме следовало бы называть романские языки скорее *новороманскими*, подчеркивая тем самым, что они возводятся не к латинскому, а к обще- или протороманскому. Когда Диц в 1826 г. пробовал разные термины, он не упустил и *neuromanische Mundarten* – 869b / 886 (см. выше). Насколько я знаю, этот термин больше никогда не рассматривался.

- XIX в. / Отв. ред. чл.-корр. АН СССР А. В. Десницкая. Л.: «Наука», 1984. С. 54–104.
- Черняк 1984 – Черняк А. Б. Франсуа Ренуар, Фридрих Диц и проблема возникновения романских языков к середине XIX в. // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX в. / Отв. ред. чл.-корр. АН СССР А. В. Десницкая. Л.: «Наука», 1984. С. 277–298.
- Черняк 2004 – Черняк А. Б. Языковая ситуация в древнем Риме: сообщения древних авторов // ИЯКФ, VIII. СПб., 2004. С. 304–314.
- Черняк 2006 – Черняк А. Б. Периодизация латыни у Исидора Севильского (Isid. Etymol. IX,1) // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований / отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. II, ч.1. СПб., 2006. С. 327–341.
- Черняк 2011 – Черняк А. Б. ROMANUS, ROMANICUS, *ROMANICE // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований / отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. VII, ч. 1. СПб.: «Наука», 2011. С. 355–371
- Черняк 2014 – Черняк А. Б. Фридрих Диц – основатель романской филологии // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований / отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. X, ч. 1. СПб.: «Наука», 2014. С. 664–732.
- Adrian 1825 – Adrian J. V. Grundzüge zu einer provenzalischen Grammatik nebst Chresthomatie. Frankfurt/M.: Sauerländer, 1825.
- ADB – Allgemeine deutsche Biographie.
- Baum 1993 – Baum R. Friedrich Diez, dargestellt und dokumentiert // Romanistik: eine Bonner Erfindung. Hggv. von Hirdt W. Bonn: Bouvier Verlag, 1993. Т. I. S. 45–140; Т. II. S. 459–913.
- Christmann 1985 – Christmann H. H. Romanistik und Anglistik an der deutschen Universität im 19 Jh. Wiesbaden, 1985.
- Diefenbach 1831 – Diefenbach L. Ueber die jetzigen romanischen Schriftsprachen, mit Vorbemerkungen über Entstehung, Verwandtschaft u.s.w. dieses Sprachstammes. Leipzig, 1831.
- Diez 1826 – Diez Fr. Ueber die provenzalische Sprache // Diez Fr. Die Poesie der Troubadours. Zwickau, 1826. S. 285–329 (= Baum 1993 II: 869–890); 2. Afl. Hrsg. von K. Bartsch. Leipzig, 1883. S. 260–293
- Haarmann 1976 – Haarmann H. Die Klassifikation der romanischen Sprachen in den Werken der Komparativisten aus der zweiten Hälfte des 18. Jhd. // In memoriam F. Diez. S. 221–243.
- In memoriam F. Diez – In memoriam Friedrich Diez. Akten des Kolloquiums zur Wissenschaftsgeschichte der Romanistik (Trier, 2.–4 Okt. 1975). Hgg. von H.-J. Niderrehe und H. Haarmann. Amsterdam, 1976.
- Lewis 1835 – Lewis. G. C. An essay on the origin and formation of the Romance languages. Oxford, 1835,
- Malkiel 1973 – Malkiel Y. Adelung-Vater's pioneering survey of Romance languages and dialects (1809) // Studii și cercetări lingvistice, Cluj. Т. 24/5 (1973). P. 589–593.
- Schlegel, De l'étym. – Schlegel A.-G. de. De l'étymologie en général // Oeuvres écrites en français / publ. par E. Bocking. Т. II. Leipzig, 1846. P. 103–148.

Storost 1986 – Storost J. Der Beitrag Lorenz Diefenbachs zur Entwicklung der romanischen Sprachwissenschaft // Beiträge zur romanischen Philologie. 1986. XXV/1. S. 287–304.

Wachsmuth 1816 – Wachsmuth W. Von der *lingua rustica latina* und *romana* // Athenäum, 1816, Bd. I, H. 2. S. 271–304.

**A. B. Chernyak. The term «Romance languages»
and brothers von Schlegel**

The design of the paper is to ascertain the date and the proposer of the linguistic term «Romance languages». The author examines all the corresponding definitions in J. C. Adelung's «Mithridates» (within 10 pages of the text), W. Wachsmuth's «Von der *lingua rustica latina* und *romana*» (publ. in 1816), F. Raynouard's «Choix des poésies originales des troubadours» (within 25 pages), Schlegel's «Observations» (publ. in 1818) as well as in F. Diez' «Ueber die provenzalische Sprache» and comes to a conclusion that Schlegel was the first to use the term under consideration and F. Diez followed him.

Keywords: Romance languages, Neolatin languages, J. C. Adelung, W. Wachsmuth, F. Raynouard, A. von Schlegel, F. Diez.

СРАВНЕНИЕ КАК РИТОРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ У АРИСТОТЕЛЯ

Статья посвящена теории сравнения в «Риторике» Аристотеля: ее эксплицитной части, т. е. наблюдениям относительно того, какие аспекты проблемы сравнения являются в трактате приоритетными, а также анализу ряда фрагментов из греческих авторов (Гомер, Платон и др.), используемых Аристотелем в качестве примеров, иллюстрирующих различные виды сравнения, и представляющих имплицитную часть его теории. Аристотель стал первым автором, у которого не просто дано описание сравнения, но показаны разносторонние возможности этого художественного приема в целом, его разнообразие и его «многообразие».

Ключевые слова: сравнение, литературное сравнение, метафора, античная риторика, Аристотель.

В современной научной литературе, посвященной теоретическим проблемам античной мысли, вопрос о категории сравнения разработан существенно меньше в сравнении с метафорой, и в этом смысле работа ирландского ученого Марша Макколла «Античные риторические теории уподобления и сравнения» (McCall 1969) до сих пор является одной из самых фундаментальных.

В настоящей статье будет предложен анализ теории сравнения у Аристотеля, который первым дал подробное описание как метафоры, так и сравнения, сформулировав основные положения, касающиеся этих категорий. В его «Риторике» сравнение представлено в двух качествах: как средство риторического доказательства и как элемент стиля. Это связано с направленностью и задачами трактата, в котором первая и вторая книги посвящены методу нахождения средств убеждения (εὕρεσις), а непосредственно учению о стиле посвящена последняя, третья книга «Риторики».

Доказательство является одним из способов убеждения, а пример (παράδειγμα) – это вид доказательства. Аристотель выделяет исторический пример, когда приводятся действительные факты, и вымышленный, то есть придуманный оратором. Последний в свою очередь может выразиться в виде παραβολή, то

есть притчи, которая, если принять во внимание примеры, приводимые Аристотелем, является, выражаясь современным языком, не чем иным, как развернутым сравнением (о развернутых сравнениях см. Корольков 1972: 125):

παραβολή – вид доказательства, которое использовал Сократ: например, если бы кто-нибудь сказал, что не следует избирать власти по жребию, ибо это подобно тому, как если бы кто-нибудь избирал по жребию в атлеты не тех, кто в состоянии состязаться, но тех, кому выпадает жребий, или из корабельщиков избирал по жребию того, кому нужно управлять кораблем, как будто это нужно делать не знающему человеку, а тому, кому выпадет жребий (Аристотель 1978: 104).

Сравнение, которое вводится здесь словами ὅμοιον γὰρ ὄσπερ ἂν εἴ ‘точно так же’, ‘как если бы’, служит для убеждения, что по жребию выбирать власти не следует. Недопустимость этого мнения подтверждается рассмотрением подобных ситуаций в делах атлетическом и морском.

Παραβολή, таким образом, являясь иллюстрацией какого-либо конкретного случая, используется как средство убеждения, то есть рассматривается как риторическая форма доказательства, связанная с историческим примером¹. Если Аристотель соотносит сравнение (εἰκόνη) и метафору, то другие античные критики – исторический пример и вымышленный пример-сравнение (McCall M. 1969: 26).

Среди достоинств стиля Аристотель указывает на выражения, способствующие его ясности, а среди них особое положение занимает метафора, чье значение подчеркивалось еще в «Поэтике»².

¹ А. А. Потебня охарактеризует эти два явления через формулы: «частное есть действительное, т.е. нечто принимаемое за исторический факт» (παραδείγμα) и «частное есть возможное» (παραβολή) (Потебня 1990: 181). Это, несомненно, восходит к соотношению двух этих средств в античной риторике.

² μεταφορά δὲ ἐστὶν ὀνόματος ἀλλοτρίου ἐπιφορά ἢ ἀπὸ τοῦ γένους ἐπὶ εἶδος ἢ ἀπὸ τοῦ εἶδους ἐπὶ τὸ γένος ἢ ἀπὸ τοῦ εἶδους ἐπὶ εἶδος ἢ κατὰ τὸ ἀνάλογον (Poetica, 21, 1457b) ‘Метафора есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии’ (Аристотель 1957: 109).

В «Риторике» основной вид метафоры обозначается греческим термином εἰκὼν. И это, как следует из слов Аристотеля, и есть сравнение³:

«Сравнение (εἰσὼν) есть также метафора, так как между тем и другим существует лишь незначительная разница. Так, когда поэт [говорит] об Ахилле: «он ринулся, как лев», это есть сравнение. Когда же он говорит: «лев ринулся» – это есть метафора: так как оба обладают храбростью, то поэт, пользуясь метафорой, назвал Ахилла львом. Сравнение бывает полезно и в прозе, но в немногих случаях, так как [вообще оно относится] к области поэзии. [Сравнения] следует допускать так же, как метафоры, потому что они – те же метафоры и отличаются от последних только вышеуказанным (Аристотель 1978: 134)⁴.

Затем говорится о взаимозаменяемости метафоры и сравнения:

Все эти [выражения] можно употреблять и как сравнения, и как метафоры, и очевидно, что все удачно употребленные метафоры будут в то же время и сравнениями, а сравнения, [наоборот, будут] метафорами, раз отсутствует слово сравнения [«как»]⁵ (Аристотель 1978: 134–135).

Аристотель, делая акцент на общей природе сравнения и метафоры, настаивает на главенстве метафоры, подчеркивая, что разница между ними – в наличии слова, вводящего сравнение.

Не менее важным является указание на область употребления сравнения («так как [вообще оно относится] к области поэзии»). Поэтическая функция и становится тем свойством сравнения, которое отличает его от метафоры, поскольку для Аристотеля ценность удачных метафор (см. ниже) – способ-

³ Само слово εἰκὼν как риторический термин у Аристотеля встречается лишь в III книге «Риторики». В остальных контекстах оно не имеет терминологического характера, и даже в «Поэтике» оно не употребляется как термин.

⁴ Ἔστιν δὲ καὶ ἡ εἰκὼν μεταφορά: διαφέρει γὰρ μικρόν: ὅταν μὲν γὰρ εἴπῃ [τὸν Ἀχιλλέα] “ὡς δὲ λέων ἐπόρουσεν”, εἰκὼν ἐστίν, ὅταν δὲ “λέων ἐπόρουσε”, μεταφορά: διὰ γὰρ τὸ ἀμφω ἀνδρείους εἶναι, προσηγόρευσεν μετενέγκας λέοντα τὸν Ἀχιλλέα. χρήσιμον δὲ ἡ εἰκὼν καὶ ἐν λόγῳ, ὀλιγάκις δὲ ποιητικὸν γάρ. οἰστέαι δὲ ὡς περ αἱ μεταφοραὶ: μεταφοραὶ γὰρ εἰσι, διαφέρουσαι τῷ εἰρημένῳ (Rhet. III, 4, 1406b20–26).

⁵ πάσας δὲ ταύτας καὶ ὡς εἰκόνας καὶ ὡς μεταφορὰς ἕξεστι λέγειν, ὥστε ὅσαι ἂν εὐδοκίμῳσιν ὡς μεταφοραὶ λεχθεῖσαι, δῆλον ὅτι αὐταὶ καὶ εἰκόνας ἔσονται, καὶ αἱ εἰκόνας μεταφοραὶ λόγου δεόμεναι (Rhet. III, 4, 1407a, 11–15).

ность поучать, а чрезмерная поэтичность может ослабить это качество. Что же касается сравнения, то и ему, вследствие «поэтичности по природе», поучительность свойственна не всегда.

Элемент наставления важен для процесса убеждения, и убедительность того или иного приема зависит и от того, даст ли он новое знание, то есть стилистические средства, по Аристотелю, достойны похвалы лишь до тех пор, пока они поучительны:

Естественно, что всякому приятно легко научиться [чему-нибудь], а всякое слово имеет некоторый определенный смысл, поэтому всего приятнее для нас те слова, которые дают нам какое-нибудь знание⁶ (Аристотель 1978: 142–143).

Самой полезной в этом отношении является, по Аристотелю, метафора, а так как сравнение связано с метафорой, то и оно может быть поучительно и обладать качеством τὸ ἀστέιον. Поэтому Аристотель продолжает:

То же самое действие производят уподобления⁷, употребляемые поэтами, и потому они кажутся изящными, если только они хорошо выбраны. Уподобление, как было сказано раньше, есть та же метафора, но отличающаяся присоединением [слова сравнения]; она меньше нравится, так как она длиннее, она не утверждает, что «это – то», и наш ум этого не требует⁸ (Аристотель 1978: 143).

То есть сравнение менее поучительно, чем метафора, вследствие своей растянутости и высокой степени прозрачности.

Пассаж о сравнении, вновь основанный на предшествующем рассмотрении метафоры, примечателен утверждением о том, что удачные сравнения содержат в своем составе элемент метафоричности:

⁶ Кеннеди указывает на связь этого фрагмента с первой строкой «Метафизики» (Kennedy 2007: 218 п. 97): «Все люди от природы стремятся к знанию» (Аристотель 1976: 65).

⁷ Как видно, Н. Платонова использовала для перевода εἰκόν в «Риторике» слово «уподобление», и слово «сравнение», в то время как терминологическое значение в русском языке получило лишь слово «сравнение», его мы считаем наиболее уместным в данном фрагменте.

⁸ ποιούσιν μὲν οὖν καὶ αἰτῶν ποιητῶν εἰκόνες τὸ αὐτό· διόπερ ἂν εὖ, ἀστέιον φαίνεται. ἔστιν γὰρ ἡ εἰκὼν, καθάπερ εἴρηται πρότερον, μεταφορὰ διαφέρουσα προθέσει· διὸ ἥττον ἡδύ, ὅτι μακροτέρως· καὶ οὐ λέγει ὡς τοῦτο ἐκεῖνο· οὐκοῦν οὐδὲ ζητεῖ τοῦτο ἡ ψυχὴ (Rhet. III, 10, 1410b, 15–20). Кирби отмечает, что смысл последнего тезиса не совсем ясен (Kirby 1997: 545).

*Сравнение удачно, когда в нем есть метафора*⁹
(Аристотель 1978: 148).

Возможно, имеется в виду, что именно сравнение, содержащее метафору, несет в себе элемент поучительности, то есть включает в себе то, о чем нужно догадаться, а не говорит прямо, что это похоже на то, так как обладает теми-то и теми-то общими признаками. Поэтому такое сравнение-метафора удачно¹⁰.

После нескольких примеров удачных сравнений следует утверждение о важности и полезности таких сравнений в поэтическом творчестве:

*На этом, то есть когда [сравнение] неудачно, поэты всего чаще проваливаются, и за это же, то есть когда [сравнение] удачно, их всего больше прославляют*¹¹ (Там же).

То есть способность использовать удачные сравнения – это, по Аристотелю, один из критериев успеха поэта.

Все эти положения – эксплицитная часть теории Аристотеля. Обратимся теперь к примерам εἰκόν в третьей книге, являющимися имплицитной частью его теории. Материал для этих примеров взят из поэтов, ораторов, историков и философов: это Гомер, Платон, Перикл, Демосфен, Антисфен, Андротион, Феодамант, Демократ. Однако только для четырех из восемнадцати примеров εἰκόν могут быть приведены их действительные источники: «Илиада» Гомера и «Государство» Платона.

Одно из сравнений у Платона Аристотель приводит так:

И [сравнение, прилагаемое] к народу, что он подобен кормчему корабля, сильному, но несколько глухому (Аристотель 1978: 134).

Пример взят из VI книги «Государства» (488а), где Адиамант просит Сократа объяснить, почему государству необходимо, чтобы им правили философы, и Сократ отвечает:

⁹ τὸ δὲ εὖ ἐστὶν ὅταν μεταφορὰ ᾗ (Rhet. III, 11, 1413a, 5).

¹⁰ Вероятно, все это можно свести к понятию метафорического сравнения, описанного, например, Б. В. Томашевским: «Метафорический эпитет есть первый шаг к метафорическому сравнению. Вместо «жемчужные зубы» можно сказать «зубы, как жемчуг». Здесь еще нет момента психологического сравнения, но словесная форма уже подходит к нему. Если же мы скажем, что «зубы своим цветом и блеском похожи на жемчуг», то мы имеем уже законченное сравнение» (Томашевский 1996: 60).

¹¹ ἐνοῖς μάλιστα τ' ἐκλίπτουσιν οἱ ποιηταὶ ἐὰν μὴ εὖ, καὶ ἐὰν εὖ, εὐδοκιοῦσιν (Rhet. III, 11, 1413a, 10–11).

«Твой вопрос требует ответа с помощью уподобления (δι' εἰκόνοσ)», затем заключая: «Так выслушай же мое уподобление, чтобы ещё больше убедиться, как трудно оно мне даётся» (Платон 1994: 267).

Сравнение, приводимое Сократом – развернутое описание сильного, но глуховатого, близорукого и мало смыслящего в мореходстве кормчего, а также моряков, стремящихся управлять кораблем, несмотря на то, что никогда этому не учились. Пассаж начинается так:

Так вот, представь себе такого человека, оказавшегося владельцем одного или нескольких кораблей. Кормчий и ростом, и силой превосходит на корабле всех, но он глуховат, а также близорук и мало смыслит в мореходстве... (Там же).

Слово сравнения (ὄμοιος) в тексте оригинала, т. е. у Платона, отсутствует. Таким образом, Аристотель называет сравнением и иллюстрирующий пример, не представляющий собой сравнения в строгом смысле.

При сопоставлении формы сравнений в оригинальных текстах Гомера и Платона с формой приводимых на их основе сравнений Аристотеля видно, что у Аристотеля слова сравнения есть всегда, в то время как в «первоисточниках» их может не быть: в «Риторике» это союзы ὡς и ὡσπερ, глагол ἕοικα, прилагательное ὄμοιος.

Кроме того, в оригинале сравнения более развернуты: так, сравнение Ахилла со львом у Аристотеля отсылает к гомеровскому пассажию из десяти строк.

Возможно, воспроизведение развернутых сравнений в сжатом виде свидетельствует о стремлении к лаконичности сравнения. Ведь для выполнения своей познавательной функции, по Аристотелю, художественные средства не должны быть слишком растянутыми, а все разъяснения и описания, способствующие быстрому пониманию сравнения, должны находиться как бы за его пределами.

Что касается остальных примеров, то, хотя их оригинальный контекст недоступен, некоторые выводы всё же сделать можно.

Например, Аристотель говорит:

Примером сравнения могут служить слова Андротиона об Идриее, что он похож на собачонок, сорвавшихся с цепи: как они бросаются кусать, так опасен и Идрией, освобожденный от уз (Аристотель 1978: 134).

Известно, что Андротион – афинский оратор и хронист IV в. до н. э., ученик Исократа, а Идрией – брат царя Карию Мавсола, от которого Идрией наследовал власть. Сравнение объясняется опасностью, которая может возникнуть, если Идриея выпустить из заключения, – ситуация сопоставима с ситуацией с собачками, кусающимися, если срываются с цепи. Как и в других случаях, здесь присутствует вводное слово (ὄμοιος).

Или сравнение Перикла:

[Таково] и сравнение, которое Перикл делает относительно самосцев, что они похожи на детей, которые хотя и берут предлагаемый им кусочек, но продолжают плакать (Там же).

Оно характеризует поведение самосцев после подавления восстания Периклом. Периклу приписывают и следующий пример:

[Таково же и сравнение] относительно беотийцев, что они похожи на дубы: как дубы разбиваются один о другой, так и беотийцы сражаются друг с другом (Там же).

Еще одно сравнение принадлежит Демосфену:

и [сравнение], делаемое Демосфеном относительно народа, что он подобен людям, которые страдают морской болезнью на корабле (Там же).

Как и в других примерах, оно вводится прилагательным ὄμοιος.

Следующий пример таков:

И как Демократ сравнивал риториков с кормилицами, которые, сами глотая кусочек, мажут слюной по губам детей (Там же).

Под «ὀήτορας» Демократ, аттического оратора, подразумевает политических деятелей, которые вместо того, чтобы достойно управлять государством, ограничиваются обещаниями, заботясь лишь о своем благополучии.

Последний пример – сравнение Антисфена:

И как Антисфен сравнивал тонкого Кифисодота с ладаном, который, испаряясь, доставляет удовольствие (Там же).

Следующая группа примеров приводится Аристотелем для пояснения уже рассмотренного нами положения, что сравнение удачно, когда оно – метафора:

Сравнение удачно, когда в нем есть метафора, так, например, можно сравнить щит с фиалом Арея, развалины с лохмотьями дома; сюда же [относится]и сравнение: «Никерат – это Филоктет, укушенный Пратием», которое употребил Фрасимах, увидя, что Никерат, побежденный Пратием в декламации, отпустил себе волосы и неопрятен¹² (Аристотель 1978: 148).

Первое – сравнение щита с чашей Ареса – упоминалось Аристотелем и в 4, и в 11 главах в форме метафоры по аналогии. Теперь эта пара представлена в форме сравнения, содержащего в себе именно такую метафору: как чаша относится к Дионису, так щит относится к Аресу. Метафорой по своей сути является и сравнение развалин с лохмотьями дома. В третьем примере речь идет о софисте Фрасимахе Халкедонском и его современниках – рапсодах Пратие и Никерате, сыне знаменитого афинского полководца Никия. Вид расстроенного побежденного в соревнованиях Никерата напомнил Фрасимаху Филоктета, которого, согласно мифу, ужалила змея. Данное сравнение также содержит метафору: «укушенный Пратием».

Итак, Аристотель, уделяя особое внимание сравнению (εἰκόων), создает новую оригинальную систему как функционирования, так и конструирования сравнения как особого компонента художественной реальности. Эксплицитная часть его теории свидетельствует о том, что строгих рамок и границ приема, заключенного в сравнении, по Аристотелю, не существует, поскольку он максимально расширяет его. Эта часть теории уравновешена имплицитной – примерами, каждый из которых самодостаточен сам по себе, и в то же время все вместе эти примеры обладают общими свойствами.

Первый компонент сравнений более объективен, так как задан тематически. Этим объектом сравнения, в зависимости от контекста, может стать любой предмет или человек: герой Ахилл, народ, риторы, флейтист, щит, стихи поэтов и т. д. Второй же компонент – средство сравнения – является авторским. При этом, так как сравнение имеет своей целью убеждение, создаваемый им образ должен быть доступным и красочным. Поэтому средством сравнения служат реалии, понятные

¹² τὸ δὲ εὖ ἐστὶν ὅταν μεταφορᾶ ἢ: ἔστιν γὰρ εἰκάσαι τὴν ἀσπίδα φιάλη Ἄρεως καὶ τὸ ἐρείπιον ῥάκει οἰκίας, καὶ τὸ τὸν Νικήρατον φάναι Φιλοκτήτην εἶναι δε δηγμένον ὑπὸ Πράττος, ὡσπερ εἶκασεν Θρασύμαχος ἰδὼν τὸν Νικήρατον ἠττημένον ὑπὸ Πράττος ῥαψωδοῦντα, κομῶντα δὲ καὶ αὐχμηρὸν ἔτι (Rhet. III, 11, 1413a5–10).

слушателям, собеседникам или читателям. Весьма разнообразные, они берутся из мира предельно жизненного и конкретного.

Очевидно, у Аристотеля не было цели предложить свод строгих правил построения сравнения и дать перечень стандартных образцов. Своими яркими и тщательно подобранными примерами он, тем не менее, стремится показать, как нужно сравнивать, как уметь сделать речь убедительной. Отсюда конкретность и зримость образов его сравнений. Слова А. А. Поттебни, сказанные по поводу гомеровских сравнений, на наш взгляд, уместны и в отношении примеров Аристотеля: «Они... правдивы и естественны. Они вполне удовлетворяют следующему основному требованию мысли: так как цель образности есть приближение значения образа к нашему пониманию и так как без этого образность лишена смысла, то образ должен быть нам более известен, чем объясняемое им» (Поттебня 1990: 226).

Образы у Аристотеля очень разнообразны: тут и профессии разных родов, и животные, и растения, и предметы быта. Однако реалии, взятые для создания средства сравнения в этих примерах, будучи понятными и знакомыми современникам, заключают в себе элемент парадоксальности, которая и делает сравнение не только понятным, но и выразительным. Можно сказать, что герои сравнений проявляют себя несколько необычно, нетипично, в несвойственных им качествах. Так, кормчий – образ сильный, наделенный волей в воображении слушающего – глуховат (1406b33–34), а няньки – олицетворение заботы и любви – забирают у детей лакомство (1407a8–10); лица, которые хоть и молоды, однако лишены красоты (1406b.36–a1); детишки берут поданное им для успокоения угощение, но продолжают плакать (1407a2–4); ладан – символ покоя и умиротворения – лишь исчезая, приносит удовольствие (1407a10–11); кулачный боец, оказывается, борется вовсе не с противником, а со своим мешком (1413a13); и даже дубы – силачи-долгожители – сами разбиваются друг о друга (1407a4).

Эта парадоксальность особенно понятна в контексте исследования сравнения в рамках учения о метафоре, о которой в «Риторике» сказано:

Метафоры нужно заимствовать, как мы это сказали и раньше, из области предметов родных, но не явно сходных, подобно тому, как и в философии считается свойством

*меткого [ума] видеть сходство и в вещах, далеко отстоящих одни от других*¹³ (Аристотель 1978: 146).

И удачное сравнение должно содержать в себе то, что нужно исследовать, то есть его парадоксальность должна способствовать, в том числе, и познавательному эффекту.

Нестереотипны и сами идеи сравнений: разве не остроумно сравнить стихи с лицами (1406b.36–a1), брата царя Карии с собачонками (1406b27–28), беотийцев с деревьями (1407a4), политиков с няньками (1407a8–10), музыканта с обезьяной (1413a4), ноги с сельдереем (1413a12) и т. д.?

Важно также отметить, что большинство приводимых Аристотелем примеров представляют собой так называемые дэстетизирующие, то есть «ухудшающие» сравнения. Это также соответствует их познавательной ценности: есть предметы, явления или люди, какими они кажутся, о которых у нас есть представление (добрые кормилицы, сильный кормчий, молодые лица и т. д.), - а есть их реальная сущность, то, каковы они на самом деле. Сравнение, таким образом, может обнажить истинную, а не кажущуюся сущность, и слушающему предстоит обнаружить, постичь это несоответствие и противоречие между видимым и подлинным. Иными словами, по Аристотелю, чем больше различий в предмете и средстве сравнения, тем сильнее его художественный эффект. Но художественность здесь – не только цель, но и средство, способствующее оттенить истинную сущность предмета или явления.

Данные примеры позволяют сделать выводы и об отношении Аристотеля к форме сравнений. Для него она достаточно свободна и в целом не так важна – варьируются как слова, вводящие сравнения, так и длина сравнений.

Таковы основные черты и характеристики этого приема в «Риторике» Аристотеля, который был первым автором, не просто давшим описание сравнения, но показавшим и разносторонние возможности этого художественного приема в целом – и его разнообразие, и его «многообразие». Что же касается тех аспектов, которые, как кажется, освещены недостаточно, то здесь уместно вспомнить о наблюдении М. Л. Гаспарова о том, что Аристотелю свойственно «об известном, хотя и главном,

¹³ δεῖ δὲ μεταφέρειν, καθάπερ εἴρηται πρότερον, ἀπὸ οἱ κείων καὶ μὴ φανερῶν, οἷον καὶ ἐν φιλοσοφίᾳ τὸ ὅμοιον καὶ ἐν πολὺ διέχουσι θεωρεῖν εὐστόχου (Rhet. III, 11, 1412a10).

говорить мимоходом, а о новозамеченном, хотя бы и второстепенном, – подробно и обстоятельно» (Гаспаров 1997: 450).

Литература

- Аристотель 1976 – Аристотель. Метафизика / Перевод А.В. Кубицкого под ред. М.И. Иткина // Сочинения в четырех томах. Т. 1 / Ред. В. Ф. Асмус. М., «Мысль», 1976. С. 65–367.
- Аристотель 1957 – Аристотель. Об искусстве поэзии / Пер. В. Г. Апеллерота, ред. и комментарии Ф. А. Петровского. М., Государственное издательство художественной литературы, 1957.
- Аристотель 1978 – Аристотель. Риторика / Пер. Н. Платоновой // Античные риторики. Собрание текстов, статья и общая редакция проф. А. А. Тахо-Годи. М., Издательство Московского университета, 1978. С. 15–164.
- Гаспаров 1997 – Гаспаров М. Л. Сюжетосложение греческой трагедии // Гаспаров М. Л. Избранные труды. Том I. О поэтах. М.: Языки славянских культур, 1997.
- Корольков 1972 – Корольков В. И. Сравнение // Краткая литературная энциклопедия, Т. 7, М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 125.
- Платон 1994 – Платон. Государство / Пер. А. Н. Егунова // Платон. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 3, М., «Мысль», 1994. С. 79–420.
- Потебня 1990 – Потебня А. А. Из записок по теории словесности // Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М., Высшая школа, 1990. С. 132–314.
- Томашевский 1996 – Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М., 1996.
- McCall 1969 – McCall M. *Ancient Rhetorical Theories of Simile and Comparison*. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1969.
- Kennedy 2007 – Aristotle *On Rhetoric: A Theory of Civic Discourse* / Translated with Introduction, Notes, and Appendices by George A. Kennedy, 2nd ed. New York: Oxford University Press, 2007.
- Kirby 1997 – Kirby J. Aristotle on metaphor. *The American Journal of Philology*, Vol. 118, No. 4, 1997. С. 517–554.

I. A. Sheff. Simile as a rhetorical device in Aristotle's Rhetoric

Unlike the metaphor, the simile as a theoretical matter of classical antiquity thinking has been analysed by few researchers. Aristotle, paying particular attention to simile termed *εἰκὼν* and denoting certain processes of building artistic reality, also creates a new original system of both functioning and constructing of simile. The analysis of the explicit part of his theory shows that Aristotle does not set strict limits or boundaries of the device expressed by simile, on the contrary, he tries to expand them as much as possible. The explicit part of his theory is balanced by the implicit one – the examples, each of which is self-sufficient and demonstrative in itself, and, at the same time, all these instances build a certain system, as all of them have similar properties. The realia involved in creating vehicles in Aristotle's examples, being familiar and clear to his contemporaries, also

carry a certain paradoxicality. Analysis of the examples also allows us to make conclusions on Aristotle's attitude to the form of similes. For him it is rather free and, generally, not so important – both the connecting words and the length of similes are varied. Aristotle was the first author who did not only provide a description of the simile, but also showed the manifold applications of this artistic device in general, its diversity and variety. His Rhetoric differed from other treatises on the subject comprising a set of definitions and rules, as it was a scholarly discourse on the theory of elocution, which explains the nature of his analysis.

Keywords: comparison, simile, metaphor, ancient rhetoric, Aristotle.

М. В. Шумилин

ЛИКАОН И КАТИЛИНА В «МЕТАМОРФОЗАХ» ОВИДИЯ

Кроме традиционно выделяемых параллелей между Юпитером и Августом, в овидиевском рассказе о Ликаоне (Ov. Met. 1.163–243) также присутствует пласт отсылок к цicerоновской поэме «О своем консульстве» и к истории заговора Катилины в целом. Аналогия между, с одной стороны, Юпитером и Цицероном, а с другой стороны, Катилиной и Ликаоном объясняет странности этого эпизода «Метаморфоз».

Ключевые слова: Овидий, «Метаморфозы», Ликаон, Катилина, Август, Цицерон

Овидиевский нарратив о Ликаоне (Ov. Met. 1.163–243) традиционно анализируют в связи с римской политикой; на эту связь указывает сам Овидий, сравнивая сначала место на небесах, где находится «дом Громовержца» (tecta Tonantis) и где проходит посвященный Ликаону совет богов, с Палатином (Ov. Met. 1.168–176), а затем возмущение богов – с возмущением всего мира по поводу покушения на «Цезаря» (Ov. Met. 1.200–205). Импликации первого сравнения вполне прозрачны: на Палатине находился дом Августа (domus Augusta), примыкавший к храму Аполлона Палатинского, и в библиотеке при этом храме Август в старости, согласно Suet. Aug. 29.3, часто проводил заседания сената (ср. Tac. Ann. 2.37 о продолжении этой практики при Тиберии). К дому Юпитера на небе, по Овидию, ведет Млечный путь¹, место обитания самых знатных среди богов – эта деталь должна видимо, напоминать о т. н. cilius Palatinus, улице, подводившей с севера к главному на момент написания поэмы входу в дом Августа и проходившей через район аристократических резиденций². Тот же самый вход,

---

¹ Само название Via Lactea, возможно, придумано Овидием (у более ранних античных авторов Млечный путь обычно называется «Млечным кругом») и также развивает аналогию с римской улицей (Barchiesi 2005: 182), т. е. корректнее был бы перевод «Млечная улица». Возможно, на Овидия повлиял также Pind. fr. 30.4 Maehler Οὐλύμλου λιλάρων... ὀδόν 'блещущий путь на Олимп' (Bömer 1969: 77).

² Wiseman 1987: 403–406. Уайзмен также подчеркивает, что фасады домов римской знати традиционно украшались статуями и трофеями,

обрамленный лаврами по решению сената в 27 г. до н. э., будет далее упомянут в конце книги в связи с превращением Дафны в лавр (Ov. Met. 1.562–563), замыкая композиционное кольцо. О чем речь во втором сравнении, менее очевидно (разговор о покушении на Цезаря в первую очередь вызывает воспоминания о событиях 44 г. до н. э., и многие ученые считают, что о них и идет речь: см. Harrison 1996), но скорее всего имеется в виду все-таки покушение на Августа, каковых Suet. Aug. 19.1 насчитал целых семь; ср. финал сравнения (Ov. Met. 1.204–205):

*nec tibi grata minus pietas, Auguste, tuorum est,
quam fuit illa Ioui*

‘И не менее приятно тебе, Август, благочестие твоих, чем то [благочестие богов] было приятно Юпитеру’.

В версии Овидия Юпитер – как раз жертва покушения Ликаона, так что проще считать, что в обоих сравнениях Юпитер последовательно сопоставляется с Августом.

Из этих аналогий часто делают вывод, что политический смысл рассказа о Ликаоне – это просто хвала Августу, установившему порядок и покарвавшему силы хаоса, как это сделал и Юпитер (Ludwig 1965: 18; Buchheit 1966; Otis 1966: 100; Knox 1986: 17). На первый взгляд о том же говорит и выбор Овидием версии мифа, наиболее недвусмысленно выставляющей Ликаона злодеем. Обычно у мифографов испытывает божественность гостя, подсовывая ему человеческое мясо, не сам Ликаон, а его сыновья (см. Nic. Dam. FGtH 90 F 38, Apollod. 3.8.1, Hyg. Fab. 176). В Paus. 8.2 Ликаон превращен в волка за то, что устанавливает человеческие жертвоприношения Зевсу Ликейскому. В Erat. Catast. 1.8R со ссылкой на Гесиода рассказывается, что Ликаон отомстил Зевсу за соращение дочери Каллисто, накормив его мясом сына Каллисто Аркада. Только в

прославляющими род владельца дома (Plin. NH 35.7). Из конкретных домов мы можем надежно локализовать на *clivus Palatinus* или вблизи него дом Марка Эмилия Скавра, перекупленный Клодием в 53 г. до н. э. за рекордную для известных нам сделок по покупке недвижимости в центре Рима сумму в 14.8 миллионов сестерциев (Coarelli 2012: 290–292). Аналогия между Палатином и небом может также быть вдохновлена тем фактом, что небо (лат. *palatum*) и небо по-гречески обозначаются одним и тем же словом οὐρανός; ср. также Enn. inc. 16 *Vahlen caeli palatum* ‘небо неба’ – согласно OLD s.u. *palatum* 1d, имитация греческого узуса.

овидиевской версии у Ликаона нет никаких оправданий: он просто злодей, и все (Forbes Irving 1990: 216–218). Сам сюжет о покушении на жизнь Юпитера также появляется только у Овидия.

В то же время в овидиевском нарративе о Ликаоне остается много странностей. Даже если абстрагироваться от вергилиевского вопроса о том, подобает ли богам вообще гневаться (см. Feeney 1991: 198–200), не вполне понятно, почему справедливым должно показаться решение Юпитера уничтожить из-за проступка Ликаона весь человеческий род (Ahl 1985: 79; Nabinek 2002: 51). Юпитер говорит, что спустился на землю, чтобы проверить слухи о нечестии смертных (Ov. Met. 1.211–215). Однако в его собственном рассказе упоминается только один нечестивец – Ликаон, который и так уже наказан; при этом прочие аркадцы, по словам Юпитера (Ov. Met. 1.220–221), с самого начала благочестиво поклонялись богу (Glenn 1986: 5; Wheeler 1999: 178; O’Hara 2006: 116). Рассказ о том, как Юпитер проявил свою божественность (Ov. Met. 1.220, *signa dedi uenisse deum*), звучит странно неконкретно, да и не совсем понятно, зачем вообще ему было проявлять ее, если он хотел получить непредвзятую информацию о поведении людей (Due 1974: 106). Особенно бессвязно вписан в этот рассказ сюжет о покушении на жизнь Юпитера (возможно, нововведение Овидия). Вероятно, текст Ov. Met. 1.224–225 надо понимать в том смысле, что Ликаон замыслил покушение, но реализовать его не успел, поскольку сначала попытался накормить Юпитера человечиной и был превращен в волка³. Но тогда встает вопрос, откуда Юпитер вообще знает о планировавшемся покушении (ср. Wheeler 1999: 178)? Возможно, он умеет читать мысли? Но тогда вообще зачем нужна была вся эта экспедиция к смертным, если можно было просто прочесть их мысли? Или Юпитер просто огульно обвинил Ликаона?

---

³ О. С. Дуэ (Due 1974: 106) считает, что сначала имело место неудачное покушение, а уже потом Ликаон попытался накормить Юпитера человечиной. Однако тогда непонятно, почему про покушение совсем ничего не рассказывается. В любом случае, даже если принимать эту версию, ее бессвязность не менее очевидна: почему Юпитер говорит так неконкретно, и зачем Ликаону было после неудачной первой «проверки» испытывать божественность Юпитера еще раз? Ср. O’Hara 2006: 117.

Как кажется, текст Овидия провоцирует читателя обратить внимание на то, что о Ликаоне мы узнаем исключительно из рассказа Юпитера (Wheeler 1999: 169–181; O’Hara 2006: 116–117; Feldherr 2010: 39). Само превращение подчеркнуто лишает Ликаона возможности рассказать свою версию событий (Ov. Met. 1.233). Но Юпитер предвзят: он заинтересован в том, чтобы представить наказание справедливым. Читатель не может разобраться, насколько Юпитер подтасовывает информацию, но, вероятно, должен заподозрить, что что-то не так. Кроме того, Овидий, похоже, указывает на некоторые черты сходства между Юпитером и Ликаоном. Жилища обоих называются одним и тем же словом *tectum* (Ov. Met. 1.170–218) – вероятно, в случае с Юпитером такая формулировка должна устанавливать аналогию с традицией называть «домом» (*domus*) дворец Августа, которая, в свою очередь, связана с тем фактом, что в латыни было специальное обозначение только для *царского* дворца, *regia*, а ассоциаций с царем Август избегал⁴ (ср. Ov. Met. 1.171: *regalemque domum* – возможно, обыгрывание этой проблемы)⁵. Еще одна любопытная специфическая особенность текста Овидия – описание убитого Ликаоном⁶ человека как «заложника, посланного от народа молоссов» (Ov. Met. 1.226–227). Что Овидий хотел подчеркнуть этой деталью? Вероятно, с одной стороны то, что у аркадского царя Ликаона гигантская по греческим меркам держава, влияние которой доходит до дальних уголков Эпира, т. е. Ликаон не просто какой-то мелкий царек, а действительно земной эквивалент Юпитера; с другой стороны, как отмечалось (Varchiesi 2005: 189), молоссы в первую очередь ассоциируются с породой собак, так что и в мире людей работает то же правило о сходстве убивающего правителя и его жертвы (уже в имени Ликаона читается «собачье» слово *λύκος* ‘волк’)⁷. Другими

⁴ Альтернативой могло бы послужить слово *aula*, но оно тоже скорее ассоциировалось с царями и при этом принадлежало больше к поэтическому языку, особенно в применении к не-царским дворцам (OLD s.u. 3a).

⁵ Ср., впрочем, Erat. Catast. 1.8R: τὴν δὲ οἰκίαν ἐκεραύνωσε ‘а дом [Ликаона Зевс] уничтожил молнией’.

⁶ Характерно, что, если понимать слова Юпитера буквально, Ликаон и заложника убивает сам, и даже готовит его мясо сам.

⁷ Wheeler 1999: 179 считает, что молоссы находятся под особым покровительством Юпитера из-за Додонского оракула.

словами, возникает подозрение, не такой же ли «тиран» (Ov. Met. 1.218)⁸ и сам Юпитер.

Конечно, если искать последовательного соответствия между Юпитером и Августом, то все перечисленное делает проблематичным интерпретацию эпизода как чистой похвалы принцепсу (Wheeler 1999: 181). Однако на самом деле аналогией с Августом параллели между рассказом о Ликаоне и римской политикой не ограничиваются. Отмечалось, что помещение совета богов в I книге – традиция, восходящая, конечно, к гомеровской «Одиссее», но распространенная и в Риме: так делают по крайней мере Энний в «Анналах», Луцилий в «Сатирах» и Цицерон в «О своем консульстве» (Barchiesi 2005: 180–181). Овидий явно использует и римские образцы тоже: в частности, писали о том, что он явно должен был иметь в виду I книгу Луцилия, где боги решали, что во всех беды римского народа виноват Луций Корнелий Лентул Луп, *princeps senatus*, чье имя (лат. *Lupus* «Волк») также напоминает о Ликаоне (Ahl 1985: 95–99; Degl'Innocenti Pierini 1990: 19–30; Schmidt 1991: 33). Я бы хотел, однако, в настоящей статье указать на важность другого образца, на который реже обращают внимание, – поэмы Цицерона.

Поэма была посвящена событиям 63 г. до н. э., когда консул Цицерон раскрыл заговор Катилины и инициировал расправу над заговорщиками; Цицерон всю последующую жизнь подчеркивал свою роль спасителя римского государства в этой истории (Duck 2008: 9–10), и в том же духе написана и поэма. На совет богов в I книге, в частности, Юпитер приглашал и самого Цицерона, которому там поручалось спасение Рима (Cic. fr. 5a Courtney). Хотя долго принято было считать, что «О своем консульстве» была объектом насмешек на протяжении всей античности (см., напр., Uden 2015: 156), в реальности эта поэма, по-видимому, довольно активно читалась и использовалась поэтами августовского Рима (Gee 2011: 95–101). Очевидно, что ситуация, описываемая у Цицерона, также близка к тому, что мы находим у Овидия, тем более что Цицерон, с одной стороны, также обвинял Катилину в покушении на свою жизнь (Cic. Cat.

---

⁸ Ahl 1985: 81–87 сопоставляет такую характеристику Ликаона в речи Юпитера с пассажем Платона (Plat. Resp. 565d–566a), где тот сравнивает тирана с аркадцами, которые, по поверью, отведав человеческого мяса на жертвоприношениях Зевсу Ликейскому, превращаются в волков.

1.9–10 et al.), а с другой стороны, сам сопоставлял себя с Юпитером в речах против Катилины (Vasaly 1993: 40–87)⁹, в первой, в частности, с Юпитером Статором («останавливателем» войска сабинян в тот момент, когда они теснили римлян на Палатин и римское государство было уже на грани гибели), в храме которого Цицерон и произнес перед сенатом эту речь. Храм, кстати, также был расположен у начала *clivus Palatinus* (Ov. Trist. 3.1.31–32, Coarelli 2012: 126), и в принципе то заседание сената также можно считать случаем заседания сената на Палатине, и проходит оно в «доме Юпитера». Любопытно, что и имя Катилины, возможно, могло иметь всё те же «собачьи» ассоциации, если верна идея, что оно происходит от слова *catulus*¹⁰ (стоит отметить, что это слово применимо не только к щенкам, но в т. ч. и к волчатам: Verg. Aen. 2.357, Flor. 1.1.3).

Я полагаю, что ситуация «Цицерон–Катилина»¹¹ особенно важна как модель для Овидия в его рассказе о Ликаоне и позволяет объяснить странности этого рассказа. Этот рассказ не случайно представлен в форме речей на совете богов: в центре внимания Овидия здесь природа риторики и демагогии, причем

⁹ В Cic. Dom. 92 пересказываются обвинения Клодия в том, что Цицерон называл себя Юпитером и братом Минервы; Э. Кортни (Courtney 1993: 158) считает, что речь идет о *De consulatu*, поскольку Минерва там тоже должна была играть важную роль. Если эта идея верна, то сопоставление себя с Юпитером должно было присутствовать и в поэме Цицерона тоже.

¹⁰ Идея была высказана Э. Вёльфлином (Wölfflin 1884: 278). Само слово *cat(u)lina* тогда должно обозначать собачье мясо, «щенятину», по аналогии с лат. *porcina*, ит. *canina*. Дж. Пауэлл (Duck 2008: 1 p. 5) возражает против этой этимологии, что у римлян не зафиксирована практика поедания щенков; однако в русском языке, напр., есть слово «человечина», хотя практика поедания людей в России также не распространена; кроме того, слово *catulina* вообще-то зафиксировано (Plin. NH 29.58). Возможно, «мясные» коннотации имени Катилины также должны вызывать ассоциации с каннибалистическими деталями мифа о Ликаоне.

¹¹ Сложно сказать, в какой степени обыгрывание деталей этой ситуации подразумевает, что соответствующие детали были отражены в поэме. С одной стороны, Цицерон, по-видимому, использовал в поэме как свои речи против Катилины, так и свои позднейшие высказывания по поводу тех же событий (см. Courtney 1993: 158–159: ср. Cic. fr. 6 Courtney с Cic. Cat. 2.10, Cic. fr. 8 Courtney с Cic. Cat. 2.7, 2.10 и Cic. Flac. 102). С другой стороны, вполне можно себе представить, чтобы Овидий пользовался не только самой поэмой, но и речами в связи с ее сюжетом.

риторики именно политической, учитывая, что советы богов, видимо, вообще ассоциировались у римлян с заседаниями сената (Harrison 1991: 57; Wigodsky 1972: 106–107). Но кто больше ассоциируется с риторикой и риторической манипуляцией фактами, чем Цицерон? В эпизоде довольно много конкретных параллелей с текстами Цицерона. Обычно в них видят просто пародирование языка римской политической риторики в целом (Bömer 1969: 88; Anderson 1997: 171; Barchiesi 2005: 185), учитывая, что мы знаем о ней, по сути дела, практически исключительно по Цицерону. Однако я хотел бы обратить внимание, что подозрительно часто речь идет о параллелях именно с текстами о заговоре Катилины. Ср.:

а) *sic, cum manus impia saeuit
sanguine Caesareo Romanum extinguere nomen...* (Ou. Met. 1.200–201)
«Так, когда нечестивая свора неистово рвется искоренить само римское имя, заливая его Цезаревой кровью...»

*...eos, qui nos omnes, qui populum Romanum, uita priuare conati
sunt, qui delere imperium, qui populi Romani nomen extinguere...*
(Cic. Cat. 4.7)
«...Тех, кто попытались лишить жизни всех нас, сам римский народ, уничтожить державу, само имя римского народа искоренить...»

*inita sunt in hac ciuitate consilia, iudices, urbis delendae, ciuium
trucidandorum, nominis Romani extinguendi*
(Cic. Mur. 80, о заговоре Катилины).
«В этом государстве, о судьи, замыслили уничтожить город, порубить сограждан, само римское имя искоренить»¹².

б) *cuncta prius temptata, sed immedicabile corpus
ense recidendum est, ne pars sincera trahatur*
(Ou. Met. 1.190–191, слова Юпитера).
«Все прежде испробовано, но неизлечимую часть тела следует отрубить мечом, чтобы зараза не распозлзлась на здоровую часть».

*ego Catilinam perire uolui... in corpore si quid eius modi est quod
reliquo corpori noceat, id uri secarique patimur ut membrum*

¹² Ср. также Liu. 6.2.2, 25.38.10.

aliquod potius quam totum corpus intereat. sic in rei publicae corpore, ut totum saluum sit, quicquid est pestiferum amputetur

(Cic. Phil. 8.15).

«Я выступил за смерть Катилины... Если в теле есть что-то такое, что вредит всему остальному телу, то мы терпим, чтобы это было прижжено и отрезано, чтобы скорее погибла какая-то часть тела, чем все тело целиком. Так же обстоит дело и с телом государства: чтобы целое было здоровым, все губительное следует ампутировать»¹³.

Главные странности речи Юпитера – это, по сути дела, (1) выглядящее огульным и плохо вписанным обвинение Ликаона в попытке убийства и (2) очень искусственно аргументированное решение об уничтожении человеческого рода. Однако они оба напоминают о «подтасовывающих» обвинениях Цицерона против заговорщиков, в итоге казненных. В аргументации в пользу (2) у Юпитера также есть одна явная параллель с Цицероном, хотя и не связанная на этот раз с Катилиной: ср. *Ou. Met.* 1.192–198 (нужно защитить живущих на земле полубогов) и *Cic. Manil.* (война с Митридатом обосновывается необходимостью защитить союзников). Это, опять же, явно демагогический аргумент: как должны пережить потоп сами полубоги – если, конечно, не считать, что они же бессмертные, значит, как-нибудь справятся (Barchiesi 2005: 185)? Но Овидий мог иметь в виду, что откровенно демагогичен уже текст Цицерона, в той же речи проговаривающегося, что союзники обычно больше страдают от римского войска, чем враги (*Cic. Manil.* 38, ср. Rose 1995). Точно так же и (1) находит явную аналогию в анти-катилинианской риторике Цицерона, в которой много очевидных натяжек и огульных, абсурдных обвинений. В реальности маловероятно, что заговорщики действительно хотели убить всех сенаторов и сжечь Рим, не говоря уже об «искоренении римского имени» (Duck 2008: 8, 70); характерно, что Катилина вообще пришел на то заседание сената в храме Юпитера Статора (очевидно, рассчитывая, что его воспринимают как в целом легитимного политика, не как то чудовище, которое, демонизируя, делает из него Цицерон) и что казнь заговорщиков позднее так часто ставили Цицерону в упрек. При этом предвзятый цицероновский нарратив о Катилине, очевидно, быстро вытеснил все остальные версии, «не дав слова» жертвам: Саллюстий зависим

¹³ Ср. также *Cic. Sest.* 135, *Cic. Off.* 3.32.

от Цицерона (Syme 1964: 73), и очень характерно, что у Вергилия терзаемый фуриями в Тартаре Катилина – именно то исчадие ада, каким его изображал Цицерон (Verg. Aen. 8.666–669). По сути, эту ситуацию Овидий, похоже, и перенес на рассказ Юпитера: все другие версии уничтожены, но та, которая есть, полна подозрительных нестыковок; вдруг оказывается, что Ликаон еще и убить его хотел. Сам неожиданный сюжет о покушении на жизнь Юпитера я бы считал введенным как намек на аналогичное цицероновское обвинение; вероятно, Овидий считал и его надуманным (хотя, скорее всего, и несправедливо: Дуск 2008: 8).

Почему так важна роль политики в этом эпизоде и как примирить отсылки к Цицерону и сопоставления с Августом? Вероятный ответ на первый вопрос заключается в том, что совет богов попадает в первую книгу из-за эпической конвенции, а он уже влечет за собой политические темы; во всяком случае, прямые отсылки к римской политике для остальной поэмы скорее не характерны (Feldherr 2010: 53). Что касается второго вопроса, то можно было бы, конечно, попытаться как-то развести негативное изображение политики, ассоциирующееся с республикой и Цицероном, и положительное изображение ее, ассоциирующееся с Августом, и представить, что образ Августа проходит в первой книге (по ходу движения от Ликаона к Дафне) своего рода эволюционный путь, топографически соответствующий дороге по *clivus Palatinus* от храма Юпитера Статора ко дворцу Августа, описываемой в *Ou. Trist.* 3.1.31–40. Однако я бы скорее соотносил овидиевскую двусмысленность с характерной вообще для римских поэтов времен империи практикой совмещения прямой похвалы правителю с имплицитной пессимистической картиной политической жизни в целом. Вероятно, это вообще совместимые вещи, и критерии, по которым человек судит о современной ему актуальной политике и о политике прошлого (или политике в целом), вполне могут принципиально различаться.

Литература

- Ahl 1985 – Ahl F. *Metaformations: Soundplay and Wordplay in Ovid and Other Classical Poets*. Ithaca; London.
Anderson 1997 – *Ovid's Metamorphoses. Books 1–5 / Ed., with Intr. and Comm., by W. S. Anderson*. Norman; London.
Barchiesi 2005 – *Ovidio. Metamorfosi. Volume I: Libri I–II / A cura di A. Barchiesi*. Milano.

- Bömer 1969 – P. Ovidius Naso. *Metamorphosen* / Komm. von F. Bömer. Buch I–III. Heidelberg.
- Buchheit 1966 – Buchheit V. Mythos und Geschichte in Ovids *Metamorphosen I* // *Hermes*. Bd. 94. S. 80–108.
- Coarelli 2012 – Coarelli F. *Palatium: Il Palatino dalle origini all'impero*. Roma.
- Courtney 1993 – *The Fragmentary Latin Poets* / Ed. with Comm. by E. Courtney. Oxford.
- Degl'Innocenti Pierini 1990 – Degl'Innocenti Pierini R. *Tra Ovidio e Seneca*. Bologna.
- Due 1974 – Due O. S. *Changing Forms: Studies in the Metamorphoses of Ovid*. Copenhagen.
- Dyck 2008 – *Cicero. Catilinarians* / Ed. by A. R. Dyck. Cambridge.
- Feeney 1991 – Feeney D. *The Gods in Epic: Poets and Critics of the Classical Tradition*. Oxford.
- Feldherr 2010 – Feldherr A. *Playing Gods: Ovid's Metamorphoses and the Politics of Fiction*. Princeton; Oxford.
- Forbes Irving 1990 – Forbes Irving P. M. C. *Metamorphosis in Greek Myths*. Oxford.
- Gee 2011 – Gee E. *Cicero's Poetry* // *The Cambridge Companion to Cicero* / Ed. by C. Steel. Cambridge. P. 88–106.
- Glenn 1986 – Glenn E. M. *The Metamorphoses: Ovid's Roman Games*. New York.
- Habinek 2002 – Habinek T. *Ovid and Empire* // *The Cambridge Companion to Ovid* / Ed. by P. Hardie. Cambridge. P. 46–61.
- Harrison 1991 – *Vergil. Aeneid 10* / With Intr., Transl., and Comm. by S. Harrison. Oxford.
- Harrison 1996 – Harrison S. *Aeneid 1.286: Julius Caesar or Augustus?* // *PLLS*. Vol. 9. P. 127–133.
- Knox 1986 – Knox P. *Ovid's Metamorphoses and the Traditions of Augustan Poetry*. Cambridge.
- Ludwig 1965 – Ludwig W. *Struktur und Einheit der Metamorphosen Ovids*. Berlin.
- O'Hara 2006 – O'Hara J. J. *Inconsistency in Roman Epic: Studies in Catullus, Lucretius, Vergil, Ovid and Lucan*. Cambridge.
- Otis 1966 – Otis B. *Ovid as an Epic Poet*. Cambridge.
- Rose 1995 – Rose P. *Cicero and the Rhetoric of Imperialism: Putting the Politics Back into Political Rhetoric* // *Rhetorica*. Vol. 13. P. 359–399.
- Schmidt 1991 – Schmidt E. *Ovids poetische Menschenwelt: Die Metamorphosen als Metapher und Symphonie*. Heidelberg.
- Syme 1964 – Syme R. *Sallust*. Berkeley.
- Uden 2015 – Uden J. *The Invisible Satirist: Juvenal and Second-Century Rome*. Oxford.
- Vasaly 1993 – Vasaly A. *Representations: Images of the World in Ciceronian Oratory*. Berkeley; Los Angeles.
- Wheeler 1999 – Wheeler S. *A Discourse of Wonders: Audience and Performance in Ovid's Metamorphoses*. Philadelphia.
- Wigodsky 1972 – Wigodsky M. *Vergil and Early Latin Poetry*. Wiesbaden.
- Wiseman 1987 – Wiseman T. P. *Conspicui postes tectaque digna deo: The Public Image of Aristocratic and Imperial Houses in the Late Republic*

and Early Empire // *L'Urbs: Espace urbain et histoire*. Rome. P. 393–413.
 Wölfflin 1884 – Wölfflin E. *Catilinarius* // *Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik*. Bd. 1. S. 277–279.

M. V. Shumilin. Lycaon and Catiline in Ovid's *Metamorphoses*

Ovid's narrative about Lycaon (Ov. *Met.* 1.163–243) has been traditionally analysed with Roman politics in mind. However, if we reduce the episode to a panegyric to the Jupiter-like Augustus, we have to face numerous problems, for Jupiter's speech about Lycaon contains many contradictions and even raises suspicion of manipulations of fact. It has in fact been mentioned that the political agenda of another first book council of gods, that of Lucilius' *Satires*, is also alluded to in Ovid's story. I want to draw attention to one more first book council of gods that seems to be particularly important for Ovid, that of Cicero's *De consulatu*. The political situation of Catilianian conspiracy in 63 BC appears to be another model behind the episode in general: like Cicero in his speeches against Catiline, Ovidian Jupiter off-hand accuses Lycaon of attempted murder of himself; besides, Cicero does indeed compare himself to Jupiter in these speeches, and the first of the *Catilinarians* was pronounced in the temple of Jupiter Stator on the slope of the Palatine, so Ovid's equation of the neighbourhood of Jupiter's house where the divine council takes place to the Palatine in Ov. *Met.* 1.168–176 might allude to that case as well. Verbal parallels with Ciceronian contexts treating Catiline are also not lacking in Ovid's text (Ov. *Met.* 1.200–201 ~ Cic. *Cat.* 4.7, Cic. *Mur.* 80; Ov. *Met.* 1.190–191 ~ Cic. *Phil.* 8.15). The strange features of the episode are all connected with the way Jupiter presents facts and arguments; perhaps Ovid intended to reproduce the biased demagogic nature of Ciceronian rhetoric that has actually condemned Cicero's opponent to silence, albeit leaving, due to its contradictions and obvious overstatements, suspicions that there might in fact be some truth on the opposite side.

Keywords: Ovid, *Metamorphoses*, Lycaon, Catiline, Augustus, Cicero.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ГРАММАТИКИ В СОЗДАНИИ ЯЗЫКА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье освещаются некоторые грамматические явления древнегреческого языка, создавшие необходимые лингвистические предпосылки для становления языка древнегреческой философии и философской терминологии. Рассматриваемые явления затрагивают уровни лексики, словообразования и семантическую сферу. Основное внимание уделяется субстантивации, осуществляемой посредством добавления артикля, как важнейшему способу номинации философских понятий, а также особенностям семантики и грамматического узуса глагола εἶναι 'быть', которые с лингвистической точки зрения до некоторой степени определили направление развития греческой мысли в области онтологии и теории познания.

Ключевые слова: философия, терминология, Анаксагор, Аристотель, Гераклит, Демокрит, Мелисс, Парменид, Платон, Протагор, стоики.

Статья посвящена рассмотрению некоторых грамматических явлений, сыгравших существенную роль в становлении языка древнегреческой философии и в создании фундаментального элемента этого языка – философской терминологии.

Особенностью языка греческой философии и науки в целом является его первородный, непроемчивый характер. Грекам, в отличие от всех других европейских народов, пришлось самостоятельно разрабатывать технический вокабуляр для обозначения сделанных ими открытий, как в физическом мире, так и в интеллектуальной сфере. Поэтому материал древнегреческого языка чрезвычайно удобен для того, чтобы проследить, какие именно элементы языка оказываются задействованы в процессе формирования и номинации понятий философии и науки.

При создании технической терминологии (в том числе научной и философской) могут быть использованы разнообразные средства, относящиеся к разным уровням языка.

На уровне лексики термины философии могут создаваться из слов бытового языка в результате присвоения им специального терминологического значения. Таково, например, греческое слово ἀρχή 'начало', которое после Аристотеля в перипатетической традиции применительно к доплатоновской фило-

софии обозначает первоэлемент, лежащий в основе всех вещей, в большинстве случаев материального свойства – вода, воздух, огонь, земля, атомы и пр.

Иногда термины философии заимствуются из других семантических полей (посредством метафоры или метонимии), в том числе из других технических языков. В качестве примера метонимии можно привести греческое слово ὕλη, которое первоначально значило ‘строевой лес’ и которым Аристотель посредством аналогии со всем, изготовленным из этого материала, стал обозначать любую вещественную основу (по отношению к ранним греческим философам ὕλη – это их первоэлементы, а для самого Аристотеля ὕλη – это общий ответ на вопрос «из чего?»)¹, это материал, из которого нечто сделано: например, ὕλη бронзовой статуи – бронза, ὕλη дома – кирпичи, строительный раствор, древесина и гвозди). Впоследствии, как известно, греческое ὕλη Цицерон перевёл на латинский язык калькой materia (первоначально также «строевой лес»), и в позднейшей европейской традиции в смысле философской абстракции от вещества и вещественности прижился именно латинский вариант «материя».

Примером метафоры служит термин «катарсис» (κάθαρσις), который пришёл в философию из языка медицины. В медицинском греческом это слово обозначало очищение организма посредством принятия слабительных или рвотных средств, а также процесс менструации у женщин. В языке философии катарсис стал выражать очищение сознания или, как тогда говорили, души: у пифагорейцев катарсис – очищение как в физическом смысле посредством медицинских процедур, так и в духовном через музыку; у Платона катарсис – отделение души от тела в момент смерти, а также очищение души, достигаемое в результате философского ἔλεγχος (букв. ‘допроса’), практикуемого в том числе и Сократом; и, наконец, у Аристотеля катарсис – производимое древнегреческой трагедией через сострадание и страх очищение эмоциональной сферы человека и обретение им душевного равновесия.

У некоторых греческих философов метафоры и другие образные средства языка (к числу которых также относятся, например, сравнения) становятся основой стиля и главным спо-

---

¹ Три других базовых вопроса, которые, согласно Аристотелю, можно задать относительно чего угодно – см. далее, в той части статьи, где излагается учение Аристотеля о четырёх причинах.

собом отображения их видения мира и открытых ими философских истин. Такой подход, кажется, избирает для себя в большинстве случаев Гераклит Эфесский, за что его ещё в античности прозвали Тёмным (Σκοτεινός). В качестве примера можно указать на знаменитый образ лука и лиры как символов устройства мира с его единством противоположностей: οὐ ξυνιᾶσιν ὅκως διαφερόμενον ἑαυτῶι ὁμολογέει παλίντροπος ἄρμονίη ὅκωσπερ τόξου καὶ λύρης (frg. 51) ‘они не понимают, как противоположное находится в согласии: обращённая вспять гармония, как лука и лиры’. Ещё более загадочен гераклитовский Эон (Век, Вечность), который в 52-м фрагменте предстаёт перед нами как «дитя, играющее в песейю², дитя, обладающее царской властью» (παῖς ... παίζων, πεσσεύων· παιδὸς ἢ βασιληῆ).

На уровне словообразования философские термины могут создаваться посредством аффиксации, причём как суффиксации, так и префиксации. К первой группе философских «неологизмов» принадлежат, например, (правда, скорее шуточные) «стольность» (τραπέζότης) и «чашность» (κυαθότης), которые представляли собой отыменные *nomina qualitatis* с формантом -ότης и были якобы изобретены Платоном для передачи общей идеи стола и чаши. Анекдотическую историю об этом мы читаем у Диогена Лаэртия в сочинении «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» (VI, 53): «Когда Платон рассуждал об идеях и придумывал названия “стольности” и “чашности”, Диоген [Синопский] сказал: “А я, Платон, стол и чашу вижу, а стольности и чашности не вижу”. На что Платон ответил: “Это объяснимо, так как, чтобы видеть стол и чашу, у тебя есть глаза, а чтобы видеть стольность и чашность, у тебя нет разума”».

В качестве примера префиксальных «неологизмов» можно привести серию терминов, придуманных Анаксагором из Клазомен для описания образования и распада сложных тел. Во избежание несовместимых с его философскими воззрениями слов, обозначающих возникновение и уничтожение или рождение и смерть, он, добавляя к корню κριν- различные префиксы, создаёт своего рода терминологическую систему: появление чего-либо он описывает глаголами ἀπο-κρίνεσθαι ‘отделяться, выделяться (из смеси)’ или συνκρίνεσθαι ‘соединяться, складываться (из

² Игра, напоминающая шашки или нарды.

частей)», а исчезновение – глаголом διακρίνεσθαι ‘разделяться (на составные части)’ (Лебедев 2009: 363).

В ряде случаев образование новых слов производится комбинированным методом – сочетанием префиксации и суффиксации. Так, например, получены термины συμπέρασμα – «умозаключение, вывод», обозначающий в логике Аристотеля заключение силлогизма и встречающийся также у стоиков, и термин «метемпсихоза» (μετεμψύχωσις), засвидетельствованный в греческом языке со II в. н. э., при том что сама идея о переселении душ была известна в Греции ещё во времена Пифагора.

Для получения философских терминов может использоваться и словосложение.

В качестве примера здесь представляется уместным привести образованный посредством примыкания термин стоической философии παλιγγένεσις ‘возрождение, регенерация’, употреблявшийся применительно к возрождению мира после периодически случающегося мирового пожара (ἐκπύρωσις). Это слово встречается и в Новом Завете, где означает производимое обрядом крещения новое рождение человека, а также воскресение.

Посредством словосложения получены также многие термины из области этики: например, καλοκάγαθία, который как термин был предложен Аристотелем в «Евдемовой этике» (VII, 15) и обозначал высшую добродетель (ἀρετή), объединяющую в себе все признаваемые в обществе добродетели. К числу подобных образований принадлежит и μεγαλοψυχία ‘душевное величие, возвышенный образ мыслей’. У Аристотеля в «Никомаховой этике» (IV, 3, 1123 a 34 ff) μεγαλοψυχία – качество человека, являющего собой образец добродетелей и сознающего собственное превосходство, но при этом не превышающего меры; по некоторым описаниям Аристотеля μεγαλοψυχία близка к понятию «харизма». Но иногда мера всё же, по-видимому, превышалась: так, в приписываемом Платону «Втором Алкивиаде» (140 c, 150 c) Сократ называет μεγαλοψυχία эвфемизмом для глупости.

Нестандартный случай словосложения, скорее по смыслу, нежели по форме, можно усмотреть в придуманной Гераклитом терминологии для номинации противоположностей, которые по его мысли едины. В этом смысле удачной представляется аналогия, приведённая известным исследователем античной философии А. В. Лебедевым в статье «Греческая философия как

реформа языка»: разделение здесь подобно тому, как если бы кто-то стал рассматривать единый бублик как два предмета – как собственно бублик и как дырку от бублика. Стремясь преодолеть этот языковой дуализм, искажающий истинную сущность мира, Гераклит, похоже, сознательно устраняет союз καί между противоположностями и превращает отдельные слова обыденного языка, которые, по его мнению, лишь слогги «правильных» имён, но не сами имена, в терминологические единства ЗИМАЛЕТО, ДЕНЬНОЧЬ, ВОЙНАМИР, СЫТОСТЬ-ГОЛОД и пр. – ἡμέρη εὐφρόνη, χειμῶν θέρος, πόλεμος εἰρήνη, κόρος λιμός (frg. 67) (Лебедев 2009: 361–362)³.

Остроумный пример словотворчества или даже словесного «хулиганства» в сфере философии мы находим у Демокрита, хотя речь здесь скорее идёт о «словоразложении», чем о словосложении. В противоположность пустоте, которая именовалась у него греческим словом οὐδέν ‘ничто, нуль’; из οὐδ’ ἔν – букв. ‘ни одно’, Демокрит путём переразложения основ и отсечения не нужного ему отрицания οὐ изобрёл для обозначения атомов не существующее в греческом языке слово δέν ‘уль’ (Лебедев 2009: 364).

Но специфически греческим способом обозначения философских абстракций, ставшим со времён Аристотеля стандартным и почти «идеальным» инструментом для создания терминов философии, является конверсия, а точнее одна из её разновидностей – «артиклевая» субстантивация, которая состоит в добавлении определённого артикля и таким образом переводит фактически любое слово, словосочетание или даже предложение в разряд существительных.

Это свойство греческого артикля в сочетании с его способностью выделять не только единичный предмет из множества других (= тот самый), но и указывать на не единичный предмет как на единичный и таким образом производить обобщение (тот самый = как таковой) оказывается для языка греческой философии, оперирующего общими понятиями, особенно плодотворным и эксплуатируется как своего рода механизм, обеспечивающий переход от частного и конкретного к общему и абстрактному.

---

³ Об использовании бессоюзной связи для описания мира явлений с присущими ему противоположностями и циклическими изменениями см. также в указ. соч. на с. 363.

С обобщающей разновидностью значения определённого артикля связана применительно к языку древнегреческой философии и его способность к субстантивации. Сразу отметим, что в философском греческом субстантивация осуществляется, как правило, посредством добавления артикля среднего рода единственного или множественного числа – τό или τά.

Для сравнения скажем, что в языке греческой математики, где термины тоже часто представляют собой субстантивированные образования, используются артикли всех трёх родов – ὁ, ἡ, τό, например:

- ἡ АВ (подразум. γραμμή) ‘линия, соединяющая точки А и В’,
- ἡ πρὸς τῷ В (подразум. γωνία) ‘угол В’,
- ἡ ὑπὸ τῶν АВ, ВГ (подразум. γωνία) ‘угол, образованный прямыми АВ и ВС’,
- ὁ АВГ (подразум. κύκλος) ‘окружность, проходящая через точки А, В, С’,
- τὸ АВГ (подразум. τρίγωνον) ‘треугольник АВС’.

И в завершении этой серии примеров приведём пример словесного отображения математической формулы из «Начал» Евклида: положение $A = D$ будет по-гречески расшифровываться как ἔστι δὲ καὶ ἡ πρὸς τῷ Α ἴση τῇ πρὸς τῷ Δ (6, проп. 7, 36).

Как видно, в математическом греческом имеет большое распространение простейший способ «артиклевой» субстантивации, когда переход в существительные производится путём эллипсиса существительного, имеющего при себе определение. Кроме того, не следует забывать о том, что в греческой математике все положения и доказательства обязательно подкреплялись визуальными (математика была наглядной) и потому артикль здесь указывает не столько на общий случай, сколько на конкретный образ, который в данный момент находится перед нашими глазами – «именно этот, эта, это».

В языке греческой философии «артиклевая» субстантивация принимает более разнообразные формы.

Самые ранние известные нам примеры применения этого способа номинации философских понятий мы встречаем у Парменида. В первой части своей поэмы «О природе», традиционно называемой «Путь Истины», он использует для обозначения понятия «бытие» субстантивированное причастие среднего рода глагола εἶναι ‘быть, существовать’ в принятой в его диалекте форме – τὸ εἶν (букв. ‘что-есть’). В позднейшей греческой тра-

диции (например, у Платона и Аристотеля), в указанном смысле, наряду с единственным, употребляется и множественное число – τὸ ὄν и τὰ ὄντα, а также субстантивированный инфинитив τὸ εἶναι. Выбор Парменидом формы единственного числа, по-видимому, носит сознательный характер и вполне соответствует монизму его философских воззрений, согласно которым бытие едино, бесконечно и неизменно, а открывающаяся нашему взору множественность и изменчивость мира явлений – это лишь видимость, результат следования по ложному «Пути мнения». Субстантивированное причастие τὸ ἔόν мы встречаем и у другого представителя элейской философской школы ученика Парменида Мелисса.

В дальнейшем греческие философы в онтологических контекстах стараются использовать для номинации бытия не одиночные субстантивированные причастия τὸ ὄν или τὰ ὄντα, но прибавлять к ним уточнения, так как в обыденном словоупотреблении эти причастия могли служить субститутами одной или нескольких индивидуальных вещей.

Например, Платон именует свои идеи τὰ ὄντως ὄντα («истинно сущими»), дополняя причастие усиливающим его значение наречием ὄντως. В смысле (истинного) бытия употребляет он и слово οὐσία (именное образование от причастной основы ὄν-), которое в нефилософском греческом обозначает не более, чем «имущество» или «состояние».

Аристотель не использует платоновское τὰ ὄντως ὄντα. У него встречаются субстантивированные выражения τὸ πρῶτως ὄν «сущее в первичном смысле», τὸ ὄν ἁπλῶς «сущее вообще» и τὸ ὄν ἢ ὄν «сущее как таковое».

Что касается существительного οὐσία, то оно у Аристотеля приобретает значение «сущности» или «субстанции» – единичного бытия как сочетания формы и материи.

Ещё одним номинантом такой сущности/ субстанции служит у него субстантивированный вопрос τὸ τί ἐστὶ «суть», букв. «то-что-это-есть»⁴.

«Формальная» составляющая философского понятия сущности/субстанции как коррелята чистой сущности, или эйдоса, обозначающая не саму обособленную вещь, а её качественную определённость, присвоенную ей при первом ответе на вопрос

⁴ Иногда встречается «предложный» вариант того же самого вопроса ἐν τῷ τί ἐστι «в сути».

«что это есть?» может также выражаться ещё одним субстантивированным вопросом τὸ τί ἦν εἶναι ‘суть бытия’, букв. ‘то-что-это-было’ (ср. перевод Цицерона *essentia* < *esse* + *ens* + формант абстрактных существительных *-tia*). Поясняют это следующим примером. Скажем, что есть Сократ? – Человек. – А что есть человек? Таким образом получается, что определение Сократа как человека есть определение в нём «того, чем он уже был (назван)». Считается, что такой способ номинации в смысле происхождения представляет собой школьный жаргонизм, имевший хождение в афинских философских школах V–IV вв. до н. э. (Васильева 1985)⁵.

«Материальная» составляющая οὐσία обозначается Аристотелем существительным ὕλη и субстантивированным причастием τὸ ὑποκειμενον ‘субстрат’ (букв. ‘лежащее внизу, в основе’).

С понятием сущности или субстанции оказывается у Аристотеля связанным и учение о четырёх причинах и первоначалах всего сущего (αἰτία), первыми двумя из которых как раз являются элементы субстанции – материя (ὕλη) (то, в чём реализуется понятие) и форма (εἶδος) (понятие, которое принимает материя при переходе от возможности к действительности), а третьей и четвёртой – действующая причина (κινῶν) и цель действия (τέλος). Обычно приводят следующий пример: при строительстве дома материей будут кирпичи, формой – план (замысел) дома, действующей причиной – деятельность строителя, а целью – назначение дома. В соответствии с такой классификацией можно дать характеристику любому явлению действительности, если ответить на четыре основных вопроса, которые Аристотель облакает в форму субстантиватов: материальная причина выражается «артиклевым» образованием τὸ ἐξ οὗ ‘то, из чего’, формальная – уже упоминавшимся τὸ τί ἦν εἶναι, действующая – τὸ διὰ τί ‘то, из-за чего’, а целевая – τὸ οὗ ἕνεκα ‘то, ради чего’.

⁵ К слову отметим, что употреблённый в τὸ τί ἦν εἶναι имперфект ἦν представляет собой случай специфически философского использования указанной видовременной формы, когда она применяется для повторного обращения к прежде уже сделанному утверждению, но на сей раз высказываемому в более широком контексте. В качестве ещё одного примера философского имперфекта приведём отрывок из «Государства» Платона: ἀλλ’ ἦν ἐκεῖνη (sc. μουσική) ἀντίστροφος τῆς γυμναστικῆς, εἰ μὲνησαι ‘но музыка была (своего рода) противвесом гимнастике, если ты помнишь’ (522 а 3 с отсылкой к 410 с–412 а). Философский имперфект встречается и у Аристотеля.

На понятии сущности/субстанции также основана у Аристотеля теория категорий сущего (κατηγορίαι τοῦ ὄντος), первой из которых как раз и была οὐσία – субъект высказывания, подразделявшаяся на два вида – αἱ πρῶται οὐσίαι ‘первые сущности’, т. е. индивидуальное бытие) и αἱ δευτέραι οὐσίαι ‘вторые сущности’, т. е. бытие видов и родов). Все остальные девять категорий служили предикатами и раскрывали свойства бытия. В создании наименований для семи таких предикатов также был задействован механизм «артиклевой» субстантивации: τὸ ποιόν ‘качество’, τὸ ποσόν ‘количество’, τὸ πρὸς τι ‘отношение’ (букв. ‘то, что по отношению к’), τὸ ποιεῖν ‘действие’, τὸ πάσχειν ‘претерпевание’, τὸ ποτέ ‘время’, τὸ ποῦ ‘место’. Только категории «обладания» и «положения» были обозначены отглагольными существительными ἔξις и διάθεσις соответственно. По мнению Аристотеля, бытие (τὸ εἶναι, τὸ ὄν) имело столько же смыслов, сколько было категорий (Anim. I, 5; Met. 1017 a 24).

Стоики сократили число категорий до четырёх, но продолжили традицию их номинации посредством субстантиватов: τὸ ὑποκειμενον ‘субстрат’, τὸ ποιόν [ὑποκειμενον] ‘качество’ (нередко с уточняющими наречиями κοινῶς ποιόν ‘родовое качество’ и ἰδίως ποιόν ‘индивидуальное качество’, τὸ πῶς ἔχον [ποιόν ὑποκειμενον] ‘состояние, определённое «изнутри»’ (букв. ‘каким-то образом расположенное’), τὸ πρὸς τί πῶς ἔχον [ποιόν ὑποκειμενον] ‘состояние в отношении (определённое «извне»)’ (букв. ‘относящееся к чему-то каким-то образом’) (Chrys. Frg. log. et phys. 369 sq., 374, 399 sq. и др.). К стоическим «категориям» примыкает и субстантивированное образование τὸ τι ‘нечто’ – самое общее понятие (Chrys. ibid. 334), которое «сказывается обо всём, что вообще обладает некоторой предметностью (материальной или смысловой), то есть обо всём, что так или иначе налично и о чём в принципе “нечто” может быть сказано» (Столяров 1995: 98 сл.).

Среди философских терминов, полученных «артиклевой» субстантивацией, также хотелось бы отметить:

1) произведённое от глагола συμβαίνειν ‘сопутствовать’ перфектное причастие τὸ συμβεβηκός ‘сопутствующее’ (или ‘акциденция’), которым Аристотель назвал одну из своих предикабилей (Top. 102 b и др.);

2) перешедший в разряд существительных инфинитив τὸ ἐνδέχεσθαι ‘может быть’, используемый Аристотелем в качестве наименования одной из модальностей (Anal. pr. 32 b и др.);

3) слова, выполнявшие в классическом греческом служебную функцию, изъяснительный союз ὅτι ‘что’ и причинный союз διότι ‘потому что’, которые искусно были переведены Аристотелем в грамматические существительные τὸ ὅτι ‘то, что’ и τὸ διότι ‘то, почему’; ими он обозначил третью и четвертую стадии эпистемологического поиска (Anal. post. 89 b).

Наряду с «артиклевой» субстантивацией, важнейшую роль в превращении древнегреческого языка в язык философии сыграл глагол εἶναι, чисто грамматический узус которого, основанный на двух значениях – так называемом абсолютном и предикативном⁶, имеет исключительное значение для становления всей древнегреческой метафизики, начиная с Парменида и кончая Платоном и Аристотелем.

Предикативное употребление εἶναι имеет широкое распространение в греческой литературе (не обязательно философской) и предполагает непереносимое наличие при этом глаголе предиката или иного добавления (‘быть чем-то, где-то’ и т. д.): например, ὁ ἄνθρωπος λευκός ἐστίν (Aristot. Anal. post. 83 b и др.) ‘человек бледен (букв. есть бледный)’, καὶ τούτου θάνατος ἡ ζημία ἐστίν (Lys. Agor. 66) ‘и наказание за это – смерть’, εὖ γὰρ ἔσται (Eurip. Med. 89) ‘[все] будет хорошо’, ἐν ἀσφαλεστάτῳ εἶναι (Xenoph. Anab. I, 8, 22) ‘быть в полнейшей безопасности’, οὗτος ἐπ’ αὐτοφόρῳ ἐστί (Lys. Agor. 87) ‘он пойман с поличным’.

К случаям предикативного употребления εἶναι относится также выражение τί ἐστί ‘что (это) есть?’, которое первоначально указывало на интерес к чему-либо, как правило, в смысле его происхождения (в классическую эпоху с оттенком не столько любопытства, сколько удивления и озабоченности), но со временем приобрело специфическое значение в философском языке и в диалогах Платона стало формулой сократовского вопроса об определении: ср., например, с одной стороны, τοῦτὶ τί ἐστί τὸ κακόν; ... εἰπέ μοι, τοῦτὶ τί ἦν; (Aristoph. Ach. 155, 157) – ‘Что это за ужас? ... Скажи мне, что это значит?’ (при виде нелепого зрелища), βούλει τὰ θεῖα πράγματ’ εἰδέναι σαφῶς ἅπτ’

⁶ Здесь и далее мы следуем интерпретации Чарльза Кана, автора фундаментального труда «The verb ‘be’ in ancient Greek» (Kahn 1973), а также серии блестящих статей об употреблении этого глагола в греческой философии: The Greek verb ‘to be’ and the concept of being (Kahn 1966: 245–265); The Thesis of Parmenides (Kahn 1969: 700–724); Some philosophical uses of ‘to be’ in Plato (Kahn 1981: 105–134); Being in Parmenides and Plato (Kahn 1988: 237–261) и др.

ἐστὶν ὀρθῶς; (id. Nu. 250–251) ‘ты хочешь точно знать дела божественные, каковы они на самом деле?’ (далее следует лекция по метеорологии) и, с другой стороны, τί ἐστὶ τὸ ὄσιον; (Plat. Euthyph. 15 c) ‘что есть благочестие?’, τί ἐστὶν ἄνθρωπος; (Aristot. Anal. post. 89 b) ‘что есть человек?’.

При абсолютном употреблении εἶναι не требует никакого дополняющего слова и выражает два основных смысла: экзистенциальный – «быть» = «существовать» и истинностный (veridical) – «быть именно таким», «факт, что», «истинно, что». Сюда же иногда относят случай, когда εἶναι (а точнее ἔστι в сочетании с инфинитивом) имеет потенциальное значение – «возможно/можно (делать то-то и то-то)».

В экзистенциальном смысле как глагол, представляющий традиционную философскую модель обозначения существования, εἶναι появляется в литературном греческом языке в V в. до н. э. в связи с распространением религиозного скептицизма и философских спекуляций, пропагандируемых софистами. В качестве примера такого употребления εἶναι можно привести отрывок из диалога между Стрепсиадом и Сократом в комедии Аристофана «Облака» (366–367): Στ. ὁ Ζεὺς δ' ὑμῖν, φέρε, πρὸς τῆς Γῆς, Οὐλύμπιος οὐ θεὸς ἐστίν; Σω. ποῖος Ζεὺς; οὐ μὴ ληρήσεις. οὐδ' ἐστὶ Ζεὺς '(Стрепсиад) А Зевс Олимпийский, скажи, заклинаю Землѣй, вам не бог? – (Сократ) Какой Зевс? Не носи чушь! Зевс не существует вовсе!' (ср. аристотелевское εἰ ἔστιν ἢ μὴ ἔστι κένταυρος ἢ θεός (Anal. post. 89 b) ‘существует ли или нет кентавр или бог’).

Самый ранний известный пример экзистенциального использования εἶναι в философской литературе мы находим у Протагора (frg. 4): περὶ μὲν θεῶν οὐκ ἔχω εἰδέναι, οὐθ' ὥς εἰσὶν οὐθ' ὥς οὐκ εἰσὶν οὐθ' ὁλοῖοί τινες ἰδέαν ‘относительно богов я не могу знать, ни существуют ли они или не существуют, ни каковы они на вид’. Примечательно, что уже здесь даже на грамматическом уровне проводится разделение существования и того, что потом назовут сущностью (οὐσία): последнее будет оформляться εἶναι, употребляемом в предикативном смысле – ὁλοῖοί [εἰσὶν] ἰδέαν.

Своего рода пограничный случай между двумя типами абсолютного значения εἶναι (экзистенциальным и истинностным), кроме всего прочего свидетельствующий о наличии глубинной связи между понятиями истины и существования, представляет фрагмент сочинения Мелисса (8): εἰ γὰρ ἔστι γῆ καὶ ὕδωρ καὶ ἀήρ

καὶ πῦρ καὶ σίδηρος καὶ χρυσός, καὶ τὸ μὲν ζῶον τὸ δὲ τεθνηκός, καὶ μέλαν καὶ λευκὸν καὶ τὰ ἄλλα, ὅσα φασὶν οἱ ἄνθρωποι εἶναι ἀληθῆ, εἰ δὴ ταῦτα ἔστι, καὶ ἡμεῖς ὀρθῶς ὀρώμεν καὶ ἀκούομεν ... 'Если существует земля и вода, и воздух, и огонь, и железо, и золото, и одно живое, а другое мёртвое, и чёрное, и белое, и всё прочее, о чём люди говорят, что оно истинно, если действительно оно существует (именно таково – ?) и мы правильно видим и слышим...'. В начальном придаточном условия εἰ γὰρ ἔστι γῆ κτλ. глагол εἶναι выражает существование, в сочетании εἶναι ἀληθῆ он используется в предикативном смысле, а в финальном придаточном условия εἰ δὴ ταῦτα ἔστι как раз имеет место случай пограничного значения: ταῦτα ἔστι может значить и «оно существует», и «то, что о нём говорят люди, именно таково».

На истинностную разновидность абсолютного употребления εἶναι впервые обратил внимание Аристотель, который включил её в список четырёх философски релевантных значений этого глагола: ἔτι τὸ εἶναι σημαίνει καὶ τὸ ἔστιν ὅτι ἀληθές, τὸ δὲ μὴ εἶναι ὅτι οὐκ ἀληθές ἀλλὰ ψεῦδος (Met. 1017 a) 'Ещё 'бытие' и «есть» означают, что (нечто) истинно, а «небытие» – что (оно) не истинно, но ложно'.

Классическими образцами стандартного (не философского) использования εἶναι в истинностном смысле могут служить выражения с личными формами этого глагола ἔστι ταῦτα/τάδε 'это истина' и ἔστι οὕτω 'это так', которые часто употребляются для обозначения согласия, в том числе в платоновских диалогах. По сути дела они представляют собой сокращения полной формулы ταῦτα/τάδε ἔστι οὕτως ὡς + λέγεις (λέγει κтл.) (или + любой другой глагол речи или мысли) 'дела обстоят так, как ты говоришь (он говорит и пр.), (что они обстоят)', где субъектом при ἔστι (и, если угодно, антецедентом ταῦτα/τάδε) служит придаточное предложение, вводимое ὡς или аналогичными ему по смыслу союзами: например, οὕτω πῆ τάδε γ' ἔστι φίλον τέκος ὡς ἀγορεύεις (Hom. II. XXIV, 373) 'так, в общем, и есть на самом деле, как ты говоришь, милое дитя', Πάν σοι φράσω τάληθές οὐδὲ κρύψομαι. / Ἔστιν γὰρ οὕτως ὥσπερ οὗτος ἐννέπει (Soph. Trach. 375–376) 'я скажу тебе всю истину и ничего не скрою: (всё) так, как он говорит', ἔστι μὲν ταῦτα, ᾧ Σώκρατες, οὕτως ὡς σὺ λέγεις (Plat. Hipp. Ma. 282 a) 'это так, Сократ, как ты говоришь'.

Помимо личных форм εἶναι, в истинностном смысле в литературном языке встречается и причастие этого глагола τὸ ὄν (ион. ἐόν) или τὰ ὄντα 'истина' или 'факты' (букв. 'что-есть-

(таково)’: например, *χρεὸν γάρ μιν μὴ λέγειν τὸ ἐόν, βουλόμενόν γε Σπαρτιήτας ἐξαγαγεῖν ἐς τὴν Ἀσίην* (Herod. Hist. V, 50) ‘ему не следовало говорить правду, если он хотел вести спартанцев в поход в Азию’, *ὁ δὲ ἀγόμενος ἐς τὰς ἀνάγκας οὕτω δὴ ἔφαινε τὸν ἐόντα λόγον* (ibid. I, 116) ‘когда его вели на пытку, он открыл, как всё было на самом деле (букв. истинную историю)’ (ср. адвербиализованную форму *τῷ ἐόντι* ‘в действительности, истинно, поистине’, к примеру, в *εἰ δὴ τῷ ἐόντι γε Ὅμηρος ταῦτα τὰ ἔπεα ἐποίησε* (ibid. IV, 32) ‘если Гомер действительно автор этой поэмы’.

В языке греческой философии практика употребления глагола εἶναι в истинностном смысле, сыгравшая ключевую роль в формировании понятия бытия, берёт начало от Парменида.

Отметим попутно, что характерной особенностью философского греческого является возможность симметричного построения «истинностных» конструкций с отрицанием и без такового (в то время как при обыденном словоупотреблении встречаются в основном только позитивные высказывания).

С использованием εἶναι в истинностном значении мы встречаемся, к примеру, во втором фрагменте парменидовой поэмы, содержащем исходный пункт всей дальнейшей аргументации и провозглашающем два пути философского познания: *εἰ δ’ ἄγ’ ἐγὼν ἐρέω, κόμισαι δὲ σὺ μῦθον ἀκούσας,/ αἴπερ ὁδοὶ μούναι διζήσιός εἰσι νοῆσαι/ ἢ μὲν ὄπως ἔστιν τε καὶ ὡς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι,/ Πειθοῦς ἐστι κέλευθος (Ἀληθείη γὰρ ὀπηδεῖ),/ ἢ δ’ ὡς οὐκ ἔστιν τε καὶ ὡς χρεὼν ἐστι μὴ εἶναι,/ τὴν δὴ τοι φράζω παναλευθέα ἔμμεν ἀταρπὸν/ οὔτε γὰρ ἂν γνοίης τό γε μὴ ἐόν (οὐ γὰρ ἀνυστόν)/ οὔτε φράσαις* ‘Давай я скажу, а ты, услышав, прими моё слово, какие именно пути исследования единственные есть для познания. Первый (путь) – что оно [всё, что мы можем познать/ всё, что есть для познания] истинно есть и что невозможно (для него) не быть таковым. Это – путь Убеждения (оно сопутствует Истине). А второй путь – что оно есть не истинно и (с необходимостью) должно не быть таковым: эта тропа, я указываю тебе, совершенно безвестна [т. е. тропа, местоположение которой никто не может указать из-за отсутствия информации]. Ибо нельзя ни познать, ни указать на то, что есть не истинно – неисполнимое это’.⁷

⁷ Вопросы интерпретации поэмы Парменида до сих пор остаются в науке остро дискуссионными (общий обзор см. в статье М. Н. Вольф «Стандартная англоязычная интерпретация учения Парменида»

В последующих сохранённых нам фрагментах поэмы сфера использования εἶναι расширяется и охватывает также другие нюансы значения этого глагола. Так, в 8-м и 9-м стихах шестого фрагмента χρῆ τὸ λέγειν τε νοεῖν τ' ἐὸν ἔμμεναι ἔστι γὰρ εἶναι, / μηδὲν δ' οὐκ ἔστιν 'Познание и речь должны быть истинно существующими. Ибо бытие существует, а ничто не существует' причастие ἐὸν можно интерпретировать как обладающее истинностным смыслом, а личную форму ἔστι как случай совмещения истинностного и экзистенциального аспектов абсолютного узуса εἶναι.

В восьмом фрагменте, центральной части аргументации Парменида, появляются случаи предикативного употребления глагола εἶναι, например, при перечислении атрибутов истинно сущего: ἀγένητον ἐὸν καὶ ἀνώλεθρόν ἐστιν, / ἔστι γὰρ οὐλομελές τε καὶ ἀτρεμές ἡδ' ἀτέλεστον (3–4) – «истинно сущее не рождено и не разруσιμο, ибо оно цельно, неподвижно и нескончаемо».

Ещё одним греческим философом, у которого мы находим глагол εἶναι в истинностном значении, был Протагор. Пример такого употребления даёт знаменитое его изречение о человеке – мере всех вещей (frg. 1): πάντων χρημάτων μέτρον ἐστὶν ἄνθρωπος, τῶν μὲν ὄντων ὡς ἔστιν, τῶν δὲ οὐκ ὄντων ὡς οὐκ ἔστιν – «Человек мерит все вещи, что они таковы, (определяя), что они таковы, и что они не таковы, (определяя), что они не таковы». Причастие τὰ ὄντα выражает в данном случае факт как таковой, а личная форма ὡς ἔστιν – факт, признанный и подтверждённый в человеческой речи или познании.

Указанные выше в комментарии к цитате из Протагора два аспекта философского узуса εἶναι необходимо иметь в виду всякий раз, когда мы сталкиваемся с формами этого глагола у Платона и Аристотеля, особенно с его инфинитивом, употреблённым без предиката. В качестве примера можно привести отрывок из «Метафизики» Аристотеля (1011 b): τὸ μὲν γὰρ λέγειν τὸ ὄν μὴ εἶναι ἢ τὸ μὴ ὄν εἶναι ψεῦδος, τὸ δὲ τὸ ὄν εἶναι καὶ τὸ μὴ ὄν μὴ εἶναι ἀληθές 'говорить о том, что есть таково, что оно не есть [таково], или о том, что не есть таково, что оно есть [таково] – ложь; а о том, что есть таково, что оно есть [таково], и о том, что не есть таково, что оно не есть [таково] – истина'. Причастие τὸ ὄν выражает здесь истинностный смысл, а инфинитив εἶναι в

(Вольф 2009: 96–105). Приведенный здесь перевод – это лишь одно из возможных толкований, основанное на теории Чарльза Кана. То же самое касается и предлагаемых далее вариантов распределения смыслов εἶναι в примерах из Парменида, Протагора и других философов.

косвенной речи после λέγειν в описательной форме представляет содержание сказанного.

Типичную формулу философского использования εἶναι в истинностном значении мы находим и в платоновском «Кратиле» (385 b): οὗτος (sc. λόγος) ὃς ἂν τὰ ὄντα λέγῃ ὡς ἔστιν, ἀληθής· ὃς δ' ἂν ὡς οὐκ ἔστιν, ψευδής 'утверждение, гласящее, что то, что есть таково, есть таково, истинно; а то, что гласит, что не таково, ложно'.

Подводя итоги, необходимо отметить, что система древнегреческого глагола εἶναι на языковом уровне позволяла соединить вместе понятия предикации, истины и существования и создавала одну из инструментальных лингвистических предпосылок для развития онтологии и гносеологии как круга логически связанных тем и проблем.

Литература

- Aristoph. Ach. – Aristophanes. Acharnenses, ed. Coulon V. and van Daele M., Aristophane, vol. 1. Paris: Les Belles Lettres, 1923 (repr. 1967 (1st edn. corr.)).
- Aristoph. Nu. – Aristophanes. Nubes, ed. Dover K. J., Aristophanes. Clouds. Oxford: Clarendon Press, 1968 (repr. 1970).
- Aristot. Anal. pr., Anal. post. – Aristoteles. Analytica priora et posteriora, ed. Ross W. D., Aristotelis analytica priora et posteriora. Oxford: Clarendon Press, 1964 (repr. 1968).
- Aristot. Anim. – Aristoteles. De anima, ed. Ross W. D., Aristotle. De anima. Oxford: Clarendon Press, 1961 (repr. 1967).
- Aristot. Eth. Eud. – Aristoteles. Ethica Eudemia, ed. Susemihl F., Aristotelis ethica Eudemia. Leipzig: Teubner, 1884 (repr. Amsterdam: Hakkert, 1967).
- Aristot. Eth. Nic. – Aristoteles. Ethica Nicomachea, ed. Bywater I., Aristotelis ethica Nicomachea. Oxford: Clarendon Press, 1894 (repr. 1962).
- Aristot. Met. – Aristoteles. Metaphysica, ed. Ross W. D., Aristotle's metaphysics, 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1924 (repr. 1970 [of 1953 corr. edn.]).
- Aristot. Top. – Aristoteles. Topica, ed. Ross W. D., Aristotelis topica et sophisticis elenchi. Oxford: Clarendon Press, 1958 (repr. 1970 (1st edn. corr.)).
- Chrys. Frg. log. et phys. – Chrysippus. Fragmenta logica et physica, ed. von Arnim J., Stoicorum veterum fragmenta, vol. 2. Leipzig: Teubner, 1903.
- Diog. Laert. – Diogenes Laertius. Vitae philosophorum, ed. Long H. S., Diogenis Laertii vitae philosophorum, 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1964 (repr. 1966).
- Eucl. Elem. – Euclides. Elementa, ed. Stamatis E. S. (post Heiberg J. L.), Euclidis elementa, vols. 1–4, 2nd edn. Leipzig: Teubner, 1:1969; 2:1970; 3:1972; 4:1973.

- Eurip. Med. – Euripides. Medea, ed. Diggle J., Euripidis fabulae, vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1984.
- Heracl. Frg. – Heraclitus. Fragmenta ed. Diels H. and Kranz W., Die Fragmente der Vorsokratiker, vol. 1, 6th edn. Berlin: Weidmann, 1951 (repr. Dublin/Zurich: 1966).
- Herod. Hist. – Herodotus. Historiae, ed. Legrand Ph.-E., Hérodote. Histoires, 9 vols. Paris: Les Belles Lettres, 1:1932; 2:1930; 3:1939; 4 (3rd edn.):1960; 5:1946; 6:1948; 7:1951; 8:1953; 9:1954 (repr. 1:1970; 2:1963; 3:1967; 5:1968; 6:1963; 7:1963; 8:1964; 9:1968).
- Hom. Il. – Homerus. Ilias, ed. Allen T. W., Homeri Ilias, vols. 2–3. Oxford: Clarendon Press, 1931.
- Lys. Agor. – Lysias. In Agoratum, ed. Carey C., Lysiae orationes cum fragmentis. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Melis. Frg. – Melissus. Fragmenta, ed. Diels H. and Kranz W., Die Fragmente der Vorsokratiker, vol. 1.
- Parmen. Frg. – Parmenides. Fragmenta, *ibid.*
- Plat. Cratyl., Euthyph. – Plato. Cratylus, Euthyphro, ed. Burnet J., Platonis opera, vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1900 (repr. 1967).
- Plat. Resp. – Plato. Respublica, *ibid.*, vol. 4, 1902 (repr. 1968).
- Plat. Alc. II – Plato. Alcybiades II, *ibid.*, vol. 2, 1901 (repr. 1967).
- Plat. Hipp. Ma. – Plato. Hippias Maior, *ibid.*, vol. 3, 1903 (repr. 1968).
- Protag. Frg. – Protagoras. Fragmenta, ed. Diels H. and Kranz W., Die Fragmente der Vorsokratiker, vol. 2, 6th edn., 1952 (repr. 1966).
- Soph. Trach. – Sophocles. Trachiniae ed. Dain A. and Mazon P., Sophocle, vol. 1. Paris: Les Belles Lettres, 1955 (repr. 1967 (1st edn. rev.)).
- Xenoph. Anab. – Xenophon. Anabasis, ed. Marchant E. C., Xenophontis opera omnia, vol. 3. Oxford: Clarendon Press, 1904 (repr. 1961).
- Васильева 1985 – Васильева Т. В. Афинская школа философии. Философский язык Платона и Аристотеля. М., 1985, глава «Что есть что?».
- Вольф 2009 – Вольф М. Н. Стандартная англоязычная интерпретация учения Парменида // Вестник НГУ. Серия «Философия». Т. 7, вып. 2, 2009. С. 96–105.
- Лебедев 2009 – Лебедев А. В. Греческая философия как реформа языка // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIII. СПб., 2009.
- Столяров 1995 – Столяров А. А. Стоя и стоицизм, М., 1995.
- Kahn 1973 – Kahn Ch. The verb 'be' in ancient Greek // The verb 'be' and its synonyms: philosophical and grammatical studies. Part 6. Ed. by J. W. M. Verhaar. Dordrecht–Holland / Boston–U.S.A.: D. Reidel Publishing Company, 1973.
- Kahn 1966 – Kahn Ch. The Greek verb 'to be' and the concept of being // Foundations of Language, 2, 1966. P. 245–265.
- Kahn 1969 – Kahn Ch. The Thesis of Parmenides // The Review of Metaphysics. Vol. 22, № 4, 1969. P. 700–724.
- Kahn 1981 – Kahn Ch. Some philosophical uses of 'to be' in Plato // Phronesis. Vol. 26, № 2, 1981, p. 105–134.
- Kahn 1988 – Kahn Ch. Being in Parmenides and Plato // La Parola del Passato, Rivista di Studi Antichi. Vol. XLIII, 1988. P. 237–261.

E. V. Yanzina, O. V. Korneev. Some comments on the role of grammar in creation of the language of ancient Greek philosophy

The article discusses some grammatical issues of the ancient Greek language, which have become necessary linguistic premises for the creation of the language of ancient Greek philosophy and its technical vocabulary. The issues under consideration exist on various levels of the language. On the lexical level terms of philosophy can be developed from elements of common language and be borrowed of existing terms from other semantic fields by metaphors, metonymy etc. Terms are also taken from other technical vocabularies. On the level of word-formation new terms of philosophy can be created through affixation, compounding and conversion. The remarkable example of conversion is article substantivation that is the formation of grammatical noun from almost any other part of speech, word-group or even clause through adding the definite article to it. Such article substantivation in the field of Greek philosophical terminology was first employed by Parmenides and since Aristotle became a typical method of coinage of new philosophical terms. Alongside with the article substantivation an important role is played by exploiting the specific semantic characteristics of the Greek verb “to be” (εἶναι) and variations of its usage, which is based on its two meanings – predicative (to be something/ somewhere etc.) and absolute (in two variants: existential – “to be” as “to exist” and veridical – “to be” as “to be so, to be true”). The unity of system of “to be” in Greek provides the capability to join together three concepts – predication, truth and existence, which has a remarkable impact on evolution of ancient Greek ontology and epistemology.

Key words: philosophy, terminology, Anaxagoras, Aristoteles, Heraclitus, Democritus, Melissus, Parmenides, Plato, Protagoras, Stoics.

**NOMINA DICENDI В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ
«ПОЭМАХ КЭДМОНА» (К ВОПРОСУ О РЕЦЕПЦИИ
ХРИСТИАНСКОЙ ГИМНОГРАФИИ АНГЛОСАКСАМИ)**

В статье рассматривается специфика рецепции христианской гимнографии на материале обозначений «малых жанров» в древнеанглийских поэмах-переложениях Библии. В контексте библейских парафраз песнопения сугубо христианского характера (поэма «Даниил») не имели жанровых наименований, связанных со спецификой их исполнения. Тогда как обозначения *song* и *leod* могли использоваться по отношению к песни Моисея (поэма «Исход»), природа которой близка песням германской языческой традиции.

Ключевые слова: «Гимн Кэдмона», древнеанглийские поэмы «Исход», «Даниил», «Бытие», «Христос и сатана», поэзия Кэдмона, христианская гимнография, *nomina dicendi*, речевые жанры.

Исследование, посвященное *nomina dicendi* в эддической традиции (Смирницкая 2008а), затрагивает ряд проблем, связанных со спецификой восприятия архаических речевых жанров их создателями и современными учеными. Не менее интересным рассмотрением этой проблемы оказывается и для древнеанглийской традиции, которая, с одной стороны, раньше подверглась письменной фиксации, а с другой, – в большей степени испытала влияние христианской культуры. Жанровые обозначения в контексте древнеанглийской традиции не являлись пока объектом рассмотрения, в силу их небольшого количества и специфики жанрового деления дошедших до нас памятников. Не раз отмечалось, что деление это весьма условно, поскольку каждое произведение может быть отнесено одновременно к двум и более жанрам (Мельникова 1985: 53). Учеными признается, главным образом, влияние латино-христианской культуры на жанровую систему древнеанглийской поэзии. При том, что самый известный текст «малого жанра» – «Гимн Кэдмона» получил это обозначение в более позднюю эпоху, древнеанглийская традиция знает достаточно случаев использования наименований разного рода «малых жанров», которые традиционно не рассматриваются как самостоятельные тексты, поскольку они входят в состав более крупных памятников. В этом смысле

анализ речевых эпизодов и специфики их номинации в древнеанглийской традиции позволяет приблизиться к их осмыслению в рамках самой эпической традицией. Мы попытаемся рассмотреть особенности восприятия «малых» речевых жанров на материале обозначений песен (*leod*, *song*) и текстов самих песен в «поэмах Кэдмона», прежде всего, в «Исходе» и «Данииле». Исследование это сосредоточено вокруг текстов, относящихся к древнейшей записанной традиции, и, в то же время, имеющих прямое соприкосновение с традицией церковной гимнографии. Это песни Азарии и трех отроков в огненной печи из поэмы «Даниил», которые повторяют латинский источник очень подробно, и так называемая «Речь Моисея», которая не имеет прямых библейских аналогий. Интерес к *nomina dicendi* в этих текстах обусловлен тем, что два первых фрагмента, имеющие источниками латинские песни, песнями не называются, тогда как песню (*leod*, *song*) названы слова Моисея.

Начало «поэзии Кэдмона» связано с самым известным и самым древним записанным произведением древнеанглийской поэзии – «Гимном Кэдмона». Он дошел до нас на полях «Церковной истории народа англоv» (латинский текст был закончен в 731 году) Беда Достопочтенного¹, рядом с легендой о поэте Кэдмоне. Кэдмон до зрелого возраста не умел слагать стихов, в отличие от своих сотрапезников, исполнявших песни под аккомпанемент арфы. В чудесном сне он обретает поэтический дар и поет песнь о первотворении. По пробуждении Кэдмон пришел в монастырь, где его дар признали боговдохновенным. Оставшись в монастыре, он изучал Священную историю и перелагал ее сюжеты в форме стихов, чем обратил многих людей «к любви и добродетели» (Беда Достопочтенный 2001: 140). При том, что Беда восхваляет его поэтический дар, остается неясным, какого рода стихи сочинял Кэдмон. Приводя текст стихотворения, пропетого в чудесном сне, Беда говорит, что после сна Кэдмон не только запомнил пропетые слова, но и многое к ним добавил. Можно предположить, что для Беда был не столь важен объем пропетого Кэдмоном стихотворения. Само стихотворение могло быть намного длиннее, чем дошедший текст «Гимна Кэдмона» (9 строк). Нет в рассказе Беда и разграничения жанровых обозначений стихов, сочиненных

---

¹ Здесь и далее текст русский текст приводится по изданию (Беда Достопочтенный 2001), латинский (Baedae [Repr.1956]), древнеанглийский (The Old English Version [Repr.] 1997).

Кэдмоном. Все они называются *carmina*, так же как и песни, исполнявшиеся на пиру. Сочиненные же во сне строки названы *carmina* или *uersus*. Обозначение *hymn* в древнеанглийской традиции не применялось и появилось по отношению к этому тексту в 14–15 веках. Объяснить это можно тем, что латинское *hymnus* наравне с *canticum* использовалось по отношению к текстам богослужебных гимнов², а потому, видимо, не могло ассоциироваться с аллитерационной поэзией англосаксов. Песнь Кэдмона в более поздней традиции стала восприниматься как песнь-восхваление, что соответствовало пониманию «гимна» как хвалебной песни.

В древнеанглийском переводе легенды (записан в 871–879 гг.³) система обозначений поэтических сочинений более обширна, чем в латинском тексте, хотя также не дифференцирована. Сочинения Кэдмона и его сотрапезников называются: *leod*, *leopsong*, *song*, *word*, *fers*. Самым редким из всех обозначений было заимствование *fers*, которое оказывается в одном ряду со словом *word* «слово»/ «слова» (им.п. ед.ч./мн.ч.) и, возможно, относилось к мелодике сочинения, к его метру. Кроме того, в древнеанглийском тексте есть и обозначения самого поэтического искусства, соответствия которым нет в латинском тексте: *leodcraft* и *songcraft*. Однако все эти обозначения в легенде о Кэдмоне появляются в конструкциях, которые не дают возможности разграничить основные два понятия (*leod* и *song*). Невозможно точно установить также и то, какого рода стихи слагал Кэдмон, поскольку дошедший до нас «Гимн» является одним из самых сложных текстов древнеанглийской традиции, который может рассматриваться одновременно как текст восхваляющий и повествовательный. В его своеобразии можно видеть причину характерной для древнеанглийской поэтической традиции «универсализации эпической формы, т. е. распространения ее на малые жанры» (Смирницкая 2008б: 330).

Именно в форме повествовательных текстов дошли до нас в составе Кодекса Юниуса (Oxford, Bodleian Library, Junius XI) «поэмы Кэдмона» («Бытие», «Исход», «Даниил», «Христос и сатана»). Они представляют собой не только отголосок,

² Ср. издание латинских гимнов, сохранившихся от эпохи после нормандского завоевания Британии (The Latin Hymns 1851).

³ Перевод, видимо, существовал и ранее в устной форме, поскольку латинское сочинение Беда было адресовано королю, который не знал латыни.

вероятно, очень древней традиции устного парафразирования Библии (Remley 1996), основоположником которой мог быть Кэдмон, но и результат работы нескольких поколений переписчиков и/или редакторов (кодекс был создан, видимо, в самом начале 11-го века (Lockett 2002)).

Жанровые обозначения *leoð* и *song (sang)*, которые древнеанглийский переводчик использовал по отношению к поэзии Кэдмона, употребляются не часто. Наиболее известный случай появления слова *sang* находим в поэме «Беовульф», где в описании сцены пира (Beo 86–99⁴) упоминается певец-скоп, который рассказывал о сотворении мира. При всей очевидности смысловой аллюзии на историю Кэдмона, дословных совпадений с «Гимном Кэдмона» этот фрагмент не содержит. В «Беовульфе» слово *sang* (Beo 1063) также как и *leoð* (Beo 1159) возникает при описании веселья и песен в пиршественном зале. Кроме того, *sang* (Beo 787), а вместе с ним *leoð* (в составе композита *gryreleoð* Beo 786) появится при описании вопля поверженного чудовища Гренделя. *Sang* в «Беовульфе» также обозначает песнь по умершему (Beo 2447). Однако нигде, кроме первого эпизода (рассказ скопа о сотворении мира), не говорится о содержании исполняемой песни. Другая ситуация в «поэмах Кэдмона», где эти слова обозначают звук, издаваемый падальщиками (*sang* Gen 1983, *aefenleoð* – Ex 165), вопль или плач испуганных людей (*aefenleoð* Ex 201), песнь женщин после окончания битвы (*fyrdeleoð* Ex 545, *sang* Ex 544). Также в поэме «Исход» обе эти лексемы появляются при обозначении песни (или речи) Моисея. Интересно, что в «Данииле» эти лексемы не употребляются вовсе, хотя поэма содержит два христианских песнопения. А в поэме «Христос и сатана» появляется только слов *sang* для обозначения песен во славу Бога (Ch&S *song* 45, 142, 144, *lofsong* 154, *sang* 233, 661). Рассмотрение этих лексем передает изменение отношения к песенной традиции, которое происходит по мере «развертывания» Кодекса Юниуса: от традиционного (ср. «Беовульф») восприятия *leoð* и *song* как воплей или ритуальных плачей («Бытие» и «Исход»), через

---

⁴ Здесь и далее тексты древнеанглийских поэм приводятся с переводом автора статьи, опущением долгот и указанием в скобках номера строки и сокращенного названия поэмы соответственно: «Беовульф» (Beo) (Beowulf 1950), «Бытие» (Gen) (Genesis 1931), «Даниил» (Dan) (Daniel and Azarias 1974), «Исход» (Ex) (Exodus 1953), «Христос и сатана» (Ch&S) (Christ and Satan 1931).

песнь-прорицание Моисея («Исход»), к богослужебным по своей природе песни Азарии и трех отроков («Даниил») и песням во славу Божию («Христос и сатана»). В составе «Исхода» и «Даниила» оказываются центральные для всего кодекса фрагменты – тексты, которые демонстрируют разные традиции отношения к песнопениям.

Наиболее архаический по своей природе песенный фрагмент представлен в поэме «Исход». Библейские песни-благодарения пророка Моисея, которые входили в богослужебную гимнографическую традицию (Исх. 15:1–19, Втор. 32:1–43), не находят отражения в поэме «Исход». Вероятно, и «военная песнь» (*fyrðleoð*), которую спели женщины после битвы, не соотносилась с библейским источником. В германской традиции женщины после битвы оплакивали умерших, а появление женских образов после описания битвы во многих эпических песнях было необходимым (Клейнер 1993: 54). В этой ситуации, видимо, хвалебная, благодарственная песнь Моисея из библейской книги Исход была неуместна. Однако в «Исходе» появляется песнь пророческого характера, которая названа в поэме так же, как и сочинения Кэдмона: *sang* и *leoð*. «*Hof ða for hergum/ hlude stefne// lifigendra leoð,/ þa he to leodum spræc//*» – «Огласила там воинство/ зычным голосом// живительная песнь (песнь живых),/ когда он к народу обратился» (Ех 276–277). Песнь Моисея в «Исходе» посвящена совершающимся событиям (чему способствует употребление форм настоящего времени, которое могло иметь значение настоящего и будущего). Например: «*Yð up færeð,/ ofstum wyrceð// wæter on wealfæsten./ Wegas syndon dryge,/ haswe herestræta,/ holm gerymed,/ ealde stadolas,/*» – «Волна ввысь вздымается,/ вдруг соделает// струя стену защитную./ Стези просохнут –// седые прогоны ратные./ Море расступится –// извечные зыби,/» (Ех 282–285). То, что перлокутивный эффект от речи Моисея в контексте поэмы относится не только к людям, но и к силам природы, заставляет искать параллели подобным действиям в германской поэтической традиции. В частности, в древнеисландских жанрах, соотносимых с размером льодахатт, название которого и происходит от др.-исл. *ljóð*, родственного др.-англ. *leoð*. Речь Моисея отчасти напоминает строфы трехчастного древнеисландского льодахатта. Все предложения здесь не длиннее двух долгих строк (четырёх кратких), что сравнительно редко встречается в древнеанглийских поэтических текстах. Появляются

здесь и случаи усложнения традиционного аллитерационного рисунка. В речи есть и гномическая формула – одно из правил эпического мира: «Ofest is selost» – «Спешка – лучшее» (Ex 293). Скрепленная внутренней рифмой, она, вероятно, восходит к древнейшим устным «малым жанрам» – сентенциям и магическим формулам. Аналоги им в изобилии содержатся в «Речах Гримнира» и «Речах Сигрдривы» – песнях «Старшей Эдды», написанных полностью или частично льодахаттом. Однако древнеанглийская традиция не знала этой, характерной для древнеисландской традиции канонизации поэтической формы. Видимо, в приведенном древнеанглийском тексте сохранилась в большей степени древнейшая функция льодахатта и, в меньшей, – его форма. Возводя структуру древнеисландского размера льодахатт к магическим формулам и традиционным малым жанрам, О. А. Смирницкая отмечает, что все древнеисландские льодахаттные тексты «так или иначе обыгрывают (драматизируют) миф или героическое сказание, представляют его как действие, развертывающееся перед зрителями на сценической площадке эддического театра» (Смирницкая 2008в: 356). Подобное явление наблюдаем и в эпизоде, содержащем песнь Моисея. Интересно, что именно в ней сообщается о центральном событии поэмы – разделении вод Красного моря. Отмечалось, что это лишает кульминацию поэмы напряженности (Farrel 1969), но не ставился вопрос, как могла восприниматься эта сцена слушателями.

Два «песенных» фрагмента из поэмы «Даниил» очень подробно повторяют латинский (или греческий)⁵ источник. Песнь трех отроков относится к ранним песнопениям христианской Церкви (Василик 2006: 56–66), во всяком случае, не позднее седьмого века (Mearn 1914). Использование ее в гимнографии Древней Англии подтверждается тем фактом, что она оговорена в Уставе Св. Бенедикта и содержится в рукописях богослужебных книг⁶. По отношению к христианским песнопениям в «Данииле» – песням трех отроков и Азарии – не

⁵ См. подробнее о проблемах влияния греческого текста Библии на поэму «Даниил» (Remley 1996).

⁶ Песнь трех отроков дошла в двух рукописях древнеанглийского периода: «Учебник св. Дунстана» – St. Dunstan's Classbook (Oxford, Bodleian Library, Auct. F.4.32) (9–10 век) и «Веспасианова Псалтирь» – Vespasian Psalter (London BL., Cotton Vespasian A.i.), прибывшая на Британские острова вместе с миссией бл. Августина.

применяются жанровые обозначения, схожие с обозначениями сочинений Кэдмона: они называются только словом *word* (Dan 279–282), которое, при всей его многозначности, не имело в древнеанглийском языке значения «сочинение, исполняемое под музыку» или «стихотворное сочинение». Отроки говорят (*spresað*, *асwæð*), произносят слова, но не поют.

Если в «Исходе» песнь обладает нарративной функцией, то в «Данииле» о чудесном спасении в огненной печи мы узнаем не только из песен. О спасении рассказывает повествователь (до и после песни Азарии), сами песни Азарии и отроков, а после этого – советник Навуходоносора и сам царь. Отметим, что в словах советника (этого персонажа нет в Библии) очевидно структурное сходство с песнью Моисея: это и указание на то, что чудо видно глазами и призыв к действию (Dan 416–429). При этом в словах советника как чудо осмысливается не появление ангела в огненной печи, а песнопения, которые исполняют отроки и благодаря которым они обретают спасение. Таким образом, при значительном отличии этого эпизода от песни Моисея в «Исходе», общим остается особого рода представление о силе пения, хвалы и, в конечном счете, речевого акта, который также представлен подобно драматической сцене, но описан иначе.

В песни отроков во множестве появляются глаголы, обозначающие хвалу, восхваление: *bletsian* (Dan 362, 380, 389, 399), *domain* (Dan 371, 398), *herian* (Dan 374, 379, 386), *lofian* (Dan 372, 390, 392, 395), *weorþian* (Dan 385, 403). Они исторически соотносимы как с мирской славой (*lof*) и оценкой материальных ценностей (*weorþ*), так и с ритуалом благословения через кропление кровью (*bletsian*). Лишь один из всех глаголов (*herian*), видимо, мог относиться к пению⁷. Этот же глагол встречаем и в начале «Гимна Кэдмона». Действия отроков – это восхваление и одновременно сообщение о том, что Бога хвалят все живые существа. Отличным от библейского текста можно считать здесь отсутствие формулы со значением «во веки вечные» *in saecula*, заключающей каждый стих библейского оригинала. Пожелание «надолго» или «навсегда» – *wideferhð* появится лишь в заключительной части песни. Использование настоящего вре-

⁷ В словаре древнеанглийского языка фиксируется случай использования его по отношению к арфе, которая должна славить Бога: *Min hearpe herige Drihten – let my heart praise the Lord – «Пусть арфа моя славит Господа»* (Bosworth, Toller 1882–1898; 1964; 1955).

мени, а в ряде случаев – более древней формы, которая могла совпадать с причастием первым и формами сослагательного наклонения⁸, до некоторой степени передает самому высказыванию значение профетического настоящего, когда действие воспринимается как происходящее в момент речи и как желаемое.

Различие в использовании *nomina dicendi* в двух «поэмах Кэдмона» может быть связано как с их жанровой спецификой, так и с особой традицией восприятия христианской гимнографии. В «Исходе» – поэме, излагающей Священную историю языком героического эпоса, песнь пророка Моисея выглядит вполне естественно. В «Данииле» рассказчик в ряде случаев переходит к нравованию, осуждая гордость, тщеславие и винопитие – неотъемлемые атрибуты героического мира, а сама поэма в большей степени становится похожа на проповедь. Включенное в нее переложение христианского песнопения «песню» не называется, возможно, потому, что обозначения *song* и, в большей степени, – *leod* и сохраняли связь с языческой магией.

Литература

- Беда Достопочтенный 2001 – Беда Достопочтенный. Церковная история народа англо-саксов / Пер. с лат. В. В. Эрлихмана. СПб., 2001. С. 140–142.
- Василик 2006 – Василик В. В. Происхождение канона (богословие, история, поэтика). СПб., 2006.
- Клейнер 1993 – Клейнер Ю. А. Сюжет – песнь – традиция // Слово в контексте литературной эволюции. М., 1993. С. 44–54.
- Мельникова 1985 – Мельникова Е. А. Система жанров англосаксонского эпоса // Западноевропейская средневековая словесность / Под ред. Л. Г. Андреева. М., 1985. С. 53.
- Смирницкая 2008а – Смирницкая О. А. *Nomina dicendi* в названиях эддических песней // Смирницкая О. А. Избранные статьи по германской филологии. М., 2008а. С. 133–146.
- Смирницкая 2008б – Смирницкая О. А. Два предания о первых поэтах: Кэдмон и Браги // Смирницкая О. А. Избранные статьи по германской филологии. М., 2008б. С. 324–345.
- Смирницкая 2008в – Смирницкая О. А. «Речи Гримнира» на эддической сцене // Смирницкая О. А. Избранные статьи по германской филологии. М., 2008в. С. 346–361.
- Смирницкий 1953 – Смирницкий А. И. Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII вв. М., 1953.

⁸ Имеется в виду форма с окончанием *-ige* (Смирницкий 1953: 125).

- Baedae 1896 – Baedae. *Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum*// Baedae. *Opera Historica*. Vol. 1–2 / Ed. Ch.Plummer. Oxford, 1896 [repr. 1956].
- Beowulf 1950 – Beowulf & the Fight at Finnsburg / Ed. by F. Klaeber, with Intr., Bibl., Notes, Glos. and App. Boston, 1950.
- Bosworth, Toller 1882–1898 – Bosworth J., Toller T. N. *An Anglo-Saxon Dictionary based on the Manuscript Collection of J. Bosworth* / Ed. and enlarged by T. N. Toller. Oxford, 1882–1898; Neudruck 1964; Supplement 1955
- Ch&S – Christ and Satan // *Anglo-Saxon Poetic Records*. A collective Edition. Vol. I. *The Junius Manuscript*/ Ed. G. P. Krapp. London, New York, 1931. P. 133–158.
- Daniel and Azarias 1974 – Daniel and Azarias / Ed. with Intr., Notes and Glos. by R.T. Farrell. London, 1974.
- Farrell 1969 – Farrell R. T. A Reading of OE Exodus // *The Review of English Studies*. New Ser. Vol. XX, № 80, November 1969. P. 401–417.
- Exodus 1953 – Exodus: Old English Exodus / Ed. with Intr., Notes and Glos. by E. B. Jr. Irving. New Haven, 1953.
- Genesis 1931 – Genesis // *Anglo-Saxon Poetic Records*. A collective Edition. Vol. I. *The Junius Manuscript*/ Ed. G. P. Krapp. London, New York, 1931. P. 1–87.
- The Latin Hymns 1851 – The Latin Hymns of the Anglo-Saxon Church: with an Interlinear Anglo-Saxon Gloss / Ed. rev. J. Stevenson. London, 1851.
- Lockett 2002 – Lockett L. An integrated re-examination of the dating of Oxford, Bodleian Library, Junius 11// *Anglo-Saxon England*. Vol. 31. Dec. 2002. P. 141–173.
- Mearn 1914 – Mearn J. *The Canticles of the Christian Church Eastern and Western in Early and Medial Times*. Cambridge, 1914.
- The Old English Version [Repr.] 1997 – *The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English people* / Ed. with Tr. and Introd. by Th. Miller. Early English Text Society. Or. Ser. No. 95–96. 2 Pts. Pt. 2, Oxford [Repr.], 1997.
- Remley 1996 – Remley P. G. *Old English Biblical Verse*. Studies in Genesis, Exodus and Daniel. Cambridge, 1996.

M. V. Yatsenko. Nomina dicendi in Old English Caedmon's poems (on the reception of Christian hymnody in Anglo-Saxon poetic tradition)

The article deals with the problem of reception of Christian hymnody in Old English biblical paraphrases (so-called Caedmon's poems). This page of Anglo-Saxon poetic tradition yields a surprising use of *nomina dicendi*. The Christian songs of Azarias and the three youths as presented in the poem *Daniel* are called neither *song* nor *leoð* ("song") regardless of the fact that one of them was definitely sung during the liturgy (in Latin, of course). Whereas the Christian Songs of Moses (from Exodus and Deuteronomy) are replaced in Old English *Exodus* by the song (called both *song* and *leoð*) that has nothing to do with the thanksgiving chant of the Bible. That song in

Exodus represents the departing of the Red Sea as ongoing process. Both episodes (from *Exodus* and *Daniel*) show specific view on the singing as a dramatic act that can have an influence on the outside world. The difference in the use of the names for these songs can refer to specific character of the genres of each of the poems (*Exodus* being more heroic, *Daniel* – more predicant) or just to the traditional attitude to these nomina dicendi. Probably this attitude is best explained by the parallel with the Old Icelandic songs in *ljóðahátt* that look very much like the Old English Song of Moses – both in syntactic construction and in the sphere of use – portraying the things that are going on now or are to come in the nearest future. This likeness lies mainly in the function, because Old English metre was not so strictly regulated as that of Old Icelandic. The special “prophetic” use of the present tense that can refer to the future as well in all the discussed Old English songs helped to view them as a miracle but prevented them from expressing that the events will happen “ever after”, a concept inherent to a Christian prayer.

Keywords: Caedmon’s hymn, Old English poems *Exodus*, *Daniel*, *Genesis*, *Christ and Satan*, Caedmon’s poetry, Christian hymnody, nomina dicendi, genres of the Old English poems.

**SCIENTIA, SAPIENTIA, PHILOSOPHIA:
ИЕРАРХИЯ ФОРМ ЗНАНИЯ
В СОЧИНЕНИЯХ ИОАННА УЭЛЬСКОГО**

В статье реконструируется иерархия типов знания, фигурировавших в сочинениях францисканского проповедника Иоанна Уэльского. На материале четырех источников анализируются представления Иоанна о соотношении знания (*scientia*), мудрости (*sapientia*) и премудрости (*philosophia*). Наивысшей формой знания Иоанн считал премудрость, которая может привести своего обладателя к «исцелению нравов», добродетельной жизни и спасению души. Мудрость, хотя она и доступна язычникам, все же требует от желающего его достигнуть определенных моральных усилий и вознаграждает алкающего ее пониманием того, что такое добро и зло. А *scientia* представляет собой мирское знание, постижимое разумом. В то же время и знание, и мудрость являются инструментами для достижения искомой *philosophia*.

Ключевые слова: Иоанн Уэльский, знание, мудрость, *scientia*, *sapientia*, *philosophia*, *Breviloquium de virtutibus*, *Breviloquium de sapientia*, *Communiloquium*, *Compendiloquium*.

Иоанн Уэльский – значимый францисканский теолог эпохи расцвета богословия в среде нищенствующих орденов, проповедник и усерднейший собиратель *exempla*, чья личная и творческая биографии пока изучены не так подробно, как они того заслуживают. Он принадлежал к поколению Бонавентуры, Фомы Аквинского и Роджера Бэкона. Родился между 1210 и 1230 гг. в Уэльсе; был выходцем из францисканской кустодии Ворчестера. После первого появления францисканцев в Оксфорде Иоанн, которому было тогда около 25 лет, присоединился к Ордену, уже будучи бакалавром теологии. Его вступление в Орден датируют 1257 (Küenzlen, Kalning, Plessow 2010: 62) или 1258–1259 гг. (Swanson 1989: 4). Между 1258 и 1262 гг. он начал преподавать во францисканской школе в Оксфорде, чем занимался до своего отъезда в Париж. Неизвестно, когда именно он прибыл туда, однако можно с уверенностью утверждать, что он уже находился в Париже в июне 1270 г. Дж. Суонсон сделала такой вывод на основании того, что первая проповедь Иоанна из «парижского» цикла (Paris, BN, MS lat 15034, ff. 127, 129d) датируется 29 июня 1270 г. (Swanson 1989: 5). Перебравшись во

Францию, он поддерживал связи с архиепископом кентерберийским Джоном Пекхэмом, который в 1282 г. вызвал его в Уэльс для проведения переговоров с Лливелином III ап Грифидом, последним независимым правителем Уэльса¹. Иоанн умер в Париже, вероятно, в апреле 1285 г.², где и похоронен.

Из-под пера Иоанна вышел ряд дидактических текстов, в том числе – корпус вероучительных сумм, предназначенных для проповедников³, трактаты «Беседа о законе» или «Трактат о десяти заповедях» («*Legiloquium*» или «*Tractatus de Decem Preceptis*») и «*Moniloquium*», а также несколько проповедей (всего ему приписывается около 20 произведений). Дж. Суонсон, автору единственной на сегодняшний день посвященной Иоанну диссертации, было известно 453 манускрипта, содержащих его работы; этот список ежегодно пополняется⁴.

Особенность сочинений Иоанна заключается в том, что он регулярно апеллирует к *exempla* из жизни античных мудрецов, таких как Пифагор, Платон, Аристотель, Цицерон, Сенека, Вергилий, Помпей Трог и другие. Иоанн считал их упоминание необходимым и полезным (он утверждал, впрочем, не без известного лукавства⁵, что к тому времени, когда он взялся за

---

¹ Архиепископ Джон Пекхэм отправился в дипломатическую миссию в Уэльс, пытаясь выступить посредником в переговорах между английским королем Эдуардом и Ллевелином. Он предложил последнему крупное владение в Англии в обмен на уэльскую корону, однако тот отказался (Prestwich 1997: 191–192).

² Считается, что дату смерти Иоанна можно установить с высокой точностью, поскольку мы располагаем сведениями о его участии в комиссии, призванной оценить труды Петра Иоанна Оливи и работавшей в 1283–1285, и о том, что он умер до того, как эта комиссия закончила свою работу (Fussenegger 1954: 45–53). Впрочем, некоторые исследователи полагают, что Иоанн умер значительно позже; так, Жак Берлиоз (впрочем, никак не обосновывающий свою позицию) датирует его смерть 1302 годом (Berlioz 1985: 67).

³ Это наиболее изученная часть наследия Иоанна. Анализом этих источников занимались Уильям Пантен (Pantin 1961), Дженни Суонсон (Swanson 1989), Альбрехт Дием (Diem 2009), Памелла Кальнинг (Kalinig 2007), Томас Риклин (Ricklin 2008) и другие.

⁴ Swanson 1989: 211. По утверждению А. Диема, на 2005 год было известно более 470 рукописей, содержащих сочинения Иоанна (Diem, Verweij 2005: 215).

⁵ К тому времени, когда Иоанн взялся за перо, цитаты и комментарии на сочинения языческих философов стали неотъемлемой частью картины мира и литературного наследия, например, представителей влиятельной Шартрской школы. Петр Абеляр был хорошо знаком с фило-

перо, существовало уже значительное количество дидактической литературы, черпающей назидательные примеры исключительно из Библии, Иоанну же хотелось добавить что-то новое), но все же задавался вопросом о том, где проходят границы доступного язычникам знания. В каждом трактате он посвящает несколько строк обоснованию того, что добрый христианин все же может научиться чему-то у язычников⁶. Помимо эксплицитного выражения своих представлений о мудрости античных философов, Иоанн использовал лексические инструменты для разграничения знания, доступного язычникам, и знания, доступного христианским святым и отцам церкви.

Задача данной статьи заключается в том, чтобы реконструировать иерархию типов знания, описанных Иоанном Уэльским. Для этого необходимо выявить лексические и композиционные способы дифференциации таких явлений, как *scientia*, *sapientia* и *philosophia* в его сочинениях.

Поскольку упоминания античных философов наиболее часто встречаются в серии *-loquia*, упомянутых выше вероучительных сумм, которую составляют «Краткая беседа о добродетелях древних государей и философов» («*Breviloquium de virtutibus antiquorum principum et philosophorum*» (1260–1270)), «Общая беседа» («*Communiloquium*» (1266–1272)), «Полезная беседа о жизни известных философов, об их нравственных речениях и достойных подражания деяниях» («*Compendiloquium de vitis illustrium philosophorum et dictis moralibus eorundem ac exemplis imitabilibus*» (после 1272)) и «Краткая беседа о мудрости или философии святых» («*Breviloquium de sapientia sive philosophia sanctorum*» (после 1272)⁷), именно эти источники стали объектом моего анализа.

В произведениях Иоанна Уэльского выделяется несколько уровней знания, а именно *scientia* (знание), *sapientia* (мудрость) и *philosophia* (премудрость или философия)⁸.

софией платоников (Gregory 1972), его ученик Иоанн Солсберийский почтительно относился к Пифагору и Сенеке (von Moos 1988) и так далее.

⁶ О причинах, вынуждавших Иоанна обосновывать свое право на использование «языческого материала» см. (Яцык 2015)

⁷ Время написания трактатов приведено по версии Дж. Суонсон (Swanson 1989: 13–14).

⁸ Помимо этих основных форм, Иоанн также упоминает *prudencia* (разумение), которое, в свою очередь, подразделяется на *ratio* (отве-

Определения тому, что такое *scientia*, Иоанн не дает, однако, исходя из контекста употребления этого слова, можно сделать вывод, что в его восприятии *scientia* – это мирское знание, постигнутое разумом. Представляется, что во многом на интерпретацию этого термина Иоанном повлиял трактат Августина Блаженного «О Троице», который он неоднократно цитирует⁹. Августин пишет: «*dixit apostolus: «Alii datur sermo sapientiae, alii sermo scientiae», ista definitio diuidenda est ut rerum diuinarum scientia sapientia proprie nuncupetur, humanarum autem proprie scientiae nomen obtineat»* (Aug. De trinitat. XIV, 3). Иоанн также не склонен сакрализировать *scientia*, он использует этот термин, например, для описания способности правителя устанавливать правильные законы (Communiloquium. I, III, 7). Иоанн не сомневается в том, что *scientia* была доступна языческим правителям (те же из них, кто сам не располагал достаточной *humana scientia*, обращались к знающим советчикам: Александр Македонский – к Аристотелю, Нерон – к Сенеке, Траян – к Плутарху, а Карл Великий – к Алкуину).

Впрочем, знания бывают не только полезными, имеющими небесное происхождение (*scientia desursum descendens*), но и земными (*terrena*), вредными (*noxie*), дьявольскими (*dyabolica*); поэтому в учении нужно быть избирательным и осторожным (Communiloquium. V, II, 3). С точки зрения Иоанна, избыточное количество знаний в принципе опасно, поскольку может вызвать «несварение» (*multa indigesta*) в «желудке души» (*stomachus anime*), то есть в памяти (Communiloquium. V, II, 4). Это несварение может породить выделение «дурных соков» (*malos humores*), что повлечет за собой неизбежную порчу нравов (*mali humores sunt mali mores*) (Breviloquium de sapientia. III).

Иногда Иоанн использует слово «*scientia*» в еще более узком значении: так, в «Полезной беседе о жизни известных философов» он сообщает, что практическая премудрость (*practica philosophia*) подразделяется на несколько типов *scientia*: на

чающую за разграничение добра и зла и за стремление к добродетели часть разума), *intellectus* (часть разума, дающую человеку возможность представить себе, помыслить невидимое), *circumspectio* (часть разума, предостерегающую против пороков), *providentia* (часть разума, позволяющую прогнозировать то, что случится в будущем) и *cautio* (способность различать добродетели и пороки) (Breviloquium de virtutibus: 248v–249r).

⁹ Считается, что именно Августин первым противопоставил мудрость (*sapientia*) знанию (*scientia*) (Марей 2013: 11).

scientia gubernandi republicam, scientia regendi propriam familiam и *scientia gubernationis suis* (Compendiloquium. I, 6). Здесь этот термин уместно перевести как «умение, способность»: умение управлять государством, семьей и самим собой.

На первый взгляд кажется, что *scientia* – самая простая из описанных Иоанном форм знания. Однако этот термин в речи Иоанна обладает несколькими значениями: помимо своего собственного узкого смысла, подразумевающего мирское знание, информацию, сведения, которыми может располагать как язычник, так и христианин, понятие *scientia* Иоанн иногда использует в значении знания как такового, активно употребляя его при попытках дать определения *sapientia* и *philosophia*.

Так, описывая премудрость (*philosophia*), Иоанн говорит, что она представляет собой «благороднейшее из знаний» (*nobilissima scientia; nobilior quam alie scientie*), поскольку дает знание о добродетелях (Compendiloquium. I, 2); мудрость же (*sapientia*) Иоанн называет «знанием вечного» (*scientia sempiternorum*) (Communiloquium. V, 1), «знанием вещей божественных и человеческих» (*rerum divinarum et humanarum scientia*)¹⁰ (Breviloquium de sapientia. I). Таким образом, и мудрость, и премудрость оказываются частью, подвидом знания вообще.

На понятии «*sapientia*» Иоанн сосредотачивается в последнем трактате из серии -loquia, в «Краткой беседе о мудрости или философии святых»¹¹. Определению этого термина он посвятил четвертую главу трактата, которая называется «*Que est sapientia sanctorum proprie dicta*». Все эти определения заимствованы из классических произведений, таких, например, как «О свободе воли», «О жизни блаженной» и «О пользе веры» Августина Блаженного или «Нравственные толкования» Григория Великого.

¹⁰ Это определение он позаимствовал у Цицерона (Cicero. Tusculanae disputationes 4. 57. 8).

¹¹ Этот текст не переиздавался с начала XVI в. и до сих пор изучен гораздо слабее, чем остальные сочинения Иоанна. В самом деле, он значительно менее оригинален, чем остальные сочинения уэльского францисканца, и христианским святым – от первых монахов и до святого Франциска – в нем уделяется гораздо больше внимания, чем античным мудрецам. Суонсон объясняет это тем, что Иоанн якобы написал «Краткую беседу», только чтобы снять с себя исходившие от церковных властей обвинения в излишней симпатии к язычникам (Swanson 1989: 194–195). Мне это предположение представляется спорным, поскольку через все произведения Иоанна проходит мысль о превосходстве христиан над неверующими.

Мудрость предстает как добродетель или как способ достижения добродетельной жизни; вслед за Августином, Иоанн называет ее «прямой дорогой, ведущей к истине» (*recta via ad veritatem ducens*) (*Breviloquium de sapientia*. IV). Примечательна попытка Иоанна возвести этимологию слова «*sapientia*» к слову «*sapor*» (аромат), которую он совершает¹² вслед за Бернардом Клервоским, называвшим мудрость «вкусом ко благу» (*sapor boni*) (*Bernardus. Super Cantica Canticorum*, LXXXV).

Иоанн подчеркивает, что стремление к мудрости ведет к спасению души, то есть этот тип знания, касающихся вещей горних, а не земных, казалось бы, не должен был быть доступен язычникам. Однако, зная, что «во времена Пифагора мудрых называли “*sapientes*”» (*Compendiloquium*. II), Иоанн вовсе не избегает именовать так язычников. Третью часть «Полезной беседы о жизни известных философов» он посвящает семи античным *sapientes*¹³, а на примере Сократа (который, как известно, не считал себя мудрым) демонстрирует пути достижения мудрости: нужно быть смиренным и скромным, отказываться от богатства, пренебрегать оказываемыми почестями и так далее (*Compendiloquium*. III, III, 3–20).

Для многих схоластов мудрость, *sapientia*, была высшей формой доступного человеку знания, созерцанием божественного. Например, Иоанн Солсберийский писал, что для достижения мудрости, располагая присущей даже животным способностью чувствовать (*sensus*), памятью (*memoria*) и воображением (*imaginatio*), человек, наделенный разумом (*ratio*) и речью (*sermo*), должен прилагать усилия, чтобы суметь сформировать свое мнение (*opinio*) и, подкрепив его верой (*fides*), знанием (*scientia*) и пониманием (*intellectus*), стяжать мудрость (*sapientia*) (Bloch 2014: 289). Иоанн использует еще одну категорию, премудрость (*philosophia*), которая, как представляется, в его иерархии расположена выше, чем «обычная» мудрость.

Понятие «*sapientia*» Иоанн включает в свое самое любимое определение премудрости (*philosophia*): «премудрость – это любовь к мудрости» (*philosophia est amor sapientie*). В сущности, это определение является переводом греческого слова фило-

¹² «*Sapientia a sapore*». «Совершенная мудрость представляет собой правильную оценку вещей с истинным ароматом и мудр тот, кто различает этот аромат» (*Breviloquium de sapientia*, V).

¹³ Солону, Анаксагору, Диогену, Сократу, Платону, Аристотелю и Пифагору.

софия, «любомудрие», на латинский язык¹⁴. Граница между мудростью и премудростью в понимании Иоанна Уэльского не всегда очевидна, потому что иногда он использует одинаковые обороты для описания этих понятий¹⁵, а подчас даже использует их как синонимы (так, например, шестая глава «Полезной беседы о жизни известных философов» называется «О пользе премудрости и об управлении человеческой жизнью» (*De philosophie utilitate et regimine vite humane*), однако в тексте этой главы Иоанн неоднократно использует термин «*sapientia*» и утверждает, например, что именно она призвана устроить человеческую жизнь). Особенно легко Иоанн ставит знак равенства между этими понятиями, когда говорит о мудрости святых и Отцов Церкви: «[...] ибо удивительна мудрость, то есть философия названных отцов» (*mira ergo sapientia sive philosophia predictorum patrum*) (*Breviloquium de sapientia*. V).

Философия, по Иоанну, – это самая сложная и совершенная из доступных человеку форм знания, «наука наук, учение ученых» (*ars artium, disciplina disciplinarum*) (*Communiloquium*. V. I.), «благороднейшее знание благороднейших вещей» (*nobilissima scientia nobilissimarum rerum*) (*Compendiloquium*. I. II). Премудрость античных мудрецов Иоанн описывает как священное знание, стремление к которому требовало такого же самоотречения, как служение монахов христианскому Богу; так, например, древние философы должны были отринуть все плотское (*omnes carnales delicias abdicarunt*) (*Compendiloquium*. I. IV). Занятие философией способно избавить душу от печали и зла, укрепить слабый разум, исцелить больной и подготовить душу к добродетельной жизни (*Compendiloquium*. I. V). Кроме того, она может исправлять нравы (*eius finis est correctio morum*) (*Compendiloquium*. I. VIII). Настоящий философ¹⁶ должен вести себя примерно так же, как ведет себя проповедник: ему следует алкать знания и стремиться к учению, быть искренним в своих деяниях и вращать человеческие нравы (*Compendiloquium*. II).

¹⁴ Определение весьма распространенное, его можно встретить и у Цицерона (*Cicero. De Officiis* 1. 153), и у Сенеки (*Seneca. Epistulae morales*. 89. 7. 1), и у Исидора Севильского (*Isidorus Hispalensis. Etymologiae*. II. 24. 3), и у многих других авторов.

¹⁵ Так, премудрость он называет «познанием божественных и человеческих вещей» (*divinarum humanarumque rerum cognitio*) – ср. с приведенным выше определением мудрости.

¹⁶ В качестве примера таких философов Иоанн называет Фемистокла, Сократа, Сципиона, Катона, Одиссея (*sic!*) и многих других.

Таким образом, три выделенные Иоанном Уэльским формы знания соотносятся следующим образом: наиболее приземленной и прагматичной из них является *scientia*, доступная любому человеку. *Sapientia*, которая также была присуща в том числе языческим мудрецам и правителям древности, требует от желающего его достигнуть определенных моральных усилий и вознаграждает алкающего ее пониманием того, что такое добро и зло, и позволяет стремиться к добродетельной жизни. *Philosophia* же, которая подчас сливается с *sapientia*, делает снискавших ее язычников почти столь же праведными, как христиане, которые ей обладают.

Источники и литература

- Communiloquium // Johannes Guallensis. Summa de regimine vite humane seu Margarita doctorum. Venezia, 1496, ff. 1r-166v.
- Compendiloquium de vitis illustrium philosophorum et dictis moralibus eorumdem ac exemplis imitabilibus // Johannes Guallensis. Summa de regimine vite humane seu Margarita doctorum. Venezia, 1496, ff. 167r-224v.
- Breviloquium de virtutibus antiquorum principum et philosophorum // Johannes Guallensis. Summa de regimine vite humane seu Margarita doctorum. Venezia, 1496, ff. 240v-259r.
- Breviloquium de sapientia sive philosophia sanctorum // Assisi, Sacro Convento, ms. 397, ff. 216r-221r.
- Мареј 2013 – Мареј Е. С. Sapientiam sine eloquentia prodesse non est dubium: взаимосвязь мудрости и красноречия в произведениях Исидора Севильского // Вестник ПСТГУ. №45 (1). 2013. С. 7–19.
- Яцьк 2015 – Яцьк С. А. Мудрость святых у языческих философов: к эволюции этических взглядов Иоанна Уэльского // Средневековая Европа: Восток и Запад / Отв. ред. М. А. Бойцов; зам. отв. ред. О. С. Воскобойников. М., 2015. [В печати]
- Berlioz 1985 – Berlioz J. Virgile dans la littérature des exempla (XIIIe-XVe siècles) // Lectures médiévales de Virgile. Actes du Colloque organisé par l'École Française de Rome (Rome, 25–28 octobre 1982). Rome, 1985. P. 65–120.
- Bloch 2014 – Bloch D. John of Salisbury on science and knowledge // A Companion to John of Salisbury / Ed. by Christophe Grellard and Frédérique Lachaud. Leiden & Boston, 2014. P. 289–306.
- Diem 2009 – Diem A. A classicising friar at work. John of Wales' Breviloquium de virtutibus // Christian Humanism: Essays in Honour of Arjo Vanderjagt. Brill, 2009. P. 75–105.
- Diem, Verweij 2005 – Diem A., Verweij M. Virtus est via ad gloriam? John of Wales and Michele da Massa in Disagreement // Franciscan studies. Vol. 63. 2005. P. 215–269.
- Fussenegger 1954 – Fussenegger G. (éd.). Littera septem sigillorum contra doctrinam Petri Ioannis Olivi edita // Archivum franciscanum historicum. №47. 1954. P. 45–53

- Gregory 1972 – Gregory T. Abélard et Platon // *Studi medievali*. № 13. 1972. P. 539–562
- Kalning 2007 – Kalning P. Virtues and Exempla in John of Wales and Jacobus de Cessolis. trad. Eric Kuchle // *Princely Virtues in the Middle Ages 1200–1500* / Cur. István Pieter Bejczy and Cary J. Nederman. Turnhout, 2007. (Disputatio 9). P. 139–176.
- Küenzlen, Kalning, Plessow 2010 – Küenzlen F., Kalning P., Plessow O. Die Schachbildlichkeit in Johannes Guallensis' *Breviloquium de virtutibus* – eine Kurzfassung (Epitome) des Liber de ludo scaccorum des Jacobus de Cessolis (mit Edition) // *Mittellateinisches Jahrbuch*. Bd. 45. 2010. S. 61–99.
- Pantin 1961 – Pantin W. A. John of Wales and Medieval Humanism // *Medieval studies Presented to Aubrey Gwynn S. J.* / Ed. By J. A. Watt et al. Dublin, 1961. P. 297–319
- Prestwich 1997 – Prestwich M. Edward I. Yale University Press, 1997.
- Ricklin 2008 – Ricklin T. De honore Aristotelis apud principes oder: Wie Aristoteles in die höfische Gesellschaft des 13. Jahrhunderts einzieht: Das Beispiel des Johannes von Wales // *Kulturtransfer und Hofgesellschaft im Mittelalter. Wissenskultur am sizilianischen und kastilischen Hof* / Hrsg. von G. Grebner und J. Fried. (Wissenskultur und gesellschaftlicher Wandel 15). Berlin, 2008. P. 367–389.
- Swanson 1989 – Swanson J. John of Wales. A study of the Works and Ideas of a Thirteenth-Century Friar. Cambridge, 1989.
- von Moos 1988 – von Moos P. Geschichte als Topik. Das rhetorische Exemplum von der Antike zur Neuzeit und die historiae im 'Polycraticus' Johanns von Salisbury. (Ordo. Studien zur Literatur und Gesellschaft des Mittelalters und der frühen Neuzeit 2). Hildesheim, 1988.

**S. A. Yatsyk. Scientia, sapientia, philosophia:
John of Wales' hierarchy of knowledge**

Present article focuses on analysis of John of Wales' classification of several types of knowledge on the basis of his «-loquia» sequence (consisting of «*Breviloquium de philosophia, sive sapientia sanctorum*», «*Communiloquium*» or «*Summa collationum*», «*Compendiloquium*» and «*Breviloquium de virtutibus antiquorum Principum et Philosophorum*»). John, an important Franciscan theologian and an industrious collector of *exempla* of the 13th century, designates *scientia* (knowledge), *sapientia* (wisdom) and *philosophia* (philosophy). According to him, the latter is the supreme form of knowledge that a human being can seek, it is a true wisdom inherent in Christian saints and Church fathers. As to wisdom, it is accessible for pagans as for Christians but a wise man need to possess a specific set of characteristics such as great humility, sobriety and patience etc. And *scientia* represents the practical, human knowledge, quite useful (for making fair laws, for example) but not leading to the virtuous life.

Keywords: John of Wales, knowledge, wisdom.

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Д. Е. Афиногенов. Так за чем она, русская земля?
- А. С. Балаховская. Аллегорические толкования в экзегетических творениях Иоанна Златоуста и Феодорита Кирского
- А. В. Банников, О. В. Пржигодзкая. Особенности позднеантичной военной терминологии
- А. Е. Беликов. Статистический анализ лексического запаса римского эпоса I в. н. э. в сопоставлении с корпусом Саллюстия
- А. В. Белоусов. К новому изданию двух греческих заклятий с территории Северного Причерноморья
- С. Г. Болотов. [Второй, «назально-кластерный»] закон Турнейзена, латинские герундивы, латинские *nomina abstracta* на *-ō*, *-inis* и... закон Клуге
- В. А. Бондарь. *Nabban/hæfdon*+причастие II в «Житиях святых» аббата Эльфрика: перфект?
- Г. И. Борисов. Методы исправления лексики в *Lex Salica Karolina*
- Н. В. Брагинская, Р. Р. Накипов. Дафнис и Энкиду
- Д. А. Браткин. О богобоязненности нильских крокодилов (Plut., *De Iside* 358a)
- А. Ю. Братухин. *Η ΑΙΝΘΗΣ ΦΙΛΟΣΟΦΙΑ* Климента Александрийского
- Л. В. Братухина. Пан в «Крыму»: образ греческого бога в поэме В. Набокова
- A. S. Vanyukov. Can Latin *tempus* fall in? Some remarks on the Cius inscription (CIL III 7494 = ILS 770) and uses of the verb *ingruo*
- О. А. Волошина. Судьба древнеиндийского *dhātu* в европейской лингвистике
- Г. М. Воробьев. Неологизмы Феодора Газы из его латинского перевода «*De animalibus*» Аристотеля в современной зоологической номенклатуре
- Natalija Ganina. Die moskauer Barbaralegende aus dem Strassburger Reuerinnenkloster (RSB, f. 68, № 446)
- E. V. Grigoryeva. Der armenische Text des Aristoteles in der Auslegung der Analytiken Davids
- Г.-Р. А.-К. Гусейнов. Некоторые индоарийские лексические элементы нахско-дагестанских языков в контексте локализации регионов их первоначального и последующего распространения
- Т. Н. Джаксон. *Скифия* в «Истории о древних норвежских королях» Теодорика Монаха
- В. Г. Долгополов. Классификация талмудического материала христианским автором XIII века в «Извлечениях из Талмуда» (MsBNF 16558): *errores, stultitiae, fabulae*
- С. К. Егорова. Приамелла гораціанского типа

- F. Eloeva, E. Sausverde. Culture Hero As a Former Intriguer
- А. А. Еселева. Пассивные конструкции с трехместными глаголами передачи и лишения (на материале древнеанглийских произведений духовной прозы)
- Е. В. Желтова. О языковом эгоцентризме и аномальных парадигмах в латинском языке
- Н. Ю. Живлова. Эриу и Кодал: воспитание богини и острова
- Я. Л. Забудская. Типология трагической гипотезы
- А. И. Золотухина. Несколько интерпретаций сна Сократа в *Критоне*: от Аристотеля к мегарикам
- С. В. Иванов. Улитка и снег: трансформации перевода как инструмент критики текста и сравнительного анализа (на примере русского «Луцидариуса») 3
- Б. А. Каячев. Босиком по снегу (Вергилий, «Буколики» 10.49 и Проперций 1.8.7)
- М. Л. Кисилиер. «Добро пожаловать» или что имеют в виду законцы?
- М. Л. Кисилиер, В. В. Федченко. Некоторые замечания об архаизмах в системе современных греческих диалектов
- Е. И. Кислова. Грамматика французского языка в российских семинариях XVIII века
- S. D. Kleyner. The Gothic Future: a Tense That Doesn't Exist
- В. Б. Колосова. Этноботанические заметки. IX. Росянка
- Е. В. Коровина. К вопросу о метрической структуре «Песни об Улликумми»
- А. В. Котова. Цепь сравнений в 12-й книге «Энеиды»
- Е. В. Кравченко. Синонимы моря *sā* и *mege* в диахронии германских языков и в поэтике «Беовульфа»
- Е. Р. Крючкова. Древнеиндийские глагольные корни *tard-*, *tarh-* и *star-*
- А. Е. Кузнецов. *Origena Iuno and Etruscan Ocnus: Their Way to Paulus' Epitome De Verborum Significatu*
- Е. А. Кузьменко. Восприятие смерти и ее типы в «Диалоге о чудесах» Цезария Гейстербахского
- Ю. К. Кузьменко. Сокращенный вариант рунического заклинания *-istil(aR)*..... 13
- С. В. Кулланда. Виночерпий Сак
- А. Д. Курилова. Расположение ораторской речи в трактовке российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке
- А. В. Лебедев. «Теогония» Эпименида Критского и происхождение орфико-пифагорейского учения о реинкарнации
- Е. В. Леонова. ΞΕΝΟΣ в греческом фольклоре (на материале греческих народных песен о чужбине)
- Л. Т. Леушина. Классическая филология в Сибири
- S. Luraghi. Instrument and Cause in the Indo-European languages and in

Proto-Indo-European

- А. М. Маломуд. Интерпретация Αἰελένη в Nic. Ther. 310
- Ю. Б. Мантова. Бурный поток на пути византийского святого: литературное воплощение агиографического топоса
- Е. М. Матвеев. Стихотворные примеры в «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова
- Т. А. Михайлова (Смирнова). «Exagoge» Езекииля-трагика: к интерпретации авторской картины мира
- М. А. Молина. Маркированный порядок слов OSV в хеттском языке, его функции и регулярность
- L. Naiditsch, N. Swetosarowa. Dialektlexikologische Projekte von V. M. Schirmunski und die Wortkartei von L. R. Sinder
- А. А. Немировский, А. В. Сафронов. Кто погубил Хаттусу?
- Е. П. Новикова. Место италийских примеров, отражающих фонетические явления, в сочинениях ранних римских грамматиков (Теренций Скавр, Веррий Флакк, Варрон)
- О. П. Павлова. De Isidori Etymologiarum libri XIX capituli 2 pericope 9 emendanda
- E. A. Parina. A Middle Welsh translation of *Flores dietarum*
- А. Е. Петросян. О происхождении имени и образа Аполлона
- А. В. Подосинов. К вопросу об источниках «Перипла Понта Эвксинского» Псевдо-Арриана
- О. В. Попова. Могут ли старовавилонские тексты «Осада Уршу» и «Письмо Лабарны Тунип-Тешубу» считаться переходным этапом между клинописной системой Алалаха VII и хеттской письменной традицией?
- L. Repanšek. Καλαμαντία (*Ptol.* II, 11, 15)
- И. В. Рыбакова. «Аргонавтика» как гимн аргонавтам
- А. В. Сафронов. Греческая традиция о пеласгах и тирсенах в Анатолии и ее египетские соответствия
- М. Г. Селезнев. Самое знаменитое слово Септуагинты
- А. В. Сидельцев. Синтаксис отрицаний в хеттском языке
- М. В. Скржинская. Награды ольвиополитов
- Е. А. Сорокина. Об одном спорном фрагменте из поэмы «Беовульф» и архаичном наименовании жилища
- Т. В. Топорова. Сопоставительный анализ обозначений *воды* в «Старшей Эдде» и «Ригведе»
- С. Р. Тохтасьев. Из ономастики Северного Причерноморья. XXII: Несколько скифских и сарматских имен
- А. А. Трофимов. К проблеме реконструкции и.-е. *k^hsep- ‘ночь’
- В. В. Файер. Цезура в греческом гекзаметре и проблема слабых словоразделов
- А. И. Фалилеев. *Varia Dalmatica*
- К. В. Харитонова. Процесс прагматикализации наречий в санскрите (на примере функционирования вербальных маркеров

- авторитетности в тексте *Manusmṛti*)
- M. L. Khorkov. The concept of conscience in the sermons of John Tauler and its eucharistic context
- Д. А. Черноглазов. *Pluralis reverentiae* – норма византийского эпистолярного этикета?
- А. Б. Черняк. Термин «романские языки» и братья Шлегели
- И. А. Шефф. Сравнение как риторическая категория у Аристотеля
- М. В. Шумилин. Ликаон и Катилина в «Метаморфозах» Овидия
- Э. В. Янзина, О. В. Корнеев. К вопросу о роли грамматики в создании языка древнегреческой философии
- М. В. Яценко. *Nomina dicendi* в древнеанглийских «поэмах Кэдмона» (к вопросу о рецепции христианской гимнографии англосаксами)
- С. А. Яцьк. *Scientia, sapientia, philosophia*: иерархия форм знания в сочинениях Иоанна Уэльского

CONTENTS

- D. E. Afinogenov. What is the Russian Land actually «beyond»?
- A. S. Balakhovskaya. Allegorical interpretations in the exegetic works of John Chrysostom and Theodoret of Cyrus
- A. V. Bannikov, O. V. Przhigodzkaya. Some features of Latin military terminology in late IV century
- A. E. Belikov. Statistical analysis of the I century AD epic poets' vocabulary in comparison with the Sallustian corpus
- A. V. Belousov. Two Greek *defixiones* revisited
- S. G. Bolotov.
- V. A. Bondar. *Habban/hæfdon*+participle II in “Lives of Saints” by abbot Ælfric: perfect?
- G. I. Borisov. Lexical changes in *Lex Salica Karolina*
- N. V. Braginskaya, R. R. Nakipov. *Daphnis and Enkidu*
- D. A. Bratkin. On God-Fearing Nile Crocodiles (Plut., *De Iside* 358a)
- A. Ju. Bratukhin. *Ἡ ἀληθὴς φιλοσοφία* of Clement of Alexandria
- L. V. Bratukhina. Pan in Crimea: the image of the Greek god in Nabokov's poem
- A. S. Vanyukov. Can Latin *tempus* fall in? Some remarks on the Cius inscription (CIL III 7494 = ILS 770) and uses of the verb *ingruo*
- O. A. Voloshina. The Old Indian concept of *dhātu* in European linguistics
- G. M. Vorobyov. Theodore Gaza's neologisms in his translation of Aristotle's *De animalibus*
- Natalija Ganina. Die Moskauer Barbaralegende aus dem Straßburger Reuerinnenkloster (RSB, F. 68, № 446)

- E. V. Grigoryeva. Armenian Translations of Aristotle in the Commentary on the Analytics by David the Invincible
- G.-R. A.-K. Guseinov. Probable Indo-Arian loanwords in the Nakh-Daghestanian languages and the problem of the original localization and the subsequent distribution of these languages
- T. N. Jackson. Scythia in *Historia de antiquitate regum Norwagiensium* by Theodoricus Monachus
- V. G. Dolgoplov. The classification of Talmudic statements by a Medieval Christian writer in his «Extracts from the Talmud» (Ms BNF 16558): errores, stultitiae, fabulae
- S. K. Egorova. The Horatian Priamel
- F. Eloeva, E. Sausverde. Culture Hero As a Former Intriguer
- A. A. Eseleva. Passive Constructions with Three-Place Verbs of Giving and Deprivation in OE Prose
- E. V. Zheltova. On the language egocentrism and anomalous paradigms in Latin
- N. J. Zhivlova. Ériu and Codal: raising up a goddess and an island
- Ya. L. Zabudskaya. Typology of Tragic Hypothesis
- A. I. Zolotukhina. Several interpretations of the Socrates' Dream in *Crito*: from Aristotle to the Megarians
- S. V. Ivanov. The snail and the snow: transformations in translation as an instrument of textual criticism and comparative analysis (on the basis of the Russian Lucidarius). 3
- B. A. Kayachev. Walking barefoot on hoarfrost (Virgil, *Eclogues* 10.49 and Propertius 1.8.7)
- M. L. Kisilier. "You are welcome" or what do Tsakonians mean as they say it?
- M. L. Kisilier, V. V. Fedchenko. Some remarks on archaic phenomena in Modern Greek dialects
- E. I. Kislova. French grammars in Russian seminaries in the 18th century
- S. D. Kleyner. The Gothic Future: a Tense That Doesn't Exist
- V. B. Kolosova. Ethnobotanic studies. IX. Sundew
- E. V. Korovina. On the metric structure of *Song of Ullikummi*
- A. V. Kotova. A series of similes in the Aeneid XII
- E. V. Kravchenko. Synonyms for sea *sæ* and mere in the history of the Germanic languages and in the poetic language of *Beowulf*
- E. R. Kryuchkova. Sanskrit roots *tard-*, *tarh-* and *star-*
- A. E. Кузнецов. Opigena Iuno and Etruscan Ocnus: Their Way to Paulus' *Epitome De Verborum Significatu*
- E. A. Kuzmenko. The Perception of Death and its Types in *Dialogus miraculorum* of Caesarius of Heisterbach
- Yu. K. Kuzmenko. The shortened variant of the runic spell with *-istil(aR)*..... 13
- Sergey Kullanda. Sakas the Cup-bearer

- A. D. Kurilova. Disposition of speech in hand-written Latin rhetorical books composed in Russia in the 18th century
- A. V. Lebedev. *Theogony* of Epimenides of Crete and the origin of the Orphic-Pythagorean doctrine of reincarnation
- E. V. Leonova. ΞΕΝΟΣ in Greek folk songs
- L. T. Leushina. Classical philology in Siberia
- S. Luraghi. Instrument and Cause in the Indo-European languages and in Proto-Indo-European
- A. M. Malomud. The interpretation of Αἰελένη в Nic. Ther. 310
- Y. B. Mantova. A Rapid River on the Byzantine Saint's Way: Literary Implementation of Hagiographical Topos
- E. M. Matveev. Poetical illustrations in M. V. Lomonosov's "Brief Guide to Eloquence"
- T. A. Mikhailova (Smirnova). «Exagoge» Ezekiel the Tragedian: on the interpretation of the author's view of the world
- M. A. Molina. Marked word order OSV in Hittite, its functions and regularity
- L. Naiditsch, N. Swetosarowa Dialectological Projects of V. M. Zhirmunski and the Word Index of L. R. Sinder
- A. A. Nemirovsky, A. A. Safronov. Who destroyed Hattuša?
- E. P. Novikova. The place of the phonetic examples of Italic languages in the works of early Roman grammarians (Varro, Verrius, Scaurus)
- O. S. Pavlova. On Isid. *etym.* XIX 2, 9: a new conjecture
- E. A. Parina. A Middle Welsh translation of *Flores dietarum*
- A. Y. Petrosyan. On the origin of the name and image of Apollo
- A. V. Podossinov. To the problem of sources of Ps.-Arrian's *Periplus Ponti Euxini*
- O. V. Popova. Are the Old Babylonian texts "The Siege of Uršu" and "A Letter of Labarna (Hattusili I) to Tunip-Teššub, ruler of Tigunatum" a transitional stage between the cuneiform tradition of Alalakh VII and the Hittite tradition
- L. Repanšek. Καλαμαντία (*Ptol.* II,11,15)
- I. V. Rybakova. Argonautica of Apollonius Rhodius as Hymn to Argonauts
- A. V. Safronov. The Greek tradition about Tyrsenians and Pelasgians in Anatolia and its Egyptian counterparts
- M. G. Seleznev. The most famous word in the Septuagint
- A. V. Sideltsev. The Syntax of Hittite Negations
- M. Skrzhinskaja. Awards in Olbia
- E. A. Sorokina. On one disputable fragment from Beowulf and an archaic designation for dwelling
- T. V. Toporova. A comparative analysis of the designations of *the water* in the Old Icelandic *Elder Edda* and in the Old Indian *Rigveda*
- S. R. Tokhtasyev. From the onomastics of the Northern Black Sea Area. XXII. Several Scythian and Sarmatian personal names

-
- A. A. Trofimov. On the etymology of PIE *k^usep- 'night'
- V. V. Fayer. Caesura in Greek hexameter and the problem of weak word-breaks
- A. Falileyev. *Varia Dalmatica*
- K. V. Kharitonova. Pragmaticalization of Adverbs in Sanskrit. (Based on verbal markers of authority in *Manusmṛti*)
- M. L. Khorkov. The concept of conscience in the sermons of John Tauler and its Eucharistic context
- D. A. Chernoglazov. Pluralis reverentiae as a norm of the Byzantine epistolary etiquette?
- A. B. Chernyak. The term «Romance languages» and brothers von Schlegel
- I. A. Sheff. Simile as a rhetorical device in Aristotle's Rhetoric
- M. V. Shumilin. Lycaon and Catiline in Ovid's *Metamorphoses*
- E. V. Yanzina, O. V. Korneev. Some comments on the role of grammar in creation of the language of ancient Greek philosophy
- M. V. Yatsenko. Nomina dicendi in Old English Caedmon's poems (on the reception of Christian hymnody in Anglo-Saxon poetic tradition)
- S. A. Yatsyk. Scientia, sapientia, philosophia: John of Wales' hierarchy of knowledge

Авторы статей

- АФИНОГЕНОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, профессор Кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. logotheta@mail.ru
- БАЛАХОВСКАЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА – доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН, a.bakakhovskaya@gmail.com
- БАННИКОВ АНДРЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ – канд. истор. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет. banav@mail.ru
- БЕЛИКОВ АЛЕКСЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – канд. филол. наук, ст. преп. кафедры классической филологии филологического факультета МГУ. belikov.smu@gmail.com, albel86@mail.ru
- БЕЛОУСОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ – доцент кафедры древних языков исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. abelv@yandex.ru
- БОНДАРКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН
- БОНДАРЬ ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ – канд. филол. наук, доцент кафедры делового иностранного языка, ВШМ, СПбГУ. alstar@inbox.ru
- БОРИСОВ ГРИГОРИЙ ИГОРЕВИЧ – аспирант кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. grigorijborisov@gmail.com
- Брагинская Нина Владимировна – доктор истор. наук, главный научный сотр Института высших гуманитарных исследований РГГУ, проф. Института восточных культур и античности РГГУ. lsatissuperque@gmail.com
- БРАТКИН ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – канд. истор. наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения Института философии СПбГУ. bratkin@yandex.ru
- БРАТУХИН АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ – канд. филол. наук, доцент кафедры мировой литературы и культуры Пермского гос. национального исследовательского института (ПГНИУ). Bratucho@yandex.ru.
- БРАТУХИНА ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА – канд. филол. наук, доцент кафедры мировой литературы и культуры Пермского гос. национального исследовательского института (ПГНИУ). Bratucho@yandex.ru.
- ВАНИУКОВ АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ – преподаватель кафедры древних языков Института лингвистики РГГУ. A_Van_97@mail.ru
- ВОЛОШИНА ОКСАНА АНАТОЛЬЕВНА – канд. филол. наук, доцент кафедры Общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доцент кафедры теоретической лингвистики РГГУ. oханав2005@mail.ru
- ВОРОБЬЕВ ГРИГОРИЙ МИХАЙЛОВИЧ – аспирант кафедры общего языкознания филол. факультета СПбГУ. grisparrow@gmail.com
- ГАНИНА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА – доктор филол. наук, профессор кафедры германской и кельтской филологии МГУ им. М. В. Ломоносова.
- ГРИГОРЬЕВА ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА – МА, докторант Humboldt-Universität zu Berlin, Theologische Fakultät. elena.grigoryeva.2@cms.hu-berlin.de

- Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович – доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка Дагестанского госуниверситета, г. Махачкала. gagun48@mail.ru
- Джаксон Татьяна Николаевна – доктор ист. наук, гл. науч. сотр. Института всеобщей истории РАН. Tatjana.Jackson@gmail.com
- Долгополов Василий Геннадьевич – соискатель, Государственный Академический университет гуманитарных наук. nefisgon@list.ru
- Егорова Софья Кондратьевна – канд. филол. наук, ст. преп. кафедры классической филологии, Филологический фак., СПбГУ. sofia.egorova@gmail.com
- Еселева Анастасия Александровна – мл. научн. сотр. ИЛИ РАН. eselana@mail.ru
- Желтова Елена Владимировна – канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра классической филологии. elena.zheltova@mail.ru
- Живлова Нина Юрьевна – канд. истор. наук, ст. преп. кафедры древних языков исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. nanako@yandex.ru
- Забудская Яна Леонидовна – канд. филол. наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. yanazabud@mail.ru
- Золотухина Анастасия Игоревна – канд. филол. наук, ст. преп. кафедры классической филологии МГУ имени М. В. Ломоносова. virgo.tacita@gmail.com
- Елоева Фатима Абисаловна – доктор филол. наук, профессор, филологический факультет СПбГУ. fatimaeloeva@yandex.ru
- Иванов Сергей Валентинович – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. serge0ivanov@gmail.com
- Каячев Борис Александрович – PhD, boriskayachev@gmail.com
- Кисилиер Максим Львович – канд. филол. наук, доцент кафедры общего языкознания СПбГУ, снс ИЛИ РАН, директор Греческого института СПбГУ. kisimac@gmail.com
- Кислова Екатерина Игоревна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. e.kislova@gmail.com
- Клейнер Светлана Дмитриевна – канд. филол. наук, научный сотрудник ИЛИ РАН. anthars@gmail.com
- Колосова Валерия Борисовна – канд. филол. наук, научный сотрудник ИЛИ РАН. chakra@eu.spb.ru
- Корнеев Олег Валентинович – старший преподаватель кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ. kov85@yahoo.com
- Коровина Евгения Владимировна – магистрант ИВКА РГГУ, Москва. varna0@yandex.ru
- Котова Анастасия Викторовна – аспирантка кафедры классической филологии СПбГУ. anastakot@gmail.com
- Кравченко Евгения Владимировна – соискатель при кафедре германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. zkravchenko@yandex.ru
- Крючкова Евгения Родионовна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН, erkryuchkova@mail.ru

- КУЗНЕЦОВ АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ – доктор филол. наук, кафедра классической филологии МГУ. megasorcatos@yahoo.com
- КУЗЬМЕНКО ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА – аспирантка кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. elena_kuzm@yahoo.com
- КУЗЬМЕНКО ЮРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ – доктор филол. наук, профессор, гл. науч. сотр. ИЛИ РАН. jk7559873@gmail.com
- КУЛЛАНДА СЕРГЕЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ – канд. исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва). kullanda@java.msk.ru
- КУРИЛОВА АННА ДМИТРИЕВНА – канд. филол. наук, доцент кафедры литературы Астраханского гос. университета. akurilova@mail.ru
- ЛЕБЕДЕВ АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ – канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, профессор РГГУ, Associate Professor of Philosophy, University of Crete, Department of Philosophy and Social Studies, Crete, Greece. anlebedev@gmail.com
- ЛЕОНОВА ЕЛЕНА ВАДИМОВНА – аспирантка кафедры византийской и новогреческой филологии МГУ. hellenida@rambler.ru
- ЛЕУШИНА ЛИЛИЯ ТРОФИМОВНА – канд. филол. наук, доцент, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского национального исследовательского государственного университета filf@mail.tsu.ru
- LURAGHI SILVIA – Professore associato Dipartimento di Studi Umanistici, Sez. di Linguistica Teorica e Applicata, Università di Pavia silvia.luraghi@unipv.it
- МАЛОМУД АННА МИХАЙЛОВНА – аспирантка кафедры классической филологии МГУ им. М. В. Ломоносова. annmood@gmail.com
- МАНТОВА ЮЛИЯ БОРИСОВНА – аспирантка Института Высших Гуманитарных Исследований РГГУ. july8@mail.ru
- МАТВЕЕВ ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН, ematveev@list.ru
- МИХАЙЛОВА (СМИРНОВА) ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА – канд. филол. наук, РГГУ, Институт лингвистики, Кафедра древних языков, ст. преп. robinrobin@mail.ru
- МОЛИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – аспирантка Сектора анатолийских и кельтских яз. Ин-та языкознания РАН. maria.lakhuti@gmail.com
- НАЙДИЧ ЛАРИСА ЭРИКОВНА – канд. филол. наук, ст. науч. сотрудник Иерусалимского университета. larissa.naiditch@mail.huji.ac.il
- НАКИПОВ РУСЛАН РУСТЕМОВИЧ – аспирант Кафедры классической филологии Института восточных культур и античности РГГУ. nakipov.r@yandex.ru
- НЕМИРОВСКИЙ АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ФГБУН Институт всеобщей истории РАН. sidelts@inbox.ru
- НОВИКОВА ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА – аспирантка кафедры классической филологии и сотрудник филологического факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. catharina.pauli.f@gmail.com

- ПАВЛОВА ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА – аспирантка кафедры классической филологии филологического факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. pavlova.helg@gmail.com
- ПАРИНА ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА – канд. филол. наук, научный сотрудник сектора анатолийских и кельтских языков Института языкознания РАН, elena.parina@gmail.com
- ПЕТРОСЯН АРМЕН – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии НАН Республики Армения, Ереван. alpehist@gmail.com
- ПОДОСИНОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ – доктор ист. наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Центра антиковедения РГГУ, зав. кафедрой древних языков МГУ им. М. В. Ломоносова. podossinov@mail.ru
- ПОПОВА ОЛЬГА ВИТАЛЬЕВНА – соискатель Института языкознания РАН. olga.v.popova@gmail.com
- ПРЖИГОДЗКАЯ ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет. istfakozo@yandex.ru
- REPANŠEK LUKA – Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, Znanstvenoraziskovalni center SAZU, Ljubljana, Slovenija. rluka@zrc-sazu.si; luka.repansek87@gmail.com
- РЬБАКОВА ИРИНА ВИКТОРОВНА – канд. филол. наук, доцент кафедры древних языков Ин-та лингвистики РГГУ. rybakova_irina@mail.ru.
- САУСВЕРДЕ ЭРИКА ФЕЛИКСОВНА – канд. филол. наук, доцент, филологический факультет университета Вильнюса, Литва.
- САФРОНОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ – канд. истор. наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры древнего Востока ФГБУН Институт востоковедения РАН. e-mail: safronov1477@yandex.ru
- СВЕТОЗАРОВА НАТАЛИЯ ДМИТРИЕВНА – доктор филол. наук, профессор Санкт-Петербургского университета
- СЕЛЕЗНЕВ МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ – канд. филол. наук, доцент Института Восточных Культур и Античности РГГУ, mseleznev@gambler.ru
- СИДЕЛЬЦЕВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – канд. филол. наук, зав. сектора анатолийских и кельтских языков Института языкознания РАН. acidelcev@gmail.com
- СКРЖИНСКАЯ МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор ист. наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной Академии наук Украины. kij@bk.ru
- СОРОКИНА ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА – канд. филол. наук, доцент каф. языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Helen-Sorokina@yandex.ru
- ТОПОРОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА – д. филол. н., ведущий научный сотрудник Ияз. РАН. t1960@list.ru.
- ТОХТАСЬЕВ СЕРГЕЙ РЕМИРОВИЧ – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН. tokht@mail.ru
- ТРОФИМОВ АРТЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧ – аспирант кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. artemii.trofimov@gmail.com

- ФАЙЕР ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ – канд. филол. наук, доцент Школы лингвистики факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, ст. н. с. ИГИТИ им. А. В. Полетаева. vvfire@hse.ru
- ФАЛИЛЕЕВ АЛЕКСАНДР ИГОРЕВИЧ – доктор филол. наук, ведущий науч. сотр. ИЛИ РАН. a.falileyev@gmail.com
- ФЕДЧЕНКО ВАЛЕНТИНА ВЛАДИМИРОВНА – канд. филол. наук, доцент кафедры еврейской культуры СПбГУ, ilmen2005@yahoo.com
- ХАРИТОНОВА КСЕНИЯ ВАЛЕРЬЕВНА – аспирантка кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. kvkharitonova@mail.ru
- ХОРЬКОВ МИХАИЛ ЛЬВОВИЧ – канд. филос. наук, ст. науч. сотр. ИФ РАН. mkhorkov@mail.ru
- ЧЕРНОГЛАЗОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – канд. филол. наук, доцент кафедры общего языкознания Филологического факультета СПбГУ. d_chernoglazov@mail.ru
- ЧЕРНЯК АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН, abchernyak@mail.ru
- ШЕФФ ИННА АЛЬБЕРТОВНА – старший преподаватель кафедры классической филологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. sheff_inna@mail.ru
- ШУМИЛИН МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, старший преподаватель кафедры классической филологии Института восточных культур и античности РГГУ. mvshumilin@mail.ru
- ЯНЗИНА ЭВЕЛИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры классической филологии МГУ имени М. В. Ломоносова. lerusravus@hotmail.com
- ЯЦЕНКО МАРИЯ ВАДИМОВНА – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных и русского языков гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (СПбГУТ). yatsenm@mail.ru, toma345@yandex.ru.
- ЯЦЫК СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА – академическая аспирантка Школы исторических наук, аналитик Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ. syatsyk@hse.ru